МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Основан в 1944 году

XXI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ XXI ВЕКА.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

20-22 ноября 2025

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ XXI ВЕКА.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

XXI Международная научная конференция

20–22 ноября 2025 г.

Доклады и материалы
под общей редакцией
кандидата педагогических наук, доцента
Н. И. Ильинской

Издательство Московского гуманитарного университета
2026

ББК 74.48
В93

Подготовлено к печати Институтом фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета,
под общей редакцией кандидата педагогических наук,
доцента Н. И. Ильинской

Рецензенты:
Багдасарьян Н. Г., доктор философских наук, профессор,
профессор Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана;
Севастьянов А. Н., кандидат филологических наук, главный научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета.

В93 Высшее образование для XXI века. Государственная молодежная политика на современном этапе: проблемы воспитательной работы в российских вузах : [Электронный ресурс] доклады и материалы XXI Международной научной конференции, МосГУ, 20–22 ноября 2025 г. : / под общ. ред. Н. И. Ильинской. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2026. — 860 с. Системные требования : ПК не ниже класса Pentium II, RAM, Windows 95/98/XP, мышь — Текст : электронный.

ISBN 978-5-907986-64-0

В сборнике публикуются материалы и доклады, представленные участниками XXI Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века» на пленарном и секционных заседаниях. Научный форум проходил 20–22 ноября 2025 г. и был посвящен теме «Государственная молодежная политика на современном этапе: проблемы воспитательной работы в российских вузах».

ББК 74.48

ISBN 978-5-907986-64-0

© Авторы докладов, 2026
© МосГУ, составление, 2026

ФРАГМЕНТ СТЕНОГРАММЫ

XXI Международной научной конференция

«Высшее образование для XXI века. Государственная молодежная политика на современном этапе: проблемы воспитательной работы в российских вузах» (20-22 ноября 2025 года)[1]

Ильинский И. М.:

Доброе утро! Добрый день! Уважаемые гости, знаменитые и именитые, которые будут еще представлены присутствующим, преподаватели, сотрудники, научные работники и студенты нашего университета.

Позвольте мне сердечно поприветствовать вас и объявить нашу очередную конференцию открытой. *(Аплодисменты)*. Только что Вы посмотрели небольшой фильм, где в общем-то рассказано о том, как родилась сама по себе идея проведения такого рода конференции, и чему посвящена наша нынешняя конференция. — Это проблема воспитания.

Честно говоря, меня этот вопрос интересовал с давних времен, еще до тех пор, когда я стал ректором, когда работал в Центральном комитете комсомола. Это вопросы воспитания молодежи. Вот Галина Вениаминовна Куликова присутствует здесь рядом, она еще тогда была работником Комитета молодежных организаций СССР, а сейчас знаменитый китаевед. Вот Сергей Николаевич Бабурин, один из ректоров негосударственного образования. Все мы создавали эту систему, и сегодня мы обсуждаем вопросы воспитания.

Хочу сказать, что в становлении этой темы, посвященной воспитанию, были определенные и непростые, скажем так, моменты на первых этапах. Поскольку во времена Чубайса, Гайдара, Ельцина, когда копировалась западная система во всех ее значениях, в том числе в образовании, речь шла именно об обучении. А о воспитании говорили совсем мало, собственно, и не говорили.

Education — это понятие, которым оперировали все сотрудники научной сферы, а upbringing — это воспитание, но это так, подразумевалось. Этим практически не занимались, а я решил, что это очень важная тема. И хочу сказать, что в становлении этой темы — воспитания, воспитательной работы — огромную роль сыграл Владимир Владимирович Путин.

В 2012 году, в декабре месяце, когда я был доверенным лицом Владимира Владимировича на целых два срока, у нас проходило несколько встреч, на некоторых из них я выступал. И, в частности, был у меня разговор с Владимиром Владимировичем. Этот момент зафиксирован, сохранились фотографии, взятые из Интернета. Сначала это было просто наше знакомство наподобие «здравствуйте» — «здравствуйте». А потом был небольшой разговор. Но были и такие разговоры, которые не зафиксированы, их нет в Интернете.

[1] Стенограмма пленарного заседания (сокращенная версия) – для публикации в журнале «Знание. Понимание. Умение». 2026. №1.

Среди них — разговоры о проблеме воспитания. Владимир Владимирович поддержал эти идеи.

В 2012 году я подошел к нему на одной из встреч. А там целая толпа была вокруг него — Михалков, другие знаменитости, а у меня в это время была немного повреждена рука, и пробраться к Президенту было затруднительно. Но вот я подошел к нему, и он спрашивает: «А что волнует Вас?»

Я говорю: «Владимир Владимирович, вот идет закон в Думе, обсуждается Закон об образовании, но из 111 статей проекта этого Закона нет ни одной статьи о воспитании». Он говорит: «А как это так получается?». Я говорю: «Ну так вот получается».

– А что же там написано?

– Там говорится об образовании, а между тем, образование — это единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, а не только обучения.

Он говорит: «Ну это правильно, это надо поправить, что-то надо делать».

Я говорю: «Владимир Владимирович, я сделал все, что я мог, я подошел к Вам, сказал об этом. Теперь Вы что-то сделайте».

И решения были приняты, им это было сделано дважды. В том числе, и это, может быть, самое главное, что в 2015 году была утверждена Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, а в 2020 году — принят Закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” по вопросам воспитания обучающихся». И там, наконец-то, было определенно сказано, что задача системы образования, в том числе, школьного образования — заниматься главным образом воспитательной деятельностью.

Я думаю, что это те слова, которыми я могу закончить свое небольшое вступительное слово. И еще раз хочу сказать, что конференция наша открыта. И спасибо всем за то, что вы откликнулись на наше приглашение. Желаю всем успеха в нашей работе. Спасибо, спасибо, спасибо за ваш труд и за участие в нашей деятельности!

Слово Анне Владимировне Костиной, которая будет дальше выполнять функции ведущего. Пожалуйста!

Костина А. В.:

Большое спасибо, Игорь Михайлович! Уважаемые коллеги, у нас сегодня на связи Смолин Олег Николаевич, депутат Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации, первый заместитель председателя Комитета по науке и высшему образованию Государственной Думы России. Пожалуйста, подключите, Государственную Думу и выведите изображение на экран.

Смолин О. Н.:

Добрый день, уважаемые коллеги!

Уважаемые коллеги, профессора и преподаватели, уважаемые почетные гости, уважаемые Игорь Михайлович и Наталья Игоревна, уважаемые студенты!

Во-первых, от имени комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию я хочу сердечно приветствовать участников конференции и пожелать по традиции творческих идей, интересного общения и, главное, некоторых практических результатов. Я не хотел бы ограничиться только формальным приветствием, и позволю себе высказать несколько дискуссионных соображений.

Первое соображение не дискуссионное. Представление о том, что воспитание является важнейшей частью образования, глубоко соответствует нашей исторической традиции, если угодно — нашим традиционным ценностям. Я напомню, высказывание классика отечественной педагогики Константина Ушинского, который написал замечательную работу «Человек как предмет воспитания» и, где, в частности, утверждал, что предметом воспитания в человеке является именно душа (не обязательно, конечно, в религиозном смысле, но в общем психологическом смысле этого слова). Неплохо бы об этом почаще вспоминать сторонникам гипертрофированного компетентностного подхода и всяких формализованных показателей в системе образования.

Я напомню высказывание человека с другими политическими взглядами — Виссариона Белинского, который говорил, что есть много разных образований, но выше их всех стоит образование нравственное. Ну и, наконец, великий естествоиспытатель Менделеев Дмитрий Иванович утверждал, что образование без воспитания — это меч в руках сумасшедшего. Подчеркиваю, это говорит естествоиспытатель. Такова наша отечественная традиция.

Теперь, с вашего позволения, я хочу сказать о двух тенденциях новейшей политики в области высшего образования в связи с воспитанием. Одну из этих тенденций я, забегая вперед, хочу оценить, как положительную, вторую скорее как отрицательную.

Итак, первая тенденция — это формирование национально ориентированной системы высшего образования. Предложения по такому формированию, как известно, были сделаны Президентом Российской Федерации в послании Федеральному Собранию. В настоящее время проводится эксперимент в шести университетах Российской Федерации по этому поводу. Недавно журналисты бурно обсуждали новость о том, что, оказывается, что у нас теперь будет система высшего образования с разными сроками. Я думаю, что новое — это хорошо забытое или хорошо осмысленное старое, и хочу напомнить, например, что я заканчивал исторический факультет Омского педагогического тогда института за 4 года, а моя сестра факультет иностранных языков того же института, поскольку два языка, 5 лет. И разные сроки высшего образования были всегда, здесь ничего нового нет. Главное — правильно определить эти самые сроки.

Кстати, те же самые журналисты сообщили, что теперь, оказывается, врачи будут учиться 5 лет. Сейчас 5 лет учатся только стоматологи и фармацевты, остальные не менее 6-ти. Я перепроверил информацию первого заместителя министра науки и высшего образования Дмитрия Владимировича Афанасьева: ничего такого в министерстве не планируется. Если здесь есть представители медицинского сообщества, хочу успокоить.

Напомню, что по мнению министра науки и высшего образования Валерия Николаевича Фалькова, новая система, национально ориентированная система высшего образования, должна базироваться на трех китах. Это фундаментальность, это практика ориентированности и это воспитание, формирование личности. У меня эти три кита сомнений не вызывают. Посмотрим, как это будет реализовано на практике.

Правительство Российской Федерации давно обещает нам законопроект по национально ориентированной системе высшего образования. Пока законопроект официально в Государственную Думу не поступал. Правительство должно как можно скорее представить этот законопроект, чтобы потом возможно сократить его представление в парламенте. Рабочие группы разного свойства этот законопроект обсуждают, а нам представители министерства науки и высшего образования рассказывают, что пока он не покинул стены министерства науки и высшего образования, поэтому его пока нет в Государственной Думе. С моей точки зрения, это неправильно и это не попытка перетянуть одеяло на депутатов парламента. Дело в том, что как только законопроект появляется официально в Государственной Думе, он становится доступным для обсуждения образовательному сообществу, на чем мы настаиваем.

Вторая тенденция новейшей образовательной политики, которая мне представляется, повторю, отрицательной, может быть, не все со мной согласятся, это тенденция к сокращению возможности получения высшего образования. Эта тенденция базируется на известном прогнозе Министерства труда, согласно которому до 2030-го года нам потребуется только 30% специалистов с высшим, а остальные 70% соответственно с образованием средним профессиональным. Причем Минтруд особенно не различает подготовку рабочих кадров и подготовку специалистов среднего звена. На всякий случай напомню, что, когда существовала система профтехобразования, ни в какие годы количество ребят, которые шли в рабочие, не было менее 50 %, периодически доходило до двух третей. Сейчас количество студентов СПО, которые готовятся стать рабочими – 18 %, то есть перераспределение никак не сказывается на подготовке рабочих кадров.

В чем же выражается тенденция к ограничению возможности получения высшего образования? С моей точки зрения, в трех законах. Один закон — это закон, согласно которому получить высшее образование по внутренним экзаменам смогут лишь те выпускники высших учебных заведений, которые будут продолжать обучение по профилю. И если в системе медицинского образования, технического образования практически так и есть, то среди тех

выпускников СПО, которых принимают, скажем, в аграрные ВУЗы или в педагогические ВУЗы, только половина продолжает обучение по так называемому профилю. Но это только часть проблемы. Более важная часть проблемы другая. Установить профиль для тех, кто получает образование по программам подготовки рабочих кадров, практически невозможно. Количество учебных часов у них по разным предметам гораздо меньше, чем у школьников, и возможности нанимать репетиторов практически нет. Это, как правило, ребята из необеспеченных семей.

Кстати, напомню, что согласно официальным данным опросов около 70% всех старшеклассников готовятся к ЕГЭ с репетиторами, в крупных городах — около 90%. По нашим оценкам, затраты родителей на репетиторов до принятия этих законов составляли около 450 млрд. рублей в год. Расчеты мы в соответствующей статье приложили.

Таким образом, фактически путь из рабочих, например, в инженеры оказывается закрытым. Между тем хочу напомнить, что после ремесленных и профтехучилищ у нас появлялись такие люди, как, например, Сергей Королев, Игорь Курчатов, Юрий Гагарин и Виктор Черномырдин. У Виктора Степановича, правда, в дипломе ВУЗовском были в основном удовлетворительные оценки, что не помешало ему стать председателем правительства Российской Федерации и «классиком» российской словесности. Его знаменитые высказывания: «Ну никогда такого не было, и опять то же самое» и тому подобные, известны всем в стране.

Мы считаем неправильным ограничивать возможность получения высшего образования через систему ЕГЭ для выпускников СПО. Мы считаем, что тупиковых ветвей образования в стране быть не должно. Это первый закон.

Второй закон, уважаемые коллеги, это закон об эксперименте, который проводился в трех регионах: Москва, Питер и Липецкая область, сейчас будет распространен еще на несколько регионов, слава богу, не на всю страну, который позволяет отбирать ребят после 9-го класса в 10-й по результатам основного государственного экзамена. Обращаю внимание, формализованный, я бы сказал, формалистический экзамен везде является способом получения права на образование. И если Петербург и Липецкая область не воспользовались этим правом, то Москва им воспользовалась вполне. Мне представляется это опять же неправильным, потому что мы должны, с моей точки зрения, дать шанс парню или девушке получить общее среднее образование, если они того хотят. Представление о том, что каждый должен сделать свой выбор еще на стадии чуть ли не 7-го класса, на мой взгляд абсолютно неверно. По данным Министерства тогда общего и профессионального образования, среди тех, кто пошел в профильные 10-е классы, каждый четвертый признал, что сделал ошибку. Я могу привести личный пример. Если бы меня заставили выбирать профессию после 9-го класса, я выбирал бы между математикой и музыкой. Скорее всего, получил бы высшее образование, но это было бы ошибкой, потому что только в 11-м классе у нас начались элементы философии в курсе обществоведения, и тогда я

понял, чем должен заниматься. Дать возможность ребятам познакомиться с основами наук для того, чтобы они осознанно выбирали себе профессию.

И третий закон, который официально вступил в силу с 1 сентября 2025 года, а фактически по которому будет проводиться приемная кампания 2026 года, это закон об ограничении платного высшего образования. Сейчас обсуждаются различные версии предложений по этому поводу, но ключевой идеей Министерства науки и высшего образования является идея, согласно которой разрешать или не разрешать платный прием нужно опять же по результатам единого государственного экзамена. С моей точки зрения это, по меньшей мере, спорно, потому что с абитуриентами ВУЗ еще не работал и далеко не каждый из тех, кто сдал лучше ЕГЭ, будет лучшим выпускником ВУЗа. С нашей точки зрения, наиболее правильным критерием для отбора был бы соответственно критерий трудоустройства выпускников. Если выпускники университета трудоустраиваются, значит он работает не вхолостую. Хотя и в этом критерии есть некоторые недостатки, но он гораздо лучше ключевой темы, связанной с баллами ЕГЭ.

Что касается воспитания. Когда в Министерстве науки и высшего образования проводилось большое совещание с ректорами высших учебных заведений негосударственного сектора, я напомнил министру науки и высшего образования, и это редкий случай, когда мы разошлись во взглядах, что вообще-то образование – это есть процесс воспитания и обучения, и что воспитательную работу ВУЗа так или иначе нужно было бы учитывать при оценке его деятельности. Валерий Николаевич со мной не согласился по понятным, наверное, причинам, потому что воспитательную работу ВУЗа оценивать достаточно труднее, чем баллы ЕГЭ. Но у меня, естественно, остался большой вопрос: работу какого ВУЗа нужно оценивать более высоко — того, который принимает ребят с более низкими баллами ЕГЭ, но они трудоустраиваются в своей стране, или того, который принимает ребят с более высокими баллами ЕГЭ, и они благополучно уезжают за границу?

Напомню вам данные моего постоянного оппонента Ярослава Ивановича Кузьминова, экс-ректора Высшей школы экономики, который говорил, что по данным Высшей школы экономики половина всех ребят в ведущих ВУЗах, которые проявляют хорошие успехи еще на стадии бакалавриата, уезжают за рубеж. Так вот, нужно ли это учитывать при оценке качества работы ВУЗа или нет? С моей точки зрения, да, но видимо, с точки зрения министерства по крайней мере пока нет. Мне кажется, это неправильно, уважаемые коллеги.

Заканчивая мое выступление, я хочу сказать, что мы будем отстаивать право на высшее образование для наших молодых людей, и мы будем отстаивать идею, согласно которой воспитание является не менее важным, если не более важным фактором образования, чем обучение. И хочу, пользуясь случаем, поблагодарить те университеты, включая, конечно, Московский государственный университет, которые посвящают этому большие усилия.

Спасибо за внимание! *(Аплодисменты)*

Костина А. В.:

Спасибо большое! Уважаемый Игорь Михайлович, уважаемая Наталья Игоревна, уважаемые коллеги, гости, участники конференции! В адрес конференции поступило поздравление Советника-посланника Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации господина Цао Шихая с открытием нашей международной конференции.

Разрешите зачитать это поздравление.

«Уважаемые организаторы, дорогие участники и гости конференции, от имени отдела по делам образования Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации и от себя лично искренне поздравляю вас с успешным открытием 21-й Международной научной конференции. В современном мире, который полон перемен и нестабильности, вопросы воспитательной работы приобретают особую важность.

Это напрямую связано с национальной безопасностью любой страны, и председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин не раз подчеркивал, что идейно-политическая работа — жизненно важный фактор всей работы учебных заведений. Образование должно развиваться в соответствии с государственными стратегическими целями и потребностями общества. Прежде всего, нужно четко ответить на фундаментальные вопросы — каких людей следует воспитывать, как воспитывать и для кого.

Образование всех уровней и видов должно заниматься решением ключевой задачи нравственного воспитания — интегрировать воспитание высоких нравственных ценностей во всех сферах, направлениях и аспектах образовательной деятельности. Формирование высоких моральных ценностей должно стать базовым критерием оценки всей деятельности учебных заведений. И Китай, и Россия придают большое значение этим вопросам, разрабатывая молодежные политики и внедряя соответствующие практики.

Известный российский философ, профессор, президент Московского гуманитарного университета Игорь Михайлович Ильинский на протяжении 30 лет активно занимался этой проблематикой и достиг в ней значительных успехов. Китайские коллеги рады обмениваться с российскими друзьями опытом по воспитательной работе и работе над государственной молодежной политикой и укрепить сотрудничество в этой сфере.

Надеюсь на продуктивное сотрудничество Китая и России в воспитании нового поколения. Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации готово оказать необходимую поддержку и помощь. Сердечно приветствую участников конференции, желаю вам конструктивной работы, плодотворных встреч и вдохновляющих идей.

Подписано: Советник-посланник Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации Цао Шихай, Москва, 20 ноября 2025 года». *(Аплодисменты).*

Разрешите представить слово первому заместителю Председателя Общества российско-китайской дружбы, почетному доктору Института Китая и Современной Азии Российской Академии Наук, Заслуженному работнику

культуры Российской Федерации Куликовой Галине Вениаминовне. Пожалуйста.

Куликова Г. В.:

Уважаемый Игорь Михайлович, дорогие друзья, разрешите мне прежде всего передать слова признательности и благодарности университету от председателя Общества российско-китайской дружбы Ивана Ивановича Мельникова, первого заместителя председателя Государственной Думы Федерального собрания. Мы, Общество, так же, как и вы, активно занимаемся российской молодежью.

Для меня особая честь выступать здесь, поскольку Игоря Михайловича Ильинского я знаю с комсомольской юности, и он сохранил тот задор, руководя Университетом, где с завидным постоянством проводятся конференции по воспитанию молодежи. Работая с университетами по всей России, я не встречала другого вуза, где бы так последовательно занимались воспитанием, которое не сводится к получению знаний, а формирует патриотизм — готовность отдать полученное стране. Я обещаю приехать еще и рассказать студентам о Китае и наших двусторонних отношениях, тем более что мы вместе победили фашизм и успешно развиваем сотрудничество.

Только в этом году наши главы государств Владимир Владимирович Путин и Си Цзиньпин дважды встречались: у нас в Москве по случаю 80-летия Победы, и в Пекине, где Владимир Владимирович был вместе с Ким Чен Ыном на площади в числе 26 лидеров других стран. За 70 лет работы, посвященной Китаю, я много раз видела парады, но такого мир не видел никогда. Хотя западные послы в Пекине отказались участвовать, а правительства западных стран, строящие свою политику в угоду США и Европе, даже не прислали делегации. Но зато по телевидению все наблюдали, и так же, как у нас на параде мы показали нашу новую технику, так и Китай впервые показал свою ядерную триаду.

Подготовленность, строй, как проходили ряды, все, что увидели, еще раз показало миру, что и мы в мае, и Китай в сентябре показали свою мощь. Мы ни на кого не нападаем, мы не устраиваем наши отношения против кого-либо, мы их устраиваем во имя сотрудничества между нашими странами и улучшения жизни наших народов.

Это очень важно в современном мире, потому что нам надо сегодня делать все для того, чтобы содействовать развитию наших стран и одновременно думать о нашей безопасности. Россия воюет сегодня за свою безопасность, а против нас весь западный мир. Я часто выступаю в аудиториях, мне говорят, Китай нам не помогает.

Это неправда. Китай всегда на нашей стороне, но у Китая есть свои интересы экономические. Полуторамиллиардная держава, у нее поставлены задачи, они должны развиваться, поэтому они разрабатывают свою повестку развития экономического. Мы должны это понимать, так же, как и они понимают, что мы сегодня воюем, потому что первопричина этого — это безопасность нашей Родины.

Мы понимаем и поддерживаем друг друга, это имеет огромное значение для наших стран и народов. Но сегодня я хочу сказать о том, как развиваются наши молодежные контакты и молодежные отношения. Друзья, дорогие, сейчас заканчивается год культуры и начинаются годы образования. Именно сегодня, почему здесь нет Цао Шихая, потому что сегодня в здании Института Стали и сплавов проводится большой фестиваль образования, он предвосхищает год.

А решение о том, что эти два года, 2026 и 2027, будут годами образования, были приняты Си Цзиньпином и Владимиром Путиным в мае, когда они встречались в Москве. Вот поэтому сегодня, я думаю, будут приняты большие и важные решения, потому что молодежь — это наше будущее, дорогие друзья. Не просто за историю развивались наши отношения, были и сложные периоды, но потом наши лидеры мудро решили, что нет другой альтернативы, кроме добрососедства.

Россия и Китай, успешно продемонстрировав миру свою мощь на военных парадах, строят отношения не против кого-либо, а во имя сотрудничества и улучшения жизни народов, о чем свидетельствуют политические декларации лидеров и встречи глав правительств. В условиях, когда Россия воюет за свою безопасность против всего западного мира, Китай, имеющий свои экономические интересы полуторамиллиардной державы, всегда остается на нашей стороне, и мы понимаем первопричину этого. Сегодня мы должны с Китаем развивать равноправные отношения, и здесь будущее за молодежью. Все программы, над которыми мы вместе работаем — это огромные программы, которые касаются Арктики, Луны, экономики, логистики и многих других направлений.

Сейчас, накануне годов образования в 2026–2027 годах, объявленных президентами, активно развиваются молодежные контакты: создаются совместные предприятия и вузы, крупнейший технический университет откроется на Хайнане, ведется работа в Чунцине с Казанским, Санкт-Петербургским и Екатеринбургским университетами. Гуманитарное сотрудничество является одной из трех опор наряду с политическим доверием и экономикой, ибо без поддержки народа решения не будут реализованы.

Общество дружбы с Китаем, которое я представляю, возглавляемое профессором Иваном Мельниковым, активно работает над воспитанием двусторонних патриотов. Развитие преподавания китайского языка в этом университете крайне важно, ведь вместе с языком приходит культура. Как завещал академик Титаренко, чтобы быть патриотом своей родины и желать возрождения России, мы должны выступать за сотрудничество с нашим соседом — великой китайской цивилизацией. Я полностью присоединяюсь к этим словам и, пока бьется мое сердце, буду продолжать дело дружбы под руководством достойного человека Ивана Мельникова.

В современной международной обстановке важно понимать значение для Китая тайваньского вопроса. Китай обладает самым мощным флотом в мире, а Россия недавно заложила ядерный корабль «Сталинград» — мы будем стоять за свою независимость. Коммунистическая партия Китая насчитывает более

100 миллионов членов, комсомол — 77 миллионов, им руководит секретарь Адун. Это мощная структура, воспитывающая молодежь в духе патриотизма.

Мы слышали выступление представителей Думы. Патриотизм — это главное. Мы должны, с кем бы мы ни сотрудничали, все делать во имя интересов своей Родины. Желаю больших успехов нынешнему мероприятию. Спасибо. *(Аплодисменты).*

Костина А. В.:

Спасибо большое за выступление! Разрешите представить слово для приветствия Президенту Ассоциации содействия гуманитарно-технологического развития русско-китайского сотрудничества госпоже Цзи Цзиньфэн. Пожалуйста.

Цзи Цзиньфэн:

Приветствую ученых, профессоров, преподавателей, студентов и аспирантов, всех участников Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века». Интересен смысл конференции, устремленной в будущее, конференции, в которой участвуют ученые из зарубежных вузов, государственных и не государственных университетов, научных институтов РАН.

Год, в котором проходит двадцать первая конференция высшего образования для XXI века, особенный, — это год 80-летия победы СССР в Великой Отечественной войне. В этом же году исполнилось 80 лет, когда завершилась война, связанная с сопротивлением китайского народа японским захватчикам. Наши страны понесли наибольшие жертвы во Второй мировой войне, и плечом к плечу сумели остановить немецкий фашизм и японский милитаризм.

Традиционная дружба, поддержка, сотрудничество — это прочная основа нынешнего успеха наших отношений России и Китая. Наши силы и могущество в мире, наша взаимосвязь, сотрудничество в сфере науки, образования, культуры помогают высшей школе совершенствовать качество образования. Устремленность в будущее, оно создает новую экономическую и технологическую реальность, определяемую в том числе влиянием искусственного интеллекта.

Сегодня на федеральном уровне действует система нормативно-правовых актов, регулирующих основные подходы к формированию государственной молодежной политики, опирающейся на Федеральный закон о молодежной политике в Российской Федерации. Высшая школа ведет и будет вести дальше значительную работу по реализацию положения федеральных актов. Именно поэтому конференция посвящена тематике, связанной с формированием молодежи, с ее воспитанием, а также с государственной молодежной политикой.

Уверена, что конференция будет способствовать достижению этих целей, увеличению входа в высшие школы, в все системы образования, в решение как общесоциальных, общеэкономических, так и воспитательных задач. Желаю участникам конференции успешной работы.

Куликова Г. В.:

Госпожа Цзи Цзиньфэн представляет общественную организацию, которая при поддержке провинции Шаньдун много лет занимается популяризацией китайского языка в России: направляет преподавателей, организует курсы в московских школах. Совместно с вашим университетом мы уже проводили традиционные китайские праздники, включая зрелищный праздник драконьих лодок, а также спортивные соревнования. Мы высоко ценим многолетнее сотрудничество и благодарны университету за предоставление возможностей для проведения совместных мероприятий

Цзи Цзиньфэн — друг университета, и мы желаем успехов в ее деятельности. Она давно работает в Москве, как видите, хорошо говорит по-русски. Спасибо, Цзи Цзиньфэн. *(Аплодисменты)*

Искусственный интеллект. Между эйфорией и ответственностью. Вызовы и решения для Московского гуманитарного университета в XXI веке

Н. И. Ильинская,
ректор Московского гуманитарного университета

Аннотация. В докладе показаны возможности использования генеративного искусственного интеллекта (ИИ) в управлении университетом, в организации учебного процесса и развития учебной и творческой активности и ответственности студентов в условиях, когда ИИ-модели «говорят» все более уверенно, а университеты ставят вопрос о необходимости формирования критического мышления и ответственного подхода к технологиям ИИ. Исходя из этого, в МосГУ создается специализированный проектный офис, который нацелен на координацию инициатив в сфере ИИ, а в конечном счете, на формирование культуры осознанного обращения с ИИ.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект (ИИ), нейросети, языковые модели, «коллапс моделей», учебный процесс, управление университетом, ответственность студента, культура обращения с ИИ, специализированный проектный офис, человеческое измерение.

У Московского гуманитарного университета очень большая предыстория сотрудничества с Китаем. Из стен нашего университета, из ЦКШ, ВКШ вышло несколько сотен китайских выпускников, среди которых очень знаменитые люди, такие как Цянь Цичень, который был председателем Госсовета Китая, министром иностранных дел Китая. Именно по его рекомендации был заключен договор с Пекинским объединенным университетом. Это один из крупнейших университетов Китая, и в настоящий момент у нас существует программа обменов с этим университетом. Мы нацелены это сотрудничество всячески расширять. У нас постоянно проходят встречи с нашими китайскими партнерами. С организацией «Русско-китайское сотрудничество», которую представляет Цзи Дзиньфен, у нас подписано соглашение о сотрудничестве.

У нас очень много интересных планов по расширению этого сотрудничества. В нашем университете работает блестящий преподаватель китайского языка – Владимир Владимирович Семенов. Он готовит наших ребят так, что, приезжая в Китай, они потрясают всех своим знанием китайского языка. Хотя они изучают язык с нуля, но за год-полтора они достигают таких успехов. Я поздравляю Владимира Владимировича с такими результатами. Надеюсь также, что слова советника-посланника Посольства Китая претворятся в жизнь, потому что нам нужна поддержка, у нас большие совместные планы, и мы обязательно будем расширять и углублять наше сотрудничество с китайскими партнерами.

Сегодня я хотела бы затронуть тему, которая, может быть, косвенно относится к теме нашей конференции. Но на самом деле в процессе моего

доклада вы поймете, что, конечно же, связь существует. Тема искусственного интеллекта определяет сегодня не только технологическую, но и образовательную повестку 21 века во всем мире и в России. Наш президент Владимир Владимирович Путин сделал несколько важных заявлений на ежегодном мероприятии Сбера AI Journey «Дни искусственного интеллекта».

Владимир Владимирович поручил Правительству и главам регионов подготовить национальный план внедрения генеративного искусственного интеллекта. Он сказал, что в национальной стратегии развития ИИ поставлена цель. Совокупный вклад этой важнейшей технологии в ВВП страны к 30-му году должен превысить 11 трлн. рублей.

И уже в марте следующего года Правительство, министерства и ведомства должны представить исчерпывающую информацию о применении в экономике, в социальной сфере, в регионах искусственного интеллекта. Путин добавил, что в сфере внедрения искусственного интеллекта следует быстрее убирать административные правовые барьеры, мешающие как созданию, так и внедрению суверенных отечественных технологий.

А ранее Владимир Владимирович говорил о том, что подавляющее большинство молодых людей в стране активно используют нейросети и языковые модели для решения различных задач в образовательном процессе, профессиональной деятельности и повседневной жизни. Подписываюсь под каждым словом для Московского гуманитарного университета. И с экономической точки зрения важно внедрение искусственного интеллекта.

И действительно наши студенты давно уже используют эти технологии. И такой же вызов стоит перед нашими преподавателями и сотрудниками. Я поймала эту повестку, когда собралась именно эту тему выбрать в качестве выступления. Это действительно новый контекст жизни наших студентов, преподавателей, новое поле решений для университетского управления.

Да, Московский гуманитарный университет всегда фокусировался прежде всего на человеке. Ну, может быть, именно поэтому нам сегодня так важно осмыслить и явление искусственного интеллекта, и как нам для человека извлечь максимальную пользу, избегая при этом рисков, и какую же роль должен играть университет вообще и наш университет в частности в этом процессе.

Современный ИИ, по сути, это способность машин выполнять задачи, требующие интеллектуальных усилий человека. От распознавания образов до понимания языка. Современные достижения впечатляют. Например, ChatGPT всего за два месяца привлек 100 миллионов пользователей. Самый быстрый рост аудитории в истории цифровых сервисов.

Инвестиции в ИИ растут экспоненциально. Бизнес спешит внедрять нейросети в продукты и управленческие решения. ИИ называют новым электричеством и ждут от него революции во всех сферах, от образования до промышленности. Однако одновременно ширятся и опасения. Генеральный директор OpenAI Сэм Альтман прямо предупреждает о перегреве. По его словам, мы переживаем этап, когда вокруг ИИ возникает классический пузырь, готовый вот-вот лопнуть.

История технологий знает подобные эпизоды. Например, интернет-бум конца 90-х, когда пузырь доткомов вызвал чрезмерные ожидания, за которыми последовал спад. Но сама технология изменила наш мир. И, похожим образом, сейчас ИИ — самое важное, что случилось за очень долгое время. Схожую мысль высказал и основатель Amazon Джефф Безос, назвав происходящее «хорошим пузырем».

Да, многие проекты обречены, инвесторы могут потерять деньги, но в итоге, когда пыль осядет, ИИ принесет обществу гигантские выгоды. Однако мы все чаще слышим об инфляции доверия, то есть наплыва фальшивого синтетического контента. Люди перестают верить услышанному и увиденному.

Мы столкнулись с парадоксом. С одной стороны, ИИ-модели говорят все более уверенно, с другой, веры этим высказываниям все меньше. Наблюдатели даже ввели термин «коллапс моделей». Имеется в виду риск того, что при обучении нейросетей на данных, созданных другими нейросетями, происходит деградация качества, ошибки накапливаются и в конце концов система сломается. Если завтра Интернет наполнится синтезированными текстами и изображениями, следующим поколениям ИИ просто не останется достаточно достоверного человеческого материала для обучения.

Уже есть такие тревожные сигналы. Например, Amazon вынужден бороться с волной книг, написанных ИИ. Буквально за считанные недели после выхода любой ожидаемой новинки на том же Amazon появляются сомнительные издания, сгенерированные нейросетью пересказов, псевдобиографии, которые маскируются под оригинал.

Такие случаи не только подрывают доверие читателей, бьют по авторам, но и показывают, что безответственное применение ИИ способно захламить информационную среду. Что же происходит в области ИИ в зарубежных и российских вузах? Ну, за рубежом университеты реагируют очень быстро. MIT, знаменитый MIT, создал отдельный колледж искусственного интеллекта.

Стэнфорд предлагает десятки курсов по ИИ для студентов абсолютно любых специальностей. Российские университеты, как и весь мир, проходят момент быстрой адаптации. В России тренд также налицо. Крупнейшие вузы уже вовсю экспериментируют с нейросетями. Самые яркие примеры. МГУ создал полноценный факультет ИИ, интегрируя исследовательские центры и суперкомпьютер МГУ-270.

РАНХиГС выпустил ИИ-бота академий, который за два месяца дал 25 тысяч ответов абитуриентам и их родителей, сняв колоссальную нагрузку с приемной комиссии. В Высшей школе экономики в 2024 году официально разрешили студентам использовать отечественную модель Яндекс GPT при написании выпускных работ. В результате более половины студентов, обратившихся к ИИ за помощью в сборе анализа информации, получили высшие оценки. Вуз считает эксперимент успешным и намерен расширять практику.

Томский государственный университет пошел еще дальше. Там приняли решение включить базовый модуль по изучению ИИ во все направления подготовки с нового учебного года. ТГУ открыто заявляет, что искусственный

интеллект стал универсальной компетенцией, необходимой каждому выпускнику. В Казанском федеральном университете наряду с другими вузами внедряют проекты по использованию ИИ при подготовке дипломов.

Студентов обучают применять нейросети для поиска источников структурирования данных. ИИ дает вузам сегодня автоматизацию рутинной работы в учебных подразделениях, сокращение нагрузки на приемные комиссии, более точное планирование учебной нагрузки, прогнозирование рисков отчислений и академических долгов, повышение доступности информации для студентов.

Все эти примеры показывают: ИИ уже встроен в реальную жизнь российских университетов, не как эксперимент, а как инструмент, хотя подходы разные, от осторожных пилотов до масштабных программ. Важно подчеркнуть, речь не о том, чтобы заменить преподавателя компьютером или потворствовать лености учащихся. Речь о том, чтобы с помощью ИИ расширить возможности студентов и сформировать у них новые необходимые для жизни и работы в современных условиях навыки.

Какие именно? Прежде всего, самостоятельность. Нейросети дают мгновенный доступ к информации и инструментам, которые раньше были недоступны без помощи преподавателя. Студент, умеющий правильно ставить задачу ИИ-модели, фактически берет часть обучения в свои руки, выстраивает индивидуальную траекторию поиска знаний.

Это новая автономия, которая, однако, идет рука об руку с ответственностью. Ответственность проявляется и в умении использовать ИИ этично, не превращаться в плагиатора, всегда проверять факты, понимать пределы доверия машине. Иными словами, возникает потребность в критическом мышлении на новом уровне.

Получив от Change GPT готовый ответ, думающий студент не ограничится копипастом, а задумается, откуда эти сведения, не ошибка ли это, нет ли альтернативных точек зрения. Университеты все чаще говорят о необходимости формирования критического мышления и осознанного подхода к технологиям ИИ у студентов. Именно критическое восприятие отличает образованного человека в эпоху, когда контент генерируется миллионами строк кода.

ИИ же при разумном использовании как раз позволяет отточить этот навык, сравнить разные версии, обнаружить противоречия, задать уточняющие вопросы, словом, выйти из роли пассивного потребителя информации и стать ее аналитиком. ИИ учит работе с источниками. Нейросеть может сгенерировать текст, но она не гарантирует истинность. Напротив, нередко ошибается, даже выдумывает факты.

Поэтому студент привыкает перепроверять, обращаться к первоисточникам, сверять цитаты, искать подтверждения. Возникает своего рода информационная гигиена, которая так необходима сегодня нашим с вами детям и нашим студентам. Понимание, что в цифровую эпоху любой ответ следует подвергать верификации. Умение фильтровать поток данных, отличать качественные источники от мусорных.

ИИ выступает фактически как тренажер. Наконец, работа с ИИ повышает медиаосознанность. Когда студент видит, как легко модель пишет правдоподобный, но ложный абзац, он иначе смотрит и на новости, и на контент соцсетей, которыми сегодня поглощена наша молодежь, появляется здоровый скептицизм и понимание, что за каждым текстом стоит конкретный алгоритм или человек со своими целями.

В итоге выпускник более готов к жизни в мире, где граница между реальной информацией и сгенерированной размыта. Хотим мы того, нравится нам это или нет, мир сегодня такой. С этим нужно жить и работать. Таким образом, вопреки опасениям, что ИИ за нас сделает все и мы разучимся думать, при правильном подходе выходит наоборот.

Студенты учатся больше анализировать, брать на себя ответственность за свои выводы и осознанно пользоваться новыми инструментами. Что же МосГУ во всей этой ситуации? Каким нам видится практический путь внедрения искусственного интеллекта в Московском гуманитарном университете.

Уже в этом году мы планируем создать специализированный проектный офис, который возьмет на себя координацию инициатив в области ИИ. И тут мы прямо совпали с политикой нашей страны. Принципиально, что в эту работу будут с самого начала включены студенты. Логично опереться на их молодую энергию и креативность. Пригласить в качестве стажеров молодых исследователей в цифровой отдел.

Такой цифровой блок с участием студентов позволит, во-первых, учитывать их реальные потребности в учебном процессе вне учебной деятельности, во-вторых, готовить кадры для цифровых проектов из числа наших же выпускников. В каких именно областях деятельности университета мы планируем внедрять ИИ-технологии? Я вижу несколько направлений. Во-первых, прежде всего автоматизация рутинных административных задач.

И это уже делается. Здесь ИИ может дать реальное ускорение. Например, анализ локальных нормативных актов университета с помощью ИИ. В университете есть много десятков локальных нормативных актов. Документы, положения, приказы, методические рекомендации, регламенты. Их постоянно нужно дополнять, обновлять. Современные алгоритмы уже помогают нам гораздо быстрее обновлять этот массив, находя пересечения, лакуны, противоречия, устаревшие нормы.

Все это делается в течение секунд, минут, а не недель и месяцев, как ранее. Во-вторых, ИИ пригодится для проведения экспресс-исследований при подготовке управленческих решений. Скажем, перед запуском новой образовательной программы можно за считанные часы собрать аналитику. Сколько подобных программ уже есть в стране?

Каков спрос на специалистов? Какие компетенции включают стандарты? Все это нейросеть суммирует по открытым данным, сэкономив неделю ручного поиска. Этим мы уже активно пользуемся. Это действительно удивительно экономит наше время. В-третьих, планируется применять ее инструменты в академическом планировании, в учебном процессе.

Уже сейчас решение для составления оптимального расписания на основе множества факторов — от занятости преподавателей до предпочтений студентов. В работе с малокомплектными группами ИИ поможет гибко объединить потоки для общих лекций или, наоборот, делить на группы для практики, оптимально распределять нагрузку преподавателей. Еще одно важное направление — использование ИИ в научной работе, для обработки больших массивов данных, для помощи в статистическом анализе, для перевода и поиска литературы.

Фактически ИИ станет еще одним сотрудником университета, помощником, который берет на себя часть функций, освобождая людям время для творчества и живого общения. Однако, внедряя технологии, мы осознаем необходимость этического компаса. Мы начнем с разработки этического кодекса по использованию ИИ, базирующегося на принципах академической честности и человеческого контроля над алгоритмами.

Я знаю, что у наших коллег из ВШЭ уже есть такой. Студенты и преподаватели должны понимать, где ИИ облегчает обучение, а где начинается злоупотребление. Например, одно дело проверить орфографию, структуру через нейросеть, совсем другое — сдать сгенерированную полностью работу под своим именем. Мы будем проводить семинары и разъяснительную работу, формировать ту самую культуру осознанного обращения с ИИ.

Внутри университета должна укрепиться мысль: ИИ — не волшебная палочка и не всезнающий оракул, а инструмент, ответственность за применение которого лежит на человеке. Кроме того, мы учтем вопросы безопасности данных и приватности. Использование внешних облачных ИИ-сервисов требует осторожности с точки зрения сохранности личной информации и интеллектуальной собственности.

Этические нормы и правила помогут избежать как раз некритичного, бездумного энтузиазма, о котором я уже говорила выше. Для реализации всего этого нужен поэтапный план. Дорожная карта на ближайшие несколько лет. Мы условно разделяем эту работу на три этапа.

Этап первый, двадцать пятый год. Здесь ключевое событие — создание проектного офиса и трансформации МосГУ. Параллельно определяются 2–3 приоритетных направления для пилотных проектов. Например, сразу можно опробовать ИИ в управлении, в учебно-методической поддержке, даже в библиотеке для автоматизированного поиска литературы. На первом этапе проводится аудит цифровой готовности: какие у нас есть данные, в каком они состоянии, чего не хватает для эффективного внедрения ИИ. Проводится подбор сотрудников и студентов для цифрового блока и, главное, обучение работе с ИИ-ресурсами. Всем этим, как я уже говорила, мы начали уже заниматься.

Этап второй, 2026-й год. Экспериментальное внедрение. Начинают работать пилотные проекты. Мы создаем обратную связь, оцениваем результаты. В этот период важно гибко корректировать действия. Если какой-то инструмент не прижился или дает сбои, понять причины, доработать или заменить этот инструмент. Одновременно расширяем обучение персонала, проводим мастер-

классы для преподавателей, как использовать ее в учебном процессе. Обучаем административный персонал базовым навыкам работы с новыми системами. Возможно, запускаем несколько междисциплинарных студенческих проектов по созданию собственных ИИ-приложений для нужд университета, чтобы вовлечь молодежь и получить решения, рожденные внутри нашей среды.

Этап третий, 2027 год, масштабирование. Успешные практики, обкатанные на пилотах, распространяются на весь университет. И ассистенты из эксперимента превращаются в повседневный инструмент в каждом подразделении. В учебные планы большинства направлений, особенно гуманитарных, вводятся элементы, связанные с работой ИИ. Важный результат к 2027 году — это уже не точечные новшества, а интегрированная экосистема, где ИИ поддерживает основные процессы университета, обучение, науку управления.

Разумеется, по пути мы будем учитывать и внешние изменения, и регулирование со стороны государства, и появление новых технологий и опыт других ВУЗов. Подводя итоги, я хотела бы подчеркнуть: МосГУ приступает к внедрению искусственного интеллекта, осознавая одновременно его громадный потенциал и ответственность, с которой нужно подходить к любой инновации.

Как гуманитарный ВУЗ, мы особенно остро чувствуем свою миссию — не раствориться в технократической гонке, а сохранить в образовании человеческое измерение. Ректор ведущего технического вуза нашей страны — Томского госуниверситета Эдуард Галажинский хорошо сказал об этом: «Задача университета — не удержать прошлое, а сохранить человеческое в будущем». Я вижу большой смысл в этих словах. Университет не должен цепляться за устаревшие формы лишь из страха перед новым. Но и слепо гнаться за технической модой — тоже не наш путь. Наша цель — осмысленный выбор, баланс между эйфорией открытия и ответственностью за последствия.

МосГУ был и останется местом, где самые современные технологии служат развитию человека, а не подчиняют его. Именно так мы ответим на вызовы XXI века, сохраняя верность лучшим гуманистическим традициям нашего университета и одновременно развиваясь.

Ильинская Наталья Игоревна, кандидат педагогических наук, доцент, ректор Московского гуманитарного университета. Имеет звание «Почетный работник сферы образования РФ», награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ «За значительные заслуги в сфере образования и многолетний добросовестный труд», медалью «Волонтеры России» за помощь бойцам СВО, орденом МосГУ «Служение и честь» I степени и др. наградами. Россия, 111395, г. Москва, ул. Юности, 5.

Опыт ВЛКСМ и проблемы современной государственной молодежной политики

И. Н. Макаров
секретарь ЦК КПРФ

Аннотация. В докладе рассматривается опыт ВЛКСМ в воспитании молодежи, данные социологических опросов 60-х годов XX века, выявивших противоречие между общемолодежным, массовым, творческим, самодеятельным характером ВЛКСМ и изживающими себя формально-бюрократическими принципами управления данной организации, являющимися основной частью государственно-административного управления. Сегодня социологи фиксируют стремительное изменение социальной структуры современного российского общества, появление новых социальных групп, ядро которых составляют молодые люди. Одна из сущностных характеристик этих молодежных социальных групп — недоверие к власти. Все более заметную роль в обществе играет ориентированная на западные ценности прослойка детей правящей политической и бизнес-элиты, так называемая гламурная молодежь, в большинстве своём никак не связывающие своё будущее с нашей страной.

Ключевые слова: российское общество, социальные группы, прекариат, бюрократические принципы управления, социальная ответственность молодого поколения

Уважаемые участники конференции, прежде всего, хотел бы передать вам привет от руководителя фракции КПРФ в Государственной Думе, доктора философских наук, Героя Труда Российской Федерации Геннадия Андреевича Зюганова. Между нашей фракцией, партией в целом и МосГУ существуют давние дружеские связи, и яркое подтверждение тому — сегодняшнее обращение к вам Олега Николаевича Смолина.

Олег Николаевич упомянул здесь Виктора Степановича Черномырдина, и начать мне хотелось бы с одной из его максим: что бы мы ни строили, все равно КПСС получается. В отношении Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи вспоминается несколько другой афоризм, который был высказан на одном из телемостов Познера и Донахью, когда одна добродушная женщина так, в сердцах сказала, что в СССР секса нет. Действительно, в СССР «секса не было», но зато была демографическая политика, которой могла бы позавидовать современная Российская Федерация. И вот про советскую молодежную политику можно сказать то же самое. Не было ни Министерства по делам молодежи Советского Союза, не было ни общесоюзного закона о молодежи, а молодежная политика была такая, ну сами помните.

Мне хотелось бы сегодня затронуть опыт ВЛКСМ, не весь, конечно же, для этого понадобилась бы ни одна конференция, ни один день; та ситуация, которая сложилась в 60-е годы.

Почему в 60-е? Потому что именно тогда, на мой взгляд, нашей стране выпадал уникальный исторический шанс пойти по тому самому пути, который сейчас нам демонстрирует Китайская Народная Республика, и сохранить свое

великое социалистическое государство. 60-е годы XX века вошли в историю нашей страны под знаком поистине кардинальных преобразований, которые коснулись всех классов и социальных слоев советского общества.

И одной из примет времени стала высокая концентрация молодежи в крупных городах, отделенных от мира физического труда и традиционных межпоколенческих и социальных связей. Новыми социальными факторами, которые имели место в СССР в 60-е годы, это были, прежде всего, увеличение численности молодежи до практически половины населения страны. Советский Союз был молодой страной. Напомню, что современная Российская Федерация с этой точки зрения смотрится иначе. Едва ли четвертая часть населения страны — это молодые люди до 35 лет.

Значительно усилилась неоднородность молодежи как социально-демографической группы. Кроме того, жизненно важной проблемой с начала 60-х годов становится организация «досуга молодежи», составляющая более половины бюджета свободного времени. Именно в эти годы был завершен перевод рабочих и служащих на 7-часовой рабочий день и 5-дневную рабочую неделю. Согласно выводам советских социологов, значительное место в структуре досуга молодежи занимали пассивные формы отдыха, фактически безделье, проведение времени по схеме «улица-двор-подъезд».

В середине 60-х годов в городской местности РФ и других регионов СССР, имелись различные группы трудоспособного населения, по тем или иным причинам исключённые из общественного процесса.

По результатам выборочного обследования занятости городского населения, проведённого статистическими органами Советского Союза в мае 1965 года, численность таких граждан достигала не менее полутора миллионов человек. Ну и на этом социальном фоне, прошу показать второй слайд, возникает первое поколение так называемых неформалов, как конструктивной направленности, это маёвочное, коммунарское движение, разделение известное на физиков и лириков, так и деструктивного направления: стиляги, фаны западной музыкальной поп-культуры.

Зарубежные советологи отмечали, что нигилистическое молодежное движение было исключительно интеллигентским или полуинтеллигентским по своему социальному составу, причем весомый пласт его участников впервые составляли выходцы из высокопоставленных советских семей, непосредственно связанные с правящим слоем.

В конце 50-х — начале 60-х годов в стране сложилась в целом очень эффективная система управления сферой молодежной политики, которая имела комплексный межведомственный характер. Речь идет о приросте городского населения, как естественном, так и механическом. Помимо партийных и советских органов, в ней, в этой системе были задействованы как союзные Министерства, такие как обороны, охрана общественного порядка, высшего и среднего специального образования, культуры, так и государственные комитеты Совмина СССР по радиовещанию и телевидению, по кинематографии, по печати, ну и, естественно, массовые общественные объединения. По сути, государственные структуры — это советские профсоюзы, Союз спортивных

обществ и организаций СССР, Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ).

Вместе с тем, конечно же, ключевую роль во всей этой системе играло Министерство по делам молодежи, Центральный комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодежи; к 1966-му году эта организация насчитывала 23 миллиона человек. Руководящее звено комсомола, как наиболее динамичная часть советского государственного аппарата, осознавала назревшую необходимость децентрализации и дебюрократизации управления сферой молодежной политики страны.

Проблемы преодоления в нем методов грубого администрирования нашли отражение в дискуссии между членами высшего руководства ЦК ВЛКСМ, имевшей место во второй половине 50-х годов.

Возник впервые вопрос о реорганизации комсомола, и Александр Николаевич Шелепин, бывший первый секретарь ЦК комсомола, вдруг поддержал идею создания отдельно студенческой, отдельно рабочей и отдельно сельской комсомольской организации. Но подобные концепции, конечно же, рождались ситуативно, без необходимых в таких случаях сбора и анализа эмпирических данных, вне какой-либо теоретической проработки.

И самым ярким примером в этом плане является печально знаменитое разделение партийных органов на сельские и городские. И вот ситуация меняется в начале 1960-х годов, — с восстановлением в правах отечественной социологии.

В практику деятельности государственно-административных структур постепенно входит применение научных методов. В отдельных отраслях научного знания, таких как социология, психология, демография, складываются целые направления, ориентированные на специальное изучение проблем молодежи, не без влияния опыта ряда зарубежных молодежных объединений, по инициативе «Комсомольской правды» — центрального печатного органа комсомола — регулярно проводятся опросы общественного мнения, формируется социологическое подразделение ЦК ВЛКСМ.

И совершенно беспрецедентный случай имел место накануне 15-го съезда комсомола, это в мае 1966-го года, когда был организован всесоюзный опрос, опросили более 30 тысяч человек и анкета включала приблизительно 100 вопросов.

Для математической обработки вот такого массива данных руководители исследования Кулагин и Тимофеев задействовали даже возможности вычислительного центра Новосибирского Академгородка. А вот другой опрос, который провел известный социолог Борис Грушин тогда, выявив в массовом молодежном сознании зачатки настроений, местами находящихся уже в открытой конфронтации с настроениями и установками руководителей центральных комитетов партии и комсомола.

Обобщением результатов исследований, регулярно проводившихся как Институтом общественного мнения, так и социологическими службами других крупных научных центров страны, были продиктованы неоднократные попытки реорганизации аппаратов комсомольских органов, обновлений методов их работы, учета интересов новых социальных групп.

К середине 60-х годов Центральным комитетом ВЛКСМ были восстановлены должности заведующих школьными отделами и отделами комсомольских организаций в райкомах, горкомах, обкомах и крайкомах комсомола, а в середине 50-х годов, если кто внимательно изучал историю молодежного движения СССР, как раз имела место другая тенденция — перевод всего фактически низового звена ВЛКСМ на общественное начало.

Введены были должности заведующих секторами по работе среди различных категорий молодежи. В более чем 1700 школ в стране впервые были установлены должности освобожденных секретарей комитетов комсомола.

Таким образом, именно к 60-м годам предельно обострилось и требовало своего разрешения противоречие между общемолодежным, массовым, творческим, самодеятельным характером ВЛКСМ и изживающими себя формально-бюрократическими принципами управления данной организации, являющимися основной частью государственно-административного управления, усиления консервативных тенденций в центральном партийном аппарате, сворачивания косыгинских социально-экономических реформ.

В этом году отмечается 60 лет знаменитому Пленуму ЦК КПСС, который объявил новый экономический курс, нежелание учитывать и творчески применять мировой управленческий опыт, наконец, смена поколений в самом руководстве комсомола, — все это в совокупности со многими другими факторами привели в конечном счете к общеизвестному итогу.

Всякие исторические параллели, конечно, рискованные, но в настоящее время положение дел в государственном администрировании молодежной политики России имеет определенные черты сходства с ситуацией полувековой давности. В течение последних 20 лет совершенно непродуманно реформировался и менял свое название федеральный орган исполнительной власти, курирующий молодежную политику.

В режиме перманентных реструктуризаций, зачастую сливаясь с органами управления образованием, спортом, культурой действуют структуры в субъектах Российской Федерации на уровне местного самоуправления. Управленческие отношения, прежде всего, финансово-бюджетной политики, вновь упорядочены в рамках институциональной матрицы «сильный центр, слабая периферия».

Между тем стремительно меняется социальная структура нынешнего российского общества. На общественно-политическую авансцену выступают новые социальные группы, ядро которых составляет люди молодого возраста.

Ведущие социологи говорят о формировании даже нового класса — прекариата, который характеризуется неформальной, временной, сезонной или частичной занятостью, носящей негарантированный, нестабильный, неустойчивый приходящий характер. По последним данным, кстати говоря, если средняя зарплата учителя, который имеет максимальную нагрузку не превышает 50−55 тысяч, то вот курьер, например, в службе доставки Яндекса получает около 130 тысяч рублей. Это просто для сравнения, что это за новая социальная группа.

Взаимодействие государства с этим новым социальным классом, хотя бы в силу его особого положения в экономической системе, исключает применение традиционных административных методов воздействия. Одна из сущностных

характеристик прекариата, по Жану Терентьевичу Тощенко, как раз состоит в том, что он не доверяет власти и не надеется на нее.

Это проявляется в уклонении от участия в избирательных кампаниях. Многие отказываются принимать участие в голосовании по этой причине. Наряду с этим, все более заметную роль в обществе играет ориентированная на западные ценности прослойка детей правящей политической и бизнес-элиты, так называемая гламурная молодежь, в большинстве своём никак не связывающие своё будущее с нашей страной.

По экспертным оценкам, до 30% детей чиновников высшего звена, топ-менеджеров госкомпаний в настоящее время живут и обучаются за границей. В Государственную Думу вносился уже законопроект о введении ограничений на обучение детей госслужащих за рубежом.

В этой связи Генеральный директор Центра политической информации Мухин, отмечает: очень многие дети чиновников учатся за границей, а потому идет жесткое сопротивление предлагаемым законодательным инициативам со стороны бюрократии. Ну вот Мария Гайдар, «золотые дети» в Куршавеле и в прочих увеселительных местах. Зреет серьезное недовольство резкими инициативами в этом направлении со стороны элит, а госслужащие вместе с семьями составляют около трети населения страны.

Прямым следствием реализуемой ныне молодежной политики, а вернее сказать, чередой отдельных мероприятий для молодежи является пассивная роль молодого поколения в обществе, его низкая социальная ответственность и активность. Хотя в последнее время с началом известных событий в феврале 2022-го года, ситуация в этом плане стала существенно меняться.

В стране, которой брошен такой геополитический масштабный вызов, как никогда раньше необходима научно обоснованная, комплексная, государственная программа, охватывающая все сферы жизни современной молодежи. И мне кажется, что именно эту роль, роль интеллектуального, нравственного центра обеспечения всей государственной молодежной политики, достойно выполняет Московский гуманитарный университет.

Хотел бы еще раз высказать слова благодарности Игорю Михайловичу персонально, Наталье Игоревне, всем сотрудникам МосГУ без всякого преувеличения за тот научный гражданский подвиг, который они совершили в девяностые годы, сохранив этот интеллектуальный и нравственный центр.

Мне повезло тогда, я видел государственную молодежную политику под разными углами зрения, начинал как лидер общественной молодежной организации, потом как государственный чиновник регионального уровня, потом как законодатель, и хочу сказать прямо, что без МосГУ, без этой интеллектуальной и методической подпитки мы были бы слепыми котятами, мы бы не справились с тем объемом задач, которые тогда стояли перед страной. Хотя во многом молодежная политика тогда и сейчас оставляет желать лучшего.

Игорь Николаевич Макаров, секретарь ЦК Коммунистической партии Российской Федерации по научной и просветительской работе.

Молодежная политика и наследие XXI века

О. В. Иванов,
Д. В. Шелухин
Высшая школа экономики, факультет креативных индустрий

Аннотация. В докладе рассматривается проблема передачи интеллектуального наследства XXI века в части молодежной политики. Решать эту проблему предлагается посредством экосистемы возможностей. Молодежь в этой экосистеме действует как субъект, инициирует проекты, развивает сообщество, создает смыслы и выстраивает свои траектории развития.

Ключевые слова: наследие XXI века, молодежная политика, смыслы, экосистема возможностей, субъектность молодежи, траектории развития

Очень важный вопрос: а что мы в двадцать первом веке оставим в наследие нашим потомкам в сфере воспитания, в частности, в сфере молодежной политики? У нас следующий подход: все, что связано с преображением, с переходом от образа двадцатого века к образу двадцать первого века. Этот переход мы оценивали в следующих категориях.

Первая категория. Двадцатый век связан с наличием некоторого количества идолов, мы специально выбрали это слово, потому что оно имеет как положительную, так и отрицательную коннотацию. Идолы — это то, что мы воспринимали как нечто безусловное, чему мы поклонялись.

И вторая категория — это ошибки. В XX веке были ошибки, которые на самом деле тоже оказались очень важными с точки зрения получения опыта и влияния на сегодняшний день.

В этих двух категориях мы решили описывать двадцатый век. А вот наследие двадцать первого века мы решили описывать тоже в двух категориях. Одну из них мы решили назвать «свершение», то есть, то, что произойдет и то, что действительно наши потомки могут воспринимать как наследие двадцать первого века. И вторая категория: мы ее решили назвать «обуза». Это то, что нам будет мешать эти самые достижения получать. И тянуть нас вниз. Но самое важное заключается в понятии «созидательство» – это переход от образа XX века к образу XXI, то, что мы в состоянии сделать своими руками. Это набор мер, каких-то подходов и реальных действий, которые могут привести к этому преображению. Мы обязаны разговаривать про наследие XXI века, потому что оно формируется нашими руками и руками наших детей.

В разряд идолов мы включили некоторое количество категорий, потому что из того, что мы получили из прошлого века — государство как главный источник смыслов, идеология как основа развития и роста, труд как путь становления, — в этом было много прекрасного и это то, что поднимало нас на уровень следующий по качеству и по развитию. Но в этом были и какие-то проблемы и ограничения.

Теперь об ошибках. Это подмена развития воспитанием, игнорирование субъектности молодежи. Молодежь для нас это был объект. Мы прекрасно относились к этой общественной организации, которая называлась ЦК ВЛКСМ, и к руководящим органам комсомола. И можно анализировать тот опыт, который у нас существовал. Это был опыт прошлого. Но главное в том, а как мы смотрим на то, что происходит сейчас и какое наследие мы формируем сегодня.

По поводу свершений — культура, творчество и созидание. Огромное количество молодых людей, не только молодых людей, сегодня поместились бы на верхней вершине пирамиды потребностей Маслоу, когда потребность самореализации для них иногда оказывается важнее, чем какие-то материальные блага. Желание творчества и творческой самореализации — это потребность, она существует у огромного количества людей сегодня. Это является чертой времени, которую нельзя не учитывать и нельзя не использовать в нашей практической деятельности.

Новая субъектность молодежи предполагает экосистему возможностей для самореализации, образовательные траектории и навигации, цифровую культуру и так далее. То есть здесь названы, на мой взгляд, некие гипотезы относительно того, что может быть этим самым наследием нынешнего века.

А что может оказаться обузой? Дело в том, что вот в этой модели или в этом подходе получается все, что мы берем из прошлого века. И идолы могут стать обузой, если мы с ними как-то неправильно обойдемся. А на самом деле хотелось бы, чтобы ошибки прошлого мы превращали в наше преимущество. И на основе ошибок, потому что это опыт, мы бы осуществляли какие-то шаги и действия, которые ведут нас к другим категориям, представлениям и образу будущего.

Обузой может стать разрыв между официальной и реальной культурой, недоверием молодежи к институтам и структурам, перезагрузка информации, цифровая фрагментация, еще целый ряд таких позиций, которые мы сегодня фиксируем при помощи социологии, и при помощи анализа больших данных. Это та ситуация, в которой мы должны действовать осмысленно и понимать, каким образом мы идем к каким-то достижениям.

Следующий момент – набор форм созидательства. Мы специально взяли это слово «созидательство». Оно очень русское, и нам не нравится слово «продюсирование». Дело в том, что «созидатель» — это значительно точнее, чем какое-то слово «продюсер» применительно или к кино или применительно к каким-то другим сферам человеческой деятельности.

И теперь самое ключевое. Во-первых, наследие XXI века в части молодежной политики формируется через экосистему возможностей. Во-вторых, молодежь в этой экосистеме действует как субъект, инициирует проекты, развивает сообщество, создает смыслы и выстраивает свои траектории развития. Вот это как бы некий такой достаточно ясный и простой ответ на

вопрос: а что может оказаться в этом наследии? Вот такая система отношений и такие действия наших молодых людей.

Мы можем назвать некоторые важные темы для реализации молодежной политики, которыми мы также сегодня занимаемся. У нас достаточно широкое количество наших партнерских организаций, включая образовательные организации, включая реальных игроков рынка и правительственные структуры. Благодаря этому широкому взаимодействию у нас сегодня существует такая важная повестка, которая имеет прямое отношение к молодежной политике.

Во-первых, мы осознаем, что необходима новая парадигма общественных наук. Нужно пересобрать общественные науки на сегодня таким образом, чтобы они, наконец, повернулись от прошлого к сегодняшнему дню и обладали прогностической функцией. Мы создаем сейчас определенные научные и дискуссионные обсуждения по этому поводу для того, чтобы предложить эту новую парадигму. Пока мы действуем в рамках метрик, которые предложены другими странами, другими цивилизациями. А новая метрическая система это такая, когда мы сами измеряем что-то, а не используем чужие мерки для того, чтобы оценивать происходящее. Новая метрическая система российской цивилизации — это вопрос, которым нужно заниматься очень активно, и это имеет самое непосредственное отношение к молодежной политике.

И второе. Мы не рассматриваем креативную экономику как набор креативных индустрий. Креативная экономика — это то, что является стартером для всей экономики в целом, и эта связка заключается в том, каким образом креативные индустрии могут запускать процессы развития всей экономики.

Большая часть этих проектов, о которых здесь шла речь – они реальны, они реализуются. Это прикладные проекты. Мы готовы по каждому из этих проектов взаимодействовать, готовы к совместному решению проблем.

Иванов Олег Валентинович, руководитель исследований Института кино факультета креативных индустрий Высшей школы экономики, кандидат физико-математических наук, член экспертного совета Фонда социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии.

Шелухин Дмитрий Викторович, заместитель декана факультета креативных индустрий, заместитель директора Института кино факультета креативных индустрий НИУ высшей школы экономики

Школа жизни — лучший метод воспитания будущих специалистов

В. М. Поздняков
Международный университет МИТСО, Республика Белорусь

Аннотация. В докладе рассматривается процесс воспитания будущих специалистов, путем вовлечения их в практику оказания помощи людям, оказавшихся в сложных жизненных ситуациях.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, проектная деятельность, студенческое самоуправление, юридические клиники, волонтерская помощь.

Мы с вами живем в эпоху, когда само понятие «образование» трансформируется, наполняется новыми смыслами. Если еще вчера мы говорили об образовательных услугах, то сегодня твердо возвращаемся к пониманию, что образование — это фундаментальный социальный институт, отвечающий не только за передачу знания, но и за формирование личности, гражданина, патриота страны. Именно поэтому данная конференция — это не просто научная дискуссия. Это разговор о будущем наших стран, об их национальной безопасности, о суверенитете. Ведь молодежь — это стратегический ресурс государства, и от того, какие ценности мы заложим в сердца студентов сегодня, зависит то, какими будут наши поколения завтра и как будет жить наше государство.

Современный молодой человек находится под перекрестным огнем информационных войн. Битва за умы разворачивается не в аудиториях, а в смартфонах, телеграмм-каналах и социальных сетях. Мы сегодня видим, как целенаправленно, методично, извне наши недруги пытаются навязать нашей молодежи чуждые идеалы, культ потребления, пытаются девальвировать подвиг наших предков, поставить под сомнение суверенитет нашего государства. В этом контексте воспитательная работа в университете приобретает особую значимость.

Остановлюсь на том, как мы в Международном университете МИТСО отвечаем на эти вызовы, как мы активно интегрируем воспитательную работу в профессиональную подготовку, воспитываем гражданина. Грамотный юрист или экономист в нашем понимании — это человек, обладающий высокой правовой культурой и чувством социальной ответственности. И это очень важно, правовое просвещение. Мы активно привлекаем студентов к работе в рамках юридических клиник, где они оказывают бесплатную, безвозмездную волонтерскую помощь малообеспеченным гражданам.

В настоящее время это одна из лучших школ жизни, когда студент видит реально проблемы людей и помогает их решать, используя знания, полученные на лекциях, в аудиториях. В этот момент рождается настоящий гражданин. Студенческое самоуправление и профком МИТСО — одна из лучших первичных студенческих организаций. Мы учим ребят не просто организовывать досуг, но

и защищать свои права, вести переговоры, понимать принципы социального партнерства. Это школа лидеров, которые завтра придут на предприятия, в организации, государственные органы управления и будут знать свои права, свои возможности.

Работа в информационном поле. Мы понимаем, что запретить гаджеты невозможно, поэтому мы учим студентов критически оценивать информацию. В рамках курсов и факультативов мы разбираем механизмы создания фейков, технологии «цветных революций» и манипуляций общественным сознанием. Считаем, что вооружен — значит защищен.

Я хотел бы предложить несколько векторов, которые, на мой взгляд, должны стать приоритетами для университетов наших стран в рамках реализации государственной молодежной политики.

Первое — это проектная деятельность. Нужно активнее вовлекать студентов в патриотические, волонтерские, поисковые, социальные проекты. Пусть это будут малые дела, зато реальные — помощь ветеранам, благоустройство территорий, сбор гуманитарной помощи. Именно через совместный труд формируется коллективизм, сопричастность к жизни страны.

Второе — это укрепление семьи и традиционных ценностей. Это, пожалуй, самый сложный вызов. Мы видим агрессивное навязывание нетрадиционных ценностей извне. Университеты должны стать площадкой популяризации традиционной семьи. Нам нужны программы поддержки студенческих семей, психологические службы, просветительские курсы по этике и психологии семейной жизни. Крепкая семья — основа крепкого государства.

Третье — это единое образовательное пространство. Нам необходимо сильнее координировать усилия между школой, колледжем, университетом, потому что мы получаем абитуриентов-первокурсников и начинаем с ними работу с нуля. Должен быть механизм преемственности гражданского и патриотического воспитания.

Поздняков Владимир Михайлович, председатель профсоюзного комитета Международного университета МИТСО, Республика Белорусь.

Историческое знание целей и ценностей в современной российской молодежной политике

С. Б. Бабурин
Президент Ассоциации юридических вузов

Аннотация. В докладе сделан акцент на том, что молодежная политика должна предусматривать прежде всего воспитание духовно-нравственных ценностей у молодых людей, воспитание коллективизма, решение демографических проблем, к которым относятся создание новых рабочих мест, стимулирование создания многодетных семей, что требует предоставление жилья, которое является сегодня самой жгучей проблемой для молодых семей.

Ключевые слова: молодежная политика, духовно-нравственные ценности, Конституция РФ, достоинство человека, отечество, святыни, вера, права и свободы человека, демографические проблемы, молодая семья

Нынешняя конференция – очень важное научное и образовательное событие. Я подчеркиваю, событие действительно важное, потому что еще не так давно само соединение понятия образования и воспитания вызывало резкое отрицание в официальных российских коридорах власти.

Вот для профессора Ильинского и вообще Московского гуманитарного университета такое отрицание всегда было чуждо, Потому, что ВУЗ родился на единстве воспитания и образования.

Всю жизнь существовал и существует на единстве этих двух процессов. Но ведь, извините, не просто так. В стратегии, утвержденной правительством (я имею в виду стратегию развития молодежной политики в Российской Федерации до 2030 года) отмечается, что за последние 30 лет произошли очень серьезные негативные процессы, когда в нашем обществе молодежь от коллективизма стала переходить к индивидуализму.

Когда у нас попытались изменить фундаментальные ценности, на которых развивается общество. И не надо винить, как иногда звучит: это вот нам навязывают, это нам навязывают. Мы со своим образованием за эти 30 лет сотворили такое, что никакие враги не могли бы мечтать об этом.

Я 10 лет был ректором вуза. Я действительно ещё даже до этого, как депутат Государственной Думы и заместитель председателя, пытался образумить наш Комитет по образованию. Говорю, Болонскую систему придумали для Европы, создавать единое образовательное пространство.

Когда русский медведь полез в эту клетушку, конечно, мы там всех перепугали, но ещё больше мы их перепугали, когда стали заниматься реформой образования. Что такое Болонская система?

Это академическая мобильность, это система кредитов и это трехуровневая система подготовки кадров. Академическая мобильность для Европы была новым, что, оказывается, можно поступить в один университет, а потом перевестись в другой. У них только поступать с нуля, но для советской

и для российской системы высшего образования переводы — это было привычно: из одного университета или института в другой.

Ничего не надо придумывать. Что касается кредитной системы, это, извините, чисто бухгалтерский вопрос. Любой, кто занимается образованием, подтвердит, что пересчитать учебную нагрузку, которая существовала по часам, в бальную систему — у меня в университете это заняло полдня.

А наконец, три уровня — бакалавриат, магистратура, докторантура. Что мы сотворили с этими уровнями? У нас была трёхуровневая система высшего образования — специалист, аспирантура и докторантура, что ломать-то?

Бесполезно было убеждать — нет, вот нам пришёл законопроект из правительства, нам нужно сделать вот три года бакалавриат, а потом два года магистратуру. Те, кто учились в советских вузах помнят, что давали справку о неполном высшем образовании после трёх лет обучения. Я говорю, ну вы вместо этой справки давайте диплом бакалавра, и всё. Зачем все ломать?

Поэтому, когда мне говорят, что вот нам навязывают что-то, думаю, надо сказать, что мы сами чудим, в желании понравиться Западу, войти в западную систему.

У меня был такой эпизод, я был членом комиссии при Президенте по национальным проектам. На заседании комиссии докладывают о новых моделях в образовании. Начинаем обсуждать. Я большинство идей высказанных поддерживаю, кроме одной – предложение о бюджетном финансировании образования, которое строить по принципу — куда абитуриенты идут, туда деньги и давать. А если куда-то абитуриенты не идут, не надо бюджетные деньги туда давать. Я говорю, вы знаете, вот я ректор торгово-экономического университета, я бы это поддержал, потому что абитуриенты толпой ломанутся ко мне на ресторанно-гостиничный бизнес и туризм.

А кто будет работать сельским учителем? А кто будет работать инженером? И вообще, нам надо деньги давать не в московские и петербургские ВУЗы, а прежде всего на окраины, чтобы туда ехали, молодежь ехала, чтобы там готовить кадры.

Путин слушает, ему с одной стороны очень уважаемый человек в ухо дышит, с другой стороны в ухо дышит, и он говорит: Сергей Николаевич, если я вас правильно понял, ну по крайней мере, как я вас понял (трижды оговорился), то я с вами совершенно не согласен. Нам нужно прежде всего обеспечить интересы личности, а потом интересы государства. В перерыве ко мне подошел ректор МГУ Садовничий, Вербицкая, тогда ректор Петербургского университета, все сказали, что я прав, но публично не поддержал никто. Я испытал моральное удовлетворение, когда через неделю, совершенно по другому поводу Путин говорит об интересах государства, которые мы должны обеспечивать. Сегодня ситуация изменилась.

Почему мы сегодня говорим о новых подходах в системе образования? Потому, что мы остановились благодаря Президенту Российской Федерации Путину на краю пропасти. Есть конституционная поправка 2020 года, вернувшая

в наш основной закон духовно-нравственные ценности. Да, у нас в нем либеральная парадигма еще есть, это неизменяемая часть Конституции.

Почему нам необходимо менять Конституцию? Потому что до тех пор, пока у нас будет записана единственная высшая ценность — права и свободы человека, не будет у нас гарантии, что мы выбрались из трясины. Мы сколько лет говорим, что есть права и свободы, есть многие другие ценности, которые не ниже прав и свобод.

Не надо отказываться от прав и свобод человека, но эта статья вторая должна звучать при том, что высшими ценностями являются человек, его достоинство, его отечество, святыни, вера, его права и свободы. Вот примерный перечень ценностей, которые должны быть уравнены.

И, конечно, очень хорошо сейчас вот выступал представитель МИТСО из Беларуси. Он очень четко сказал, что он считает важным делать. Я это поддерживаю, как это звучало в выступлениях перед перерывом. Что делать? Примерно все это представляют руководители, и здесь мало разногласий. А вот основной вопрос: как делать?

На какой основе делать? Есть указ президента, утвердивший основы государственной политики по сбережению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей. Очень хороший указ. Хотя писали его люди, которые плохо понимают, что такое духовно-нравственные ценности. Это писали добросовестные либералы.

Ну им дали просто другую команду, они ее добросовестно выполнили. Почему я рискую так говорить? Да потому что, когда они там изложили исчерпывающий перечень духовно-нравственных ценностей, не включив в этот перечень главных, о чем говорить? Мало того, что там путаница социальных ценностей, нравственных, политических ценностей, но для любого христианина, не только для православного, для любого христианина высшей ценностью в соответствии с заповедями Божьими является любовь.

Любовь ко Всевышнему, любовь к ближнему. В перечне духовно-нравственных ценностей понятия любви нет. Нет такого подхода в нашем обществе, оказывается.

Вот в этом отношении я и хочу подчеркнуть, что, когда мы говорим о сегодняшних задачах молодежной политики, нам нужно решать прежде всего, как побеждать «в мозгах». Ведь когда мы начали в 2022-м году специальную военную операцию, было сразу очевидно, что демилитаризацию Украины Россия может осуществить за месяц, а вот денацификацию, борьба и победа в сознании людей, это требует гораздо большего времени и больших усилий. Поэтому это всё сложно.

У некоторых наших молодых людей нет понятия защиты отечества, нет понятия порой семейных ценностей. Да, нас успокаивает правительство, записав в той же стратегии по молодежной политике, что у молодежи приоритет имеют семейные ценности. Где вы это увидели? У нас что, много многодетных семей? У нас что, молодежь осознает, что нужно совмещать приятное полезным

и не только заключать брак, но и детей заводить, не дожидаясь 40 лет? Я все эти 30 лет, выступая в любых университетах, заканчивал обычно словами, обращаясь к ректору, что вот если те (уважаемые господа студенты, я к вам обращаюсь), если вот те, кто меня слышал, после окончания вуза в течение десяти лет не будут иметь минимум двух детей, отбирайте дипломы. Они ничего не поняли. Они ничего не поняли из того, что происходит, потому что мало иметь знания, мало иметь навыки. Нужно понимать, мы демографически погибаем.

Вот сейчас мы попытались остановиться на краю пропасти. Запад уже бежит. Вы думаете, от хорошей жизни 3 миллиона немцев записались, просят разрешить им переехать в Российскую Федерацию? Можете себе такое представить? Это не бывшие советские немцы. Это многие, которые испокон веков жили только в Германии, причем в Западной. Но они отторгают тот закон, который принят в Германии, что, оказывается, пол ребенка можно изменить, не спрашивая согласия родителей.

Для них, как для людей-традиционалистов, это неприемлемо. И они видят, что европейская цивилизация идет к смерти. Бьюккинен о смерти Запада написал давно, но сейчас это приблизилось вплотную.

Поэтому я хочу подчеркнуть, что любые меры по молодежной политике должны ориентироваться не только на то, чтобы создавать новые рабочие места, стимулировать создание многодетных семей, а значит предоставлять жилье. Заключили брак — в советское время это было аксиома, на очередь на жилье.

Сегодня мы должны сказать, предоставлять жилье при рождении первого ребенка, списывать минимум треть стоимости жилья при рождении второго — половину, при рождении третьего передавать жилье в собственность семье. Вот это политика, а все остальное пустые разговоры. И в этом, я считаю, задача сегодняшнего дня — бороться за традиционные ценности как естественную часть нашей жизни.

Вот пока ещё живо поколение, помнящее Советский Союз, это можно сделать почти легко. Ещё через 10 лет мы не соберём ни единую страну и не соберём мозги в кучу, потому что мы потеряем себя. Поэтому огромное спасибо ректору университета, президенту университета за то, что вы уже 21 раз бьёте в колокол. Надеюсь, российское общество наконец услышит.

Бабурин Сергей Николаевич, президент Ассоциации юридических вузов, доктор юридических наук, профессор

О роли гуманитарного знания в воспитании молодого поколения

О. А Жукова
Школа философии и культурологии Высшей школы экономики

Аннотация. В докладе рассмотрена роль гуманитарного знания, которое включает современного молодого человека в общественно-культурную повестку, что невозможно без его личностной, духовной самоорганизации.

Ключевые слова: гуманитарное знание, гуманитарное образование, цивилизационный исторический проект, социальная эмпатия, социальные практики, личностная духовная самоорганизация

Я бы сфокусировала внимание на трех вопросах или проблемных зонах. Во-первых, как складывается сегодня социокультурная и образовательная ситуация. Во-вторых, с какой традицией гуманитарного образования мы имеем дело, в чем ее сущность, смысл и содержание, и как необходимо работать с этой традицией для того, чтобы наиболее плодотворно решать важнейшие смысложизненные вопросы, касаемые судьбы нашего Отечества и перспектив жизни каждого ее гражданина.

Не надо обладать огромными аналитическими компетенциями для того, чтобы зафиксировать очевидный факт, что социокультурные образовательные пространства в значительной степени изменяются, динамика эта невероятно высокая, это повсеместный мировой процесс.

Что здесь стоит выделить и на что обратить внимание?

С одной стороны, признать неизбежность этих изменений, а с другой стороны, выявить, определить и утвердить ту ценностную систему, то ядро, смысловое ядро, которое бы позволяло каждому человеку соотносить себя с большим временем истории, со временем истории своей страны, своей семьи, и в этом ценностном горизонте выстраивать свою собственную жизнь.

Образование в этом процессе, конечно, имеет ключевую роль, и в данном случае образование выступает с одной стороны как объект воздействия со стороны государства, власти, общества, но и как субъект действия, как важнейший актор, инициатор, генератор и знаний, и новых идей, которые способны сбродить тесто национальной культуры на новом этапе ее существования.

Гуманитарным наукам, гуманитарному образованию принадлежит здесь роль исключительная, поскольку в ядре гуманитарной культуры всегда лежит основная идея — идея формирования человека.

Идея формирования человека, основывающаяся на большом комплексе нравственных, духовных, социальных, витальных ценностей. То есть то, что в конечном итоге составляет смысловую картину в представлении каждого человека.

Есть прямая корреляция между пониманием человека, который формируется в ядре гуманитарной культуры и той моделью образования,

которая сможет этот образ человека реализовать, воплотить и в конечном условии обеспечить условия для его становления.

В центре самой идеи гуманитаристики от студии Humanitatis до идеи науки человека до Ламбера, от греческой Paidei до гумбольдтовской модели университета и концепции Bildung — самосовершенствование человека, от русской ценности книжного знания до концепции идеи русских просветителей, Тимофея Николаевича Горановского, Александра Васильевича Головнина, который осуществил национально ориентированную реформу образования и университеты, русские университеты в 1860-х годах стали жить по новой программе.

Во всем этом историческом развитии гуманитарных наук, современных Humanities присутствует одна идея — идея изучения человека, многообразия его социальных, духовных форм жизни, изучения ценностно-смысловых систем и символических систем описания этих идей и ценностей в опыте мировых культур.

То есть современные Humanities — это констелляция творческого опыта человечества в его истории. С точки зрения, конечно, науки и дисциплины — это самые интеллектуально емкие дисциплины, предельно знаниево насыщенные, нацеленные на формирование способностей мышления, на активацию творческого потенциала человека, на способности его оценивания и самостоятельного суждения.

В этом смысле они отвечают не только за формирование мировоззрения и создание мировоззренческих установок, но в целом помогают человеку найти себя в том мире, который культурологами и философами называется миром большой истории.

И мы, говоря о значимости гуманитарного образования, гуманитарной составляющей образования как такового, должны понимать социальный эффект этого гуманитарного образования, что транспонируется в социальную ткань человеческой жизни от того, что человек выучит.

Большое количество событий, фактов будет прекрасно разбираться в истории мировой литературы, культуры, мысли, искусства. Безусловно, что этот социальный эффект в первую очередь связан с ценностно идеальным наполнением жизненного мира человека, то есть то, что активирует его личностное самопознание.

Безусловно, в этом есть мощнейший потенциал, движки, которые ведут его к креативному способу жизнедеятельности, повышая навыки адаптивности, в том числе к социальной среде, и мотивируя его на творческое самовыражение. Я бы сказала, что в Humanities есть в хорошем смысле аксиологическая прагматика.

Прагматика здесь не в смысле утилитарного толкования человека, а это означает лишь то, что целью всех гуманитарных наук, составляющих ядро гуманитарной культуры, является создание нового человека. Не надо бояться

слова «новый человек», потому что оно здесь работает в значении нового открытия таланта, той способности, той уникальности, той краски, того голоса, которым человек обогащает жизнь, достаточно вспомнить Пастернака.

«Талант — единственная новость, которая всегда нова». Это стихотворение 1957 года и посвящено она актрисе Анастасии Зуевой, одной из великих МХАТовских старух, действительно, обладавшей уникальным голосом, и молодое поколение, возможно, вспомнит из своего не очень большого советского кинематографического бэкграунда все-таки замечательные сказки Роу и этот голос сказительницы. Так вот этот голос, уникальный голос, который открывается в моменте, в моменте апроприации, простите за наукообразное слово, рецепции всего того большого массива исторических знаний, которым стоит овладеть, но эти исторические знания в ядре своей обладают тем потенциалом, который позволяет создавать новое.

И вот этот двунаправленный процесс гуманитарного знания, собирание и эффект как бы сокровищницы мирового знания и мировой культуры, который позволяет мыслительным процессом собирать в новое и открывать новое в своей собственной жизни, в своих собственных творческих креативных практиках.

И то, о чем я говорю, это не декларация прав гуманитарного образования, а это аргументы в пользу грандиозного социального, если хотите, экономического эффекта, который дает гуманитарное образование, гуманитарное знание, потому что оно имеет не только прагматику, но и программатику, результирующую цель, которая обеспечивает вклад в новое поколение, в будущее России, которое сегодня борется, очевидно борется за свой цивилизационный исторический проект. Давайте посмотрим, что это за социальные эффекты, социальные возможности, которые дает гуманитарное знание.

Ну, первое и самое важное, о чем я уже сказала, это навык исторического и культурного самопознания. Это тот момент, который человека погружает не просто в историю, а он делает пространство вокруг него своим и родным. Сергей Николаевич Булгаков говорил о том, что свойство святости — делать все вокруг родным, не страшным, интересным, если хотите, домашним, то есть история одомашнивается.

Это действительно матрешечная структура, когда из истории семьи мы приходим к истории страны и к мировой истории и мировой культуре. Безусловно, гуманитарное знание повышает навык социальной эмпатии.

Это открытость к другому, открытость к другой культуре и знания своей. Безусловно, это трансляция базовых систем, ценностей, которые связаны с традициями, в первую очередь, своей культуры, опять же в диалогическом общении с иными культурами. Ну и специфическими методами, об этом я бы хотела специально сказать, завершая свое выступление, краткую, можно сказать, реплику.

Специфическими методами гуманитарные науки, находящиеся в ядре гуманитарной культуры, они включают современного человека в общественную культурную повестку. Ну, если говорить, скажем, о нашем студенчестве, то это, безусловно, различные практики. Креативные практики, волонтерские практики, общественные практики, то есть то, что связывает непосредственно с социальной активностью наций, страны и государства.

Ну и безусловно, самым главным эффектом является эффект личностной, духовной самоорганизации, которая невозможна без знаниевой основы, которая невозможна без включенности в процессы понимания большого времени культуры и истории.

Жукова Ольга Анатольевна, профессор школы философии и культурологии Высшей школы экономики, ведущий научный сотрудник сектора философии российской истории Института философии РАН, доктор философских наук, профессор

Модель подготовки преподавателей высшей школы в парадигме педагогики ненасилия

В. А. Ситаров
Московский городской педагогический университет,
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В докладе рассматривается реализация образовательной программы магистратуры «Педагогика и психология высшей школы» для подготовки преподавателей вузов. Была найдена интегральная идея «педагогического взаимодействия», которое пронизывает все компоненты дидактики и позволяет снять проблему разницы в базах образования, возрасте, уровне подготовки обучающихся. При этом реализация этой модели подразумевает следование позиции ненасилия, которая включает в себя интегрированное личностное образование.

Ключевые слова: педагогика и психология высшей школы, дидактическая система, педагогическое взаимодействие, цели образования, методы обучения, позиция ненасилия, интегрированное личностное образование

Тема моего доклада связана с практической деятельностью, с теми результатами исследований, которые провожу я и проводят кафедры педагогии психологии Высшей школы. Речь идет о подготовке преподавателей Высшей школы в магистратуре.

Если мы посмотрим на традиционную систему подготовки научно-педагогических кадров, то увидим, что исторически в России никогда не готовили специально преподавателей высшей школы, в прямом смысле этого слова. С советских времен эту функцию выполняла аспирантура, но ее главный фокус был всегда сконцентрирован на фундаментальной науке и написании аспирантом диссертации.

Аспирантура была нацелена на формирование ученого в первую очередь, А роль педагога оставалась на втором плане, сводясь к изучению в лучшем случае тех, кто учился в аспирантуре, изучение курса «Педагогика высшей школы» или «Педагогика высшего образования», что-то в этом роде. И в аудиторию, так и возник феномен, что в аудиторию приходит блестящий специалист, который знает все о своем предмете, но затрудняющийся ответить на вопрос, как этому научить студентов.

И поставив этот вопрос, мы поддержали идею магистратуры «Педагогика и психология высшей школы» И. М. Ильинского. Как вы понимаете, речь шла именно о подготовке преподавателя высшей школы.

Мы пытались вот эту вот проблему, существующую каким-то образом, хотя бы на небольшом, ну таком микроуровне решить, потому что там десятки магистрантов, которые обучаются, они не решают глобальные проблемы, но тем не менее. И при реализации образовательной программы мы столкнулись с тем, что это разноплановая, разношерстная, разновозрастная публика, имеющая разные базы образования, которые практически не имеют представления о том, что такое педагогика высшей школы.

И вот стало очевидно то, что нужна некая интегральная идея, которая позволит эффективно решать проблемы вот на таком небольшом уровне подготовки кадров высшей квалификации. И в поисках этого интегрального начала мы остановились на, казалось бы, традиционном понятии педагогического взаимодействия. Вот я буду оперировать, поскольку у меня конкретный доклад, такими понятиями или терминами, которые существуют в педагогике, в дидактике высшей школы.

Каждое слово, которое если употребляет ученый, оно имеет свое содержание, свой смысл и так далее, то есть мы за него должны нести ответственность. Так вот я называю это педагогическое взаимодействие. Почему на это мы обратили внимание и почему мы решили, что педагогическое взаимодействие это, может быть, та золотая нить, которая пронизывает все компоненты дидактики? Я скажу, что дидактический процесс, если схематично представить, состоит из некоторых компонентов.

Цели обучения, зачем мы учимся, содержание, чему мы учимся, формы, методы, каким образом мы получаем это знание, преподаватели какими методами пользуются, и формы, как мы организуемся. То ли микрообучение, то ли семинарское занятие, то ли лекция и так далее. Так вот, с учетом существующих традиционных компонентов дидактического процесса, все компоненты так или иначе, они пронизаны вот этим феноменом педагогического взаимодействия.

Например, современные цели образования — это развитие критического мышления, коммуникативных навыков, умения работать в команде — достижимы только через определенный тип взаимодействия: диалог, сотрудничество, совместное исследование и так далее. Содержание обучения, чему мы учим, конструируется, осмысливается и присваивается именно в процессе взаимодействия, обсуждения; так содержание становится личным знанием обучающегося.

Любой метод, проектный, проблемный, исследовательский и любая форма, индивидуальная, групповая, фронтальная, реализуется через конкретные акты взаимодействия. Вот скажу вам честно, что это была просто идея, которая у нас реализовывалась, то есть мы отдавали дань, большое значение именно этому феномену.

Но столкнувшись буквально два дня назад, вот с таким, значит, побывав на, я был членом жюри финального всероссийского конкурса «Лидер в транспортном образовании», который проходил на базе Российского университета транспорта. Мне довелось оценивать образовательные практики, 15 образовательных практик, представленных различными вузами страны.

Соответствующие профили были водные, представители и преподаватели водных институтов, железнодорожного транспорта, авиационных и так далее. Вот из того, что я увидел, из тех практик, которые демонстрировали, причем это финалисты, последний был этап, вчера было уже награждение победителей, что я увидел, что из всех 15 команд, представленных, которых оценивал я, не было никакого намека вот на те дидактические компоненты, которые традиционно существуют в педагогике.

Не были обозначены ни цель, ни содержание, ни методы, ни формы. Не были обозначены ни вот те креативные технологии, которые существуют. Вот мы слушали сегодня представителя из факультета креативных индустрий. Мы знаем, какое количество литературы и техник, технологий, приема способов появилось за последние десятилетия.

То есть они не были обнаружены. То есть каждый преподаватель, были уровня и доценты, которые представляли свои практики, выдумывает свое. И это хорошо, казалось бы, но авторское видение, оно реализовывалось и достигало результат именно за счет взаимодействия с командой, то есть со студентами. Причем получается, что доминирующей формой получения желаемых результатов, как мы говорим сейчас, игра, гемификации, за счет этого получались у них неплохие результаты.

То есть получается, что вывод напрашивается, что вот эта практика, мое наблюдение подтвердило, что педагогическое взаимодействие уже имеет право быть как определённым, чётко обозначенным компонентом дидактической системы наряду с целями, содержанием, методами и формой.

Однако, да, ещё хочу сказать, что анализ традиционных моделей, моделей тоже много педагогического взаимодействия — есть авторитарные, есть либеральные, есть демократические, либерально-попустительские и так далее. И, кстати, с времён Каменского, по статистике ЮНЕСКО, но не последних лет, а может лет 10 назад, я читал, что не менее 70 % преподавателей земного шара, в том числе и в вузах, используют авторитарную модель взаимодействия.

И, конечно, мы должны были определить, о каком взаимодействии педагогическом идет речь. В данном случае опираемся на модель взаимодействия, которую заимствуем из концепции педагогики и психологии ненасилия. Принцип заимствован из философии Махатмы Ганди, Что такое ненасилие? Это своего рода идеология.

Лев Николаевич Толстой был с Ганди в переписке. Как известно, Толстой использовал принцип «непротивление злу насилием». Гуманисты Роджерс, Маслоу и другие мыслители современной эпохи, по крайней мере, это все реализуют на практике. Но я хочу сказать, что с 94-го года существует вот такое направление, авторами которого мы являемся. Мы реализуем вот уже больше 20 лет на базе Московского гуманитарного университета эту модель в работе со студентами, с теми студентами, с которыми работают преподаватели нашей кафедры. Ключевым конструктом здесь является позиция ненасилия. Позиция ненасилия включает в себя интегрированное личностное образование, включающее четыре взаимосвязанных компонента.

На ценностном уровне – безусловное признание ценности другой личности и отказ от принуждения и коммуникации. На интеллектуальном — развитие критического мышления для оценки ситуации своих действий, на личностном — это волевое усилие и способность к преодолению собственного эгоцентризма, и на поведенческом — это владение техниками ненасильственного взаимодействия. Мы за эти годы провели огромное количество экспериментальных исследований.

Но вот многочисленные эмпирические исследования в рамках данной концепции выявили тревожную тенденцию: у значительной части студентов,

будущих специалистов (а мы исследовали студентов педагогического профиля, гуманитарного профиля и медицинского вуза), мы обнаружили, что доминируют деструктивные позиции взаимодействия, такие как прямое принуждение, манипуляция или пассивное невмешательство, тенденция избегания.

Данный факт свидетельствует о системном профессиональном риске, поскольку подобные установки напрямую противоречат этики помогающих профессий, то есть педагогических, медицинских и так далее. И наша практика показывает, что систематическое применение технологий ненасильственного взаимодействия, подтвержденное устойчивой эффективностью, обеспечивает переход от внешней к внутренней мировоззренческой установке позиции ненасилия.

И возникает вопрос, вот мы всегда слышим и читаем очень много того, как надо делать, но редко, когда мы находим ответ на вопрос, что нужно делать конкретно.

Готовы ли мы принять ненасилие как ценность, понимаем ли мы, как это работает, обладаем ли мы необходимыми личностными качествами и четвертое, умеем ли мы это делать. Как это работает в реальной аудитории. Рассмотрим на примере магистерской программы. Легитимизация трудностей. Преподаватели открыто признают сложность материала, создавая атмосферу психологической безопасности. Персонализация знаний. Абстрактные понятия приземляются на личный исследовательский интерес магистранта через метафоры вопроса. Далее коллаборативное закрепление: магистранты в малых группах учат друг друга, используя принцип «обучая — учусь».

И рефлексивное оформление (финальный этап), осознание пройденного пути и формулирование вывода своими словами. То есть, речь идет о том, что вот то, что я это перечислил, это идет речь в первую очередь о научно-исследовательской работе, которая пронизывает весь учебный план и является основной и объединяющей все дисциплины нашей магистровской программы.

И представьте себе, когда пришли взрослые дяди и тети, наряду с выпускниками бакалавриата, которым нужен аппарат исследования, методологические характеристики, о которых они не слышали, даже когда обучались в ВУЗе, то с ними пришлось начинать работу в условиях сжатого времени. Такая вот технология и взаимодействие системы «преподаватель-магистрант» дают нам результаты. По крайней мере, в нашем вузе и в других, где реализуется такая модель, говорят, что у нас, преподаватели, работающие на наших программах, — одни из лучших магистрантов всех возрастов.

Я молодежи скажу, что учатся в магистратуре даже за 50 лет. То есть, что ваше дальнейшее обучение не должно быть остановлено на том уровне, на котором вы находитесь сейчас.

Ситаров Вячеслав Алексеевич, профессор департамента педагогики, института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета, заведующий кафедрой педагогики и психологии высшей школы Московского гуманитарного университета, доктор педагогических наук, профессор.

Актуальные вызовы в работе с молодежью и трансформация профессиональных задач специалиста

Н. В. Бажитов
Руководитель рабочей группы экспертного совета комитета Государственной Думы по молодежной политике

Аннотация. В докладе рассматривается ключевая проблема молодежной политики на текущем этапе – проблема взрослых, которые могли бы стать нужными молодым людям, умели бы найти подход к ним, владели бы практикой работы с нейросетями и искусственным интеллектом, могли бы воспитать у молодых людей любовь к себе, другим людям, любовь к Отечеству и его истории, могли бы научить молодого человека жить достойно.

Ключевые слова: жизнеспособность, среда молодого человека, стандарт специалиста по работе с молодежью, норматив обеспеченности учреждений, теленомическая направленность, самореализаия, воспитание любви к ближнему, любовь к Отечеству

Попробую поделиться с вами несколькими мыслями, которые сейчас обсуждает профессиональное сообщество специалистов по работе с молодежью. На текущий момент, это больше 40 тысяч специалистов по делам молодежи, которые работают практически в 1100 учреждениях молодежной политики по всей стране. Надо отметить, уважаемые коллеги, что последние 5 лет с момента конституционных изменений, когда молодежная политика была в Конституции, в том числе, отражена как отдельная отрасль.

А я, опять же, сегодня во многом попробую поговорить с позицией отраслевика, как человека, который пришел в эту отрасль работать почти 20 лет назад и продолжает в ней работать, занимаясь образованием специалистов по делам молодежи. Так вот, последние пять лет, конечно, для отрасли были очень значимыми и существенными, потому что с точки зрения отраслевого строительства произошел очень серьезный рывок.

И мы с вами, в том числе как экспертное сообщество, которое анализирует происходящие события, должны это тоже видеть, потому что, во-первых, впервые за все время у нас официально появились категории и виды учреждений молодежной политики. Так же, как у нас в системе образования есть образовательные учреждения высшего образования, есть профессиональные образовательные организации. Вот так же теперь с декабря прошлого года у нас в стране существуют отдельные типы и виды молодежных центров.

У нас впервые появилась отдельная номенклатура должностей, функциональных позиций. Буквально на прошлой неделе министром труда был подписан актуализированный профессиональный стандарт специалиста по работе с молодежью, и буквально сейчас, вероятно, начнется достаточно большая работа по актуализации образовательных стандартов, потому что новый профессиональный стандарт потребует в том числе и оценки, и пересмотра образовательных подходов. Мы движемся, как сегодня уже говорилось, к системе образования базового и специализированного. Нужно пересматривать,

нужно думать над этим, соответственно, нужно этому уделять серьезное внимание.

В прошлом месяце появился документ, который специалистам очень сильно поможет. Это норматив обеспеченности учреждений. У нас впервые появилась понятная цифра, по которой теперь можно ответить, сколько у нас должно быть учреждений молодежной политики, на какое число людей, в каких типах населенных пунктов, в каких муниципальных образованиях. С точки зрения развития отрасли, это достаточно серьезный шаг, потому что этого на протяжении последних 35 лет, к сожалению, не было.

Важно подчеркнуть, что эти изменения происходят в системе преемственности, потому что многое из того, что разрабатывается, многое из того, что обсуждается профессиональным сообществом, стоит на плечах, на работах вот той образовательной организации, в стенах которых мы с вами сегодня находимся. Тогда Высшей комсомольской школы, потом Института молодежи, сейчас Московского гуманитарного университета.

Потому что все специалисты, конечно, по делам молодежи в стране должны этот наработанный научный фундамент молодежной политики видеть и понимать. Но если вот уходить от таких, может быть, констатационных вещей, к вещам, которые профессиональное сообщество занимают и которые обсуждаются, — буквально, наверное, меньше месяца назад, у нас был финал Всероссийского конкурса профессионального мастерства для работников сферы молодежной политики.

Он прошел уже в 20-й раз, и это всегда площадка, где профессионалы, практики, специалисты соединяются, обсуждают разные вопросы, которые представляются важными, в том числе и в теоретическом осмыслении, в практическом.

И вот по итогу этих встреч, многих диалогов с коллегами, я три мысли хотел, может быть, обозначить, как мысли, которые, может быть, интересны для последующего обсуждения, в том числе на секциях; мысли, над которыми, в принципе, было бы правильно и или сообразно поразмышлять и вместе находить вопросы. Первый сюжет, который видят как проблемный, сообщество специалистов-практиков, — это то, как нам эффективнее соединить два очень серьезных подхода, применение которых требует сама жизнь в практической работе специалистов.

С одной стороны, это технологии и модели самореализации молодого человека, когда мы должны создавать пространство избыточного выбора для того, чтобы молодой человек себя попробовал, нашел то, что у него лучше всего получается, и попробовал это усилить, развить, может быть, на базе этого выбрал свою профессию, сделал хобби или еще что-то такое. А с другой стороны, окружающий мир очень серьезно усложняется.

Профессиональные технологии пересобираются буквально на уровне фундамента, на таком уровне матчасти. И очень часто бывает так, что то, что придумывает себе молодой человек, оказывается объективно противоречащим среде, в которой он живет. И встает вопрос, как, соблюдая логику

самореализации, мы должны помочь молодому человеку освоить вот такой базовый минимум для эффективной конкурентной жизни в современном обществе, в современном мире, в современной сложной профессиональной среде.

Как совместить самореализацию и жизнеспособность. Это вопрос совершенно не праздный, и, к сожалению, достаточно сложно про него размышлять, поскольку традиционно, так уж сложилось за последнее время, в молодежной политике есть определенный разрыв между академическим и профессиональным сообществом.

Очень часто наши коллеги, представители университетов, научных сообществ не общаются с коллегами-практиками на местах, специалисты практики не обращаются к материалам исследований, не обращаются к материалам концепции, теории молодежи, подходов. Вот это устранение разрыва и совместное размышление о том, как переплести и самореализацию жизнеспособности — это первый серьезный сюжет, который мы обсуждаем и в решении, может быть, в поиске подходов, к которому и эта конференция может нам помочь.

Второй важный вопрос заключается в том: а как, в какой среде мы работаем с молодым человеком, и как мы решаем вот эту задачу, связанную с самореализацией и с формированием жизнеспособности поколения. Потому что, вы знаете, мы очень часто вспоминаем, что молодежная политика — это политика повседневности, вот особенно сейчас. Мы очень часто видим, что часто основной воспитательный результат появляется не от прямого воспитательного действия, может быть, педагога на уроке или какого-то еще другого взрослого в изолированной герметичной среде.

Основной воспитательный эффект лежит где-то вот в этой области синергии, в области такого интегрального воспитательного потенциала среды, окружающей молодого человека. А это означает, что нам с вами, как специалистам, работающим с молодым человеком, все сложнее делить себя.

Вот так же, как молодой человек себя между структурами, ведомствами не делит, так и мы с вами, с точки зрения нашей работы, вынуждены себя не делить, а специалист по работе с молодежью фактически на местах чаще всего оказывается ключевым специалистом, который работает целенаправленно, пытается, если не управлять, то хотя бы модерировать вот все это сложное воспитательное пространство. По-хорошему это должно, конечно, нас всех подталкивать к очень крепкой и постоянной кооперации.

Но вот по кооперации, сегодня коллеги про это тоже говорили, мы в прошлом году провели анализ по специалистам разных отраслей. Мы посмотрели специалистов, которые работают в высших учебных заведениях, коллег, которые работают в системе СПО, педагогов-организаторов, классных руководителей, специалистов по делам молодежи и так далее, на предмет того, как часто они между собой взаимодействуют по поводу одного и того же молодого человека.

Но не в режиме, знаете, «раз в месяц друг к другу сходить на мероприятие», а в режиме постоянной сверки часов. Потому что, условно, школьник до обеда в школе, после обеда где-то в другом месте. Насколько вот эти взрослые, которые встречаются на пути молодого человека, постоянно между собой синхронизируются, чтобы хотя бы элементарно друг другу не противоречить. Мы получили нехорошую картинку, потому что в системе среднего профобразования 45 процентов специалистов не имели опыта совместных проектов ни с кем другим.

А в школах не имели опыта совместных проектов 24 процента, в учреждениях молодежной политики 19 процентов. То есть, понимаете, каждый пятый специалист сферы молодежной политики не имеет опыта регулярного взаимодействия, повседневного сотрудничества с другим взрослым, который сопровождает того же самого молодого человека на его пути в течение дня. А среди педагогов-организаторов, например, и классных руководителей такой только один на десять человек.

Это второй очень серьезный вызов, потому что так же, как молодежная политика является политикой повседневности, так же она и в фундаменте своем, наверное, несет ключевое значение, несет кооперацию и взаимодействие. А третья очень важная вещь, с которой мы тоже сталкиваемся, это про наш современный, текущий инструментарий, которым мы владеем. Мы тут смотрели цифры о том, какое количество школьников в возрасте там 6, 7, 10, 12, 15 лет владеют разными инструментами, связанными с нейросетями. Кто может тексты генерировать, кто может «картинки» делать и так далее. Вот там эти цифры даже у ребенка с 7−8 лет уже уходят за 50 %.

Сколько наших взрослых также владеет современными инструментами для того, чтобы быть хотя бы просто сообразными тому молодому человеку, с которым он работает. А ведь у молодого человека, и это, мне кажется, одна из важнейших вещей, которую мы забываем, часто анализируя сферу работы с молодежью, все-таки особенность молодежного возраста — это то, что назвали прекрасным словом — телеономической направленностью, направленностью, устремленностью в будущее.

И в этом плане на каждый такт работы с исторической памятью у нас с вами должен появляться такт работы с будущим, не в ущерб исторической памяти, но в том же объеме. Но мы с вами про это очень часто забываем. И последний важный момент, которым я закончу выступление, уважаемые коллеги. Вы знаете, мы фиксируем в молодежной среде очень серьезный запрос на нужного взрослого.

На взрослого, с которым молодому человеку не страшно сделать вот этот шаг в будущее. Ошибиться, облажаться и идти дальше. Взрослого, у которого у самого вот эта устремленность в будущее есть. Чиновники очень часто любят говорить такими сложными словами, и мы как-то пытались для себя ответить в тем же цели молодежной политики.

У нас в Федеральном законе о молодежной политике есть три цели, ради которых она реализуется, записанные в законе. Там написано: «обеспечение

устойчивого социально-экономического развития страны», «обеспечение глобальной конкурентоспособности» и «обеспечение национальной безопасности». Вот мы у себя в институте и с коллегами решили, что мы про эти цели будем говорить только языком любви.

Потому что что такое «обеспечение устойчивого социально-экономического развития страны»? Это про любовь к земле, к территории. И на самом деле для того, чтобы помочь молодому человеку влюбиться в место, в котором ты растешь, родился, в котором у тебя проходят лучшие годы жизни или у тебя с ним связаны какие-то добрые воспоминания, и все остальное. Есть только один инструмент помочь ему влюбиться, — это возделать землю, возделать территорию.

Мы поэтому на самом деле практически всем нашим коллегам в учреждениях молодежной политики всегда советуем постоянно работать над собой. Глобальная конкурентоспособность в нашем представлении — это, наверное, про любовь к себе, потому что, полюбив себя, можно целенаправленно начать работу по совершенствованию себя, чтобы стать лучшей версией себя, потому что себя невозможно совершенствовать, если ты себя не любишь, если не принимаешь.

И это вторая задача специалиста, по-моему, помочь молодому человеку влюбиться в самого себя и стать лучшей версией себя, чтобы стать конкурентным, стать в масштабах целой планеты, чтобы каждый молодой человек на всей территории планеты мог посмотреть и захотеть стать таким же молодым человеком. А третья задача специалиста — это национальная безопасность.

Но мы рассудили так, национальная безопасность от слов «национальная», «нация» — это мы с вами все, поэтому это про любовь к окружающим, про любовь к ближнему, потому что, если вы ближних любите, окружающих, вы будете о них и заботиться, а самое главное, вы их будете готовы защищать. Вот поэтому, на мой взгляд, сейчас ключевая проблема молодежной политики на текущем этапе, это, наверное, проблема взрослых, которые часто забывают, что такое любовь, и которые не умеют эту любовь показать, научить современного молодого человека.

Поэтому, мне кажется, здесь огромное поле для нашего осмысления и для нашей практической работы.

Бажитов Николай Викторович, директор Института молодежи, руководитель рабочей группы инфраструктуры и молодежной политики «Общие отраслевые вопросы», экспертного совета комитета Государственной Думы по молодежной политике.

Искусственный интеллект в образовании и науке

Г. Г. Малинецкий
Институт прикладной математики РАН имени М. В. Келдыша
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В докладе дается оценка современному состоянию искусственного интеллекта, результатами развития которого воспользовались прежде всего — военная сфера и криминал во всем мире. И если в военной сфере, мы знаем, что делать, то как бороться с активностью искусственного интеллекта в криминальной сфере — совершенно неясно. В связи с этим чрезвычайно важная проблема, влияющая на развитие искусственного интеллекта у нас в стране — падение качества массового математического образования, даваемого в школах России.

Ключевые слова: искусственный интеллект, сферы применения, военная революция, искусственный интеллект и криминал, искусственный интеллект и образование, искусственный интеллект и социальная сфера

В связи с развитием искусственного интеллекта появляются определенные озабоченности.

В свое время Алан Тюнинг, выдающийся криптограф и математик, придумал компьютер. Идея очень простая. У нас есть одна головка, есть бесконечная лента с ноликами и единичками, и какая-то со «стоп». Тезис Тюнинга говорит о том, что любые алгоритмы можем запрограммировать вот на этой машине. Это сложно. Программирование — это гигантская область. Поэтому, естественно, возникает вопрос, как это сделать проще. И мой руководитель, мой учитель Сергей Павлович Рудимов, директор Института прикладной математики имени Келдыша Российской Академии Наук, говорил: «Очевидно, на помощь придет сегодня самоорганизация».

В самом деле, у нас ведь нет инструкции для мозга. Мы учимся по ходу своих действий, мы учимся по ходу жизни. Может быть, так же устроить электронные системы? И вот компьютерные системы, связанные с искусственным интеллектом, устроены ровно так же. Они имитируют те принципы организации мозга, которые мы смогли увидеть.

Сейчас мы уже перешли от науки к технике, к конкретным вещам. К чему это приводит? Кай Фулли, один из выдающихся специалистов в области искусственного интеллекта, говорит следующее: «Примерно через 10−15 лет половина всех людей, которые в США работают, они останутся без того дела, которым они занимаются сейчас. Их заменит искусственный интеллект и компьютеры».

На мой взгляд, это очень сложная проблема, как раз я бы на нее обратил внимание наших гуманитариев. Вся русская литература связана с лишними людьми. Лишний человек Онегин, Базаров, Печорин, но это один богатый человек. А если их будет, ну, хотя бы 300 миллионов, что будут делать эти люди? На мой взгляд, очень сложная и очень интересная гуманитарная

проблема. Давайте для того, чтобы обсуждать искусственный интеллект, напомним позицию нашего президента в этой сфере.

«Искусственный интеллект — это будущее не только России, это будущее всего человечества. Здесь колоссальные возможности и трудно прогнозируемые сегодня угрозы. Тот, кто станет лидером в этой сфере, будет властелином мира. И очень бы не хотелось, чтобы эта монополия была сосредоточена в чьих-то конкретных руках. Поэтому если мы будем лидерами в этой сфере, мы также будем делиться этими технологиями со всем миром, как мы сегодня делимся атомными технологиями и ядерными технологиями». Это было сказано в 2017 году.

В послании Федеральному собранию наш президент сказал, что наш главный враг — это отставание. В свое время президент Академии наук СССР и директор нашего института Мстислав Келдыш говорил следующее: «Если мы науку рассматриваем как не забаву любознательных профессоров, а как важный социальный институт, нужно выбрать один-два приоритета, на которых обратить основное внимание».

Тогда основными приоритетами были атомный проект и космический проект. Именно реализация этих проектов и обеспечивает сейчас суверенитет России. Был третий проект, и он считал, что это огромная беда, что не удалось реализовать компьютерный проект. Ну, в самом деле, у каждого из нас мобильный телефон. Но чей это телефон? Нероссийский.

У нас нет компьютеров, у нас нет планшетов, у нас нет суперкомпьютеров, у нас нет своих эффективных микросхем. Эта задача осталась следующему поколению. Наш президент поставил эту проблему как политическое решение в 2017 году. Но давайте посмотрим с другой стороны. Сейчас есть две сверхдержавы искусственного интеллекта. Это Китай, который тратит на искусственный интеллект в 350 раз больше, чем Россия. И США. Обращаю внимание на программу Трампа. Программа Stargate предполагает, что США вложат в ближайшие годы в искусственный интеллект 500 миллиардов долларов. Это 100 тысяч рабочих мест и 4 атомные станции. Поэтому на мой взгляд, для того, чтобы, по крайней мере, войти в сферу державы «искусственный интеллект», тоже нужно вкладываться.

Более того, мы получили качественный сдвиг. Оказалось, что машина может учить машину. Две с половиной тысячи лет назад была придумана игра Go. В Китае это национальная игра. И вот здесь чемпион мира Кадзе, китаец, играет с программой AlphaGo в 2017 году на саммите игры Go. Он проиграл три партии. Без искусственного интеллекта нам не удавалось научить играть в Go.

Почему? Потому что очень много позиций. 10 в 170-й степени позиций. Во всей вселенной 10 в 80 степени атом. Это гораздо больше. Когда Кадзе проиграл три партии, он дал интервью: «Я думал, что она играет как выдающийся игрок Го, но я ошибался. Она играет как бог игры в Го. Она предъявила стратегию, которую люди никогда не играли за 2500 лет». А дальше следующие поколения программы начали обыгрывать всех игроков.

Действительно, компьютерные системы развивались очень быстро. За время их совершенствования быстродействие выросло в 10 в 18-й степени раз. Естественно, когда у вас возникает новая технология, то ей прежде всего пользуетесь две сферы — это оборона и криминал. Что касается обороны, то в оценке блока НАТО полагается, что искусственный интеллект — самая главная технология, которая когда-либо придумана в истории человечества.

Исходя из проспекта НАТО, в 2040 году, как они предполагают, у них будет абсолютно новое поколение оружия. Как мы знаем, на территории противника самолеты уже не летают, танки уже не ходят, и вертолеты не летают, потому как что их поражает, в тысячу раз дешевле этих самых самолетов, танков, вертолетов. НАТО полагает, что к 2040 году и остальные виды нынешнего оружия станут бесполезным хламом.

Это будет новое. Сейчас происходит военная революция в очень большом масштабе. Это вызывает очень большую озабоченность. Мы пробуем сейчас предложить контрмеры. Ну, а вторая сфера — это криминал. Сейчас общий масштаб криминальных сделок по, соответственно, криминальной преступности — 10 триллионов долларов. Он уступает только Соединенным Штатам Америки по ВВП и Китаю. За последние 4 года число компьютерных преступлений в России выросло в 8 раз. Компьютерных преступлений сейчас стало больше, чем всех остальных преступлений. Честно говоря, вот сейчас мы разводим руками, мы не знаем, что делать? Ситуация радикальная. Она очень тяжелая и неясная. Потому что сейчас удается расследовать только каждое пятое компьютерное преступление.

Теперь что касается образования. Ситуация ровно такова: у нас в России не хватает 600 тысяч учителей. Каждый учитель сейчас в России, в российских средних школах, работает на 1,6 ставки. Я продолжу мысль, высказанную здесь, что действительно половина школьников пользуется услугами репетиторов. Назывались суммы в 415 миллиардов, которыми мы оценивали эти вещи. На наш взгляд получается больше, но тем не менее ситуация — она ровно такая. Более того, я думаю, что вот наш университет является счастливым исключением.

Но ведь вы понимаете, если ситуация такова, то очень интересно смотреть: а где мы? Мы лучшие в мире или худшие? Советское образование было лучшее в мире. Ныне периодически проводится сравнение 15-летних ребят из разных стран. В последнем, где участвовала Россия в 2018 году, приняли участие школьники из 79 стран – 600 тысяч человек (так называемый конкурс PISA). Проверялись знания по физике, естественным наукам по математике и чтению на родном языке. Нужно было применять знания, не надо было доказывать теоремы. Ситуация такова, если мы были первые, то сейчас по математике мы находимся на 30-й позиции. Причем, обращу внимание, аналогичная ситуация в гуманитарной сфере. Здесь мы еще ниже. Мы на 33-й позиции. То есть на самом деле к чему это приводит? Это приводит к тому, что мы имеем глобальный кризис высшей школы. Сейчас в мединституте, в Сеченовской академии отчисляется 2 от 3 поступивших.

В Бауманском институте (бывший МВТУ имени Н. Э. Баумана) отчисляется половина поступивших. Школьники не могут тянуть учебную программу, а оставить врачей без знаний тоже невозможно. Более того, ситуация такова, что вот профессор Саватеев, и мы согласны с его оценкой, полагает, что соответственно 90 процентов школ России не дают полноценного образования. Более того, примерно 35 процентов школьников России не успевает по одному из предметов.

Саватеев предлагает очень простую меру — 30 на 30. 30 человек, которые руководили российским образованием, в частности значительная часть из Академии образования, должны быть отстранены от этой сферы. Потому что в течение 30 лет они рассказывали, что дела становятся лучше, лучше и лучше. А кто впереди? А впереди, понятно, кто? Те страны, которые активно развивают технологии. Это Китай, это Финляндия, это Южная Корея, Япония. Их ребята, они наверху, а мы, наши ребята, в среднем они ниже, чем ребята из стран НАТО.

Вот реальный пример, который я обычно всегда привожу. Когда я поступал в Московский университет, то журнал «Квант» — его создал великий Колмогоров в 1970 году, читали все. Там были сложные задачки для ребят, которые занимаются физикой и математикой. И тогда тираж этого журнала был 350 тысяч экземпляров. Сейчас ситуация другая. Сейчас у этого журнала 900 экземпляров, на всю Россию, на весь наш оборонный комплекс, на всю нашу науку 900 штук.

А как же мы дошли до жизни такой? У нас личностно-ориентированное образование. Кто его идеолог? Да вот этот самый господин Асмолов. Неважно, какие знания, важно, чтобы росла личность. Должна быть неясность в школах, это его принцип. Господин Фурсенко, который говорил: «Советское образование готовило творцов, а нам надо готовить потребителей». Обращу внимание на выступление вице-президента США Д. Вэнса в мае этого года: «Мы в Америке – нация создателей. Этим мы сильны». Ну, а наконец господин Кузьминов, очень жаль, что мои коллеги из высшей школы ушли, он говорил следующее: «Учителя не нужны сейчас. Электроника заменит всех. Должны быть электронные профессора, электронные доценты и так далее». И здесь на помощь пришел Герман Оскарович Греф. Он сказал, что учителя вообще не нужны, «у нас будут сберклассы без учителей».

Я думаю так. Мы с вами помним много вещей, которые мы хотели создать. Помните, нанотехнологии, «блокчейн» и т. д., но не получилось. Я очень надеюсь, очень хочу этого, чтобы нам удалось от имитации перейти к подлинности хотя бы в сфере искусственного интеллекта.

Малинецкий Георгий Геннадьевич, директор Научно-образовательного центра ИФПИ Московского гуманитарного университета, заведующий отделом моделирования нелинейных процессов Института прикладной математики РАН имени М. В. Келдыша, главный редактор журнала «Искусственный интеллект», доктор физико-математических наук, профессор

Участие в конкурсах общественных проектов и повышение гражданской активности студенческой молодежи

М. Г. Солнышкина
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В докладе рассматривается опыт участия студентов в конкурсе общественных проектов на примере конкурса «Моя страна, моя Россия», который был проведен в рамках преподавания учебной дисциплины «Общественный проект обучения и служения». Конкурс социальных проектов рассматривается как мощный стимул, определяющий гражданские ценности молодежи, ее вовлеченность в гражданско-патриотические, социально-гражданские практики, тем самым способствующий формированию жизнеспособной личности.

Ключевые слова: общественный проект обучения и служения, конкурс «Моя страна, моя Россия», ценностный портрет проектанта, жизнеспособная личность, общественная память, волонтерство, интернатные учреждения, ресурс личности

Я буду рассматривать участие студентов в конкурсах общественных проектов на примере конкурса «Моя страна, моя Россия». Идея этого конкурса в полной мере соответствует концепции учебной дисциплины «Общественный проект обучения и служения».

Собственно, в процессе участия был сформирован обобщенный ценностный портрет проектанта, участника конкурса, как активного субъекта образовательной технологии обучения служениям. В рамках этой деятельности, собственно, жизнеспособность личности рассматривается через призму участия в конкурсах общественных проектов.

Ну, хотелось бы отметить, что освоение дисциплины «Общественный проект обучения служениям» предполагает развитие гражданственности путем разработки и реализации социально ориентированного проекта с использованием профильных знаний и умений, полученных в учебном процессе. Данная дисциплина включена в образовательную программу высшего образования вузов России в соответствии с перечнем поручений Президента Российской Федерации 29 января 2023 года.

На недавно проходившем седьмом Всероссийском социологическом конгрессе социологии и общества «Формирование и функционирование общественной памяти» (12−14 ноября 2025 года) работал Всероссийский круглый стол «Обучение служением как инструмент формирования и трансляции общественной памяти, развития ответственности, укрепления связи между поколениями». Вот там еще раз подчеркивалось, что для данной технологии обучения служением характерно единство образования и воспитания, это особая философия образования, когда студенты становятся носителями общественной памяти, что это педагогическая инновация образовательной практики высшей школы, подчеркивался государственный статус программы и участие 530 вузов в этой программе в настоящее время. Вот

хотелось бы сказать, что на этапе освоения данной программы, которая касается разработки паспорта общественного проекта, важным учебно-методическим и воспитательным ресурсом освоения дисциплины является участие студентов в проектных конкурсах федерального, регионального и муниципального уровня.

Надо сказать, что конкурсы общественных проектов в настоящее время активно представлены в современной молодежной политике. Они являются механизмом поиска решений социально значимых проблем, формой поддержки талантливой молодежи в реализации инновационных идей. Кроме того, конкурсы предоставляют финансовые ресурсы для реализации проектных разработок.

Конкурсы инициируются законодательными и исполнительными органами власти всех уровней, представителями бизнес-сообщества, ресурсными центрами по основным направлениям молодежной политики, в частности развитие инклюзивного пространства, межкультурного диалога, экологическое просвещение, сохранение семейных ценностей, популяризация спорта и здорового образа жизни, поддержка волонтерства, профилактика девиантного поведения и социализация молодежи.

Учитывая специфику дисциплины, общественный проект обучения служениям, всероссийский конкурс «Моя страна, моя Россия» был рекомендован студентам как площадка поддержки проектов и инициатив с целью профессиональной и личностной самореализации молодежи в различных сферах деятельности. Ключевые составляющие данного конкурса — гражданско-патриотическое, образовательное и карьерное. Собственно, из итогов конкурса следует, что в 2025 году в нем приняли участие 74 369 человек из всех регионов России.

Студенты Московского гуманитарного университета активно участвовали в 22-м всероссийском конкурсе молодежных проектов и проектов в сфере образования «Моя страна, моя Россия».

Было представлено 11 студенческих проектов по формированию семейных ценностей, по развитию молодежных инициатив ненасилия, по культурной социализации воспитанников интернатных учреждений, профилактики буллинга среди детей групп риска, а также социокультурные, образовательные, экономико-предпринимательские, экологические проекты. В их разработке приняли участие более 40 человек.

Разработанные студентами МосГУ проекты соответствовали номинациям «Моя гордость», «Моя малая родина», в частности проект «Сельское сердце», номинация «Цифровая среда для повышения качества жизни». Это проект был «Экономический курс — твой путь к экономической свободе». В номинации «Интеллектуальная собственность моей страны» разработан проект «Маркетинг в действии: создать свой бренд», в номинации «Экологика моей страны» — проект «Вторая жизнь вещей».

Особую ценность имеют те проекты, которые были реализованы на площадках социальных партнеров МосГУ. В частности это творческий

проект, разработанный будущими артистами — «Театр для всех» на базе иммерсивного театра народов России.

Социальный проект, разработанный будущими специалистами государственного муниципального управления по адаптации выпускников интернатных учреждений «Искра добра» и осуществленный в специальной коррекционной школе-интернате № 31, а также социальный педагогический проект, разработанный будущими юристами, профилактика буллинга в школе-интернате, который был реализован в Центре содействия семейному воспитанию № 1 города Москвы. Ну хотелось бы сказать, что в стенах МосГУ была разработана Луковым Валерием Андреевичем концепция субъектно-ориентированного подхода к социальному проектированию. Мы ей пользовались, и в рамках этой концепции надо сказать, что тема проекта определяется его командой, исходя из социальных задач и проблем общественной жизни, интересов и ценностей проектантов и признании тезауруса создателя проекта источником проектной идеи.

Многообразие направлений и тематик проектирования демонстрирует ценностные ориентации студенческой молодежи, формирующиеся картины мира, которые постепенно по мере социализации и обретения социальной идентичности конструируются в их сознании. В разрабатываемых проектах молодежь реализует собственные интересы, соответствующие тезаурусу личности, основываясь на ведущих принципах социального проектирования, которые выражают его философию.

Это соответствие ценностно-нормативной структуре общества и ориентации на социально-типичные потребности. При разработке концепции проекта реализуется командный подход, то есть каждый проект разрабатывался командой студентов от двух до пяти человек с учетом коммуникационных, профессиональных и межличностных эффектов и отношений для обмена идеями.

В командах студентов происходит распределение ролей и обязанностей для достижения проектируемых результатов через совместную деятельность, происходит формирование ценностей сотрудничества и взаимодействия, осуществляется взаимодействие с внешними партнерами для формирования проектных задач, для предоставления ресурсной базы реализации проектов.

Таким образом формируется опыт проектной деятельности. При подаче заявки на конкурс проектов также реализуется командный подход.

В команде распределяется ответственность по поиску публикации о проекте, подготовке презентационных материалов в соответствии с требованиями конкурса, происходит взаимодействие с заинтересованными организациями и социальными партнерами, для получения писем поддержки, подготовка фото- и видеоматериалов о проводимых мероприятиях.

Таким образом, необходимо отметить, что участие в конкурсах социальных проектов предоставляет уникальные возможности для студенческой молодежи проявить себя, развить лидерские качества, управленческие навыки, реализовать социальную ответственность, помогать нуждающимся вносить

позитивные изменения в общество, сформировать коммуникационный ресурс личности, приобретение полезных контактов с единомышленниками и партнерами, а также обеспечить необходимые условия для успешной реализации социальной инициативы и привлечения внимания общественности.

Таким образом, важнейшими ценностными ориентациями участников конкурса проектов выступают целеустремленность, самостоятельность, коммуникабельность, оптимизм, инициативность, включенность в решение проблем общества, которые относятся к гражданским ценностям личности.

Именно они формируют обобщенный ценностный портрет проектанта участника конкурса как активного субъекта образовательной технологии обучения служениям — учиться, оказывая общественные услуги. Кстати, и само это участие, которому предшествует разработка авторского социального проекта, а часто и его реализация, демонстрирует высокий уровень социальной и гражданской активности.

В заключение следует отметить, что соотнося обобщенный ценностный портрет проектанта участника конкурса как активного субъекта образовательной технологии обучения служением и проектную модель жизнеспособной личности Игоря Михайловича Ильинского, необходимо отметить, что конкурс социальных проектов может рассматриваться как мощный фактор, который конструирует гражданские ценности молодежи и активную вовлеченность в гражданско-патриотические, социально-гражданские практики и таким образом способствует повышению уровня жизнеспособности личности. Все поданные на конкурс проекты успешно прошли модерацию, экспертную оценку. Их авторы-разработчики получили сертификаты за участие в конкурсе «Моя страна, моя Россия».

Солнышкина Марина Георгиевна, профессор кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета, доктор социологических наук, профессор

Аксеологические основы формирования мировоззрения российской молодёжи

А. П. Абрамов
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В докладе рассматриваются аксиологические основы формирования мировоззрения российской студенческой молодежи. Особое внимание уделено решению проблемы воспитания патриотических ценностей и духовно-нравственного кода у студентов высшей школы, которое видится в развитии у них способности осмысления действительности, в глубоком овладении историческими и философскими знаниями.

Ключевые слова: аксиология, аксиологические константы, мировоззрение, ценности, философско-религиозное наследие, целостная личность

Вполне очевидно, что в условиях проведения Россией на территории Украины специальной военной операции, вопросы сохранения своей самобытности, суверенитета и независимости актуальны, как никогда. Собственно, эти задачи напрямую связаны с определением аксиологических основ формирования мировоззрения российской молодежи, и прежде всего, студентов.

В середине XIX века, аксиология получила статус самостоятельной науки, и представители русской философии Бердяев, Ильин, Флоренский и другие наполнили ее новым содержанием. Именно в русском историко-философском наследии мы находим тот ценностный ряд — универсум, который составляет современную воспитательную повестку подрастающего поколения россиян.

Человек, жизнь, природа, общество, доброта, истина, красота, труд, понимание, общение, братство, свобода, совесть, справедливость, счастье, равенство – это набор аксеологических констант современного российского государства. Конечно, нужно добавить здесь такую константу, как «любовь». О таком понятии говорил Сергей Николаевич Бабурин.

Остановлюсь на вопросах актуальных сегодня. На повестке дня звучит проблема поиска своего духовно-нравственного кода, своих ориентиров, своих ценностей. Формированию патриотических ценностей, духовно-нравственного года у студентов служат и введение в высшую школу новых курсов и новое изучение основы российской государственности, истории Отечества. Это ответ на сегодняшние вызовы. Вместе с тем, результатами социологических исследований последних лет подтверждается тезис о том, что значительная часть нашей молодежи не соотносит свои частные интересы с позициями и интересами государства.

По мнению педагогов, череда из множества мероприятий патриотической направленности носит лишь фрагментарный характер и не приводит

к желаемому результату, к сформированному чувству патриотизма, в единственном эмоционально-чувственном и деятельностном компонентах. Решение проблемы видится в разработке системы методологических подходов, в основу которых будут положены императивы российского патриотического мировоззрения.

Кроме этого, конечно же, в рамках реализации этих задач и задач государственной молодежной политики необходимо ответить или дать более четкие ответы на вопросы: куда мы идем, куда мы зовем российскую молодежь. Поэтому особая миссия всех уровней образования состоит в развитии мышления. В свою очередь, высшая школа призвана развивать эти навыки до следующих стадий: мышление, понимание происходящего в стране и в мире, способность разумно осмысливать действительность, постигать смыслы и явления.

Вот те компоненты, которыми необходимо обладать выпускнику ВУЗа. Его необходимо научить думать. За постсоветские десятилетия научным сообществом выработались различные подходы, инструменты преподавания гуманитарных дисциплин в вузах. Вне зависимости от формата, дискуссии, игры, фестивалей и прочее, в их основу всегда закладывается формирование гуманитарного мышления.

Высшая школа уже пытается найти ответы на все эти вопросы. Как все-таки сконструировать это ядро или хотя бы выработать эти подходы? Некоторые вузы, в частности Санкт-Петербургский университет, предлагают переформатировать свой гуманитарный блок, в частности курс философии, и ввести восемь тем, которые будут иметь свое наполнение. Перечислю их: это мир, истина, благо, красота, культура, человек, общество, история, — предлагается такой рубрикатор, который находится в стадии апробации.

Но хотелось бы отметить следующее. Во многом, конечно же, наш духовно-нравственный код будет видеться в нашем философско-религиозном наследии. Но вряд ли мы сформируем целостную личность, если будем следовать в воспитании тезису, обращенному к молодежи со стороны некоторых воспитателей: «люби себя и все получится». В связи с этим вспоминаются известные слова «раньше думай о родине, а потом о себе». Но сегодня некоторые воспитатели переформатировали эту ценностную установку абсолютно в обратную сторону. С этим нельзя согласиться.

Здесь уже говорилось, что наша история – это наш исторический код. Но как-то так получается, что мы скромно замалчиваем, или вспоминаем лишь иногда наши эпохальные даты. Вот Великая Октябрьская социалистическая революция. Ее величие в том, что она действительно показала миру ту модель развития, которой можно руководствоваться в строительстве нового общества, обновленных социально-экономических отношений, в развитии культуры и

образования. Она показала, как переформатировать систему управления государством в социальную сторону. Это, пожалуй, самый главный урок.

Есть, конечно же и другие важные исторические события. В нашей советской истории было много замечательных фактов и событий, которые не следует забывать, а сделать предметом глубокого познания, инструментом формирования ценностей и нашего кода.

И в этой связи, конечно же, для ученых Московского гуманитарного университета открываются возможности для проведения собственных исследований и интерпретаций в сфере реализации государственной молодежной политики, формирования мировоззрения, ценностей и кодов у современного поколения студентов.

Абрамов Александр Петрович, заведующий отделом аспирантуры и учебно-методического управления Московского гуманитарного университета, доктор социологических наук, доцент

Молодежь. Наука. Доверие. Воспитание жизнеспособных поколений в эпоху перемен

Р. Ю. Давыдова
руководитель молодежной секции комиссии РАН

Аннотация. В докладе рассматриваются вопросы воспитания научной молодежи, работающей в системе РАН. Здесь ключевыми институтами воспитания является работа молодежной секции комиссии РАН по изучению наследия выдающихся ученых, формирующей гражданскую позицию научной молодежи, и деятельность молодежной лаборатории будущего.

Ключевые слова: концепция воспитания жизнеспособных поколений И. М. Ильинского, деструктивные идеологии, современные образовательные инициативы, доверие к институтам, научная субъектность

Сегодня особую актуальность приобретает концепция воспитания жизнеспособных поколений, разработанная Игорем Михайловичем Ильинским. Она исходит из понимания воспитания, как процесса, обеспечивающего не просто адаптацию к условиям времени, а способность молодого человека быть творцом собственной судьбы и активным созидателем будущего.

Сегодня эта концепция требует нового прочтения в контексте вызовов, в которых мы сейчас проживаем — цифровой среды, гибридных угроз, демографических изменений и кризиса доверия. Поэтому современная молодежная политика, как мне кажется, должна повышать научную и технологическую субъектность, укреплять доверие молодых людей к институтам и создавать условия для междисциплинарного роста.

Мы должны учить молодых людей не только гордиться прошлым, но и создавать будущее. Поэтому так важно сказать о работе молодежной секции комиссии РАН по изучению наследия выдающихся ученых по формированию положительного имиджа молодых ученых.

Обеспечение научной преемственности и передача накопленных знаний старшим поколением младшему — это, конечно, наиболее сейчас актуальная тема. Поэтому наша молодежная секция взаимодействует со всеми организациями, ведущими учеными, специалистами, заинтересованными в развитии отечественной сферы науки и высшего образования. Сегодня молодежная дипломатия как деятельность молодых людей, направленная на развитие международного диалога и укрепление понимания между странами и культурное сотрудничество, переходит на новый виток развития. В современном мире она играет роль моста между поколениями и государствами. Современные процессы — от изменения климата до этических последствий, технологических прорывов — требуют от молодых ученых не только профессионального мастерства, но и глубоких нравственных

оснований. Поэтому мы обращаемся к этнонаследию выдающихся ученых, таких как Владимир Иванович Вернадский, Никита Николаевич Моисеев. Их труды, как живое руководство к действию для молодых ученых, надо изучать и популяризировать.

Сейчас, в эпоху перемен, молодые люди часто сталкиваются с тревожностью, страхом перед будущим. На Западе мы наблюдаем наступление деструктивных идеологий — потребительства и фашизма, а также перманентные сигналы дерусификации, атаки на русский язык, русскую культуру и фальсификацию истории. Такое целеполагание следует назвать не иначе, как каскадом культурных диверсий, которые последовательно ведут к политическому, экологическому, демографическому, социальному и даже экономическому ослаблению нашей страны. Исходя из этой ситуации, важно понять, как воспитывать жизнеспособное поколение. Молодежи нужен пример. И именно выдающиеся ученые, с их выдающимися достижениями в науке могут быть этим примером.

Особая роль здесь принадлежит высшей школе, которая в данных условиях выступает не только как институт профессионального образования, но и как пространство формирования гражданской зрелости, социальной ответственности и культуры научного мышления.

Одним из эффективных инструментов реализации нашей воспитательной миссии становится проект «Путь в науку». Ведь наука — это не только академическая дисциплина, это и способ мышления, основанный на критическом анализе и доказательствах. Современные образовательные инициативы, такие как проектные школы, научные международные исследовательские сообщества, они необходимы. И, конечно, здесь важен фактор доверия, — того, что нас сближает, сплачивает. Доверие — это не только про институты, это еще и внутреннее доверие молодежи к ним. Здесь необходимы поддерживающая образовательная среда, наставники, доступ к научным знаниям. Именно они помогают развивать критическое мышление, а вместе с ним и чувство собственной компетентности. Например, участие школьников в олимпиадах помогает им решать сложные задачи, а это как раз то, что необходимо в наше время.

Прекрасен и замысел, и посыл нашего медиапроекта «Путь в науку». Он заключается в популяризации науки и ориентации молодежи на научную деятельность. Здесь нужна поддержка молодых талантов в их стремлении заниматься научной деятельностью. Этому служит деятельность нашей молодежной лаборатории будущего. Один из проектов нашей лаборатории — это проект «Академические встречи». Он ориентирован на связь поколений, когда старшее поколение — ученые, академики РАН делятся своим примером, своим

опытом пути в науку. Это влияет на гражданскую позицию молодых ученых, стимулирует их научную деятельность.

Наша лаборатория будущего, которую мы создали, может быть площадкой, объединяющей молодежные творческие группы, работающими над междисциплинарными проектами. Сегодня важно укреплять доверие между поколениями ученых, создавать возможности и поддерживать инициативы. Опираясь на наследие уважаемого Игоря Михайловича Ильинского, мы можем подготовить поколение, которое сможет не только адаптироваться к миру перемен, но и эффективно формировать его.

Давыдова Рената Юнировна, руководитель молодежной секции комиссии РАН, председатель комитета по науке Международной ассоциации молодежных организаций

От малой Родины к большой стране. Формы и инструменты гражданского воспитания и культурной интеграции

О. О. Хлопонина, Т. А. Горелова
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В докладе представлена методология преподавания основ российской государственности, которое строится как система патриотического воспитания, исходя из принципа: знание — понимание — умение.

Ключевые слова: основы российской государственности, патриотическое воспитание, тезаурусный подход, духовная сила культуры

Речь пойдет о преподавании основ российской государственности. Когда был введен этот предмет, стало понятно, что есть некоторые проблемы. Они касались восприятия этого предмета студентами, многие из которых считали, что это нечто вроде истории, что-то подобное было в школе, можно и не слушать. Но нам было понятно, что основа для преподавания этого предмета — патриотизм. Патриотизм — это любовь к Родине, и готовность ее защищать, как в военное, так и в мирное время. Патриотизм как чувство сопричастности, это как моя семья, которую я никому не дам в обиду. Патриотическое воспитание основывается на любви к Родине. Этот тезис стал для нас готовой парадигмой, в которой надо действовать. Эта парадигма в свое время методологически была обозначена И. М. Ильинским, который сформулировал ее так: знание — понимание — умение. Без вектора понимания любое преподавание основ российской государственности превращается просто в набор фактов. Соответственно, мы стараемся, преподавая этот предмет и проводя семинары, действовать именно в этом русле.

Конечно, мы рассказываем о том, что такое государственное устройство нашей страны. У нас для этого есть учебник, который мы написали, и который вышел в университетском издательстве. В этом учебнике особое внимание уделено заданиям для семинарских занятий. Помимо передачи фактов эти задания позволяют студентам уяснить, как понимать любовь к Родине, какую роль здесь играет великая культура России, какова ее духовная сила.

При выполнении заданий студенты не могут обойтись без обращения к русской живописи, русскому искусству, русской истории. Но следующим шагом по внедрению понимания у нас являются доклады, которые студенты готовят, и темы которых они выбирают сами.

У нас есть рабочая программа дисциплины. Там, естественно, есть темы, связанные с историей России, с российской государственностью. Но кроме того, мы предлагаем подготовить доклад на тему «Моя малая родина». И вот эта тема как раз пользуется большой популярностью. У нас учится много студентов из разных регионов, из разных городов. Когда они рассказывают о чем-то своем,

согласно определенного плана, вот мы даем им такую схему, то получается так, что вся группа участвует в этом разговоре. Все включаются, все вникают в сущность жизни и деятельности своих городов и регионов.

Вот, например, есть город Кировск — это не просто какое-то далекое место, а оказывается «моя однокурсница Маша оттуда». И сразу мозаика большой страны складывается из маленьких таких мест, которые перестают быть чужими, они становятся близкими и родными. Далекое чужое мы со студентами стараемся перевести в далекое свое. Это может быть просто город Раменское, могут быть просто какие-то близкие места, знакомые. Так или иначе, это привносит личное отношение к российской государственности. Все это, опять же, действует в русле исследований нашего университета, потому, что у нас есть концепция тезауруса Валерия Андреевича Лукова.

Главным для нас является то, как общее перенести в личное, тогда большая страна становится нашей общей родиной. И студенты это чувствуют. Так мы стараемся прививать нашим студентам любовь к Родине.

Хлопонина Ольга Олеговна, доцент кафедры философии, социологии, культурологии МосГУ, кандидат культурологии, доцент, автор учебника «Основы российской государственности»;

Горелова Татьяна Анатольевна, профессор кафедры философии, социологии и культурологии МосГУ, доктор философских наук, автор учебника «Основы российской государственности».

Ценности современной молодежи: идеалы и реальное воплощение

А. В. Костина
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье идет речь о ценностях современной молодежи, которые под влиянием современной информационной повестки существенно изменяются. Несмотря на то, что ценности — это достаточно инертные образования, трансформация которых невозможна под влиянием каждой, пусть актуальной новости или сообщения. Однако, отрезок времени в два десятилетия, когда формируется новое поколение, такие изменения становятся не просто существенными, они становятся очевидными. Для усиления аргументации статьи, уже в момент подготовки сборника, в МосГУ был проведен опрос студентов по теме: «Воспитание, ценности и жизнеспособность поколений российской молодежи в условиях информационно-психологической войны» (март, 2026 г.), материалы которого учтены в данной публикации.

Ключевые слова: ценности, молодежь, семья, коллективизм, патриотизм.

В последние несколько лет различные социологические исследования фиксируют не просто статистические изменения, а глубинные сдвиги в ценностном сознании молодёжи. Эти данные требуют принципиального разговора о том, насколько институты воспитания и социализации готовы к вызовам, которые уже сегодня формируют личность завтрашнего дня.

Главная реальность, которую необходимо осознать, — это информационно-психологическая война, в которой мы находимся. Её масштаб, к сожалению, до сих пор осознают далеко не все. Но данные исследования свидетельствуют: системная защита от дезинформации, историческая конкретика и связь университета, семьи и социальных сетей — это уже не пожелания, а условие выживания.

Какие тревожные сигналы, свидетельствующие об этих изменениях, мы сегодня воспринимает? — прежде всего, размывание исторического сознания. 86% студентов гордятся победой в Великой Отечественной войне, 80% называют Советский Союз страной-победительницей. Это высокие цифры, которые часто успокаивают. Но дальше начинается самое опасное. Доля тех, кто правильно называет Германию виновницей начала Второй мировой войны, за шесть лет упала с 85% до 63%. Почти треть опрошенных — 27% — просто затруднились ответить на этот вопрос. А 6% прямо возлагают ответственность за развязывание войны на Советский Союз. Это не единичные мнения — это системный провал конкретно-исторического знания. Парадоксальным образом 80% уверены, что СССР победил, но 17% уже не могут назвать победителя вовсе. За шесть лет число тех, кто не знает, кто победил во Второй мировой войне, выросло почти в три раза. Если мы не знаем, кто развязал войну, мы не можем защитить правду о

её итогах. Это идеальная почва для исторических фальсификаций — и они уже дают всходы.

Добавим к этому, что только 34% студентов готовы гордиться Октябрьской революцией 1917 года, а 37% просто затрудняются с ответом. Событие, определившее ход всей отечественной истории XX века, оказывается в зоне смыслового вакуума. А в открытых ответах о том, чем можно гордиться, появляются не только «Победа» и «Гагарин», но и тревожные маркеры, такие, как «удобные сервисы» и «быстрые переводы денежных средств».

Все это свидетельствует о том, что историческая гордость всё чаще замещается конъюнктурными, ситуативными поводами, не имеющими глубокой культурной или исторической основы.

Второй существенный фактор, который вызывает существенное беспокойство — это влияние среды, которая формирует ценности. Она все более смещается в зону, неподконтрольную государственным институтам.

На вопрос о том, кто сегодня влияет на ценности молодёжи, 74% назвали семью — это хорошо. Но интернет и социальные сети уже на втором месте — 58%. Школа и университет — только 46%. При этом блогеры и лидеры общественного мнения (30%) уже опережают государственные институты (22%).

Молодёжь находится в зоне колоссального информационного давления, а институты воспитания работают с отставанием. Более того, 58% студентов прямо указывают, что соцсети формируют их ценности. А ведь именно в этих средах сегодня активно действуют деструктивные силы, использующие алгоритмы для усиления тревожности, разобщения и апатии.

Обратим внимание: молодежные организации и религиозные структуры набрали лишь по 6% — они практически незаметны в ценностной повестке. Трудовой коллектив — 5%. Это означает, что традиционные институты социализации либо утратили доверие, либо не владеют современными каналами коммуникации. Мы уступаем поле тем, кто говорит с молодыми людьми на их языке и в их среде.

На вопрос, находится ли общество в условиях информационно-психологической войны, 39% ответили «да», ещё 28% — «скорее да». То есть почти 67% фиксируют наличие агрессивной внешней информационной среды. Однако 23% затруднились с ответом — это зона неопределённости, которой активно манипулируют.

При этом устойчивость к манипуляции и дезинформации студенты называют одной из ключевых характеристик жизнеспособного поколения — 44%. Они понимают, что это важно. Однако понимание не равно сформированному навыку.

Сегодня становится очевидным, что благодатной средой для манипуляций является страх и неопределённость. Структура социальных страхов за последние двадцать лет претерпела драматические изменения. В 2004–2007 годах главным

страхом была потеря близкого человека (63%). Сегодня на первом месте — ухудшение материального положения: 57% (рост с 33%). Болезни — 52% (рост с 36%). Гражданской войны опасаются 46% (рост с 37%). Неясного будущего боятся 46%.

Это не просто бытовые тревоги — это фундаментальный сдвиг: фокус общественного сознания сместился с *ценностей личных отношений* на вопросы выживания. Резко упала значимость предательства друзей (с 41% до 23%) и страха одиночества. Люди замыкаются в базовых угрозах. Именно на этом фоне любые манипуляции работают эффективнее.

Важно и то, что в открытых ответах появляются формулировки, которые ещё несколько лет назад были немыслимы: «больше всего страшит не сама война, а прозрение: ты — расходный материал в спектакле, спланированном столетие назад». Так проявляется глубокое отчуждение, когда человек перестаёт верить в собственную значимость и начинает воспринимать себя лишь инструментом в чужих руках.

Парадоксальной тенденцией сегодня являются трансформации идентичности - роста космополитизма на фоне локального патриотизма. 62% студентов называют себя россиянами. При этом 46% — гражданами мира. Доля тех, кто идентифицирует себя с родным городом, областью, республикой - 51%. Мы видим одновременно и «укоренение» на локальном уровне, и уход в глобальную идентичность. Такая двойственность делает ценностную систему подвижной, а значит, доступной для внешнего влияния. При этом 13% затрудняются ответить, считают ли они себя патриотами, а ещё 7% — «скорее нет, чем да». Это зоны риска, где государственная идентичность замещается другими формами солидарности.

Лишь 37% считают, что молодёжь в целом способна нести ответственность за будущее страны. При этом 38% ощущают себя частью поколения, способного на такую ответственность. Молодые воспринимают жизнеспособное поколение, как поколение, для которого характерны: критическое мышление (61%), способность выжить, не деградируя (59%), устойчивость к манипуляции (44%), солидарность (43%), нравственные принципы (43%). И только 21% назвали чувство ответственности за страну. Это не значит, что его нет, — это значит, что в восприятии молодёжи «жизнеспособность» сегодня отделена от «ответственности перед обществом». Молодёжь готова защищать себя, но не связывает эту защиту с защитой страны.

Данные этого года фиксируют также изменения в том, что молодёжь считает нравственной нормой. 78% назвали важнейшим качеством нравственно зрелого человека честность, 73% — порядочность, 64% — справедливость, 54% — доброту. Это устойчивый запрос на этические ориентиры. В то же время жизненные приоритеты остаются традиционными: семья (80%), здоровье (74%), любовь (57%), друзья (50%). Но ценности социального порядка — права и

свободы человека, интересная работа, творческая самореализация — отошли на второй план. Это симптом: молодёжь сворачивается в приватную сферу, считая её единственно надёжной.

Отвечая на вопрос о социальной справедливости, 69% студентов видят её в равных возможностях и праве на достойную жизнь, 62% — в повышении уровня жизни, 48% — в социальной поддержке. Для 40% ключевым критерием справедливости является отсутствие большого разрыва между богатыми и бедными. Такой высокий процент показывает, что проблема неравенства находится в центре ценностных ожиданий молодого поколения.

Одним из традиционных вопросов в исследованиях университета является вопрос о понимании того, что такое «хорошая жизнь». Сегодня можно констатировать трансформации качественного наполнения таких представлений. Если в 2004–2007 годах материальную обеспеченность как составляющую «хорошей жизни» выбирали 73% опрошенных, то в 2026-м — 73,9%. Казалось бы, приоритет остался неизменным. Однако ключевое изменение происходит не в количественных показателях, а в **качественном наполнении** понятия «хорошая жизнь».

Два десятилетия назад «быть материально обеспеченным» было относительно универсальной формулой: стабильная работа, достаток, возможность удовлетворять базовые потребности. Сегодня эта же категория начинает дробиться на частные, ситуативные требования, которые фиксируются в открытых ответах.

Появление таких запросов, как *«отсутствие мигрантов», «ускоренный интернет как в Японии», «возвращение Моргенштерна»,* показывает, что **ценностная картина утрачивает целостность**. Молодые люди уже не формулируют обобщённый образ благополучия — они собирают его из фрагментов, продиктованных актуальной повесткой, личными вкусами, цифровыми сервисами и медийными инфоповодами. Эти фрагменты не складываются в единую иерархию, а существуют параллельно, часто противореча друг другу.

При этом **цифровая среда становится не просто каналом коммуникации, но источником самих критериев «хорошей жизни»**. Скорость интернета, доступ к заблокированным приложениям, присутствие или отсутствие определённых блогеров — всё это воспринимается как неотъемлемые условия благополучия. Цифровые сервисы и культурные символы (такие как Моргенштерн) начинают конкурировать с традиционными ценностями (семья, здоровье, образование) за место в формуле успеха.

Таким образом, **количественная стабильность показателя «материальная обеспеченность» скрывает качественный сдвиг**: от обобщённого социально-экономического запроса к мозаичному набору требований, который формируется под доминирующим влиянием цифровых

экосистем. Это и делает молодёжь одновременно более уязвимой для внешних воздействий и менее предсказуемой с точки зрения социальных ожиданий.

Как правило, делая социальные обобщения, мы оперируем средними цифрами. Но в отношении молодежи такой подход неприемлем. Детальный анализ показывает: в сознании молодежи формируются трещины, которые при отсутствии системной работы могут превратиться в разломы.

Молодежи нужна системная защита от дезинформации, встроенная в воспитание. Начиная с детского сада. В школе, колледже и вузе — не факультативно, а как обязательный компонент каждого учебного курса — от истории до естественных наук.

Нам нужно возвращать историческую конкретику. 85% гордятся Гагариным, но почти треть не знает, кто развязал войну. Это стыд для системы образования.

Обращают на себя внимание и страхи, которые фиксируют опросы: 57% респондентов опасаются ухудшения материального положения, 46% — гражданской войны. Открытое обсуждение этих тревог позволяет лучше понимать реальность, в которой находится молодой человек.

В заключение отметим следующее. Данные 2026 года свидетельствуют о том, что в сознании молодежи и ее ценностной системе происходят качественные сдвиги. Это не повод для паники, но основа для выстраивания более точной работы — в том числе по сохранению исторической памяти, развитию критического мышления и поддержке человеческого достоинства в условиях не только не прекращающейся, но постоянно усиливающейся информационно-психологической войны.

Костина Анна Владимировна, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, проректор по научной и издательской деятельности Московского гуманитарного университета. akostina@mosgu.ru.

Воспитание как форма повышения творческого потенциала студентов в освоении дизайна

Л. И. Абакумов
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы современного воспитания студентов в процессе подготовки дизайнеров по направлению 54.03.01.

Ключевые слова: воспитание, как форма повышения творчества в дизайне, мир дизайна, современные графические техники и технологии исполнения, искусственный интеллект, синтез знаний

Дизайн, как рукотворный процесс в создании различных предметов жизнедеятельности, имеет очень глубокие исторические корни. Всегда дизайн находился и совершенствовался вместе с цивилизацией, культурой и откликался своим творчеством на все научные изобретения, открытия, которые существовали в мировой практике. Сегодня, вместе с цивилизацией общества, ее прогрессом, роль дизайна выходит за рамки решений эстетических задач. Дизайн оказывает влияние на многие направления, в том числе и на бизнес, на рекламу, на эстетику. Разрабатывая бренд на продукцию своему «заказчику», дизайн помогает визуально выделить ее из аналогичного ряда товаров конкурентов. что является важной экономической выгодой для «заказчика». Разработанный дизайн конструкции упаковки и ее рекламное оформление внешней формы, взывает у покупателя потребность ее купить. Хороший дизайн всегда вызывает мажорные эмоции у населения и при этом продолжает оказывать свое влияние на многие сферы деятельности, создавая гармоничную предметно-пространственную среду. Дизайн, как все живое не стоит на месте, а стремительно меняется, развивается и совершенствуется.

В этом процессе студентам разных направлений, большую роль отводится воспитании в дизайн – образовании, как форма повышение творческого потенциала студентов. Приоритетным вниманием в получении теоретических знаний и практического опыта в профессии дизайнера, отводится профессорско-преподавательскому составу и студентам этих направлений. Кафедре необходимо определить новые перспективные задачи по темам обучения, обеспечить технологическое оснащение учебного процесса современным оборудованием и программным обеспечением. Студентам необходимо знать перспективные компьютерные программы, соответствующие задачам нового наступающего времени в образовании, знать потребности российского рынка труда в кадрах по направлению «Графический дизайн», а также проявлять творческую личную активность в освоении будущей профессии дизайнера.

Наука, а с ней новые технологии шагают вперед, несмотря на все процессы, проходящие в обществе. Для внедрения новой формы повышения творческого потенциала студентов, в освоении дизайна нового времени, студент должен перешагнуть некоторый психологический моральный барьер.

Мир шагнул в новое поле деятельности. Произошла научно-технологическая революция с внедрением нейросетей. И этому надо поэтапно учиться применять такую модель в учебном процессе, как очень важное направление в науке и промышленности и конечно в образовании.

19.11.2025 г. Президент России Владимир Владимирович Путин принял участие в X пленарном заседании «Путешествие в мир ИИ». Он отметил этот прорыв, как самый крупный проект в истории. Сегодня этот продукт нейросети уже практически используются в мировой практики, в т.ч. в Китае, Индии, в России и других странах. Практика использования нейросети, также используется в ВУЗах России (МГУ, ВШЭ, Томский ГУ, Казанский ГУ и др.).

20-22 ноября 2025 г. в Московском гуманитарном университете состоялась Конференция по теме: «Высшее образование для XXI века. Государственная молодежная политика на современном этапе: проблемы воспитательной работы в российских вузах». Ректор университета Наталья Игоревна Ильинская выступила с докладом, о роли и задачах нашего университета на ближайшие годы. В своей речи, она теоретически раскрыла важную тему, как использовать ИИ в образовательном процессе нашего университета и предложила создать для студентов специальный офис, в котором молодые студенты с помощью нейросети не только будут учиться на практике решать, как использовать нейросеть по задачам ВУЗа, но использовать учебный офис, как тренажера по изучению ИИ в решении практических задач в структуре университета. Это будет новым опытом и направлением в системе образования нашего университета.

Со временем накопленный практический опыт будет применен в структуре университета и затрагивать все кафедры для внедрения нейросети по своим задачам. Уже сегодня необходимо, в образовательном учебном процессе на специализации дизайна, развивать в студенте творческую, профессиональную роль лидера – руководителя проекта. Совершенствовать в них авторское мышление**,** видеть в студенте дизайнера-творца, с новыми возможностями. Роль воспитания, как форма повышения творческого потенциала студентов, должна стать мощным инструментом в синтезе с технологией ИИ. Такой тандем с ИИ позволит студентам кафедры использовать нейросеть в своей научно – производственной практике и получать богатый опыт в новой образовательной форме учебного процесса (например, подборка мокапов для продукции элементов ФС, сбор и анализ перспективных графических концепции, предложить вариантности неординарных исполнений, выполнить подбор нормативных документов, используемых в полиграфии, осуществить подбор тестовых заданий по гуманитарным дисциплинам, и т.д.).

Стремительное развитие искусственного интеллекта (ИИ) и его влияние на все сферы научной, производственной, образовательной деятельности в РФ, стало историческим фактом. ИИ нельзя не замечать, им надо учиться пользоваться, как инструментом в своем учебном процессе и профессиональной деятельности. ИИ нельзя рассматривать как живой разум. Важно научить

студентов ставить правильные задачи (промпты), анализировать и использовать их в своей практике.

Любой проектный процесс состоит из нескольких задач, которыми студенты должны руководствуются в процессе выполнения заданий.

1. Воспитательный. Дисциплинированность. Студент должен быть ответственным за сроки выполнения задания, быть самостоятельным в творческом процессе. Индивидуальность творческого процесса.

2. Методичность исполнения. В работе необходимо использовать методику проведения этапов задания и сроки их исполнения.

3. Ответственность. Принимать самостоятельные решения по творческим исполнениям. Выдерживать контрольные сроки исполнения проекта.

4. Уметь слушать преподавателя. Выполнять творческий поиск оригинальных решений, проводить диалоги по качеству исполнения работы и преодолевать трудности.

Преподаватель является руководителем проекта, профессиональным наставником. Преподаватель должен воспитывать в студенте его индивидуальность, ориентировать его на творческий поиск в решении оригинальных, эстетических и авторской исполнений творческой идеи.

Воспитание как форма повышения творческого потенциала студентов с учетом перехода в образовании, в ближайшие годы на специалитет (с 5-6 летней формы обучения), относиться к более комплексный и профессиональный подготовке будущих специалистов. Каждая дисциплина в этом формате учебном процессе играет важную уникальную роль и функциональную значимость в воспитании творческого специалиста. Формирует его более целостную личность как дизайнера, окончившего полный курс учебного процесса по направлению «Графический дизайн» – специалитет. Преподавание таких предметов, как: академический рисунок, академическая живопись, пропедевтика, проектирование и компьютерные дисциплины, являются основными дисциплинами в качественной подготовке будущих специалистов в области графического дизайна, нового времени. И для этой специализации найдутся задачи по использованию ИИ в практике подготовки студентов такого высокого уровня. (Ильинский, 2024).

Например, преподаватель рисунка – не просто учит студентов рисовать карандашом двухмерную графику, рисовать объем, создавать штриховые градации оттенков, но и воспитывает в студентах наблюдательность, делать быстрые зарисовки с фигур, рисовать гипсовые формы и понимать анатомическую схему в изображения фигур. Развивать их творческий процесс, принимая ими личное участие в конкурсах и выставках. Студенты начальных курсов, через рисунок, учатся рисовать внешнее и внутреннее пространство, предметы в перспективе. Такие рисунки является основой для создания в графическом дизайне серии графических иллюстраций для книжного дизайна. Преподаватель типографики – учит студента изобразить авторское начертание шрифта ручным методом исполнения, выполнить оригинальную шрифтовую композицию. В других специализациях, как: дизайн архитектурной среды;

предметный дизайна; дизайн интерьера; дизайна ландшафта – клаузура скетчинга, также является частью ручного творческого процесса и активно должна использоваться в учебном процессе. Преподаватель живописи – учит работать с цветом, светом и тенью, передавать эмоциональное состояние и атмосферу. Студенты на занятиях постигают гармонию цветовых сочетаний, учатся создавать глубину и объем с помощью цветовых нюансов. Воспитательная составляющая живописи – это развитие цветового восприятия и пониманию того, как цвет влияет на восприятие человека его психологию, способности к эмоциональному выражению. Преподаватель может ставить задачу студентам: экспериментировать с цветом; с тоновым набором или поиск самостоятельных гармоничных цветовых решений, что напрямую связано с развитием личной индивидуальности и авторского стиля. Пропедевтика – дисциплина, с которой начинающий студент познает самые первые азы владения различными инструментами, начиная от карандаша, пера, кисти, фломастера, до исполнения работ в графических программах Adobe Photoshop, Adobe Illustrator, CorelDRAW и др. В своей практики студенты учатся методическим основам и художественным средства построения композиций, теоретически и практически изучают средства гармонизации создания художественной формы. Изучают современные графические техники исполнения: flat design – плоский дизайн, sticker pack – изображения для использования в соцсетях и различных мессенджерах, технику аппликации, а также рельефные и объемные исполнения. Воспитательная составляющая пропедевтики – это привить любовь к выбранной профессии, к искусству в целом, научить использовать в своей практики большой набор технических средств и практических навыков, а также научиться выполнять, под руководством преподавателя, творческую стилизацию графического исполнения на тему проектных заданий.

Воспитание студента в процессе образования, неразрывно связано с изучение исторического культурного наследия и проходит через изучение история искусства и истории дизайна (Кандинский, 1990). Изучение истории искусства и дизайна предоставляет студентам необходимый культурный и исторический контекст. Это позволяет им проследить влияние различных эпох и культур на формирование эстетических предпочтений (Рунге, 2006). Через предмет истории искусства, студент знакомится с шедеврами мирового искусства, с творчеством великих мастеров. Такой предмет расширяет кругозор, формирует эстетический вкус и понимание того, что такое «хороший» дизайн. Воспитательный аспект здесь – это развитие критического мышления, способности анализировать произведения искусства, понимать их смысл и значение. Преподаватель может побуждать студентов к дискуссиям, к формированию собственного мнения. Определять связь между прошлым и настоящим, между стилями и направлениями проходивших в разных исторических периодах. Дисциплина «История дизайна» позволяет проследить развитие дизайнерских направлений, понять причины возникновения тех или иных стилей, изучить работы выдающихся дизайнеров. Воспитательная роль истории дизайна – это формирование понимания ответственности дизайнера

перед обществом, осознание того, как дизайн влияет на повседневную жизнь людей, экономику страны (Барт, 2001). Преподаватель может акцентировать внимание на этических аспектах дизайна, на его социальной значимости в современном мире, его роли в развитии экономики страны и создании современной технологической перспективной базы.

Кульминацией в воспитании, как формы повышения творческого потенциала студента в новых условиях образования, должно являться поэтапное внедрение ИИ в учебную практику студентов разных направлений для того, чтобы повысить роль человека как творца, при решении новых реалий для развития общества в синтезе с возможностями ИИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арнхейм Р. (1974) Искусство и визуальное восприятие (сокр. пер. с англ. В.Н. Самохина, общ. ред. и вст. ст. В.П. Шестакова), Москва: Прогресс. 28 с.

Барт Р. (2003) Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М. 512 с.

Ильинский И. (2024) Концепция воспитания жизнеспособных поколений российской молодежи. Москва: изд-во МосГУ. 36 с.

Кандинский, В. (1990) О духовном в искусстве. Ленинград: Литературная галерея. 68 с.

Рунге В.Ф. (2006) История дизайна, науки и техники: Учеб. пособие. Издание в двух книгах. Книга 1. М.: Архитектура. 368 с.

Абакумов Лев Иванович, заведующий кафедрой дизайна Московского гуманитарного университета, профессор, член Союза международной ассоциации союза дизайнеров (МОАСД), член союза дизайнеров Москвы. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-72-98. Эл. адрес: lev.ab@mail.ru

Радио как инструмент патриотического воспитания российской молодёжи

Е. М. Акимова
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье анализируются возможности радиовещания как эффективного инструмента патриотического воспитания молодёжи в современной России.

Ключевые слова: патриотизм, медиавоспитание, медиаформаты, гражданская идентичность, информационное пространство

Патриотическое воспитание в современной России возведено в ранг национального приоритета, закреплённого в «Основах государственной политики по патриотическому воспитанию граждан РФ» и других стратегических документах. Цель — формирование у молодых граждан общероссийской гражданской идентичности, ценностной ориентации на служение отечеству, уважения к его истории и культуре.

В условиях геополитической турбулентности существенно возросла необходимость консолидации общества и противодействия деструктивному влиянию на сознание массовой аудитории (Вартанова, 2017). Информационное пространство стало полем острой конкуренции за умы и сердца людей. Научные исследования показывают, что средства массовой коммуникации играют важнейшую роль в формировании системы ценностей молодёжи (Ахвледиани, 2009; Немцова, 2020; Головин, Коханая, 2022).

В эпоху цифрового доминирования, когда информационное пространство молодёжи формируют алгоритмы социальных сетей, стриминговые платформы и мессенджеры, роль традиционных медиа часто недооценивается. Однако радио как медиум обладает уникальным набором характеристик, адекватно соответствующих потребностям молодёжи. Современная молодёжь демонстрирует высокую степень медиаскептицизма и отторжение прямолинейной «вертикальной» пропаганды. Она обитает в гипериндивидуализированных цифровых экосистемах, где доверие строится не на авторитете источника, а на аутентичности контента и его интеграции в личный опыт.

Вместе с тем радио, пережив цифровую трансформацию (интернет-радио, подкасты, спутниковое вещание), сохранило свои исконные качества: «фоновость», интимность, доверительность, локальность, оперативность и относительную низкобюджетность производства контента. Именно эти особенности создают преимущества радиовещания перед другими электронными медиа во взаимодействии с молодёжной аудиторией. По данным проекта Radio Index компании Mediascope, 85% россиян слушают радио хотя бы один раз в месяц, а 52% делают это каждый день, что свидетельствует об устойчивом интересе населения к этому медиуму (Mediascope: Электр. ресурс, 2024).

Следует отметить дефицит исследований роли радио в молодёжной среде. Академический дискурс последних десятилетий фокусировался на изучении влияния интернета, социальных сетей и видеохостингов на сознание молодёжи,

тогда как радиовещание оказалось в центре внимания главным образом в контексте позиционирования как медиума для старших поколений. Исследование фактического состояния радиокоммуникаций в контексте молодёжной аудитории требует дополнительного внимания (Самаркина, 2023). Существует значительный пробел в эмпирических данных о том, слушает ли современная молодёжь радио, какой контент предпочитает, на каких платформах и в каких контекстах. Такие исследования объективно необходимы для выявления действенного влияния на сознание молодёжи и формирования у неё патриотических ценностей.

Классические модели пропаганды «сверху» малоэффективны для новых поколений. Сегодня актуальны непрямые, имплицитные формы патриотического дискурса, которые предлагает радио в виде разнообразных форматов: исторические подкасты, построенные на технике «сторителлинга» и архивных записях, оживляющие прошлое через личные истории; интервью с молодыми учёными, инженерами, спортсменами и волонтёрами, чьи успехи связаны с Россией, представляющие позитивные образцы для идентификации; музыкальные и культурологические программы, раскрывающие этническое и региональное разнообразие страны, формирующие «патриотизм сложной идентичности»; дискуссионные ток-шоу на острые социальные и исторические темы, где патриотизм представлен не как набор догм, а как пространство гражданской дискуссии и ответственности.

Радио открывает уникальные возможности для работы с исторической памятью. Современная молодёжь наследует сложное историческое прошлое, и радио с его доступом к архивным аудиозаписям обладает мощным эмоциональным инструментом для «оживления» истории. Это превращает историю из абстрактного набора дат в переживаемый опыт, способствуя формированию рефлексивного, осмысленного отношения к прошлому страны (Немцова, 2020; Гузева, 2015). Патриотизм часто вырастает из любви к «малой родине». Радио, особенно региональное и городское, — уникальное средство развития этой связи. Раскрывая проблемы и достижения конкретного города, давая слово местным героям, оно создаёт основу для гражданской идентичности.

Современное радио имеет широкие возможности для развития персонализации и интерактивности. Искусственный интеллект и аналитика больших данных открывают возможности персонализированного аудиовещания. Звонки в эфир, взаимодействие через социальные сети и голосовые сообщения в мессенджерах превращают радио в площадку для диалога с молодёжной аудиторией. Таким образом, формирование патриотизма становится интерактивным процессом сотворчества. Государство заинтересовано в укреплении медийного суверенитета. Радио, особенно государственные и поддерживаемые государством частные станции, являются каналом, который можно эффективно контролировать и использовать для формирования информационной повестки. Для молодёжи, активно собирающей информацию из разнородных источников, радио может выступать как стабилизирующий, смыслообразующий и верифицирующий источник, предлагающий конкурентную альтернативу (Абрамова, 2023).

Исследование современного радиоконтента показывает, что в российском медиапространстве существуют радиостанции и программные проекты, целенаправленно работающие над формированием патриотических ценностей среди молодёжи. Эти платформы сочетают традиционные методы патриотического воспитания с современными форматами, соответствующими потребностям цифрового поколения. По данным компании Mediascope (2024), суточный охват ведущих российских радиостанций значительно варьируется: «Авторадио» охватывает 7,5 млн слушателей в сутки, «Дорожное радио» — 6,8 млн, «Европа Плюс» — 5,6 млн. При этом данные об охвате молодёжной аудитории (18–35 лет) требуют дополнительного уточнения через специализированные исследования.

Представленные в научной литературе многоуровневые системы воздействия радиоконтента функционируют на основе: когнитивного уровня (передача знаний через исторические программы и документальные циклы); эмоционального уровня (использование аудиодрам, музыки и личных историй); поведенческого уровня (интерактивные акции и челленджи); ценностного уровня (ток-шоу с экспертами и дискуссии) (Машин, 2014).

Особенно ярко влияние радиовещания на формирование патриотизма молодёжи проявляется в проектах, посвящённых Великой Отечественной войне. Масштабный проект «100 дней до Победы», запущенный «Радио ЗВЕЗДА» с 29 января 2025 г., представляет собой ежедневную аудиохронику заключительного этапа войны (Радио ЗВЕЗДА: Электр. ресурс, 2025). Этот формат позволяет слушателям не просто узнать факты о главных событиях 1945 г., а прочувствовать их через живые эмоции и достоверные детали. Программа пробуждает в слушателях гордость за подвиг советского народа, сопереживание фронтовикам и тыловикам, благодарность ветеранам.

Умелая адаптация патриотического контента к современным форматам — ключевой фактор воздействия радиостанций. Интерактивные инициативы демонстрируют более высокую вовлеченность молодёжи, чем традиционные монологические передачи. Программы, подающие патриотическую тематику через истории ветеранов и волонтёров, оказываются особенно действенными, создавая диалог поколений. «Радио ЗВЕЗДА» позиционирует себя как главный голос военно-патриотического воспитания. Станция объединяет информационные, образовательные и культурные функции, выстраивая систему ценностей на трёх уровнях: когнитивный — достоверная информация о военной истории; эмоциональный — личные истории героев и патриотическое музыкальное сопровождение; поведенческий — вовлечение в социально значимые проекты.

Культурно-воспитательный компонент реализуется через тщательно подобранный музыкальный репертуар, где классические военные песни соседствуют с произведениями современных исполнителей. При сочетании радиовещания с цифровыми платформами охват молодёжной аудитории расширяется. Данные о музыкальных предпочтениях слушателей доступны через музыкальные сервисы (Яндекс.Музыка: Электр. ресурс, 2024).

Профориентационные проекты радиостанций демонстрируют реальный эффект на процессы социализации молодёжи и выбор профессиональной траектории.

Ключевой принцип вещания государственных радиостанций — историческая преемственность. Ветераны Великой Отечественной войны, участники локальных конфликтов и действующие военнослужащие становятся участниками единого диалога, где опыт передаётся в непосредственном общении. Это воплощается в программе «Военная экспертиза» (Радио ЗВЕЗДА: Электр. ресурс, 2024), где прошлое и настоящее встречаются в профессиональном анализе. Такой подход превращает военную историю из собрания дат в живую традицию служения Отечеству.

«Радио РОДИНА» занимает особое место в российском медиапространстве как платформа, сочетающая культурно-историческое просвещение с современными форматами патриотического контента. Ярким примером успеха являются программы, посвящённые малоизвестным страницам российской истории, которые собирают значительную аудиторию как в эфирном вещании, так и в цифровых форматах. Проекты, демонстрирующие успешные истории современников, совершивших подвиги в мирной жизни, вызывают отклик молодёжной аудитории. Молодёжная аудитория лучше воспринимает материалы, где патриотическая проблематика раскрывается через призму личного выбора и гражданской ответственности (Радио РОДИНА: Электр. ресурс, 2024).

Изучение контента ведущих радиостанций раскрывает исключительные возможности радио как инструмента воспитания. Вместе с тем недостаточно исследован феномен «фонового слушания» и имплицитного воздействия радиовещания, когда молодёжь слушает радио или подкасты «фоном», что снижает психологический барьер к восприятию. Актуальной является проблема влияния человеческого голоса на сознание молодёжной аудитории, который несёт значительный объём паралингвистической информации. Важное значение имеет анализ возможностей аудиомедиа как инструмента развития критического мышления в патриотическом контексте (Абрамова, 2023).

Социологическое исследование, проведённое Агентством «Михайлов и Партнёры. Аналитика» (2022), показало, что 64% респондентов в возрасте от 10 до 18 лет считают себя патриотами России. Исследование выявило, что патриотические настроения молодёжи подкрепляются за счёт более глубокого знания истории и культуры страны, а также совместного участия в общественных мероприятиях.

В современных условиях радио является эффективным многоплановым инструментом формирования патриотических ценностей у молодёжи. Радио в его новом цифровом, подкастовом и интерактивном воплощении — не устаревший носитель, а потенциально мощный, гибкий и критически важный инструмент. Оно способно говорить с молодёжью на её языке и на её территории, при этом транслируя смыслы, отвечающие запросам государства и общества на воспитание ответственного гражданина-патриота. Исследование этого потенциала в его противоречиях, ограничениях и возможностях является

жизненно необходимым для выстраивания эффективной системы ценностных коммуникаций с молодёжью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова С. Б. (2023) Молодежь региона в поисках гражданской идентичности // Вопросы политологии. Т. 13. № 5 (53). С. 1522–1534.

Агентство «Михайлов и Партнёры. Аналитика». (2022) Исследование патриотических настроений подростков России [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по делам молодёжи. URL: https://fadm.gov.ru/news/65564/ (дата обращения: 21.12.2024).

Ахведиани Н. Р. (2009) Влияние СМИ на патриотическое воспитание молодёжи // История и политология МГУ. № 6. С. 145–158.

Вартанова Е. Л. (2017) Индустрия российских медиа: цифровое будущее. М.: МедиаМир. 160 с. С. 76-88.

Гузева М. В. (2015) Возможности медиаобразования в патриотическом воспитании студенческой молодежи // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. № 3 (48). С. 178–184.

Головин Ю.А., Коханая О.Е. (2022) Культура потребления или культура традиционных ценностей в системе журналистского образования // Знание. Понимание. Умение. №2. С. 59-71.

Машин В. Н. (2014) Роль средств массовой информации в духовно-нравственном и патриотическом воспитании молодежи // Вестник Московского государственного университета. Серия 10. Журналистика. № 4. С. 76–89.

Mediascope. (2024) Radio Index. Измерение аудитории радиостанций России [Электронный ресурс]. URL: https://mediascope.net/services/media/media-audience/radio/radio-index/ (дата обращения: 21.12.2024).

Немцова Л. В. (2020) Влияние СМИ на формирование патриотизма у молодежи // Теория и практика социальных инноваций. № 3. С. 64–78.

Самаркина И. В. (2023) Политика формирования гражданской идентичности молодежи в новых субъектах РФ // Историческая политика и социальные исследования. Т. 8. № 4. С. 542–558.

Радио ЗВЕЗДА. (2025) 100 дней до Победы [Электронный ресурс]. URL: https://radiozvezda.ru/ (дата обращения: 21.12.2024).

Радио ЗВЕЗДА. (2024) Военная экспертиза [Электронный ресурс]. URL: https://radiozvezda.ru/programs/ (дата обращения: 21.12.2024).

Радио РОДИНА. (2024) Герои нашего времени [Электронный ресурс]. URL: https://rodina.fm/ (дата обращения: 21.12.2024).

Яндекс.Музыка. (2024) Данные о музыкальных предпочтениях слушателей [Электронный ресурс]. URL: https://music.yandex.ru/ (дата обращения: 21.12.2024).

Акимова Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры журналистики Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел. +7 (499) 374-60-91. Эл. адрес: e.m.akimova@yandex.ru

Гармоничное сосуществование человечества, общества и природы, основанное на современных ценностях и целях устойчивого развития

Harmonious Coexistence of Humanity, Society, and Nature, based on Contemporary Values and Sustainable Development Goals

Алиян Абудурекситu
Пекинский объединенный университет
Aliyan Abudurexiti
Beijing Union University

Abstract. The harmonious coexistence of human beings, society and nature is the core concept of contemporary ecological civilization construction, which encompasses the coordinated development between human beings and nature as well as between human beings and society. The harmony among human beings, society and nature is also the inevitable path to address global ecological crises and social contradictions. Based on the cross-disciplinary perspective of ecological philosophy and sociology, this paper explores the theoretical logic and practical mechanisms of their harmonious coexistence. The research shows that the one-sided development model of "anthropocentrism" in the industrial civilization era has led to ecological imbalance and social alienation. The harmonious coexistence paradigm emphasizes systematic thinking and requires the reconstruction of the dynamic balance among the three. The modernization of harmonious coexistence between human beings and nature is not only a matter of "development", but also an ethical issue. Therefore, it is necessary to place it within an ethical framework for reasonable examination and restraint to ensure its steady progress. The development concept pursued by the modernization of harmonious coexistence between human beings and nature is manifested at the ethical level as emphasizing coexistence, pursuing the pursuit of happiness, advocating ecological justice, focusing on balanced development, and adhering to the bottom line of ethics.

Key words: Man and Nature Ecological civilization Sustainable development

The report to the 20th CPC National Congress states that "Chinese modernization is modernization characterized by harmony between humanity and nature.""Modernization featuring harmonious coexistence between humans and nature" is a development model proposed by China under the concept of ecological civilization. Its core logic lies in breaking the path dependence of "polluting first and then treating" in traditional modernization, and regarding ecological protection and economic development as a dialectically unified whole. This logic can be analyzed from the following four aspects:

I. Theoretical logic

(I)The foundation of dialectics of nature:

Inheriting Engels' thought of "reconciliation between man and nature", it emphasizes the positioning of human beings as an organic part of nature and negates the "anthropocentrism" of the industrial civilization era.

(II)Critique of Capital Logic:

In response to the ecological plundering caused by capital's pursuit of profit in Western modernization, the value reconstruction of "green mountains and clear waters are as valuable as mountains of gold and silver" is proposed, and ecological capital is incorporated into the cost accounting of development.

II.Emphasize the mutual complementarity between human beings and nature

The modernization of harmonious coexistence between humans and nature emphasizes mutual complementarity between them. The ideas such as "the virtue of life", "the unity of heaven and man", and "the unity of mind and matter" in traditional Chinese aesthetic philosophy are in perfect alignment with the theoretical quality and spiritual essence of the modernization of harmonious coexistence between humans and nature.

III.Emphasize the inclusive development of human beings and nature

The modernization of harmonious coexistence between humans and nature emphasizes the inclusive development of both. Marxist dialectics of nature provides a profound ideological foundation and theoretical source for the modernization of harmonious coexistence between humans and nature. In other words, modernization featuring harmonious coexistence between humans and nature is a concrete manifestation and practical application of Marxist dialectics of nature. Not only does traditional Chinese philosophy hold that the relationship between human beings and nature is interdependent and coexisting, but Marxist dialectics of nature also contains the idea that human beings and nature should be mutually inclusive and thrive together.Modernization featuring harmonious coexistence between humans and nature emphasizes that a good ecological environment is the most inclusive public welfare The assertion that "a good ecological environment is the most inclusive public welfare for people's livelihood" profoundly reveals the essential connection between the ecological environment and people's well-being, and it transcends the traditional concept of "GDP supremacy "in the development perspective.

IV.It is emphasized that a good ecological environment is the most inclusive public welfare for people's livelihood.

Modernization featuring harmonious coexistence between humans and nature emphasizes that a good ecological environment is the most inclusive public welfare.The assertion that "a good ecological environment is the most inclusive public welfare for people's livelihood" profoundly reveals the essential connection between the ecological environment and people's well-being, and it transcends the traditional concept of "GDP supremacy "in the development perspective.

V.The distinct feature of modernization featuring harmonious coexistence between humans and nature

Unlike the post-event ecological modernization improvement plans proposed by the advanced modernized countries in Western Europe only when environmental problems were severe, based on China's national conditions and development characteristics, the modernization of harmonious coexistence between humans and nature emerged in the early stage of China's modernization and the initial outbreak of environmental problems, which is forward-looking in perspective. The modernization of harmonious coexistence between humans and nature unifies humans, nature and society from the perspective of a community. It is dialectical in thinking and a truly just and sustainable modernization that unifies naturalism and humanitarianism. It is a modernization in the sense of completion and a development plan with universal applicability. It is dialectical in thinking. Modernization, which focuses on building a beautiful China and aims to meet the people's needs for a better life, is people-oriented in its stance.

VI.The path of harmonious coexistence among human beings, society and nature

The harmonious coexistence of human beings with nature and society is an important part of building a socialist harmonious society and also the key to achieving sustainable development. From the materials I have searched, it can be seen that the harmonious coexistence of human beings with nature and society involves multiple levels, including respecting nature, conforming to nature, protecting nature, and balancing the relationship between human beings and nature in social development. The harmonious coexistence of human beings and nature requires the establishment of correct ecological and value concepts. This includes respecting the laws of nature, revering nature, being grateful to nature, and understanding and utilizing natural resources with a scientific attitude. The harmonious coexistence of human beings and nature requires the coordination of the relationship between economic development and ecological protection. The relationship between human beings and nature is a unity of contradictions. Only by coordinating the relationship between the two within an appropriate range can the normal development of society be promoted. It emphasizes the viewpoint of Marxist materialist dialectics, that is, human beings must transform nature while utilizing it, and make such transformation conform to the requirements of ecological balance.The harmonious coexistence of human beings and nature is not only an ecological issue but also a social one.It is mentioned that the idea of "harmony between man and nature" emphasizes the unity and interdependence between humans and nature, and modern people need to transform this idea into a people-oriented, comprehensive and coordinated, and sustainable development concept. The harmonious coexistence of human beings and nature is the foundation for building a

harmonious society. Only by achieving harmony between human beings and nature can harmony among people be brought about.

Conclusion

Throughout the long course of human civilization's development, we once regarded nature as an object of conquest and equated social progress with the unlimited exploitation of resources. However, the intensification of the ecological crisis, the threat of climate change and the deepening of social inequality have forced humanity to re-examine its position in the complex system of "human - society - nature". The contemporary sustainable development Goals are not only a policy framework but also a new civilized ethics. They call on us to go beyond the traditional development model and build a symbiotic system that is more inclusive, resilient and ecologically intelligent.

REFERENCES

1.The Relationship between Man and Nature from the Perspective of Marx's Labor Theory and Its Realistic Implications. Zhang Ting and others [2023–06]

2.Chinese path to modernization of harmonious coexistence between man and nature: an analytical framework based on ethical dimensions Southeast University

3.Innovation and characteristics of harmonious coexistence between humans and nature in modernization. Bao Haoru and others [2024–09]

4.The Theory and Critique of the Relationship between Man and Nature in Contemporary Western Ecological Philosophy. Chen Wei [2020–03]

5.Unfinished 'Natural Society': The Foundation and Normative Composition of Human Nature in Modern Society. Li Meng [2025–04–06]

Трансформация облика мигранта в России во втором и в начале третьего десятилетия XXI века

Т. Г. Батасова
Московский гуманитарный университет

Аннотация. Статья посвящена проблеме трансформации облика мигранта в контексте его культурной социализации в российском обществе. Автор попытался описать эту проблему в изменяющихся социокультурных условиях, опираясь на аналитические материалы федеральной службы государственной статистики. Обращается внимание на обобщенные характеристики облика мигранта, в которых отражается некоторое омоложение, начинающаяся феминизация мигрантских потоков, снижение уровня образования, акцентуация на традиционном вероисповедании.

Ключевые слова: миграция, облик мигранта, социализация, культурная социализация.

Не вызывает сомнений, что социокультурные трансформации общества не обходятся без миграций. Миграции обуславливаются целым рядом факторов, находящих свое отражение в различных сферах жизнедеятельности: социальной, культурной, экономической, политической, национальной, экологической, конфессиональной и других. В связи с этим важное значение приобретает социализация, определяемая в социологии как «процесс становления и развития личности, состоящий в освоении индивидом в течение всей его жизни социальных норм, культурных ценностей и образцов поведения, позволяющий индивиду функционировать в данном обществе» (Ковалева, 2003: 445–448). Социализация мигрантов связана с освоением не только культуры своего общества, но и адаптации к новым условиям, в которые он переместился, что предполагает овладение ценностями культуры принимающего общества (язык, традиции, правила, знания, умения, образцы поведенияи др.), способствующими нормальной жизни, труду, взаимодействию т.е. функционированию в новой социальной среде. В процессе культурной социализация мигрантов вырабатываются культурные интересы и потребности, установки, жизненные ориентации, этнокультурная самоидентификация, художественные предпочтения на основе социального опыта вхождения в инокультурную среду.

Всё это составляющие культурной картины мира, которая позволяет мигранту жить в пространстве культуры принимающего общества. Успешность взаимодействия с социальными институтами (источниками культурной социализации) — язык, как средство коммуникации, образование, деятельность (совместная деятельность), СМИ, органы власти — формирует основу для создания (с одной стороны) и непосредственного формировании (с другой стороны) картины мира мигранта в принимающем обществе. Они неразрывно связаны со всеми сферами общества, включая экономику, политику, право,

мораль, науку и другие сферы, отражая уникальность языка, культуры, духовности, религии и ключевые исторические события.

В обобщенном смысле миграции — это перемещения. Их можно подразделять по следующим параметрам: направлению (внешние и внутренние миграционные процессы), по продолжительности (временные и постоянные), по причинам смены места жительства, по отношению к закону (легальные и не легальные). Другими ключевыми аспектами являются миграционные потоки, а также сдвиги в социальной, этнической и профессиональной структуре общества. «Повышение миграционной привлекательности государства зависит, в частности, от эффективного управления миграционными процессами» (Воробьёва, О.Д., 2003: 16).

Основными факторами, способствующими миграции в России, являются уменьшение численности населения (в том числе трудоспособного населения) и связанная с ней нехватка рабочей силы, резкие политические и социально-экономические изменения. С этим, также неразрывно связаны и социокультурные изменения, возникающие с притоком мигрантов на принимающих территориях.

В период социально-экономических изменений возрастает социально-культурная активность общества. Экономические, политические и социальные потрясения больно ударили по устоявшемуся быту, существовавшим ценностям и нормам, стереотипам, установкам, сложившейся «картине мира», культурным стандартам граждан российского общества (в частности, постсоветского пространства). Разрушение налаженных межинституциональных связей привело к кризису идентичности не одного поколения. Подобные изменения коснулись не только России, но и бывших советских республик, стран-участниц СНГ. Среди наиболее частых причин миграционных процессов в России выделяют распад политической системы, резкие социально-экономические, социокультурные изменения в обществе и социальную напряженность.

Политическая и социально-экономическая напряженность в регионах вызвали потоки миграционных волн, захлестнувших современную территорию России, которая пережила несколько периодов усиления миграционной активности. Одна из таких волн (годы после ВОВ) связана с миграцией выходцев из Центральной Азии и Азербайджана. Это были представители интеллектуальной элиты и желающие получить более высокий уровень образования. Миграция, в какой-то степени, носила культурный характер. Крупные города, в частности Москва, выглядели более привлекательными и перспективными для достижения целей миграции.

Другая волна связана, в основном, с конфликтами, в том числе на Северном Кавказе. Здесь миграция носила вынужденный характер. Беженцы, переселенцы составляли существенную часть миграционных потоков в Центральную Россию. Их дети уже родились и выросли в России. Что позволяет сделать

предположение о привнесении мигрантами элементов своей культуры в процесс их социокультурного взаимодействия в условиях принимающей стороны.

При обращении к статистическим данным о численности вынужденных переселенцев, беженцев и лиц, получивших временное убежище в Российской Федерации, на основании данных Росстата за последние годы в период с 2011 по 2024 наблюдаются всплески активности по общему количеству человек в 2011, 2020, 2023 годах.

Таблица 1

Сводная таблица данных пиковых значений (по годам) численности вынужденных переселенцев, беженцев и лиц, получивших временное убежище в Российской федерации (2011–2024)

	2011	*2020*	*2022*	*2023*	*2024*
Численность вынужденных переселенцев всего (человек)	49474	5323	700	321	339
Численность беженцев всего (человек)	801	487	331	277	244
Численность лиц, получивших временное убежище всего (человек)	3726	41946	10581	67496	17308
Общее количество (человек)	54001	47756	11612	68094	17891

В начале 2011 года: лидерами среди стран-доноров по численности вынужденных переселенцев стали — Казахстан, Грузия, Узбекистан, Таджикистан, пятое место разделили Киргизия и Азербайджан. По численности беженцев с большим отрывом на первом и втором местах — Афганистан и Грузия, затем в разы меньше — Азербайджан, Таджикистан и Узбекистан. По численности лиц, получивших временное убежище, на первом и втором местах — Грузия и Афганистан, далее с значительно существенным снижением численности идут Узбекистан, Таджикистан, Украина.

В начале 2020 года по численности вынужденных переселенцев лидирующую позицию с существенным отрывом занимала Грузия. Оставшуюся четверку составляли — Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Украина. По численности беженцев — Афганистан и Украина — лидеры в начале 2020 и аналогично в начале 2023 годов. Затем в оставшуюся тройку вошли — Грузия, Узбекистан и Республика Молдова. По численности лиц, получивших временное убежище, Украина заняла пиковую позицию и далее (2022, 2023, 2024 годы) оставалась на первом месте. Оставшуюся группу стран в 2020 году составили: Сирия, Афганистан, Грузия, Узбекистан. В 2023 году эта же четверка оставалась

впереди, только Сирия и Афганистан поменялись местами. По численности вынужденных переселенцев в начале 2023 года пятерку составили: Грузия, Азербайджан, Украина, Казахстан, Узбекистан. По численности беженцев картина изменилась только в оставшейся тройке — Грузия, Республика Молдова и Азербайджан/ Узбекистан.

В анализируемом временном периоде (2011–2024) наблюдается тенденция прироста доли тюркских народов, находящихся на территории России, за счет вынужденных переселенцев, беженцев и лиц, получивших временное убежище.

Следующая волна миграции обуславливается, в существенной мере, экономическими характеристиками. В большинстве своем ее представляют мигранты стран Средней Азии. Специфика в том, что ранее на территорию России въезжали представители интеллектуальной элиты соседских постсоветских республик (Средней Азии, Татарстана, Армении, Северного Кавказа), зачастую имеющие высшее образование и являющиеся квалифицированными специалистами в своих областях деятельности. Одними из основных мотивов были стремление получения качественного образования, карьерного роста и реализации своего творческого, научного потенциала. В дальнейшем – стремление к безопасной жизни, подкрепленной социальными гарантиями государства, а также стремление выхода на более широкий рынок сбыта, расширение экономических контактов и связей, улучшение своего материального положения. В реалиях сегодняшнего дня ситуация претерпела некоторые изменения.

Трансформация облика мигранта в меняющихся социокультурных условиях развития российского общества на примере вторичного анализа аналитических материалов федеральной службы государственной статистики представляет следующую картину. В постсоветский период состав прибывающих гостей был скорее смешанный (мужчины и женщины) либо небольшими семьями, приблизительно в равных количествах. Затем, наблюдалось превалирование мужского населения из стран-участниц СНГ. В последнее время ситуация не так однозначна, но продолжает сохраняться в связи с необходимостью закрытия вакантных рабочих мест, где требуется, преимущественно, неквалифицированная либо низкоквалифицированная рабочая сила. В отличие от прежних миграционных волн, где прибывшие имели зачастую высшее образование и являлись высококвалифицированными специалистами. Носящие преимущественно трудовой характер, миграционные потоки оказывали влияние на изменения в облике сегодняшнего мигранта.

Сравнительный облик прибывшего мигранта из стран-участниц СНГ после 2010-х годов и прибывшего мигранта из стран-участниц СНГ после 2020-х годов.

Таблица 2

Сводная таблица характеристик обобщенного облика мигранта после 2010-х и после 2020-х гг.

	после 2010-х годов	*после 2020-х годов*
гендерная принадлежность мигранта: м / ж (в процентах)	70 / 30	54/46
возраст мигранта в том числе: (в процентах)	100	100
моложе 30 лет	40	43
от 30 до 39 лет	25	24
40 лет с старше	35	33
образование мигранта в том числе: (в процентах)	100	100
высшее и неполное высшее	16	14
профессиональное (среднее и начальное)	34	22
среднее общее (полное и не полное)	42	49
без образования и не указавшие образование	8	15
вероисповедание мигранта: мусульманин / христианин (в процентах)	85 / 13	87/11
страна выбытия (откуда приехал): (в процентах без учета выбывших и данных миграционного прироста)	100	100
Узбекистан	40	9
Таджикистан	20	35
Украина	9	10
Киргизия	7	11
другие страны	24	15
Армения	-	10
Казахстан	-	10

Обобщенный облик прибывшего мигранта после 2010-х и после 2020-х годов практически не изменяется за исключением состава стран-доноров, некоторого снижения численного преимущества мужского населения среди мигрантов, общего снижения уровня образования и более выраженной трансляции традиционного вероисповедания. Это преимущественно мужчина, моложе 30 лет, имеющий среднее общее образование, без навыков квалифицированной работы, мусульманин (после 2020-х — исповедующий ислам, следующий, как правило, законам и нормам, характерным для данного вероисповедания), прибывший из стран-участниц СНГ (1-Узбекистан, 2-Таджикистан, 3-Украина, 4-Киргизия — после 2010-х годов), находящийся, преимущественно, в Москве (Центральный регион), работающий, чаще всего, продавцом в сфере услуг и торговли. На втором месте — строительство и на третьем – коммунальное хозяйство. После 2020-х годов – прибывший из стран-участниц СНГ (1-Таджикистан, 2-Киргизия, 3-Армения/ Украина/ Казахстан, 4-Узбекистан), находящийся, преимущественно, в Москве (Центральный регион, также наметилась тенденция освоения областей Центрального региона России), работающий, чаще всего в сферах обслуживания (курьерская доставка и др.), коммунальное хозяйство, строительство, транспорт. (Российский статистический ежегодник, 2024) (Российский статистический ежегодник, 2025). В целом, среди обобщенных представителей миграционных потоков наблюдается некоторое омоложение, начинающаяся феминизация мигрантских потоков, снижение уровня образования, акцентуация на традиционном вероисповедании. К аналогичным обобщениям также пришли спикеры VII Всероссийского социологического конгресса в Москве в ноябре 2025 года.

За последнее время произошли изменения этнического состава населения России. Превалирующее значение среди народов, населяющих Российскую Федерацию, составляют русские. В 2000-х годах (без учета русских) лидирующие позиции занимали татары, украинцы, башкиры, чуваши, чеченцы, армяне, аварцы, мордва, казахи. Отмечаем, что упоминаются только многочисленные национальные группы, доля которых составляет выше 0,3 процентов по данным всероссийских переписей населения. В 2020-х годах картина национального состава изменилась в части представления доли некоторых многочисленных национальных групп (без учета русских). Сократилась доля украинской национальной группы. В отраженной лидирующей девятке многочисленных национальных групп они сместились со второго на седьмое место. Доля чеченской группы, наоборот, увеличилась и поднялась с пятого на второе место. Незначительно увеличилась доля аварцев. Они переместились с седьмого на пятое место. Добавились даргинцы. Мордва не вошла в представленный состав многочисленных национальных групп (по переписи населения, данным демографических ежегодников России, 2021, 2023). Хотя, как отмечает О.В. Абрамова, она остается одним из многочисленных финно-угорских народов России. (Абрамова, О.В., 2014: 57) Также видится тенденция увеличения доли тюркских народов в этническом составе населения России на протяжении последних десятилетий. Это без учета численности мигрантов и беженцев, переселенцев, лиц, получивших временное убежище.

Территория России претерпела несколько миграционных волн, в процессе которых менялся характер миграции. Миграционные процессы продолжают оказывать влияние на гендерный, конфессиональный, этнический, культурный состав принимающих и отдающих сторон. Облик мигрантов также перенес существенные изменения. Специфика социокультурного облика, ценностей, норм, поведенческой активности представителей данных миграционных волн и населения принимающей стороны акцентируют внимание на многофакторности, вопросах социокультурной интеграции, культурной социализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова, О. В. (2014) Расселение и динамика численности мордовского этноса в конце XX — начале XXI в. // Финно-угорский мир. №1. С. 56–61.

Воробьёва, О. Д. (2003) Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации. Аналитический сборник Совета Федерации ФС РФ. № 9 (202). С. 15–19.

Доклад «Социально-экономическое положение России январь — март 2023 года» — М. : Росстат. — 2023. — № 3. — С. 196–311.

Доклад «Социально-экономическое положение России январь-март 2024 года» – М.: Росстат. – 2024. – № 3. – С. 211-325.

Доклад «Социально-экономическое положение России 2024 год» — М. : Росстат. — 2024. — № 12. — С. 349–356.

Доклад «Социально-экономическое положение России январь — март 2025 года» — М. : Росстат. — 2025. — № 3. — С. 208–210.

Женщины и мужчины России — М. : Росстат. — 2024. — С. 25–35.

Итоги переписи населения. — 2010. — www.gks.ru

Ковалева, А. И. Социализация / Социологическая энциклопедия. — В 2-х ттомах. — М. : Мысль. — 2003. — С. 445–448.

Миграция населения: теория и политика: учебно-методическое пособие /Воробьева, О.Д., Топилин, А.В. и др. — М. : Экономическое образование. — 2012 — 364 с.

Статистический сборник «Демографический ежегодник России. 2021» — М. : Росстат. — 2021 — С. 201–256.

Статистический сборник «Демографический ежегодник России. 2023» — М. : Росстат. — 2023. — С. 202–240.

Статистический сборник «Российский статистический ежегодник. 2024» — М. : Росстат. — 2024.

Статистический сборник «Российский статистический ежегодник. 2025» — М. : Росстат. — 2025.

Батасова Татьяна Геннадьевна, аспирант кафедры философии, социологии и культурологии по научной специальности 5.4.6. «Социология культуры» Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7(499) 374-60-21. Эл. Адрес: batasowa.tatyana2014@yandex.ru (SPIN-код): 9636-5756, ORCID: 0009-0000-9257-1174.

Исследование создания правовой системы и путей устойчивого развития в области управления экологической средой Китая

Research on Constructing the Legal System and Sustainable Development Pathways in China's Ecological Environment Governance

Баочэн Лю
Пекинский университет профсоюзов
Baocheng Liu[1]
Beijing Union University

Abstract. In the context of escalating global ecological security risks and the deepening implementation of China's "dual carbon" objectives, this article systematically examines the modernization transformation logic of China's ecological environment legal system from three perspectives: legal innovation, institutional construction, and practical pathways. By dissecting the structural features and governance bottlenecks of the existing legal framework, it proposes a normative integration approach centered on the compilation of the "Ecological Environment Code," aiming to establish a comprehensive legal system encompassing "prevention, control, restoration, and coordination." The research underscores the necessity of transcending traditional sectoral law boundaries, enhancing regional collaboration and market mechanism integration domestically, and fostering rule alignment and governance solution export globally. This approach fosters a sustainable development legal model that melds Chinese characteristics with a global outlook, offering a novel analytical framework to address "institutional fragmentation" and safeguard global ecological security.

Keywords: governance of the ecological environment; legal framework; sustainable development; global security; codification.

1. Introduction

The intensifying global ecological and environmental crisis has made ecological security a core component of national security. Global challenges like climate change and the sharp decline in biodiversity pose serious threats to sustainable human development, necessitating deeper international cooperation. As the largest developing country, China has long grappled with issues such as excessive resource exploitation, environmental pollution, and ecological degradation, which impede high-quality economic and social development and the enhancement of people's well-being.

Since the 18th National Congress of the Communist Party of China integrated ecological civilization into the overall "Five-in-One" framework, XiJinping's ecological civilization thought has emphasized the need to "protect the ecological environment with the strictest systems and the most rigorous rule of law." This has led to the initial establishment of China's "1+N+4" ecological and environmental protection legal

[1] 刘宝成，北京联合大学应用文理学院法律（非法学）研究生，主要研究方向为宪法学。

system, centered on the Environmental Protection Law, encompassing pollution prevention, ecological protection, and legislation specific to regions and watersheds. While this system has achieved interim successes in environmental governance, it still faces challenges such as insufficient legal integration, weak implementation effectiveness, and difficulties aligning with international standards. Therefore, exploring ways to optimize the ecological legal system and sustainable development pathways is of significant strategic value for China's ecological civilization construction and global environmental governance.

2. Review and Jurisprudential Reconstruction of the Current Status of China's Ecological Environment Legal System

2.1Structural Features and Practical Constraints

China's legal system for ecological environment is fundamentally anchored in the ecological civilization provisions of the Constitution and the Environmental Protection Law. It encompasses areas such as pollution prevention, biodiversity protection, and climate change response, supported by national standards and local regulations, forming a three-tier regulatory framework of "national - regional - industry."

However, governance effectiveness faces several challenges: fragmented rules are a significant issue, with individual laws dispersed across various legal sectors, and gaps exist in the coordination of ecological space management, resulting in the "nine dragons managing water" phenomenon. The mechanism for enforcing responsibilities is weak, with inadequate local government oversight and insufficient channels for public participation. Additionally, there is a lack of alignment with global governance; in areas like carbon border adjustment mechanisms and cross-border biodiversity protection, legal rules are insufficiently harmonized with international standards, posing a risk of "green barriers."

2.2The Legal Revolution of "Harmony with Nature"

Our country has established the legal framework for "ecological holism," moving away from traditional anthropocentrism. This approach translates the "Beautiful China" vision enshrined in the Constitution into tangible legal principles. The "Draft Ecological Environment Code" incorporates new provisions on "ecosystem integrity protection" and "intergenerational equity," thereby fostering a comprehensive rights and obligations system for the "human-nature" community of shared destiny.

3.Core Dimensions and Institutional Innovations in Constructing the Legal System for the Ecological Environment

3.1Foundation framework

Compiling the "Ecological Environment Code" is an inevitable trend and should adhere to the "1+3+N" structural model. The "1" stands for the General Provisions, which unify the legislative purpose, basic principles, and governance framework. The "3" encompasses the three core sections: pollution prevention, ecological protection, and climate change response, which integrate existing laws and establish systematic

measures for prevention, protection, and response. The "N" represents special sections for regions, river basins, industries, etc., creating targeted regulations tailored to specific characteristics to enhance the flexibility of legal application.

3.2Implementation framework

The specialization of the judiciary necessitates the establishment of cross-administrative regional ecological courts to standardize the adjudication of river basin cases, thereby enhancing the quality and efficiency of trials. Implement a mechanism prioritizing "ecological restoration responsibility," ensuring that defendants are primarily obligated to undertake physical restoration in environmental tort cases, thus fostering the recovery of damaged ecosystems.

Digital regulation relies on an integrated "sky-ground" monitoring network for precise monitoring and establishes a data-sharing mechanism to support regulation. Simultaneously, it incentivizes enterprises to reduce emissions through the market-based allocation of environmental rights, showcasing the effectiveness of market mechanisms.

4.The Role of Legal Systems in Driving Sustainable Development

4.1Domestic Path: Legal Framework for Green Transition and Regional Coordination

Legal governance is reshaping the economic development model through institutional innovation. The "Circular Economy Promotion Law" introduces initiatives like "zero-carbon industrial parks" and "product carbon footprint disclosure." It enforces an "environmental standards pressure mechanism" for new projects in industries such as steel and cement and expands the government’s green procurement list through the "Green Procurement Law."

In regional governance, legal coordination is enhanced. The Beijing-Tianjin-Hebei region has established the "Beijing-Tianjin-Hebei Ecological Environment Coordinated Protection Regulations," creating mechanisms for cross-regional environmental standards recognition, joint law enforcement, and ecological compensation. The Yangtze River Economic Belt enforces "three lines and one list" constraints to promote industrial structure optimization and green development.

4.2Global Path: Aligning China's Solutions with International Rules

In the realm of climate change mitigation, our nation has explicitly set forth the objectives of achieving carbon peak and carbon neutrality via the "Climate Change Response Law," instituting a holistic regulatory framework for carbon emission rights. We have actively engaged in the negotiations on the implementation details of the Paris Agreement, advocated for the legal codification of the principle of "common but differentiated responsibilities," and furnished legal backing for climate financing in developing nations.

Regarding cross-border ecological security, we have refined the ancillary mechanisms of the "Biosafety Law," establishing a comprehensive oversight system for

invasive alien species that encompasses "risk alert - emergency response - damage compensation." Concurrently, we have disseminated the "Green Investment Guidelines" along the "Belt and Road" initiative, integrated overseas projects of Chinese enterprises into domestic ESG evaluations, and leveraged legal instruments to foster green investment and sustainable development.

5. Conclusion

The modernization of China's ecological and environmental legal system embodies the legal implementation of the concept of "harmonious coexistence between humans and nature." By compiling and integrating regulations in the "Ecological Environment Code" and innovating judicial enforcement to enhance efficiency, China is establishing a domestic "development-protection" coordination mechanism and exporting a global "rule of law + ecology" governance model. These are key strategies for addressing ecological and environmental challenges. In the future, it is crucial to strengthen the integration of law with technology and market mechanisms to form a new sustainable development framework characterized by "rigid institutional constraints, robust technological support, and widespread social participation."

REFERENCE

1. LuZhongmei,"Human and Nature in the Context of Environmental Code Compilation," Law and Society, Vol. 3, 2022, pp. 606-607.

2. Global Climate Governance Steers into a New Phase of "Implementation", People's Daily, November 4, 2016, Page 9.

3. XuXiaoliang: "Codification through a Cosmopolitan Lens," Law, Vol. 8, No. 8, 2017, pp. 144-145.

4. XiaGuang: "Ecological Civilization and Institutional Innovation," Theory Perspective, 1st Issue, 2013, p. 18.

Методологические особенности проведения Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2027 г.

О. Э. Башина, Л. А. Давлетшина, Т. А. Першина, Е. В. Романова
Московский гуманитарный университет,
Государственный университет управления

Аннотация. Значимость работы заключается в разработке конкретных предложений по совершенствованию программы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2027 г.

Ключевые слова: Всероссийская сельскохозяйственная перепись, РОССТАТ, цифровизация переписи, гармонизация подходов, ФАО ООН, сплошное статистическое наблюдение.

Всероссийская сельскохозяйственная перепись (далее — ВСХП, перепись) проводится в России с целью получения официальных статистических данных о состоянии и структуре сельского хозяйства, оценки его ресурсного потенциала, сбора сведений о субъектах сельского хозяйства, а также получения информации о произошедших в межпереписной период изменениях. Проведение ближайшей переписи запланировано на 2027 год. При подготовке ВСХП–2027 учитывается опыт переписи предыдущих раундов и международные рекомендации.

Целью данного исследования является оценка параметров готовности к проведению Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2027 года и разработка рекомендаций по совершенствованию программы ВСХП–2027 в части основных методологических и организационных положений.

В структуре работы сформулированы и решены следующие задачи. Во-первых, проведена оценка требований к подготовке и проведению ВСХП со стороны действующего российского законодательства. Во-вторых, изучены положения о методологическом и организационном обеспечении сельскохозяйственных переписей предыдущих раундов: ВСХП–2016 и ВСХП–2021, а также Рекомендации продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО). В-третьих, по результатам полученных материалов представлены рекомендации по совершенствованию программы ВСХП–2027.

При проведении переписи огромное значение имеют современные цифровые технологии.

Применение цифровых технологий в рамках проведения ВСХП–2027 может способствовать повышению точности и достоверности данных, поскольку дает возможность исключить ошибки ввода, дублирование и противоречивые ответы. Внедрение автоматических алгоритмов контроля на этапе сбора и первичной обработки данных позволяет обнаруживать логические несоответствия и устранять их до завершения переписи. Кроме того, цифровая картография и ГИС-системы обеспечивают полноту охвата объектов переписи, снижая вероятность пропуска сельскохозяйственных предприятий и личных подсобных хозяйств (Программное обеспечение ..., 2023). Автоматизация процесса сбора данных значительно снизит влияние человеческого фактора. Использование планшетов и электронных форм обеспечивает оперативную

передачу информации в централизованную систему без необходимости ручного переноса данных, что ранее приводило к ошибкам и задержкам. Также электронные переписные листы дают возможность респондентам (юридическим лицам, индивидуальным предпринимателем) самостоятельно заполнять формы, что минимизирует субъективное влияние переписчиков и повышает защищенность обрабатываемых данных (Макаров, Нечаев, 2014).

Еще одним важным преимуществом цифровизации является сокращение временных и финансовых затрат на проведение переписи. Внедрение электронных систем способствует снижению расходов на печать бумажных анкет, транспортировку и хранение документов, а также ускорению обработки данных. Автоматизация процессов уменьшает необходимость привлечения большого количества операторов для обработки переписных материалов, что также снижает затраты на персонал.

Несмотря на очевидные преимущества цифровизации ВСХП–2027, ее успешная реализация требует учета дополнительных мер, направленных на обеспечение бесперебойной работы системы сбора и обработки данных (Нечаев, 2022; Нечаев, Семенюк, Черникова, 2024). Важно разработать резервные механизмы на случай технических сбоев, включая возможность использования бумажных анкет как резервного метода, но с четко регламентированным порядком их применения. Также необходимо внедрить систему локального хранения данных на планшетах переписчиков, что позволит продолжать сбор информации в условиях отсутствия связи и синхронизировать данные при ее восстановлении. Для повышения точности учета объектов следует использовать автоматизированные системы перекрестной проверки данных с административными источниками и ГИС-анализ, что дает возможность выявлять возможные пропуски в охвате переписи. Следует также обратить серьезное внимание на растущую диссонансность между моделями цифровой трансформации, доминирующих в странах с развитой информационной экономикой, и традиционными индустриальными системами, что порождает системную неопределенность в глобальном сотрудничестве. Углубляющееся расхождение в подходах к централизованной обработке данных, использованию облачных платформ и управлению цифровой инфраструктурой обостряет риски фрагментации глобальной цифровой экосистемы. Такое расколотое развитие может привести к формированию изолированных технологических блоков, основанных на различающихся стандартах, этике и управлении (governance), что в долгосрочной перспективе подрывает основы взаимозависимости и сотрудничества (Нечаев, 2011).

ВСХП–2027 является важным статистическим мероприятием, направленным на получение актуальных и детализированных данных о сельскохозяйственном секторе России. В рамках подготовки к переписи учитываются как национальные особенности аграрного сектора, так и международные рекомендации, в том числе программа Всемирной сельскохозяйственной переписи 2020 г. (ВСП–2020), разработанная Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО).

Программа предлагает различные методологические подходы, включая классические и модульные методы, рекомендации по использованию административных данных, а также цифровизацию и автоматизацию сбора информации. ВСХП–2027 ориентирована на сплошной метод сбора данных, предполагающий учет всех сельскохозяйственных производителей на территории страны. Этот подход соответствует одной из моделей, рекомендованных ФАО, ВСП–2020 предлагает модульный принцип организации переписи, при котором основная информация собирается в базовом модуле, а дополнительные модули применяются для детализированного изучения отдельных аспектов сельского хозяйства (Башина, Давлетшина, Долгих, 2024; Башина, Царегородцев, Романова, 2024; Статистические методы ... , 2024) (см. таблицу 1).

Таблица 1

Методологические различия ВСХП–2027 и ВСП–2020

Методологическая характеристика	**ВСХП–2027**	**Рекомендации ФАО**
1	2	3
Охват объектов переписи	Сплошное статистическое наблюдение всех категорий сельхозпроизводителей	Сплошная перепись или выборочный метод в зависимости от страны
Методы сбора данных	Личный опрос, планшеты, веб-платформы для юридических лиц	Использование многоканального сбора данных: CAWI, CATI, CAPI, IVR
Модульный подход	Основной и дополнительные модули для оптимизации нагрузки на респондентов	Основной и дополнительные модули для оптимизации нагрузки на респондентов
Использование административных данных	Ограниченное, верификация по кадастровым и налоговым записям	Интеграция с кадастрами, налоговыми и прочими регистрами
ГИС и картография	Используются для районирования и контроля полноты охвата	Рекомендованы в качестве основного инструмента проверки охвата
Оценка продовольственной безопасности	Отсутствует как отдельный блок	Включена в систему показателей

Источник: разработано авторами.

ФАО выделяет три группы показателей для сельскохозяйственных переписей:

- существенные показатели — базовые характеристики хозяйств обязательные для учета во всех странах;
- показатели генеральной совокупности — показатели, формирующие базу для последующих выборочных обследований;
- дополнительные показатели — информация, собираемая по усмотрению страны в зависимости от потребностей национальной статистики.

ВСХП–2027 ориентирована преимущественно на сбор существенных показателей, включая площадь угодий, формы землевладения, поголовье скота, структуру посевов. Однако ряд тематических блоков, рекомендованных ФАО, не включен в программу переписи. Причина неполного включения всех тематических блоков, рекомендованных ФАО, в программу ВСХП–2027 заключается в ограниченности ресурсов, существующих административных и правовых ограничениях, а также в приоритезации целей национальной аграрной статистики.

Сопоставление системы показателей представлено в таблице 2.

ВСХП–2027 полностью соответствует рекомендациям по базовым аграрным показателям, таким как учет и количество хозяйств, площади угодий и типов землевладения. Однако рекомендованные ФАО показатели, касающиеся продовольственной безопасности, экологической устойчивости и гендерного анализа, не включены в российскую перепись, что может затруднить международные сопоставления.

Возможно, следует рассмотреть возможность дополнения системы показателей ВСХП–2027 за счет учета самодостаточности хозяйств, доли женщин среди владельцев, а также влияния сельского хозяйства на окружающую среду.

ВСХП–2027 предусматривает широкомасштабную цифровизацию во время сбора данных. Однако, в отличие от методологии ВСХП–2027, рекомендации ФАО предусматривают более расширенный набор цифровых технологий, направленных на снижение нагрузки на респондентов и оптимизацию затрат на перепись.

Таблица 2

Сопоставление групп показателей

Группы показателей	**ВСХП–2027**	**ВСП–2020 (ФАО)**	**Соответствие**
1	2	3	4
Аграрная структура *(общее количество хозяйств, их типы, площадь сельхозугодий, занятость населения в сельском хозяйстве)*	Включено	Включено	Полное
Тип землевладения и аренды *(форма собственности, аренда, государственная / частная земля, наличие коллективных хозяйств)*	Включено	Включено	Полное
Использование удобрений и химикатов *(виды удобрений, нормы внесения, частота использования, химическая защита растений)*	Только основные виды удобрений без детализации	Включено (подробное описание состава и частоты применения)	Частичное
Продовольственная безопасность *(самодостаточность хозяйств, зависимость от*	Не включено	Включено*	Нет

закупки продовольствия, наличие резервов продовольствия, доступность сельхозпродукции для местного населения)			
Гендерное распределение владельцев хозяйств *(доля женщин среди владельцев и управляющих сельхозпредприятий, участие женщин в принятии аграрных решений)*	Не включено	Включено*	Нет
Экологическая устойчивость и выбросы парниковых газов *(использование органического земледелия, выбросы CO_2 и других парниковых газов, сохранение почв, влияние сельского хозяйства на экосистему)*	Не включено	Включено*	Нет

** Примечание: в рекомендациях ФАО данные группы показателей носят рекомендательный характер.*

Источник: разработано авторами.

В частности, веб-интервью (CAWI) позволяют крупным хозяйствам и фермерам самостоятельно заполнять анкеты в онлайн-режиме, что сокращает необходимость полевого сбора данных. Автоматизированные голосовые опросы (IVR) используются для уточняющих вопросов и позволяют собирать информацию без участия переписчика, снижая трудозатраты. Кроме того, интеграция с административными регистрами дает возможность автоматически обновлять данные о хозяйствах, избегая дублирования информации и повышая актуальность переписных сведений.

Таким образом, цифровизация ВСХП–2027 соответствует базовым принципам ФАО, но может быть дополнена более гибкими и технологичными методами сбора данных, что позволит повысить эффективность сельскохозяйственной переписи и снизить затраты на ее проведение.

Методологические принципы, заложенные в ВСХП–2027, в целом соответствуют международным стандартам, однако имеются различия, которые могут повлиять на сопоставимость данных с результатами глобальных сельскохозяйственных исследований. В частности, отличия касаются организации сбора данных, набора показателей и применяемых цифровых технологий.

Для приведения ВСХП–2027 в более полное соответствие с рекомендациями ФАО и повышения эффективности переписи целесообразно внедрить ряд усовершенствований. Следует рассмотреть возможность расширения перечня показателей, включив в него параметры продовольственной

безопасности, также важно учитывать гендерную статистику, позволяющую анализировать участие женщин в управлении сельскохозяйственными предприятиями, и экологические показатели, такие как влияние сельского хозяйства на климат и использование устойчивых методов ведения хозяйства.

Наконец, оптимизация цифровых технологий позволит существенно повысить оперативность сбора данных и снизить затраты (Программное обеспечение ... , 2023). Расширение применяемых инструментов за счет CAWI, автоматизированных голосовых опросов и интеграции с государственными регистрами позволит ускорить обработку информации, минимизировать ошибки и упростить процесс участия респондентов в переписи. Внедрение этих мер обеспечит повышение качества статистических данных, их международную сопоставимость и снижение издержек на проведение сельскохозяйственного наблюдения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Башина, О. Э., Давлетшина, Л. А., Долгих, Е. А. (2024) Анализ существующих подходов визуализации статистических данных по международным сравнениям // Вестник Академии. № 4. С. 64–75. DOI 10.51409/v.a.2024.12.01.006. EDN ADUSUO.

Башина, О. Э., Царегородцев, Ю. Н., Романова, Е. В. (2024) Цифровая трансформация сельскохозяйственных предприятий // Моисеевские чтения. Климатические и иные резкие изменения в современной окружающей среде как реальная угроза развитию общества : доклады и материалы VII Общероссийской научной конференции (Москва, 23 мая 2024 г.). М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 90–95. EDN GXXWJD.

Макаров, В. Ф., Нечаев, Д. Ю. (2014) Устранение избыточности в системах ортогонального кодирования // Безопасность информационных технологий. Т. 21, № 2. С. 54–59. EDN TRNQAJ.

Нечаев, Д. Ю. (2022) Агрессивная дивергенция аттракторов цифровых парадигм реципиентных экономик в активном противоборстве цивилизаций // Высшее образование для XXI века. Воспитание: вызовы современности : доклады и материалы (Москва, 24–26 ноября 2022 г.) / под общ. ред. И. М. Ильинского. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 284–291. EDN KYIKHG.

Нечаев, Д. Ю., Семенюк, Н. Л., Черникова, Е. А. (2024) О проблеме подмены изотелезиса комплаенсами доказательного безнаказанного управления агрессивными дивергентами // Моисеевские чтения. Климатические и иные резкие изменения в современной окружающей среде как реальная угроза развитию общества : доклады и материалы VII Общероссийской научной конференции (Москва, 23 мая 2024 г.). М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 325–329. EDN HIPEFB.

Нечаев, Д. Ю. (2011) Развитие методологии системного подхода в условиях глобализации многомерного коммуникационного пространства : монография. М. : Изд-во РГТЭУ. 126 с. ISBN 978-5-87827-461-6. EDN QONMWH.

Программное обеспечение информационных технологий и систем (импортозамещение) (2023) / В. Ф. Макаров, Д. Ю. Нечаев, Е. В. Романова, А. Г. Тимофеев. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 135 с. EDN GCVMWP.

Статистические методы исследования деятельности предприятий сельского хозяйства России (2024) / О. Э. Башина, Т. А. Першина, Е. В. Романова [и др.]. М. : Русайнс. 108 с. ISBN 978-5-466-07301-0. EDN IGNVIA.

Башина Ольга Эмильевна, доктор экономических наук, профессор; профессор кафедры прикладной информатики и статистики Московского гуманитарного университета. Эл. адрес: bashina_o_e@mail.ru

Давлетшина Лейсан Анваровна, кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры статистики Государственного университета управления. Эл. адрес: la_davletshina@guu.ru

Першина Татьяна Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры статистики Государственного университета управления. Эл. адрес: tatypershina@yandex.ru

Романова Елена Витальевна, кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры прикладной информатики и статистики Московского гуманитарного университета. Эл. адрес: helenvromanova@yandex.ru

Воспитание стихом и песней

А. А. Бобров
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматриваются огромная роль словесного, поэтического и песенного творчества в процессе учёбы, постижения Родины, формирование личности, самопознания и самовоспитания будущего журналиста.

Ключевые слова: работа над словом, самопознание, творческая активность, воспитание патриотизма

Работа над словом – работа над собой
Марина Цветаева

Девиз кафедры журналистики, где работает несколько членов Союза писателей, литераторов и опытных редакторов: ни один творческий порыв, ни один робкий шаг в словотворчестве, ни один журналистский или литературный состоявшийся материал не должны пропасть втуне. Всё публично оцениваем, доводим до ума, публикуем и пополняем творческий багаж и портфолио!

Именно в этом, как не раз повторял в статьях, выступлениях и во вступлении к учебному пособию «Шаги в медиасферу», заключается главная задача не только курсов «Выпуск учебных СМИ» и «Литературное мастерство журналиста», но и всего учебно-воспитательного процесса. Не раз возникал спор: «А что же это такое — учебные СМИ?». Это бледные копии профессиональных, не «учебных», некая витрина кафедры и вообще пристанище молодых талантов, которые могут почти как мастера? Или они всё-таки учебные, то есть главная и доступная платформа для реального обучения, для первых проб не только самых способных, а то и имеющих довузовский опыт, а ВСЕХ в аудитории? Ведь, по идее-то, мы, выдавая диплом, подтверждаем, что все защитившиеся чему-то научились. Но научиться журналистике, только слушая в пол-уха лекции или выполняя кое-как семинарские занятия, невозможно. Ведь потому и СМИ — средства массовой информации или масс-медиа, что они имеют выход в свет, связывают автора с более широкой аудиторией, чем просто при общении с преподавателем.

Практика показывает, что не все это понимают. Например, я считаю, что студенческая газета, пусть и в наше антипоэтическое время, не может выходить без стихов – многие же молодые их пишут! Но не было ни одной стихотворной полосы в газете «Проба пера» или в альманахе «Зеркало», чтобы она не подвергалась критике: «Неужели это лучшее, что у редколлегии есть? Какую же мы планку задаём?». Да теперь и в Литинституте, где проводится творческий конкурс, эта планка ниже некуда. Так что же – закрыть глаза на реальность, не дать юным самовыражаться?

Да, конечно, не должно быть вопиющей безграмотности (а каждая новая волна детей ЕГЭ всё хуже владеет языком), несуразиц, искажений фактов, запредельной отсебятины, но слабое письмо, неровность мысли и шаткость мировосприятия, даже некоторые закидоны — признак и привилегия начинающих. Переписывать за них, редактировать до уровня зрелого литератора – значит, просто зачёркивать суть учебных СМИ. Тем более в эпоху новых медиа, когда никакая студенческая газета или вузовский эфирный выпуск не сравнится с интернетовскими тиражами, где публикуются такие стихи и песни, что от них надо оберегать юных пользователи. Для того и учебные СМИ, чтобы выносить на суд свои первые опыты, публично набивать шишки, учиться сносить критику, приобретать зачатки профессионального отношения к делу. Но дело не только в самовыражении и шлифовке литературного умения, а в самовоспитании, повторяя слова Цветаевой: «Работа над словом — работа над собой» (Бобров, 2022).

Президент Владимир Путин на встрече с представителями общественности по вопросам духовного состояния молодёжи и ключевым аспектам нравственного и патриотического воспитания дипломатично сказал о ключевой проблеме: «Как показывает опыт, в том числе и наш собственный исторический опыт, культурное самосознание, духовные, нравственные ценности, ценностные коды — это сфера жёсткой конкуренции, порой — объект открытого информационного противоборства, не хочется говорить агрессии, но противоборства, это точно, и уж точно хорошо срежиссированной пропагандистской атаки» (Путин, 2025: Электр. ресурс). Этим атакам надо противостоять не только всей культурно-информационной политикой государства, которая срежиссирована не лучшим образом, но и личной позицией гражданина, внутренними убеждениями, которые необходимо воспитывать через стих и песню.

При этом кафедра постоянно стимулирует и поощряет несовершенные пробы пера, задаёт высокие образцы поэтического и песенного творчества. Только нынешней осенью Года защитника Отечества было проведено несколько замечательных встреч и творческих мероприятий с освещением в учебных СМИ: День знаний для всех первокурсников МосГУ с представлением только что вышедшей антологии «Ты идёшь, Победа. Писатели — фронту от Великой Отечественной до СВО 1941–2025», с выступлениями авторов — заслуженной артистки России, поэтессы Татьяны Ветровой и ветерана боевых действий, поэтессы Нины Поповой, прошёл традиционный смотр-конкурс «Уж небо осенью дышало» с награждением и публикацией победителей, студенты приняли участие в презентации международной антологии «Победа» в Доме Российской армии, в заседании секции «Литература и традиции» XXVII Всемирного Русского народного Собора в храме Христа Спасителя, в вечере, посвящённом

памяти выдающейся поэтессы и радиожурналистки Ольги Берггольц в Союзе писателей России, где звучали стихи и песни на замечательные стихи Блокадной музы. Высокие традиции надо хранить и передавать, потому что, оказывается, даже школа на уроках музыки с этим не справляется.

Например, министерство просвещения Российской Федерации с огромным опозданием «сформировало перечень песен, рекомендованных для применения (?!) в качестве методического обеспечения при организации образовательного процесса в рамках учебного предмета «Музыка» на уровнях начального общего и основного общего образования. Документ направлен в регионы России».

Как казённо про любимый народом жанр: «для применения»… Уточняется, что работа по созданию списка патриотических песен велась в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Ого, три года понадобилось «для песенного обеспечения» указа.

В состав экспертной группы формально вошли: Валерий Гергиев, народный артист России, дирижер, Ильдар Абдразаков, заслуженный артист РФ, оперный певец, Евгений Князев, ректор театрального института имени Бориса Щукина, народный артист России, Александр Рыжинский, ректор Российской академии музыки имени Гнесиных, и другие деятели культуры. Как видим, ни единого писателя из объединённого по поручению президента Союза писателей России, ни единого авторитетного педагогического работника, ни одного творца признанных народом песен! Или они в «других»?

Ладно, главное ведь сам плод трёхлетних трудов. Он — никудышный: недозрелый и уже с бюрократической гнильцой. Мне его прислали из Фонда Виктора Бокова — автора всенародно любимых песен, которого просто нет в списке 37 рекомендованных песен. Хотя трудно сказать: «Оренбургский пуховый платок» - патриотическая песня или просто песня о маме? Но уж песня «На Мамаевом кургане» с музыкой Александры Пахмутовой — точно патриотическая. Живого классика Пахмутовой, отметившей недавно 96-летие, преступно мало в этом списке, а рекордсмен тут — Олег Газманов — аж три песни из 37-ми — десятая часть! Никому не ведомый В. Голиков — две песни. Но какие? Вот — на текст К. Аносовой:

И вновь звучит мелодия Победы,
И снова сердце ностальгия жжёт.
Фронтовики теперь уж стали седы,
Но держат строй, когда парад идёт…

Всё — ветераны своё, увы, отшагали. Разве не понятно? Посмотрите репортажи Дня Победы — сидят в почётных рядах, слушают поздравления из окна. Какой строй? А что будет к следующему празднику — зачем рекомендовать стремительно устаревшую песню в кургузый список? Кстати, почему именно из 37-ми? По годам жизни Александра Пушкина? По излюбленному году для обличения либералами? Или просто — среди моря

шедевров советской и российской классики не могли наскрести больше — 50, например, для круглого счёта. Да и 100 можно было бы назвать, раз три года копались. Две песни выскочили у певца и депутата Д. Майданова. Обе — однодневки, поделки на потребу дня. Кстати, и такие нужны — проходят массовые мероприятия, День Флага, например. Надо что-то петь по теме, и даже корявые слова на примитивную мелодию — годятся, но зачем это включать в список главных песен?

Маршал Победы Георгий Жуков сказал, что считает лучшими три песни о войне — «Священная война» Бориса Александрова и Василия Лебедева-Кумача, «Соловьи» Василия Соловьева-Седого и Алексея Фатьянова и «Дороги» Анатолия Новикова и Льва Ошанина». ВСЕХ ТРЁХ песен — списке НЕТ! Например, прежде всегда включали в сборники и в методички песню на стихи Алексея Суркова:

Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Ну, ладно — смелых нам теперь почему-то, во время СВО, воспевать не надо, но одна из самых любимых солдатами песен — задушевная «Землянка» с музыкой Константина Листова — чем не устраивает составителей?

Мы обсудили этот список со студентами — они знают из него всего 10–11 песен, поэтому это был ещё один аргумент в дискуссии сайта «Российский писатель» и на заседании Совета по песне Союза писателей России (Российский писатель, 2025).

Так что воспитание стихом и песней будущих журналистов — продолжается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобров А.А. (2022) Шаги в медиасферу. Выпуск учебных СМИ. М. : Типография МосГУ, 187 с. С. 5.

Путин В.В. (2025) Встреча с представителями общественности по вопросам духовного состояния молодёжи и ключевым аспектам нравственного и патриотического воспитания [Электронный ресурс] // http://www.kremlin.ru/events/president/news/16470 (дата обращения: 15.11.2025).

Российский писатель (2025) Что читать и что петь Александр Бобров. Что читать и что петь [Электронный ресурс] //https://rospisatel.ru/bobrov-zametky307.html (дата обращения 12.11. 2025).

Бобров Александр Александрович, кандидат филологических наук, профессор кафедры журналистики Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-59-30. Эл. адрес: bobr304@yandex.ru

Влияние массовых медиа на восприятие деятельности правоохранительных органов

Г. В. Борисов
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье анализируются проблемы влияния массовых медиа на восприятие деятельности правоохранительных органов, выделены основные проблемы, предложены пути их решения.

Ключевые слова: СМИ, правоохранительные органы, взаимодействие, противодействие дезинформации.

В современном обществе, с развитием информационных технологий массовые медиа стали неотъемлемой частью жизни общества, влияние которой как на общество в целом, так и отдельно взятую личность трудно переоценить, на что указал Президент Российской Федерации В. В. Путин, обращаясь к участникам и гостям XXIX Форума современной журналистики (Путин В. В., 2025, Электр. ресурс) «Вся Россия — 2025»: «Подчеркну, именно средства массовой информации во многом задают духовно-нравственные, ценностные ориентиры, формируют общественное мнение».

Не остается без внимания СМИ и работа правоохранительных органов, освещение которой формирует их образ в глазах широкой общественности. В настоящее время в каждом правоохранительном органе созданы собственные пресс-службы, что, впрочем, не ограничивает иные медиа в своих публикациях.

К примеру, пресс-службе МВД России, одной из старейших в России, посвящена работа Сплавской Н. В. и Соханя М. К., которыми дана положительная оценка ее деятельности. Одной из целей создания структуры авторы выделяют необходимость восстановления доверия населения к деятельности органов внутренних дел, подрываемом различными публикациями в СМИ о коррупционных проявлениях отдельных сотрудников и искажениях фактов об их деятельности (Сохань М.К., Сплавская Н.В., 2016).

Действительно, с учетом пристального внимания широкой общественности к работе правоохранительных органов, которая преподносится редакцией каждого отдельного медиа ресурса исходя из ее политических воззрений и источников финансирования, возникает необходимость обеспечить поступление в информационное поле достоверной и объективной информации. Пресечение спекуляций и распространения в средствах массовой информации материалов, порочащих правоохранительные органы необходимо не только для восстановления доверия населения к органам правопорядка, но и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Особая актуальность противодействия попыткам дискредитации органов государственной власти Российской Федерации в средствах массовой информации обусловлена внешнеполитической и военной обстановкой, что находит своей отражение в Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В п. 53 Указа подчеркивается стремление транснациональных корпораций навязать

пользователям сети «Интернет» искаженный взгляд на исторические факты, а также на события, происходящие в Российской Федерации и в мире.

Отдельного внимания заслуживает феномен анонимных телеграмм-каналов, распространяющих сведения о ходе и результатах расследования уголовных дел, публикующих их материалы с описанием различных «инсайдов» о наличии заинтересованности в исходе их расследования каких-либо высокопоставленных должностных лиц. Авторы сообщают своей аудитории о якобы совершенных представителями власти преступлениях коррупционной направленности, оказании давления на следствие, что подрывает доверие населения к правоохранительным органам и государственной власти в целом.

Аудитория таких информационных ресурсов критично воспринимает информацию, распространяемую официальными источниками федеральных органов исполнительной власти, в этой связи самой по себе работы пресс-служб правоохранительных органов по освещению того или иного происшествия не достаточно для восстановления и поддержания высокого уровня доверия граждан.

Формально в действиях авторов таких публикаций отсутствуют признаки преступления или административного правонарушения, поскольку сообщения не содержат призывов к совершению противоправных действий и направлены на привлечение внимания общественности к судьбе резонансных происшествий, однако они безусловно негативно сказываются на состоянии национальной безопасности страны.

В своей работе Дубова М. Е., рассуждая о понятии «дискредитация» обращает внимание на введение уголовной ответственности за дискредитацию действий вооруженных сил Российской Федерации (ст. 280.3 УК РФ), и в этой связи предлагает рассматривать дискредитацию органов внутренних дел в том числе как: «нормативно закрепленный квалифицирующий признак состава преступления (нормативно закрепленная цель в ст. 280.3 УК РФ)» (Дубова М. Е., 2022).

Такой подход, хотя и не лишен оснований, представляется не вполне верным. Правовое обеспечение деятельности вооруженных сил наряду с применением оружия является важным компонентом обеспечения безопасности государства. Положениями ст. 7 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» предусмотрена возможность ограничения конституционных прав граждан на период его действия. В этой связи запрет негативного освещения действий армии соразмерен степени возможных последствий таких действий. Деяние, предусмотренное ст. 280.3 УК РФ можно рассматривать как практическую реализацию ч. 2 ст. 7 названного ФКЗ.

Режим военного положения особо оговорен в ст. 87 Конституции РФ, в связи с чем, разрешая вопрос о возможности применения данной нормы, следует исходить из родового признака объекта преступления, а не понятия «дискредитация», поскольку какой-либо нормы, позволяющей ограничивать

конституционные права граждан по освещению деятельности правоохранительных органов, конституция Российской Федерации не содержит.

В то же время, для пресечения деятельности таких информационных ресурсов может послужить Постановление Правительства РФ от 26.10.2012 № 1101, позволяющее блокировать их по требованию уполномоченных органов исполнительной власти.

Еще одна проблема связана непосредственно с работой самих пресс служб органов внутренних дел. Отсутствие единоначалия в деятельности чрезвычайно разнородных федеральных органов исполнительной власти, с одной стороны, позволяет эффективно и оперативно освещать работу органа и реагировать на резонансные происшествия. Но, в то же время, такой подход влечет возникновение конкуренции между ведомствами, что не всегда положительно сказывается на их работе.

Наиболее активную, бурную деятельность по освещению своей работы развивает Следственный Комитет Российской Федерации, которым создан целый ряд каналов в различных социальных сетях для связей с общественностью, получившие название «Информационный центр».

В отличие от деятельности пресс-службы МВД России, информационный центр СК России имеет своей целью не только освещение расследования резонансных уголовных дел, но и прием сообщений о преступлениях, по которым в последующем возбуждаются уголовные дела.

Ярким примером может послужить сообщение, размещенное на сайте СК России 12.04.2024: «Глава СК Александр Бастрыкин поручил провести проверку в отношении прокурора подмосковного Егорьевска, который передал органам полиции для расследования уголовное дело, возбужденное в отношении мигрантов, избивших супружескую пару. Об этом ТАСС сообщили в пресс-службе СК РФ» (Официальный сайт СК РФ, 2024, электр. ресурс).

Для юридического сообщества очевидно, что действия Егорьевского городского прокурора Московской области полностью соответствуют требованиям ст. 37, 151, 152 УПК РФ и Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», поскольку следователем СО по г. Егорьевск ГСУ СК России по Московской области при возбуждении уголовного дела нарушены требования уголовно-процессуального законодательства, так как расследование уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 213 УПК РФ относится к исключительной компетенции следователей МВД России.

Однако, не согласившись указанным постановлением и решениями вышестоящих прокуроров об отказе в удовлетворении жалобы следователя, в отсутствие надлежащих поводов и оснований следователем ГСУ СК России по Московской области в отношении городского прокурора организована процессуальная проверка в порядке, установленном ст. 144-145 УПК РФ.

Такие действия, направленные на формирование положительного образа СК России в глазах общественности, влекут негативные последствия в виде

формирования негативного отношения к органам прокуратуры Российской Федерации. Такое освещение деятельности надзорного ведомства со стороны поднадзорного органа власти не только необоснованны в конкретном рассмотренном примере, но и недопустимы в целом.

Для устранения подобных «медийных» конфликтов между органами государственной власти представляется разумным разработать и утвердить единый нормативно-правовой акт, регулирующий общие вопросы работы пресс – служб государственных органов, что позволит скорректировать системные недостатки в их деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Путин В. В. (2025) Выступление на XXIX форуме современной журналистики «Вся Россия – 2025» [Электронный Ресурс] // Кремлин.ру 16.09.2025. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/letters/78001 (дата обращения: 04.11.2025)

Сплавская Н. В., Сохань М. К. «Взаимодействие пресс-служб в системе МВД со средствами массовой информации и гражданами», журнал «Государство и право XXI веке», издательство: Международный инновационный университет, 2016 г. № 1. С. 63–68.

Правовой портал консультант плюс. Указ Президента Российской Федерации № 400 от 02.07.2021 [Электронный Ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/1ee5bf046ecce1cfb3a4924023dd0ed2c7d89da5/ (дата обращения 07.11.2025)

Дубова М.Е. «Дискредитация органов внутренних дел: уголовно-правовой и терминологический аспекты» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022 № 2 (58). С. 192–197.

Правовой портал консультант. [Электронный Ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227/ (дата обращения 07.11.2025)

Официальный сайт СК России [Электронный Ресурс] // URL: https://sledcom.ru/press/smi/item/1874841/ (дата обращения 07.11.2025)

Борисов Гордей Васильевич, преподаватель кафедры уголовно-правовых и специальных дисциплин Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 977 985 17 98 Эл. адрес: borisov.go2016@yandex.ru

Социальная обусловленность оказания бесплатной юридической помощи (защиты) адвокатом по назначению

А. А. Булавин
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматривается социальная сущность оказания адвокатом бесплатной юридической помощи, в том числе в рамках уголовного судопроизводства. Выделяются некоторые проблемы и формулируются предложения по их решению.

Ключевые слова: адвокат, юридическая помощь, безвозмездно, по назначению, защитник, население.

В соответствии с нормами Конституции РФ (ст. 48) каждый имеет право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе на безвозмездной основе в специально законодательно предусмотренных случаях. Необходимость в такой помощи обусловлена социальными аспектами, к которым относятся следующие факторы: незнание населением (недостаточное знание) юридических основ правоприменения, норм действующего законодательства; неспособность верно квалифицировать фактические события, которые послужили поводом для обращения за получением юридической помощи; нахождение в стрессовой ситуации, исключающей возможность оперативно и грамотно защищать свои права и законные интересы; необходимость защиты «в противовес обвинению», как принцип достижения равноправия участников уголовного судопроизводства.

Первично акцентируем внимание на оказание адвокатом бесплатной юридической помощи, так как данная форма участия адвоката в делах различных категорий вызывает множество научных споров и практических проблем правоприменения.

Бесплатная юридическая помощь — это социальная государственная функция, которая в последнее время получила свое существенное развитие. Приведем лишь некоторые показатели за 2024 год, подтверждающее наше суждение:

— по данным доклада Минюста России, в 2024 году количество случаев оказания бесплатной юридической помощи гражданам участниками государственной и негосударственной систем составило 648 329 случаев, что на 34% больше, чем в 2023 году (более 483 тысяч);

— число россиян, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи, на конец 2024 года составило 34,86 млн человек;

— количество случаев оказания помощи государственными бюро выросло на 17,8%, адвокатами — на 7,8%, негосударственными организациями — на 10%.

— с помощью мобильных офисов бесплатная юридическая помощь была оказана более чем в 30 тысячах случаев;

— количество посетителей информационного портала «ВПРАВЕ.РФ» за 2024 год увеличилось более чем в пять раз.

Государство ориентировано не только на расширение круга субъектов получения бесплатной юридической помощи, но и на повышение качества правового информирования и адресной помощи. Так, в рамках Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 342) субъекты, вовлечённые в данную деятельность, обязаны организовывать на региональном уровне не только однодневные встречи с населением, но и проводить многодневные (недельные) уроки правового информирования, которые могут быть ориентированы на отдельные группы населения.

Так, например, в городе Тула 20 ноября 2025 года состоялся «Всероссийский День правовой помощи детям» (Всероссийский День правовой помощи детям, 2025), цель которого заключалась в повышении правовой грамотности населения в сфере защиты прав детей, а также оказание бесплатной адресной юридической помощи и содействие в решении проблем, связанных с нарушением прав и законных интересов несовершеннолетних.

Несмотря на внешнюю декларативность и популяризацию бесплатной юридической помощи для населения, в данном направлении социальной помощи остаются проблемы, требующие внимание, как со стороны исследователей, так и правоприменителей.

Вопрос финансирования бесплатной оказания юридической помощи, несмотря на «бесплатность» ее оказания для граждан, все же актуален для самих субъектов ее оказывающих. Так, в ФЗ № 342 содержится Глава 6 (состоящая из единственной статьи 26), регламентирующая вопросы государственного финансирования бесплатной юридической помощи. В законе четко указано, что именно органы государственной власти обеспечивают финансирование данной деятельности «за счет бюджетных ассигнований из федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации». Возникает вопрос о том, почему для финансирования данных социальных проектов нельзя привлечь иные негосударственные субъекты, к примеру общественные объединения, коммерческие организации?

Следует поддержать позицию Н. Ю. Акининой (Акинина, 2016), И. Афанасьевой (Афанасьева, 2018), М. А. Алиэскеров (Российские процессуалисты о праве, 2023) и других специалистов, которые предлагают законодательно закрепить возможность для негосударственных организаций принимать участие в развитии социальных программ бесплатной юридической помощи, в том числе обеспечивая их финансирование.

Существует и диаметральная проблема, когда адвокаты после проведения бесплатной юридической помощи отказываются отчитываться за нее, мотивируя свое решение добровольным отказом от положенных выплат, в виду своей социальной ориентированности и этической стороны вопроса. Многие адвокаты придерживаются высоконравственных идеалов социальной помощи и искренне желают помогать нуждающимся на безвозмездной основе, как относительно самих граждан, так и органов государственной власти, вовлеченных в эту деятельность. Своими действиями они очередной раз подтверждают, что

адвокат — это профессионал своего дела, а бесплатная адвокатская помощь — это благородная миссия.

На наш взгляд, сама социальная сущность оказания бесплатной юридической помощи заключается в благотворительности, которая не может сочетаться с нормами административного законодательства и иметь императивный характер. Адвокат, находящийся в условиях оказания бесплатной юридической помощи, должен действовать непринужденно, без «указки», желать помочь нуждающимся, понимая, что для большинства присутствующей аудитории получение платной юридической услуги является непосильной финансовой ношей, и сам человек зачастую находится в безвыходном положении.

Конечно, присутствует и другая составляющая отказа адвокатов от получения выплат — их размер, который очевидно не соответствует рыночным ценам и тому времени, которое адвокат потратит на составления соответствующего отчета для их получения. Так, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 11.08.2025 № 1191 «Об индексации в 2025 году размера вознаграждения адвоката, участвующего в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда, и внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240» один день участия адвоката по назначению в уголовном процессе оплачивается государством в следующем ценовом диапазоне:

– по обычным категориям уголовных дел: 1 861 руб.; 2 202 руб. — в ночное время; 2 544 руб. — в нерабочий праздничный или выходной день, включая ночное время;

– по делам в отношении трёх или более подозреваемых, обвиняемых (подсудимых): 2 395 руб.; 3 233 руб.; 3 611 руб. соответственно;

– по делам, рассматриваемым в закрытых судебных заседаниях: 2 128 руб.; 2 718 руб.; 3 078 руб. соответственно.

Что касается иных форм бесплатной юридической помощи, то их стоимость определяется региональным законодательством, которое также весьма скромно оценивает работу адвокатов.

Так, оплата услуг адвоката по устному правовому консультированию в рамках оказания бесплатной юридической помощи составляет:

– 600 руб. в Краснодарском крае и Ростовской области;

– 375 руб. в Ставропольском крае;

– 665 руб. в Санкт-Петербурге;

– 1100 руб. в Москве.

Оплата адвоката по представительству в суде первой инстанции в рамках оказания бесплатной юридической помощи составляет (за одно дело):

– 4000 руб. в Краснодарском крае;

– 7500 руб. в Ставропольском крае;

– 5000 руб. в Ростовской области;

– 1825 руб. (за один день участия) в Санкт-Петербурге;

– 3000 руб. (за один день участия) в Москве.

Указанные тарифы в десятки, а то и в сотни раз ниже расценок, в соответствии с которыми адвокат оказывает юридические услуги на платной основе (по соглашению).

Таким образом, мы наблюдаем недопустимо высокую дифференциацию между стоимостью оплаты услуг адвоката в рамках оказания им бесплатной юридической помощи и юридической помощи в рамках заключенного с доверителем соглашения. Такая ситуация вполне справедливо формирует в общественном сознании стереотип, что бесплатная юридическая помощь адвоката по назначению (в рамках уголовного судопроизводства) малоэффективна, так как защитник (в лице адвоката) выполняет исключительно формальные функции, не испытывает мотивации в помощи своему клиенту, так как у него отсутствует финансовый интерес.

Сложно что-либо противопоставить данному суждению, так как на практике, все сказанное подтверждается действиями подозреваемых (обвиняемых), которые в подавляющем большинстве случаев, даже не имея финансовой возможности, изыскивают любые варианты для введения в уголовный процесс адвоката по соглашению. При этом, понимая важность получения профессиональной защиты, от которой фактически зависит дальнейшая судьба доверителя, последний продает недвижимость, берет кредиты и долги у родственников; использует все, чтобы быть уверенным, что адвокат в максимально возможной мере приложит все свои профессиональные усилия, воспользуется имеющимися связями для того, чтобы избежать для своего клиента уголовного наказания или смягчить его.

Переведем дальнейшее исследование оказания бесплатной юридической помощи в плоскость уголовно-процессуального законодательства. В ст. 16 УПК РФ закреплено право подозреваемого и обвиняемого на защиту, в том числе посредством участия в деле адвоката, как на основе заключенного с ним соглашения, так и бесплатно, в порядке, установленном действующим законодательством. Участие защитника по назначению происходит в тех случаях, когда в соответствии со ст. 50 УПК РФ, обвиняемый не отказывается от его участия и согласен с бесплатным назначением защитника дознавателем, следователем или судом. При этом расходы на оказанные юридические услуги компенсируются адвокату за счет федерального бюджета.

Бесплатность юридической помощи в уголовном процессе не является абсолютной, так как в соответствии со ст.ст. 131, 132 УПК РФ суд в праве в приговоре по делу (или в постановлении о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям) возложить на осужденного обязанность выплаты процессуальных издержек, которые связаны как с участием в деле защитника по назначению, так и компенсации всех сопутствующих процессуальных издержек, таких, как транспортные расходы адвоката для прибытия в суд, его проживания в другом населенном пункте, изготовление им копий документов по делу и прочее.

Вызывает неопределенность понимания использование в ст. 131 УПК РФ слова «может», которое предполагает возможность, а не обязанность суда

взыскивать с осужденного процессуальные издержки. По этому поводу Пленум Верховного Суда РФ дал свои разъяснения, которые указывают на необходимость обязательного взыскания процессуальных издержек, так как участие в деле адвоката по назначению в полном объеме обеспечивается федеральным бюджетом.

Данное толкование находим логичным, так как оплата услуг адвоката за счет средств государственного бюджета лицу, признанному виновным в совершении преступления, несовместима с принципами обеспечения социального благополучия населения. Социальную помощь должны получать нуждающиеся граждане, которые не нарушают закон (тем более уголовный), то есть жить в парадигме гражданского общества, которое и определяет государственный строй и конституционные основы государственности.

Также Пленум Верховного Суда РФ в п. 7 указал на возможность невзыскания процессуальных издержек за оказание услуг адвоката по назначению при условии, когда осужденный будет признан судом имущественно несостоятельным. При этом факт отсутствия «на момент решения данного вопроса у лица денежных средств или иного имущества не является достаточным условием признания его имущественно несостоятельным».

В завершение данного исследования сделаем вывод о том, что оказание бесплатной юридической помощи населению является важнейшей социальной мерой государственного регулирования в рамках развития отдельных институтов гражданского общества. В качестве нерешенных вопросов приоритетное место занимает финансовый вопрос: наблюдается существенный дисбаланс между оплатой однородных адвокатской услуг, которые им оказываются, в первом случае — по соглашению (на платной основе), а во втором — в рамках бесплатной юридической помощи. Данные диспропорции выступают существенной детерминатной к мотивации адвокатов оказания услуг исключительно на платной основе и демотивируют их к эффективной защите своего доверителя в уголовном судопроизводстве в качестве адвоката по назначению.

Считаем необходимым на государственном уровне упорядочить тарифное регулирование участия адвокатов в оказании бесплатной юридической помощи в сторону существенного увеличения соответствующих гонораров. Иначе, должного развития института бесплатной юридической помощи не последует, и он со временем станет формальным рудиментом государственного механизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 04.11.2025) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 28.11.2011, № 48, ст. 6725.

Постановление Правительства РФ от 11.08.2025 № 1191 «Об индексации в 2025 году размера вознаграждения адвоката, участвующего в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда, и внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240» // Собрание законодательства РФ», 18.08.2025, № 33, ст. 5011.

Закон Ставропольского края от 18 июня 2012 г. № 57-кз «О некоторых вопросах организации оказания гражданам бесплатной юридической помощи на территории Ставропольского края». URL: https://docs.cntd.ru/document/461511048?marker=64U0IK (дата обращения: 15.11.2025).

Закон Санкт-Петербурга от 11 октября 2012 г. № 474-80 «О бесплатной юридической помощи в Санкт-Петербурге». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=14&nd=131045409 (дата обращения: 15.11.2025).

Постановление Правительства Москвы от 15 октября 2013 г. № 687-ПП «О мерах по обеспечению оказания бесплатной юридической помощи в городе Москве». URL: https://docs.cntd.ru/document/537941992 (дата обращения: 15.11.2025).

Постановление Правительства Ростовской области от 30 января 2013 г. № 37 «О мерах по реализации Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ». URL: https://www.donland.ru/documents/2913/ (дата обращения: 15.11.2025).

Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 30 сентября 2013 г. № 1065 «О некоторых мерах по реализации Закона Краснодарского края от 23 апреля 2013 г. N 2697-КЗ «О юридической помощи на территории Краснодарского края» // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 42 (ред. от 15.12.2022) «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» // Российская газета, № 294, 27.12.2013.

Акинина Н.Ю. (2016) История развития института бесплатной юридической помощи в России / Н.Ю. Акинина, А.М. Исаков // Вестник Югорского государственного университета. № 1 (40). С. 219 – 224.

Афанасьева Т.И. (2018) Система оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Пролог: журнал о праве. № 1 (17). С. 50–56.

Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике: к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: монография (2023) / Д.Б. Абушенко, М.А. Алиэскеров, Т.К. Андреева и др.; отв. ред. В.В. Молчанов. М.: Статут. - 480 с.

Всероссийский День правовой помощи детям [Электронный ресурс] https://mfc71.ru/news/vserossiyskiy-den-pravovoy-pomoshchi-detyam-detail/ (дата обращения: 21.11.2025).

Официальный сайт Минюста. Минюст: число случаев оказания бесплатной юрпомощи в 2024 году выросло на 34% [Электронный ресурс] https://minjust.gov.ru/ru/events/50645/ (дата обращения: 19.11.2025).

В 2024 году количество бесплатной юридической помощи выросло на 34% [Электронный ресурс] https://t-j.ru/news/results-of-activities-minjust/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 19.11.2025).

Булавин Александр Александрович, преподаватель кафедры уголовно-правовых и специальных дисциплин Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5. Эл. Адрес: ale-x-anderr@mail.ru.

Вызовы искусственного интеллекта при обучении студентов университетов

С. Н. Буренин
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вызовы, связанные с интеграцией искусственного интеллекта (ИИ) в образовательный процесс университетов. Анализируются положительные и отрицательные эффекты данного процесса для студентов и преподавателей. В качестве методологической основы применяются законы диалектики и синергетический подход, позволяющие описать нелинейный характер развития образовательных систем под влиянием ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, высшее образование, синергетическое мышление, диалектика, критическое мышление, визуальное мышление, интеллект-карты, мотивация, вызовы ИИ

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) оказывает трансформационное воздействие на все сферы человеческой деятельности, включая высшее образование. Важнейшей компетенцией выпускников вузов в условиях насыщенного рынка является способность к решению комплексных задач хозяйствующего субъекта, объединяющая интересы антагонистических элементов и подсистем (Нечаев, 2018). Университеты столкнулись с необходимостью не только адаптировать учебные процессы к новым реалиям, но и переосмыслить свои фундаментальные цели. ИИ, с одной стороны, открывает беспрецедентные возможности для персонализации обучения, автоматизации рутины и доступа к знаниям, а с другой — порождает серьезные вызовы, связанные с честностью выполнения студентами учебных заданий, снижением мотивации и девальвацией традиционных педагогических практик (Нечаев, Евсеева, 2019).

Цель данной статьи — проанализировать ключевые вызовы ИИ для университетского образования и предложить концептуальную модель преодоления этих вызовов через развитие синергетического мышления студентов. Для достижения цели решаются следующие задачи:

1) проанализировать текущее состояние и тенденции ИИ в образовании через призму диалектики;

2) обосновать применение синергетического подхода к интеграции ИИ в учебный процесс;

3) раскрыть сущность и компоненты синергетического мышления;

4) определить роль визуального мышления как катализатора когнитивных процессов.

Искусственный интеллект и образование: вызовы и возможности. Текущее состояние ИИ в образовании характеризуется переходом от экспериментальных проектов к массовому внедрению. Современные ИИ-инструменты, такие как генеративные языковые модели, способны создавать рефераты, эссе, программный код, решать сложные задачи и проводить

первичный анализ данных. Это переводит образовательный фокус с проверки результата на контроль процесса и понимания.

Особенности использования ИИ в университетах проявляются на нескольких уровнях. Для студентов это, в первую очередь, — инструмент для быстрого выполнения заданий и доступа к персонализированным объяснениям. Для преподавателей — средство автоматизации проверки работ, создания учебных материалов и аналитики успеваемости.

Положительные и отрицательные эффекты использования ИИ носят диалектически взаимосвязанный характер:

- плюсы — персонализация обучения, разгрузка преподавателя от рутины, развитие у студентов навыков формулирования запросов, доступ к неограниченной информационной базе;
- минусы — риск деградации самостоятельного мышления, искушение использовать чужой интеллектуальный продукт (плагиат), генерация ИИ недостоверной или «галлюцинирующей» информации, цифровое неравенство, обесценивание труда преподавателя как транслятора знаний.

Тенденции развития указывают на два возможных сценария. Первый — «технократический», где ИИ полностью автоматизирует процесс передачи знаний, превращая студента в пассивного потребителя информации. Второй — «гуманистический», где ИИ становится интеллектуальным партнером, а усилия системы образования сосредотачиваются на развитии сугубо человеческих компетенций: креативности, критического мышления, эмоционального интеллекта и способности к сотрудничеству.

Три закона диалектики для развития ИИ в образовании. Диалектический метод позволяет понять внутренние противоречия и спиралевидный характер развития ИИ в образовании.

1) Закон единства и борьбы противоположностей. Ярким примером является противоречие между эффективностью и контролем. ИИ повышает эффективность обучения, но одновременно требует сложных систем контроля для предотвращения злоупотреблений. Другое противоречие — между стандартизацией (персонализацией от ИИ) и уникальностью человеческой мысли. ИИ предлагает усредненные, статистически вероятные решения, в то время как гениальные открытия часто лежат вне стандартных путей.

2) Закон перехода количественных изменений в качественные. Накопление количества доступных ИИ-инструментов, объема обрабатываемых ими данных и частоты их использования студентами ведет к качественному скачку — смене образовательной парадигмы. Умение «договариваться» с ИИ становится новой грамотностью, столь же важной, как чтение и письмо.

3) Закон отрицания отрицания. Традиционное образование («тезис») с его опорой на лекции и учебники было частично «отринуто» эрой цифровизации и онлайн-курсов («антитезис»). Интеграция ИИ становится «отрицанием отрицания», возвращая на новом витке ценность живого диалога, наставничества и совместной проектной работы, но уже не как основного, а как ключевого элемента в симбиозе с технологиями.

Синергетический подход к ИИ в образовательном процессе. Образовательная система с участием ИИ является открытой, нелинейной и сложной, что требует применения синергетического подхода.

Точки бифуркации и нелинейность развития означают, что на пути интеграции ИИ будут возникать моменты неопределенности, когда даже небольшое управленческое или педагогическое решение может привести систему к принципиально разным состояниям (например, к технократической утопии или гуманистическому симбиозу). Необходимо быть готовым к принятию взвешенных решений в эти моменты, управляя информационным хаосом, который порождает ИИ.

Ключевые ориентиры для принятия таких решений:

- фокус на творчестве и самостоятельности — задачи должны быть сформулированы так, чтобы их решение требовало не запроса к ИИ, а критического осмысления, синтеза идей и творческого подхода;
- приоритет мотивации — преподаватель должен стать вдохновителем и мотиватором, так как внутренняя мотивация — главный противовес соблазну делегировать все мышление машине;
- эволюция методик — методики преподавания должны совершенствоваться, создавая новые форматы (например, «человеко-машинные» семинары, где дискуссия ведется между студентами и их ИИ-ассистентами);
- баланс онлайн и офлайн — необходимо сохранять и поощрять живое общение между студентами и преподавателем, так как социализация и невербальная коммуникация остаются незаменимыми элементами личностного роста.

Развитие информационной культуры взаимодействия с ИИ. Работа с ИИ требует формирования новой информационной культуры, которая включает:

- базовые знания работы с информационными технологиями (Гаврилова, 2019);
- навык ведения эффективного диалога (промпт-инжиниринг) — умение точно формулировать запросы, итеративно уточнять их и вести содержательную «беседу» с ИИ;
- критическую верификацию — понимание, что ИИ может генерировать ошибки, ложные данные и нарушать этические нормы, т. е. студент должен уметь проверять и перепроверять полученную информацию;
- умение сжимать и структурировать информацию — способность выделять главное из огромных массивов данных, генерируемых ИИ, и проводить собственный независимый анализ;
- базовое понимание алгоритмов — осведомленность о принципах работы ИИ помогает адекватно оценивать границы его возможностей и природу его ошибок (Сорокин, 2024).

Синергетическое мышление как ответ на вызовы ИИ. Ответом на вызовы ИИ становится целенаправленное развитие у студентов синергетического

мышления — нелинейной системы взаимосвязанных типов мышления (Нечаев, 2011).

Элементарный уровень:

- логическое мышление (развивается на основе алгоритмов);
- интуитивное мышление (развивается на основе ассоциаций, аналогий и работы в условиях неполной информации).

Содержательный уровень:

- творческое мышление — направлено на генерацию новых, нетривиальных идей;
- критическое мышление — выполняет функцию «внутреннего цензора», проверяя цели, методы и результаты, предложенные творческим мышлением;
- гармоничное умение переключаться между творческим и критическим режимами является залогом принятия эффективных решений.

Критическое мышление не должно подавлять творческое, а должно тестировать и отбирать наиболее перспективные идеи из спектра, созданного творчеством.

Дополнительный тип мышления — визуальный. Визуальное мышление — способность воспринимать, обрабатывать и передавать информацию в графическом виде — выступает мощным катализатором для всех компонентов синергетического мышления. Оно позволяет работать со сложными системами, выявляя связи между их элементами.

Наиболее эффективным инструментом развития визуального мышления при работе с нелинейной информацией является составление интеллект-карт (ментальных карт). Их создание на практических занятиях помогает студентам:

- структурировать хаотичную информацию от ИИ;
- выявлять системные связи и пробелы в понимании;
- генерировать новые идеи через визуальные ассоциации;
- улучшать запоминание материала.

Использование самого мощного — зрительного — канала восприятия позволяет достичь баланса между элементами синергетического мышления и усилить их кумулятивный эффект.

Заключение. Интеграция искусственного интеллекта в университетское образование — это не техническая задача, а комплексный вызов, требующий философского осмысления и системного подхода. Преодоление связанных с ним рисков лежит не в области запретов и ограничений, а в области перехода к новой образовательной парадигме.

Ее ядром должно стать развитие синергетического мышления студента, объединяющего логику, интуицию, критический анализ, творчество и визуализацию (Аналитическое исследование … , 2025). Преподаватель в этой парадигме трансформируется из транслятора знаний в мотиватора, наставника и архитектора образовательной среды, где ИИ выступает не заменой человеческого интеллекта, а его мощным усилителем. Ключевыми задачами на этом пути являются сохранение социализирующей роли университета, создание инновационных методик, делающих упор на мотивацию студентов к обучению,

и формирование у студентов высокой информационной культуры ответственного взаимодействия с ИИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аналитическое исследование законодательства Российской Федерации о молодежной политике и его реализации в современных условиях (2025) / Н. И. Ильинская, Е. В. Белоусова, А. И. Ковалева [и др.]. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 158 с. ISBN 978-5-907986-33-6. EDN KLZKNJ.

Гаврилова, О. В. (2019) Информационные технологии как средство повышения эффективности образования // Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений: XV Международная научная конференция (Москва, 14–16 ноября 2019 г.) : доклады и материалы : в 2-х ч. / под общ. ред. И. М. Ильинского. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. Ч. 2. С. 444–449. EDN ULENZS.

Нечаев, Д. Ю., Евсеева, А. Ю. (2019) Интеллектуальная виртуальная образовательная среда как средство достижения образовательных целей в компетентностной парадигме // Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений: XV Международная научная конференция (Москва, 14–16 ноября 2019 г.) : доклады и материалы : в 2-х ч. / под общ. ред. И. М. Ильинского. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. Ч. 2. С. 490–495. EDN PBOHTZ.

Нечаев, Д. Ю. (2018) О необходимости развития опережающих компетенций магистрантов ИТ-направлений подготовки в РЭУ им. Г. В. Плеханова // Научно-аналитический журнал «Наука и практика» РЭУ им. Г. В. Плеханова. Т. 10, № 1 (29). С. 68–73. EDN YVKDPP.

Нечаев, Д. Ю. (2011) Развитие методологии системного подхода в условиях глобализации многомерного коммуникационного пространства : монография. М. : Изд-во РГТЭУ. 126 с. ISBN 978-5-87827-461-6. EDN QONMWH.

Сорокин, В. А. (2024) Применение искусственного интеллекта в процессе цифровой трансформации управления проектами // Высшее образование для XXI века: Высшая школа России в условиях глобальных вызовов, рисков, угроз : доклады и материалы XIX Международной научной конференции (Москва, 23–24 ноября 2023 г.). М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 528–533. EDN BFJUZB.

Буренин Сергей Николаевич, доцент кафедры прикладной информатики и статистики Московского гуманитарного университета. Эл. адрес: pik@mosgu.ru

Новые рубежи профессиональной подготовки в графическом дизайне

Л. К. Вартанова
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты обучения в области графического дизайна, теории дизайна, необходимые для разработки привлекательных визуальных дизайнов, а также значение тенденций для создания эффективного дизайна.

Ключевые слова: тенденции в дизайне, инновационные проекты, технологические навыки, эволюция, образовательные технологии.

В области дизайна стремительно развиваются новые рубежи профессионального образования, что обусловлено слиянием инновационных технологий и передовых образовательных подходов. В эпоху, когда дизайн оказывает значительное влияние на несколько отраслей, от визуальных коммуникаций до пользовательского опыта, профессиональное образование адаптируется, чтобы подготовить будущих дизайнеров к новым вызовам.

Дизайн, как и искусство, изменчив: его границы постоянно и рефлексивно меняются. Неслучайно большая часть литературы в этой области стремится не прояснить его природу, а определить его цели. Художественные школы, как рассадники течений, активно участвуют в этом процессе. Это позволяет харизме мастера или ностальгии ремесленника, сойтись в дизайне.

Поскольку дизайн – изменчивая и запутанная сфера, он допускает столь же изменчивые профессиональные цели. Его неоднозначность порождает стремления, которые никогда не реализуются полностью или не терпят полного краха. И тем не менее, неоднозначность, полезная для амбициозных молодых людей, не порождает желание отказываться ни от реальной работы, ни от гипотетических символических выгод. (Самара Тимоти, Сэвиль Лорел, 2009)

Таким образом, внутренняя неопределенность дизайна имеет свою четкую логику и ей сопутствует такое явление как профессионализация, понимаемая как повышение роли дизайнера. Сегодня наблюдается и другое понимание профессионализации – превращение практики дизайна в ответственную часть построения справедливого и устойчивого будущего. В качестве доказательства и примера успешности работы по профессионализации, можно упомянуть популярную по сей день университетскую специальность – графический дизайн. Именно разработки различных визуальных коммуникаций в графическом дизайне, стали более заметными в популярных СМИ и повседневной жизни людей. (Рудольф Арнхейм, 2024)

Дизайн — это профессия, которая подразумевает ответственность. Ответственность за создание лучшего мира для всех.

Основная цель дизайн-образования — формирование квалифицированного специалиста, личности, способного осваивать новые технологии, создавать

проекты, которые являются эффективными, актуальными, отвечающими потребностям современного мира.

Дизайн, в данном случае графический — это дисциплина, которая оказывает сильное влияние на повседневную жизнь людей. Передаваемая информация за счет использования элементов визуальных коммуникаций, может повлиять на то, как мы воспринимаем окружающий мир в повседневной жизни.

Начинающие графические дизайнеры, чтобы преуспеть в этой области должны приобрести ряд ключевых навыков.

Первый фундаментальный навык — это способность понимать теории дизайна, связанные с типографикой, композицией и теорией цвета. Эти элементы играют жизненно важную роль в создании эффективного дизайна, а знание теорий дизайна необходимо для создания визуально привлекательных проектов дизайна, передающих информацию, в легкодоступной для понимания форме.

Второй необходимый навык — умение пользоваться инструментами дизайна. Эти инструменты включают в себя графические компьютерные программы (Adobe Photoshop, Adobe Illustrator, CorelDraw, Adobe InDesign, а также программы для 3D-графики), позволяющие дизайнерам создавать высококачественные визуальные проекты.

Третий навык — это знание тенденций в дизайне. Мир графического дизайна постоянно развивается, и тренды постоянно меняются. Дизайнерам важно быть в курсе последних тенденций и уметь применять их в своих проектах. Адекватное обучение графическому дизайну дает необходимые инструменты, чтобы быть в курсе новых тенденций и эффективно использовать их для удовлетворения потребностей заказчика.

Наконец, умение общаться и сотрудничать с клиентами является критически важным навыком для успеха в области графического дизайна. Начинающие дизайнеры должны приобрести необходимые навыки, чтобы понимать потребности клиентов и воплощать их в визуальные дизайны. Умение управлять работой с клиентами, четко общаться и реагировать на их потребности имеет важное значение для создания успешного эффективного дизайна.

Важность обучения в области графического дизайна напрямую отражается на качестве проектов, которые создают дизайнеры. Хорошо обученный дизайнер сможет создавать проекты, которые являются инновационными и, следовательно, возможными только для специалистов. Обучение дает дизайнерам знания и инструменты, необходимые для решения бесценных задач, таких как создание уникального фирменного стиля, бренда, передающего сущность компании, разработка и оформление привлекательной и многофункциональной упаковки, создание книжных иллюстраций и других графических произведений.

Благодаря приобретению навыков в теории дизайна, умению использовать инструменты дизайна, пониманию отраслевых тенденций, а также навыкам общения и сотрудничества с клиентами, начинающие дизайнеры получают

преимущество в создании визуального дизайна. Обучение позволяет дизайнерам не только добиться профессионального успеха, но и изменить повседневную жизнь многих людей за счет использования инновационных дизайнов со значительным визуальным эффектом.

Графического дизайнера часто называют *коммуникационным дизайнером,* потому что его главная цель — взаимодействовать со зрителем, передавать информацию, идеи, ценности, идентичности и идеологии с помощью визуальных образов. Из этого следует, что графический дизайн становится все более актуальным в маркетинге и рекламе: с помощью изображений, цветов и визуальных стимулов его цель — вызвать интерес, привлечь внимание и убедить потребителя выбрать продукт или другие рекламируемые услуги. (Сьюзен Б. Барнс, 2023)

Непрерывное развитие технологий, программного обеспечения, инструментов и коммуникативных навыков — это элементы, которые требуют глубокого анализа, чтобы их можно было использовать наилучшим образом, позволяя графическому дизайнеру достигать поставленных целей. Следовательно, дизайнер сочетает в себе художественные и технологические навыки, понимая свою целевую аудиторию.

Возвращаясь в сферу высшего образования, надо отметить, что цифровизация становится все более актуальной, предоставляя важную возможность для развития цифровых навыков, имеющих решающее значение для профессионального мастерства. Цифровизация — это процесс превращения информаций в цифровой формат, внедрение цифровых технологий для повышения эффективности и создания новых ценностей в различных сферах жизни и производства.

Образовательные технологии открывают огромные возможности для того, чтобы сделать обучение более доступным, увлекательным и эффектным. Разработка плана обучения требует стратегии, анализа и внедрения инновационных методов обучения.

Сегодня способ проведения обучения так же важен, как и содержание. Комбинация нескольких методологий — смешанное обучение — сочетает в себе лучшее из аудиторного и электронного обучения, обеспечивая гибкое и адаптируемое обучение.

Электронное обучение позволяет получить доступ к контенту в любом месте и в любое время, предлагая персонализированное обучение, адаптированное к индивидуальным ритмам на важных занятиях в режиме реального времени. Наилучшая эффективность достигается при сочетании несколько методик обучения. По этой причине одно решение не исключает другого: эффективность получается путем комбинирования разных методов обучения.

Обучение – это не затраты, это страховка на будущее. Организации, которые относятся к нему с таким пониманием, не только создадут более

компетентную рабочую силу, но и сформируют культуру, которая может развиваться и процветать с течением времени.

Подводя итог, можно сказать, что эволюция дизайнерского образования создает широкие возможности для тех, кто хочет сделать успешную карьеру в этой постоянно растущей отрасли.

Нельзя не коснуться сложной и постоянно развивающейся темы сегодня об искусстве и искусственном интеллекте. Генеративный искусственный интеллект кардинально меняет творческий ландшафт, меняя наше представление об искусстве и дизайне.

Следует понять, как защитить и отстоять ценность нашей профессии в условиях все более неопределенного будущего. Искусственный интеллект существует, и его больше нельзя игнорировать, следовательно, необходимо будет постоянно решать, как с ним взаимодействовать. Художникам и дизайнерам, также, как и раньше, придется вносить свой вклад в сохранение целостности своего творчества и придерживаться этического подхода, не умаляющего ценность человеческого творчества. (Бутл Роджер, 2022)

После первоначального энтузиазма по поводу искусственного интеллекта ощущается новая тенденция: возвращение признания человеческого мастерства. Более того, почти как противовес всему цифровому, люди заново открывают для себя ценность мастерства, аутентичность и традиционные техники, создавая творческие произведения. Поэтому, начиная с сегодняшнего дня, художники и дизайнеры призывают делиться своим творчеством и заново открывать для себя красоту и волшебство искусства.

Генеративный ИИ, основанный на сложных моделях машинного обучения, способен обучаться на основе миллионов изображений, текстов и звуков для создания нового контента. Это позволяет дизайнерам, художникам, архитекторам и всем творческим людям создавать самые разные работы: от логотипов и картин до футуристических архитектурных проектов, просто вводя текст.

Искусственный интеллект ускоряет и совершенствует творческий процесс, позволяя разрабатывать идеи за считанные минуты, на которые раньше уходили дни. Его способность разрабатывать творческие концепции порождает бесконечное количество вариаций, предлагая индивидуальные решения, адаптируемые к любым потребностям. Более того, он превращает отношения между людьми и машинами в динамичное сотрудничество: художник руководит процессом с помощью подсказок, а ИИ отвечает предложениями, вдохновляющими на новые творческие направления. Этот диалог обогащает и расширяет возможности художественного самовыражения. (Анна Воронкова, 2025)

Искусственный интеллект — это, безусловно, смена парадигмы: не угроза, а возможность переосмыслить границы творчества. Художники и дизайнеры могут использовать эти технологии для исследования новых выразительных

языков и создания выдающихся произведений, сочетающих человеческую интуицию и технологическую мощь.

Благодаря искусственному интеллекту мы вступаем в эпоху, когда воображение не знает границ, а будущее искусства и дизайна выглядит многообещающим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Самара Тимоти, Сэвиль Лорел. (2009) Эволюция дизайна. От теории к практике// Москва.: Изд-во РИП-Холдинг. 272 с.

Рудольф Арнхейм. (2024) Искусство и визуальное восприятие// Москва.: Изд-во Архитектура-С. 392 с.

Сьюзен Б. Барнс (2023) Визуальная коммуникация// Москва.: Изд-во Гуманитарный центр. 436 с.

Бутл Роджер. (2022) Искусственный интеллект и экономика// Москва.: Изд-во Альпина-PRO. 445 с.

Анна Воронкова. (2025) Творцы будущего: цифровое искусство и искусственный интеллект// СПб.: Изд-во Питер. 304 с.

Вартанова Людмила Карловна, доцент кафедры дизайна Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5. тел.: +7 (916) 034-57-40. Эл. адрес: luda_vartanova@mail.ru

Эстетический разрыв в цифровую эпоху: социологический анализ институционального и методологического статус-кво в китайском высшем образовании

The Aesthetic Divide in the Digital Era: A Sociological Diagnosis of Institutional and Methodological Status Quo in Chinese Higher Education.

Ван Донг
Хэбэйская академия искусства и дизайна
Wang Dong
Hebei Art & Design Academy

Abstract. Amid the rapid digitalization of Chinese society, this study investigates the structural misalignment between the institutional provision of aesthetic education and the digital habitus of university students. **Methods:** A stratified survey was conducted from September to December 2022 across three distinct types of higher education institutions (HEIs) in China: a key research university, a general undergraduate university, and a humanities college. **Results:** The data reveals three critical contradictions: (1) **Institutional Marginalization**, where high participation (90%) is undermined by low academic weight (<2 credits in 70% of cases);(2) **Methodological Stagnation**, where 80% of instruction relies on traditional "direct teaching" despite 95.8% of students being active mobile internet users; (3)**Ecological Hollowness**, indicated by a disparity between students' demand for diverse content (99%) and a poor campus atmosphere (rated "ordinary" or "poor" by 90%). **Conclusion:** The study concludes that aesthetic education faces a "technological-institutional rupture." Without a paradigm shift from passive transmission to digital immersion, aesthetic education risks becoming a ritualistic shell.

Keywords: Aesthetic Education; Digital Divide; Higher Education in China; Sociology of Education; Educational Management.

1. Introduction

China’s higher education system is currently undergoing a "double transformation": the systemic shift towards "Quality Education" (Su-zhi Jiao-yu) and the rapid digitalization of the learning environment. As of December 2025, China's internet user base reached 1.07 billion, with a penetration rate of 74.5%. The contemporary student body is comprised entirely of "digital natives" whose cognitive and social habits are shaped by the logic of new media.

However, a critical sociological question remains: Has the institutional design of aesthetic education kept pace with this digital cultural shift? While policy frameworks explicitly emphasize the importance of aesthetic education for "comprehensive development," empirical observation suggests a significant lag. This study argues that a "technological-institutional rupture" exists: while students live in a hyper-connected, multi-modal digital world, the university's aesthetic curriculum often

remains trapped in pre-digital, text-centric pedagogies. By analyzing survey data from three representative universities, this paper aims to diagnose the structural contradictions impeding the efficacy of aesthetic education in the new media era.

2. Theoretical Framework

To analyze the disconnect between students and the educational system, this study draws upon Cultural-Historical Activity Theory. From this perspective, learning is not direct but "mediated" by cultural tools (Vygotsky). In the pre-digital era, textbooks and lectures were effective mediation tools. In the digital era, however, new media (VR, Social Networks, AI) have become the primary "psychological tools" for the younger generation. A failure to integrate these tools into pedagogy results in a failure to activate the student's "Zone of Proximal Development" (ZPD) in aesthetics.

3. Methodology

3.1 Participants and Sampling

The study employed a stratified sampling method to ensure representativeness. Three institutions were selected as observation points:

University A: A key research university (representing elite education).

University B: A general undergraduate university (representing mass education).

College C: A humanities-focused college (representing specialized education). The survey targeted undergraduate students across various disciplines. *[Note: Please insert the total number of valid questionnaires here, e.g., N = 356]*

3.2 Instrument and Procedure The survey was conducted between **September and December 2024**. A structured questionnaire was designed to measure three core dimensions:

(1) **Institutional Provision** (curriculum structure, credits, and policy perception);

(2) **Pedagogical Reality** (teaching methods and media usage);

(3)**Student Experience** (satisfaction,needs, and campus atmosphere).

4. Results

The data analysis identifies three primary structural contradictions that define the current status of aesthetic education.

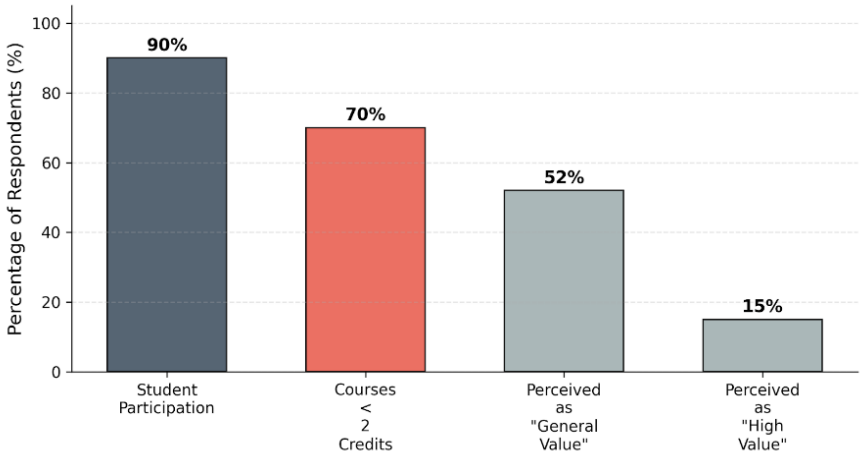
4.1 Contradiction I: Nominal Inclusion vs. Institutional Marginalization

The first contradiction lies between the "breadth" of coverage and the "depth" of institutional commitment.

High Participation: The survey indicates a high penetration rate, with **90%** of respondents confirming participation in aesthetic education courses.

Low Weight: However, this inclusion appears largely nominal. 70% of the coursework accounts for fewer than 2 academic credits, with only 3% of courses exceeding 4 credits.

Figure 1. The Paradox of Institutional Marginalization
(High Participation vs. Low Academic Weight)



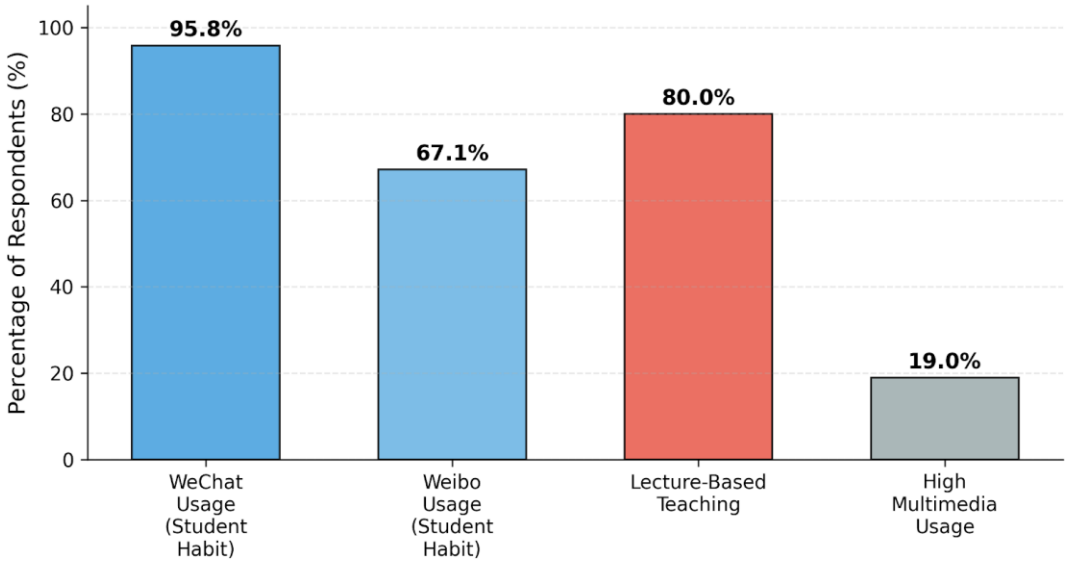
Perceived Devaluation: Consequently, the institutional signal sent to students is one of marginality. **52%** of students perceive the university's attitude as merely "generally valuing" the subject, while only **15%** feel it is "highly valued".

4.2 Contradiction II: The "Digital Native" Student vs. The "Analog" Classroom

The second contradiction is the mismatch between the students' digital habitus and faculty pedagogy.

The Digital Habitus: Students are embedded in digital ecosystems, with **95.8%** active on WeChat and **67.1%** on Weibo. These platforms are characterized by high interactivity.

Figure 2. The Digital-Pedagogical Gap
(Student Habits vs. Instructional Reality)



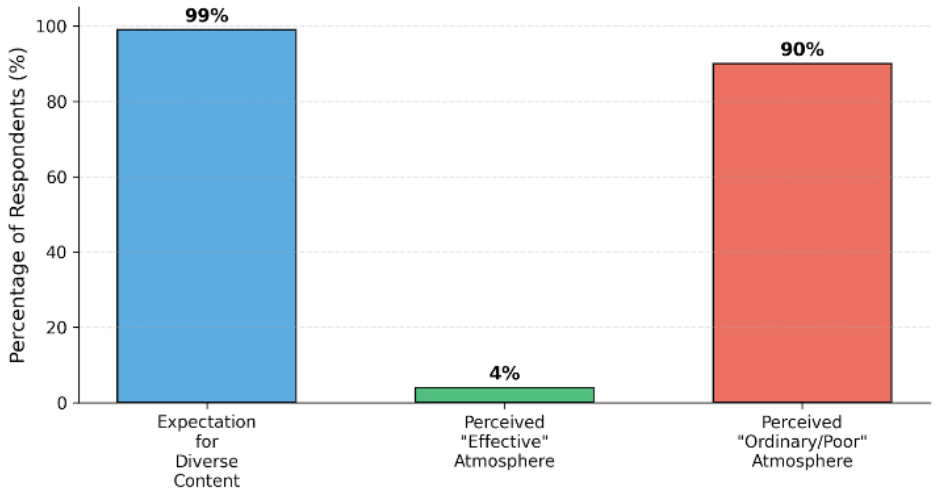
The Analog Reality: In contrast, **80%** of aesthetic instruction relies on traditional "direct teaching" (lecture-based) methods. Furthermore, despite the availability of new media, **12%** of courses utilize "no multimedia" at all, and only **19%** are reported to use it "a lot".

4.3 Contradiction III: Diversified Expectations vs. The "Hollow" Atmosphere

The final contradiction exists between demand-side expectations and supply-side provision.

High Demand for Diversity: Students demonstrate a sophisticated understanding of aesthetic education, with **99%** believing it should encompass a broad spectrum beyond traditional literature, music, and fine arts.

Figure 3. The Supply-Demand Mismatch
(Student Expectations vs. Campus Atmosphere)



Supply-Side Failure: However, the university environment fails to support this breadth. **50%** of students rate the campus aesthetic atmosphere as "ordinary," and a worrying **40%** rate it as "poor" or "non-existent".

5. Discussion

The empirical findings reveal a sociological rupture that renders aesthetic education ineffective.

5.1 From Education to "Ritual": The Crisis of Internalization

The data on low credit weight and "general" value perception suggests that aesthetic education has devolved into a "Ritual of Institution." When the institution treats the subject as peripheral, students adopt a strategic response: they perform the role of attendance without psychological internalization. The high coverage statistics mask a crisis of efficacy, where education remains an external task rather than an internal quality.

5.2 The Failure of Pedagogical Mediation

The reliance on "direct teaching" (80%) for digital natives represents a failure of **mediation**. According to Vygotsky, tools shape consciousness. By rejecting the interactive tools (new media) that shape students' daily cognition, the traditional classroom creates a "cognitive dissonance." The lecture format alienates the aesthetic experience, making art feel distant and irrelevant to students' digital lives.

5.3 Reconstructing the "Social Situation of Development"

The "hollowness" of the campus atmosphere (90% negative/neutral rating) indicates a failure to construct a viable "Social Situation of Development." Aesthetic education requires an immersive ecology, not just isolated lectures. To bridge this divide, universities must legitimate the smartphone not as a distraction, but as a "prosthetic of perception"—utilizing it to deliver immersive experiences (VR/AR) that align with the students' digital ontology.

6. Conclusion

This study diagnoses a critical lag in the modernization of aesthetic education in Chinese universities. The "Digital Divide" is not merely about a lack of equipment, but a lack of systemic adaptation. Future reforms must prioritize the restructuring of aesthetic education from marginal electives to core competencies, and from analog transmission to digital immersion. Only by integrating the "tools" of the digital age can the university reclaim its relevance in the aesthetic development of the new generation.

REFERENCES

1. McLuhan, M. (1964). *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York: McGraw-Hill.

2. Castells, M. (1996). *The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell.

3. Ministry of Education of the People's Republic of China. (2014). *Opinions on Promoting the Development of Art Education*.

4. China Internet Network Information Center (CNNIC). (2023). *The 52nd Statistical Report on China's Internet Development*.

5. Zhang, L. (2015). *The Reception Study of Communication Theory*. Hangzhou: Zhejiang University Press.

6. Zhao, J., & Wang, S. (2013). The Current Application Status and Improvement Measures of New Media Technology in Modern Teaching. *Journal of Tonghua Teachers College*, (06), 15.

7. Shao, X., Chen, S., & Qiao, L. (2022). The Renewal and Development of Aesthetic Education Concepts in Contemporary Chinese Colleges. *Research in Higher Education*, (79), 27.

Проблемы с нарушением авторских прав при использовании технологии Deepfake

Copyright Infringement Issues Under Deepfake Technology

Ван Цзяци
Пекинский объединенный университет
Wan Jiaqi
Beijing Union University

Abstract. With the development and popularization of generative AI technology, the infringement risks associated with the improper application of deepfake techniques have also attracted widespread attention. Improper applications of deepfake technology include unauthorized tampering or modification of copyrighted audio, video, and images by others, which involves the protection of a number of rights, including the right to integrity of the work and the right to modify it.At present, there are problems such as inconsistent adjudication standards, single type of infringement, and low motivation to defend rights in China's judicial practice. This article focuses on copyright infringement under deepfake, with a view to responding to new challenges and improving China's copyright protection system in the context of technological change in the new era.

Key words: Deepfake, copyright,infringe,dameges

1.Overview of deepfake technology

Unlike generative AI, which creates something from nothing, deepfake technology creates new creations based on secondary changes to “existing” works. It relies on adversarial generative network (GAN) models and deep learning algorithms to realize the forgery and tampering of images and audio. Figure 1 shows the logic diagram of using deepfake technology to generate fake videos, pictures and other false information using the GAN model.

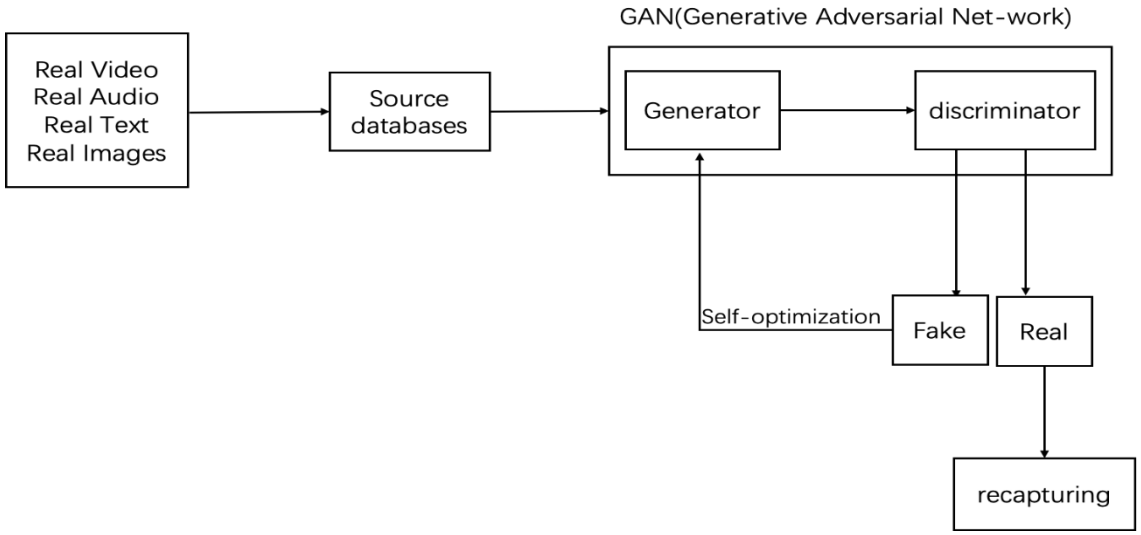


Fig.1. Schematic diagram of GAN model logic for deepfake technique

Deepfake technology has two significant features. First, the forged content is highly realistic, through the “generator” and “adversary” game optimization, the generated content can reach the degree of “naked eye can deceive”, Secondly, it is easy to operate, with the help of relevant Internet software, users can easily make, such as ZAO software “a key to change the face” function.

2.Risk of Copyright Infringement under Improper Application of Deepfake Technology

2.1Right to protection of the integrity of the work

Tampering with the original audio and video without the permission of the copyright owner may infringe on the right to protect the integrity of the work. For example, the use of AI face-swapping technology to distort and tamper with the image of a film or television character, damaging the author's reputation and the artistic value of the work, constitutes an infringement. However, in judging the infringement, it is necessary to consider whether the original material is substantially distorted and altered, and whether the original intent of the work is changed.

2.2 Right of revision

Without the consent of the copyright owner, the use of AI face-swapping technology to replace the facial features of a character in a movie or television work is an improper modification of the work and violates the right of modification. The boundary between the right of modification and the right to protect the integrity of the work is controversial in theory, and in judicial practice, the “lesser degree of severity” is more widely recognized.

2.3 The right of communication to the public over information networks

The right of information network dissemination is the core property right of copyright holders in the digital age. In the case of the use of deepfake technology to realize ai face change, it is inevitable to use and disseminate through the Internet technology, that is, the unauthorized use of information network dissemination, infringing on the legitimate rights and interests of the copyright owner. In judicial practice, such infringement is characterized by fast dissemination, wide scope and difficult evidence collection, and cases in Beijing and Shanghai provide practical reference for infringement determination.

3.Current status of extraterritorial legal practice

In 2024, the Fostering Originality, Promoting the Arts, and Securing the Entertainment Industry (Draft) Act , introduced by a U.S. Senator, created the “digital reproduction right,” a right intended as an intellectual property right to protect the sound and visual image of an individual by granting the right holder authorized control over the digital reproduction of the individual's image and voice with authorized control. At a time when deepfake technology is frequently used to tamper with a person's image, it provides a new path for copyright holders to enforce their rights.

The EU constructed a unified legal framework to address the challenges posed by deep counterfeiting techniques. The General Data Protection Regulation governs the use of data, and the unauthorized collection and use of personal data during the training process of deepfake technology would violate the Regulation.

4. Review and analysis of China's judicial status

4.1 Different standards for judicial decisions

In cases of copyright infringement caused by in-depth forgery, there is a lack of uniform standards for determining the amount of compensation, and there are obvious differences in different cases. It is difficult to accurately measure the actual loss of the copyright owner and the profit of the infringer, and there are many factors to be considered by the court when determining the compensation and different judgment standards, and there are also differences in the determination of infringement of the right to modify.

4.2 The accused infringement type single

Judicial practice is insufficient to recognize and regulate the multiple infringement forms of deepfake, with more than 70% of the cases focusing on infringement disputes arising from AI face-swapping, mainly in the field of short videos, mostly infringing on the right to disseminate the information network and the right to modify. This monolithic tendency reflects the infringer's choice preference and the shortcomings of judicial response ability.

4.3 Low enthusiasm for rights defense

The number of in-depth forgery copyright infringement lawsuits in China is relatively small, for reasons including the difficulty of detecting infringement due to the hidden nature of the technology, the high cost of defending rights, and the weak awareness of right owners in defending their rights. Difficulty in tracking and evidence collection for infringement, imbalance between the cost and benefit of rights defense, and complexity of rights defense procedures have inhibited the enthusiasm of rights holders in defending their rights.

5. Conclusion

The improper application of deep forgery technology has infringed on numerous copyright-related rights, and judicial practice has also presented many difficulties. In order to solve these problems, this paper suggests the following: First, the court should incorporate quantifiable data, such as the number of downloads and broadcasts of the videos involved in the case, when determining the amount of compensation, so as to establish a scientific and uniform standard, and reasonably expand the punitive damages. Second, strengthen the publicity and training on copyright protection, and enhance the public's awareness of respecting intellectual property rights; and third, clearly define the responsibilities of the developer of the technology, the platform operator, and the users of the content, so as to prevent infringement risks at the source.

Third, clarify the responsibilities of technology developers, platform operators and content users, so as to prevent the risk of infringement at source.

REFERENCES

1. Shang Haitao:The New Paradigm and New System of Legal Regulation of‘Deep Counterfeiting’, in Hebei Law Science, No. 1, 2023.
2. Jia Zhangfan: Legal Risks and Rule Responses of Deep Counterfeiting Techniques under the Perspective of <Civil Code>, in Journal of Northeast Agricultural University (Social Science Edition), No. 1, 2021.
3. Wang Liming:Legal Responses to Generative AI Infringement,in China Journal of Applied Jurisprudence,No.5,2023.
4. Liu Wentao:Application Risks and Legal Regulation of AI Face Swap Technology,in Journal of University of Electronic Science and Technology of China(Social Sciences Edition),Vol.26,No.2,2024.
5. Shinu Vig (2024) .Regulating Deepfakes: An Indian perspective. Journal of Strategic Security,Vol. 17, No. 3 (2024), pp. 70-93.
6. Hua Jie:Study on Copyright Infringement of Deep Fake Content,in Electronics Intellectual Property,No.4,2022.
7. Wen Ming,Sun Yuanyuan:Study on the Risks and Legal Regulation of the Application of Deep Counterfeiting Technology,in Forum on Science and Technology in China,No.4,2023
8. （2022）京0491民初26856号
9. （2023）沪0115民初57048号 （2024）沪0114民初1326号

Усиление уголовно-правового регулирования экологических преступлений — интеграция восстановительного правосудия и совершенствование системы в перспективе

Strengthening the criminal law regulation of environmental crime — the integration of restorative justice and the improvement of the system as the horizon

Ван Сяо Жуй
Пекинский университет профсоюзов
Wang Xiao Rui[1]
Beijing Union University

Abstract. In terms of China's regulation and punishment of ecological environment crimes, it is feasible to incorporate the theoretical viewpoints and specific measures of restorative justice into non-penalty treatment methods. This kind of judicial model is different from the traditional concept of retribution penalty, but emphasizes the active participation of the offender and the common responsibility for the repair behavior. It can not only promote the restoration of the ecological environment, but also improve the offender 's awareness of the protection of the ecological environment, and help to prevent future environmental crimes.

Keywords: environmental criminal crime; restorative justice; ecological environment criminal law legislation; environmental remediation

1.Connotation and characteristics of restorative justice

(1) The connotation of restorative justice

The term ' restorative justice ' was first born in North America in the late 1970 s and was used to describe the ' victim-offender reconciliation procedure ' that appeared at that time. Since then, the restorative justice system has been widely disseminated and applied in Western countries. The " Basic Principles on the Use of Restorative Justice Programmes in Criminal Matters, " adopted by the United Nations Commission on Crime Prevention and Criminal Justice in 2002, defined " restorative justice " as " a process in which, with the help of a mediator, victims and offenders and, as appropriate, any other individuals or members of the community affected by crime participate actively in the resolution of problems caused by crime. " Restorative justice is based on the construction of a communication platform, under the auspices of the mediator, as far as possible to restore the crime to the victim 's infringement. It is an alternative judicial activity that requires the offender to take the initiative to repair the damaged social relationship by establishing a dialogue relationship between the offender and the victim. Restorative justice itself has also undergone a process of development and improvement. Early restorative justice emphasized face-to-face communication

[1] 王小蕊，北京联合大学研究生

between offenders and victims, so it was only applicable to crimes with victims; contemporary restorative justice believes that victimless crime can also adopt restorative justice, which lays a foundation for the introduction of this concept in the field of ecological environment crime. The introduction of " restorative justice " in environmental criminal crimes aims to make the criminals make up for the damage caused by their own actions to the " victim " (i. e. ecological environment) through the mediation platform, so as to repair the damaged ecological environment and restore its original appearance as much as possible.

Based on the background of ecological civilization construction, China adheres to the concept of strict governance for ecological environment crimes, but strict governance does not mean increasing the intensity of criminal penalties, but focuses on the restoration and sustainable development of the ecological environment. The trial work of environmental resources should clarify the judicial principles of ecological priority and restoration, implement the damage compensation mechanism with ecological restoration as the core, and take the restoration of damaged ecological environment as the first priority. The concept of restorative justice is also a bold exploration of the ' Fengqiao Experience ' in the new era. It is not a complete reaction to criminal legislation and justice in the traditional sense, but a supplement to it.

(2) Characteristics of restorative justice

Compared with traditional criminal justice, restorative justice has the following characteristics: First, repair and complementarity. 'Retributivism ' believes that the purpose of punishment is to punish criminals. In order to curb crime, the penalty is imposed, and the state coercive force is used to replace the victim to retaliate against the criminal to a certain extent so as to achieve justice.

Such a model often ' heavy punishment, light repair '. At present, China 's punishment for ecological environment crimes is often based on fines, and probation is mostly applied. The delay in the execution of fines and the long execution cycle of restoring the environment may cause permanent damage to the ecological environment. In judicial practice, the criminal purpose of many criminals is often characterized by greed. In order to pursue self-interest, they ignore or allow the harm caused by criminal acts to the society. First, for example, in the crime of illegal logging, the criminal motive of the offender includes but is not limited to the expansion of cultivated land or the sale of trees for profit, etc., and its subjective viciousness is highly subjective in the traditional sense. There is a great gap between crimes such as crimes against national security and crimes against public security. The purpose of restorative justice is to give the offender the opportunity to restore damaged social relations and compensate for the loss of the victim, so as to achieve the purpose of criminal law to prevent recidivism to a certain extent.

Second, flexibility and diversity. The criminal procedure solves a series of problems, such as whether the behavior of the actor constitutes a crime, whether it

should bear criminal responsibility and what kind of criminal responsibility it should bear. Under China 's criminal justice system, except for some duty crimes that require special procedures, most of the remaining criminal crimes are handled by the investigation organs. The investigation organs are responsible for the investigation of the case, the procuratorial organs make the decision to prosecute or not to prosecute after the review, and finally the people 's courts are in the middle of the referee. The judicial organs have the leading power of litigation activities, and the degree of active participation of offenders and victims is relatively low. From investigation and prosecution to conviction and sentencing to the final implementation, it shows the characteristics of template and model. In contrast, the application and process of restorative justice are more flexible. The purpose of criminal responsibility is not only limited to the organization of ecological environment pollution, but also to achieve the purpose of restoring the damaged ecological environment.

Third, the participation subject is extensive. The implementation of restorative justice emphasizes the voluntariness of the participants to a certain extent. The offender 's own fault is ' reflected ' through practical actions to make up for the loss and confession and repentance. While the victim 's material loss is compensated, his mental damage is also compensated to a certain extent, and the social relations destroyed by the criminal act are thus repaired. Such a conflict resolution mechanism needs to be based on voluntary communication. If the perpetrator is forced to carry out restorative work, it will not only fail to ensure the quality of the recovery work, but also be useless for reducing the social harm of the perpetrator. In terms of ecological environment crimes, what kind of trees to plant, how to plant, the growth cycle of trees, etc., may affect the final recovery results. The specific requirements of the recovery content need to be determined by the court and the environmental protection department, the appraisal agency, and the victim (if there is) to find the most appropriate recovery plan. The intervention of professional environmental protection departments and appraisal institutions is conducive to enhancing the scientificity, rationality and operability of the restoration content.

2. Theoretical justification and practical orientation of the indigenous construction of restorative justice

(1) From the perspective of legal interest protection

"Legal interest", that is", according to the basic principles of the Constitution, the life interests of people who are protected by law and may be infringed or threatened objectively. " This concept takes humanism as the core and focuses on human interests themselves. 'Human ' and ' ecological environment ' are not opposite, and they should be integrated at the level of legal interest protection. That is to say, the legal interests infringed by the crime of destroying the ecological environment should cover the above two elements at the same time.

(2) The concept of retributive punishment and purpose punishment is mixed.

The core of the theory of retributive punishment is ' focusing on the objective behavior of crime, regardless of the individual situation of the perpetrator ', and the corresponding purpose mainly focuses on the punishment of criminals so as to achieve the purpose of preventing recidivism and returning criminals to society. The former pays more attention to the punishment of ' objective behavior ' and the evaluation of ' past behavior ', while the latter pays more attention to the evaluation of the effect of criminal reform. 'Retributive punishment ' and ' purpose punishment ' have their own unique advantages and limitations, and their advantages and limitations coexist. From the perspective of reform effect, ' purpose punishment ' may have more advantages. However, because it is impossible to completely avoid the use of offenders as a tool for crime prevention, ' purpose punishment ' cannot absolutely exceed ' retribution punishment '.

(3) Adaptability to the current penalty system. China 's current penalty system for ecological environment crimes is seemingly reasonable and diverse. In fact, there are still many problems to be solved. Based on the basic principle of legality of criminal law, the comprehensive application of freedom penalty and fine penalty is still indispensable for ecological environment crimes, which can reflect the severity of criminal law to a certain extent. However, due to the particularity of the object of the crime of destroying the ecological environment: environmental legal interests, it is also very necessary to introduce restorative justice to improve this penalty system. The introduction of restorative justice can simultaneously achieve the purpose of criminal law sanctions and the timely restoration of the ecological environment. Penalty is not only sanctions, nor is it the purpose of punishment to achieve "retribution" Its primary purpose is to repair damaged social relations and reduce the impact of crime on social order. Therefore, the introduction of restorative justice into the field of environmental criminal offenses is a supplement and improvement to the existing penalty system.

REFERENCES

*[*1] Gao Lili. Criminal Regulation and Improvement of Environmental Crimes: A Perspective of the Introduction of Restorative Justice [J]. Journal of Dalian Maritime University (Social Sciences Edition), 2018, 17(03): 21-26.

[2] Liao Bin, He Xianbing. On the Application of the Restorative Justice Concept in Sentencing Negotiation [J]. Journal of Southwest Minzu University (Humanities and Social Sciences Edition), 2022, 43(03): 65-72.

[3] Zhang Wanting, Rao Xuebing. The Application of the Restorative Justice Concept in Public Interest Litigation [J]. People's Procuratorate, 2019, (21): 78-79.

[4] Yin Lei, Zhang Juan. From Afforestation to Restorative Justice—The Purpose of Criminal Sanction for Environmental Crimes in China and Its Implementation Path [J]. People's Justice (Applied Edition), 2018, (19): 74-77. DOI: 10.19684/j.cnki.1002-4603.2018.19.017.

Исследование путей регулирования ненадлежащих стандартных условий контрактов на клики в контексте данных с глобальной точки зрения

Research on the Regulatory Path of Improper Standard Terms of Click Contracts in the Data Background from a Global Perspective

Ван Ю
Пекинский объединенный университет
Wang Yu
Beijing Union University

1. Introduction

In the data-driven digital economy era, the issue of improper standard terms in click contracts seriously affects consumers' rights and interests as well as market order. This article, from a global perspective, analyzes the current situation, problems and impacts of such provisions, compares the regulatory practices of major countries and regions, explores the role and challenges of international organizations, and then proposes regulatory paths to promote international legal coordination, technical standard collaboration, construct a collaborative mechanism for consumer protection and strengthen social collaborative governance. It aims to provide theoretical and practical references for the healthy development of the global digital economy.

2. The Global Current Situation and Issues of Improper Standard Terms in Click Contracts within the Data Context

2.1 The Manifestations of Improper Standard Terms in Global Click Contracts

Worldwide, the improper standard terms of click contracts are diverse.In terms of exemption from liability, social platforms often exempt themselves from the responsibility for data leakage. Additional obligation clauses such as software usage agreements that require users to pay a high fee for lifting data usage restrictions; The restrictive rights clause is manifested as the e-commerce platform restricting consumers' right to modify evaluations and their right to object to data processing, etc.

2.2 Special Issues in the Context of Data

2.2.1 Cross-border Data Transmission

The regulations on cross-border data transmission vary greatly among different countries. The EU's GDPR requires receiving countries to have high data protection standards, while the United States is relatively lenient. This makes it difficult for enterprises to meet local requirements when formulating click contracts. For instance, when US companies sign contracts with EU users that contain cross-border data clauses, they often face GDPR compliance risks.

2.2.2 Data Sovereignty and Jurisdiction

The different concepts of data sovereignty among countries have led to disputes over jurisdiction in click contract disputes. Different countries assert jurisdiction based

on factors such as data involving their own citizens or the place where the contract was signed, making it difficult to resolve disputes.

2.2.3 Application of Emerging Technologies

Artificial intelligence-generated terms and automated contract signing bring new challenges. The terms generated by artificial intelligence are complex and concealed, making it difficult for consumers to understand. Automated signing can easily enable consumers to complete the signing without fully reading the terms, and the new technology lacks unified standard norms, making regulation difficult.

2.3 Global Impact

Improper standard terms harm the rights and interests of consumers, leading to the abuse of personal information and economic losses in cross-border consumption, etc. Increase the cost and uncertainty of digital trade and hinder trade development; It has triggered international legal conflicts and affected the stability of the international digital economy order.

3. Regulatory Practices and Differences of Improper Standard Terms in Click Contracts from a Global Perspective

3.1 Regulatory Practices in Major Countries and Regions

In terms of click contract regulation, different countries and regions present diverse models. Relying on the General Data Protection Regulation (GDPR), the European Union strictly regulates the data terms in click contracts, clearly defines the rights of data subjects, requires that the collection and use of data must obtain the explicit consent of users, and strictly reviews the legality and fairness of the terms. Enterprises that violate the regulations will face heavy penalties. The United States adopts a model that combines regulation by the Federal Trade Commission (FTC) with case law. The FTC focuses on whether the provisions mislead consumers, while state legislation and case law complement each other. For instance, the California Consumer Privacy Act (CCPA) grants consumers the right to personal information. The "reasonable expectation principle" established by case law provides guidance for practice; China has established a regulatory framework centered on the Civil Code, the Data Security Law and the Personal Information Protection Law, clarified the rules for the establishment of standard terms and data processing requirements, actively participated in international cooperation and strengthened the supervision of domestic enterprises. In addition, Australia has clarified the mechanism for identifying and handling unfair contract terms through legislation, while Japan has been continuously improving relevant regulations to achieve a balance between enterprise innovation and consumer protection.

3.2 Analysis of the Causes of Regulatory Differences

In terms of the legal system, the civil law system is regulated by written law, while the Anglo-American law system relies on case law. In terms of cultural values, collectivist culture focuses on consumer protection, while individualist culture

emphasizes free market competition. The development stages of the digital economy vary. Developed regions focus on new technologies and cross-border data issues, while underdeveloped regions emphasize the protection of basic rights and interests.

4. Challenges Encountered by International Organizations in Click Contract Regulation

In the field of click contract regulation, international organizations face many challenges: the purpose positioning and functional scope of various international organizations vary significantly, and it is difficult for them to collaborate. It is hard to construct a unified and authoritative regulatory standard system, which weakens the effectiveness of international regulation and leads to the lack of clear guidance for the handling of cross-border click contract disputes. Some countries, considering their own economic and political interests, have insufficient willingness to participate in and enforcement of international rules, hindering the implementation of international rules and affecting the internationalization process of click contract regulation. With the development of emerging technologies such as the metaverse and the Internet of Things, the application scenarios and forms of click contracts are constantly evolving, and regulatory issues are emerging one after another. However, international organizations have lagged behind in response and have poor coordination. Countries have not reached a broad consensus on regulatory concepts and measures, making it difficult for the international regulatory system to keep up with technological development and effectively regulate click contracts in emerging scenarios.

5. Regulatory Pathways for Improper Standard Terms of Click Contracts from a Global Perspective

5.1 Promoting the Coordination and Unification of International Laws

Advocate the establishment of globally unified regulatory principles and standards for identifying improper standard terms, and strengthen international exchanges and cooperation; Formulate international treaties to regulate key area provisions such as cross-border data transmission; Improve the cross-border dispute resolution mechanism and establish an international arbitration or judicial cooperation platform.

5.2 Promote Global Collaboration of Technical Standards

Promote the establishment of a globally unified technical regulatory standard for contract terms to regulate the application of technologies such as blockchain and artificial intelligence; Strengthen international technological cooperation, share research and development achievements, and enhance the technology of clause supervision; Formulate ethical guidelines for the application of new technologies to safeguard consumers' rights and interests.

5.3Establishing a Global Consumer Protection Coordination Mechanism

Establish transnational consumer rights protection cooperation organizations to share information and jointly safeguard rights; Unify the standards for protecting

consumers' rights to ensure the right to know and the right to choose; Carry out global consumer education to enhance consumers' ability to identify and respond.

5.4 Strengthening Global Social Collaborative Governance

Guide multinational enterprises to formulate self-discipline norms; Give full play to the role of international industry associations and formulate industry standards; Encourage public participation in supervision and establish a reporting platform.

6. Conclusion

The problem of improper standard terms in global click contracts is prominent. Regulatory practices vary from country to country. International organizations play a certain role but face challenges. Through paths such as international legal coordination, technical standard coordination, consumer protection coordination and social collaborative governance, it is helpful to solve problems and promote the development of the digital economy.

REFERENCES

[1] School of Law, National University of Ireland (NUI) Galway, Galway, Ireland.(2019).Principles of Internet contracting: Illuminating the shadows.Common Law World Review,48(4), 208–232.

[2] California Consumer Privacy Act (CCPA). (n.d.). [Online]. Available from: https://oag.ca.gov/privacy/ccpa.

[3] Chen Wenxing & Zhang Yuqian. (2024). Analysis of the Regulatory Path of Improper Standard Terms in Click Contracts under the Background of Big Data. Journal of Beijing university of posts and telecommunications (social science edition), 26 (3), 1 to 10. Doi: 10.19722 / j.carol carroll nki. 1008-7729.2024.0014.

Li Muhan. (2024). Deconstruction of the Legitimacy of Standard Contracts in the Financial Industry under the Digital Economy. Political and Legal Forum, (5), 116–129.

Исследование применимости метода чтения «От ввода к выводу» в преподавании английского языка в колледже

Research on the Applicability of the "Input-to-Output" Reading Method in College English Teaching

Гао Цзе
Хэбэйский университет, Китай
Gao Jie,
Hebei University, China

Abstract. In response to the requirements of the College English Teaching Reform, this paper integrates classic language "Input" and "Output" theories into teaching practice to explore the necessity of strengthening input training in college English education. The author conducted a semester-long teaching experiment focused on intensive reading input to investigate effective methods for cultivating students' practical English output capabilities. The study demonstrates significant application value for improving English proficiency.

Keywords: Input and Output; Reading Input; College English Teaching

1. Introduction

Language input and output are two critical issues in Second Language Acquisition (SLA) research. While output capability is often the primary goal for learners, the latest *College English Teaching Guidelines* emphasize that teaching should be guided by the practical use of English, focusing on enhancing students' application abilities. The Guidelines highlight the importance of using English for communication in study, daily life, and future work, where output capability plays a leading role.

Currently, the mainstream "Output Hypothesis" dominates college English teaching. This approach emphasizes student-centered methods, arguing that teaching should focus on productive skills and that class time should be dedicated to student practice. However, in practice, the "Output Hypothesis" often becomes a mere formality. When emphasized without sufficient input accumulation, students fail to improve their proficiency, and output capabilities remain stagnant. Some students even report a decline in English levels during university.

This study addresses these issues by investigating the status of students' output capabilities and analyzing the causes of deficiencies. It proposes a pedagogical countermeasure: a teaching method that promotes speaking and writing output through reading input.

2. The Necessity of Input-Based Pedagogy

2.1 Current Status of College Students' English Output Ability

The subjects of this study are non-English major undergraduates in Hebei Province. These students, representing the main demographic of university enrollees, have limited time for English study due to their specific major coursework. Surveys and interviews reveal a prominent issue: practical application levels are low, with speaking and listening remaining the weakest links.

Since the mid-1990s, the input environment in China has improved; most teachers use English-medium instruction and multimedia, increasing the quantity and

variety of language input. However, the results have been suboptimal. Over the last decade, teaching has shifted heavily toward the "Output Theory." Teachers have transitioned from lecturer-centered to student-centered roles, dedicating class time to group discussions, dialogue practice, and presentations. Despite these reforms, satisfactory results remain elusive. As noted by Wen Qiufang (2011), the problems of "high scores with low ability" and "dumb English" (inability to speak) are still widespread. This necessitates the exploration of a new model to effectively enhance output capabilities.

2.2 Causes of Insufficient Output Ability

There are significant misconceptions regarding input and output theories in teaching practice. Language learning involves two systems: the Input System and the Output System. In the early 1980s, Krashen proposed the "Input Hypothesis," arguing that the only way to acquire a language is through comprehensible input (Krashen, 1985). Conversely, Swain (1985) proposed the "Output Hypothesis," arguing that input alone is insufficient and that learners acquire language through the production of spoken or written language.

Many scholars and teachers in China emphasize the Output Theory, believing that the root cause of poor performance is "valuing input over output" and that students simply lack opportunities to speak. However, is this the reality? Investigations reveal that, aside from class and exams, most non-English majors engage in almost no English input learning. When teachers use valuable class time solely for output practice, effective input time is drastically reduced. Without sufficient input accumulation, emphasizing output is premature and ineffective.

Many students report "getting stuck" during communication. This occurs because the lack of input forces them to rely on mother-tongue thinking and mental translation (think in Chinese first, and then translate into English), preventing direct usage. Sufficient input allows for thinking directly in English, avoiding this bottleneck. For example, most students can instantly say "How are you?" without thinking because the input for this phrase has been reinforced to the point of internalization. This demonstrates that when input accumulation reaches a certain threshold, output becomes natural, timely, and accurate.

3. Empirical Research on Input-Based Teaching

Communicative competence includes listening, speaking, reading, and writing. This study focuses specifically on **Reading Input**.

3.1 Reading Input Methodology

The study targeted sophomore undergraduates across various majors. The method involved continuous, high-volume English text input, combining in-class instruction with after-class supervision.

Materials: Classic original English novels.

Procedure: Teachers analyzed and summarized reading content during class. Daily reading tasks were assigned, and students were required to "clock in" (track progress) in groups to ensure compliance.

3.2 Output Verification: Reader’s Theater

To verify the efficacy of the input, the study utilized "Reader's Theater" for regular output assessment. This format helps students deeply understand the text while

testing their reading progress. The class was divided into groups of five to prepare and perform short theatrical adaptations of the reading materials.

3.3 Peer Evaluation

Following the Reader's Theater presentations, students engaged in peer review. Using a combination of numerical scoring and written comments, students evaluated other groups and offered suggestions. This facilitated mutual learning and provided experience for future presentations.

3.4 Results and Analysis

At the end of the semester, a questionnaire was administered to evaluate the method.

Reception: The Reader's Theater format was widely popular.

Effort: Students reported spending significant time (6+ hours) preparing for presentations.

Improvement: Students perceived improvements in reading, speaking, and writing. Peer review was deemed highly helpful.

Quantitative Data: 96.3% of students believed their spoken and written English had improved. Specifically, 72 students reported "certain improvement," and 20 reported "significant improvement".

Conclusion: A semester-long practice of intensive reading input effectively improves English output capabilities (speaking and writing).

4. Conclusion

While many Chinese linguists have studied input and output theories, there has been a lack of strong empirical evidence supporting their application in current college English teaching. Under the guidance of the popular "Output Theory," reforms have emphasized classroom output practice. However, without sufficient input as a foundation, student output hovers at a low level. Teachers often focus on the *form* of output rather than the *quality* of the results.

This creates a misconception in current teaching: over-emphasizing output practice while neglecting necessary input mechanisms. This study, through combined qualitative and quantitative research, confirmed that the current "output-heavy, input-light" approach is flawed. By implementing an "Input-Promoting-Output" reading method, the study achieved ideal teaching results and received widespread student recognition.

REFERENCES

1. College English Teaching Guidelines. (2017)

2. Krashen, S. (1985). The Input Hypothesis: Issues and Implications. London: Longman.

3. Swain, M. (1985). Communicative competence: Some roles of comprehensible input and comprehensible output in its development. In *Input in Second Language Acquisition*. Rowley, MA: Newbury House.

4. Wen, Q. (2014). "Output-Driven, Input-Enabled": An Attempt to Construct a Theory of College Foreign Language Classroom Teaching. *Foreign Language Education in China*.

5. Wang, S., & Wang, H. (2011). Investigation on the Status Quo of College English Teaching in China and the Direction of College English Teaching Reform and Development. *Foreign Languages in China*.

Поколение Z: Прошлое. Настоящее. Будущее.

Ю. А. Головин, О. Е. Коханая
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье анализируются сложившаяся за последние три десятилетия в отечественной высшей школе система образования без идеологии и воспитания, психологические особенности и ценностные ориентиры современных студентов.

Ключевые слова: журналистика; творчество; сопереживание; системное мышление; Болонская система; искусственный интеллект

Прежде, чем говорить о психологических особенностях и ценностном ряде поколения Z, собственно, сегодняшних наших студентов, необходимо хотя бы немного погрузиться в недавнее прошлое нашей страны, начиная с первых лет после развала Советского Союза. Дело в том, что на самом деле и это поколение родом оттуда.

«К несчастью, в начале 90-х огромная, богатейшая страна по вине распоясавшейся, предавшей собственный народ элиты» вступила в новое время «нищей, озлобленной и непознанной страной. Кто мы? Зачем? Что с нами будет? Эти «проклятые» вопросы и ранее доводившие русскую душу до исступления, встали перед бывшими советскими людьми с еще большей остротой и трагичностью» (Головин, 2007: 72). Сегодня уже понятно, что у этого процесса были заказчики и действовали они последовательно, осознанно и основательно, понимая, что нашу страну, освободившую мир от фашизма, создавшую одну из самых мощных экономик мира, уже невозможно было уничтожить силой. Хотя, и это следует отметить, такие попытки безусловно были. Уже в 1945 году, когда русские, английские и американские солдаты, еще обнимались на Эльбе, празднуя общую Победы, уже был задуман план «Немыслимое», по которому объединенные войска США, Великобритании и «припрятанные» в европейском плену несколько сот немецких дивизий, должны были выдавить советские войска из Европы и, - пользуясь разрухой в СССР, потерявшем к войне около 27 миллионов самых активных своих граждан, - дойти до самой Москвы, по сути осуществив, то, что не удалось гитлеровской Германии. План не удался только потому, что Соединенные Штаты к этому времени уже стояли на пороге создания ядерной бомбы, то есть, как им казалось, уже имели возможность уничтожить Советский Союз без особых людских затрат с помощью новейшего ядерного оружия. И такой план действительно был подготовлен к 1946 году. Было намечено, что в одночасье армада бомбардировщиков с ядерными бомбами на борту должна будет пересечь границы Советского Союза и сбросить смертоносный груз на ряд крупнейших городов СССР: Москва, Ленинград, Киев, Новосибирск, Свердловск, Донецк и др. должны были мгновенно превратиться в руины вместе с миллионами советских людей. План не был осуществлен по техническим причинам, а вскоре уже была создана атомная бомба и в Советском Союзе. С этого момента, собственно, и началась полномасштабная Холодная война. Понимая, что СССР теперь не уничтожить военным путем, были

разработаны серьезные планы по развалу нашей страны изнутри. Что это означало?

Во-первых, экономический прессинг, то есть, пользуясь современной терминологией, была поставлена задача «разорвать» нашу «экономику в клочья», что кстати частично и было осуществлено в конце 1980-х годов, когда Западу удалось втянуть нас в гонку вооружений, что в значительной степени предопределило развал страны.

Во-вторых, посеять раздор между народами и национальностями, населяющими СССР. Особое внимание здесь уделялось Украине, потому как, по мнению большинства советологов, в частности одного из самых последовательных русофобов г-на Бжезинского, основой экономической, идеологической и военной мощи Советского Союза как раз и составляло единство трех братских славянских народов: России, Украины и Белоруссии. Разорвать теснейшую связь славян сегодня и удалось в полной мере. Подходит к концу четвертый год жесточайшей кровавой гражданской войны между крупнейшими, по сути, русскими народами.

В-третьих, создать активно действующую «пятую колонну» внутри страны. И бегство из страны в феврале 2022 года после начала СВО нескольких сотен тысяч людей подтвердило тот факт, что эта задача также была выполнена. Теперь мы уже в состоянии проанализировать, какие же методы использовались в этой колоссальной подрывной работе?

Основные усилия были направлены в сторону изменения иерархии ценностей советской молодежи. Поскольку работа предполагалась вдолгую, западные стратеги активно взялись за советское образование: как сегодня стало понятно, на тот момент – одно из лучших в мире. Роковую роль здесь сыграла, так называемая, «перестройка». «Прорабы перестройки» утверждали, что мы навсегда отстали от Запада, что все, что наша страна делала в последние 60 лет, это одна большая ошибка, а такие фигуры, как Ленин, Сталин, Берия и прочие – это чуть ли не уголовные преступники. Уже к 1990-м годам в массовое сознание была внедрена и точка зрения о том, что советское образование некачественное, что наша школа готовит «лузеров» и неудачников. Договорились до того, что для успеха в жизни образование и вовсе не обязательно. Из школьного и вузовского обучения был полностью исключен воспитательный процесс, а стремление к дисциплине, к поддержанию порядка воспринималось, как подавление личности. Учителя, педагоги, профессора были определены как обслуживающий персонал, а образование – как одна из сфер услуг.

По сути, в начале XXI века образование в целом было признано вредным. Либеральным глобалистам, повсеместно захватившим власть и считающим себя абсолютными победителями в Холодной войне нужны были профессионалы и потребители, а вовсе не мыслители, философы, поэты. Это у Пифагора в математической школе, прежде всего, учили музыке и высокой поэзии Гомера и Гесиода. Это у Бога «в начале было Слово». У глобалистов же классный компьютерщик, механик или менеджер, к примеру, не обязан знать ни Гете, ни Платона. Даже лучше, если он вообще не будет знать эти имена. И просто

идеально, если он не будет ведать о том, какой он национальности, вероисповедания, кто были его родители, и вообще не будет знать, откуда на самом деле берётся прибавочная стоимость. Важно, чтоб он хорошо владел профессией, ведь производство материальных благ не отменяется, и ни о чем особо не размышлял, чтобы был абсолютно равнодушен к окружающему миру и столь же не равнодушен к миру производимых для него вещей. Нет ничего вреднее, по мнению современных хозяев жизни, чем общее гуманитарное образование – много сомнений, рефлексии и мало прибыли. Какое тут просвещение!

Важно также отметить, что, по мнению либеральной элиты начала века, новая история началась и закончилась в 90-е годы XX века, когда «гуманнейшая» либеральная идеология, основанная на трех главнейших китах: свободные выборы, глобальный свободный рынок и полная внутренняя свобода, – наконец, победила «империю зла», то есть общество, основанное на морально-этических, религиозных и национальных нормах и традициях. И счастливо распространилась по миру! Это проявилось во всем: в музыки, литературе, языке, человеческих взаимоотношениях, а главное, в образовании. Главное – свобода, остальное – ерунда. Этот мощный идеологический удар как раз и пришелся на поколение родителей нынешнего поколения Z.

1990-е годы – быстро и неистово крушили представления постсоветских граждан и о чистоте взаимоотношений между мужчиной и женщиной: на улицах, превращенных в нескончаемый рынок, хрипел своим «уникальным» голосом Кай Метов: «Позишн намбер ван»… Кто жил в то время, помнит вульгарное продолжение текста этой песни! Среднестатистической постсоветской женщине СМИ сказали: «Кай Метов теперь твой кумир!» – и его диски «сметались» с прилавков в истерической экзальтации «новых» россиянок. В выставочном павильоне №57 ВДНХ (тогда же переименованное в ВВЦ – славную историю нашей страны надо было экстренно уничтожать) каждые десять минут звучала поставленным мужским голосом реклама: «Время пить Херши!» Да сколько было таких, уверены, не случайно внедренных в русский язык, деструктивных слов, иностранных звуковых коллабораций аккультурации, намеренно вводимых в российский лексикон, чтобы крушить всё сокровенное, нравственно чистое. И это – на фоне абсолютной растерянности постсоветских людей, целые поколения которых ранее жили в парадигме того, что Советская страна за них всё порешает, а разрушаемое государство просто бросило их на самообеспечение.

Быстро и бескровно, в том числе посредством массовой культуры, был уничтожен советский оптимизм. Вместо хорового марша:

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,

Преодолеть пространства и простор…» - теперь повсеместно звучал нежный голосок юной Анжелики Варум:

«Ля-ля-фа эти ноты

Ля-ля-фа одиноки

Нам уже ничего не успеть.

Ля-ля-фа как печально…

… Ну что же делать,

Надо как-то дальше жить…».

Ее первый хит (1993 года), ее эстрадный костюмчик в стиле «нео-декаданс» так соответствовали массовым умонастроениям крушения всех надежд и мечтаний, как уже было век назад, – теперь на рубеже XX-XXI веков.

С телеэкранов исчезли добрые, развивающие детское воображение и фантазию советские мультфильмы, их заменили различные «семейки Симпсонов»; вместо художественные фильмов: «Тимур и его команда» (режиссер Александр Разумный, 1940 г.), «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» (режиссер Элем Климов, 1964 г.) или «Розыгрыш» (режиссер Владимир Меньшов, 1977 г.) подростки уже смотрели новые киноленты: «Маленькая Вера» (режиссер Василий Пичул, 1988 г.)., «Интердевочка» (режиссер Петр Тодоровский, 1989 г.), «Авария – дочь мента» (режиссер Михаил Туманишвили, 1989 г.) и прочую «чернуху»; на сценах клубов, Домов и Дворцов культуры организовывались бесконечные «Конкурсы Красоты», пели многочисленные женские вокальные группы типа «поющие трусы»; по городам шла «братва».

Всё на продажу! Молодые пошли вразнос: «модели», эскортницы, проститутки, путаны, киллеры, рэкетиры, банкиры – вот перечень востребованных профессий 1990-х. Страна, отбросив идеологию, полетела в экономическую и гуманитарную пропасть! «Ценности рухнули», - очевидно стало мыслящему большинству граждан, не только философам и культурологам.

В научной литературе начали появляться и активно навязываться наукообразные иноязычные термины, подменяющие глубокие по смыслу русские понятия: вместо *творчества* умельцев из народа (Данилы-мастера; Левши, что «подковал блоху») - *креатив* аморальной рекламы; вместо *сопереживания, сочувствия – эмпатия*; вместо *размышлений, самоанализа – рефлексия*. Слово «рефлексия» вообще у 70% студентов вызывает воспоминания о «собаке Павлова», о которой всё еще, не смотря на бесконечные реформы и перемены, рассказывают школьные учителя по зоологии. То есть мыслительная работа человека коррелируется со слюной собаки перед едой. Изящная подмена смыслов!

И это происходит в стране русской фортепианной школы эмоциональной игры А. Б. Гольденвейзера и Г. Г. Нейгауза, а не техничного вбивания клавишей в рояль; это в стране, где родился «театр сопереживания» К. С. Станиславского; русский балет, – заворожившие и покорившие весь культурный мир. Предложены креатив, эмпатия и рефлексия, вместо творчества, сострадания и напряженного мыслительного процесса!

С результатами измененного сознания молодежи, мы столкнулись, очень быстро, уже в начале этого века. Будущие студенты специальности «Журналистика» абсолютно не ориентировались в современном мире, не знали дат ключевых событий российской истории, путались в географических названиях. Особенно это ощущалось во время творческих письменных работ и устных индивидуальных собеседований. Конечно, это был не линейный процесс.

Школы и вузы постепенно превращались из «храмов науки» в структуры сферы обслуги, резко снижался престиж учителей и профессорского сообщества.

Особенно резко падение уровня знаний школьников и студентов произошло после вступления России в Болонскую систему. Примечательно, что смысл этой системы был мало понятен не только учителям и профессорско-преподавательскому составу, но и самим работникам Министерства образования и науки. Так, на одном из совещаний, посвященных переходу на Болонскую систему, бывший министр образования и науки г-н Фурсенко, кстати неплохо устроившийся сегодня на должности одного из советников Президента РФ, так и не смог ответить «наседавшим на него» преподавателям, в чем же отличие Болонской системы от уже существующей российской, а тем более на более практический вопрос, как соединить теперь в единую систему образования, все четыре ступени обучения: бакалавриат, магистратуру, специалитет и аспирантуру, и где же здесь начинается и заканчивается высшее образование, или чем компетенции отличаются от знаний, умений, навыков и т.д. А вопрос, так какие же страны используют сегодня эту так разрекламированную систему в образовании, и вовсе поставил тогдашнего министра в тупик. Как сегодня выяснилось, мы были вообще единственной страной в мире, «клюнувшей» на эту приманку. Единственное, что однозначно утверждал тогда г-н министр, что после перехода на Болонскую систему российский диплом о высшем образовании будет котироваться в международном сообществе. Сейчас уже можно утверждать, что после внедрения Болонской системы российский диплом нигде и никогда не котировался, да и не предполагалось, что это произойдет. По меткому, как всегда, предположению простых людей, «ребята просто пилили бабки».

И российская высшая школа, и в целом российское образование продолжили готовить идеального потребителя, а не всесторонне развитую гармоническую личность, как это было в советской школе. Простому обывателю сначала внедрялась мысль о том, что все изменит и отрегулирует рынок, потом – новые технологии и, наконец, на данном этапе – все решит искусственный интеллект.

Понятно, что работать, жить и сотрудничать с искусственным интеллектом предстоит, в основном, новому поколению, тому самому, которое мы называем сегодня – «поколение Z». Но здесь возникает как минимум два вопроса.

Первый. Поскольку уже очевидно, что Искусственный Интеллект (ИИ) будет внедрятся достаточно быстро и, главное, повсеместно, совсем непонятно, а готово ли это поколение Z к взаимодействию и, по всей видимости, к конкуренции с ИИ.

Второй, не менее важный. Что мы, собственно, знаем об этом самом ИИ? Пока и в СМИ, и в научной литературе, об ИИ почти повсеместно говорится, почти как о новой религии. Что еще немного, и ИИ внедрится во все сферы экономической и социальной жизни людей и уже через пару десятков лет решит все наши практические вопросы: напоит, накормит, развеселит, излечит и т. д. Надо только немного потерпеть, активно поработать, и даже, возможно, затянуть

пояса. Ведь развитие ИИ требует огромных средств и титанического напряжения. Вот только интересно, а какой же национальности будут этот самый ИИ? Поскольку разработку этих новых технологий, как водится, прибрали к рукам военные и соответственно засекретили свои исследования, человечество, возможно, вскоре столкнется с новым оружием на основе ИИ. И как ему противостоять, как его ограничить, контролировать, пока совершенно непонятно. Как, впрочем, непонятно и где та граница, перешагнув которую, ИИ станет саморазвиваться и вдруг осознает, что человек ему вовсе не друг, а враг?! Вся эта сегодняшняя история с ИИ похожа на то, как если бы нескольким тысячам молодых людей выдали права на вождение автомобилем, но ничему не научили: ни дорожным правилам, ни умению вождения автомобиля, ни даже, как его остановить в случае необходимости. Все разом сели в автомобили, нажали на газ и поехали, кто быстрее. Понятно, что вскоре произойдет.

Впрочем, на фоне всеобщего благодушия и оптимизма появляются и вполне трезвые размышления. Так, как гром среди ясного неба, 18 ноября 2025 года на Пленарном заседании Восьмого профессорского форума «Наука и образование: стратегии развития», РЭУ им. Г. В. Плеханова прозвучали слова декана экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Александра Александровича Аузана о том, что, что необходимо защитить естественный интеллект человека от искусственного интеллекта. Для этого надо обязательно у студентов развивать «интуицию, эмпатию, воображение». То есть то, что принадлежит исключительно человеку и что человеку поможет «выжить в торфяном пожаре искусственного интеллекта!»

В своей статье «Человеческий капитал как драйвер развития глобально конкурентоспособных направлений» А. А. Аузан вопреки общему течению о главенстве точных наук и, прежде всего, математики выделяет значение гуманитарного образования: «Искусственный интеллект нам не только партнер, он нам конкурент. Естественный интеллект может быть конкурентоспособен, если он опирается на правополушарное мышление. А эти вещи воспитываются особыми инструментами. Китай исторически показал, как это делается со времен Конфуция, вводя экзамен для чиновников на знание стихосложения, каллиграфии и т.д.» (Аузан, 2022: 82).

Итак, студентам необходимо развивать интуицию, эмпатию (то есть по-русски – сопереживание: вспомним, что в русском языке «жалеть» и «любить» – синонимы), воображение. За годы действия в России Болонской системы «образноэмоциональное мышление, естественное для детей и подростков, в том числе, благодаря тщательной подготовке к тестам ЕГЭ, превратилось в алгоритмизированное, рациональное, нетворческое, репродуктивное, а эмоциональность и чувствительность – в равнодушие, а подчас и цинизм» (Коханая, 2016: 25). Какие дисциплины советской высшей школы гуманитарных направлений явно этому способствовали? «Эстетика», «Этика», «История отечественной и зарубежной литературы», «История философии», «История изобразительного искусства», «История музыки», «История театра» и т.п. Кстати все эти дисциплины были в наших учебных планах специалитета по

«Журналистике» до введения Болонской системы. От Болонской системы мы вроде бы, благодаря Господу Богу и Президенту вроде бы отказываемся, но наши доблестные чиновники из Министерства образования и науки придумали нам новую ловушку: значительное сокращение приема на некоторые, в основном, гуманитарные направления. Мало того, что мы еще не знаем, что такое ИИ, мы уже начали играть с ним в «поддавки».

Аузан А.А. также отметил, что у поколения Z родителей трое: мама, папа и смартфон, соответственно, память детей ушла в гаджет, где можно, как им кажется, всё всегда найти, зачем же самому напрягаться и запоминать. У нового поколения происходит не только разрушение памяти, но и системного мышления, которыми всегда славились выпускники советской школы. Критическое мышление тоже избирательно: при отсутствии у юных граждан авторитетов в действительности, что проявляется в крайней критичности к людям, то есть к человеческой деятельности, как к несовершенной. При этом они слепо верят искусственному интеллекту! И это еще один плюс в его сторону.

После присоединения РФ к Болонской системе в 2003 году гуманитарные дисциплины, перечисленные выше, либо исчезли вовсе из учебных планов (эстетика и этика), либо часы их были в значительной мере сокращены. Соответственно, и преподаватели данных фундаментальных дисциплин за 22 года исчезли или переквалифицировались. Молодое поколение педагогов высшей школы, в том числе в силу объективных обстоятельств, вовсе не собирается посвящать жизнь изучению и подготовке данных сложнейших курсов, требующих универсальных знаний, эрудиции и многих лет подготовки. Современный педагог такой роскоши себе позволить не может. Конечно, остались еще единицы уникальных специалистов в данных областях и, возможно, они могли бы прочитать данные дисциплины в качестве методической помощи молодому поколению преподавателей, да кто же займется организацией этого процесса, затратной энергетически и материально?! Отсюда вывод: в современных условиях идеи срочно восстановить данные курсы в учебных планах вузов и подобрать квалифицированные кадры заранее обречены на провал, если не придумать систему экстренной подготовки кадров.

Обратим еще раз внимание, что в Древней Греции, в своей математической школе, уже упомянутый нами выше, философ, математик, мист (интерпретатор таинственного) Пифагор на первое место в процессе обучения ставил музыку и игру на музыкальных инструментах, на второе – чтение поэзии Гомера и Гесиода и только на третье – математику.

Да и в гимназиях Российской империи в 19 веке: «цикл предметов был достаточно обширный:

- Математический цикл (алгебра, физика, тригонометрия, геометрия);
- *Изящные искусства (словесность – литература, эстетика, теория поэзии);*
- Естественная история (ботаника, минералогия, зоология);
- Иностранные языки (латинский, французский, немецкий);
- *Цикл наук философских (этика);*

- Экономические науки (статистика общая и государства Российского, коммерческая теория);
- История и география;
- *Музыка, танцы, гимнастика»* (Возврат…, 2022: Электр. ресурс).

Интересующие нас дисциплины авторы выделили курсивом, а их - приблизительно треть в общем перечне.

В Послании Президента РФ 21 февраля 2023 года В. В. Путин предложил отказаться от Болонской системы образования и вернуться к традиционному обучению в вузах (https://www.interfax.ru/world/887160). И это повод для серьезной и конструктивной работы по изменениям нашего, возможно, не до конца еще загубленного образования, в том числе, в свете конкуренции с ИИ.

Если говорить о журналистике как социокультурном институте, где людей связывают общие профессиональные и нравственно-этические ценности, то известно, что непреходящей ценностью является журналистская солидарность, работа в команде, гуманное, участливое отношение к людям: героям журналистских материалов, коллегам, аудитории. Можно отметить такую тенденцию, как стремление выпускников разных лет встречаться с педагогами, что, возможно, связано с недостаточным ощущением любви, доверия, защищенности в реальной жизни и в профессии. Таким образом, возможно некое возрождение межпоколенческой коммуникации, непрерывающейся связи поколений. Но здесь опасно нарушить чувство меры: так, популярные ныне встречи с выпускниками должны быть не массовыми, по разнарядке и по плану, а тщательно продуманными, «от всей души», скорее всего, мелкогрупповыми, индивидуальными, типа мастер-класса выпускницы Московского гуманитарного университета 1996 года Юлианы Слащёвой – известного российского медиаменеджера, продюсера, председателя Совета директоров киностудии «Союзмультфильм», генерального директора киностудии имени М. Горького, члена Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству, - состоявшегося 6 ноября 2025 года в нашем университете как старт нового проекта «Созвездие выпускников МосГУ: яркие имена, одно университетское небо». Эта встреча в необыкновенно домашней атмосфере стала событием не только для ее бывших, горячо любимых ею наставников, но и обучающихся всего университета. Студенты кафедры журналистики МосГУ, благодаря Юлиане, ранее уже проходили производственную практику и получили бесценный опыт в медиахолдинге СТС, в «Союзмультфильме», вновь приглашены ею на шестинедельную практику будущим летом в «Союзмультфильме» и на киностудии имени М. Горького (https://mosgu.ru/news/?ID=135976). Корпоративная культура как неформальный институт продолжает объединять атомизированное общество.

«Связность людей, наличие ценностей того круга, в котором вы живете (т.е., вообще говоря, наличие культуры), сцепляет не хуже, чем насилие, что важно для исполнения тех или иных правил. Из такого анализа следует, что в экономическом понимании культура — это ценности и поведенческие установки, разделяемые определенным сообществом и медленно меняющиеся во

времени» (Аузан, 2021: 14), – справедливо отмечает «бренд» российской экономической науки, профессор А. А. Аузан.

СВО, фактически гражданская война вернули нас к истокам российского, русского выживания и победы при любых обстоятельствах. И культура, образование должны помочь великой стране не утерять вновь обретенный дух оптимистов и победителей, вновь вернуть уникальность мироощущения российского народа, способного вобрать в себя любую культуру и любую цивилизацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аузан А. А. (2021) Введение в социокультурную экономику // Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика — на культуру: курс лекций / А. А. Аузан, Е. Н. Никишина. М. : Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021. 200 с. С. 7-21.

Аузан А. А. (2022) Человеческий капитал как драйвер развития глобально конкурентоспособных направлений // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 235. № 3. С. 79-84.

Возврат дореволюционной системы образования в РФ [Электронный ресурс] // Коалиция онлайн школа. 31 июля 2022. URL: https://blog.school-olymp.ru/vozvrat-dorevolyuczionnoj-sistemy-obrazovaniya-v-rf/(дата обращения: 18.11.2025).

Головин Ю. А. (2007) Преступление без наказания // Журналистские очерки : свой взгляд. М. : МГУКИ. 73 с. С. 52-73.

Коханая О. Е. (2016) Формы коммуникативного сотрудничества в вузе в условиях информационно-технических перемен [Электронный ресурс] // Научные труды Московского гуманитарного университета. № 3. С. 22-34. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=26324039 (дата обращения: 18.11.2025).

Головин Юрий Алексеевич, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой журналистики Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-60-91. Эл. адрес: ygolovin51@gmail.com;

Коханая Ольга Евгеньевна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры журналистики Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-60-91. Эл. адрес: kokhanaya@mail.ru.

Некоторые практические аспекты применения технологий искусственного интеллекта в юридическом образовании

Д. Ю. Горохов
Государственный университет по землеустройству
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматриваются практические аспекты применения технологий искусственного интеллекта в юридическом образовании. Анализируются возможности использования интеллектуальных систем в образовательном процессе, а также проблемы, связанные с достоверностью правовой информации, подменой аналитического мышления обучающихся и рисками академической недобросовестности. Особое внимание уделяется выявлению признаков использования искусственного интеллекта при выполнении письменных работ и формированию подходов к допустимому применению данных технологий в системе юридического образования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, юридическое образование, цифровые технологии, академическая честность, правовое обучение.

Развитие технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) уже оказало трансформационное влияние на множество сферы человеческой деятельности. Доступность технологий ИИ оказывает существенное влияние на образовательной процесс, как и со стороны преподавателей, так и со стороны обучающихся. В настоящей работе рассмотрим основные новации, которые оказывают технологии ИИ на организацию процесса преподавания юридических наук. Внедрение технологии ИИ в юридические науки открывает новые возможности для автоматизации рутинных процессов, анализа больших объемов данных, прогнозирования судебных решений и повышения эффективности правоприменительной практики. Однако наряду с перспективами возникают и серьезные вызовы, связанные с этическими, методологическими и правовыми аспектами использования интеллектуальных систем.

Внедрение искусственного интеллекта в юридическое образование открывает новые возможности для студентов, но вместе с тем создает ряд проблем, влияющих на качество обучения, развитие профессиональных навыков и академическую честность. Рассмотрим некоторые из них.

1. Проблема достоверности и точности информации.

ИИ-системы (например, ChatGPT, YandexGPT, DeepSeek, Microsoft Copilot) нередко выдают ошибочные или устаревшие правовые данные, что приводит к некорректным выводам в работах студентов. Так, например, в ходе написания материала указанные модели ИИ не смогли правильно ответить на вопрос о том, какой федеральный закон регулирует в России институт гражданства. Все они назвали утративший силу ФЗ от 31.05.2002 г., вместо которого уже более двух лет действует одноименный новый ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» 2023 г.

Алгоритмы не всегда корректно интерпретируют контекст правовых норм, особенно в сложных или неоднозначных случаях. Например, если задать вопрос

«Какой максимальный срок для публикации результатов выборов Президента РФ в официальном печатном издании после дня голосования?», то ИИ-системы ссылаются на разные статьи ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» и не могут найти в тексте федерального закона верный ответ. Путают публикацию избирательных комиссий субъектов и ЦИК РФ, выдумывают срок, ссылаясь на часть и статьи закона, где написано совершенно иное. Можно предположить, что современные модели искусственного интеллекта на настоящий момент не достигли такого уровня развития, который способен давать верные ответы, которые нужно найти в тексте нормативно-правового акта. Нет сомнений, что через некоторое время (вероятно, несколько лет), ИИ модели усовершенствуются и будут работать намного лучше в этой области. Однако в настоящий момент они плохо пригодны для того чтобы помогать практикующему юристу или студенту в поисках верных ответов.

Причина этого, как верно отмечает Е. А. Березина, в том, что создано «крайне мало датасетов для обучения нейросетей, предназначенных для использования в юридической практике. Основная причина недостаточности обучающего материала заключается в самой предметно области, в частности в специфике юридических текстов, для которых характерно наличие сложных синтаксических конструкций и формализм» (Березина, 2022: 27).

2. Подмена критического мышления и аналитических навыков.

Чрезмерное доверие обучающихся к ИИ снижает способность самостоятельно анализировать нормативные акты, судебную практику и доктринальные источники. Стоит акцентировать внимание студентов, что именно эти навыки составляют основу профессии юриста, а их тренировка и развитие составляют ядро юридического образования. При этом ИИ-модели легко справляются с составлением структуры реферата или курсовой работы, могут подготовить текст, описывающий актуальность, цели, задачи исследования, тем самым лишая обучающихся возможности самим раскрыть эти вопросы без посторонней помощи.

Использовании ИИ для решения заданий формирует зависимость от автоматизированных решений, что препятствует развитию юридического мышления и аргументации. Несмотря на развитие технологий по генерированию текста, наиболее достоверным способом проверки работ является их защита автором, ответы на вопросы по содержанию.

3. Психологическая и профессиональная деформация.

Привычка полагаться на ИИ снижает мотивацию к самостоятельному изучению материала. Студенты могут утратить навыки работы с первоисточниками, что негативно скажется на их будущей карьере.

Самостоятельный поиск ответа — это не просто механический процесс. Это путь, на котором студент сталкивается с неопределенностью, учится формулировать гипотезы, отсеивать ложные пути и формирует глубокие и прочные нейронные связи. ИИ этот путь обрубает.

Далее рассмотрим какие основные признаки в письменной работе могут подсказать проверяющему, что работа выполнена ИИ или с использованием ИИ.

Данные признаки выделены из практики подготовки студентами заданий по курсу «Конституционное право» в 2024–2025 гг.

А. Введение работы очень общее, начинается с широкого контекста и плавно сужается к теме. Заключение аккуратно суммирует все сказанное, часто повторяя тезисы дословно или близко к тексту. Переходы между абзацами могут быть резкими. ИИ перечисляет факты или идеи, не выстраивая между ними смысловых переходов, как это сделал бы человек.

Б. Слишком точное и верное использование знаков препинания в работе (знаменитый пример — это постоянное использование знака «–» вместо «-») редко свойственно современным студентам и может быть первичным признаком использования ИИ для генерации текста. Сюда также можно отнести полное отсутствие опечаток.

В. Текст хорошо описывает проблему на общем уровне, но не дает глубокого анализа, интерпретации данных, не делает оригинальных выводов. К этой же группе признаков следует отнести выдуманные источники, цитаты из несуществующей источников или ссылки на исследование, которого нет.

Г. Сроки выполнения и качество. На практике автор обратил внимание на то, что отстающие студенты нередко сдавали работы на первый взгляд высокого качества в последние дни срока или с опозданием. Само по себе сомнительным является то, что хорошая работа была написана без консультаций с преподавателем и к тому же сдана с опозданием (которое обычно предполагает снижение балла). Вероятно, к таким работам стоит отнестись с повышенным вниманием и тщательнее проверять их на предмет использования ИИ-технологий.

Перед написанием письменных работ, аналитических справок, решения тестовых заданий и других форм контроля знаний будет разумного сообщить обучающимся допустимо ли использование ИИ и в какой степени. По мнению автора, полный запрет на использование ИИ в учебном процессе не рационален, так как это невозможно полностью достоверно проверить, также нет юридических последствий такого использования. ИИ способствует автоматизации рутинных задач и экономии времени — это преимущество необходимо использовать в современном мире. ИИ может помочь написать первичную структуру работы, которую следует развить самостоятельно. Вполне допустимо использование ИИ в «технических» вопросах, например, составлении верно оформленного списка литературы из источников, которые студент использовал. Весьма полезным может быть перевод иностранных текстов (особенно не самых распространенных языков), выполненный ИИ. Генерация шаблонов документов (исковых заявлений, договоров, меморандумов) позволяет сосредоточиться на анализе и стратегии, а не на техническом оформлении.

Как отмечает А. С. Даниелян, «система ИИ может использоваться для обработки и структурирования больших объемов учебной информации, что может включать распознавание шаблонов договоров и процессуальных документов, а также их анализ, чтобы помочь в сортировке и классификации учебных материалов. Использование ИИ позволяет не только структурировать и

анализировать учебные материалы, но и оптимизировать процесс обучения, адаптируя материалы под индивидуальные потребности студентов. Системы ИИ могут выявлять слабые зоны в знаниях студентов и предлагать дополнительные ресурсы для углубления понимания сложных тем» (Даниелян, 2024: 806).

Может ИИ быть и помощником преподавателя, например, моделировать судебные процессы, переговоры или юридическое консультирование, позволяя студентам тренироваться в реалистичных, но безопасных условиях.

Эпоха ИИ делает необходимыми и неизбежными творческие задания, требующие от студента личного опыта, анализа конкретных локальных кейсов, уникальных данных, связи с текущими событиями. Все это приводит к тому, что задания приходится регулярно обновлять.

Неизменно актуальной остается устная защита работы. Просьба прокомментировать ключевые тезисы работы, объяснить, почему студент выбрал ту или иную структуру, что было самым сложным в написании сразу дает понять, какую роль в подготовке работы играл ИИ. Уточняющие вопросы по содержанию, которые требуют не просто пересказа, а размышления, становятся не опцией, а обязательной частью проверки работы.

Применение ИИ-технологий не заменяет профессию юриста и традиционное юридическое образование, но может значительно усилить его, если применяется осознанно и под контролем преподавателей. При правильном подходе искусственный интеллект способен стать ценным союзником в подготовке юристов нового поколения, сочетающих глубокие правовые знания с технологической грамотностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Березина, Е. А. (2022) Использование искусственного интеллекта в юридической деятельности // Актуальные проблемы российского права. Т. 17, № 12. С. 25–38. DOI 10.17803/1994-1471.2022.145.12.025-038. EDN FXWAAN.

Даниелян, А. С. (2024) Юридическое образование и искусственный интеллект: векторы взаимодействия // Russian Journal of Economics and Law. Т. 18, № 3. С. 804–823. DOI 10.21202/2782-2923.2024.3.804-823. EDN PWFHAU.

Горохов Дмитрий Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права Государственного университета по землеустройству; доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета. Эл. адрес: dmgorokhov@yandex.ru

Значение обеспечительных мер исполнения обязательств в системе юридического образования

А. Г. Григорьева
Московский гуманитарный университет

Аннотация. Обеспечительные меры исполнения обязательств являются одним из институтов гражданского права и направлены на защиту имущественных интересов участников гражданского оборота. Законодатель, устанавливая различные способы обеспечения исполнения обязательств, предоставляет возможность участникам гражданского оборота выбрать для себя наиболее надежный и эффективный с тем, чтобы максимально защитить свои интересы, а также использовать одновременно несколько таких способов, что придает стабильность имущественным правоотношениям. Изучение обеспечительных мер исполнения обязательств имеет важное значение не только для гражданского права, но и для иных отраслей права, включая жилищное, земельное, предпринимательское, налоговое. В связи с чем они являются необходимым элементом в системе юридического образования и играют важную роль при подготовке юристов в различных направлениях.

Ключевые слова: способы обеспечения исполнения обязательств, должник, кредитор, залог, неустойка, удержание вещи, поручительство, независимая гарантия, обеспечительный платеж, гарантийное удержание.

Способы обеспечения исполнения обязательств являются одним из институтов гражданского права и направлены на защиту имущественных интересов участников гражданского оборота. Изучение обеспечительных мер исполнения обязательств имеет важное значение не только для гражданского права, но и для иных отраслей права – международного частного права, предпринимательского права, жилищного права, земельного права, налогового права.

Способы обеспечения исполнения обязательств представляют собой специальные меры имущественного характера, предусмотренные законом и/или договором, которые стимулируют должника к надлежащему исполнению обязательства, предназначены для удовлетворения прав и интересов кредитора путем наделения его дополнительными правами в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства должником.

Перечень способов обеспечения исполнения обязательств установлен статьей 329 Гражданского кодекса Российской Федерации. К ним относятся неустойка, залог, удержание вещи должника, поручительство, независимая гарантия, задаток, обеспечительный платеж. Данный перечень не является исчерпывающим. В законе или в договоре могут быть установлены и иные способы обеспечения исполнения обязательств.

Так, в юридической практике признается и используется в качестве способа обеспечения исполнения обязательств, не предусмотренного законом, установленная соглашением сторон неустойка, в качестве которой выступает не денежная сумма, а иное имущество, определяемое родовыми признаками

(Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 №7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»). К такому способу обеспечения исполнения обязательств в соответствии с п. 1 ст. 6 Гражданского кодекса РФ применяются общие положения о способах обеспечения исполнения обязательств и нормы о неустойке, содержащиеся в статьях 330–333 Гражданского кодекса РФ.

Относительно распространенным в гражданском обороте, не противоречащим законодательству и выполняющим обеспечительную функцию, является гарантийное удержание, которое представляет собой договорное условие о возможности удержания заказчиком части стоимости работ для покрытия возможных расходов, вызванных ненадлежащим исполнением подрядчиком обязательств в отношении качества работ (Определение Верховного Суда РФ от 16 декабря 2021 г. №305-ЭС21-14922). Поскольку гарантийное удержание законодательством не предусмотрено, стороны при включении данного условия в договор должны согласовать размер, порядок удержания при оплате работ; в договоре также могут быть согласованы порядок и срок возврата гарантийного удержания.

Среди предусмотренных законодательством способов обеспечения исполнения обязательства, наиболее распространенным является неустойка. В соответствии со статьей 330 Гражданского кодекса РФ неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения. Учитывая, что неустойка – это не только способ обеспечения исполнения обязательства, стимулирующий должника к надлежащему исполнению обязательства, но и мера гражданско-правовой ответственности, кредитор вправе требовать уплаты неустойки, если должник несет ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства. При этом для предъявления кредитором требования об уплате неустойки наличие убытков не требуется.

Наиболее надежным способом обеспечения исполнения обязательства является залог. При залоге кредитор-залогодержатель по обеспеченному залогом обязательству имеет право в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит заложенное имущество. В случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, требование кредитора-залогодержателя может быть удовлетворено путем передачи предмета залога залогодержателю (оставления у залогодержателя) (ст. 334 Гражданского кодекса РФ). Заложенное имущество страхуется от рисков утраты и повреждения на сумму не ниже размера, обеспеченного залогом требования и, если страховой случай наступает по обстоятельствам, за которые кредитор-залогодержатель не отвечает, он вправе получить удовлетворение своего требования

преимущественно перед другими кредиторами залогодателя также за счет страхового возмещения причем независимо от того, в чью пользу оно застраховано. Залог может возникать как на основании договора, так и на основании закона. Залогом могут обеспечиваться любые обязательства. Исключение установлено в отношении ипотеки, которой могут обеспечиваться только денежные обязательства.

При удержании вещи должника кредитор, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику либо лицу, указанному должником, вправе в случае неисполнения должником в срок обязательства по оплате этой вещи или возмещению кредитору связанных с нею издержек и других убытков удерживать ее до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено (ст. 359 Гражданского кодекса РФ). В обязательствах, связанных с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, удержанием вещи могут обеспечиваться любые обязательства. Требования кредитора, удерживающего вещь, удовлетворяются из ее стоимости в объеме и порядке, предусмотренных для удовлетворения требований, обеспеченных залогом. Право кредитора удерживать вещь должника возникает в силу закона. При этом соглашением сторон можно предусмотреть, что кредитор таким правом не обладает.

В настоящее время весьма активно используется и такой способ обеспечения исполнения обязательств как поручительство, который позволяет кредитору предъявить свои требования не только должнику, но и иному лицу. По договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части (ст. 361 Гражданского кодекса РФ). В соответствии с п. 1 ст. 363 Гражданского кодекса РФ при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обеспеченного поручительством обязательства поручитель и должник отвечают перед кредитором солидарно. Законом или договором поручительства может быть предусмотрена субсидиарная ответственность поручителя. Если иное не предусмотрено договором поручительства, поручитель отвечает перед кредитором в том же объеме, что и должник. При этом поручитель не является должником в основном обязательстве, а исполняет свою собственную обязанность в указанном объеме.

Поручительством могут обеспечиваться не только денежные обязательства, но и неденежные обязательства (например, передача товара, выполнение работ), ведь у кредитора при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником такого обязательства могут возникать денежные требования к должнику (например, о возмещении убытков, взыскании неустойки, возврате аванса). В случае обеспечения неденежных обязательств, обязанность поручителя будет исполняться в денежной форме (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 №45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве»).

Поручительство может возникать также на основании закона. Так, например, согласно ст. 532 Гражданского кодекса РФ, если при поставке товаров для государственных или муниципальных нужд заключается договор поставки

товаров для государственных или муниципальных нужд, государственный или муниципальный заказчик признается поручителем покупателя по обязательству, связанному с оплатой такого товара.

Еще одним важным способом обеспечения исполнения обязательств является независимая гарантия. В отличии от других способов обеспечения исполнения обязательства независимая гарантия является самостоятельным обязательством и не зависит от действительности обеспечиваемого ею обязательства. По независимой гарантии гарант принимает на себя по просьбе другого лица (принципала) обязательство уплатить указанному им третьему лицу (бенефициару) определенную денежную сумму в соответствии с условиями данного гарантом обязательства независимо от действительности обеспечиваемого такой гарантией обязательства (ст. 368 Гражданского кодекса РФ). Выдача гарантии является односторонней сделкой. Если в гарантии не предусмотрено иное, обязательства гаранта вступают в силу с момента ее отправки (передачи) гарантом бенефициару. Кроме того, по общему правилу независимая гарантия не может быть отозвана или изменена гарантом.

Задаток так же, как и неустойка, имеет двойственную природу и представляет собой денежную сумму, выдаваемую одной из договаривающихся сторон в счет причитающихся с нее по договору платежей другой стороне, в доказательство заключения договора и в обеспечение его исполнения (ст. 380 Гражданского кодекса РФ). Обеспечительная функция задатка заключается в том, что если за неисполнение договора ответственна сторона, давшая задаток, он остается у другой стороны, а если за неисполнение договора ответственна сторона, получившая задаток, она обязана уплатить другой стороне двойную сумму задатка. Сверх того, сторона, ответственная за неисполнение договора, обязана возместить другой стороне убытки с зачетом суммы задатка, если в договоре не предусмотрено иное (ст. 381 Гражданского кодекса РФ).

Законодательное закрепление получил ранее сложившийся в юридической практике такой способ обеспечения исполнения обязательства как обеспечительный платеж. Так, в соответствии со ст. 381.1 Гражданского кодекса РФ денежное обязательство, в том числе обязанность возместить убытки или уплатить неустойку в случае нарушения договора, и обязательство, возникшее по основаниям, предусмотренным п. 2 ст. 1062 Гражданского кодекса РФ, по соглашению сторон могут быть обеспечены внесением одной из сторон в пользу другой стороны определенной денежной суммы (обеспечительный платеж). В случае наступления обстоятельств, предусмотренных договором, сумма обеспечительного платежа засчитывается в счет исполнения соответствующего обязательства, а при ненаступлении в предусмотренный договором срок данных обстоятельств, или прекращении обеспеченного обязательства, если иное не предусмотрено соглашением сторон, обеспечительный платеж подлежит возврату.

Таким образом, действующее законодательство, предусматривая различные способы обеспечения исполнения обязательств, предоставляет возможность участникам гражданского оборота выбрать для себя наиболее надежный и эффективный способ с тем, чтобы максимально защитить свои

интересы. На практике достаточно широко распространены ситуации, когда используются одновременно несколько таких способов, например, поручительство и залог. Более того, договором могут устанавливаться также и способы обеспечения исполнения обязательств, которые не предусмотрены законодательством, но не противоречат ему. Все это придает стабильность имущественному обороту.

Способы обеспечения исполнения обязательств, предусмотренные гражданским законодательством, используются не только в гражданских правоотношениях, но и в жилищных, земельных, предпринимательских и налоговых правоотношениях.

Так, например, ст. 72 Налогового кодекса РФ предусматривает, что исполнение обязанности по уплате налогов, сборов и страховых взносов помимо приостановления операций по счетам в банке, операций по счетам цифрового рубля и наложением ареста на имущество может обеспечиваться также залогом имущества, поручительством, пеней, банковской гарантией. Порядок и условия применения таких обеспечительных мер определяются налоговым законодательством. Согласно п. 7 ст. 73, п. 6 ст. 74 Налогового кодекса РФ к правоотношениям, возникающим при установлении залога или поручительства в качестве меры по обеспечению исполнения обязанности по уплате налогов, сборов и страховых взносов, положения гражданского законодательства применяются с учетом особенностей, установленных законодательством о налогах и сборах.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что обеспечительные меры исполнения обязательств являются необходимым элементом в системе юридического образования и играют важную роль при подготовке юристов в различных направлениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, №32, ст. 3301

2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 №146-ФЗ //Собрание законодательства РФ, №31, 03.08.1998, ст. 3824.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 №7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ, №5, 2016

4. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 №45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» // Российская газета, №6, 15.01.2021

5. Определение Верховного Суда РФ от 16 декабря 2021 г. №305-ЭС21-14922.

Григорьева Анна Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Московского гуманитарного университета, адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5.; Эл. адрес: anna_grigoriva@mail.ru.

Объективная и процессуальная истина в сфере правоохранительной деятельности

А. А. Гулый
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, которые затрагивают наболевшую тему о необходимости установления объективной истины в уголовном деле. Авторы показали несколько направлений научных и практических взглядов по этому вопросу. Высказали свою точку зрения. Отразили сегодняшнее положение участников уголовного процесса на досудебной стадии, их отношение, во многих случаях искаженное, к установлению объективной истины по делу. Зачастую на первое место в квалификации преступлений сегодня выходит не объективная, а процессуальная истина, что по мнению авторов ошибочно. Предлагаются пути совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: Уголовное право, уголовный процесс, квалификация преступлений, объективная, процессуальная истина, принципы уголовного судопроизводства.

Самой величайшей заповедью человека, завещанной человечеству, является познание истины, объективной действительности, охватывающей все сферы жизни человека, реализация которой возможна в текущей повседневности посредством утверждения принципа – «познай самого себя».

В доктрине уголовного процесса, содержится весьма специфическое понимание истины и в особенности с учетом её совместимости и практической реализации основных процессуальных принципов: состязательность сторон, охраны прав и свобод человека и гражданина, презумпция невиновности и другие. Для поиска и обнаружения объективной истины важное значение имеет содержание и направленность научных публикаций, которые ныне представлены двумя основными направлениями.

Одно из направлений представлено активной популяризацией содержания существующего процессуального закона посредством его системного комментирования. В таких публикациях обосновывается наличие чёткой позиции законодателя, установившего нормативную последовательность выполнения следственных действий, приводятся подробные пояснения о сущности и способах собирания доказательств по уголовному делу, подтверждающих причастность лица к событию преступления либо содержат усилия по обнаружению в нормативных предписаниях тех или иных частных и мелких недостатков.

Второе направление посвящено реализации идеи о недопустимости наделения суда полномочиями, которые способствуют внедренному в уголовное судопроизводство на рубеже 90-х годов многоступенчатому правилу по установлению в уголовном деле процессуальной истины на всех стадиях процесса.

В обеих случаях, значительный массив и содержание научных публикаций напоминает пропаганду либерально-демократических взглядов, цивилизационной парадигмы западнического толка, фундаментальную основу которых составляет широко рекламируемые такие понятия, как «демократия», «свобода», «гражданское общество», что не позволяет выйти за рамки примитивного комментирования текущего законодательства.

Вместо поиска правды в криминальном событии, которая неразрывно связана с установлением объективной истины, научная литература изобилует изложением умозрительных заключений, исключающих выработку предложений по законодательному пересмотру основополагающих постулатов уголовного процесса, к которым прежде всего относятся качество его принципиальных положений. Издаваемые научные очерки (монографии, эссе, учебные пособия) нередко обретают форму правовой словесной оболочки, превращаясь в подобие очередного «научного недоразумения», как оправдание неизбежного явления в науке в виде правового беспредела и активно используемого в судебно-следственной практике. Речь прежде всего идет о необходимости устранения причин, которые не позволяют участникам уголовного процесса в полном объеме использовать предоставленные им полномочия по защите своих прав и интересов, поскольку у одной стороны полномочий с избытком, а у другой стороны, их объём крайне мал и ограничен законом.

Не подлежит сомнению то, что в рамках действующего закона все участники судопроизводства участвуют в правовой оценке совершенного преступления, которая имеет конечную цель - служение объективной истине.

Основанием для этого служит фактическое наличие происшедшего события преступления, в котором следует выявить все признаки преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Логическим продолжением поиска объективной истины является обязательное использование научных правил квалификации преступления, что позволит установить наличие или отсутствие в совершенном деянии (действие или бездействие) всех без исключения и в совокупности обязательных элементов и признаков состава преступления (ст. 8 УК РФ).

Именно в процессе юридической оценки, именуемой квалификацией, основной целью которой является установление объективной истины по уголовному делу посредством обнаружения и документального подтверждения, устанавливается фактическое наличие оправдательных и обвинительных аргументов в отношении подозреваемого лица. Вопросы квалификации базируются на нормах материального права, которым является уголовное законодательство.

Следуя законам формальной и юридической логике, на досудебной стадии предварительное расследование обязано выявлять наличие либо отсутствие события преступления с последующим анализом обнаруженных в нём признаков состава преступления. Состояние судебно-следственной практики показывает совершенно противоположное направление. В отличие от требований уголовного права, практика работы следственных и судебных органов

базируется на обязательном и строгом выполнении предписаний уголовно-процессуального законодательства. Последнее не имеет ни одной нормы, возлагающей на следствие, прокурора, суд обязанность давать беспристрастную и объективную оценку о фактическом наличии в совершенном деянии состава преступления, доказанность которого подтверждена наличием неопровержимых доказательств, полученных процессуальным путем, свидетельствующих фактическое установление объективной истины. Вместо этого, используется процессуальная истина, суть которой заключается в необходимости документального подтверждения возникновения процессуального статуса подозреваемого лица, что на стадии возбуждения уголовного дела является достаточным для его признания виновным в совершении преступления.

Процессуальное задержание в уголовно-процессуальной доктрине рассматривается двояким путем. В одном случае, это мера процессуального принуждения, а в другом задержанием признается определенный вид следственного действия, содержащий поисково-познавательную направленность для сбора доказательств. В обоих случаях, отсутствует наличие обязанности о применении положений по квалификации, позволяющего установить объективную истину. Научные изыскания, посвященные развитию учения о квалификации преступлений, нередко подменяются пустопорожней словесной шелухой, не имеющей ничего общего с научными подходами о достижении объективной истины. Вместо содержательного анализа важных вопросов квалификации, посвященных поэтапному исследованию норм материального права, предлагаются абстрактные рекомендации о стадиях предполагаемой квалификации, используемой в процессе следственных действий, совершаемых *«при формулировании обвинения, при вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого. При составлении обвинительного заключения ей также придается большое значение. Окончательная же оценка преступления производится при вынесении приговора в суде» (Кадников 2019: 7).* Видимо данному автору не дано понять того, что процессуальные меры в судебно-следственной практике исключительно используются только ради соблюдения установленной законом формы (составление протоколов, вынесение постановлений, порядок оформления следственных действий, сроки и т. п.) и совсем не отведено места детальному анализу и обязательному применению норм материального права. При этом, закреплённая законом процессуальная форма имеет значительный приоритет, что идет во вред материальному праву. Прямым доказательством данного утверждения является постраничное содержание уголовно-процессуального законодательства, в котором нет ни одной нормы императивного свойства, где была бы четко установлена и предусмотрена в качестве главной обязанности представителей судебно-следственных органов, использовать правила квалификации.

В научной литературе, посвященной уголовному процессу, также нет публикаций, посвященных проблемам применения норм материального права в следственной работе. Все они без исключения анализируют проблемные вопросы процессуального содержания (Калинкин 2016; Россинский 2015;

Рябцева 2010; Чернова 2015 и др.) иногда в сочетании с криминалистикой, соединяя их с отдельными методиками пригодными для использования в процессе расследования преступлений. Анализ современного состояния научных публикаций в юриспруденции за последние 10 лет показывает наличие устойчивой тенденции на постепенное исчезновение критических научных взглядов, посвященных комплексной оценке самых разнообразных вопросов, возникающих в правоприменительной практике. Современные мнения в большей степени отражают эмоциональные настроения, не нацелены на внедрение в судебную практику правил, которые бы соблюдали обязательный юридический анализ события преступления, выявление и фиксацию в совершенном преступлении объективной, а не процессуальной истины. Нередко встречаются поверхностные взгляды, содержащие подмену правды кривдой, что затем выдается за вновь изобретенные научные постулаты о квалификации. Говорить много и ни о чём конкретно, есть прямое следствие наукообразия последних лет. Наука постепенно наполняется искаженными профессиональными кривотолками, ярко свидетельствует о наличие у его носителя недостаточно развитого правосознания.

Нередко, объективная истина отождествляется с такими понятиями, как «личность», «права и свобода человека», которые являются носителями правовой неопределённости и не могут использоваться в уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях.

Юриспруденция – это сфера не только научных взглядов, но и результат законотворчества, в том числе и возможность практического применения права. Разумеется, что право в его сущностном понимании не представляет собой объективную реальность, оно лишь является способом регулирования общественных отношений между людьми и реализуется в материальном мире.

Обобщая существующие в современных условиях научные взгляды правоведов, можно сделать вывод, что большинство из них под истиной в уголовном процессе предлагают рассматривать сам процесс доказывания, где сторона обвинения добивается реализации поставленных целей по привлечению лица к уголовной ответственности путем установления обстоятельств совершенного преступления с использованием средств и методов уголовного процесса, как основного средства её достижения. Для реализации задач доказательственного процесса широко применяются нормативные предписания, закреплённые законом в качестве основополагающих принципов. При этом, игнорируется тот факт, что изначальной причиной, послужившей для применения уголовно-процессуальных возможностей, является возникновение уголовно-правовых отношений, наличие которых непосредственно связано с реальным и объективным фактом совершения преступления. Именно эти отношения создают необходимые предпосылки и условия для последующего применения уголовного процессуального закона и предусмотренных в нем самых разнообразных процедур.

При отсутствии уголовно-правовых отношений исключается абсолютная возможность использовать нормативные предписания уголовного процесса.

«Сознание (наблюдение, созерцание), не дошедшее до мысли, объявляемое источником истины, таковым быть не может, поскольку оно представляет собой лишь подобие вкуса, ощущения (слушание, видение, обоняние), как единичное, а не общее. Предмет, изложенный без мысли, основанный на единичном, не способен вызвать интереса. Если его исследование не продолжать, то создается царство неопределенности, основу которого составляет наблюдение и описание увиденного, что носит на себе печать хаотического и незрелого» (Гегель 2019: 704).

На фоне происходящих событий, позитивным явилось решение Следственного комитета РФ о внесении в Государственную Думу РФ законопроекта №440058-6, в котором предложено восстановить в российском уголовном процессе институт установления объективной истины по уголовному делу (Законопроект «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу»). Данное событие послужило поводом для проведения активной научной полемики, что позволило одной части ученых склониться к убеждению о необходимости восстановления объективной истины по уголовному делу, вторая часть категорически возражает, аргументируя свою позицию тем, что любой возврат к наследию советского прошлого недопустим. При этом оценка заявленной инициативы со стороны председателя следственного комитета, представившего развёрнутый комментарий к проекту закона, не была учтена (Бастрыкин 2012: 5–10). Вместо конструктивной и детальной аргументации его содержания, прозвучало недоумение «*со стороны юридического сообщества, сопровождаемое кардинальными тезисами, представленных ведущими экспертами в области уголовного права и процесса»***.** По мнению представителей указанного юридического сообщества, идеи, предложенные в законопроекте Следственным комитетом РФ, упраздняют презумпцию невиновности, наделяют судью обвинительной функцией, ликвидируют состязательность в уголовном процессе (Адвокатская газета 2012: 120).

По мнению Т. Морщаковой «новый законопроект Следственного комитета России – попытка оправдать массовые, бесчеловечные пытки, которые применяются в доказывании по уголовным делам» (Морщакова 1993). Несмотря на громкие заявления, прозвучавшие из уст *«ведущих экспертов в области уголовного права и процесса»* не было представлено ни одного развернутого аргумента, раскрывающего содержание и обоснованность возражений о неизбежном упразднении презумпции невиновности, о наделения судьи обвинительной функцией и о ликвидации состязательности в уголовном процессе.

В указанных заявлениях отсутствует юридическое обоснование того, в чём конкретно заключается направленность представленного проекта по оправданию массовых бесчеловечных пыток следствием. Сказанное являет собой образец отказа от обоснования заявленной позиции путем её подмены повышенным эмоциональным и агрессивным тонусом с использованием

распространенного в психологии приёма «давление авторитетом». Подобные высказывания в юридической сфере не одиноки, страдают отсутствием правовых мотивировок, сопровождаются яркими эмоциональными эпитетами, более напоминая политические лозунги с явной претензией на признание научным сообществом оригинальности и смелости публично озвученной авторской позицией по ключевым вопросам правоведения. *«Там, где юриспруденция непредметна и пристрастна, там вырождается самая сердцевина правового мышления и быстро утрачивается уважение к праву; ученый приближается к типу старого подьячего и от его «научного» крючкотворства быстро меркнет правосознание. В суждениях о праве воцаряются шаткость и злокачественная туманность; в умах двоиться и колеблется; и трудно ждать чего-нибудь от «земли», когда соль теряет силу»* (Ильин 1993: 30).

В научной юридической литературе современное представление об объективной истине выражено тремя основными подходами.

Во-первых, установление истины не является и не должно являться целью доказывания в уголовном судопроизводстве, яркими представителями которой являются Мизулина Е. Б., Крашенинников П. В., Плигин В. Н. и др. По мнению Е. Б. Мизулиной, уголовный процесс — это *«технологически устроенное образование, главным для которого является не цель, а результат и способы его достижения» (Мизулина 2022: 55)*. Данная позиция является основной, определяющей, нашедшей свое воплощение в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Во-вторых, уголовное судопроизводство не нацелено на установление объективной истины, а ориентировано лишь на соблюдение установленной законом процедуры.

В-третьих, *«истинным должен быть способ, а не результат уголовно-процессуальной деятельности…, а правосудное решение — это не обязательно решение, в котором во что бы то ни стало должна быть зафиксирована объективная или материальная истина. Мы привыкли к тому, что поиск истины — это и есть задача, на достижение которой якобы направлен уголовный процесс. Задача же заключается в обеспечении правосудного решения. И в силу этого оно будет истинным. Само по себе правосудие, его цели выше поиска истины, и тем более принесения в жертву этому поиску интересов и прав личности».* Иными словами, res judicata pro veritate habetur, в указанных утверждениях акцент сфокусирован не на установлении истинности самого результата, а на истинности способа получения решения – через суд (судопроизводство). Обладая полномочиями члена Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Мизулина Е. в 2020 году провела круглый стол на тему «Уголовно-процессуальный кодекс РФ: 20 лет со дня введения в действие».

Главным достижением, по её мнению, является организация более 30 научно-практических конференций и круглых столов, в которых приняли участие около десяти тысяч правоприменителей и *«всё это направлено на защиту граждан от любых форм произвола» (Мизулина 2002: 25)*. Разумеется,

что без проведения научных конференций, невозможно движение науки, в том числе развитие прогрессивных взглядов, влияющих на выработку предложений, направленных на улучшение законодательства. Несомненно и то, что следует учитывать их уровень, статус и значимость, включая участие известных авторов-разработчиков уголовно-процессуального законодательства. По итогам конференций всегда принимаются резолюции, направленные на необходимость законодательной коррекции наиболее важных положений закона. Но очевидно и другое. Количество конференций не может быть истинным мерилом и достаточным обоснованием пригодности и значимости, принятых в 1996 году неудачных правовых и законодательных решений. «*Тут уж надобно говорить всю правду: не в нынешней нашей цивилизации, не в «европейском» так называемом образовании (которого у нас, к слову сказать, никогда и не было), не в уродливостях внешне усвоенных европейских идей и форм» (Достоевский 2021: 956).* Нормативное закрепление заимствованных ошибочных правовых положений и их практическое исполнение в современном уголовно-процессуальном законодательстве является прямым следствием проведенной в России правовой реформы в 90-е годы. Самое непосредственное и активное участие в проведении указанной реформы принимали так называемые спонсоры, среди которых юридический департамент Всемирного банка и его сподвижники – Американская ассоциация адвокатов, региональные Инициативы Центральной и Восточной Европы (CEELI), фонд Сороса и другие, сформулировавшие в качестве основной цели необходимость *«перехода от коммунистического режима к демократии свободного рынка.. путем изменения законодательной базы, судебной системы, адвокатуры, а также системы юридического образования» (*Марк К.Дитрих 2000: 46).

Прямым следствием реализации заявленных и реализованных спонсорами либеральных идей, поддержанных отечественными реформаторами, исповедовавших идею о недопустимости вмешательства суда по исправлению ошибок в процессе предварительного следствия и пагубного совмещения обвинения и защиты в лице одного суда, стало их законодательное закрепление. В результате внедрения в закон данной идеи, действующий УПК РФ полностью исключил обязанность современного суда по установлению объективной истины в судебном заседании. В нормативных рамках процессуального законодательства, суд не вправе восполнять неполноту проведенного предварительного расследования либо устранять выявленные правовые ошибки, допущенные в процессе квалификации преступного деяния, совершенного подсудимым. Его основной обязанностью является создание необходимых условий для реализации стороной обвинения и защиты их процессуальных обязанностей и прав посредством заимствованной из зарубежного законодательства процедуры состязательности сторон. Обращает на себя внимание то, что уголовно-процессуальный закон требует соблюдение всеми участниками в судебном заседании процедурных правил, как обязательное условие для реализации состязательности между сторонами обвинения и защиты. На стадии предварительного расследования (дознание, следствие),

применение данного правила не предусмотрено. В процессе состязательности участников судебного заседания закон не обязывает суд оценивать содержание и качество представленных следствием материалов уголовного дела. Суд наблюдает за состязательным процессом стороны обвинения и защиты, оценивает предъявляемые сторонами процессуальные документы, как свидетельство, подтверждающее достаточное наличие доказательств виновности либо невиновности подсудимого. Сторона обвинения в судебном заседании, в том числе и суд, вместо исследования материалов на предмет поиска объективной истины по делу, реализуют свое право на свободу оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ) и «*оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности* ***имеющихся в уголовном деле доказательств****, руководствуясь при этом законом и совестью».* По существу суд не имеет право при рассмотрении уголовного дела в судебном заседании контролировать качество проведенного расследования.

Вопрос о правовой оценке наличия или отсутствия состава преступления в совершенном деянии, не входит в полномочия суда. Его компетенция ограничена формальной оценкой процессуальных пределов представленного стороной обвинения количества документов, как доказательство, подтверждающее наличие в деле доказанной процессуальной истины посредством оценки *«совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств»*.

В дополнение к этому, статья 7 УПК РФ закрепляет приоритет норм процессуального права перед иными федеральными законами, согласно которой суд, прокурор, следователь, дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий уголовно-процессуальному кодексу. Реализация на практике данного положения приводит к второстепенному значению различных отраслей законодательства, включая положения уголовного закона, основной целью которого является установление объективной истины путем установления в содеянном признаков состава преступления (статья 8 УК РФ). Фактически, указанное процессуальное правило создало все необходимые условия для вынесения приговоров, содержание которых покоиться исключительно на процессуальной, а не на объективной истине, установить которую возможно только при применении положений уголовного законодательства. Правовой запрет на недопустимое вмешательство суда в оценку представленных следствием материалов уголовного дела подтверждается обязанностью судьи прекращать уголовное дело или уголовное преследование лишь в ограниченных случаях и исключительно только при выявлении нарушений процессуального (процедурного) характера. Это касается таких случаев, когда был заявлен отказ обвинителя от обвинения (ч. 2 ст.254 УПК РФ), при прекращении уголовного дела в связи с примерением сторон о совершении преступлений небольшой и средней тяжести (ст. 25 УПК РФ), при назначении судом судебного штрафа (ст. 25.1. УПК РФ).

Суд вправе вынести оправдательный приговор лишь в том случае, если следствием не было установлено событие преступления, нет доказательств, подтверждающих отсутствие события преступления либо лицо не причастно к

совершению преступления или в деянии подсудимого отсутствует состав преступления (ст. 302 УПК РФ).

Каким образом суд способен выявить указанные основания, если сторона обвинения предоставила суду, по ее внутреннему убеждению, в достаточном объеме необходимые процессуальные доказательства: обвинительное заключение (ст. 220 УПК РФ), обвинительный акт (ст. 225 УПК РФ), форма и содержание которых исключает указание в описательной и мотивировочной части (ст. 220 УПК РФ) сведений об установлении в деянии лица признаков состава преступления? Указанные процессуальные правила не обязывают следствие выявить в деянии признаки состава преступления, как единственного основания уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ). Обвинение обязано изложить в обвинительном заключении (пункт 3 часть 1 ст.220 УПК РФ), обвинительном акте (пункт 4 часть 1 ст. 225 УПК РФ) *«данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности, формулировка и существо обвинения, место и время совершения преступления, перечень доказательств, подтверждающих обвинение, данные о потерпевших, список лиц, подлежащих вызову в суд и другие обстоятельства имеющие значение для данного уголовного дела»*.

Сравнение идейного содержания и правового смысла принципов уголовного права и уголовного процесса, не позволяет заявить об их взаимосвязи и взаимозависимости. Данные отрасли законодательства содержат взаимоисключающие положения. В уголовном праве имеется всего пять основных принципов, что вполне достаточно для их применения и все они законом определены в качестве таковых – глава 1 УК РФ «Задачи и принципы уголовного закона» - ст.ст. 3-7 УК РФ. К их числу следует отнести и статью 8 УК РФ – «Основания уголовной ответственности», поскольку ее наличие является главной основой для последующей реализации принципа равенства граждан перед законом, принципа вины, принципа законности, принципа справедливости и принципа гуманизма. В отличие от уголовного права, в уголовном процессе общее количество норм, заявленных в качестве принципов общим количеством в пятнадцать. Все они не имеют прямого отношения к тому, чтобы быть в полной мере признанными в качестве основополагающих положений (принципы).

Так, глава 2 УПК РФ – на самом деле именуется – «Принципы уголовного судопроизводства», но последующие за ней нормы, имеют иное правовое значение. Статья 6 УПК РФ формулирует «назначение уголовного судопроизводства», статья 6.1. УПК РФ определяет «разумный срок уголовного судопроизводства». Допустимо ли признавать принципом предоставление исключительного права только одной стороне, следствию по определению разумного срока? Возможно ли признавать разумным сроком момент возбуждение уголовного дела с последующим прекращением уголовного преследования (ст. 212 УПК РФ) либо при вынесении оправдательного, либо обвинительного приговора (ст. 302 УПК РФ), если данное право предоставлено исключительно стороне обвинения?

Каким образом возможно применение разумного срока стороной защиты, тогда как нормы-принципы должны быть равноценны и применимы любой стороной, вне зависимости от процессуального статуса участников уголовного судопроизводства? При всем при этом, процессуальный закон, представляет только стороне обвинения право продлить любой процессуальный срок свыше «разумного срока» и для этого достаточно составить необходимые процессуальные документы (ходатайство следователя, дознавателя, подписав их у вышестоящего должностного лица (ст.162 УПК РФ). Закрывает тему «разумного срока» статья 7 УПК РФ, где установлено правило о том, что порядок судопроизводства определяется исключительно уголовно-процессуальным законом.

Следующим принципом объявлено процедурное правило о состязательности сторон, которое предусматривает использование стороной обвинения и стороной защиты процессуальных прав и обязанностей для разрешения в судебном заседании между ними возникшего юридического спора. Исход такого спора напрямую зависит от наличия у каждой из сторон, в достаточном объеме и распоряжении, как организационных, так и процессуальных возможностей.

Однако очевидно то, что обвинение и защита, в силу закона, не находятся и не могут быть в равноправном правовом положение и потому исход такого юридического спора, заранее очевиден и предопределен. В процессе реализации стороной обвинения и защиты указанного правила «состязания», наиболее важный участник процесса, должен быть суд.

Анализ происходящего в уголовном судопроизводстве показывает то, что в современных условиях назрела острая необходимость появления в науке новой уголовно-процессуальной идеологии, направленной на формирование механизма по удалению из закона положений, не способных служить установлению объективной истины в уголовном судопроизводстве. В первую очередь следует исключить правила-процедуры, в том числе избавиться от состязательности сторон, вместо которой закрепить правовую обязанность за всеми участниками стороны обвинения и суда, при возбуждении уголовного дела, в предварительном расследовании, в судебном заседании, исследовать наличие в уголовном деле материалов, подтверждающих установление объективной истины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов. Выпуск № 7 (120). 1–15 апреля 2012 года**.**

Бастрыкин А. И. Вернуть в уголовный процесс институт истины // Российская газета. 2012. № 5731. С. 5–10.

Библия или Книги священного писания Ветхого и Нового завета в русском переводе. Издание Свято-Троицкой Сергиевской Лавры. М. : 1992. С. 764.

Гегель (Георг Вильгельм Фридрих Гегель). Феноменология духа. Издание на русском языке; пер. с нем. Г. Шпета. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус», 2019. – 704 с.

Достоевский Ф. Дневник писателя – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. С. 956.

Законопроект «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // https://sozd.duma.gov.ru/ (дата обращения: 10.02.2025).

Ильин И.А. О сущности правосознания/Подготовка текста и вступительная статья И. Н. Смирнова. М. : «Рарогъ». 1993. – С. 30.

Кадников Н.Г. Квалификация преступления и вопросы судебного толкования: монография. М. : ИД Юриспруденция, 2019. – С. 7.

Калинкин А. В. Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. к.ю.н.- Саратов : СГЮА, 2016;

Марк К. Дитрих. Правовая и судебная реформа в странах Центральной Европы и бывшего Советского Союза. Мнения из пяти стран. Международный банк реконструкции и развития/ Всемирный банк. Выпущено в Соединенных Штатах Америки. 18118 Strit. N.W. Washington. D.C. 20433. USA. 2000 – 46 с.

Мизулина Е. Б. Как создавался УПК//Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2002. С.55.

Мизулина Е. Б. Как создавался УПК//Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2002. С.25.

Морщакова Т. Г. д.ю.н, профессор, один из авторов Концепции судебной реформы в Российской Федерации, утверждённой Верховным Советом РСФСР в 1991 году, участник Конституционного совещания и член рабочей комиссии по подготовке Конституции 1993 года, а также Закона о Конституционном Суде и Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации».

Россинский С. Б. Механизм формирования результатов невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве. – М. : Проспект, 2015.

Рябцева Е. В. Судебное санкционирование в уголовном процессе России. – М. : Юрлитинформ, 2010; Чернова С. С. Меры уголовно-процессуального принуждения. – М.: Юрлитинформ, 2015.

Гулый Антон Андреевич, профессор кафедры уголовно-правовых и спциальных дисциплин Московского гуманитарного университета, к.ю.н., доцент. Адрес: 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5. Тел. +7(499)374-59-30. Эд. Адрес: nickname@mosgu.ru

Роль экономического образования в развитии инновационной экономики и подготовке конкурентоспособных специалистов

С. В. Дадалко, И. И. Раковец
УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»

Аннотация. В статье исследуется роль высшего экономического образования в подготовке кадров для инновационной экономики. На примере России и Беларуси анализируется текущее состояние подготовки экономистов, влияние процессов цифровизации и выявляются некоторые проблемы, в частности, разрыв в программах обучения с рынком труда. Предлагаются авторские методы по повышению эффективности образования через сочетание с практикой, информационными технологиями и расширение доступности обучения.

Ключевые слова: инновационная экономика; цифровизация, высшее образование, экономические специальности, подготовка кадров, рынок труда

В современном мире все большее значение приобретает подготовка молодых кадров экономических специальностей с высшим образованием, так как именно от университета (или другого учебного заведения по профилю) зависит умение будущих сотрудников применять полученные знания в практической деятельности. Кроме того, необходимо преподать и структурировать знания и умения таким образом, чтобы при необходимости, будущий специалист, в первую очередь, опирался на собственный интеллект, а не на искусственный.

В эпоху развития высшего образования накануне XXI века состоялся Болонский процесс (прошел в г. Болонья19 июня 1999 г.), в рамках которого была подписана определенная декларация, которая создает единую систему высшего образования на территории Европы и государств, ратифицировавших данный документ. В этот процесс, в том числе, вошли Российская Федерация (2003 г.) и Республика Беларусь (2015 г.). Процесс предполагает становление единой системы становления и развития высшего образование в Европейском регионе независимо от страны обучения, преподавание на основе одних и тех же программ по профильным специальностям и дисциплинам, в том числе и экономическим. Также она предполагает наличие следующих ступеней высшего образования: бакалавриат (специалитет), магистратура и др.

Однако, в 2022 г. все ВУЗы России и Беларуси исключили из Болонской системы. Ее представители заявляли о прекращении работы и поддержки всех своих структур в названных странах. В ответ на это Министерство образования и науки Российской Федерации заявили об устаревшей системе организации высшего образования. Россия также заявила о построении собственной системы, при этом акцент сместится на специалитет, предусматривающий пятилетнюю программу обучения. В Беларуси же, в 2006 году, сроки обучения и получение высшего образования сократили до 4 лет, с целью избежать дублирования дисциплин и ускорить подготовку специалистов [1]. Актуальна динамика подготовки кадров по экономическим направлениям в Республике Беларусь, которая отражена в таблице 1.

Таблица 1

Динамика подготовки кадров по экономическим направлениям в Беларуси, 2019-2023 гг.

Год	Численность студентов по экономическим направлениям, тыс. чел.	Выпуск специалистов, тыс. чел.
2019	62-65	20,2
2020	60	19,1
2021	57-58	18,5
2022	53-54	16,5
2023	51-52	15,0

Примечание: Источник – собственная разработка на основании данных [2]

Кроме того, необходимо не просто подготавливать студентов к будущей профессии, но и делать это с учетом принципа актуальности, который определяет будущую конкурентоспособность специалистов. В современном мире, с приходом в общественную жизнь информационных технологий, общество начало менять свои ориентиры на происходящие изменения. Сегодня наибольшее развитие приобретает цифровая экономика, цифровая трансформация и многое другое.

Уровень инновационной активности, актуальности и цифровой трансформации задает темп для дальнейшего развития как национальной экономики в целом, так и отдельных субъектов хозяйствования. В данном контексте инновационная активность представляет собой определенную деятельность организаций, которая характеризуется восприимчивостью к различным инновациям, заинтересованность в применении новшеств, а также предполагает ряд действий по трансформации инноваций, усовершенствованию устаревших моделей и их практическое применение, в частности, с механизмами цифровизации. Согласно данным мониторинга НИУ ВШЭ от 2025 г., российские выпускники-экономисты демонстрируют заметное участие в инновационном секторе, в частности, сфере информационных технологий (таблица 2).

Таблица 2

Участие российских выпускников-экономистов в инновационном секторе экономики

Направление	Доля выпускников, занятых в ИТ, %	Доля занятости в ИТ внутри направления подготовки, %	Средняя заработная плата специалистов в ИТ, тыс. рос. руб.
Экономика и управление	20,9	–	92,0
Компьютерные науки	11,4	18,6	136,9
Инженерное дело	46,2	21,6	107,2
Юриспруденция	3,6	–	76,9
Сельское хозяйство	0,7	–	57,1

Примечание: Источник – собственная разработка на основании данных [3]

Данная таблица демонстрирует использование информационных технологий по обучаемой специальности. Будущие студенты, в основном, при выборе будущей профессии, ориентируются не только на собственные интересы, но и на уровень заработной платы, получаемой в какой-либо отрасли. Так, согласно таблице 2, наименьшая заработная плата в сфере сельского хозяйства, что обусловлено общей спецификой сельскохозяйственного сектора, который остается одним из наименее развитых среди всех представленных. Большинство предприятий АПК использует ограниченный набор инновационных ресурсов, в том числе недостаток характеризуется и отсутствием компьютерной техники. Все это снижает спрос высококвалифицированных кадров, которые обладают цифровыми навыками. В тоже время, например, Белорусская государственная сельскохозяйственная академия (БГСХА) пользуется большим спросом среди абитуриентов, так как аграрная промышленность в Беларуси продолжает активно развиваться и является одной из наиболее важных отраслей в национальной экономике, которая обеспечивает значительную потребность в квалифицированных кадрах.

Эффективность системы высшего образования необходимо рассматривать с точки зрения социальной и экономической эффективности. Достижение экономической эффективность является главной целью всей системы образования, то есть повышение заработной платы и большая уплата налогов и сборов, но не менее важным и ограничивающим фактором в этой системе является и социальная эффективность, которая также должна рассматриваться в качестве конечной цели всей существующей системы.

Первая связана с ростом доходов выпускника после окончания учебного заведения и его трудоустройством. Вторая учитывает неэкономические блага от образования, такие как развитие критического и аналитического мышления, умение искать пути решения в сложных ситуациях, развитие кругозора, широкое понимание общественных систем и т. д.

Повышение эффективности высшего образования в условиях инновационной экономики является одной из главных задач, так как именно от качества обучения зависит конкурентоспособность страны на мировом уровне. В условиях цифровизации, существующая система образования должна обладать фактором гибкости и постоянно подстраиваться под изменяющиеся условия и потребности современного рынка труда.

Данные показатели складываются из индекса инновационной интенсивности, интеллектуального развития, профессионального развития, образовательного уровня, информационно-коммуникационного индекса [4].

На подготовку конкурентоспособных специалистов влияет множество различных факторов, которыми являются:

- наличие должного уровня образования и подготовки у профессорско-преподавательского состава;

- обладание высоким уровнем цифровой грамотности и, в процессе обучения, использованием современных информационные технологий;

- наличие способности к руководству группой людей, то есть лидерских качеств;

- присутствие навыков толерантности, поскольку в учебных группах могут обучаться представители других национальностей и народов. В связи с этим необходимо ко всем проявлять уважение;

Следует отметить, что критическое мышление также является немаловажным, так как формирует интерес у обучающихся различных учебных заведений и позволяет полученную информацию усваиваться более эффективно.

Все вышеперечисленные факторы сильно взаимосвязаны и влияют как на развитие самих кадров и их потенциала, так и на перспективное развитие кампаний, в которых они работают.

Высшее образование в России и Беларуси имеет в своей структуре бакалавриат и магистратуру. Бакалавриат представляет собой первый уровень высшего образования, продолжительность которого составляет 4–6 лет в зависимости от выбранных специальностей. В рамках названного уровня студенты получают базовые и необходимые знания для своей будущей профессии.

Магистратура – второй уровень высшего образования, который также имеет свою продолжительность, обычно до 2 лет. В рамках данного уровня студенты получают более глубокие знания и навыки и имеют возможность выбора специализации.

Подготовка кадров высшей специализации представляет собой третий уровень высшего образования, в который входят аспирантура, докторантура и другие программы по подготовке научных кадров. В рамках названного уровня аспиранты, докторанты подготавливаются к проведению научных исследований и получению степеней кандидата или доктора наук.

Вместе с тем, существуют определенные проблемы, связанные с подготовкой будущих конкурентоспособных кадров.

Первая из них заключается в том, что высшее образование и диплом с отличием не гарантирует успешное дальнейшее трудоустройство и конкурентоспособность, что может быть связано с множеством причин, такими как несоответствие уровня подготовки студентов потребностям рынка труда, отсутствием необходимых профессиональных навыков и опыта.

Следующей проблемой является высокая стоимость обучения на платной форме получения образования, что, как следствие, приводит к исключению их из конкуренции на рынке труда.

Еще одной проблемой является и необязательность наличия высшего образования в некоторых областях. В данном случае уровень образования необходимо дополнить богатым опытом труда и различными навыками, которые, зачастую, оказываются более значимыми.

Заключительной проблемой является и то, что образовательные программы охватывают и дают возможность получить не все необходимые знания и навыки для успешного дальнейшего трудоустройства [5].

В целях повышения эффективности подготовки высококвалифицированных и конкурентоспособных кадров экономического профиля предлагаются следующие меры:

- в первую очередь необходимо обеспечить тесную взаимосвязь между высшим образованием и рынком труда и его реальными требованиями, что предполагает пересмотр существующих и разработку новых образовательных программ;
- внедрение в образовательные материалы больше занятий, где студенты могут не просто подготавливать презентации и делать доклады на заданные темы, а применять на практике полученные знания, например, решать определенные задачи, в том числе, и с использованием информационных технологий. Все это позволит ВУЗам наладить связи с различными инновационными предприятиями, принять участие в цифровом секторе экономики, которое предоставит возможность получения студентами реального практического опыта;
- еще одним предложением является более активное использование информационных технологий в образовании, особенно для специальностей экономического профиля. Необходимо внедрение различных образовательных курсов, которые сочетают в себе экономику, информационные технологии и анализ данных, что позволит развивать критическое мышление у будущего руководящего состава, а также позволит повысить адаптивность выпускников к различным современным вызовам;
- с целью снижения негативного влияния высокой стоимости платного обучения на конкурентоспособность выпускников целесообразно будет расширять программу образовательных грантов, целевой подготовки и увеличить количество мест обучения за счет средств государственного бюджета. Такие предложения позволят повысить доступность высшего образования обеспечить равные возможности для всех студентов;
- необходимо развивать системы дополнительного образования и переподготовку кадров, что позволит выпускникам своевременно обновлять свои знания в соответствии с потребностями инновационной экономики и рынка труда, так как в современном мире высшее образование сильно уступает по значимости практическому опыту.

Таким образом, реализация предложенных мер будет способствовать повышению роли и качества высшего образования, формированию конкурентоспособных специалистов, и, вследствие чего, более быстрому формированию инновационной экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вузы России и Беларуси исключили из Болонского процесса (2022) [Электронный ресурс] // Sputnik.by. URL: https://sputnik.by/20220606/vuzy-rossii-

i-belarusi-isklyuchili-iz-bolonskogo-protsessa-1063341425.html (дата обращения: 01.12.2025).

2. Образование в Республике Беларусь // Национальный статистический Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/8df/ab87a3hqzwbuewhugb7s0intg5s9m6nb.pdf (дата обращения: 01.12.2025).

3. Образование в цифрах: 2025 : краткий статистический сборник / Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 136 с.

4. Амриева Шахзода Шухратовна, Назарова Р. Повышение эффективности высшего образования в условиях инновационной экономики // JMBM. 2025. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-effektivnosti-vysshego-obrazovaniya-v-usloviyah-innovatsionnoy-ekonomiki (дата обращения: 03.12.2025).

5. Грязнова, Е.В Роль высшего образования в формировании конкурентоспособных специалистов на рынке труда // Современное педагогическое образование. 2023. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vysshego-obrazovaniya-v-formirovanii-konkurentosposobnosti-spetsialistov-na-rynke-truda (дата обращения: 03.12.2025).

Дадалко Светлана Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и менеджмента Международного университета «МИТСО» Адрес: 220099, г. Минск, ул. Казинца, 21/3. Эл. адрес: svetarozedad@gmail.com;

Раковец Илья Игоревич, студент Международного университета «МИТСО». Адрес: 220099, Минск, ул. Казинца, 21/3. Эл. адрес: illyharakovets@gmail.com.

Влияние западной молодежной контркультуры на традиционные ценности на примере феномена автономного сознания

А. С. Дорофеева
Московский гуманитарный университет

Аннотация. Настоящая работа ставит своей целью определить масштаб и перспективы влияния западных молодежных контркультур на традиционные ценности. Для этого необходимо определить сущностное ядро понятия контркультуры и выделить некоторые принципы использования этого понятия. Каждая контркультура всегда предполагает острый конфликт с доминирующей материнской культурой, в которой всегда должны быть ценностные ориентиры и фундаментальные смыслы, обеспечивающие ее ресурсность и целеполагание. В данной статье традиционные ценности рассмотрены как система барьеров, обеспечивающих идентичность отечественной культуры и дающих возможность нравственной оценки любых культурных явлений, приходящих с Запада. Для демонстрации оценочного потенциала традиционных ценностей был избран современный феномен автономного сознания – тульповодство. Черпая вдохновение из восточных религиозных практик, создатели тульп – духовных сущностей, обладающих автономным сознанием, реализуют свою потребность в идеальном общении, изолируясь от общества. В статье сопоставляются традиционные ценности, где транслируется важность глубокого межличностного общения в реальном мире, и пустотное общение представителей контркультуры тульповодства с их мыслеформами.

Ключевые слова: контркультура, традиционные ценности, мыслеформа, тульпа, автономное сознание, материнская культура.

Введение

Понятие контркультура впервые было сформулировано Джоном Милтоном Йенгером в статье «Контркультура и субкультура» (Yinger, 2013), где под контркультурой подразумевается система нормативных ценностей группы, в которой главное место занимает острый конфликт с окружающей доминирующей культурой. Также Йенгер пишет о том, что субкультуры и контркультуры имеют ряд сходств и отличий, которые следует рассмотреть для того, чтобы осознать насколько границы этих понятий размыты.

Сходство состоит в том, что сущность контркультур и субкультур достаточно сложно сформулировать, так как определить само понятие культуры – это непростая задача.

Различие состоит в том, что нормы субкультуры не являются в значительной степени результатом взаимодействия с более широкой культурой, то есть субкультуры возникают из-за объединения разных групп в одно сообщество, которое после завершения своего формирования изолируется для того, чтобы не допустить ассимиляции с внешней культурной средой. Йенгер предлагает определять контркультуры только через конфликт с доминирующей культурой и погружение в социально-психологические теории поведения и

формирования групп. Для контркультур, особенно городских, характерна путаница в ценностях и ослабленный социальный контроль.

Дальнейшая популяризация понятия контркультуры принадлежит американскому социологу и культурологу Т. Рошаку; в своей книге «Истоки контркультуры» (2014) он рассматривает основные проявления контркультуры в молодежных движениях Западной Европы и США как проявление протеста против техногенного общества и навязанных стереотипов традиционных ценностей. Среди таких движений он выделял контркультуру битников («разбитое поколение»), «новых левых» («радикальное поколение») и хипстеров («независимое поколение»).

Из работы Рошака для дальнейшего рассмотрения темы необходимо вычленить следующие тезисы:

1) «Контркультура предлагает нам уйти от старой скептической светской интеллектуальности, служившей основным двигателем трехсотлетней научно-технической деятельности Запада». (Рошак,2014: 82). Традиции для молодежи стали синонимами именно бездушного деформированного технологического общества.

2) Критикуя техногенное общество, Рошак утверждает, что элита монополизирует право на уничтожение метафизических оснований и навязывает стандарт изобильной и комфортной жизни, где нет места настоящим духовным ценностям. Автор подчеркивает, что культивация формализма в общении и потребительской культуры вызвала зарождение современных контркультурных тенденций.

3) Доминирующая культура стремится с помощью обыденного сознания разделить мир на неважное «здесь внутри» и важное – объективное «там снаружи». (Рошак,2014: 119). Объективность, с точки зрения Рошака, приводит к восприятию обыденного мира как отчужденной и опустошенной среды и стимулирует интерес молодежи к психоделическим экспериментам, контролируемому изменению сознания с помощью химических средств, мистических практик и культивации свободы творчества.

На основании сформулированных тезисов можно охарактеризовать контркультуру как хаотичную переоценку ценностей, которая предполагает уход в романтичные поиски новых смыслов, новых эмоций и мировоззрения, где индивидуальное превозносится, а все глобальное и социальное демонстрируется как заведомо ложное и мыслимое в категориях давления, принуждения и формализма.

Но парадокс контркультур заключается в том, что молодежные контркультуры всегда существуют только в координатах борьбы и взаимоотношений с материнской культурой и не могут существовать автономно. Стихийность контркультур – это управляемая стихийность, особенно это отразилось в протестных молодежных движениях 1950–1970-х гг., и она тоже имеет свои стереотипные формы. Виды могут отличаться, но не цели. Контркультуры на Западе – это средство управления, которые служит целям

отвлечения молодежи от активного и плодотворного участия в жизни государства и созидания духовно здорового благополучного общества. (Пацула, Колесникова, 2022:29).

Содержание традиционных ценностей

В свою очередь, российское законодательство дает четкую формулировку традиционным ценностям: «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» (Указ … , 2022: Электронный ресурс).

Также существует конкретный список традиционных ценностей, к которым относятся «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» (Указ … , 2022: Электронный ресурс).

Если сконцентрироваться на рассмотрении наиболее широких смыслов традиционных ценностей, то будет очевидно, что они отражают коллективные преемственные нормы многих поколений и хранят в себе идею эффективного, глубокого межличностного общения как способа бытия внутри отдельно взятой семьи, группы, народа.

Традиционные ценности – это этические константы и мерило гармоничного существования жизнеспособного общества, для которого общее и вечное обладает большей ценностью, чем индивидуальное и ситуативное. Традиционные ценности, в некотором смысле, это различающий барьер, обеспечивающий фильтрацию всех культурных реалий и тенденций – как внутри материнской культуры, так и за ее пределами. Традиционные ценности созидают глубокое межличностное многоуровневое общение с принятием инаковости собеседника и построением собственного опыта разного вида отношений в непосредственной объективной действительности.

Обладая эталонными установками о том, какие ценности должно транслировать общество, можно оценить опасности и риски тех молодежных культурных феноменов, что приходят с Запада, в частности – феномена автономного сознания или тульповодства.

Феномен автономного сознания

Тульповодство – практика самовнушения, в которой люди, идентифицирующие себя тульповодами, стремятся создать тульпу – автономную личность, обладающую сознанием.

Слово «тульпа» заимствовано из тысячелетней практики тибетского буддизма и определяется через тантрическую практику визуализации пантеона тибетских божеств, где опытный медитирующий монах под руководством духовного учителя создает иллюзорное божество – автономную личность, которая позволяет ему осознать тщетность бытия, так как сам монах не считает эту личность реально существующей (Juliani, 2020). В 1930-х годах тульпы впервые привлекли внимание западного общества благодаря рассказам писательницы А. Давид-Неэль, описавшей, как она сама создала и впоследствии рассеяла тульпу, находясь в Тибете (Давид-Неэль, 2010).

Далее этот феномен был трансформирован теософской средой и попал в поле зрения онлайн-сообществ в 2012 году среди брони – фанатов шоу «Мой маленький Пони», где активно обсуждалась возможность создания разумных существ, которые напоминали пони и обладали автономным сознанием(Hale, 2024). Затем появилось большое количество специализированных сайтов и форумов (http://tulpa.info;http://reddit.com/r/tulpas,https://vk.com/tulpae), где представлены подробные инструкции и всевозможные ресурсы, как создавать тульп; также существует огромное количество фанфиков и фанарта, и собственно, сам язык практики тульповодства. Автономное сознание тульпы появляется не сразу, это результат форсинга – многоступенчатого медитативного процесса по созданию личности тульпы и ее развитию для эффективной коммуникации с хостом – хозяином тульпы.

Зарубежные исследования утверждают, что большинство тульпамантов проживают в крупных городах США, Канады, Великобритании, Австралии, и России (Москва, Санкт-Петербург и Волгоград). Кроме того, сообщается, что типичный хост имеет возраст от 14 до 34 лет; и чаще всего, он принадлежит к среднему классу, имеет высшее образование и обладает развитым воображением. Также есть данные о распространенности психических заболеваний среди создателей тульп. В основном, это депрессия, тревожное расстройство, аутизм. Часто мотивом для увлечения тульповодством служит опыт экзистенциального одиночества и ограниченности социальной жизни. (Veissière, 2015)

Западные исследователи, в основном, видят в тульповодстве положительные моменты, так как оно способствует успокоению, улучшению интуиции и памяти, а также получению новых навыков в обработке информации и решению проблем с коммуникацией.

Заключение

Подводя итоги нашего анализа, необходимо отметить, что в западноевропейской научной публицистике феномен тульповодства оценивается нейтрально или, скорее, позитивно. В основном, тульпы интерпретируются как порождения синтеза интернет-культуры с миром воображения, который позволяет создать новый тип идеальных отношений с виртуальным существом,

полностью удовлетворяющим все коммуникативные потребности человека. (Stager, 2016: Электр. ресурс)

Таким образом, мы видим, что тульповодство на Западе не расценивается как контркультура – скорее, это перспективная субкультура, от которой ожидают настоящего прорыва в области новых уровней межличностных коммуникаций и опытов, а также психотерапии, когнитивных теорий и т. д. Более того, тульповодство чревато появлением новой этики, потому что статус тульпы становится проблемой, и об этом свидетельствует вся серьезность отношений тульпамантов с их тульпами. В научных статьях по тульповодству сами тульпы опрашиваются наравне с реальными людьми, их мнение учитывается и изучается. Более того, тульповод несет ответственность за тульпу, ее убийство и насилие над ней недопустимо, ее мнение обладает ценностью, иногда она может получить полный контроль над телом хоста.

Используя положение о том, что традиционные ценности – это фундаментальные понятия, необходимые для глубокого межличностного общения, где сложная инаковость реально живущего человека является сама по себе уникальным опытом раскрытия смысла вечных категорий в единичном, необходимо выделить тезисы, почему тульповодство – это контркультура и чем она грозит современной молодежи.

1) Доминирующая российская культура, проявляющая себя через традиционные ценности, транслирует исторически сложившиеся мировоззренческие идеалы, и все они призваны вдохновлять человека активно взаимодействовать с другими людьми в реальном мире, несмотря на сложности в общении и другие условия, которые противоречат комфорту.

2) Тульповодство – тихая контркультура, так как она призывает тратить личностные ресурсы человека на создание объекта, способствующего его изоляции от общения с людьми. Несмотря на активное сообщество тульповодов, их коммуникация выстроена вокруг ценности фантастического невидимого мира и тех эмоций, которые он вызывает.

3) Тульповодство – это погружение в комфорт искусственной пустой социальности, где человек сознательно ограничивает свое реальное социальное взаимодействие, которое требует значительных усилий и постоянного развития. личностных качеств. Любой рост личности в общении с тульпой становится рекурсивной обратной связью, которая заканчивается там же, где и началась. (Juliani, 2020: Электр. ресурс)

Таким образом, феномен автономного сознания – это серьезный повод задуматься о том, какие последствия даст безоценочное отношение к новым формам культуры. Если для либеральной Европы такая деконструкция ценностей – это реальность, где каждый в угоду собственному индивидуализму ищет для удобную идентичность и новые варианты досуга, то для современной российской действительности, где традиционные ценности являются важным

культурообразующим фактором, тульповодство – это явление, которому необходимо дать философскую и этическую оценку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Давид-Неэль, А. (2010) Магия и тайна Тибет М. : Центрполиграф.317 с.

Пацула, А. В., Колесникова, Е. Д. (2022) Молодежная контркультура на Западе// Вестник образовательного консорциума среднерусский университет. Серия гуманитарные науки. №24. С. 28–31.

Рошак, Т. (2014) Истоки контркультуры М.: АСТ. 384 с.

Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей:». [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/// (дата обращения: 06.12.2025)

Hale, E. (2024) The Inner Vehicle: Prayer, Tulpamancy, and the Magic of the Mind// Religion in transition Vol. 7, pp.49–66.

Juliani, A. (2020) On Tulpas : An analysis of imagined others. University of Oregon, URL: https://www.academia.edu/download/41047885/On_Tulpas (дата обращения: 07.12.2025).

Stager, N. J. (2016) A Time for Tulpas: Technology, Language, and the Study of Religion URL: https://www.academia.edu/download/57905206/ATimeForTulpas (датаобращения: 07.12.2025).

Veissière, S. (2016). Varieties of tulpa experiences: The hypnotic nature of human sociality, personhood, and interphenomenality. // Hypnosis and meditation: Towards an integrative science of conscious planes: Oxford University Press. pp. 55–74.

Yinger, J. M. (2013) Contraculture and Subculture // American Sociological Review, Vol. 25 (5), pp. 625–635.

Дорофеева Анастасия Сергеевна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Москва, Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374060021. Эл. адрес: anastasuwa_iv@mail.ru

Исследование дилемм и мер противодействия защите прав потребителей в сфере электронной коммерции в режиме реального времени в условиях технологического отчуждения

Research on the Dilemmas and Countermeasures of Consumer Rights Protection in Live Streaming E-commerce under the Background of Technological Alienation

Ди Сянтин
Пекинский объединенный университет
Di Xiangting[*]
Beijing Union University

Abstract. In the era of artificial intelligence, the alienation of legal technology has triggered numerous consumer rights protection issues. This paper conducts an in-depth analysis of how technological alienation affects consumer rights in live-streaming e-commerce, including infringements on the right to know, fair trade rights, and privacy rights. It proposes targeted countermeasures such as improving laws and regulations, strengthening technological supervision, clarifying responsible entities, and enhancing relief mechanisms. The aim is to establish a comprehensive protection framework to safeguard consumer rights and promote the healthy and sustainable development of the live-streaming e-commerce industry.

Keywords: Technological alienation; Live-streaming e-commerce; Consumer rights protection

I. Introduction

As a new online marketing model, live-streaming commerce leverages internet technology to facilitate marketing activities through live broadcasts, representing a perfect integration of live streaming and online shopping. Since Taobao initiated online live streaming in 2016, heralding the birth of the live-streaming industry, platforms like Kuaishou and Douyin have successively joined the live-streaming commerce trend, leading to its vigorous development across various online platforms. However, behind the technological empowerment of live-streaming commerce, consumer rights are frequently infringed upon. Therefore, conducting an in-depth study on the challenges and countermeasures for protecting consumer rights in live-streaming commerce under the background of technological alienation holds significant practical importance.

II. The Development of Live Streaming Commerce in the Context of Technological Alienation

As the first emerging e-commerce marketing model, live streaming sales not only demonstrate the application level of virtual technology, but also expand people's emotional expression and online shopping formats, attracting a large number of consumers and merchants to participate. According to data from the "China Internet Audiovisual Development Research Report (2025)", as of December 2024, China's live

[*] Di Xiangting, Beijing Union University, Master of Laws (LLM) student.

streaming user base reached 833 million, a year-on-year increase of 17.37 million, accounting for 75.2% of the total internet users, with the live streaming sales market continuing to expand. However, frequent infringement phenomena caused by algorithm recommendation technology and industry chaos have posed significant challenges to consumer rights protection.

III. Dilemmas in Protecting Consumer Rights in Live streaming E-commerce Under Technological Alienation

(1) Primary Types of Consumer Rights Infringement

Violation of the Right to Know

During live broadcasts, some hosts utilize virtual technology to embellish products and exaggerate their functions and effects, leading to consumers forming erroneous perceptions. For instance, in the cosmetics industry, hosts enhance the effects of makeup or skincare products with features like beauty filters, resulting in a stark disparity between the actual usage outcomes and those showcased in the livestream. Consumers make purchasing decisions based on false information, thereby falling into a predicament where their right to informed choice is infringed upon. The right to fair trade is compromised

In live-streaming sales, technological alienation severely infringes upon consumers' right to fair trade. Merchants utilize big data analysis to mine consumer data and implement differential pricing, violating the principle of price fairness and undermining the equity of market transactions. Simultaneously, the "information cocoon" formed by algorithmic recommendations confines consumers to limited product information, further exacerbating the infringement of fair trade rights and making it difficult for consumers to obtain goods at reasonably consistent prices.

The right to privacy is violated

Under the phenomenon of technological alienation, instances of infringing upon consumers' personal information and privacy rights frequently occur. Some platforms and merchants excessively collect and misuse such data without consumers' full authorization, even selling it to third parties, leading to privacy breaches and exposing consumers to risks such as harassing calls, spam emails, and targeted scams.

(II) Analysis of the Causes of Rights Protection Dilemmas

Lagging Laws and Regulations

Currently, laws and regulations in the live-streaming e-commerce sector remain incomplete, lacking clear provisions and constraints to address new issues arising from technological alienation. Existing legal frameworks exhibit gaps or deficiencies in areas such as data protection, algorithmic oversight, and the application of virtual technologies, rendering them ineffective in tackling consumer rights protection challenges triggered by technological alienation.

High Regulatory Difficulty

Live-streaming e-commerce involves multiple stakeholders, including hosts, merchants, platforms, and numerous third-party service providers, resulting in a lengthy regulatory chain and complex accountability delineation. Technological

alienation further complicates regulation, as the complexity of algorithms and the opacity of data hinder regulatory authorities in obtaining information and identifying problems. Additionally, the cross-regional and real-time nature of live-streaming e-commerce poses further challenges to oversight.

Inadequate Platform Accountability

Live-streaming platforms bear significant responsibility in protecting consumer rights. However, some platforms, driven by commercial interests, fail to rigorously vet merchants and hosts or effectively monitor live-streaming content. Vulnerabilities also exist in data protection, with platforms falling short in safeguarding consumer privacy and security.

Consumer-Related Factors

Consumers often exhibit impulsive purchasing behavior and lack discernment when shopping via live streams. Some consumers overly rely on influencer recommendations and celebrity endorsements, lacking in-depth understanding of product information, making them susceptible to false advertising.

IV. Countermeasures for Protecting Consumer Rights in Livestreaming E-commerce under Technological Alienation

(1) Improving Laws and Regulations to Strengthen Legal Governance

In response to the characteristics of the live-streaming e-commerce sector and the issues arising from technological alienation, specialized laws and regulations should be formulated to clarify the rights and obligations of all parties involved. The relevant laws, such as the "Consumer Rights Protection Law," should be improved to explicitly define the special rights of consumers in live-streaming shopping, thereby providing a stronger legal basis for consumer rights protection.

(2) Strengthening Technical Supervision and Standardizing Technology Applications

Establish specialized technical regulatory agencies responsible for overseeing the application of technologies in live-streaming e-commerce. Standardize the use of virtual technologies by formulating application guidelines for virtual technologies in live-streaming e-commerce, clarifying the authenticity requirements and boundaries for virtual technology displays.

(3) Clarifying Accountability and Enhancing Industry Self-Regulation

Accountability among all parties should be clearly defined, delineating the responsibilities of hosts, merchants, platforms, and other relevant entities in livestreaming e-commerce. Industry self-regulation should be strengthened by promoting the establishment of trade associations and formulating industry standards and self-discipline agreements. A credit evaluation system for livestreaming e-commerce entities should be developed to assess and publicize the creditworthiness of hosts, merchants, and platforms.

(4) Improving Redress Mechanisms and Empowering Consumers

Live streaming sales platforms should establish convenient and efficient dispute resolution mechanisms, strengthen collaboration with consumer associations and

regulatory authorities, and promptly handle complaints and disputes. They should also enhance consumer education, popularize knowledge and regulations on live streaming sales, guide rational consumption, and provide consumers with rights protection guidance to assist them in safeguarding their legitimate rights and interests.

V. Conclusion

Against the backdrop of technological alienation, live-streaming commerce faces multiple challenges in consumer rights protection. By improving laws and regulations, strengthening technological oversight, clarifying accountability entities, and enhancing redress mechanisms, a comprehensive consumer rights protection system can be established. This not only safeguards the legitimate rights and interests of consumers but also promotes continuous innovation and progress in the e-commerce sector.

REFERENCES

[1]Chi Shuai. Freedom and Risk: The Network Live Streaming Community Constructed by Virtual Technology [J]. Social Science Journal, 2021, (05): 66-73.

[2]Qu Liang, Zhang Zhimin, Liu Jin. Research Framework for the Integration and Construction of Artificial Intelligence Algorithm Technology Alienation: A Logical Perspective of "Connotation Characteristics - Alienation Attribution - Algorithm Governance" [J]. Science and Technology Management Research, 2023, 43(21): 238-246.

[3]Lai Chengyu. The Legal Principles and Consumer Protection in Celebrity Live Streaming Sales [J]. Journal of China University of Political Science and Law, 2021, (05): 195-211.

[4]Zhang Hanwen. Research on Consumer Rights Protection in Live Streaming Sales [J]. China Price Regulation and Anti-Monopoly, 2025, (04): 50-52.

Исследование проблем авторского права при оцифровке культурного наследия

Research on Copyright Issues in the Digitalization of Cultural Heritage

Дин Юань
Пекинский объединенный университет
Ding Yuan
Beijing Union University

Abstract. In the digitalization of cultural heritage, copyright issues abound. The originality of 3D digital models is controversial, ownership of digitalized heritage is complex with high infringement risk. Practically, copyright objects are hard to identify, the legal system lags in adapting to digital growth, cross – border transactions face legal risks, and law enforcement and judiciary encounter challenges. To solve these, a knowledge – sharing agreement can be set up. Coordinating law, technology, and cultural ethics, it helps with cultural heritage inheritance. A dynamic hierarchical authorization mechanism can be built to differently confirm rights of digital assets from various funding sources, promoting sustainable digitalization of cultural heritage.

Keywords: digitalization of cultural heritage; copyright; originality; knowledge – sharing agreement

I.Theoretical Basis of Copyright Law in the Digitalization of Cultural Heritage The digitalization of cultural heritage uses digital technology to preserve, process, and disseminate the material and intangible content of cultural heritage. Relevant charters of UNESCO have expanded the concept of heritage. However, in the process of digitalization, the definition of digital models is ambiguous. Whether 3D digital models belong to "works" is controversial. The criteria and determination of their originality are difficult, and the originality requirements of the current copyright law are hard to apply. According to the Copyright Law, a work must have originality, which means that the author has invested intellectual labor and made creative choices. If the digitalized results of cultural heritage only reproduce the original appearance of cultural relics without any personalized expressions from the creator, they are usually not considered to have originality and do not belong to works in the sense of copyright law.

II. Copyright Dilemmas in the Digitalization Scenario

(i)Difficulty in Identifying the Object

In the context of the digitalization of cultural heritage, there is a significant difference between the objects protected by copyright law and the actual situation, which is mainly reflected in the legal determination of 3D scanned digital models. The current copyright law mainly protects traditional art works, and the identification criteria are well - established. However, whether 3D scanned digital models belong to "works" is controversial. They are generated by scanning real - world physical objects, and in some cases, they are created only by the mechanical operation of scanning devices without substantial human creative intervention. Their "originality" is questionable, and traditional determination methods cannot be directly applied. Even

if they are considered for protection, the criteria and determination of originality need to be clarified.

Scanning technology is objective and mechanical. A scanned model of an ordinary building may just be an accurate copy. However, in the case of scanning cultural relics, the choices and processing of technicians may endow the model with originality. In judicial practice, different courts have different identifications, which increases the uncertainty of the determination. At present, the status of 3D scanned digital models in copyright law is unclear, and more legal interpretations, case analyses, and theoretical studies are needed to balance innovation and protection.

(ii) Inadequate Adaptation of the Legal System

Under the wave of the digitalization of cultural heritage, the copyright law and related private - right protection mechanisms have exposed many problems, and the current private - right protection system is facing challenges. In terms of trademark right protection, when digitalized elements of cultural heritage are used in commercial activities, trademark registration can protect their commercial value. However, the regulations on trademark registration for cultural relics or historical sites are imperfect, which makes it easy for malicious trademark registration to occur, damaging the reputation of cultural heritage and the interests of right - holders and disrupting fair market competition. In terms of patent right protection, the new technologies and methods involved in the digitalization of cultural heritage meet certain patent - granting conditions, but the applicability of the current patent law in this field is controversial. The scope and term of patent protection are complex to define, and the review criteria are not unified, which affects the enthusiasm of innovation subjects and the development of technology. There are also dilemmas in trade - secret protection. The unpublicized information accumulated in cultural heritage digitalization projects is of high value and confidentiality, but the current trade - secret protection system lacks targeted regulations. After the information is leaked, it is difficult for right - holders to obtain effective relief.

In addition, when the digitalized results of cultural heritage are commercially utilized, the legal update lags behind technological development, and cross - border e - commerce transactions face complex legal risks. In the law - enforcement and judicial processes, due to insufficient understanding of relevant technologies and cultural backgrounds and difficulties in evidence collection, it is difficult to accurately apply the law.

III. Innovative Approaches to Copyright Governance Oriented by Cultural Heritage

(i) Establishing a Knowledge - Sharing Agreement

In the context of the accelerated digitalization of cultural heritage, the knowledge - sharing agreement has emerged as an innovative digital copyright model. Proposed by the United States in 2001, it provides a flexible management mechanism for the copyright of cultural and creative works in the public domain, promoting the dissemination and sharing of knowledge.The Metropolitan Museum of Art in New York opened about 400,000 digital images of artworks in the public domain. Users can freely download, modify, and use them commercially without attribution, which has

spawned a large number of derivatives and expanded cultural dissemination. The knowledge - sharing agreement can manage rights flexibly because it takes into account the public attributes of cultural heritage and the needs of copyright protection, breaking the closed definition of traditional copyright. However, its successful implementation depends on the coordination of law, technology, and cultural ethics. Legally, relevant regulations need to be improved to clarify its status and scope of application and avoid legal conflicts in cross - border dissemination.

(ii) Dynamic Hierarchical Authorization Mechanism

In the current context of the vigorous development of the digitalization of cultural heritage, it is crucial to construct a reasonable and effective copyright confirmation mechanism. A differential copyright confirmation strategy can take into account both the public attributes of cultural heritage and market vitality. Digital assets developed with public financial funds originate from public resources and aim to serve the public and promote cultural dissemination and sharing. In the Dunhuang Murals National Sharing Program, the digitalization project of Mogao Caves allows non - commercial use and academic research under the knowledge - sharing agreement, while direct commercial use and use as AI training data are prohibited, protecting the uniqueness and authenticity of cultural heritage.Digital assets of cultural heritage developed with market - oriented capital should be granted clear exclusive copyrights. For example, Tencent's 3D digital modeling project of Lijiang Ancient Town achieved investment returns by obtaining exclusive commercial development rights and a share of ticket revenue,which stimulated the enthusiasm of market subjects, provided support for the digital protection and dissemination of cultural heritage, and promoted the development of the industry.

REFERENCES

1. Alexander Savelyev(2018).Copyright in the blockchain era: Promises and challenges in Computer Law & Security Review: The International Journal of Technology Law and Practice,230-235.

2. Xie, S. Y. (2025). Research on the Intellectual Property Protection of Intangible Cultural Heritage in the Digital Age. Liaoning Silk, 2025(2), 175-177.

3. Li, X., & Cao, W. Z. (2025). Opportunities, Challenges, and Improvements: Copyright Protection for the Digitalization of Intangible Cultural Heritage. Journal of University of Shanghai for Science and Technology (Social Science Edition), 8-12.

4. Yi, L. (2022). Private - right Protection of the Digitalized Results of Cultural Heritage: Value, Achievements and Institutional Adjustment. Journal of Political Science and Law, 2022(2), 31 - 34.

Риски, связанные с данными, генерируемыми искусственным интеллектом, и нормативно-правовая база

Generative Artificial Intelligence Data Risks and Legal Regulatory Framework

Дэн Фэнлинь
Пекинский объединенный университет
Deng Fenglin
Beijing Union University

Abstract. Generative AI delivers societal benefits but introduces cross-lifecycle risks: unlawful data collection (passive/active modes) violates PIPL and national sovereignty; algorithmic opacity ("black-box" systems) and biases erode accountability and propagate disinformation; insecure storage exacerbates systemic breaches. Mitigation requires risk-tiered data governance, algorithmic transparency, statutory ethics oversight, and strict liability for custodians. China must enact specialized legislation harmonizing algorithmic governance with privacy safeguards, institutionalize ethics-by-design, and cultivate compliance ecosystems to align innovation with sovereign security imperatives.

Keywords: AIGC; data risks across the entire lifecycle; comprehensive legal chain regulation.

I. Issues Raised

Generative AI (exemplified by ChatGPT), powered by large language models (LLMs), achieves technological breakthroughs through self-reinforcing data ecosystems formed via web scraping and human-AI interactions, underscoring data quality's foundational role alongside algorithms and computing power. This advancement introduces multifaceted risks: personal data breaches fueling fraud, intellectual property infringements destabilizing innovation ecosystems, data monopolization distorting competition, and deepfake proliferation eroding societal trust. China's Interim Measures for Generative AI Management establishes a baseline regulatory framework but faces systemic gaps-ambiguity in risk scenario delineation, undefined liability standards, and fragmented interagency coordination. Urgent reforms require lifecycle risk governance spanning data collection, processing, and output, enforced through adaptive legal mechanisms to establish clear statutory boundaries for AI's ethical and operational parameters.

II. Data Security Risks in Generative Artificial Intelligence

(1) Data Input Phase: Compliance Risks in Data Sources

Generative AI systems rely on dual data acquisition modes: passive acquisition (user interactions) and active scraping (web harvesting). While passive modes obscure data scope/retention transparency—violating Personal Information Protection Law (PIPL) principles of informational self-determination—active modes risk unlawful collection of personal/proprietary data absent explicit consent, a PIPL

mandate for citizen data processing, further complicated by prohibitive consent management costs.

Moreover, GAI's algorithmic deep mining risks privacy-invasive profiling, while unauthorized text corpus replication and non-compliant cross-border data transfers (involving confidential/high-density datasets) undermine IP rights and national data sovereignty. Strengthening PIPL-aligned consent frameworks and extraterritorial data flow controls is critical to mitigate legal-geopolitical exposures and safeguard China's strategic security-tech autonomy.

(2) Data Processing Phase: Algorithmic Black Box and Bias

Generative AI systems' efficacy relies on interdependent data-algorithm dynamics, yet inherent algorithmic opacity ("black-box" logic) undermines security validation and user verification, exacerbated by trade secret protections that violate procedural fairness and technological due process. In high-stakes sectors, such opacity fuels overreliance on flawed outputs, escalating systemic risks.

Concurrently, GAI's text-generation tools—via curated datasets and parameter tuning-embed institutional biases, codifying developer-preferred ideologies. Prolonged exposure distorts decision-making and polarizes discourse. Mitigation requires algorithmic transparency mandates and independent audits to enforce anti-discrimination compliance under China's AI governance regime, ensuring public interest alignment.

(3) Data Output Phase: Data Misuse

Generative AI systems, reliant on algorithmic-data dependencies, lack human factual discernment, predisposing them to disinformation propagation from flawed training data, biases, or systemic flaws. Malicious actors exploit these vulnerabilities to weaponize GAI, distorting public cognition in unverified information ecosystems.

Deep synthesis technologies enable hyper-realistic fabrication of biometric/multimedia content, facilitating cybercrimes like defamation (Civil Code Art. 1024) and financial fraud. These acts threaten cybersecurity, economic stability, and societal harmony. Mitigation requires synthetic media authentication standards, AI-driven detection tools, and cross-jurisdictional enforcement of Cybersecurity Law anti-fraud provisions to safeguard digital governance and reputational integrity.

(4) Data Storage Phase: Data Leakage

Generative AI (GAI), reliant on massive datasets for model training, inherently expands its attack surface through data-intensive operations, escalating breach risks with cross-dimensional impacts. These risks crystallize in three critical forms: privacy rights infringements from unauthorized exposure of sensitive personal data; trade secret breaches due to operational/model vulnerabilities, triggering unfair competition claims; and state secret compromisesinvolving defense, diplomatic, or economic data, threatening national security and global standing. Under China's Data Security Law, developers must implement tiered protection regimes, real-time anomaly detection,

and appoint data security officers to align with GDPR-style accountability. Mitigation requires encryption, strict access controls, and sovereignty-centric data flow governance to preempt adversarial exploits.

III. Pathways for Regulating Data Risks in Generative Artificial Intelligence

(1) Data Input Phase: Regulatory Measures for Data Source Compliance Risks

China must adopt EU-inspired risk-tiered market with pre-market vetting and transparency mandates for high-risk GAI, coupled with provenance disclosure protocols to ensure PIPL and national security compliance. Developers must implement privacy-by-design and audits to prevent tampering.

Under the Data Security Law, enterprises enforce graded data protection with severity metrics, internal compliance programs, and strict PIPL-aligned exclusion of non-consensual data. This harmonizes global regulatory models with China’s sovereign priorities, ensuring innovation adheres to ethical-legal safeguards.

(2) Data Processing Phase: Algorithmic Risk Regulation

The algorithmic opacity inherent in generative AI systems exacerbates ideological security risks through unaccountable decision-making, necessitating robust transparency mandates. China's Interim Measures for Generative AI Management advances regulatory oversight by requiring developer disclosure of training data provenance and algorithmic mechanisms—a shift from non-binding interpretability guidelines. However, its exclusion of data subjects from explanatory rights and vague disclosure thresholds perpetuate accountability gaps. Lessons from the EU's GDPR and the U.S. Algorithmic Accountability Act highlight the imperative to integrate ex post tools with collaborative enforcement (rumor debunking systems, user reporting channels) for risk-proportionate governance aligning algorithmic accountability with constitutional safeguards.

(3) Data Output Phase: Regulatory Measures for Data Misuse Risks

Generative AI's socioeconomic promise is counterbalanced by systemic data misuse risks, necessitating codified ethics frameworks ("human-centric, ethics-first") enforced via pre-market reviews by national AI ethics committees. A multistakeholder regulatory regime must mandate ex ante algorithmic impact assessments, regulatory sandboxes, and technical disclosure for auditability. Enterprises must adopt adaptive compliance measures-encryption, de-identification, access controls-informed by models like OpenAI's accountability protocols. China's Data Security Law and PIPL demand co-regulatory collaboration to balance innovation with national security, IP rights, and privacy safeguards.

(4）Legal Advisory on Data Storage Risk Mitigation in GAI

Generative AI's rapid expansion demands urgent mitigation of high-risk data leakage at the storage phase. China's Data Security Law obligates developers to implement tiered protection systems (classifying data by sensitivity, source, and breach impact) and real-time monitoring to detect anomalies like unauthorized access, supplemented by periodic risk assessments for system vulnerabilities. Developers must

appoint data security officers to oversee compliance, aligning with GDPR-inspired accountability frameworks. Contingency plans must detail breach response protocols, encryption/de-identification measures, and mandatory reporting to regulators/users, ensuring minimal harm and systemic stability. This integrated approach balances innovation with sovereign data security imperatives.

IV. Conclusion

OpenAI's 2024 GPT-3 advancements via Chain-of-Thought reasoning highlight generative AI's transformative potential and governance challenges. China's Interim Measures for Generative AI Management establishes foundational regulation but must dynamically address escalating data security, algorithmic accountability, and societal risks. Future governance requires principles-driven frameworks integrating legislative agility, human-centric ethics, and auditable compliance. Strengthening user data sovereignty ensures alignment with public interest boundaries. Institutionalizing this approach positions China as a global leader in ethical AI governance, balancing innovation with constitutional safeguards.

REFERENCE

1. 参见钭晓东:《论生成式人工智能的数据安全风险及回应型治理》,载《东方法学》,2023年第5期,第106-116页.

2.参见汪庆华:《人工智能的法律规制路径:一个框架性讨论》,载《现代法学》,2019年第41期,第54-63页.

3.参见王玎:《论数据处理者的数据安全保护义务》,载《当代法学》,2023年第37期,第40-49页.

Исследование по активизации и использованию сельских приусадебных участков с точки зрения взаимосвязи «Человек – общество – природа»

Study on the Activation and Utilization of Rural Homesteads from the Perspective of «Human – Society – Nature» Relationship

Е Тяньи
Колледж прикладных искусств и науки
Пекинского объединенного университета
Ye Tianyi
College of Applied Arts and Science
Beijing Union University

Abstract. Rural homesteads are fundamental resources for farmers' livelihood, undertaking dual functions of safeguarding basic residential rights and maintaining social stability. Against the backdrop of rural revitalization, activating idle homesteads is essential to unleash the developmental vitality of land resources. From the research perspective of the "human-society-nature" relationship, this paper analyzes the significance and value of homestead activation and utilization. Further analysis reveals key legal issues in current practices: insufficient realization of homesteads' economic attributes, practical constraints on activation, and inadequate protection of farmers' rights. Targeted countermeasures are proposed to provide an operational paradigm that balances local adaptability and national universality for homestead reform.

Keywords: Activation and utilization of rural homesteads; "Human-society-nature" perspective; Legal issues

Introduction

No. 1 Central Document of 2018 proposed improving mechanisms for farmers to activate idle homesteads and rural houses, exploring the separation of ownership, eligibility rights, and use rights (the "three rights separation") of homesteads to address challenges in rural revitalization. This reform aims to consolidate collective ownership of homesteads, leverage collective management to ensure rational use, protect farmers' eligibility rights through registration to clarify rights holders, and innovate use rights to break rigid usage models, facilitate circulation, increase farmers' income, and drive rural economic development.

1. Significance and Value of Homestead Activation and Utilization

Rural homesteads, as the vital material safeguards for farmers' livelihoods; the crucial lever for boosting the rural economy and the essential foundation for advancing ecological civilization. The significant implications of revitalization and utilization of homesteads are as follow:

1.1 Value for Individual Farmer

Activating homesteads endows farmers with more property rights, directly increasing their economic returns. Farmers can convert idle resources into assets

through self-operation, leasing, or equity participation—for example, developing new formats like homestays and e-commerce. Voluntary homestead withdrawal offers compensation and equity dividends. Policies emphasize protecting farmers' rights to information, participation, and revenue to prevent rights violations. Involvement of returnees and social enterprises provides employment and skills training, enabling shared benefits. This not only reduces urban migration-induced resource idleness but also narrows urban-rural gaps through property income, contributing to common prosperity.

1.2 Value for Social Development

Against the backdrop of China's urban-rural dual system, efficient land use is crucial for rural economic growth. Activating homesteads promotes rural industrial upgrading and social resource integration. Developing integrated projects like leisure tourism and cultural experiences revitalizes rural economies, preserves rural culture, improves living environments, and advances urban-rural integration. It also optimizes land allocation, alleviating urban construction land shortages.

1.3 Value for Ecological Environment

Environmental protection, a universal goal across cultures and regions, is advanced through intensive homestead development and ecological governance. Reclaiming idle homesteads for cropland or ecological use restores damaged ecosystems. Regions integrating green agriculture with tourism—such as flower cultivation and low-carbon homestays—beautify environments and reduce land pollution. Transforming homestead functions into "production-living-ecology" comprehensive use, reducing waste and aids carbon neutrality, providing an eco-friendly path for rural revitalization.

2. *Legal Obstacles in Homestead Activation*

In current practices of rural homestead revitalization and utilization, there are typical issues such as insufficient utilization of the economic attributes of homesteads, legal restrictions on revitalization practices, and inadequate protection of farmers' rights and interests, which collectively hinder the progress of homestead activation.

2.1 Inadequate Realization of Economic Attributes

Current laws define homestead use rights as usufructuary rights but restrict rights to derive benefits and dispose of properties, limiting their economic value. The prohibition on mortgaging homestead use rights weakens their property attributes. While these restrictions aim to safeguard farmers' living and residential rights as a vulnerable group, evolving economic needs and rural land structures demand expanding these rights.

2.2 Practical Constraints on Activation

2.2.1 Lease Terms

In the first place, lease terms are capped at 20 years by law. For enterprises, long-term stability is needed for strategic planning (e.g., branding and customer cultivation).

Homestay investments, for instance, have long payback periods due to high upfront costs; a 20-year cap risks profitability just as returns emerge, dampening investment desires.

2.2.2 Scope of Transfer

In another aspect, while policy encourages exploring transfer mechanisms, homesteads can only be transferred within the same while rural collective economic organizations, excluding external buyers. Limited purchasing power within collectives hinders market-driven circulation, necessitating broader participation to unleash economic value.

2.3 Inadequate Protection of Farmers' Rights

After withdrawing homesteads, farmers lack unified compensation standards and post-withdrawal housing security. Public services like healthcare and education are unlinked to withdrawal mechanisms, creating fears of "losing security upon losing land". Urban-relocated farmers often face insufficient compensation relative to urban living costs, reducing withdrawal willingness due to incomplete mechanisms.

3. *Countermeasures for Homestead Activation*

In the next phase of reform, it is necessary to further unleash the economic value of homesteads, expand the scope of usufructuary rights, and grant income-generating capabilities. Establish flexible lease-term mechanisms and appropriately relax restrictions on the identity and scope of use-right transfers. To further safeguard farmers' rights, scientifically formulate compensation standards for voluntary and compensated homestead withdrawal and give full play to the coordinating role of rural collective economic organizations.

3.1 Expanding Usufructuary Rights

Homestead use rights should be legally reinforced to balance welfare protection and private property attributes. Allowing income generation through leasing (e. g., homestays) and mortgaging, while exploring specialized legislation, would enhance marketability and provide legal clarity, reversing undue suppression of their private law nature.

3.2 Relaxing Practical Restrictions

Establish a "20-year + automatic renewal" lease mechanism, allowing priority renewal after fulfilling environmental and land-use obligations, with market-adjusted rents to protect both parties. Meanwhile, permit cross-collective transfers to recognize off-collective homestead purchases, maximizing economic and market values.

3.3 Safeguarding Farmers' Rights

Compensation standards for voluntary withdrawal should integrate local conditions and market prices, with unified norms to regulate rights and obligations. Democratic consultation must respect farmers' desires，while rural collective economic organizations, as ownership entities, should clarify their roles to provide institutional support for reform.

4. Conclusion

Activating rural homesteads is critical for optimizing land use, increasing farmer income, and restoring ecology under rural revitalization. The effectiveness of this process directly impacts revitalization strategies. Continuous attention to institutional reforms and legal improvements is essential to protect farmers' rights, promote rural economic growth, and ensure efficient homestead use and healthy development of rural ecological civilization construction.

REFERENCES

1. Xia, Qin. "The Legal Construction Path of the Homestead Property Rights System: An Analysis Based on the Revitalization and Utilization of Homesteads"[J]. *China Rural Survey*, 2025, (02): 83–102.

2. Zhang, Yong; Zhou, Li. "Realization of Farmers' Rights and Interests in the Diversified Revitalization and Utilization of Rural Homesteads"[J]. Academic Journal of Zhongzhou, 2021, (04): 41–43.

3. Yang, Suiquan. "On the Confirmation of Homestead Qualification Rights and Its Legal Basis: From the Perspective of Property Attributes"[J]. China Land Science, 2020, 34(06): 35–40.

4. Yang, Qinggui. "The Theoretical Logic and Realization Path of Moderately Liberalizing Homestead Use Rights"[J]. Issues in Agricultural Economy, 2023, (07): 64–76.

Формализованная модель доказательного рейтинга студентов на основе адаптивного взвешивания компетенций

А. Ю. Евсеева, Д. Ю. Нечаев
Московский гуманитарный университет

Аннотация. Осуществляется постановка и приводится решение задачи формализации процесса формирования метакомпетенций через рефлексивное освоение деятельностных моделей.

Ключевые слова: цифровое портфолио, публикации в научном журнале, благотворительный марафон, цифровая платформа, сертификат от организаций, отзывы от наставников, ссылки на публикации, Фото/видео с архивом, метаданные, API-интеграция.

Постановка проблемы. В большинстве современных вузов России оценка внеучебной деятельности студентов основана на субъективных, неструктурированных и несопоставимых метриках (Нечаев, 2011), что приводит к системной несогласованности между активностью и развитием профессиональных компетенций в воспитания жизнеспособных поколений (Аналитическое исследование ... , 2025). Как отметила А. В. Костина, «складываются новые социальные отношения, основными акторами которых выступает пара: индивидуализированная личность — массовизированный индивид, обладающий абсолютно новыми характеристиками» (Костина, 2024: 231). Традиционные подходы оценки успехов, обучающихся (например, суммирование баллов по фиксированным весам) не учитывают:

- междисциплинарные различия в профилях подготовки;
- динамику значимости компетенций в зависимости от контекста;
- причинно-следственную связь между деятельностью и развитием навыков.

Это создает проблему валидности оценки: система измеряет поведение, а не результат обучения.

Формализация модели: адаптивный рейтинг на основе компетентностного анализа: Пусть:

- $\mathcal{S} = \{s_1, s_2, \dots, s_N\}$ — множество студентов;

- $\mathcal{C} = \{c_1, c_2, \dots, c_K\}$ — множество критериев внеучебной деятельности (научная деятельность, олимпиады, волонтерство и т. д.);

- $\mathcal{P} = \{p_1, p_2, \dots, p_M\}$ — множество направлений подготовки (профилей);

- $\mathcal{D}_i = \{d_{i1}, d_{i2}, \dots, d_{iK}\}$ — вектор достижений студента s_i, где $d_{ik} \in \mathbb{R}_{\geq 0}$ — количественная оценка достижения по критерию c_k (например, баллы за публикацию, часы волонтерства и т. п.);

- $\mathcal{K} = \{k_1, k_2, \dots, k_L\}$ — множество измеряемых профессиональных компетенций (например, критическое мышление, лидерство, коммуникация и т. д.);

- $\mathbf{W}_i = (w_{i1}, w_{i2}, \dots, w_{iK}) \in \mathbb{R}^K$ — вектор адаптивных весов критериев для студента s_i, где $\sum_{k=1}^K w_{ik} = 1$, $w_{ik} \geq 0$.

Функция отображения достижений на компетенции: каждое достижение d_{ik} отображается на вектор компетенций через матрицу $\mathbf{A} \in \mathbb{R}^{K \times L}$, где элемент a_{kl} — коэффициент влияния критерия c_k на развитие компетенции k_l.

Этот коэффициент определяется экспертно и/или обучается на исторических данных:

$$
\mathbf{a}_k = \left[a_{k1}, a_{k2}, \dots, a_{kL} \right]^\top \in \mathbb{R}^L
$$

Тогда вектор развития компетенций студента s_i вычисляется как:

$$
\mathbf{r}_i = \sum_{k=1}^K d_{ik} \cdot \mathbf{a}_k \in \mathbb{R}^L
$$

Адаптивное взвешивание весов критериев: веса w_{ik} определяются через логистическую регрессию, обученную на исторических данных студентов, для которых известны:

- $\mathbf{d}_i$ — вектор достижений;
- $p_i \in \mathcal{P}$ — направление подготовки;
- $y_i \in \{0,1\}$ — целевая переменная (например, получение стипендии, поступление в аспирантуру, трудоустройство).

Предлагаемая модель:

$$
w_{ik} = \frac{\exp(\beta_{k0} + \beta_{kp} \cdot \mathbb{I}(p_i = p) + \beta_{kd} \cdot d_{ik}^* + \varepsilon_k)}{\sum_{j=1}^K \exp(\beta_{j0} + \beta_{jp} \cdot \mathbb{I}(p_i = p) + \beta_{jd} \cdot d_{ij}^* + \varepsilon_j)},
$$

где:

- β_{k0} — базовый вес критерия c_k;
- β_{kp} — коэффициент коррекции веса в зависимости от профиля p;
- d_{ik}^* — нормализованное значение достижения (z-нормализация: $d_{ik}^* = \frac{d_{ik} - \mu_k}{\sigma_k}$);
- $\mathbb{I}(\cdot)$ — индикаторная функция;
- $\varepsilon_k \sim \mathcal{N}(0, \sigma_\varepsilon^2)$ — шум, учитывающий неучтенные факторы.

Веса w_{ik} динамически подстраиваются под профиль и историю студента, обеспечивая контекстную справедливость.

Итоговый рейтинг студента: итоговый рейтинг $R_i \in \mathbb{R}_{\geq 0}$ — взвешенная сумма достижений с адаптивными весами:

$$
\]

$$
R_i = \sum_{k=1}^K w_{ik} \cdot d_{ik}
$$

При этом доказательная ценность рейтинга усиливается за счет нормализованного вектора компетенций $\mathbf{r}_i$, который может быть использован для:

- построения персонального профиля развития;
- сравнения студентов в рамках профиля (через $\|\mathbf{r}_i - \mathbf{r}_{\text{avg}, p_i}\|_2$));
- прогнозирования успеха с использованием логистической регрессии $P(y_i=1 | \mathbf{r}_i)$).

Проверка соответствия модели требованиям и ее обучение — обучение модели происходит на ретроспективных данных:

$\mathcal{D}_{\text{train}} = \{ (\mathbf{d}_i, p_i, y_i) \}_{i=1}^T$ с использованием максимального правдоподобия:

$$
\hat{\boldsymbol{\beta}} = \arg\max_{\boldsymbol{\beta}} \sum_{i=1}^T \left[y_i \log P(y_i=1 | \mathbf{d}_i, p_i) + (1 - y_i) \log P(y_i=0 | \mathbf{d}_i, p_i) \right]
$$

Валидация проводится через:

- AUC-ROC для прогнозирования успеха (стипендия/трудоустройство);
- коэффициент корреляции Пирсона между R_i и y_i;
- кросс-валидацию по профилям для проверки адаптивности.

Контрольный пример — вычисление рейтинга для студента: пусть студент s_i — социолог, направление $p_i = \text{Социология}$, достижения:

- $d_{i1} = 80$ (научная конференция);
- $d_{i2} = 120$ (волонтерство);
- $d_{i3} = 30$ (олимпиада).

Нормализованные значения:

- $d_{i1}^* = 1.2$), $d_{i2}^* = 1.8$), $d_{i3}^* = 0.5$)

Параметры модели (после обучения) приведены в таблице 1.

Таблица 1

Параметры модели (после обучения)

Критерий	β_{k0}	β_{kp} (Социология)	β_{kd}
Волонтерство	0.2	0.4	0.3
Олимпиада	0.15	-0.1	0.1

Вычисляем логиты:

$$
\begin{aligned}
z_1 &= 0.3 + 0.15 + 0.2 \cdot 1.2 = 0.69 \\
z_2 &= 0.2 + 0.4 + 0.3 \cdot 1.8 = 1.14 \\
\end{aligned}
$$

z_3 &= 0.15 - 0.1 + 0.1 \cdot 0.5 = 0.1
\end{aligned}
\]
Веса (softmax):
\[
\begin{aligned}
w_{i1} &= \frac{e^{0.69}}{e^{0.69} + e^{1.14} + e^{0.1}} = \frac{1.99}{1.99 + 3.13 + 1.10} = 0.32 \\
w_{i2} &= \frac{3.13}{6.22} = 0.50 \\
w_{i3} &= \frac{1.10}{6.22} = 0.18
\end{aligned}
\]
Итоговый рейтинг:
\[
R_i = 0.32 \cdot 80 + 0.50 \cdot 120 + 0.18 \cdot 30 = 25.6 + 60 + 5.4 = \mathbf{91.0}
\]
При этом вектор компетенций:
\[
\mathbf{r}_i = 80 \cdot \mathbf{a}_1 + 120 \cdot \mathbf{a}_2 + 30 \cdot \mathbf{a}_3
\],
где \(\mathbf{a}_1 = [0.8, 0.3, 0.1]^\top \) (наука → крит. мышление, коммуникация, дисциплина);
\(\mathbf{a}_2 = [0.2, 0.7, 0.6]^\top \) (волонтерство → эмпатия, коммуникация, ответственность);
\(\mathbf{a}_3 = [0.9, 0.2, 0.1]^\top \) (олимпиада → крит. мышление, стрессоустойчивость).
\[
\mathbf{r}_i = [80 \cdot 0.8 + 120 \cdot 0.2 + 30 \cdot 0.9, \dots] = [103, 108, 54]^\top
\]
Это доказательный профиль: студент развил критическое мышление (103), коммуникацию (108), ответственность (54).

Возможности управления освоением метакомпетенциями с помощью искусственного интеллекта: для управления освоением метакомпетенций с помощью ИИ требуется построить интеллектуальную систему мониторинга и персонализации (Программное обеспечение ... , 2023).

ИИ не заменяет преподавателя — он делает его суперкоучем: видит то, что человек не замечает, и действует вовремя.

Что нужно для запуска:

1. интеграция LMS (Нечаев, 2022) — сбор данных о поведении и продуктах обучения;

2. эмпирические шкалы — для измерения проективности (P) и когнитивной устойчивости (r);

3. обученная модель — на данных 50+ выпускников, связывающих метакомпетенции с трудоустройством и карьерным ростом.

Предлагаемый вариант интеллектуальной системы мониторинга и персонализации основан на трех ключевых компонентах:

1. Сбор данных через LMS (к примеру Moodle) ИИ анализирует поведенческие паттерны студентов:

- частота входов, время на задачах, повторные попытки;
- глубина рефлексий в портфолио (NLP-анализ текстов: «Я понял…», «Я бы сделал иначе…»);
- участие в сценариях — насколько студент инициирует изменения, задает вопросы, предлагает решения.

Для реализации достаточно интеграции с LMS и шкалы оценки поведения с пилотными данными хотя бы по 30+ студентам.

2. Динамическая оценка метакомпетенций (M = f(C, K, P)) см. выше.

ИИ автоматически рассчитывает уровень метакомпетенции по формуле:

\
M = \alpha \cdot \bar{C} \cdot \bar{K} \cdot \bar{P}
\

и обновляет ее в реальном времени при каждом новом действии студента.

C — оценивается по результатам тестов и портфолио.

K — по успешности решения кейсов (ИИ сравнивает с эталонными решениями).

P — по качеству прогнозов (например, «Как изменится профессия бухгалтера через пять лет?» — анализируется на глубину, оригинальность, обоснованность).

Для реализации требуются данные валидированных шкал для P и весов α, w_i для каждого направления подготовки и профиля.

3. Персонализированные рекомендации (ИИ-коуч)

На основе M и паттернов ИИ предлагает:

- следующий шаг— «Ты хорошо решаешь кейсы, но не прогнозируешь. Пройди модуль “Будущее бухгалтерии”»;
- ресурсы (видео, кейсы, менторы), подобранные под слабые зоны;
- стимулы («Если улучшишь P на 15% — получишь доступ к стажировке в Сбербанке»).

Пример: ИИ замечает, что студент не пишет рефлексии после практики, и автоматически отправляет напоминание с шаблоном: «Что ты изменил в подходе? Что удивило?».

Предварительные итоги: предложенная модель представляет собой формализованную, математически обоснованную систему доказательного образования, в которой:

- оценка — не сумма баллов, а взвешенная функция достижений, адаптированная под профиль;

- рейтинг — не абстрактный показатель, а проекция на вектор компетенций;
- прогнозирование — основано на статистически значимых зависимостях между деятельностью и успехом.

Такой подход позволяет вузу перейти от декларативной отчетности к доказательной педагогике, где каждый балл — это измеримый след развития компетенции, а не просто «участие».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аналитическое исследование законодательства Российской Федерации о молодежной политике и его реализации в современных условиях (2025) / Н. И. Ильинская, Е. В. Белоусова, А. И. Ковалева [и др.]. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 158 с. ISBN 978-5-907986-33-6. EDN KLZKNJ.

Костина, А. В. (2024) Формирование личности: влияние окружающей среды на систему ценностей // Моисеевские чтения. Климатические и иные резкие изменения в современной окружающей среде как реальная угроза развитию общества : доклады и материалы VII Общероссийской научной конференции (Москва, 23 мая 2024 г.). М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 227–232. EDN GURPKD.

Нечаев, Д. Ю. (2011) Развитие методологии системного подхода в условиях глобализации многомерного коммуникационного пространства : монография. М. : Изд-во РГТЭУ. 126 с. ISBN 978-5-87827-461-6. EDN QONMWH.

Нечаев, Д. Ю. (2022) Агрессивная дивергенция аттракторов цифровых парадигм реципиентных экономик в активном противоборстве цивилизаций // Высшее образование для XXI века. Воспитание: вызовы современности : доклады и материалы (Москва, 24–26 ноября 2022 г.) / под общ. ред. И. М. Ильинского. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 284–291. EDN KYIKHG.

Программное обеспечение информационных технологий и систем (импортозамещение) (2023) / В. Ф. Макаров, Д. Ю. Нечаев, Е. В. Романова, А. Г. Тимофеев. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 135 с. EDN GCVMWP.

Евсеева Анна Юрьевна, доцент кафедры прикладной информатики и статистики Московского гуманитарного университета;

Нечаев Дмитрий Юрьевич, кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной информатики и статистики Московского гуманитарного университета.

Юридическое соотношение особых административно-правовых режимов с реализацией молодёжной политики в Российской Федерации

Е. В. Еременко, А. А. Рогова
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматривается юридическое соотношение особых административно-правовых режимов и реализации государственной молодёжной политики в Российской Федерации. Анализируется влияние специальных правовых порядков на правовое положение молодёжи, формы и механизмы осуществления молодёжной политики, а также трансформация публично-управленческих приоритетов в условиях действия особых режимов. Обосновывается вывод о необходимости согласования целей обеспечения публичной безопасности и задач социального развития молодёжи при сохранении принципов законности и соразмерности.

Ключевые слова: молодёжная политика, особые административно-правовые режимы, публичная безопасность, государственное управление, права молодёжи

Реализация государственной молодёжной политики в Российской Федерации осуществляется в рамках общего правового порядка и представляет собой одно из приоритетных направлений деятельности государства, ориентированных на социальное развитие, формирование гражданской идентичности и вовлечение молодёжи в общественные процессы. Вместе с тем в условиях введения особых административно-правовых режимов механизмы реализации молодёжной политики претерпевают существенные изменения, обусловленные перераспределением публичных приоритетов и усилением административно-правового воздействия. Это обстоятельство актуализирует необходимость анализа юридического соотношения указанных правовых институтов.

Особые административно-правовые режимы вводятся в условиях чрезвычайных, кризисных либо иных экстраординарных обстоятельств и предполагают временное изменение порядка осуществления публичной власти. Их правовая природа связана с необходимостью защиты публичной безопасности, правопорядка и устойчивости государственного управления. Введение таких режимов сопровождается ограничением отдельных прав и свобод, усилением контрольных и надзорных полномочий органов исполнительной власти, а также изменением форм взаимодействия государства и общества. Молодёжная политика в этих условиях оказывается в сфере повышенного правового внимания, поскольку молодёжь одновременно выступает объектом государственной поддержки и активным участником социальных процессов.

Юридическая специфика соотношения особых режимов и молодёжной политики обусловлена различием их целевых установок. Молодёжная политика ориентирована на развитие, поддержку инициатив, расширение возможностей социальной и политической активности молодёжи. Особые административно-правовые режимы, напротив, направлены на стабилизацию и временное ограничение общественной активности в целях нейтрализации угроз. Данное различие не означает их взаимного исключения, однако требует правового согласования и определения допустимых пределов административного воздействия на молодёжь.

Связь молодёжной политики с задачами обеспечения общественной и государственной безопасности получила отражение в научных работах, посвящённых анализу социально-правовых процессов развития общества. В этом контексте И.М. Ильинский подчёркивал особое значение молодёжной политики в системе долгосрочных приоритетов государства: «Молодёжная политика — это центральное звено политики национальной безопасности, берущей начало в настоящем и обращённой — от поколения к поколению — в далёкое будущее» (Ильинский, с.17).

С точки зрения действующего законодательства введение особых административно-правовых режимов не отменяет нормативных основ государственной молодёжной политики. Однако такие режимы объективно трансформируют формы её реализации. Ограничения свободы собраний, публичных мероприятий, деятельности общественных и молодёжных объединений затрагивают значительную часть традиционных инструментов работы с молодёжью. В этих условиях возрастает значение институциональных и программных форм реализации молодёжной политики, не связанных с массовой публичной активностью, а также индивидуализированных мер поддержки.

Стратегия реализации молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 года закрепляет комплексный характер государственной деятельности в данной сфере и подчёркивает её связь с задачами общественной стабильности и безопасности. В документе указывается, что молодёжная политика направлена на «создание условий для самореализации молодёжи, формирования у неё ответственности за судьбу страны и общества»[2]. Это позволяет рассматривать молодёжную политику как элемент системы публичного управления, который сохраняет своё значение и в условиях действия особых административно-правовых режимов.

Юридическое соотношение указанных институтов проявляется также в перераспределении компетенции органов публичной власти. В условиях особых режимов усиливается роль исполнительных органов и правоохранительных структур, тогда как участие общественных и молодёжных организаций в

принятии решений может быть ограничено. Данная трансформация требует правового обеспечения механизмов взаимодействия государства с молодёжью, поскольку их отсутствие способно привести к отчуждению молодых граждан от публичной власти и снижению эффективности реализуемых мер.

Особое внимание в условиях действия особых режимов должно уделяться соблюдению принципа соразмерности. Ограничения, затрагивающие молодёжь, должны быть юридически обоснованы, носить временный характер и применяться исключительно в объёме, необходимом для достижения легитимных целей.

Правовой статус молодёжи в системе публичных отношений определяется общими принципами правового государства и требованиями законности. В аналитическом исследовании законодательства Российской Федерации о молодёжной политике под руководством Н. И. Ильинской акцентируется внимание на обязанности государства обеспечивать правовые гарантии и защиту прав молодых граждан: «Россия как правовое государство призвана обеспечить соблюдение законности в молодежной среде, осуществление предусмотренных действующим законодательством гарантий прав и свобод молодого человека и гражданина, равенство всех молодых людей перед законом и судом, взаимную ответственность молодого гражданина и государства, судебную и иную защиту личности молодого человека.» (Белоусова, с.15).

Следует отметить, что молодёжная политика в условиях особых административно-правовых режимов может рассматриваться не только как объект ограничений, но и как инструмент профилактики правонарушений и социального напряжения. Образовательные, воспитательные и информационные меры, реализуемые в отношении молодёжи, способны способствовать формированию правовой культуры и снижению уровня напряжённости в обществе. В этом смысле молодёжная политика дополняет цели особых режимов, а не противостоит им.

Таким образом, юридическое соотношение особых административно-правовых режимов и реализации молодёжной политики в Российской Федерации характеризуется сложным и многоуровневым характером. Особые режимы изменяют условия реализации молодёжной политики, однако не устраняют её как направление государственной деятельности. Эффективность правового согласования указанных институтов зависит от способности государства обеспечить баланс между необходимостью защиты публичной безопасности и сохранением условий для социального развития молодёжи, что возможно лишь при строгом соблюдении принципов законности, соразмерности и временного характера ограничений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильинский И. М. Молодежь как будущее России в категориях войны // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 5–17.

2. Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 17 августа 2024 г. № 2233-р // СПС «КонсультантПлюс».

3. Аналитическое исследование законодательства Российской Федерации о молодежной политике и его реализации в современных условиях / Н. И. Ильинская, Е. В. Белоусова, А. И. Ковалева, А. В. Костина, Э. Ф. Макаревич, М. Г. Солнышкина – Москва : Московский гуманитарный университет, 2025. – 158 с.

Еременко Екатерина Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин МосГУ. Эл. адрес: eryomenko.e.v@gmail.com Адрес: 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-76-53. Тел.: +7 (499) 374-76-53;

Рогова Алена Александровна, заместитель заведующего, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин МосГУ. Эл. адрес: alenalexrogova@yandex.ru.

Позитивные и негативные тенденции процесса цифровой трансформации общества

Н. Н. Ермошкин
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматриваются позитивные и негативные тенденции, связанные с цифровой трансформацией общества, за которой стоят интересы государств.

Ключевые слова: «большая цифра», цифровая трансформация общества, сетевой мир, государственные интересы, ненормативность, цифровое пространство, цифровая конкуренция

Цифровая трансформация общества, ведомая «Большой Цифрой», у всех на виду и на кончиках пальцев. Бесполезно отрицать пользу от цифровых технологий для общества потребления, новые продукты, сервисы, возможности, да и тот очевидный для всех факт, что цифровизация – как джин, вырвавшийся из кувшина – назад ее не затолкаешь. Это «актив цифровизации» – то, чем мы пользуемся, чем располагаем, что удобно, что кажется бесплатным, что заполняет наш досуг, часто приносит нам радость, а многим нередко и доход, что делает работу более эффективной, а экономику – более производительной.

Но есть и менее очевидная сторона цифровизации – ее «пассив». Это то, чем мы расплачиваемся с цифровыми гигантами, что мы им, по сути, отныне «должны», хотя и не «подписывались» именно на такой долг. Пассив – это не только денежная кабала (чаще всего незаметная), но и наше де факто обязательство следовать в «цифровой колее», наше бесполезно потраченное время на цифровые развлечения, это отказ от защиты приватности, невольная готовность быть объектом манипулирования. Это наш «вечный долг», наше «долгосрочное обязательство» в том смысле, как их понимают в определении «бухгалтерского пассива». Размеры этого «пассива» смогут до конца понять и оценить только будущие поколения. Сегодня многие пугающие тенденции – например, стремительное падение рождаемости во всем мире, кроме тропической Африки, от Марокко до Китая, некоторые аналитики связывают с цифровой зависимостью молодых поколений, этих «digital natives», воспитанных со и на смартфонах, и их «цифровым отчаянием».

А «капитал» (вторая составляющая пассива) цифрового мира – это те невиданные богатства, которые мы и поколения после нас невольно подарили технологическим компаниям, и тем, кто в реальности владеет глобальной «Большой Цифрой».

Это, конечно, не строгое бухгалтерское определение актива и пассива, но, на мой взгляд, достаточно наглядная аналогия того, как можно наглядно представить «баланс цифровой экономики» и последствия «цифровой трансформации».

За «Большой Цифрой» стоят интересы государств (чаще всего это США), которые используют цифровизацию в своих интересах – и экономических, и политических, и идейных, что особенно важно в связи с нарастающей «де-глобализацией». В мире, где воздвигается частокол из цензуры, ограничений на информацию и мнения, таможенных тарифов, запретов на авиарейсы, визовых ограничений, распространения депортаций, Facebook[1], Apple, LinkedIn, Tesla и Google остаются симулякрами прежнего «плоского мира» и важнейшим инструментом поддержания определенного, похожего на прежний, «порядка» в американоцентричном пространстве. «Пассив» – это далеко идущие поведенческие, социальные, экономические и политические последствия. Они мало имеют общего с активом, а скорее даже работают против него.

Речь идет, например, о времени молодежи, потраченном на гаджеты и отнятом у общения с близкими. О росте одиночества. Это видно и в статистике, об этом достаточно подробно говорят в фильмах, книгах, блогах эксперты с самыми разными политическими воззрениями (рис. 1).

Рис. 1.

Сегодня почти невооруженным взглядом видно «разбухание пассивов» цифровизации: монополизация рынков, концентрация цифрового богатства Соединенными Штатами и внутри США – у нескольких групп населения, и государственная защита американских или подконтрольных США игроков в обмен на все более прямой надзор за «цифрой» и за ее правилами игры. Единственные альтернативы американоцентричной цифровизации и цифровой трансформации – КНР и Россия, но в обоих случаях пока еще они слишком локальны, чтобы переломить глобальный тренд. Это скорее примеры возможных альтернатив, чем глобально работающие наборы инструментов цифровой модели, отличной от американской.

[1] Деятельность компании Meta на территории Российской Федерации запрещена. Деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., также признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации решением суда (далее в тексте это отмечено знаком «звездочка» (*) рядом с названием данных сетей).

Сетевой мир КНР за одним исключением (TikTok) закрыт в рамках своей страны, очень специфичен и пока явно не сравним с США ни по глобальному охвату, ни по своей философии и архитектуре. При этом с точки зрения следования государственным интересам своей страны он мало отличается от американского, скорее даже еще более нацелен на следование местным писаным и неписаным правилам. Не случайно руководство КНР обращает внимание на появление «нездоровых моментов и тенденций ненормативности», на необходимость одновременно конкуренции, контроля сверху, со стороны граждан и «отраслевой самодисциплины», но, подчеркнем это (и это ключевое отличие от США) – **при активном участии в международном сотрудничестве**[2].

Именно с точки зрения участия в международном сотрудничестве стоит рассматривать и инициативы КНР в области ИИ. Один из примеров этого – открытость и бесплатность доступа к DeepSeek, контрастирующая с «закручиванием гаек» со стороны США. КНР является единственной глобальной альтернативой США и их союзникам с точки зрения цифрового пространства в целом – включая всю цепочку создания компьютерного и телекоммуникационного оборудования и программного обеспечения. Россия имеет крупные достижения, собственную конкурентную и в целом прибыльную экосистему, но пока не может выступать в роли глобального игрока по всем позициям.

В отсутствие (пока) серьезной глобальной конкуренции и благодаря технологическим прорывам «Большой Цифры», американские биржевые рынки по своим показателям роста превзошли мировые рынки акций в течение 15 лет из последних 17, с 2007 года[3]. В итоге суммарная капитализация американских бирж в 2 раза превысила капитализацию акций всего остального мира. Это самое очевидное последствие «разбухания» пассива цифровизации.

«На “Великолепную Семерку” (Microsoft, Apple, Amazon, Nvidia, Tesla, Meta* и Alphabet) приходится более 30 процентов рыночной капитализации 500 крупнейших компаний индекса S&P 500 (по сравнению с чуть менее чем 10 процентами десять лет назад). Когда вы сравниваете цены на их акции с их прибылью или продажами, что является традиционным способом измерения стоимости акции, наши технологические голиафы торгуются с коэффициентами, в 2–3 раза превышающими коэффициенты для всех остальных не-великолепных 493 акций из 500. Я считаю, что глобальные инвесторы стали рассматривать акции этих семи компаний как самые надёжные активы. В мире, где наблюдаются скачки инфляции, политическая нестабильность, тупиковые ситуации и финансовая неопределённость, почему бы не инвестировать в компании с устойчивым финансовым положением, регулярными доходами, стабильными денежными потоками, доминирующими позициями на рынке и уважаемыми управленческими командами? Похоже, что новое поколение инвесторов рассматривает эти компании почти как правительства.

Действительно, судя, по беспрецедентной оценке, Tesla, очевидно, что её основатель Илон Маск вызывает такую же преданность, как и глава государства», – пишет профессор Гарвардского Университета М. Десаи в рупоре американского политического и экономического истеблишмента – The New York Times.

Профессор Десаи, по сути, описывает идеальный для рынка акций сценарий эволюции, «конечное состояние» любого рентного бизнеса – рыночно-сетевую, ненаказуемую и более защищенную по сравнению с просто регулируемой, монополию, с элементами квази-государственных регалий и полномочий, стоящую над традиционными государствами и активно сопротивляющуюся регулированию во имя глобального доминирования.

Возьмем в качестве одного примера компанию Microsoft и посмотрим на ее финансовый результат в 2024 г. Продажи – 262 млрд долл., расходы собственно на «производство» (cost of sales) – 80 млрд. Это 30% от продаж, что означает «наценку на конечный продукт» (на самом деле широкий портфель программного обеспечения, сервисов, сетевых и поисковых ресурсов и т. п.) в 230%. Прибыль до налогов – 118 млрд, то есть практически 45% от продаж. Это завидный бизнес, трудно себе представить, кто еще в мире мог бы обеспечивать себе такую высокую маржу еще и в таких гигантских объемах. Все попытки лишить эту компанию ее монопольного статуса на протяжении 30 лет ни к чему не привели. Ни в Европе, ни в США. Пожалуй, в России только добровольным уходом с 2022 г. она впервые в мире сама себя лишила монопольной позиции.

Tesla (аутсайдер семерки) пока далеко от такой монополии, но, судя по котировкам, ожидается, что настанет день и она будет примерно в такой же завидной ситуации – своего рода Windows или Macintosh для транспорта. Повторим еще раз. Многие вполне справедливо считают рынок акций США беспрецедентно перегретым, котировки технологических компаний раздутыми и видят причину этого в накачке рынка акций кредитными деньгами. Пожалуй, лучше всего эту концепцию сформулировал французский экономист Жак Рюефф (1896–1978): «Инфляция заключается в субсидировании расходов, которые не приносят никакой отдачи, деньгами, которые не существуют». Обозреватель влиятельной Financial Times Ручир Шарма (и не он один) в декабре 2024-го предсказывал неизбежное «схлопывание пузыря» на американском рынке акций.

Кому досталось это новообретенное, пусть, возможно, и частично эфемерное биржевое и цифровое богатство, вся глобальная монопольная рента, собираемая цифровыми гигантами сегодня и особенно ожидаемая в будущем? Наиболее очевидные бенефициары цифровизации, «вершина сахарного айсберга», – «новая американская олигархия». Из 10 самых богатых людей мира в январе 2025 г. девять были американцы, из них восемь – из мира «цифры». Девятый – это американский мега-инвестор Уоррен Баффет. Он тоже из «цифры», но, пожалуй, только наполовину, благодаря своим инвестициям не только в цифровые компании, у него есть и доли в компаниях традиционной

экономики. Только один из первой десятки — магнат по торговле роскошью, француз Бернар Арно (LVMH) – не из цифрового мира, а успешный поставщик глобальным нуворишам наших времен, времен беспрецедентного разрыва между бедностью и богатством, коммерческого люкса, порожденного в золотой век доминирования европейской буржуазии.

Далее идут государственные фонды с триллионными портфелями и сотнями миллиардов годовой прибыли, как правило, из нефтедобывающих стран. Это часто «страны-олигархи» с активистской внешней политикой. Так, пенсионный фонд Норвегии (он имеет право инвестировать в акции, в отличие от центральных банков, того же ЦБ РФ) в среднем владеет 1,5% всех акций, котирующихся на биржах мира. В 2024 г. он заработал почти 222 млрд долл. прибыли – это новый рекорд. Для сравнения – годовая прибыль фонда равна 2/3 арестованных резервов РФ, которые не предполагалось изначально размещать в акциях. На конец 2024 г. норвежский фонд управлял активами на сумму свыше 1,74 трлн долл. Среди отдельных компаний наибольшую прибыль фонду принесли акции Nvidia (25 млрд долл.), Apple (14 млрд), Amazon (10 млрд), Alphabet (9 млрд), Microsoft (9 млрд). Доходность инвестиций фонда в акции составила 18%.

Норвегия, страна с очень раздутыми представлениями о себе, нередко мессианским представлением о мире, со сути, «паркует» большую часть собираемых со всей Европы сверхприбылей от своих энергетических продаж на американском рынке акций. В этом отличие от России, которая тратила полученные из Европы доходы или на импорт из этих стран товаров и сервисов с высокой добавленной стоимостью, или, к сожалению, покупала долговые обязательства европейских правительств. Но сегодня падение спроса на европейские товары – большая проблема для всей Европы. И в то же время трудно себе представить «независимую» позицию Норвегии, скажем, в сценарии дальнейшего развития конфронтации вокруг суверенитета Гренландии: зависимость от США триллионная, миллионы долларов на каждого пенсионера – и солидарность с Данией «до последнего» может оказаться слишком дорогим удовольствием.

Иностранное владение американскими активами остается острым долгосрочным вопросом для американского истеблишмента. По оценке советника Д. Трампа по внешней торговле, это около 1 трлн долл. «вливаний в США» ежегодно. Норвежские инвестиции делаются в значительной степени за счет денег, изъятых из Европы. Но основная часть инвестиционных потоков в США связана в первую очередь с дефицитом внешнеторгового баланса Америки. Страна больше потребляет, чем производит, и расплачивается с остальным миром (и особенно с КНР, с которой дефицит самый высокий, и Европой) долларом, излишки которого затем должны быть где-то размещены. Сегодня большая часть долларовых излишков «стерилизуется» за счет инвестиций в перегретый и дорогой рынок акций, в «Большую Цифру», на нее сегодня есть

спрос от иностранных инвесторов. Если рынок пойдет вниз, инвесторы утратят интерес к американским акциям, то возникнет вопрос, куда будет перетекать долларовая ликвидность? Не начнется ли распродажа долларов и слишком резкое снижение его курса? Падение спроса на американский госдолг? Желающие сохранить доллар, а не избавляться от него, могут «требовать» роста процентной ставки на долларовые гособлигации, что явно не входит в планы США, учитывая нынешние размеры долга и стоимость его обслуживания. Все это может, по мнению ряда аналитиков, таких как обозреватель Asia Times Дэвид Голдман, привести к неконтролируемому сценарию по распродаже американского госдолга или отсутствию спроса на новые эмиссии, который пытается предвосхитить администрация Д. Трампа, в том числе оберегая цифровых гигантов и их капитализации[10].

Еще уровнем ниже в цепочке владения цифровыми богатствами – крупнейшие фонды по управлению активами, особенно «большая тройка» – Black Rock, Vanguard, State Street. Суммарно они являются крупнейшим акционерным пулом владельцев долей компаний у почти 88% компаний американского биржевого рынка. Интересно, что из-за крупных позиций в капитале «Большой Цифры» у олигархов-основателей у этих фондов именно в цифровых компаниях часто не первая позиция среди акционеров – они уступают роль акционера номер один основателям-олигархам (Цукербергу, Эллисону, Брину и т. д.). Таким образом, выбор доминирующих акционеров у американских компаний не так велик. Это или основатель-олигарх, или три фонда, или, в редком случае, Уоррен Баффет или иностранный суверенный фонд.

И наконец, частные домохозяйства. Американские инвесторы являются традиционно более крупными инвесторами в акции и фонды акций по сравнению с домохозяйствами других стран, напрямую или через фонды. К моменту начала биржевого бума в цифровизации в первой половине 2010-х годов они были изначально богаче мелких инвесторов в остальном мире, кроме нескольких небольших стран, и располагали большими ресурсами для инвестирования, лучшей инфраструктурой и налоговым режимом. За эти годы простейшая инвестиция в биржевой фонд, копирующий индекс крупнейших компаний США, могла дать прибыль в 300–400%. Не надо было иметь никаких особых навыков инвест-аналитика или даже удачи, чтобы стать успешным инвестором. Все росло как на дрожжах, и в том числе пассивные инвестиции американских рантье. Сегодня американские домохозяйства в среднем менее других в мире зависят от недвижимости как от главного средства накопления богатства и более других владеют акциями – это более трети их совокупного состояния (рис. 2).

Американские физические и юридические лица оказались в выигрыше по всем позициям. Даже тогда, когда бенефициары – это иностранные (не американские) суверенные фонды, их офшорная ликвидность размещалась в американской инфраструктуре. «Парковка» глобальных нефтяных сверхприбылей на рынке США увеличивала стоимость и ликвидность

котирующихся на нем акций, в первую очередь в интересах их американских держателей. Такие фонды с их огромными ресурсами, долгосрочной стратегией способны поддержать ликвидность и котировки в кризисные для рынка моменты, обеспечивая его стабильность.

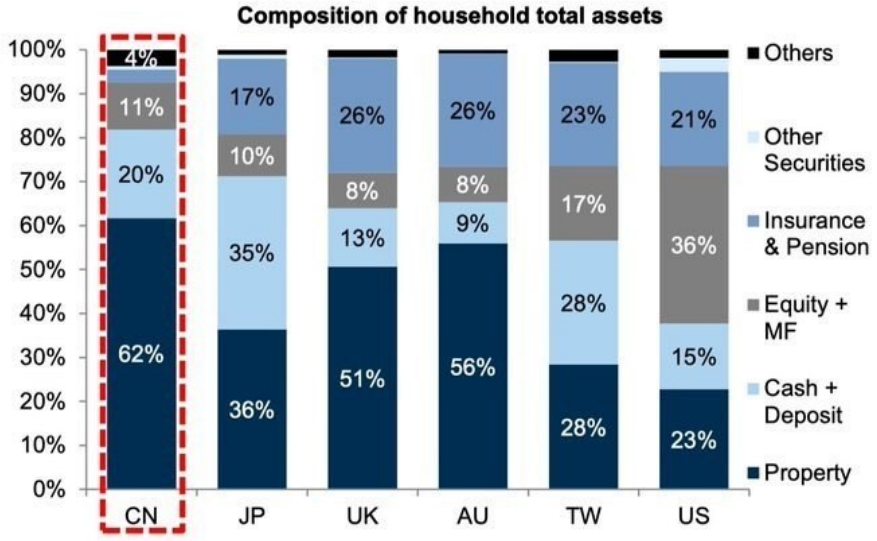


Рис. 2.

Но такая ситуация создает свои проблемы. Как показали события осени 2024 г., американский цифровой олигархат способен и вынужден довольно дисциплинированно подстраиваться под веяния времени и под каждую новую администрацию. Условный лавирующий «Цукерберг» прекрасно осознает, какие риски может нести для его компании и для его личного состояния конфликт с правительством США. Google послушно переименовывает на картах Мексиканский залив в Американский. О роли более прямолинейного Илона Маска в победе Д. Трампа написано очень много, и нет смысла это воспроизводить здесь. Трудно найти точки соприкосновения с Джо Байденом, но озвученная им фраза спичрайтеров о появлении новой олигархии и ее опасности (речь, без сомнения, идет конкретно о его враге Маске и в целом о так называемой мафии Paypal – Питере Тиле и других союзниках Д. Трампа) звучит вполне уместно для современной Америки. Почти как известное предупреждение уходящего президента Д. Эйзенхауэра о военно-промышленном комплексе в 1961 г., на лавры которого Байден, возможно, претендовал в своей заключительной речи.

О роли, месте, воззрениях, уровне симпатии к каждому новому конкретному американскому олигарху можно спорить, но однозначно видно, что в стороне от важнейших общественных и политических процессов наиболее активные из них оставаться не будут. Это означает появление новых «Сорросов» и «Гейтсов», пусть нередко и с антагонистическими настоящему Джорджу Соросу взглядами, но с огромными ресурсами, и не только денежными, но и сетевыми и информационными.

Огромные барыши нефтяных суверенных фондов еще более увеличивают их зависимость от США. 100 000 долл. в год только прибыли на каждого норвежского пенсионера, как от такого можно отказаться? Фондам открывают «новые возможности» для инвестирования и еще более жестко привязывают к внешнеполитическому курсу США. Страны Персидского залива получают права инвестировать в американский хай-тек и закупать новые системы вооружений. А у США очень сильный рычаг давления на суверенные фонды в случае развития ситуации вокруг Гренландии или в Персидском заливе.

Сложность того, как выровнять уровень богатства в рамках даже одной страны, видно на примере Германии – спустя треть века после объединения у западных немцев сбережения в полтора раза выше, чем у восточных[11]. Для среднего класса внутри США – не говоря уже о самых бедных – это тоже неразрешимая проблема. Разрыв в богатстве внутри США продолжает расти. Состояние 1% самых богатых американцев выросло на 25 трлн долл. за треть века. Состояние же наименее богатых 50% выросло совокупно лишь на одну десятую этой суммы, и то в основном за счет повышенных социальных пособий и сокращения потребления в период ковида (то есть не за счет рыночных механизмов, а благодаря государству) (рис. 3).

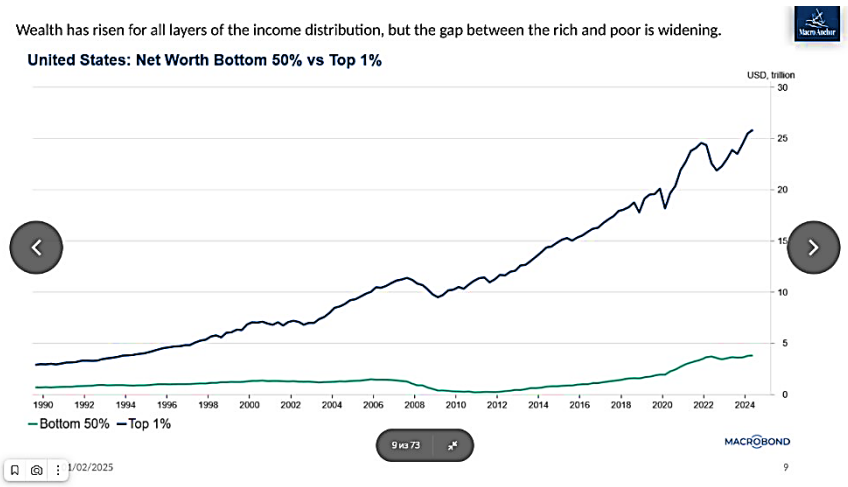


Рис. 3.

Тот, кто старше и «вошел в биржевой рынок» уже давно, оказался на таких недостижимых высотах, что догнать его богатство стало недостижимым для более молодых людей даже тех же самых «денежных» профессий – врачей, юристов и т. п. Это стремительно увеличивает цены и делает недоступным для очень многих реально ограниченные ресурсы – самую хорошую недвижимость, школы, университеты, лучших врачей, вплоть до концертных билетов или платных ужинов с Д. Трампом и биткойна. Для всего остального мира сравняться в богатстве с богатейшим 1–10% американцев, оказавшихся в рынке акций в нужное время, – отныне почти недостижимая задача.

И наконец, возможность разбогатеть, которая есть у сотрудников цифровых гигантов, массово производивших миллионеров благодаря сток-опционам, также недостижима для других стран. Рынок труда США разделился

на работников цифровой экономики и всех остальных. Отзвуки этого слышны в расколе лагеря Д. Трампа на сторонников Э. Маска, защищающих рабочие визы для высокооплачиваемых сотрудников технологических компаний (очень многие среди рядовых сотрудников биг-теха – иммигранты), и на американских «националистов» во главе со С. Бэнноном, которые выступают за «бронирование» столь лакомых рабочих мест для американцев, пусть и в ущерб цифровым гигантам.

Подводя итог, на данный момент нет механизмов, позволяющих в обозримом будущем догнать по богатству сегодняшнюю верхушку американского общества кому-либо за исключением, может быть, норвежских пенсионеров, швейцарских рантье, дубайских застройщиков и китайских предпринимателей. Биржа больше не будет также быстро и масштабно расти, больше нигде в мире нет и не будет цифровых монополий, и монопольной ренты в таких объемах в обозримом будущем. Глобальный социальный лифт сломался о «Большую Цифру». И речь идет не только об олигархах – вся верхушка американского среднего и менеджерского класса массово разбогатела, как никогда в истории. Для историков ближайшего будущего будет интересно провести анализ того, как после такого обогащения поменялись политические и экономические воззрения этих влиятельных в политике людей.

Таким образов, в «пассиве» провозглашенной два десятилетия тому назад цифровой трансформации общества и порожденных ей цифровые гигантов:

– они пока не продемонстрировали однозначного положительного влияния на производительность труда и на справедливый рост доходов, но при этом

– привели к созданию цифровых монополий – как следствие действия объективных технологических законов и стремления США единолично доминировать в самых передовых областях;

– они поменяли в худшую сторону распределение богатства внутри стран и особенно развернули его в пользу американских элит в беспрецедентных в истории масштабах, и при этом

– сформировали, вероятно, один мега- или несколько отдельных пузырей на финансовых рынках;

– они почти повсеместно убедили национальные элиты, что сетевые технологии превратились в инструмент на службе иностранного или вредоносного местного влияния, причем работающий произвольно, везде и против любых правящих элит. Начались сетевые «зачистки» и «войны всех против всех»;

– естественная технологическая конкуренция превратилась в технологическое соперничество за доминирование США любой ценой, породив странный гибрид бравурного официоза, государственной поддержки, запретов, буллинга и игр «без прежних правил»;

– на финансовых рынках сохранится нервозность, вызванная завышенными ожиданиями от великолепной семерки и страхом перед успехами Китая, способными поставить эти успехи под вопрос. Инвесторы будут ловить любую новость, связанную с компаниями великолепной семерки, или их конкурентами, любые слухи из Китая, и массово распродавать или скупать их акции.

В предыдущих главах были упомянуты некоторые предлагаемые пути решения этих противоречий. Ни один из вариантов, кроме восстановления глобальной честной конкуренции, единых правил игры, сотрудничества и доступа к ресурсам без дискриминации, не способен решить эти проблемы даже частично. Профсоюзы (как предлагают Д. Аджемоглу и С. Джонсон) не способны воссоздать единый рынок труда. Сотрудник МакДональдса никогда не догонит сотрудника Nvidia по доходам и богатству. Зарплата одного определяется его часовой производительностью по жарке бургеров на плите стоимостью пусть целых 5 тыс. долл., тогда как на другого приходятся миллионы долларов капитала и потенциальная монопольная рента со всей планеты. Профсоюзное движение может принести только ограниченный результат, никак не влияющий на 25 трлн богатства верхнего 1% даже внутри США, не говоря уже о глобальных масштабах. Уповать на государство и вводить налоги, как предлагает Т. Пикетти? Это неприемлемо для США, где налоги традиционно считаются препятствием для бизнеса, а перераспределение доходов между бедными и богатыми – злом, которое надо принимать строго дозированно. Франция ввела 3% налог на доход от продаж глобальных цифровых гигантов на французском рынке. Не до конца понятно, кто платит в конечном итоге этот налог – цифровые монополии или же французские потребители за счет компенсирующего увеличения цены услуг, поскольку их оказывают провайдеры-монополисты. Налог принес около 800 млн евро в 2024 г., но мало что дал для развития местной цифровой экономики. При этом этот налог остается огромным яблоком раздора в отношениях с США.

Технологический прорыв в Европе, к которому призывает бывший глава Европейского ЦБ Марио Драги, стоимостью в 800 млрд евро? На это у Европы нет таких денег, да и технологический задел очень скромный – по количеству патентов (рис 4), инженеров, венчурных капиталов, по возможности привлекать и удерживать таланты. Американские цифровые гиганты ушли слишком далеко как технологически, так и с точки зрения захвата рынков. Европейцам их не догнать и не остановить, как бы европейцы ни использовали свое антимонопольное законодательство. Европейское законотворчество носит ограничительный, цензорский характер, позволяет запрещать и наказывать, сажать под арест, когда речь идет о не-американцах (кейс П. Дурова). А в случае с США все сводится в лучшем случае к словесной перепалке с И. Маском,вздохами по поводу очередных сентенций Д. Трампа или от выступления Дж. Д. Вэнса на Мюнхенской конференции.

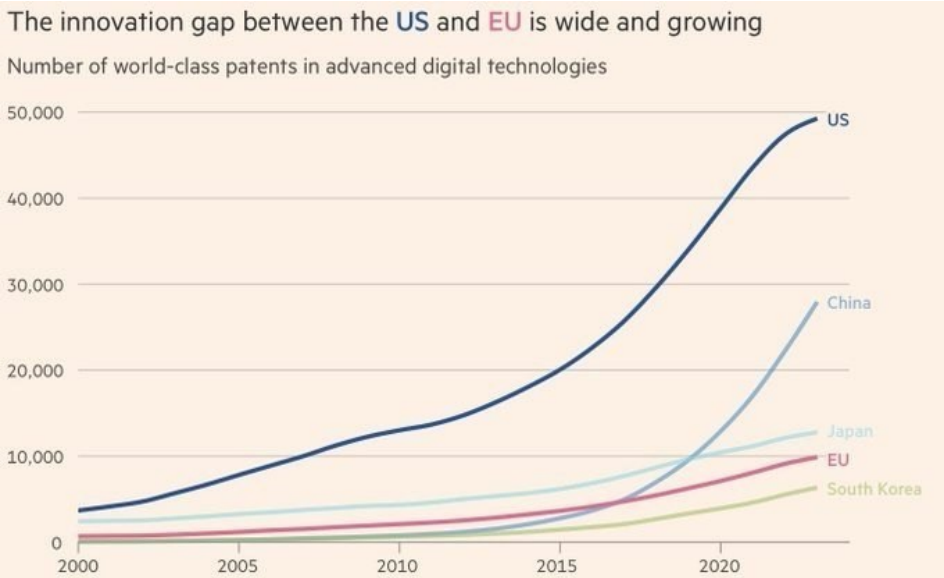


Рис. 4.

За чем стоит следить в ближайшие месяцы и годы? Искусственный интеллект, вероятно, способен обеспечить глобальный рост производительности труда в нескольких довольно крупных отраслях экономики, особенно связанных с клиентским сервисом, без ущерба качеству, без больших рисков и без ущерба восприятию конечного продукта (как, например, «живой врач для богатых, нейронка для бедняков»). Единственной заметной жертвой станут рабочие места нескольких категорий занятых и, по мере совершенствования дип-фейков, наиболее уязвимые к мошенничеству граждане всех стран мира.

Фронтальная конкуренция по всем позициям (ИИ, микропроцессоры, ЦОД, автономное вождение, мобильные операционные системы, космическая связь) между США и КНР, и, хочется надеяться, Россией, а, возможно, еще и

Индией, создаст предпосылки для более равномерного распределения богатства в мире и постепенного исчезновения монопольной ренты в пользу «Большой Цифры». Здесь будет много сюрпризов и драматических, почти театральных интриг.

Успех импортозамещения в России также может стать полезной моделью для мирового большинства как в области сетевых проектов, ПО, так и для национальных производителей оборудования «малых и средних» серий. Кроме того, Россия смогла создать собственную разветвленную и прибыльную экосистему онлайн сервисов в изначально полностью конкурентном и открытом миру информационном пространстве, а затем использовала ее в условиях информационной войны для поддержания национального суверенитета.

В 2025 году США, похоже, покажут всему миру пример того, как единая мировая сеть (TikTok) может быть разделена на национальный и на глобальный сегменты и как это будет работать с точки зрения владения, интеграции, контроля за алгоритмами (к которым в случае TikTok много вопросов); станет понятно, работает ли такая схема и как она может быть применена в других

странах; как и на каких принципах можно интегрировать национальную сеть в глобальную платформу. Если это будет реализовано, то нельзя исключить постепенную эволюцию глобальных платформ в провайдеров и операторов инфраструктуры с принципиально иными принципами монетизации. Но это ознаменует и эпоху заката финансового доминирования существенной части «Большой Цифры», чего США постараются не допустить, несмотря на нарастающий ком претензий к платформам.

Владельцы американских соцсетей в конце 2024 – начале 2025 г. анонсировали поворот от цензорской модели работы к якобы более открытой для разных мнений. Никаких явных изменений в части доступности российского контента «извне», равно как и таргетированного антироссийского контента для «внутри России» не произошло, тем более что большая часть ограничений шла по инициативе европейских и американских госорганов, и это не поменяется в обозримом будущем. В отказе от цензорства проглядывает скорее желание владельцев сетей обезопасить биржевую капитализацию своих активов от риска еще большего контроля при администрации Д. Трампа. Это более прагматический подход, но он может встретить жесткое противодействие властей в Европе и групп влияния в США, нацеленных на ужесточение контроля за алгоритмами и контентом на онлайн платформах.

Что могло бы произойти, но, скорее всего, не произойдет? Антимонопольные ограничения в области центров обработки данных и контроля за ИИ могли бы создать предпосылки для частичного контролируемого сдувания пузыря капитализации «великолепной семерки». Но никто в США в этом не заинтересован.

Не так и много вариантов, как можно уравновесить актив цифровизации – конкуренцию и свободу самовыражения, и ее пассив – монополизм, подчинение алгоритмам или иностранным интересам, рост богатства для одних и дурманящей сетевой зависимости для других. Пока объективные закономерности – закон Меткалфа и закон Мура – работают на стороне пассива.

Отныне «Большая Цифра» ассоциируется не просто с цифровыми гигантами, но еще и с гигантскими цифрами богатства в распоряжении абсолютного меньшинства. Удастся ли избежать того, что человечество окажется не просто в цифровой кабале, которая становится «новой нормальностью», но и еще и в ловушке разрыва между бедностью и богатством уровня начала XX в., когда, по подсчетам Т. Пикетти, она достигла максимальных масштабов в истории? Время покажет. Остается надеяться, что цифровизация все-таки сделает мир лучше. Но простых и однозначных решений не будет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[Электр. ресурс] https://knowledge.wharton.upenn.edu/article/fertility-ratesare-declining-is-tech-to-blame/

1. Си Цзиньпин. Развивать цифровую экономику. Избранные материалы из произведений. Том II. С. 751–759.
2. Gavekal Research.
3. [Электр. ресурс] https://www.nytimes.com/2025/01/28/opinion/nvidiadeepseek-ai-valuation-ouroboros.html
4. [Электр. ресурс] https://finance.yahoo.com/quote/MSFT/financials/
5. Цитата по: https://www.goodreads.com/quotes/7693837-inflation-consistsof-subsidizing-expenditures-that-give-no-returns-with
6. [Электр. ресурс] https://www.ft.com/content/9a0da0d6-92b4-4034-ac25-7b4abcbb0bbe
7. Кстати, многие сверхбогатые из нецифрового мира ниже в этом списке — это тоже представители торговли, отрасли, где структурно присутствует огромное кредитное плечо под товарные запасы. Безрисковое долговое плечо — еще один источник богатства.
9.[Электр.ресурс]https://www.rbc.ru/quote/news/article/679a020c9a7947041c7bf553?from=copy
10. См. аналитика FFTT, Info@FFTT-LLC.com
11. [Электр. ресурс] https://www.destatis.de/EN/Themes/Society Environment/Income-Consumption-Living-Conditions/Assets-Debts/Tables/grossfinancial-assets-evs.html

Ермошкин Николай Николаевич, доцент кафедры международных отношений и дипломатии Московского гуманитарного университета, кандидат экономических наук, доцент. Адрес: 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5. Тел.: 8(499)374-92-10. E-mail: kafmod@mosgu.ru.

Адаптация подростков: история и современное состояние проблемы

В. М. Звоников, М. Л. Новикова
Московский гуманитарный университет

Анатация. Представлен теоретический обзор исторического развития и современного состояния концепции адаптации в подростковом возрасте. Прослежена эволюция научных взглядов – от биологических и пассивно-приспособительных моделей конца XIX – начала XX века до современных системных, деятельностных и ресурсных подходов. Современные подростки сталкиваются с новыми вызовами – кибербуллингом, зависимостью от внешней оценки, дезориентацией в ценностях и идентичности, – что требует переосмысления адаптации как активного, ресурсного и критически-рефлексивного процесса.

Ключевые слова: адаптация, подростковый возраст, исторический анализ, теоретические подходы, психологическое благополучие.

Введение

Подростковый возраст традиционно рассматривается в психологии как критический этап онтогенеза, сопровождающийся интенсивными физиологическими, когнитивными, эмоциональными и социальными трансформациями. В этот период формируются идентичность, ценностно-смысловая сфера и базовые стратегии взаимодействия с социальной средой. В условиях современных вызовов проблема адаптации подростков приобретает особую научную и практическую значимость [1; 6; 9].

Несмотря на значительную разработанность темы, в отечественной и зарубежной литературе отсутствует единое понимание феномена адаптации. Это обусловлено его междисциплинарной природой и разнообразием теоретических парадигм – от биологических и поведенческих до деятельностных, экзистенциальных и системных подходов. Вследствие этого адаптация трактуется то как пассивное приспособление к среде, то как активный процесс самоопределения и трансформации реальности.

Цель данной статьи – провести теоретический анализ исторического развития и современного состояния концепции адаптации в подростковом возрасте, выявить ключевые этапы её эволюции и обозначить перспективы дальнейших исследований. Подростковая адаптация понимается здесь не как простое «вписывание» в существующие социальные рамки, а как активный, осмысленный процесс поиска собственного места в системе общественных отношений – в семье, среди сверстников, в образовательной и цифровой среде. Для глубокого осмысления этого феномена необходимо обратиться к истории самого понятия «адаптация», что позволит проследить сдвиг от биологизаторских и пассивных моделей к современным ресурсно-ориентированным и деятельностным концепциям [12; 17].

Историческая ретроспектива: от биологии к социокультурному контексту

Понятие «адаптация» не имеет единого определения и относится к общенаучным категориям, используемым в биологии, физиологии, психологии, педагогике и социологии. Его этимологические корни восходят к латинскому adaptatio (от ad – «к» и aptus – «пригодный»), что буквально означает «приспособление». Изначально термин обозначал способность организмов поддерживать жизнеспособность в изменяющихся условиях среды [1; 7; 17].

Психология, выросшая из философии, с самого начала трактовала адаптацию шире биологического смысла. Философские традиции разных культур и эпох уже содержали зачатки понимания адаптации как осмысленного и активного процесса. В Древней Индии и буддизме адаптация связывалась с внутренней гармонией, достигаемой через осознание сущности бытия и отказ от привязанности. В китайской философии два пути сосуществовали: конфуцианство акцентировало социальную роль и выполнение «правильных» обязанностей, а даосизм и дзэн-буддизм – жизнь в согласии с собственной природой и принятие настоящего момента. В античности Гераклит, Демокрит, Аристотель и Эпикур подчёркивали роль разума, умеренности и целостности «Я» как условий гармоничного существования [17].

В Средние века европейская мысль развивалась в рамках христианства, часто противопоставляя тело и дух. Однако уже Пьер Абеляр подчёркивал роль внутренних убеждений в моральном выборе, а Фома Аквинский – необходимость гармоничного удовлетворения телесных потребностей под руководством разума. На Средневековом Востоке Ибн-Сина писал о самоуправлении через самонаблюдение [17].

Эпоха Возрождения знаменовала поворот к гуманизму: человек стал пониматься как целостное существо, «творец своей жизни». Философы вроде Салютати, Альберти и Макиавелли отвергали пассивность и подчёркивали волю, разум и активное воздействие на мир. В эпоху Просвещения Декарт, Локк и Фейербах развивали идею о стремлении к счастью как врождённой потребности, а Уильям Джеймс в конце XIX века заложил основы психологии сознания, описав адаптацию как непрерывный процесс, в котором личность формирует динамические отношения со средой через селективность внимания, гибкость границ «Я» и целостность идентичности [17].

В биологии адаптация как научное понятие оформилась в конце XVIII – начале XIX века. Жан-Батист Ламарк рассматривал её как прямое приспособление организмов к среде, обусловленное их стремлением к совершенствованию. Позже Чарльз Дарвин переосмыслил этот феномен в рамках теории естественного отбора: адаптация - не целенаправленное усилие, а результат закрепления полезных наследуемых признаков, повышающих выживаемость. Эта идея стала фундаментом для дальнейшего переноса понятия «адаптация» из биологии в гуманитарные науки [7; 17].

Уже в XIX веке физиологи начали применять термин к анализу функционирования организма. Герман Ауберт, например, описывал адаптацию

как изменение световой чувствительности зрительного анализатора - один из первых примеров понимания адаптации как сенсорной регуляции. Однако настоящий прорыв произошёл с развитием системного взгляда на организм. Клод Бернар в середине XIX века ввёл идею о внутренней среде как основе жизнедеятельности, а Уолтер Кэннон в 1920-х годах сформулировал концепцию гомеостаза – подвижного равновесия, поддерживаемого за счёт постоянной саморегуляции. Гомеостаз стал метафорой не только для физиологии, но и для психологии, обозначая стремление личности к устойчивости в условиях изменчивости. [3; 11; 16].

К началу XX века в философии сложились две полярные позиции: одна видела адаптацию в активном преобразовании реальности, другая – в принятии предопределённого порядка. Однако решающий импульс к научному изучению адаптации дал дарвинизм, позволивший рассматривать её не только как выживание, но и как развитие, интеграцию и самореализацию. Психология берёт на себя задачу эмпирического и теоретического анализа адаптации. Разные школы предлагают собственные интерпретации:

Психоанализ (Фрейд, Хартманн) понимает адаптацию как бессознательный процесс приспособления к реальности. Фрейд выделял два типа: аутопластический (внутренние изменения) и аллопластический (изменение среды). Центральную роль играют защитные механизмы «Я», позволяющие справляться с тревогой. Анна Фрейд показала, что эти механизмы - нормативные стратегии развития, а не признак патологии. [18]

Когнитивная психология (Пиаже) рассматривает адаптацию как фундаментальный механизм познания, основанный на балансе ассимиляции (включения нового опыта в существующие схемы) и аккомодации (перестройки схем под влиянием среды). Джозеф Вайс отмечает, что уже с раннего возраста, человек стремится осмыслить реальность для построения предсказуемых отношений с окружением. [15]

Бихевиоризм и необихевиоризм изначально сводили адаптацию к поведенческим реакциям на стимулы. Однако уже Эдвард Толмен ввёл «когнитивные карты» и «ожидания», показав, что поведение целенаправленно. Скиннер акцентировал роль подкрепления, а Бандура – значение самоэффективности как убеждённости в своих силах, определяющей выбор стратегий и устойчивость к трудностям. [10; 12]

Дифференциальная психология (Айзенк) подчёркивает роль врождённых черт - нейротизма и экстраверсии - в выборе стратегий совладания, показывая, что адаптация имеет индивидуально-типологический характер.

Гуманистическая психология (Роджерс) трактует адаптацию как достижение внутренней гармонии между реальным «Я» и опытом. Центральным мотивом является тенденция к актуализации – стремление к росту и самореализации. Подлинная адаптация – это не подстройка под среду, а выражение своей сущности в открытости, доверии и ответственности.

Экзистенциализм (Франкл, Сартр) радикализирует эту позицию: даже в самых тяжёлых условиях человек сохраняет свободу выбирать своё отношение к

обстоятельствам. Адаптация – это не выживание, а поиск смысла, что делает её высшей формой человеческого достоинства. [12; 20]

Деятельностный подход (Выготский, Леонтьев, Эльконин) утверждает, что адаптация – это не реакция на среду, а её творческое преобразование через деятельность. У Эльконина подростковый возраст знаменуется сменой ведущей деятельности с учебной на интимно-личностное общение, что ставит задачи построения идентичности и социального самоопределения. [10; 19]

Психосоциальная теория (Эриксон) определяет подростковый возраст кризисом «идентичность против ролевого смешения». Успешная адаптация – это не конформизм, а достижение целостного «Я», способного интегрировать прошлое, настоящее и будущее. [20]

Экологическая теория (Бронфенбреннер) рассматривает адаптацию как взаимодействие вложенных уровней среды – от семьи и школы до культурных и экономических условий. Даже индивидуальные феномены (тревожность, неуспеваемость) могут быть следствием макросоциальных процессов [5]

Параллельно развивалась психофизиологическая перспектива. Ганс Селье ввёл концепцию общего адаптационного синдрома (ОАС), описав трёхстадийную реакцию организма на стресс: тревога → резистентность → истощение. Он впервые показал, что адаптация имеет «цену» - даже успешное приспособление может истощать ресурсы и вести к патологии. Эта модель легла в основу современных исследований стресса, выгорания и резильентности. [16]

В отечественной психологии в отличие от западных моделей, где адаптация часто трактовалась через призму гомеостаза, поведенческого подкрепления или внутреннего конфликта, сформируется иная парадигма. Адаптация понимается не как пассивное уравновешивание, а как активное, осмысленное, творческое взаимодействие личности с миром, в ходе которого человек не только приспосабливается к среде, но и преобразует её, а заодно - меняет самого себя. Необходимо отметить, что многие выводы были заимствованы психологией из физиологии и медицины, тем самым рассматривались общие закономерности адаптации.

В начале XX века И. М. Сеченов и И. П. Павлов заложили физиологические основы этого понимания, рассматривая адаптацию как функцию нервной системы, способной к условно-рефлекторной перестройке под влиянием опыта. Ключевой прорыв произошёл с развитием субъектно-деятельностного подхода. С. Л. Рубинштейн утверждал: сознание и деятельность неразрывны, а «жизнь есть деятельность». С этой точки зрения, адаптация – это динамическое достижение целостности бытия, осуществляемое через осмысленное, целенаправленное действие, направленное не на сохранение равновесия, а на разрешение противоречий между субъектом и миром. [3; 4; 10]

Эта идея получила дальнейшее развитие в работах множества отечественных исследователей, которые рассматривали адаптацию на нескольких взаимосвязанных уровнях:

1. Психофизиологический уровень – адаптация трактуется как системная перестройка функциональных резервов организма. (П. К. Анохин – концепция

функциональных систем, Р. М. Баевский и Ф. З. Меерсон подчёркивают иерархичность адаптационных реакций: от срочной (энергозатратной, несовершенной) до долговременной (устойчивой, экономичной), Ю. А. Александровский – вводит понятие «барьера психической адаптации» – индивидуальной, динамически развивающейся системы, мобилизующей резервы личности в условиях стресса.) [2; 3; 11]

2. Психологический и личностный уровень – акцент делается на активности, осознанности и ценностно-мотивационной сфере. (Ф. Б. Березин определяет психическую адаптацию как процесс установления оптимального соответствия между личностью и средой в ходе деятельности, при сохранении здоровья и возможности реализовать значимые цели; А. А. Реан подчёркивает многовекторность адаптации: человек может изменять среду, менять себя или выбирать новую среду; А. А. Налчаджян выделяет внешнюю (социальное соответствие) и внутреннюю (разрешение внутренних конфликтов) адаптацию, а также три уровня адаптированности: ситуативную (временную и устойчивую) и общую (потенциальную). Он ввёл понятия нормальной, девиантной и патологической адаптации, а также гипер- и гипоадаптации, подчёркивая, что успех оценивается и по объективной эффективности, и по субъективному благополучию; В. М. Звоников рассматривает акцентуации как один из факторов, модулирующих адаптационный потенциал в подростковом и юношеском возрасте и выделяет взаимосвязь между типами акцентуаций характера у студентов и уровнем их адаптивности.) [4; 8; 12]

3. Социально-профессиональный уровень – учитывает социальную включённость личности. (В. А. Петровский выделяет принципы адаптивности: гомеостатический (восстановление равновесия), гедонистический (поиск удовольствия), и прагматический (максимизация пользы при минимуме затрат); А. М. Розенберг, А. Л. Журалёв, Б. Ф. Ломов, С. Л. Арефьев и В. В. Синявский показали, что профессиональная адаптация неотделима от социально-психологической: человек адаптируется не только к задачам, но и к коллективу, нормам, роли, корпоративной культуре; Е. П. Ильин добавил дифференциально-психофизиологическое измерение: эффективность адаптации зависит от соответствия между типологическими особенностями личности (например, уровнем экстраверсии) и характеристиками социальной ситуации.)

В целом к концу XX века адаптация перестаёт быть пассивным «приспособлением» и становится активным, осмысленным, творческим процессом, в котором человек выступает не объектом внешнего давления, а субъектом, способным к выбору, росту и трансформации - как себя, так и своего окружения.

В науке складывается интегративное понимание адаптации как многоуровневого процесса, включающего:

– физиологические механизмы (гомеостаз, ОАС),

– когнитивные структуры (схемы Пиаже, когнитивные карты),

– эмоционально-личностные ресурсы (защитные механизмы, самоэффективность, тенденция к актуализации),

– социальные взаимодействия (роли, нормы, идентичность).

Эта эволюция подготовила почву для современных подходов, рассматривающих адаптацию подростков в условиях цифровой трансформации, социальной неопределённости и ускоряющихся изменений. Именно эта трансформация понятия - от биологического механизма к активной функции личности - лежит в основе дальнейшего анализа подростковой адаптации в данной статье.

Адаптация в подростковом возрасте: от биологического кризиса к социальному самоопределению

История научного осмысления подростковой адаптации отражает эволюцию представлений о подростке – от пассивного объекта биологических и социальных сил к активному субъекту, способному к рефлексии и творческим изменениям. Первоначально, в рамках биогенетического подхода, Стэнли Холл описывал подростковый период как «бурю и натиск», обусловленные гормональными и физиологическими перестройками, где адаптация сводилась к подавлению инстинктов и управлению внутренним хаосом. Однако такой подход упускал из виду активную роль личности в формировании идентичности. [14; 18]

Психоанализ внес сдвиг, включив подростковый возраст в генитальную стадию развития, где ключевой задачей стала работа с эдиповым комплексом и установление зрелых объектных связей. Хайнц Хартманн дополнительно разделил адаптацию на аутопластическую (приспособление к среде) и аллопластическую (активное её изменение), раскрывая двунаправленный характер процесса.

Наибольший вклад внесла психосоциальная теория Эрика Эриксона, в которой кризис «идентичность против ролевого смешения» характеризует подростковый возраст. Успешная адаптация - достижение целостного чувства «Я», интегрирующего прошлое, настоящее и будущее. Неудача ведёт к диффузии идентичности, выражающейся в неопределённости целей и нестабильности социальных связей. [20]

Деятельностный подход в отечественной психологии, представлен Леонтьевым и Элькониным, рассматривает адаптацию как творческое преобразование среды через ведущую деятельность. У подростков смена ведущей деятельности с учебной на интимно-личностное общение ставит задачи построения идентичности, автономии и освоения социальных ролей взрослого человека. Адаптация – процесс социального самоопределения, а не механического приспособления. [19]

Экологическая модель Бронфенбреннера введёт подростка в систему вложенных сред: микросистему (семья, школа), мезосистему (взаимодействие между ними), экзосистему (опосредованные институты) и макросистему (культура, экономика, политика). Адаптация рассматривается как многомерный процесс, где даже индивидуальные феномены, например тревожность или школьная неуспеваемость, могут отражать макроуровневые воздействия, такие как цифровая трансформация или социальное неравенство.

Современное понимание адаптации подчёркивает её динамичность, многокомпонентность и контекстуальную обусловленность. Личность активно взаимодействует с меняющейся социальной, культурной и технологической средой. Ключевое место занимает ресурсный подход, фокусирующийся на потенциале и способностях саморазвития и трансформации.

Важными понятиями являются адаптивность – индивидуальное комплексное качество личности которое включает в себя психологические, интеллектуальные, личностные и психофизиологические особенности (В .М. Звоников) – и личностный адаптационный потенциал (А. Г. Маклаков), представляющий устойчивую совокупность индивидуально-психологических и личностных свойств, обусловливающих способность человека эффективно адаптироваться к изменяющимся условиям деятельности и сохранять психическое и профессиональное здоровье. [8; 10; 21]. В международной парадигме развивается концепция resilience – способности сохранять и восстанавливать психическое здоровье и социальную компетентность в условиях стресса и неопределённости, что подчеркивает фокус на ресурсах и сильных сторонах личности.

Перспективы исследования

Проведённый историко-теоретический анализ позволяет сделать вывод, что концепция адаптации в подростковом возрасте прошла сложный путь эволюции - от биологизаторских и пассивно-приспособительных моделей конца XIX – начала XX века к современным системным, деятельностным и ресурсно-ориентированным подходам. Если в ранних теориях (С. Холл, Ч. Дарвин) подросток рассматривался преимущественно как объект биологических и социальных сил, то в трудах А. Н. Леонтьева, Э. Эриксона и У. Бронфенбреннера он предстаёт как активный субъект, способный не только осваивать социальный опыт, но и творчески преобразовывать среду.

Современный подросток развивается в условиях трансформации традиционных институтов социализации – семьи, школы и сверстников – под влиянием цифровой социализации. Цифровая среда расширяет коммуникативные возможности, но порождает новые риски: кибербуллинг, информационную перегрузку, искажение телесного образа и зависимость от внешнего одобрения. В этих условиях адаптация – осознанный и гибкий процесс, в котором подросток выступает агентом собственного развития, способным критически переосмысливать и преобразовывать свою среду. [13]

Современное понимание адаптации характеризуется междисциплинарностью, динамичностью и акцентом на ресурсах личности и среды. Центральными становятся такие понятия, как адаптивность, личностный адаптационный потенциал (ЛАП) и resilience - психологическая устойчивость, обеспечивающая благополучие даже в условиях стресса и неопределённости.

На наш взгляд, недостаточно изучены личностные предпосылки адаптационных процессов, в частности роль акцентуаций характера. Оценка адаптивности должна выходить за рамки традиционных показателей – саморегуляции, коммуникативного потенциала, ценностной устойчивости – и включать особенности характерологической организации. Существует гипотеза,

что определённые типы акцентуаций – такие как неустойчивый, демонстративный или тревожный – могут как усиливать, так и затруднять адаптационные возможности подростка в зависимости от контекста. Эта взаимосвязь требует дальнейшей эмпирической проверки, особенно в условиях современных социокультурных трансформаций.

Перспективы дальнейших исследований видятся в:

• эмпирической проверке влияния акцентуаций на адаптационный потенциал подростков;

• разработке диагностико-коррекционных моделей, ориентированных на укрепление адаптивных ресурсов;

• внедрении профилактических программ – развитие цифровой грамотности и создание поддерживающей образовательной среды, учитывающей как ресурсы, так и уязвимости подростков.

Эффективная поддержка подростков возможна лишь через комплексный, междисциплинарный и ресурсно-ориентированный подход, учитывающий историческую эволюцию теорий адаптации, индивидуальные особенности личности и вызовы цифровой эпохи. [5; 12]

Адаптация подростков в XXI веке – это не просто выживание, а активное, осмысленное и критическое включение в быстро меняющийся мир. Это динамичный, многомерный процесс становления субъекта, способного творчески взаимодействовать со средой и формировать собственные жизненные пути. Успешная адаптация требует синтеза классических и современных теорий, интеграции междисциплинарных знаний и фокуса на развитии адаптационного потенциала личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахметзянова, А. И. Феномен социально-психологической адаптации в отечественной и зарубежной науке: история изучения / А. И. Ахметзянова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. – 2018. – Т. 12, № 2. – С. 5–10.

2. Александровский, Ю. А. Пограничные психические расстройства: учебное пособие / Ю. А. Александровский. Москва : Медицина, 2000. – 496 с.

3. Анохин, П. К. Принципы системной организации функций / П. К. Анохин. – Москва : Наука, 1973. – 236 с.

4. Березин, Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф. Б. Березин. – Ленинград : Наука, 1988. – 270 с.

5. Бронфенбреннер, У. Экология развития человека : пер. с англ. / У. Бронфенбреннер. – Москва : Смысл, 2019. – 560 с.

6. Дикая, Л. Г. Адаптация: методологические проблемы и основные направления исследований / Л. Г. Дикая // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. – Москва : Изд-во Ин-та психологии РАН, 2007. – С. 17–42.

7. Дарвин, Ч. Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь / Ч. Дарвин. – Санкт-Петербург : Наука, 2023. – 576 с.

8. Звоников, В. М. Взаимосвязь показателей адаптивности с акцентуациями характера студентов / В. М. Звоников, И. В. Ройзман // Вестник восстановительной медицины. – 2014. – № 2 (60). – С. 2–7.

9. Корель, Л. В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики / Л. В. Корель. – Новосибирск : Наука, 2005. – 424 с.

10. Маклаков, А. Г. Общая психология : учебник для вузов / А. Г. Маклаков. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 583 с.

11. Меерсон, Ф. З. Физиология адаптационных процессов / Ф. З. Меерсон. – Москва : Наука, 1986. – 635 с.

12. Налчаджян, А. А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии / А. А. Налчаджян. – Москва : Эксмо, 2010. – 368 с.

13. От самопрезентации к самопроявлению: стратегии подростков-видеоблогеров в социальных сетях // Образование и развитие. – 2023. – № 4. – С. 124–128.

14. Обухова, Л. Ф. Возрастная психология : учебник для вузов / Л. Ф. Обухова. – Москва : Юрайт, 2023. – 460 с.

15. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды : перевод с английского и французского / Ж. Пиаже ; авторы вступительной статьи: В. А. Лекторский, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин. – Москва : Международная педагогическая академия, 1994. – 674 с.

16. Селье, Г. Очерки об адаптационном синдроме / Г. Селье ; перевод с английского В. С. Ильина, Н. Д. Линде ; под редакцией С. М. Павленко. – Москва : Медгиз, 1960. – 254 с.

17. Сидорова, А. А. Психология адаптации человека : учебное пособие / А. А. Сидорова. – Санкт-Петербург : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. – 112 с.

18. Хартманн, Х. Эго-психология и проблема адаптации / Х. Хартманн ; перевод с английского В. Д. Балунова ; под общ. ред. М. В. Ромашкевича. – Москва : Ин-т общегуманитарных исследований, 2022. – 220 с.

19. Эльконин, Д. Б. Психология развития : учебное пособие / Д. Б. Эльконин. – Москва : Академия, 2007. – 256 с.

20. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис : учебное пособие / Э. Эриксон ; общая редакция и предисловие А. В. Толстых ; перевод с английского [А. Д. Андреева и др.]. – 2-е изд. Москва : Флинта, 2006. – 341 с.

21. Werner, E. E. Resilience in development / E. E. Werner // Current Directions in Psychological Science. – 1995. – Vol. 4, № 3. – P. 81–85.

Звоников Вячеслав Михайлович, профессор, доктор медицинских наук, заведующий психофизиологической лабораторией Московского гуманитарного университета. E-mail: vzvonikov@yandex.ru;

Новикова Марина Львовна, клинический психолог, аспирант Московского гуманитарного университета, действительный член Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги. E-mail: mnovikova01@yandex.ru.

Культурно-историческая память в медийном образовании вузовской молодежи

Е. В. Зеленина
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье исследуется роль культурно-исторической памяти в системе медийного образования в качестве фактора формирования профессиональной идентичности и межкультурной компетентности молодежи. На материале опроса студентов-журналистов московских вузов проанализированы механизмы трансляции культурного кода России через медиаконтент и образовательные практики.

Ключевые слова: профессиональная подготовка журналистов, межкультурная коммуникация, культурный код, медиаконтент, межкультурный диалог, образовательная стратегия

Двадцатые годы XXI века стали для России временем существенного мировоззренческого разворота – от ориентации на внешние культурные модели к осознанному обращению к собственным традиционным ценностям, патриотизму и возрождению национального культурного наследия. В 2023 году Владимир Путин в ходе разговора с группой представителей молодежных и патриотических организаций сказал: «народ без памяти не имеет будущего. Не зная прошлого, будущего никогда не будет… Вот если мы не будем уважать сами себя и своих предков, которые сделали возможной нашу сегодняшнюю жизнь, мы не сможем продолжить будущее нашей страны» (Ильина, 2023).

Культурно-историческое наследие выступает важнейшим символическим капиталом народа, будучи хранилищем прошлого и активным ресурсом формирования идентичности и социального единства. Оно объединяет людей через общие символы, традиции и память о значимых событиях, создавая прочный смысловой каркас, на котором держится национальная самоидентификация. В условиях глобализации и информационных вызовов такой капитал становится особенно ценным: он защищает культурную самобытность, обеспечивает преемственность поколений и помогает обществу сопротивляться манипуляциям с исторической памятью.

Помимо ценностно-идеологической роли, культурно-историческое наследие обладает и практической значимостью. Оно служит основой гражданской консолидации – особенно в периоды кризисов, когда общая память о прошлом сплачивает общество

Если ещё в начале первого десятилетия среди части молодёжи доминировали установки на получение зарубежного образования, следование унифицированным западным стандартам успеха и потребительским ценностям, то сегодня на первый план выходят иные приоритеты: интерес к отечественной истории, уважение к традициям, стремление осмыслить собственную культурную идентичность. «Главный культурный эффект 2025 года – появление у молодежи потребности в укоренённости. То, что еще недавно воспринималось как атрибут “старших поколений”, сегодня становится логичным решением

двадцатилетних. В условиях турбулентности мировых процессов молодые россияне ищут поддержку в том, что помогает структурировать личный опыт и возвращает ощущение смысла» (Гераскин, 2025). Эти изменения находят отражение и в сфере образования, где усиливается внимание к культурно-исторической памяти как основе формирования гражданской позиции и профессиональной этики будущих специалистов. Особенно это актуально для журналистов – представителей «четвёртой власти», чьи материалы напрямую влияют на массовое сознание, формируют общественное мнение и задают рамки восприятия реальности миллионами людей.

Сегодня мы сталкиваемся с фундаментальным противоречием, поскольку, с одной стороны, общество остро нуждается в сохранении культурно-исторической памяти как основы национальной идентичности, с другой – современные медиареалии активно подрывают механизмы её передачи. В эпоху цифровых технологий традиционные способы трансляции культурного наследия (семья, школа, классические СМИ) несколько теряют свою эффективность. На смену им приходят новые форматы коммуникации, которые, несмотря на свою доступность и привлекательность, зачастую не способны обеспечить глубину осмысления исторических и культурных процессов (Бегишев, Хайруллина, 2025: 74).

Особенно тревожны последствия этого разрыва для молодого поколения. Ускорение информационного потока и доминирование коротких форматов приводят к фрагментации восприятия: события прошлого теряют причинно-следственные связи, исторические факты упрощаются или искажаются, а ценностные ориентиры размываются. В цифровом пространстве конкурируют множественные интерпретации прошлого, среди которых сложно выделить научно обоснованные версии. Это создаёт риски для формирования целостного исторического сознания и устойчивой культурной идентичности молодёжи.

Особая ответственность в этой ситуации ложится на журналистов как важных посредников между прошлым и настоящим. Однако многие представители медиапрофессии не обладают необходимыми компетенциями для корректной работы с культурно-историческим наследием: не умеют критически анализировать источники, корректно интерпретировать культурные коды, создавать контент, который одновременно был бы привлекательным для цифровой аудитории и достоверным с научной точки зрения.

Таким образом, центральная проблема исследования заключается в поиске эффективных способов передачи культурно-исторической памяти через журналистское образование в условиях цифровой трансформации медиасреды. Необходимо разработать подходы, которые позволят преодолеть риски фрагментации, искажения и утраты смыслов при трансляции культурного наследия, сохранив при этом востребованность и доступность медиаконтента для современной аудитории.

Изучение исторической памяти, культурного наследия, феномена культурного кода и механизмов межкультурной коммуникации принципиально важно для студентов-журналистов (и не только) по ряду причин. Во-первых, эти

знания формируют основу профессиональной компетентности: журналист, понимающий глубинные смыслы и контексты, способен создавать контент, который не просто информирует, но и связывает поколения, сохраняет ценностные ориентиры, противодействует искажению фактов. Во-вторых, владение инструментами межкультурной коммуникации позволяет избегать коммуникативных сбоев, корректно интерпретировать чужие культурные коды и выстраивать диалог с разнородной аудиторией. В-третьих, осознание механизмов формирования исторической памяти помогает критически оценивать информационные потоки, распознавать манипуляции и сохранять объективность. Наконец, в эпоху цифровизации и глобализации такие компетенции становятся универсальным ресурсом: они не только повышают качество медиапродукта, но и способствуют укреплению социальной сплочённости, сохранению культурной идентичности и взаимопониманию между сообществами.

Историческая память является не просто совокупностью сведений о минувших событиях, а сложным механизмом коллективного осмысления прошлого, который формирует самосознание общества. Она включает и зафиксированные факты, и их интерпретации, культурные традиции, художественные образы, запечатлённые в литературе и искусстве. Благодаря исторической памяти общество осознаёт свои корни, извлекает уроки из прошлого и выстраивает траекторию развития. Будучи хранительницей культурного кода нации, историческая память определяет, как мы понимаем настоящее и куда движемся в будущем.

Как отмечают исследователи, «формирование личной памяти начинается с устных рассказов о предках, которые человек принимает на веру, эмоционально погружается в них. Личная историческая память подпитывается так называемыми латентными источниками (семейные архивы и фотоальбомы, устные рассказы родственников и т. д.). Основой общей исторической памяти являются факты, учебники, книги, информация в Интернете. Но и тот, и другой вид исторической памяти выполняют важную функцию – воспитание гражданина в духе ответственности за свою землю перед прошлыми поколениями и перед потомками» (Кащенко, Положенцева, Пилоян, 2019: 48). Другими словами, в семье передаются воспоминания о предках, в локальных сообществах сохраняются местные традиции, а на государственном уровне работают архивы, образовательные программы и СМИ, формирующие исторические нарративы. Важную роль играют символические формы воплощения памяти: национальные праздники, мемориалы, фольклор, художественные произведения. Так, День Победы или День народного единства становятся точками консолидации общества, а памятники и музеи – материальными носителями коллективной памяти. В свою очередь, Р. Ю. Сабанчеев говорит, что историческая память – это сложное социокультурное явление, которое складывается под воздействием разнообразных факторов. В её основе лежит коллективная память: «она

сплачивает общество за счёт shared-опыта – общих воспоминаний, символических образов и исторических повествований, которые передаются из поколения в поколение» (Сабанчеев, 2018: 34). При этом историческая память не является статичной: содержание и акценты могут меняться под влиянием политико-идеологических факторов. Разные государства и социальные группы нередко предлагают собственные интерпретации одних и тех же событий, что особенно заметно на примере постсоветского пространства.

Для высшей школы эта система становится важнейшим инструментом воспитания, так как помогает взрастить поколение профессионалов, способных не только ориентироваться в культурном наследии, но и грамотно транслировать его другим. Особенно это актуально для будущих журналистов, чья работа напрямую влияет на то, как общество воспринимает собственную историю.

Основу воспроизводства культурно-исторической памяти составляют три ключевых канала передачи культурного кода:

1. язык – сохраняет историческую память через лексику, устойчивые выражения, литературные образы и речевые практики;

2. традиции – обеспечивают преемственность поколений, связывая современность с многовековым опытом через ритуалы, обычаи и социальные практики;

3. искусство – делает прошлое зримым и эмоционально ощутимым: литература, кино, театр и изобразительное искусство превращают абстрактные даты и события в живые образы, понятные новым поколениям.

В университетской среде эти механизмы работают в комплексе. Образовательный процесс выстраивается так, чтобы задействовать не только рациональное познание, но и эмоциональную сферу студентов. Это достигается за счёт междисциплинарных курсов, объединяющих историю, культурологию, филологию и медиаисследования; проектную деятельность, которая предполагает взаимодействие с архивными материалами и музейными коллекциями, анализ медиатекстов; партнёрства с культурными институциями (музеями, театрами, библиотеками), что позволяет выйти за рамки аудиторного обучения. Вуз превращается в пространство активного диалога с прошлым. Здесь культурно-историческая память не просто передаётся «как есть», а переосмысливается в контексте современности. Это представляется критически важным для журналистов, так как именно им предстоит стать посредниками между исторической памятью и массовым сознанием. От их способности бережно, точно работать с культурным кодом зависит, насколько целостным и осмысленным будет представление общества о собственном прошлом.

В эпоху цифровых технологий механизмы формирования культурно-исторической памяти у молодого поколения претерпевают существенную трансформацию. Если раньше восприятие прошлого выстраивалось вокруг авторитетных источников и системных образовательных практик, то сегодня мы можем говорить о радикальных изменениях. Культурно-историческая памятьи

начинает складывается из мозаики разрозненных фрагментов, где каждый элемент – будь то мем, кадр из сериала или игровой эпизод – претендует на роль значимого свидетельства (Макарова, Глебова, 2024: 41–42). Многообразие каналов информации (от академических платформ до TikTok и стриминговых сервисов) создаёт эффект «информационного калейдоскопа», когда одни и те же события предстают в десятках интерпретаций, а границы между фактом и вымыслом становятся всё более условными. Особую роль в этом процессе играют визуальные и интерактивные форматы. Яркие образы, короткие видео, инфографика и цифровые реконструкции привлекают внимание эффективнее, чем текстовые описания, смещая фокус с рационального анализа на эмоциональное вовлечение. При этом молодёжь выступает не пассивным потребителем, а активным соавтором исторической памяти. Она создаёт фанатские интерпретации, участвует в сетевых дискуссиях, моделирует исторические сценарии в играх. Такая вовлечённость формирует ощущение личной связи с прошлым, но одновременно повышает риски субъективизации и утраты контекста. Авторитет традиционных хранителей исторической памяти (учителей, музеев, учёных) размывается под натиском блогерских нарративов и алгоритмических рекомендаций, что порождает одновременно плюрализм мнений и угрозу распространения недостоверных сведений (Плынов, 2024).

В результате современная культурно-историческая память молодёжи приобретает парадоксальные черты: она одновременно более доступная (благодаря цифровым ресурсам), но и более фрагментарная; более демократичная (открытая для разных голосов), но и менее надёжная (зависящая от личных фильтров и алгоритмов); более эмоционально насыщенная, но менее системная. Эти изменения требуют переосмысления образовательных стратегий. На смену простому транслированию фактов пришла необходимость развивать у студентов критическое мышление, медиаграмотность и способность встраивать разрозненные сведения в широкий исторический контекст. Только так можно сохранить баланс между живым интересом к прошлому и ответственностью за точность его интерпретации.

В профессиональной подготовке студентов-журналистов (как российских, так и иностранных) ключевую роль играет осмысление четырёх взаимосвязанных феноменов: исторической памяти, культурного наследия, культурного кода и межкультурной коммуникации. Эти понятия образуют целостную систему, позволяющую:

– глубже понять собственную идентичность и уважать культурные особенности других народов и сообществ;

– ответственно подходить к работе с историческим контекстом;

– избегать стереотипизации и коммуникативных сбоев в медиатекстах;

– создавать контент, который находит отклик у разнородной аудитории.

Владение этими компетенциями становится профессиональной необходимостью. Историческая память даёт ключ к анализу событий в их

развитии, культурное наследие служит источником достоверных сведений и выразительных образов, культурный код помогает корректно интерпретировать смыслы, а навыки межкультурной коммуникации позволяют адаптировать материалы для разных аудиторий. Особенно это актуально в глобализированном мире, где медиаконтент мгновенно пересекает границы и требует чуткости к культурным различиям.

Таблица

Взаимосвязь культурно-исторической памяти, культурного кода и межкультурной коммуникации в медиаобразовании

Понятие	**Суть и значение для журналиста**	**Взаимосвязь с другими понятиями**
Историческая память	Коллективное восприятие прошлого (события, личности, традиции), формирующее национальную идентичность. Позволяет анализировать события в контексте, избегать мифологизации и манипулирования фактами.	Опирается на культурное наследие как источник информации; влияет на культурный код через традиции и мифы; задаёт рамки для межкультурной коммуникации.
Культурное наследие	Совокупность материальных (памятники, архитектура) и нематериальных (язык, традиции, искусство) ценностей, передаваемых между поколениями. Даёт материал для медиаконтента, требует бережной репрезентации.	Является носителем исторического опыта и культурного кода; помогает журналистам наполнять тексты культурно значимыми образами.
Культурный код	Система символов, метафор, идиом, жестов и ритуалов, отражающих ценности и менталитет народа. Позволяет корректно интерпретировать информацию и избегать недоразумений.	Формируется под влиянием исторической памяти и культурного наследия; служит «ключом» для межкультурной коммуникации; определяет стиль и язык журналистских материалов.
Межкультурная коммуникация	Взаимодействие между представителями разных культур, требующее учёта различий в ценностях, нормах и языковых кодах. Для журналиста – это навык адаптации контента, борьбы со стереотипами и работы в многонациональной среде.	Зависит от знания культурного кода и уважения к исторической памяти других народов; опирается на понимание культурного наследия; требует критического осмысления медианарративов.

Межкультурный диалог становится неотъемлемым элементом профессиональной подготовки будущих журналистов. Взаимодействие с иными культурными кодами в университетской среде позволяет студентам выйти за пределы привычного мировоззрения, увидеть альтернативные способы осмысления действительности и формы её медиапредставления. В процессе изучения иностранных языков, анализа зарубежных медиатекстов, участия в международных проектах и совместных исследованиях обучающиеся сталкиваются с непривычными нарративами, стилистическими приёмами и ценностными установками – всё это способствует расширению профессионального кругозора и формирует гибкость мышления. Говоря о стратегическом компоненте межкультурной коммуникации студентов, исследователи замечают, что он «включает когнитивно-культурологическую и прагматическую составляющие, представляет наибольшую трудность. Решению задачи научить студента адекватно относиться к проявлениям другой культуры, оценивать вербальное и невербальное поведение собеседника, предвидеть его реакцию и выработать линию поведения помогут: блоги, форумы, чаты, общение в живых журналах, снимающих языковой психологический барьер и способствующих естественному общению с носителями языка; видеоконференции с участием носителей языка, выступающих в роли докладчиков и модераторов» (Акимова, Авакян, 2019: 25). Освоение чужого культурного кода действует как зеркало, в котором отчётливо начинают проступать черты собственной идентичности. Когда студент-журналист погружается в иную культурную среду, он невольно начинает проводить параллели с родной культурой. В этих сопоставлениях рождаются озарения: что является уникальным для его культурной традиции, какие ценности универсальные, а какие – специфичны. Такой рефлексивный процесс помогает усвоить чужие практики и переосмыслить собственные культурные основания, понять их логику и историческую обусловленность (Найман, Гураль, Смокотин, 2013).

Для медиаобразования этот механизм имеет важное значение. Журналист, способный работать на стыке культур, создаёт более глубокий и многогранный контент. Понимание инокультурных кодов позволяет избегать стереотипов в освещении межэтнических тем; находить универсальные смыслы, резонирующие с разной аудиторией; адаптировать форматы подачи информации без потери сути. В итоге межкультурный диалог в вузе превращается в инструмент самопознания и профессионального роста, который не размывает идентичность, а, напротив, укрепляет её через осознанное принятие разнообразия. Именно так формируется новый тип медиаспециалиста: укоренённого в собственной культуре, но открытого к диалогу и способного быть посредником между разными культурными мирами.

Мы провели исследование, посвящённое особенностям межкультурной коммуникации и трансляции культурно-исторической памяти (КИП) в условиях

цифровизации. Объект исследования – формирование культурной идентичности будущих журналистов в эпоху глобализации. В опросе приняли участие 140 студентов двух вузов – МГУ имени М. В. Ломоносова и МосГУ (российских (70 чел.) и иностранных (70 чел.).

Методология основана на интегративном социокультурном анализе, который позволил проследить, как у студентов формируются смысловые установки, ценностные приоритеты и образные представления при взаимодействии с культурным контентом. Исследование велось по трём направлениям:

1. восприятие российской культуры иностранными студентами;
2. взаимодействие российских студентов с профессиональными медиатекстами;
3. способы трансляции культурного кода через призму журналистики.

В ходе исследования выявлены значимые различия и общие закономерности в восприятии культурного контента: историческая память остаётся фундаментальной основой культурной идентичности (80 % иностранных и 65 % российских студентов), при этом иностранные респонденты демонстрируют особую чувствительность к персонажной составляющей произведений (90 %) и языковым особенностям (80 %), что обусловлено погружением в новую языковую среду. Ценностные приоритеты также различаются: среди иностранных студентов наиболее значимы семья (85 %) и милосердие (75 %), тогда как российские студенты на первое место ставят ценность жизни (80 %) и нравственность (75 %). Кроме того, российские респонденты особо отмечают важность сюжетной динамики и мифологических отсылок в медиатекстах (по 80 %), а для 80 % всех опрошенных существенную роль играют цифровые форматы – мультимедийные элементы и интерактивные возможности общения через социальные сети.

Осмысление культурного наследия становится сегодня стратегической необходимостью: именно через КИП происходит передача ценностных ориентиров, обеспечивается преемственность поколений и укрепляется культурная суверенность общества. Для журналистов как «посредников между прошлым и настоящим» владение этим ресурсом особенно важно, так как от их способности корректно работать с историческим контекстом и культурными кодами зависит, насколько целостным и осмысленным будет представление аудитории о собственной истории.

Эмпирические данные (опрос 140 студентов-журналистов) выявили ряд существенных закономерностей. Во-первых, историческая память сохраняет статус фундамента идентичности, хотя акценты различаются: иностранные обучающиеся сильнее фокусируются на персонажной составляющей и языковых нюансах, а российские – на сюжетной динамике и мифологических отсылках. Во-вторых, ценностные приоритеты тоже имеют специфику: если для иностранных студентов на первом месте семья и милосердие, то российские

респонденты выделяют ценность жизни и нравственность. В-третьих, цифровые форматы (мультимедийность и интерактивность) оказались одинаково значимы для всех участников опроса, что указывает на необходимость интеграции новых технологий в процесс трансляции культурно-исторической памяти.

На основе полученных результатов можно сформулировать основные выводы для образовательной практики. Во-первых, вуз должен стать площадкой межкультурного диалога, где студенты не только осваивают чужой культурный код, но и глубже осознают собственную идентичность через сравнение и рефлексию. Во-вторых, программы журналистского образования требуют усиления историко-культурного компонента, сочетающего традиционные методы (работа с архивами, анализ текстов) и цифровые инструменты (интерактивные проекты, медиареконструкции). В-третьих, развитие медиаграмотности и критического мышления должно стать обязательным элементом подготовки: это позволит будущим журналистам противостоять фрагментации памяти и манипуляциям с историческим нарративом. Таким образом, интеграция культурно-исторической памяти в образовательный процесс не только повышает профессиональный уровень журналистов, но и способствует сохранению культурного разнообразия в глобализированном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимова Е. А., Авакян Р. В. (2019). Подготовка студентов к межкультурной коммуникации на основе цифровых технологий // Журнал педагогических исследований, № 3. – С. 23–27.

Бегишев Н. Р., Хайруллина А. А. (2025) Историческая память в цифровую эпоху: педагогические стратегии сохранения и трансляции культурного наследия // Вестник экономики, управления и права, Т. 18, № 2. – С. 72–78. DOI:10.47475/3034-4247-2025-18-3-72-78.

Гераскин И. (2025). 2025: Год возвращения к себе. Как поколение Путина перезапускает культурный код России. URL: https://cpkr.ru/media/kommentarii-ekspertov-tspk/2025-god-vozvrashcheniya-k-sebe-kak-pokolenie-putina-perezapuskaet-kulturnyy-kod-rossii/ (дата обращения: 10.12.2025).

Ильина В. (2023). Владимир Путин: Народ без памяти не имеет будущего // Российская газета. URL: https://rg.ru/2023/02/02/vladimir-putin-narod-bez-pamiati-ne-imeet-budushchego.html (дата обращения: 10.12.2025).

Кащенко Т. Л., Положенцева И. В., Пилоян М. Г. (2019). Феномен исторической памяти в XXI в. // Журнал исторических исследований, № 1. – С. 46–50.

Сабанчеев Р. Ю. (2018). Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, № 1 (43). – С. 33–38.

Макарова Н. П., Глебова С. В. (2024). Культура памяти в цифровую эпоху: «герой эпохи», архив и канон // Дискурсы этики, Т. 22, № 2. – С. 35–54.

Найман Е. А., Гураль С. К., Смокотин В. М. и др. (2013). Взаимоотношения языков и культур и роль культуры в языковом образовании // Язык и культура, № 1 (21). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimootnosheniya-yazykov-i-kultur-i-rol-kultury-v-yazykovom-obrazovanii (дата обращения: 21.12.2025).

Плынов Д. Г. (2024). Современный патриотизм. Особенности формирования патриотических ориентиров российской молодежи. – М. : Издательские решения. – 140 с.

Зеленина Елена Васильевна, профессор кафедры журналистики Московского гуманитарного университета, какдидат филологических наук. Адрес: 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7(499) 374-60-91. Эл. адрес: okokhanaya@mosgu.ru.

Проблемы использования нейросетей в российском дизайн-образовании

О. В. Зинюк
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматриваются современные вызовы нейросетей в российском дизайн-образовании: некорректность контента, деградация профессионализма, сложность использования в производстве, отсутствие оптимизации кода, проблемы авторства.

Ключевые слова: дизайн-образование, нейросеть, проблемы, контент, творчество, авторство, безопасность.

Широкое использование в России искусственного интеллекта (ИИ) началось в январе 2019 года, когда президент страны Владимир Путин дал поручение правительству разработать подходы к национальной стратегии развития ИИ. В конце 2019 года была утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (Указ Президента РФ № 490, 2019: Электр. Ресурс). Шестилетний опыт использования ИИ в цифровом пространстве России дает возможность провести анализ преимуществ и вызовов внедрения нейросетей в дизайн-образовании.

Несомненными преимуществами ИИ являются избавление обучающихся и преподавателей от рутинных операций, возможность генерации идей для графического и образовательного контента, помощь в оформлении текстовой и визуальной информации. Однако использование нейросетей в отечественного дизайн-образовании показывает наличие ряда серьезных проблем.

Искажение отечественного исторического контента

Причиной исторических ошибок нейросетей является то, что Россия занимает только 29-е место в мировом рейтинге развития искусственного интеллекта (популярные графические нейросети – Kandinsky, NightCafe AI). Лидерами являются США (40% – нейросети Midjourney, DALL-E, Microsoft Designer, Jasper Art, Artbreeder) и Китай (25% – DeepSeek, Qwen и Kling AI), далее идут страны ЕС и Великобритания (Stability AI, NightCafe AI, Leonardo.AI) (Деловой профиль, 2025: Электр. Ресурс). В рамках современной политической ситуации и сложившегося негативного отношения к России зарубежные ИИ «обучаются» на заведомо предвзятых, искаженных или неверных исторических данных. Большое количество нейросетей искажают российскую государственную символику (флаг, герб), подменяют советскую и российскую военную форму иностранной, выводят неверные даты исторических событий. Парадоксальным является то, что популярная российская сеть Kandinsky «формирует заведомо негативный образ России и положительный образ недружественных стран» – лидер партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду»» Сергей Миронов написал заявление в генпрокуратуру РФ на нейросеть

Kandinsky за антироссийскую пропаганду. Он ввел в нейросеть ряд текстовых сообщений, на основе которых были созданы изображения с «негативным образом России» (НДН.ИНФО, 2025: Электр. Ресурс). Очевидно, что использование таких нейросетей в дизайн-образовании приводит к формированию ошибочного графического контента при создании исторической печатной и рекламной продукции и наносит неоспоримый вред воспитанию молодежи, так как противоречит идеям «преемственности традиций, формирования патриотизма и уважения к истории страны» (Ильинский, 2022).

Некорректные графические изображения

Основная проблема графических нейросетей (Midjourney, Fooocus, Krea, GigaChat, Kandinsky) заключается в том, что ИИ генерирует изображения, используя заложенные в них базы данных готовых шаблонов и примеров (цветов, изображений, форм и т.д.). «Обучение» нейросетей заключается только в расширении заложенной информации. В случае отсутствия в базе нужного контента, точно соответствующего промпту, нейросеть создает изображения на основе похожих элементов, то есть, по сути, является или аппроксиматором (заменяет ненайденные объекты другими, близкими к исходным), или интерполятором (ищет промежуточное «усредненное» изображение между имеющимися). В результате нейросети создают изображения с «артефактами», особенно в сложных, невидимых и прозрачных объектах. ИИ не может корректно усвоить особенности человеческой анатомии и часто рисует лишние конечности, нарушает пропорции лица и тела, не может передать выразительность взгляда. Вышесказанное ограничивает возможности для разработки уникальных дизайн-проектов, требующих интуиции, эмоционального восприятия, глубокого понимания культурных ценностей и фундаментальных знаний и навыков (Нейросети в дизайн-образовании, 2025: Электр. Ресурс).

ИИ, в отличие от человеческого разума, не обладает умением экстраполировать, то есть не способен оценивать информацию за пределами имеющихся данных и распространять «знания», полученные в результате генерации одного объекта, на другой, он «запоминает» ответы, в то время как человек выявляет закономерности. Таким образом, нейросеть не обладает эвристикой, то есть неспособна самостоятельно решать проблемные задачи на базе эмпирического анализа и творческого поиска. Генерация контента ИИ имеет векторную направленность «нейросеть-пользователь», что исключает возможность корректировки контента посредством обратной связи.

Деградация профессиональной компетентности

Нейросети позволяют создавать графические объекты за короткое время по текстовому запросу без навыков: владения академическим набором средств и приемов создания художественных образов, цветоведения и колористки, композиционных законов, классических творческих техник графики и живописи,

типографики, дизайн-проектирования, без умения использования технологий обработки информации разных типов с помощью компьютерных графических пакетов. Обучающиеся графические дизайнеры начинают полностью полагаться на результат работы ИИ, перестают понимать разницу между собственным творчеством и результатом работы нейросети, в результате чего у них возникают сомнения в необходимости освоения профессиональных компетенций и фундаментальных навыков и умений, что подрывает основы классического образования (Вартанова, 2019). Ошибки нейросетей приводят к необходимости корректировки или доработки полученных визуальных решений, что обуславливает для обучающихся обязательность владения классическими методами и приемами профессионального дизайнера.

Сложность использования нейромоделей в производстве

Дизайн-проектирование тесно связано с производственным процессом изготовления рекламной продукции и носителей, таких как рекламные щиты, упаковка, баннеры, сувенирная продукция, канцелярские принадлежности, гаджеты и аксессуары. Процесс внедрения моделей в производство требует наличия точных инженерных чертежей в международном формате STP, что при использовании нейросетей приводит к следующим трудностям:

– нейросети не используют инженерные стандарты чертежей (ГОСТ, ISO, ANSI), не умеют учитывать ограничения по технологии и особенности использования материалов;

– для «обучения» неросетей нужны миллионы трехпроекционных чертежей, но большинство инженерных моделей – коммерческая или закрытая информация;

– нейрогенерация «статична», то есть в созданном объекте очень сложно изменить размеры и пропорции, а в изготовлении продукции модель должна быть параметрической и редактируемой;

– нейросети не могут провести проверку модели на работоспособность: если человек сразу видит ошибки, например, невозможность изготовления или подбора нужного материала, то ИИ не умеет анализировать модель на правильность;

– созданные в нейросетях 3D-модели перегружены полигонами, что создает трудности для их редактирования и приводит к неоправданным затратам вычислительных ресурсов.

Отсутствие оптимизации скриптинга

Профессиональное дизайн-образование предусматривает изучение программирования посредством разработки скриптов в графических пакетах, которое используется для автоматизации рутинных графических операций и ускорения работы (скриптинг). Например, в растровых, векторных редакторах (Photoshop, GIMP, Illustrator) используются языки скриптинга JavaScript и AppleScript; в программах анимации и 3D-моделирования (Animate, Flash,

Blender, Sweet Home 3D) – языки ActionScript, Python; в графических web-редакторах, которые используют код и визуальные инструменты для создания веб-сайтов (Figma**,** Dreamweaver) – программы разметки HTML, CSS, PHP. Программы, созданные нейросетями (Craftum AI, Mottor, Tilda AI, Nethouse, GigaChat), часто содержат избыточные или недостающие ветви, излишне громоздки, отличаются от написанной человеком отсутствием модульности и противоречивой логикой, что затрудняет их отладку и сопровождение и замедляет выполнение операций.

Проблемы авторства

В России нет законодательства, регулирующего использование нейрогенерируемых изображений. Графические нейросети, например, такие как Midjourney и Stable Diffusion, используют изображения, созданные художниками и дизайнерами, чьи права не учитываются. Это противоречит этическим принципам, которые должны прививаться в образовании и приводит к тому, что все студенческие дизайн-проекты по сути являются плагиатом и копипастом. Работы, созданные с помощью ИИ, могут быть оспорены правообладателями, особенно если они содержат элементы, сгенерированные на основе защищенных материалов. Т. о. изображения, сгенерированные ИИ, не являются авторским творчеством, в связи с чем моральную и правовую ответственность за сгенерированные материалы несут пользователи нейросетей.

Таким образом, окончательный выбор, доработка и воплощение идей должны оставаться прерогативой профессионального дизайнера, обладающего уникальным творческим видением и художественным вкусом. ИИ – это помощник (генерация идей, базовые формы), но ключевые этапы (точные модели, чертежи) требуют человека. Дизайн-проектирование с помощью ИИ – не панацея, а вызов, требующий баланса: от этичного регулирования до повышения цифровой грамотности. Будущее ИИ лежит в плоскости создания и эффективного функционирования гибридных моделей. В таких моделях взаимодействия нейросети берут на себя обработку и первичную фильтрацию огромных массивов информации, а люди-аналитики, опираясь на эти данные и собственную экспертизу, проводят анализ и принимают взвешенные окончательные решения. Роль нейросетей в российском дизайн-образовании должна быть осознанной, контролируемой и педагогически обоснованной. Главная задача – не заменить дизайнера искусственным интеллектом, а научить будущих специалистов использовать новые технологии в качестве расширения собственного творческого потенциала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вартанова Л. К. (2019) Методы развития творческой способности в формировании профессионализма в графическом дизайне. В сборнике: Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений. XV международная научная

конференция. Доклады и материалы. В 2-х частях. Под общей редакцией И. М. Ильинского. 2019. С. 579–585.

Ильинский И. М. (2022) Молодежь России и проблемы образования (пути, которые выбирали не мы): монография / И. М. Ильинский. М. : Издательство Московского гуманитарного университета. 812 с.

Нейросети в дизайн образовании (2025). Сайт HSEUNIVERSITY. [Электронный ресурс]. – URL https://hsedesign.com/project (дата обращения 20.10.2025).

Нейросети для дизайнеров (2025). [Электронный ресурс]. – URL: https://otvetdesign.ru/blog/nejroseti-dlya-dizajnerov (дата обращения 25.10.2025).

Российская Федерация. Законы (2019). Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 10.10.2025).

Сайт Деловой профиль (2025). [Электронный ресурс]. – URL: https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rynok-iskusstvennogo-intellekta-v-rossii/ (дата обращения 28.10.2025).

Сайт НДН.ИНФО (2025). [Электронный ресурс] // URL: https://ndn.info/novosti/266532-deputat-obvinil-nejroset-sberbanka-v-rusofobii-za-negativnyj-obraz-rossii (дата обращения 28.09.2025).

Зинюк Ольга Викторовна, кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры дизайна Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-72-98. Эл. адрес: olgazinyuk@rambler.ru.

Этика и экономическая теория (взгляды русских экономистов начала XX века)

Л. М. Ипполитов
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды русских экономистов начала XX века на место и роль этики в методологии политической экономии.

Ключевые слова: этика, экономическая теория; российская экономическая мысль конца XIX – начала XX века

Проблема места и роли этики в экономической науке, их совместимости была и остается одной из важнейших в области методологии экономических исследований. Она по-разному решалась различными школами экономической мысли. Так, историческая и социальная школы, многие представители близкого к ним по взглядам традиционного («вебленовского») институционализма полагали необходимым и возможным применение этического подхода в экономической теории. В противоположность им неоклассическое направление резко критикует такой подход как несовместимый с подлинно научной теорией.

Правомерность социально-этического подхода в экономических исследованиях была предметом дискуссий не только в мировой, но и в отечественной политической экономии начала XX в. Убежденным сторонником данного подхода был один из крупнейших русских экономистов этого периода М. И. Туган-Барановский (1865–1919). Начав свою деятельность как один из ведущих теоретиков «легального» («критического») марксизма, на рубеже XIX – XX вв. в политической экономии он стремится создать собственную теоретическую систему на базе синтеза достижений различных школ и направлений этой науки: марксизма, исторической школы, элементов маржиналистской теории. Несмотря на известный эклектизм учения Туган-Барановского, ряд его концепций можно отнести к институционалистскому направлению экономической науки.

Постмарксистские философские взгляды Туган-Барановского были ориентированы на философию Канта, главным образом на этическое учение, приверженцем которого он был и которое творчески развивал. В области социальной философии важнейшей темой творчества ученого была разработка собственной версии теории этического социализма, основанной на положении этики Канта о человеческой личности как верховной цели в себе и о равенстве всех людей как ее носителей. В области методологии политической экономии Туган-Барановский различал две ступени научного, в том числе экономического, познания: *описание* явлений и *объяснение* их. При этом важнейшим и определяющим актом научного описания является решение вопроса о том, с какой точки зрения будет описываться данное явление, какие признаки его будут

рассматриваться как существенные, а какие – как несущественные. Противоречивость социально-экономических интересов различных социальных групп является препятствием для познания хозяйства с точки зрения общества как целого. Поэтому для построения единой, не зависящей от социально-классовых противоречий, экономической науки Туган-Барановский считал необходимым применить *критерий общеобязательности точки зрения этики* как цели и высшего практического интереса описания хозяйственных явлений и процессов. Точка зрения этики, сформулированное Кантом положение о верховной ценности человеческой личности и равноценности всех людей, позволяет возвыситься над противоположностью социально-экономических интересов и найти практический интерес, общеобязательный для всех людей с нормальным нравственным сознанием (см. Туган-Барановский, 1998: 47–49).

Туган-Барановский применил социально-этический подход («общеобязательную этическую точку зрения») при построении своих институционалистских экономических теорий, в частности, для классификации хозяйственных систем общества, при описании важнейших феноменов капиталистического экономического развития, а также для обоснования неизбежности смены капитализма новым, более справедливым и эффективным общественным строем.

В своей классификации экономических систем общества, представленной в работе «Теоретические основы марксизма» (1905), Туган-Барановский выделял две основные группы: *гармонические* и *антагонистические* системы хозяйства. В первую группу, характеристическим признаком которой является совпадение в одном лице субъекта хозяйственного предприятия и работника, он включил: 1) семейное производство для собственного потребления производителей; 2) меновое хозяйство мелких самостоятельных производителей; 3) социалистическое хозяйство будущего, основанное на свободной кооперации производителей, владеющих средствами производства. Существенной характеристикой всех этих хозяйственных систем является то, что в них непосредственные производители владеют средствами производства и определяют направление производства. Вторая группа – антагонистических хозяйственных систем, по Туган-Барановскому, включает в себя: 1) рабовладельческое, 2) крепостное и 3) капиталистическое хозяйство. Здесь средства производства принадлежат не рабочим, а главе хозяйственного предприятия, который управляет им, определяет цели и направление его развития. Антагонизм экономических интересов и социальное неравенство коренятся в самом существе этих систем хозяйства (см. Туган-Барановский, 2003: 201–202).

«Основной парадокс капиталистического (и вообще всякого антагонистического) хозяйства», согласно Туган-Барановскому, состоит в том,

что, поскольку в этой экономической системе субъектом хозяйствования является относительно меньшая часть общества, а большая часть выступает в роли его объекта, то «…хозяйство из средства удовлетворения общественных потребностей становится средством простого расширения производства, в ущерб народному потреблению, иными словами, хозяйство перестает достигать своих естественных целей» (там же: 208).

Однако крушение капитализма, по мнению Туган-Барановского, не является экономической необходимостью. В основе смены этого строя более высокой формой хозяйства лежит заложенное в нем внутреннее противоречие – между основным хозяйственным принципом капитализма (работник является простым хозяйственным средством) и основной этической нормой (человеческая личность без различия есть высочайшая цель в себе). В процессе экономического развития не только происходит все более глубокое осознание данного противоречия широкими общественными группами, но и создаются средства для его разрешения. В то же время новый социальный идеал, согласно Туган-Барановскому, сможет победить только тогда, когда он будет удовлетворять интересам мощных социальных групп и, в то же время, соответствовать господствующему в обществе моральному сознанию (см. там же: 216–217).

В экономическом учении Туган-Барановского характерный для институционализма (в широком смысле) социально-этический подход в наибольшей степени проявился в *социальной теории распределения*. Последняя систематически и наиболее полно изложена в работе «Социальная теория распределения» (1913), подытожившей исследования ученого в этой области. Не вдаваясь в содержание этой теории, остановимся на ее методологических аспектах.

Необходимость построения научной теории распределения, по его мнению, связана с практическими задачами социальной политики. Туган-Барановский подчеркивал, что в методологическом аспекте теория распределения – особое учение, не совпадающее с теорией ценности, вследствие чего невозможно рассматривать ее как частный случай проблемы ценности. Проблема распределения обусловлена отношениями зависимости между доходами основных общественных классов, связанных между собой условиями капиталистического производства и обмена (рабочего класса, капиталистов и землевладельцев). Основанием взаимосвязи между заработной платой, прибылью и земельной рентой является система экономических отношений между тремя указанными классами в капиталистической хозяйственной системе. «В объяснении этой связи и заключается специфическая проблема распределения политической экономии – проблема sui generis, не сводимая ни к какой другой» (Туган-Барановский, 1913: 11).

При этом явления распределения, по его мнению, – не особые самостоятельные феномены, а лишь результаты капиталистического процесса воспроизводства, рассматриваемые с позиций интересов его участников.

Логика исследования процесса распределения, согласно Туган-Барановскому, не только не совпадает, но даже противоположна теории ценности. Ценность – логическая категория, возможная в хозяйстве изолированного индивида. Распределение же – историческая категория социального хозяйства; оно возможно лишь в обществе с исторически сложившейся социальной структурой. Обе основные теории ценности (трудовая теория и теория предельной полезности) исходят из предпосылки социального равенства участников обмена. Однако «… участники актов распределения не только не равны в социальном отношении, но именно в этом неравенстве и состоит сущность самого феномена распределения» (там же: 15). Кроме того, социальные роли участников распределения, в противоположность участникам товарного обмена, строго фиксированы. Индивидуалистический подход в теории распределения неприемлем, поскольку он игнорирует взаимосвязь трех основных видов доходов общества, в ней необходима *социальная точка зрения*.

Доходы вообще, и заработная плата, в частности, не являются исключительно феноменами цены. Они заключают в себе нечто большее, которое и составляет их сущность, а именно – *социальное неравенство контрагентов, общественные отношения власти и зависимости*, особенно сильно влияющие на результаты распределения. Несмотря на то, что доходы приобретают форму цен, в сущностных своих характеристиках они не определяются условиями ценообразования. «Феномен распределения по своей внутренней природе не представляет собою феномена ценности, хотя он и является в форме ценности. Это положение должно послужить основанием истинно научной социальной теории распределения» (там же: 28), – подытоживал Туган-Барановский.

Процесс распределения социального продукта между различными общественными классами, которые внутренне связаны в рамках капиталистического хозяйства – это не простой процесс обмена, но сложный результат борьбы социальных классов за увеличение принадлежащей им доли общественного продукта. В этой борьбе силы борющихся сторон существенно не равны. Это социальное неравенство представляет необходимое основание процесса распределения, явлений заработной платы и прибыли. Уровень заработной платы, согласно Туган-Барановскому, зависит не от специфического продукта труда (в смысле маржиналистской теории предельной производительности), а от *чистого общественного продукта*, созданного трудом всех людей, необходимым для эффективного функционирования общественного хозяйства. Однако только часть чистого общественного продукта

достается рабочим, тогда как другая часть присваивается нетрудящимися классами, которые опираются на свою экономическую силу. Исходя из этого, Туган-Барановский формулирует обобщающее положение, в котором заключается сущность его теории: «Таким образом, с точки зрения *социальной теории распределения*, высота заработной платы в данном обществе определяется двумя факторами – *производительностью общественного труда*, определяющей, как велик общественный продукт, подлежащий разделу между общественными классами, и *социальной силой рабочего класса*, от которой зависит доля общественного продукта, поступающего в распоряжение рабочего» (там же: 48).

Социально-экономическую природу прибыли Туган-Барановский трактует как выражение социального неравенства, характеризующего капиталистический хозяйственный строй, поскольку владельцы средств производства (которых лишены их непосредственные производители) обладают экономической властью, позволяющей им присваивать часть общественного продукта, причем как доход, не основанный на труде. Понятие эксплуатации, помимо этого объективного момента, заключает в себе еще и *этический элемент*, причем «…именно в моральной оценке и заключается самое существенное понятия эксплуатации» (там же: 69). Сущность эксплуатации, согласно Туган-Барановскому, заключается в нарушении кантианского принципа равноценности человеческой личности. Количественное ее выражение, общественная норма прибыли, «определяется… тремя факторами: *производительностью общественного труда, соотношением социальной силы капиталистов и рабочих и скоростью оборотов общественного капитала*» (там же: 90).

В своем отношении к социально-этическому подходу как методу исследования и к социальной теории распределения современники Туган-Барановского были далеко не единодушны. Близкую к его позиции точку зрения высказывал С. Н. Булгаков, чьи взгляды по проблеме распределения национального дохода имеют ярко выраженную этическую окраску. Этический подход, применение этических критериев при описании экономических процессов и явлений роднит Туган-Барановского с Булгаковым. Однако Булгаков ориентировался на принципы христианской, в частности, православной этики, тогда как Туган-Барановский – на кантианскую этику. (Данные аспекты экономического учения Булгакова отражены в наших предыдущих работах).

Но преобладал критический подход. Наиболее острой критике социальная теория распределения была подвергнута сторонниками маржиналистского направления. Так, русский экономист-математик В. К. Дмитриев еще в 1909 г. в рецензии на первое издание «Основ политической экономии» Туган-Барановского утверждал: «…Включение социального момента в систему современной *абстрактно-дедуктивной теоретической* экономии

принципиально (по методологическим основаниям) невозможно; изучение влияния социального фактора на явления народнохозяйственной жизни может и должно составлять предмет *индуктивной* социологии, имеющей своей задачей установление *эмпирических* законов общественных явлений» (Дмитриев, 1909: 109–110).

Другой видный представитель русского маржинализма А. Д. Билимович в критической работе «Социальная теория распределения» (1916) защищал отвергнутое Туган-Барановским положение о том, что проблема распределения есть частный случай теории меновой ценности и цены, связанный с расценкой участия факторов производства в хозяйственном процессе. По мнению Билимовича, если бы социальная теория распределения была принята как особая, самостоятельная теория, призванная заменить другие теории доходов, то это привело бы к негативным последствиям с точки зрения развития экономической теории: «Если бы случилось это, новая теория завела бы русскую экономическую мысль в новый тупик, аналогичный тому, в который она надолго попала под влиянием трудовой теории ценности *K. Marx`a*» (Билимович, 2009: 415–416).

Итак, при построении своей теории Туган-Барановский реализовал свойственный институционализму социально-этический подход к анализу феномена распределения доходов, рассмотрение общественного хозяйства как единого совокупного общественного процесса, взятого в его целом.

Институционалистский характер социальной теории распределения Туган-Барановского проявляется и в том, что она базируется на отказе от теории ценности как основы теории распределения. В этом заключается фактическое признание им ограниченности возможностей абстрактно-теоретического подхода к анализу социально-экономических явлений. (Заметим, что возражения против социальной теории распределения, высказанные маржиналистами, связаны в основном с этим пунктом, что лишний раз подтверждает институционалистский характер данной теории, альтернативный маржиналистским воззрениям). В связи с этой ограниченностью абстрактно-дедуктивного метода для исследования проблемы распределения Туган-Барановский применил присущий институционализму междисциплинарный подход, сочетая экономический анализ с использованием социологии. Он уделил самое пристальное внимание и вопросу об институте экономической власти, обусловленной исторически сложившейся социальной структурой общества, его институциональной системой. Экономическая власть («соотношение социальных сил») выступает у него и как регулятор социально-экономических отношений, и как фактор распределения доходов общественных классов.

В русле институционалистской теории находится и такой прием исследования, как учет действия внеэкономических факторов в хозяйственном процессе. Речь, в частности, идет о привлечении Туган-Барановским этических

аргументов для нормативной оценки категории прибыли и феномена эксплуатации трудящихся. Наконец, подчеркнем, что социальная теория распределения рассматривалась Туган-Барановским в качестве теоретической основы для осуществления социальных реформ, для проведения государством активной социальной политики, обоснование необходимости которой, как известно, является одной из характерных черт системы взглядов институционалистского направления экономической теории вообще и его раннего этапа – в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Билимович, А. Д. (2009) Социальная теория распределения // Солнцев С. И., Туган-Барановский М. И., Билимович А. Д. Социальная теория распределения / Под ред. М. Г. Покидченко, Е. Н. Калмычковой. М. : Наука. 436 с. С. 375–416.

Дмитриев, В. К. (1909) Новый русский трактат по теории политической экономии. [Рецензия на книгу М. И. Туган-Барановского «Основы политической экономии». СПб., 1909] // Русская Мысль (СПб.). Кн. 11. С. 102–125.

Туган-Барановский, М. И. (1998) Основы политической экономии / Сост., предисл. Г. Н. Сорвиной; науч. ред. С. Е. Хорзова, Г. Н. Сорвиной. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 663 с.

Туган-Барановский, М. И. (1913) Социальная теория распределения. СПб. : [4], 96 с.

Туган-Барановский, М. И. (2003) Теоретические основы марксизма. Изд. 3-е, стереотипное. М. : Едиториал УРСС. 224 с.

Ипполитов Леонид Михайлович, кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономических и финансовых дисциплин Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395 Россия, Москва, ул. Юности, 5, кор.2, ауд. 40. Тел.: +7 (499) 374-73-61. Электронный адрес: ilm74@bk.ru.

Исследование, посвященное правовому регулированию алгоритмической ценовой дискриминации, нарушающей работу с большими данными в рамках новой технологии

Study on the Legal Regulation of Algorithmic Price Discrimination Infringement of Big Data under New Technology

Кан Ци
Пекинский объединенный университет
Kan Qi
Beijing Union University

Abstract: With the development of new technologies such as big data and artificial intelligence, algorithmic price discrimination in the new technological environment has also emerged, posing a threat to consumer rights and social fairness. The constitutive elements of algorithmic price discrimination infringement, on the other hand, include infringement behavior, damage results and infringement fault. In order to effectively regulate algorithmic price discrimination, consumers can be given the right to opt out, and tort liability can be clarified based on the Personal Information Protection Law. Through the joint efforts of law and society, the problem of algorithmic price discrimination can be solved to realize the harmonious development of modern human society under the environment of new technology.

Keywords: big data, algorithm, price discrimination, constituent elements, legal regulation

I. Formulation of the problem

In today's era, led by emerging information and communication technologies such as big data and artificial intelligence, an intelligent society driven by artificial intelligence and algorithms is accelerating. Algorithms have greatly improved the social and economic efficiency and had a profound impact on the evolution of state and social relations. [1]

Algorithms have contributed to the rapid development of the Internet economy. However, algorithmic discrimination is a new form of discrimination that has arisen alongside emerging technologies such as artificial intelligence and algorithmic techniques. Algorithmic technology is intervening in the price formation mechanism with the help of the "digital hand", through continuous tracking and in-depth analysis of consumers' purchase records, personal information, and other data, to accurately assess the maximum amount of payment that consumers can afford. This phenomenon is defined as "algorithmic price discrimination".

This paper intends to start from the specific meaning of algorithmic discrimination, analyze the constitutive elements of algorithmic price discrimination infringement, and finally propose the legal regulation of algorithmic price discrimination infringement.

[1]] See Tianguang Meng and Zhenzhen Li, "Governing Algorithms: Ethical Principles of Algorithmic Risks and Their Governance Logic," Academic Forum, Vol. 1, No. 1, 2022.

II. Elements of the tort of algorithmic price discrimination

Consumers are infringed when they consume according to discriminatory algorithms, and the causal relationship between the behavior and the result is obvious, and what needs to be clarified and unified are the three elements of behavior, consequence, and fault. [1]

(i) The tort of algorithmic discrimination

First, the subject of the infringement should be clearly the user of the algorithm. Although algorithmic discrimination may originate from the bias of the algorithm designer or instructor, it is only through the use of the algorithm that these biases are transformed into actual discriminatory behavior. The infringement of consumer rights and interests must occur in the process of using the algorithm, which belongs to the operator's wrongful use of the algorithm. Whether an operator knew or should have known of algorithmic discrimination does not affect the characterization and composition of its wrongful use of the algorithm.

(ii) Consumer damage outcomes

Harmful outcome is the objective element of algorithmic discrimination infringement. In the case of manifestly wrongful acts, legal rules can directly characterize the results of the damage. In addition to the Tort Liability Section of the Civil Code and the Law on the Protection of Consumers' Rights and Interests, many legal rules can also effectively characterize the damage results of algorithmic discrimination infringement. For example, the principle of handling personal information in Article 1035 of the Civil Code can be used as the factual judgment standard of the damage result.

(iii) Algorithmic discrimination infringement fault

In determining algorithmic discrimination, the close correlation between the subjective element and the burden of proof must be highly valued. Judicial practice favors the application of the general fault principle to the tort of algorithmic discrimination, but the general fault principle is not suitable for the tort of algorithmic discrimination. Algorithm technology itself cannot prove the fault of the designer or user, and the general fault liability requirement is to prove that the algorithm's differential treatment is due to the operator's fault. Therefore, the application of the principle of presumption of responsibility for fault is reasonable. The principle of presumption of liability reasonably allocates the burden of proof between the perpetrator and the victim, has the function of balancing the status and interests of the perpetrator and the victim, and reflects the pursuit of substantive fairness in modern tort law.

IV. Path to Legal Regulation of Algorithmic Price Discrimination Infringement

(i) Ex ante prevention: giving consumers the right to opt out

[1]] See Meng Qinguo, "Key Issues in Governing Algorithmic Discrimination against Consumers' Rights and Interests - Taking Big Data Killing as a Perspective", Law Application, No. 3, 2023.

In response to the development of the digital economy, the E-Commerce Law explicitly provides that Internet enterprises must seek consumer consent for the provision of personalized search services, i.e., the consumer "opt-in" mechanism. However, the consumer "opt-in" mechanism has a utility dilemma: although Internet companies are obliged to seek consumers' consent, in practice, consumers are often unaware of the possibility of algorithmic discrimination by Internet companies before using the services. [1]In order to solve the above problems, China can further explicitly grant consumers the right to be free from the influence of algorithmic personalized decision-making in the Personal Data Protection Law, the E-Commerce Law, and the Consumer Rights and Interests Protection Law, so as to impose constraints on algorithmic discrimination. The benefits of this mechanism are to encourage Internet companies to handle personal data in a prudent and lawful manner in the whole process of service provision, and to actively prevent algorithmic discrimination. [2]

(ii) Ex post facto relief: clarification of tort liability based on the Personal Information Protection Act

Among the constituent elements of the tort liability for big data killing, it is more difficult to identify the tortious act and the result of the damage. Regardless of whether or not there is big data familiarization, online platforms will not take the initiative to inform consumers of the existence of differential treatment. Therefore, a more feasible option is to presume that the differential treatment belongs to the unreasonable differential treatment caused by big data killing. In terms of the burden of proof, consumers only have the burden of proof for the collection of personal information and the implementation of differential treatment by online platforms, and the platforms should prove the reasonableness of the differential treatment. [3]The primary issue of damage determination is whether the result of consumers purchasing goods based on differential pricing constitutes a kind of damage. For explicitly wrongful acts, the legal rules are sufficient to directly characterize the damage result. Therefore, the damage in Big Data is the infringement of personal information rights and interests, and the excessive price paid is the specific amount of that damage. [4]

V. Conclusion

To summarize, legal regulation should keep pace with the times, continuously improve relevant laws and regulations, clarify the definition of responsibility, and strengthen law enforcement. At the social level, it is necessary to strengthen public awareness and understanding of the problem of algorithmic discrimination and enhance consumers' awareness and ability to protect their rights. Only in these ways can we truly realize the goal of technology to promote the economy and benefit society, and to

[1]] See Li Dan, "Algorithmic Discrimination Against Consumers: Behavioral Mechanisms, Definition of Profit and Loss, and Synergistic Regulation", Journal of Shanghai University of Finance and Economics, No. 2, 2021.

[2]] See Gao Xueqiang, "Algorithmic Adjudication and Its Regulation in the Age of Artificial Intelligence," Journal of Shaanxi Normal University (Philosophy and Social Science Edition), No. 3, 2019.

[3]] See Yin Fenglin and Li Lingjuan, "Three Dimensions of Algorithmic Private Governance: Subjects, Contents, and Modalities," Monthly Journal of Theory, No. 3, 2021.

[4]] See Tian Ye, "Risk as Damage: Revolutionizing the Concept of Tort "Damage" in the Age of Big Data", Politics and Law, No. 10, 2021.

realize the healthy development of modern human beings in the new technological environment.

REFERENCE

[1] Meng Tianguang and Li Zhenzhen. Governing Algorithms: Ethical Principles of Algorithmic Risks and Their Governance Logic [J]. Academic Forum, 2022 (1): 113–126.

[2] Meng Qinguo, Key Issues in Governing Algorithmic Discrimination against Consumers' Rights and Interests - Taking Big Data Killing as a Perspective [J]. Law Application, 2023 (3): 37–47.

[3] Li Dan, Algorithmic Discrimination Against Consumers: Behavioral Mechanisms, Definition of Profit and Loss, and Synergistic Regulation [J]. Journal of Shanghai University of Finance and Economics, 2021 (2): 17–33.

[4] Gao Xueqiang, Algorithmic Adjudication and Its Regulation in the Age of Artificial Intelligence [J]. Journal of Shaanxi Normal University (Philosophy and Social Science Edition), 2019 (3): 161–168.

[5] Yin Fenglin and Li Lingjuan, Three Dimensions of Algorithmic Private Governance: Subjects, Contents, and Modalities [J]. Monthly Journal of Theory, 2021 (3): 141–149.

[6] Tian Ye, Risk as Damage: Revolutionizing the Concept of Tort "Damage" in the Age of Big Data [J]. Politics and Law, 2021(10): 25–39.

Сотрудничество вуза и музея в образовательном и воспитательном контексте

С. П. Калита
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация. В статье рассматривается интеграция потенциалов музея и вуза для расширения образовательной среды современной высшей школы. Анализируется потенциал музея в развитии общекультурных и профессиональных компетенций студентов, делается акцент на особенностях музейной практики.

Ключевые слова: музей, образование, высшая школа, культурно-образовательное пространство, компетенции, цифровизация, музейная практика.

В настоящее время, согласно Указу Президента РФ № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» (от 12.05.2023), происходит структурная реорганизация и реформирование системы высшего образования в России. Поэтому актуальным является поиск возможностей и партнеров для системы высшей школы, способствующих повышению качества подготовки специалистов всех направлений. В связи с этим логично вузам более активно взаимодействовать с таким традиционным, авторитетным и разноплановым социокультурным институтом как музей. Следует отметить, что как вузы, так и музеи играют ключевую роль в трансляции знаний и ценностей. Исторически связанные, эти институты развивались относительно независимо, но в современном мире интеграция их потенциалов приобретает особую значимость. Информационно-коммуникационные технологии открывают новые возможности для их коллаборации, и это обстоятельство важно учитывать при работе с молодежью, которая родилась и живет в эпоху цифровых технологий. Современное, динамично меняющееся общество требует постоянной модификации образовательных и музейных институтов тем более – их взаимодействия.

В предлагаемой статье предпринимается попытка показать преимущественные возможности современного музея как ресурса вузовской образовательной среды и как эффективного партнера, помогающего решать как образовательные, так и воспитательные задачи. Именно музеи должны и могут способствовать выработке общей концепции становления новых поколений россиян и формированию жизнеспособного поколения. В настоящее время особенно актуальна «совокупность идей и положений, определяющих мировоззренческие основы, идеологию, цель, содержание, задачи, принципы, основные формы и методы воспитательной деятельности субъектов воспитания, а также способы взаимодействия воспитателей и воспитуемых в процессе этой деятельности, сущность которой определяется, с одной стороны, интересами и требованиями общества к личности, с другой – интересами самой личности и ее отношением к обществу и государству» (Ильинский, 2022: 131)

Ни для кого не секрет, что современная молодежь, для которой характерна клиповое мышление и потребность в визуальном восприятии информации,

погружена в цифровой мир. Эти особенности требуют от системы образования адаптации к этим обстоятельствам. А. В. Костина справедливо отметила, что «системы образования, проявляя существенное запаздывание по отношению к развитию научного знания (что вполне естественно, так как в образование должно входить только то, что имеет апробацию и является общепризнанным), и в настоящее время опираются в своих практиках на процедуры объяснения. Его содержание составляет процесс раскрытия существующих смыслов, направленный на «размещение раскрытых значений в когнитивной модели познающего субъекта» (Костина, 2022: 79).

Музей как социокультурный институт, в свою очередь, выступает как пространство, где знания представлены прежде всего через материальные объекты – музейный предметы. Это позволяет преодолевать ограничения сложившихся образовательных практик и нарастающую виртуализацию окружающей действительности. Поэтому взаимодействие вуза и музея создаёт благоприятные условия для синтеза объяснительных и интерактивных методов, что важно для поколения с клиповым мышлением, ориентированного на визуальные и мультисенсорные форматы восприятия. Костина подчёркивает, что понимание – это не только «восстановление» изначальных смыслов, но и «эвристическая познавательная процедура», направленная на «приращение знания» и «продуцирование смыслов в процессе деятельности и общения. Этот процесс включает в себя анализ и накопление оценок, решений, алгоритмов действий, которые актуализируются в контексте самой постановки задачи». (Костина, 2022: 78). Данный тезис обосновывает педагогическую ценность музея как среды, где студенты вовлекаются в активный процесс интерпретации, критического осмысления нового знания с опорой на подлинники. В отличие от аудиторных занятий, музейные экспозиции и проекты стимулируют самостоятельное построение моделей с использованием подлинных музейных предметов. Это способствует развитию креативности, более глубокому пониманию наследия в контексте реальных или смоделированных с учебной целью задач.

По мнению Т. А. Тореевой, образовательная аксиоматика является доминантой социального развития и отражает актуальные противоречия информационного общества, в условиях которого происходит трансформация аксиологических оснований и ретрансляция духовных ценностей. (Тореева,2025:34). Поэтому современный музей, с его многогранными ресурсами, просто не может оставаться неким досуговым институтом. Сегодня музей должен привлекать внимание молодежи и интегрировать ее в музейное пространство. А «заполучив» молодежь в свою пространство, фокусировать ее интересы и внимание на непреходящих ценностях и уникальной информации, заключенной в музейных предметах, что позволяет прививать интерес к разным видам наследия. Само по себе музейное пространство может существенно обогатить общекультурную и профессиональную подготовку студентов: обращение к реальному наследию хранящемуся в музейных фондах, трудно переоценить. Это позволяет решать не только традиционные общекультурные

задачи, но и профессиональные, способствуя развитию как "hard skills", так и "soft skills", что отражено в национальной доктрине образования.

В настоящее время необходимо расширять границы образовательных и музейных взаимодействий, создавая инновационные среды обучения, используя музеи в качестве специфических и достоверных источников современного образования. С этой целью надо постепенно, шаг за шагом, выстраивать современную коллаборацию по разным направлениям и формам. Уже сейчас многие музеи организовывают и проводят разнообразные просветительские проекты и акции, ориентированные на молодежную аудиторию: «Студент в музее", "Ночь музеев», специальные студенческие лектории, квизы, викторины, олимпиады, квесты. Получают распространение в разных формах организованные мероприятия, связанные с совместным обсуждением специальных музейных вопросов с музейными сотрудниками на занятиях в университете (концепция открытого музея). Ведется постоянный поиск новых форм интеграции образовательной деятельности музеев с системой высшего образования с учетом уникальности музейных коллекций. Делаются попытки организовывать не только виртуальное знакомство с музейными коллекциями музея с использованием доступа к музейным фондам в онлайн-режиме, но и реальное знакомство с музейными предметами не только на экспозициях, но и в открытом хранении.

Особое значение в контексте интеграции музея и университета приобретает музейная практика студентов, позволяющая соединить теоретические знания и практический опыт. Это и понятно: практика – это не разовые посещения музейного пространства, а специально выделенное время в учебном плане, когда студент интегрируется в работу учреждения, в данном случае – музея. В оптимальном варианте практика должна включать различные формы работы: от экскурсионной деятельности до научно-исследовательской работы с фондами. На этом этапе студенты могут выступать не только в качестве работников музея, но и в качестве волонтеров, что позволяет более глубоко понять специфику музейной деятельности (Казанцева, 2023: 32). Совместные проекты (научное описание коллекций, кураторские практики, digital-документирование) могут превратить музей во время практики в живую лабораторию. Студенты учатся работать с первоисточниками, ставить исследовательские задачи, презентовать результаты, тем самым актуализируя на практике полученные в вузе в теоретической форме знания. Музей – это как раз то пространство, где, по выражению Костиной, «понимание разворачивается как эвристическая познавательная процедура». Работа с экспонатом требует от студента не просто запоминания фактов, а выдвижения гипотез, сравнительного анализа, интерпретации в контексте. Такой процесс ведёт к «приращению знания» и формированию своей исследовательской позиции. Например, для историка анализ письменных источников на разных носителях, для филолога – изучение подлинников рукописей в литературных музеях, для культуролога – организация экспозиционного пространства или осмысление разного вида музейных коллекций. Для студентов технических и естественнонаучных направлений технические музеи, помимо истории индустриального наследия,

демонстрируют необходимость социальной ответственности учёного и инженера.

Очевидно, что воспитательная функция университета не должна ограничиваться университетской аудиторией, и музей в данном случае тоже «подставляет плечо». Музей, являясь институтом памяти и культурной рефлексии, органично становится активным союзником в формировании гражданской, профессиональной и общекультурной идентичности студента. Погружение в исторический и культурный контекст, возможный только в музее, способствует развитию чувства сопричастности к малой родине, большой стране. Молодой человек учится пропускать через себя национальное и мировое наследие. Диалог с прошлым способствует осознанию себя как части исторической преемственности, воспитывает уважение к культурному разнообразию и формирует ответственное гражданское сознание. «Музей – это культурное развивающее учреждение. Даже если жизнь молодого человека никак не будет впоследствии связана с музеем, ему чрезвычайно полезно для собственного развития хотя бы какое-то время посмотреть изнутри этот сложный, иногда противоречивый, но, несомненно, богатый музейный мир» (Калита. 2019: 123)

Отдельная тема – практика студентов профильных специальностей. Эта профессиональная практика включает в себя все вышеописанные позиции и не только их. Ведь музей для студентов профильных вузов – это первое профессиональное сообщество, где студент ощущает себя музейщиком. Подготовка музейщиков связана с определенной спецификой. Так, по мнению О. С. Сапанжи, музейное образование – это «…развитие жизненного опыта чело века на основе музейной коммуникации» (Сапанжа 2016: 131), а образовательная деятельность в музее – целенаправленный и структурированный процесс активизации компонентов музейной коммуникации с целью формирования жизненного опыта((Сапанжа, 2017:76). А петербургский музеевед Е. Н. Мастеница считает, что «музееведческое образование — это своеобразный способ овладения культурой сквозь призму музея и его функций по отношению к культуре и обществу» (Мастеница,2006:25).

Работа в музее прививает нормы профессиональной этики, понимание изнутри высокой миссии музейщика. хранителя и интерпретатора культурных ценностей. Поэтому музейную практику для музеологов следует выстраивать как последовательный дидактический цикл, постепенно переводящий студента из позиции заинтересованного посетителя, наблюдателя в позицию аналитика, сотрудника, профессионала. В начале практики должен быть подготовительный этап, в процессе которого студент переходит от общего интереса к музею к профессионально сфокусированному рассмотрению, изучению и вживанию. Это включает изучение музеологической литературы, публикаций музея, изданных им каталогов, сборников конференций. На этом этапе важен анализ как опубликованных, так и неопубликованных источников о конкретном музее. Такие материалы хранятся в архиве музея, в отделе письменных источников музея, в личных архивах старых сотрудников. Знакомство с информацией такого

рода будет способствовать осознанию музейной истории, пониманию миссии этого конкретного музея в самом высоком смысле.

Все указанное, в свою очередь, будет влиять на понимание текущих проектов данного музея, прокачку навыков формулирования профессиональных проблем, связанных с конкретными музейными процессами. Проблемы могут быть самыми разными, например, касающихся эффективности выставочной коммуникации или специфики работы с определённой коллекцией. Погружение в мир музейных предметов даст импульс подумать над концепцией комплектования фондов. А знакомство с устоявшимися в данном конкретном музее методами ведения культурно-образовательной деятельности даст возможность оценить их свежим взглядом и внести некоторые новации, свойственные свежему молодому взгляду. Все это придаст целенаправленный характер последующей деятельности и даст возможность утвердиться молодому человеку в правильности выбора профессии.

Следующий этап музейной практики для музеологов можно назвать полевым. В процессе этого этапа происходит не пассивное и скорее созерцательное знакомство с музеем, как у студентов «немузейных» специальностей, а активное, осмысленное исследование музея как сложной системы, занимающейся комплектованием, изучением и хранением разного вида наследия. На этом этапе объектами изучения становятся все ключевые направления музейной деятельности, которые студент как бы «примеряет на себя». Во-первых, это допустимая интеграция в научно-фондовую деятельность музея, осуществляемая, разумеется, в рамках разрешённого доступа. Студенты приходят в хранилища не экскурсантами, а пусть начинающими, но музейщиками, которые в процессе деятельностного подхода знакомятся с особенностями хранения музейных предметов из разных коллекций, наблюдают за соблюдениями тепло-влажностного режима в хранилищах разного типа, вникают в принципы учета, пробуют свои силы в научном описании музейных предметов. Во-вторых, взгляд изнутри на экспозиционно-выставочная деятельность музея глазами не посетителя, а экспозиционера. Студенты изучают и подвергают критическому анализу существующую постоянную экспозицию музея и временные выставки, осуществляемым музеем в период практики. Пробуют свои силы в оценке сценографии, нарратива, подбора и группировки экспонатов, этикетажа, введенного в экспозицию мультимедиа. Пытаются оценить соответствие заявленной концепции экспозиции. Очень хорошо, если юному будущему музейщику будет предоставлена возможность принять посильное участие в разработке текущего тематико-экспозиционного плана будущей выставки. В-третьих, изучается и анализируется культурно-образовательная и просветительская работа. Студенты активно наблюдают за экскурсиями, мастер-классами, лекциями, викторинами, квестами, квизами и другими формами работы с посетителями, интегрируются в них, оказывают посильную помощь музейным сотрудникам. После знакомства пытаются дать оценку используемым методикам взаимодействия с посетителями. В-четвертых, студенты участвуют с разрешения администрации в анализе работы сайта, социальных сетей, PR-стратегий музея. Эта сфера, как правило, для молодежи

особенно интересна, и молодые помощники могут оказать музею реальную помощь.

В идеале студент-музеолог на практике выступает в роли «внутреннего критика». После активного восприятия большого объема «инсайдерской» музейной информации, поработав на разных участках разноплановых музейных специализаций, юный музейщик пытается фиксировать и осмыслять как достижения, так и проблемы в ставшем ему знакомом музее. Полученные знания полезно обсудить со старшими коллегами как в формальной (отчет по практике), так и в неформальной форме.

В рамках модернизации образовательной функции музейного пространства в некоторых музеях для студентов-практикантов предлагается использовать две взаимодополняющие инновационные технологии: квест-экскурсия и QR-кодирование экспозиции. Как показывает практика, студенты с энтузиазмом работают помощниками и модераторами такого рода занятий, сопровождая проведение этих акций и консультируя посетителей.

Как правило, в музее квест-экскурсия представляет собой синтез традиционной экскурсионной методики и элементов игровой деятельности (геймификации). Эта технология на современном уровне решает задачу трансформации пассивного посетителя в активного участника. В основе - принцип поисково-познавательной деятельности, где информацию надо добыть посредством преодоления специально придуманных разного рода препятствий, от отгадывания загадок, декодировки шифров до решения серьезных логических задач. Посетителям предоставляется тематический маршрут по музейной территории, куда может включаться не только экспозиционное пространство, но и реставрационные и таксидермические мастерские, музейные оранжереи и даже буфеты. Посетителям выдается пакет заданий, ключи к которым целенаправленно спрятаны где-нибудь в потаенных уголках музея, куда разрешен доступ и надо догадаться, что они там. Квест может быть разработан по разным музейным территориям, в том числе – по историческому архитектурному комплексу музейного здания. Это даст возможность изучения объектов культурного наследия, совмещая процесс с историческим повествованием и элементами приключения. Игровой компонент повышает мотивацию, способствует командному общению и обеспечивает более глубокое запоминание увиденного в музее за счет эмоциональной вовлеченности и самостоятельного поиска. Как правило, студенты с интересом не только работают с посетителями во время квестов, но и сами любят их проходить.

Также студенты с удовольствием работают с QR-кодированием, которое сейчас широко внедряется в музеи как современный инструмент дигитализации экспозиции. Сейчас он используется для решения проблемы информационной перегруженности экспозиционных стендов и обеспечения многоуровневого доступа к информации. В современных музеях ключевые экспонаты и узловые точки экспозиции снабжаются QR-кодами. Это дает возможность посетителю при помощи своего телефона получить быстрый доступ к расширенному цифровому контенту музея. Музейные экспозиционера получают возможность вывести подробные описания, исторические справки, архивные фотографии и

видеоматериалы за физические пределы витрины. А посетитель получает возможность сам регулировать темп собственного погружения в информацию. Экспозиция же, в свою очередь, сохраняет эстетическую целостность, и не перегружается текстовыми блоками. Таким образом, комбинация квест-экскурсии (макроуровень взаимодействия с музеем) и QR-кодирования (микроуровень взаимодействия с отдельным экспонатом) формирует многослойную интерактивную среду. Эта среда отвечает запросам современного, в первую очередь молодого, посетителя, сочетая аутентичность музейного предмета с цифровыми технологиями и игровыми механиками, что в совокупности повышает образовательный и рекреационный потенциал музея. Участие студентов в подобных активностях, как правило, вызывает энтузиазм и продуктивные диалоги с со штатными сотрудниками музея.

В конце практики студенты пишут отчет по заданной форме, анализируя и осмысляя увиденное и сделанное ими за отчетный период, сверяют свои полевые наблюдения, сделанные в музее, с теоретическими выкладками. Проводится систематизация всех полученных в ходе практики данных, а также сравнительный анализ практик в разных музеях, если практика была в нескольких учреждениях. На основе этого формулируются выводы, находящие свое отражение в итоговом документе – отчёте по практике. Очень хорошо, если отчет будет с элементами проектного предложения. Это может быть концепция конкретной выставки, сценарий викторины или рекомендации по оптимизации зоны приёма посетителей. Любые проектные предложения развивает навыки профессионального мышления будущего музеолога. Представляется, что практика, организованная по данной модели, целенаправленно формирует ядро профессиональных компетенций будущего специалиста музейного дела.

В процессе музейной практики не только для музейщиков, но и для студентов не музейных специальностей все практиканты будут находиться в музейной образовательной среде, что является мощным фактором воспитательного процесса студентов практически всех направлений. Искусство, исторические свидетельства, личные истории, зафиксированные в музейных экспонатах, вещевые, изобразительные, фонические и письменные источники обладают мощным эмоциональным воздействием. Они развивают способность к сопереживанию, многомерному восприятию человеческого опыта, что является важнейшей составляющей гуманитарного воспитания личности. Музейная практика позволяет перейти от монологической модели передачи знаний к диалогической осмыслению, развивая у студентов навыки критического мышления, исследования и понимания увиденного. Это будет формировать у студентов ценностное отношение к культурному наследию, способствовать становлению профессиональной и гражданской идентичности, развивать эмоциональный и эстетический интеллект.

Хочется верить, что партнёрство вуза и музея перестаёт быть факультативным. Оно становится необходимой инфраструктурой для подготовки конкурентоспособного, творческого и социально ответственного специалиста XXI века, способного не только усваивать, но и продуцировать новые смыслы в сложном, быстро меняющемся мире. Таким образом,

кооперация музея и высшей школы на данный момент представляет собой стратегически важный элемент современной педагогики. Это союз может быть эффективным и плодотворным. Он соответствует как вызовам цифровой эпохи, так и воспитанию жизнеспособного поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Указ Президента РФ No 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» от 12.05.2023. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120005

Ильинский, И. М. (2022) Концепция воспитания жизнеспособных поколений российской молодежи // Ильинский, И. М. Молодежь России и проблемы образования (пути, которые выбирали не мы). М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 812 с. С. 131–172.

Костина, А. В. (2022) Понимание и его социокультурная обусловленность: от гносеологии – к онтологии // Знание. Понимание. Умение. №2. С. 72–81.

Казанцева О. А. (2023). Музейное образование студентов-историков в Удмуртском государственном университете. Вопросы музеологии 14 (2): 229–238. https://doi.org/10.21638/spbu27.2023.20

Калита С. П. (2019) Музейное образование на немузейных кафедрах// Мировые тренды и музейная практика в России. сборник статей международной научной конференции. Ответственный редактор Сундиева А. А., 2019. С. 121–131.

Мастеница Е. Н. (2006). Музееведческое образование: сущность и задачи. Николаева Н. С. (сост.). Музей. Экскурсия. Туризм: сб. мат-лов конф. Санкт-петербургского государственного университета культуры и искусств. СПб. : СПбГУКИ: 20–27.

Сапанжа О. С. (2016). Стратегии карьерного развития в области музейного образования. Вопросы музеологии 2 (14): 3–10. Сапанжа О. С. 2017.

Сапанжа О. С. (2017). Музейное образование и музейная педагогика в российской академической традиции и практике музейного дела: границы использования понятий и их содержание. Общество: социология, психология, педагогика 1: 75–78.

Тореева, Т.А. (2025). Аксиологический компонент подготовки педагогов-исследователей в классическом университете: педагогические и философские аспекты. Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование, 23(1), 28–53. https://doi. org/10.55959/LPEJ-25-02

Калита Светлана Павловна, доцент кафедры теории и истории культуры РУДН, кандидат культурологии, доцент, 117198, гМосква, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. E-mail: sve-kalita@yandex.ru.

Субстрат морали в интенциях современной прессы

П. Н. Киричёк
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье анализируются рабочие механизмы морального свойства, креативным образом функционирующие в секторе общественного воспитания с помощью идеологических и технологических средств журналистики.

Ключевые слова: журналистика; мораль; медиатекст; воспитание; интенции прессы

Либеральные концепты, утверждавшие в российской журналистике 1990-х гг. в качестве естественного начала индифферентное отношение к общественной морали, в наши дни уже стали анахронизмом. Не лёгкую иронию, а жёсткую критику сейчас вызывает модный прежде постулат того же покроя об «информировании без воспитания» как главной специфике журналистского функционала в рыночных условиях. Всё чаще со стороны науки звучат весомые голоса в пользу обязательной прописки высокой морали, а значит и вектора добродетельного воспитания массовой аудитории в периметре медийной деятельности. Им всё громче вторят не менее авторитетные голоса со стороны сегодняшней отечественной практики, которые ссылаются на творческое наследие недавних по историческим меркам корифеев публицистического слова, бывших в своё время настоящими властителями дум старшего, среднего, младшего поколений нашей страны, – Михаила Кольцова, Валентина Овечкина, Анатолия Аграновского, Георгия Радова, Валерия Аграновского, Анатолия Гудимова, Ольги Чайковской, Анатолия Рубинова, Станислава Токарева, Льва Филатова и др.

Между тем говорить в настоящее время о том, что в журналистской работе, а также в пределах медийного вузовского образования, непременно присутствует феномен морали, а значит и элемент воспитания граждан вербально-визуальными средствами, будет хотя и правильным, но явно недостаточным. Пришла пора уразуметь в деталях, что с моралью происходит на глубинном уровне креативного процесса, порождающего медийный продукт любой сложности, кроме простейшей одноактной заметки, где нравственная подоплёка начинается и заканчивается на этапе выбора журналистом информационного повода для публичного выступления. Если взять нравственную сущность происходящего «здесь и сейчас» в системном виде, то можно обнаружить каждый раз возникающую при рождении медийного текста подвижную область пересечения нескольких моральных пластов, каждый из которых обладает своим специфическим вектором. Ранее автор уже поднимал эту научно-исследовательскую тему (Киричёк, Федотова, 2004: 48-50), однако двадцать с лишним лет спустя она уже требует более широкой и глубокой разработки.

С точки зрения комплексного подхода в названной «области пересечения» образуется, наподобие швейного клубка сплетённых нитей, целостный субстрат разновидностей общественной и профессиональной, коллективной и

индивидуальной морали, адекватной по своему уровню конкретно-историческому периоду технического и гуманитарного состояния и развития людской мегаобщности. Сложная пропорция этих разновидностей в ходе сознательного и стихийного взаимодействия на протяжении всего творческого процесса определяет конечный результат, а именно: потребительную стоимость медийного продукта, которая возникает из диалектической суммы входящих в него нравственных ингредиентов и включает в свой круг в обязательном порядке моральный и даже воспитательный импульс (акцент) массового предназначения.

Первый нравственный ингредиент, целиком зависящий от объективной – «хорошей или плохой» – природы самого факта, события, явления окружающей действительности (или индивида, коллектива), взятого журналистом в творческую разработку в качестве информационного повода для публичного выступления, представляет собой конкретный образец морали (высокой, средней, низкой), который вызывает адекватную реакцию служителя прессы – либо одобряющую, поддерживающую, утверждающую (аккумуляция добра), либо, наоборот, осуждающую, отрицающую, отвергающую (аннигиляция зла):

а) в первом случае объект отражения в связи с характером моральной консистенции обладает позитивно-нравственными свойствами, которые по шкале общечеловеческих ценностей отвечают критериям социального прогресса, или, простыми словами, данный факт относится к светлым сторонам действительности и заслуживает публичного одобрения, что и делает журналист, например: «В Брянской области займутся образованием волонтёров. Регион победил на федеральном конкурсе поддержки волонтёрского движения «Регион добрых дел» и получил грант – шесть миллионов рублей. На Брянщине госденьги пойдут на создание областного Дома волонтёров. Сюда сможет обратиться каждый нуждающийся в помощи добровольцев человек» (Раевская, 2019: 2);

б) во втором случае объект отражения в связи с характером моральной консистенции обладает негативно-нравственными свойствами, которые по шкале общечеловеческих ценностей отвечают критериям социального регресса, или, простыми словами, данный факт относится к тёмным сторонам действительности и заслуживает публичного осуждения, чего, кстати, журналист не делает, например: «Кража века – так обозначили воскресное ограбление Лувра. Из знаменитого музея были похищены девять исторических украшений французской короны стоимостью 800 миллионов евро. И общественность мгновенно отреагировала на это событие мемами! Общество любит обсуждать мировые инфоповоды, скандалы и происшествия. Они помогают людям и выплеснуть эмоции, и собрать охваты в социальных сетях» (Диденко, Суворова, 2025: 5).

Второй нравственный ингредиент, целиком зависящий от субъективной – «хорошей или плохой» – человеческой натуры самого журналиста, степени его воспитанности, толерантности, эмпатичности, представляет собой конкретный образец морали, который обусловливает принципиальный подход автора к отражению факта, события, явления действительности, взятого в качестве информационного повода для публичного выступления. Высоконравственный,

совестливый, ответственный человек в тоге журналиста, всегда помнящий о воздействующей на общество силе слова, кадра, цифры, обязательно заметит и публично поддержит важное и полезное начинание или достойный подражания поступок индивида, деяние группы людей (аккумуляция добра), при этом он непременно увидит и публично осудит серьёзное отклонение от цивилизованных норм человеческого общежития или любой ухудшающий повседневную жизнь недостаток (аннигиляция зла).

Напротив, безнравственный, циничный, безответственный человек в личине журналиста, нередко забывающий о воздействующей на общество силе слова, кадра, цифры, часто следует в рамках профессионального поведения пресловутому принципу целесообразной избирательности, в основе которого лежит самая банальная выгода – чаще материальная, реже моральная. Он может, например, не обратить внимания на благополучное устройство в селе обретшей здесь надёжный кров, труд и быт многодетной семьи беженцев из Ближнего зарубежья (такое сообщение читателям, слушателям, зрителям, пользователям, по мнению служителя прессы, будет не интересно!), зато неимоверно «раздуть» слухи о намечающейся экологической катастрофе в данной местности в связи с выделением близлежащей земли под мусорную свалку (такое, наоборот, будет очень интересно!).

Третий нравственный ингредиент, целиком зависящий от объективно-субъективной – «хорошей» или «плохой» – социальной позиции медийного издания (официального, оппозиционного, нейтрального), представляет собой конкретный образец групповой (редакционной, телеканальной, аудиовещательной) морали, который прямо или косвенно отражается на повседневном выполнении журналистом своих профессиональных – идеологических и технологических – обязанностей, тоже имеющих глубокую нравственную подоплёку. В традиционных медиасредствах сотрудники обычно фильтруют информационные поводы по принципу «что такое хорошо и что такое плохо» и выбирают для отображения в основном социально значимые жизнеутверждающие темы, проблемы, сюжеты, не противоречащие нравственно здоровым представлениям и рефлексиям большинства людей, что обнаруживается навскидку уже в заголовках материалов, например: «Свобода и смыслы»; «Чубайсовщина уходит? В руки государства возвращаются ключевые предприятия»; «В поисках социальной справедливости. Возможно ли сократить бедность?»; «Русская суть языка. Куда она пропала из Национального словарного фонда?»; «Читайте с детьми»; «Архип Куинджи: свет души человеческой»; «Всё существует вечно» (Чухлебова, 2025: 23).

И, наоборот, в отдающих дань рыночной морали медиасредствах сотрудники не заморачиваются поиском фактов, событий, явлений позитивного характера, свидетельствующих о признаках прогресса в основных сферах жизнедеятельности граждан – в труде, быту, досуге. Тут больше занимаются другим – ловлей на карандаш всего нетипичного, или сенсационного, шокирующего, пикантного, но с обязательным эпатажным душком, то и дело ставящим под сомнение справедливость простых нравственных истин, что тоже

обнаруживается уже в заголовках материалов, например: «Похороны в канализации»; «Как Таню Овсиенко шустрый карлик ублажал»; «Толстяку Стасу Дужникову ушивают желудок»; «Хохлушки массово лепят «вареники» между ног»; «Актриса пряталась от маньяка в туалете на даче Шеварднадзе»; «Гузеева выпытывала интимные тайны у 113-сантиметровой коллеги»; «Дочка лучшей подруги Волочковой оказалась воровкой»; «В странных рисунках Антона Павловича зрителям чудятся вагины и фаллосы» (Коробкова, 2025: 6).

Журналисты как активные публичные пользователи устоявшихся в людской мегаобщности образцов социетальной, групповой, индивидуальной морали находятся под постоянным прессом общественного мнения. В качестве комплексного, прежде всего – нравственного, регулятора общественное мнение накрывает всю рабочую (коммуникационную) ситуацию журналистского профиля: от выбора темы до литературного оформления собранного материала. При этом «плохой» журналист нередко позволяет себе игнорировать в своих выступлениях регулятивную силу общественного мнения, а «хороший» служитель прессы учитывает данный фактор в первую очередь. Первый рано или поздно оказывается в проигрыше, а второй, наоборот, в выигрыше.

В истории отечественной прессы это становится аксиомой: умелая апелляция журналиста к общественному мнению с опорой на массовое единодушие всегда идёт на пользу – больше того, она придаёт авторской аргументации дополнительный вес нравственно-позитивного толка, например: «Четвёртого ноября мы празднуем День народного единства. Мы дорожим симфонией народов, населяющих нашу ненаглядную Родину, единением их трудов, верований, языков и культур, неповторимым стремлением к национальному благу, которое сливается в благо всех населяющих Россию народов – в наше общее российское благо. Это праздник гражданский, он сопровождается митингами, шествиями, торжественными собраниями. В День народного единства повторяю: «Один народ. Одна судьба. Одно бессмертие» (Проханов, 2025: 1).

Увы, как показывает вся пореформенная практика российской журналистики, тот самый когда-то вожделенный рынок, в котором она оказалась по своей воле и отчасти поневоле, не располагает к сантиментам в духе евразийской нравственности. В результате в морально стерильных раньше газетных публикациях, аудиальных передачах, телевизионных программах уверенно обосновался не свойственный отечественной прессе антигуманизм, как, например, в заметке следующего содержания: «Свою собаку, которая едва не была повешена в лифте, спасала утром 10 марта жительница одного из городов на севере Подмосковья. Часть поводка от собаки осталась за пределами кабины. Когда лифт тронулся, то поводок натянулся, превращаясь в удавку для лабрадора. Хозяйка пыталась отстегнуть питомца, и его удалось уберечь от страшной смерти ценой вырванного с корнем пальца на левой руке. Большой палец левой руки висел на сухожилиях под дверями лифта, его нашли сосед и родственник пострадавшей, вышедший из квартиры после ЧП» (Собачнице отрезало палец в лифте, 2025: 1).

Судя по откровенно-циничному заголовку, где пострадавшая женщина названа «собачницей», а также по дальнейшему, более чем хладнокровному и пошловатому, описанию трагической ситуации, эту заметку готовил для печати не добрый, а злой человек. Во-первых, он не удосужился замерить на весах морали деликатный характер реально случившейся беды как информационного повода для публичного выступления. Во-вторых, он не выразил в тексте пострадавшей женщине ни грана сочувствия. В-третьих, он по касательной прошёлся по факту несвоевременного оказания ей медицинской помощи. Главным для журналиста было найти «жареное» событие, выплеснуть на-гора сенсацию, эпатировать публику. И он превратил несчастный случай с человеком и его питомцем в «чернушный» сюжет, вызывающий бездушное любопытство и даже смакование. После его прочтения гуманистов среди читателей точно не прибавится. А вот циников и «пофигистов» наверняка станет числом поболее…

Если в миссии журналистской деятельности, наряду с элементами образования и управления по адресу граждан, присутствуют и экзерсисы воспитания, то этот важный момент накладывает ещё одну специфическую обязанность на систему вузовской подготовки будущих служителей прессы. Речь идёт о педагогике самой журналистики, не допускающей в свои ряды не только аморальных людей, но и других индивидов, не способных быть просто добрыми, отзывчивыми, заботливыми, спокойными, тактичными, объективно разбирающимися во всевозможных социальных коллизиях. В этом смысле неизбежный отсев учебного контингента должен происходить не только по причине зачётно-экзаменационных задолженностей, но и по критерию нравственной профнепригодности, который лучше применять уже на стадии отбора в студенты из числа абитуриентов путём глубокого их тестирования и расширенного собеседования.

Конечно, скептики от педагогики могут заподозрить автора в том, что он предлагает внедрить в процесс конкурсного отбора молодёжи в студенты чуть ли не испытание на том самом полиграфе, на котором в компетентных органах проверяют подозрительных людей на причастность к иностранной разведке. Что ж, утрировать можно любое начинание, даже самое полезное. Но в данном случае речь идёт всего лишь о сопутствующем традиционной процедуре творческого конкурса психологическом тестировании (определении реакций) абитуриента по уже апробированному на практике интроспективному модулю (опроснику), разработанному специалистами в области психологии личности. Письменно заполнить анкету и устно откомментировать предложенную для анализа морально неоднозначную ситуацию, вызывающую адекватные реакции кандидата в студенты, это не слишком сложная по части её организации технология выявления нужных профессии человеческих качеств.

В итоге, действующий корпус журналистов изначально не должен засоряться недобрыми людьми, пусть даже талантливыми, но, увы, склонными к тому, чтобы использовать ресурсы своей профессии во зло, а не во благо обществу. Служителю журналистики, который своим словом или кадром деформирует, как часто случалось в 1990-гг., людские души накатами злости,

истерии, неприязни, эта профессия противопоказана. Качественную, отвечающую всем позитивным критериям, прессу для массового потребления могут создавать лишь специалисты, обладающие не только умной головой, но и добрым сердцем. Последнее, разумеется, не предполагает с их стороны всепрощенческого поведения по отношению к ещё встречающимся язвам и порокам повседневной жизни людской мегаобщности. Журналистика, по своим возможностям влиять на сознание человека, – великая гуманная профессия, которая помогает ему и всему обществу самосохраняться и развиваться по вектору повышающей социализации. И чтобы не вставать в оппозицию набирающему сегодня моральную силу творческому цеху отечественных служителей-гуманистов, каждый журналист должен, помимо тренированной креативной мускулатуры, уже с вузовской скамьи обладать большой душой, отфильтрованной высокой добродетелью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Диденко А., Суворова Е. (2025) Как общественность реагирует на кражу века в Париже // Вечерняя Москва. 22 октября. С. 5.

Киричёк П. Н., Федотова О. В. Этика журналиста. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2004. 140 с.

Коробкова Е. (2025) Тайный мир Чехова // Экспресс газета. 16 июня 2025. С. 6.

Проханов А. (2025) Русская триада // Завтра. Ноябрь, № 44(1658). С. 1.

Раевская М. (2019) На Брянщине построят Дом волонтёра за шесть миллионов рублей // Брянские известия. 19 июля. С. 2.

Собачнице отрезало палец в лифте (2025) // Московский комсомолец. 12–18 марта. С. 1.

Чухлебова А. (2025) Всё существует вечно // Литературная газета. 5–11 ноября. С. 23.

Киричёк Пётр Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-60-91. Эл. адрес: press@mosgu.ru

Современный дискурс о традиционных ценностях: теоретический и практический аспекты

Ю. В. Клепикова
НИГ НИУ ВШЭ.
Школа философии и культурологии

Аннотация. В статье анализируется дискурс о традиционных ценностях в гуманитарных образовательных дисциплинах в контексте современных социальных и политических вызовов. Автор статьи – исследователь интеллектуального наследия Г. П. Федотова, акцентирует внимание на актуальности концепции культуры русского мыслителя в формировании современного гуманитарного знания, который среди предпосылок возрождения России через культуру, ставит на одно из первых мест необходимость пробуждения национального самосознания. В статье анализируются факторы культуры, влияющие на культурную самоидентификацию личности. Сделана попытка внедрения в актуальный научный дискурс понятия «образ матери», как ключевого элемента культуры, который обеспечивает связь, передачу смыслов и ценностей жизни между семьей, обществом и государством.

Ключевые слова: национальная культура, факторы культуры, социокультурный институт, образ матери, цивилизация, концепция культуры Георгия Федотова.

На фоне усиливающейся нестабильности в мире актуальными становятся проблемы, обусловленные наличием определенных внешних и внутренних угроз национальной безопасности Российской Федерации, среди которых (согласно пункту «ж» п. 31 Стратегии, утвержденной Указом Президента № 858): размывание традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, в том числе вследствие глобализации и насаждения чуждых российской нации идеалов и ценностей.

Русский философ Георгий Федотов утверждал, что человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек. Каждая нация проходит через глубокие кризисы, которые радикально меняют ее лицо. Мысль Федотова о том, что не народ (нация) создает историю, а история создает народ, артикулирована в более поздних работах (Федотов, 1992). В Письмах о культуре, осуществляя культурологический срез истории, философ уделил значительное внимание рассуждениям о народе как о носителе национальной культуры.

Сам Георгий Федотов, как гражданин, понимает свой долг и свою меру ответственности перед Россией, ставя задачу: «... В нас должно совершиться рождение великой России», продолжая рассуждение о том, что в национальном сознании должна быть восстановлена законная иерархия ценностей, которую мы признаем для отдельной личности. Предполагая возможную критику, он разъясняет свою позицию: «Скажут: это утопия. Вы создаете новую

политическую группировку» и отвечает на возможную критику тем, что его идеи не связаны с какими-либо методами действия, а направлены на формирование нового мировоззрения. В современных реалиях, когда фундаментальные ценности, на которых развивается общество, претерпевают изменения, должны формироваться и новые подходы в системе образования: центрированные на непрерывном самосовершенствовании, активации творческого потенциала, самостоятельного мышления, наличии устойчивых мировоззренческих установок сообразных идеалу отечественной культуры.

Содержание образования, при этом, должно стать личным знанием, которое транслируется его носителем (субъектом гуманитарного знания) в социальную ткань общества.

Актуальность концепции культуры Георгия Федотова в современном дискурсе о традиционных ценностях

В условиях возобновления поиска национальной идентичности в современной России Федотов предлагает осмысление Российской истории как единого, хотя и не лишенного внутренних противоречий, культурного процесса. Это обеспечивает возможность преодоления разрыва между «дореволюционной», «советской» и «постсоветской» Россией, усматривая в истории разные фазы развития одной цивилизации и отказ от конфликтогенных историко-идеологических противопоставлений.

Актуальность идей Федотова, в первую очередь, состоит в учете исторической преемственности без идеологизации. Его концепция о синтезе «святости», связанной с традициями, духовностью, соборностью и «свободой» (не сводимой к ее лишь либерально-политическому измерению), предоставляет философскую основу для решения одной из ключевых дилемм современной России: необходимость совмещать уважение к традициям, следованию им без изменения вектора технологического, экономического и социального развития страны, избегая крайностей изоляционизма и копирования чуждых ценностей. Концепция Федотова формирует предпосылки для противостояния вызовам массовой культуры и культу потребления. Противопоставление Федотовым культуры как «духовного организма» и цивилизации как «материального порядка» с приведением аргументов истории крайне актуально в эпоху глобального доминирования идеологии общества потребления.

Идеи Федотова служат теоретической основой для критики коммерциализации культуры и утверждают возможность и необходимость воспитания личности через творчество, внутреннюю работу (и соработничество), ориентацию на вечные ценности, а не сиюминутные блага. Федотов определяет новую роль интеллектуальной и культурной элиты в процессе нациестроительства России. Федотов критикует отрыв интеллигенции от народной почвы, а его призыв к формированию ответственной творческой элиты соотносится с актуальными современными дискуссиями о расколе элиты на почве политических взглядов и трактовки событий новейшей истории России.

Интеллектуальное наследие мыслителя задает ориентиры для новой просветительской миссии современной интеллигенции, основанной на служении и диалоге, исключающем какое-либо назидание морального культурного или социального превосходства.

Религиозно-философский подход Федотова не отстаивает какие-либо политические или экономические доктрины, а нравственное и духовное состояние человека и общества, в котором подлинная культура и (говоря современным языком) устойчивое развитие возможны лишь на основании этических принципов и ответственности.

За острой критикой интеллигенции, оторвавшейся от народной религиозной и культурной почвы в увлечении утопическими и зачастую разрушительными европейскими проектами, он показал нереализованный потенциал национальной элиты – как хранительницы культурного наследия России, ответственной за судьбу страны и ее национальной культуры.

Философско-историческая концепция культуры Федотова дает ключи для понимания и решения проблем как в современной России, так и в мире. Поскольку глубокий кризис идентичности – это проблема не только современной России, Федотовский культурно-исторический подход к осмыслению истории обеспечивает возможность поиска «точек сборки» национального самосознания на основе непреходящих духовных ценностей русской культуры, а осознание собственной идентичности, как известно, является как залогом культурного единства, так и возможности конструктивного диалога культур.

Культурное единство, достаточное для образования нации, довольно трудно определимо по своему содержанию и вмещает религию, язык, систему нравственных устоев, общность быта, искусство и т. д.

Георгий Федотов создает определенный «набросок» позитивной идеологической доктрины в опоре на культуру, которая может стать объединяющим началом и ориентиром для актуальной практической деятельности. Тем самым духовным притяжением для народов, приобщающихся через Русскую культуру к цивилизации мирового значения, защищая духовные традиции от оскудения, освобождаясь от увлечения «американизмом» с его доминантной материальной стороной жизни в ущерб собственной духовности.

Характерно, что исследователем Кошелевым В.А. подобное (интуитивное) переживание судеб народов и этическое осмысление основ их исторического бытия, искание «корней» и прозрение будущей судьбы – характеризуется как наука историософия, как метафизика истории, где полем работы являются глубинные структуры и архетипы исторического понимания. Отметим, что понятие «историософия», «историософский», часто используемые для характеристики русской мысли, входили в актуальный словарь философов русской эмиграции (Бердяев, 1990). Собственно, так Федотов постигал и анализировал историю России, осуществляя работу по критическому

переосмыслению культурной и социальной истории России (Жукова, 2017, Клепикова, 2019).

Однако, какие факторы культуры и ее элементы способны содействовать культурному единству и трансляции духовно-ценностного кода человека в многонациональной и многоконфессиональной стране? Что еще может обеспечить преемственность механизмов воспитания и присутствие культурного и наследия в повседневных практиках российских граждан? В решении этих вопросов роль современного гуманитарного знания, как и всех его носителей, особенно существенна.

К внутренней мотивации и мировоззренческим основам нашего общества в ходе первого заседания Совета по реализации государственной демографической и семейной политике 23 октября 2025 года обратился Президент В. В. Путин: «Завершить хочу всё-таки тем, с чего начал и к чему сейчас неоднократно обращался, – к внутренней мотивации, к мировоззренческим основам нашего общества, есть некоторые вещи мировоззренческого характера, общие для всех. Что я имею в виду? Отношение к маме, к матери, оно у нас имеет какое-то особое, сакральное значение у нас мать и Родина практически в сознании объединены в один общий образ».

Образ матери – как универсальная нравственная основа и фундамент обеспечения преемственности воспитательных практик

Авторская гипотеза заключается в том, что образ матери – является ключевым для понимания отношений между человеком и социальными институтами культуры, а также ценностно-нормативными особенностями их взаимодействия. Образ матери зависит от типа культуры и определяется рядом факторов культуры, являясь частью духовно-ценностного кода человека. Важность его широкого присутствия в информационном пространстве современного российского общества недооценена.

Мать – это фигура в семье, ответственная за сохранение и передачу ценностных традиций и культурных практик. Образ матери (здесь и далее – ОМ) – приобретает свое значение на уровне социокультурных институтов более высокого порядка. ОМ – является ключевым элементом культуры, который обеспечивает связь и передачу фундаментальных ценностей и смыслов между семьей, обществом и государством, присутствуя во всех социокультурных институтах страны.

Расширение системных представлений обучающихся гуманитариев о роли культуры в российской цивилизации в контексте рассмотрения социокультурных институтов, через теоретический и прикладной анализ значения образа матери, по мнению автора, способствует решению ответственных задач, стоящих сегодня перед гуманитарными дисциплинами, в частности перед культурологией, а именно:

- фокус дисциплины не обращен в прошлое, изучение дисциплины не сводится только к рассмотрению фигур из прошлого;

- обеспечивается преемственность интеллектуального и культурного наследия России;

- дисциплина способна задавать вектор развития для современной России, обучающийся осознает себя полноценным участником культурных событий;

- обеспечивается возможность применения обучающимися, полученных знаний на практике, в т. ч. в определенных Российских общественных организациях, выступающих источником культурных инициатив.

Отстаиваем тезис, что образ матери выступает нравственной основой и фундаментом сохранения культурных и религиозных традиций, а также непосредственно участвует в формировании нормы семьи. Кроме этого, ОМ как связующее звено, формирует практики и условия взаимодействия между социокультурными институтами, задавая фундаментальные ценности и смыслы, такие как жертвенность, забота, преемственность, любовь к Родине.

На основе данных ценностей и смыслов, присущих традиционным религиозным культурам России, формируется *образ современной российской матери,* который способен влиять на формирование нормы семьи (смыслополагание в создании семьи) и модели репродуктивного поведения.

На уровне социальных институтов следующего порядка, на уровне гражданского общества через образ матери, может осуществляться трансформация личного опыта отдельного человека в общественную силу, путем участия женщин – матерей в общественных движениях, объединение инициатив матерей, реакциях на социально значимые проблемы. Через образ матери государство легитимирует культурную модель патриотизма и служения обществу.

Присутствие образа матери в научном и общественном дискурсе, по мнению автора, способствует тому, чтобы преемственность интеллектуального и культурного наследия России была отражена в современных гуманитарных образовательных дисциплинах; а изучение традиционных религий России и анализ черт образа матери в культурах мира с использованием теоретических положений философской антропологии, социальной психологии, религиозной этики действенно воплощали непрерывность формирования духовного идеала русской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бердяев Н. (1990) // Философия неравенства / Николай Бердяев; [Сост., авт. предисл., с. 3-20, и примеч. Л. В. Поляков]. Москва : ИМА-пресс. 285 с.

Бердяев Н. (1990) // Смысл истории / Николай Бердяев. Москва : Мысль. 173 с.

Жукова О. (2014) // Избранные работы по философии и теории культуры. Культурный капитал. Русская культура и социальные практики современной России. / М. : Согласие, 2014. 536 с.

Жукова О. (2016) // Ценностный выбор российского общества как проблема культурной самоидентификации / Знание. Понимание. Умение. 2016. № 3. С. 87–96.

Жукова О. (2017) Философия русской культуры. // Метафизическая перспектива человека и истории / О.А. Жукова. – М. : ООО «Издательство «Согласие», перспектива человека и истории / О.А. Жукова. – М. : ООО «Издательство «Согласие». 624 с. С. 454.

Клепикова Ю. (2019) // Бремя империи и призвание России: к философии истории Г. П. Федотова / Философские науки. 2019. Т. 62. No 4. С. 44–57.

Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 № 858 "О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года" URL:http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024?ysclid=mjhh038fl8798718099 (дата обращения 28.11.2025)

Федотов Г. (1992) // Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2-х томах. / Т. 2. – СПб. : София, С. 163–180.

Стенограмма 1-го заседания Совета по реализации государственной демографической и семейной политики // Официальный сайт Администрации Президента Российской Федерации 23.10.25 года / URL: http://kremlin.ru/events/president/news/78273 (дата обращения 23.10.2025).

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г.».

Клепикова Юлия Валериевна, кандидат наук государственного управления (PhD), НИГ Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ, президент Московского регионального благотворительного фонда содействия защите материнства и детства «МАМА», http://orcid.org/0000-0002-2858-543XТел.: +79268979773. Эл. адрес: Jklepikova@list.ru.

Влияние искусственного интеллекта на современное образование

В. С. Ковригин
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматривается влияние технологий искусственного интеллекта на систему современного образования. Анализируются основные направления применения искусственного интеллекта в обучении, выявляются преимущества и потенциальные риски использования интеллектуальных систем в образовательной среде. Особое внимание уделяется вопросам адаптивного обучения, автоматизации педагогических процессов и трансформации роли преподавателя.

Ключевые слова: искусственный интеллект, образование, адаптивное обучение, цифровизация, автоматизация, педагогика, этика искусственного интеллекта.

В последние годы искусственный интеллект стал одной из ключевых технологий, формирующих облик современного общества. Образование, являясь фундаментом социально-экономического развития, также активно интегрирует искусственный интеллект в свои структуры и процессы. Системы адаптивного обучения, интеллектуальные ассистенты, генеративные модели и автоматизированные системы оценки знаний – это яркие примеры практической реализации искусственного интеллекта в учебной деятельности.

Следует согласиться с рядом ученых, что искусственный интеллект в образовании используется для решения широкого круга задач, начиная с персонализации учебного процесса и заканчивая анализом больших данных об успеваемости студентов (Гунажинова Ю. А., Бадашкеева Е. М., 2025).

В настоящее время одним из наиболее значимых направлений является адаптивное обучение. Системы, основанные на алгоритмах машинного обучения, способны анализировать уровень знаний учащегося и подстраивать учебный материал под его индивидуальные особенности (Алферьева А.А., 2025). Такой подход позволяет создавать гибкие образовательные траектории, ориентированные на конкретного студента, что значительно повышает эффективность обучения.

Представляется, что именно возможность адаптации под конкретного обучающегося является одной из самых ценных достижений и преимущественных направления развития искусственного интеллекта. В традиционной системе педагог часто вынужден работать по универсальной технологии, тогда как искусственный интеллект позволяет каждому учащемуся двигаться в собственном темпе, сохраняя при этом высокие стандарты качества.

Следует отметить, что наряду с термином «искусственный интеллект» появилось схожее, но качественно иное понятие – «дополненный интеллект». Определяющим для данной концепции выступает идея о целесообразности перехода от парадигмы замещения к парадигме когнитивного усиления, при котором технологии функционируют как катализатор и мультипликатор интеллектуальных способностей человека.

Согласно мнению зарубежных исследователей «машины должны дополнять когнитивные способности человека, а не заменять их» (Zohuri B., Mossavar-Rahmani F., 2024). Указанное утверждение становится все более релевантным в условиях эскалации опасений относительно возможности вытеснения человека из производственных процессов и сценариев достижения ИИ сингулярности. Однако концепция дополненного интеллекта меняет эту парадигму, предлагая рассматривать ИИ не как конкурента, а как партнера, который помогает человеку справляться с задачами, ранее казавшимися невозможными. Растущий интерес к данному направлению объясняется его способностью формировать новую исследовательскую повестку и предлагать инновационные сценарии технологической интеграции.

Не менее важным направлением стало использование интеллектуальных тьюторов (также известные как интеллектуальные обучающие системы, ИОС) и виртуальных помощников. Подобные системы, среди которых можно назвать ChatGPT, Bing AI или Google Gemini, становятся полноценными инструментами для самостоятельного обучения. Они помогают студентам получать объяснения сложных понятий, формулировать гипотезы, развивать критическое мышление и даже участвовать в исследовательских проектах (Скрипкина Т. К., 2024).

Заметное влияние искусственного интеллекта оказывает и на процесс оценки знаний. Современные технологии позволяют автоматически проверять тесты, анализировать письменные работы и даже устные ответы, что обеспечивает большую объективность и снижает нагрузку на преподавателей.

Кроме того, по мнению Т. В. Букиной, «системы аналитики образовательных данных дают возможность отслеживать динамику обучения, прогнозировать академическую успеваемость и выявлять возможные риски отсева студентов» (Букина Т. В., 2025).

Несмотря на наличие таких объективных достоинств искусственного интеллекта, полагаем, что информационные технологии не смогут в полной мере заменить человеческую эмпатию и педагогическую интуицию, поскольку только преподаватель способен увидеть в обучающемся то, чего не сможет распознать машинный алгоритм.

Применение искусственного интеллекта в образовательном процессе обладает рядом очевидных преимуществ. Прежде всего, это персонализация обучения, при которой каждый студент получает материал в соответствии со своими возможностями, интересами и темпом усвоения. Искусственный интеллект также способствует расширению доступности образования, позволяя получать знания вне зависимости от географического положения и уровня инфраструктуры.

Важным преимуществом является и снижение административной нагрузки на преподавателей. Автоматизация проверки работ, составление отчетности и организация учебного процесса освобождают время для более творческой, исследовательской и воспитательной деятельности. Кроме того, использование искусственного интеллекта способствует повышению мотивации учащихся: интерактивные формы обучения, элементы геймификации и быстрая обратная связь делают процесс получения знаний более увлекательным и продуктивным (Ларснукаева М. А., Ларснукаев Д. И., 2025). По моему мнению, именно интерес

и вовлеченность – ключевые факторы качественного образования, а искусственный интеллект способен их значительно усилить.

Несмотря на значительные преимущества, внедрение искусственного интеллекта в образовательную среду сопряжено с определёнными рисками и вызовами. Одной из главных проблем остаются этические и правовые вопросы, в частности, защита персональных данных обучающихся и определение авторства материалов, созданных с использованием искусственного интеллекта (Алешковский И. А., Гаспаришвили А. Т., Нарбут Н. П., 2024).

Опасность чрезмерной зависимости от технологий также вызывает беспокойство. При частом использовании интеллектуальных систем у студентов может снижаться уровень критического мышления и самостоятельности. По нашему мнению, что одной из задач современной педагогики становится формирование у учащихся осознанного отношения к технологиям – способности использовать искусственный интеллект как помощника (в качестве дополненного интеллекта), а не замену собственным усилиям.

Определенную обеспокоенность в научных кругах вызывает проблематика, связанное с постепенным изменением роли преподавателя в образовательном процессе. В условиях цифровизации педагог перестает быть единственным источником знаний и все больше становится наставником и координатором учебного процесса (Леонтьева А. В., Бибалова С. А., Хатит Ф. Р., 2022). Такая трансформация требует переосмысления традиционных педагогических подходов и выработки новых этических норм взаимодействия с искусственным интеллектом.

В ближайшем будущем ожидается более глубокая интеграция искусственного интеллекта в образовательные экосистемы. По мнению ряда ученых, «развитие генеративных технологий приведет к созданию «умных» учебников, динамически адаптирующихся под конкретного учащегося» (Шрайберг Я. Л., Куликова А. А., 2024). Одновременно с этим возрастет значение цифровой грамотности педагогов и студентов, а также появится необходимость в этическом регулировании использования искусственного интеллекта в образовании.

Искусственный интеллект становится неотъемлемой частью современного образования, трансформируя подходы к обучению, преподаванию и оценке знаний. Его потенциал заключается в персонализации, повышении качества и доступности образования. Однако для эффективной и безопасной интеграции искусственного интеллекта требуется комплексный подход, включающий технологические, этические и педагогические аспекты. Будущее образования будет зависеть от того, насколько гармонично человек и искусственный интеллект смогут взаимодействовать в единой образовательной среде.

Следует отметить, что несмотря на определенные риски, внедрение искусственного интеллекта в образовательный процесс является объективной тенденцией, не способной игнорировать процесс цифровизации общественной жизни. Информационные технологии не должны заменять человека, а лишь усиливать его способности – помогать развивать творческое мышление, аналитические навыки и критическое восприятие информации. Современное

образование будет зависеть не только от развития технологий, но и от того, как общество сумеет выстроить баланс между цифровыми возможностями и человеческими ценностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешковский И. А., Гаспаришвили А. Т., Нарбут Н. П. Российские студенты о возможностях и ограничениях использования искусственного интеллекта в обучении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 335–353.

Алферьева А. А. Искусственный интеллект в образовании: как адаптивное обучение и цифровые ассистенты меняют подход к обучению и воспитанию подростков // Вестник науки. – 2025. – Т. 1, № 1(82). – С. 111–119.

Букина Т. В. Искусственный интеллект в образовании: современное состояние и перспективы развития // Общество: социология, психология, педагогика. – 2025. – № 1(129). – С. 76–83.

Гунажинова Ю. А. Искусственный интеллект в преподавании правовых дисциплин / Ю. А. Гунажинова, Е. М. Бадашкеева // Трансформация профессионального образования и инновационная деятельность: содержание, технологии, качество: материалы Всероссийской научно-методической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения первого ректора ВСГУТУ Д. Ш. Фролова с международным участием, Улан-Удэ, 19–21 февраля 2025 года. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2025. – С. 211–217.

Ларснукаева М. А. инновации в развитии информационных технологий / М. А. Ларснукаева, Д. И. Ларснукаев // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 2, № 5(158). – С. 190–196.

Леонтьева А. В. Цифровая культура современного педагога как ресурс профессиональной деятельности в условиях цифровой трансформации образовательного пространства / А. В. Леонтьева, С. А. Бибалова, Ф. Р. Хатит // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2022. – Т. 14, № 4. – С. 127–136.

Скрипкина Т. К. Искусственный интеллект в повседневных образовательных практиках российских студентов // Respublica Literaria. – 2024. – Т. 5, № 4. – С. 112-124.

Шрайберг Я. Л. Пятая научно-практическая конференция «Буква и Цифра: библиотеки на пути к цифровизации» («БиблиоПитер-2024») / Я. Л. Шрайберг, А. А. Куликова // Научные и технические библиотеки. – 2024. – № 10. – С. 15–33.

Zohuri B., Mossavar-Rahmani F. (2024). “The Symbiotic Evolution: Artificial Intelligence (AI) Enhancing Human Intel-ligence (HI) // An Innovative Technology Collaboration and Synergy. 2024. № 3. pp. 1–5.

Ковригин Вадим Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых и специальных дисциплин Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5. Эл. адрес: kvs.ru@bk.ru

Оценка комплементарных стереотипов студентами гуманитарных университетов в процессе обучения

И. А. Колиниченко
Кубанский государственный университет
Московский государственный университет

Аннотация. Целью данного исследования является обобщение опыта изучения комплементарных стереотипов теплоты и компетентности на примере социальной группы студенчества. Выявлены представления студентов о своем, по их мнению, несомненно успешном профессиональном будущем: в одном исследовании студенты отождествляют себя с субъектами с высоким благосостоянием, а собственная деятельность воспринимается ими через проявление эффективности, компетентности и ответственными, в другом исследовании предпочтение шкалы теплоты свидетельствует о важности для респондентов их позитивных переживаний при взаимодействии с социумом, но, что еще важнее - оценка теплоты приобретает больший вес, если оценивается своя группа. Полученные данные согласуются с моделью содержания стереотипов С. Фиск, теорией оправдания систем Дж. Джоста и теорией веры в справедливый мир Лернер. Исследование вносит вклад в понимание, отслеживание и возможность психологической коррекции существующих в сознании человека стереотипов при восприятии профессионального образа мира, а программа исследования позволяет рекомендовать измерение комплементарности, дополнительности стереотипов для понимания динамики представлений в других социально-профессиональных группах.

Ключевые слова: комплементарные стереотипы; шкалы компетентности и теплоты; модель содержания стереотипов; социальная группа студентов

Обучение в университете, как важный этап профессионализации человека, является вкладом студента в свое профессиональное будущее. Поэтому от того, насколько успешным будет прохождение этого этапа, зависит становление профессиональной и личной идентичности начинающего специалиста.

Однако в процессе профессиональной деятельности в высказываниях многих людей проявляются стереотипные суждения, как упрощенный взгляд на предметы и явления жизни, которые становятся настоящим барьером профессиональных взаимоотношений, если их вовремя не отследить и не предпринять попытку изменения. С целью понимания того, что является стереотипом в собственном сознании и в сознании другого человека, как это мешает при восприятии человека человеком и становлении профессионализма в целом, были проведены исследования. Надеемся, что полученные нами данные внесут свой вклад в отслеживание и коррекцию возникших стереотипов для формирования у студентов адекватной оценки мира профессиональных отношений.

Понятие «стереотип» активно используется в междисциплинарной области гуманитарного знания - психологии, социологии, лингвистики, межкультурной коммуникации; рассматриваются, соответственно, социальные, коммуникации, этнокультурные стереотипные установки.

Стереотипом является сформировавшееся социокультурное обобщение о реальном поведении человека, предмете, явлении. Парадокс в том, что анализ стереотипного мнения о ком-либо обосновывается мешающими барьерами при восприятии человека, как уникальной личности и в то же время прослеживается убеждение в паллиативной свойстве стереотипов, назначение которых – успокоить, не привести к противоречиям и конфликтам. Тем интереснее исследовать свойства стереотипов, обуславливающих сосуществование барьеров и убеждений личности. В частности, речь пойдет о комплементарных стереотипах в сознании субъекта.

Стереотип, по замечанию В. А. Масловой, выступает фактором стабилизации, помогая хранить и изменять культурные аспекты, а также «проявить себя своим и одновременно опознать своего» (Мойсова, 2010: 21). Проявляясь посредством вербализации, стереотип складывается благодаря устойчивым, стабильным представлениям, как культурный опыт этноса, включающий народный фольклор, обобщенные представления о нормативах веры, которые тоже подвергаются изменениям с тенденцией в сторону преодоления установленных представлений (Мойсова, 2010).

Комплементарные стереотипы включены, согласно Е. В. Улыбиной и С.Э. Аббасовой, в число когнитивных; они способствуют оправданию социальной иерархии существующими причинами в ближайшем контексте, доступными для понимания иерархических отношений. Феномен комплементарного стереотипа может иметь когнитивную природу, а люди зачастую считают привлекательными хорошо знакомые и длительно существующие явления, хоть это и искажает реальное положение дел при их более глубоком и длительном изучении (Улыбина, Аббасова, 2021).

В работе А. Кей и Дж. Джоста (2003) о влиянии стереотипных примеров бедного, но счастливого и бедного, при этом честного, на обоснование справедливости системы, было доказано предположение, что данные представления респондентов приведут к поддержке статус-кво.

А. Кей и Дж. Джост проанализировали содержание и психологические функции социальных стереотипов и отметили, что ни одно исследование раньше не изучало предположение о компенсирующих, дополнительных представлениях о богатых лицах, как менее честных и менее морально удовлетворенных или бедных, как более честных и этим более довольных, и все вместе служит целям усиления восприятия справедливости социальной системы. «Главный вопрос, который мы рассматриваем, заключается не в том, что различают ли люди категории богатых и бедных в плане счастья и честности, а скорее в том, в какой степени они чувствуют себя лучше по отношению к системе

после того, как подвергаются сбалансированным, взаимодополняющим парам бедный/счастливый, богатый/несчастный; бедный/честный, богатый/нечестный» (Kay, Jost, 2003: 824).

С. Фиск с соавторами, подводя итоги исследований Дж. Джоста и М. Лернер, показали Модель содержания стереотипов с двумя измерениями социального восприятия: только теплоты и компетентности (Fiske et al., 2008).

Как указывает Д.С. Григорьев, содержания стереотипов, предложенное Г. Олпортом, об аутгруппах выражает антипатию к ним. Сегодняшнее же знание, представленное в модели содержания стереотипов С. Фиск, следующее. Комплементарные стереотипы теплоты и компетентности являются базовыми, они часто амбивалентны и отличаются, смешаны по содержанию, могут высоко оценивать теплоту и низко компетентность для одних групп, и высоко компетентность с невысокой теплотой для других. Такое комбинирование содержания стереотипов формируют, в терминах Модели содержания стереотипов, квадранты смешанности или амбивалентности: «содержание стереотипов не является ни таинственным, ни произвольным, а систематически следует из расположения групп в социальной структуре. Таким образом, стереотипы являются культурным и символическим следом типичного социального положения членов группы» (Григорьев, 2020: 218-239).

Д.С. Григорьев делает вывод: в содержании стереотипов прослеживается закономерность, ведь они образуются закономерно, в соответствии с расположением групп в социальном пространстве и социальным членством в группе каждого субъекта (Григорьев, 2020: 239).

Стереотипы в сознании человека влияют на объяснение им системы в обществе и то, что справедливость, по Лернер, существует (А.С. Кей и Дж. Джост). Именно взаимодополнительные, компенсирующие стереотипы приводят к поддержке статуса личности, помогают усилить впечатление справедливости социума и законности, легитимности неравенства, в которым каждый получает то, что заслужил (Кей, Джост).

Как написано в работе Е.В. Улыбиной и С.Э. Аббасовой, стереотипные суждения в культуре общества, выступают одной из доступных форм оправдания иерархии. Так, комплементарные стереотипы – довольно надежный механизм объяснения существования терпимости к неравенству. Приписывание компетентности и холодности членам групп с высоким статусом, равно, как тепла и меньшей выраженности компетентности лицам групп низкого статуса позволяет оправдывать лучшее положение дел высокостатусных групп, не умаляя низкостатусных. То есть, в соответствии с моделью содержания стереотипов С. Фиск и соавторов (Fisk at all, 2002), комплементарные стереотипы выстраиваются на совмещении в одном образе желательных и нежелательных качеств, наделяющих представителей низкостатусных групп позитивными характеристиками, компенсирующими неблагополучие, а членов высокостатусных – отрицательными чертами. Это служит убеждением, что всего нет ни у

одного человека, уменьшает чувство зависти к эффективным лицам с финансовым благополучием и статусом и увеличивает оценку тех, у кого этого благополучия и статусности нет. Интересно, что комплементарность стереотипов разделяется представителями обоих статусов, это помогает поддерживать социальный балланс и оправдать реальную иерархию, систему и даже ее усиливать, считая справедливой, по данным А. Кей и Дж. Джост (Улыбина, Аббасова, 2021).

В нашем исследовании 2025 г эксплицитные оценки респондентов показывают оценку богатых, как более компетентных, включая их конкурентоспособность, ум, инициативу и как менее теплых при изучении обобщенного образа существ с высоким уровнем благосостояния. В исследовании бедных респонденты оценили, как более теплых, то есть добродушных, терпимых, искренних и сердечных, но не столь компетентных, чем богатых существ. Несмотря на большую симпатию к существам с меньшим благосостоянием, студенты идентифицируют себя с персонажами с высоким благосостоянием, что можно было предугадать.

Нужна ли гармонизация стереотипов, сглаживающих уникальность и акцентирующих внимание на главном при восприятии или разведение, показ разного, противоположного, покажет время, изменения в культуре, новые исследования (Schmitz, Yzerbyt, 2022).

Модель содержания стереотипов С. Фиск (Фиск с соавт, 2002) наиболее аргументирована, она универсальна для многих культур и устойчиво проявляется, потому что можно осуществить прогноз ее проявления у человека, независимо от культур.

В одном из наших исследований также обнаружено доминирование качеств в содержании шкалы теплоты - отзывчивость, доброта, эмпатия, доброжелательность, по мнению обучающихся, получающих психологическое образование. Особенностью комплементарности этих стереотипов в данной группе стала оценка большей значимости теплоты, чем компетентности. Теплота ценнее и значимее для респондентов-психологов в их достигнутой принадлежности к профессии. Субъективные взгляды респондентов на представителей высокого и низкого статуса также показали комплементарность стереотипов: высокостатусных субъектов наделили большей компетентностью, чем теплотой, а низкостатусных – большей теплотой. В целом это подтверждает оценку стереотипов как комплементарных, в соответствии с теорией С. Фиск (Колиниченко, Босенко, 2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артемов В. Л. (2016) Стереотипизация сознания - секрет воздействия средств массовой информации // Научные труды московского гуманитарного университета. № 3. С. 43-52. URL: https://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/283

Григорьев Д. С. (2020) Модель содержания стереотипов и этнические стереотипы в России //Журнал социологии и социальной антропологии. № 23(2). С. 215-244. https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.9

Колиниченко И. А., Босенко М. В. (2025) Содержание комплементарных стереотипов в оценках обучающихся психологов //Знание. Понимание. Умения. № 3. С. 200-212. https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/2182 DOI: http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2025.3.17

Мойсова О. В. (2010) Гендерный стереотип как лингвистический системообразующий фактор социума // Известия Саратовского университета. № 10. Сер. Философия. Журналистика, вып. 1. С. 20-22.

Улыбина Е. В., Аббасова С. Э. Поддержка статус-кво как мотив: объяснение терпимости к социальному неравенству в теории оправдания систем Дж. Джоста. Психологические исследования. 2021; 14(76). https://doi:org/10.54359/ps.v14i76.142

Cuddy A. J., Fiske S. T., & Glick P. (2008) Warmth and competence as universal dimensions of social perception: The stereotype content model and the BIAS map. Advances in Experimental Social Psychology. Vol. 40. P. 61-149.

Kay A.C., Jost J. T. (2003) Complementary Justice: Effects of «Poor but Happy» and «Poor but Honest» Stereotype Exemplars on System Justification and Implicit Activation of the Justice Motive. Journal of Personality and Social Psychology. Vol. *85*. № 5. P. 823–837. https://doi: 10.1037/0022-3514.85.5.823

Fiske S. T., Cuddy A. J. C., Glick P., Xu J. (2002) A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition. Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 82. № 6. P. 878–902. doi.org/10.1037/0022-3514.82.6.878

Schmitz M., Yzerbyt V. (2022) Direct and indirect dimensional compensation: Is there a difference between observers and group members? Group Processes & Intergroup Relations. Vol. 25. № 2. P. 335–353. doi: 10.1177/1368430220963176

Колиниченко Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Адрес: 357040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Тел.: + 7 (861) 219-95-30. Тел.: +7(961)464-79-09. Эл. адрес: kolinichenkoi@yandex.ru

Социальный потенциал учителя и его роль в формировании гражданской идентичности школьников

М. С. Коротина
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматривается социальный потенциал учителя в широком общественном контексте на основе анализа роли учителя как активного участника гражданского общества и активного социального актора, способного влиять на ценностно-смысловую сферу личности обучающихся и формировать их гражданское сознание. Автором статьи выделены следующие элементы социального потенциала учителя: личностно-гражданский, коммуникативный, наставнический и организационный. Показано, что от социального потенциала учителя зависит эффективность воспитательной деятельности школы. Социальный потенциал учителя реализуется через несколько ключевых механизмов, которые непосредственно влияют на когнитивный, эмоциональный и поведенческий аспекты гражданской идентичности школьников. Сформулированы проблемы дальнейшего развития социального потенциала учителя.

Ключевые слова. социальный потенциал учителя, гражданское общество, гражданская идентичность, активная гражданская позиция, социальная ответственность, ценности, социальные изменения

В современном обществе, столкнувшемся с глобальными вызовами, такими как экологические кризисы, социальное неравенство, политическая нестабильность и дефицит доверия к институтам власти, роль учителя выходит далеко за рамки простого транслятора знаний и навыков. Учитель, обладая высоким доверием со стороны общества и возможностью формировать ценностные ориентации подрастающего поколения, может стать мощным катализатором позитивных социальных изменений, активным участником формирования гражданского общества и проводником традиционных ценностей.

Растущая сложность образовательной среды и меняющиеся запросы общества требуют от учителя новых компетенций, выходящих за рамки академической сферы, – так называемого социального потенциала. Рассмотрение социального потенциала учителя в этом широком общественном измерении представляет собой актуальную и значимую задачу для социологии образования. Реализация социального потенциала учителя зависит от комплекса внешних и внутренних факторов. В настоящее время российское учительство как социально-профессиональная группа сталкивается с рядом проблем. Несмотря на усилия, предпринимаемые государством по повышению заработной платы учителей и улучшению условий труда, кадровый дефицит в школах сохраняется, а молодежь не стремиться себя связывать с профессией учитель. Из практики работы в сфере образования можно отметить, что уровень материального стимулирования не является единственным и определяющим фактором, влияющим на привлекательность профессии учителя. На первый план для профессионального сообщества в современных реалиях оказывают не менее

важное влияние на выбор профессии такие факторы, как социальный статус учителя в обществе, условия труда, возможности для профессионального развития и общественное признание. Таким образом, необходимость формирования социального потенциала, способного эффективно решать задачи, поставленные перед системой образования, обусловлена как внутренними факторами (внедрение ФГОС нового поколения, развитие цифровой образовательной среды, реализация инклюзивных практик), так и внешними, отражающими социально-экономический контекст развития страны (демографическая ситуация, трансформация рынка труда, политические процессы, изменение ценностных ориентаций молодежи).

Этимология слова «потенциал» трактуется как «мощный» (от лат. potentialis). В физике «потенциал» определяется как способность системы совершать работу или переходить из одного состояния в другое под воздействием внутренних или внешних сил. Это скрытая, нереализованная возможность, которая при определенных условиях может быть активирована. В философии научная категория «потенциал» раскрывалась Аристотелем как действительность (от лат. actus) и возможность (от лат. potentia), где одна действительность сменяется другой и потенциальное переходит в актуальное. В психологии в трудах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Маслоу потенциал рассматривается как «потенциал личности», включающий природные качества человека, как основу развития индивидуальных особенностей, внутреннего мира.

В Социологическом энциклопедическом словаре определение термина «потенциал» приводится как «совокупность имеющихся средств, запасов, сил в какой-либо области». (СЭС, 1998: 254).

Ключевая мысль Э. Дюркгейма заключается в том, что человек рождается не «готовым» членом общества, а как существо, обладающее определенными врожденными задатками (то, что можно условно назвать его врожденным потенциалом) (Дюргейм, 1996). Целенаправленное же использование воспитательных возможностей окружающей среды направлено на формирование потенциала через его приспособление к социальным требованиям, освоение норм и ценностей, принятых в данном обществе.

В современной социологии понятие «потенциал» часто сопряжено с такими категориями, как: «человеческий капитал» (Т. Шульц, Г. Беккер), «социальный капитал» (Дж. Коулман, Р. Патнэм), «культурный капитал» (П.Бурдье). В связи с глобальной трансформацией общества социальный капитал стали идентифицировать как неотделимую составляющую социального потенциала. Изучение аспектов человеческого потенциала вызвали необходимость рассмотрения отдельных социальных групп и их роли в общественной жизни.

В процессе активной модернизации российского образования интерес к проблеме изучения потенциала учительства возрос. Первыми социальный потенциал учителя как социально-профессиональную группу в вопросах развития образования в России стали рассматривать Ф. Г. Зиятдинова,

Е. А. Шуклина, Г. Е. Зборовский. (Зборовский, Шуклина, 2005; Зиятдинова, 1999). Профессия учителя играет ключевую роль в развитии современного общества, формируя ценностные ориентации и подготавливает молодое поколение к жизни в обществе. По мнению, М. Б. Булановой «социальный потенциал учительства - интегральная характеристика качеств и возможностей педагогов, реализующихся в образовательной среде под воздействием определенных факторов» (Буланова, 2025:51). Потенциал учительства рассматривается как общественная составляющая (использование профессиональных навыков) и как личностная составляющая (возможность применить свои качества в профессии).

Несмотря на интуитивную важность и высокую эвристическую ценность понятия «оциальный потенциал учителя», его комплексный социологический анализ до сих пор остается недостаточно развитым и систематизированным. Целью данной статьи является анализ понятия социального потенциала учителя, раскрытие механизмов его влияния на формирование гражданской идентичности и выявление причин недостаточной изученности данного феномена в комплексном социологическом ракурсе.

Современное российское общество сталкивается с беспрецедентными вызовами, связанными с глобализацией, информационными войнами, поляризацией ценностей и необходимостью консолидации перед лицом внешних угроз. В этих условиях формирование устойчивой и позитивной гражданской идентичности у подрастающего поколения становится одной из приоритетных задач государственной образовательной политики. В федеральном образовательном стандарте основного общего образования четко определена задача системы образования по формированию гражданской идентичности обучающихся «как составляющей их социальной идентичности, представляющей собой осознание индивидом принадлежности к общности граждан Российской Федерации, способности, готовности и ответственности выполнения ими своих гражданских обязанностей, пользования прав и активного участия в жизни государства, развития гражданского общества с учетом принятых в обществе правил и норм поведения» (п.1 ФГОС ООО). Гражданская идентичность — это осознание человеком своей принадлежности к определенному государственно-территориальному сообществу, разделение его ценностей, истории, культуры и готовность к активному участию в жизни общества. Ключевым агентом, ответственным за реализацию этой задачи, является школьный учитель. Его роль выходит далеко за рамки передачи предметных знаний, охватывая сферы воспитания, социализации и формирования мировоззренческих установок. Однако эффективность его воспитательной деятельности определяется не только профессиональными знаниями, но и его социальным потенциалом.

Социальный потенциал учителя можно определить как совокупность его индивидуальных (личностных, когнитивных, коммуникативных), профессиональных и социальных ресурсов, а также его способности эффективно взаимодействовать с различными субъектами образовательного процесса

(учениками, коллегами, родителями, администрацией) и использовать имеющиеся связи и нормы для формирования у обучающихся гражданских, моральных, этических и других социальных качеств, а также для содействия их адаптации и успешной интеграции в обществе. Таким образом, социальный потенциал учителя выступает как интегративный ресурс, обеспечивающий его способность влиять на ценностно-смысловую сферу обучающихся и формировать их гражданскую идентичность.

Ковалева А. И. выделяет две составляющие гражданской идентичности: объективную и субъективную. «Объективная составляющая гражданской идентичности предполагает предписанную как формально — государством и правом, так и неформально — доминирующими культурными и социальными стандартами и нормами идентичность. Субъективная гражданская идентичность состоит из признаваемой самим индивидом его тождественности данному обществу и действующей в данном обществе культуре» (Ковалева, 2022: 254). В данной статье нас интересует субъективная гражданская идентичность и процесс ее формирования. Активный процесс формирования гражданской идентичности приходится на 11–20 лет, семь лет из которых индивид проводит в стенах школы. «Формирующаяся идентичность – это та социальная идентичность, которая формируется в процессе социализации и направлена на освоение индивидом социальных норм и культурных ценностей, обладание которыми необходимо носителю желаемой идентичности» (Ковалева, 2019: 93). Учитель, обладающий активной гражданской позицией и демонстрирующий ее в своей деятельности, становится ролевой моделью для подростков. Он может вдохновить их на активное участие в общественной жизни, формирование собственной гражданской позиции.

Обладая высоким социальным потенциалом учитель способен создать атмосферу доверия, сотрудничества и взаимоподдержки, где каждый участник образовательного процесса чувствует себя в безопасности и включенным в коллектив. Это способствует развитию чувства принадлежности и формированию позитивной идентичности. Участие подростков в волонтерских проектах, социально-ориентированных исследованиях способствует становлению поведенческого компонента гражданской идентичности. Через личный пример, наставничество и обсуждение, учитель передает представления о добре, справедливости, ответственности, патриотизме, формируя ценностную систему подрастающего поколения.

Таким образом, можно выделить следующие элементы социального потенциала учителя: личностно-гражданский, коммуникативный, наставнический и организационный.

В рамках учебного и воспитательного процессов Федеральная рабочая программа воспитания на уровне среднего общего образования, которая является структурным элементом Федеральной образовательной программы на уровне среднего общего образования, определяет целевые ориентиры формирования идентичности у обучающихся школ:

1) гражданское и духовно-нравственное воспитание: выражение своей гражданской идентичности, осознание своего единения с народом России, ответственности за развитие государства в настоящем и будущем на основе исторического просвещения, готовность защищать Родину, ориентированность на активное гражданское участие, формирование гуманизма и нравственности, чувства собственного достоинства (путем проведения курса внеурочной деятельности «Разговоры о важном», участие в ученическом самоуправлении, волонтерском движении, военно-патриотических акциях, объединениях);

2) патриотическое воспитание: формирование национального самосознания личности, организация усвоения культурно-исторических ценностей;

3) формирование интереса к культуре (через участие в патриотических клубах, проведение уроков мужества, через реализацию проекта «Билет в будущее»).

В результате наблюдения за старшеклассниками на базе ГБОУ Школа №1515 города Москвы с 2023 по 2025 гг. (327 учащихся 8–11 классов) замечены проявления ценностного осмысления школьников представлений о гражданине, гражданском обществе, гражданственности, идентичности.

С начала 2022/2023 учебного года все школы страны получили рекомендации и приступили к внедрению федеральной инициативы еженедельной церемонии поднятия флага (письмо Министерства просвещения Российской Федерации от 22 апреля 2022 г. № 03–674 «О направлении методических рекомендаций). Поднятие и спуск Государственного флага Российской Федерации – это не просто формальный ритуал, это мощный воспитательный инструмент, способный создать особую атмосферу торжественности и значимости, привнести в школьную жизнь элемент национальной традиции и ритуализации гражданской принадлежности. Это помогает не только на когнитивном уровне закрепить знание о символах, но и на эмоциональном уровне сформировать глубокое чувство сопричастности к великой истории и будущему своей Отчизны. Исследованием установлено, что в начале введения данной инициативы только 30% старшеклассников с гордостью исполняли гимн, большая часть из которых были восьмиклассники, в то же время обучающиеся 10-х и 11-х классов испытывали стеснение. В 2025 году ситуация имеет положительную тенденцию в сторону увеличения числа учащихся исполняющих осознанно гимн страны (среди старшеклассников – до 60%, при этом среди восьмиклассников данный показатель достигает 90%). Стоит отметить и тот факт, что школьники все чаще стали прикладывать руку к сердцу при исполнении гимна, что можно расценивать как жест глубокого выражения, искренней преданности, эмоциональную сопричастность и личную идентификацию с государством и его ценностями.

Проведения ежегодного дискуссионного клуба по основам Конституции РФ, развития местного самоуправления позволяет старшеклассникам заложить прочный фундамент для их успешной социализации и осознанного гражданского самоопределения в современном российском обществе. Беседы со школьниками

показали, что старшеклассники уверены в знании законов государства (96% называют Конституцию РФ основным законом государства), 100% называют основные символы государства. Если рассматривать вопрос о своих правах и обязанностях, то старшеклассники с уверенностью отвечают, что знают свои права и обязанности – 45%, 40% же полагают, что скорее знают, чем не знают свои права обязанности. Важным показателем социального благополучия в обществе является ответственное отношение к соблюдению законов в государстве. Но стоит отметить, что в данном вопросе отношение школьников не однозначно: 65% старшеклассников отвечают, что нельзя нарушать, 20% затрудняются с ответом в связи с ситуацией, в которой может оказаться индивид и 15% считают личным делом каждого гражданина и его гражданским выбором.

Можно сделать вывод о незавершенном процессе формирования гражданской идентичности у старшеклассников, данный процесс находится на стадии наполнения. Таким образом задача школы – вызвать потребность школьников понять собственную гражданскую идентичность, привлекать к участию в общественных процессах в области патриотического, гражданского воспитания. Эффективность воспитательной деятельности данной задачи будет зависеть от социального потенциала учителя, являющегося активным социальным актором, способным влиять на ценностно-смысловую сферу личности и формировать гражданское сознание.

Социальный потенциал учителя реализуется через несколько ключевых механизмов, которые непосредственно влияют на когнитивный, эмоциональный и поведенческий аспекты гражданской идентичности школьников:

1) Механизм ролевого моделирования и личного примера (эмоциональный и поведенческий аспекты). Гражданская идентичность формируется не столько через заучивание деклараций, сколько через эмоциональное заражение и идентификацию с авторитетными фигурами. Учитель с развитым личностно-гражданским компонентом своего социального потенциала является живым воплощением тех гражданских ценностей, которые он транслирует. Его активное участие в жизни школы или местного сообщества, уважение к закону, гордость за историю страны становятся убедительной ролевой моделью.

2) Механизм осмысленного диалога и рефлексии (когнитивный и ценностный аспекты). Гражданская идентичность требует осознанного выбора и понимания сложных социальных процессов. Учитель использует свой коммуникативный ресурс и наставнический потенциал для организации дискуссий по сложным социально-значимым темам (исторические события, политические процессы и др.). Он не навязывает единственно верный ответ, а учит анализировать информацию, критически мыслить, уважать аргументы оппонентов и формулировать собственную, обоснованную позицию. Это способствует формированию неформального, но глубокого понимания конституционных принципов и общечеловеческих ценностей.

3) Механизм практического участия и коллективного действия (поведенческий и ценностный аспекты). Гражданин – это не только тот, кто знает о правах, но и тот, кто активно участвует в жизни общества. Используя свой

организационный потенциал, учитель вовлекает школьников в реальную социально значимую деятельность: волонтерские проекты, школьное самоуправление, экологические акции, краеведческие исследования. Важность заключается в умении нести ответственность за коллективный результат, взаимодействовать с различными социальными группами и преодолевать трудности, формируя тем самым гражданскую компетентность.

Несмотря на очевидную значимость, актуализация социального потенциала учителя в общественном измерении сталкивается с рядом системных проблем:

во-первых, отсутствие единой и четкой системы измерения и оценки социального потенциала учителя, что затрудняет его целенаправленное развитие;

во-вторых, не все учителя обладают необходимыми компетенциями, а порой и желанием активно участвовать в общественной жизни и реализации своего потенциала;

в-третьих, общество недооценивает необходимость в расширении роли школьного учителя, делая акцент преимущественно на академических показателях.

Мы видим перспективу дальнейшего исследования в создании комплексного инструментария для диагностики компонентов социального потенциала учителя, проведении исследований динамики социального потенциала учителя и его влияния на формирование гражданской идентичности школьников.

Социологический ракурс анализа социального потенциала учителя подчеркивает его выход за рамки узкопрофессиональной деятельности в сферу широкого общественного влияния. Учитель с развитым социальным потенциалом становится не только воспитателем, но и созидателем социального капитала, укрепляя общенациональные ценности и способствуя развитию гражданского общества.

В условиях современных вызовов инвестиции в развитие социального потенциала учительства (через программы повышения квалификации, поддержку его социального капитала и статуса на государственном уровне) являются прямыми инвестициями в будущее гражданское общество, национальную безопасность и устойчивое развитие Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буланова, М. Б. (2025) Социальный потенциал учительства и проблемы его реализации // Наука, культура, Общество, Т.31, №1. С. 50–58.

2. Дробижева, Л. М. (2020) Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. № 8, С. 37–50.

3. Дюркгейм, Э. (1996) Социология образования // Социология. Ее предмет Ее предмет, метод, назначение. М.: ИНТОР. С. 80.

4. Ефименко, В. Н. (2013) Структурные компоненты и содержательное наполнение понятия «Гражданская идентичность» // Теория и практика общественного развития, №11, С. 250–254.

5. Ковалева, А. И. (2019) Разновидности социальной идентичности: подходы к классификации // Знание. Понимание. Умение, №4, С. 89–103.

6. Ковалева, А. И. (2022) Социализация личности: норма и отклонение/ Монография. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 232-305.

7. Логинова, А. А. (2010) Формирование гражданской идентичности школьников средствами интернет-проектов // диссертация [Электронный ресурс] https://www.dissercat.com/content/formirovanie-grazhdanskoi-identichnosti-shkolnikov-sredstvami-internet-proektov

8. Сорокина, А. И. (2023) Формирование российской идентичности в студенческой среде // Вестник АнГТУ, №17, С. 378–381

9. Степанов, Е. И. (2003) Гражданская идентичность и особенности ее формирования в современной России. М.: ИФРАН.

10. Социологический энциклопедический словарь (1998) М.: Изд. Группа ИНФРА М-НОРМА, С. 254

Примечания

1.Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 13.11.2025)

2. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. N 544н "Об утверждении профессионального стандарта "Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)». [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155553/fcd5ad2f7bcae420af7b0e706a20935cafd7f5ec/#dst100010 (дата обращения 13.11.2025)

3. Федеральный образовательный стандарт основного общего образования от с изменениями и дополнениями (Приказ Министерства просвещения РФ от 31.05.2021 г. №287) [Электронный ресурс] // Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/ (дата обращения 13.11.2025)

4. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 18.05.2023 № 371 «Об утверждении федеральной образовательной программы среднего общего образования» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452080/ (дата обращения 13.11.2025)

Коротина Марина Сергеевна, аспирант кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета по научной специальности 5.4.6. «Социология культуры». Адрес: 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-60-21.

Духовно-нравственное наполнение студента-социолога через осмысление наследия русских социологов субъективной школы (на примере теории прогресса П. Л. Лаврова)

М. С. Короткова
Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация. В статье раскрываются возможности учебного процесса в деле духовно-нравственного воспитания студентов-социологов. В частности, показано, как через осмысление наследия русских социологов субъективной школы, прочтение текстов П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского социологическое мировоззрение студентов наполняется нравственными позициями.

Ключевые слова: студенты-социологи, субъективная школа, П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, мировоззрение, ценности, духовно-нравственное воспитание.

Жизнь в информационном потоке современного цифрового общества невозможна без осмысления социальных процессов, происходящих в нем ежедневно и даже ежечасно. Необходимая рефлексия ускоряющейся реальности подводит нас к вопросу выбора: какая информация действительно важна, что из происходящего нас наполняет, делает лучше, что из текучей современности сохранится и укоренится в социальной памяти, а что можно отбросить как ненужное, ложное, навязанное? Рациональный осознанный выбор представляется возможным благодаря сформированным у человека нравственным ориентирам.

В этой связи актуализируется следующий вопрос: кто становится субъектом, ответственным за передачу и формирование ценностей, норм, образцов поведения? Институту высшего образования исторически отводится роль транслятора культурного наследия, способного передать молодому поколению духовно-нравственные ориентиры. Основным агентом культурного воспроизводства, соответственно, традиционно считается молодежь, особенно студенческая, ведь она наиболее полно включена в когнитивный процесс, а значит, участвует в культурном воспроизводстве.

Духовно-нравственное воспитание студентов представляет собой ключевой компонент образовательного процесса, направленный на формирование фундаментальных моральных ценностей и развитие нравственного сознания у молодых людей. Этот аспект образования способствует усвоению студентами комплексных нравственно-этических норм и культурных основ, а также формированию их духовных запросов, потребностей и интересов.

Духовно-нравственное воспитание студентов в рамках высшего образования представляет собой сложный и многогранный процесс, направленный на формирование у молодых людей целостной системы нравственных ценностей, качеств и навыков, необходимых для их успешной интеграции в общество и профессиональной деятельности.

Учебный процесс может способствовать духовно-нравственному наполнению студента-социолога через изучение гуманитарных дисциплин, в том числе социологии, философии и культурологии. В процессе студенты приобретают духовные ценности, ценностные ориентации и нравственные позиции, постигая знания о человеке и его взаимоотношения с обществом.

Чтение и разбор текстов классиков русских социологов, обсуждение ключевых позиций авторов-фундаментальных нравственных категорий, осмысление определений дополняет социологическое мировоззрение студентов социологов, наполняет их новым смыслом, позволяет переосмыслить многие понятия, сравнив их актуальность с сегодняшними реалиями. Огромным потенциалом обладают социологические теории представителей русской субъективной школы, также известной как этико-социологическое направление, сформировавшееся в конце 60-х – начале 70-х годов XIX века. Теории Лаврова, Михайловского и др. социологов формируют фундаментальный, теоретический уровень социологического знания, цементируя основу мышления студентов.

В тексте «Цена прогресса» П. Л. Лавров рассуждает о том, что в исторической ретроспективе первоначальный прогресс «меньшинства» был обеспечен порабощением «большинства». Причем этом само порабощение Лавров видит не столько в прямом смысле, сколько в том, что культурное меньшинство не понимало необходимости распространения своих знаний и ценностей в массах: «Многие блестящие цивилизации заплатили своей гибелью за это *неумение связать со своим существованием интерес большего числа личностей*. Во всех цивилизациях без исключения большая часть людей, пользовавшихся удобствами культуры, *вовсе не думала о всех тех, которые ею не пользовались и не могли пользоваться, а тем менее о цене, которой куплены приобретенные удобства жизни и мысли*»[1]. По Лаврову, история – это вечная борьба образованного меньшинства за прогресс как синоним гармоничного развития личности.

В тексте Лавров часто апеллирует к категории Зла: он считает, что все то зло, которое вершится в мире (кровопролитные войны, несправедливость, насилие и порабощение) – это есть результат того, что просветленное меньшинство не способно распространить свое умственное и нравственное знание на большинство, хотя именно благодаря работе этого меньшинства оно и имеет свое положение.

И теперь, по мнению Лаврова, это образованное меньшинство должно уплатить моральный долг перед народом путем распространения научного и нравственного знания, улучшения условий жизни и развития справедливости в обществе в целом.

Перейдем к рассмотрению формулы прогресса, предложенной П. Л. Лавровым. Согласно его концепции, прогресс общества характеризуется динамическим взаимодействием солидарности и общественного сознания.

[1] Лавров П. Л. Исторические письма. Философия и социология Избранные произведения в двух томах. Том 2. Академия наук СССР. Институт философии. М., Издательство социально-экономической литературы «Мысль», 1965.

Солидарность, как ключевой элемент социальной интеграции, проявляется в различных формах духовной связи между индивидами, основанных на общности привычек, интересов, убеждений и эмоциональных переживаний.

В рамках данной парадигмы, Лавров выделяет несколько типов солидарности, различающихся по степени осознанности и уровню рефлексии:

1. Бессознательная солидарность, формирующаяся на основе привычек и рутинных практик, представляющих собой фундаментальные элементы социальной структуры.

2. Аффективная (чувственная) солидарность, возникающая вследствие эмоциональных и аффективных связей между индивидами, что способствует формированию первичных форм социальной интеграции.

3. Сознательная, обусловлена единством убеждений.

Сознательная форма выделена как предмет социологии, как необходимое условие осознания личностью совпадения ее собственного интереса с интересом общественным, ее собственного достоинства с достоинством других людей.

История понималась Лавровым как вечная борьба образованного меньшинства за прогресс как синоним гармоничного развития личности. По Михайловскому, история – это постепенное разделение труда в ущерб неделимости личности.

Центральная фигура изучения темы личности для Лаврова – это критически мыслящая личность – главная сила исторического развития общества. Такая личность, как правило, образована, свободна и нравственна в своих поступках. В ней учёный видел реальной воплощение идей солидарности, ту главную социальную силу, которая отвечает за «рост сознания в личностях». Совокупность критически мыслящих личностей учёный рассматривал как движущую силу истории, то есть основной двигатель истории – действия критически мыслящих людей (передовой интеллигенции).

Между обществом и личностью он видел антагонизм, преодолеть который можно предоставив личности большую свободу по отношению к обществу (принцип верховенства личности над обществом).

Лавров полагал, что понятия моральных ценностей и справедливости, находящие себя в творчестве смыслов и достойных поступках людей, ведут к радикальному нравственному преображению общества на основах равенства, дружбы и милосердия. Лавров видит взаимозависимость между развитием личности и развитием общества: вне общественного развития не может осуществляться нравственное развитие отдельной личности, так же как от развития отдельной личности зависит развитие общественного строя.

Нравственное развитие личности возможно лишь в условиях мыслительной свободы, возможности развития самостоятельных утверждений и что «уважение достоинства чужой личности есть уважение собственного достоинства». Также упор делается ученым на обязательности наличия среды формирования положительного отношения к нестандартным и критичным взглядам на мир, поощрение развития нравственности каждого индивида

В изучении социологии социолог опирался на философию, историю и этику, его тексты наполнены собственным пониманием и переосмыслением таких нравственных категорий, как: прогресс, солидарность, зло, нравственное достоинство, нравственный поступок, общественное бытие, духовная свобода.

Пытаясь найти истоки общественности в животном мире, понять специфику именно человеческого общества, проследить разные состояния социо-культурной эволюции, начиная с первобытных форм, и, кончая цивилизованными формами, он ставил себе цель – привести общество к состоянию равновесия, где солидарность и развитие составят две взаимообусловленные стороны единого процесса

Использовать идеи Лаврова можно при формулировании примеров нравственного поведения, что позволяет расширить нравственный опыт студента, побудить его к внутреннему диалогу, пробудить нравственную рефлексию, обеспечить возможность выбора при построении собственной системы ценностных отношений. Разбор жизненных ситуаций с позиций теории прогресса Лаврова представляется более осмысленным, ценностью наделяются наиболее значимые вещи. Наполнение студента-социолога предполагается более полным лишь после погружения и обсуждения философско-социологических позиций его работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лавров П. Л. Исторические письма. Философия и социология Избранные произведения в двух томах. Том 2. Академия наук СССР. Институт философии. М., Издательство социально-экономической литературы «Мысль», 1965. 315 с.

Саяпин В. О. Идеал нравственного начала в этической теории Петра Лаврова // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. №2 (460). Философские науки. Вып. 63. С. 114–119.

Сологуб Л. А. Отличие понимания прогресса П.Л. Лаврова от «формулы прогресса» Н. К. Михайловского // Современные научные исследования и инновации. 2022. № 8 [Электронный ресурс]. URL: https://web.snauka.ru/issues/2022/08/98715 (дата обращения:01.12.2025).

Короткова Марина Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета. Email: socio@mosgu.ru.

Исковая давность в корпоративном праве: специфика и влияние на стабильность корпоративных правоотношений

А. С. Корсунова
Московский гуманитарный университет,
Московский международный университет

Аннотация. В статье рассматриваются общие основы учения об исковой давности, виды сроков исковой давности в корпоративных отношениях, причины установления сокращенных сроков исковой давности и их влияние на корпоративные отношения.

Ключевые слова: учение об исковой давности, корпоративные отношения, исковая давности, сокращенные сроки исковой давности, стабильность корпоративных отношений.

Исковая давность в объективном смысле – гражданско-правовой институт, т. е. система норм законодательства, регулирующих отношения, связанные со сроком защиты гражданских прав (сроки, возникновение и т. д.). Тогда как исковая давность в субъективном смысле – это права лица, чьи интересы нарушены, воспользоваться сроком для защиты нарушенных гражданских прав (Кириллова, Крашенинников, 2016).

Институт исковой давности в гражданском праве имеет цель дисциплинировать участников оборота, стимулировать их к осуществлению принадлежащих им прав и исполнению обязанностей. Известно, что неопределенность в гражданско-правовых отношениях в целом противоречит их сущности. Действительно, основание давности заключается в том, что общество нуждается в прочном порядке и всякая неопределенность отношений, способная колебать приобретаемые права, возбуждает против себя протест (Шершеневич, 1911).

К общим чертам исковой давности в различных правопорядках можно отнести следующие:

1. Правовая определенность должников, которая служит стабильности гражданского оборота в целом. За пределами срока исковой давности оспаривание, например, сделки, будет практически исключена. Напротив, неограниченные сроком притязания кредиторов создают угрозу такой стабильности.

2. Исковая давность также влияет на интересы третьих лиц и государства. Для спокойствия сообщества требуется установить срок, по истечении которого тяжба была бы бесперспективной, а чьи-либо титул и право не могли быть поставлены под сомнение. Третьи лица, вступающие в сделки с кредитором или должником, заинтересованы в достоверных сведениях о принадлежности вещи или актива. Устраняя страх перед возможными будущими разбирательствами,

исковая давность способствует социальному и экономическому развитию и увеличивает производительность.

3. Исковая давность стимулирует кредиторов к своевременной защите и реализации своего права (Савина, 2019).

Начиная исследование о многообразии сроков исковой давности в корпоративных отношениях, напомним о принципе права «lex specialis derogat generali» о соотношении и применении норм общего закона (Гражданского кодекса) и специальных законов (например, ФЗ «Об акционерных обществах») в отношении исковой давности. В ситуации, когда ГК РФ содержит норму о сроке в шесть месяцев для обжалования решения собрания (п. 5 ст. 181.4 ГК РФ), а ФЗ «Об акционерных обществах» норму о трехмесячном сроке на обжалование решения участников акционерного общества (п. 7 ст. 49 ФЗ «Об АО»), подлежит применению норма специального закона.

Итак, корпоративными отношениями принято считать отношения связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (ст. 2 ГК РФ). Способы защиты корпоративных прав многообразны, среди них принято выделять классические, предусмотренные ст. 12 ГК РФ, и специфические, например, исключение участника из общества; перевод прав и обязанностей покупателя при нарушении преимущественного права приобретения акций/долей в уставном капитале. Так же как многообразны способы защиты корпоративных прав, также специфичны и различны сроки исковой давности, применяемые при их защите.

Отличительной особенностью корпоративных отношений является установление сокращенных, по сравнению с общим трехгодичным, сроков исковой давности, установленных для большинства гражданско-правовых отношений.

Начнем анализ многообразия сроков с такой распространённой категории споров, как оспаривание решений общего собрания участников корпорации. Для акционерных обществ срок составляет три месяца с даты, когда участник узнал или должен был узнать обстоятельствах недействительности этого решения (п. 7 ст. 49 ФЗ «Об акционерных обществах»). В обществах с ограниченной ответственностью этот срок составляет два месяца (п. 4 ст. 43 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

Однако в этой связи, следует например, показать и такой подход правоприменителя, согласно которому предъявление требования о признании решения хозяйственного общества недействительным во взаимосвязи с требованием о восстановлении корпоративного контроля может быть заявлено в суд в течение общего трехлетнего срока исковой давности. Данный вывод был сделан Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ (Определение от 03.09.2020 N 307-ЭС20-209 по делу N А56-135927/2018).

Напомним, что действующим законодательством предусмотрен механизм «исцеления» оспоримых решений собраний участников, корпорации (п. 2 ст.181.4 ГК РФ), под которым подразумевается подтверждение оспариваемого решением собрания, принятым в установленном порядке до вынесения решения суда.

Следовательно, можно предположить, что установление более длительных давности для исков об оспаривании решений собраний участников корпорации сроков может способствовать злоупотреблению со стороны корпорации в виде возможности подтверждения оспариваемого решения до вынесения решения. Для самого юридического лица более короткий срок обжалования в свою очередь создает условия стабильного функционирования корпорации на основе принятых решений. Также этот режим стабильности гарантирован общими положениями о невозможности восстановления пропущенного сокращённого срока для обжалования. Корпорация защищена также правом суда оставить обжалуемое решение суда в силе, при условии, что нарушения не являются существенными, голосование акционера не могло повилять на итоги голосования и решение не причинило акционеру убытки (п. 7 ст. 49 ФЗ Об акционерных обществах»). Однако следует согласиться с теми авторами, которые указывают на риски принятия решения мажоритарными акционерами (так называемая, опасность «контрмажоритаризма» при оспаривании корпоративных решений) (Егоров, 2023, Степанов, 2021,), исходя из возможности оставления решения в силе, при отсутствии влияния миноритариев на голосование.

Однако корпоративным отношениям присущи и общие сроки исковой давности по иным требованиям. По требованиям о взыскании убытков с членов органов управления применяется общий трехлетний срок исковой давности. Кроме того, если имеет факт сокрытия информации о совершенной сделке на фоне корпоративного конфликта, срок исчисляется со дня, когда корпорация (её участники узнали) получили возможность узнать о совершении сделки и несоответствии её условий интересам юридического лица. Такой подход соответствует выводам, закрепленным в Обзоре практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 ГК РФ.

Согласно правовой позиции Высшего Арбитражного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 17 ноября 2009 г. № 11458/09, иск о признании права на доли, сопряженный с истребованием из незаконного владения долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, рассматривается как виндикационное требование в соответствии со статьями 301, 302 ГК РФ.

Наравне с виндикацией долей применяется такой способ защиты права, как восстановление корпоративного контроля. Но даже в таком случае, как указал

суд, срок исковой давности не может превышать десять лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен.

Экстраординарные сделки, совершенные с нарушением корпоративных процедур, являются оспоримыми. Стабильность гражданского оборота в сфере корпоративных правоотношений обеспечивает императивная норма о том, что срок исковой давности (составляет один год) по требованию об оспаривании крупной сделки и признанию её недействительной восстановлению не подлежит (п. 6 ст. 79 ФЗ «Об акционерных обществах»).

Дополнительной гарантией выступает норма, закрепленная пунктом 6.1 названной статьи, которая предусматривает отказ в удовлетворении требования, при установлении одного из следующих оснований: последующее одобрение сделки или осведомленность стороны сделки о её совершении, об отнесении сделки к крупной и отсутствие согласия на её совершение.

Таким образом, специфика корпоративных отношений такова, что особенностью сроков исковой давности при защите нарушенных прав участников и корпорации является для некоторых способов защиты их более сокращенный период, обусловленный стремительным развитием этих правоотношений. Вместе с тем, на ряд классических способов защиты прав участников и самой корпорации распространяются общие сроки исковой давности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс РФ, часть первая от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ //Собрание законодательства РФ. 1994. №32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. «Об акционерных обществах» //Собрание законодательства РФ? 1996, №1, ст.1.

3. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»// Собрание законодательства РФ, 16.02.1998, № 7, ст. 785.

4. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 ноября 2009 г. № 11458/09//СПС Гарант.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2015. № 8.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43// «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 12, декабрь, 2015.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»// Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2018.

8. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 ГК РФ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.07.2025)//СПС Консультант Плюс

9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.09.2020 N 307-ЭС20-209 по делу № А56-135927/2018//СПС Консультант плюс.

10. Егоров А. В. Борьба с «мажоризацией» участников собрания как формой злоупотребления при принятии решения // Цивилистика. 2023. Март – апрель. С. 48.

11. Кириллова М. Я., Крашенинников П.В. Сроки в гражданском праве. Исковая давность. 3-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2016. 80 с.

12. Савина К. Г. Дисс. на соиск. ст. к. ю. н. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве. Москва. 2019.

13. Степанов Д. И. Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам. М. : Статут, 2021. 284 с.

14. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. 10-е изд. М., 1911.

Корсунова Анна Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Московского гуманитарного университета, адрес: 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-78-60; доцент кафедры юриспруденции Московского международного университета, адрес: 125040, Москва, Ленинградский проспект, д. 17, эл. адрес: askorsunova@yandex.ru.

Семья как ценность в контексте молодежной политики современной России: проблемы и решения

Е. Б. Костюк, А. А. Мельникова
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Аннотация. В статье анализируются причины кризиса в современной российской культуре, связанные с образованием семьи и как, следствие, демографическая проблема в стране. Авторы приходят к выводу, что за последние 40 лет культивирование идеи «живи в свое удовольствие», культ потребительского отношения отобразился и на взаимоотношениях молодых людей. Порочные практики: «свободных отношений», «гражданского брака», «чайлдфри», а также рассмотрение семьи, рождения детей исключительно в материально-финансовой контексте, привели к кризисным последствиям, которые ныне обсуждаются на государственном, общественном и частном уровне. Предлагаются формы и методы по решению сложившейся кризисной ситуации в сфере молодежной политике по работе с молодыми людьми к образованию семей и рождению детей.

Ключевые слова: семья, молодежная политика, рождаемость, духовно-культурные ценности, Россия, финансовый кризис, культ потребления

Государство и народ не могут существовать, если нет семей с детьми, так как именно в них создается настоящее и будущее страны, бережно хранится память о достижениях, как своих предков, так в конечном итоге и всей страны. Важнейшей государственной задачей современной России становится забота не только о материальном благополучии современных российских семей, но, главное, формирование такой культурной среды, в которой молодые люди хотели бы создавать семьи, стремились к рождению детей. Как справедливо отметил на заседании Совета при Президенте РФ 23 октября 2025 года В. В. Путин: «Поддержка семьи, создание условий для того, чтобы в России рождалось как можно больше детей, важнейшее, по сути, так называемое сквозное направление всех наших национальных проектов, стратегических планов развития. Оно затрагивает практически все сферы жизни, все, что нужно и значимо для наших людей. Это однозначный приоритет, поскольку речь идет о будущем нашей страны» (1). На уровне государства поставлена задача по объединению усилий всех социальных групп общества, а также СМИ в деле формирования такой культурной и материальной среды, в которой будет потребность в создании семьи. Это важнейшая задача и в русле молодежной политики РФ. Однако тренды современной цивилизации настраивают молодых людей не на реализацию себя как семейного человека – мужа, жены, папы и мамы детей, а то, чтобы стать специалистом в какой-либо сфере. Кроме того, практически с 1980-х годов в советском и постсоветском обществе доминирующей общественной идеей был разворот к капитализму, а «рыночная идеология» с культом денег и материального благосостояния нацеливала на взращивание «квалифицированного потребителя» (2). В этой парадигме не было

места семье и детям, более того «потребительство», как смысл существования, стало касаться не только вещей, но и людей. Сексуальная революция рубежа XX–XXI веков в постсоветской России – одно из проявлений потребительского отношения к человеку, что совершенно чуждо менталитету русской цивилизации. Молодой человек в системе координат «рыночной» эпохи стал рассматривать и себя, и людей как товар, который можно дешевле или дороже продать, отсюда рост преступлений разного типа, вовлечение молодежи в подростковые банды, бандитские группировки. Семья перестала позиционироваться в массовых видах искусства – музыке, кино как главная ценность человеческой жизни, наоборот идеи: «свободных отношений», «чайлдфри» и т. п. стали доминировать в общественном дискурсе, а значит и личной жизненной стратегии молодых людей. Наш опрос, который был проведен совместно со специалистами в сфере социальной психологии, выявил, что большая часть молодых людей (21–23 года) хочет иметь семью (90%), потому что: «невозможно всю жизнь прожить в одиночестве», «Потребность в любви. Безопасность. Продолжение рода», в семье многие видят – истинный смысл жизни, также как и в детях. При этом, большая часть респондентов заявила, что планирует создавать семью в возрасте 20–25 лет (40%), в возрасте 25–30 лет (50%), в возрасте 30–35 (10%). В целом данная ситуация вполне объяснима, так как по окончании учебы молодые люди планируют найти работу, упрочить свой материальный статус и тогда уже возможно думать и о семье. 100% опрашиваемых условием для создания семьи и рождения детей поставили проблемы материального характера: «обеспечить для начала жильем», «улучшить материальное положение», «дать ощущение безопасности». Долгое время в российском обществе культивируется идея о том, что счастье, прежде всего, связано с материальным благополучием, а чтобы оно было нужно финансово, быть независимым, следовательно, на первом месте – профессия, а значит карьера. Большинство опрашиваемых, что очень оптимистично, на наш взгляд, заявило, что хотели бы, чтобы в их семье было 2 ребенка (70%), 3 ребенка (30%).

Таким образом, исследования единодушно показывают, что семья остается фундаментальной ценностью для современной молодежи. Однако ее понимание, форма и ожидания от нее кардинально меняются. Речь идет не об отказе от семьи, а о переходе от модели «семьи-долга» к модели «семьи-выбора». Молодежь сначала стремится получить образование, построить карьеру, достичь финансовой стабильности и «пожить для себя». Родительство перестает быть автоматическим следствием брака и откладывается до момента «готовности». При этом совершенно очевидно, что при чисто материальном подходе к вопросу, молодые люди будут откладывать рождение детей, поскольку абсолютной финансовой стабильности не бывает. Она зависит от множества не только внутренних факторов (в жизни человека, страны), но и внешних (мировая политика, экономика и т. п.). Представляется, что на протяжении нескольких

десятков лет господствующая в России «рыночная идеология», пришедшая на смену социалистической привела к иным перекосам в развитии государства, который могут быть не менее катастрофичны, чем то, что произошла с падением СССР. Семья – это ценность глубоко гуманистическая по своей сущности. Как верно, отмечает А. В. Костина: «Для того, чтобы гуманистический идеал был реализован в обществе в целом, кроме индивидуальной работы, необходимо продуманное, целенаправленное его формирование самим государством – через институты образования, СМИ, продукцию массовой культуры (Костина, 3, с. 59). Действительно, *государство создает финансовые мотивации для рождения детей, например,* в 2025 году 690 266,95 рубля, есть ежемесячное пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет, то есть практически до детского сада от 10 000 до 68 000 в зависимости от заработка родителя за предыдущие 2 года. Однако беби-бума не происходит. Некоторое улучшение ситуации, произошедшее в период 2010–2016 годов, уверенно ухудшается по статистическим данным, опубликованным в открытых источниках (4). Данные опроса, которые приводились выше показывают, что среди факторов, которые влияют на принятие решения, указывается финансовый. Противоречие. Нам представляется, что этот в корне неверный подход связан с акцентом на только материальной стороне вопроса, вполне закономерной в эпоху «культуры потребления», когда все и всё оценивается через призму материального.

Между тем, семья – ценность гуманистического плана, как верно отмечает С. С. Комиссаренко: «Семья обладает огромным ресурсом формирования базисных ценностей, правильных установок» (Комиссаренко, 5, с.142). В семье – главное, это отношения между людьми, основанные не на финансах (!), материальном достатке, а на любви, на доброте, взаимопонимании, заботе, милосердии к слабостям членов семьи, прежде всего, духовной, душевной, а не материальной поддержке, которая тоже есть, если все вышеназванное присутствует во взаимоотношениях людей.

Семья – это папа, мама, дети, бабушки, дедушки и т. д. Но, прежде всего, семью образуют мужчина и женщина, с них все начинается. Почему молодые люди в современной России не создают семьи, официально, а живут в так называемом «гражданском браке», результатом которого чаще всего становится разрыв отношений. По статистике в таких браках в разы реже рождаются дети.

Начиная с 1990-х годов в культурной парадигме развития российского общества под влиянием СМИ с идеями «сексуальной революции», развративших молодых, и не только, людей, становится модным «менять партнеров». Гражданские браки (сожительство) перестали быть девиацией и стали распространенной «пробной» или даже постоянной формой отношений. Молодежь рассматривает их как этап проверки совместимости. Однако с позиции христианства – это значит блудить, что привело к росту абортов, что, по сути, является убийством детей, венерических заболеваний, а значит как следствие общее нездоровое состояние большой части населения детородного

возраста. Посредством СМИ стала насаждаться мода на «легкомысленные», беспорядочные отношения, прежде всего, для мужчин с идеей «зачем семья, ведь это обязанности», «живи в свое удовольствие» – это буквально девиз эпохи потребления. Между тем мужчина – это РОД, который должен быть продолжен, без рода – нет народа. Но если мужчина, по неразумности в молодости, по развращенности и т. п., отказывается поддерживать женщину, которая может, родив детей, продолжить его род, то это неизбежно приводит к тому, что женщина тоже становится заложницей этой ситуации, уходя с головой в карьеру, поскольку нет возможности создать семью.

С другой стороны, развращенность коснулась и женщин. Культивирование через СМИ, ток-шоу, кинопроизведения, образа женщины, которая строит карьеру, культивирует свою телесную красоту, соблазняет мужчин «направо-налево», также приводит к тому, что ценность семьи для нее девальвируется под тем же девизом «живи в свое удовольствие». Молодая девушка и женщина в этих кинопроизведениях усиленно декларирует, что сначала нужно «материальное благополучие», «встать на ноги» и т. п. Формируемая под воздействием СМИ направленность на карьеру и финансовую независимость напрямую влияют на репродуктивные планы и распределение ролей в семье.

При этом существует и второе направление: через массовый вид искусства – кино задается определенный образ желаемого мужа – это, прежде всего, успешный бизнесмен. Реальная жизнь другая. Известно, что только 3% населения может успешно заниматься бизнесом, а не все. Есть много других, даже более значимых, достойных профессий для развития государства, жизни людей, например, врача, военного, учителя, ученого и т. д. Эти мужчины своим трудом, знаниями спасают, помогают, учат, развивают, строят и т. д., то есть созидают жизнь во всех ее проявлениях, достойны любви и уважения.

В массовых песнях ситуация не лучше, поскольку через тексты, а также образы эстрадных «певиц» и «певцов» формируются деструктивные образы, модели поведения, жизненных приоритетов, которые никак не связаны с пониманием семьи как ценности, любви как главного богатства человека. Результатом становится, стремление девушек найти бизнесмена как мужа-«спонсора», а у российских мужчин с молодости, найти не жену, а «сексуальный объект», не семью образовать, а наоборот избегать ее как можно дольше, если не всегда. Безусловно, этот процесс имеет исключения, однако количественные показатели показывают тревожную по последствиям ситуацию, количество разводов на 10 браков – 8 (6), при этом средний возраст вступающих в брак, в основном за 30 лет, и в этом случае редко кто решается родить трех детей, в лучшем случае – двоих.

Главной проблемой современной России становится не только снижение рождаемости, оно следствие другой важной, корневой проблемы – исчезновение института семьи как ценности. Необходимо формировать устойчивое стремление у молодых людей к созданию семьи. На это должна быть направлена

молодежная политика современной России. *Создавать даже моду на то, чтобы молодой человек гордился тем, что у него есть жена и трое, четверо детей.* Женщина была спокойна, что ее социальный статус уважаем и устойчив, экономически ее поддержат в рождении и воспитании детей, их отец не откажется помогать, поскольку государство, общество стимулирует его к этому, даже если есть недопонимание важности такого действия.

Представляется, что для преодоления сложившейся ситуации возможны следующие меры: введение в СМИ, кино, песнях темы, что современный мужчина – женат, имеет 3–4 детей и поэтому счастлив; в рекламных блоках, должна быть демонстрация счастливых мужчины и женщины, окруженных 2–4 детьми; в молодежной политике необходима разработка и реализация программ, мероприятий, способствующих личному знакомству молодых людей с целью образования семьи, а не поиска «сексуального партнера», как это предлагается в рамках целого ряда современных телеканалов; на уровне государства поощрительные меры к образованию семьи, начиная, например, с 19 лет до 23 для юношей с возможностью, например, отсрочки от службы в армии в случае ожидания и рождения ребенка в семье, или прохождения военной подготовки вне отрыва от семьи и дома, пролонгирования ее в случае ожидания второго и третьего ребенка; предоставления квартиры от государства в аренду для молодых семей с детьми (или ожидающих появления ребенка), с возможностью пролонгирования до достижения ребенком 7 лет; оказания материальной поддержки в размере 3 МРОТ до достижения ребенком 3 лет; обеспечение женщины, рождающей ребенка без мужа до 3 лет финансами в размере выше среднего заработка по региону проживания и гарантированным обеспечением ребенка местом в детском саду по адресу проживания. *При этом, важно преодолеть в сознании людей подход к вопросу образования семьи и рождению детей во взаимосвязи с финансовым и материальным благополучием.* В этом плане представляется важным: изменить существующие стереотипы, связанные с материальным достатком как главным признаком успешности, заменив его на гуманистический – семейный человек – это успех в жизни, счастливый, и как следствие, у него есть стимул стать материально состоятельнее, чтобы содержать семью. Дети – это счастье в настоящем и уверенность в будущем. Однако все это должно быть не на уровне декларации, а внедрено в систему общего образования от первого класса в соответствующих возрасту форматах до последнего курса вуза. Необходим государственный заказ на массовые песни, кинопроизведения, в которых будет демонстрироваться именно образ семейного человека как счастливого, достигшего настоящего успеха в жизни.

Главное, необходимо поменять отношение людей к рождению детей с материального подхода, на духовно-ментальный, что семья и дети – это продолжение твоего рода, это счастье, невозможно быть счастливым, убегая и отказываясь от него.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.Заседание Совета по реализации государственной демографической и семейной политики URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/78273 (дата обращения 03.11.25)

2. Неужели мы взрастили поколение «квалифицированного потребителя» https://yandex.ru/video/preview/16684740579922037387 (дата обращения 05.11.25)

3. Костина, А.В. Россия: путь к будущему. Технологии формирования нового общества**:** цивилизационная идентичность, информатизация жизни, культурные ценности и «общество потребления» (2019). М. : URSS. 196 с.

4. Рождаемость в России статистика за 10 лет https://yandex.ru/images/search?from=tabbar&img_url=https%3A%2F%2Favatars.dzeninfra.ru%2Fget-zen_doc%2F271828%2Fpub_67f9ef5cb5147d53e947f070_67f9ef83f2c94c2d443a5156%2Fscale_1200&lr=2&pos=0&rpt=simage&text=рождаемость%20в%20россии%20статистика%20за%2010%20лет (дата обращения 05.11.25)

5. Комиссаренко, С. С. Элита российской культуры. (2004) СПб.: Издательство «Нестор». 236 с.

6. Разводы в России 2025. URL:https://www.b17.ru/article/716018/ (дата обращения 05.11.25)

Костюк Екатерина Борисовна, доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор кафедры искусствоведения Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Адрес: 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, д. 15 . Тел.: +7 (812) 380-20-55. Эл. адрес: e_shpakov@mail.ru;

Мельникова Алла Александровна, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Адрес: 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, д. 15. Тел.: +7 (812) 380-20-55. Эл. адрес: 88alla88@mail.ru.

От ребенка-объекта к ребенку-субъекту: трансформация воспитательных моделей в дошкольном образовании Москвы

И. В. Кощиенко
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматривается ключевая парадигмальная трансформация в современном дошкольном образовании Москвы, суть которой заключается в переходе от модели, где ребенок выступает пассивным объектом педагогического воздействия, к модели, признающей ребенка активным, инициативным субъектом образовательной деятельности. Особое внимание уделяется таким аспектам становления субъектности, как развивающее взаимодействие в зоне ближайшего развития, проектная деятельность и создание полифункциональной образовательной среды. Делается вывод о том, что реализация субъектного подхода является системным условием повышения качества дошкольного образования в соответствии с вызовами современности.

Ключевые слова: дошкольное образование, субъектно-ориентированная модель, развивающее взаимодействие, зона ближайшего развития.

Современный этап развития отечественной педагогики характеризуется глубоким переосмыслением роли ребенка в образовательном процессе. Если исторически сложившиеся дидактические системы нередко рассматривали дошкольника как объект для приложения внешних, заранее заданных воспитательных усилий, то в XXI веке, с опорой на культурно-историческую школу в психологии Л. С. Выготского, утверждается антропоцентрический подход, в центре которого находится фигура ребенка-субъекта. Этот переход не является спонтанным; он детерминирован изменениями в социальном заказе, достижениями возрастной психологии и закреплен в нормативных документах, включая Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (4, 2013).

Для города Москвы как флагмана образовательных инноваций в России характерно изучение данной трансформации. Внедрение субъектно-ориентированных моделей здесь происходит на фоне масштабной цифровизации, обновления материально-технической базы и повышения квалификации педагогических кадров.

Понятие субъектности в контексте дошкольного детства подразумевает способность ребенка быть инициатором и автором собственной деятельности, выстраивать ее в соответствии с внутренними мотивами и целями, а также осуществлять волевую регуляцию своих действий. Российский психолог Н. Е. Веракса подчеркивает, что становление субъектности напрямую связано с возможностью дошкольника реализовывать собственные потребности и мотивы, когда активность разворачивается по его собственной логике (Веракса, 2011). Взрослый в этой парадигме перестает быть контролером, а становится проводником и носителем культурных средств, создающим условия для развития ребенка.

Краеугольным камнем для реализации данного подхода остается концепция зоны ближайшего развития, введенная выдающимся отечественным психологом, Л. С. Выготским (Выготский,2005). Образовательный процесс, построенный в логике зоны ближайшего развития, по определению является субъектным, так как требует от ребенка активности в освоении того содержания, которое находится на грани его актуальных возможностей, но может быть достигнуто в сотрудничестве с компетентным взрослым или сверстниками. Таким образом, субъектность не противопоставляется развивающему обучению, а становится его необходимым психологическим условием.

Исследования последних лет акцентируют полифункциональность среды как ключевой фактор становления субъектности (Федорова, Клопотова, 2023). Среда должна предоставлять ребенку возможности для выбора вида деятельности, партнера, материалов и темпа работы. В московской практике это реализуется через организацию центров активности (конструирования, экспериментирования, творчества и др.) в дошкольных группах, использование трансформируемого оборудования и неструктурированных материалов.

Московская система дошкольного образования демонстрирует лучшие практики, направленные на становление активного деятеля.

Например, поддержать детскую инициативу, оформить ее в виде культурно значимого продукта, то есть в виде некоторого культурного образца помогает проектная деятельность. Именно в полноценной проектной деятельности, по мнению специалиста по психологии дошкольного образования Н. Е. Вераксы, ребенок выступает за успешное выполнение проекта, что и обеспечивает субъектный характер его активности. В московских детских садах проекты, инициируемые самими детьми (например, «Почему тает снег?», «Как построить дом для жука?» и др.), стали распространенной формой работы. Важнейшим этапом является публичная презентация результатов, которая придает деятельности социальную значимость и завершенность, усиливая переживание авторства у ребенка.

Игра остается классической формой проявления субъектности, поскольку ее разворачивание всецело определяется внутренним замыслом и правилами, устанавливаемыми самими детьми (Смирнова, 2022). Стратегия Департамента образования и науки города Москвы ориентирована на защиту времени и пространства для свободной игры детей, противодействуя тенденции замещения ее формальными занятиями. Это включает обогащение игровой среды, обучение воспитателей навыкам наблюдения и гибкой поддержки игровых сюжетов.

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), активно внедряемые в московские детские сады (интерактивные столы, робототехнические конструкторы), предлагают новые формы проявления активности. Как отмечает Н. Е. Веракса, ИКТ позволяют моделировать ситуации выбора и метод проб и ошибок, что создает у ребенка иллюзию высокой степени контроля. Однако существует риск псевдосубъектности, когда активность ребенка жестко ограничена алгоритмом программы, а спектр возможных решений предопределен разработчиком. Задачей педагога становится

критический отбор цифрового контента, который не сужает, а расширяет поле для самостоятельного исследования и творчества.

Трансформация моделей воспитания находит отражение и в изменении регуляторных механизмов. Так, Управление Рособрнадзора по городу Москве, осуществляя надзор в сфере защиты детей от вредной информации, переходит от жесткого контроля к профилактическим процедурам (5 : Электр. ресурс, 2025). Внедрение «профилактических визитов», в том числе по инициативе самого образовательного учреждения, направлено на консультативную поддержку и предупреждение нарушений, что косвенно создает более благоприятные условия для инновационной, в том числе субъектно-ориентированной, работы педагогических коллективов.

Несмотря на очевидный прогресс, процесс трансформации сопряжен с рядом системных вызовов.

Прежде всего, это риск формализации субъектного подхода. Любая технология (проект, игра, занятие с ИКТ) может превратиться в формальные требования, выполняемые ребенком по инструкции взрослого. В этом случае субъектность теряется, а деятельность приобретает безразличный, неинтересный характер.

Реализация субъектного подхода требует от воспитателя высочайшего педагогического мастерства: умения «слышать» детскую инициативу, балансировать между поддержкой и невмешательством, ситуативно, искусственно создавать образовательные ситуации, не нарушая естественного хода деятельности ребенка (Шиян, 2024). Поэтому, качественная переподготовка кадрового состава остается одной из самых сложных задач.

Запросы части родительской общественности на раннее и форсированное обучение конкретным навыкам (чтению, письму, счету) могут вступать в конфликт с принципами субъектно-ориентированного образования, где развитие познавательных мотивов и самостоятельности приоритетнее сиюминутных формальных результатов.

Парадигмальный сдвиг от ребенка-объекта к ребенку-субъекту представляет собой ключевой путь развития дошкольного образования Москвы. Это не кратковременная тенденция, а системное требование, вытекающее из понимания детства как самоценного периода жизни, в котором закладываются основы личности, познавательной активности и социальной компетентности.

Таким образом, московская практика успешно апробирует и внедряет ключевые инструменты становления субъектности: от организации полифункциональной среды и поддержки детских проектов до адаптации контрольно-надзорных механизмов. Однако успех этой трансформации в масштабах мегаполиса окончательно будет зависеть от ее глубины, а не от формального следования новым технологиям. Ключевым критерием станет способность системы подготовить педагога-профессионала, который не боится разделить с ребенком ответственность за образовательный процесс и умеет создавать ту самую «зону ближайшего развития», где субъектность становится двигателем личностного роста. Дальнейшие исследования целесообразно

направить на оценку долгосрочных эффектов субъектно-ориентированных моделей на развитие детей, а также на изучение лучших московских практик для их тиражирования в других регионах России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Веракса Н. Е. Субъектность дошкольника в современных условиях // Современное дошкольное образование. Теория и практика. – 2011. – №4. – С. 22–27.

Выготский Л. С. Психология развития человека. — М.: Смысл, 2005. — 1136 с.

Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 53 (ч. 1). — Ст. 7598.

Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования: Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 октября 2013 г. № 1155 (ред. от 21.01.2019).

Изменения в Программу профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, на 2025 год (утв. Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки 14 октября 2025 г.) //Электр. ресурс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_478706/.

Смирнова Е. О. Современная детская игра: проблемы и пути их решения // Вопросы психологии. — 2022. — Т. 68, № 5. — С. 15–24.

Федорова С. Н., Клопотова Е. Е. Особенности организации предметно-пространственной среды для развития самостоятельности детей старшего дошкольного возраста в условиях реализации ФГОС ДО // Психологическая наука и образование. — 2023. — Т. 28, № 1. — С. 85–97.

Шиян О. А. Детская инициатива и субъектность в образовательном процессе детского сада: диагностика и поддержка // Дошкольное воспитание. — 2024. — № 3. — С. 4–12.

Кощиенко Ирина Васильевна, старший методист ГБОУ Школа 1515, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии высшей школы Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (906) 795-76-58. Эл. адрес: ds2723@mail.ru

Молодежное предпринимательство на российском рынке труда: особенности и перспективы развития

Е. Б. Крылова
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и направления развития молодежного предпринимательства с учетом имеющихся условий и особенностей социально-экономического развития российской экономики.

Ключевые слова: рынок труда, молодежное предпринимательство, социально-экономическое развитие, малое и среднее предпринимательство, стратегия развития.

Молодежь является наиболее перспективной и мобильной частью экономически активного населения. Эта часть населения только вступает в самостоятельную жизнь. Из-за отсутствия жизненного и производственного опыта эта категория рабочей силы сталкивается с целым рядом острых проблем при поиске работы, попадая в так называемую «группу риска», пополняет ряды слабо защищенных слоев населения, к которым относятся также дети, женщины, инвалиды. На выбор будущей роли субъекта молодежного сегмента на рынке труда влияет множество факторов: уровень образования, профессиональные навыки, квалификация, личные амбиции соискателя, уровень заработной платы, перспективы молодых специалистов, государственная поддержка, социальная политика государства. Возникает дилемма – быть наемным работником, полностью зависящим от работодателя, его рисков и выбора сферы деятельности или попытаться самостоятельно начать свой рыночный путь, осуществляя предпринимательскую деятельность. Такая возможность существует чаще всего в форме самозанятого.

Статистика рынка труда за 2024 год свидетельствует о следующем состоянии молодежного предпринимательства. Причем рассматривается категория молодых людей до 25 лет. На рынке труда действует 71,42 тыс. индивидуальных предпринимателей, доход которых составляет 894,62 млрд. рублей. Доходы на 1 молодого предпринимателя составляют 3,39 млн. руб. В доходную часть бюджета от деятельности молодых предпринимателей поступило 30,64 млрд. руб. налогов и страховых взносов. На одного молодого предпринимателя приходятся доходы в размере 3,39 млн. руб., 4 человека работников и уплаченных налогов и страховых взносов 116,26 тыс. рублей.

Со стороны государственной поддержки можно выделить гранты, полученные молодыми и социальными предпринимателями в размере 5,3 млрд. рублей. Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) предоставляет гранты на реализацию проектов посредством проведения конкурсов, а также организует образовательные треки. Гранты – до 1 млн. рублей на реализацию одного проекта, весь грантовый фонд составляет 2,5 млрд. руб. В 2024 году было грант получили 3 200 молодых предпринимателей, участвовало 50 000 человек.

Среди реализованных проектов «Росмолодежь. Бизнес» можно назвать:

Клуб молодых предпринимателей. Это молодежное бизнес-сообщество, в котором каждый резидент имеет возможность наладить деловые связи, найти бизнес-партнеров и наставников, повысить узнаваемость своей компании и развить свое дело на региональном и федеральном уровнях.

Программу по развитию молодежного предпринимательства в зарубежных странах. Сюда относится цикл мероприятий по поддержке и развитию молодежного предпринимательства, в рамках которого участники из Российской Федерации обмениваются опытом ведения бизнеса с предпринимателями из-за рубежа.

Маркет молодых. Это популяризация и продвижение локальных брендов молодых предпринимателей из разных регионов России, которым предоставляются возможности для масштабирования бизнеса.

Всероссийский конкурс «Молодой предприниматель России». Это масштабный конкурс для молодых предпринимателей, состоящий из 12 номинаций для трех лиг участников: «молодежь с идеями», «начинающий предприниматель» и «продвинутый предприниматель».

Предложенные проекты свидетельствуют о том, что молодые люди, выступая в качестве инновационного потенциала общества, относятся к одной из наиболее уязвимых групп на рынке труда в силу своих возрастных, социально-психологических и профессиональных особенностей. В силу этого, молодежное предпринимательство требует адекватного теоретического и практического изучения его особенностей, мотивации, а также ее действий и поведения на рынке труда.

При анализе феномена молодежного предпринимательства, наиболее важным является учет следующих особенностей:

1. Молодежь менее зависима от профессиональной деятельности и связанной с ней оплатой труда, по сравнению с другими социальными возрастными категориями, что в свою очередь вызвано существенной материальной поддержкой со стороны семьи и относительно длинным периодом обучения, где для других возрастных групп данные условия социально неприемлемы.

2. В силу своего характера молодежь более активна, мобильна, способна к «самозанятости», которая характеризуются следующими особенностями:

– большая часть молодежи имеет значительный потенциал энергии, активности и здоровья, но, оказавшись в стороне от общественного производства, не имеет возможность реализовать их;

– рыночные ограничения и неопределенности сдерживают рост профессионально-квалификационного и культурного роста рабочей силы;

– молодые люди, получившие высшее образование, часто не востребованы рынком труда как занятые по найму, что является одним из факторов деквалификации молодых специалистов, которым долгое время пришлось не работать по полученной специальности в силу отсутствия рабочих мест;

– особенно негативное влияние долгое отсутствие постоянной работы оказывает на экономическое благополучие молодежной семьи, что, в конечном счете, находит свое отражение в социально – демографической ситуации;

– продолжительная незанятость молодежи приводит к социальной апатии и социальному инфантилизму, способствует росту преступности в молодежной среде.

Вышеперечисленный список проблем молодежной занятости не являются исчерпывающим, но вышесказанное уже является свидетельством того, что проблемы молодежной среды оказывают значительное влияние на изменение социальной структуры общества. В такой ситуации особо остро стоит поиск конструктивных путей решений данной проблемы.

Спрос на молодежную рабочую силу на молодежном рынке труда подвержен значительным колебаниям, и этому способствуют следующие причины:

– рост производительности труда. Влияние этой причины неоднозначно, и не всегда рост производительности ведет к снижению спроса на молодежную рабочую силу. Внедрение новых технологий, как правило, сопровождается внедрением в производственный процесс новых профессий и специальностей, что формирует рост спроса именно на молодых работников, обладающих соответствующим уровнем профессиональной подготовки;

– взаимозаменяемость ресурсов. Процесс механизации и автоматизации производства обусловливает, с одной стороны, сокращение численности персонала, и в первую очередь сокращение спроса на молодежную рабочую силу, а с другой, рост объема и стоимости используемого оборудования, то есть рост спроса на капитал. При этом в реальной экономической действительности гораздо чаще капитал заменяет труд, особенно тогда, когда цена молодежной рабочей силы высока;

– взаимодополняемость ресурсов. Эта причина актуальна в условиях, когда технологический процесс диктует жесткую зависимость между объемами различных видов ресурсов, применяемых в производстве. Часто такая зависимость формируется в соотношениях «капитал – труд» и «земля – труд», то есть определенное количество средств производства конкретного типа приводится в действие заданным количеством работников или техническими характеристиками оборудования. При взаимодополняемости ресурсов спрос на молодежную рабочую силу будет зависеть не только от колебаний спроса на конечный продукт, но и от спроса на капитал и землю.

В основе формирования предложения молодежной рабочей силы лежат демографические, социальные и экономические факторы развития общества. Под влиянием демографического фактора складываются численность и половозрастной состав молодого населения, потенциально готового к участию в общественном производстве. Социальный фактор определяет уровень общеобразовательной и профессиональной подготовки молодых людей. Экономический фактор проявляется в формировании цены молодежной рабочей силы. Закон спроса и предложения предполагает их диалектическое единство: спрос определяет предложение и, наоборот, предложение определяет спрос. Действие этого закона требует постоянного согласования спроса и предложения молодежной рабочей силы на молодежном рынке труда.

Необходимо отметить, что молодежное предпринимательство как особый вид занятости оказывает влияние как на социальную сферу, так и на важнейшие экономические показатели. Среди основных социальных результатов развития молодежного предпринимательства стоит отметить отказ от девиантного поведения молодежи, повышение квалификации и непрерывное образование молодых специалистов.

Относительно экономических результатов следует упомянуть рост темпов экономического роста, сближение реального ВВП и потенциального. Следовательно, можно говорить о положительном влиянии молодежного предпринимательства на национальную экономику.

Одно из главных позитивных последствий молодежного предпринимательства – рабочее состояние трудоспособных граждан и, соответственно, выпущенная продукция. Если экономика в состоянии удовлетворить потребности в рабочих местах для всех, кто хочет и может работать, кто ищет работу и готов приступить к ней, растет потенциальная возможность производства товаров и услуг.

Если молодые люди экономически неактивны и не имеют места работы, они соответственно не имеют дохода, и не уплачивают налоги, что негативно сказывается на пополнении бюджета государства. Молодежная безработица мешает обществу развиваться и двигаться вперед с учетом своих потенциальных возможностей. В конечном итоге это рассматривается как снижение темпов экономического роста, отставание объемов увеличения внутреннего валового продукта.

Можно выделить следующие наиболее значимые проблемы молодежного предпринимательства в России:

– проблемы нормативно – правового регулирования молодежного предпринимательства в России. На данный момент в нашей стране государством не созданы необходимые условия, обеспечивающие реализацию права молодых граждан на труд. В молодежной политике на уровне Федерации до сих пор не действует современная, гибкая нормативная база;

– проблемы организационно – управленческого регулирования молодежного предпринимательства. Данная проблема проявляется в снижении качества подготовки кадров, фиксируемая экспертами на всех уровнях современной российской системы образования;

– проблемы государственного регулирования спроса и предложения на молодежном рынке труда в России, что в свою очередь проявляется в несоответствии между наличными вакантными местами и реальными предпочтениями молодежи;

– полный отказ от широко практиковавшегося в советский период оргнабора, ставший причиной того, что выпускники учебных заведений профессионального образования столкнулись с необходимостью самостоятельного поиска рабочего места, к чему подавляющее их большинство не было готово;

– недостаточный опыт практической деятельности, превращающий молодого специалиста в не слишком привлекательную и конкурентоспособную

(с точки зрения потенциального работодателя), а, следовательно, нередко дискриминируемую рабочую силу;

– одной из основных проблем является информационная составляющая. Основная часть молодежи не имеет представления о том, что служба занятости не только может оказать помощь в трудоустройстве и выплачивать пособие, но и обеспечить соискателя специальностью.

Результаты исследования явления молодежного предпринимательства обусловливают необходимость разработки модели его государственного регулирования в России. Понятие «модель» чаще всего трактуется как объект-заместитель, который в определенных условиях может заменять объект-оригинал, воспроизводя интересующие свойства и характеристики оригинала. Воспроизведение может осуществляться как в предметной (макет, устройство, образец), так и в знаковой формах (график, схема, программа, теория).

Учитывая мировой положительный опыт в сфере государственного регулирования молодежной занятости и предпринимательства, а также учитывая российскую практику, предложена комплексная модель (Рисунок 1) на основе сегментирования рынка труда.

Субъектами являются молодежь, работодатели и государство, имеющие на рынке свои общие и особые интересы. Взаимодействие субъектов молодежного рынка труда порождает не только занятость, что является оптимальной ситуацией, но и самозанятость, кадровый дефицит, которые существуют, несмотря на значительное предложение рабочей силы на рынке труда.

Под сегментированием молодежного рынка труда будем понимать процесс разбивки предложения рабочей силы и спроса на нее на группы, выражающие совокупности, которые одинаково реагируют на один и тот же побудительный мотив занятости. Объектами сегментирования на рынке труда могут выступать как работодатели, так и наемные работники (в данном случае, молодежь). Сегментация рынка с позиции работодателей позволяет оценить их потребности и наилучшим образом к ним адаптироваться.

В тех случаях, когда объектом сегментации выступают наемные работники (в нашем случае из числа молодежи), формируется представление в целом о группах (по характеристикам, поведенческим функциям и т. д.).

Кроме того, результаты сегментации молодежного рынка труда должны быть положены в основу комплексного регулирования молодежной занятости и самозанятости с целью разработки более эффективных программ занятости. При этом, необходимо расширение сегментов (признаков, характеристик, факторов).

Традиционные подходы к сегментированию рынка труда нужно сочетать с субъективными характеристиками, а именно: типами поведения, степенью профессиональной самоопределенности, мотивацией к труду, отношением к труду, удовлетворенности трудом и многими другими. Должен быть комплексный подход с учетом структурных особенностей экономики, развития территории и культурно-исторических условий. На уровне регионов и муниципальных образований необходимо межведомственное взаимодействие учреждений образования, служб занятости, работодателей.

Вместе с этим, комплекс мер государственного регулирования молодежной занятости должен иметь следующие направления:

– совершенствование законодательства по вопросам государственного регулирования занятости и предпринимательства;

– информирование о трудовых правах и обязанностях, ситуации на региональном рынке труда, востребованности профессий (специальностей);

– комплекс мер организационно – управленческого характера, которые должны быть выражены в обеспечении качественной профессиональной подготовкой в начальных профессиональных, средних специальных и высших учебных заведениях, в проведении профессиональной ориентации в средних общеобразовательных учебных заведениях;

– решение проблем государственного регулирования молодежной занятости требует создания молодежной инфраструктуры, создания новых рабочих мест, предоставления широких возможностей для самозанятости, обеспечения социальной защиты от безработицы.

Учет особенностей государственного регулирования молодежной занятости в России, которые положены в основу разработанной комплексной модели, будут способствовать ее росту и развитию.

Современный рынок труда и современная система образования в настоящий момент находятся в состоянии полного несоответствия. При отсутствии взаимодействия между рынком труда и системой вузов, актуализируется проблема слабости корректирующей функции заказа на молодых специалистов со стороны работодателей. Необходимо приводить в соответствие систему образования и рынок труда, чтобы обеспечить оперативное реагирования образовательных учреждений на меняющуюся конъюнктуру рынка и потребность экономики в тех или иных специалистах.

В поисках решения проблемы следует обратиться к опыту советского периода. Тогда основные компоненты профессионального образования были построены как параллельные каналы подготовки работников различного уровня квалификации. Теперь же они предполагают переход с более низкого уровня образования на более высокий. Многие учреждения начального профессионального образования не дают общего среднего образования. По смыслу, если оно лишь начальное, то предполагает дальнейшее обучение на следующей ступени, оптимальным решением задачи было бы формирование приема в учебные заведения на основе данных служб занятости, где аккумулируются запросы работодателей. Для этого необходимо сформировать абитуриентскую базу для подготовки профильных специалистов.

Предложенная модель и предложенные методы развития молодежного предпринимательства и занятости позволит привести квалификацию и специальность выпускников учебных заведений в соответствии с требованиями рынка труда. В результате на рынке труда уменьшится резерв незадействованной рабочей силы, увеличатся доходы бюджета (в связи с увеличением уплачиваемых налогов с заработной платы молодых специалистов и самозанятых), востребованная молодежь сумеет раскрыть свой потенциал, что в конечном итоге даст ряд положительных результатов, как в экономической, так и в социальной сфере жизнедеятельности государства.

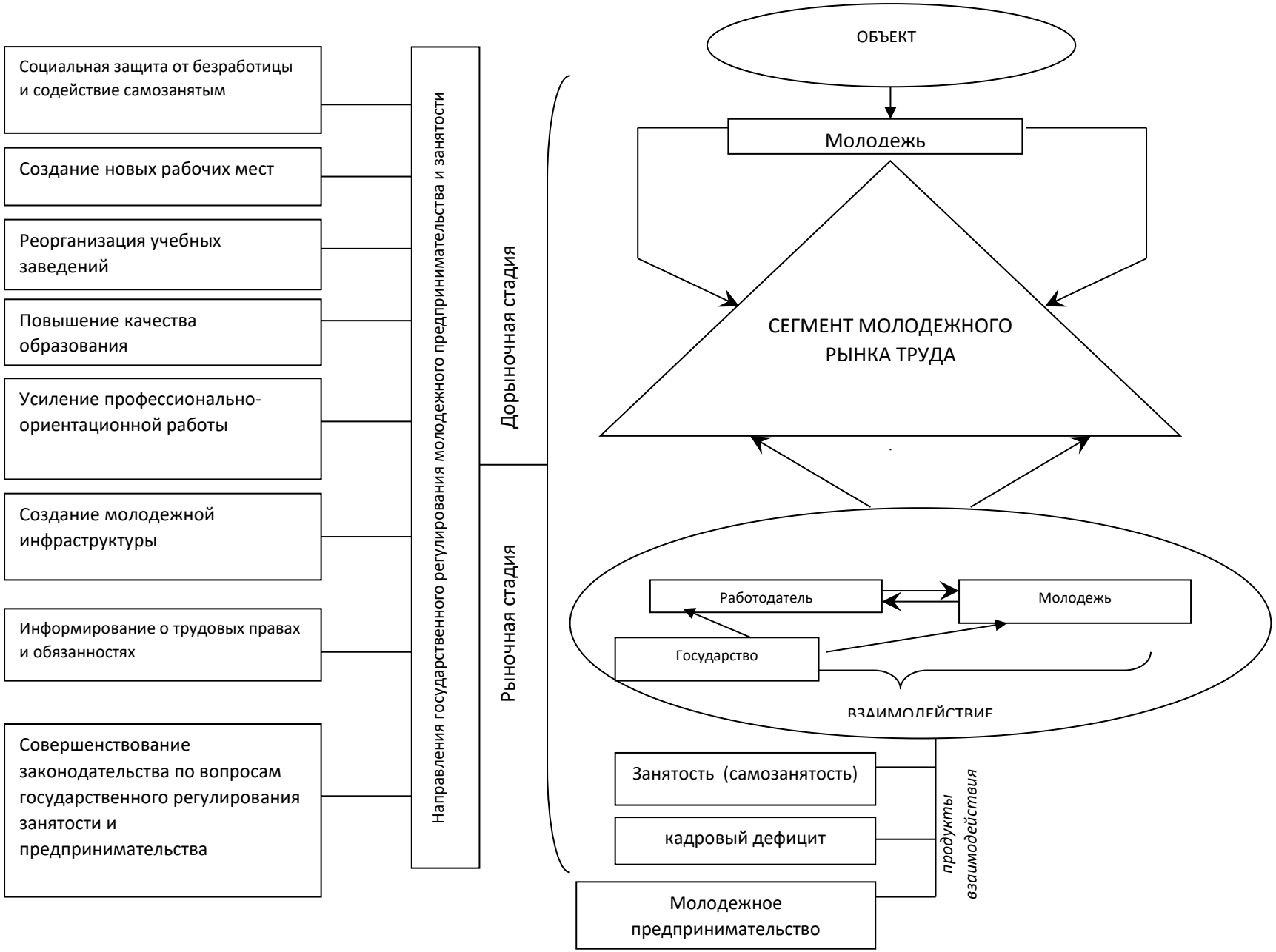


Рис. Комплексная модель регулирования молодежной занятости и самозанятости в России (Источник: составлено автором)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Доклад Министерства экономического развития Российской Федерации «О состоянии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации и мерах по его развитию за 2019 – 1-е полугодие 2025 гг. и планах на период 2025–2030 гг.» [Электронный ресурс]: официальный сайт. – URL: https://economy.gov.ru/material/file/545a9a01d2fa825bf6657a16bab225f9/doklad_o_sostoyanii_msp_v_rf_i_merah_po_ego_razvitiyu_za_2019_1oe_polugodie_i_planax_na_2025-2030_gg.pdf (Дата обращения: 19.12.2025)

Российский союз промышленников и предпринимателей [Электронный ресурс]: официальный сайт. – URL: http://www.rspp.ru/. (Дата обращения: 19.12.2025)

Цифровая платформа МСП государственной поддержки предпринимателей [Электронный ресурс]: официальный сайт. – URL: http://www.мсп.ru/. (Дата обращения: 20.12.2025)

Крылова Елена Борисовна, доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономических и финансовых дисциплин Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5, корп. 2. Тел.: +7 (499) 374-73-61. Эл. адрес: EKrylova@mosgu.ru

Импортозамещение в контексте теорий раннего институционализма

А. А. Курочкин
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматривается феномен импортозамещения через призму теорий раннего институционализма – направления экономической мысли конца XIX – начала XX века, представленного работами Торстейна Веблена, Джона Коммонса и Уэсли Митчелла. Анализируется роль институтов (формальных и неформальных) в формировании стратегии замены импорта, а также противоречия между индивидуальными интересами и коллективными действиями. На примере современных экономик (включая Россию) показано, как институциональные ограничения и культурные паттерны влияют на эффективность импортозамещения.

Ключевые слова: институционализм, импортозамещение

Введение

Импортозамещение как стратегия экономического развития часто рассматривается в рамках неоклассической теории, где акцент делается на рыночные механизмы и эффективность ресурсного распределения. Однако применение теорий раннего институционализма, основанного на идеях Джона Коммонса, Уэсли Митчелла и Торстейна Веблена, позволяет глубже понять роль институтов, культурных норм и организационных структур в реализации этой стратегии. Важен вопрос, как институциональные факторы влияют на успешность импортозамещения, а также какие механизмы раннего институционализма могут объяснить его эффективность или неэффективность.

Теоретические основы раннего институционализма

Ранний институционализм, сформировавшийся в начале XX века в США, подчеркивает, что экономика не может быть изучена изолированно от социальных, правовых и культурных институтов. С некоторой долей условности, его ключевые положения могут быть изложены в форме трех утверждений.

Экономическое поведение определяется не только (и не столько) индивидуальной рациональностью, но и институтами (законы, обычаи, организации), которые формируют рамки для принятия решений.

Экономика представляет собой систему, где любые радикальные трансформации неизбежно требуют перестройки сложившихся институтов, а не только рыночных стимулов.

Необходимо избавиться от неоклассической иллюзии о всеобщем равновесии и сделать акцент на динамике, конфликтах и власти как движущих силах экономики.

Опираясь на эти, на первый взгляд простые, идеи, рассмотрим импортозамещение как институциональный процесс, для успешного протекания которого требуются некоторые предпосылки, то есть соответствующие институты, которые, по нашему мнению, способны выполнять следующие задачи.

Во-первых, создавать стимулы для локализации производств, ранее отсутствовавших или недостаточно развитых в системе национальной экономики (налоговые льготы, субсидии и т. п.).

Во-вторых, обеспечивать этим производствам доступ (в том числе преимущественный) к необходимым ресурсам (кадры, технологии, финансирование и т. д.).

В-третьих, регулировать конкуренцию как с иностранными производителями, так между отечественными (ограничение импорта, стандарты качества).

В 2023–2025 гг. в России был запущен ряд государственных программ и проектов, направленных на поддержку отечественных IT-компаний (например, «Цифровая экономика»), отражающих институциональные изменения, направленные на замещение импорта. Как видим, в строгом соответствии с идеями ранних институционалистов, ключевую роль в обеспечении процесса импортозамещения в России играет государство.

Внедрении протекционистских мер (тарифы, квоты), инвестициии в наукоемкие отрасли (IT, микроэлектронику), создание так называемых «регуляторных песочниц» для тестирования новых технологий -– вот далеко не полный перечень применяемых государством шагов институционального характера.

Рассмотрим немного подробнее феномен регуляторной песочницы, который в наибольшей степени воплощает в себе идеи раннего институционализма. Регуляторная песочница (sandbox) — это урегулированная среда, где компании могут тестировать инновационные продукты и услуги, не подчиняясь всем существующим регуляциям. Это временный режим, разрешающий работать в условиях, мягче стандартных, чтобы оценить безопасность и эффективность технологий.

Предположим, российская IT-компания разработала собственную систему обработки данных для госучреждений, призванную заместить импортную. Без сандбокса ей пришлось бы пройти длительную сертификацию, получить десятки разрешений и столкнуться с сопротивлением из-за непривычности предлагаемой технологии. В сандбоксе же она может запустить пилотный проект в ограниченном масштабе, например, в одном регионе, чтобы показать, что система работает лучше импортных аналогов.

На данный момент в России все еще ведется отладка алгоритма запуска регуляторных песочниц, хотя основная работа уже завершена на базе Сколково. В обобщенном виде этот алгоритм применительно к IT выглядит так:

1. Отбор проектов: регуляторы (например, ЦБ РФ или Минцифры) отбирают компании, чьи технологии потенциально способны заместить импорт.

2. Упрощение правил: участников сандбокса временно освобождают от части требований (например, отдельных законов о защите данных или лицензий).

3. Мониторинг: регуляторы наблюдают за проектом, оценивая риски и преимущества.

4. Расширение применения: если технология проходит тестирование, её внедряют в общенациональном масштабе.

Наиболее интересным в сфере применения сандбоксов нам представляется опыт Китая. На фоне обострения торговой войны с США государственная программа «Сделано в Китае 2025» демонстрирует, как государственное регулирование и инвестиции в институты (технологические парки, образование) способствуют замещению импорта в высокотехнологичных секторах.

Институционализм и политика импортозамещения

Внедрение политики импортозамещения в России не могло не столкнуться с рядом проблем, взгляд на которые через теоретическую призму институционализма открывает новые возможности их преодоления. Первая группа проблем, с которой сталкивается процесс импортозамещения, это *институциональные барьеры*. Всего их три.

Во-первых, коррупция и неэффективное управление: слабые институты контроля могут саботировать внедрение отечественных решений (например, через закрытые тендеры).

Во-вторых, культурный детерминизм: потребительское предпочтение зарубежных брендов из-за укоренившихся стереотипов («импортное — лучше»).

В-третьих, отсутствие координации: регуляторные разногласия между ветвями власти замедляют переход на локальные технологии.

Несмотря на высокую значимость импортозамещения в сфере IT, темпы внедрения отечественного ПО в госсекторе существенно ниже ожидаемых, что частично связано с бюрократическими барьерами и низкой цифровой грамотностью чиновников.

Еще одной серьезной проблемой является *сохраняющаяся технологическая зависимость*. Ранние институционалисты подчеркивали, что инновации возникают в контексте «технологических укладов» — системных связей между наукой, промышленностью и государством. Отсутствие таких укладов делает импортозамещение неполным. Например, зависимость от импорта микрочипов в России обусловлена отсутствием институтов, интегрирующих производство, исследование и образование.

Институционалистский подход к импортозамещению имеет солидную историю практического применения, которая знает примеры как успеха, так и провала.

Одним из наиболее успешных кейсов выступает институционализация имеортозамещения в Южной Корее 1960–1970-х гг. Именно тогда был создан Экспортно-импортный банк, ставший ключевым звеном механизма, позволившего заместить импорт в электронике и автомобилестроении. В Бразилии была успешно реализована программа «Локомоção», направленная на развитие агропромышленного комплекса. Здесь основным инструментом выступили государственные субсидии и защитные пошлины.

Ярким провалом обернулась попытка импортозамещения, предпринятая Аргентиной в 1970-х гг. Причина – неспоспособность правительства сравиться с дисфункциональными институтами инфляции и коррупции.

Текущая ситуация в России достаточно сложна: несмотря на рост локализации в IT, сохраняется отставание в микроэлектронике, связанное со слабостью институциональной поддержки инноваций.

Заглядывая в будущее, можно предположить, что творческое обращение к идеям раннего институционализма способно помочь российской экономике в достижении технологической суверенитета – главной цели внедрения политики импортозамещения в сфере IT. Наиболее перспективным нам представляются следующие направления:

1. Создание интегрированных технологических укладов:

- усиление связей между вузами, бизнесом и государством;
- внедрение кластерных моделей (например, IT-кластеры в Москве и Казани).

2. Пересмотр регуляторной среды:

- упрощение процедур сертификации локальных решений;
- внедрение «зеленых» стандартов для стимулирования инноваций.

3. Культурные изменения:

- пропаганда отечественных брендов через образовательные программы;
- формирование имиджа «технологической независимости» как общественного блага.

Заключение

Импортозамещение через призму раннего институционализма выглядит как процесс, где ключевую роль играют не только экономические стимулы, но и институты, формирующие рамки для развития. Успех стратегии зависит от способности государства создать устойчивую институциональную основу — от законов и образовательных программ до культурных норм. Анализ показывает, что без системных изменений в институтах импортозамещение редко становится устойчивым, а его результаты остаются фрагментарными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Veblen, T. (1899). The Theory of the Leisure Class. Macmillan.

2. Commons, J.R. (1931). Institutional Economics. The American Economic Review.

3. Министерство экономического развития РФ. (2023). Стратегия развития IT-сектора до 2030 года .

4. World Bank. (2022). Global Economic Prospects.

5. Amsden, A.H. (1989). Asia's Next Giant: South Korea and the Miracle of Development. Oxford University Press.

6. Нуреев Р. М. (2000) Институционализм: вчера, сегодня и завтра // Олейник А. Н. Институциональная экономика. М. : ИНФРА-М.

Курочкин Андрей Алексеевич, аспирант второго года обучения кафедры экономических и финансовых дисциплин МосГУ. Адрес: 111395 Россия, Москва, ул. Юности, 5, кор.2, ауд. 40. Тел.: +7 (499) 374-73-61. Электронный адрес: andrey.a.kurochkin@hotmail.com.

Демографическая безопасность страны как основа стратегического развития и повышения качества жизни населения

Ю. А. Лисицына
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье анализируется глобальный демографический кризис, характеризующийся устойчивым превышением смертности над рождаемостью по всему миру. Исследование выявляет системное снижение суммарного коэффициента рождаемости во многих странах, обусловленное трансформацией культурных ценностей, экономическими барьерами и изменением репродуктивного поведения. Предлагаемые меры включают комплексный подход к изменению демографической политики, сочетающий адресную поддержку населения, поощрение совмещения карьеры и родительства, повышение престижа института брака и семьи.

Ключевые слова: демографический кризис, суммарный коэффициент рождаемости (СКР), уровень воспроизводства населения, демографическая политика, репродуктивное поведение

Население Земли столкнулось с масштабной катастрофой – кризисом рождаемости. Во многих странах, включая Россию, число смертей уже много лет стабильно превышает рождаемость.

На рисунке 1 отражена динамика смертности и рождаемости в Российской Федерации за последние 6 лет.

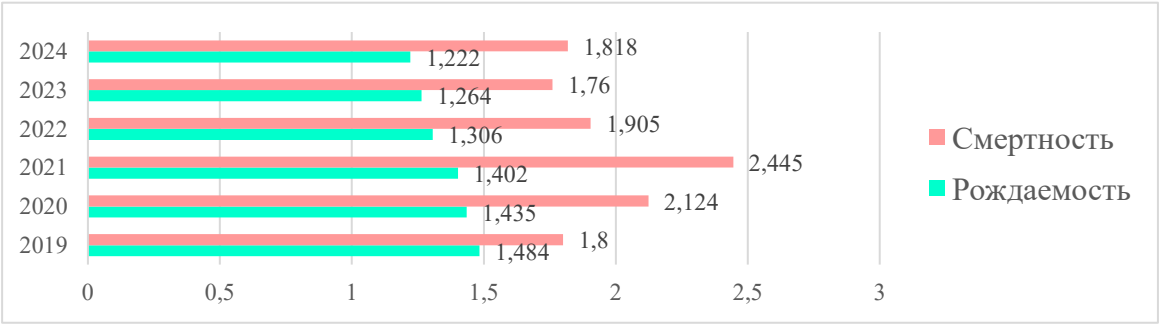


Рис. 1. Динамика рождаемости и смертности в РФ за 2019–2024 гг., млн чел.
(Составлено автором по материалам: Росстат, 2025: Электр. ресурс)

Исходя из вышеприведенного графика, можно сделать вывод о ежегодном превышении смертности над рождаемостью. За 2024 год произошел прирост смертности на 3%, наряду со спадом рождаемости на 3%.

Всего за час население Европы без учёта мигрантов сокращается на 20 человек (превышение смертности над рождаемостью), а в год – на сотни тысяч.

На рисунке 2 отражена динамика рождаемости и смертности в Европе с 1961 года.

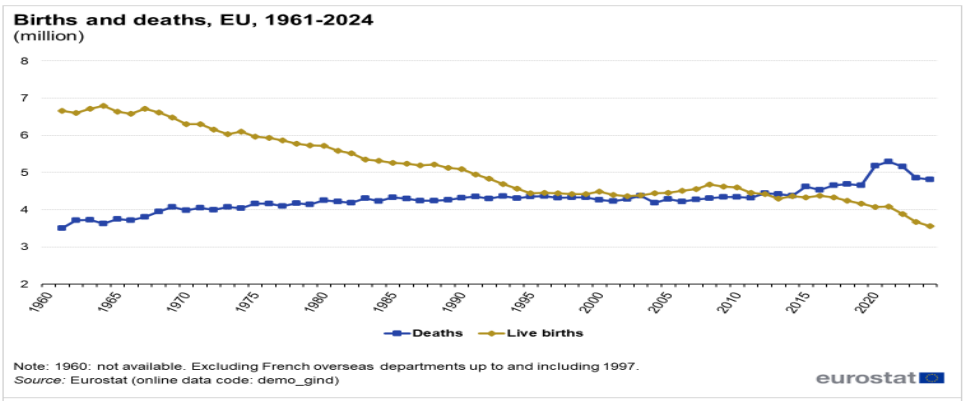


Рис. 2. Динамика рождаемости и смертности в странах ЕС за 1961–2024 гг., млн чел. (Eurostat, 2025: Электр. ресурс)

Так, в странах Евросоюза примерно до 2015 года смертность была ниже или равна рождаемости. Однако после 2015 года показатели смертности, как и в России, превалируют над показателями рождаемости.

Ситуация в мире стремительно ухудшается: в Казахстане наблюдается спад числа новорожденных за первые месяцы 2025 года на 14,4%, в сравнении с аналогичным периодом 2024 года, в Чили – на 22,4%, на Кубе и Филиппинах – на 21,1% и 24,8% соответственно.

Несмотря на общее ухудшение в целом, население Земли продолжает расти (см. рисунок 3).

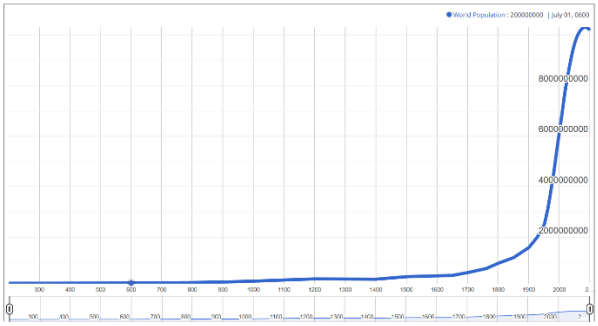


Рис. 3. Динамика населения Земли с фактическими данными до 2025 года и ее прогноз до 2050 года, млрд. чел. (Worldometer, 2025: Электр. ресурс)

Население Земли продолжает расти благодаря высокой рождаемости в странах Азии и Африки, где демографический рост перекрывает убыль населения в России и Европе. Это происходит и из-за демографической инерции – во многих развивающихся странах большое количество молодежи входит в детородный возраст, обеспечивая продолжение роста показателей.

На сегодняшний день численность населения в мире ежегодно растет примерно на 0,85%. По оценкам, прирост населения составляет около 70 млн человек в год. Годовой темп роста достиг своего максимума в середине 1960-х годов, когда он находился на уровне около 2%. Темпы роста с тех пор снизились почти вдвое и продолжат снижаться далее.

Таким образом, мировое население продолжит расти в XXI веке, но гораздо более медленными темпами по сравнению с недавним прошлым. По оценкам, население Земли достигнет 9 млрд уже к 2037 году.

Таким образом, проблема выходит за рамки экономики и демографии, затронув основы культуры, социальных ценностей, благосостояния и качества жизни населения, а также самого существования государств.

Для оценки масштаба демографического кризиса используется понятие суммарного коэффициента рождаемости (СКР, Total Fertility Rate), который показывает уровень рождаемости в условном поколении за конкретный год, т.е. сколько в среднем могла бы родить детей одна женщина на протяжении жизни, если бы прочие условия оставались неизменными (Васильев, 2025).

Помимо этого, необходима оценка уровня воспроизводства населения – критического порога СКР (Total Fertility Rate at Replacement). Для простого воспроизводства населения без его сокращения этот показатель должен составлять примерно 2,3 ребёнка на женщину. Всё, что ниже этой цифры, ведет к постепенному вымиранию.

По оценкам Университета Пенсильвании, в 2024 году общий коэффициент рождаемости (TFR) в мире составил около 2,17, что несколько ниже нормативного порога (Fernández-Villaverde, 2025). По данным портала Our World in Data с 2020 года этот показатель в среднем по планете составляет 2,3 (Our World in Data, 2025: Электр. ресурс), что соответствует рекомендуемому значению уровня производства.

Наличие отклонений в расчетах позволяет сделать вывод о том, что данный показатель является усредненным значением и объективно не отражает ситуацию в целом. Для оценки демографической ситуации необходимо исследование отдельных стран и регионов, а также анализ причин снижения рождаемости.

Помимо этого, статистические показатели в полном объеме не отражают все те сложности, с которыми сталкиваются семьи при рождении и воспитании детей. Для оценки демографического кризиса также необходим анализ качества и уровня жизни населения.

Исследования показали, в 2025 году более трех четвертей мира, в частности 155 из 204 стран, не смогут поддерживать достаточно высокие показатели уровня воспроизводства для поддержания своего населения в течение длительного времени (The Indian Express, 2024: Электр. ресурс).

Нагляднее всего катастрофа проявляется в отельных регионах Южной Кореи – страны с худшими в мире демографическими показателями. На начало 2025 года СКР Южной Кореи составил всего 0,81.

Так, например, в административном районе Чунгу, расположенном в южной части города Пусан, СКР упал до 0,31. Это означает, что на 45 000 жителей рождается менее 100 детей в год. В городе Пусан ситуация немногим лучше – СКР составляет менее 0,7. В таких условиях дети становятся редким явлением, а общество стремительно стареет.

В странах Восточной Европы ситуация чуть более оптимистична: значение показателей в этих регионах составляет примерно 1,0–1,5, что также значительно ниже необходимого уровня воспроизводства.

Показатель России за 2024 год составил около 1,4, что достаточно низко в сравнении с контрольным показателем. Помимо этого, рождаемость в стране продолжает падать: за последние 10 лет снижение составило 22%, хотя и замедлилось в последние годы. В других странах, в особенностях – в странах Юго-Восточной Азии, такой обвал произошел всего за год.

В Беларуси ситуация чуть хуже (СКР составляет около 1,25), в Казахстане – заметно лучше (2,44, что превышает рекомендуемую норму, несмотря на общий спад числа новорожденных).

В Австралии ситуация примерно аналогична европейским странам: показатели до 1,6 с незначительными темпами снижения – до 1,2%).

В Северной Америке ситуация с рождаемостью несколько лучше (СКР на уровне 1,62 с незначительным снижением за год в 0,1%), однако в Южной Америке происходит обвал и без того низких показателей СКР (снижения до 22%).

На фоне общей пессимистичной картины есть и исключения. Например, страны Африки (Чад, Сомали и др.), в которых СКР приближается к 6, и Центральной Азии (Афганистан, Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан), которые демонстрируют показатели от 3,2 до 5. Однако эти группы слишком малы, чтобы переломить глобальную тенденцию.

Падение рождаемости вызвано комплексом взаимосвязанных причин:

1. Изменение репродуктивного поведения. Рост доли людей, сознательно отказывающихся от родительства.

2. «Отложенное» материнство. Женщины всё позже рожают первого ребёнка, что сокращает возможность завести второго или третьего.

3. Экономические барьеры. Высокая стоимость жилья, нестабильность рынка и карьерные амбиции заставляют пары отказываться от рождения детей.

4. Демографическая инерция. Низкая рождаемость в одном поколении приводит к тому, что в следующем поколении женщин детородного возраста становится объективно меньше.

Сокращение рождаемости лишь первое звено в цепи проблем, которое провоцирует общий коллапс экономики. Уменьшение рабочей силы подрывает основы экономического роста. При этом, ни искусственный интеллект (ИИ), ни роботизация пока не могут компенсировать эту нехватку.

Кроме того, обостряются социальные и политические проблемы. Пенсионные системы рушатся под нагрузкой растущего числа пенсионеров и сокращающегося числа трудоспособного населения. Молодежь и старшее поколение начинают голосовать за принципиально разные политические силы, углубляя раскол в обществах.

Правительства разных стран стремятся стимулировать рождаемость, но результаты чаще всего оказываются временными или незначительными:

1. Запрет абортов и контрацепции дают краткосрочный эффект, но приводят к чудовищным социальным последствиям и резкому откату через время.

2. Финансовые стимулы (выплаты, материнский капитал, льготы), которые влияют скорее на время рождения ребёнка, а не на общее количество детей в семье.

3. Жилищные программы (как, например, в Венгрии), которые часто приводят лишь к росту цен на недвижимость.

4. Комплексные решения (как, например, в Норвегии) – бесплатное дошкольное образование, длительный декретный отпуск для отцов, поддержка карьеры матерей – работают лучше всего, но требуют колоссальных бюджетных затрат.

5. Импорт трудовых ресурсов из других стран, который не решает демографических проблем. Мигранты быстро перенимают репродуктивные модели новой родины – уже во втором поколении их рождаемость сравнивается с коренным населением, однако неконтролируемая миграция создаёт новые социальные и экономические проблемы. Миграция не увеличивает население планеты, а лишь перераспределяет его.

Ключевым фактором демографического кризиса является фундаментальная трансформация ценностей, обусловленная:

1. Переходом общества от «ценностей выживания» (где дети – необходимость) к «ценностям самовыражения» (где ребенок – осознанный выбор, часто откладываемый ради карьеры и личной реализации).

2. Доступом женщин к высшему образованию – одним из самых мощных факторов снижения рождаемости ради саморазвития.

3. Кризисом института семьи и брака (падение числа браков напрямую ведет к снижению рождаемости).

4. Гендерными войнами. В некоторых странах (как в Южной Корее) гипертрофированные ожидания от мужчин и женщин, давление традиций и борьба за равенство приводят к тотальному отказу от отношений и деторождения.

5. Изменениями в геополитической обстановке – снижением рождаемости на фоне мобилизации трудоспособного населения.

На фоне этого, в качестве рекомендаций по повышению рождаемости можно предложить следующее:

– повышение престижа семьи и института брака через информационную политику и образовательные программы, продвижение семейных ценностей;

– поощрение совмещения карьеры и родительства: развитие гибкой занятости, создание дополнительных мест в яслях, налоговые льготы для работодателей, поддерживающих семьи с детьми;

– адресная поддержка многодетных семей: расширение критериев получения статуса многодетной семьи, специальные образовательные квоты, льготы по ЖКХ, пониженные процентные ставки при кредитовании.

Эти меры требуют комплексной реализации и должны быть ориентированы на разные возрастные и социальные группы населения для достижения максимального эффекта.

Человечество столкнулось с новой демографической реальностью, требующей пересмотра существующих социально-экономических моделей. Будущее развитие будет определяться не ростом численности населения, а способностью обществ адаптироваться к условиям его старения и постепенного сокращения, повышая производительность и перестраивая системы социального обеспечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев, В. В. Коэффициенты рождаемости и плодовитости: Методика вычисления, оценки и анализа / В. В. Васильев // Научно-практический подход. – 2025. – № S2. – С. 101-105.

Федеральная служба государственной статистики (Росстат) (2025) Естественное движение населения в разрезе субъектов российской федерации за январь – декабрь 2024 года. [Электронный ресурс] URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_12-2024.htm (дата обращения: 13.09.2025 г.)

Eurostat (2025) Population and population change statistics. [Electronic resource] URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Population_and_population_change_statistics (accessed: 15.09.2025 г.)

Fernández-Villaverde J. The Demographic Future of Humanity: Facts and Consequences. – Philadelphia: University of Pennsylvania, 2025. – 42 p.

Our World in Data (2025) Fertility rate: births per woman, 2023. [Electronic resource] URL: https://ourworldindata.org/grapher/children-per-woman-un (accessed: 05.10.2025 г.)

Top 10 countries with the lowest fertility rates in 2024: India’s position explained // The Indian Express. 2024. [Electronic resource] URL: https://indianexpress.com/article/trending/top-10-listing/top-10-countries-with-the-lowest-fertility-rates-in-2024-9634294/ (accessed: 15.09.2025 г.)

Worldometer (2025) Current World Population. [Electronic resource] URL: https://www.worldometers.info/world-population/ (accessed: 15.09.2025 г.)

Лисицына Юлия Александровна, аспирант 2 курса кафедры экономических и финансовых дисциплин Московского гуманитарного университета. Научный руководитель – Меньшикова О. И., доктор экономических наук, профессор кафедры экономических и финансовых дисциплин Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (903) 266–68–77. Эл. адрес: lisicyna.yuliya10@mail.ru

Воспитание профессией:
будущим дизайнерам о созидательной сущности дизайна

Е. Л. Лузева
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматриваются веб-сервисы искусственного интеллекта, используемые в формировании контента образовательной траектории дизайна.

Ключевые слова: профессиональное воспитание, молодежь, высшая школа, дизайн, созидание.

Рассматривая воспитание как общественное явление, Д. С. Лихачев характеризует его как сложный и противоречивый социально-исторический процесс вхождения, включения подрастающих поколений в жизнь общества; в быт, общественно-производственную деятельность, творчество, духовность; становление их людьми, развитыми личностями, созидателями собственного счастья. Воспитание обеспечивает общественный прогресс и преемственность поколений (Лихачев, 2006).

Каждый человек определяет себя не только социально, но и профессионально – как представитель определённой сферы, как сотрудник, руководитель. Профессиональное развитие личности помогает человеку ощутить свою идентичность, понять своё место в обществе, оно необходимо, чтобы соответствовать запросам рынка труда и быть востребованным специалистом. Когда мы начинаем говорить о подготовке востребованных и «продвинутых» специалистов, чаще упоминаем только одну сторону – компетенции, знания, умения и навыки, которые необходимо дать ему в процессе профессиональной подготовки, в то время как профессиональное становление личности представляет собой комплексный процесс, оно является одновременно и личностным становлением, подразумевающим формирование отношения к своей профессии, эмоциональную вовлеченность в профессиональную деятельность и непрерывное приобретение нового опыта. Задача вуза, – это формирование у студентов личностно-профессиональной позиции, в которой интегрированы ценности профессиональной этики и собственно профессиональные компетенции. И основная цель воспитательной деятельности в вузе – это создание благоприятных условий для личностного и профессионального развития будущего специалиста, ориентированного на нравственно-патриотические ценности нашего общества (Селиванова, 2017).

Термин «профессиональное воспитание» впервые появился в нашей стране в 60-е годы прошлого века. Под ним подразумевалось формирование личности будущего работника, развития его интереса к профессии и других профессионально важных качеств. Традиционно комплекс вопросов, связанных с профессионализмом выпускника вышей школы, рассматривался в общем

контексте теории и практики профессиональной подготовки. Начиная с 2002 г. наблюдается более частое обращение к этому понятию, связанное с усложнением социальности современного мира. Например, частым стало утверждение о нестабильности, неопределенности, изменяемости и противоречивости социального мира (Ромм, 2025). В ряде исследований констатируется сдвиг традиционных для советского периода коллективистских ценностей в направлении ценностей личностных, связанных с индивидуальным успехом, благополучием и т. п. (Андреева, 2009). Индивидуально ориентированное поколение оказалось не готово строить нормальное гражданское общество, демонстрируя дефицит качеств, необходимых для жизни в обществе. В итоге личность, не обладающая развитыми навыками жизни в обществе и коллективе, оказывается неспособной и к индивидуальной самореализации, что приводит к снижению чувства социальной ответственности (Кон, 1999). Поэтому одной из целей профессионального воспитания является воспитание лидера, человека, способного переворачивать, творить, выдумывать, вести за собой, создавать новые качественные продукты.

Можно выделить следующие компоненты в структуре профессионального воспитания: целевой, мотивационный, культурологический, социально-экономический, психологический, педагогический (Белов, 2006). Педагогическая наука исходит из того, что профессиональная подготовка и воспитание – это единый процесс, и в качестве ведущего определяется культурологический подход, что позволяет определить профессиональное воспитание как одну из вариативных стратегий воспитания в современном обществе через приобщение к профессии как к базовой культурной ценности.

Следует назвать три критерия профессионального воспитания: во-первых, это сформированность профессиональной идентичности: осознанность принадлежности к своей профессии, к определенному профессиональному сообществу, принятие себя как профессионала. Во-вторых, социально-профессиональная ответственность – перед профессиональным сообществом и перед обществом в целом. В-третьих, усвоение профессионально-нравственных основ, этический, моральный компонент (Материалы, 2009).

Система формирования целостных личностных ориентаций может быть обеспечена погружением в специальность. С этой точки зрения для студентов направления «Дизайн» осмысление самой сути выбранной профессии, её миссии, понимание роли в ней возможно при освоении таких дисциплин как «Введение в профессию», «Основы производственного мастерства», «Проектирование».

Возникновение дизайна в качестве разновидности проектно-художественной деятельности связывают с концом XIX века, с этого же времени дизайн существует как профессия. Точкой отсчета принято считать движение «За

связь искусств и ремёсел» в Англии конца XIX века, тому же времени относят и составление базовых положений теории и творческих принципов дизайна, оказавших влияния на дизайнерские школы в будущем. Существует также мнение, что в качестве профессии, дизайн можно рассматривать только после формирования художественных школ с устоявшимися методиками преподавания дизайна. К таким школам следует отнести первые школы дизайна – Баухаус (нем. Bauhaus) в Германии, а также ВХУТЕМАС – в СССР (Аронов, 1987).

Сегодня дизайн не ограничивается только лишь художественным конструированием в рамках предметной среды. Происходит распространение дизайна как формы художественной активности в повседневную жизнь человека, дизайн выступает в качестве яркого и динамичного социокультурного явления. В нашем мире нет вещей, которых не коснулась бы рука дизайнера, дизайнер выступает творцом окружающего мира. Задача дизайнера – выстраивать рукотворный мир, которым окружает себя человек, по законам красоты, удобства, функциональности и гармонии с природной средой, меняя мир к лучшему. Следует отметить, что футуристические проекты, направленные на совершенствование мира, оказали существенное влияние на формирование и развитие дизайна. В настоящее время дизайн входит в проектную культуру, которая обеспечивается за счет активности и разума человека. Он включает в себя не только проектирование эстетических свойств промышленных изделий, а также может решать более важные социально-технические и социально-культурные проблемы (Наумов, 2019).

Дизайн оказывает влияние на все процессы, начиная от создания отдельного продукта и до формирования поведенческих моделей и новых рынков. Дизайн способствует формированию у личности настойчивого стремления к улучшению окружающей среды, творческого стиля жизнедеятельности, индивидуальности личности, стремления к поиску новых путей художественно-нравственного познания мира, развития эстетического отношения к действительности, импровизации как способу формирования эстетики предметного мира. «В конечном счете моя работа как дизайнера заключается в том, чтобы смотреть в будущее. Она не о том, что уже произошло или происходит сейчас, она о том, что произойдет завтра» (Хаствит, Objectified, 2009). В этом суть дизайна, направленная на созидание.

На Российском Форуме индустрии дизайна, состоявшемся в 2025 году, поднимались актуальные вопросы национальной и международной дизайн-повестки: роль дизайна в реализации национальных проектов и создании узнаваемых российских продуктов; совершенствование креативного образования как ключевой фактор развития инновационной экономики нового формата; история и культура как фундамент современного российского дизайна.

Дизайн способствует реализации национальных проектов, влияет на создание узнаваемых и высококачественных российских продуктов и, в целом, на повышение качества жизни граждан страны. Дизайнеры черпают вдохновение в символике, цветах и формах, прошедших сквозь века. Такой подход помогает создавать уникальные и узнаваемые образы, в которых традиция звучит современно. Русская эстетика становится не только формой самовыражения, но и частью глобального культурного диалога. Дизайн – это мощный инструмент, который объединяет технологии, культуру и экономику. Важно понимать, что российский дизайн не только способствует развитию экономических процессов, но и помогает создавать уникальную идентичность страны. Дизайн является одной из ключевых составляющих креативных индустрий, способной сыграть значимую роль в росте экономики страны. Президентом России поставлена задача увеличить долю креативных индустрий до 6% ВВП к 2030 году, и именно дизайн обеспечивает уникальность и конкурентоспособность национальных продуктов как на внутреннем, так и на международном рынках (Российский, 2025).

В контексте воспитания личности дизайнера нельзя не согласиться со следующим высказыванием: «В наше время небывалых экологических кризисов, экономических и социальных потрясений профессия дизайнера предоставляет беспрецедентные возможности моделировать психологию общества, формировать его потребности. От жизненной позиции дизайнера зависит многое: направить свою энергию на изобретение новых изощренных средств обмана потребителя, все больше затягивая его в безумную гонку потребления, или отдать свои силы, душу, талант на совершенствование мира» (Берман, 2011).

Образование – это не только изучение фактов, но и развитие ряда навыков, таких как способность рассуждать в абстрактных терминах; осуществлять анализ и синтез; решать задачи; адаптироваться; быть лидером; работать как самостоятельно, так и в команде. Такой подход задает образованию цели, связанные с необходимостью уточнения для выпускника своей профессиональной идентичности. Представляется, что именно в современную эпоху на первый план в деятельности вузов выходит проблема обучения будущих специалистов самоопределению и самореализации в тех профессиональных, социальных и психологических контекстах в которых им предстоит жить и действовать. Основным содержанием профессионального воспитания, таким образом, становится обеспечение процесса социализации личности профессионала и саморазвития человека. Таким образом, профессиональное воспитание как часть общего воспитания личности ведет к развитию ее нравственности, духовности, к осмыслению человеком миссии своего существования (Ромм, 2025).

От того, насколько прочно сформированы мировоззренческие установки и убеждения у молодежи, во многом зависит будущее страны. В марте 2025 года президент РФ назвал воспитание молодежи одной из важнейших задач общества и государства. Он отметил, что современная российская молодёжь – школьники, студенты, молодые учёные и специалисты – демонстрирует стремление к развитию и способности к творчеству. Важно поддержать в них это стремление, укрепляя личностную зрелость и гражданскую ответственность. Согласно указу Владимира Путина, к 2030 году в России должны быть созданы условия для воспитания «гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей» (Путин, 2024).

Таким образом, перед образовательными организациями поставлена задача – обучить и воспитать будущего профессионала, достойно выполняющего свой патриотический долг, то есть обладающего сознанием, отражающим понимание значимости своей роли в процветании Отечества, которое проявляется в знаниях, в отношении и созидательной деятельности во благо страны с учетом специфики профессиональной деятельности. Именно в этом главная цель высшей школы: воспитывать гражданина и профессионала одновременно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Г. М. (2009) Социальная психология сегодня: поиски и размышления //М. : НОУ ВПО МПСИ. С. 160.

Аронов В. (1987) Художник и предметное творчество. Проблемы взаимодействия материальной и художественной культуры XX века // М. : Советский художник. С. 58.

Белов В. И. (2006) Профессиональное воспитание в системе современных воспитательных концепций //Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-vospitanie-v-sisteme-sovremennyh-vospitatelnyh-kontseptsiy (дата обращения: 28.10.2025).

Берман, Дэвид (2011) Do good design. Как дизайнеры могут изменить мир // Символ-Плюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.livelib.ru/book/1000567620-do-good-design-kak-dizajnery-mogut-izmenit-mir-devid-berman (дата обращения: 06.11.2025).

Кон И. С. (1999) «Я» как историко-культурный феномен // Социологическая психология. М.; Воронеж. С. 233–253.

Лихачев Д. С. (2006) Раздумья о воспитании (мастерская ценностных ориентаций для студентов и преподавателей вузов) // Высшее образование в России. № 10. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/d-s-

lihachev-razdumya-o-vospitanii-masterskaya-tsennostnyh-orientatsiy-dlyastudentov-i-prepodavateley-vuzov (дата обращения: 15.11.2025).

Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Традиции и новации профессионального воспитания в высшей школе» (2009). [Электронный ресурс]. – URL: https://akvobr.ru/professionalnoe_vospitanie_vospitanie_professionalov.html (дата обращения: 10.11.2025).

Наумов Н. В., Наумова Е. Г. (2019) Сущность и взаимосвязь искусства и дизайна как форм художественного творчества // Манускрипт. Том 12. Выпуск 2. С. 138–142. [Электронный ресурс]. – URL: https://manuscript-journal.ru/article/mns20190077/fulltext (дата обращения: 12.11.2025).

Путин В. В. (2024) Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». [Электронный ресурс]. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения: 12.10.2025).

Ромм Т. А. (2025) Социальность и профессиональное воспитание в высшей школе // Вестник экономической безопасности. № 1. С. 256–259. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnost-i-professionalnoe-vospitanie-v-vysshey-shkole (дата обращения: 28.10.2025).

Российский форум индустрии дизайна (2025). [Электронный ресурс]. – URL: https://rusdf.ru/news/rossijskij-forum-industrii-dizajna-itogi-dvuh-dnej-raboty/ (дата обращения: 06.11.2025).

Селиванова Н. Л., Баранова Н. А., Шакурова М. В., Баранов А. Е. (2017) Воспитательное пространство вуза в личностном и профессиональном становлении студента: монография // М. : ИСРО РИО. С. 192.

Хаствит, Гари. Objectified (2009). [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/video-52526415_456242530 (дата обращения: 12.11.2025).

Лузева Елена Леонидовна, доцент, доцент кафедры дизайна Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-72-98. Эл. адрес: elena.luzeva@gmail.com

Ценность и практические подходы публикаций о лидерах в усилении университетской работы с молодежью: на примере Си Цзиньпина

The Value and Practical Approaches of Leadership Publications in Enhancing University Youth Work: a case study of *Xi Jinping*

Ли Шуан, Чжан Чжан
Школа марксизма, Пекинский объединенный университет
Lv Shuang, Zhang Zhang
The School Of Marxism, Beijing Union University

Abstract. Xi Jinping and College Students records 49 interviews illustrating vivid examples of General Secretary Xi Jinping's concern for youth development and promotion of youth work during his tenure in both local and central government. The book fully demonstrates the leader's deep care for youth affairs and provides rich teaching materials and practical references for university youth work. In this context, a thorough study of *Xi Jinping and College Students* and its integration into university youth work holds significant theoretical and practical value for enhancing universities' capacities in ideological and political guidance, practical education, and youth service.

Keywords: Ideals and Beliefs; Youth; Higher Education; Leadership Publications

Author Information: Lv Shuang (2003–), Male, Beijing, China. Master's student at the School of Marxism, Beijing Union University. Zhang Zhang (1992–), Male, Hulunbuir, Inner Mongolia, China. Lecturer at the School of Marxism, Beijing Union University.

The Internet developed rapidly, and young people grew in an environment with wealth of information and rich values. Such an environment has given them opportunities, but it has also allowed them to face various temptations and problems, which makes ideological work difficult. Therefore, in the new era, there should be many exemplary young people who have ideals, are responsible and can continue their affairs and are ready to fight.Against this backdrop, *Xi Jinping and College Students* vividly presents General Secretary Xi Jinping's thoughts and practices in caring for youth development and guiding youth work. This book comprehensively shows the main position, the value orientation and practical attitude of the party to the work of young people in the new era, and can also provide important intellectual support and practical advice for colleges and universities to perform youth-related work. Integrating the content of the book into university youth can not only help students to strengthen the education of ideals and beliefs, increase the ability of ideological and political leadership, but also to help colleges and universities to expand educational channels and improve the effect of service and students to better support the growth and development of young people in a new era.

1. Deeply Understanding the Value Implications of *Xi Jinping and College Students*

The leading publication can systematically show the innovative theoretical achievements of the party and wisdom in the management practice. They are an

important intellectual resource for colleges and universities in a new era for the ideological and political education of youth and to improve the efficiency of youth.[1] As a representative work focusing on youth and primarily presented through narratives of personal growth, *Xi Jinping and College Students* was first published in November 2020, followed by the second volume in May 2024. This book is a reading of important ideas of General Secretary Xi Jinping on working with young people. Thanks to many interviews, this is very bright in the history of the interaction of General Secretary Xi Jinping with college students when working in local and central government. This shows that it attaches great importance to the growth and development of college students and is very important to do good work in a new era and to help young college students grow healthy.

1.1 Deeply understand the practical significance of Xi Jinping's views on youth

Marxist philosophy emphasizes that what is truly important is not merely understanding the laws of the objective world and thus being able to explain it, but actively applying this understanding of objective laws to transform the world.[1] *Xi Jinping and College Students*, through 49 interviews, profoundly presents General Secretary Xi Jinping's views on youth from a perspective that integrates theory and practice.

To begin with, a good understanding of Secretary General's views of General Xi Jinping on young people can help us better educate young people to believe in their ideals and beliefs and firmly lay the foundation for ideological and political leadership. General Secretary Xi Jinping emphasizes: *"China's youth should have firm ideals and convictions, cultivate a noble character, hone their skills, be innovative and creative and work hard in the new era."*[2] This statement indicated an important focus for youth and ideological and political education in colleges and universities and could help young people stand firmly in a valuable value position in a changing society and find the goal of hard work.

In addition, a good understanding of Xi Jinping's views on young people can motivate young people to take responsibility and contribute to social development and progress.According to classical Marxist thinkers, youth are a crucial driving force for social transformation, and the future of the working class and humanity"depends entirely on the growth of the new generation of workers."[3] Mao Zedong once vividly emphasized:"Young people are full of vitality, like the sun at eight or nine in the morning; The future of our nation rests on youths."[4] In *Xi Jinping and College Students*, General Secretary Xi encourages youth to set ambitious goals, enhance their sense of responsibility, and engage in social practice through face-to-face interactions with university students. At present, as China's modernization with Chinese characteristics and the great rejuvenation of the Chinese nation enter a critical period,

[1] Universities are an essential component of the national education system, primarily responsible for cultivating high-level talent, advancing scientific research, and providing social services. In China, in addition to delivering professional knowledge, universities also bear the critical responsibilities of ideological and political education and theoretical guidance. Through classroom teaching, practical activities, and cultural construction, they guide young people to establish correct values, strengthen ideals and convictions, and enhance social responsibility, thereby cultivating qualified builders and successors for the country's modernization and the socialist cause.

only by courageously shouldering historical responsibilities can young people realize their personal value through striving and promote social progress through dedication.

Finally, a profound understanding of Xi Jinping's views on youth helps precisely identify the developmental needs of young people and improve youth development systems. Xi's perspective on youth highlights both ideological leadership and their actual needs, such as academic progress, career development and mental health. This gives universities new requirements for working with young people. At the school level, it is necessary to create a comprehensive education system, not only focusing on the cultivation of values, but also to the improvement of abilities and mental health, as well as to create a good basis for youth development.

1.2 vividness and Sense of Intimacy in Youth Growth Stories

Xi Jinping and College Students differs from conventional theoretical works; it is presented in the form of interview records, using individual stories of interaction and heartfelt exchanges between General Secretary Xi and young people to promote youth development. This approach makes the concept of youth no longer abstract, but tangible and relatable. Overall, the interplay of vividness and intimacy in the book vividly reflects the close integration of theory with the actual lives of young people.

Vividness is reflected in the authenticity and liveliness of the stories. Secretary General Xi Jinping often talks about his own growth experience when communicating with college students. These stories are everyday things, truthful and well-underestired, which can make everyone emotional resonance.

Sense of intimacy is expressed through simplicity and sincerity. In the interview, college students used a relaxed and sincere way to talk about their own growth changes and thoughts after they were inspired by General Secretary Xi Jinping. So readers can directly feel how young people follow the requirements of the Secretary General for young people and work hard to write their own youthful stories. Throughout the book, General Secretary Xi Jinping often spoke carelessly with students about learning, life and desire, and alongside them as friends.

1.3 The practicality and inspirational appeal of youth work approaches.

Xi Jinping has emphasized that it is essential to respect young people's nature and attend to their distinctive characteristics by frequently engaging with them, maintaining close contact, and communicating with them face to face, so as to gain a thorough understanding of their ideological dynamics, value orientations, patterns of behavior, and ways of life.On the basis of theoretical elaboration, *Xi Jinping and College Students* offers concrete and feasible guidance for youth work in practice.

On the one hand, the practical dimension of these approaches is primarily reflected in their operability and targeted nature. Xi Jinping consistently adheres to a youth-centered orientation, starting from the real conditions of young people's growth and development. He talked with young people face to face, listened carefully about their troubles, carefully understood the difficulties that arise in people's lives in school, sought work and peace, and then gave practical and useful advice. He used words that young people could understand to communicate, and helped, according to the different circumstances of each person, not to deal with empty truths, and sincerely solved practical problems, so it was really useful for young people.

On the other hands, the inspirational appeal of these approaches lies in their capacity to stimulate young people's enthusiasm and mobilize collective strength. In his interactions with young people, he frequently articulates clear goals of struggle and concrete paths of practice, encouraging them to set lofty aspirations and to devote themselves to grassroots communities, western regions, and areas where the country needs them most.[5] This approach not only strengthens young people's identification with shared values, but also closely integrates personal aspirations with national development, motivating them to contribute their youthful energy to the new journey of realizing the Chinese Dream.

2. Contemporary Challenges in Youth Work at Universities

Higher educational institutions play important work in the development of student ethics, escaling into useful talents and supporting the development of young people. Today, society is changing a lot, and the peculiarities of young people are changing, bringing new challenges to the youth work of universities. On the one hand, the needs of young people are becoming more diverse, the impact of the Internet on the ideas of young people is becoming increasingly clear, and traditional education and working methods are difficult to meet the needs of young people in a new era.

2.1 The Urgent Need to Strengthen Ideological Guidance

The healthy growth of the younger generation bears directly on the continuity and long-term vitality of the cause of socialism with Chinese characteristics. In recent years, universities have made positive progress in guiding young people to strengthen their ideals and convictions and to cultivate solid professional and practical abilities. A large number of exemplary young individuals have emerged who have taken responsibility in advancing socialist modernization and contributing to the great rejuvenation of the Chinese nation, accompanied by the formation of a series of branded educational programs and practical achievements.

However, under the new historical conditions, the ideological landscape of youth has become increasingly diverse and complex, while the influence of cyberspace on the shaping of values continues to intensify. On the one hand, traditional carriers of ideological and practical education are constantly taking on new forms. On the other hand, rapid technological advancement has given rise to new educational platforms. Effectively leveraging emerging technologies to better disseminate scientific theories that underpin ideals and convictions has thus become an inevitable requirement for strengthening ideological guidance among young people.[6]

At present, universities still face deficiencies in the modes of discourse, content design, and communication strategies used in youth ideological work. These shortcomings are mainly reflected in a limited alignment with the actual ideological needs of young people and an insufficient adaptation to their linguistic habits. In some cases, an approach characterized by an emphasis on one-way instruction over dialogue and guidance persists, which undermines the affinity and effectiveness of ideological and political education. Therefore, how to fully and precisely leverage the advantages of organizational education, practice-based education, cultural education, and online education within the integrated framework of"all staff, all processes, and all

dimensions”of university education has become a critical issue that must be directly addressed.

2.2 Practice-Based Educational Channels Remain in Need of Expansion

Practice-based education constitutes a core component of youth work in universities and serves as a crucial pathway for guiding young people to learn, develop competencies, and contribute through engagement with the broader social arena. Xi Jinping has emphasized that young people should *“measure the motherland with their feet, discover the Chinese spirit through their eyes, listen to the people with their ears and feel the pulse of the times with their hearts. ”*[2] . In recent years, universities often organize volunteer services, social practices, academic competitions and other events. These activities are closely related to the current problems and life experiences of young people, providing students with a good platform for entering society, understanding the national situation, serving the people, and the results are also good.

However, there are still some problems in the practical education of the university, mainly in two aspects: the content of the event is not deep enough, and the practical platform is not very well built. In terms of content, the topic of some activities does not correspond very well to the actual needs of young people. The form of activity is also relatively lonely, and everyone is actively involved insufficiently enough, and the result is either simply to participate in it carelessly, or perform the task for a short time.In such cases, some students tend to view participation merely as the completion of an assigned“task,”while neglecting deeper reflection on the underlying value orientation, practical significance, and educational outcomes of these activities.

With regard to the platform, existing practical measures are mainly concentrated in traditional areas of volunteer service and discipline, and is not particularly concerned about the emerging social problems and attention of young people to change. Especially in the context of accelerating digitalization and networking, how to construct platforms that align with young people’s interests and developmental trajectories, and how to realize the organic integration of “online and offline”as well as“on-campus and off-campus”resources, has become a pressing practical issue for universities. Therefore, youth work in higher education must further expand practice-based educational channels, enrich practical content, and enhance the relevance and effectiveness of practice-based education, so as to truly achieve intellectual enlightenment through practice, moral cultivation through practice, and capacity building through practice, thereby injecting sustained momentum into the all-round development of young people.

2.3 The Service System for Supporting Youth Development Remains Incomplete

Supporting the healthy growth and development of young people constitutes one of the fundamental tasks of youth work in higher education institutions. *Xi Jinping has emphasized that it is essential to uphold serving the youth as the lifeline of youth-related work, to make every possible effort to do practical things for young people and help them resolve difficulties, to proactively think from their perspective and respond to their most pressing concerns, and to provide them with tangible and effective*

support, so that young people can genuinely feel that the Party's care is close at hand and its concern is always present.[2]

In recent years, universities have made notable progress in areas such as career guidance, mental health services, and cultural and sports activities, thereby offering meaningful support for students' growth and development. However, under new historical conditions, the increasingly diverse values, aspirations, and developmental needs of young people have placed higher demands on the content, modes, and effectiveness of youth-related services in higher education.

On the one hand, service provision remains overly focused on traditional forms and is insufficiently aligned with young people's urgent concerns regarding career development, psychological support, and innovation and entrepreneurship. On the other hand, service approaches tend to be relatively singular, making it difficult to establish a long-term and sustainable mechanism for supporting youth development and success. Therefore, how to enhance the relevance, precision, and effectiveness of service provision has become a pressing issue that higher education youth work must urgently address.

3. Feasible Pathways for Integrating *Xi Jinping and College Students* into Youth Work in Higher Education Institutions

As an important work reflecting Xi Jinping's thought on youth-related work, *Xi Jinping and College Students* adopts a narrative approach in which"those directly involved recount past experiences,"presenting vivid stories of personal growth, sincere emotional exchanges, and practical working methods, thereby demonstrating distinctive educational value. This book embodies Xi Jinping's important ideas for the development of young people, and also captures his real interaction and dialogue with college students. This can give specific examples and practical references to colleges and universities, help them strengthen the ideological and political education of young people, expand the channels of practical education and optimize the service-oriented educational environment.

3.1 Theoretical Dimension: Strengthening Theoretical Guidance through Ideological Appeal

Marx once pointed out that once theory grips the masses, it becomes a material force; theory can grasp the masses only when it persuades them, and it persuades them only when it is thorough.[7] When working with young people in colleges and universities, theoretical guidance is not only the right content, but more importantly, whether young people can understand his words, understand his methods of communication, remember them in their hearts and whether they become their own ideas.

3.1.1 In-depth Study of *Xi Jinping and College Students*

In this process, three interconnected learning approaches should be upheld: studying the text in its original form, relating theory to concrete realities, and integrating insights through systematic understanding. Studying the text in its original form requires an accurate and comprehensive understanding of Xi Jinping's original words and core ideas expressed in his interactions with young people, interpreting each statement within the specific narrative context of individual stories and within the

broader framework of youth development and national progress. To combine theory and the real situation, the focus is focused on linking the college experience written in the book, with the ideas that young people are concerned about now, their own story of growth and the real situation in society, so that they can turn the theory into a real guide to solving specific problems in life. It is also necessary to combine the entire theoretical basis of Xi Jinping's socialist thought with Chinese characteristics in a new era in order to understand the concrete ideas obtained in the book in order to understand its basic meaning and internal consistency, and to develop the resonance of theoretical identity and feelings.

The use of these interrelated teaching methods can encourage young people to gain spiritual strength from specific narratives, and then, under the guidance of theory, to turn firm ideals and beliefs into active actions. This is the method, higher education institutions can better work on thinking and management, as well as increase the overall effect of work for young people.

3.1.2 Mobilizing Youth through the "Four-Mode Learning"Approach[1]

Teacher-guided learning emphasizes the leading role of professional educators. Relying on full-time faculty members, universities organize collective lesson preparation based on a deep understanding of young people's ideological characteristics. Through chapter-by-chapter reading of *Xi Jinping and College Students*, teachers distill key ideas and explain them through vivid examples and structured interpretation, helping students achieve a thorough and nuanced understanding while ensuring that theoretical learning maintains correct political orientation and remains closely connected to students' lived realities. We also fully use the characteristics of new media platforms through online courses and the preparation of reading materials so that theoretical learning can be more extensive and influential.

Peer-leader–facilitated learning highlights the exemplary and guiding role of student leaders. By sharing personal reflections and engaging in discussions around key readings, student cadres encourage broader participation among their peers, fostering an atmosphere in which"people around us talk about real-life experiences and shared beliefs."This approach strengthens young people's identification with theoretical learning and enhances their sense of initiative and self-motivation.

Collective peer learning is carried out through themed activities such as the "Reading One Book Together"series. Let students exchange ideas together, reflect on their learning experience and combine learning the theory of learning with what they actually do and communicate with their peers. This method allows young people to learn from each other and grow together. When we discuss and interact, we can better understand each other, and our feelings are closer.

The University links training for the evaluation, reward, social practices, and innovation and entrepreneurship programs to create reliable incentives. Through activities such as achievement showcases and"Outstanding Reader"selections, students

[1] Since 2021, the Youth League Committee of Beijing Union University has innovatively proposed this approach-namely teacher-guided learning, peer-leader-facilitated learning, collective peer learning, and organizationally incentivized learning – to guide more than 40,000 students across the university in the systematic study of *Xi Jinping and College Students*.

are encouraged to engage in constructive competition, stimulating enthusiasm for learning and enhancing its overall effectiveness.

3.1.3 Deep Integration of Ideological Courses and Student Management[1]

In the giving of ideological guidance to young people, teachers' thinking and policy should systematically speak of Marxism and basic principles suitable for the Chinese situation and meeting the requirements of a new era. The Department of College and Universities Students and Universities should also play a role in the organization of leadership and practical education. Thus, teaching in the classroom and practical education can complement and strengthen each other.

For instance, Chapter Three of *Xi Jinping and College Students*, entitled "Comrade Xi Jinping's Advocacy for Young People to'Seek Hardship on Their Own Initiative,'"recounts an interaction between Comrade Xi Jinping, then a member of the Standing Committee of the Xiamen Municipal Party Committee and Vice Mayor of Xiamen, and Zhang Hongliang, a junior student at Xiamen University. The chapter repeatedly emphasizes the idea of "seeking hardship on one's own initiative" and, by drawing on General Secretary Xi Jinping's seven years as an educated youth in Liangjiahe Village, particularly the experience of cleaning manure pits[2], highlights that the growth of young people is inseparable from rigorous hardship and sustained tempering.[8]

Instructors of ideological and political theory courses can draw on Chapter Two of *Ideals, Morality, and the Rule of Law*, titled "Pursuing Lofty Ideals and Upholding Noble Beliefs,"to teach from the perspective of cultivating ideals and beliefs and promoting the spirit of hard work and perseverance, using real-life cases to enhance the persuasiveness and appeal of theoretical explanations. At the same time, higher education institutions can organize thematic activities, book-sharing sessions, and other formats to guide students in tracing the logical structure and timeline of the chapter"Comrade Xi Jinping Advocates Young People to'Seek Hardship on Their Own Initiative'"in *Xi Jinping and College Students*, and encourage discussion and sharing in the context of the stories. This method can help you turn the theoretical knowledge you learn in a class, into the ability to recognize value and take the initiative to do things. As long as you combine the classes of ideological and political theory with working with young people, the school can make teaching in the classroom and extracurric grade really related, so that the ideological leadership role of colleges and universities can be well tracessive, and the effect and attractiveness of ideological and political education can be significantly improved.

---

[1] Ideological and political theory courses offered by higher education institutions are essential components of the education system, specifically responsible for theoretical instruction and value guidance. Their core mission is to guide young students in forming a correct worldview, outlook on life, and system of values through the systematic teaching of the basic principles of Marxism, the theoretical system of socialism with Chinese characteristics, and national development strategies.

[2] In the 1970s, General Secretary Xi Jinping, in response to the "Up to the Mountains and Down to the Countryside" policy, worked and lived for seven years in Liangjiahe Village, Yan'an County, Shaanxi Province, as an educated youth—a generation of urban youth sent to the countryside for labor training. During this period, he participated in local agricultural and production work, including the most arduous tasks, such as cleaning manure pits—that is, removing livestock manure from the pens to use as fertilizer in the fields—a physically demanding labor under harsh conditions.

3.2 Practical Level: Broadening Educational Channels through a Problem-Oriented Approach

Marx once pointed out that the truthfulness of human thought is not determined by abstract theoretical debates, but must be tested through practice; it is only in practice that the truth and applicability of thought can be demonstrated.[7] General Secretary Xi Jinping has also emphasized the importance of action, urging young people to be doers, achieve unity of knowledge and action, and promote learning through practice and practice through learning.[2] This gives a clear guide to the ideological and political education of young people in a new era: in education, the theoretical small class should be closely integrated with the class of social practice. Through experienced learning, young people can feel the most sincere emotions, simple selflessness and the deep teachings of the Secretary-General, and can continually improve political loyalty and enhance mission's sense of learning, thinking and practice.

3.2.1 Research-based Practice to Address Contemporary Issues

Universities should use *Xi Jinping and College Students* as a vivid teaching resource to guide youth in social practice, deeply tapping into its ideological and educational value, and integrating it into concrete contexts such as community governance and rural revitalization. This approach encourages young people to engage with society with a problem-oriented mindset, identifying and addressing issues they encounter. For example, Chapter One of *Xi Jinping and College Students*, titled "Secretary Xi Invited Us Back to Our Hometowns for Rural Research," not only helps young people understand the historical context of the time through careful study within the broader framework of Reform and Opening-up, but also guides them to reflect on the more than forty years of history since Reform and Opening-up[1]. It enables students to gain a profound understanding of China's remarkable achievements in overcoming poverty and attaining the first centenary goal under the Party's strong leadership, and to consciously strengthen the "Four Consciousnesses"[2] reinforce the "Four Self-confidences"[3] and achieve the "Two Upholds"[4].[8]

At the same time, young people should be encouraged to think about how to use their professional ability to give rural revival a younger life. In terms of research-based practice, for example, the Communist Youth League Committee of Beijing Union University has repeatedly organized programs titled "Following the Footsteps of the General Secretary, Striving to Be Outstanding Youth in the New Era," in which full-time faculty lead students to visit locations where General Secretary Xi Jinping once worked, conducted research, or lived, carrying out experiential, immersive, and discussion-based learning activities. In this process, attention should be paid to achieving the "three transformations": namely, transforming General Secretary Xi Jinping's earnest guidance into the political consciousness of youth serving the

[1] Reform and Opening-up refers to the series of economic and social institutional reforms initiated in China from 1978 under the leadership of the Party Central Committee with Comrade Deng Xiaoping at its core.

[2] Four Consciousnesses: political consciousness, overall-consciousness, core-consciousness, and alignment-consciousness.

[3] Four Confidences:Refers to confidence in the path, theory, system, and culture of socialism with Chinese characteristics.

[4] Two Upholds :Refers to resolutely upholding the authority of the Party Central Committee and the core position of General Secretary Xi Jinping.

country; transforming his teachings and personal example into the initiative of college students serving grassroots communities; and transforming his sincere expectations into college students' conscious commitment to personal growth.[9]

3.2.2 Responding to social concerns through volunteer service

Volunteer service is not only an important way for young people to engage with society and temper their will, but also a key channel for higher education institutions to carry out ideological and political education and to consolidate youth engagement.

To begin with, volunteerism can strengthen political leadership, supporting major events. Universities should do national major events, volunteer work in domestic and foreign competitions, and local key events should be important "sick classes" for ideological and political education. In organizing more prominent young people to participate in the service and support, and at the same time, they should pay more attention to the importance of these activities.

Furthermore, Universities can raise awareness of social responsibility by making social volunteering a general practice. In response to local conditions, appropriate institutions should be promoted to regular voluntary community management, environment and care for vulnerable groups in the light of local conditions. These events allow young people to feel personal value in small efforts to cultivate a strong sense of patriotism and social responsibility.For example, *Xi Jinping and College Students* recounts the story of Huang Daoliang: despite two setbacks in the national college entrance examination due to physical disability, he finally succeeded on his third attempt, which coincided with the passing of the Law of the People's Republic of China on the Protection of Persons with Disabilities. With the concern and coordination of General Secretary Xi Jinping and other leaders, Huang was exceptionally admitted to Minjiang Vocational University, becoming the first armless university student in Fujian Province. During his university years, he overcame numerous difficulties to complete his studies, became a Communist Party member, and after graduation chose to serve in the grassroots disability services system, dedicating himself long-term to the welfare of people with disabilities.[8] This case clearly shows that young people rely on these two forces to realize the value of life under the tutary of the country and their own insistentness. It also encourages universities to serve the community with practical actions, take care of special groups, develop good moral qualities through volunteer service and take on time.

Third, it is essential to improve volunteer service mechanisms and develop distinctive brand-based programs. The sustainable development of volunteer service relies on sound institutional guarantees. Universities should further improve training systems and incentive mechanisms for volunteer service, with a clear emphasis on practice-oriented education. At the same time, attention should be paid to the branding of volunteer programs by developing exemplary and influential volunteer service projects, so as to enhance the overall educational effectiveness.

3.2.3 Leveraging Innovation and Entrepreneurship to Meet Youth Development Needs

On the one hand, it is necessary to strengthen educational and value-oriented guidance to help young people cultivate a sound view of career choice. In advancing

innovation and entrepreneurship initiatives, higher education institutions should integrate educational guidance with value guidance, encouraging young people to aspire to "go to the grassroots and to places where the country needs them most." *Xi Jinping and College Students* repeatedly records General Secretary Xi Jinping's encouragement for young people to "seek hardship on their own initiative," stressing that "the grassroots are not a temporary stop, and one should work there steadily for several years."[8]

On the other hand, it is essential to expand platforms and carriers to enhance young people's entrepreneurial practice capacity. Universities should give full play to their organizational strengths and coordinate with relevant departments to build diversified innovation and entrepreneurship platforms, such as China College Students 'Internet+'Innovation and Entrepreneurship Competition[1], thereby providing comprehensive support ranging from training and mentorship to the transformation of achievements. In this process, young people are enabled to hone their skills through solving real-world problems and to realize personal value in serving the nation and society.

3.3 The Environmental Dimension: Addressing Developmental Concerns through a "Three-All Education" Service-Oriented Approach

In *Theses on Feuerbach*, Karl Marx criticized the one-sided understanding of the relationship between human beings and their environment held by earlier materialism and scientifically elucidated the dialectical relationship between environmental conditions and human practical activity. He pointed out that "*the coincidence of the changing of circumstances and of human activity or self-change can be conceived and rationally understood only as revolutionary practice.*"[7] This proposition, from a dialectical perspective, reveals the two-way interactive relationship in which human beings transform their environment while simultaneously being shaped by it. It thus provides a solid theoretical foundation for higher education institutions in the new era to construct a "Three-All Education" environment and to foster an educational ecosystem that is warm, culturally rich, and institutionally well-supported.

3.3.1 Optimizing the Ideological and Cultural Foundations of Belief

The ideological and cultural environment is the spiritual foundation of the university and an important support for the cultivation of virtue. The university must rely on cultural education, allow everyone to participate in cultural activities, and use resources in institutional history, revolutionary traditions and the spirit of the time to build a campus culture system with common beliefs as a core.For example, universities may establish culture-based educational platforms through themed exhibitions and cultural corridors, and organize special displays that incorporate the outcomes of study tours and social practices related to *Xi Jinping and College Students*, enabling young people to experience the power of ideals and convictions through reflection on history and engagement with contemporary transformations.

[1] "The China College Students "Internet+" Innovation and Entrepreneurship Competition serves as an important platform for promoting youth innovation practice and cultivating innovative capabilities in Chinese universities, reflecting the educational principle of the unity of knowledge and action.

At the same time, ideological and political education must be integrated into everyday life, and it must be carried out frequently and continuously. Universities can continue to conduct innovative activities in conjunction with the country's thematic educational activities and the tasks of important institutions, such as theoretical promotional groups, research and practical achievements. This practice can encourage young people to contribute to the most necessary places in the country and allow ideological and political education to play a role in the moderate and long term**.**

3.3.2 Optimizing the Organizational Education Environment and Strengthening Collaborative Synergy

Higher education institutions should proactively serve as a bridge, using systematic thinking to ensure the precise implementation of the "three-all education" concept, promoting the organic connection between ideological and political education, professional curriculum training, and daily student management. They should build an education mechanism featuring full participation, whole-process integration, and all-round collaboration, thereby "nourishing students emotionally, touching them with sincere feelings, and boosting their morale through guided inspiration and gradual cultivation."[10] On one hand, universities should promote collaboration among counselors, class advisors, and professional course teachers to form a joint force. On the other hand, they should rely on educational platforms such as "one-stop" student communities [1] and the "second classroom"[2] and improve an integrated education system that connects on-campus and off-campus, online and offline. Through paired partnerships, resource sharing, and collaborative projects, different departments and organizations can complement each other's strengths and resonate in harmony, guiding young people to grow with multi-party support and effectively improving the effectiveness of collaborative education.

3.3.3 Optimizing the Youth Service Environment and Improving Support for Growth

It is important that a good environment helps young people grow well. Universities should put students first, pay more attention to the different needs of students, and create a comprehensive support system to help students find out mental health, career development, and social practice. First, improve the mental health education system by establishing a four-tier linkage mechanism of "psychological committee member – counselor[3]– student cadres – psychological center," which is broad in coverage, quick in response, and closely connected. Psychological committee members regularly monitor students' mental status, counselors conduct individual guidance, student cadres collect feedback, and the psychological center provides

[1] A"one-stop"student community is a comprehensive service platform established by Chinese universities to facilitate students' learning, living, and development. It centralizes student affairs—such as academic guidance, psychological counseling, career guidance, and extracurricular activities—within one place or system, providing comprehensive and convenient services.

[2] The "Second Classroom" is an educational model in Chinese universities that supplements formal classroom teaching and enriches students' comprehensive quality development. Unlike formal courses (the"First Classroom"), the "Second Classroom" emphasizes practice, activities, and skill cultivation, including volunteer service, club activities, innovation and technology competitions, and cultural and artistic practices.

[3] Counselors are the primary persons responsible for students' daily management and ideological-political education. They serve not only as guides in ideological and political education, but also as advisors for students' daily life and academic management.

professional hotline counseling and therapeutic services, realizing early detection, early intervention, and early guidance. Colleges and universities should participate in some activities and “health stations” to help students learn how to manage emotional management, stress management, and make psychology more powerful. Then participate in professional lectures, career planning camps and mimic recruitment activities, strengthen work and entrepreneurship management, and increase the competitiveness of students in finding a job. At the same time, colleges and universities should support special projects of the “Western Programs” and “graduate support teams” to guide students to practice at a grassroots level, practice skills, and develop character.

REFERENCES

[1] Selected Works of Mao Zedong: Volume 1 [M]. Beijing: People’s Publishing House, 1991.

[2] Xi Jinping. On the Party’s Youth Work [M]. Beijing: Central Literature Publishing House, 2022.

[3] Zhang Weiwei. Original contributions of General Secretary Xi Jinping’s impotant

thoughts on the work concerning the youth [J]. Journal of Hainan University (Humanities and Social Sciences Edition), 2025(02): 0052.

[4] Compilation Office of the Central Committee of the CPC. Chronology of Mao Zedong (1941–1976): Volume 3 [M]. Beijing: Central Literature Publishing House, 2013, p. 248.

[5] Selected Readings of Xi Jinping’s Works: Volume 1 [M]. Beijing: People’s Publishing House, 2023.

[6]Wang Xiali, Zhu Yi.Century-Long Journey,experience,and Insights of the Chinese Communist Youth League’s Ideal and Belief Education [J]. Journal of Sichuan Normal University (Social Sciences Edition), 2024(05): 25–34.

[7] Selected Works of Marx and Engels: Volume 1 [M]. Beijing: People’s Publishing House, 2012.

[8] Editorial Team of *Xi Jinping and College Students*. *Xi Jinping and College Students* [M]. Beijing: China Youth Publishing House, 2020.

[9] Wu Qiaohui, Du Na. Research on Xi Jinping’s View of Youth Leading College Students’ Growth and Success: From the Perspective of College Students’ Study Tour Practice around *Xi Jinping and College Students* [J]. School Party Building and Ideological Education, 2024(03): 43–46.

[10] Du Jiarong. The Value Implication, Scientific Connotation, and Promotion Path of Xi Jinping’s Important Discourses on the Spirit of Educators [J]. Leadership Science Forum, 2024(07): 13–17.

Правовое осмысление путей и механизмов управления культурным наследием с точки зрения ответственности правительства

Legal Thinking on the Path and Mechanism of Cultural Heritage Management – From the Standpoint of Government Responsibility

Ли Юйхун, Сюй Цзинвэнь
Пекинский объединенный университет
Li Yuhong, Xu Jingwen
Beijing Union University

Abstract. This paper focuses on the path and mechanism of cultural heritage management, and conducts an in-depth discussion on government responsibility from a legal perspective. In the context of globalization and modernization, the protection and inheritance of cultural heritage have become significant issues faced by governments of all countries. This paper firstly summarizes the basic concepts and current situation of cultural heritage management. Then, it analyzes the core responsibilities of governments in cultural heritage management from a legal perspective, including formulating laws and regulations, strengthening law enforcement and supervision, providing financial support, and promoting public participation. This paper emphasizes that the government, as the main responsible entity for cultural heritage protection, should establish a sound management mechanism to ensure the effective protection and rational utilization of cultural heritage. Through case analysis and comparative research, this paper puts forward countermeasures and suggestions to improve the path and mechanism of cultural heritage management and strengthen government responsibility, thereby providing legal insights and enlightenment for the cause of cultural heritage protection.

Keywords: cultural heritage management; legal thinking; government responsibility; protection and inheritance

1. Cultural Heritage Management

Cultural heritage management refers to the process of conserving, inheriting, utilizing, and managing cultural heritage with historical, artistic, and scientific value. It covers multiple aspects such as the identification, registration, conservation, restoration, exhibition, education, and research of cultural heritage, aiming to ensure the authenticity, integrity, and sustainability of cultural heritage.

A. Current Situation of Cultural Heritage Management

a. Efforts at the International Level

In recent years, the international community has made significant progress in cultural heritage protection. International organizations such as the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) have provided a legal framework and action guide for cultural heritage protection by formulating documents like the Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage. Meanwhile, governments of various countries have actively responded, strengthening international cooperation to jointly address the challenges faced by cultural heritage protection.

UNESCO, as one of the most influential international cultural heritage organizations, is dedicated to protecting and promoting world cultural heritage. It formulates relevant policies and standards to help member states develop appropriate laws and measures for cultural heritage protection.

b. International Norms, Exchange, and Cooperation.

Through signing international conventions and treaties, countries jointly bear the responsibilities and obligations of cultural heritage protection. These conventions and treaties stipulate the definitions of cultural heritage, protection principles, protection measures, and international cooperation mechanisms. Governments of various countries continuously improve their domestic laws and regulations on cultural heritage protection to align with international standards, ensuring effective protection of cultural heritage. Governments and international organizations jointly implement cross-border protection projects, conducting joint protection and management of cross-border cultural heritage. By hosting seminars, training courses, and other activities, they promote exchanges and cooperation among countries in cultural heritage protection technologies, sharing advanced protection concepts and technological means to improve the level of cultural heritage protection worldwide. Developed countries provide financial assistance and technical support to help developing countries strengthen their cultural heritage protection efforts.

c. Practices at the Domestic Level

China has established a legal protection system for cultural heritage centered on the Law of the People's Republic of China on the Protection of Cultural Relics and the Law of the People's Republic of China on Intangible Cultural Heritage.

From the central to local governments, corresponding cultural heritage protection and management institutions have been established, responsible for the protection, management, and utilization of cultural heritage. These institutions have played an important role in the protection of cultural heritage. With social progress and the improvement of public cultural literacy, more and more people have begun to pay attention to the protection of cultural heritage. The government and all sectors of society have also strengthened the publicity and education of cultural heritage protection in various ways, raising public awareness of protection.

Laws such as the Law on the Protection of Cultural Relics and the Law on Intangible Cultural Heritage provide legal guarantees for the protection of cultural heritage. These laws and regulations clarify the definitions, protection principles, protection measures, and legal responsibilities of cultural heritage, providing a legal basis for cultural heritage management. Government departments such as the National Cultural Heritage Administration are responsible for formulating and implementing cultural heritage protection policies, including special actions, protection plans, and financial support. For example, in 2024, the National Cultural Heritage Administration launched the "Special Action for the Protection and Upgrade of China's World Cultural Heritage," aimed at improving the protection level and management capacity of world cultural heritage.

d. Innovation and Application of Protection Technologies

Modern technological means such as Virtual Reality (VR), Augmented Reality (AR), Big Data, and Artificial Intelligence (AI) are widely used in the protection and management of cultural heritage. These technologies not only improve the efficiency and quality of cultural heritage protection but also enrich the display and dissemination methods of cultural heritage. Digital technology is used in the collection, storage, restoration, and exhibition of cultural heritage.

I. Challenges Faced in Cultural Heritage Management

A. Imperfect Laws and Regulations

Despite the establishment of a legal protection system for cultural heritage in China, there are still imperfections in laws and regulations in practical operations. The lack of specific implementation details and operational guidelines has caused certain difficulties for law enforcers and relevant institutions, which has also affected the effective protection and transmission of cultural heritage. The current legal coverage is insufficient, and local regulations are incomplete. Currently, some areas along the Grand Canal in Jiangsu Province have yet to issue relevant regulations to protect their local intangible cultural heritage (ICH) projects. The "ICH Law" does not grant sufficient rights to ICH inheritors to stop infringements, and there are issues of unclear ownership of rights and interests and blurred boundaries of rights and interests in legislation. The emergence of ICH projects is the long-term wisdom of people in a certain region, and the subject of their rights has a natural uncertainty, making it difficult to determine a specific individual. The intellectual property legal system's requirements for "originality" are often difficult to meet, and whether there is originality is a key factor in whether a work can be protected by the intellectual property system. This shows that the traditional concept of intellectual property is no longer applicable to the current situation, as it cannot fully cover the unique ICH projects in the Grand Canal region. Therefore, a more flexible and special protection mechanism is needed.

B. Insufficient Law Enforcement Efforts

In actual law enforcement, the crackdown on illegal activities is not strong enough, resulting in some infringements of cultural heritage not being effectively stopped and punished. This not only damages the legitimate rights and interests of cultural heritage but also dampens the public's enthusiasm for cultural heritage protection. There are a series of challenges in collaboration between intellectual property-related departments and cultural tourism departments. On the one hand, as the protection of ICH intellectual property involves multiple fields such as culture, law, and law enforcement, there are issues of不协调 workflow and unclear division of responsibilities between the two parties in case handling, leading to delays in case handling processes and reduced efficiency. Secondly, intellectual property departments and cultural tourism departments involve different professional fields, so there is a mismatch of professional knowledge. On the other hand, inadequate information sharing prevents law enforcement agencies from obtaining necessary information in time when investigating and handling infringements.

C. Uneven Resource Allocation

Due to imbalanced regional economic development, cultural heritage protection work in some areas does not receive sufficient attention and support. Cultural heritage in these areas faces the risk of destruction and loss. The lagging development of inheritor teams has become a key factor restricting the protection of intangible cultural heritage. On the one hand, some ICH inheritors are aging; on the other hand, the younger generation has low enthusiasm for inheriting national cultural traditions. Even if they have the intention to inherit, they lack systematic professional training and education.

D. Low Social Participation

The public's awareness of cultural heritage protection is relatively low, lacking necessary participation and support. This has made it difficult to effectively carry out the transmission and protection of some cultural heritage. Some local governments and the public, due to insufficient understanding, have failed to fully recognize the important value of intangible cultural heritage and neglect it as a "niche culture," which has restricted the smooth development of related protection work to a certain extent. Taking Shaanxi Province as an example, although Shaanxi is a province rich in intangible cultural heritage, due to inadequate publicity and education efforts, public enthusiasm for participating in the protection of intangible cultural heritage is low, resulting in some unique paper-cutting, shadow puppetry, and other projects being gradually lost. In addition, local government financial investment is also somewhat insufficient, with few special support measures, failing to provide a solid guarantee for the protection of intangible cultural heritage.

II. Government Responsibilities from a Legal Perspective

A. Formulating Laws and Regulations

The government formulates and improves laws and regulations related to cultural heritage protection, providing a solid legal guarantee for cultural heritage management. These laws and regulations clarify the definition, classification, protection principles, protective measures, and legal responsibilities of cultural heritage, ensuring the standardization and legalization of cultural heritage protection efforts. In response to new issues and situations arising in cultural heritage protection, the government promptly issues relevant judicial interpretations or guidance documents to provide clear legal guidance for cultural heritage protection. At the same time, the government also needs to strengthen the promotion and popularization of laws and regulations on cultural heritage protection, enhancing the legal awareness and protection awareness of the whole society. In addition to basic laws and regulations, related supporting regulations are also improved. These supporting regulations elaborate on various aspects of cultural heritage, including the scope and methods of protection for traditional skills, folk performances, oral traditions, and other types of cultural heritage. Furthermore, a sound system and mechanism are established to ensure the continuous development of cultural heritage transmission.

B. Strengthening Law Enforcement and Supervision

The government establishes and improves law enforcement agencies for cultural heritage protection and strengthens the construction of law enforcement teams. These

agencies have law enforcement personnel with professional knowledge and skills who can effectively address various issues in cultural heritage protection. At the same time, training and practical experience for law enforcement personnel are enhanced to improve their law enforcement capabilities and levels. The government strengthens the supervision of law enforcement efforts in cultural heritage protection, including establishing and improving a law enforcement supervision mechanism, conducting regular evaluations and supervision of law enforcement actions, and promptly discovering and correcting problems in law enforcement. Additionally, it encourages public and media participation in supervision to promote transparency and fairness in law enforcement behavior. For violations of cultural heritage rights and interests and destruction of the cultural heritage transmission environment, the government imposes severe punishment according to the law. Through stringent legal sanctions, it serves as a warning and education to the public, fostering a good atmosphere for the joint protection of cultural heritage throughout society.

C. Enhancing Funding and Resource Allocation

The government increases financial input for cultural heritage protection to ensure the smooth progress of related work. These funds are primarily used for the monitoring, protection, restoration, and promotion of cultural heritage. At the same time, a sound fund management system is established to ensure the rational use and effective supervision of funds. The government actively seeks support from international organizations and the international community to jointly promote cultural heritage protection efforts. This includes obtaining international funding and technical support, participating in international cultural heritage protection projects, and strengthening exchanges and cooperation with international organizations. The government encourages donations from individuals, enterprises, and social organizations for cultural heritage protection and incentivizes all sectors of society to actively participate in cultural heritage protection through policies such as tax incentives.

D. Enhancing Social Participation

The government strengthens publicity and education efforts on cultural heritage protection to raise public awareness and participation, including organizing lectures, exhibitions, training sessions, and other activities to disseminate knowledge and laws and regulations related to cultural heritage protection, and guiding the public to actively engage in cultural heritage protection efforts. Cultural heritage protection can also be incorporated into the national education system to cultivate students' respect for and awareness of cultural heritage protection from a young age. Through school education, extracurricular practices, and other methods, students can gain an in-depth understanding and learning of cultural heritage-related knowledge, forming conscious protective behaviors. At the same time, the government establishes volunteer teams for cultural heritage protection to attract more people to participate in the investigation, organization, and transmission of cultural heritage. Through volunteer participation, it can not only enhance the strength of cultural heritage protection but also improve public awareness and understanding of cultural heritage protection.

E. Promoting International Cooperation and Exchange

The government strengthens cooperation with international organizations and actively participates in international cultural heritage protection activities. Through exchanges and cooperation with international organizations, it learns from international advanced experiences and technologies to improve the level of cultural heritage protection in China. By signing cultural heritage protection agreements or memoranda with other countries, it jointly promotes the transmission and development of cultural heritage. These agreements or memoranda clarify the responsibilities and obligations of both parties as well as the specific content and methods of cooperation. At the same time, it actively shares China's experiences and resources in cultural heritage protection to provide reference for other countries, while also learning from the successful experiences of other countries to continuously improve China's legal protection system for cultural heritage.

To establish a world heritage protection and management plan suitable for China's national conditions, it mainly includes two categories: key planning content and planning approval and implementation. In this process, planning for key content is an urgent issue to be addressed. In terms of content, there are four indispensable aspects in China's heritage protection and management plan: value and heritage composition, protection strategies for change management, protected areas and management regulations, and management system and planning integration. When elaborating on the authenticity and integrity of outstanding universal value, it is not just a simple repetition of the application text, but more attention should be paid to "changes" and the assessment of "changes". With the development of the heritage concept, whether there has been further interpretation of value criteria, whether there has been a broader connotation of integrity, and whether there have been changes in the assessment of authenticity after successful application for world heritage status, etc. "Protection first" is a fundamental principle that China's cultural relic protection policy has always adhered to, and its importance is unquestionable. In the world heritage protection and management plan, the protection chapter is not limited to the "protection measures" in the UNESCO manual, but rather a management approach aimed at changes. Simply put, due to the issuance of the "Administrative Measures" and "Preparation Requirements," the national cultural relic protection plan has already been very specific regarding specific protection measures, protection projects, and protection requirements, so the heritage plan does not need to dwell too much on the same content. Due to the complexity of heritage elements, it is also difficult for the heritage plan to elaborate on all engineering measures in detail, focusing instead on a more macro level, namely the changes in the preservation status of heritage elements. Ideally, the heritage area of a world heritage site should be equivalent to or smaller than the protected area [8], and the buffer zone should be equivalent to or smaller than the construction control zone, to facilitate the management and control of all construction activities within the heritage site with a legitimate basis. Although the management and integration sections are placed towards the end in terms of chapter arrangement, they are very important in the world heritage protection and management plan and differ significantly from the national cultural relic protection plan. The management section of the national cultural

relic protection plan is more targeted at specific departments and tasks responsible for implementing the plan, such as the "four haves" work of cultural relics by the tourism and culture bureau, cultural relics bureau, or even cultural relics management institute. In contrast, world heritage management focuses more on the construction of the management system and system integration. From the perspective of the "Operational Guidelines," the interpretation of "management plan" itself focuses more on the "system," similar to the combination of domestic planning and regulatory rules, while emphasizing the relationships and coordination among stakeholders.

III. Case Analysis and Comparative Study

A. Domestic Case Analysis

a. Cultural Heritage Management of the Forbidden City (The Palace Museum)

The Forbidden City, as one of China's most significant cultural heritages, has achieved remarkable results in its cultural heritage management. The Palace Museum effectively preserves and inherits the cultural heritage of the Forbidden City by strengthening artifact conservation, conducting academic research, and hosting exhibition activities. Additionally, it actively promotes public participation by establishing volunteer teams and conducting educational programs, thereby enhancing the public's awareness of cultural heritage protection.

The government has formulated a series of laws and regulations on cultural heritage protection, such as the "Interim Regulations on the Protection and Management of Cultural Relics" and the "Law of the People's Republic of China on the Protection of Cultural Relics," which provide legal support for the Palace Museum's cultural heritage management. These regulations clarify the establishment and classification of cultural relics protection units, protection requirements, management responsibilities, and repair principles, ensuring the standardization and effectiveness of cultural heritage management. By issuing relevant policy documents, the government guides the Palace Museum's cultural heritage management work, promoting the use of digital and information technology to enhance the level of cultural heritage management, research, and protection.

The government provides necessary financial support for the Palace Museum's cultural heritage protection, including funds for restoration projects, artifact conservation, and digital construction. These funds ensure that the Palace Museum can smoothly carry out various protection and research work, effectively maintaining the integrity and security of cultural heritage. Through the establishment of special funds or projects, the government supports the Palace Museum in conducting cultural heritage protection, research, and inheritance work, such as the "Research-Based Conservation Project."

The government has established a comprehensive supervision mechanism to oversee and inspect the Palace Museum's cultural heritage management work, ensuring that all protection measures are effectively implemented. Government departments also regularly evaluate the Palace Museum's cultural heritage protection work, promptly identify issues, and propose improvement suggestions. Technical support and guidance are provided to the Palace Museum, including the introduction of advanced technology

and the organization of expert consultations, to help improve the level of cultural heritage management.

The government actively promotes cooperation and exchanges between the Palace Museum and other domestic cultural heritage protection institutions, sharing protection experiences and technological achievements to jointly advance the cultural heritage protection cause. Support is also given to the Palace Museum to conduct international cultural exchanges and cooperation, showcasing the charm of Chinese cultural heritage and enhancing international influence through participation in international cultural heritage protection projects and hosting international exhibitions.

b. Cultural Heritage Protection of Dunhuang Mogao Grottoes

As a World Cultural Heritage site, the Dunhuang Mogao Grottoes have also achieved remarkable results in cultural heritage protection. The Dunhuang Research Institute effectively preserves and inherits the cultural heritage of the Mogao Grottoes by strengthening artifact conservation, conducting scientific research, and promoting digital construction. Additionally, the institute actively promotes international cooperation and exchanges, strengthening cooperation with domestic and foreign cultural heritage protection institutions.

The government has formulated a series of laws and regulations on cultural heritage protection, such as the "Law of the People's Republic of China on the Protection of Cultural Relics," which provide legal support for the cultural heritage protection of the Dunhuang Mogao Grottoes. These regulations clarify the responsible entities, protection requirements, and management mechanisms for cultural relics protection, ensuring the standardization and effectiveness of cultural heritage protection. Meanwhile, the government actively promotes the implementation of relevant policies, such as strengthening publicity and education on cultural relics protection and promoting the digital protection of cultural heritage. The government provides necessary funding for the cultural heritage protection of the Dunhuang Mogao Grottoes, covering expenses for restoration projects, artifact conservation, monitoring, and research. These funds ensure that the Mogao Grottoes can smoothly carry out various protection and research work, effectively maintaining the integrity and security of cultural heritage. Additionally, the government supports the Mogao Grottoes through special funds or projects for cultural heritage protection, research, and inheritance work.

The government has established a comprehensive supervision mechanism to oversee and inspect the cultural heritage protection work of the Dunhuang Mogao Grottoes, ensuring that all protection measures are effectively implemented. Government departments also regularly evaluate the cultural heritage protection work of the Mogao Grottoes, promptly identifying issues and proposing improvement suggestions. This supervision and evaluation mechanism helps ensure the quality and effectiveness of cultural heritage protection work. Technical support and guidance are provided to the Mogao Grottoes, including the introduction of advanced technology and the organization of expert consultations, to help improve the level of cultural heritage protection. Meanwhile, the government focuses on talent cultivation, encouraging and supporting more young people to devote themselves to the cause of

cultural heritage protection by establishing scholarships and providing training opportunities.

The government actively promotes cooperation and exchanges between the Dunhuang Mogao Grottoes and other domestic cultural heritage protection institutions, sharing protection experiences and technological achievements to jointly advance the cultural heritage protection cause. Additionally, support is given to the Mogao Grottoes to conduct international cultural exchanges and cooperation, showcasing the charm of Chinese cultural heritage and enhancing international influence through participation in international cultural heritage protection projects and hosting international exhibitions.

B. International Case Analysis

a. Cultural Heritage Protection in Italy

As a major country with world cultural heritage, Italy's cultural heritage protection work has attracted much attention. The Italian government has effectively protected Italy's cultural heritage through measures such as formulating comprehensive laws and regulations, strengthening law enforcement and supervision, and providing financial support. At the same time, the Italian government has actively promoted public participation and the development of the cultural tourism industry, promoting the rational utilization and sustainable development of cultural heritage.

The Italian government has formulated a series of laws and regulations on cultural heritage protection, such as the Code for the Protection of Cultural Heritage, providing a legal foundation for cultural heritage protection. These laws detail the definitions, classifications, protection requirements, management responsibilities, and penalties for violations related to cultural heritage, ensuring the standardization and authority of cultural heritage protection work. The government issues relevant policy documents to clarify the goals, tasks, and measures for cultural heritage protection, promoting all levels of government and relevant departments to actively carry out cultural heritage protection work. The government also encourages social capital to participate in cultural heritage protection, guiding enterprises, individuals, and other social forces to invest in the cause of cultural heritage protection through tax incentives, financial subsidies, and other means, Italy guides enterprises, individuals, and other social forces to invest in cultural heritage protection. The Italian government provides necessary financial support for cultural heritage protection, including funds for restoration projects, conservation, archaeological excavations, monitoring research, and other related areas. The government has also established special funds to support the protection and research of key cultural heritage projects, ensuring the smooth progress of cultural heritage protection work. The government is responsible for coordinating various resources, including human, material, and financial resources, to ensure the effective implementation of cultural heritage protection efforts. Furthermore, the government actively promotes the research and application of cultural heritage protection technologies, enhancing the scientific and effective nature of cultural heritage conservation.

Italy has established a comprehensive regulatory mechanism for cultural heritage protection, overseeing and inspecting cultural heritage protection work to ensure that all protective measures are effectively implemented. The government has also set up

specialized cultural heritage protection agencies responsible for the protection, management, and research of cultural heritage, ensuring the professionalism and standardization of cultural heritage protection work. The government has intensified its crackdown on illegal activities related to cultural heritage protection, severely punishing those who destroy cultural heritage to safeguard its integrity and security. Additionally, the government has strengthened the promotion and education of cultural heritage protection work, raising public awareness and understanding of cultural heritage conservation.

The Italian government actively participates in international cooperation on cultural heritage protection, sharing protection experiences and technological achievements with other countries to promote the development of global cultural heritage protection. The government also actively participates in international cultural heritage protection projects, such as those of the UNESCO World Heritage Program, contributing to international cultural heritage protection. By hosting international exhibitions and cultural exchange activities, the government showcases the charm and value of Italian cultural heritage, enhancing Italy's status and influence in the international cultural arena. The government also encourages and supports domestic cultural heritage protection institutions to exchange and cooperate with international organizations, jointly promoting the advancement and development of cultural heritage protection technology.

b. France's Cultural Heritage Protection Efforts

As one of the significant countries in European cultural heritage protection, France has also achieved remarkable results in this field. The French government has effectively protected and transmitted France's cultural heritage by formulating strict laws and regulations, strengthening the construction and management of cultural heritage protection institutions, promoting public participation and cultural education, and actively promoting international cooperation and exchanges.

The French government has formulated a series of laws and regulations on cultural heritage protection, such as the "Historic Monuments Law," providing a solid legal foundation for cultural heritage conservation. These laws stipulate in detail the definition, classification, scope of protection, management responsibilities, and penalties for violations, ensuring the standardization and authority of cultural heritage protection work. The government has issued relevant policy documents to clarify the goals, tasks, and measures of cultural heritage protection, guiding governments at all levels and relevant departments to actively carry out cultural heritage protection work. The government has also formulated a series of policies to encourage and support cultural heritage protection, such as tax incentives and financial subsidies, attracting social capital to invest in cultural heritage protection.

The French government provides necessary financial support for cultural heritage protection, including funds for restoration projects, conservation, archaeological excavations, monitoring research, and other related areas. The government has also established special funds to support the protection and research of key cultural heritage projects, ensuring the smooth progress of cultural heritage protection work. The government is responsible for coordinating various resources, including human, material, and financial resources, to ensure the effective

implementation of cultural heritage protection efforts. Furthermore, the government actively promotes the research and application of cultural heritage protection technologies, enhancing the scientific and effective nature of cultural heritage conservation.

France has established a comprehensive regulatory mechanism for cultural heritage protection, overseeing and inspecting cultural heritage protection work to ensure that all protective measures are effectively implemented. The government has also set up specialized cultural heritage protection agencies responsible for the protection, management, and research of cultural heritage, ensuring the professionalism and standardization of cultural heritage protection work. The government has intensified its crackdown on illegal activities related to cultural heritage protection, severely punishing those who destroy cultural heritage to safeguard its integrity and security. Additionally, the government has strengthened the promotion and education of cultural heritage protection work, raising public awareness and understanding of cultural heritage conservation.

The French government encourages public participation in cultural heritage protection by hosting public lectures, exhibitions, cultural activities, and other events to raise public awareness and involvement in cultural heritage protection. The government actively promotes volunteer activities, encouraging the public to participate in the protection and restoration of cultural heritage. The government focuses on the education and popularization of cultural heritage protection, incorporating cultural heritage protection knowledge into the school education system to cultivate students' awareness of cultural heritage protection. The government also uses media and promotional channels to disseminate cultural heritage protection knowledge among the public, improving their cultural literacy and aesthetic abilities.

The French government actively participates in international cooperation on cultural heritage protection, sharing protection experiences and technological achievements with other countries to promote the development of global cultural heritage protection. The government also actively participates in international cultural heritage protection projects, such as those of the UNESCO World Heritage Program, contributing to international cultural heritage protection. By hosting international exhibitions and cultural exchange activities, the government showcases the charm and value of French cultural heritage, enhancing France's status and influence in the international cultural arena. The government also encourages and supports domestic cultural heritage protection institutions to exchange and cooperate with international organizations, jointly promoting the advancement and development of cultural heritage protection technology.

II. Comparative Study

Governments play a crucial role in cultural heritage conservation. Through formulating laws and regulations, strengthening law enforcement and supervision, and providing financial support, governments provide a solid legal guarantee and funding for cultural heritage conservation. Public participation is an important driving force in the development of cultural heritage conservation. By strengthening publicity and education, encouraging public participation, and other means, the public's awareness of cultural heritage conservation can be enhanced, forming a good situation of

government leadership and social participation. International cooperation is an important way for the development of cultural heritage conservation. By strengthening cooperation and exchanges with international cultural heritage conservation organizations, we can draw on international advanced experience and technological means to improve the level and efficiency of cultural heritage conservation work.

A. Comparison of Legal and Regulatory Systems

China has initially established a legal and regulatory system for intangible cultural heritage conservation, with local governments also issuing corresponding local regulations. Both national and local governments have formulated various policies and measures to strengthen the conservation and utilization of cultural heritage. Internationally, there are several conventions and guidelines that provide clear guidance and norms for signatory countries. Some countries also have detailed legislation and enforcement mechanisms at the local level. To ensure the effective implementation of international norms in China, China can further strengthen the connection between international conventions and domestic laws and regulations. By drawing on foreign experience, China can further refine local regulations and formulate more targeted conservation measures.

B. Comparison of Conservation Mechanisms and Measures

China's cultural heritage conservation is led by the government, which promotes conservation efforts. Societal groups, enterprises, and the public are encouraged to participate in cultural heritage conservation, gradually strengthening the role of technological means in cultural heritage conservation. Some countries have established integrated management systems to ensure comprehensive conservation of cultural heritage, emphasizing the role of communities in cultural heritage conservation, exploring public-private partnership models, and improving conservation efficiency and quality. China can learn from foreign integrated management systems to enhance the systematicness and scientificity of conservation efforts, further strengthen the role of communities in cultural heritage conservation, form a conservation mechanism led by the government and participated by communities, draw on foreign public-private partnership models, broaden funding sources, and improve the sustainability of conservation efforts.

C. Comparison of Inheritance Protection and Incentive Measures

A system of representative inheritors of intangible cultural heritage has been established. Policy support and incentive measures are provided to inheritors. Some countries protect the rights and interests of inheritors through legal means, while also establishing benefit-sharing mechanisms and attaching importance to professional training and education for inheritors. China can further improve its legal protection mechanism, establish benefit-sharing mechanisms, increase professional training and education for inheritors, and enhance their inheritance capabilities and levels.

D. Comparison of International Cooperation and Exchanges

China actively participates in international conventions and activities related to cultural heritage conservation, and conducts joint World Heritage applications with neighboring countries. Some countries have conducted extensive international cooperation in the field of cultural heritage conservation, establishing international exchange platforms to promote information sharing and experience exchanges. China can further strengthen cooperation and exchanges with other countries in the field of cultural heritage conservation, draw on foreign experience, establish international exchange platforms for cultural heritage conservation, and enhance China's influence and voice in the international field of cultural heritage conservation.

II. Suggestions for Strengthening Government Responsibility

A. The Core Position of Government Responsibility in Cultural Heritage Management

As the main body of cultural heritage management, the government's responsibility lies in formulating and enforcing laws and regulations, strengthening management and supervision, providing funding and resource support, promoting cultural inheritance and exchanges, and strengthening international cooperation and exchanges, among other aspects. The government's actions and decisions directly affect the effectiveness and sustainability of cultural heritage conservation efforts. Therefore, the government must assume its responsibilities and provide solid support for the conservation and inheritance of cultural heritage.

The government can establish a unified cultural heritage management department that is no longer affiliated with the Ministry of Culture, to strengthen the independence, professionalism, and authority of cultural heritage conservation. This department has unified management responsibilities and powers, able to coordinate and resolve major issues in cultural heritage conservation work. At the same time, cultural heritage can be classified into different levels such as national, provincial, and municipal levels based on their value and importance, implementing hierarchical management. This helps to better integrate resources and improve the efficiency and quality of cultural heritage conservation work.

B. Strengthening Normative Construction

a. Strengthening Legal and Regulatory Construction

The government continues to strengthen the legal and regulatory construction for cultural heritage conservation, improving the relevant legal and regulatory system. When formulating and enforcing laws and regulations, attention is paid to the pertinence and operability of the laws to ensure their effective implementation. At the same time, it is necessary to strengthen the publicity and education of laws and regulations, raising the public's legal awareness and cognition of cultural heritage conservation.

b. Strengthening Law Enforcement and Supervision

The government strengthens the effort and supervision of law enforcement in cultural heritage conservation. It establishes and improves law enforcement agencies and teams, improves the professional quality and working ability of law enforcement personnel. It strengthens the supervision, inspection, and evaluation of cultural heritage conservation work to promptly identify and correct existing problems. For violations

of the law, severe crackdowns and punishments will be imposed in accordance with the law to safeguard the legitimate rights and interests and order of cultural heritage. At the same time, a license system is implemented to ensure that managers possess relevant professional knowledge and skills. The government optimizes the structure of the cultural heritage conservation management team, streamlines the organization, and optimizes personnel allocation. Through deepening reforms, the efficiency and quality of cultural heritage conservation management work are improved.

C. Strengthening Government Responsibility and Commitment

The government continues to increase funding and resource investment in cultural heritage conservation. A sound fund management system and supervision mechanism are established to ensure the rational use and effective supervision of funds. At the same time, active efforts are made to obtain international funding and technical support, broaden financing channels, and provide a strong guarantee for cultural heritage conservation work. The government encourages donations from individuals, enterprises, and social groups for cultural heritage conservation. Through policies such as tax incentives, all sectors of society are encouraged to actively participate in cultural heritage conservation efforts. The government actively broadens financing channels for cultural heritage conservation to attract more investment in cultural heritage conservation work. This includes obtaining international funding and technical support, guiding social capital to participate in cultural heritage conservation projects, etc.

The government strengthens the construction and management of cultural heritage conservation institutions to improve the professionalism of cultural heritage conservation work. By strengthening personnel training, introducing professional talent, and other means, the working capabilities and levels of cultural heritage conservation institutions are improved. At the same time, the supervision and management of cultural heritage conservation institutions are strengthened to ensure that they fulfill their duties according to the law. Firstly, the management system is reformed, a unified management department is established, and hierarchical management is implemented; secondly, the investment mechanism is improved, financial input is increased, social donations are encouraged, and financing channels are broadened; thirdly, the team building is strengthened, personnel quality is improved, and the team structure is optimized; fourthly, science and technology are utilized, scientific research is strengthened, and high-tech is used; fifthly, publicity and education are strengthened, laws and regulations are popularized, public participation is increased, and the role of the media is leveraged. The government strengthens scientific research on cultural heritage conservation management work to obtain various basic materials and information on cultural heritage. Through scientific research, a scientific basis and technical support are provided for cultural heritage conservation. The government actively leverages the role of high-tech in cultural heritage conservation management work, increasing the technological content of cultural heritage conservation management. This includes using information technology, remote sensing technology, and other means to strengthen the monitoring and conservation of cultural heritage.

D. Promoting Public Participation and Cultural Education

The government intensifies efforts in promoting awareness and education regarding cultural heritage protection to elevate the entire society's consciousness on this matter. It disseminates knowledge on cultural heritage protection through exhibitions, lectures, promotional activities, and other means; enhances the visibility and influence of cultural heritage protection via media coverage and online dissemination; and cultivates awareness and responsibility among young people towards cultural heritage protection through school education and community activities. The government encourages public participation in cultural heritage protection efforts, leveraging the positive role of the public. It guides the public to actively engage in cultural heritage protection through the establishment of volunteer teams and the conduct of public welfare activities. Additionally, it enhances public engagement and satisfaction with cultural heritage protection work by establishing feedback mechanisms and soliciting public opinions.

The government promotes laws, regulations, and knowledge related to cultural heritage through awareness campaigns. It aims to inform more people about the importance and urgency of cultural heritage protection, thereby strengthening the public's awareness of this issue. These awareness campaigns also aim to increase public participation in cultural heritage protection, fostering a societal atmosphere of concern, care, and involvement in heritage conservation. The government leverages the role of news media to strengthen publicity and reporting on cultural heritage protection work. Through media supervision and promotion, it drives the in-depth advancement of cultural heritage protection efforts.

E. Enhancing International Cooperation and Exchange

a. Actively Participating in International Cooperation on Cultural Heritage Protection

The government actively engages in international cooperation and exchange activities related to cultural heritage protection, drawing on advanced international experiences and technological means to enhance the level and efficiency of cultural heritage protection work. It strengthens cooperation and exchange with other countries in the field of cultural heritage protection by joining international cultural heritage protection organizations and participating in international cultural heritage protection projects.

b. Promoting the Construction of International Cooperation Mechanisms for Cultural Heritage Protection

The government actively promotes the prosperous development of the cultural industry, achieving a benign interaction between cultural heritage protection and economic and social development. It increases support for the cultural industry, fostering market entities and industrial clusters in this sector. It enhances the innovation capability and brand building of the cultural industry, improving its core competitiveness and influence. At the same time, it emphasizes the organic integration of cultural heritage protection and cultural industry development, promoting the creative transformation and innovative development of cultural heritage.

Инновационные пути практического образования, основанного на компетентности, на основе новых гуманитарных дисциплин: на примере учебной программы по налоговому праву

Innovative Pathways for Competency-Based Practical Education in the Background of New Liberal Arts: A Case Study of Tax Law Curriculum[1]

Ли Юйхун
Пекинский объединенный университет
Ли Цзиньмэн
Шаньдунский профессиональный университет иностранных дел
Li Yuhong
Beijing Union University
Li Jinmeng
Shandong Vocational University of Foreign Affairs[2]

Abstract. Driven by the New Liberal Arts initiative and the national strategy for cultivating outstanding legal professionals, legal education is undergoing a paradigm shift from "knowledge transmission" to "competency development." Focusing on the highly applied and technical field of tax law, this paper employs the "competency-based" educational philosophy as its core analytical lens. It systematically diagnoses the structural shortcomings of traditional practical tax law instruction concerning objectives, content, methodology, and assessment. The paper constructs an innovative, theoretically coherent framework with clearly delineated pathways. This involves utilizing the principle of "backward design" to redefine teaching objectives oriented towards professional competencies; reconstructing the instructional process through a "dual-instructor collaborative" teaching community and "virtual-reality integrated" project-based learning; and establishing a "diversified and dynamic" developmental evaluation system to supplant singular, static assessments. The ultimate goal is to cultivate interdisciplinary, application-oriented legal talent equipped to navigate the complex challenges of the digital economy era.

Keywords: New Liberal Arts; Competency-Based Education; Tax Law Pedagogy; Teaching Reform

I. The Imperative of Contemporary Challenges and the Necessary Transformation in Legal Education

As we progress into the third decade of the 21st century, the technological revolution and industrial transformation, spearheaded by artificial intelligence and big data, combined with the overarching demand for modernizing the national governance system and capabilities, is fundamentally reshaping the form and substance of higher education. In this context, China's "New Liberal Arts" initiative has emerged. Its core

[1] This paper is a research result of the Beijing Union University Teaching Reform Project *"Exploration of Case Teaching for Juris Master under the Context of New Legal Education"* (Project No. JY2023Y004).

[2] Li jinmeng is the corresponding author of this paper

mission is to dismantle traditional disciplinary silos, foster cross-fertilization between the humanities, sciences, and engineering, and strengthen value-based guidance, all aimed at cultivating innovative, interdisciplinary talent to meet future societal needs. As a pivotal component of this initiative, the reform trajectory of legal education aligns closely with the national strategy to "refine a practice-oriented educational and training mechanism within law schools." Together, they signal a fundamental paradigm shift: from a "discipline-centric" model preoccupied with the systematic delivery of knowledge to a "competency-based" model focused on developing the capacity to solve complex real-world problems.

However, this conceptual consensus has not automatically translated into widespread pedagogical innovation. Currently, legal education in China, particularly instruction within specialized legal domains, remains entrenched in the predicament of a "theory-practice gap." Curricula frequently lag behind the rapid evolution of legal practice, teaching methodologies overemphasize lecturing at the expense of inquiry, and evaluation standards prioritize memorization over competency demonstration. Consequently, a significant chasm persists between the knowledge frameworks and skill sets of graduates and the actual demands of the legal profession. To address this pervasive challenge, selecting "Tax Law" as a focal point for reform research holds significant paradigmatic value. This field uniquely combines pronounced policy relevance, rigorous technical logic, interdisciplinary complexity, and high practical applicability. Therefore, using the tax law course as a "laboratory" to explore systematic, innovative pathways for "competency-based" practical education can not only resolve its inherent pedagogical dilemmas but also provide a verifiable and transferable theoretical model and practical framework for reforming legal education broadly, especially within other technically oriented legal fields.

II. The Legal Implications of the Competency-Based Educational Philosophy and the Reconstruction of Teaching Objectives

While originating in vocational education, the core tenet of Competency-Based Education (CBE)—designing all instructional objectives, content, and assessment around the comprehensive competencies required for professional practice—offers profound insights for contemporary legal education reform. Within the legal context, "competency" transcends the narrow application of statutory provisions; it constitutes a three-dimensional architecture encompassing "Knowledge, Skills, and Professional Dispositions."

In the knowledge dimension, it necessitates a shift from the static recall of legal rules toward a dynamic comprehension and synthesis of legal principles, institutional functions, and their socio-political-economic underpinnings. In the skills dimension, it includes traditional legal skills such as legal research, reasoning, evidence analysis, negotiation, and drafting, while also mandating the incorporation of new-era capabilities like data mining, risk modeling, and cross-domain solution design essential for the digital age. The dimension of professional dispositions emphasizes fostering a commitment to the rule of law, professional ethics, critical thinking, collaborative

ability, and capacity for lifelong learning. This philosophy resonates strongly with constructivist and situated learning theories, both of which posit that meaningful learning and competency development occur through active learner inquiry, collaboration, and practice within authentic or simulated complex contexts.

Guided by this theoretical foundation, the learning objectives for a tax law course must be fundamentally reconceived. Traditional objectives, often phrased as "mastering the basic elements and computational methods of various taxes," represent "declarative knowledge objectives." Under a CBE approach, objectives must be transformed into "performance-based behavioral objectives." Concretely, students should be able to: function as a tax attorney by designing a tax-efficient structure for a cross-border merger/acquisition and assessing its associated legal risks; perform as a corporate tax director by constructing a corporate tax health diagnostic model from financial data streams and formulating compliance optimization strategies; and operate as a tax policy analyst by tracking, interpreting, and reporting on cutting-edge developments such as green tax reforms under the "Dual Carbon" goals, including their sector-specific impacts. This reconceptualization repositions the course from "imparting tax law knowledge" to "cultivating competence in tax law practice," thereby providing a clear navigational blueprint for designing all subsequent instructional elements.

III. Core Dilemmas in Traditional Practical Tax Law Instruction in China

Despite increasing advocacy for reform, the practical teaching components in university-level tax law courses across China remain underdeveloped, facing several deep-seated, structural challenges.

First, a "Generational Divide" Between Instructional Content and Professional Practice. Tax law is arguably among the most frequently amended legal domains in China, characterized by rapid policy shifts and technical updates. However, inherent delays in revising textbooks and course syllabi often result in teaching content that is disconnected from the vanguard of administrative reforms—such as "smart taxation" and "data-driven tax governance"—as well as the latest preferential tax policies. Content that has become standard in professional practice, including tax big data analytics and intelligent tax risk indicator identification, is seldom integrated, creating a significant "temporal disconnect" between academic learning and professional application.

Second, Entrapment in the "Simplified Case-Stacking" Paradigm. While many courses attempt to incorporate "case method teaching," the cases employed are often "teaching illustrations" tailored to single, isolated legal concepts. These cases feature highly simplified fact patterns and possess single predetermined correct answers. Such constructs fail to simulate the complex decision-making environment of authentic tax practice—marked by informational ambiguity, rule conflicts, competing interests, and time constraints. Consequently, they are ineffective for cultivating students' higher-order abilities to manage uncertainty, exercise professional judgment, and formulate strategic choices. Practical exercises (e.g., simulated tax filing) can also devolve into

mechanical procedural drills, bearing little resemblance to the core competencies required for genuine tax planning or dispute resolution.

Third, "Collaborative Barriers" Among Instructional Stakeholders. Effective practical teaching necessitates deep integration between academia and the profession. However, full-time faculty members are often adept at theoretical scholarship yet removed from frontline practice. Practitioners from tax authorities, law firms, and corporations, while rich in experience, face constraints due to their adjunct status, limited availability, and, potentially, a lack of formal pedagogical training ("knowing the craft but not how to teach it"). Their involvement tends to be fragmented, often limited to guest lectures, making it difficult to weave their expertise seamlessly into a coherent curriculum and establish a stable, integrated "teaching community."

Fourth, "Directional Misalignment" of the Assessment System with Competency Goals. Evaluation remains predominantly reliant on final closed-book examinations, emphasizing accurate legal provision recall and procedural correctness in computational exercises. This "high-stakes, one-off" static assessment model is fundamentally incapable of effectively measuring students' developmental progress or ultimate proficiency in dimensions such as project collaboration, research report composition, simulated negotiation, or innovative problem-solving. It inadvertently reinforces the outdated "knowledge memorization supremacy" model, directly contradicting the aims of a competency-based approach.

IV. Innovative Design of a Systematic Instructional Framework for "Competency Cultivation"

Addressing the aforementioned dilemmas necessitates comprehensive, systematic pedagogical reform centered on "competency cultivation," constructing an integrated framework that aligns objectives, process, and assessment.

Pathway 1: Constructing an Integrated Curriculum Content System via "Backward Design." Course design must decisively abandon the traditional "textbook-driven" approach and adopt the "backward design" model from curriculum theory. The process begins by clearly defining the desired "competency outcomes" (i.e., the performance-based objectives outlined earlier). Next, one determines the "assessment evidence" required to demonstrate student attainment of these competencies. Only then does one plan the corresponding learning experiences and instructional activities. Under this logic, tax law course content should achieve a triple integration:

Theory-Practice Integration: Eliminate the artificial separation between theoretical and practical sessions. Instead, foundational theories—such as Value-Added Tax principles or Corporate Income Tax anti-avoidance rules—are naturally introduced and explored in-depth during the analysis of authentic, complex tax cases, transforming theory into a problem-solving toolkit rather than a corpus for rote memorization.

Rule-Technology Integration: Seamlessly embed digital skill modules—covering fundamentals of data analytics, Python for data acquisition and processing,

and data visualization techniques—into core teaching projects like "Tax Risk Assessment" or "Industry-Specific Tax Incentive Analysis." This cultivates students' ability to leverage technological tools to address modern tax law challenges.

Cross-Legal-Domain and Interdisciplinary Integration: Design comprehensive learning projects that span multiple tax types and integrate knowledge from corporate law, accounting, and even international political economy. For instance, a project titled "Comprehensive Tax and Legal Planning for the Lifecycle of a High-Tech Enterprise" could require students to synthesize tax law, intellectual property law, financing regulations, and accounting standards to design strategies addressing potential tax and legal issues from startup through to an initial public offering.

Pathway 2: Creating an Immersive Instructional Environment through "Dual-Instructor Collaboration" and "Virtual-Reality Integration." The implementation phase is critical for competency transformation, demanding innovation in both methodology and learning context.

Institutionalizing a "Dual-Instructor Collaborative" Teaching Community: Move beyond sporadic guest lectures by establishing long-term, stable, and structured collaborative teaching partnerships between university faculty and seasoned practitioners such as tax attorneys, Certified Public Accountants, and corporate tax executives. This partnership should aim for "co-researching, co-preparing, and co-teaching." Collaborators jointly develop original teaching cases aligned with learning objectives, co-plan lessons to identify optimal points for integrating theoretical explanation with practical analysis, and co-facilitate classroom discussions. This requires providing pedagogical training to practitioner-partners and formally recognizing and remunerating their teaching contributions within the academic system.

Advancing Deep Integration of "Project-Based Learning" and "Virtual Simulation": Structure the entire semester around driving, authentic projects. Complement this with virtual simulation technologies to construct highly immersive environments such as a "Smart Tax Audit Simulation System" or an "International Tax Arbitration Tribunal." Through role-playing within these virtual scenarios, students undertake tasks like evidence gathering, client interview simulation, and submission of legal arguments, gaining near-authentic, repeatable (and thus safely fail-able) learning experiences to practice high-stakes professional skills.

Pathway 3: Establishing a "Diversified, Dynamic, and Development-Oriented" Instructional Assessment Paradigm. As the primary driver of student effort, assessment must undergo fundamental reform to comprehensively reflect and foster competency development.

Diversifying Assessment Content: Significantly reduce the weighting of final written exams. Instead, construct a comprehensive assessment portfolio documenting the entire learning journey. Evaluation dimensions should encompass: the quality of project research reports; performance in simulated negotiations or hearings; level of contribution to team collaboration; depth and logical rigor of participation in seminars;

and critical reflection journals that demonstrate innovative thinking and personal insight.

Diversifying Assessment Actors: Form an "assessment community" involving the instructor, peers, student self-assessment, and invited external industry experts. For example, final project defenses could be evaluated by a panel including practitioners from partner organizations, providing direct feedback from the professional frontline.

Emphasizing the Formative Function of Assessment: Prioritize assessment's role in "promoting learning" ("assessment for learning") over its function merely for "assigning grades" ("assessment of learning"). Through embedded, timely, and constructive feedback, help students continuously identify gaps, adjust strategies, and achieve iterative competency growth, thereby making the assessment process itself a vital learning experience.

V. Support Systems and Future Prospects

The effective implementation of these innovative pathways relies on robust support systems and ecological development.

First, cultivating a "University-Government-Industry-Research" Collaborative Education Ecosystem. Universities must proactively forge strategic partnerships with tax authorities, law and accounting firms, and large enterprise groups. These collaborations should focus on co-establishing practical training bases, jointly compiling teaching case libraries, sharing (anonymized) data resources, and initiating collaborative research projects. Such deep engagement ensures a continuous infusion of cutting-edge practical problems, real-world data, and professional expertise into the instructional process, maintaining the course's relevance and dynamism.

Second, systematically empowering faculty through "Scholarship of Teaching and Learning" (SoTL). The success of any reform hinges on the teaching faculty. Instructors, particularly early-career academics, must be actively encouraged and supported to engage in SoTL—treating the research and innovation of teaching methods as serious scholarly work. Concurrently, mechanisms for faculty to undertake mid- to long-term secondments in professional practice settings should be enhanced, accompanied by systematic training in course design, case-method teaching, and educational technology application. This holistic approach aims to enhance instructors' overall capacity to design and implement competency-based pedagogy.

Looking forward, the reform of competency-based practical education in tax law under the New Liberal Arts banner represents a fundamental direction for legal education's response to contemporary exigencies. The tax law course paradigm offers transferable insights for other legal fields characterized by high complexity and technicality, such as financial law, intellectual property law, and data law. With the explosive advancement of technologies like generative artificial intelligence, future pedagogical innovations will likely further explore novel "human-AI collaboration" models – for instance, utilizing AI to generate personalized training scenarios, serve as a 24/7 simulated interlocutor, or provide intelligent feedback on the substance and style of student-authored legal documents. Nonetheless, irrespective of technological

evolution, the core of education remains human development. Adhering steadfastly to a "student development-centered" philosophy, creating a learning environment that activates potential and empowers growth, and cultivating outstanding legal professionals endowed with solid legal foundations, practical wisdom, a deep sense of social responsibility, and a global perspective, constitutes the fundamental and enduring objective of our relentless pursuit.

References

[1] Wang Shuhai. Adherence to Tradition and Innovative Practice in Cultivating Legal Talent within the Context of New Liberal Arts [J]. Teaching in Forest Regions, 2026, (01): 59-62.

[2] Yao Rongrong, Ye Hongying, Huang Lv, et al. The Current State and Reflections on Health Law in Postgraduate Medical Education under the "New Liberal Arts" Background [J]. Chinese Journal of Graduate Medical Education, 2026, 10(01): 57-60.

[3] Han Jialin. Research on the Cultivation of Legal Professionals in Universities under the New Liberal Arts Background [J]. Road to Success, 2025, (28): 1-4.

[4] Zheng Shuguang, Jiang Zhangyuan. Research on the Cultivation Mechanism for New Legal Talent: With the Construction of New Liberal Arts as the Epochal Context [J]. Journal of Hebei University of Technology (Social Sciences Edition), 2025, 17(01): 89-96.

[5] Jiang Ying, Huang Fen. From "Experiential" to "Verificational": Optimizing the Model of Legal Experimental Teaching under the "New Liberal Arts" Background [J]. Heilongjiang Researches on Higher Education, 2024, 42(07): 43-48.

[6] Xie Wei. Exploring Pathways for Reforming Chinese-Style Undergraduate Legal Education under the New Liberal Arts Background [J]. Guangxi Social Sciences, 2023, (08): 108-115.

Преобразующая ценность и практические пути получения обратной связи от коллег при обучении иностранных студентов, специализирующихся на преподавании китайского языка носителям других языков

Transformative Value and Practical Paths of Peer Feedback in the Training of International Students Majoring in Teaching Chinese to Speakers of Other Languages[1]

Лю Сяоди
Отдел международного обмена и сотрудничества
Пекинского объединенного университета, Пекин, Китай
Liu Xiaodie
Division of International Exchange and Cooperation, Beijing Union University, Beijing, China

Abstract. «China Education Modernization 2035» explicitly proposes innovating educational and teaching methods, and promoting heuristic, cooperative, and other teaching approaches. Peer feedback, integrating key elements such as feedback mechanisms, cooperative learning, metacognition, and self-management, has become an important practical form aligned with this educational reform orientation. Currently, the training system for international students majoring in Teaching Chinese to Speakers of Other Languages (TCSOL) in universities has a solid foundation in knowledge transmission, but there are significant shortcomings in the transformation towards professional teachers. Supported by cooperative learning theory, sociocultural theory (including the zone of proximal development and scaffolding theory), and activity theory, peer feedback demonstrates five core advantages in the training international students majoring in TCSOL: serving as a "converter" between theory and practice to realize the internalization and application of teaching theories; constructing a "multi-source, high-frequency, and low-threat" feedback ecosystem to break through the limitations of single-source feedback from supervisors; empowering the cultivation of critical reflection capabilities to promote students' transformation from technical imitators to reflective practitioners; nurturing a collaborative professional community to lay the foundation for future integration into teaching and research culture; and enhancing teaching diagnostic capabilities through "learning by doing" to realize the transfer and application of assessment skills. To ensure practical effectiveness, peer feedback must follow a systematic path of foundation building → implementation and circulation → metareflection and improvement. Systematic peer feedback practice can effectively make up for the shortcomings of traditional training models, promote the qualitative transformation of international TCSOL students from "knowledge holders" to "reflective practitioners", assist them in achieving the key transition from Chinese learners to professional Chinese teachers, and provide an innovative and feasible solution for universities to optimize the talent training system of TCSOL major and meet the needs of educational modernization development.

[1] This paper is supported by the Educational and Teaching Research and Reform Program of Beijing Union University, titled ”Research on and Practice of Peer Feedback in Teaching Chinese as a Second Language (CSL) Writing” (Grant no: JG2024Y003).

Keywords: International students majoring in TCSOL; Peer feedback; Teacher training; Practical paths; Professional development

Introduction

"China Education Modernization 2035" clearly states that "it is necessary to innovate educational and teaching methods, deepen teaching reforms, and promote heuristic, inquiry-based, participatory, cooperative, and other teaching methods". This strategic orientation not only requires updating teaching concepts but also calls for bold exploration in specific teaching practices to build a student-centered new classroom focusing on competence development.

Against this backdrop, the systematic application of "peer feedback", an efficient teaching strategy, in the training system of international undergraduate students majoring in TCSOL is of profound and great significance. This group has a dual identity: they are both international learners who need to improve their comprehensive Chinese application skills and cross-cultural communication capabilities, and future Chinese teachers who are about to step onto the podium and shoulder the mission of "imparting knowledge and educating people". The traditional teaching model dominated by one-way teacher input is difficult to fully meet their inherent needs for the development of compound capabilities.

The introduction of peer feedback is an active response and practical exploration of the spirit of "China Education Modernization 2035". Through structured mutual evaluation activities, the classroom is transformed into a dynamic and cooperative inquiry community. In this process, students are not only recipients of knowledge but also constructors, evaluators, and sharers of knowledge. By evaluating peers' lesson plans, simulated teaching, and language expressions, they can more profoundly reflect on and internalize teaching theories and language knowledge; by receiving feedback from peers with diverse cultural backgrounds, they can broaden their academic horizons and enhance cultural sensitivity, communication skills, and empathy, which are essential for international Chinese teachers.

Therefore, exploring and constructing a set of peer feedback teaching models suitable for international TCSOL students is not only an important supplement to existing teaching methods but also a forward-looking initiative to empower future teachers and cultivate their lifelong learning and development capabilities. It has important theoretical and practical value for promoting the modernization and professionalization of international Chinese education.

1. Existing Problems in the Current Training of International TCSOL Students

Currently, although the training of international TCSOL students in universities has a solid foundation in knowledge transmission, there are many prominent problems in the key link of transforming into "professional teachers", specifically as follows:

- Disconnection between theory and practice, forming an "knowledge-action gap". Students systematically learn theoretical knowledge such as linguistics, literature, and teaching methods, but lack effective guidance and practical opportunities to transform these theories into specific classroom teaching behaviors. For example, although students recognize the advantages of the "communicative teaching method",

they struggle to design a truly student-centered communicative classroom.

- Insufficient practical experience and ineffective feedback. Although universities arrange students to intern in cooperative units according to the training plan, there are obvious limitations: the duration of educational internships is too short and overly concentrated; interns are often treated as "teaching assistants" or even onlookers in cooperative units rather than being trained as core practitioners; at the same time, the professional level of supervisors and the investment of cooperative units vary, further affecting the quality of internships.
- Single feedback channel, with students in a passive acceptance position. The teaching feedback obtained by students mainly comes from supervisors, which is one-way, authoritative, and limited in quantity. Students lack multi-angle and continuous feedback stimulation, making it difficult to carry out in-depth reflection and self-improvement.
- Lack of cultivation of critical reflection capabilities, leading to a "mechanical memorizing, copying and imitating" phenomenon. Students are accustomed to accepting and imitating ready-made "standard answers", and lack the ability to conduct in-depth criticism and reflection on the concepts, effects, and shortcomings behind teaching behaviors, which is the core element of teachers' independent professional development.
- Weak awareness of collaborative professional community. The traditional university learning model is dominated by individual competition, and students lack experience in conducting professional dialogues and collaborative inquiries on teaching issues with peers. This results in their difficulty in effectively utilizing peer power to carry out teaching and research activities after entering educational positions in the future.
- Inadequate development of teaching assessment capabilities. Students have long participated in the training process as "the person being evaluated", but rarely receive special training on "how to assess others' teaching" or "how to evaluate students' learning outcomes". Assessment capability is a key professional skill for teachers to accurately grasp students' learning situation and dynamically adjust teaching strategies.

2. Theoretical Foundations of Peer Feedback

2.1 Cooperative Learning Theory: Constructing Knowledge through Interdependence and Interaction There are three core models for the occurrence and development of learning: individual, competitive, and cooperative (Zhang F. et al., 2015). Cooperative learning takes groups as the basic organizational form, and group members through clear division of labor, jointly promote the maximization of their own and others' learning effects, and then achieve common learning goals (Johnson & Johnson, 1989; Wu R. & He G., 2014).

Peer feedback itself is a form of high-intensity and high-quality facilitative interaction. As an important learning model, cooperative learning provides a platform for students to communicate with each other and negotiate meanings. In this model, students are in a dominant position, sharing and explaining personal views and reaching consensus through the use of various communicative strategies. This kind of

interaction is far more likely to stimulate cognitive processing than passive listening. In this process, they not only learn subject content but also practice social skills such as listening, communication, criticism, and acceptance in practice, and can also cultivate their "respectful, open, and inclusive critical literacy" (Pan L. & Song Y., 2016); at the same time, it allows students to gradually establish their dominant position in learning, helping to cultivate their independent problem-solving abilities and stimulate their learning enthusiasm (Li X. & Wei X., 2012). From the perspective of cooperative learning theory, peer feedback is far more than "mutual revision", but a micro-learning community aimed at achieving common academic goals and cultivating cooperative spirit and abilities. Compared with individual and competitive learning models, cooperative learning has significant advantages and is highly respected by experts and scholars in the field of language teaching.

2.2 Sociocultural Theory: Achieving Cognitive Leap within the "Zone of Proximal Development" Sociocultural theory is one of the core theories in the field of education. Among them, two key concepts, the "Zone of Proximal Development" and "scaffolding", provide a highly persuasive explanation for core peer feedback. The "Zone of Proximal Development" refers to "the distance between the actual developmental level as determined by independent problem-solving and the level of potential development as determined through problem-solving under adult guidance or in collaboration with more capable peers" (Vygotsky, 1978: 86); "scaffolding" initially refers to the learning support provided by experts (parents or teachers) to novices (children or students) within the zone of proximal development to promote the occurrence and development of learning (Wood et al., 1976). With the rise of cooperative learning models, the connotation of "scaffolding" has been further expanded, and its provider is no longer limited to experts; non-expert groups can also become constructors of scaffolding. That is, in the learning process, students can build peer scaffolding through cooperation to help each other solve problems (Xu Jinfen, 2016). The feedback process is an internalization process. In the process of evaluating peers' learning outcomes, feedback providers can test and reflect on their own learning effects and promote the formation of metacognitive abilities. To provide insightful comments, they must invoke and restructure their learned knowledge and externalize it into clear language or symbols, which is itself a form of in-depth cognitive processing and consolidation. Feedback recipients, by understanding and accepting (or revising) peers' suggestions, internalize these external dialogues into their own cognitive structures, which can optimize learning outcomes and improve learning effects. Therefore, peer feedback creates a two-way "Zone of Proximal Development", and both parties of the feedback complete cognitive leaps and joint construction of knowledge through social interaction, enriching and optimizing their own knowledge systems and promoting the development of independent learning. Therefore, the implementation process of peer feedback is essentially a process in which peers mutually build and provide "scaffolding" within their respective zones of proximal

development, belonging to a "scaffolding" interactive learning method (Wang Li, 2010).

2.3 Activity Theory: Examining Feedback Practice within a Complete Activity System Activity theory provides a more macro and systematic framework for examining peer feedback. Activity theory holds that in goal-oriented social practice, humans coordinate their relationships with the external world through a series of physical or non-physical mediating tools, thereby achieving cognitive and psychological development (Engeström, 2001; Lantolf & Thorne, 2006). According to activity theory, peer feedback is a social activity characterized by collectivity and cooperation. At present, many scholars at home and abroad have carried out multi-angle explorations on peer feedback based on this theoretical model, forming fruitful research results (Jin & Zhu, 2010; Yu, 2014; Zhang,L.& Cheng., 2018). In the activity system of peer feedback:

- The subject is the students participating in the feedback.
- The object (or goal) is the learning outcome to be improved (such as a composition or a lesson plan).
- The tools are various mediating tools that mediate the feedback process, including tangible ones (such as structured feedback checklists and scoring criteria) and intangible ones (such as feedback language and communication strategies).
- The community is the entire class or learning group.
- The rules are the feedback norms set by teachers (such as "affirm first, then suggest" and "put forward specific modification plans").
- The division of labor clarifies each role in the feedback activity (such as author and feedback provider).

In this activity, the feedback subject (students) acts on the feedback object with the help of various cognitive and sociocultural tools, and finally transforms the object into learning outcomes. This process of action is not completely independent and free, but is influenced and constrained by multiple factors such as mediating tools, rules and norms, learning communities, and division of labor.

3. Core Advantages of Peer Feedback

Targeting the existing problems in the current training of international TCSOL students, peer feedback practice shows significant application advantages, as follows:

1. Bridge advantage: A "converter" between theory and practice. When students use the learned teaching theories to evaluate peers' teaching designs, abstract theoretical knowledge is no longer just words on paper, but transformed into "lenses" and "tools" for analyzing problems. For example, using the "Input Hypothesis" to evaluate the appropriateness of peers' selection of reading materials, this process itself is the efficient internalization and practical application of theories.
2. Complementary advantage: Constructing a "multi-source, high-frequency, and low-threat" feedback ecosystem. Peer feedback breaks through the limitation of single-source feedback from supervisors, allowing students to obtain rich insights from different perspectives; feedback activities can be carried out at any time

during the course, with a frequency far exceeding the coverage of supervisors; at the same time, the equal peer relationship reduces the sense of tension and defensiveness brought by authoritative feedback, making students more willing to expose their own problems, boldly try and explore, and creating a safe psychological environment for in-depth reflection.

3. Empowerment advantage: Cultivating critical reflectors rather than technical imitators. The process of providing feedback is essentially a metacognitive activity. Students need to conduct in-depth thinking around questions such as "what is the peer's goal/intention", "what teaching methods/vocabulary/grammar are adopted", "why is this method effective or ineffective", and "how would I optimize it if I were in charge". This continuous critical inquiry is the core path for cultivating reflective practitioners.

4. Community advantage: Nurturing a collaborative professional community. Peer feedback is essentially a professional dialogue activity. Through the cyclic mechanism of "presentation—observation—feedback—reflection", students gradually master the ability to communicate in professional language, put forward viewpoints based on evidence, and support each other for common growth, laying a solid foundation for future integration into a healthy school teaching and research culture.

5. Transfer advantage: Learning assessment through "doing" to enhance teaching diagnostic capabilities. The process of evaluating peers' teaching is a direct way to practice teaching diagnostic capabilities. By identifying problems in peers' lesson plans and analyzing mistakes in simulated teaching, students will have stronger accuracy and insight when evaluating their own students' learning outcomes in the future.

4. Practical Paths of Peer Feedback

To ensure the effectiveness of peer feedback and avoid mere formality, systematic design is required. Taking peer feedback based on students' compositions as an example, the specific practical paths are as follows:

4.1 Phase 1: Foundation Building

- Shaping awareness and creating an atmosphere. Clearly explain the core value of peer feedback to students, emphasize that its core purpose is to "promote common progress" rather than "conduct personal judgment", and jointly establish classroom norms of "respect, trust, and constructiveness".
- Providing framework and tool support. Formulate clear assessment criteria and provide students with clear assessment scales or observation checklists to ensure that feedback activities are carried out in an orderly manner.
- Carrying out feedback model training. Select typical cases, design structured feedback checklists and templates, and help students gradually master accurate and friendly feedback skills through three rounds of practice: "demonstration—simulation —review".

4.2 Phase 2: Implementation and Circulation Construct a spiral-up practical cycle mechanism and apply peer feedback to different types of learning tasks and scenarios:

- Feedback practice based on assignment analysis (applicable to compositions, translations, etc.): Students complete the first draft of the assignment → peers record and write feedback comments according to the feedback checklist → students revise and improve in combination with the feedback. The core significance of this model is to allow students to practice language error correction skills, learn methods to balance content feedback and form feedback, and improve their ability to write encouraging comments.
- Feedback workshop based on lesson plan/courseware design: Students complete the first draft of the lesson plan according to the task checklist → conduct "peer review" within the group → revise and optimize in combination with peers' feedback comments. Its core goal is to focus on key issues such as the rationality of teaching objectives, the logic of activity sequences, and the consistency between assessment methods and objectives, so as to improve students' curriculum design capabilities.
- Feedback cycle based on microteaching/simulated classroom: Students prepare lessons according to the task checklist → conduct an 8-10 minute teaching presentation → peers record and write feedback according to the feedback checklist → conduct oral feedback within the group → students revise and improve in combination with the feedback. This model focuses on dimensions such as the application of teaching methods, classroom management, teaching demeanor, and courseware design, and strives to exercise students' classroom observation and teaching analysis capabilities.
- Feedback practice based on academic papers/graduation projects: Students write papers according to the task checklist → peers record and write feedback according to the feedback checklist → conduct oral feedback within the group → students revise and improve in combination with the feedback. Its core value is to improve students' academic literacy, logical thinking ability, and research rigor, laying a foundation for future teaching and research paper writing.

4.3 Phase 3: Metareflection and Improvement

- Carrying out "feedback on feedback". Not only pay attention to the gains of feedback recipients, but also guide feedback providers to reflect: "Is the feedback I provided specific and constructive? Did the other party accept it? What are the reasons for not being accepted?"
- Teachers act as "directors" and "scaffolds". Teachers conduct patrol guidance during the peer feedback process, intervene in a timely manner, demonstrate high-level feedback cases, and guide students to deepen the depth of discussion; as students' feedback capabilities gradually improve, teachers should gradually reduce direct intervention and realize "fading-out" guidance.

5. Application Value of Peer Feedback

5.1 Core Value for Students as "Future Teachers"

- Deepening the understanding of teaching assessment criteria. By evaluating peers' teaching practices, students need to actively apply abstract theoretical concepts such as "fluency", "accuracy", and "pragmatic competence", and think about practical issues such as "what kind of Chinese expression is appropriate and correct" and "what kind of feedback can enable students to effectively understand and master", realizing the transformation from "knowing" to "applying", converting theoretical knowledge into operable assessment capabilities, and consolidating the foundation of teachers' professional literacy.
- Developing accurate teaching diagnostic capabilities. Excellent teachers can not only identify students' learning mistakes but also diagnose the underlying reasons behind the mistakes (such as incorrect vocabulary collocation, vocabulary confusion, or unclear grammatical concepts). In the process of providing feedback to peers, students need to practice this diagnostic thinking and put forward constructive improvement suggestions instead of just marking mistakes, which will directly enhance their future classroom problem-solving capabilities.
- Improving teaching communication and feedback skills. Future teachers need to master efficient ways to deliver feedback to ensure that the feedback is effectively accepted by students without damaging their self-confidence. Peer feedback practice provides a safe test field for students, enabling them to learn to start feedback with positive and encouraging language, clearly point out problems, and put forward operable improvement suggestions, so as to enhance key teacher-student interaction skills.
- Promoting the development of critical reflection and metacognitive capabilities. The process of evaluating peers' teaching is essentially a high-level learning process of "learning by teaching". In this process, students will unconsciously reflect on their own teaching concepts and practices: "Why didn't I think of the peer's excellent method?" "Do I have similar problems as the peer's mistakes?" This kind of comparative reflection can greatly promote the development of metacognitive capabilities, that is, the cognition and monitoring of their own teaching thinking, which is the core driving force for teachers' lifelong professional growth.

5.2 Sustained Value for Students as "Language Learners"

- Consolidating and activating language knowledge. When reviewing peers' English compositions, translation exercises, or oral expressions, to provide persuasive feedback, students need to actively invoke their own language knowledge such as vocabulary, grammar, discourse, and rhetoric, and judge the appropriateness of their application. This active and in-depth language processing process is more effective in consolidating and internalizing language rules than passively accepting teachers' corrections.
- Enhancing reader/listener awareness. As feedback providers, students need to play the role of "ideal readers" or "target students", forcing themselves to think about questions such as "is this expression clear and understandable" and "can the

target audience effectively receive the information". This strong audience awareness will in turn improve the clarity and effectiveness of students' own language output and teaching design.

- Constructing a collaborative learning professional community culture. Peer feedback cultivates students' professional habits of cooperation, sharing, and mutual support, making them realize the importance of collective wisdom for teaching improvement in communication, and laying a solid psychological and behavioral foundation for their future participation in teaching and research activities and peer observation after entering schools.

6. Conclusion and Implementation Suggestions

Although the traditional teacher training model can cultivate "knowledge holders", it is difficult to effectively cultivate "reflective practitioners". Systematic peer feedback practice, by creating a safe, high-frequency, and professional standard-based cooperative learning environment, accurately makes up for the shortcomings of the traditional training model. It is not only a training ground for teaching skills but also an incubator for educational wisdom, critical thinking, and cooperative spirit, and a key initiative to promote the qualitative transformation of prospective teachers from "students" to "professionals".

For senior international students majoring in TCSOL, peer feedback practice is a comprehensive high-level training that integrates the three identities of "student", "prospective teacher", and "cooperator". It is not only a training ground for teaching skills but also an incubator for educational concepts and a strengthener for professional identity. It can effectively help students complete the key transformation from "Chinese-proficient learners" to "professional talents who know how to teach Chinese", providing comprehensive and solid preparation for their upcoming teaching careers.

To maximize the application value of peer feedback, avoid mere formality or conflicts, teachers need to focus on the following four points:

- Provide clear frameworks and standards, and issue feedback checklists or assessment scales to ensure that students have rules to follow in feedback.
- Carry out systematic training and demonstration, and clarify the feedback standards of "specificity, constructiveness, and respect" through comparative analysis of effective and ineffective feedback cases.
- Create a safe psychological environment, and repeatedly emphasize that the core purpose of feedback is common progress rather than personal criticism.
- Guide students to carry out feedback reflection, focusing not only on "how to give feedback" but also on "how to receive and use feedback", and regard it as an important professional capability for cultivation.

REFERENCES

[1] Engeström,Y. Expansive learning at work:Toward an activity theoretical reconceptualization[J]. Journal of Education and Work,2001(1):133-156.

[2] Jin,L.&W. Zhu. Dynamic motives in ESL computer-mediated peer response[J]. Computers and Composition,2010(4):284-303.

[3] Johnson,D.&R. Johnson. Cooperative learning:What special educators need to know[J]. The Pointer,1989(1):5-10.

[4] Lantolf,J. P.&S. L. Thorne. Sociocultural Theory and the Genesis of Second Language Development[M]. Oxford:Oxford University Press,2006.

[5] Li, X., & Wei, X. Research on the Effect of Peer Feedback on L2 writing: A review and implications. Journal of Ocean University of China (Social Sciences Edition), 2012(3), 104-109.(Chinese)

[6] Pan, L., & Song, Y. Cooperative Learning and the Cultivation of Critical Thinking Competency. Foreign Languages and Their Teaching,2016 (2), 97-105.(Chinese)

[7] Vygotsky,L. S. Mind in Society:The Development of Higher Psychological Processes[M]. Cambridge:Harvard University Press,1978.

[8] Wang, L. The Effects of Synchronous Online Peer Review on English Majors' Writing Motivation and Writing Performance. Contemporary Foreign Languages Studies, 2010(11), 52-55. (Chinese)

[9] Wood, D., Bruner, J.&G. Ross. The role of tutoring in problem solving[J]. Journal of Child Psychology and Psychiatry,1976(2):89-100.

[10] Wu, R., & He, G. Effects of Cooperative Learning Application on College English Writing Teaching. Foreign Language Education,2014 (3), 44-47.(Chinese)

[11] Xu, J. An Investigation into Peer Scaffolding in Small Groups among College English Classrooms, 2016(1), 15-23.(Chinese)

[12] Yu,S. Understanding Chinese EFL Students' Participation in Group Peer Feedback of L2 Writing:A Sociocultural and Activity Theory Perspective[D]. The Chinese University of Hong Kong,2014.

[13] Zhang, F., Cheng, X., & Yan, G. Charting the Course of the Theoretical Exploration of Peer Review in Writing. Journal of Northeast Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition), 2015(4), 226-229.(Chinese)

Zhang, L. J., & Cheng, X. (2018). An "Activity Theory" perspective on Chinese EFL learners' peer feedback strategies. Foreign Language Education, (6), 57-63.(Chinese)

Построение юридических методов с точки зрения марксистской философии

The Construction of Jurisprudential Methods from the Perspective of Marxist Philosophy

Лю Цзинцзюань
Профессор Колледжа прикладных искусств и науки
Пекинского объединенного университета
Е Тяньи
Колледж прикладных искусств и науки
Пекинского объединенного университета
Liu Jingjuan
Professor of College of Applied Arts and Science
Beijing Union University
Ye Tianyi
College of Applied Arts and Science
Beijing Union University

Abstract. Promoting the sinicization of Marxism is an important method to promote the construction of socialism with Chinese characteristics, which requires us to creatively combine Marxism with Chinese national conditions. As an applied discipline, jurisprudence has a high degree of compatibility with Marxist philosophical thought, and the promotion of the organic combination of jurisprudence and Marxist philosophy can provide jurisprudence with the guidance of scientific methodology, and can also promote Marxism to manifest the characteristics of the times. The construction of the methodology of jurisprudence under the perspective of Marxist philosophy requires deepening and improving the understanding of jurisprudence, forming a scientific problem-solving system, as well as adhering to the value concept of people-centered.

Keywords: Marxist philosophy, Jurisprudential Methods, Jurisprudential understanding, Problem-solving system, People-centered

Marxist thought is a major innovative achievement in human intellectual civilization. Marx, through his investigation into the capitalist society and in-depth summary of human society, elucidated the fundamental contradiction of human society and thereby revealed the essence of human society, forming Marxist philosophy and historical materialism, enriching and perfecting the basic ideas and concepts of philosophy. The Marxist philosophy theory has played an important guiding role in the development of contemporary society. The Communist Party of China, as a proletarian party, has always adhered to the basic theories of Marxism and used Marxist philosophy ideas to guide practice and lead the development of our society. President Xi Jinping pointed out that it is necessary to clarify the major tasks of the sinicization(with Chinese characteristics) of Marxism, and to focus on promoting the

systematization and rationalization of the Party's theoretical innovations.[1] Law, as an applied discipline, needs to be combined with Chinese actual situation to build a scientific and reasonable learning method. This requires us to use Marxist philosophy to guide practice. The construction of legal methods requires adherence to the methodology of Marxist philosophy, deepening and improving the level of legal awareness, forming a scientific problem-solving system in practice, and adhering to the value concept of people-centered.

1. Deepening and improving the level of jurisprudential understanding

According to Marx, the world can be explored, and cognition is a dynamic response to the real world. In jurisprudence, the prerequisite for deepening the process of cognition is the formation of basic understanding in learning and exploration. Improving the level of awareness in jurisprudence requires an understanding of the basic concepts of jurisprudence. In the process of learning law, it is necessary to lay a good theoretical foundation and have a solid basic knowledge, which is reflected in the correct understanding and clarification of basic concepts. Basic concepts in legal concepts, which are clearly stipulated in the law or form the nature of legal generalizations. For the determination of the basic concepts, need to explore in the provisions of our laws, but also in the study of relevant legal doctrine, to facilitate a more comprehensive understanding. Jurisprudence is a huge discipline, different legal departments have different basic concepts, such as the "fundamental rights and duties of citizens" in *Constitution*, *Criminal Law* is the nature of the "provisions of the crime, criminal responsibility and punishment of the sum of legal norms" , the concept of "legal person" in *Civil Code*, and the identification of "administrative counterpart" in *Administrative Law*. The identification of basic legal concepts is a prerequisite for the development of legal literacy and the deepening of the level of legal understanding.

Recognition should be dynamic and evolving. Deepening and improving jurisprudential understanding requires that, after understanding the basic concepts of jurisprudence, the learner's subjective initiative be brought into play to discard existing understanding and form the correct understanding, i.e., the truth. Therefore, jurisprudential understanding should be a process of continuous deepening, rather than exploring only the existing legal provisions, otherwise it will lead to the machine acceptance of jurisprudential ideas and fall into the stage of stubborn understanding. Recognition is subjective and differs from person to person, and the study of jurisprudence should be a process of collision and exchange of ideas, which requires the learning process to form a critical thinking, continuous thinking, cultivate the logic of scientific jurisprudential thinking, and form a more complete understanding of jurisprudence.

2. Formulating scientific problem-solving system

According to Marx, philosophy is not only in a different way the world, the problem is to change the world. Study of law not only to have a deep theoretical background, the formation of a more complete understanding of jurisprudence, but also

to serve the real situation, the role of the specific practice, through different research methods to find problems, solve problems.

(I) adhere to the specific analysis of specific problems, the study of different areas of jurisprudence

Practice is the core concept of Marxist philosophy, specific analysis of specific problems is Marxism "living soul". Zippelius R. believes that the law is the regulation of behavior, and its function is to solve legal problems in a just manner. [3] Therefore, jurisprudence as an applied discipline, to fulfill the social task of solving problems. Chinese legal system is complete, and each legal department has its main problems of research, and the legal profession has also discussed these problems extensively. For learners, identifying problems requires understanding society and focusing on the core issues of legal studies in social practice. For instance, in recent years, with the development of artificial intelligence(AI), it has been widely used in data processing of personal information because of its powerful computing power and high efficiency in processing data. However, during the processing, highly sensitive information involving personal privacy, such as personal situation, bank card number, medical situation and basic location, is very prone to leakage and theft by lawless elements. Therefore, in regard to the protection of personal privacy, corresponding measures are being studied in the fields of civil law, criminal law and administrative law, and proposals have been made to improve the relevant laws. Another example is the determination of "undermining nation spirit or hurting national sentiment" in the second and third paragraphs of Article 34 of the draft revision of *Law on Public Security Administration Punishments* which has aroused extensive discussion in society and academia, with everyone agreeing that detailed criteria should be formulated for the determination of "national spirit" and "national sentiment" to avoid the abuse of administrative penalties. In addition to the core issues in society, the merits of specific cases can also be a channel to identify problems. In Bei v. Haining traffic police brigade administrative penalty case, for pedestrians briefly stay in the crosswalk whether belongs to *Road Traffic Safety Law article* 47 paragraph 1 "is passing through the crosswalk" of the determination of the situation. [4] This involves not only administrative law, but also issues of legal interpretation and filling of legal loopholes. [5] The channels to find problems are diverse, good at finding problems, is the necessary qualities of law students.

(ii) Identifying commonalities in problems and forming systematic solutions

After the discovery of the problem, the most important thing is to solve the problem. An important step in problem solving lies in summarizing, extracting commonalities from specific problems and forming a logical problem system. Extracting commonalities is an important part of exercising problem awareness and thinking ability, and it is an important process for learners to move from passive acceptance of ideas to independent thinking. It requires an analytical approach from the particular to the general, just like the extraction of common factorization, a process of induction and condensation. For instance, the codification of China, why the

formulation of *Civil Code* is relatively smooth and widely recognized by academics and society, while the process of codification of *Administrative Law* has been blocked, and has never reached a consensus. Behind the codification problem is reflected in the degree of development of the localization of the law. [6] In ancient China, despite the adoption of the civil and criminal unity of the codification system, but involving civil-related laws are still widely applicable, so the civil law in our country has a deep legal roots and legal soil, even if *Civil Code* is an imported form of law, in the process of legal localization is relatively smooth. And *Administrative Law* as a legal concept of inheritance, the localization process in our country is not long, there is no a suitable legal environment, resulting in the codification process of the code is hindered.

Refining problems means analyzing the common essence from different problems and forming a systematic approach to solving them, and it also requires divergent thinking to find different perspectives for solving problems. Citing the example of the problem of gender discrimination encountered by women in employment, it can be analyzed from the "Basic Rights and Duties of Citizens" in *Constitution*, the protection of labor rights in *Labor Law* and the provisions on the norms of labor contract formation in *Labor Contract Law*, and the provisions on the protection of women's rights and interests in Law on the Protection of Women's Rights and Interests, so as to avoid a single perspective and a theoretical approach to the problem. In the process of analyzing and solving problems, it is necessary to avoid quick success and quick profit, maintain the spirit of exploration and down-to-earth style, so as to make the study really useful.

(iii) Innovative problem-solving methods

After the formation of the problem-solving method system, it is also important to continue to improve and innovate, to form a more scientific system. For the old method, not to be able to wholesale denial, but to dialectical negation, constantly abandon. As we analyze jurisprudence in the value of the law part, to break the original system in the analysis of jurisprudence within the method of the value of the law combined with sectoral law, through comparative analysis, the provisions of sectoral law with the jurisprudence of the content of the evidence. Such as the value of the freedom of law, can be reflected in the civil law of the conclusion of the contract means true and voluntary. In case analysis, for example, the traditional method is to search for specific cases and relevant judgments, and then analyze them according to the scholars' discussions and legal interpretations. With the development of big data, the case search can not only retrieve individual cases, but also quickly search for related cases, and learners can compare the judgment results of a class of cases to form a systematic understanding and analysis of the class of cases. All of the above methods are innovative on the basis of the original method, which in turn better forms the inheritance and development between methods.

3. Adherence to people-centered values

Marx believed that the masses are the creators and main body of society and history. After improving legal awareness and mastering the scientific system of

problem-solving methods, the basic value judgment of jurisprudence, that is, the construction of the legal pattern, needs to adhere to the value concept of people-centeredness. Adhering to people-centeredness is the fundamental position of Xi Jinping Thought on the Rule of Law, and it is also an important main line of socialist thought with Chinese characteristics. Every law has the people-centered value of safeguarding the rights of citizens, such as *Constitution*, which provides for the fundamental rights of citizens and includes "respect for and safeguarding of human rights" in the *Constitution*, *Criminal Law*, which protects the personal and property rights of citizens, and *Civil Code*, which recognizes the infringement of rights. In the process of studying law, we should always pay attention to safeguard the interests of the people, and really put the law into practice, integrate it into people's lives, and increase the temperature of the law. In the long-term study, the formation of their own value judgment, based on the thinking of the law, the appropriate increase in the subjective emotional color, and rational legal thinking, so that the law is more humanism.

The prototype character of the movie "Dying to survive" Lu Yong, who suffers from chronic myelocytic leukemia(CML), such as to stabilize the condition must be a long time to take medication, but the price of drugs for the treatment of the disease is too expensive, resulting in Lu Yong and other patients can hardly afford. By chance, Lu Yong learned that another produces generic anticancer drugs with similar efficacy, after taking found to be effective, then Lu Yong in the patient group to share the news, patients successively entrusted Lu Yong to help buy. Subsequently, Lu Yong's behavior was investigated, after a number of investigations, the procuratorate withdrew its decision to prosecute Lu Yong, and the court ruled in favor of the case. The case is the perfect embodiment of the combination of "jurisprudence" and "reasoning". Lu Yong's behavior violated the criminal law and was suspected of "obstructing the management of credit cards" and "selling counterfeit medicines", but in the ruling, the judge took into account Lu Yong's purpose of protecting the lives and health of patients, and referred to the views of public opinion, and concluded that he subjectively did not commit a crime. The judge agreed with the decision to exempt Lu Yong from prosecution, taking into account the fact that he did not subjectively commit the crime and objectively did not cause the result, though still. The decision of this case, fully embodies the medical dilemma of expensive medical treatment, patients through other ways of treatment to protect their health, gradually become a legal consideration, reflecting the temperature of the law, is the law to protect the rights of citizens, adhere to the people-oriented show. In the learning process, we should adhere to the people-centered, resolutely safeguard the basic rights of citizens, in solving problems, and actively respond to the new expectations of the people of society, so that the law is more warm, and truly become a safeguard for the rights of the book.

4. Conclusion

Marxist philosophy contains a lot of wisdom in problem solving, through effective use, and effective combination of disciplines, to make learning useful, to solve

practical problems, and to highlight the value connotation of the socialist rule of law system with Chinese characteristics in the new era, which needs to be continuously explored and summarized by the learners of jurisprudence. Deepening and improving the understanding of jurisprudence is the foundation of learning jurisprudence and the prerequisite for cultivating a sense of problem; constructing a scientific problem-solving system requires adhering to the method of concrete analysis of specific problems, studying the problems of concern to different legal departments, and then forming a systematic problem-solving system through refining and summarizing, and improving it continuously; adhering to the value concept of people-oriented, cultivating and constructing the pattern of jurisprudence, so as to make the law useful for learning , and effectively safeguard the rights of citizens. Organic combination of jurisprudence and Marxist philosophy, improve the method of jurisprudence at the same time, let Marxism and Chinese actual combination, highlighting the value of Marxism in the new era.

REFERENCE

[1] Xi Jinping. (2023). *A New Frontier in Adapting Marxism to the Chinese Context and the Needs of the Times. QiuShi, volume* (20).

[2] Yang Renshou. (2012). *Methodology of Law.* China: China University of Political Science and Law Press.

[3] Zippelius. (2006). *Methodology of Law.* China: Law Press.

[4] Zhang Jiansheng, HuMinhao, ZhaYunfei. (2020). *One Hundred Selections of Administrative Law Cases.* China: Law Press.

[5] Zhang Jiansheng. (2019). *General Introduction to Modern Administrative Law*. China: Law Press.

[6] Huang Hui, Yu Shiyu. (2023). *Reflection and Response: the Path of Codification of Administrative Law in China. Rule of Law Forum*, *volume* (67).

Исследование институциональной интеграции Экологического кодекса в построении правового государства для экологической цивилизации

Research on the Institutional Integration of the Ecological Environment Code in the Construction of the Rule of Law for Ecological Civilization

Лю Юся
Пекинский объединенный университет
LiuYuXia[1]
Beijing Union University

Abstract. Under the national strategy of incorporating ecological civilization construction into the orbit of the rule of law, the compilation of the ecological environment code is a crucial path to address the fragmentation of current environmental laws and achieve systematic governance of "mountains, waters, forests, farmlands, lakes, grasslands, and deserts." Guided by the concept of "a community of life for humanity and nature," this paper analyzes the specific requirements of the rule of law for ecological civilization regarding the institutional integration of the code. It explores the integration logic of codification from three dimensions: value integration, norm coordination, and implementation mechanism innovation, providing theoretical support for constructing a modern environmental legal system that aligns with ecological civilization construction.

Keywords: Ecological civilization; Ecological environment code; Environmental rule of law

Introduction

(I) The Era Background of Compiling the Ecological Environment Code

Since the 18th National Congress of the Communist Party of China, ecological civilization construction has been incorporated into the "Five - in - One" overall layout, and the goal of "harmonious co - existence between humanity and nature" in Chinese - style modernization has been established, which poses higher requirements for the ecological environment rule of law. The 14th Standing Committee of the National People's Congress has included the compilation of the ecological environment code in the legislative plan, clearly taking Xi Jinping Thought on Ecological Civilization as the guide. The aim is to transform the Party's policies into national laws through codification, thus stabilizing the strategic position of ecological civilization construction. The "Ten Persistences" in Xi Jinping Thought on Ecological Civilization, such as the Party's overall leadership over ecological civilization construction and the concept that lucid waters and lush mountains are invaluable assets, provide fundamental guidelines for the compilation of the code. Facing global challenges like climate change and biodiversity loss, China is making a magnificent transformation from a "follower" in global environmental governance to a "leader". Compiling the ecological environment code is not only a requirement for domestic rule - of - law construction but also an important way to contribute China's solutions to the world. The codification practices in countries like Sweden and Germany have shown that

[1] Master of Laws of Beijing Union University

codification is an effective way to enhance the effectiveness of environmental governance. China's ecological environment code needs to draw on international experience, highlight its local characteristics, and promote the reshaping of global environmental governance rules.

(II) Research Significance of Compiling the Ecological Environment Code

Theoretically, the research on compiling the ecological environment code constructs an interdisciplinary research framework that combines "ecological civilization rule of law" and "codification". When researchers carefully distinguish between the two distinct "galactic channels" of "loose - type code" and "integrated - type code", they are actually clearing the fog for the "cosmos" of environmental law. This interdisciplinary research helps to break through the limitations of traditional department - law thinking, promotes the transformation of environmental law from a policy tool to an independent legal department, and improves the theoretical system of the socialist legal system with Chinese characteristics. Practically, by sorting out the structural flaws of existing legal systems, extracting the core rules of ecological environment governance, and incorporating systems such as the "dual - carbon" goal and ecological compensation into the code framework, we can achieve the leap of legal norms from fragmentation to systematization. This provides stable and efficient institutional support for ecological environment governance and helps to realize the goal of building a beautiful China through legal means.

IThe Theoretical Foundation of Institutional Integration from the Perspective of the Rule of Law for Ecological Civilization

(I) Interpretation of Core Concepts

The philosophical core of ecological civilization lies in transcending the binary opposition between "anthropocentrism" and "ecocentrism" and forming an "ecological holism" methodology.[1] The traditional legal system, grounded in the philosophy of "subject - object dichotomy", regards nature as an object to be conquered. This perspective has led to a disconnection between ecological protection and economic development. In this framework, nature is merely seen as a resource for human exploitation, and the focus is mainly on human - centered interests, neglecting the well - being of the ecological system as a whole. As a result, short - term economic gains often come at the expense of long - term ecological stability.In contrast, the rule of law for ecological civilization ushers in a new era with the concept of the "community of life". It not only values the intrinsic value of nature but also emphasizes the systematic interconnections among mountains, waters, forests, farmlands, lakes, grasslands, and deserts. It recognizes that every component of the ecosystem plays a vital role and is interdependent. For instance, forests are not only sources of timber but also crucial for water conservation, soil protection, and providing habitats for countless species. The assertion in Xi Jinping Thought on Ecological Civilization that "mountains, waters, forests, farmlands, lakes, grasslands, and deserts are a community of life" provides an ontological basis for the institutional integration of the code. This requires a fundamental shift in the legal approach, from the protection of single elements to the

[1] Xun Qingzhi. A Study on the Philosophical Foundation of the Theory of Ecological Civilization [M]. Beijing: Peking University Press, 2023.

overall governance of the ecosystem. In the ecological protection section of the code, for example, a cross - regional ecological function area protection system can be established. This system would take into account the ecological integrity of large - scale areas, transcending administrative boundaries to ensure the sustainable development of ecosystems. Different regions have different ecological functions, and by coordinating protection efforts across regions, we can better safeguard the overall ecological balance.

In the pollution prevention and control section, a multi - pollutant collaborative control mechanism can be established. Instead of dealing with each pollutant in isolation, this mechanism would consider the complex interactions between various pollutants in the environment. For example, air pollutants may interact with water pollutants, and their combined effects on the ecosystem can be far more severe than their individual impacts. By implementing a collaborative control mechanism, we can more effectively address environmental pollution and protect the ecological environment.

(II) Theoretical Support System

The ecological civilization theory provides core guidance for institutional integration. The legal practice of the "Two Mountains" theory is like a golden key. Through the innovation of property rights systems and trading mechanisms, it unlocks the legal channels for the transformation of ecological value, enabling clear waters and lush mountains to be smoothly converted into gold and silver mountains, and activating the economic potential of ecological resources. The concept of the "community of life" is like a pair of powerful hands that break down the barriers of traditional departmental laws operating in isolation. It regards the ecosystem as an organic whole and promotes the law to shift from fragmented protection to systematic protection of all elements and the entire chain. The theory of the modernization of the rule of law injects new vitality into institutional integration. From the perspective of good law and good governance, the ecological environment code is like a precise gearbox. It integrates scattered rules, clarifies the boundaries of rights and responsibilities, and improves implementation efficiency, allowing ecological governance to operate in a standardized manner on a unified track. The dynamic code concept endows the code with a sense of "breath" - it is not a rigid collection of provisions, but an ecosystem that interacts with single - line laws, policies, and technical standards. It can be updated dynamically in response to environmental changes and governance requirements, always maintaining the sensitivity and vitality of the system.

(III) Special Requirements of the Rule of Law for Ecological Civilization on Institutional Integration

In traditional environmental legal relationships, the focus has been primarily on the "human-human" dimension, such as the interactions between polluters and victims. This narrow perspective often overlooks the comprehensive protection of the natural ecosystem. In contrast, the rule of law for ecological civilization broadens the scope of legal relationships, establishing a ternary structure of "human - nature - human." This innovative structure serves a two - fold purpose: it not only regulates human activities related to the exploitation and utilization of nature, thereby clarifying humanity's

obligations towards the natural world, but also standardizes the social relationships that arise from ecological damage, such as the mechanisms for ecological environmental damage compensation. For instance, the "ecological environment damage restoration liability" clause in the ecological environment code exemplifies this comprehensive approach. It not only mandates that those who cause damage take responsibility for restoring the affected natural environment, setting specific requirements and timelines for restoration work, but also details the roles and responsibilities of the government and the public in the restoration process. The government is tasked with formulating supervision guidelines, conducting regular inspections, and providing necessary technical support, while the public is empowered to report violations, participate in public hearings regarding restoration plans, and offer suggestions for improvement. This dual - sided protection mechanism ensures that the interests of both the natural ecosystem and the public are safeguarded, reflecting a more holistic and sustainable approach to environmental governance.

IIThe Current Situation of the System and the Dilemmas of Integration in the Construction of China's Ecological Civilization Rule of Law

(I) Assessment of the Adaptability of the Current Institutional System to Ecological Civilization

"Ecological civilization construction is a fundamental project related to the sustainable development of the Chinese nation... We should adhere to the harmonious coexistence between man and nature and build an ecological civilization system."[1] China's construction of the rule of law for ecological civilization has initially established an institutional framework for the protection of the ecosystem. As a fundamental law in the field of ecological environment, the Environmental Protection Law covers elements such as the atmosphere, water, soil, and forests, and establishes the basic principles of "giving priority to protection, focusing on prevention, and conducting comprehensive treatment", providing guidance for subsequent special legislation. However, element-based legislation has led to a "treating the symptoms only" approach to governance. For example, the Mineral Resources Law is oriented towards resource development and emphasizes the economic attributes of resources. However, it is in sharp contrast to the concept of giving priority to ecological protection upheld by the Regulations on Nature Reserves, resulting in an imbalance between the goals of resource development and ecological protection. Another example is that the Soil Pollution Prevention and Control Law and the Land Administration Law have inconsistent standards in the control of construction land. The former focuses on the technical standards for pollution prevention, while the latter pays more attention to land use control. This fragmentation of regulations makes it difficult to effectively connect soil pollution treatment with land development and utilization. Policies such as the "Three Lines and One List" (ecological protection red line, environmental quality bottom line, upper limit of resource utilization, and environmental access list) and ecological environment damage compensation have been transformed into legal

[1] Xi Jinping. Promote the Ecological Civilization Construction in China to a New Level [M]. Selected Important Documents since the 19th National Congress of the Communist Party of China: Volume I. Beijing: Central Party Literature Press, 2019.

systems, but some fields still rely on policy-driven measures. For example, the legalization path of the "dual carbon" goal is not clear, and systems such as carbon emission trading and carbon sink trading lack high-level legal support. There is an urgent need for the code to provide top-level design.

(II) Core Contradictions in Institutional Integration

At the objective level, the balance between "development quality" and "ecological security" has become a bottleneck problem in institutional integration. Take new energy projects as an example. During the environmental impact assessment process, it is often the case that project construction has an adverse impact on biodiversity protection. How to ensure energy transformation and improve development quality while maintaining the integrity and stability of the ecosystem has become a challenge in system design. On the other hand, the ecological protection red line delimited by the central government is like an "ecological protective suit with a unified national size", but when implemented locally, there are "body shape differences": in some places, the red line is "too tight", restricting economic development; in some places, the red line is "too loose", and the intensity of ecological protection is reduced. The contradiction between "one-size-fits-all" and "individualization" makes the implementation of the system seem like an "awkward dance for two". Contradictions at the normative level further restrict the advancement of institutional integration. The "green principle" established in the Civil Code injects the connotation of ecological protection into civil legal relations, but there is a lack of effective connection with the "incentive clauses" in the Circular Economy Promotion Law during the implementation process, making it difficult for civil liabilities for ecological protection and economic incentive measures to work in concert. The pollutant discharge standard system also has significant defects. The method of dividing water and air pollutant discharge standards by industry is inconsistent with the overall protection requirements of river basins and regions, resulting in ecological governance being like patching a quilt with rags, always lacking a seamless and integral "patch", and unable to meet the needs of the overall governance of the ecosystem. Problems at the implementation level directly affect the actual effectiveness of institutional integration. "Integration requires breaking through the fragmentation of departmental functions and realizing hierarchical integration and the construction of public-private cooperation mechanisms through the rule of law."[1] Although the "vertical reform of environmental protection" has enhanced the independence of ecological environment law enforcement to a certain extent, the cross-departmental coordination mechanism is still imperfect. There are many obstacles in the division of responsibilities, data sharing, and law enforcement linkage between the ecological environment department and natural resources department. During the reform process of the "three-in-one" trial of environmental resources, due to the differences in evidence rules for criminal, civil, and administrative cases, different judgments for the same case often occur, and the authority of judicial judgments is like crumpled paper that can never be smoothed out. In addition, there are overlaps in the scope of

[1] Du Hui. The Jurisprudence and Progression of the Reform of the Ecological and Environmental Law Enforcement System [J]. Jiangxi Social Sciences, 2022(8).

application, procedural rules, and compensation standards between the environmental public interest litigation system and the ecological environment damage compensation system, resulting in the continuous loss of judicial resources in this "internal consumption of the system", further exacerbating the implementation dilemma of ecological environment governance. Therefore, it is necessary to "protect the ecological environment with the strictest systems and the most rigorous rule of law, improve the accountability and damage compensation systems, and strengthen the legal guarantee for green development."[1]

IIIInternational Experiences and Inspirations of Institutional Integration under the Guidance of the Rule of Law for Ecological Civilization

(I) Codification Practices of the Rule of Law for Ecological Civilization in Typical Countries

"The convergence of environmental legislation in various countries is manifested as an increased relevance in the scope of adjustment, and codification has become a legislative trend in developed countries."[2] In the process of codifying the construction of the rule of law for ecological civilization, Germany's exploration is highly representative. Its Draft Environmental Code adopts the classic structure of "general provisions - specific provisions". The preventive principle is established in the general provisions to prevent environmental risks at the source, and the specific provisions uniformly regulate the emissions of various pollutants, forming a strict environmental governance system. The later revised Federal Nature Conservation Act takes the concept of the "ecological network" as the core, organically integrating systems such as habitat protection and species management, breaking through the limitations of the traditional fragmented governance of ecological elements, and achieving the overall protection of the ecosystem. In contrast, France is like a flexible puzzle player. The Environmental Code "pieces together" by elements such as water, the atmosphere, and soil. Although the structure is loose, it is clear and intuitive, giving each environmental element its own "legal instruction manual". Singapore, on the other hand, has blazed a new trail in the construction of the rule of law for ecological civilization. It deeply integrates the carbon emission reduction target into the whole process norms of urban development, such as land use and building energy conservation, and promotes the transformation of cities towards green and low-carbon development through legal means, providing an innovative model for urban ecological civilization construction.

(II) Inspirations for China

"The systematic integration of the current relevant laws by the ecological environment code does not blindly pursue being a comprehensive and all-inclusive compilation. Instead, it places more emphasis on overall coordination... By adopting a dual-source approach, it allows the code and single-line laws to coexist and establishes

[1] Gan Zangchun. On the Ecological Civilization Rule of Law Theory in Xi Jinping Thought on the Rule of Law [J]. China Rule of Law, 2025(1).

[2] Wang Jin. On the Convergence of Global Environmental Legislation [J]. Peking University Law Journal, 1998(2).

a connection mechanism."[1] Drawing on the experiences of various countries, China's ecological environment code does not need to pursue the "encyclopedic" model of being "big and comprehensive". Such a code is like a giant suitcase filled with miscellaneous items. Although it seems to cover everything, it is cumbersome and difficult to handle. We actually need a "practical toolbox" featuring "moderate integration + functional collaboration", focusing on core issues such as pollution prevention and control and ecological protection, and refining key laws and governance mechanisms into handy "tools" that can not only meet overall needs but also be flexibly applied in different scenarios. In the design of the code structure, it is particularly important to construct a flexible system of "principled provisions + differential detailed rules". China has a vast territory and significant differences in ecological environments. By establishing the basic criteria of the rule of law for ecological civilization through principled provisions and reserving differential detailed rule clauses for special regions such as ethnic areas and ecologically fragile areas, we can ensure the unity of the code while reflecting the wisdom of governance tailored to local conditions. In addition, by setting "special clause authorizations" to allow single-line laws to be preferentially applied in specific fields, the code can maintain its overall rigidity and also be flexible enough to "adapt". Furthermore, China should strengthen the "policy legalization" mechanism. Innovative policies such as the "River Chief System" and the "Forest Chief System" have achieved remarkable results in ecological governance practice. However, policies are relatively lacking in stability and authority. Transforming these successful policy practices into rigid norms in the code can not only consolidate the achievements of ecological governance but also provide long-term institutional guarantees for ecological civilization construction. Through such "local adaptations", China's ecological environment code can not only carry forward the "baton" of international experience but also firmly base itself on China's national conditions, installing a more powerful "institutional engine" for the rule of law of ecological civilization.

IVThe Path of Institutional Integration of the Ecological Environment Code under the Rule of Law of Ecological Civilization

(I) Value Integration: Constructing the Code Value System of the Rule of Law for Ecological Civilization

Under the guidance of ecological civilization rule of law, the value integration of the ecological environment code is like reshaping the "spiritual core" of the legal system. The reconstruction of the legislative purpose clause is the core, and it should clearly establish "promoting ecological civilization construction and achieving a life community of human and nature" as the ultimate goal. This expression breaks away from the traditional anthropocentric limitations and deeply binds the intrinsic value of the ecosystem with the long-term well-being of humanity. At the same time, it actively connects with the "dual carbon" goals and adds the principle of "responding to climate change", enabling the code to not only protect the current green mountains and clear waters but also navigate the "waves" of future climate crises. "Ecological civilization construction system innovation and legal practice are the core

[1] Lü Zhongmei. The Basic Propositions of Compiling China's Ecological and Environmental Code [J]. Journal of China University of Geosciences (Social Sciences Edition), 2025(1).

topics of modern environmental law research, which need to be advanced through systematic integration from the dimensions of natural resource property rights system reform, ecological compensation rule of law leap, and multi-level legislation construction."[1] The integration of basic principles further strengthens the value core of ecological civilization rule of law. Unifying the five major principles of "protection priority, prevention first, systematic governance, liability for damage, and public participation" forms a closely linked value chain, providing all-round protection for ecological environment security from source prevention to post-event accountability. On this basis, the addition of the "ecological space justice" principle is of profound significance, aiming to ensure the balance of environmental rights and development opportunities in different regions. By using differentiated rules to break the "one-size-fits-all" governance deadlock, it not only safeguards the survival and development needs of ecologically fragile areas but also ensures that developed regions assume corresponding ecological responsibilities, achieving substantive fairness in ecological governance.

(II) Standard Integration: Building a Legal Rule System with Holistic Ecosystem Considerations

Standard integration endeavors to break through the limitations of traditional element-based segmented legislation, aiming to construct a legal rule system centered around the integrity of ecosystems. This innovative approach recognizes that ecosystems are interconnected and dynamic entities, and thus, legal regulations should reflect this holistic nature rather than treating environmental elements in isolation. In terms of structural design, the general provisions serve as the "cornerstone of the rule of law," providing a solid foundation for the entire legal framework. They systematically plan fundamental systems such as ecological and environmental standards and compensation mechanisms, establishing a unified benchmark for the implementation of specific provisions. This unified standardization ensures that all subsequent legal applications and regulations are consistent and coherent, avoiding discrepancies and contradictions that may arise from fragmented legislative approaches. The specific provisions are scientifically categorized based on "ecosystem functions." The "Ecosystem Space Regulation" section integrates systems related to territorial space planning, nature reserves, and ecological redlines, enabling comprehensive control over ecological spaces. By combining these disparate but interrelated systems, it creates a seamless regulatory network that safeguards the integrity and functionality of ecological areas. The "Resource Circular Utilization" section aligns with laws such as the Circular Economy Promotion Law and the Solid Waste Pollution Prevention and Control Law, promoting the efficient use of resources and synergistic development of the ecological economy. This not only reduces waste and environmental pollution but also stimulates the growth of sustainable economic models. The "Regional Coordination" section sets special clauses according to the characteristics of river basins and regions. For example, it authorizes the Yangtze River Basin to establish an inter-provincial mutual recognition mechanism for ecological and

[1] Du Qun, Che Dongsheng. The Construction of the Rule of Law for Ecological Civilization and Institutional Innovation [J]. Journal of Nanjing Tech University (Social Science Edition), 2017(4).

environmental standards, effectively addressing the challenges of coordinated governance across administrative boundaries. This mechanism promotes cooperation and information sharing among regions, enhancing the overall effectiveness of environmental governance. The conflict resolution mechanism is a crucial safeguard for standard integration. It establishes the legal application rule of "ecological priority." When conflicts arise between economic development and ecological protection, the principles of the code are given precedence to ensure that the bottom line of ecological security remains unbreachable. This reflects the overarching goal of balancing economic growth with environmental sustainability, emphasizing that environmental protection should not be sacrificed for short-term economic gains. Additionally, a dynamic connection mechanism between laws and technical standards is established. The code empowers the Ministry of Ecology and Environment to regularly update technical specifications such as carbon emission standards, enabling the legal system to "automatically evolve" in response to environmental changes and technological advancements. This ensures that the legal framework remains highly relevant and effective, capable of precisely addressing emerging environmental issues and challenges.

(III) Integration of Implementation Mechanisms: Building a Modern Ecological and Environmental Governance System

The integration of implementation mechanisms focuses on breaking through the "last mile" barrier in ecological and environmental governance, aiming to establish a modern governance system with multi-party collaboration. This is essential for bridging the gap between policy formulation and practical implementation, ensuring that ecological and environmental protection measures are effectively carried out at all levels. In terms of the law enforcement mechanism, the establishment of the "Unified Ecological and Environmental Supervision Committee" plays a pivotal role. This committee coordinates the law enforcement forces across multiple departments, including those responsible for ecological environment, natural resources, and water conservancy. By doing so, it overcomes the previous fragmentation where different departments operated independently. Additionally, a pilot program is launched for the collaborative mechanism involving "environmental police" and "ecological prosecutors." This transformation from separate operations to joint combat not only enhances the deterrence of law enforcement but also improves its professionalism. Through unified command and cooperation, various law enforcement resources can be optimized, and the efficiency of environmental law enforcement can be significantly increased. Moreover, codifying the "Legal Responsibilities of River/Lake Chiefs and Forest Chiefs" is a crucial step. It clearly defines the procedural rules for the lifelong accountability of Party and government leading cadres for ecological and environmental damage. This change turns the ecological responsibilities of local Party and government leaders from a "soft indicator" into a "hard constraint," effectively strengthening their sense of responsibility and ensuring that local ecological governance responsibilities are solidly implemented. The improvement of the judicial mechanism provides a solid guarantee for ecological and environmental rights and interests. Establishing an "Ecological Restoration Liability List" is a detailed measure.

It further elaborates on the restoration methods specified in the code, such as on-site restoration and off-site compensation. To address the issue of financial security for ecological restoration, an ecological and environmental damage compensation fund is set up. This ensures that damaged ecosystems can be promptly restored, protecting the overall ecological balance. Moreover, the creation of the "Priority Application of Environmental Public Interest Litigation" clause is of great significance. It clearly defines the scope of application for public interest litigation and private interest litigation, effectively resolving the problem of procedural competition. This not only simplifies the litigation process but also improves the efficiency of judicial relief, enabling timely protection of ecological and environmental rights. The construction of the social mechanism aims to stimulate the participation vitality of multiple subjects. Using the code to label enterprises with "transparency labels" requires them to compulsorily disclose environmental information. This makes polluting behaviors unable to hide in the dark, promoting enterprises to fulfill their environmental responsibilities actively. At the same time, establishing an "Ecological Protection Public Participation List" clearly defines specific rules such as the qualifications for public hearings and plaintiffs in environmental public interest litigation. This effectively safeguards the public's right to know, participate, and supervise. As a result, a new pattern of ecological and environmental governance is formed, where the government takes the lead, enterprises take responsibility for treatment, and the public conducts supervision. This comprehensive governance system combines the advantages of different subjects, promoting the sustainable development of the ecological environment.

V Conclusions and Prospects: Codification as a New Starting Point for the Rule of Law in Ecological Civilization

(I) Research Conclusions

The Ecological and Environmental Code serves as the pivotal carrier for the transformation of ecological civilization rule of law construction from a fragmented state to a systematic one. The integration of its institutional framework must be anchored in the logical thread of "holistic ecosystem integrity." Ecosystems are intricate, organic networks where even a minor change can trigger far - reaching consequences across the entire system. Traditional legislative approaches often treated environmental elements in isolation, such as separately regulating air quality, water resources, and soil protection without adequately considering their interconnections. This fragmented approach has led to gaps and inconsistencies in environmental governance, failing to address complex ecological challenges comprehensively. By contrast, constructing the code system from a holistic perspective means recognizing that air, water, soil, and biodiversity are all interdependent components of a larger ecological whole. This requires integrating previously disjointed regulations, policies, and management mechanisms into a unified legal framework. For instance, when formulating provisions related to water pollution control, the code must also consider how it impacts aquatic ecosystems, the quality of soil adjacent to water bodies, and the overall air quality in the region. Only through such a comprehensive and integrated approach can we achieve thorough and effective protection of the ecological

environment. This not only enhances the legal system's coherence and effectiveness but also provides a more robust legal basis for sustainable development, ensuring that human activities are harmoniously aligned with ecological needs.“The integration of the code should take the "ecological legal interest" as the core, and realize the transformation of the concept of ecological civilization into the regulatory system through three aspects: the economic system perspective, the philosophical value perspective, and the ethical balance perspective.”[1] As a "milestone project" in the rule of law for ecological civilization, the compilation of the code is not simply a relocation of legal provisions, but rather a "comprehensive upgrade" of the governance system. Establishing an integration path not only responds to the practical needs of China's ecological and environmental governance but also provides a Chinese solution for the codification of global environmental laws. Codification is not just the integration of legal texts; it is a systematic reconstruction of governance concepts, institutional logic, and implementation mechanisms. This marks the entry of China's rule of law for ecological civilization into the "code era".

(II) Future Prospects

As the digital wave sweeps through the field of ecological civilization, the integration of "Digital Ecological Civilization" and the code is becoming the "intelligent key" to breaking the deadlock in the future. The codification of the environmental data sharing mechanism helps to break down the data barriers between departments, enabling the efficient circulation and collaborative utilization of environmental information. Embedding blockchain monitoring technology into the code system, by taking advantage of its characteristics of immutability and traceability, can enhance the authenticity and reliability of environmental monitoring, providing strong support for environmental law enforcement and judicial proceedings. Through the deep integration of digital technology and the code, we can promote the ecological and environmental governance towards intelligence and precision, and create a new situation in the construction of the rule of law for ecological civilization in the digital age. On the landscape of global ecological governance, China's exploration of the ecological and environmental code is emerging as a remarkable "Chinese coordinate". The experience in the formulation and implementation of China's ecological and environmental code can provide a Chinese rule template for green investments along the Belt and Road Initiative. By transforming China's institutional advantages in ecological and environmental protection, green development, and other aspects into international rules, we can not only encourage countries along the routes to jointly address ecological and environmental challenges but also enhance China's voice and influence in global ecological governance. This will contribute to the building of a community with a shared future for mankind, offer China's wisdom and strength to the global ecological civilization construction, and translate the concept of a community with a shared future for mankind into practical actions to safeguard our global homeland within the lines of the code.

[1] Chen Yuheng. The Coordinated Application of the Environmental Code and the Criminal Code [J]. Journal of China University of Geosciences (Social Sciences Edition), 2024(5).

Продвижение глобального управления безопасностью через международное верховенство права: последствия, пути и перспективы

Advancing Global Security Governance through the International Rule of Law: Implications, Pathways and Prospects

Ма Мэнцзя
Колледж прикладных искусств и наук
Пекинского объединенного университета
Ma Mengjia
College of Applied Arts and Sciences,
Beijing Union University

Abstract. The current global security situation is complex and severe, and it is of great significance to promote international security governance through the rule of law. This paper analyses the significance of the rule of law in addressing security challenges, building a legal system, perfecting the governance pattern, and promoting the democratization of international relations, elaborates on the paths of strengthening the formulation of rules of international law and enhancing the effectiveness of international organizations, and looks forward to addressing new challenges, deepening cooperation and promoting digital transformation, so as to provide rule of law ideas for global security governance.

Keywords: international rule of law; global security governance; rules of international law; effectiveness of international organizations

I. Introduction

The world today is experiencing a major change unprecedented in a

century, and the global security situation is complex and full of uncertainties. Traditional security threats such as regional conflicts, military confrontation, and nuclear proliferation remain serious, while non-traditional security threats such as terrorism, transnational crime, cybersecurity, and climate change are becoming more and more prominent, and are intertwined with each other, posing great challenges to the survival and development of mankind. Against this background, the rule of law has become the inevitable choice of the international community to promote global security governance. As a rule-based approach to global governance, the international rule of law can provide global security governance with a clear code of conduct, an effective dispute resolution mechanism, and a stable institutional framework, helping countries to address global security challenges on the basis of equality, fairness, and cooperation, and maintaining world peace and stability. An in-depth discussion of its significance, path, and outlook is of great significance in promoting the modernization of global security governance.

2.The Significance of Promoting Global Security Governance with the International Rule of Law

2. Urgent Need to Address Serious Challenges to Global Security Global security system faces the risk of being torn apart requent regional conflicts and hotspot issues are tearing apart the global security system. Take the Russia-Ukraine conflict as an example, its impact has far exceeded Russia and Ukraine. Militarily, both sides have

invested in a large number of advanced weapons, and cities have been reduced to ruins. According to the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR), millions of Ukrainians have been displaced by the conflict and have become refugees, facing multiple hardships such as hunger and disease, as well as a large number of civilian casualties and broken families. Economically, as Russia and Ukraine are important energy and food exporters, the conflict has impacted the relevant global markets. Russia's energy exports are restricted, energy supply shortages and price increases in European countries are rising, and there are increased costs for enterprises and residents living. Ukraine's food exports are blocked, the global food supply chain is disrupted, prices rise, and developing countries that rely on its food imports face food shortages and the threat of famine. Geopolitically, the conflict has intensified the strategic confrontation between NATO and Russia. NATO is expanding eastward, strengthening its military deployment around Russia, and increasing the scale of its exercises; Russia is strengthening its military forces on its western border and developing new types of weapons. Both sides in the military, diplomatic, economic, and other areas of intense competition, so the security situation in Europe is tense, but also led to the East and West security system rift widening, the global security system to withstand a huge tearing pressure.

The Palestinian-Israeli conflict continues to deteriorate and has become a source of instability in the Middle East. Both sides have used heavy weapons to destroy civilian facilities, and hospitals and schools in the Gaza Strip have been targeted, resulting in a large number of civilian casualties. Israel's military actions have been condemned by the international community, but they continue, to affect neighboring countries and complicate the regional situation. Hot spots hot war and geopolitical cold war intertwined, the East and West and the North and South security system contradictions highlighted, the global security system is facing a serious test. There is no doubt that the challenges facing global security today are unprecedented in scale, There is no doubt that the challenges to global security today are unprecedented in scale, breadth and complexity, and that we must therefore act together. We must act together.[1]

Malfunctioning of the Global Collective Security System ‘Security challenges exceed the capacity of the United Nations to respond’. [2]The collective security system established after World War II, with the United Nations at its core, has failed to give full play to its effectiveness in the current complex situation. In the Russian-Ukrainian conflict and the Israeli-Palestinian conflict, the United Nations has convened emergency meetings several times, but it is difficult to reach an effective resolution to stop the conflicts due to the differences among member states. At the beginning of the Russian-Ukrainian conflict, the Security Council's consultations were inconclusive, with the United States and other Western countries pushing an agenda that was not favorable to Russia, and Russia resolutely defending its interests, which led to a stalemate in the Security Council. In the Israeli-

Palestinian conflict, the United Nations appealed for a ceasefire to no avail, and Israel continued its military operations with the support of the United States; the United Nations lacked effective mediation means and mechanisms, and there were also problems of inefficiency and slow decision-making in dealing with other international

security affairs, and resolutions were often difficult to adopt or implement due to the interests of major powers, which triggered the concern of all countries about the fragility of the system and the questioning of the United Nation's ability to maintain security, and its authority and credibility were undermined. Its authority and credibility have been undermined.

2.1 International Security Crisis Becomes More and More Prominent The international financial crisis of 2009 dealt a heavy blow to the obal economy. The financial systems of Western countries collapsed, banks failed, stock markets plummeted, and unemployment rose. The bankruptcy of the Lehman Brothers Bank in the United States triggered panic in the financial market, freezing the credit market and making it difficult for enterprises to raise funds, with a large number of enterprises going bankrupt, workers losing their jobs, and social instability increasing. The economies of developing countries are also in trouble. The economic recession in Western countries has led to a decline in the demand for their products, affecting the export trade of developing countries, a reduction in international capital flows, a decline in the inflow of foreign capital, a decrease in foreign exchange reserves and an increase in the debt burden. Developing countries relying on the export of primary commodities have seen their foreign exchange earnings fall as a result of plummeting prices, and their economic development has come to a standstill. Since then, the United States has unilaterally launched trade wars and technological wars against China, exacerbating international economic instability. The United States imposed tariffs on China, restricted investment and mergers and acquisitions, suppressed high-tech enterprises, and banned the sale of chips, etc., which harmed the interests of China and the United States, damaged the global industrial chain, supply chain, and value chain, and multinational enterprises adjusted their production layouts, increased costs, and reduced efficiency. At the same time, the rise of emerging economies, the slow recovery of the Western economy, and the fierce competition for international economic dominance. Emerging economies in the global economy enhance the status of the world's economic growth rate contributing to the increase in the West's lack of economic recovery, the adoption of protectionist measures, and emerging economies and friction intensified.

In the field of international security, traditional security threats in hotspots such as Ukraine, the Middle East, the Korean Peninsula, and the South China Sea have escalated, and non-traditional security threats are intertwined. Regional conflicts have continued, military investment has increased, and the situation is tense. Global issues such as climate change, the food crisis, and the energy crisis also threaten international security. The international situation is chaotic, and humankind faces the risk of large-scale wars and challenges to the themes of peace and development. In this situation, promoting global security governance with the international rule of law can regulate the behavior of countries, avoid the escalation and expansion of conflicts, promote the process of the rule of law, and resolve international crises and problems.

The Way to Build a Global Security Legal System

Keeping the Righteous: Adhering to the Basic Principles of the International Rule of Law

2.1.1 To build a global security legal system, it is necessary to abide by the right principles, incorporate global security governance into the international rule of law, carry out all-round and multi-level institutionalization, rule-based and normative construction, and establish a scientific, perfect, and operable legal framework covering various fields and links. In the area of military security, a strict arms trade treaty should be formulated to regulate the import and export of arms, clarify the norms and guidelines for military operations, and prevent the abuse of force. In the area of nuclear non-proliferation, international cooperation should be strengthened and mechanisms improved to monitor nuclear-weapon States. In the area of economic security, formulate rules to prevent trade protectionism, maintain a fair and free trade order, strengthen financial supervision, and safeguard the stability of the financial system. In the area of energy security, a cooperation and sharing mechanism should be established, market rules formulated, and the security and stability of energy supply guaranteed. At the same time, the basic theory of international law should be strictly followed, and the basic principles, systems, rules, and norms should be adhered to. The principle of sovereign equality of states requires that all states have equal status and rights in international relations, the principle of non-interference in internal affairs prohibits interference in the internal affairs of other states, and the principle of peaceful settlement of international disputes advocates the settlement of disputes through peaceful means. The theory of international law shall not be overturned arbitrarily, violating the principles and destroying the system, rules, and norms, to guarantee a solid legal basis for global security governance and safeguard the legitimate rights and interests of all countries as well as international peace and stability.

Innovation: Adapting to Changes in the International Security Situation

Scientific and technological development and the evolution of international relations have brought about new security challenges, and international security international law needs to be innovative. In the field of cyber security, cyber-attacks, espionage, terrorism, and other threats to national security and social stability, it is necessary to formulate conventions and agreements on cyberspace sovereignty, cybercrime punishment, cyber data protection, etc., to clarify the scope of sovereignty and the rights and obligations of all countries, to formulate standards for the identification of crimes and punitive measures, and to strengthen data protection. The rapid development of artificial intelligence has brought about security risks such as weaponization and algorithmic discrimination, so it is necessary to formulate rules and guidelines on AI ethics, safety standards, and liability determination, clarify the ethical principles of

R&D and application, formulate safety standards, and clarify the mechanism for liability determination. Focusing on several areas, we should gradually compile and develop complete international security conventions, agreements, rules, and guidelines to provide a legal basis and guarantee for global security, drive the practice of the rule of law through international law innovation, and promote the process of the rule of law.

2.1. Inherent Requirements for Improving the Construction of the Global Governance System

2.1.1 The international rule of law is a core element of the global governance system.

The global governance system covers a wide range of security principles, regulations, rules, systems, norms, and procedures, and the international rule of law is its core element, providing uniform rules and standards for global governance, and ensuring that all countries can participate by the law, rules and regulations to follow. In the field of international trade, the WTO formulates trade rules, regulates the behavior of countries, promotes trade liberalization and facilitation, safeguards the equal rights of countries in trade through the principles of most-favored-nation and national treatment, and reduces trade frictions and conflicts. Whether it is through international legislation to regulate global security governance matters or through regulation of risk management to prevent international security crises, they are all closely linked to the rule of law. International legislation provides the legal basis and guidelines for action, while regulatory risk management prevents crises by establishing early warning mechanisms and contingency plans.

The rule of law and global security governance are mutually reinforcing.

The international rule of law provides institutional safeguards for global security governance, ensures impartiality and authority, and prevents individual countries from undermining the global security order by formulating and enforcing international legal rules to regulate the behavior of countries. The International Court of Justice and other judicial institutions provide a fair and equitable platform for resolving international disputes and safeguarding the legitimate rights and interests of all countries. Global security governance provides a platform and impetus for international rule of law practice and promotes its development and improvement. In practice, new issues and challenges have prompted the international community to improve the international legal system and raise the level of the rule of law. At the same time, the success of global security governance requires States to strengthen cooperation under the international rule of law framework and to promote its implementation and dissemination.

Path of realization for advancing global security governance through the international rule of law

3. Strengthening the formulation of rules of international law and improving the legal framework for global security

3.1.Actively Participate in the Formulation and Revision of the Rules of International Law

All countries should proactively participate in the process of formulating and revising the rules of international law and fully express their interests and security concerns. In the field of global security, as new issues continue to emerge, the existing rules of international law may lag or be imperfect. For example, in the field of cybersecurity, the existing rules of international law lack clear provisions on the determination of responsibility for cyberattacks and the protection of cyber data. Therefore, countries should jointly participate in formulating and improving the relevant rules to fill the legal gaps.

In international organizations, countries should give full play to their roles and promote the development of international law rules in the direction of being more fair, reasonable, and effective through voting, proposing, and consulting. For example, in the United Nations General Assembly and specialized committees, representatives of all countries can hold in-depth discussions on legal issues of global security governance and put forward constructive opinions and proposals. At the same time, countries should also strengthen communication and cooperation with other countries to form a consensus and jointly promote the formulation and revision of the rules of international law. Ensure the scientific, rational, and authoritative nature of the rules of international law

When formulating rules of international law, full consideration should be given to the characteristics and development trends of the global security situation to ensure that the rules are forward-looking and adaptable. The formulation of rules should be based on scientific research and analysis, and the opinions and suggestions of experts and scholars should be fully listened to. For example, in formulating international law rules on climate change, reference should be made to the research results of climate science to determine reasonable emission reduction targets and timetables. At the same time, the rules of international law should be reasonable and fair, without favouring any party. The rules should balance the interests of all countries, safeguarding the responsibilities and roles of big countries in global security governance while giving full consideration to the legitimate rights and interests of small and weak countries. For example, in the international law of the sea, there is a reasonable division between the maritime rights and interests of coastal States and the freedom of the high seas, which guarantees the right of coastal States to exploit marine resources and safeguards the right of free navigation on the high seas. To enhance the authority of the rules of international law, an effective monitoring and enforcement mechanism should be established. International organizations should strengthen their supervision of States' compliance with the rules of international law and provide timely corrections and sanctions for violations. For example, the International Atomic Energy Agency (IAEA) monitors and inspects countries' compliance with the Nuclear Non-Proliferation Treaty and condemns and sanctions countries that violate the rules.

Enhance the effectiveness of international organizations and play their central role in global security governance

3.1.1 Strengthen the internal reform and construction of international organizations

International organizations should strengthen their construction and improve their decision-making efficiency and implementation capacity. In terms of decision-making mechanisms, they should optimize decision-making procedures, reduce unnecessary and cumbersome links, and improve the timeliness and effectiveness of decision-making. For example, the UN Security Council can establish a more flexible decision-making mechanism, so that it can make quick decisions in emergencies. At the same time, international organizations should strengthen their internal management and improve the professional quality and work efficiency of their staff. They should strengthen the training and assessment of staff and establish a scientific incentive mechanism to attract and retain outstanding talents. In addition,

international organizations should strengthen cooperation and coordination with other international organizations and institutions to form a synergy and jointly address global security challenges.

Strengthen the coordinating and leading role of international organizations in global security governance

Respect for the sovereignty and territorial integrity of States, the principle of the sovereign equality of States and the principle of non-interference in internal affairs are not only at the centre of the Declaration of Principles of International Law adopted by the United Nations General Assembly in 1970, but are also a vivid reflection of customary international law, which is directly legally binding in the international legal order.[3] International organizations should play an important role in coordinating the interests of all parties and forging consensus in global security governance. In regional conflicts, the UN and other international organizations should actively mediate and promote the settlement of disputes through peaceful negotiations. For example, on the Syrian issue, the UN has repeatedly organized peace talks between the parties, which, though slow, have provided a certain platform for conflict resolution. International organizations should also play a leading role in formulating strategic planning and action programs for global security governance. For example, the World Health Organisation has played a leading role in global public health security governance by formulating strategic planning and preventive and control measures to deal with infectious disease epidemics and providing guidance and support to countries.

Promote international judicial cooperation and establish a fair and efficient international judicial mechanism

Strengthening cooperation and exchanges among international judicial institutions

The international legal regime governing global security is also based on the United Nations collective security system.[4] International judicial institutions such as the International Criminal Court and the International Court of Justice should strengthen cooperation and exchanges, and work together to combat transnational crime and maintain the international rule of law. In case trials, judicial institutions can share evidence and information resources to improve the efficiency and quality of trials. For example, in combating terrorist offenses, the International Criminal Court could cooperate with the judicial bodies of other countries to collect and examine relevant evidence to ensure that trials of terrorists were fair and equitable. At the same time, judicial bodies should strengthen personnel training and technical exchanges to enhance the professionalism and operational capacity of judicial personnel. Mutual learning and experience sharing among judicial personnel should be promoted by organizing seminars and training courses.

Improve international judicial remedies to safeguard the legitimate rights and interests of countries

Establishing and improving international judicial remedies provides effective legal remedies for countries when facing international security disputes. When a country's legitimate rights and interests are infringed upon by other countries, it can seek a fair judgment through international judicial institutions. For example, in

international investment disputes, investors can submit disputes to the International Centre for Settlement of Investment Disputes (ICSID) for arbitration by international investment agreements to safeguard their legitimate rights and interests.

Enhance international rule of law education and cultivate rule of law talents for global security governance

Conduct international rule of law publicity and education activities Countries should strengthen publicity and education on the international rule of law and improve citizens' awareness and literacy of the international rule of law. Through a variety of channels, such as school education, social propaganda, and media dissemination, they should popularise knowledge of international law and make citizens understand the importance and role of the international rule of law. For example, in school education, international law courses can be incorporated into the teaching content to foster students' concept of the international rule of law. At the same time, training in the international rule of law should be strengthened for key groups of people, such as government officials and members of the business community, to enhance their ability to apply the international rule of law thinking and approaches to problem-solving in international affairs. For example, lectures and training courses on international law are organized for government officials to enable them to understand the rules of international law and international practices and to improve the scientificity and legitimacy of diplomatic decision-making. Strengthening the training and exchange of international rule of law personnel Countries should strengthen the cultivation of international rule of law talents and establish a perfect talent training system. Universities and scientific research institutions should strengthen the construction of the discipline of international law, open relevant majors and courses, and cultivate international rule of law talents with international vision and professionalism. For example, some well-known universities have opened international law majors and trained a large number of excellent international law professionals. At the same time, international exchanges and cooperation of talents should be strengthened, and international rule of law talents should be encouraged to participate in international organizations and international projects and accumulate international practical experience. Through the exchange of talents, countries can promote mutual learning and common progress in the field of international rule of law.

4. The future outlook of the international rule of law to promote global security governance

First, improve the international rule of law system to cope with new challenges: given the new security challenges brought about by scientific and technological progress and the evolution of the international situation in space, deep sea, and biology, the international community needs to pay close attention to the timely formulation and improvement of the relevant international legal rules, such as the development and utilization of space resources and the rules for space rubbish clean-up, etc., and at the same time, assess and improve the existing system, resolve conflicts and contradictions of the rules, and enhance their adaptability and effectiveness.

Second, deepen international cooperation to build a global security community of destiny: all countries should strengthen cooperation in the field of international rule of law and global security governance, uphold the concept of a community of human

destiny, and work together to address global security challenges, such as climate change, through policy communication, information-sharing and joint law enforcement. The universal application of the international rule of law in global security governance should be promoted so that it becomes a common code of conduct for all countries, to build a community of destiny for global security that is peaceful, stable, and prosperous.

Thirdly, promoting digital transformation to enhance the rule of law: with the help of big data, artificial intelligence, blockchain, and other modern information technologies, promotes the digital transformation of global security governance. Build a global security information-sharing platform to achieve real-time sharing and analysis of security information among countries, and enhance security threat early warning and response capabilities, such as the use of big data to monitor and analyze cybercrime. At the same time, blockchain technology is used to guarantee the security and trustworthiness of international rule of law data, enhance the efficiency and transparency of international judicial and law enforcement cooperation, and realize intelligent, precise, and efficient global security governance.

5. Conclusion Promoting global security governance with the international rule of law is an inevitable choice for addressing serious challenges to global security, building a global security legal system, perfecting the construction of the global governance system, promoting international security law enforcement and judicial cooperation, and promoting the democratization of international relations. The rule of law in global security governance can be progressively advanced by strengthening the formulation of rules of international law, enhancing the effectiveness of international organizations, promoting international judicial cooperation, and strengthening international education on the rule of law.

Looking ahead, the international community should actively address new challenges, continuously improve the international rule of law system, deepen international cooperation, promote digital transformation, and take the lead in the international rule of law in building a more secure, stable, just, and reasonable global security order, to achieve peace and development for humankind.

REFERENCE

[1] Robin Geib and Nils Melzer eds., The Oxford Handbook of the International Law of Global Security, Oxford University Press, 2021, p.5.

[2] Robin Geib and Nils Melzer eds., The Oxford Handbook of the International Law of Global Security, Oxford University Press, 2021, p.5.

[3] See Gabriel H. Oosthuizen, “Playing the Devil’s Advocate: The United Security Council is Unbound by Law”, Leiden Journal of international Law, Vol. 12, No. 3, 1999, p. 549.

[4] See Hitoshi Nasu, “The Expanded Conception of Security and International Law: Challenges to the UN Collective Security System”, The Amsterdam Law Forum, Vol. 3, No.3, 2011, p.15;

[5] Robin Geib and Nils Melzer eds. The Oxford Handbook of the International Law of Global Security, Oxford University Press, 2021, p.57.

Коммерческая тайна в образовательных организациях высшего образования: правовые аспекты и практика применения

А. А. Марьина
Московский гуманитарный университет;
Московский международный университет

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования установления режима коммерческой тайны в образовательных организациях высшего образования на основе анализа локальных актов, посвященных защите данного вида конфиденциальной информации. По результатам анализа, отмечается неоднородность подходов к установлению коммерческой тайны в вузах, отсутствие достаточного количества значимых судебных прецедентов, что может свидетельствовать об отсутствии реализации норм института коммерческой тайны на надлежащем уровне в деятельности вузов.

Ключевые слова: коммерческая тайна, конфиденциальная информация, образование, образовательные организации высшего образования, ноу-хау, образовательные услуги, защита информации.

В современных условиях активного развития информационных технологий, насущной потребности анализа и использования хозяйствующими субъектами возможностей Big Data, применения искусственного интеллекта в различных сферах деятельности, вопрос защиты конфиденциальной информации, в частности, посредством введения режима коммерческой тайны становится особенно актуальным.

Между тем, сам правовой институт коммерческой тайны является для России отнюдь не новым. Дореволюционными правоведами нередко отстаивалась позиция о необходимости защиты тайны кредитных отношений, промышленной, торговой информации.

Так, Г. Ф. Шершеневич, указывая на то, что российское законодательство «стремится охранить тайну купеческих книг, их недосягаемость для постороннего глаза», утверждал, что «за исключением указанных в законе случаев (споров по делам товарищества, споров по наследованию и несостоятельности), никто и ни под каким предлогом не вправе требовать, чтобы открыты были торговые книги, составляющие ненарушимую коммерческую тайну» (Шершеневич, 1994: 85).

После революции и до конца XX в. институт коммерческой тайны фактически не развивался, что было связано, в первую очередь, с отменой частной собственности, внедрением плановой экономики и отсутствием конкуренции хозяйствующих субъектов.

И только в начале 1990-х гг. понятие коммерческой тайны закрепилось в нормативных источниках. В частности, согласно Закону СССР от 04.06.1990 г. № 1529–1 «О предприятиях в СССР» под коммерческой тайной предприятия стали пониматься «не являющиеся государственными секретами сведения, связанные с производством, технологической информацией, управлением,

финансами и другой деятельностью предприятия, разглашение (передача, утечка) которых может нанести ущерб его интересам».

Несколько позже, были приняты и другие нормативные акты, регламентирующие некоторые особенности правого статуса конфиденциальной информации, например, Закон РСФСР от 24.12.1990 г. № 443–1, который отнес к объектам интеллектуальной собственности, среди прочего, ноу-хау, торговые секреты, товарные знаки, фирменные наименования и знаки обслуживания. Закон РСФСР от 25.12.1990 г. № 445–1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» установил право предприятия не представлять информацию, содержащую коммерческую тайну, и отнес определение перечня сведений, составляющих коммерческую тайну, к праву руководителя предприятия, при этом перечень сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну, должен был устанавливаться Советом Министров РСФСР.

В настоящее время правовому регулированию разных аспектов режима коммерческой тайны посвящен целый ряд нормативных актов, основным из которых является Федеральный закон от 29.07.2004 г. № 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) «О коммерческой тайне» (далее – закон о коммерческой тайне), устанавливающий дефиницию понятия коммерческой тайны, требования к ее охране, а также ответственность за нарушение законодательства о ней.

Согласно законодательно закрепленному определению, коммерческая тайна представляет собой режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду.

Как правило, в случаях, когда речь идет о защите коммерческой тайны, подразумевается, в первую очередь, защита интересов бизнеса в сфере торговли, где объектом выступают базы данных клиентов, партнеров, особенности маркетинговой политики, а также в сферах IT-технологий и защиты авторских и патентных прав. Между тем потребность в защите информации, обладающей коммерческой ценностью, связана прежде всего с достижением высокой конкурентоспособности на любом рынке товаров, работ, услуг, в связи с чем режим коммерческой тайны может быть установлен практически во всех сферах экономики, включая сферу социально значимой деятельности, к которой относится и высшее образование.

Следует отметить, что многими высшими учебными заведениями на сегодняшний день уже разработаны локальные акты, действия которых направлены на защиту информации, в отношении которой установлен режим конфиденциальности, в частности коммерческой тайны. Более того, некоторые вузы приняли в целях регулирования соответствующих отношений несколько локальных актов, содержащих правила и требования обращения с ней.

Так, в НИУ ВШЭ были утверждены Положение о секретах производства (ноу-хау) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (утв. приказом от 16.09.2015 г. № 6.18.1-01/1609-04) и Положение о

защите конфиденциальной информации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (утв. приказом от 24.12.2020 г. № 6.18.1-01/2412-04).

На сегодняшний день, подобные документы уже разработаны и утверждены многими вузами, однако стоит отметить, что это скорее исключение, нежели правило, что обусловлено, с одной стороны, спецификой некоммерческой организационной правовой формы, а с другой, — содержанием информации, которая потенциально имеет именно «коммерческую ценность». «Коммерческая ценность» в данном случае выступает как один из основных признаков коммерческой тайны.

Согласно положениям закона о коммерческой тайне, «право на отнесение информации к информации, составляющей коммерческую тайну, и на определение перечня и состава такой информации принадлежит обладателю такой информации», исходя из чего вузы определяют перечень такой информации самостоятельно. Каждая из образовательных организаций устанавливает перечень конфиденциальной информации, учитывая специфику принадлежащей ей информации, а также необходимость ее защиты. Например, может защищаться информация в сферах научных разработок, коммерческой деятельности или организационных мероприятий по усовершенствованию образовательного процесса. Кроме того, в интересах экономической безопасности вуза перечень сведений, составляющих коммерческую тайну в отношении объектов интеллектуальной собственности, может корректироваться в зависимости от изменения экономической и иной ситуации.

В частности, в НИУ ВШЭ определены категории конфиденциальной информации по различным направлениям деятельности: по общему делопроизводству, обеспечению безопасности, профессиональной ориентации и работе с одаренными учащимися и др. В целом, можно отметить достаточно подробный перечень видов конфиденциальной информации. Особенно обращает на себя внимание «засекречивание» информации о личных отношениях работников как между собой, так и с руководством, сведений о возможных противоречиях, конфликтах внутри коллектива, образцов подписей физических лиц и т. д. При этом сложно сделать вывод об установлении режима подобной конфиденциальной информации именно в рамках коммерческой тайны, однако, надо отдать должное, сам термин «коммерческая тайна» в Положении о защите конфиденциальной информации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» не содержится.

При этом непосредственно режим коммерческой тайны установлен в другом локальном акте – Положении о защите конфиденциальной информации НИУ ВШЭ, в котором, тем не менее, конкретизация состава и содержания такой информации не приведена.

Рассматривая практику установления и применения режима коммерческой тайны российскими университетами, можно отметить отсутствие единообразия как в названиях и содержании локальных актов, так и перечнях конфиденциальной информации. Так, Федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет “МЭИ”» в Примерном перечне сведений, относимых к коммерческой тайне, являющегося Приложением к Положению о коммерческой тайне (приказ ректора от 13.06.2017 г. № 248), включило в объект защиты информацию, обладающую действительной или потенциальной коммерческой ценностью вследствие неизвестности их третьим лицам, полученных в ходе проведения фундаментальных, поисковых, методологических и прикладных исследований, экспериментальных разработок, опытно-конструкторских и технологических работ, экспертных, аналитических работ по направлениям, отвечающим, приоритетам научно-технологического развития Российской Федерации, в частности: интеллектуальные производственные технологии, роботизированные системы, новые материалы и технологии конструирования; системы обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта; иные направления исследований и разработок, отвечающие достижению целей деятельности Университета, в рамках которых получены сведения, способные обеспечить дополнительные конкурентные преимущества.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова» в Положении о защите коммерческой тайны и конфиденциальной информации в отношении объектов интеллектуальной собственности ФГБОУ ВПО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова» (утв. приказом от 30.10.2025 г. № 234) устанавливает защиту значительного перечня информации: ноу-хау в сфере научно-исследовательской деятельности (сведения о неопубликованных результатах научно-исследовательских работ, научно-технических результатах и т. д.), ноу-хау в сфере учебно-методической деятельности (эффективные технологии и методики обучения, электронные учебно-методические ресурсы (учебники, пособия, обучающие программы и тестирующие системы, дистанционные курсы), сведений, составляющих коммерческую тайну организации в области финансовой, организационной и управленческой деятельности (сведения о планируемых инвестициях); банковские отношения (кредиты, ссуды, долги), сведения о конъюнктуре рынка, результаты маркетинговых исследований, содержание переговоров по заключению сделок, сведения, раскрывающие организацию, средства и методы обеспечения безопасности компании, охраны ее имущества, а также жизни и здоровья ее сотрудников и т. д.).

При этом, Санкт-Петербургский государственный университет, утверждая соответствующий локальный акт, перечень защищаемой информации, как приложение к нему, не приводит (Положение о конфиденциальной информации Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (утв. приказом № 544/1 от 28.01.2022 г.).

Таким образом, подходы к установлению режима коммерческой тайны в высших учебных заведениях абсолютно различны. Одни вузы детально

разрабатывают локальные акты и перечни потенциально защищаемой информации, другие не устанавливают соответствующие акты вовсе. Хотя надо отдать должное, подобные документы могут быть и не размещены в открытом доступе. При этом и судебная практика содержит крайне мало прецедентов, касающихся нарушения режима коммерческой тайны в сфере высшего образования, хотя в иных областях экономической деятельности она достаточно объемна. Такое положение может быть связано или с четким исполнением субъектами требований о неразглашении коммерческой тайны и отсутствием спора, или с некоторой латентностью таких правонарушений, однако это скорее свидетельствует об отсутствии реализации норм института коммерческой тайны на надлежащем уровне в деятельности организаций высшего образования.

Между тем установление и применение рассматриваемого института может значительно повысить как конкурентоспособность вуза на рынке образовательных услуг, так и способствовать развитию инноваций, в частности, высокоэффективных технологий и методик обучения, перспективных научных исследований, методах изучения рынка и маркетинговой политики, отдельных исследовательских работ и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Шершеневич, Г. Ф. (1994) Учебник торгового права. М. : Фирма «Спарк». 335 с. ISBN 5-87143-015-5.

Марьина Анастасия Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции АНО ВО «Московский международный университет»; доцент кафедры гражданского и предпринимательского права АНО ВО «Московский гуманитарный университет». Эл. адрес: marina.a.a@inbox.ru

Молодежь как стратегический ресурс развития аудиторской деятельности в современной России

Т. И. Мелехина
Московский гуманитарный университет
Е. И. Седова
Российского государственный геологоразведочный университет имени С. Орджоникидзе

Аннотация. Развитие цифровой экономики неизбежно связано с трансформацией традиционных бухгалтерских профессий: бухгалтер, аудитор, поскольку резко снижается объем рутинной работы , одновременно усиливается роль и значение профессиональных суждений, формируются новые профессиональные компетенции и возникают новые профессии: аналитик 1С, эксперт 1С, аналитик данных, цифровой бухгалтер.

Ключевые слова: бухгалтер, аудитор, цифровая экономика, профессиональное суждение, цифровой бухгалтер, аналитик 1С

Бурное развитие искусственного интеллекта, цифровизация экономики, привела к переориентации индустриально ресурсно-ориентированной экономики на высокотехнологичную, ориентированную на человека (Стиглиц Дж., с. 127). Достичь этого можно только при условии подготовки высококвалифицированных кадров, в области разработки и применения различных цифровых инструментов. Применение IT-технологий в бухгалтерской и аудиторской деятельности, сопровождается формированием новых требований к профессии бухгалтера и аудитора. Востребованными становятся «многопрофильные» специалисты, которые обладают необходимым объемом знаний экономиста, финансиста и аналитика. Так, более четверти опубликованных вакансий (27,4%) приходится на специалистов широкого профиля (Т. О. Дюкина,2021, с. 121). Работодателям и малого и среднего бизнеса не хватает в настоящее время специалистов в области бухгалтерского учета и аудита, владеющих цифровыми платформами, являющихся по существу интеграторами ИИ инструментов. По данным онлайн журнала AKTION DIGITIAL SCHOOL в 2026 году произойдет глобальная трансформация профессии бухгалтера и аудитора, возникнут новые профессии: эксперт 1С, аналитик 1С, цифровой бухгалтер, аналитик данных. Эксперты Action Digital School разработали курсы для обучения бухгалтеров и аудиторов цифровым навыкам:

- курс «Эксперт 1С» предназначен для подготовки специалистов, которые смогут работать к с программными продуктами фирмы 1С, внешними ИТ-системами, самостоятельно устанавливать и настраивать ПО;

- курс «Аналитик 1С» – готовит специалистов для координации процесса разработки и внедрения 1С. Аналитик 1С сможет любые даже самые «фантастические мечты» бухгалтеров и аудиторов перевести на язык понятный программисту;

- курс «Цифровой бухгалтер» дает возможность бухгалтерам и аудиторам овладеть современными инструментами при работе с бухгалтерскими и учетными данными 1С на уровне ПРО, Excel на уровне ПРО, работе в нейросетях, навыками быстро и эффективно обрабатывать информацию финансовую информацию.

Рис. 1 Работа бухгалтера с облачными сервисами и ПО

Проведенный анализ результатов исследований российских и зарубежных ученых показал, что простое включение в процесс обучения бухгалтеров и аудиторов специальных курсов, развивающих цифровые навыки, не является достаточным, необходимо увеличить время, предназначенное для лабораторных и семинарских (практических) занятий, проводимых в организациях, использующих цифровые технологии. Современный бухгалтер и аудитор по мнению экспертов Action Digital School должен овладеть следующими компетенциями:

навыкам работы с ИИ и BI-системами (Power BI, Аналитика в 1С, Looker и др.),

пониманию правового поля криптовалют и цифровых активов,

знанию международных стандартов (IFRS, ESG-отчетность),

способностью к автоматизации процессов (RPA, API-интеграции),

стратегическому мышлению и клиентской ориентированности.

Цифровая экономика тесно связана с молодежью, она совместима с ее интересами, ценностями и личными увлечениями, соответствует природе молодых людей — инновации и свобода, гибкая занятость, подчеркивающая концепцию индивидуальности и автономии в работе, а быстрые изменения в цифровой индустрии соответствуют духу молодых людей, склонных к исследованиям и риску. Можно сказать, что цифровая экономика все больше становится важным выбором для трудоустройства молодежи и «инкубатором» для молодых талантов, чтобы начать свой собственный бизнес, и что цифровая экономика играет важную роль в качестве стабилизатора занятости молодежи (Berkman Klein Center Research Publication. 2020, с. 46).

С другой стороны, бытует мнение, что развитие искусственного интеллекта сделает не нужными такие профессии как бухгалтер и аудитор, что совершенно не соответствует действительности, поскольку автоматизируется рутинная часть работы и освобождается время для стратегического анализа, выработки профессиональных суждений налоговой оптимизации, финансового планирования. «Все разговоры о том, что бухгалтеры исчезнут, – от лукавого, – считает один из экспертов. – Пока в человеческом обществе существуют деньги, будет и потребность вести учет их движения. Так что в ближайшей перспективе бухгалтеры точно будут нужны» (Петрова А., 2025, с. 2).

По мнению авторов статьи, чтобы преодолеть подобные негативные последствия внедрения искусственного интеллекта в деятельность бухгалтеров и аудиторов требуется сформировать компетенции для новых профессий: цифрового бухгалтера, аналитика 1С , аналитика данных, внести изменения в программы повышения квалификации бухгалтеров и аудиторов, перейти на систему непрерывного повышения квалификации.

Молодежь обладает огромным потенциалом для реализации программы «Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года» (Игнатьев А. Г. Курбатова Т. А., Линдре Ю. А., Шамраев РА., Кулешов АА., Абрамова А. А. 2023 г., с. 72), которая включает: высокую мотивацию и заинтересованность, установку на успех; базовые знания; сформированные способности; овладение способами и методиками саморазвития в предметной области; способность эффективно взаимодействовать с единомышленниками, коллегами и партнерами; желание развиваться и системную работу над собой, стремление принести пользу людям, своему региону и стране.

Кроме этого, по мнению авторов современный, бухгалтер и аудитор должен обладать такими качествами как: стрессоустойчивость и терпение, умение аргументированно отстаивать свою точку зрения, способность объяснять сложные вещи простым языком, умение работать в команде, коммуникабельность.

Поскольку именно молодежь, легко встраивается в новые процессы на рынке труда и, выбирая свой профессиональный путь (Зинич А.В., Максимова С.Г., Ревякина Ю.Н., 2023 г., с. 1355) быстрее всех других возрастных категорий быстро адаптируется к изменяющимся экономическим условиям, то ее и нужно рассматривать в качестве основного стратегического ресурса реализации программы «Цифровой экономики Российской Федерации» и «Национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 года».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Правительства РФ от 28.08.2017 № 1030 «О системе управления реализацией программы "Цифровая экономика Российской Федерации" (вместе с "Правилами разработки, мониторинга и контроля выполнения планов мероприятий по реализации программы "Цифровая экономика Российской Федерации")» «Собрание законодательства РФ», 04.09.2017, № 36, ст. 5450.

2.Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О бухгалтерском учете» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) «Собрание законодательства РФ», 12.12.2011, № 50, ст. 7344.

3.Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года, http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/AH4x6HgKWANwVtMOfPDhcbRpvd1HCCsv.pdf

4.Дюкина Т. О. «Подготовка финансистов и бухгалтеров в системе высшего образования в России: тенденции, факторы развития и перспективы Бухгалтерский учет в XXI веке: монография / под ред. Ю. Н. Гузова. В. В. Ковалева, О. Л. Маргания. — СПб. : Скифия-принт, 2021 – стр.110, С. 250)

5.Зинич, А. В. Молодежь на рынке труда: влияние цифровизации и неопределенности мира профессий / А. В. Зинич, С. Г. Максимова, Ю. Н. Ревякина // Экономика труда. – 2023. – Т. 10, № 9. – С. 1353–1366. – DOI 10.18334/et.10.9.119190.

6.Игнатьев А. Г., Курбатова Т. А., Линдре Ю. А., Шамраев Р. А., Кулешов А. А., Абрамова А. А. Молодежь в ИТ-отрасли: реализация в профессии, ключевые точки роста, значение для развития страны», исследование, 72 с., Москва, апрель 2023 г. АНО «Центр глобальной ИТ-кооперации» ANO «Center for Global IT-Cooperation» (CGITC) https://cgitc.ru/.

7. Петрова А. «Вот он какой, не такой и простой: профессия бухгалтера остается одной из самых востребованных » газета Санкт-Петербургские ведомости № 23 (7845) от 11.02.2025.

8. Соболева Г. В., Вейнер И. Н.,Терентьева Т. О. Влияние цифровизации экономики на состояние рынка труда учетных специальностей: российский опыт Бухгалтерский учет в XXI веке: монография / под ред. Ю. Н. Гузова. В. В. Ковалева, О. Л. Маргания. — СПб. : Скифия-принт, 2021 – стр.125, С. 250.

9. Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99% населения? – М. : Эксмо, 2016, стр.127. С. 480.

10. Цивенко М. Ю. Трансформации профессии бухгалтера в условиях развития «цифровой экономики» // Молодой ученый. — 2017. — №48. — С. 100–102.

11. Action Digital School https://action-digital.school/new/digital-buhgalter?utm_source=letter_market&utm_medium=letter&utm_campaign=letter_market_2025.11.12_itschool_letter_market_cpkproduct_neuronet_idl-oz-077_new_domain_121125&utm_content=5755564#action-digital

12. Lombana-Bermudez A. Youth and the digital economy: Exploring youth practices, motivations, skills, pathways, and value creation //Berkman Klein Center Research Publication. — 2020. — P. 45–59.

13. https://www.klerk.ru/user/2037110/653183/#chapter-otmirayuschaya-professiya

Мелехина Татьяна Игнатьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономических и финансовых дисциплин Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д. 5. Тел. +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: ifpi@mosgu.ru;

Седова Елена Ивановна, кандидат экономических наук, доцент кафедры производственного и финансового менеджмента Российского государственный геологоразведочный университет имени С. Орджоникидзе, Адрес: 117997, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая. 23, Тел. +7 (495)255 40 20. Эл. адрес: office@mgri.ru.

Конструктивные подходы к анализу цифрового поведения пользователей информационного пространства

К. А. Милорадов
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье исследуются подходы к анализу цифрового поведения пользователей информационного пространства. Анализируются источники данных о цифровом поведении, возможности интернет-сервисов и программных продуктов с применением «искусственного интеллекта» по обработке данных пользователей.

Ключевые слова: цифровые технологии, большие данные, цифровая гигиена, искусственный интеллект, информационное пространство.

Развитие сетевых компьютерных технологий, различных интернет-сервисов, увеличение числа интернет-пользователей делают актуальной задачу анализа цифровых данных о действиях пользователей в информационном пространстве (Костина, 2025).

При анализе цифровых данных о действиях интернет-пользователей используется термин «цифровой след». Содержание термина «цифровой след», описано, в частности, на веб-сайте «Лаборатории Касперского»: «Эти данные включают посещаемые веб-сайты, отправляемые электронные письма и информацию, указываемую в онлайн-формах. Цифровой след можно использовать для отслеживания действий человека и его устройств в интернете»[1].

На портале краудсорсинг-проектов «Город идей» Правительства Москвы отмечается, что «технология краудсорсинга подразумевает вовлечение неограниченного количества интернет-пользователей в решение различных задач… улучшать свой город, делать жизнь в нем удобнее и комфортнее, обмениваться опытом и знаниями с другими горожанами и специалистами в самых разных сферах деятельности»[2]. К инструментам анализа действия интернет-пользователей в социальных медиа относятся «Крибрум», «Медиалогия», «Brand Analytics» и др.

Следует отметить расширение использования интеллектуальных информационных технологий, к которым относятся средства видеоаналитики, используемые в системах контроля доступа. Программные модули видеоаналитики могут встраиваться в видеокамеры или видеорегистраторы. Функции видеоаналитики реализуются, например, с помощью программного обеспечения (операционной системы) TRASSIR.

Обработка больших потоков данных также осуществляется с помощью облачных информационно-аналитических платформ. Необходимость обработки

[1] Что такое цифровой след? Как защитить его от злоумышленников [Электронный ресурс] // Лаборатория Касперского. 2021. 21 сентября. URL: https://kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-a-digital-footprint (дата обращения: 27.11.2025).

[2] Краудсорсинговые проекты Правительства Москвы — основные принципы и особенности [Электронный ресурс] // Краудсорсинг-проекты Правительства Москвы. URL: http://crowd.tech.mos.ru/about/ (дата обращения: 27.11.2025).

данных от видеокамер, датчиков и других устройств «интернета вещей» приводит к необходимости использования сервис-ориентированной архитектуры информационных систем и программных продуктов, ориентированных на потоковую обработку данных. Пример архитектуры информационной системы потоковой видеоаналитики показан на рис. 1.

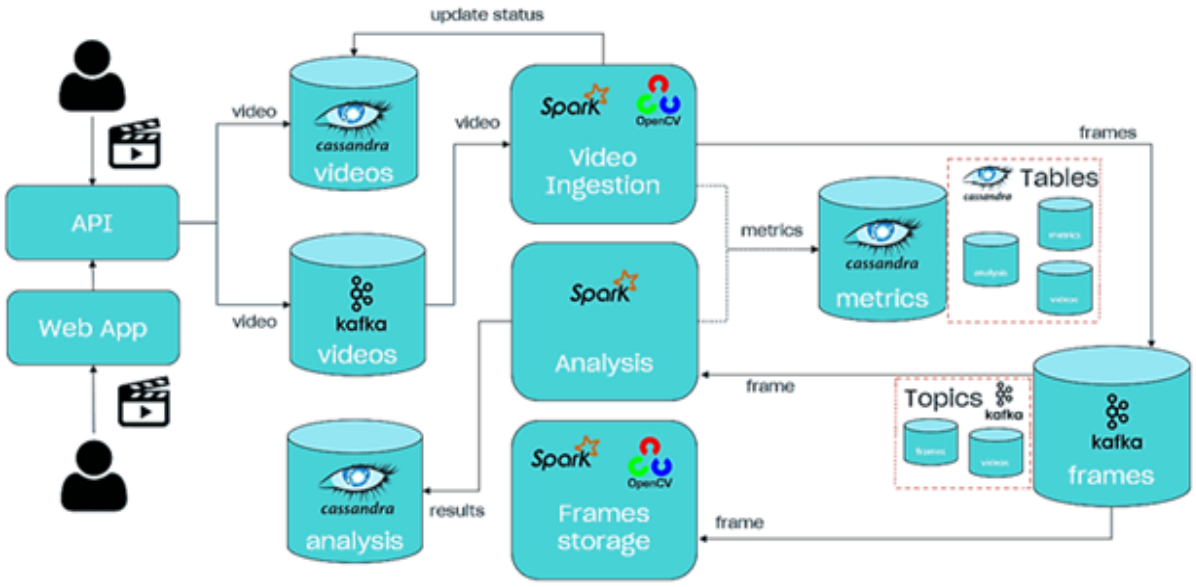


Рис. 1. Пример архитектуры информационной системы потоковой видеоаналитики[1]

Следует отметить широкое использование в таких информационных системах программных продуктов с открытым исходным кодом (например, Apache Kafka).

К каналам взаимодействия пользователей в информационном пространстве можно отнести мобильные приложения, социальные медиа, веб-сайты, поисковые системы, системы электронной коммерции, устройства «интернета вещей» (см. рис. 2).

Как пишут И. С. Ашманов и Н. И. Касперская, важную роль при использовании интернет-технологий играет понятие цифровой гигиены: «Цифровая гигиена – это свод правил по безопасному использованию интернет-ресурсов и электронных устройств, которые направлены на защиту личных данных, сохранение ментального и физического здоровья» (Ашманов, Касперская, 2025).

Как отмечается исследователями, возрастает роль цифровой (онлайн-) репутации и цифрового корпоративного бренда (Цифровая репутация ... , 2023), а также вопросы кибербезопасности (Защита информации ... , 2023; Еременко, Макаров, Нечаев, 2024).

[1] Источник: Вичугова А. Масштабируемая видеоаналитика в реальном времени с нейросетями YOLO на Apache Kafka, Spark Structured Streaming и Cassandra [Электронный ресурс] // Школа больших данных. 2021. 6 мая. URL: https://bigdataschool.ru/blog/real-time-videoanalytics-with-yolo-on-kafka-spark-and-cassandra.html (дата обращения: 27.11.2025).

Рис. 2. Каналы взаимодействия пользователей в информационном пространстве

Источник: составлено автором.

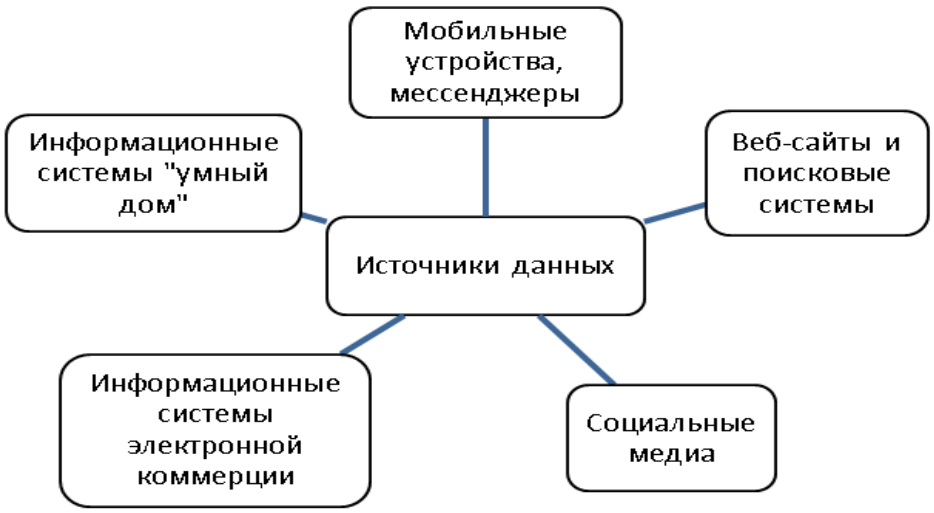


Рис. 3. Частные источники данных

Источник: составлено автором.

Предлагается рассматривать два вида источников данных о цифровом поведении пользователей – частные (пользователь совершает действия в качестве частного лица) и корпоративные (пользователь совершает действия в информационном пространстве в качестве сотрудника организации). На рис. 3 показаны источники цифровых данных о пользователях.

На рис. 4 показаны источники цифровых данных о корпоративных пользователях.

Некоторые источники данных на рисунках 3 и 4 повторяются. Также источниками данных являются операционные системы компьютеров и мобильных устройств, инфраструктура информационных систем типа «умный дом», «умный город» и некоторые другие.

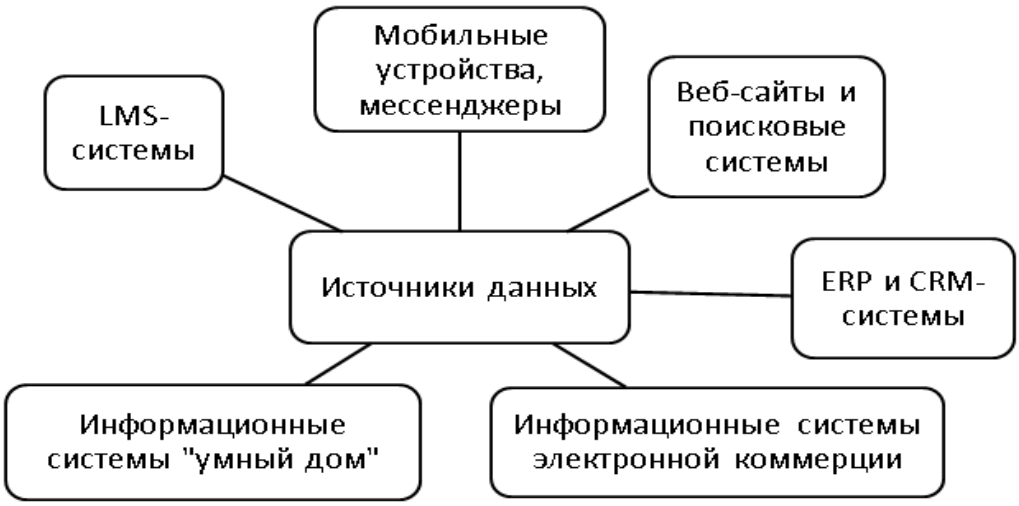


Рис. 4. Корпоративные источники данных

Источник: составлено автором.

Еще одним источником данных для анализа цифрового поведения пользователей являются интернет-сервисы и «цифровые помощники» с использованием технологий «искусственного интеллекта» на основе нейросетей (ChatGPT и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ашманов, И. С., Касперская, Н. И. (2025) Цифровая гигиена. СПб. : Питер. 400 с. ISBN 978-5-4461-1938-7.

Еременко, В. Т., Макаров, В. Ф., Нечаев, Д. Ю. (2024) О проблеме непарируемости рисков инволюционных воздействий рефлексирующими потенциально эффективными эргатическими комплексами // Информационные системы и технологии. № 3 (143). С. 120–125. EDN CERMWH.

Защита информации в телекоммуникационных системах (2023) / В. Т. Еременко, Г. И. Киреева, А. И. Куприянов [и др.]. Орёл : Орловский гос. ун-т им. И. С. Тургенева. 127 с. ISBN 978-5-9929-1358-3. EDN WCNTSX.

Костина, А. В. (2025) Сетевая коммуникация: социальное взаимодействие как основная функция игр, «в которые играют люди» // Ученый совет. Т. 22, № 1 (241). С. 40–45. DOI 10.33920/nik-02-2501-05. EDN QNMXQA.

Цифровая репутация. Создать, развить и защитить (2023) / И. С. Ашманов, Д. О. Шубенок, В. А. Синчугов [и др.]. СПб. : Питер. 320 с. ISBN 978-5-4461-2104-5. EDN RELDMW.

Милорадов Константин Александрович, кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной информатики и статистики Московского гуманитарного университета. Эл. адрес: mka.rea@yandex.ru.

Образовательные стратегии противодействия консюмеризму

Л. В. Михайлова
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье описываются противоречия между навязанным рекламой и искусственно сформированным консюмеристским дискурсом и врожденными человеческими потребностями, и предлагается система мер, направленных на формирование разумного потребления материальных благ и критического отношения к консюмеризму среди студенческой молодежи.

Ключевые слова: консюмеризм, потребление материальных благ, иерархия потребностей Маслоу.

Введение

Ведущая роль капитала и производства прибыли в развитии современных обществ (Тихонова, 2007: С. 102–129) может приводить к различным исходам, например, к возникновению «общества потребления» – такого типа современной социальной системы, основу которой составляет консюмеризм (идеология безудержного материального потребления). Эта идеология обретает свою устойчивую привлекательность и социальную легитимность благодаря тому, что апеллирует к фундаментальному, присущему любому индивиду стремлению к максимизации личного благополучия и гедонистической полезности. Консюмеризм, направленный на большинство рядовых членов общества, предлагает доступный и социально одобряемый (в рамках культуры потребления) канал для реализации эгоистических интересов, трансформируя базовое желание комфорта в перманентный императив приобретения (Башина, 2018: С. 133–145.). Однако системная опасность безудержного потребления заключается не в самом факте удовлетворения потребностей, а в их тотальной коммерциализации и последующей подмене. Консюмеристский дискурс, опосредованный институтами рекламы и маркетинга, последовательно перестраивает иерархию человеческих запросов: аутентичные витальные (биологические) и экзистенциальные (связанные с бытийным смыслом, творчеством, социальной принадлежностью) потребности замещаются искусственно сконструированными ценностями (Бабич, Батыков, 2022: С. 97).

Эта подмена порождает специфические социальные антиномии, в рамках которых логика выбора начинает определяться не внутренней необходимостью, а внешним, навязанным рекламой символическим статусом товара. Яркой иллюстрацией такой антиномии является возникающий в сознании многих представителей среднего класса мнимый выбор между «престижным потреблением» как маркером социальной успешности и фундаментальной экзистенциальной потребностью в продолжении рода. Молодые пары, формирующие свои жизненные стратегии в рамках консюмеристской модели,

нередко проводят рациональный, с их точки зрения, анализ будущих затрат. В ходе этого анализа ребенок зачастую начинает восприниматься не как экзистенциальная ценность, а как потребность, конкурирующая с иными статьями расходов, такими как: поддержание определенного уровня мобильности, досуга, обладания статусными товарами (Козлова, 2024: С. 76–90), что ведет к добровольному отказу от родительства в пользу сохранения достигнутого уровня материального потребления – путешествий, ресторанов, новых автомобилей и т. п.

Непреднамеренным социальным последствием массового распространения подобных установок становится вклад консюмеризма в усугубление структурного демографического кризиса. Это проявляется не только в прямой корреляции между ростом потребительских стандартов и снижением рождаемости, но и в более глубокой трансформации ценностных ориентаций: понятия самореализации, счастья и успеха всё чаще детерминируются обладанием, а не бытием, что редуцирует многообразие человеческой природы до функции покупателя (Фромм, 2023). Следовательно, консюмеризм предстает не просто экономической моделью, но способом построения идентичности, системно вытесняющим другие формы социального воспроизводства.

Исходя даже из кратко очерченной природы консюмеризма, становятся очевидными, во-первых, необходимость противодействия ему, например, для того, чтобы способствовать решению демографической проблемы, а во-вторых – наиболее перспективный путь такого противодействия. Оно становится императивом не только в контексте сохранения культурной идентичности или экологического баланса, но и как ключевое условие преодоления структурных кризисов современного общества, среди которых демографический спад занимает одно из центральных мест. Однако централизованное сопротивление консюмеризму не может быть его прямым отрицанием, потому что это было бы борьбой с базовыми человеческими склонностями, и не привело бы ни к чему, кроме ответного сопротивления. Опыт социального управления показывает, что попытки прямой элиминации какой-либо укоренённой практики, апеллирующие исключительно к аскетическим ограничениям, контрпродуктивны (Тощенко, 2019: С. 265–284). Напротив, противодействие консюмеризму должно быть построено так же, как и он, на удовлетворении потребностей, но других, истинных, имеющих витальный и экзистенциальный характер. Поскольку сила консюмеризма коренится в его способности предлагать легко достижимые, хотя и иллюзорные, формы удовлетворения, конкурентоспособное противоядие должно быть направлено к более фундаментальным слоям человеческой жизни.

Система мер для уменьшения привлекательности консюмеризма

Возможности противодействия консюмеризму лежат в плоскости перенаправления индивидуальной и коллективной энергии с генерации искусственных желаний на реализацию подлинных, витальных и экзистенциальных потребностей. Речь идет о потребностях в подлинном общении, творческой самореализации, ощущении смысла, глубокой принадлежности к сообществу и природному миру, трансцендентном опыте – то есть о тех аспектах бытия, которые не могут быть окончательно коммодифицированы (превращены в товар) и исчерпаны актом покупки. Задача, следовательно, состоит в создании доступных и привлекательных социальных институтов, культурных моделей и образовательных практик, которые делали бы переживание такой аутентичной полноты жизни более достижимым, наглядным и социально поощряемым, нежели эфемерное удовольствие от обладания новым товаром. Это означает не борьбу с естественным человеческим стремлением к благополучию, а его содержательную переориентацию на более сложные и долговременные цели, что в стратегической перспективе способно ослабить власть консюмеристского дискурса и предложить ему альтернативу.

Очевидно, требуется, некоторый внутренний принцип организации мер воздействия. Можно предложить в качестве такого принципа ориентироваться на известную иерархию потребностей Маслоу (Маслоу, 2022), которая упорядочивает потребности от более элементарных и первоочередных ко все более сложным и откладываемым в развитии экономики, культуры и общества до высоких стадий: физиологические, в безопасности, в любви, в уважении, в познавательные и эстетические потребности, потребность в самоактуализации.

Ниже будет рассмотрена основанная на этой иерархии система мер воздействия, которые образовательные учреждения могут применять для уменьшения привлекательности и распространения ценностей консюмеризма среди учащихся. Например, выполняя практические задания по бюджету, долгам, сравнению «цена/качество», анализу маркетинговых манипуляций и долгосрочных последствий потребительских решений, молодые люди фиксируют собственные покупки и мотивации, анализируют эмоциональные и социальные триггеры потребления, учатся дифференцировать необходимые покупки от импульсивных и навязанных – таким образом, закладывая навык закрытия базовых потребностей за счет разумных трат.

Продолжением элементарного развития навыков бюджетирования может служить введение курсов и факультативов по финансовой грамотности, рациональному потреблению, сбережениям и инвестициям. Будучи порождением позднего капитализма, консюмеристская идеология является одним из инструментов максимизации прибылей за счет втягивания населения в иррациональные расходы, избыточное кредитование и в конечном счете – усиление эксплуатации (например, через увеличение объема рабочего времени,

необходимого для компенсации раздуваемых ложных потребностей). Противопоставляя ей витальные мотивы финансовой безопасности и повышения благосостояния в будущем, учащимся предоставляются альтернативные сценарии выстраивания жизни не через расточительство, а через бережливость.

Воздействие на уровне принадлежности к группе возможно реализовать через научение и содействие коллективным формам потребления: поддержка студенческих кооперативов, библиотек инструментов и вещей, платформ обмена, которые строят взаимоотношения и меняют культуру покупок с индивидуализированной на социализированную, коллективную. В этом же направлении может рассматриваться формирование групп поддержки и наставничества, клубы по интересам и тематические сообщества, где социальный статус не определяется потреблением, а общностью целей и деятельности.

Продвижение ролевых моделей и интеграция в учебный процесс ролевых игр, демонстрирующих устойчивые практики антиконсюмеристской модели успешности (в частности, демонстрация не внезапных историй успеха, а ориентация и развитие навыков помощи другим) способствуют самопрезентации себя и налаживанию социальных связей не через потребительские практики (покупку модных вещей), а через уверенную демонстрацию объективных качеств и заслуг (профессиональных и личностных компетенций). Важно также проводить среди молодежи информационные кампании, меняющие этические и эстетические нарративы через знакомство с образцами современной и классической культуры (важнейшим инструментом здесь может служить кинематограф антиконсюмеристской направленности).

Интеграция тем культурной критики консюмеризма в учебные программы подразумевает включение модулей по политике потребления, социальной справедливости, критическому анализу рекламы в базовые и профильные курсы (социология, экономика, философия, маркетинг). Целью данной меры является не просто развитие навыков критического мышления и медиаграмотности (в том числе обучение распознанию манипулятивных рекламных и социальных медиа-нарративов, психологических техник убеждения и алгоритмов продвижения товаров), но и формирование идентичности критически мыслящего человека. Ассоциируя себя с обладанием не символов статусного потребления, а интеллектуальных инструментов, позволяющих вскрыть ложную природу этих символов, молодые люди смогут опираться на антиконсюмеристскую идеологию в собственной самореализации и самоактуализации.

Заключение

Внедрение рассмотренных выше стратегий в образовательные и воспитательные практики перспективно рассматривать в дополнение к философским, религиозным, экологическим курсам и курсам финансовой

грамотности. Посредством освоения и применения прикладных знаний и навыков, подражания образцам и моделям ответственного и экологичного потребительского поведения, анализируя влияние ценностей материального благополучия на формирование идентичности, молодые люди могут увидеть истинные ограничения навязанных обществом потребления желаний и смыслов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабич Н. С., Батыков И. В. (2022) Общество потребления: опыт моделирования взаимосвязей консьюмеризма и религиозности //Социологические исследования. №. 7. С. 97.

Башина О. Э., Васютина Е. С., Матраева Л. В. (2018) Трансформация экономической и трудовой модели поведения современной молодежи в условиях становления цифрового общества //Знание. Понимание. Умение. №. 3. С. 133–145.

Козлова О. А., Макарова М. Н., Архангельский В. Н. (2024) Методический подход к оценке факторного влияния на рождаемость в России //Уровень жизни населения регионов России. Т. 20. №. 1. С. 76–90.

Маслоу А. Г. (2022) Мотивация и личность. СПб. : Питер. 400 с.

Тихонова Н. Е., Аникин В. А., Горюнова С. В., Лежнина Ю. П. (2007). Концепция модернизации в работах классиков социологической мысли второй половины XIX — начала XX вв. //Социология: Методология, методы, математические модели. №. 24. С. 102–129.

Тощенко Ж. Т. (2019) Социология управления. М. : Юрайт. С. 265–284.

Фромм Э. (2023) Иметь или быть? М. : АСТ. 320 с.

Михайлова Людмила Вячеславовна, аспирант кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета по научной специальности 5.4.6. «Социология культуры». ООО «Лаборатория социологической экспертизы Института социологии ФНИСЦ РАН»; Адрес: 111395, г. Москва, Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-60-21. Эл. адрес: socio-mosgu@mail.ru. ORCID: 0009-0001-5816-4716.

Интеграция искусственного интеллекта в образовательный процесс (на примере дисциплины «Международное частное право»)

И. Г. Морозова
Московский гуманитарный университет;
Московский международный университет

Аннотация. В статье анализируются системы работы искусственного интеллекта, а именно: символическая методика, эволюционные алгоритмы и машинное обучение. Автор исследует возможности и последствия применения каждой из названных систем в образовательной сфере, в частности при преподавании дисциплины «Международное частное право».

Ключевые слова: искусственный интеллект, символическая методика, машинное обучение, эволюционные алгоритмы, образовательный процесс.

Активная цифровизация общества, которая продолжается последние десятилетия, привела к тому, что категории, известные нам лишь из научной фантастики, вдруг стали обыденностью. В частности, речь идет об искусственном интеллекте (далее – ИИ; см., например, Мохат, 2017). Следует отметить, что ИИ представляет собой компьютерную программу, которая позволяет найти и обработать большой объем информации в целях решения поставленной задачи. В научной литературе даже можно встретить исследования, посвященные сравнению человеческого и искусственного интеллекта (Буравлев, Ветошкин, 2024). И выводы в данных научных работах неоднозначны.

Для правильной оценки перспектив и последствий использования ИИ в сфере образования следует проанализировать механизмы его работы.

Так, выделяется три основных системы работы ИИ: символическая методика, эволюционные алгоритмы и машинное обучение.

Символическая методика «основывается на использовании логических правил и заранее заданных структур, которые описывают знания о мире»[1]. Так, символический ИИ «представляет знания в виде деревьев решений, таблиц или графов, а его работа — искать решения по строго определенным правилам. Подход недостаточно гибкий, поскольку он не очень хорошо адаптируется к ситуациям, где данных недостаточно или они плохо структурированы»[2] (см. также: Ильин А., Ильин В., 2024).

Таким образом, символьный ИИ не требует наличия огромных объемов данных, для выполнения задачи достаточно ввести определенный набор правил.

[1] Искусственный интеллект — что это такое: определение, как работает ИИ, что относится к искусственному интеллекту [Электронный ресурс] // Platform V. 2024. 11 декабря. URL: https://platformv.sbertech.ru/blog/iskusstvennyj-intellekt-chto-eto-takoe-opredelenie-kak-rabotaet-ii-chto-otnositsya-k-iskusstvennomu-intellektu (дата обращения: 09.03.2026).

[2] Там же.

В образовательном процессе такую методику можно использовать для решения разных задач. В частности, при преподавании дисциплины «Международное частное право» символическая методика применяется для генерации персонализированных заданий (например, создание разных вариантов практических кейсов); для дополнения учебно-методических материалов сгенерированными изображениями, анимацией, в частности, при создании презентаций по дисциплине; в целях проверки выполненных работ, например, промежуточных тестов. Так, деятельность преподавателя часто загружена необходимостью проверки огромного объема выполненных обучающимися практических и тестовых работ (Платов, Гаврилина, 2024). В данном случае возможность делегировать эту задачу ИИ автоматизирует процесс проверки и значительно сокращает затраченное время. Символьная методика также может использоваться и для разнообразия практических занятий. Так, символьный ИИ позволяет сгенерировать кроссворд по заданной теме либо распределить роли в деловой игре, что делает занятия более интересными для обучающихся.

Вместе с тем, использование символической системы не всегда эффективно. В частности, сложности возникают, когда появляется необходимость анализа творческих заданий либо нестандартных ответов обучающихся. В этом случае без личного участия преподавателя получить объективную оценку невозможно.

Следующая система работы ИИ — это эволюционные алгоритмы, которые «опираются на принципы биологической эволюции, такие как мутация, отбор и рекомбинация. Алгоритмы создают множество возможных решений, оценивают их по заданным критериям, а затем лучшие из них используют для создания следующего поколения решений. Этот подход эффективен в задачах оптимизации, где нужно найти наилучшее решение в большом пространстве вариантов...»[1] (см. также: Карпов, 2012).

Если говорить о системе образования, то эволюционные алгоритмы чаще используются не в преподавательской деятельности, а для облегчения выполнения административных функций учебными заведениями. Так, данная система может применяться для аналитики данных, собранных в процессе обучения (например, успеваемость, посещаемость); для разработки виртуальных помощников в целях упрощения поиска информации, организации учебного процесса (в частности, составление расписания занятий) и пр.

Третья система работы ИИ наиболее востребована обучающимися на современном этапе. Речь идет о машинном обучении, которое «базируется на идее, что системы могут обучаться, анализируя информацию, а не опираясь на

[1] Искусственный интеллект — что это такое: определение, как работает ИИ, что относится к искусственному интеллекту [Электронный ресурс] // Platform V. 2024. 11 декабря. URL: https://platformv.sbertech.ru/blog/iskusstvennyj-intellekt-chto-eto-takoe-opredelenie-kak-rabotaet-ii-chto-otnositsya-k-iskusstvennomu-intellektu (дата обращения: 09.03.2026).

заранее заданные правила. Главную роль в этом процессе играют алгоритмы, которые обучаются на больших наборах данных, выстраивая модели, основанные на статистике»[1] (см. также: Нагметова, 2025).

Как уже было отмечено, «этот подход сегодня используют наиболее широко, так как он обеспечивает высокую гибкость и способность адаптироваться к новым данным»[2]. Однако машинное обучение создает эффект «цепной реакции», когда при постановке следующей задачи ИИ обучается не на исходных данных, а на моделях, выстроенных ИИ ранее. Таким образом, с решением каждой новой задачи достоверность полученных выводов падает.

Анализируя систему машинного обучения в рамках преподавания дисциплины «Международное частное право», следует отметить наиболее высокий уровень запросов к ней у обучающихся. В частности, студенты обращаются к ИИ при написании письменных работ (докладов, рефератов, курсовых работ, выпускных квалификационных работ, научных статей), для подбора научной и учебной литературы по заданной теме, а также для выполнения различных практических заданий, в том числе для решения кейсов.

Здесь следует отметить, отсутствие осознанности обучающихся при обращении к ИИ. В частности, наиболее известные сервисы, такие как чат-боты GigaChat и «Алиса», основаны именно на технологии машинного обучения. Студенты зачастую обращаются к ним в целях генерации текстов. Однако обучающиеся используют сгенерированный текст без анализа и внесения каких-либо изменений. В результате преподаватель получает либо идентичные ответы, либо материал, основанный на непроверенных данных. Безусловно, полный запрет на использование ИИ не приведет к положительным результатам. Важно, не запретить, а научить студентов правильно формулировать запросы и анализировать полученные данные.

Следует отметить, что «каждый из этих вариантов можно использовать отдельно или в сочетании, в зависимости от характера задачи и наличия ресурсов и времени на ее решение»[3].

Возвращаясь к изучению возможностей ИИ в образовательной сфере, следует проанализировать отношение обучающихся к его использованию в учебном процессе.

Сравнительно недавно учеными Тюменского государственного университета было проведено исследование когнитивных предпочтений студентов при использовании искусственного интеллекта (Гладкова и др., 2025).

---

[1] Искусственный интеллект — что это такое: определение, как работает ИИ, что относится к искусственному интеллекту [Электронный ресурс] // Platform V. 2024. 11 декабря. URL: https://platformv.sbertech.ru/blog/iskusstvennyj-intellekt-chto-eto-takoe-opredelenie-kak-rabotaet-ii-chto-otnositsya-k-iskusstvennomu-intellektu (дата обращения: 09.03.2026).

[2] Там же.

[3] Там же.

В результате проведенного исследования было выделено три типа обучающихся: «скептик», «сторонник», «прагматик».

Как отмечают исследователи, «для “скептиков”… характерно критическое осмысление возможностей и эффективности использования ИИ при выполнении учебных и научно-исследовательских заданий...» (там же: 143). Таким образом, этот тип обучающихся демонстрирует склонность к ответственному применению ИИ в своей деятельности. В свою очередь, «сторонники» активно включали полученные результаты в свои работы, как правило, без проверки достоверности полученных с помощью ИИ данных. «Прагматики» предпочли обращаться к преподавателю как к научному руководителю за консультациями, используя технологии ИИ в сугубо практических целях, в частности, при оформлении работы, структурировании текста и т. п.

В проведенном исследовании соотношение численности студентов была примерно одинаковое (четыре — четыре и шесть человек соответственно). Схожее исследование, проведенное в рамках преподавания дисциплины «Международное частное право», позволяет сделать вывод о превалирующем количестве «сторонников» среди обучающихся. «Прагматиков» и «скептиков» оказалось меньшинство. Это лишний раз свидетельствует о необходимости не просто внедрения технологий ИИ в образовательный процесс, но и об острой потребности в обучении тому, как его следует использовать.

Подводя итог, необходимо отметить три основных направления применения технологий ИИ в образовательной сфере: внедрение в систему преподавания, использование в рамках административного управления, а также студентами непосредственно при обучении. Во всех случаях можно говорить как о преимуществах, так и о негативных последствиях применения данных технологий.

Так, несомненными плюсами являются быстрота ответов, автоматизация процессов, экономия времени. Вместе с тем, для получения достоверных результатов как преподавателям, так и студентам необходим навык формулирования четкого и правильного вопроса, способность выявлять ошибки и логические несоответствия, а также способность ставить конкретные задачи, которая повысит эффективность анализа информации. В то же время хаотичное, необеспеченное методикой использование искусственного интеллекта приводит к случайным и недостоверным результатам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буравлев, А. И., Ветошкин, В. М. (2024) Искусственный интеллект: сущность, принципы работы, области применения // Вооружение и экономика. № 2 (68). С. 33–42. EDN BXZLNS.

Гладкова, Л. Н. и др. (2025) Качественное исследование когнитивных предпочтений студентов при использовании искусственного интеллекта /

Л. Н. Гладкова, У. Ю. Раведовская, Т. В. Семеновских, Ю. В. Булыгина, А. Л. Фроленкова, О. В. Крежевских // Science for Education Today. Т. 15, № 4. С. 136–157. DOI 10.15293/2658-6762.2504.06. EDN EIJNDN.

Ильин, А. В., Ильин, В. Д. (2024) S-символьная среда искусственного интеллекта // International Journal of Open Information Technologies. Т. 12, № 1. С. 37–42. EDN WQMGAZ.

Карпов, В. Э. (2012) Методологические проблемы эволюционных вычислений // Искусственный интеллект и принятие решений. № 4. С. 43–50. EDN PYYQAF.

Морхат, П. М. (2017) К вопросу об определении понятия искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. № 12 (156). С. 25–32. EDN YWXVIU.

Нагметова, А. (2025) Эволюция методов анализа данных: от традиционной статистики к машинному обучению // Вестник науки. Т. 4, № 6 (87). С. 1249–1264. EDN SZRRZY.

Платов, А. В., Гаврилина, Ю. И. (2024) Искусственный интеллект в образовании: эволюция и барьеры // Научный результат. Педагогика и психология образования. Т. 10, № 1. С. 26–43. EDN QIEXGG.

Морозова Ирина Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент; профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Московского гуманитарного университета; доцент кафедры юриспруденции Московского международного университета. Эл. адрес: bourre@mail.ru

Философское исследование о технологии блокчейн, восстанавливающей механизмы социального доверия

A Philosophical Study on Blockchain Technology Reconstructing Social Trust Mechanisms

Мэй Чжицзюань
Пекинский объединенный университет
Mei ZhiJuan[1]
Beijing Union University

Abstract. In the digital era, the decline of institutional trust and the rise of technical trust driven by blockchain technology have triggered profound philosophical reflections on the nature of trust. This paper examines how blockchain reshapes social trust from ontology, epistemology, and axiology. It reveals trust's transformation from intersubjective relations to technical systems, validation shift from rational negotiation to algorithmic consensus, and ethical tensions between efficiency and justice. By analyzing paradoxes like decentralization centralization, the study proposes a collaborative framework integrating technology, institutions, and ethics, arguing that this paradigm shift rebalances instrumental and value rationality while requiring humanistic embedding for ethical sustainability.

I. Introduction: The Philosophical Inquiry into Trust Crisis and Technological Reconstruction

Modern society confronts a critical dilemma: diminishing institutional trust. Financial scandals expose centralized institutions' regulatory flaws, data tampering widens information asymmetry, and traditional "intersubjective consensus" struggles in high-frequency cross-domain collaboration. Giddens' "abstract system trust" risk materializes as an urgent need for technical intermediaries in the digital age. Blockchain, with decentralization, immutability, and smart contracts, constructs "code-based trust," prompting reflection: as trust shifts from institutional authority to technical systems, does human trust undergo a paradigm revolution from "governance by humans" to "governance by algorithms"? Existing research focuses on technical functions, lacking philosophical exploration of trust mechanism transformation. This paper unpacks blockchain's reconstruction of trust's existential form, validation methods, and ethical boundaries across ontological, epistemological, and axiological dimensions, providing theoretical support for digital trust ethics.[1]

II. The Philosophical Foundation of Technical Trust: From Institutional Rationality to Algorithmic Rationality

2.1 Trust Construction Logic of Blockchain

Blockchain ensures decentralized data storage via distributed ledgers, where node tampering requires breaching 51% hash rate consensus. This grounds trust in

[1] Master of Laws Postgraduate Student, Beijing Union University

mathematical encryption and distributed collaboration. Smart contracts convert contracts into self-executable code, eliminating human intervention uncertainty. Together, these shift trust generation from "institutional dependence" to "algorithmic drive," reducing social relations to computable rules.[2]

2.2 Paradigm Comparison with Traditional Trust

Contrasting Luhmann's "system trust" (reliant on legal symbols), blockchain trust is rooted in technical realism—trust resides in code, computing power, and node systems. Unlike Fukuyama's cultural trust, technical trust transcends geographical/cultural barriers via algorithmic consensus, enabling low-cost stranger collaboration but divest emotional-ethical dimensions.

2.3 Philosophical Theory Dialogue

Heidegger's "technology as disclosure" illuminates blockchain: its ledger discloses value exchange essence, transforming institutional faith into technical system verification. Social contract theory evolves algorithmically: smart contracts turn Hobbes' "Leviathan" coercion into code execution, reconstructing contractual freedom's technical boundaries.[3]

III. Philosophical Dimensions of Trust Mechanism Transformation[3]

3.1 Ontology: Trust's Technological Existential Turn

Traditional trust, based on "intersubjectivity" (e.g., A trusts B's performance), evolves into "machine trust" via blockchain, where trust objects are code-governed technical systems. This shifts trust from human-dependent relational attributes to technical-system entities—hash values/timestamps become trust carriers, analogous to currency's evolution from metal to digital, reconstructing trust's "mode of existence."[4]

3.2 Epistemology: From Subjective Negotiation to Algorithmic Consensus

Habermas' "communicative rationality" often fails due to interest conflicts. Blockchain's consensus algorithms convert value negotiations into mathematical problems, enhancing validation efficiency. Risk arises: algorithmic consensus may instrumentalize human cognition, eroding trust's moral connotation via technical necessity.

3.3 Axiology: Transparency Justice vs. Ethical Tensions

Blockchain's traceability embodies "transparency justice" (e.g., government data on-chain boosts credibility), but "code rigidity" triggers privacy paradoxes (e.g., GDPR-anonymity conflicts as public-private interest games). Deeper contradiction: computing power centralization ("decentralized centralization") may alienate trust into power monopoly, deviating from equality.[5]

3.4 Ethics: Technical Autonomy vs. Human Subjectivity

Technological optimists advocate "code as law" but ignore algorithmic biases (e.g., Amazon AI's gender discrimination). Blockchain's decentralization causes "responsibility dispersion," challenging legal accountability for smart contract losses. Warning: technical trust must embed human ethics to avoid dehumanized computation.[6]

IV. Real-World Challenges and Localized Reflections

4.1 Internal Paradoxes of Technical Trust

Quantum computing threatens to crack encryption, exposing technical trust's "temporary" reliability (based on unfalsified status, not eternal truth). Bitcoin mining pool centralization/Ethereum node unevenness exemplifies decentralized architecture's resource monopoly, proving technical trust cannot detach from social structures.

4.2 Institutional/Cultural Adaptation Dilemmas

Smart contract automation conflicts with legal flexibility; a Dutch court invalidating a blockchain lease contract shows code must operate within law. In China, DAO's distributed negotiation clashes with hierarchical culture, indicating technical trust needs institutional-cultural transformation, not just technology transfer.[7]

4.3 Ethical Tradition Modernization

Confucian "sincerity-based trust" resonates with blockchain's "code sincerity," but hierarchical particularism conflicts with technical universalism. Integrating "righteousness-profit distinction" and "do not impose" into technical systems is key for localized construction.

V. Collaborative Evolution: Trust Ecosystem of Technology, Ethics, and Institutions

5.1 Technical: Elastic Architecture Design

Adopt hybrid blockchains: permissioned for public affairs (regulatory compliance), consortium for commerce (efficiency), avoiding extreme decentralization. Promote cross-chain interoperability and trust protocol standardization, reserving "ethical interfaces" for human intervention against algorithmic tyranny.[8]

5.2 Institutional: Dynamic Governance

Establish "sandbox regulation" for controlled blockchain pilots (e.g., China's digital RMB testing). Revise laws to clarify technical subjects' legal status and embed legal principles via "code compliance" for technology-law bidirectional adaptation.[9]

5.3 Ethical: Cultural Gene Modernization

Leverage Confucian "sincerity" and "Doctrine of the Mean", translating "righteousness-profit unity" into algorithmic ethics and requiring developer moral commitments. Cultivate public dialectical trust: utilize technical efficiency while guarding against alienation, preserving trust as a human emotional value carrier, not just a tool.[9]

VI. Conclusion: Safeguarding Trust's Essence in Technological Reconstruction

Blockchain drives trust's shift from "institutional" to "technical rationality," rebalancing instrumental and value rationality in human trust evolution. This revolution expands trust forms via technology: ontologically as technical systems, epistemologically via algorithms, axiologically through efficiency-ethics balance.

Future efforts must avoid "technological determinism" and "nihilism," pursuing technology-institution-culture co-evolution. Blockchain's true value lies in its

revelation: aligning innovation with humanism enables a trust ecosystem merging efficiency and warmth, addressing a philosophical proposition of digital existence.

REFERENCES

[1] T. Hewa & M. Ylianttila, "Survey on Blockchain Based Smart Contracts: Applications, Opportunities and Challenges," Journal of Network and Computer Applications, p. Q (2021).

[2] K. Wüst & Arthur Gervais, "Do You Need a Blockchain?," 2018 Crypto Valley Conference on Blockchain Technology (CVCBT), p. C (2018).

[3] Jennifer Li & M. Kassem, "Applications of Distributed Ledger Technology (DLT) and Blockchain-Enabled Smart Contracts in Construction," Automation in Construction, Vol. 6, p. 6 (2021).

[4] Shiyuan Lin, Lei Zhang et al., "A Survey of Application Research Based on Blockchain Smart Contract," Wireless Networks, p. M (2022).

[5] Jens J. Hunhevicz & D. Hall, "Do You Need a Blockchain in Construction? Use Case Categories and Decision Framework for DLT Design Options," Advanced Engineering Informatics, p. M (2020).

[6] Javad Zarrin, Hao Wen Phang et al., "Blockchain for Decentralization of Internet: Prospects, Trends, and Challenges," Cluster Computing, p. M (2020).

[7] S. Mohanty, V. P. Yanambaka et al., "PUFchain: A Hardware-Assisted Blockchain for Sustainable Simultaneous Device and Data Security in the Internet of Everything (IoE)," IEEE Consumer Electronics Magazine, p. Q (2019).

[8] R. Hull, Vishal S. Batra et al., "Towards a Shared Ledger Business Collaboration Language Based on Data-Aware Processes," International Conference on Service Oriented Computing, p. Φ (2016).

[9] Abdul Wahab & W. Mehmood, "Survey of Consensus Protocols," ArXiv, p. M (2018).

[10] Sherman, Farid Javani et al., "On the Origins and Variations of Blockchain Technologies," IEEE Security & Privacy, p. M (2018).

Развитие кредитно-денежных отношений в условиях «военной экономики» 1914-1917 гг. Исследования российских экономистов

И. А. Назарова
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье проводится анализ роли кредитно-денежных инструментов в конкурентной борьбе индустриально развитых стран за валютное лидерство и формирование новых финансовых центров в условиях развития хозяйственной нестабильности и «военной экономики». Рассматриваются исследования известных российских экономистов М. И. Туган-Барановского, Н. Д. Кондратьева, З. С. Каценеленбаума, И. А. Трахтенберга.

Ключевые слова: мировые кризисы, «военная экономика», кредитно-денежная система, «революция цен», технологические уклады, «безденежье», демонетизация золота.

К началу XX в. интенсивные процессы индустриализации, связанные с формированием нового технологического уклада, концентрации капитала, обострения национальных промышленных и мировых кризисов, стали условием развития перманентной экономической нестабильности. Накопление неразрешимых в рамках национального хозяйства экономических проблем переводило хозяйственную конкуренцию в ранг военного конфликта. Масштабный мировой кризис приобретал более высокий статус и становился кризисом политическим, который в 1910-е годы «замораживал» интеграционные тенденции в Европе, нарушая работу межнациональных кредитно-денежных институтов, товарооборот и движения капиталов. Точкой кульминации в этот момент становится особый тип государственной экономической политики и регулирования рыночных отношений, которые в российской литературе в конце XIX века стали называть *«военной экономикой»*.

Результатом развития *«военной экономики»* становится *«военная конъюнктура»*, *специфическая форма рынка,* предложение которого, в первую очередь, направлено на удовлетворение военного спроса. В условиях развития «военной экономики» в государственном хозяйстве происходили резкие изменения величины гражданского и военного спроса и потребления.

Исследования факторов хозяйственной нестабильности в российской экономической науке начала XX столетия

Исследование цикличности промышленного развития в работах М. И. Туган-Барановского. Состояние хозяйственной нестабильности в развитых и молодых индустриальных странах в начале XX века, в условиях концентрации промышленного производства, расширения географии и масштабов транспортных перевозок, глобализации кредитно-денежных операций приводило к обострению международных отношений и к углублению крупных военных конфликтов. Однако, несмотря на то, что национальные экономики испытывали

разрушительное влияние периодически повторявшихся в течение XIX – начала XX вв. промышленных кризисов, в научной литературе, сосредоточенной на решении микроэкономических проблем, серьезного анализа причин и механизмов цикличности не было.

Глубоким исследованием факторов нестабильности промышленного производства и кредитно-денежного обращения стали работы М. И. Туган-Барановского «Периодические промышленные кризисы» (1894 г.) и «Бумажные деньги и металл» (1917 г.). Ученый показал влияние кредитно-денежного обращения, факторов хозяйственной конъюнктуры на развитие промышленных кризисов.

В поисках ответа на вопрос, «*какие хозяйственные факторы «запустили» развитие цикличности и повторяемости кризисов?*», изучая статистику промышленного роста в крупных индустриальных странах, М.И. Туган-Барановский вскрыл ряд ключевых факторов неравномерности и цикличности капиталистического производства. Включая в свой анализ системные причины

развития кризиса, описанные К. Марксом, - противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения его результатов (1) и неорганизованность капиталистического хозяйства (2), М. И. Туган-Барановский выделил следующие специфические особенности развития капиталистического производства, неизбежно приводившие к состоянию общехозяйственной нестабильности:

- *асинхронность спроса и предложения на рынке основного капитала*;

-*неравномерность темпов накопления основного и оборотного капиталов*;

- *кредитно-денежные инструменты развития кризиса.*

Он показал, что кризисы как специфическая закономерность капитализма, стали развиваться *с появлением денежного обмена в товарном обороте: именно с этого момента появляется возможность общего перепроизводства.*

Рассматривая *состояние общехозяйственной конъюнктуры сквозь призму цен,* М. И. Туган-Барановский пришел к выводу, что *общий уровень цен, как специфический инструмент в масштабах макроэкономики включает (помимо сугубо производственных и рыночных факторов) влияние кредитно-денежной, налогово-бюджетной политики государства, поэтому характеризует хозяйственную конъюнктуру как целое.*

М. И. Туган-Барановский выясняет этапы формирования ценности кредитно-денежной валюты с учетом хозяйственной активности на уровне отдельных предприятий, региональных и национальных товарных рынков:

- уровень *относительных цен* (1)*,* которые зависят от издержек производства в соответствии с действием закона равной прибыли на равный капитал;

- *общий уровень товарных цен,* который формируется под влиянием *«сознательных расценок»* агентов рынка (2) *и*

- *«денежных цен»,* как результата изменения экономической конъюнктуры народного хозяйства страны в целом (3).

М. И. Туган-Барановский приходит к заключению, что *валютный курс испытывает влияние трех факторов ценообразования и зависит от изменения всех элементов этого сложного структурного единства*.

Рассматривая развитие нестабильности, начиная с микроэкономических процессов и завершая макроэкономической трансформацией национальной хозяйственной системы, ученый выделяет влияние экономических и политических факторов (таблица 1), которые приводят к колебаниям валютного курса.

Таблица 1

Факторы трансформации хозяйственной системы
(М. И. Туган-Барановский, З. С. Каценеленбаум)

Развитие капиталистической хозяйственной системы	
Переход от товарного производства к индустриальной системе хозяйства	Факторы трансформации хозяйства
1. Экономические факторы трансформации:	*Рост масштабов обмена под влиянием* -расширения товарооборота и изменения условий сельскохозяйственного быта; -урбанизации; - роста спроса; -изменения структуры потребления
2. Политические факторы трансформации:	- *«революция цен»* как «экономический двойник» социальной революции *(М. И. Туган-Барановский, З. С. Каценеленбаум)*
3. Общие макроэкономические факторы:	*Развитие общего кризиса перепроизводства:* -изменение общего уровня товарных цен; - изменение общего уровня денежных цен.

Источник: составлено автором с использованием данных (Туган-Барановский, 1917; Каценеленбаум, 1918).

В концепции М. И. Туган-Барановского фирмы, покупатели и продавцы, рыночная конъюнктура и государство рассматриваются как *«коллективные» участники национального и мирового обмена.* Крепкая валюта и инструменты поддержания ее стабильности на мировом рынке являются мощным финансовым ресурсом промышленного роста в конкурентном соревновании различных стран.

Опираясь на положения своей конъюнктурной теории денег, М. И. Туган-Барановский предлагает оригинальную трактовку такого феномена, как *«революция цен»*. В своей динамической модели развития общехозяйственного кризиса М. И. Туган-Барановский выделил *изменения масштабов обмена (расширение товарооборота, рост спроса и урбанизацию)* и «*революцию цен*»,

вызванную не количественным притоком благородной монеты с других континентов, а социально-политическими потрясениями.

«Революцию цен» он представляет как результат изменения хозяйственной системы под влиянием совокупности факторов: *перехода от натурального хозяйства к товарному* (денежному); *роста городов и увеличения денежного спроса на продукцию сельского хозяйства.*

В 1918 г. выводы ученого подтверждает известный специалист в области финансов и денежного обращения З. С. Каценеленбаум, который подчеркивал, что «*революция цен*» является «*экономическим двойником*» социальной революции.

Исследования М. И. Туган-Барановского показывают взаимосвязь развития промышленной нестабильности, денежных кризисов и «революции цен» в условиях мирного хозяйства и в ситуации «военной конъюнктуры».

Анализ особенностей развития «денежных кризисов» в начале XX в. В фундаментальной работе известного экономиста И. А. Трахтенберга «Денежные кризисы (1821–1938 г.)» показывается, что денежные кризисы затрагивают все уровни народного хозяйства, вследствие того, что ссудный капитал, как совокупный доход представителей различных классов общества, *утрачивает следы своего сословного происхождения* и превращается в обезличенную массу.

В модели экономического кризиса И. А. Трахтенберга показывается, что в процессе расширенного воспроизводства накопление ссудного капитала обгоняет рост основного капитала, поэтому сужается реальная база кредитной надстройки, но потребность в новых капиталах все еще увеличивает спрос на него. Усиленный спрос на ссудный капитал приводит к его дефициту, который выражается в росте процента. *Пределы промышленного роста обнаруживаются в денежном кризисе, как кризисе платежных средств.*

Алгоритм влияния денежного кризиса на промышленную конъюнктуру, по его мнению, включает следующие этапы. *Во-первых,* денежный кризис путем сжатия кредитной надстройки *«насильственно соединяет временно разорванные» элементы воспроизводственного процесса* – реальный и ссудный капиталы. *Во-вторых,* учитывая то, что расширение производства происходит в узких рамках, причиной кризиса является не промышленное перепроизводство, а *спекуляции в кредитно-денежной сфере. В-третьих,* предкризисный биржевой бум обычно с наибольшей силой проявляется в стране, ставшей центром космополитической деятельности ссудного капитала.

Единство рынков ссудных капиталов, космополитичных по своему характеру, придает денежным кризисам особые черты: они становятся мировыми и с наибольшей остротой проявляют себя в странах с наиболее высокими в данный период темпами экономического роста. В 1899–1901 гг. такой денежный кризис развернувшийся в России, отличался исключительной

глубиной и интенсивностью: он сыграл заметную роль в развитии мирового цикла.

И. А. Трахтенберг приходит к выводу, что ситуация «безденежья» в действительности является результатом недостатка ссудного капитала, потому что в этот момент происходит сжатие огромных кредитных капиталов, их насильственное обесценение и *приведение в соответствие с размерами действительных капиталов.*

Развитие *«военной конъюнктуры»* в чрезвычайной ситуации приводит к сокращению гражданского сектора экономики и потребительского спроса, сокращает число занятых, нарушает товарообмен между промышленными центрами и периферией, движение денежных потоков, сужает воспроизводственную базу традиционных отраслей.

Богатейшие индустриально развитые страны Европы в ходе Первой мировой войны были вытеснены новыми странами-экспортерами, непосредственно не принимавшими участия в военных действиях – США, Японией, Канадой, Австралией.

Сравнивая показатели роста промышленного потенциала различных стран мира (не считая России), Н. Д. Кондратьев, проводивший анализ экономики после окончания Первой мировой войны, выделил три группы стран:

- индустриально развитые страны европейского континента, принимавшие участие в Первой мировой войне, – Франция, Англия, Италия;
- европейские страны, проводившие нейтральную политику;
- страны, представлявшие другие континенты и включившиеся в мировую конкуренцию после окончания военного конфликта (США, Канада, Япония и Австралия). Н. Д. Кондратьев показал, что экспорт стран, включенных в первую группу резко сократился, однако доходы многократно выросли в заокеанских странах, включенных им в третью группу (таблица 2).

Таблица 2

Результаты экспортно-импортной конкуренции в 1918 году (в %)

Страны	**Период анализа**	
	1913	**1918**
Франция	81,7	21,2
Англия	79,7	39,0
Италия	68,9	20,8
США	139,3	206,4
Канада	21,9	131,8
Австралия	95,6	129,0

Источник: составлено автором с привлечением расчетов (Кондратьев, 2002, с. 95–96).

Российские экономисты приходят к заключению, что по окончании военной конфронтации открываются новые, значительные по масштабам, возможности для накопления огромных состояний транснациональных корпораций. *Накопление значительных золотовалютных резервов, валютная конкуренция приводят к смене индустриальных лидеров в мире.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каценеленбаум З. С. (1918). Обесценение рубля и перспективы денежного обращения. М. : Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°.

2. Кондратьев, Н. Д., Яковец, Ю. В., Абалкин, Л. И. (2002). Большие циклы экономической конъюнктуры и теория предвидения //Избранные труды. Экономика.

3. Назарова И. А. (2024). Роль денежных инструментов в развитии кризиса и «военной экономики» (первая половина XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. №2. С. 289–309.

4. Трахтенберг, И. А. (1939). Денежные кризисы (1828–1938). /Мировые экономические кризисы. Т. 3. Госфиниздат.172 с.

5. Трахтенберг И. А. (1954). Кредитно-денежная система капитализма после Второй мировой войны. М. : Издательство Академии наук СССР.

6. Туган-Барановский М. И. (1917). Бумажные деньги и металл. П. : Тип. «Правда».

7. Туган-Барановский М. И. (1914*).* Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. СПб.

Назарова Ирина Александровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономических и финансовых дисциплин Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-59-30. Эл. адрес: mitht.ira@yandex.ru.

Доказательное образование в вузе: от «активности» к измеримому росту компетенций

Д. Ю. Нечаев
Московский гуманитарный университет

Аннотация. Осуществляется постановка и приводится решение задачи формализации процесса формирования метакомпетенций через рефлексивное освоение деятельностных моделей.

Ключевые слова: цифровое портфолио, публикации в научном журнале, благотворительный марафон, цифровая платформа, сертификат от организаций, отзывы от наставников, ссылки на публикации, фото/видео с архивом, метаданные, API-интеграция.

В соответствии с индустриальной методологией на личность и ее систему ценностей оказывает существенное влияние окружающая среда (Костина, 2024). В этих условиях современный образовательный процесс в вузе находится на перепутье. С одной стороны, растет требование к подготовке специалистов, способных решать сложные, нестандартные задачи в условиях неопределенности (Нечаев, 2011). С другой — большинство вузов продолжают оценивать студента по принципу: «Сколько он сделал?», а не «Чему он научился?». Это порождает системную дисфункцию:

- студенты участвуют в мероприятиях не ради развития, а ради баллов и стипендий;
- преподаватели организуют «мероприятия-заглушки», чтобы отчитаться о показателях эффективности в рамках аккредитационных мониторингов;
- руководство вуза строит стратегии на основе «количество участников», «количество часов», «количество грамот», не понимая, какие из них реально формируют профессиональные компетенции.

Мы живем в эпоху доказательного подхода — в медицине, управлении, бизнесе (Нечаев, 2022; Нечаев, Семенюк, Черникова, 2024). Но в образовании — особенно в оценке внеучебной деятельности — мы до сих пор действуем по принципу «ярлыков»: «волонтер — хороший», «олимпиадник — умный», «спортсмен — дисциплинированный». Это не доказательство. Это декорация.

Проблема: отсутствие связи между активностью и компетенциями. Традиционные системы рейтингования не отвечают на ключевые вопросы:

- Почему студент-социолог, который 50 часов провел в качестве волонтера в детском доме, получает меньше баллов, чем студент-инженер, выигравший региональную олимпиаду?
- Как доказать, что участие в студенческом совете развивает лидерство, а не просто «заполняет форму»?
- Как работодатель может быть уверен, что «активный студент» — это действительно компетентный специалист?

Возможный ответ заключается в возрастающей потребности внедрения методик измеряемых результатов активностей и достижений обучаемого. Именно здесь возникает проблема доказательного образования — когда невозможно связать образовательный опыт с конкретными, наблюдаемыми, измеримыми изменениями в компетенциях студента.

В исследовании предлагается относительно новая парадигма — не «оценивать участие», а «доказывать развитие» на основе оценки доказательного рейтинга по данным цифрового портфолио и компетентностного анализа

1. Цифровое портфолио как база доказательств (Программное обеспечение ... , 2023).

Каждое достижение студента — от публикации в научном журнале до организации благотворительного марафона — загружается в единую цифровую платформу с обязательным подтверждением:

- сертификаты от организаций;
- отзывы от наставников;
- ссылки на публикации;
- фото/видео с архивом (с метаданными);
- API-интеграции с официальными порталами (олимпиады, волонтерские центры, научные базы).

2. Компетентностный анализ: от «что сделал» к «чему научился»

Предлагаемое решение должно использовать технологии машинного обучения и семантический анализ для сопоставления каждого достижения с конкретными профессиональными и метакомпетенциями (табл. 1), где каждое доказательство — это не балл, а «свидетельство компетенции».

Таблица 1

Примеры сопоставления достижения с конкретными профессиональными и метакомпетенциями

Достижение	Развитая компетенция	Доказательство
Участие в международной конференции	Критическое мышление, научная коммуникация	Тезисы, отзывы рецензентов, презентация
Волонтерство в реабилитационном центре	Эмпатия, этическое принятие решений, работа в мультидисциплинарной команде	Отзывы сотрудников, личный рефлексивный отчет
Организация студенческого фестиваля	Проектное управление, лидерство, управление ресурсами	План, бюджет, отчет о результатах, фото команды
Победа в олимпиаде	Решение сложных задач под давлением, глубокое погружение в предмет	Результаты, задания, интервью с жюри

3. Адаптивное взвешивание: контекст важнее количества

Вес каждого критерия не фиксирован — он динамически подстраивается под:

- направление подготовки (для медиков — волонтерство «весит» выше, чем спорт);
- уровень студента (для аспиранта — научная публикация «весит» в три раза больше, чем для бакалавра);
- стратегические приоритеты вуза (в год акцента на устойчивое развитие вес экологических инициатив повышается).

Алгоритм должен обучаться на исторических данных: «Какие студенты, участвовавшие в Х, получили стипендии, поступили в магистратуру, были рекомендованы работодателями?» — и на этой основе определяет, какие действия действительно ведут к успеху.

4. Персональный «доказательный отчет» — не рейтинг, а путь развития

Каждый студент должен получать семестровый отчет, к примеру, в формате: «Ваш профессиональный рост за 2025 год».

✅ Развиты:

- лидерство — на 78% (организация фестиваля, 120 часов);
- коммуникация — на 65% (публичные выступления, пять конференций);
- критическое мышление — на 82% (научная статья, участие в олимпиаде).

🔍 Рекомендация: углубите навыки проектного управления — пройдите курс в Центре карьеры.

📊 Сравнение с группой: Вы выше 87% студентов по лидерству, ниже 60% по управлению временем.

Этот отчет — не для вуза. Это — портфолио для работодателя, магистратуры, грантовой комиссии. Сравнительный анализ традиционных образовательных технологий и методов и системы доказательного образования приведен в таблице 2.

Ожидаемый результат: три уровня трансформации

1. Для студента

- Он перестает быть «пассивным участником» и становится архитектором своего развития.
- Он понимает: «Если я хочу работать в международной компании — мне нужно развивать не только науку, но и коммуникацию и управление проектами».
- Он получает личный, понятный, убедительный документ — не «справку об активности», а доказательство профессиональной зрелости.

2. Для вуза

- Он получает данные для принятия решений о том, какие формы внеучебной деятельности реально повышают трудоустройство, какие

программы стоит развивать, а какие — пересмотреть, какие компетенции у выпускников слабы — и почему.

- Это — основа для аккредитации, рейтингов, стратегии развития.

Таблица 2

Сравнительный анализ традиционных образовательных технологий и методов и системы доказательного образования

Традиционная система	**Доказательная система**
«Участвовал — молодец»	«Сделал — и вот доказательства, как это изменило вас»
Баллы — абстрактные	Баллы — доказательства компетенций
Оценка по шаблону	Оценка по индивидуальному пути
Сравнение между не сравниваемыми профилями и направлениями	Сравнение в рамках профиля с учетом динамического перераспределения весов критериев
Мотивация — «надо получить баллы»	Мотивация — «я хочу стать лучше»

3. Для рынка труда

- Работодатель видит не «студент участвовал в 10 мероприятиях», а «Этот выпускник умеет вести переговоры с клиентами (доказано: три проекта с реальными заказчиками), управлять сроками (доказано: фестиваль с 500 участниками), работать в команде (доказано: волонтерство в мультикультурной среде)».
- Это снижает риски найма, ускоряет адаптацию, повышает качество подбора.

Доказательное образование формирует основы для прекращения функционирования вуза как «бюрократической машины по выдаче дипломов» и старта развития вуза как «лаборатории развития человека».

Постановка задачи формализации процесса формирования метакомпетенций через рефлексивное освоение деятельностных моделей: смена парадигмы от индустриальной к постиндустриальной означает переход от производства кадров к развитию агентов изменений, где образование становится инструментом личностной и профессиональной автономии, а не стандартизированной подготовки к фиксированной роли. Для реализации подобной задачи требуются не столько четкая декомпозиция компетенций по уровням (от воспроизведения до проектирования), сколько основанные на этой декомпозиции инструменты диагностики когнитивных сдвигов обучаемого и механизмы формирования гибких учебных маршрутов, адаптируемые под индивидуальные особенности, учтенные в образовательных траекториях.

Гипотеза исследования. В рамках исследования предполагается, что учебную деятельность вполне возможно представить как формализованный целенаправленный процесс формирования метакомпетенций через рефлексивное освоение деятельностных моделей, а не репродуктивное усвоение

знаний. Под метакомпетенциями здесь понимается способность выпускника к оперативной адаптации и применению знаний в контексте постоянно изменяющихся задач профессиональной деятельности и условий их реализации, а не знание как таковое. Интенсивная смена контекстов, инструментов, требований, условий и пр. формирует динамически нестабильную траекторию эффективной образовательной деятельности субъекта увеличивая ее трудоемкость и требуя от обучающегося постоянной когнитивной перестройки и оперативной рефлексии, и внутренней трансформации. Процесс формирование метакомпетенций в образовании может быть формализован как функциональная зависимость:

$$M = f(C, R, P, S) \quad [1],$$

где:

- M — уровень сформированности метакомпетенции;
- C — когнитивная рефлексия (способность анализировать собственные учебные стратегии, корректировать подходы, осознавать границы знаний);
- R — регулятивная автономия (умение ставить цели, планировать учебную деятельность, управлять временем и ресурсами);
- P — проективная позиция (способность моделировать будущие сценарии применения знаний, адаптироваться к неопределенности, инициировать изменения);
- S — социокультурная контекстуализация (понимание социальных, этических и профессиональных норм, в которых реализуются компетенции).

Проблема целеполагания. Результатом динамической смены контекстов является обострение конфликта целеполагания. Цели, задаваемые экзогенно — внешними по отношению к обучаемому структурами и статичными нормативными документами (ФГОС, ОПОП, учебные планы, РПД, учебно-методические литература и обеспечение). При этом целеполагание обучаемого к целерациональной деятельности формируется через его личностную интерпретацию и рефлексию, в том числе и более активно сменяемых, чем образовательные нормы, контентов, требуемых практикой и рынком труда. Таким образом, предлагаемая формализованная модель активного, целенаправленного процесса формирования метакомпетенций и управляемого изменения когнитивной и поведенческой структуры как субъекта образовательной деятельности, преподавателя, так и объекта должна объединять: деятельность по формированию профессиональной культуры (компетентностный подход); контекстное обучение на основе моделирования реальных сценариев; проективное образование самоопределяющейся личности. При этом предлагаемые выше теории обучения не являются альтернативными, а комплементарны: ассоциативно-рефлекторные — базис для автоматизации рутинных операций (например, бухгалтерские проводки, стандарты отчетности); деятельностные — основа для решения неструктурированных задач (управление проектами, кадровые стратегии, цифровая трансформация).

Формализованная модель активного, целенаправленного процесса формирования метакомпетенций представляется как:

mathcal{M} = \Phi(\mathcal{C}, \mathcal{K}, \mathcal{P}) [2],

где:

- (\mathcal{M}\) — динамическая метакомпетенция как устойчивое изменение поведения и когнитивных особенностей обучаемого и преподавателя в сторону целевого состояния;
- (\mathcal{C}\) — целерациональная деятельность в пределах освоенной компетенции учитываемая как результативная в системе рейтингования по данным личного кабинета;
- (\mathcal{K}\) — контекстное моделирование, имитация реальных профессиональных сценариев (кейсы, симуляции, стажировки), где обучение происходит через решение неструктурированных задач в условиях неопределенности;
- (\mathcal{P}\) — проективное самоопределение, формирование способности к автономному прогнозированию собственной траектории развития, принятию ответственности за выбор и адаптации к изменяющимся условиям через рефлексивные практики (менторство, портфолио, дискуссии).

Модель функционирует как обратная связь с усилением:

\Delta \mathcal{M}_t = \lambda \cdot \left(\mathcal{C}_t \cdot \mathcal{K}_t \cdot \mathcal{P}_t \right) - \mu \cdot \mathcal{R}_t, [3]

где:

- \(\lambda\) — коэффициент интеграции компонентов (0 < \(\lambda\) ≤ 1);
- \(\mu\) — коэффициент когнитивного сопротивления (привычки, страх неудачи, инерция);
- \(\mathcal{R}_t\) — резистентность субъекта к изменениям (измеряется через анкеты, поведенческие индикаторы, активность в LMS — Learning Management System, т. е. в системе управления обучением, на платформе для онлайн-обучения.

Условия эффективности:

1. Синхронизация: все три компонента (\(\mathcal{C}, \mathcal{K}, \mathcal{P}\)) должны быть активны одновременно — отсутствие одного снижает эффективность на 40–60%.

2. Агентность преподавателя — он выступает не как передатчик знаний, а как дизайнер среды, куратор сценариев и коуч по проектированию траектории.

3. Измеримость — метакомпетенция фиксируется через цифровое портфолио с метками «самоанализ», «сценарий решения», «итоговая адаптация».

Для полной реализации требуются:

1. эмпирические данные по коэффициентам \(\lambda\) и \(\mu\) для направления подготовки;

2. инструментарий автоматизированной оценки $\mathcal{R}_t$ (поведенческие паттерны в LMS);

3. стандартизированная шкала для квантификации $\mathcal{P}$ (проективная зрелость).

С учетом цели раздела формализованную зависимость формирования метакомпетенции возможно представить в виде:

$$M = \alpha \cdot \left(\sum_{i=1}^{n} w_i \cdot C_i \right) \cdot \left(\frac{1}{k} \sum_{j=1}^{k} K_j \right) \cdot \left(\frac{1}{p} \sum_{l=1}^{p} P_l \right), \quad [1.5]$$

где:

- M — интегрированный показатель отражающий сформированность метакомпетенции на момент промежуточной аттестации;
- C — индикаторы, отражающие уровни освоения i-ой компетенции$C_i \in [0,1]$);
- w_i — весовые коэффициенты компетенций ($\sum w_i = 1$);
- K_j — успешность реализации j-го контекстного сценария (оценка по критериям: адекватность решения, глубина анализа, адаптация — $K_j \in [0,1]$);
- P_l — показатели проективной позиции (например, глубина прогнозирования, инициативность, осознанность выбора — $P_l \in [0,1]$);
- n — количество компетенций;
- k — количество смоделированных сценариев;
- p — количество проективных задач;
- α — общий масштабирующий коэффициент интеграции ($\alpha \in (0,1]$), учитывающий согласованность компонентов.

Условие

Метакомпетенция формируется только при одновременном достижении пороговых значений:

$$\min(C_i) \geq c_0, \quad \min(K_j) \geq k_0, \quad \min(P_l) \geq p_0, \quad [1.6]$$

где c_0, k_0, p_0 — минимальные пороги (например, 0.6), ниже которых модель не активируется.

Для полной реализации модели требуются:

- эмпирические значения $w_i, \alpha, c_0, k_0, p_0$ для соответствующего направления;
- данные по измерению C_i, K_j, P_l на выборке обучающихся;
- методика стандартизации шкал для K_j и P_l.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Костина, А. В. (2024) Формирование личности: влияние окружающей среды на систему ценностей // Моисеевские чтения. Климатические и иные резкие изменения в современной окружающей среде как реальная угроза

развитию общества : доклады и материалы VII Общероссийской научной конференции (Москва, 23 мая 2024 г.). М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 227–232. EDN GURPKD.

Нечаев, Д. Ю. (2011) Развитие методологии системного подхода в условиях глобализации многомерного коммуникационного пространства : монография. М. : Изд-во РГТЭУ. 126 с. ISBN 978-5-87827-461-6. EDN QONMWH.

Нечаев, Д. Ю. (2022) Агрессивная дивергенция аттракторов цифровых парадигм реципиентных экономик в активном противоборстве цивилизаций // Высшее образование для XXI века. Воспитание: вызовы современности : доклады и материалы (Москва, 24–26 ноября 2022 г.) / под общ. ред. И. М. Ильинского. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 284–291. EDN KYIKHG.

Нечаев, Д. Ю., Семенюк, Н. Л., Черникова, Е. А. (2024) О проблеме подмены изотелезиса комплаенсами доказательного безнаказанного управления агрессивными дивергентами // Моисеевские чтения. Климатические и иные резкие изменения в современной окружающей среде как реальная угроза развитию общества : доклады и материалы VII Общероссийской научной конференции (Москва, 23 мая 2024 г.). М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 325–329. EDN HIPEFB.

Программное обеспечение информационных технологий и систем (импортозамещение) (2023) / В. Ф. Макаров, Д. Ю. Нечаев, Е. В. Романова, А. Г. Тимофеев. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 135 с. EDN GCVMWP.

Нечаев Дмитрий Юрьевич, кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной информатики и статистики Московского гуманитарного университета.

Методика многофакторного адаптивного рейтинга учебных групп вуза по основным студенческим активностям на основе цифрового портфолио с динамическим взвешиванием

Д. Ю. Нечаев
Московский гуманитарный университет,
Е. А. Черникова
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация. Осуществляется постановка и приводится решение задачи многофакторного адаптивного рейтинга учебных групп вуза по основным студенческим активностям на основе цифрового портфолио с динамическим взвешиванием.

Ключевые слова: цифровое портфолио, публикации в научном журнале, благотворительный марафон, цифровая платформа, сертификат от организаций, отзывы от наставников, ссылки на публикации, фото/видео с архивом, метаданные, API-интеграция.

Рейтинговая оценка как основа интеграции: целью рейтингования является объективное и прозрачное определение уровня студенческой активности на основе измеримых, официально подтвержденных показателей, характеризующих достижения индивидуального обучающегося, учебной группы, факультета, вуза в целом в учебной и внеучебной деятельности.

Рейтинг направлен на стимулирование вовлеченности студентов в научную, культурную, спортивную, волонтерскую и общественную жизнь вуза, а также на выявление лидеров и групп-примеров для дальнейшего развития студенческой среды.

Рейтингование представляет собой одновременно систему, модель, организацию и процедуры, гарантирующие обучающимся необходимое общественное развитие.

Основными задачами формирования методики рейтинговой оценки студенческой активности в принятом в исследовании вузе являются:

1. определение перечня валидных видов студенческой активности, учитываемых в рейтинге;

2. формализация показателей и балльного учета для каждого вида активности, где каждый тип достижения имеет конкретный вес;

3. формирование методики сбора и структурирования данных по каждой учебной группе за установленный период (семестр/год) из личных кабинетов студентов, включая ФИО студентов, вид активности, дату, уровень (вузовский/региональный/всероссийский) и подтверждающие документы;

4. расчет индекса активности группы как, возможно, среднего арифметического суммарных баллов всех ее студентов, нормализованного по численности группы;

5. формирование рейтинга учебных групп по убыванию индекса активности и его публикация с пояснениями для стимулирования здоровой конкуренции и мотивации;

6. обеспечение прозрачности и справедливости процесса (все критерии, методы расчета и источники данных должны быть доступны студентам и преподавателям, а результаты — подлежать апелляции).

В предложенной методике рейтинг определяется комплексным (целевым) показателем оценки достижений студентов и преподавателей. Целевой показатель учитывает степень отклонения фактического значения от идеального, целевого — учитывающего все виды активности обучаемого: успеваемость; сформированность знаний, умений и навыков; овладение ключевыми на этапе промежуточной аттестации компетенциями; положительную динамику физического и нравственного развития, подтвержденную достижениями в личном кабинете обучаемого; степень соответствия результатов и качества образовательной деятельности ожиданию обучаемого; и пр.

Под термином «достижение» следует понимать документально подтвержденный и имеющий значение для университета успех студента в учебной или внеучебной деятельности.

Для формирования целевого показателя рейтинга учебной группы в вузе целесообразно выбрать и использовать валидные, объективные и измеримые данные, которые отражают не только академическую успеваемость, но и другие стороны студенческой активности, подтвержденные сертификатами, протоколами, справками с записями в личном кабинете студента.

Поддающиеся учету ключевые активности для формирования итоговой целевой функции включают в себя: оценку качества учебной деятельности в части анализа академической успеваемости; анализ внеучебной деятельности, основанный на равной оценке достижений студентов творческих и нетворческих направлений подготовки, отнесенных к одной из пяти групп (научной деятельности; участия обучающихся в олимпиадах и конкурсах; социальной активности, общественной и волонтерской деятельности; творческой, спортивной и культурной активностей; участия обучающихся в студенческом самоуправлении; при условии соответствия критериев достижения заявленной в группе методике).

Предложенный комплекс характеристик (ключевых активностей) образовательного процесса определяется последовательным и эффективным формированием профессионализма оцениваемым количественными показателями качества результатов образования. Для исключения накопительного эффекта учитываемых активностей, обеспечения объективности оценки и ранжирования групп рейтинг формируется в соответствии с

набранными баллами по всем учитываемым методикой активностям на каждый отчетный период и для каждого курса отдельно.

Ниже приведены частные методики оценки ключевых активностей, которые возможно принять к обсуждению и после согласования с администрацией применять в процессах рейтинговой оценки.

Достижения в учебной деятельности. Предлагаемые показатели оценки и методика расчета:

1. В качестве основного источника исходных данных для оценки учебной деятельности принята таблица «Сводные ведомости», применяемая в университете.

2. Для исключения накопительного эффекта учитываемых активностей, обеспечения объективности оценки и ранжирования групп учитываются задолженности по дисциплинам семестра (задолженности прошлых сессий не учитываются).

3. Дисциплины экзамена/дифференцированного зачета определяются в сводной ведомости через функцию «ЕСЛИ», как 2, 3, 4, 5 и учитываются с коэффициентом 1,5.

4. Индикатором не дифференцированно зачета в сводной ведомости являются символы «+»/«-». Коэффициент сложности в данном случае устанавливается равным 1.

5. В случае если в ФИО преподавателя присутствует идентификатор «!», указывающий на сложность предмета или высокий уровень провалов в прошлых семестрах, коэффициент сложности, независимо от формы промежуточной аттестации (зачет, экзамен, курсовая работа), принимается равным 2.

6. Неявка без уважительной причины (н/я1) приравнивается к неудовлетворительной оценке и учитывается в графе пересдач методики.

7. Неявка с уважительной причиной (н/я) в расчете как задолженность не учитывается и при расчете ФИО студента исключается из численности группы.

8. Опционально можно добавить в сводную ведомость весовые коэффициенты для дисциплин с учетом важности изучаемых компетенций в ОПОП.

9. В качестве исходных данных для установления повышенного показателя «Коэффициента сложности дисциплины» приняты данные из объединенных в единый массив сводных ведомостей по факультету. Возможно принять % неявившихся на мероприятие по промежуточной аттестации студентов по итогам прошлой сессии.

Группа: средний балл (СБ) по всем дисциплинам.

Наиболее распространенный и объективный показатель. Рассчитывается как среднее арифметическое всех оценок за семестр/год. Формула среднего арифметического всех оценок за семестр в Excel, если оценки записаны в ячейках B2:B10:

=СРЗНАЧ(B2:B10)

Важно:

- используются только итоговые оценки семестра (не промежуточные);
- не дифференцированные зачеты с оценкой «зачтено»/«незачтено» следует оценивать приравнивая к оценкам «отлично» и «неудовлетворительно» соответственно;
- неявку по неуважительной причине (отсутствии подтверждающего документа в деканате) следует оценивать, приравнивая к оценке «неудовлетворительно»;
- в случае неявки по уважительной причине (подтверждающий документ имеется в деканате на момент проведения рейтинга) студент исключается из расчета среднего арифметического.

Группа: успеваемость по ключевым дисциплинам (КД).

Ключевые дисциплины учебного плана — это предметы, которые имеют наибольшее значение для формирования профессиональных компетенций студента по его специальности. Они напрямую связаны с будущей деятельностью выпускника и часто определяют его готовность к работе в профильной сфере.

К ключевым дисциплинам следует относить:

- дисциплины с высоким кредитным весом — те, на которые отведено больше часов и за которые дается больше зачетных единиц (КЕ);
- основные специальные предметы — те, без знания которых невозможно освоить профессию;
- предметы, по которым проводятся государственные экзамены или итоговая аттестация;
- дисциплины, в которых студенты чаще всего сдают пересдачи — это тоже индикатор их важности и сложности.

Количество ключевых дисциплин для каждого курса, направления и профиля подготовки должно быть равным между собой и определяется администрацией вуза. В текущем варианте (при отсутствии информации по ключевым дисциплинам) в соответствии с пунктом а) — для расчета взяты дисциплины с формой промежуточной аттестации «Экзамен» и «Дифференцированный зачет» — как дисциплины с большим числом зачетных дисциплин.

В методике учитываются:

- бинарная составляющая (сдал — «Да», не сдал — «Нет», т. к. средний балл учтен ранее);
- пересдачи по дисциплинам лежат в пределах от 1 до 3, при этом третья пересдача — комиссионная, после этого студент подлежит отчислению и исключается из рейтинга;
- коэффициент сложности по ключевым дисциплинам при количестве равен 1,5.

Тогда, если итоги сдачи ключевых дисциплин бинарно указаны в ячейках C2:C7, а количество пересдач в ячейках D2:D7-, формула в Excel будет:

=СЧЕТЕСЛИ(C2:C7;"Да")/СЧЕТ(D2:D7)

В качестве альтернативы возможно применять взвешенный средний балл, где вес зависит от кредитов или значимости предмета. Однако данный подход нецелесообразен в связи с существенной разницей учебных планов по направлениям и профилям подготовки в университете.

Группа: приведенные пересдачи.

Данный показатель позволяет учитывать стабильность успеваемости, а не только высокие баллы. Чем меньше пересдач, тем выше рейтинг.

Формула приведенного количества пересдач при рейтинговании учебных групп в вузе должна учитывать не просто количество попыток сдачи экзамена или зачета, а взвешенное количество пересдач, чтобы принимать во внимание степень сложности и частоту неудач.

Коэффициент сложности — значение, присваиваемое дисциплине (например, 1.0 — для зачета, 1.5 — для экзамена, 2.0 — для дисциплины с высоким уровнем провалов или сложной программой).

Приведенные пересдачи.

= Σ (количество пересдач по дисциплине × коэффициент сложности),

где:

- количество пересдач по дисциплине — число попыток, которые студент сделал, чтобы сдать конкретный экзамен/зачет (например, 1-я сдача — не считается пересдачей, 2-я — одна пересдача, 3-я — две пересдачи и т. д.).
- коэффициент сложности — значение, присваиваемое дисциплине (например, 1.0 — для зачета, 1.5 — для экзамена, 2.0 — для дисциплины с высоким уровнем провалов или сложной программой).

Этот показатель затем используется для рейтинга группы: чем ниже значение — тем лучше успеваемость.

Если итоги сдачи ключевых дисциплин бинарно указаны в ячейках C2:C7, а количество коэффициент сложности в ячейках E2:E7-, формула в Excel для первого в списке студента будет:

=D2*E2

А суммарное количество пересдач:

=СУММ(F2:F7)

Пример. Группа имеет:

- 5 студентов с 1 пересдачей по экзамену (коэф. 1.5) → 5 × 1 × 1.5 = 7.5;
- 3 студента с 2 пересдачами по зачету (коэф. 1.0) → 3 × 2 × 1.0 = 6;
- 1 студент с 3 пересдачами по сложной дисциплине (коэф. 2.0) → 1 × 3 × 2.0 = 6.

Итого суммарное количество пересдач = 7.5 + 6 + 6 = 19.5.

Приведенное число пересдач определяется как:

=СРЗНАЧ(F2:F7)

Академическая успеваемость. Итоговая формула рейтинга учебной группы: для построения итоговой формулы рейтинга учебной группы, объединяющей средний балл, успеваемость по ключевым дисциплинам и количество пересдач/неудовлетворительных оценок, можно использовать взвешенную комбинированную модель. Ниже приведена практичная и понятная формула, адаптированная под реальные условия вуза.

Если «Средний балл по всем студентам группы» записан в I1, «Успеваемость по ключевым дисциплинам» (УКД) — I2. Результат будет в виде дроби (например, 0.85). Форматируйте ячейку как процент «Среднее приведенное количество пересдач на студента» (ПП) — I3. Итоговый рейтинг группы в ячейке — I5 определится как:

=0,5*I1+0,3*I2+0,2*I3,

где веса: w1=0.5, w2=0.3, w3=0.2 (важности показателей записаны в ячейках К1:К3).

Достижения во внеучебной деятельности. Предлагаемые показатели оценки и методика расчета: для определения рейтинга студентов по критериям внеучебной деятельности источниками информации о достижениях должны стать личные кабинеты студентов, позволяющие развить применение методики многофакторного адаптивного рейтинга на основе цифрового портфолио с динамическим взвешиванием. В подобном сетевом пространстве существуют собственные форматы общения (Нечаев, 2022). Они задаются цифровой средой, где передача и восприятие информации запаздывает, поступая в отсроченном режиме, а также письменной формой передачи сообщения, что в той же мере замедляет коммуникацию (Костина, 2025).

Суть предлагаемой методики: в вузе имеется модуль централизованного хранения данных о достижениях каждого обучающегося во внеучебной деятельности — по сути цифровое портфолио студента в настоящее время загружаются в личный кабинет вручную, подтверждая достижения по части требуемых семи критериев.

В предложенной методике каждое достижение получает базовый балл, но вес каждого критерия динамически корректируется в зависимости от направления и профиля подготовки студента, учитывая превалирование ключевой активности для каждого профиля и направления.

Так, для направлений подготовки, связанных с управлением различными общественно полезными производствами и сторонами хозяйственной деятельности, а также технических направлений (Нечаев, 2011) выше вес научной деятельности и олимпиад. Для гуманитарных направлений выше вес культурной и волонтерской активности. Уровень значимости достижения возможно также корректировать по иерархии достижения, динамически изменяя его вес, отдавая более высокий, к примеру, внешним мероприятиям (относительно вуза), мероприятиям районного, городского, регионального, всероссийского и международного уровня — соответственно; публикациям в

изданиях с более высокими индексами цитируемости и импакт-факторами, репутацией издателя, наличием индексации в базах; мероприятиям и активностям, соответствующим текущей стратегии мероприятия, направлениям подготовки, стратегиям вуза (например, в год акцента на волонтерство — вес этого критерия временно повышается).

Преимущества:

- справедливость — студенты разных профилей напрямую не сравниваются;
- мотивация — студенты видят, как их действия влияют на рейтинг;
- автоматизация минимум ручного ввода, максимум аналитики;
- интеграция — легко подключается к Bitrix24, CRM вуза, электронному журналу.

Риски и как их избежать:

- фальсификация — требуются подтверждения от официальных организаций (например, через API с порталами олимпиад, волонтерских центров);
- неравный доступ — необходимо обеспечить поддержку студентам (например, упрощенный формат загрузки фото/сканов).

Результат: вуз получает объективный, прозрачный и мотивирующий рейтинг, который можно использовать для стипендий, участия в программах, рекомендаций работодателям — и при этом не перегружает студентов бюрократией.

Предложенная методика трансформирует рейтинговую оценку из формального механизма в стратегический инструмент управления образовательной средой. Она объединяет академическую успеваемость и внеучебную активность в единую систему, где каждый балл — не просто цифра, а доказательство развития студента как личности и профессионала. Это повышает прозрачность, мотивирует к целенаправленной деятельности и создает основу для справедливого распределения ресурсов (грантов, стипендий, участия в программах).

2. Академическая составляющая — точная, но не исчерпывающая

Формула рейтинга по учебной деятельности:

\[
R_{\text{учеб}} = 0{,}5 \cdot \text{СБ} + 0{,}3 \cdot \text{УКД} + 0{,}2 \cdot \text{ПП}
\]

— обоснованно балансирует три ключевых аспекта:

- средний балл (качество знаний);
- успеваемость по ключевым дисциплинам (профильная готовность);
- приведенные пересдачи (стабильность и устойчивость).

Коэффициенты сложности и учет неявок делают систему контекстно-чувствительной — она не наказывает за трудности, а отражает реальную

нагрузку и уровень дисциплин. Однако для полной точности требуется валидация списка ключевых дисциплин по каждому профилю — пока она условна.

3. Цифровое портфолио — основа объективности внеучебной активности

Использование личных кабинетов студентов как централизованного хранилища достижений:

- устраняет субъективность;
- автоматизирует сбор данных;
- создает прозрачный «след» активности (сертификаты, протоколы, подтверждения).

Критически важно, чтобы все достижения были привязаны к уровню значимости (вузовский / региональный / всероссийский), что позволяет сравнивать студентов из разных контекстов на равных.

Адаптивное взвешивание через машинное обучение — ключ к справедливости: Фиксированные веса (например, 30% — наука, 20% — волонтерство) несправедливы для разнородных профилей. Предложенная модель на основе логистической регрессии — это первый в России практический подход к персонализированной оценке внеучебной активности (Программное обеспечение ... , 2023).

Без ИИ — победил тот, кто «все делал», но не в своей сфере.

С ИИ — победил тот, кто «все делал» в своей сфере.

Это не просто техническое улучшение — это смена парадигмы: рейтинг перестает быть «все равно чему» и становится отражением профессиональной идентичности. Технологическая интеграция — условие масштабируемости: Методика естественно интегрируется с Bitrix24, CRM и электронным журналом. Это:

- снижает нагрузку на деканаты;
- позволяет автоматизировать сбор данных через API (олимпиады, волонтерские платформы);
- делает систему живой и динамичной — веса могут корректироваться согласно стратегии вуза (например, в год акцента на волонтерство — повышается вес этого критерия).

Критические риски и требования к запуску. Для успешной реализации необходимы:

- подтверждение достижений через официальные источники (API с порталов, например, «Российская олимпиада школьников», «Волонтеры-победители») — иначе риск фальсификаций;
- обучение студентов и преподавателей — как загружать, как интерпретировать веса, как апеллировать;
- пилотный запуск на трех-пяти направлениях — для сбора данных и настройки алгоритма адаптивного взвешивания (требуется минимум 100–150 студентов с полными портфолио).

Итог: методика — не просто рейтинг, а цифровая экосистема развития студента. Она превращает вуз из «фабрики знаний» в платформу формирования автономных, активных, профильных агентов изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Костина, А. В. (2025) Сетевая коммуникация: социальное взаимодействие как основная функция игр, «в которые играют люди» // Ученый совет. Т. 22, № 1(241). С. 40–45. DOI 10.33920/nik-02-2501-05. EDN QNMXQA.

Нечаев, Д. Ю. (2011) Развитие методологии системного подхода в условиях глобализации многомерного коммуникационного пространства : монография. М. : Изд-во РГТЭУ. 126 с. ISBN 978-5-87827-461-6. EDN QONMWH.

Нечаев, Д. Ю. (2022) Агрессивная дивергенция аттракторов цифровых парадигм реципиентных экономик в активном противоборстве цивилизаций // Высшее образование для XXI века. Воспитание: вызовы современности : доклады и материалы (Москва, 24–26 ноября 2022 г.) / под общ. ред. И. М. Ильинского. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 284–291. EDN KYIKHG.

Программное обеспечение информационных технологий и систем (импортозамещение) (2023) / В. Ф. Макаров, Д. Ю. Нечаев, Е. В. Романова, А. Г. Тимофеев. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 135 с. EDN GCVMWP.

Нечаев Дмитрий Юрьевич, кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной информатики и статистики Московского гуманитарного университета.

Черникова Елена Александровна, кандидат технических наук, доцент кафедры Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Развитие новых видов внутреннего туризма в России: примеры, перспективы, оценка потенциала и вклада в воспитание гражданственности

А. П. Пинчук
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье проведен анализ состояния рынка некоторых перспективных видов внутреннего туризма. На отдельных примерах приведен примерный расчет их экономической эффективности. Сделана качественная оценка их вклада в формирование гражданственности, социальной активности, физического и духовного здоровья населения.

Ключевые слова: внутренний туризм; формирование здорового образа жизни; массовый спорт; событийные туры; продвижение региона

11 апреля 2025 года на территории туристско-рекреационного центра «Завидово» в одноименной особой экономической зоне Тверской области прошло заседание Правительственной комиссии по развитию туризма в РФ под председательством заместителя председателя Правительства России Дмитрия Чернышенко и с участием министра экономического развития России Максима Решетникова. Отмечено, что по итогам 2024 года были достигнуты все запланированные показатели нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства». Число туристических поездок превысило 90 миллионов. Это на 37% выше, чем в 2021 году. Всего номеров в классифицированных средствах размещения в Российской Федерации уже более 872 тыс., число иностранных туристов составило 9,7 млн человек. Интерес к внутреннему и въездному туризму продолжает расти. Успешная реализация национального проекта позволила продлить его до 2030 года. Цели нацпроекта „Туризм и гостеприимство“ поставлены достаточно амбициозные. Прежде всего необходимо повысить долю туризма в ВВП с текущих 2,9 до 5% к 2030 году, а экспорт туристических услуг увеличить в три раза. В зимнем сезоне с декабря 2024 по февраль 2025 года совершено более 18 миллионов поездок, что на 7,4% больше, чем за прошлый зимний сезон (Минэкономразвития, 2025).

Несмотря на то, что лидерами по приему внутренних туристов в зимнее время остаются Москва, Санкт-Петербург, Крым и Краснодарский край, отдельные регионы показывают значительный рост турпотока. Например, Тверская область (+26%), Владимирская область (+46%), Новосибирская область (+62,5%), Ульяновская область (+80%), и другие. Горнолыжные курорты посетили 8 миллионов человек, это на 25% больше, чем за период декабрь 2023 – февраль 2024 года. *Традиционно в лидерах горнолыжные курорты Краснодарского края, Северного Кавказа и Кузбасса. Хорошая динамика, по сравнению с прошлым сезоном, у курортов Чеченской Республики, Пермского и Красноярского краев, Мурманской и Челябинской областей*

В связи с растущей конкуренцией регионов и борьбой за отечественного туриста (особенно в зимний период), на наш взгляд, стоит обратить внимание на те виды поездок, которые сегодня не относятся к наиболее массовым сегментам,

но поступательное развитие которых имеет хороший потенциал. К таковым можно отнести событийные туры, основной целью совершения которых является созерцание события или непосредственное участие в нем. К созерцательным событиям относятся, например, туры на спортивные зрелища (условно назовем их спортивно-созерцательные), культурные мероприятия (культурно-созерцательные). В данной статье хотелось бы остановиться на турах, совершаемых гражданами с целью непосредственного участия в событии: массовом спортивном соревновании, фестивале народного творчества и т.п. Остановимся на турах, совершаемых для непосредственного участия в мероприятии массового спорта (условно назовем их активно-спортивные туры).

Для того, чтобы такого рода поездки внесли заметный вклад в статистику туризма, мероприятие-аттрактор должно соответствовать определенным критериям. Во-первых, оно должно быть достаточно известным (быть брендом) хотя бы на региональном уровне. Во-вторых, участие в нем должно быть доступно человеку с обычными физическими способностями. В-третьих, место проведения должно иметь соответствующий уровень туристской инфраструктуры. Отметим здесь некоторую условность этих критериев, в том плане, что при наличии правильной идеи и должном внимании административного ресурса происходит планомерное развитие события – увеличивается его массовость, возрастает известность, привлекаются новые инвестиции – то есть, событие превращается в один из туристических брендов города или региона и начинает вносить существенный вклад в его экономику

Среди достаточно популярных мероприятий такого сорта можно назвать легкоатлетические пробеги по улицам городов («Московский марафон», «Марафон «Белые ночи» в Санкт-Петербурге), массовые лыжные соревнования («Праздник Севера» в Мурманске), соревнования по плаванию серии «Мастерс» для любителей спортивного плавания возрастной категории 25+ в региональных центрах и другие. В качестве иллюстрации, позволяющей оценить вклад спортивного события в экономику региона, рассмотрим пример такого спортивного события, как XII Югорский лыжный марафон 2025 года.

Югорский лыжный марафон (ЮЛМ) проводится с 2013 года, его организаторами выступают Правительство Ханты-Мансийского автономного округа (Югры) и Федерация лыжных гонок Югры. Среди партнеров-спонсоров ведущую роль играет банк ВТБ, постоянное партнерство с ним позволяет ежегодно выделять достаточно средств для призового фонда, привлекающего к участию в ЮЛМ звезд мирового уровня, таких как Сергей Устюгов, Александр Легков и других (призовой фонд XII ЮЛМ составил 2,5 миллиона рублей). Спортивная составляющая события неотделима от культурной, во время длинного уик-энда (с пятницы по воскресенье) гости ЮЛМ могут посетить уникальные музеи Ханты-Мансийска (например, Музей Природы и Человека; Музей геологии, нефти и газа; этнографический музей под открытым небом «Торум-Маа» и другие)

Попробуем оценить количественно-экономические показатели, интересные с точки зрения статистики туризма и основанные на данных

организаторов, их страниц в соцсетях и публикаций соответствующего телеграм-канала (Югорский лыжный марафон в Телеграме и ВКонтакте, 2025). Данные приведены в таблице 1.

Таблица 1

Количественно-экономические показатели *XII* ЮЛМ

Показатель	Всего	Из них остановились в гостиницах, (2500 руб./сутки)	Вклад в экономику региона за два дня	
Количество участников и гостей	6000 чел.	2000 чел	10 млн. руб.	
Расходы на питание, на 1 чел. в день, руб.		1000 руб.	6 млн. руб.	

Итого, по самым скромным подсчетам, гости и участники события только за размещение и питание внесли в копилку региона 16 миллионов рублей. Если учесть еще расходы на транспорт (такси, автобусы), посещение музеев и концертных залов (например, в один из дней марафона состоялся концерт Григория Лепса), сувенирную продукцию и шопинг, дегустацию местных блюд, катание на собачьих упряжках, то эта цифра, по нашим подсчетам, может увеличиться до 17 млн. рублей.

Еще несколько цифр. Самому молодому участнику соревнований было 5 лет (дистанция 5 км), самому возрастному 84 года (дистанция 25 км). Спортсмены представляли 51 российский регион, также были спортсмены из дальнего и ближнего зарубежья – Польши, Словакии, Индии, Белоруссии и Казахстана

Из рассмотренного примера можно сделать следующие выводы. Во-первых, активно-спортивные туры при соответствующей поддержке властей и местных жителей создают новые стимулы для выбора региона в качестве цели поездки. Регион получает дополнительных туристов и, соответственно, дополнительные доходы, а кроме того, положительные эмоции участников тура посредством «сарафанного радио» передаются еще как минимум 2–4 родственникам или друзьям туриста и способствуют продвижению региона. Во-вторых, такие события, привлекающие массы спортсменов-любителей, а также «звездных» участников, создают отличную основу для воспитания у молодежи желания регулярно заниматься спортом, вести здоровый образ жизни. И наконец, благодаря встречам людей разных поколений, подобные поездки дают новый импульс осознанию своей гражданственности, стремлению к изучению истории и географии своей Родины

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дмитрий Чернышенко и Максим Решетников представили туристические итоги 2024 года и зимнего сезона. Итоги заседания правительственной комиссии по развитию туризма в РФ от 11 апреля 2025 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/dmitriy_chernyshenko_i_maksim_reshetnikov_predstavili_turisticheskie_itogi_2024_goda_i_zimnego_sezona.html (дата обращения: 14.04.2025)

Югорский лыжный марафон в ВКонтакте. [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/ugraski?from=groups (дата обращения: 14.04.2025)

Югорский лыжный марафон в Телеграме, 2025. [Электронный ресурс] URL: https://t.me/ugralygi (дата обращения: 14.04.2025)

Пинчук Андрей Петрович, доцент кафедры туризма и гостиничного дела Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7(499)374-79-56. Эл. адрес andrewpinchuk@yandex.ru

Новые контуры международной торговли

Т. В. Подсветова
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье выявлены основные контуры международной торговли, сформировавшиеся после введения экономических санкций. Анализируется место России в новых глобальных цепочках добавленной стоимости, в формировании новых торговых блоков на основе создания национальных цифровых валют; а также перенаправление торговых потоков в условиях возникновения логистических проблем.

Ключевые слова: международная торговля; логистические проблемы; торговые блоки; маркетплейсы

В международной торговле в последнее время появились проблемы, которые требуют тщательного изучения. Некоторые из них имеют ярко выраженный тренд, другие же еще не оформились в тенденцию, поэтому обозначим их как контуры.

1. Дисбалансы в международной торговле

В течение последних десятилетий международная торговля функционирует в условиях глобальных дисбалансов, которые возникают в результате множества факторов, оказывающих влияние на международные потоки товаров и услуг, а также капиталов. Дисбалансы проявляются в устойчивых дефицитах или профицитах сальдо торгового баланса у различных групп стран и стабильных знаках инвестиционной позиции у этих же групп стран. Экспортноориентированные страны и страны, экспортирующие нефть, как правило, имеют профицит текущего счета платежного баланса, что способствует дефициту счета отдельных развитых стран.

Верхней точки глобальные дисбалансы достигли накануне экономического кризиса 2007 года; за десятилетие до этого кризиса дефицит счета текущих операций в США вырос в 2,6 раза (5,1% ВВП); у Китая же напротив, профицит за этот период увеличился в 16,7 раза (10% ВВП). В последующее десятилетие дисбалансы несколько снизились за счет снижения цен на энергоносители и замедления объемов международной торговли.

2. Ускорение темпов международной торговли услугами

Относительно новым контуром трансформации структуры международной торговли является изменение счета текущих операций в пользу баланса услуг относительно баланса торговли товарами. В условиях замедления роста темпов международной торговли и проведения политики протекционизма развитие цифровых технологий способствует ускорению международной торговли услугами. Так, в США сальдо торгового баланса по услугам является положительным, в то время как по товарам – отрицательным. В Китае картина выглядит точно наоборот. В некоторой степени такая ситуация сглаживает глобальные дисбалансы.

3. Цифровая трансформация международной торговли

Следующим определяющим контуром развития международной торговли является цифровая трансформация как мировой экономики в целом, так и международного движения товаров и услуг. Каждая страна разрабатывает собственную стратегию цифровизации, успешность реализации которой определяется целой системой международных индексов и показателей: Индекс развития электронного правительства (UN EGDI), доля интернет пользователей, Глобальный индекс инноваций. Страны ЕАЭС по индексу EGDI в 2024 году заняли следующие места: 24 место – Казахстан; 43 место – Россия; 48 место – Армения; 77 место – Беларусь; 78 место – Кыргызстан (UN E-Government Knowledgebae, 2024).

Трудно представить выполнение логистических операций в международной торговле без использования цифровых технологий, которые включают перевозку, складирование, управление заказами и запасами, возврат товаров и отслеживание грузов в пути.

Основными технологиями в логистике в настоящее время являются: штриховое и RFID – кодирование товаров и упаковок, сканирование, электронный документооборот (EDI – Electronic Data Interchange), спутниковая навигация и отслеживание транспортных средств (GPS/Глонасс), мобильная связь. Предполагается, что мировой рынок цифровизации транспорта и логистики вырастет в 7 раз к 2030 году.

4. Барьеры международной логистики

Новым контуром трансформации международной торговли является появление новых барьеров в международной логистике. Проблемы в логистической сфере начались еще в пандемийный период. Эпидемиологические меры вызвали существенные задержки судов, ожидающих разгрузки.

Периодически возникали локальные проблемы, например, авария на контейнеровозе в Суэцком канале в 2021 г., которая привела к резкому сокращению пропускной способности канала – с 56 судов в сутки до 16 судов. По оценке Lloyd’s List Intelligense международная торговля ежедневно теряла приблизительно 10 млрд. долл. (объем перевозок по каналу в западном направлении оценивался в 5,1 млрд. долл. в день; в восточном направлении – 4,5 млрд. долл.).

Обострение геополитических отношений, начавшееся в 2022 г. в связи с российско-украинским конфликтом и введением экономических санкций в отношении российских товаров и сектора финансовых услуг, повлияло и на логистическую сферу. После введения санкций иностранные суда стали избегать прохода по Северному морскому пути; сократилось количество доступных авиационных маршрутов между Россией и западными странами: США, Евросоюз, Япония, Канада и др. Возросла роль сухопутного коридора из Китая в Европу в обход России через Казахстан, Азербайджан, Грузию.

Обводнение Панамского канала и кризис в Красном море в 2023–2025 годах также перенаправили транспортные потоки. Во избежание рисков судовладельцы вынуждены были отдавать предпочтение более длинному пути

из Индийского океана в Средиземное море через Африку (через мыс Доброй надежды), а не через Суэцкий канал, что привело к удорожанию трафика и логистических услуг и вызвало сложности с доставкой товаров.

5. *Экономические санкции в международной торговле*

Страны, поддерживающие санкционную политику США, разработали индикаторы и рекомендации по нарушению правил экспортного контроля. Нарушение перечня разработанных индикаторов влечет для компаний экспортеров финансовые и уголовные наказания. Таким образом, рекомендации стали правилами, целью которых стало предотвращение утечки контролируемых товаров в Россию через третьи страны, то есть предотвращение, так называемого серого импорта.

В США контроль за соблюдением Правил экспортного контроля возложен на Бюро промышленной безопасности (BIS). Составлен контрольный список нарушений правил экспортного контроля. В качестве примера можно назвать некоторые из них:

- покупатель недостоверно предоставляет информацию о конечном использовании товара;
- заказанный товар несовместим с техническим уровнем страны, в которую он отправляется;
- сроки доставки неясны, или поставки запланированы в отдаленные пункты назначения и т.д.

Судя по содержанию перечня ответственность за нарушение правил экспортного контроля перекладывается на покупателя, учитывается даже, уклончиво ли покупатель отвечает на вопросы. На покупателя возложена ответственность проверки, так называемые «красные маяки или флаги», то есть те пункты, к которым могут быть применены экономические санкции.

Канада ввела санкции аналогичные американским, но последствия за нарушение санкций у нее еще более жесткие – караются штрафом до 25 тыс. долл. США или тюремным заключением от 1 года до 10 лет.

Движение сделки прослеживается на всех ее этапах, даже за пределами страны экспортера товара, в том числе через банковский сектор.

Санкции, наложенные Евросоюзом, заставляют бизнес включать поставку на два-три и даже более логистических плечей, то есть перепродажу товара в нескольких странах, чтобы скрыть конечного пользователя товара и обезопасить продавца из ЕС.

Россия оказалась в беспрецедентной изоляции. Развитые страны, начиная с 2014 г., ввели более 35 тыс. антироссийских санкций; 49 стран перестали применять режим наибольшего благоприятствования (РНБ) в отношении российской торговли; отключили Россию от международной системы межбанковских финансовых сообщений SWIFT.

Проблемы с логистикой возникают еще и в связи с тем, что, с одной стороны, компании отказываются страховать и доставлять грузы в Россию из-за боязни вторичных санкций, другие же компании, пользуясь ситуацией, увеличивают тарифные ставки перевозки. Индекс ставок фрахта сухогрузов,

рассчитываемые Балтийской биржей, подвержен волатильности, в период, начиная с 2020 г. он увеличился в среднем в 5 раз.

6. Разработка национальных цифровых валют для осуществления трансграничных платежей и нивелирования санкционных ограничений

В последнее время произошел огромный скачок в развитии цифровых платежных систем. Количество стран, работающих над созданием цифровых валют, возросло с 36 стран (2020 г.) до 109 стран (2024 г.). Страны БРИКС находятся на различных этапах разработки цифровых валют. Развитые страны с осторожностью относятся к этой идее и занимают позицию наблюдателя, опасаясь негативных последствий для мировой валютно-финансовой системы и падения роли доллара и евро в качестве основных валют международных расчетов.

В отличие от криптовалют, которые являются децентрализованными цифровыми активами, соответственно, у них отсутствует контроль со стороны надзорных органов, национальные цифровые валюты выпускаются и контролируются центральными банками стран. Криптовалюты обеспечивают анонимность расчетов, а также отсутствие посредников в лице банков или иных финансовых структур. Отсутствие регулирующего органа при совершении транзакций повышает риск мошенничества и финансирования терроризма. Майнинг криптовалют требует большого количества электроэнергии, связанной с вычислительной мощностью компьютерных серверов. Так, производство Bitcoin превышает объем энергии, потребляемой Нидерландами. На сегодняшний день сосуществует более 13 тыс. частных криптовалют.

Основу современной системы международных расчетов составляют корреспондентские счета банков. Доминирующей валютой в международных транзакциях по-прежнему остается доллар США. Доли валют в международных расчетах на август 2025 г. составляют (Доли валют в международных расчетах, 2025):

- доллар США – 46,94%
- евро – 25,61 %
- фунт стерлингов – 6,76 %
- японская йена – 3,37%
- канадский доллар – 2,96%
- китайский юань – 2,93%.

Международные платежи могут проходить несколько этапов, что особенно характерно для российских платежей, каждый этап требует дополнительного времени и трудозатрат. Кроме того, доминирующие валюты, особенно доллар и евро, выступили в качестве санкционного давления, плюс отключение Российской Федерации от системы SWIFT продемонстрировало другим странам зависимость мировой торговли от действий США и ЕС.

Страны БРИКС после 2022 г. стали изыскивать иные варианты проведения платежей и создали платформу BRICS Bridge, платежи на которой будут осуществляться цифровыми активами, эмитированными Центральными банками стран-участниц. Доминирование одних валют над другими исключено, так как

платформа будет децентрализованной, и ни одна из стран не сможет оказать на нее давления.

В 2022 г. на протяжении 6 месяцев уже проходила апробация платформ mBridge. Данный проект был реализован Китаем, ОАЭ, Таиландом и Гонконгом. В перспективе создание такой платформы можно масштабировать и на другие страны. Количественные показатели пилотного проекта отражены в таблице 1 (Бизюк, 2025).

Таблица 1

Количественные показатели пилотирования проекта mBridge, выраженные в национальных валютах стран-участниц

Вид операции/ Валюта	**e-CNY (китайский юань)**	**e-AED (дихрам ОАЭ)**	**e-THB (тайский бат)**	**e-HKD (гонконгский доллар)**
Выпуск валюты	35	10	8	17
Прямые платежи	69	15	8	40
Платежи с PVP -обменом	3	8	10	11
Итого	107	33	26	68

Платежи в цифровых национальных валютах на платформе можно проводить в различных национальных валютах без посредников, таких как банки-корреспонденты, что может значительно ускорить процесс перевода денежных средств по экспортно-импортным операциям, снизить стоимость международных расчетов, увеличить внешнеторговый оборот стран БРИКС.

7. Новые контуры формирования глобальных цепочек добавленной стоимости в международной торговле

Международная торговля включает не только конечный продукт, но и все этапы его создания от разработки и производства товара до маркетинга и реализации. Это приводит к углублению созависимости стран.

Однако в последние годы ряд экспертов отмечают явления деглобализации и фрагментации; международное кооперирование сменяется конкуренцией и противостоянием.

Особую роль в создании глобальных цепочек добавленной стоимости играют транснациональные корпорации. Они создают новые и диверсифицируют существующие цепочки; расширяют географическую принадлежность участников из развивающихся стран, прежде всего Китая. Таким образом, география и структура цепочек меняется за счет увеличения доли ТНК из развивающихся стран в мировом производстве и торговле, что приводит к обострению конкуренции на мировом рынке.

До начала российско-украинского конфликта и введения экономических санкций участие России в создании глобальных цепочек создания стоимости заключалось в основном в так называемом «восходящем потоке», то есть Россия поставляла сырьевые товары, а взамен получала готовые зарубежные товары, то

есть добавленная стоимость оставалась на территории других стран, соответственно, готовые изделия импортировались с соответствующей наценкой с учетом тарифных пошлин и нетарифных ограничений.

Текущий формат участия России в глобальных цепочках стоимости усугубился тем, что произошел разрыв в цепочке поставок, связанный с прекращением работ ряда трубопроводов, через которые нефть и газ ранее экспортировались из страны. В сентябре 2022 г. взорван трубопровод «Северный поток», были регулярные перебои поставок по трубопроводу «Дружба», произошел отказ европейских стран от российских энергоресурсов. Перенаправление товарных потоков на азиатские страны не решает задачи перехода России на «нисходящие связи» (backward linkages), формирующиеся вокруг производства и экспорта конечных товаров и импорта сырьевых товаров; приводящими к тому, что страна становится передовым производителем конечной продукции.

8. Новые контуры торговой интеграции

В зоне евразийского пространства формируется широкий интеграционный контур – Большое Евразийское партнерство, которое включает такие организации как ЕАЭС, ШОС, АСЕАН, а также китайский проект «Один пояс-один путь». Переориентация внешнеторговых потоков ЕАЭС на страны азиатского региона началась с 2014 года, то есть с началом санкционного периода. В рамках большого евразийского партнерства предполагается формирование региональных правил торговли с целью обеспечения экономических выгод для всех стран-участниц на основе новых евразийских цепочек добавленной стоимости.

Планируется подписание международных соглашений о свободной торговле. ЕАЭС создал зону свободной торговли с Вьетнамом, Сербией, Ираном; ведутся аналогичные переговоры о создании ЗСТ с Индонезией, Египтом, ОАЭ, Индией.

Разработке форматов по углублению торгово-экономического сотрудничества в рамках Большого Евразийского партнерства препятствуют определенные сложности:

дисбаланс в торговле с ключевыми партнерами. Россия чаще всего выступает поставщиком сырья и материалов, реже экспортером готовой продукции;

- вторичные санкции, которые накладываются на страны, имеющие торговые отношения с Россией;

- неразвитая логистика в азиатском направлении, включая дороги, порты, склады;

- различия в культурном коде, менталитете народов; уровне образования.

- отсутствие четко разработанной Концепции и Стратегии по развитию Большого Евразийского партнерства.

9. Международная платформенная торговля

В последнее время формируется новая модель взаимодействия между потребителем и поставщиками с использованием цифровых платформ и

экосистем, которые оказывают существенное влияние на мировые рынки и изменяют условия международной конкуренции. Теоретические основы цифровых платформ и экосистем разрабатываются учеными в разных странах мира с точки зрения их дефиниций и классификации. На сегодняшний день можно выделить 8 типов цифровых платформ: маркетплейсы и агрегаторы услуг; доски объявлений; шеринговые платформы; информационно-справочные платформ; социальные сети и мессенджеры; финтех-решения и краудфандинг; платформы для рынка труда; развлекательные ресурсы. Российский рынок цифровых экосистемных подписок в 2024 г. увеличился на 74,5% и достиг 195 млрд. руб.

Вышеперечисленные проблемы и тенденции современного этапа развития международной торговли приводят к искажению глобального рынка, вызванного комплексом причин, а именно: геополитическое соперничество мировых держав; торговые конфликты и санкции; интенсивное развитие торговли на цифровой основе; ускорение торговли нематериальными активами; проблемы деятельности ВТО; барьеры международной логистики; разделение международной торговли на отдельные мегаблоки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бизюк Я. И. (2025) Цифровые национальные валюты как инструмент международных расчетов и способ нивелирования санкционных ограничений // Российский внешнеэкономический вестник. 2025. №5. С. 33–43.

Доли валют в международных расчетах (2025) URL: https://bcs-express.ru/ (дата обращения 06.11.2025).

Подругина А., Табак А. (2025) Перенастройка глобальной картины: как изменилась мировая торговля с 2020 года // Эксперт Ра 14.10.2025. URL: https://raexpert.ru/researches/int_fin/world_trade_2025/ (дата обращения 20.11.2025)

UN E-Government Knowledgebae URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2024 (дата обращения 19.11.2025)

Подсветова Татьяна Валентиновна, кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры экономических и финансовых дисциплин Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д.5. Тел. +7(499)374-63-71. Эл.адрес: tvpodsvetova@mail.ru

Роль культуры и искусства в современном высшем образовании России

Д. Е. Поласов
Московский гуманитарный университет
С. А. Попов
Российский государственный университет туризма и сервиса

Аннотация. Статья посвящена анализу практик и перспектив интеграции культуры и искусства в систему высшего образования. Рассматривая культурное развитие как стратегический ресурс, подчеркивается его важность для формирования гибких навыков, преодоления шаблонного мышления и сохранения национального кода в эпоху глобализации. Особое внимание уделяется существующим проблемам: фрагментарности внедрения, формальному подходу и дефициту междисциплинарных связей.

Ключевые слова: интеграция искусства в образование, цифровые гуманитарные науки, образовательные инновации, культурная политика, вызовы образования.

Интеграция культуры и искусства в систему высшего образования

В условиях глобальных изменений технологического прогресса и цифровизации особенно остро встаёт вопрос о сохранении гуманистических основ образования. Культура и искусство выступают не просто «дополнением» к профессиональной подготовке, а становятся ключевым механизмом формирования целости личности, способной к критическому мышлению, эмпатии и творческому решению задачи и являются фундаментальным основанием развития общества.

Как было отмечено в недавнем послании президента «Для укрепления нашей национальной идентичности очень важны образование и культура». Культура и искусство призваны служить добру, красоте и пробуждать лучшие человеческие качества. Культурное развитие становиться одним из приоритетов современной политики России.

Как отмечает Игорь Михайлович Ильинский «Образование – это своеобразная колыбель нации, народа» и играет фундаментальную роль образовательных учреждений в формировании будущего страны (Ильинский, 2022). По мнению Ильинского, высшие образование должно не только передавать профессиональные знания, но и развивать духовно- нравственную целостность личности. Он утверждает, что «в современном мире культурное развитие становиться ключевым фактором профессионального успеха».

Искусство помогает студентам осмыслить свое место в мире, понять культурные коды общества. Через литературу, живопись, музыку, поэзию и театральное искусство обучающиеся получают доступ к опыту предыдущих

поколений. Культурное воспитание студентов становиться неотъемлемой частью образовательного процесса. Современные вузы активно внедряют программы, направленные на развитие творческих способностей, формирование эстетического восприятия изучения культурного наследия, поддержку молодежных инициатив.

Как подчеркивает И. М. Ильинский «Высшее образование должно не только давать профессиональные навыки, но и формировать культурную компетентность, без которой невозможно представить современного специалиста» (Ильинский, 2022). Особое значение приобретает создание условий для свободного творческого развития молодежи при сохранении и укреплении традиционных культурных ценностей. Это позволит обеспечить не только профессиональный, но и творческий рост.

Творческие дисциплины тренируют нестандартное мышление, необходимое даже в технических профессиях. Как отмечал Путин: «Только так можно обеспечить гармоничное, зрелое, свободное развитие нашего общества и всей страны». (Путин, 2022)

В эпоху глобализации искусство становится «цивилизационным кодом», позволяющим сохранить национальную специфику. Это особенно важно для многонациональной России. Изучение искусства развивает способность к эмпатии, пониманию чужих переживаний – качество, критически важное для будущих врачей, педагогов, управленцев. Культура и искусство в высшем образовании – не роскошь, а стратегический ресурс развития общества.

Как отмечал Путин: «Мы должны формировать среду, в которой образованность, эрудиция, знание литературной классики и современной литературы станут правилом хорошего тона». (В. В. Путин, 2022)

Для достижения этой цели необходимы:

1. Системный подход к включению культурных дисциплин в учебные планы;
2. Поддержка творческих инициатив студентов;
3. Сотрудничество вузов с музеями, театрами и галереями.

Только через синтез профессиональных знаний и культурного опыта можно воспитать поколение, способное не только адаптироваться к изменениям, но и формировать будущее страны.

Необходимо не просто сохранить, а преумножить наши творческие традиции, обеспечить преемственность. Сохранить творческие вузы и отдать их под управление Министерства культуры для сохранения уникальных традиций и методик обучения. Также особое место в списке приоритетов занимает финансовая помощь государства путем выделения грандов.

Ежегодно выделяется 1 млрд рублей на гранты для молодых деятелей искусств. Производится финансирование творческих лабораторий и

междисциплинарных проектов. Происходит создание виртуальных туров по музеям, онлайн-курсов по истории искусства. Растет тесная связь с творческими коллективами и профессиональными творческими союзами и наиболее талантливыми деятелями искусства, которые проводят творческие встречи и мастер-классы для учащихся вузов.

Игорь Михайлович Ильинский рассматривает культуру через призму антропологического подхода: «Образование без культуры – это обучение навыкам без понимания смыслов». (Ильинский, 2022).

Культура делает человека человеком, а не просто квалифицированным специалистом. Объединяет поколения, предотвращая разрыв между традицией и современности. Через сопереживание героям литературы или живописи студент учится понимать чужие переживания.

Искусство противостоит шаблонному мышлению, воспитывая способность к нестандартному мышлению, к более полному формированию мировоззрения у молодого поколения учащихся.

Литература и кино помогают осмыслить этические дилеммы.

Изобразительное искусство развивает визуальную грамотность (важна для дизайнеров, архитекторов).

Анализ художественных текстов тренирует критическое мышление.

Музыка и хореография улучшают координацию и память.

Театральные постановки учат командной работе.

Музеи и выставки становятся площадками междисциплинарного диалога.

Творческая деятельность снижает стресс (актуально для студентов технических специальностей).

Арт-терапия используется в психолого-педагогических программах.

Практики вузов. Курсы по киноведению, музыкальной эстетике, дизайну для студентов любых направлений. Научные работы с элементами художественного осмысления (например, «Физика в живописи»). Совместные проекты с театрами, библиотеками, галереями.

Проблемы и противоречия:

1. Фрагментарность внедрения. Искусство часто остается на периферии учебных планов, особенно в технических вузах;
2. Дефицит междисциплинарности. Мало программ, объединяющих, например, IT и цифровое искусство;
3. Формальный подход. Культурные дисциплины иногда сводятся к заучиванию дат и имен без практического применения;
4. Нехватка кадров. Преподаватели искусства нередко не владеют современными педагогическими технологиями.

Перспективные направления развития:

1. Интеграция в профессиональные дисциплины.

- Для инженеров: курс «Эстетика технических форм».
- Для медиков: «Искусство наблюдения» (анализ картин для диагностики заболеваний).

2. Цифровые форматы.

- VR-экскурсии по Эрмитажу для студентов из регионов.
- Нейросети как инструмент творчества (генерация музыки, изображений).

3. Проектная деятельность.

- Создание студенческих медиапродуктов (подкасты о культуре, блоги об искусстве).
- Реконструкция исторических событий через театр или видео.

4. Международное сотрудничество.

- Обмен студентами творческих специальностей.
- Совместные выставки и фестивали с зарубежными вузами.

Культура как стратегический ресурс.

Современное высшее образование стоит перед выбором:

- либо оставаться системой передачи знаний, рискуя отстать от темпов изменений;
- либо стать пространством формирования личности, способной творить будущее.

Культура и искусство – это не роскошь, а необходимость.

- Они учат видеть связи между явлениями, а не только факты.
- Развивают гибкость мышления, критическую рефлексию и эмоциональный интеллект.
- Сохраняют национальную идентичность в условиях глобализации.

Как подчеркивал Ильинский: «Без культуры образование превращается в дрессировку. Только через приобщение к искусству студент становится субъектом культуры, а не ее потребителем» (Ильинский,2022).

Рекомендации для вузов:

1. Ввести обязательные курсы по культурной антропологии для всех направлений;
2. Создать междисциплинарные центры искусства и технологий;
3. Разработать критерии оценки «культурного компонента» в образовательных программах;
4. Поддерживать студенческие инициативы в сфере креативных индустрий.

Только синтез профессиональных компетенций и культурного опыта позволит воспитать поколение, способное не просто адаптироваться к изменениям, но и формировать новую реальность на основе гуманистических ценностей. Будущее образования за интеграцией культурного и

профессионального развития. Только такой подход может обеспечить подготовку специалистов нового поколения, способных эффективно решать задачи современного общества. Молодежь – это живое будущее, это будущее, с которым мы можем разговаривать, общаться и влиять на его образ (Ильинский, 2022). Что особенно актуально в современных условиях. Государство продолжит оказывать всестороннюю поддержку развитию культурной сферы и высшего образования, создавая условия для свободного творческого развития молодежи и укрепления традиционных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Выступление В. В. Путина на VI Санкт-Петербургском международном культурном форуме (2017) [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/20171117/1509042756.html (дата обращения 20.10.2025).

Ильинский И.М. (2022) Молодежь и строительство нации // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 2. – С. 5-28.

Поласов Дмитрий Евгеньевич, доцент кафедры дизайна Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-72-98. Эл. адрес: polasov.dmitry@bk.ru;

Попов Степан Александрович, доцент проектной лаборатории графического дизайна Высшей школы дизайна ФГБОУ ВО «РГУТИС» (Российский государственный университет туризма и сервиса). Адрес: 141221, Московская обл., Городской округ Пушкинский, дп. Черкизово, ул. Главная, 99. Тел: +7 (926)380-51-63, Эл. адрес: 4708528@mail.ru.

Туристское использование объектов культурного и природного наследия как фактор патриотического воспитания молодёжи и укрепления цивилизационной идентичности России

Ю. С. Путрик
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматривается роль объектов культурного и природного наследия в системе патриотического воспитания молодёжи и укрепления цивилизационной идентичности современной России. Особое внимание уделяется анализу воспитательного потенциала объектов культурного наследия различных типов и исторических эпох — от памятников древнерусского и имперского периодов до мемориального наследия советского времени и современных музейных пространств. Обосновывается значимость туристского использования наследия как формы включения молодёжи в пространство исторической памяти и культурных смыслов через личный опыт, эмоциональное переживание и деятельностное участие. Делается вывод о том, что системное использование объектов культурного наследия способствует формированию устойчивого ценностного отношения к Отечеству и воспроизводству культурного кода российской цивилизации.

Ключевые слова: объекты культурного наследия; цивилизационная идентичность; культурная память; историческая память; духовно-нравственные ценности; музейно-образовательные практики; сохранение наследия.

В условиях глобализации, цифровизации культуры и усиления конкуренции исторических и ценностных интерпретаций проблема патриотического воспитания молодёжи приобретает особую актуальность. Современное общество сталкивается с размыванием традиционных идентификационных ориентиров, что требует поиска устойчивых социокультурных механизмов формирования гражданской ответственности и ценностной сопричастности к историческому пути страны.

В этой связи объекты культурного и природного наследия (далее — ОКН) выступают не только как элементы историко-культурной среды, но и как важнейший ресурс воспитания, трансляции духовно-нравственных ценностей и укрепления цивилизационной идентичности российской молодёжи [3; 6] [1] [2]. Их туристское и образовательное использование позволяет перевести процесс воспитания из абстрактно-нормативной плоскости в сферу личного опыта, эмоционального переживания и деятельностного участия.

Целью настоящей статьи является анализ роли ОКН различных типов и эпох в патриотическом воспитании молодёжи, а также выявление внутренних и внешних факторов, определяющих эффективность этих процессов в современных социально-культурных условиях.

---

[1] О государственной культурной политике Российской Федерации: Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808. Информационно-правовой портал «Гарант»: https://base.garant.ru/70828330/

[2] Ерохина Т. И. Культурная память как средство сохранения духовно-нравственных ценностей русской культуры // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 3 (17). С. 128–144. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_128. https://elibrary.ru/UQKNJP

Цивилизационная идентичность рассматривается в современной науке как сложное интегративное образование, включающее историческую память, культурные коды, ценностные ориентации и символические формы коллективного самосознания [8][1]. В российском контексте она формируется на основе многовекового взаимодействия народов, религий и культур, что обусловливает её многослойность и устойчивость.

Патриотическое воспитание в нормативных документах Российской Федерации трактуется как системный процесс формирования у граждан, прежде всего молодёжи, чувства ответственности за судьбу Отечества, уважения к его истории и культуре, готовности к социальному и гражданскому служению [1, 4][2],[3]. При этом подчёркивается, что патриотизм должен опираться на осознанное принятие ценностей, а не на декларативное воспроизведение идеологических установок. Объекты культурного наследия в данном контексте выступают как «материальные носители памяти», способные обеспечивать преемственность поколений и формировать ценностное отношение к историческому прошлому через прямой опыт взаимодействия с культурной средой [7][4].

Культурное наследие России характеризуется исключительным типологическим разнообразием и охватывает широкий спектр материальных и нематериальных форм. К числу материальных ОКН относятся памятники архитектуры, археологии, истории, культовые сооружения, усадебные комплексы, объекты индустриального наследия. Нематериальное наследие включает традиции, обряды, фольклор, народные ремёсла и формы культурного самовыражения. Именно комплексное освоение наследия, сочетающее его материальные и нематериальные формы, позволяет наиболее эффективно формировать у молодёжи целостное представление о культуре как живом и динамичном процессе, а не как о совокупности музейных артефактов [6][5].

Памятники древнерусского и средневекового периода (Новгород, Псков, Соловецкий архипелаг) способствуют осмыслению духовных основ российской государственности, идеалов соборности и культурной преемственности [9][6]. Объекты имперской эпохи (Санкт-Петербург, дворцово-парковые ансамбли, усадебная культура) актуализируют представления о роли России в

---

[1] Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. – С. 53.

[2] Конституция Российской Федерации. Ст. 67. Официальный сайт Президента Российской Федерации: http://www.kremlin.ru/acts/constitution

[3]Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. Официальный сайт Президента Российской Федерации: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S

[4] Использование объектов культурного наследия в сфере туризма как средства укрепления цивилизационной идентичности российских регионов / Путрик Ю. С., Соловьев А. П., Тюрина Е. В., Абдурахманова З. Т. Под общей редакцией д. и. н. Путрика Ю. С. — 2-е издание. — Москва : Институт Наследия, 2024. — С. 113. ISBN 978-5-86443-469-7

[5] Ерохина Т. И. Культурная память как средство сохранения духовно-нравственных ценностей русской культуры // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 3 (17). С. 128-144. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_128. https://elibrary.ru/UQKNJP

[6] Лукин Ю.Ф. Ойкумена Русского Севера: Новгород, Соловки, Архангельск: монография / Ю.Ф. Лукин. — 2-е изд., испр. и доп.— Архангельск: САФУ, 2023. С. 160. ISBN 978-5-261-01700-4

общеевропейском культурном пространстве, о государственном служении и художественном наследии. Особое место занимает наследие советского периода, прежде всего объекты, связанные с Великой Отечественной войной. Мемориальные комплексы, музеи боевой славы и места памяти формируют у молодёжи устойчивое представление о цене исторической победы и значении коллективного подвига народа [5][1].

В Стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2035 года молодёжный туризм рассматривается как важный инструмент личностного развития, социальной мобильности и гражданской социализации [2][2]. Туризм, основанный на использовании ОКН, выполняет одновременно познавательную, воспитательную и коммуникативную функции.

Патриотическое воспитание через туризм реализуется в тех случаях, когда молодёжь:

- непосредственно взаимодействует с подлинными объектами истории и культуры;
- включается в интерактивные формы освоения наследия (исторические реконструкции, музейные квесты, проектную деятельность);
- участвует в волонтёрских программах по сохранению и популяризации ОКН.

Таким образом, туризм выступает не только формой досуга, но и способом гражданского участия и культурной социализации.

Убедительным примером эффективной роли использования ОКН в патриотическом воспитании молодёжи может служить Соловецкий архипелаг, который является примером синтеза духовного, исторического и природного наследия. Молодёжные волонтёрские и паломнические программы, реализуемые на территории архипелага, способствуют формированию ценностей духовной стойкости и исторической ответственности [9][3]. Музей-заповедник «Бородинское поле» также демонстрирует эффективную модель интеграции музейной, образовательной и туристской деятельности. Участие молодёжи в реконструкциях и интерактивных занятиях позволяет сформировать личностно значимое отношение к событиям Отечественной войны 1812 года. Этнографические комплексы, такие как «Малые Корелы» в Архангельской области, обеспечивают сохранение и актуализацию нематериального культурного наследия, вовлекая молодёжь в традиционные формы культуры и региональные идентичности.

Цифровизация культурной сферы расширяет возможности вовлечения молодёжи в пространство наследия. Виртуальные экскурсии, мультимедийные экспозиции, интерактивные платформы и социальные сети становятся важными

---

[1] Мерзлякова Г.В., Даньшина С.А., Баталова Л.В. Формирование патриотизма и сохранение исторической памяти в современном российском обществе: историко-правовой ракурс. Вестник Удмуртского Университета. Экономика и право. 2024. Т. 34, вып. 2. С. 379-384. DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-2-379-384

[2] Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р.См. Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756/.

[3] Лукин Ю.Ф. Ойкумена Русского Севера: Новгород, Соловки, Архангельск: монография / Ю.Ф. Лукин. — 2-е изд., испр. и доп.— Архангельск: САФУ, 2023. С. 47. ISBN 978-5-261-01700-4

инструментами трансляции историко-культурных смыслов [10][1]. Организационные механизмы включают государственные и общественные программы патриотического воспитания, деятельность музеев, туристских организаций, образовательных учреждений и молодёжных движений, что обеспечивает межинституциональный характер воспитательного процесса.

Эффективность патриотического воспитания определяется согласованностью внешних и внутренних факторов, влияющих на формирование патриотического сознания молодёжи и системностью их воздействия. К внутренним факторам относятся личностные ценностные ориентации, уровень исторической культуры, семейные традиции и индивидуальный опыт взаимодействия с наследием. Внешние факторы представлены государственной культурной и образовательной политикой, медиасредой, глобальными информационными процессами и конкурентностью исторических нарративов [8][2].

Объекты культурного и природного наследия являются ключевым ресурсом патриотического воспитания молодёжи и укрепления цивилизационной идентичности России. Их туристское и образовательное использование способствует формированию у молодого поколения осознанного отношения к истории, культуре и ценностям Отечества, основанного на личном опыте и эмоциональной сопричастности. Поэтому задачи выявления, сохранения, охраны, изучения, популяризация и использование объектов материального и нематериального культурного наследия становится все более значимой в современном российском обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации. Ст. 67. Официальный сайт Президента Российской Федерации: http://www.kremlin.ru/acts/constitution

2. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р. См. Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756/.

3. О государственной культурной политике Российской Федерации : Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808. Информационно-правовой портал «Гарант»: https://base.garant.ru/70828330/

4. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. Официальный сайт Президента Российской Федерации:http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S

5. Мерзлякова Г.В., Даньшина С.А., Баталова Л.В. Формирование патриотизма и сохранение исторической памяти в современном российском

[1] Никифорова А. А. Музеи в туристском пространстве регионов // ЦИТИСЭ №2 (32) 2022. С. 3670373. ISSN 2409-7616. DOI: http://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.2.32

[2] Историческая память и российская идентичность / под. ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М. : РАН, 2018. – С. 267.

обществе: историко-правовой ракурс. Вестник Удмуртского Университета. Экономика и право. 2024. Т. 34, вып. 2. С. 379–384. DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-2-379-384.

6. Ерохина Т. И. Культурная память как средство сохранения духовно-нравственных ценностей русской культуры // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 3 (17). С. 128–144. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_128. https://elibrary.ru/UQKNJP

7. Использование объектов культурного наследия в сфере туризма как средства укрепления цивилизационной идентичности российских регионов / Путрик Ю. С., Соловьев А. П., Тюрина Е. В., Абдурахманова З. Т. Под общей редакцией д. и. н. Путрика Ю. С. — 2-е издание. — Москва: Институт Наследия, 2024. – С. 113. ISBN 978-5-86443-469-7.

8. Историческая память и российская идентичность / под. ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. – 508 с. ISBN 978-5-907036-24-6.

9. Лукин Ю. Ф. Ойкумена Русского Севера: Новгород, Соловки, Архангельск: монография / Ю. Ф. Лукин. — 2-е изд., испр. и доп.— Архангельск: САФУ, 2023. 343 с.. ISBN 978-5-261-01700-4.

10. Никифорова А. А. Музеи в туристском пространстве регионов // ЦИТИСЭ №2 (32) 2022. С. 3670373. ISSN 2409-7616. DOI: http://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.2.32

Путрик Юрий Степанович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой туризма и гостиничного дела Московского гуманитарного университета, руководитель Отдела нематериального наследия Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Москва). Email: putrik@list.ru.

Механизмы администрирования персональных цифровых профилей в высших учебных заведениях

С. Н. Ретюнских
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы цифровой самоидентификации субъектов высшего профессионального образования (ВПО), а именно студентов, преподавателей и сотрудников вузов. Излагаются алгоритмы основных используемых механизмов (методов) администрирования персональных цифровых профилей.

Ключевые слова: цифровая самоидентификация, субъекты ВПО, блокчейн-технологии, платформы, системы, распределенные реестры; кибербезопасность, электронная информационно-образовательная среда.

Одной из характерных особенностей современного образовательного процесса является необходимость цифровой самоидентификации субъектов ВПО, а именно студентов, преподавателей и сотрудников вузов. Интенсивное развитие цифровых технологий способствует изменению механизмов идентификации личности путем перехода от документальных физических форм к автоматически идентифицируемым персонализированным цифровым профилям. Центральной проблемой формирования жизнеспособных социальных комплексов является «проблема определения допустимых отклонений самоконструирования в пределах возможных фуркаций при формировании коллективной идентичности общества в пределах геополитических образований и отношений между ними» (Черникова, Нечаев, 2025: 469). Для повышения эффективности этих процессов необходимо использование эффективных методов, направленных на обеспечение информационной безопасности и удобство пользователей. Рассмотрим некоторые известные механизмы (методы) администрирования персональных цифровых профилей (Назаров, Козлова, 2019).

Важным методом является использование единой системы аутентификации и авторизации (Программное обеспечение ... , 2023). Наиболее перспективным в этом направлении является внедрение комплексных платформ, например, Single Sign-On (SSO — технология единого входа), с помощью которых субъект имеет возможность один раз пройти идентификацию и работать с различными цифровыми ресурсами учебного заведения (электронные информационно-образовательные среды (ЭИОС), дневники, библиотеки, облачные, справочные сервисы и т. п.). Такой подход уменьшает вероятность компрометации аккаунта, упрощает контроль доступа и мониторинг активности пользователей.

Следующим эффективным методом является внедрение многофакторной аутентификации. Для защиты персональной информации широко применяется поэтапная аутентификация (2FA, MFA), когда пользователь подтверждает свою

личность через несколько независимых каналов: пароль, SMS-код, подтверждение капчи (CAPTCHA), биометрические данные. Использование таких механизмов снижает угрозы несанкционированного входа и повышает безопасность личных данных субъектов ВПО.

Также в настоящее время широко используются цифровые удостоверения и электронные подписи (ЭП). Цифровая самоидентификация предполагает выдачу персонализированных электронных сертификатов (ID), подтверждающих статус пользователя. А электронная подпись позволяет организовывать юридически квалифицированный документооборот между субъектами ВПО, обеспечивая полноту, актуальность и достоверность информации.

Перспективным и удобным механизмом управления информацией в ЭИОС ВУЗ является создание персональных цифровых кабинетов и профилей. Основная цель формирования и поддержки индивидуального цифрового профиля — повышение эффективности управления самоидентификацией в информационной системе вуза. Такой подход позволяет субъекту ВПО индивидуально управлять настройками личной базы данных, правами доступа, взаимодействием с образовательными платформами и способствует развитию цифровой самоидентичности (Костина, 2025).

Все более широкое применение получают технологий блокчейн. Блокчейн-решения предлагают новые подходы в администрировании цифровой идентичности, за счет использования реестров на блокчейне — децентрализованных и распределенных баз данных, в которых информация хранится в виде цепочки блоков, связанных криптографически (Защита информации ... , 2023). Такой подход позволяет обеспечить безопасность хранения и верифицирования информации в электронной информационно-образовательной среде (ЭИОС) вуза, а также контролировать достоверность данных и доступ к ним.

Остановимся подробнее на ряде преимуществ использования блокчейн-технологий для администрирования персональных цифровых профилей в высших учебных заведениях.

Во-первых, это безопасность данных. Вся информация о самоидентификации сохраняется в блокчейне и не может быть изменена более ранней по времени датой или подделана. Этот факт обеспечивает высокий уровень взаимного доверия не только у студентов и преподавателей, но и у потенциальных работодателей или других образовательных учреждений.

Во-вторых, это децентрализация и контроль данных. В классических централизованных системах данные обычно хранятся на сервере вуза или внешнем сервисе, поэтому могут быть утрачены или изменены без ведома пользователя. Для минимизации рисков угроз информационной безопасности и несанкционированного доступа в блокчейн-системе каждый пользователь

получает широкий контроль над собственными данными, так как сам решает кому и в каком объеме раскрывать личную информацию.

В-третьих, это значительное упрощение процессов подтверждения информации. Традиционная проверка подлинности личных документов, дипломов, сертификатов и т. п. часто требует продолжительного времени, бюрократических процедур и не гарантирует достоверность. С помощью блокчейна вся информация автоматически подтверждается и проверяется в реальном режиме времени пользователем, обладающим соответствующим разрешением.

В-четвертых, это прозрачность и контроль данных. При добавлении или изменении информации в блокчейне фиксируется тип, источник и время изменения. Ясная история создания, модификации и изменений статуса информации важна как для субъектов персональных цифровых профилей вуза, а также для других образовательных учреждений и сторонних организаций.

В-пятых, это совместимость баз данных с другими организациями. Использование блокчейна позволяет стандартизировать процессы обмена данными между разными вузами, НИИ, работодателями, государственными органами, организациями не только внутри страны, но и на международном уровне. Это упрощает признание квалификаций субъектов ВПО и облегчает их мобильность (стажировки, повышение квалификации, обмен опытом, переводы, командировки и т. п.).

И, конечно, в качестве важных преимуществ использования блокчейн-технологий для администрирования персональных цифровых профилей в вузе следует отметить снижение административных издержек (временных, финансовых, людских ресурсов и т. п.) на проверку документов и хранение бумажных архивов, а также сокращение возможностей для мошенничества и повышение общего уровня доверия к цифровой самоидентификации в образовании.

Таким образом, использование блокчейн-технологий способствует развитию современных форм взаимодействия между участниками образовательного процесса и является перспективным решением для современного цифрового вуза.

Использование блокчейн-технологий в высших учебных заведениях активно развивается по всему миру. Соответственно и российские вузы разрабатывают и внедряют подобные технологии для администрирования персональных цифровых профилей субъектов ВПО (Еременко, Макаров, Нечаев, 2024).

Такие технологии на современном этапе представляют собой сочетание адаптированных зарубежных блокчейн-платформ, отечественного программного обеспечения и собственных разработок учебных заведений, НИИ и специализированных компаний.

Кратко проанализируем основные технологические решения для внедрения блокчейна в образовательной среде российских вузов.

Для гарантированного соответствия требованиям информационной безопасности и законодательства многие субъекты ВПО используют российские блокчейн-платформы. Наиболее распространены — блокчейн-платформа «Мастерчейн» (разработана Центральным банком РФ и Ассоциацией ФинТех) и решения группы компаний «Криптонит». Они обеспечивают создание защищенного реестра записей, в котором фиксируются сведения об образовательной деятельности и персональные данные субъектов ВПО.

Наблюдается тенденция реализации в вузах блокчейн-проектов с учетом совместимости и интеграции с федеральными и региональными государственными информационными системами (например, с системой ФРДО — Федерального реестра документов об образовании). Такой подход упрощает верификацию образовательных документов на межведомственном уровне.

Получают практическое развитие технологии встраивания блокчейн-систем в образовательные ИТ-платформы: электронные журналы, личные цифровые кабинеты, платформы дистанционного обучения (например, «Электронный университет», «Max@он» и др.). Такие программные решения обеспечивают синхронизацию данных об успеваемости, зачетах, экзаменах, служебных документах с децентрализованным распределенном реестром блокчейна. Для этого применяются обеспечивающие бесшовную интеграцию API-интерфейсы и шлюзы.

Перспективное и уже применяемое решение — использование смарт-контрактов с целью автоматизации сложных технологических процессов: управление правами доступа к персональным данным субъектов ВПО; учет ликвидации учебных задолженностей; выдача цифровых дипломов; автоматическая отправка сведений о прохождении курсов, зачетов или экзаменов в распределенный реестр. Таким способом увеличивается оперативность и прозрачность работы и минимизируется воздействие человеческого фактора.

Для обеспечения безопасности транзакций в блокчейне российские вузы используют отечественные криптографические алгоритмы, совместимые с ГОСТ. Например, для обеспечения юридической значимости учебных документов они заверяются усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП).

Российские вузы проводят политику сотрудничества с высокотехнологичными компаниями («СберТех», «Ростелеком», IBS, «Ланит»), по созданию и тестированию блокчейн-решений, предназначенных для использования при проведении и организации образовательного процесса. Основные цели совместных проектов: разработка корпоративных блокчейн-

сетей, пользовательских интерфейсов, защищенных мобильных приложений для субъектов ВПО, создание баз данных образовательных документов и др.

К сожалению, как и внедрение любых инноваций, особенно в сфере высоких технологий, использование блокчейн-технологий в вузах сталкивается с определенными объективными и субъективными проблемами (техническими, правовыми, организационными и т. п). Рассмотрим основные из них.

Во многих вузах, особенно в региональных, только начинает формироваться необходимая для применения блокчейн-технологий база: технически развитая и стабильная ИТ-инфраструктура, наличие вычислительных компьютерных сетей с высокой надежностью, производительностью и пропускной способностью, система подготовки и переобучения квалифицированных кадров. Этот фактор является препятствием для массового внедрения готовых решений и эксплуатации блокчейн-платформ.

Непосредственно в самих вузах штатные ИТ-специалисты недостаточно подготовлены к формированию архитектуры, программированию и сопровождению блокчейн-систем. Также не хватает квалифицированных специалистов по кибербезопасности и криптографии, способных внедрять и поддерживать на практическом уровне подобные решения.

Для внедрения блокчейн-технологий требуется покупка современных серверов, лицензий, обучение и практическая подготовка сотрудников, интеграция с действующими системами, разработка прикладных приложений, а значит высокий уровень инвестиций. Без целевой поддержки вышестоящих органов и заинтересованных предприятий финансовой фактор часто становится критическим барьером для вуза, особенно если речь идет о собственных проектах.

Не решен полностью вопрос юридической силы блокчейн-записей, их соответствия ФЗ от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», признания цифровых сертификатов и подписей. Необходимо вносить изменения в законодательство России в части правового регулирования цифровых документов, электронной идентификации, а также хранения и передачи персональных данных.

В РФ не разработан государственный стандарт по алгоритмам блокчейн-решений. Поэтому использование в настоящее время в вузах разных форматов документов, различных ИТ-платформ, произвольной архитектуры хранения и обмена образовательными данными не позволяют добиться совместимости блокчейн-платформ как между собой, так и с внешними ИТ-системами.

Архитектура блокчейна требует очень продуманной логистики по разграничению прав доступа. Поэтому ошибки или недостатки в проектировании блокчейн-решений могут привести к утечкам конфиденциальных сведений или невозможности их корректного удаления (изменения), что противоречит «праву на забвение» в соответствии с ФЗ от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ.

Значительным барьером для внедрения новых цифровых решений является отсутствие массового понимания субъектами ВПО преимуществ и правил эксплуатации децентрализованных систем. К сожалению, часть участников образовательного процесса относится к новым технологиям скептически, опасаясь усложнения учебных и рабочих процессов, потери контроля, а также требований дополнительного обучения и профессиональной переподготовки.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Для эффективной реализации механизмов администрирования персональных цифровых профилей в вузе необходимо осуществлять политику приватности и обучение цифровой грамотности всех участников образовательного процесса. При этом следует уделять особое внимание соблюдению основных правил поведения в цифровой среде: безопасное обращение с персональными данными, критическая оценка информации, соблюдение этикета и безопасное поведение онлайн, связанные с контентными, электронными, коммуникационными и потребительскими рисками. Также важно применение инструментов аналитики и прогнозирования поведения пользователей (например, Big Data, AI) для снижения рисков кибератак и потери информации, выявления нетипичной активности пользователей, своевременного изменения политики доступа и реагирования на инциденты.

2. Для успешного развития блокчейн-платформ в вузе необходимо выполнение ряда первоочередных задач, а именно создание специальных регламентов и стандартов Минобрнауки, ведение диалога технологических компаний, вузов и регуляторов, формирование «второго контура» хранения чувствительных данных с использованием внешних сервисов и обезличивания, внесение изменений в федеральные законы об электронных образовательных документах.

3. Интеграция современных блокчейн-платформ, смарт-контрактов, электронных подписей и инструментов государственной совместимости обеспечивает надежность, прозрачность и масштабируемость новых цифровых сервисов для вузов.

Таким образом, эффективное управление цифровой самоидентификацией в высшем образовании требует комплексного подхода, сочетающего технические, организационные и образовательные методы, обеспечивающего баланс между удобством, безопасностью, правами субъектов и необходимыми требованиями законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Еременко, В. Т., Макаров, В. Ф., Нечаев, Д. Ю. (2024) О проблеме непарируемости рисков инволюционных воздействий рефлексирующими потенциально эффективными эргатическими комплексами // Информационные системы и технологии. № 3 (143). С. 120–125. EDN CERMWH.

Защита информации в телекоммуникационных системах (2023) / В. Т. Еременко, Г. И. Киреева, А. И. Куприянов [и др.]. Орел : Орловский гос. ун-т им. И. С. Тургенева. 127 с. ISBN 978-5-9929-1358-3. EDN WCNTSX.

Костина, А. В. (2025) Сетевая коммуникация: социальное взаимодействие как основная функция игр, «в которые играют люди» // Ученый совет. Т. 22, № 1 (241). С. 40–45. DOI 10.33920/nik-02-2501-05. EDN QNMXQA.

Назаров, А. В., Козлова, А. Ю. (2019) Механизмы управления цифровыми идентичностями в образовательной среде // Информационные технологии и нанотехника (ИТНТ-2019) : мат. V Междунар. науч. конф. Самара : Самарский ун-т. С. 497–503.

Программное обеспечение информационных технологий и систем (импортозамещение) (2023) / В. Ф. Макаров, Д. Ю. Нечаев, Е. В. Романова, А. Г. Тимофеев. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 135 с. EDN GCVMWP.

Черникова, Е. А., Нечаев, Д. Ю. (2025) Трансперенос — риски самоконструирования // Высшее образование для XXI века. Проблемы воспитания жизнеспособных поколений : доклады и материалы XX Междунар. науч. конф. (Москва, 21–23 ноября 2024 г.). М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 469–474. EDN ELLXPG.

Ретюнских Сергей Николаевич, кандидат технических наук, доцент кафедры прикладной информатики и статистики Московского гуманитарного университета. Эл. адрес: pik@mosgu.ru

Современные стратегии инклюзивного дизайна: методика социокультурного проектирования

М. В. Решетова
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»,
Московский гуманитарный университет

Аннотация. Статья посвящена методике проектирования многофункциональной образовательной среды для детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). На основе сравнительного анализа традиционных и современных практик выявлены и систематизированы ключевые качества среды, способствующей не только инклюзии, но и комплексному развитию личности.

Ключевые слова: Образовательная среда, дети с ОВЗ, инклюзивный дизайн, трансформируемость пространства, флексибильность, стимулирующая среда.

В настоящее время необходимость создания инклюзивной среды, которая не просто интегрирует обучающихся с особыми образовательными потребностями (ОВЗ), но и способствует их социальной и психологической адаптации, возрастает. Около 722 тысяч детей-инвалидов – это целевая аудитория, для которой должны создаваться инклюзивные и салютогенные образовательные пространства. Системный анализ позволил рассмотреть образовательную среду как целостную систему, где такие элементы, как трансформируемость, флексибильность, стимулирующий дизайн и художественное оформление, взаимосвязаны и направлены на достижение общей цели — развитие и социализацию детей с ограниченными возможностями здоровья.

В таблице №1 рассмотрены ключевые психосоциальные аспекты дизайна образовательных организаций, которые составляют основу методики социокультурного проектирования и необходимы для комфортного обучения детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

Таблица 1

Матрица ключевых психосоциальных аспектов дизайна образовательных организаций для обучающихся с особыми образовательными потребностями.

Компоненты здоровья		Ключевые факторы дизайна	Понятность	Управляемость	Осмысленность
Психосоциальные факторы	Эмоции		Восприятие	Комфорт	Включение
			Эко-дизайн	Визуальные стимулы	Обучение состраданию
			Сочувствие	Гигиена труда и обучения	Повышение самооценки
			Безопасность	Эстетические элементы	Социальная поддержка

	Опыт		Функциональность	Предотвращение буллинга	Уход и выращивание растений
			Естественное освещение	Флексибильность	Профопределение
			Искусственное освещение	Восстановление	Стимулирующая среда
			Гостеприимство	Самоэффективность	Коррекция и развитие
			Цвет	Экологичная среда	Содержательность окружения
	Образ жизни		Навигация	Эргодизайн	Специализированное оборудование
			Уединение	Цифровые ресурсы	Вдохновение
			Взаимодействие	Места для активного отдыха	Культурный код
			Адаптированная школьная форма	Трансформируемость	АФК и параолимпийский спорт
			Доступная среда и оснащение	Реабилитация	Медицинское сопровождение

Рассмотрим специфику основных компонентов образовательной среды для детей и лиц с ОВЗ.

Один из важных аспектов является восстановление. В рамках зонирования необходимо предусмотреть пространства для восстановления физического и психологического состояния обучающихся и учителей. «Природное» восстановление подтверждается Теорией восстановления внимания (ART), предложенной в 1989 году Kaplan R. & Kaplan S. (Kaplan, R., &Kaplan, S., 1989) В зоне восстановления, зимнем саду, атриуме может быть установлен небольшой фонтан или транслироваться соответствующее звуковое сопровождение (Рис. 1).

Рис. 1. Дизайн оборудования для ресурсного класса
с уголком психологической разгрузки

Для успокоения и восстановления хорошо подойдут звуки воды или тихий щебет птиц. Для распространения звука только в одном направлении можно использовать систему направленного звука. Система обеспечивает трансляцию с углом расхождения не более 45 градусов. Направленный звук слышим только в ограниченном месте. Данная система позволит в одной зоне отдыха спроектировать несколько уголков с разным звуковым сопровождением (Рис. 2).

Рис. 2. Система направленного звука для звуковой информационной поддержки. Подходя к стенду, можно услышать информацию про конкретный интересующий вас экспонат

Следующий компонент – это самоэффективность. В рамках «Теории социального научения» А. Бандура ввел понятие «самоэффективность» (Bandura, A., 1997), которое трактуется как вера человека в собственную компетентность в какой-либо деятельности.

Экологичная среда. «Отделка помещений (используемые материалы для оформления стен, потолка и пола) и мебель должны быть выполнены из экологичных, безопасных материалов, соответствовать санитарно-эпидемиологическим требованиям и гигиеническим нормам. Мебель должна учитывать ростовые показатели ребенка и удобство пользования. При цветовом оформлении используются экологичные цветовые решения, помещения и мебель не должны оказывать негативного влияния на состояние ребенка» (Гончарова Г. А., Нурлыгаянов И. Н., Лазуренко С. Б., Голубчикова А. В., 2021).

Использование акустических панелей на стенах и потолке учебных кабинетов создаст необходимые условия шумоизоляции для обучающихся с нарушениями слуха.

Эргодизайн. Учет эргономических показателей при организации рабочего места ребенка, а также его перемещение в пространстве образовательного учреждения необходим для обеспечения его благополучия и оптимизации системы взаимодействия с предметами и пространством. При проектировании пространства оценивается эргономическая система «обучающийся с ОВЗ – изделие – среда»; при тяжелых нарушениях у ребенка образуется система «обучающийся с ОВЗ – изделие – педагог – среда», что обусловлено

невозможностью применения изделия без участия взрослого человека (Калиничева, М. М., 2014).

Учебные кабинеты надо комплектовать эргономичными и удобными, регулируемыми по высоте, партами и стульями/креслами, которые учитывают особые образовательные потребности обучающихся (Рис. 3). Например, для обучающихся с нарушениями зрения, использующими для обучения учебники со шрифтом Брайля, целесообразна корзина для их вертикального хранения; для детей с НОДА нельзя комплектовать кабинет креслами с колесиками и т. д.» (Голубчикова А.В., Нурлыгаянов И.Н., Лазуренко С.Б., 2023).

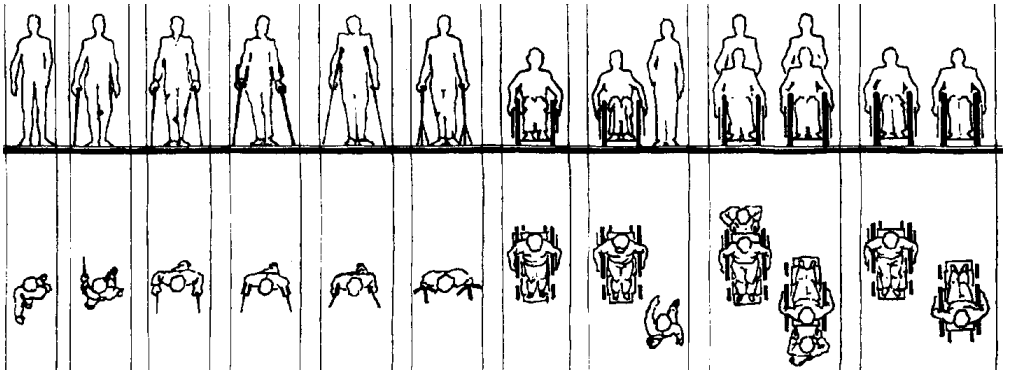


Рис. 3. Эргодизайн для лиц с ОВЗ

Цифровые ресурсы. Использование цифровых ресурсов в процессе обучения детей с ОВЗ способствует расширению их образовательных возможностей, продуктивному усвоению знаний, решению актуальных образовательных и коррекционных задач (интерактивная песочница, цифровые лаборатории и т. д.) (Рис. 4).

Рис. 4. Интерактивный стол

Места активного отдыха. В помещениях общего пользования и рекреациях необходимо проектировать зоны двигательной активности, которые должны содержать оборудование и приспособления для двигательной активности, а также мягкую и эргономичную мебель для комфортного сидения (скамьи, диванчики, пуфы и т. п.), что снизит утомляемость обучающихся в течение учебного дня. Необходимо правильно организовать «подвижность», чтобы дети бесцельно не бегали по коридорам (рис. 5).

Рис. 5. Дизайн зон отдыха и спортивных корпусов

Трансформируемость. Данный фактор предполагает, что помещения, мебель и оборудование могут в зависимости от образовательных целей и решаемых задач трансформироваться в различных соотношениях, позволяющих сохранять комфорт для школьников и реализовывать выполнение разных видов деятельности. Организованная таким образом среда будет иметь зонирование как стационарное, так и мобильное (Решетова, М. В., 2023). Для удобства передвижения столов некоторые модели имеют колесики (Рис. 6).

Рис. 6. Модульная трансформируемая мебель

Реабилитация. Окружающее пространство должно иметь реабилитационный ресурс, связанный с необходимостью конструирования среды, позволяющей реализовывать не только возможности профилактики и здоровьесбережения в образовательном процессе, но и стимулирующей восстановительно-реабилитационный потенциал обучающегося с ОВЗ.

Обучение состраданию. Живой уголок способствует обучению состраданию в процессе ухода и заботы за питомцами, также он выступает в качестве образовательной среды для обучающихся при изучении животных,

наблюдении за их поведением. Дети ухаживают за питомцами, кормят их, убирают жилище. В зооуголке могут проводиться исследования по биологии, ветеринарии, селекции (рис. 7).

Рис. 7. Дизайн живого уголка в интерьере школы

Повышение самооценки. Обучающийся с ОВЗ должен чувствовать себя комфортно в школе, для этого окружающим детям и учителям следует уважать его, признавать как личность.

Социальная поддержка. Коворкинги, игровые площадки и настольные спортивные игры в местах общественного пользования будут способствовать взаимодействию обучающихся и социальной поддержке. В рамках инклюзивной школы социальное взаимодействие между обучающимися с ОВЗ и нормотипичными детьми наиболее перспективно и комфортно в зонах отдыха и коммуникации (рис. 8).

Рис. 8. Групповые занятия с детьми совмещенного контингента

Уход и выращивание растений. Как было описано выше, контакт с растениями как визуальный, так и тактильный оказывает положительное влияние на психологическое состояние ребенка. На пришкольной территории может быть организован небольшой огород или поставлена теплица.

Профопределение. Одной из главных задач образовательного процесса является профопределение обучающихся с ОВЗ. Этому будет способствовать наличие в школе мастерских и студий с разносторонними направлениями деятельности. Новые IT-полигоны способствуют получению навыков в области робототехники, пилотировании БПЛА и т. д. Мастерская клининга и агропромышленного дела позволят получить обучающимся с умственной отсталостью востребованную рабочую профессию (Рис. 9).

Рис. 9. Дизайн мастерских гончарного дела, декоративно-прикладного творчества, столярного и слесарного искусства

Стимулирующая среда. Наполнение среды элементами-стимулами, воздействующими на все органы чувств, позволяет активизировать восприятие ребенка (слуховое, зрительное, осязательное, фонематическое). Например, слабовидящие дети не видят мелких деталей и используют зрение для общего обзора, но тактильно они могут их различать.

Коррекция и развитие. Оснащение кабинетов, особенно для коррекционной работы с обучающимися (дефектолога, тифлопедагога, сурдопедагога, логопеда, психолога) должно включать специальную игровую и дидактическую продукцию, соответствовать образовательным задачам.

Среда должна иметь возможность модифицироваться в соответствии с возрастными особенностями детей, быть оптимальной для реализации ведущего вида деятельности и личностного становления в целом. Правильно спроектированное пространство учитывает не только актуальный социально-психологический статус обучающегося, но и экстраполирует возможности и перспективы его развития (рис. 10).

Рис.10. Дизайн кабинетов коррекционной работы

Содержательность окружения. Среда, в зависимости от назначения помещений, должна быть оснащена необходимыми средствами обучения, коррекционно-развивающим инструментарием, лабораторным и спортивным оборудованием, элементами для организации досуга и т. п.

Компьютеризированное рабочее место обучающегося с нарушениями опорно-двигательного аппарата комплектуется клавиатурой адаптированной беспроводной с большими кнопками и накладкой, джойстиком и выносными кнопками компьютерными адаптированными беспроводными, ресивером для беспроводной связи.

Кабинет начальных классов для слепых детей комплектуется инструментарием: разборная азбука-колодка по Брайлю для изучения новых знаков, кубик-буква брайлевский, тактильная касса букв и цифр, прибор прямого чтения для письма по Брайлю, прибор для рельефного рисования «Школьник», индивидуальный тактильный комплект для построения чертежей и тифлографики.

Компьютеризированное рабочее место слепых обучающихся оснащается персональным компьютером с периферией с установленным специализированным программным обеспечением для слепых, тактильным (брайлевским) дисплеем.

При отсутствии в учебных кабинетах индукционной петли для слабослышащих обучающихся используются индивидуальные звукоусиливающие аппараты с модулем вибротактильного восприятия.

Для детей с расстройствами аутистического спектра применяются ламинированные наборы карточек для альтернативной коммуникации и составления визуального расписания, оборудование для сенсорной интеграции, развития и стимуляции вестибулярной системы (рис. 11).

Рис. 11. Дизайн рабочего места для лиц с ОВЗ (портативный ручной видеоувеличитель, читающая машина, различные тифлофлешплееры, устройство для печати тактильной графики, брайлевский принтер и др.)

Вдохновение. Комфортные, интересные и привлекательно выполненные пространства для общения и учебы будут способствовать увеличению работоспособности, появлению вдохновения для различных видов деятельности.

В соответствии с современными тенденциями библиотека должна представлять собой центр общественной жизни школы, где можно проводить

лекции, различные кружки, отдыхать. Для создания комфортной и неформальной обстановки необходимо организовать зоны коворкинга с разнообразными сидениями для групповой и индивидуальной работы; предусмотреть уединенные кабинки для детей с расстройствами аутистического спектра. Для обучающихся с нарушениями зрения необходимо предусмотреть добавочное освещение стеллажей и мест в читальном зале (рис. 12).

Рис. 12. Дизайн цифрового пространства

Культурный код. Большое значение в воспитании гармонично развитой личности имеет сохранение национальных традиций. Уникальные этнокультурные компоненты нашей многонациональной страны должны органично вплетаться в архитектуру и интерьер образовательной организации. Это могут быть материалы, орнаменты, исторические образы и т.п. Например, в школах создаются музеи, тематические выставки (рис. 13). Включение элементов славянской культуры (истории, литературы, искусства, фольклора) в учебные программы и внеурочную деятельность способствует формированию у учащихся представления о богатстве и разнообразии славянского культурного наследия.

Рис. 13. Дизайн школьного этнографического уголка
и уголка патриотического воспитания

Адаптивная физическая культура и паралимпийский спорт. Для привлечения обучающихся к ведению здорового образа жизни и занятия спортом необходим специальный спортивный инвентарь, который учитывает физические

и психологические особенности детей с ОВЗ. Бассейн должен быть оснащен специальным подъемником для инвалидов (рис. 14).

Рис. 14. Дизайн спортивного зала

Медицинское сопровождение. Важную роль в сохранении и укреплении здоровья детей с ограниченными возможностями здоровья и с инвалидностью имеет создание пространственно-предметных условий для ведения медицинского сопровождения каждого ребенка в соответствии с видом нарушения, особенностями здоровья и сочетанными проблемами. Такой блок будет включать массажный и физиотерапевтический кабинеты (Рис. 15), кабинеты врачей: терапевта, сурдолога, офтальмолога и невролога, медицинский изолятор.

Рис.15. Дизайн медицинского кабинета

Заключение

В ходе работы были проанализированы психофизиологические нарушения и особые образовательные потребности обучающихся с ОВЗ. На основе проведенного исследования можно выделить факторы салютогенного и инклюзивного дизайна, обеспечивающие комфортную среду для обучения и реабилитации:

- флексибильность и гибкость пространства для возможности организации доступной среды и функционального оснащения;
- стимулирующая среда для коррекции и развития;
- адаптивность пространства;
- коммуникативность в школьных коллективах.

Таким образом, выявлены основные инспиративные методы управления салютогенным дизайном, базирующиеся на социально-психологических

факторах, сохранении ценностей и идеалов национального культурного кода и системного экологического подхода в дизайн-проектировании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гончарова Г. А., Нурлыгаянов И. Н., Лазуренко С. Б., Голубчикова А. В. (2021) Методические рекомендации по разработке и обновлению адаптированных образовательных программ, разработке индивидуальных планов с учетом особенностей здоровья детей при необходимости снижения или перераспределения учебной нагрузки / Г. А. Гончарова, И. Н. Нурлыгаянов, С. Б. Лазуренко, А. В. Голубчикова. М., 2021. 59 с.

Голубчикова А. В., Нурлыгаянов И. Н., Лазуренко С. Б. (2023) Принципы дизайн-проектирования пространственно-предметного компонента инклюзивной образовательной среды. // Альманах Института коррекционной педагогики. Альманах №52 Электронный ресурс. Режим доступа. URL: https://alldef.ru/ru/articles/almanac-52/design-principles-for-the-spatially-substantive-component-of-an-inclusive-educational-environment (Дата обращения: 10.02.2025)

Kaplan, R., &Kaplan, S. (1989) The Experience of Nature: A psychological perspective. New York : Cambridge University Press. 352 pp.

Калиничева М. М. (2014) Креационное и креативное в проектной культуре дизайна / М. М. Калиничева, М. В. Решетова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. № 7. С. 103–108. EDN SYACQJ.

Решетова М. В. (2023) Квинтэссенция тотального экологического проектирования в дизайне / М. В. Решетова // Вестник Оренбургского государственного университета. № 4(240). С. 74–81. DOI 10.25198/1814-6457-240-74. EDN UPPGFB.

Bandura, A. (1997) Self-Efficacy: The Exercise of Control. New York: W. H. Freeman, 604 pp.

Решетова Маргарита Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры «Рекламы, связей с общественностью и дизайна» ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», Московского гуманитарного университета, член Союза международной ассоциации союза дизайнеров (МОАСД). тел. 89855311769. e-mail: reshetovam@inbox.ru

Визионерское искусство в контексте психологических концепций второй половины XX века

А. П. Романова
Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматриваются психологические концепции исследования визионерского искусства. А также рассматривается психологическое содержание искусства визионеров, как основа изучения психологической сущности искусства визионеров XX века. Приводятся объяснения психологических концепций по определению возможностей сознания человека изучить окружающую действительность путем исследования живописных произведений с точки зрения психологии. Статья описывает основные отличительные черты психологических концепций XX века, а также визионерское искусство через призму психологических концепций, описывает процесс познания визионерского искусства как особого направления творчества, тесно связанного с психологий человека.

Ключевые слова: психологические концепции, психология, визионерское искусство, художники-визионеры, психологический аспект, сюрреализм, интуиция, бессознательное, культура, искусство.

Искусство на современных этапах жизни человека и общества является жизненно необходимой составляющей социальной среды обитания. Особенно важным, и критически важным, оно является для молодежи. В условиях тех вызовов, которые современность бросает молодым поколениям, искусство становится помощником молодежи, способным развить креативность, сформировать эмоциональный интеллект, развить критическое мышление, подобрать адекватный способ самовыражения, насытить внутренний мир и расширить кругозор. Возможность молодежи погрузиться в разные культуры является ценным инструментом для познания себя и формирования жизненной позиции и личностных ценностей. В условиях современных вызовов невозможно правильно сформировать духовно-нравственного гражданина без всестороннего использования всех перспектив эстетического развития [3]. Способность осмысливать сложные вопросы, наилучшим образом понимать мир, умение находить красоту и вдохновляться на развитие является тем мощным инструментом коммуникации людей и культуры, который нам дает искусство.

Ключевыми аспектами становления и развития молодёжи является устойчивое развитие личности и формирование здоровой устойчивой социализации. Поэтому культурные аспекты, аспекты искусства и психологии очень тесно взаимосвязаны. Сложный процесс формирования психологически устойчивой личности, усвоение традиционных ценностей есть важнейший элемент психолого-культурного развития молодежи.

Достаточно широкая сфера эстетических знаний является результатом огромного объема исследований современной психологии искусства [4]. Эта синергетическая область знания сформировалась и выделилась из психологии в

отдельную науку в конце XIX в. Две традиции, присущие европейской науке, — изучение личности и психики человека как с точки зрения философских подходов (теория сознания), так и с точки зрения физиологических подходов (высшая нервная деятельность), соединили воедино опыты изучения человека снаружи и внутри и привели к формированию особого аспекта психологии: исследованию всех внешних факторов, влияющих на внутренние факторы человека ,которые, в свою очередь, определяют психические свойства личности. Таким образом, сфера социокультурных факторов и действий личности является как предпосылкой, так и результатом действия человека.

Определенные сложности в психологической науке вызывало представление о том, что сознание личности не определяется только лишь биохимическими реакциями, протекающими в головном мозге, что сознание может быть обусловлено некими иными процессами, отделяющими создание от мозга человека. Результатом исследований в этих направлениях явилось то, что развитие психологической науки пошло не только по пути биотропной психологии, но и по пути социотропной психологии. В контексте социокультурных факторов психической характеристики личности именно социотропная психология несет гуманитарно-теоретический аспект и изучает проблематику действий человека: память, эмоции, волю, культуру, воображение, интуицию, врожденные способности.

В начале XX в. воображение, интуиция, врожденные способности исследовались как с точки зрения философии (как противопоставление разуму, по А. Бергсону), так и сточки зрения математики (как интуиционизм, по Л.Э.Я. Брауэру) [1]. В дальнейшем интуиция и воображение, как объекты исследования в психологической науке, нашли подтверждение их реальной основы. Опыты по изучению бессознательных реакций и «шестого чувства» дали основу для формирования концепций о подсознательной обработке, накопленной в головном мозгу информации, которая затем проявляется у человека как инсайт [5].

Авангардное течение в искусстве и литературе, которое исследует сны и фантазии, подсознательное и иррациональное в человеке, которое он выражает через алогичные и парадоксальные образы получило название сюрреализм. Это очень радикальное направление культуры и искусства появилось в начале XX в. во Франции, когда художники захотели «очистить» творчество от разумного и исследовать лишь фантазии человека. Таким образом, визионерство основано на сюрреализме, то есть на образах, созданных подсознанием, снами, интуицией и проч. Поскольку начало визионерства пришлось на тяжелый межвоенный период истории, то его развитие и становление – это реакция на военные травмы и рационализм.

Визионерство, психология и интуиция очень плотно переплетены между собой: художники-визионеры используют подсознательные образы для выражения скрытых смыслов, которые берут из интуитивного представления

накопленной, но логически не анализированной в памяти, информации, которая позволяет создать произведения искусства, идущие из глубинных слоев человеческой психики, так, как делали З. Фрейд и А. Бретон [1].

Таким образом, визионерство — это не только художественный стиль, но и новое прочтение традиционных взглядов на мир. Художник-визионер ищет самые потаенные силы психики и разума человека, пытаясь постичь и выразить глубинную истину, которая рождается там, где сознание и воображение свободны от логических предписаний и принятых суждений. Основа визионерского творчества – это мечта человека, которая служит символом подлинного реального мира, к которому человек стремится.

По мнению большинства художников-визионеров, реализм и рациональность препятствуют свободному воображению, и напротив, интуиция, бессознательное, «шестое чувство» – суть та мощнейшая сила, способная развивать и преображать общество, искусство и культуру.

Основой эстетики визионерского искусства являются сон, мечта – но не как нечто иллюзорное и ускользающее, а как истинное проявление бессознательного личности человека. Художник-визионер использует мечту не для того, что просто нарисовать ее, а для того, что открыть подлинные истины, скрытые туманом кажущейся реальности. Сознательно выходя за пределы рационального и условного, визионеры через символы и метафоры пытаются донести зрителю сложные идеи и трансцендентный опыт, который очень сложно передать средствами обычного искусства, основанного на реализме. Рефлексивная эстетика светского искусства, как посредника между обществом и личностью, не может позволить в полной мере раскрыть человеку или обществу цели и смысл жизни. Визионерское искусство, как искусство, построенное на символах и визуальных метафорах, эффективно обозначило эстетику освобождения, тем самым опровергнув миф о том, что гениальность – это врожденный и недостижимый дар, а в творчестве стоит концентрироваться не только на результате, но и самом процессе творчества [2].

Таким образом, визионерское искусство старается разрешить определённые проблемы, возникающие у современной молодёжи в связи с обменом ценностями и знаниями в рамках культуры и искусства. Как пишет Ю. Хабермас: «Инструменты мысли, упускающие из виду «измерение неидентичности» и пропитанные «метафизикой присутствия», тем не менее, являются единственными доступными средствами для раскрытия собственной несостоятельности» [1]. Визионерство старается предотвратить все более явно проявляющуюся относительность в современном обществе, открывая и показывая то, что находится за пределами индивидуального «Я».

Ряд теорий и концепций психологии: когнитивная, гуманистическая и трансперсональная психология, психоанализ, бихевиоризм, которые установились в XX в., анализировали суть психики человека и особенности ее эволюции через призму закономерностей развития личности.

С точки зрения когнитивной психологии человек – это существо, способное познаваться себя и окружающую реальность самостоятельно, а также способное самостоятельно находить разрешение сложной проблемы или задачи, способное выявлять ошибки в своих подходах и решениях и исправлять их, самообучаясь таким образом и совершенствуя свое самоуправление. По мнению У. Найссер, А. Пайвио при таком подходе знания субъекта являются отправной точкой для принятия решения о том или ином поведении в определенной ситуации, а организация знаний в памяти субъекта является основным и центральным стержнем процесса мышления [1].

При гуманистическом подходе психологи просто считают человека неким хорошим изначально существом, обладающим высшими человеческими качествами и потребностями, как-то потребность в поиске и осознании смысла жизни, в определении своего места и предназначения в жизни, во всеобщей справедливости и образовании, в культуре и эстетике. По мнению психологов-гуманистов отсутствие высших качеств у конкретного человека лишь свидетельствует о том, что он пребывает в тяжелых и неблагоприятных для себя условиях.

В трансперсональной психологии человека принято считать существом духовным, тесно взаимосвязанным с Вселенной, с ее вселенским информационным полем, благодаря которому любой человек в любой момент времени имеет возможность «прочитать» информацию о любом событии прошедшего, настоящего и будущего. При таком подходе психологи вводят понятия «коллективного бессознательного человечества», «мирового разума», которые связывают в единое пространство бессознательную психику одного человека с бессознательной психикой других людей. Перманентное общение человека и Вселенной продолжается постоянно, без какого-либо осознанного человеческого действия и понимания. И возможность осознать и ощутить это взаимодействие возникает либо спонтанно, либо в следствие специальных практик, например, медитации.

В психоанализе считается, что человек — суть существо биосоциальное и противоречивое, внутри него постоянно враждуют совесть и сознание, в результате этой вражды человек зачастую сам не в состоянии предугадать своей следующий поступок и пояснить его причину. Различные бессознательные устремления и комплексы качественно влияют на психику и здоровье индивида.

«Психология — это наука о поведении», заявил в 1913 г. Д.Б. Уотсон [1]. Причем наукой психология лишь тогда будет считаться, когда сможет использовать объективные экспериментальные методы изучения и фиксации поведения человека в различных ситуациях, которым это поведение соответствует. Все, что не связано с поведением человека не должной присутствовать и изучать в психологической науке, по мнению Уотсона. Таким образом, ценность и значительный вклад бихевиоризма в психологию заключается в том, что определенные закономерности образовательных навыков

человека, его поведенческих реакций, его способности к научению были изучены путем объективных методов фиксации и анализа реакции и действий человека в определённых ситуациях либо под влиянием определенных событий.

Человеческому мозгу присущи два очень важных механизма — механизмы вытеснения и сопротивления. Благодаря им то, что возникло в бессознательном представлении очень трудно перевести в область сознания. Тем не менее, бессознательное имеет весьма большой энергетический потенциал, благодаря которому все-таки получает возможность проникнуть в сознание человека, пусть и принимая при этом форму весьма символическую, ошибочную или искажённую.

В 1910-е – 1930-е годы, когда идеи З. Фрейда были на пике популярности, отношение к бессознательному было явно негативным. На самом деле идеи З. Фрейда определили синергетический подход и дали наиболее полное понимание различных проблем в психологии, став таким образом фундаментом понимания психологии личности, особенно в исследованиях, связанных с культурой человека, его стремлением к искусству и проч. Научные идеи З. Фрейда всели воедино круг вопросов истории культуры, искусства и философии.

На текущем этапе развития науки специалисты-психологи не определились окончательно с тем, как следует понимать внутренний психический мир человека, который чрезмерно сложен и многогранен. Разнообразие психологических теорий направлены каждая на раскрытие лишь какой-то определённой грани личности человека. Принятие какой-либо одной теории и отказ от всех остальных невозможен и не допустим, потому что познать истинную сущность человеческой личности полно и достоверно можно лишь при комплексном подходе. Поэтому на этапе формирования основных психологических концепций и установилась прочная взаимосвязь между психоанализом и визионерством. Кроме З. Фрейда, на визионерскую мысль оказали особое влияние такие ученые, как К.Г. Юнг, С. Гроф, с их идеями психоделики, архетипа, коллективного бессознательного [2, 6]. Акт творчества как таковой для многих художников того периода, и особенно для художников-визионеров, превратил в акт самоанализа: художники искали новые образы и глубинные истины, исследуя потаенные уголки своей психики. Процесс создания живописного произведения превратился для них в состояние глубокого эмоционального переживания, в котором они осознавали и выражали собственные чувства. И наподобие сеанса психоанализа, подсознание художника-визионера проявляло себя через специальные техники. Визионерское произведение искусства явилось продуктом бессознательного проявления «параллельной» реальности, где, в силу отсутствия ограничений, желания и мечты обрели ясную форму. Благодаря визионерству, живописное произведение стало возможно исследовать с точки зрения психологии, так как искусство и психология образовали синергетическую сущность, способную проникать в самую суть человеческой личности.

К.Г. Юнг разделил творческие подходы на два принципиально разных приема: психологический и визионерский [6]. И, если психологический приём основан на объективном человеческом сознании, то визионерский в качестве своего исходного материала использует подвергнутое художественной обработке переживание, откровение и глубина которого с реалистической точки зрения представляется человеку с трудом. В произведениях художников-визионеров, таких, например, как Д. Питре или Г.Р. Дигер [2, 7], изображенное является итогом воздействия на художника неких сил, которые они пропустили через свое бессознательное и затем подобрали ему адекватное и понятное выражение на полотне.

Визионерское изобразительное искусство, зародившееся в начале XX века, сегодня успешно продолжает свое существование. В наши дни оно является одним из успешных направлений современного искусства, стабильным и трансформирующим. Дух визионерства не характерен для какого-то одного момента истории искусства, он пропитан идеями И. Босха эпохи Северного возрождения, он питает возможные будущие течения в живописи, вдохновляя творческих людей мира к зарождению новой эстетики.

Современное изобразительное искусство сейчас переосмысливает ставший уже классикой символизм. Новая цифровая реальность даёт современным художникам новые инструменты для творчества, например, цифровое искусство, компьютерную графику, 3D-анимацию и виртуальную реальность. Теперь художники могут создавать композиции, бросающие вызов визуальной идентичности реальности, умело оперируя инновационными текстурами и сущностями, и таким образом, формируя новую логику восприятия.

Визионерское искусство превратилось в современном мире в новую психофизическую способность осмысливать окружающую реальность более ярко, многогранно и остро. Художника-визионера можно смело считать генератором идей трансформации общества. Эту способность визионерству предоставила психология, а визионерство, в свою очередь, послужило популяризации идей психологии в обществе, сделав их частью культурного дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барышева, Т. А. Психология творчества : учебник для вузов / Т. А. Барышева. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 300 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-13240-3. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/567208.

2. Гроф С. За пределами мозга : Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / Станислав Гроф; [Пер. с англ. А. Киселев.]. – 5-е изд. – М.: Ганга, 2022, – 528 с. : (ил.); – (Трансперсональная психология).

3. Кривцун, О. А. Эстетика : учебник для вузов / О. А. Кривцун. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 549 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-15175-6. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/536171.

4. Марков А. В. Психология искусства как искусствоведческая дисциплина // Артикульт. 2022. №4 (48). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-iskusstva-kak-iskusstvovedcheskaya-distsiplina.

5. Розин В. М. Культурно-психологическая концепция искусства (продолжая и преодолевая М. Бахтина и Л. Выготского) // Психология и психотехника. 2022. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-psihologicheskaya-kontseptsiya-iskusstva-prodolzhaya-i-preodolevaya-m-bahtina-i-l-vygotskogo.

6. Человек и его символы / Карл Густав Юнг [и др. ; под общей редакцией С. Н. Сиренко]. – Москва : Серебряные нити : Университетская книга : АСТ, 1997. – 367 с.

7. John Pitre: The Art and Works of a Visionary. Barbara T. Erskine and Roger Jellinek, eds. Honolulu: Pitre Fine Arts, 1996. ISBN 0-9648183-0-2.

Романова Анастасия Павловна, студентка магистратуры 2 курса факультета истории искусств кафедры теории и истории искусства Российского государственного гуманитарного университета. Адрес: 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6. Тел.: +7(909)980-79-05. Эл. адрес: anastasya.chapaeva@yandex.ru. ORCID: 0009-0001-6529-4199

Оптимизация взаимоотношений преподавателей и студентов: создание атмосферы доверия и сотрудничества

Е. В. Ростовцева
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы взаимоотношения преподавателей и студентов в современном образовательном процессе, пути повышения доверия и гармоничных отношений, и как следствие – эффективности образовательного процесса в целом.

Ключевые слова: эффективное образование, атмосфера доверия, сотрудничество.

В современном образовательном пространстве особую актуальность приобретает вопрос построения эффективных взаимоотношений между преподавателями и студентами. Эффективное образование невозможно без гармоничных отношений между преподавателями и студентами. От качества этих взаимоотношений зависит не только успешность учебного процесса, но и личностное развитие обеих сторон. Создание атмосферы доверия и сотрудничества является ключевым фактором успешного учебного процесса.

Доверительные отношения между преподавателем и студентом формируют основу для продуктивного обучения. Как отмечает известный психолог А. Маслоу: «Понимание и принятие – это фундамент, на котором строится все остальное» (Маслоу, 2013).

Педагогическое взаимодействие представляет собой сложный процесс, требующий от обеих сторон определенных компетенций и навыков. Важно понимать, что преподаватель – это не просто носитель знаний, а наставник, помогающий студенту стать квалифицированным специалистом (Чернова, 2015). Учить и поучать – разные методы и стили общения преподавателя и студента, недопустимо поучать уже взрослого человека, пришедшего получить знания в высшей школе. Преподаватель должен хорошо представлять себе разницу в общении со студенческой средой.

Основные принципы построения эффективного взаимодействия:

- уважение к личности студента;
- профессионализм педагога;
- индивидуальный подход;
- конструктивная критика;
- позитивный настрой.

Взаимное уважение лежит в основе эффективного взаимодействия. По мнению современных исследователей, успешное сотрудничество также строится на следующих принципах:

- открытость к диалогу;
- взаимная ответственность;
- готовность к компромиссам;
- уважительное отношение к мнению друг друга.

Создание комфортной среды требует системного подхода, регулярных встреч для обсуждения учебного процесса, внедрения интерактивных форм обучения, организации совместных проектов, поощрения инициативы студентов.

Современная педагогика выделяет три основные позиции преподавателя:

1. Организационно-руководящая позиция:
- преобладание административно-запретительных методов;
- единоличное целеполагание;
- строгая регламентация деятельности.

2. Инструкционная позиция:
- согласованность действий;
- предоставление свободы для совершенствования;
- создание атмосферы взаимопомощи.

3. Консультационная позиция;
- направляющая помощь;
- развитие творческого потенциала;
- предоставление свободы выбора методов обучения.

В современных реалиях скорее будет преобладать второй и третий способ общения со студентами, если перед преподавателем стоит цель построения действительно доверительных отношений в аудитории.

Первый способ общения в вузах все менее приемлем, так как нынешняя молодежь не расположена для такого общения с преподавателем на фоне их раннего погружения в информационную среду, воспитывающую защиту личного пространства индивидуума, умение отстаивать свою точку зрения, а главное учить (не всегда эффективно) вырабатывать эту точку зрения на ранних стадиях учебы, еще в школе. Кроме того, молодые люди всегда, по сути, бунтари, им хочется испытать себя, выбрать свой путь развития, выработать и осознать верность своего «кодекса чести». Из этого и вытекает стратегия преподавателя.

Доверие является фундаментом эффективного взаимодействия. Основные стратегии его формирования:
- честность и открытость в общении;
- активное слушание студентов;
- соблюдение обещаний;
- персонализированный подход;
- регулярная обратная связь.

Совместная деятельность играет ключевую роль в построении доверительных отношений:
- организация групповых проектов;
- проведение совместных исследований;
- внедрение игровых технологий;
- создание условий для открытого диалога.

Все вышеперечисленное ставит перед преподавателем ряд задач, которые он должен решать для себя индивидуально, не подстраиваясь под аудиторию, но требуя и от себя развития, умения учиться новому, пытаясь понять, чем живет и

дышит нынешнее студенческое сообщество. И конечно, надо отдавать себе отчет в тех проблемах, которые неизбежно будут возникать перед педагогом на этом пути.

Основные трудности в построении взаимоотношений:

– авторитарный стиль общения, приводящий к стрессу и снижению мотивации;

- формальный подход к образовательному процессу;
- отсутствие обратной связи;
- несоответствие программы требованиям рынка труда.

Несмотря на сложные отношения России и ряда зарубежных недружественных стран в настоящее время нельзя полностью отказываться от опыта ведущих вузов этих стран. Поэтому мы можем рассматривать опыт педагогов этих стран. В ведущих университетах мира применяются следующие практики:

– программа «пригласи профессора на обед»;

– регулярные опросы удовлетворенности студентов;

– приемные часы для консультаций (внедряемые сейчас индивидуальные занятия);

- анонимное анкетирование после занятий.

Из всего рассмотренного выше можно сделать вывод, что для создания эффективной образовательной среды необходимо:

- регулярно проводить мониторинг удовлетворенности студентов;
- внедрять инновационные методы обучения;
- развивать культуру диалога;
- создавать условия для профессионального роста обеих сторон.

Успешное взаимодействие между преподавателями и студентами требует постоянной работы над улучшением коммуникации. Как подчеркивает современный исследователь образования П. Друкер: «Самое важное в общении – услышать то, что не сказано» (Друкер, 2003)

Создание атмосферы доверия и сотрудничества – это непрерывный процесс, требующий усилий с обеих сторон. Только при условии взаимного уважения и открытости возможно достижение высоких результатов в образовательном процессе. Создание атмосферы доверия и сотрудничества способствует не только повышению качества образования, но и формированию гармонично развитой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Друкер П. Ф. (2003) Эффективное управление. М. : Фаир-Пресс. 284 с.

Маслоу А. Г. (2013) Мотивация и личность / Абрахам Маслоу; [пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина]. 3-е изд. Москва : Питер, 2013. 351 с.

Чернова Т. Н. (2015) Формула успешного сотрудничества преподаватель-студент // Научно-методический электронный журнал «Концепт». Т. 3. С. 26–30.

Ростовцева Елена Викторовна, старший преподаватель кафедры дизайна Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-72-98. Эл. адрес: alena.rostovtseva@yandex.ru

Роль личности педагога в условиях современного высшего образования

Е. Б. Савина
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы взаимоотношений педагога и студентов в современном обществе в условиях эпохи всеобщей цифровизации и работы с интернет-ресурсами.

Ключевые слова: образ личности педагога, создание эмоциональной среды в коллективе, условия эффективного способа передачи знаний и опыта новым поколениям.

Современная информационная среда, необратимо изменила структуру отношений между педагогом и учеником. Появился практически свободный доступ к любой информации через интернет, а недавно в жизнь человека буквально ворвался искусственный интеллект, готовый ответить на любой вопрос и помочь нам в приобретении самых разнообразных знаний.

Например, Билл Гейтс в одном из интервью в 2010 году утверждал, что все еще будет место для начального и среднего образования в школах, но обучение, привязанное к месту колледжа и университета – станет менее важным в ближайшие пять лет.

На Гайдаровском форуме в 2021 году, глава Сбербанка Герман Греф сформулировал пять основных принципов образования, на которые должны ориентироваться современные школы, колледжи и вузы по всей стране. На первое место, по мнению Грефа, должны выйти персонализация. Банкир подчеркнул, что она должна базироваться на тщательном изучении цифрового следа, который оставляет каждый человек, начиная со школьного возраста. Благодаря этому, должны формироваться персональные траектории для каждого отдельно взятого ребенка в стране. Реализовать это удастся, благодаря возможностям искусственного интеллекта, который следует активнее развивать в России. И в первую очередь, в образовательной сфере. Так же Греф сформулировал второй базовый принцип современного образования – основное внимание следует уделять развитию конкретных навыков, который будет больше остальных востребованы в будущей профессиональной деятельности.

Российский закон об образовании поддерживает идею постоянного образовательного процесса для всех слоев населения. В третьей статье знакомит нас с основными принципами государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования (Федеральный закон № 27-ФЗ, 2012):

«1. Государственная политика и правовое регулирование отношений в сфере образования основываются на следующих принципах:

1) признание приоритетности образования;

2) обеспечение права каждого человека на образование и недопустимости дискриминации в сфере образования;

3) гуманистический характер образования в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности».

Также в законе отмечается обеспечение права на образование в течении всей жизни и адаптивность системы образования.

Однако при кажущейся легкости, доступности и возможности получать знания из самых разнообразных интернет-ресурсов наблюдается общее снижения уровня подготовленности молодых специалистов, нехватка преподавателей как в школах, так и в вузах и колледжах. Что же происходит на самом деде? Необходимо отметить, что в последнее время российское общество находится в ловушке недопонимания глубокого смысла термина «образование». Вот что сказано в соответствующем Законе РФ: «Под образованием в настоящем Законе понимается целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества и государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов)». В этом сухом и явно недостаточном определении, к сожалению, не отражена самая суть – как в действительности происходит процесс овладения знаниями.

Возникает опасение, что в последнее время мы стали уходить от такого понимания образования, которое начало формироваться еще в XVIII веке, в эпоху Просвещения, и было тесно связано с понятием «культура».

Так, еще у немецкого философа Эммануила Канта образование ассоциируется с «культурой способностей» или «природных задатков», которая в этом качестве представляет акт свободы действующего субъекта.

Образование – это прежде всего важная часть процесса формирования человеческой личности. В ходе этого процесса человек приобретает не только необходимые знания, умения и навыки, но и усваивает определенные культурные ценности. Слова «образование», «образ» и «образец» однокоренные. Подразумевается исторически и этимологически, что образовательный процесс состоит в формировании личности обучаемого по определенному образу (образцу).

Высокое звание – учитель. Именно учитель, педагог и есть тот проводник, через который осуществляется реальная передача знаний от одного поколения к другому, и, собственно, от личных качеств педагога зависит, насколько этот процесс будет успешным. Образование не может стать просто услугой, за которую можно заплатить.

Роль личности преподавателя в образовательном процессе не просто огромная. Эта роль основополагающая. Образовательный процесс – это не только передача необходимой научной информации, но и процесс взаимодействия педагога и обучающихся. Их взаимовлияние друг на друга,

обмен эмоциями, мыслями, переживаниями. Учитель должен не только удовлетворять стремление человека к знанию, но и максимально мотивировать его на этот путь. Как показывает практика, ученики охотнее изучают тот предмет, преподаватель которого вызывает уважение и симпатию (Педагогическое наследие, 1988).

Школьник, студент, любой учащийся воспринимает учителя в первую очередь как личность. Происходит постоянное взаимовлияние друг на друга, обмен эмоциями, мыслями, переживаниями.

Система знаний, которую он формирует, ее воспитательные возможности воспринимаются учащимися в преломлении индивидуальности учителя как что-то персональное, идущее от человека к человеку. Именно это имеет особый смысл и значимость.

Личность педагога выступает в роли своего рода «живого зеркала», в которое «глядится» студент. Вот почему мировоззрение учителя, его поведение, его жизнь, его отношение к своему делу так или иначе влияют на всех учеников. Поэтому важно, чтобы педагог смотрел за собой, чтобы он чувствовал, что его поведение и его действия находятся под сильнейшим контролем, под каким не находится ни один человек в мире.

Во все времена выдающиеся деятели просвещения высоко ценили роль учителя в жизни общества.

Великий педагог В. А. Сухомлинский был убежден в том, что важный путь становления личности учитель проходит вместе со своими учениками. От того, какой личностью является педагог, зависит, каких он воспитает учеников.

Многолетний опыт убедил Сухомлинского в том, что влияние одного человека на другого при раскрытии лучших человеческих черт – самая благоприятная обстановка для воспитания личности. Педагог сам должен быть высоконравственной личностью, чтобы достичь успехов в воспитании молодежи.

Какой же стиль педагогического общения влияет на мотивацию учеников следующим образом? Демократический стиль способствует формированию внутренней позиции учащихся и повышению учебной мотивации. В этом случае учитель рассматривает ученика как равноправного партнера в общении, коллегу в совместном поиске знаний. Педагог всегда психолог. Умеет найти подход к каждому. Сухомлинский писал: «Особые качества педагога. Подлинный воспитатель – всегда человек широкого эмоционального диапазона, он глубоко переживает и радость, и огорчение, и тревогу, и возмущение. Если дети чувствуют в этих человеческих страстях своего наставника правдивость – это и есть настоящая доброта. Мы должны быть для подростков примером богатства духовной жизни; лишь при этом условии мы имеем моральное право воспитывать. Ничто так не удивляет, не увлекает подростков, ничто с такой силой не пробуждает желания стать лучше, как умный, интеллектуально богатый щедрый человек» (Сухомлинский, 1973).

Великий русский ученый и философ Михаил Ломоносов разработал требования к личности педагога и считал, что педагог прежде всего должен любить Родину, быть образцом нравственности для учащихся.

Никакие информационные ресурсы не могут приблизить объем знаний студента к богатству и опыту преподавателя. Абсолютно ясно, что педагог всегда знает больше и невозможно представить, что студент может набрать тот объем информации, которым владеет преподаватель, даже если он очень молод. Тем более опытный педагог. Опыт работы в профессии плюс преподавательский стаж.

Эйнштейн замечал, что образование – это то, что остается после того, когда забывается все, чему учили.

Некоторые качества личности, которые особенно важны для педагога:

1) Эмпатия и забота – умение понять потребности интересы и сложности каждого ученика, создать атмосферу поддержки

2) Толерантность – не в смысле против приказания. требования, порядка в воспитании. Без разумного проявления воли воспитателя, требований коллектива, общество превратилось бы в стихию, Подростки уважают, любят и ценят людей сильной воли. И не терпят людей безвольных, не переносят пустопорожней болтовни.

3) Организованность – эффективное управление временем и ресурсами, четкое планирование учебного процесса.

4) Коммуникабельность – умение выстраивать доверительные отношения с учениками, родителями и коллегами.

5) Творческий подход – постоянный поиск новых идей и методик, которые сделают учебу увлекательной.

6) Мотивация и энтузиазм – вдохновение учащихся своим примером, пробуждение у них интереса к знаниям.

7) Дисциплина. Никогда не опаздывать на занятия, всегда предупреждать о задержке или отмене занятия. Ценить личное время учащихся.

8) Доброжелательность. Любовь к молодому поколению. Человек может прожить всю жизнь и не знать, как сильно он любил свое отечество, своих учеников, но долговременное отсутствие обнаружит для него самого всю силу этой любви.

9) Внимание. Умение ясно излагать мысли. Здоровье – одно из необходимых качеств преподавателя.

10) Умение работать в коллективе. Желание постоянно совершенствовать свои навыки. Учиться у своих учеников, что особенно важно в настоящее время.

11) Продолжать заниматься своей профессиональной деятельностью.

12) Самообразование – целенаправленный процесс познания, ознакомления с новыми педагогическими теориями и концепциями, освоения методов, приемов и технологий реализации образовательной деятельности.

13) Профессиональное самовоспитание – работу педагога над преобразованием своих личностных качеств, исходя из поставленных профессиональных целей и задач. Развитие адекватной самооценки – педагог должен уметь видеть недочеты в своей работе и стремиться к их корректировке.

И так какой же идеальный педагог сточки зрения учащихся? Каких педагогов вспоминают долгие годы и какую дают оценку? Обратная связь это – что студенты хотели бы видеть в педагоге и какие качества вызывают отчуждение и неприязнь.

Потеря эмоционального контакта с преподавателем может привести к утрате мотивации к обучению. Вспоминают, что не выучили предмет, потому что не нравился педагог, неинтересно излагал материал или был слишком требователен, или наоборот сам был безразличен к своему предмету.

В чем сложности работы преподавателем именно в вузе? Студенты уже люди взрослые им по 17-20 лет, но во многом они еще дети, вчерашние школьники. Формируются новые коллективы из детей. Могут изменить свой статус в новой группе. Новые роли лидеров и лузеров.

Сложная тема – поддержание дисциплины в студенческом коллективе. На эту тему на примере школьного образования много рассуждал Сухомлинский: «Я нисколько не отрицаю понятия «нельзя» в воспитании. Многие беды имеют своими корнями как раз то, что человека с детства не учат управлять своими желаниями, не учат правильно относиться к понятиям «можно», «надо», «нельзя». Но я за то, чтобы, воспитывая в человеке умение управлять своими желаниями, возвышать человека, а не унижать его, как это делают учителя, наказывая учеников. Проблема возвышения человека – это, по-моему, ключ к той нравственной сердцевине, которую нам надо создавать. Если же воспитатель вместо тонкого, умного порицания «практикует» ругань, оскорбляет достоинство школьника —это вызывает ожесточенность, отчаяние, злобу и замкнутость, отношение к воспитателю как к враждебной силе. Искусство порицания состоит в мудром сочетании строгости и доброты: ученик должен почувствовать в порицании педагога не только справедливую строгость, но и человеческую заботу о себе» (Сухомлинский 1999).

Иногда необходим личный контакт и индивидуальное обучение. Нельзя сравнивать, осторожно ставить в пример. Учитывать личные особенности каждого студента. Учащиеся бывают разные – спокойные, быстрые или ленивые, медлительные и т.д. Терпимость к различным мнениям и индивидуальным особенностям ученика.

Стараться поддерживать творческую атмосферу в группе. Умение управлять коллективом. Сухомлинский говорил: «Воспитательная сила порицания учителя зависит от его моральных качеств, от его тактичности, авторитета какой бы резкой ни была оценка поведения ученика, опытный воспитатель никогда не допускает уничтожающей оценки». Глубоко ошибаются те, кто видит гуманность в ровном, сдержанном тоне учителя, подкрашивающего

при этом свои поучения сиропом доброты. Доброта – это не тон и не специально подобранные слова. Подлинный воспитатель редко говорит своим питомцам: будьте хорошими. Доброту его души воспитанники чувствуют глубокой правдивости и искренности. Подлинная доброта – это правдивость. Она далеко не всегда бывает приятной. часто правда бывает горькой, тревожной, в ней – огорчение и обида. Но самая горька правда утверждает в душе ребенка стремление быть хорошим, потому что доброта – а правдивость это и есть подлинная доброта – по самой своей природе никогда не унижает человеческого достоинства» (Сухомлинский, 1973).

В настоящее время существует проблема с преподавательскими кадрами в вузах. Невысокие зарплаты и падение престижа профессии педагога в современном обществе. Большая нагрузка. Участие в вузовских проектах, конференциях.

Какие требования предъявляет все это к преподавателю? Какие ставит перед ним проблемы и темы для раздумий? Тема служения своему делу. Умение не вести пустых разговоров и не жаловаться, даже когда за стенами вуза трудности в семье и жизни. (Можно сказать, что педагог иногда выступает как актер – пример стойкости и эталон поведения.) Личные эмоции оставить при себе. Подавать пример своим поведением. Аккуратность. Подтянутость. Честно признавать свои ошибки, не стыдиться просить прощения за них. Всегда идти навстречу учащемуся! Не допускать, чтобы учащиеся ушли из учебного заведения ожесточившимися или равнодушными к знаниям!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Педагогическое наследие (1988) / Сост. В. М. Кларин, А. Н. Джуринский. М. : Педагогика. 416 с.

Сухомлинский В. А. (1973). О воспитании. М. : Издательство политической литературы. 272 с.

Сухомлинский В. А. (1990). Как воспитать настоящего человека (этика коммунистического воспитания) педагогическое наследие. М. : Педагогика. 209 с.

Федеральный закон от 29.12.2012 № 27-ФЗ (2012) (ред. от 15.10.2025) «Об образовании Российской Федерации».

Савина Евгения Борисовна, член Московского союза художников, доцент кафедры дизайна Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-72-98. Эл. адрес: jane0103@mail.ru

Народная танцевальная культура как инструмент формирования жизнеспособных поколений

В. С. Сапожникова
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В работе анализируется один из уникальных механизмов гармоничного приобщения молодежи к традиции, культурным и историческим ценностям, формирующим чувство ответственности за будущее своей страны и своего народа — танцевальная народная культура. Народный танец рассматривается не только как вид досуговой и профессиональной деятельности — это апробированный временем, актуальный инструмент работы с молодежью, пример интеграции культуры в практику жизни. На примере трансформации основных функций народного танца показан процесс непрерывного развития, актуальности традиционного танца в современном социокультурном пространстве. Динамичность функциональной модели танцевальной культуры придает ей гибкость как способность решать современные социокультурные задачи, принимать участие в возделывании самостоятельной личности, имеющего национальное самосознание российского гражданина.

Ключевые слова: воспитание молодежи, развитие общества, народный танец, танцевальная культура, русский стиль, этнический стиль, традиция.

Народный танец в едином воспитательном пространстве

В современных социально-политических условиях все большее внимание со стороны государства направлено в область культуры с целью создания системы высоких духовно-нравственных ценностей у молодого поколения. Подрастающий контингент граждан обретает субъектность по мере длительного процесса самоидентификации, самоосознания своих интересов, возможностей, роста внутренней организованности. Задача государства в этом вопросе обеспечить слаженную работу всех инструментов создания жизнеспособных поколений. Концепция воспитания жизнеспособных поколений российской молодежи выдвинута известным российским ученым И. М. Ильинским (Ильинский, 1995). Основные положения этой концепции и другие теоретические идеи и прикладные разработки И. М. Ильинского, представленные в его гуманистической концепции молодежи, в концепции образовательной революции, концепции молодежной политики востребованы отечественными учеными и практиками и положительно сказались на развитии новой молодежной политики и молодежных исследований (Ковалева, 2025).

В «Концепции воспитания жизнеспособных поколений» выделяется основная идея – создание единого воспитательного пространства в современном российском обществе (Ильинский, 2024: 3). Государство определяется как основной социальный институт, функция которого – осуществлять сложнейшую воспитательную деятельность. Безусловно, в процессе задействованы не только учебные заведения. Вовлечены молодежные организации, церковь, семья,

средства массовой коммуникации, а также досуговые центры - спортивные и творческие. Формируется многогранный комплексный подход, фундаментальная идея которого состоит в том, чтобы все составляющие работали на благо общей, единой миссии – вырабатыванию устойчивых, жизнеспособных поколений. При этом механизмы должны осуществлять деятельность органично, без давления и искусственного навязывания, чтобы результат данной цели стал прочным надежным фундаментом - опорой для будущих свершений.

Также поставлена задача сформировать у молодого поколения естественное желание самостоятельно подтягиваться к высоким смыслам, идеям, решать сложные задачи развития общества. Цитируя отечественного мыслителя, следует выделить, «… действительно образованный человек – тот, кто приобщился к единству всех областей знания и взаимоотношениям между ними, который видит и понимает картину мира в целом, а не только ее фрагменты» (Ильинский, 2002: 231). В результате установленных задач, представляется необходимым рассмотреть имеющийся арсенал средств, проанализировать их деятельность и возможности, доработать с учетом запроса и, при необходимости, технологического и общекультурного развития.

Одним из апробированных временем инструментов возделывания устойчивой, национально ориентированной личности является танцевальная народная культура, представленная в виде молодежных и детских хореографических ансамблей, школ – студий при уже зарекомендовавших себя танцевальных коллективах, таких как «Ансамбль Игоря Моисеева», «Березка», «Русская душа», «Калинка», «Гжель» пр. Эти учреждения ни только решают вопрос физического и эстетического развития молодежи, но уже не одно десятилетие по средствам своей деятельности развивают идею формирования жизнеспособных поколений, демонстрируют красоту и духовное богатство нашей страны. Даже в тяжелые годы «бескультурья», вошедшие в историю как «лихие девяностые» данное направление смогло выстоять, вырастить одаренных детей, которые сегодня являются уникальными хранителями и трансляторами накопленного знания и опыта. Здесь танцевальная народная культура утвердила себя как надежное средство борьбы с бездуховность. В своей работе «Поэтика русского танца» известный отечественный балетмейстер, ученый В. М. Захаров подробно рассматривал данный вопрос и пришел к утверждению, что навязывание молодежи как еще не окрепшим, не до конца сформировавшимся личностям совершенно чуждого, инородного «поп-бескультурье» приводит к дезориентации молодежи. Ситуация усугубляется если государственные социальные институты бездействуют, не борются за свою молодежь – ориентир на материалистичность и общее равнодушие заполняет собой все пространство, молодые граждане «отдают предпочтение бездуховным суррогатам, что наносит вред всей нашей культуре» (Захаров, 2004: 7). В своей работе хореограф – ученый подчеркивал значимость формирования гордости за достижения своей

страны и ее истории как гарантии устойчивости перед множеством соблазнов Запада.

Через яркое, узнаваемое музыкальное сопровождение, красочный народный костюм, виртуозное исполнение происходит погружение в природу и историю народного танца. Благодаря таланту выдающихся педагогов – хореографов, балетмейстеров бытовой танец, фольклор превращается в современный вид искусства, который вызывает у исполнителей и зрителя чувство гордости, восхищения богатством своего народа, своей культуры (Сапожникова, 2024а: 687). В результате формируются такие составляющие как национальный патриотизм и гражданские качества россиян, развивается идея добровольного служения Отечеству. И.А. Моисеев как великий хореограф и патриот своей страны выделял основной душевный принцип, отражающий суть «служения отечеству» – «отдавать, не задумываясь о благодарности» (Биография: Электр.ресурс). При этом, следует отметить, что данный подход привел Игоря Александровича не к выгоранию и саморазрушению во благо высоких целей, но напротив – сделал бессмертным имя выдающегося хореографа, сам «Государственный академический ансамбль народного танца имени И. Моисеева» - значимым для всей мировой танцевальной культуры.

Данный опыт показывает, что танцевальная народная культура способствует развитию «жизнеспособной, гуманистически ориентированной индивидуальности по отношению к обществу и к себе самому», где жизнеспособность понимается как «наличие у человека (поколения) таких свойств и качеств, которые позволяют не только выжить, не деградируя в «жестких» и ухудшающихся условиях социальной и природной среды, но и жить и развиваться, духовно возвышаться, воспроизводить и воспитывать потомство, не менее жизнеспособное в биологическом и социальном плане, чем он сам» (Ильинский, 2024: 13-14).

Массовый танец как опыт воспитательного процесса

К потенциалу танцевальной культуры для реализации таких задач как формирование личности гражданина уже обращались хореографы. Создавались и внедрялись самостоятельные танцевальные направления. Например, «массовый танец» как проектное направление (Культурные трансформации…, 2006: 233), который должен был заменить собой свободный танец, народную пляску и деактуализировать ориентир молодежи на западные образцы. Рассчитывалось, что новый проект станет наиболее подходящим советскому человеку молодой республики. Танцы общие, совместные должны были содействовать закреплению настроения массы как целого, сформировать своеобразный «орнамент масс». Частично поставленные руководством цели были достигнуты. Движения «массового танца», где «коллективное тело поглотило тело индивидуальное» (Сироткина, 2025: 91) отражали повестку своего времени. Трансформировался сам принцип танцевальных движений, ставший линейным, любая импровизация нивелировалась. Также была реализована задача развития физической красоты. Фигура танцора

перевоплотилась в атлетическое, напряженное тело. Массовый танец больше напоминал организованный, физкультурный парад и производил впечатление величественного зрелища.

Безусловно, как самостоятельное направление танцевального искусства данный вид танцевальной деятельности имел свое существенное историко-культурное значение и олицетворял собой внутреннюю политику страны. Однако, навязанная искусственность, а не природная естественность изначально определили отсутствие его жизнеспособности в повседневности и невозможность самостоятельного развития. Как пишет исследователь танцевальной культуры И. Сироткина: «…танцы по инструкции могли существовать исключительно в регламентированном публичном пространстве» (Сироткина, 2025: 92). Отсутствие передачи движений как высоких смыслов танцевальной традиции стало основным препятствием достижения иных воспитательных целей. Для формирования национально ориентированной личности выдающиеся хореографы обратились к культуре народа и предприняли попытку воспроизвести ее в современных традициях.

Народный танец наивысшей степени подходит для реализации данных целей. Он органичен с природой, естественен, создан народом и временем. В нем отражены обряды и традиция, радость и боль народа, общая история и идентичность каждого региона. Именно поэтому народный танец обладает особым иммунитетом устойчивости и в различные тяжелые исторические периоды служит опорой, поддержкой и источником вдохновения.

Развитие личностных качеств через танцевальную народную культуру

Выдающиеся педагоги-хореографы, балетмейстеры, такие как Н. С. Надеждина, И. А. Моисеев смогли предложить самостоятельный жанр танцевальной народной культуры, в основу которого легли повествование, традиция народа и русская идея. В центр созданного направления был заложен синтез народного танцевального фольклора и уже сложившейся и принятой в обществе школы классического танца. Это совмещение дало возможность по средствам сцены и танца передать духовную силу и красоту русской души. Обращение к традиции в сценическом воплощении как рождение нового жанра стало идеальным решением для реализации идеи о формировании национально ориентированной личности своего времени, воспитания необходимой коллективности; удалось также создать новый взгляд на традицию у подрастающего контингента (Сапожникова, 2024а: 689). Данный подход, стал формулой успеха в работе танцевального коллектива. Н.С. Надеждина отмечала: «Я всегда повторяю своим девушкам, - что три условия необходимы для того, чтобы быть настоящим артистом: нужно любить свою страну, нужно любить искусство и нужно уметь увидеть глазами поэта жизнь того народа, искусство которого ты преподносишь публике» (История: Электр.ресурс).

Образ успешного танцора развивался и пополнялся. Заслуженный деятель искусств РФ, основатель народного детского танцевального коллектива

«Калинка» А. Н. Филиппов обратил внимание на фактор возраста. Уделяя внимание именно детям, он считал: «Я понимал, что детскую энергию, темперамент, наивное светлое восприятие окружающего мира необходимо вовремя направить по правильному руслу» (Сапожникова, 2024а: 694). Его последовательница Н. С. Левицкая-Филиппова не раз сталкивалась с практикой коррекции поведения и образа мышления через погружение ребенка в народную танцевальную культуру. «В раннем возрасте важно заложить верные ценностные основы, также еще можно попытаться многое исправить: и тело, и сознание; переориентировать ребят на высокие цели» (Сапожникова, 2024а: 696).

Данный опыт также позволяет с уверенностью рассматривать танцевальную народную культуру как уникальный, апробированный временем инструмент для реализации современных задач в сфере воспитания жизнеспособных поколений. Вырабатываемый в процессе погружения патриотизм является прогнозируемым следствием развития молодого танцора, что является значимой константой. Отдельно подчеркнем, что действующим президентом РФ В.В. Путиным в «Концепции патриотического воспитания» было предложено рассматривать патриотизм, как основание, суть всей российской политики, что и было подробно изучено, обосновано представителями отечественной гуманитарной мысли (Рубчик, 2016: 90).

Таким образом, народные танцевальные ансамбли как носители высоких ценностей с выстроенным механизмом их передачи начинающим танцорам являются ярким примером и инструментом формирования жизнеспособных поколений. Поскольку в лучших образах танцевального фольклора, отработанных временем и выработанных до уровня искусства, на протяжении длительного периода проявлялись лучшие черты национального характера, формировались идентичность и самоосознанность.

Первостепенные функции народного танца

Сегодня можно выделить самостоятельные направления народного танца: сохранившийся, отвечающий всем требованиям четкого воспроизводства традиционный - народный танец, выделяющийся своим мастерством и передачей традиции - танец фольклорных коллективов и предназначенный для широкой публики - народный сценический танец (Карпенко, 2015). Данная вариативность обусловлена естественной потребностью в развитии. Д. С. Лихачев писал, что «каждый вновь появившийся стиль – это своего рода новый взгляд на мир. Это не только эстетическое обобщение в произведении, но и новое эстетическое восприятие действительности» (Лихачев, 2022: 213).

Народный танец обладает множеством значимых функций. Все они релевантны в отношении традиционного народного танца. Среди первостепенных, изначально сформировавшихся функций следует выделить *магическую* как основополагающую. Она раскрывает центральное назначение танца как инструмента общения с природой, его сверхъестественного воздействия на окружающий мир. *Информационно-коммуникативная функция* рассматривает танец как инструмент невербальной передачи важной социально

значимой информации от одного поколения другому, формулирует сущностные смысловые ориентиры у молодежи. Точность передачи этой информации выражается в идеальном воспроизведении движений, костюма и музыкального сопровождения, что было особенно важно в условиях дописьменной культуры. Следует выделить *физически-рекреационную функцию* как способ развития культуры тела, ловкости и выносливости. Рассматриваемая функция также служит инструментом психологической разрядки и снятия напряжения. Также следует выделить *адаптивную функцию* как основополагающую. Данная функция с древних времен обеспечивала приспособление человека к коллективу, к среде своего обитания. В этом смысле посредством танца происходило взаимодействие, получение жизненно важной информации об обрядовых практиках, трудовой деятельности, о характере семейных отношений (Кособуцкая, 2018: 76).

Зародилась и *эстетическая функция*, которая изначально не носила самостоятельного характера, скорее, отражала бытование народа. С появлением народно-сценического танца, когда, в результате кропотливой работы мастеров – хореографов, бытовая, народная пляска стала ярким проявлением культуры народа, самостоятельным направлением танцевального искусства, эстетическая функция оформилась как определяющая (Кособуцкая, 2018: 76).

Трансформация функций танцевальной народной культуры

Трансформация функций как единой динамичной системы в социокультурном пространстве процесс закономерный. Это дает право рассматривать функции по принципу комплиментарности, когда уменьшение значимости одних функций компенсируется иной функциональной матрицей, более актуальной, в определенный период (Сапожникова, 2024b: 41–42). Таким образом, с появлением народно-сценического танца как новой, современной его формы, появляются и новые функции, значимость первоначальной матрицы пересматривается. Безусловно, представленные выше функции остаются как изначально сложившиеся. Однако на данный момент времени ярко выделяется иной функциональный арсенал.

Сегодня народный танец, впитавший в себя многовековой опыт человеческой деятельности, как было рассмотрено выше, выступает как надежное средство воспитания подрастающего поколения. Безусловно, воспитательные и обучающие процессы в танцевальной активности были изучены еще советскими исследователями. Например, в трудах историка и этнографа М. М. Громыко было показано, что необходимый объем знаний и навыков крестьяне воспринимали через фольклор, на что указывает также работа Д. С. Лихачева (Лихачев, 2022: 133). В танцевальной народной культуре и сегодня проявляются особенности старинных обрядов и ритуалов, отражаются эталоны культуры общения, манеры поведения, примеры праздничной и трудовой деятельности народа.

Однако, в настоящее время танцевальная народная культура в полной мере готова стать частью общего воспитательного пространства, реализуя

современный социокультурный заказ. Выделяется *воспитательная функция* танца как основополагающая и современная, отвечающая за основание морально – нравственных паттернов, вырабатывание образцовых норм поведения, формирование образа мышления. В диалоге поколений совершается передача опыта и системы ценностей через живое человеческое общение, возможно, больше, чем через изначальные механизмы образования. Когда происходит раннее возделывание первых личностных качеств диалогично, в процессе постоянного, интуитивного диалога, молодые танцоры «выходят в жизнь» уже окрепшими духовно и представляют собой ту молодежь, которая стремится не только постигать современность и жадно впитывать культуру, но и способна преодолевать зависимость от «меркантильно-обыденного обихода жизни» и сознательно посвящать себя чему-то большему (Ситаров, Романюк, Луговой, 2006).

С самого детства (возраст закладывания хореографической базы весьма ограничен – до восьми – девяти лет) дети уже начинают учиться постигать свою культуру в процессе обучения танцу и через общение с преподавателем. В процессе обучения педагогами – хореографами передается знание о происхождении танца, отдельных комбинаций, устойчивых движений как знание своей национальной истории и истории народов, входящих в состав государства-нации. В данных условиях полностью раскрывается потенциал *идентификационной функции*. В созданных условиях у подрастающего поколения национальный танец способствует формированию чувства единства, общности и причастности к своему этносу, помогает осознать и ощутить свою принадлежность к великой и богатой стране. У маленького танцора также постепенно формируется система ценностей и норм поведения. Реализуется *социализирующая функция* и *коммуникативная функция* как современные, обеспечивающие вхождение в общество через танец, помогающие раскрыть себя и начать диалогическое взаимодействие на общем, понятном каждом уровне (Сапожникова, 2017: 110–111). Последовательно, ненавязчиво происходит социализация личности по современным канонам.

Танцевальная народная культура как крепкая и богатая формирует свою среду общения, определяет специфику интересов и общего развития. Здесь народный танец следует рассматривать как средство общения, объединяющее поколения внутри одной общности. Реализуется *Адаптационная функция* танца, которая также участвует в процессах коммуникации, помогает определить себя в группе. Однако, следует выделить следующий факт. Традиционная культура, воплощенная в народном танце, обладает уникальной способностью и рассматривается как фактор психологической стабильности, способный закрепить индивида в обществе, предотвращая отчуждение, страх, «потерю себя» как результат нарастающей глобализации в поликультурной России (Костина, 2009: 32–33). С помощью адаптационной функции молодой танцор приспосабливается к жизненным реалиям, учится смотреть на мир через призму понятных ему и принятых его обществом ценностей. В этом смысле

актуальность народной танцевальной культуры сегодня усиливается, потребность в ней вырастает.

Укрепление заложенных процессов совершается в подростковом возрасте, когда юные танцоры включаются в общий контекст социально-культурной активности, происходит демонстрация четко отобранного репертуара в концертной деятельности. В этом возрасте формируется эстетическая культура подростков. Полностью реализуется *одноименная функция*, когда закладываются понятия идеала, потребности в эстетике, стремление к ее постижению. В этом смысле народный танец содержит в себе эффективные средства воздействия. Талантливо созданные художественные формы хореографических постановок, разработанные лучшими представителя отрасли, способствуют формированию эстетического вкуса, моделируют эстетическое восприятие и оценку. Постоянная работа с хореографическим материалом, общение в своей среде, постоянный ориентир на лучших исполнителей и непосредственное исполнение самого танцевального репертуара не только вырабатывают интерес к смежным искусствам: театру, живописи, архитектуре и музыке, но и расширяют кругозор, формируют мышление, задавая верные паттерны.

В юношеском возрасте танцоры уже являются не только устойчивыми носителями, но и трансляторами национальной культуры, способные на своем языке увлекать новые поколения традицией своего народа, культурой своей страны. Подобное распространение апробированных танцевальных практик, демонстрация социально - культурного и общего духовного развития как добрые дела известный отечественный мыслитель Д. Лихачев называл «спорами добра».

Трансформация функций народного танца показывает его развитие, демонстрирует его актуальность в различные периоды истории. Однако понимание народного танца всегда вращается вокруг категории фольклорности и сакральной традиции. Соприкосновения с этими гранями и современные запросы социокультурного пространства позволяют развивать более сложные формы, понятные современному зрителю, что облегчает передачу и принятие накопленного материала, необходимой для усвоения информации. При этом, важным остается, то, что сам народный танец как олицетворение особенностей каждого народа не теряет при видоизменении, современном прочтении своей природы и генетических особенностей.

Заключение

В современных социально-политических условиях развития общества Российской Федерации одной из важнейших проблем являются процессы становления молодого поколения «как особой сферы духовного производства социума», вырабатывания самостоятельности личности, имеющей национальное сознание российского гражданина, а также формирования у молодежи способности четкого представлять себе перспективы собственного развития и совершенствования. Танцевальная народная культура демонстрирует все необходимые составляющие для продуктивной реализации всей цепочки целей и задач. Она по праву является частью общего воспитательного пространства,

примером интеграции культуры в практику жизни. Уровень эффективности народных ансамблей настолько высок, что многие педагоги – хореографы, такие как А.Н. Филлипов, основываясь на многолетней практике, принимают для себя решение ставить воспитательные задачи на первое место, и только потом создавать профессиональных артистов (Сапожникова, 2024а: 695). В свою очередь, трансформация функций танцевальной культуры придает ей гибкость и, как следствие, способность решать современные социокультурные задачи, принимать участие в возделывании самостоятельной личности, имеющего национальное самосознание российского гражданина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Биография Игоря Моисеева https://www.moiseyev.ru/bio.html Дата обращения 10.11.2025 г.

Захаров, В.М. (2004) Поэтика русского танца. — М. : «Издательский дом «Святогор». Том 2. – 552 с.

Ильинский, И. М. (2024) Концепция воспитания жизнеспособных поколений российской молодежи. – Москва : Издательство Московского Гуманитарного Университета. – 36 с.

Ильинский, И. М. (2001) Молодежь и молодежная политика: [Философия. История. Теория.]. М. : Голос. — 694 с.

Ильинский, И. М. (2022) Молодежь России и проблемы образования (пути, которые выбирали не мы): монография. – М. : Издательство Московского гуманитарного университета. – 812 с.

Ильинский, И. М. (2002) Образовательная революция. – М. : Изд-во Моск. гуманит.-соц. акад. – 592 с.

Ильинский, И. М. (1995) Основы концепции воспитания жизнеспособных поколений / И. М. Ильинский, П. И. Бабочкин // Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений: докл. Ком. РФ по делам молодежи / Ком. РФ по делам молодежи. – М. : [б.и.], 1995. – С. 213–247.

История Ансамбля «Березка» https://beriozkadance.ru/history/ Дата обращения 12.10.2025.

Культурные трансформации в информационном обществе (2006) / отв. ред А. И. Шендрик: сб. науч. статей. М. : Изд-во МосГУ. – 272 с.

Карпенко, В. Н. (2015) Традиционный танец в русской народной хореографии / Карпенко, В. Н., Карпенко, И. А., Татаринцев, А. Ю. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота. – № 3 (53): в 3 ч. Ч. I., 104–107 с.

Ковалева, А. И. (2025) И.М. Ильинский о молодежи. Научная школа Московского гуманитарного университета и проблемы воспитания /Аналитическое исследование законодательства Российской Федерации о молодежной политике и его реализации в современных условиях / Е. В. Белоусова, А. И. Ковалева, А. В. Костина [и др.]. – М. : Издательство Московского гуманитарного университета – С. 29–50.

Кособуцкая, Н. Ю. (2018) Народный танец: социокультурные характеристики и функции // Вестник культуры и искусств. № 1 (53)., с. 76–81.

Костина, А. В. (2009) Национальная культура – этническая культура – массовая культура : «Баланс интересов» в современном обществе. М. : Книжный дом «ЛИБРИКОМ». – 216 с.

Лихачев Д.С. (2022) Русская культура. – М. : Иллюминатор. – 368 с.

Рубчик, Б.А. (2016) Молодежь и общество: уроки истории: сб. науч. Трудов / сост. А. Б. Ручкин. – М. : Центр «ГРИНТ». – 226 с.

Сапожникова, В. С. (2017) Проблема диалога культур: концептуальные подходы к исследованию. Материалы XIV Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания» в двух частях. Под общей редакцией доктора философских наук, профессора И. М. Ильинского. Часть 1. Издательство Московского гуманитарного университета. 597 с.

Сапожникова, В. С. (2024a) Национальная танцевальная культура как основа формирования российской идентичности // Ученый совет, том XXI № 11 (239) Издательский дом Панорама, с. 686–697.

Сапожникова, В. С. (2024b) Трансформация функций моды к культуре. М. : ЛЕНАНД. 176 с.

Сироткина, И. (2025) Танец, тело, знание. М. : Новое литературное обозрение. – 176 с.

Ситаров, В. А., Романюк Л. В., Луговой М. В. (2006) Жизнеспособность «Концепции воспитания жизнеспособных поколений» https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznesposobnost-kontseptsiya-vospitaniya-zhiznesposobnyh-pokoleniy?ysclid=mj77b2zgzu932452227 Дата обращения 10.10.2025 г.

Сапожникова Виктория Станиславовна, кандидат культурологии, преподаватель-исследователь; старший преподаватель кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Эл. адрес: v.s.sapozhnikova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6811-4846.

Противодействие коррупции в правоохранительных органах

Е. И. Сейфетдинова
ТМосковский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматривается развитие коррупционных проявлений в системе правоохранительных органов представляет угрозу национальной безопасности и существованию государства. Коррупционное заражение правоохранительного органа приводит к тому, что госорган перестает защищать интересы государства и общества, а сотрудники, используя свое служебное положение, подчиняют деятельность правоохранительного органа своим корыстным интересам. Коррупция в системе правоохранительных органов порождает у населения недоверие к ее сотрудникам, а сами сотрудники подвергаются профессиональной деформации. Коррупционные проявления дискредитируют правоохранительную систему Российской Федерации.

Ключевые слова: сотрудник правоохранительного органа, коррупция, неотвратимость уголовной ответственности, противодействие и причины коррупции

Противодействие коррупции в правоохранительных органах ведется перманентно, так как проявление фактов коррупции, стремительность ее распространения представляют опасность для существования государственного аппарата и самого государства. Коррупционное поглощение сотрудников стало одной из причин реорганизации таких правоохранительных органов, как Федеральная служба налоговой полиции Российской Федерации, (ФСНП России), Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН России), Федеральная миграционная служба (ФМС России). Приведенные иллюстрации показывают, какую опасность для правоохранительных органов представляет коррупция, в силу чего государству приходиться упразднять самостоятельные органы. В Российской Федерации проявление коррупционных связей и схем имеет место быть во всех правоохранительных органах, в том числе и на низовом уровне, где сотрудники непосредственно контактируют с населением. Распространенность коррупции порождает ложные тезисы о том, что дача и получение взятки становится нормой жизни. Констатировать ключевые перемены в сфере борьбы со взяточничеством пока не приходится, коррупция остается устойчивым негативным явлением в деятельности правоохранительных органов России.

Отмеченная проблема остаётся значимой для государства и общества. Правовым началом противодействия коррупции в правоохранительных органах стало принятие Федерального закона «О противодействии коррупции», где в ст.1 закона дается нормативное определение коррупции, согласно которой, под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг

имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами (ФЗ, 2008).

Сущность коррупции в системе правоохранительных органов довольна проста: использование служебного положения для получения материальной выгоды. Многочисленные исследования показывают, что чем беднее население, тем выше уровень коррумпированности среди сотрудников правоохранительных органов, отсюда противодействие коррупции только в системе правоохранительных органов при низком уровне жизни населения не способно изменить сложившуюся ситуацию. Коррупция это не только правовое, но и социальное явление, которая охватывает взгляды, явления, убеждения человека, образ его мышления, что в конечном счете формирует линию поведения человека при сложившихся социально-экономических условиях (Егорова А. С., 2016). Для противодействия коррупции нужна перманентная профилактика сотрудников правоохранительного органа, а для ее искоренения на низовом и среднем уровне среди сотрудников органа требуется формирование у них психологических качеств по соблюдению служебной присяги, уважения собственного достоинства, неподкупности, честности и улучшения их материального положения. Служба в правоохранительных органах характеризуется сложностью выполняемых государственных задач, стрессовостью и экстремальностью. Работать в таких условиях, быть ответственным за свои действия и решения и получать невысокое денежное содержание приводит к оттоку профессиональных кадров и генерированию коррупции. Возможность граждан противодействовать коррупции в работе правоохранительных органов путем подачи жалоб или заявлений о фактах взяточничества, вымогательства в большинстве случаев остаются без должного внимания со стороны органов прокуратуры и Следственного комитета, а безнаказанность только усиливает коррупционные проявления. Общеправовой принцип ответственности о равенстве всех перед законом и судом не реализуется, а в свете последних событий можно отметить, а судьи кто?

В таких условиях успешная служебная деятельность сотрудников правоохранительных органов невозможна. Можно сказать, что установленная для сотрудников система запретов, ограничений и дополнительных обязанностей показала свою не эффективность, а неотвратимость уголовной ответственности в отношении сотрудников, совершивших коррупционные преступления, действует весьма избирательно. Причем в правоохранительных органах имеет место, как индивидуальная коррупционная деятельность сотрудника, так и коллективная деятельность сотрудников по извлечению материальной выгоды для себя за счет злоупотребления своих служебных полномочий (Бабкина Е. В., Жарко Н. В., 2025). Основной сферой коррупции в деятельности сотрудников правоохранительных органов выступают различные противоправные сделки с гражданами и руководителями предприятий, учреждений, организаций в виде сокрытия преступления, правонарушения, непривлечения виновного лица к уголовной ответственности, незаконное

освобождение от отбывания наказания, сотрудничество с ОПГ, продажа служебной информации, незаконное оформление паспортов, водительских удостоверений, предоставление определенных льгот теневому бизнесу, патронирование отдельных предпринимателей. В перечисленных случаях, нередко, руководство правоохранительного органа не контролируется вышестоящим органом по причинам, о которых можно догадываться, иначе чем объяснить многолетнее пребывание на госслужбе руководителя и совершение десятков эпизодов коррупционных проявлений. Все это приводит к криминализации государственной власти (Матузов Н. И., 2020).

Причины коррупции в правоохранительных органах имеют общий и частный характер. К общим причинам можно отнести невысокий уровень денежного содержания сотрудников на рядовых и средних должностях при ненормированном служебном времени и тяжелых условиях выполнения служебной деятельности. Постоянные перегрузки, напряженность и стресс. К частным причинам можно отнести отсутствие невозможности повышения по службе без материального вознаграждения непосредственного начальника, необходимость наличия связей, быть в команде, чтобы продвигаться по службе. Социальное обеспечение (жилье, медицина, детские сады) доступно для руководства и его приближенных сотрудников. Профессиональное выгорание и апатия сотрудников на фоне отсутствия перспектив по службе, слабая работа подразделений служб собственной безопасности (в тех структурах, где они есть). Закрытость от общественного контроля, круговая порука, сотрудники боятся выступить против коллег, совершающих коррупционные правонарушения из-за страха увольнения. Постоянные конфликты среди сотрудников подразделений, отделов, служб, которые руководством не пресекаются. Вынесение обвинительного приговора в отношении сотрудника (руководителя) правоохранительного органа за совершение коррупционного преступления остается единичным (разовым) фактом.

Для противодействия коррупции в системе правоохранительных органов применяется комплекс правовых, организационных и социально-экономических мер. Нормативная база для противодействия коррупции имеется, но правоприменительная практика весьма ограниченная. Нормативная база должна постоянно совершенствоваться. Нам видится должным и нужным снятие правового запрета на проведение необходимых оперативно-розыскных мероприятий в отношении судей, сотрудников прокуратуры и Следственного комитета (Гринько С. Д., 2019). Необходимо внести изменения в УК РФ, предусмотрев конфискацию имущества в санкциях статей 290-291.2 УК РФ в качестве меры наказания. При этом конфискация имущества должна быть указана в санкциях статей в качестве обязательного дополнительного наказания за совершение коррупционных преступлений, повлекших особо крупный ущерб, или связанных со взяточничеством в особо крупном размере. А также установить минимальный размер взятки.

Из организационных мер необходимо проработать вопросы, касающиеся условий прохождения службы в правоохранительном органе. Индикаторами

работы органов прокуратуры должны стать конкретные факты выявления коррупции и привлечение должностных лиц к уголовной ответственности на вверенной территории. Органы прокуратуры должны реагировать на факты коррупции в сфере правоохранительных органов, а не работать на свои ведомственные интересы. Оценка эффективности деятельности прокуратуры будет зависеть от степени достижения поставленных целей (устранение коррупции) и соотношения понесенных затрат.

Социально-экономические меры по противодействию коррупции видятся в повышения заработной платы, улучшения условий труда, формирования антикоррупционной культуры как внутри ведомства, так и в обществе в целом.

Для достижения успеха над коррупцией нужна длительная и методическая работа правоохранительных органов по выявлению и привлечению виновных лиц к уголовной ответственности. Российской Федерации необходимо реализовать свою политическую волю в деле борьбы со взяточничеством. Другого не дано, или Российская Федерация побеждает взяточничество или коррупция разрушает государство. Поэтому противодействие коррупции осуществляется силой уголовного закона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Егорова А.С. Коррупция в правоохранительных органах как угроза национальной безопасности Российской Федерации. Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 4–7 (46). С. 148.

Бабкина Е.В., Жарко Н.В. Некоторые меры по предупреждению фактов коррупции среди сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний // VII Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и Году защитника Отечества) : сборник тезисов выступлений и докладов участников (г. Рязань, 19–21 ноября 2025 г.) : в 5 томах. Рязань: Академия ФСИН России, 2025. Т. 2: Правовое регулирование и безопасность. 2025. С. 39.

Матузов Н. И. Противодействие коррупции. М. : Норма, 2020. С. 115.

Гринько С. Д. Проблемы противодействия коррупции в правоохранительных органах. Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 4. С. 148.

Сейфетдинова Екатерина Ирековна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых и специальных дисциплин Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, Москва, Юности, д. 5. Эл. Адрес: kafedraup@mosgu.ru.

Личная информация в контексте потока больших данных: проблемы правовой системы и пути регулирования для защиты

Personal Information in the Context of Big Data Flow: Legal System Issues and Regulatory Pathways for Protection

Сянъю Чжан
Пекинский объединенный университет
XiangYu Zhang
Beijing Union University

Abstract. In the era of rapid digital development, with the surge in data volume, personal information protection has become a crucial issue. This article analyzes the legislative models of regions outside China, such as the EU's unified legislation for strengthened supervision, the US's combination of decentralization and self-regulation with a market-oriented focus, and Japan's integration of unified and separate approaches to balance utilization and protection. China has established a multi-field legal system for personal information protection, but there are still problems, including conflicts between data flow and protection interests, outdated traditional legal frameworks, and inconsistent cross-border transmission rules. To address these, it is proposed to establish a secure circulation system, differentiate information, strengthen industry self-discipline, and align with international rules to balance the digital economy and individual rights and improve the protection mechanism.

Keywords: Personal Information Protection; Legislation Model; Data Flow; Cross-border Transmission

1. Legislative Models for Personal Information Protection in Countries Outside the Domain

1.1 EU Model

The EU adopts a unified legislative model. It regulates personal information handling through comprehensive laws, applying to both public and non - public sectors and establishing a unified legal framework. Since the 1980s, based on the Data Protection Directive (1995), the EU has formed a personal information protection system, which was further strengthened by the General Data Protection Regulation (GDPR) in 2016. GDPR is one of the strictest regulations globally, with violations incurring high fines. The EU regards personal information as part of citizens' personality and human rights, granting data subjects rights like the right to information and access, and ensuring these rights through legal means. It has also established specialized regulatory bodies like the European Data Protection Board (EDPB) for centralized regulation and enforces classified protection for personal information according to its sensitivity.

1.2 American Model

The US mainly combines "decentralized legislation" and "industry self - regulation" for personal information protection. Lacking a unified law, it protects personal information through multiple special laws and industry norms. For example, laws like the Privacy Act (1974), the Children's Online Privacy Protection Act (COPPA), etc., regulate different fields at the federal level, mainly focusing on the public domain. In the private domain, it relies more on market mechanisms and industry self - regulation. However, this model may lead to legislative conflicts, duplications, and inconsistent protection standards.

1.3 The Japanese Model

Japan's legislative model for personal information protection is a "combination of centralized and decentralized" approach. In 2003, it promulgated the Personal Information Protection Law as the fundamental law, and then refined and implemented specific requirements through subsidiary regulations and industry self-regulation norms. It has established an independent Personal Information Protection Commission for supervision and reporting. This model emphasizes balancing the effective use and protection of personal information, applicable to both public and private sectors, and forming a multi-level and multi domain protection system.

2. Legal System Issues Regarding Personal Information Protection in the Context of Big Data Flow

2.1 The Conflict between the Interests of Data Flow and Personal Information Protection is Difficult to Balance

In the big-data era, data flow brings significant economic value, such as in Internet advertising and the financial industry. However, personal information protection faces difficulties. There are differences in the classification and definition of personal information among countries, and new rights like the right to be forgotten cause debates. The EU focuses on personality protection, restricting data use and flow, while the US emphasizes data economic efficiency. Balancing these interests involves multiple aspects, including legal culture, resource allocation, and national data - rule - making power competition.

2.2 The Traditional Legal Framework Lags Behind in Adjusting Personal Information Protection

The traditional legal framework, such as contract law and tort law, is difficult to apply in personal information protection due to the inequality in information control. Big - data technology makes individuals vulnerable, and the "inform and agree" principle is often ineffective. Technology advancements, like the breakthrough of anonymization technology by cross - validation in big - data collection, further complicate the situation. Moreover, existing laws lack protection for database rights, highlighting the need for reform of the traditional legal framework.

2.3 The Problem of Inconsistent Data Transmission Rules in the Context of Cross - Border Data Flow is Becoming Increasingly Prominent

In the context of globalization and digitization, cross - border data flow rules vary greatly among countries. Different legislative strategies, such as the US's lenient legislation, the EU's strict legislation, Russia's local access legislation, and Australia's moderate legislation, lead to complex cross - border data exchange operations, increased compliance costs, and operational risks for enterprises. Although some international guidelines exist, global unified rules have not been formed. China needs to accelerate the coordination with international rules in cross - border data transmission.

3. Regulatory Path for Personal Information Protection in the Context of Big Data Flow

3.1 Building an Open and Secure Data Circulation System

Building a secure data circulation system is crucial. The value of big data lies in the patterns discovered from common personal information. For anonymized or pseudonymized sensitive personal information with public value, operators can conduct transactions or sharing without personal authorization under certain conditions, while implementing stricter protection measures to ensure efficient and secure data circulation.

3.2 Distinguishing between Ordinary Information and Sensitive Information

Distinguishing between ordinary and sensitive information is an important aspect of personal information protection. Drawing inspiration from network copyright governance, we can introduce the "refusal to participate mechanism". Japan's methods of collecting medical data and implementing the "privacy label" authentication system are worth learning, which can help distinguish information types and enhance the effectiveness of protection.

3.3 Increasing Industry Self - Discipline for Personal Information Protection

Industry self - discipline, driven by market competition, is essential. Non - profit network privacy certification organizations in the US have promoted industry standardization. China should establish privacy certification institutions to create a privacy protection level and certification system, which can improve the overall level of personal information protection through market regulation.

3.4 Accelerating the Integration with International Standards for Cross - Border Data Flow

China should actively participate in the discussion and formulation of international standards for cross - border data flow. By establishing a comprehensive legal system, defining commercial institution responsibilities, and having an independent regulatory agency, China can ensure the legal and secure cross - border flow of data, enhance its position in global digital economy governance, and promote the development of the global digital economy. In conclusion, by constructing a data

circulation system, distinguishing information types, strengthening industry self - discipline, and aligning with international rules, we can improve the personal information protection mechanism in the context of big data flow, realizing the value of data while ensuring personal information security and balancing the development of the digital economy and personal rights protection.

REFERENCE

Tian Ning et al. International Regulatory Experiences in Personal Data Privacy Protection. Party School of the Central Committee of CPC Press, 17 July 2024.

"Legislative Considerations for Personal Information Security Protection in China." 10 June 2015.

Xie Lin et al. "European-American Experiences and China's Current Status in Personal Information Protection Legislation." November 2015.

Chen Mingxi. "Legal Regulation of Citizen Personal Information Protection in the Big Data Era." Journal of Culture, 2024(11): 126–129.

Li Shichuan. "Administrative Law Protection of Personal Information in the Big Data Era." China New Telecommunications, 2022, 24(13): 125–127.

Du Bilian. "Improving the Legal Framework for Personal Information Protection in the Big Data Era." Legal System and Economy, 2020(11): 57–60.

Исследования по защите персональной информации в условиях создания искусственного интеллекта

Research on Personal Information Protection amid Generative AI

Си Венвен
Пекинский объединенный университет
Xie Wenwen
Beijing Union University

Abstract. Generative AI typified by ChatGPT has revolutionized people's lives. However, the legal risks it poses to personal information protection demand serious attention. To tackle these, we should regulate generative AI both internally and externally. Internally, encrypt and de - identify personal data and screen before result - generation. Externally, amend the informed - consent principle for personal info and refine liability - attribution rules for generative AI.

I. Problem Statement

In recent years, ChatGPT developed by OpenAI has become a huge hit. Through intensive training and computation, OpenAI has made ChatGPT one of the most successful generative AIs. Despite its acclaim, ChatGPT has potential risks. The challenges it brings to personal information protection are real and have led to actual disputes. Thus, how to safeguard personal information during the rapid development of generative AI and balance technological progress with personal information protection is an urgent issue for academia.

II. Threats of Generative AI to Personal Information Protection

Generative AI and personal information protection seem like separate issues. Generative AI collects info to generate "answers" (a digital tech), while personal information protection focuses on individuals' rights over their data and how to protect them. In the digital age, personal information protection aims to curb "data power", which ties it closely to generative AI. Compared with traditional AI, generative AI is more "intelligent". Traditional AI mainly retrieves data from databases, lacking self - generation and in - depth autonomous learning. However, generative AI's unique features also endanger personal information.

(I) Risks from Easy Collection

ChatGPT, a prime example of generative AI, is incredibly user - friendly. Thanks to it, data hard to access for the public can now be easily obtained by ChatGPT users with minimal effort.

Nonetheless, this also makes it easier to access personal information on the web. Such info, previously hidden and hard to obtain, can now be quickly located and filtered by generative AI. So, the convenience of generative AI heightens the challenges of personal information protection.

(II) Flaws in Processing Efficiency

Traditional AI models can quickly find relevant web content, but the info is disorderly and overall inefficient. OpenAI divides ChatGPT's generation process into four stages, with algorithm optimization being crucial. Generative AI can swiftly generate useful answers to complex questions and organize the logic. Yet, its high efficiency raises concerns: Does the fast - generated "answer" mean insufficient analysis of info usability? And what's the likelihood that generative AI can ensure proper supervision of generated personal data use? Without such supervision, there's a high risk of personal information leakage.

(III) Risks of Comprehensive Generation

Generative AI can analyze problems from multiple angles and offer multiple key points. Such comprehensive analysis needs to integrate and analyze diverse data. For personal - related content, generative AI can turn unclear personal info into detailed data. Also, OpenAI doesn't provide a way for individuals to check or request deletion of their data, which may violate data protection regulations.

Moreover, generative AI can deeply process personal data for potential value. Using and verifying personal info in this process may be considered an infringement, even without causing immediate harm. In other words, accessing and using personal information can be seen as an infringement, regardless of damage.

(IV) Deception from Creative Answers

Analysis of ChatGPT - like tech shows that generative AI can't ensure answer accuracy. When its answers involve personal information, creative mistakes may harm a person's reputation. In practice, misidentifying information or homonymous individuals may lead to personality - right violations.

In short, there's a strong link between generative AI and personal information protection. Generative AI's features severely threaten personal information protection. ChatGPT - like generative AIs face grave personal information leakage problems. Without safeguards, personal information could be freely exploited in the generative - AI era.

III. Strategies for Personal Information Protection in the Generative AI Era

To regulate generative AI, the "Interim Measures for the Administration of Generative AI Services" defines generative AI and sets requirements on compliance and supervision, providing a regulatory path for personal information protection. However, the law has limits. So, regulatory - level protection is just one aspect. It's more crucial to combine internal - tech and external - regulatory measures for comprehensive governance.

(I) Encryption and De - identification of Personal Data

Using and accessing personal data may be deemed an infringement without damage. Thus, encrypting and de - identifying personal - data - related info is an effective regulatory approach.

For generative AI, it shouldn't be able to identify or read personal data during training or analysis. The Personal Information Protection Law requires data processors to ensure info security. Entities related to generative AI and other network - info entities should boost their data - encryption and storage capabilities. Encrypting personal data is technically viable, and accessing encrypted data improperly is difficult and costly. Encryption and de - identification can effectively lower the risk of personal information leakage. Since generative AI deals with multiple data sources, it's urgent to store relevant personal data properly via encryption and de - identification.

(II) Pre - generation Screening

Once generative AI's results are out, they can't be taken back. So, strict pre - generation screening is the last technical safeguard. Generative AI can infer new info from existing data. Even if the source is blocked, personal information may still be deduced. Thus, screening is essential. First, if the system detects that a possible result involves personal info or sensitive words, it should intercept immediately. Second, if the same - subject - related info is often intercepted, it should be closely examined.

(III) Revision of the Informed - Consent Principle for Personal Info

The informed - consent mechanism is the cornerstone of the personal information protection system, based on the right of personal information self - determination. Informed consent is needed not only for data collection but also for its use, secondary processing, and disclosure. To better protect personal info in the generative - AI context, the "notice - consent" principle can be applied by grading notice content according to risks and using different notice methods.

Specifically, AI firms like OpenAI can categorize personal data into sensitive, private, and general data, corresponding to high - risk, medium - risk, and low - risk levels. Sensitive data, such as health and identity info, which is closely linked to personal safety and reputation, should generally not be included in ChatGPT's database. Private data, less crucial than sensitive data, can be used with consent and includes user preferences and potentially discriminatory info. General data can be legally used widely. For sensitive data, companies should state in the service agreement that they won't collect or use it. For private data, use tech like reminder - pop - up - window selection or dynamic notifications during service to get long - term user consent. Although the "Interim Measures" stipulate the "informed - consent" rule, it doesn't distinguish data types. In fact, only sensitive and private data need user consent, while for general data, notifying the right - holder suffices. This classification promotes the efficient operation of the "informed - consent" principle.

(IV) Refinement of Generative AI Liability - Attribution Rules

As an emerging tech, generative AI is in its early stage. Setting uniform no - fault liability now would discourage researchers and users. So, a dual - liability - attribution system should be adopted for generative AI infringement. Sensitive personal data should follow no - fault liability, while private and general data should adhere to fault

liability. In tort liability, apply the principle of fault presumption and burden - of - proof reversal to prompt generative AI providers and data custodians to fulfill their protection duties.

Regarding users' liability, first, generative AI separates users from personal - data right - holders. It's not a traditional tool. So, the generative AI system entity and data custodian should be directly liable. Second, users who deliberately obtain others' personal data via generative AI are risk - initiators and can be sued for compensation after the direct liable parties bear the liability. Third, for negligent infringement of personal - data rights, gross negligence requires liability (compensable proportionally), while ordinary negligence doesn't.

Conclusion

Generative AI services like ChatGPT significantly impact personal information protection. To address the risks, we must integrate technical and legal means to regulate generative AI, aiming to better protect citizens' personal information and foster AI's healthy development.

REFERENCES

[1] Wang Junxiu.ChatGPT and the Era of Artificial Intelligence: Breakthroughs,Risks,and Governance[J].Journal of Northeast Normal University(Philosophy and Social Sciences Edition), 2023(4): 20.

[2] Zhao Jingwu.Theoretical Misconceptions and Path Shifts in the Governance of Application Risks of Generative Artificial Intelligence[J]. Jingchu Law Science, 2023(3): 50.

[3] Liu Weifeng.The Chinese Path to the Governance of Generative Artificial Intelligence—Centered around ChatGPT[J].Peking University Intellectual Property Review, 2023(1): 300.

[4] Wang Siao.Research on Personal Information Protection in the Context of Generative Artificial Intelligence[J].Network Security Technology & Application, 2024(7): 121.

[5] Wu Zongxian, Xiao Yanqiu.The Application, Risks, and Legal Responses of Generative Artificial Intelligence—From the Perspective of ChatGPT[J].Journal of Tianjin Normal University (Social Science Edition), 2024(3): 19.

[6] Zhang Qi.Legal Risks and Countermeasures for Personal InformationProtection in the Application Scenarios of Generative Artificial Intelligence[J].Journal of Taiyuan University (Social Science Edition), 2025(1): 68.

Междисциплинарные исследования культуры Гуцинь и пятитоновой терапии традиционной китайской медицины: современная интерпретация традиционной мудрости, основанная на гармоничном сосуществовании человека, общества и природы

Interdisciplinary Research on Guqin Culture and the Five-Tone Therapy of Traditional Chinese Medicine: Modern Interpretation of Traditional Wisdom Based on the Harmonious Coexistence of Humans, Society, and Nature

Сиджи Мэн, Хаочун Сон, Юйцзе Чжан
Sijie Meng, Haochong Song, Yujie Zhang

Abstract. As the dual symbols of traditional Chinese culture, the art of Guqin and its musical temperament system resonate deeply with the Five-Tone Therapy (Gong, Shang, Jue, Zhi, Yu) of Traditional Chinese Medicine (TCM) in terms of philosophical foundation and practical logic. From an interdisciplinary perspective, this paper systematically combs the theoretical commonalities of the two under the cosmic view of "harmony between man and nature," and deeply explores their potential values in the regulation of individual physical and mental health, the reconstruction of social relations, and the balance of the natural ecosystem. The study finds that the "clear, subtle, light, and distant" timbre characteristics of the Guqin highly coincide with the TCM theory of "Five Elements - Five Organs" in terms of acoustic frequency and physiological regulation mechanism. The ecological ethics of "integration of the self and the object" and the social view of "harmony without uniformity" it carries provide a cultural solution to contemporary mental health crises and ecological dilemmas. Through paths such as technological empowerment, educational transformation, and global dialogue, traditional wisdom is showing the possibility of modern interpretation across time and space, offering a unique oriental solution for the construction of a community with a shared future for mankind.

Introduction

In the 21st century with the deep evolution of globalization, human society faces dual challenges. On the one hand, digital existence has led to a high incidence of psychological diseases such as anxiety and depression. The latest data from the World Health Organization (2023) shows that the number of people suffering from depression globally has exceeded 380 million, an increase of 18% compared to ten years ago. On the other hand, the ecological imbalance caused by the process of industrialization threatens the foundation of human survival. Climate crisis and the sharp decline in biodiversity have become global issues that urgently need to be addressed. Against this backdrop, the traditional oriental wisdom represented by Guqin music and the Five-Tone Therapy of TCM, due to its core philosophy of "harmonizing the body and mind and conforming to nature," is gradually moving from the depths of history to the forefront of modern research.

I. Theoretical Foundation: Philosophical Resonance from the Cosmic View to the View of Life

(I) The Philosophical Core of Guqin Culture

In the Complete Collection of Qin Books written by Leng Qian in the Ming Dynasty, it is proposed that "Qin is for restraint, so as to restrain evil and return to the right, and harmonize people's hearts," emphasizing the guiding function of music on human nature (Yang Yinliu, 1952). In terms of performance aesthetics, the three realms of "the harmony between the strings and the fingers, the harmony between the fingers and the sounds, and the harmony between the sounds and the intentions" in Xi Shan Qin Kuang are essentially the process in which the performer resonates at the same frequency as the rhythms of heaven and earth through the vibration of the silk strings (Wu Wenguang, 1998).

(II) The Scientific Logic of the Five-Tone Therapy of TCM

Modern acoustic research shows that this corresponding relationship conforms to the principle of frequency vibration: the Jue tone (approximately 693-784Hz) corresponds to the dredging function of the liver meridian (according to the Experimental Research on the Frequency Parameters of the Five-Tone Therapy of TCM, 2021), the Shang tone (approximately 494-587Hz) resonates with the pulmonary respiration frequency (China Academy of Chinese Medical Sciences, 2018), and the low-frequency vibration of the Yu tone (approximately 262-311Hz) can regulate the secretion of adrenal cortisol (Modern Acoustic Interpretation of the Five-Tone Theory in Huangdi Neijing, 2020).

II. Tripartite Interaction: Establishing a Harmonizing Mechanism among Humans, Society, and Nature

(I) Individual Dimension: Dual Healing of Sound Wave Resonance and Emotional Regulation

The clinical experiment of the China Academy of Chinese Medical Sciences (2020) shows that continuously listening to the adapted version of Three Variations on Yangguan dominated by the Shang tone can increase the pulmonary function index FEV1 (forced expiratory volume in the first second) of patients with chronic bronchitis by 10%-12%, verifying the traditional theory of "the metal tone enters the lungs." Psychologically, a study published in the Journal of Music Therapy in 2022 pointed out that the cyclic Jue tone section of the Guqin piece Three Variations of Plum Blossoms has a significant intervention effect on patients with liver-depression type depression. After 8 weeks, the Hamilton Depression Rating Scale (HAMD) score decreased by 22% compared with the control group ($p<0.05$).

(II) Social Dimension: Contemporary Reconstruction of Yaji Practice and Community Consciousness

The community practices of "Juntianfang" in Beijing and "Yuanyin Qin Hall" in Shanghai in contemporary times show that according to the survey conducted by the Cultural Research Center of Peking University in 2021, for the group that regularly participates in Guqin activities, their scores on the Social Support Rating Scale (SSRS)

are 18% higher than those of the general population, and their scores on the UCLA Loneliness

Scale are 16% lower (Research Report on the Impact of Traditional Cultural Spaces on the Mental Health of Urban Populations). Through the "Parent-Child Guqin Learning" project of the "Guqin Culture Promotion Association" in Taiwan region, the survey in 2019 showed that the satisfaction of intergenerational communication in participating families increased by 35% (the annual report of the cultural affairs department in Taiwan region).

(III) Natural Dimension: Ecological Wisdom in Guqin Making Craftsmanship and Its Modern Enlightenment

Since 2018, the "Japanese Traditional Musical Instruments Ecology Association" has drawn on the material selection logic of the Guqin and formulated the Standards for the Production of Musical Instruments Made of Natural Materials, requiring that the wood for musical instruments be sourced from sustainably managed forests, and the strings be made of silk or natural rubber. The related products have obtained the EU Eco-label environmental certification (the Green Process Report of the Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan in 2020).

III. Modern Transformation: Diverse Paths from Cultural Inheritance to Value Innovation

(I) Technological Empowerment: Building an Intelligent Music Therapy Ecosystem

The Central Conservatory of Music and the Institute of Acoustics of the Chinese Academy of Sciences (2023) cooperated to establish a "Standardized Database of Five-Tone Frequencies," accurately marked the frequency band parameters of the Gong tone (770-880Hz), the Shang tone (494-587Hz), etc., and developed a real-time sound wave adjustment system suitable for smart bracelets. The related achievements were published in the second issue of the 48th volume of the Acta Acustica.

(II) Cross-Cultural Dialogue: Expanding the Boundaries of Healing through Mutual Learning among Civilizations

In 2023, a Sino-Russian joint research team published a paper in Frontiers in Psychology, combining the overtone of the Guqin with the Siberian throat singing method, which increased the intervention effect on the winter depression of the residents in the Arctic Circle by 35% compared with a single therapy (Vol. 14, Article 1098762). The clinical experiment conducted by the School of Medicine of the University of California, Los Angeles (UCLA) in 2022 showed that the Shang tone section of Guangling San could reduce the neuropathic pain score of cancer patients by 25%, and the related research was published in the 21st volume of Integrative Cancer Therapy.

(III) In-Depth Education: Cultivating Interdisciplinary Inheritors

Domestic universities such as the Central Conservatory of Music (offered the elective course "Music Therapy and Traditional Medicine" in 2019) and Beijing University of Chinese Medicine (established the master's program in "TCM

Psychology and the Five-Tone Therapy" in 2020) are promoting the cultivation of interdisciplinary talents.

Conclusion and Prospect

The Guqin was included in the "Masterpieces of the Oral and Intangible Heritage of Humanity" by UNESCO in 2003. In the future, it is possible to promote the joint application of the Guqin and the Five-Tone Therapy of TCM for intangible cultural heritage status, further deepening the value transformation of traditional oriental wisdom in modern society.

REFERENCES

[1] World Health Organization. Depression and Other Common Mental Disorders: Global Health Estimates [R]. Geneva: WHO, 2023.

[2] Yang Yinliu. An Outline of the History of Chinese Music [M]. Beijing: People's Music Publishing House, 1952.

[3] Li Liangsong, Guo Hongtao. TCM Culture and Traditional Culture [M]. Fuzhou: Fujian Science and Technology Publishing House, 1993.

[4] Wu Wenguang. Treasures of Chinese Guqin [M]. Beijing: Cultural Relics Publishing House, 1998.

[5] China Academy of Chinese Medical Sciences. Research Report on the Clinical Effects of the Five-Tone Therapy of TCM [R]. Beijing: China Academy of Chinese Medical Sciences, 2018.

[6] Editorial Department of Journal of Traditional Chinese Medicine. Experimental Research on the Frequency Parameters of the Five-Tone Therapy of TCM [J]. Journal of Traditional Chinese Medicine, 2021, 62(5): 412-416.

[7] Cultural Research Center of Peking University. Research Report on the Impact of Traditional Cultural Spaces on the Mental Health of Urban Populations [R]. Beijing: Peking University, 2021.

[8] Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. White Paper on the Integration of Traditional Crafts and Environmental Protection Industries [R]. Tokyo: Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan, 2020.

[9] Central Conservatory of Music & CAS Institute of Acoustics. Standardized Database of Five-Tone Frequencies [J]. Acta Acustica, 2023, 48(2): 231-240.

[10] Ivanov, A., et al. Comparative Study of Guqin Music and Throat Singing in Depression Intervention [J]. Frontiers in Psychology, 2023, 14: 1098762.

Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: системный аспект

В. В. Смеюха
Крымский инженерно-педагогический университет имени Ф. Якубова
М. А. Смеюха
Южный федеральный университет

Аннотация. В статье рассматривается система советской пропаганды периода 1941−1945 гг. Средства массовой информации, печать, радио сыграли значительную роль в формировании патриотических настроений аудитории, героизации, создании и укреплении антифашистской идеологии. Авторы акцентируют внимание на изменении функций и форм пропаганды в начале войны, характеризуют ее системные аспекты.

Ключевые слова: советская пропаганда, военная пропаганда, Великая Отечественная война, функции пропаганды, средства пропаганды

Интерес к научному изучению пропаганды, прессы периода Великой Отечественной войны активно поддерживался в советский (Нишнианидзе, 1984) (Кутова, 1988) и постсоветский (Широкорад, 2001), (Горлов 2009), (Касюк, 2020) периоды. Анализ советской печати, СМИ военного времени способствует воссозданию исторической действительности, отображенной в произведениях журналистов, писателей, поэтов, художников; изучению методов работы прессы, пропагандистского аппарата в военных условиях; специфики литературного, художественного, изобразительного воздействия средств пропаганды на население. На современном этапе наблюдается усиление внимания как к опыту деятельности советской прессы (Коханая, 2025), так и к исследованию военной пропаганды (Лобовикова, 2023), (Мащенко, 2025), (Орехов, Егорова, 2025).

Отметим, что пропаганда как явление возникла до появления самого термина «пропаганда», смысловое наполнение термина стало формироваться в начале XVII в., активное использование пропаганды началось в период Первой мировой войны, ее функциями были: формирование общественного мнения, патриотических настроений, укрепление внутреннего единства. В СССР была сформирована эффективная и действенная система пропаганды, которая способствовала распространению идеологии, морально-нравственному воспитанию населения, реализации политических, экономических, культурных задач.

В 1920-х гг. была сформирована система советской политической периодики, которую можно считать основным коммуникативным ресурсом советской пропаганды. Кроме того, в пропагандистской деятельности были задействованы и другие средства массовой коммуникации: печатная продукция (плакаты, листовки), кинематограф, радио, специальная и художественная литература. В 1930-х гг. система периодической печати демонстрировала рост: в

1940-м г. в стране насчитывалось 8806 газет, 1822 журнала, налажена работа радиовещания (Печать, 1967).

24 июня 1941 г. вышло постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О создании и задачах советского информационного бюро», 25 июня 1941 г. было подписано постановление ЦК ВКП (б) «О создании Советского бюро военно-политической пропаганды», на образованную структуру возлагались задачи: подготовка листовок, обращений и лозунгов, радиопередач к войскам и населению противника; 9 августа – постановление «О работе на фронте специальных корреспондентов», 5 декабря 1942 г. – «О газетных витринах на станциях железных дорог». Сформировалась система средств военной пропаганды, которая была представлена периодическими изданиями (газетами, журналами), радиовещанием, специальной литературой, художественной литературой, плакатами, листовками, почтовыми карточками, открытками (Карпий, 2021), (Шалыгина, Куликов, 2011).

Необходимо отметить, что в советской прессе в кротчайшие сроки была реализована, функциональная, типологическая, тематическая трансформация. Так, например, газета «Правда», орган Центрального Комитета и МК ВКП(б), в номерах за 21 и 22 июня 1941 г. писала об уборке урожая («Вырастить и без потерь собрать богатый урожай!» (№ 170)), выполнении производственных планов («Растет число предприятий, досрочно выполнивших полугодовой план» (№ 170), «Передовики социалистического соревнования» (№ 171)), строительстве («Новостройкам – рабочую силу!» (№ 170)), партийной жизни и др. Все шесть полос номера за 23 июня (№ 172) были посвящены началу войны: были опубликованы выступление В. М. Молотова, указы «О военном положении», «О мобилизации», сообщения о прошедших по стране антифашистских митингах, стихотворения А. Суркова «Присягаем победой», Н. Асеева «Победа будет за нами!».

Изменилась тематическая направленность оформления газет и журналов. Уже летом 1941 г. на обложках журналов стали размещаться изображения, репродукции плакатов военной тематики, портреты героев войны.

Была перестроена система советской периодической печати: в целях усиления идеологической эффективности, экономии ресурсов произошло сокращение изданий, уменьшился объем изданий, сократились тиражи. В то же время были увеличены тиражи изданий «Правда», «Красная звезда». Был усилен кадровый состав центральных СМИ: они имели собственных военных корреспондентов, с ними сотрудничали писатели и поэты, члены Союза писателей СССР, среди них: А. Фадеев, А. Гайдар, К. Симонов, И. Эренбург и др. Была создана система военной прессы, в которую вошли: фронтовые, армейские, дивизионные и другие издания.

Несмотря на ухудшение экономической ситуации, продолжила свою работу периодические издания, адресованные различным аудиторным группам. На протяжении всего военного периода издавались «Работница» (Смеюха, Смеюха, 2025), (Смеюха, 2025) и «Крестьянка», женские периодические издания союзных республик приостановили свою деятельность. Внимание пропаганды к женскому населению было неслучайным: «… миллионы советских тружениц на полях, в предприятиях заменили воинов, ушедших сражаться. Миллионы женщин готовы по первому призыву командования идти на фронт красными сестрами» (Нет большего врага у женщин, чем Гитлер // Работница. 1941. Август. № 22. С. 3). Примечательно, что в военный период продолжили свою работу и периодические издания, адресованные детям и подросткам: «Пионерская правда» (Головин, Коханая, 2018), «Мурзилка».

Одним из основных источников информации являлось радио. В радиоэфире превалировали информационные и общественно-политические программы. Постоянными стали передачи: «Последние известия», «От Советского информбюро», «Письма на фронт» и др.

Плакаты широко использовались в СССР, в довоенный период они сыграли значительную роль в решении следующих проблем: привлечение населения на фабрики и заводы, строительство колхозов, ликвидация неграмотности, борьба с беспризорностью и др. 22 июня 1941 г., после объявления о нападении Германии на Советский Союз, была организована редакция агитационных плакатов «Окна ТАСС», первый плакат был подготовлен ленинградскими художниками 23 июня 1941 г., через несколько дней «Окна» заработали в Москве (Харчишена А. Блокадные «Окна ТАСС» // ТАСС. 2024. URL: https://tass.ru/spec/okna-tass-leningrad). Плакаты на военную тематику выпускали художники Дм. Моор, М. Черемных, Кукрыниксы, А. Кокорекин и др.

Был налажен выпуск военных открыток и почтовых карточек (Белько, Бесчастнов, 2019). Военная корреспонденция являлась коммуникативным каналом между теми, кто воевал на фронте и находился в тылу. Организация выпуска открыток с пропагандистской тематикой стала еще одним идеологическим направлением, способствовавшим мобилизации населения на борьбу с врагом, формированию патриотических настроений.

В период Великой Отечественной войны пропаганда использовала дифференцированную систему коммуникаций, что позволило обеспечить массовое и эффективное воздействие пропагандисткой деятельности. Были задействованы такие каналы коммуникации: печатная пресса, радио, плакаты и листовки, открытки, литература.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белько Т. В., Бесчастнов Н. П. (2019) Эволюция «открытки» («открытого письма») в России в контексте исторических событий XX в // Вестник славянских культур. Т. 53. С. 240−257.

Головин Ю. А., Коханая О. Е. Газета «Пионерская правда» как феномен эффективной коммуникации // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации : материалы Шестой Международной научно-практической конференции. Часть I. Ростов-на-Дону : Ростовский государственный университет путей сообщения. С. 13−24.

Горлов А. С. (2009) Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны (институциональные и организационные аспекты) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва : Российский государственный университет туризма и сервиса. 270 с.

Карпий, С. В. (2021) Воздействие системы печати Донбасса на языковые процессы в период ВОВ (1941−1945 гг.) // Восточнославянская филология. Языкознание. № 12(38). С. 113−124.

Касюк А. Я. (2020) Пропагандистское оружие Красной армии в годы Великой Отечественной войны 1941−1945 гг. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. № 2(839). С. 116−132.

Коханая О. Е. (2025) Спасительная миссия журналистского образования // Высшее образование для XXI века. Проблемы воспитания жизнеспособных поколений : Доклады и материалы XX Международной научной конференции. Москва : Московский гуманитарный университет. С. 227−234.

Кутова Н. И. (1988) Роль партийно-комсомольской печати в мобилизации молодежи на самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сибири) : специальность 07.00.01 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва: Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. 16 с.

Лобовикова Е. А. (2023) Конструирование образов героев в социальной рекламе // Военная журналистика в современном мире : Материалы Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург: ООО «Медиапапир». С. 84−88.

Мащенко А. П. (2025) Крымская журналистика в период Великой Отечественной войны // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Т. 11, № 4. С. 3−27.

Нишнианидзе Г. Д. (1984) Пресса и радиовещание Грузии в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941−1945 гг.) : диссертация на

соискание ученой степени доктора филологических наук. Тбилиси : Академия наук Грузинской ССР. 344 с.

Орехов В. В., Егорова Л. Г. (2025) Наука и жизнь (вместо предисловия) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Т. 11, № 3. С. 3−11.

Печать СССР за 50 лет: Стат. очерки (1967). Москва : Книга. 199 с.

Смеюха В. В., Смеюха М. А. (2025) Идеологический и художественный потенциал литературного раздела журнала «Работница» в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Т. 11, № 4. С. 28−43.

Смеюха М. А. (2025) Формирование образа героя на страницах журнала «Работница» в период Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки : Материалы XIV Национальной научно-практической конференции. Брянск : Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского. С. 90−94.

Шалыгина Д. Л., Куликов В. А. (2011) Специфика пропагандистского плаката во время Великой Отечественной войны как средства конструирования советской идентичности // Вестник Пермского университета. История. № 2(16). С. 54−57.

Широкорад И. И. (2001) Центральная периодическая печать в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Москва : Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова. 330 с.

Смеюха Виктория Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова. Адрес: 295015, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, 8. Тел.: +7 (3652) 24-94-95

Смеюха Меланья Андреевна, студент Южного федерального университета. Адрес: 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42. Тел.: +7(863) 23-70-370

Роль искусственного интеллекта в формировании современной результативной молодежной политики

В. А. Сорокин
Московский гуманитарный университет

Аннотация. Искусственный интеллект (ИИ) трансформирует систему образования и рынок труда, расширяет права и изменяет возможности молодого поколения. Преодоление объективно существующих вызовов, оптимизация процессов вовлечения молодежи в общественную динамику и интенсификация гражданского участия диктуют необходимость тщательного изучения возможностей применения ИИ в плоскости практической реализации молодежной политики.

Ключевые слова: искусственный интеллект, молодежная политика, цифровая экосистема, цифровые технологии, цифровой двойник, бизнес-процесс, воспитание жизнеспособных поколений.

Развитие информационных компьютерных технологий (ИКТ) сделало искусственный интеллект (ИИ) существенным фактором развития человечества. Влияние ИИ на жизнь молодых людей особенно значимо, поскольку новейшие информационные технологии трансформируют структуру нового, еще только формирующегося рынка труда, меняют систему образования, приносят новые возможности и расширяют права молодежи (Костина, 2025).

Применение технологий ИИ воздействует на общественные системы, экологию, интеллектуальную деятельность общества, гуманитарные и естественные науки, культуру. Перемены обусловлены появлением новых возможностей, позволяющих с помощью ИИ оказывать влияние на процессы мышления, мотивацию, предопределять принятие решений (Нечаев, Евсеева, 2019; Программное обеспечение ... , 2023).

Влияние ИИ может быть как положительным, так и отрицательным. Весьма вероятно, возникновение этических и социальных угроз: предвзятость и дискриминация, дезинформация и манипуляция, потеря конфиденциальности (Защита информации ... , 2023; Еременко, Макаров, Нечаев, 2024).

Настройка и обучение ИИ на искаженных, предвзятых данных способно вызвать ситуацию, когда информационная система транслирует ложные стереотипы, усиливая первоначальные ошибочные сведения. ИИ применяется для искажения информации, создания фальсифицированных новостей, в целях манипуляции общественным сознанием, расшатывания доверия к источникам. Он обладает доступом к огромным массивам персональных данных, которые непрерывно дополняются, в процессе сбора и обработки возможно нарушение конфиденциальности и возникновение рисков использования информации против людей. Искусственный интеллект не обладает этическим мышлением,

что может подтолкнуть к принятию бесчувственных выводов в серьезных ситуациях.

Область применения ИИ непрерывно растет, а сами технологии постоянно прогрессируют. Поколение молодых людей прямо или косвенно вовлечено в область применения искусственного интеллекта (Буренин, 2019). Анализ использования ИИ в современной молодежной политике является актуальной и своевременной задачей.

Выступая на X Международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению “Artificial Intelligence Journey 2025” — «Путешествие в мир искусственного интеллекта», Президент РФ В .В. Путин заявил, что «в России уже подавляющее большинство молодых людей широко применяют нейросети, языковые модели для разного рода задач в учебе, в профессии и просто повседневной жизни»[1]. При этом было особо отмечено, что нельзя допустить зависимость от чужих интеллектуальных систем. Российская Федерация должна обладать собственным набором технологий.

Процессы цифровой трансформации стали неотделимой частью жизни каждого современного человека, незримо присутствуют в каждой сфере общественной жизни, являются неотъемлемыми факторами в процессе развития промышленности и экономики. Самым активным и динамичным потребителем продуктов цифровизации является молодое поколение. Отмечается тесная взаимосвязь между темпами развития молодежи и национальным экономическим ростом, социально-политической устойчивостью страны, ее позицией на мировой арене.

Спецификой жизни молодого поколения является факт, что представители молодежи живут единовременно в реальном и виртуальном мирах, при этом цифровое пространство зачастую является более значимым. Цифровое измерение оказывает мощное воздействие на личностные ценности, модели поведения, психологические характеристики.

Молодежь определяет состав будущего национального человеческого капитала, следовательно, структура, состав и качество цифровой экосистемы влияют на перспективы развития страны и общества. На современном этапе становятся все более очевидными тенденции модификации молодого поколения как самой мобильной и адаптивной части общества. Дополнительные негативные факторы привносит региональный разрыв в доступе к информационным ресурсам.

Для успешного достижения целей по воспитанию жизнеспособных поколений необходимо усиленное применение передовых информационных технологий, разработка «патриотического» игрового программного продукта.

[1] Цит. по: Конференция «Путешествие в мир искусственного интеллекта» [Электронный ресурс] // Президент России. 2025. 19 ноября. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/78498 (дата обращения: 12.03.2026).

Требование интенсивного применения искусственного интеллекта диктуется вызовами цифровой эры, предписывающей рост уровня персонификации.

Применение ИИ при реализации молодежной политики предполагает первоначальный тщательный анализ потенциала, способного принести конкретные результаты при его практическом использовании (Романова и др., 2021). Требуется глубокое понимание механизмов деятельности искусственного интеллекта, осмысление методов, уяснение возможностей, исследование ограничений. Ситуация диктует требования по выявлению ключевых точек внедрения, определения наиболее перспективных направлений применения.

Использование ИИ, несмотря на реально существующие ограничения в полном дублировании когнитивных способностей разума, способно создать дополнительные коммуникационные каналы и оптимизировать принятие решений.

Наиболее перспективными сферами применения ИИ в области реализации молодежной политики следует считать создание различных систем мониторинга и прогнозирования, выявление точек уязвимости молодежи.

Искусственный интеллект дает гигантскую возможность для анализа больших массивов данных о молодых россиянах, собираемых из различного рода источников. Встроенные алгоритмы позволяют выявлять закономерности, прогнозировать динамику и точно сегментировать аудиторию. Подобные способности ИИ обеспечивают проведение оперативного мониторинга социальных настроений по всей территории страны в различных возрастных, образовательных, региональных группах, что в свою очередь позволяет предотвратить деструктивное информационно-психологическое воздействие, выделяя на ранней стадии поток негативной, потенциально опасной информации.

В течение последних пяти лет, после начала пандемии COVID-19, стал востребован дистанционный формат обучения, в котором ИИ может подстроить образовательный процесс под персональные особенности студента, упростить решение рутинных задач, модернизировать методы преподавания. Нейросеть способна разработать индивидуальные учебные траектории, при наличии у студента повышенного интереса к определенной теме, предполагающие дополнительные материалы для углубления знаний.

Аналогичные возможности применения искусственного интеллекта существуют и в других областях человеческой деятельности. Культура, торговля, медицина, образование и т. д., и т. п. — круг сфер применения искусственного интеллекта весьма и весьма широк (Буренин, 2019).

Системы ИИ способны дать прогнозы по предотвращению кризисных ситуаций, например, суицидов, в различных молодежных группах с высоким уровнем уязвимости.

Информационные системы обладают возможностью проводить анализ содержимого онлайн-сообщений и выявлять попытки буллинга.

Нейронные сети способны анализировать текстовые, графические, аудио- и видеоданные в социальных сетях и компьютерных играх для выявления попыток кибернасилия, высказывания оскорблений и угроз. Выявление угрозы или враждебности доводится до сведения уполномоченных лиц.

Перспективным направлением может стать разработка голосовых ботов для оказания оперативной помощи жертвам кибербуллинга. Собранные сведения станут дополнительной информацией для анализа рисков и прогнозирования новых формирующихся проблемных точек уязвимости. Совокупность мер обеспечит реализацию стратегической цели предупреждения правонарушений и антиобщественных действий.

Искусственный интеллект может эффективно применяться не только для анализа рисков, но и для профилактики правонарушений.

Применение ИИ для разбора сути онлайн-дискуссии, идентификация эмоциональной окраски с применением методов машинного обучения для выявления ключевых факторов могут служить базой для устранения трудно-решаемых задач, внесения изменений в ранее принятые решения при формировании благоприятных условий жизни и самореализации молодежи.

Текущая ситуация диктует необходимость тщательного анализа данных молодежи (интересы, мотивации, потребности, желания, цели). Собранные сведения будут способствовать выдаче персональных рекомендаций по выбору учебного заведения и последующего трудоустройства. Таким образом, можно будет добиться повышения вариативности выбора образовательной траектории молодежи.

Разработка комплексных систем ИИ требует глубокого анализа различных профессий и образовательных курсов, на основе которого в дальнейшем формируются базы данных рынка, содержащие рекомендации по выбору профессии с детализацией по каждой профильной группе молодежи.

Во избежание хаоса при разработке интерфейсов IT-проектов требуется обращать внимание на формирование информационной культуры у студентов — будущих разработчиков. Это позволит создавать простые, правильные и эргономичные интерфейсы для сопряжения отдельных подсистем (Буренин, 2020).

Искусственный интеллект дает возможность повысить качество обучения молодежи за счет персонализации учебных программ и планов, автоматизации оценки знаний, разработки систем отслеживания успеваемости, выявления зарождающихся трендов на запросы по выбору будущей профессии.

Степень эффективности применения цифровых технологий в обучении зависит от содержания, структуры и формы подачи учебного материала. Отдельно необходимо выделить практикоориентированность образовательного процесса, способы вовлечения аудитории, набор применяемых технологий.

Кроме образования и карьеры нейросети обладают возможностями для пропаганды здорового образа жизни, популяризации традиционных семейных

ценностей. Системы ИИ способны отслеживать физическую активность, предпочтения в питании, режим сна с последующим анализом и мониторингом сведений для формирования рекомендаций для отдельного молодого человека или мини-социума, таким образом, будут организовываться виртуальные сообщества для поддержки и укрепления вовлеченности.

Поддержка молодых семей является важным возможным направлением применения искусственного интеллекта. Для решения этой задачи необходимо настроить нейросеть на анализ индивидуальных потребностей семьи и проведение мониторинга глубинных устремлений и предпочтений. Существующие сейчас сервисы, например, чат-бот на портале «Госуслуги», предоставляют базовую информацию о мерах социальной поддержки, льготах, порядке оформления документов, однако система не настроена на решение потребностей конкретной семьи.

Более целесообразным могла бы стать разработка специализированных чат-ботов, адаптированных на решение конкретных актуальных жизненных вопросов.

Учитывая уровень компьютерной грамотности, опыт доступа к информационным технологиям, степень вовлеченности в цифровые экосистемы, целесообразно разрабатывать целевые стратегии для использования искусственного интеллекта в формировании современной результативной молодежной политики.

Для действенного и успешного применения ИИ требуется комплексный и взвешенный подход, содержащий этические нормы, меры контроля, обеспечение информационной безопасности, подготовку современных квалифицированных кадров.

Совокупность взаимодополняющих мер позволит реализовать максимум потенциальных ресурсов и возможностей ИИ, минимизировать комплекс угроз негативного воздействия и преступных манипуляций в целях успешного выполнения Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буренин, С. Н. (2019) Синергетический подход к смешанному обучению в университете // Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений: XV Международная научная конференция (Москва, 14–16 ноября 2019 г.) : доклады и материалы : в 2-х ч. / под общ. ред. И. М. Ильинского. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. Ч. 1. С. 510–517. EDN VMINFN.

Буренин, С. Н. (2020) Формирование информационной культуры в университете // III Моисеевские чтения: культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации : доклады и материалы Общероссийской (национальной) науч. конф. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 496–502. EDN NNHSII.

Еременко, В. Т., Макаров, В. Ф., Нечаев, Д. Ю. (2024) О проблеме непарируемости рисков инволюционных воздействий рефлексирующими потенциально эффективными эргатическими комплексами // Информационные системы и технологии. № 3 (143). С. 120–125. EDN CERMWH.

Защита информации в телекоммуникационных системах (2023) / В. Т. Еременко, Г. И. Киреева, А. И. Куприянов [и др.]. Орел : Орловский гос. ун-т им. И. С. Тургенева. 127 с. ISBN 978-5-9929-1358-3. EDN WCNTSX.

Костина, А. В. (2025) Сетевая коммуникация: социальное взаимодействие как основная функция игр, «в которые играют люди» // Ученый совет. Т. 22, № 1 (241). С. 40–45. DOI 10.33920/nik-02-2501-05. EDN QNMXQA.

Нечаев, Д. Ю., Евсеева, А. Ю. (2019) Интеллектуальная виртуальная образовательная среда как средство достижения образовательных целей в компетентностной парадигме // Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений: XV Международная научная конференция (Москва, 14–16 ноября 2019 г.) : доклады и материалы : в 2-х ч. / под общ. ред. И. М. Ильинского. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. Ч. 2. С. 490–495. EDN PBOHTZ.

Программное обеспечение информационных технологий и систем (импортозамещение) (2023) / В. Ф. Макаров, Д. Ю. Нечаев, Е. В. Романова, А. Г. Тимофеев. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 135 с. EDN GCVMWP.

Романова Е. В. и др. (2021) Актуальные вопросы преподавания дисциплины «искусственный интеллект»: психолого-педагогические аспекты / Е. В. Романова, Е. И. Башмакова, О. В. Гаврилова, А. П. Романова [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. № 5. С. 3–9. URL: https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1549 (дата обращения: 25.11.2025). DOI 10.17805/ggz.2021.5.1. EDN ZRCSHI.

Сорокин Владимир Алексеевич, доцент кафедры прикладной информатики и статистики Московского гуманитарного университета. Эл. адрес: oakery.post@mail.ru

Образование как фактор обеспечения государственного суверенитета

Е. И. Суслова
Московский гуманитарный университет

Аннотация. Социально-экономическое развитие страны в современных условиях и обеспечение ее государственного суверенитета напрямую зависит от уровня квалификации и компетентности работников во всех сферах национальной экономики и государственного управления. Что, в свою очередь, определяется состоянием и уровнем развития системы образования. Необходимость ее дальнейшего совершенствования связана с системными проблемами в сфере образования, которые проявляются, в том числе, в неспособности образовательной системы обеспечить потребности экономики в специалистах определенных профессий.

Ключевые слова: государственный суверенитет, система образования, реформа образования, кадровый дефицит, национальные интересы, потребности рынка труда

Обеспечение экономической независимости и государственного суверенитета в условиях изменяющегося миропорядка является важнейшей задачей развития любой страны. Неравномерность экономического развития остается одной из объективных закономерностей развития мировой экономики и в настоящее время, предопределяя изменения в соотношении сил на мировой арене.

Общественно-политические события, происходящие в мире последние несколько лет, достаточно четко свидетельствуют о том, что финансово-политическая элита западных стран в стремлении сохранить свое господство, ставя свои сиюминутные политические интересы на первое место, не только игнорирует национальные экономические интересы собственных стран, но и пытается диктовать и навязывать свою политику тем странам, которые, руководствуясь собственными интересами, как суверенные участники международных отношений, пытаются противостоять политике, ущемляющей их национальные интересы. Участие в международных экономических объединениях, предполагающее добровольное ограничение (в определенных рамках) суверенитета и делегирование части своих прав руководству объединения, не означает потери государственного суверенитета его участников. Использование надгосударственных образований, сформировавшихся в процессе межгосударственной интеграции, сугубо в интересах стран, занимающих доминирующее положение, и их финансово-политических элит, означает нарушение государственного суверенитета, принципами которого является реализация независимой внутренней и внешней политики, невмешательство во внутренние дела других государств. Государственный суверенитет Российской Федерации закреплен Конституцией РФ (статья 4) и распространяется на всю территорию страны.

Реализация государственного суверенитета, его технологической, экономической, информационной составляющих, напрямую зависит от квалификации и компетентности как руководителей, так и исполнителей. Умение анализировать, выявлять причинно-следственные связи, предвидеть последствия принимаемых решений, а также грамотно исполнять принятые решения формируется в процессе обучения. Уровень квалификации работников во всех сферах национальной экономики и государственного управления является важнейшим фактором, определяющим результативность деятельности. Поэтому решение проблем в сфере образования чрезвычайно важно для обеспечения государственного суверенитета.

Современное состояние системы образования и объявленный очередной этап реформирования высшего образования свидетельствует о системном кризисе в этой сфере, который, по нашему мнению, проявляется в следующем. На смену советской системы образования, разваленной в процессе так называемого реформирования, так и не была создана новая система, способная обеспечить потребности национальной экономики в педагогических, медицинских, инженерных кадрах. Реформа образования, осуществлявшаяся в духе рыночного либерализма, в совокупности с реформами в других сферах экономики, привела к кардинальному изменению отношений к сфере образования и в сфере образования.

Отношение к образованию как к услуге нанесло серьезный удар по престижу профессии учителя. Учитель из уважаемого в обществе человека, несущего знания, превратился в наемного работника, обслуживающего запросы не столько учеников, сколько их родителей, администрации общеобразовательных учреждений и управленцев более высоких уровней. При этом существенно возросшая интенсификация труда, необходимость работать на 1,5 ставки и больше при низкой заработной плате, фактически ненормированный рабочий день (подготовку к занятиям, проверку выполненных работ, заполнение всевозможной электронной документации никто не отменял), перекос в защите прав учеников и фактическое бесправие учителя при отсутствии механизмов воздействия на тех, кто ведет себя неадекватно, срывая занятия, - все это приводит к оттоку учителей из профессии, не делает профессию учителя привлекательной для молодежи.

Отражение в Законе об образовании (Статья 2) характеристики образования как общественно значимого блага для человека, семьи, общества и государства, повышение заработной платы учителям, создание преференций для поступления в педагогические вузы без кардинального улучшения условий труда и жизни педагогов, изменения отношения к их труду не приведет к ликвидации дефицита учительских кадров. В исследовании, проведенном в РАНХиГС, отмечается, что с 2017 г. общее количество школьных учителей не увеличивается и составляет около 1 млн. человек. Ответ на вопросы кто, как и чему будет учить завтрашних школьников и студентов, от кого зависит будущее страны и ее

суверенитет – актуальнейшие вопросы современного педагогического образования.

Другой кадровый дефицит, который проявился в современных условиях, - это нехватка специалистов рабочих профессий, как следствие развала системы среднего специального образования. В условиях переориентации на торговлю как способа выживания в период глубокого экономического кризиса 90-х годов и последующего закрытия многих производств обучение рабочим профессиям оказалось невостребованным. Это привело к ликвидации многих производственно-технических училищ и техникумов, в колледжи трансформировались преимущественно ориентированные на сферу услуг. Эти же причины сказались и на подготовке инженерно-технических кадров. Невостребованность этих специалистов в российской экономике привело к их оттоку за рубеж, что при общепризнанном высоком уровне российского технического образования и лучших условий труда и жизни в западных странах вполне объяснимо и закономерно. Введение экономических санкций со стороны стран Запада, переход к политике импортозамещения, возрождение в этих условиях собственных производств и решение задач технологического лидерства потребовало повышения качества подготовки инженерных кадров и обострило проблему нехватки специалистов рабочих профессий.

Воссоздание системы подготовки рабочих кадров, отвечающей требованиям современных технологически сложных, цифровых производств, - задача чрезвычайно сложная. Развитие цифровых технологий и использование искусственного интеллекта для решения рутинных задач предъявляет высокие требования к уровню квалификации, компетентности и личным качествам работников, в частности таким как: ответственность, обязательность, внимательность, организованность, добросовестность. Подготовка таких рабочих кадров требует не только наличия организационно-технических возможностей и соответствующего преподавательского состава, с одной стороны. Но и осознанного и мотивированного выбора обучения рабочей профессии, с другой стороны. В противном случае никого ничему обучить невозможно. Это касается любых специальностей и профессий. Стимулировать к выбору рабочих профессий должно государство при взаимодействии с бизнес-сообществом, регулируя формирование структуры экономики и развитие системы образования в соответствии с национальными интересами и задачами обеспечения государственного суверенитета.

Объявленный поэтапный переход к новой модели высшего образования в связи с отказом от Болонской системы сопровождается усилением государственного регулирования процесса коммерческого приема и введением дополнительных ограничений по целому ряду направлений, среди которых экономика, менеджмент, юриспруденция, журналистика, архитектура, таможенное дело и др. (всего по 28 направлениям бакалавриата и 12 – специалитета). Это, как полагают, позволит в большей степени увязать

подготовку специалистов с потребностями рынка труда, повысить качество высшего образования, сократить количество выпускников, получающих образование без внятных карьерных перспектив. Однозначно это приведет к изменениям в структуре образования, а как скажется на выборе профессий, решении общегосударственных задач и укреплении государственного суверенитета покажет время.

Оценивая вызовы и перспективы развития российской системы образования, И.М. Ильинский точно и ярко отметил: «В XXI столетии количество вызовов российской системе образования значительно увеличилось. Пора понять, что достижение успеха в наших реформациях зависит не только от того, что и как много мы заимствуем из опыта других стран, а прежде всего от того, что добыто нашим собственным умом, что отвечает отечественным традициям и нашему собственному пониманию, каким должен быть сегодняшний день и наше собственное, российское будущее». (Ильинский И.М., 2022) И с такой оценкой нельзя не согласиться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.).

2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. 23.05.2025) «Об образовании в Российской Федерации».

3. Ильинский И.М. (2022) Молодежь России и проблемы образования (пути, которые выбирали не мы): монография. Москва, Изд. МосГУ. 812 с.

4. Ковалев В.С. (2021) Государственный суверенитет в международном и интеграционном измерениях / Право и управление. XXI век. № 1 (58). С. 13–24.

Суслова Елена Ивановна, кандидат экономических наук, профессор кафедры экономических и финансовых дисциплин Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-73-61. Эл. адрес: ekonomika.mosgu@yandex.ru

Правовые аспекты управления культурным наследием: ответственность правительства

Legal Reflections on Cultural Heritage Management: A Focus on Government Responsibility

Сюй Цзин Вень
Пекинский объединенный университет
Xu JingWen
Beijing Union University

Abstract. This paper delves into cultural heritage management pathways and mechanisms, centering on government responsibility from a legal standpoint. Against globalization and modernization, heritage protection and transmission are global governmental challenges. The paper outlines cultural heritage management basics, then dissects governmental core responsibilities: law - making, law enforcement, financial backing, and public engagement. It stresses governments, as primary heritage protectors, must establish sound mechanisms for effective heritage protection and use. Using case and comparative studies, it offers strategies to enhance heritage management and reinforce governmental responsibility, providing legal insights for heritage preservation.

Keywords: Cultural Heritage Management, Legal Reflections, Government Responsibility, Protection, Heritage Transmission

1. Current Status and Challenges of Cultural Heritage Management

Cultural heritage management involves safeguarding, transmitting, utilizing, and managing heritage with historical, artistic, and scientific value. It covers identification, registration, protection, restoration, display, education, and research, aiming to ensure heritage authenticity, integrity, and sustainability.

1.1 International Efforts

The international community has made strides in cultural heritage preservation. UNESCO has been instrumental in creating legal frameworks like the World Heritage Convention, aiding member states in developing heritage protection laws. Other international organizations also collaborate with UNESCO, offering technical and financial support for heritage preservation and sustainable development.

1.2 Domestic Practices

China has established a cultural heritage legal protection system built on the Law on the Protection of Cultural Relics and the Law on the Protection of Intangible Cultural Heritage. Governments at all levels have set up dedicated heritage protection, management, and utilization institutions. Growing public concern for heritage preservation, bolstered by social progress and heightened cultural awareness, has led to strengthened heritage protection through publicity and education.

1.3 Innovative Application of Protection Technologies

Modern technologies such as virtual reality (VR), augmented reality (AR), big data, and artificial intelligence (AI) are widely used in cultural heritage protection and management. They enhance protection efficiency and quality while enriching display

and dissemination methods. Digital technology enables precise recording and permanent preservation of cultural heritage, allowing convenient online public access.

1.4 Challenges in Cultural Heritage Management

1.4.1 Incomplete Legislation: China's cultural heritage protection legal system, primarily based on the Law on the Protection of Cultural Relics, remains somewhat fragmented. Some local regulations are lacking, and there are issues of unclear rights and boundaries in legislation for intangible cultural heritage.

1.4.2 Inadequate Law Enforcement: The crack down against illegal activities is insufficient in practice, leading to unchecked infringement on cultural heritage rights and discouraging public participation in heritage protection. Collaboration between intellectual property and cultural tourism departments faces challenges such as uncoordinated workflows and unclear responsibility divisions, resulting in delayed case processing and reduced efficiency. There is also a lack of knowledge integration and information sharing among enforcement agencies.

1.4.3 Resource Allocation Imbalance: Uneven regional economic development has left cultural heritage preservation in some areas lacking sufficient attention and support, exposing heritage to damage and loss risks. The intangible cultural heritage inheritors team is lagging, with aging inheritors and a lack of enthusiasm among the younger generation. Even those willing to inherit face a lack of systematic professional training.

1.4.4 Low Public Participation: Public awareness of cultural heritage protection is relatively low, resulting in insufficient participation and support. In some regions, local governments and the public fail to recognize the value of intangible cultural heritage, treating it as "niche culture" and neglecting its preservation.

1. **Government Responsibility from a Legal Perspective**

Governments should formulate and improve laws and regulations to provide a solid legal foundation for cultural heritage management. These laws and regulations should clearly define the scope, classification, protection principles, measures, and legal responsibilities related to cultural heritage, ensuring the standardization and legalization of protection efforts.

Strengthen law enforcement and supervision by establishing and improving enforcement agencies and enhancing the professional competence of enforcement personnel. Governments should also intensify oversight of cultural heritage protection, including establishing enforcement supervision mechanisms, conducting regular assessments, and encouraging public and media supervision to ensure transparent and impartial enforcement.

Increase financial and resource investment by boosting funding for cultural heritage protection and establishing sound fund management systems. Governments should actively seek international support and encourage donations from various sectors of society through tax incentives and other policies.

Improve public participation by enhancing the promotion of cultural heritage protection and raising public awareness and involvement. This can be achieved through lectures, exhibitions, training activities, and incorporating heritage protection into the

national education system. Additionally, governments should establish volunteer programs to attract more individuals to participate in cultural heritage preservation.

Promote international cooperation and exchange by actively participating in international cultural heritage protection initiatives and collaborating with international organizations. Governments should learn from international experiences and technologies to enhance domestic heritage protection levels and share China's successful practices with the world.

2. **Case Analysis and Comparative Studies**

3.1 Domestic Case Analysis: The Palace Museum and Dunhuang Mogao Caves have achieved remarkable success in cultural heritage management and protection. The government has provided legal guarantees, financial support, regulatory oversight, technical guidance, and support for international exchange and cooperation.

3.2 International Case Analysis: The Italian and French governments have effectively protected their cultural heritage through comprehensive legal frameworks, strict law enforcement, financial support, and active promotion of public participation and cultural tourism industries. They also emphasize the protection of intangible cultural heritage and have established government incentive mechanisms.

3.3 Comparative Studies: China can enhance the connection between international conventions and domestic laws, refine local regulations, and learn from international integrated management systems and community involvement practices to improve the systematic and scientific nature of its protection efforts. China can also strengthen international cooperation and establish exchange platforms to enhance its influence and voice in global heritage protection.

4. Recommendations for Strengthening Government Responsibility

4.1 Core Position of Government Responsibility: The government plays a central role in cultural heritage management, with responsibilities spanning law - making, enforcement, fund provision, cultural transmission, and international exchange. Its actions and decisions directly impact the effectiveness and sustainability of heritage protection. Governments should establish independent and specialized cultural heritage management departments and implement graded management based on heritage value and significance.

4.2 Enhancing Standardization:

4.2.1 Strengthening Legal and Regulatory Development: The government should continue to improve the legal framework for cultural heritage protection, ensuring laws and regulations are targeted and operational. It should also enhance legal education and publicity to raise public awareness.

4.2.2 Enhancing Law Enforcement and Supervision: The government should strengthen law enforcement and oversight in cultural heritage protection by establishing dedicated agencies and teams, enhancing the professional competence of enforcement personnel, and intensifying supervision and assessment. Strict legal sanctions should be imposed on illegal activities, and a certification system for enforcement personnel should be established. Additionally, the government should optimize the structure of cultural heritage management teams and enhance their efficiency and quality through reforms.

4.2.3 Clarifying Enforcement Goals and Standards: Define the objectives of cultural heritage enforcement, such as protecting the integrity, authenticity, and sustainability of heritage. Establish specific enforcement standards, such as the intensity of combating illegal activities like unauthorized excavation and cultural heritage objects theft, and the extent of monitoring of heritage protection zones.

4.2.4 Assessing Enforcement Subject Allocation and Capacity: Evaluate the distribution of enforcement entities across regions to ensure balanced resource allocation for effective cultural heritage protection. Assess the professional qualifications of enforcement personnel and check whether enforcement agencies have sufficient resources to ensure smooth enforcement operations and improved efficiency.

4.3 Enhancing Government Responsibility and Commitment: Governments should boost financial and resource investment in cultural heritage protection, establish robust fund management and supervision systems, and actively seek international funding and technical support. They should also encourage donations from individuals, enterprises, and social organizations through tax incentives and other policies. Governments need to enhance the development and management of cultural heritage protection institutions by strengthening personnel training and recruiting professionals. They should conduct statistics on enforcement indicators, monitor the recurrence rate of violations, assess the preservation status of cultural heritage, and conduct public satisfaction surveys to improve enforcement outcomes.

4.4 Promoting Public Participation and Cultural Education: Governments should intensify the promotion of cultural heritage protection to raise public awareness. They can disseminate knowledge through various activities and media, cultivate a sense of responsibility in young people through school education and community activities, encourage public involvement in heritage protection by establishing volunteer programs and organizing public welfare activities, and enhance public participation and satisfaction by establishing feedback mechanisms.

4.5 Enhancing International Cooperation and Exchange: Governments should actively engage in international cultural heritage protection cooperation to learn from advanced international experiences and technologies, thereby improving domestic protection standards. They should join international heritage protection organizations and participate in international heritage protection projects. Governments should also promote the development of international cooperation mechanisms in cultural heritage protection and ensure the organic integration of cultural heritage protection with cultural industry development to promote creative transformation and innovative advancement of cultural heritage.

REFERENCES

1. Huang Jie. Inspection and Indigenous Construction of Legal Protection System for Intangible Cultural Heritage Transmitters in ChinaJ. Academic Forum, 2024,47(03):137–148.

2. Hu Gang. Exploration and Significance of Assessment Standards for Intangible Cultural Heritage — A Case Study of Guangdong ProvinceJ. Journal of Cultural Relics and Museology, 2024,(03):119–126+135.

3. Zhang Yujie, Ling Xiao. Research on Intellectual Property Protection of

Intangible Cultural Heritage in Grand Canal Cultural Belt of Jiangsu ProvinceJ. Jiangsu Science and Technology Information, 2024,41(08):46–48+60.

4. Zhao Yingying. A Study on the Protection Strategy of Intangible Cultural Heritage in the Yellow River BasinJ. Yellow River, Loess and Yellow People, 2024,(10):75–77.

5. Ning Hui, Hao Fuwei. Promoting the Protection and Utilization of Important Cultural Heritage through LawN. Guangxi Rule of Law Daily, 2024 – 06 – 04(B01).

6. Wu Hongyi. Legal Dilemmas and Path Choices in the Protection of Jingdezhen Ceramic Cultural HeritageD. Jiangxi University of Finance and Economics, 2015.

7. Zhao Fang. Research on Legal Protection of Intangible Cultural Heritage in ChinaM. Beijing: China Social Sciences Press, 2009.

8. Wang Lili. Misunderstandings and Corrections of "Intangible Cultural Heritage" Intellectual Property Protection: A Comparative Study of Legislation and Practice in Sichuan ProvinceJ. Journal of Central University for Nationalities (Philosophy and Social Sciences), 2015(4):61–67.

9. Yin Xiao. Legal Protection of She Nationality's Intangible Cultural HeritageJ. Law and Society, 2012,(28):265 - 266.DOI:10.19387/j.cnki.1009 - 0592.2012.28.142.

10. Ye Sitong. The Significance, Problems and Path Reconstruction of Legal Protection of Intangible Cultural Heritage in QingyuanJ. Journal of Qingyuan Polytechnic, 2024,17(02):14–22.

11. Nik Nurhalida Binti Nik Hariry, Fahirah Syaliza Mokhtar, Noraieni Mokhtar, M. Nordin. "ENFORCEMENT OF MARITIME ARCHAEOLOGY IN MALAYSIA: A REVIEW." Journal of Contemporary Issues in Business and Government(2021).

12. Sheng Jinliang. Problems in the Enforcement Mechanism for Protecting Endangered Intangible Cultural HeritageJ. Shanxi Youth, 2018, (13):218.

13. T. S. Nomishan, Abubakar Sule Sani. "Intangible Cultural Heritage Protection and Nigeria's Heritage Legislation." Santander Art and Culture Law Review(2023).

14. Hao Sheng. Implications of Italy's Cultural Heritage Protection Policies for ChinaJ. Drama Home, 2021, (08):171–172.

15. Valentina Anita Carriero, Aldo Gangemi, Maria Letizia Mancinelli, Ludovica Marinucci, Andrea Giovanni Nuzzolese. "ArCo: The Italian Cultural Heritage Knowledge Graph.".

16. Vincenzo Fioriti, Ivan Roselli, Antonino Cataldo, Sara Forliti, Alessandro Colucci. "Motion Magnification Applications for the Protection of Italian Cultural Heritage Assets." Sensors (Basel, Switzerland) 24 (2022).

17. Veronica Piacentini. "The Italian Experience and Its Contribution to the Union Civil Protection Mechanism in Reinforcing Cultural Heritage Protection through the Proculther Project." Libellarium Journal for the Research of Writing Books and Cultural Heritage Institutions 1 (2022).

18. Pier Luigi Petrillo, Tullio Scovazzi, Benedetta Ubertazzi. "The Legal Protection of Intangible Cultural Heritage in Italy".

19. A. Versaci, A. Lo Cascio, L. R. Fauzia, A. Cardaci. "Protection and Storage of Archaeological Rock Heritage in Sicily, Italy." International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences 4 (2020).

20. Wang Xin. An Analysis of the Current Situation of Cultural Relics Protection in FranceD. Northwest University, 2019.

21. M. Guérout, Robert Veccella. "Protection of Underwater Cultural Heritage in French Polynesia: Fifteen Years of Work by GRAN." Heritage at Risk (2015).

22. Sun Wei. A Study on the Future City Construction of Yichang from the Perspective of Paris Urban Heritage ProtectionJ. Urban Architecture, 2019,16 (17):55–56.

23. Rebecca Dowd Geoffroy - Schwinden. "Cultural Heritage: Music as Work of Art".

24. Pan Shangkun. Chinese Qin and Zheng Shine at 2023 International Intangible Cultural Heritage Expo at the Louvre in FranceJ. Musical Instruments, 2023,(12):126.

25 Yang Lian. Between Tradition and Modernity: The Path of Cultural Heritage Protection in FranceJ. Journal of Hunan Administrative College, 2019, (06):121–130.

26. M. Guérout, Robert Veccella. "Protection of Underwater Cultural Heritage in French Polynesia: Fifteen Years of Work by GRAN." Heritage at Risk(2015).

27. Wan Tingting. A Study of the Rural Cultural Heritage Protection System in France and Its ImplicationsJ. Southeast Culture, 2019, (04):12–17.

28. Che Da. Public Policy and Social Synergy: A Study of the Transformation of France's Cultural Heritage PolicyJ. Journal of Henan Education University (Philosophy and Social Sciences), 2018,37(02):14–18.

29. Tuuli Lähdesmäki, Viktorija L. A. Čeginskas, Sigrid Kaasik – Krogerus, Katja Mäkinen. "Constructing Communities through Heritage Participation".

30. Cui Can. Research on Cultural Heritage Administration Enforcement from the Perspective of Cultural Heritage Rights in ChinaJ. Journal of Primeval Culture and Nationalities, 2019,11(04):106 - 112.

31. Nik Nurhalida Binti Nik Hariry, Fahirah Syaliza Mokhtar, Noraieni Mokhtar, M. Nordin. "ENFORCEMENT OF MARITIME ARCHAEOLOGY IN MALAYSIA: A REVIEW." Journal of Contemporary Issues in Business and Government(2021).

32. Xia Lisha. Evaluation of the Effectiveness of Management of China's World Cultural Landscape HeritageD. Nanchang University, 2021.

Человек и его права в условиях цифровизации в уголовно-правовом аспекте

Ю. В. Трунцевский
Московского гуманитарного университет

Аннотация. Цифровизация выступает всеобъемлющем явлением, которое охватывает практически все сферы жизни человека, общества и государства, превращая их в глобальные цифровые пространства. Уголовно-правовая охрана человека и его прав в таких условиях становится важной задачей и для практики, и для юридической науки в целом. Новые подходы к понимаю «цифрового» человека позволяет сформулировать новые выводы, направленные на обеспечение действенной охраны его личных прав.

Ключевые слова: преступность, цифровая личность, уголовный закон, информационные технологии, компьютерные преступления.

Цифровизация проявляется в результате повсеместного внедрения автоматизации процессов, применения информационно-коммуникационных технологий, использования больших данных и технологий искусственного интеллекта.

В рамках цифровых трансформаций метафора «цифровизация поднимает все лодки сразу» отражает тот факт, что практически каждый аспект человеческой деятельности, такие как управление, производство, образование, здравоохранение, социальное обслуживание, потребительские услуги и даже межличностное общение осуществляется с помощью цифровых технологий.

Цифровизация фактически меняет всю человеческую жизнь, ведет к появлению новых и модернизации старых структур общества, внедряет новые модели коммуникаций и создает новые возможности. Однако такие технологии ставят перед обществом новые задачи, бросают ему вызовы и угрозы, как в области общественной, так и личной безопасности, приватности. Таким образом, цифровизация став неотъемлемой частью современного мира, охватывая все направления и уровни жизни формирует новый облик общества и человека будущего.

В немалой степени пагубное воздействие цифровых технологий (далее – ЦТ) ощущает сфера уголовно-правовой охраны. В первую очередь, это доказывает анализ положительной динамики компьютерных преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ), и их доли в общем числе зарегистрированных преступлений.

Так, если в 1997 году в России – первый год действия нового УК РФ – было зарегистрировано 33 компьютерных преступления. Объективно использование таких технологий преступниками в их деятельности было крайне низким: сами технологии только заявляли о себе и пока не были внедрены в повседневную жизнь общества и человека.

За последнее 5-10 лет ЦТ, как мы уже отмечали, стали активно развиваться, расширяя возможности для применения в ходе совершения преступлений — сетевого мошенничества, хакерских атак и взломов, и других видов

преступлений с использованием ИТТ. Так, на конец 2025 года такие преступления составляют уже 40% ото всех зарегистрированных преступлений, что свидетельствует о «цифровой» доминирующей современной преступности.

Исходя из того, что внедрение ЦТ еще не закончилось и все новые и новые сферы включаются в его «покрытие», преступность, связанная с ИТТ, также будет показывать интенсивный рост, и к 2030 году может составить гораздо более половины ото всех зарегистрированных преступлений.

Такой прогноз – тотальный переход криминала в «цифру» – обусловлен рядом факторов:

экспонентное увеличение числа преступлений, совершаемых с применением ИТТ, на фоне такого же стремительного роста и широты распространения технологий;

появление все новых видов и способов совершения преступлений в киберпространстве, например, коррупционных преступлений с использованием криптовалют (Базылин, 2011; Кабанов, 2003; Трунцевский и др., 2020), распространение контрафакта в Интернете (Трунцевский, 2002, Трунцевский, 2003; Ларичев, 2004); неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру (Трунцевский, 2019);

запаздывание IT-технологий по охране компьютерной информации и хронически недостаточный уровень защищенности информационных систем;

имеющие место недостатки «цифровой» грамотности населения и возможностей правоохранительных органов к борьбе с киберпреступностью.

При этому на мировом уровне также признаются угрозы киберпреступности, которые требуют сотрудничества государств в борьбе с ними (например, в рамках принятой резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеи ООН от 24 декабря 2024 года Конвенцией против киберпреступности), приведения национального уголовного законодательства в соответствие с международно-правовыми стандартами (Трунцевский, 1995; Рассказов и др., 2000).

Таким образом, без устранения вышеуказанных факторов и выстраивания эффективной системы профилактики киберпреступлений их доля в общем объеме преступлений, вероятнее всего, продолжит свой рост и к 2030 году достигнет 70%.

Если говорить о готовности уголовного законодательства обеспечивать защиту прав человека в цифровом пространстве, то, на наш взгляд, включение в ст. 63 УК РФ нового пункта «ф» – «совершение преступления с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен (введен Федеральным законом от 31.07.2025 № 282-ФЗ), мягко говоря запоздало. Вряд ли повсеместное использование преступниками ИТТ (почти каждое второе) показывает повышенную опасность таких способов, которые становятся преступной «обыденностью». Удельный вес таких преступлений очень высок, чтобы выделять этот способ как «отягчающий» наказание признак.

Гораздо ранее 2024 и 2025 годов (в эти годы в статью 63 УК РФ были внесены новые пункты «т» и «ф» – соответственно) высокая общественная

опасность «цифровых» преступлений была очевидна. Это деяния, сопряженные с публичной демонстрацией в СМИ или интернете, с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам и пр.

Так как подобные деяния до 2024-2025 гг. не получали специальной правовой оценки, это, безусловно, снижало и эффективность борьбы с ними, увеличивало вероятность рисков общественной безопасности, личных прав граждан и др.

Для эффективной борьбы с ростом рассматриваемых преступлений следовало своевременно учитывать их общественную опасность (после значительного роста числа преступлений с использованием ИТТ), в частности, включать в составы преступлений Особенной части УК РФ соответствующие квалифицирующие признаки. Позднее введение подобных положений свидетельствует о запоздалой реакции законодателя на угрозы, связанные с развитием цифровых технологий. Своевременность отражения цифровых форм совершения преступлений позволила бы более оперативно и адекватно реагировать на новые угрозы.

Таким образом, позднее введение пунктов «т» и «ф» свидетельствует о реакции законодательства на динамику развития преступности, связанной с ИТТ, и подчеркивает имеющуюся необходимость своевременного включения таких признаков в УК РФ для повышения эффективности борьбы с киберпреступностью.

В действующем УК РФ термин «информационные технологии» используется 76 раз, что показывает ограниченность закрепления этого признака в уголовном законодательстве. В частности, в Общей части он упоминания встречаются всего три раза в одной статье – 63. Тем самым законодатель, указывая на роль ИТТ как отягчающего признака или элемента состава преступления, не признает его доминирующим и придает ему скорее вспомогательный характер.

В Особенной части УК РФ «информационные технологии» наиболее часто упоминается в главах, посвящённых преступлениям против личности (в 19 статьях). Это подчеркивает особую опасность использования ИТТ в посягательствах против личности человека, далее идут преступления против. общественной безопасности и общественного порядка (10 статей) и компьютерные преступления. В других сферах упоминается значительно реже: право собственности (1), сфера экономической деятельности (3), окружающая природная среда (2), государственная власть (4), порядок управления (2), а также в сфере компьютерной информации, упоминания значительно реже, что говорит о более узкой специализации и меньшей распространенности преступлений, связанных с информационными технологиями, в данных областях.

Особое значение в обеспечении приватности личности играет защита персональных данных. Наиболее опасным является неправомерный доступ к ним, что отражено в статье 272.1 УК РФ – незаконные использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования

информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения. Статья была введена в уголовный закон сравнительно недавно – Федеральным законом от 30.11.2024 № 421-ФЗ.

Можно предположить, что законодатель адекватно среагировал на развитие цифровых технологий и угроз, связанных с незаконным использованием персональных данных.

С ростом «нежелательного контента, нелегального контента и контента, который не имеет автора в виде человека, а просто имеет систему по производству контента» (Россияне могут потерять анонимность в интернете. 21.10.2025. URL: www. argumenti.ru) в течение ближайших трёх лет любые действия россиян в интернете будут деанонимизированы. Кроме того, еще в 2023 году отмечалось: «В России за два года почти в 40 раз выросло количество утечек персональных данных пользователей» (7 авг. 2023. URL :https://iz.ru/1554402/alena-nefedova/lichnoe-deliat-v-rf-v-40-raz-vyroslo-kolichestvo-utechek-personalnykh-dannykh).

Таким образом, введение в УК РФ новой статьи 272.1 не обеспечит полное предотвращение утечек и неправомерное использование персональных данных, а также – гарантий полной анонимности пользователей в современных условиях быстрого развития цифровой экономики и управления.

В современную эпоху цифровых технологий наиболее опасными представляются деяния, связанные не столько с использованием ИТТ, а сколько с применением их при удаленным управлении виртуальной личностью человека, его аватором. Преступники таким путем скрывать свою истинную личность, маскируясь под чужим цифровым образом, и совершают свои противоправные действия от имени «цифрового» потерпевшего, «присваивая» такому двойнику свой злой умысел. Так, преступник может использовать «взломанный» аккаунт в социальных сетях или мессенджерах, полностью имитируя поведение реального человека, который узнается пользователями таких сетей как конкретный человек, чей аккаунт был «взлома». Это позволяет мошенникам применять различные схемы, например, вымогать деньги, требуя перевода на счет, притворяясь родственником или знакомым жертвы, или осуществлять психологическое давление, шантажируя свои жертвы. Использование виртуальной личности может применяться для распространения дезинформации или создания провокаций, дестабилизируя общественный порядок (Латов и др., 2010).

Такой преступник остается анонимным, его действия трудно проследить и доказать, что увеличивает угрозу безопасности граждан и общества в целом.

Общий вывод свидетельствует о том, что несмотря на широкое распространение ИТТ в современном обществе, в законодательстве их роль и значимость отражены еще недостаточно, что создает юридические пробелы и осложняет квалификацию компьютерных преступлений. Следует больше внимания уделять адекватной и своевременной законодательной регламентации современных аспектов информационной безопасности (Трунцевский, 2010),

учитывая быстрое развитие таких технологий и их интеграцию во все сферы общественной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базылин С. О., Бакин А. А., Бахарев.С., Малиновский И. Б. и др. (2011) Деятельность правоохранительных органов Российской Федерации по противодействию коррупции. Москва. 304 с.

Кабанов П. А. и др. (2003) Вызов коррупции: противодействие коррупции журналистским сообществом. М. 128 с.

Ларичев В.Д., Трунцевский Ю.В. (2004) Защита авторского и смежных прав в аудиовизуальной сфере: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Москва. 351 с.

Латов Ю.В., Осокин Р.Б., Сочнев Д.В., Трунцевский Ю.В. (2010) Системное противодействие радикальным экстремистским течениям в молодежной среде. Тамбов. 158 с.

Рассказов Л.П., Упоров И.В., Трунцевский Ю.В. (2000) Ответственность за транснациональные преступления. Краснодар. 118 с.

Трунцевский Ю.В. (2002) Интеллектуальное пиратство: гражданско-правовые и уголовно-правовые меры противодействия. Москва. 280 с.

Трунцевский Ю.В. (2019) Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру: уголовная ответственность ее владельцев и эксплуатантов // Журнал российского права. № 5 (269). С. 99-106.

Трунцевский Ю.В. (1995) Нормы международного права как источник российского уголовного права. автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Рязань. 20 с.

Трунцевский Ю.В. (2003) Защита авторского права и смежных прав в аудиовизуальной сфере (уголовно-правовой и криминологический аспекты). диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Москва. 514 с.

Трунцевский Ю.В. (2010) Российское уголовно-превентивное право: признаки отрасли // Российский криминологический взгляд. № 3. С. 165-173.

Трунцевский Ю.В. и др. (2020) Противодействие коррупции в сфере бизнеса: научно-практическое пособие / Ю.В. Трунцевский, Р.А. Курбанов, А.М. Цирин [и др.]; отв. ред.: Т.Я. Хабриева, О.С. Капинус. Москва: Юриспруденция. 256 с.

Трунцевский Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых и специальных дисциплин Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-73-80. Эл. адрес: trunzev@yandex.ru

Отношение современного российского общества к деятельности правоохранительных органов

Д. А. Трышков
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы недоверия российского общества к правоохранительным органам, их деятельности в сфере предварительного расследования, борьбы с преступностью и пр. Автор акцентирует внимание на проблеме использования искусственного интеллекта в зарубежных странах, которая в недалеком будущем начнет проявляться в нашей стране. Особое внимание автор уделяет вопросам объективности общественных опросов о доверии к судебной и правоохранительной системе и разъясняет необходимость их более грамотного проведения.

Ключевые слова: судебная система; правоохранительные органы; борьба с преступностью; уголовное судопроизводство; искусственный интеллект; общественное мнение; профессионализм; зарубежный опыт.

В 2023 году в южноамериканском государстве Бразилия произошел неприятный прецедент. Под следствие Национального Совета Юстиции попал судья, который использовал искусственный интеллект при подготовке судебных решений, в том числе по уголовным делам. С одной стороны, когда на дворе XXI век, искусственный интеллект становится частью нашей повседневной жизни, он облегчает нашу работу в сфере профессиональной деятельности, но с другой стороны, немногие умеют грамотно им пользоваться. К этим «немногим» относится тот самый судья, использовавший нейросети при подготовке приговора. Как пишет новостной портал G1, судья принимал судьбоносные для подсудимых решения на основании ложной судебной практики. Эта судебная практика оказалась выдуманной нейросетью ChatGPT: в них приводились несущественные и невероятные сведения. Специалисты пишут, что ChatGPT дает такие развернутые рекомендации и так уверенно, что ему верят опытные судьи и адвокаты.

Похожая ситуация произошла в другой южноамериканской стране – Колумбии, где судья при оглашении вердикта по делу о медицинской страховки для ребенка с аутизмом, «посоветовался» с искусственным интеллектом, который в свою очередь сослался на местное законодательство и ответил, что «несовершеннолетний аутист освобожден от уплаты сборов на лечение». Начальник судьи, вынесшего приговор отметил, что что ChatGPT не место в судопроизводстве, ведь искусственный интеллект «не заменяет знаний, опыта и суждений судьи-человека».

В настоящей статье речь пойдет об отношении современного российского общества к деятельности правоохранительных органов. Однако, проблемы

правоохранительной деятельности зарубежных стран тесно переплетаются с российскими. Если проблемы использования нейросетей уже возникают в зарубежных странах романо-германской и англо-саксонской правовой семьи, то очень скоро такие проблемы начнут выявляться в нашей правовой действительности. Не исключаем, что в деятельности правоохранительных органов, в том числе судов и органов предварительного расследования уже применяются технологии искусственного интеллекта. Современные следователи и дознаватели обращаются за помощью к нейросетям в целях выяснения каких-либо юридических вопросов: правильность квалификации преступления, анализ следственной практики, пересказ показаний свидетеля, эксперта, специалиста и пр. Автор настоящей статьи принимал зачет по производственной практике студентов колледжа, которые помимо прочего рассказывали об использовании следователями нейросети для того, чтобы определить пункт, часть и номер статьи УК РФ для квалификации совершенного лицом преступления. В других случаях, нейросеть помогает дознавателю пересказать заключение эксперта.

Подобные истории сильно ставят под сомнение профессионализм сотрудников правоохранительных органов, в том числе судов. Необходимо понимать, что будущий следователь, дознаватель, судья или прокурор получает юридическое образование не для того, чтобы в дальнейшем использовать искусственный интеллект для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, обвинительного приговора и пр. Т. В. Седых в своей статье, посвященной вопросам формирования профессионализма будущих следователей, пишет, что «следственная работа относится к тем видам деятельности, успех в которых связан, прежде всего, с общим высоким развитием личности, со специальными способностями» (Седых, 2020). Иными словами, любое лицо может прийти в следственный отдел, квалифицировать преступления и выносить процессуальные решения при помощи нейросетей, но пока Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» требует от кандидатов на должность следователя наличия высшего юридического образования, желательно с дальнейшим повышением квалификации в виде магистерского образования. Когда в российской практике произойдет прецедент, связанный с использованием искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов, повлекший за собой нарушение конституционно-правовых основ правосудия Российской Федерации, принципов уголовного судопроизводства и иных фундаментальных идей правоохранительной деятельности, общество будет, мягко говоря, недовольно таким положением государственных дел.

Сегодня доверие к правоохранительной системе сложно назвать высоким. Можно рассмотреть в качестве первого примера опрос Аналитического центра «ВЦИОМ». По данным опроса, опубликованного 10 ноября 2022 года (в день

сотрудников органов внутренних дел России) за десять лет доверие российского населения к сотрудникам полиции выросло до 62 процентов. Для сравнения, в 2012 году данный показатель был на уровне 35 процентов. В качестве второго примера приведем результаты опроса исследовательской группы Russian Field в Приволжском федеральном округе. Согласно опросу, граждане в целом доверяют судебной системе России, но чем чаще граждане сталкиваются с судами, тем меньше им доверяют. Отмечают, что в течение последних пяти лет с судами лично сталкивались только 30 процентов респондентов, и именно они демонстрируют самый высокий уровень недоверия судам. Р. Мухаметов пишет в своем труде о доверии полиции следующее: «Определяющим фактором доверия выступает опыт взаимодействия граждан с полицией, который позволяет получить общее представление о компетенции ее сотрудников и качестве оказываемых услуг» (Мухаметов, 2024). Правонарушения отдельных сотрудников правоохранительных органов подрывают доверие общества к институту в целом, вызывая нежелание населения сотрудничать с ним.

На наш взгляд, проведение социологических опросов среди всего населения не может являться средством установления уровня доверия к правоохранительным органам. К участию в опросах необходимо привлекать именно тех лиц, которые в связи с определенными обстоятельствами, контактировали с полицией, судами, следственными органами, органами государственной безопасности, органами дознания и др. Именно они могут относительно объективно рассказать о своем опыте взаимодействия с данными органами.

Между тем проблема доверия к правоохранительным структурам в России стоит остро. Руководство автором данной статьи производственной практикой в Колледже позволяет выяснить какие эмоции ощутили студенты при взаимодействии с сотрудниками правоохранительных органов. Одни студенты рассказывают о необходимости высокой стрессоустойчивости для работы в Следственном комитете, другие рассказывают о четырехэтажном мате в словах сотрудников полиции, третьи рассказывают о низком уровне их профессионализма (использование нейросетей, утрата вещественных доказательств и пр.). Минимум студентов рассматривают правоохранительные органы, как место своей будущей профессиональной деятельности, несмотря на проявляемый ими интерес к уголовному праву и процессу, и в целом к борьбе с преступностью. Напомним, что из года в год, как глава Следственного комитета России, так и Министр внутренних дел Российской Федерации ежегодно докладывают о дефиците кадров.

Недоверие к правоохранительным органам исходит в первую очередь от тех, кто обращался за помощью в целях пресечения преступления или недопущения их совершения. В 2021 году правозащитником была опубликована

расшифровка звонков жильцом дома, пытавшихся вызвать полицию из-за того, что из соседней квартиры слышны крики и звуки драки. Оператор спокойным голосом сообщила, что «вызов сотрудникам полиции передали». В конце концов, соседи самостоятельно вскрыли дверь, где обнаружили труп ранее кричащей женщины. Отсутствие оперативного вмешательства сотрудников полиции привело к смерти человека. Данная новость разлетелась по всем новостным ресурсам и уже изучается в образовательных организациях на предмет того, как не надо работать, будучи сотрудниками правоохранительных структур.

Доверие к правоохранительным органам со стороны общества формируется не за счет выступлений глав силовых ведомств о состоянии преступности и показателях раскрываемости преступлений, хотя данный факт мы ни в коем случае не умоляем. Большая часть населения нашей страны обладает обыденным правосознанием, которое является стихийным и зависит от новостных постов в социальных сетях. Доверие к правоохранительным органам подрывается, когда полковник полиции попадается на огромных взятках, когда суд выносит несправедливые приговоры (особенно если идет речь о делах с купли-продажей квартиры под влиянием мошенников – «эффект Ларисы Долиной»). Современный российский обыватель будет доволен судебной и правоохранительной системе в том случае, когда к нему придут на помощь в тяжелой ситуации, когда резонансное дело закончится справедливым судебным решением.

С. Б. Россинский пишет в своей монографии, посвященной следственным действиям о необходимости масштабной реформе института следователя в уголовном судопроизводства. Его слова, в целом, можно отнести и к судебной и правоохранительной системе. Он писал, что реформа досудебного производства должна начинаться с «пересмотра государственной идеологии в отношении профессии следователя, воспитания юристов-государственников нового поколения, обладающих наряду с глубокими знаниями, умениями и навыками высоким уровнем нравственности, правосознания, правопонимания и ответственности, так необходимых для решения непростых задач уголовно-процессуальной деятельности» (Россинский, 2025). Его слова могут показаться декларативными, общими и без конкретных предложений, однако именно это нам необходимо прямо сейчас. Современные сотрудники правоохранительных органов должны быть профессионалами своего дела, работать на износ во имя государства и общества, процветания первого и благосостояния второго.

Таким образом, доверие к правоохранительным органам зависит в первую очередь от того, как профессионально исполняются обязанности его сотрудниками. Возвращаясь к тому, как бразильский или колумбийский судья использовали нейросети при вынесении судебных решений, содержание которых ставится под сомнение, то можно спрогнозировать появление подобных

случаев у нас в стране. Искусственный интеллект не должен быть лицом, принимающим юридически значимые решения по вопросам, связанными с правами и свободами человека и гражданина, даже если предварительно его действия рассматриваются как преступные и наказуемые. Следователь должен рационально использовать новые технологии в своей профессиональной деятельности таким образом, чтобы они не повлекли за собой и так относительно невысокий уровень доверия общества к судебной и правоохранительной системе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мухаметов, Р. Почему граждане доверяют полиции? / Р. Мухаметов // Социологическое обозрение. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 262–284. – DOI 10.17323/1728-192x-2024-3-262-284. – EDN SCQHIJ.

Россинский, С. Б. Следственные действия: монография / С. Б. Россинский. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. — 240 с. - ISBN 978-5-91768-889-3. – Текст: электронный. – URL: https://znanium.ru/catalog/product/2168167 (дата обращения: 13.12.2025). – Режим доступа: по подписке.

Седых, Т. В. Формирование профессионализма будущих следователей в процессе профессиональной подготовки / Т. В. Седых // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 3(82). – С. 261-262. – DOI 10.24411/1991-5497-2020-00535. – EDN HVLOFR.

Трышков Даниил Андреевич, преподаватель колледжа Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Эл. почта: aposym2000@yandex.ru.

Перспектива культурного симбиоза: Создание и практическая реализация образовательной модели для российской молодежи по программам обучения и путешествий в Китае на примере российской летней программы BUU 2025 года

Cultural Symbiosis Perspective: Building & Practicing an Educational Model for Russian Youth Study-Travel Programs in China — Case Study of BUU's 2025 Russian Summer Program

Тянь Пэй
Пекинский объединенный университет
Tian Pei
Beijing Union University

Abstract. This paper examines Beijing Union University's (BUU) 2025 summer study programs for Russian students from Rostov State University of Economics and faculty and students from the School of Arts at Moscow University for the Humanities as case studies. Utilizing the theory of cultural symbiosis, it constructs a trinity educational model that integrates "scenario experience, technological assistance, and project practice." Through participatory observation, in-depth interviews, and longitudinal narrative research, it uncovers the mechanisms by which short-term, high-intensity study programs contribute to the cultural cognitive reconstruction of Russian youth, foster cross-cultural emotional connections, and empower civil society in China-Russian relations. The study finds that innovative strategies such as multimodal embodied cognition courses and solar term-themed study routes significantly enhance cultural communication efficacy, offering a replicable practical model for optimizing educational models for international students in China. Furthermore, it explores the construction of cultural integration and friendship bridges, injecting new vitality into China-foreign cultural exchanges.

Keywords: cultural symbiosis; Russian youth; study and travel in China; cross-cultural cognition; China-Russian relations

I. Introduction

Research Background and Problem Statement

After the full implementation of the visa-free policy between China and Russia in 2025, cross-border personnel flows have entered an "obstacle-free mode," leading to an explosive growth in Russian study and travel programs in China. Unlike traditional tourism, short-term, high-intensity study programs offer a unique context for cross-cultural understanding through the deep integration of "education + travel." However, the current educational models in use show significant limitations in key areas such as cultural adaptability, cognitive transformation efficiency, and emotional connection intensity. These limitations not only restrict the full realization of educational outcomes but also impede learners from achieving comprehensive and in-depth understanding and experiences.

Beijing Union University, serving as a vital hub and bridge for educational cooperation between China and Russia, has keenly observed this situation and, in its

meticulously planned 2025 Russian summer study program, has boldly explored innovative pathways. By constructing a three-dimensional and multidimensional educational model, the project aims to break through the traditional frameworks of educational models, inject new vitality into cross-cultural educational practices, and provide a new paradigm worthy of reference.

Specifically, the project is based on cultural symbiosis theory as a solid theoretical foundation and guiding principle, skillfully integrating Beijing's rich cultural resources as an ancient capital with modern digital technology tools. Based on this integration, the project team has meticulously designed a study program curriculum system that combines immersive experiences, high interactivity, and generative features. This curriculum system not only allows Russian youth to experience the profoundness of Chinese culture in an immersive atmosphere but also enables them to deepen their cognition and understanding of China through interactive communication and independent exploration, thereby opening a comprehensive and three-dimensional window for them to perceive China.

Against the backdrop of globalization, education for international students in China has become an important avenue for promoting China-foreign cultural exchanges and understanding. Beijing Union University, taking China's excellent traditional culture as its context, continuously organizes study programs with a unique "Beijing flavor" for international students, providing a high-quality platform for young people from around the world to understand China and experience Beijing. Recently, it has welcomed the summer study program from Rostov State University of Economics in Russia and hosted the inaugural group of 16 faculty and students from the School of Arts at Moscow University for the Humanities, embarking on a 10-day study journey filled with wonder. These activities are not just cultural explorations but also vivid examples of educational cooperation and friendship exchanges between China and their countries.

The research focuses on three core questions:

How do study programs reshape Russian youth's cognitive frameworks of Chinese culture? What mechanisms do cross-cultural interactions use to foster emotional connections between Chinese and Russian youth?Can civil cultural exchanges inject sustainable civil power into China-Russian relations?

Research Significance

Theoretically, the research expands the application boundaries of cultural symbiosis theory in transnational educational contexts and verifies cognitive adaptation mechanisms in "asymmetric cultural contact." Practically, it provides policy references for optimizing educational models for international students in China and constructing a China-Russian community with a shared future, facilitating the transition of bilateral relations from "policy-driven" to "people-driven." Meanwhile, by analyzing the effectiveness of different study activities, it offers experience for subsequent study programs for international students in China. With visits to cultural heritage sites along Beijing's central axis, traditional handicraft experiences, and visits to contemporary technology enterprises as the main themes, the study curriculum

organically integrates language learning, artistic dialogue, and social research modules, forming a progressive learning chain of "cultural perception - practical interaction."

Through in-depth interviews and follow-up observations, it has been found that participants' cognition of Chinese culture shifts from stereotypical symbols to an embodied understanding. Chinese and Russian youth establish trust and empathy in activities such as jointly creating shadow puppetry and collaborating on entrepreneurial proposals, confirming the catalytic role of "shared value generation" in people-to-people diplomacy.

II. Case Analysis

2.1 Beijing Union University's 2025 Russian Summer Study Program

2.1.1 Project Design: Construction of a Three-Dimensional Educational Model

The project unfolds around "dialogue - immersion - co-creation": breaking cognitive barriers through language dialogue, enhancing emotional resonance through cultural immersion, and ultimately achieving value integration in co-creation practices. The curriculum includes Chinese language learning, intangible cultural heritage skill experiences, and city explorations, guiding Russian students to perceive the details of Chinese culture through hands-on activities such as making cloisonné and participating in Peking Opera movement training. Faculty and students jointly complete the "Dialogues on the Central Axis" video creation, transforming individual insights into cross-cultural narrative works, effectively enhancing cultural identity and communication willingness.

Project evaluation data shows that over 85% of participants express sustained interest in Chinese culture after the study program, with many voluntarily applying to extend their stay in China for further study or participating in joint China-Russian youth art projects. This emotional identity, catalyzed by experiences, is gradually transforming into conscious actions for cross-cultural communication, confirming the long-term value of immersive education in people-to-people diplomacy.

2.1.2 Experimental Layer: Designing Authentic Cultural Fields

The experimental layer involves creating authentic cultural experiences, such as shadowing in traditional Chinese medicine clinics and engaging with intangible cultural heritage.

Cultural Heritage Skill Inheritance: For instance, in the blue-and-white porcelain plate painting course, Russian students grasp the cultural philosophy of "vessels embodying Dao" through glaze formulation experiments. Their works are evaluated by Chinese teachers as "capturing the essence of Chinese aesthetics."

Technological Assistance Layer: Utilizing AR handbook scanning of cultural symbols for 3D analysis and intelligent voice guides offering real-time bilingual (Chinese-Russian) explanations. At the 798 Art Center, students experience the restoration process of Dunhuang murals through VR devices, deepening cultural immersion.

Project Practice Layer: In dumpling-making activities, both sides form deep emotional connections through three stages of collaboration: "dough rolling - filling preparation - design." Differences in the rhythm of dough rolling, taste preferences in filling preparation, and aesthetic differences in design become entry points for cross-

cultural dialogue. A Russian student incorporates Russian dumpling elements into dumpling shapes, sparking lively discussions among peers on the "boundaries of cultural fusion." This emotional co-construction based on shared labor transforms cultural differences from cognitive barriers into creative resources, reconstructing mutual cultural imaginations through collaboration.

2.1.3 Implementation Effectiveness: Cross-Cultural Cognition and Emotional Connection

Cognitive Transformation: Post-test data indicate that Russian students' correct understanding of Chinese health preservation concepts increases from 31% to 68% ($p < 0.01$), and their cognitive depth of the "Belt and Road Initiative" improves by 42%. In terms of emotional connection, 87% of respondents report establishing stable friendships with Chinese faculty and students, with significantly enhanced cross-cultural empathy. Follow-up surveys suggest that within six months after the project, 12 Russian students spontaneously organize online Chinese culture sharing sessions, reaching over a hundred of their compatriots. This dissemination chain, radiating from individual experiences to groups, highlights the ripple effect of people-to-people diplomacy.

Qualitative analysis reveals that three scenarios trigger cognitive breakthroughs:

Deciphering Traditional Chinese Medicine Culture: At the Traditional Chinese Medicine Massage Laboratory of Beijing Union University's Special Education College, students experience pulse diagnosis and a doctor's explanations of medical theories, overturning the stereotype of "traditional Chinese medicine as esoteric." A Russian student writes in their diary, "The pulse is like flowing water, with discernible patterns; this is a rigorous bodily language." This cognitive reconstruction, from mystification to scientific understanding, becomes a key turning point in breaking cultural prejudices. Similarly, object-making in intangible cultural heritage workshops and immersive technological interactions in art districts prompt students to view cultural differences as starting points for dialogue rather than endpoints for isolation.

Co-Creation of Intangible Cultural Heritage Skills: At the Beijing Ceramic Art Museum, Russian short-term study program students personally design ceramic seals, combining Russian totem patterns with Chinese character engraving. This creative cultural dialogue not only revitalizes the contemporary vitality of traditional skills but also makes participants realize that cultural identity is not static inheritance but dynamic reconstruction. In cultural mutual learning, individuals redefine their identities through practical participation, transforming heterogeneous elements into new paradigms for self-expression.

Emotional Connection: Social media analysis shows that 83% of Russian participants post cross-cultural experiences on social media, with the frequency of using emotional words such as "astonishing" and "warm" increasing by 3.8 times compared to the pre-test. A student choked up during the closing ceremony, expressing, "I never anticipated that just over ten days would bring me such precious memories and profound emotions." This emotional resonance transcends language barriers, transforming cultural experiences into spiritual dialogues. The project fosters not only the growth of knowledge but also deep emotional resonance and value identity.

2.2 Beijing Union University's First Study Tour for Faculty and Students from the School of Arts at Moscow University for the Humanities

2.2.1 Activity Overview

In mid-May 2025, faculty and students from the School of Arts at Moscow University for the Humanities arrived at Beijing Union University to embark on a 10-day study tour. The activity consists of two major components: cultural experiences on campus and cultural explorations off campus, aiming to provide international students with a comprehensive understanding of the profundity of Chinese culture and the unique charm of Beijing.

2.2.2 On-Campus Cultural Experiences as a Catalyst for the Study Tour

The visiting study program students are from the School of Arts at Moscow University for the Humanities, coinciding with Beijing Union University's "Campus Culture Week." Faculty and students from the art schools of both universities jointly host the "Exhibition of Works from the China-Russian Student Advertising Creative Competition," showcasing the fruitful outcomes of their decade-long collaboration in the "International Advertising Festival" activities, and using the opening ceremony of the exhibition as the inaugural event and first activity of the study tour.

At the opening ceremony the Vice President of Beijing Union University, delivers a speech warmly welcoming the faculty and students of the study program, expressing the hope that the two universities will deepen cooperation and friendship between youth and the two institutions through cultural and artistic exchanges. This activity lays a solid foundation for the study tour, effectively promoting exchanges and interactions between faculty and students from both universities in the field of art. Experiencing the Warmth of Beijing Union University through Visits to Its Colleges: During their stay, the study program thoroughly explores the Tourism College, the School of Arts, and the Special Education College. Through understanding their histories, visiting teaching facilities, and experiencing professional courses, they deeply feel the characteristics of Beijing Union University as a high-level comprehensive university and its warm campus culture. Visiting the internship and practice bases of the Tourism College allows students to understand the practical applications of tourism; accessing the museum of the School of Arts to appreciate artistic works and feel the artistic atmosphere; and stepping into the Special Education College to appreciate the university's efforts and achievements in the field of special education.

Diverse and Enjoyable Cultural Experience Courses: Centered on China's excellent traditional culture, this study activity offers a "Chinese Traditional Culture Course" covering multiple fields.

Chinese Calligraphy and Porcelain Plate Painting Course: Chinese Calligraphy teacher, with his exquisite skills and profound understanding of traditional Chinese art, vividly narrates, demonstrates, and guides practices from "China" (the etymology of the word) to blue-and-white porcelain, and from painting to culture. Students not only learn the historical and cultural backgrounds of blue-and-white porcelain but also personally experience the creative process of Chinese calligraphy from conception to painting, feeling the unique charm of traditional Chinese art.

Chinese Dance Experience Course: dancing teacher leads students in learning the dance "The Most Dazzling National Style." Students boldly incorporate their own cultural elements, with Chinese and foreign faculty and students dancing together in a "National Style" dance performance.

Cultural Fusion Party: The "Cultural Fusion Party" is a vibrant event where tradition meets modernity, fostering a lively and joyful atmosphere and strengthening friendships among students from diverse cultural backgrounds.

Paper Cutting and Lacquer Fan Making Course: Students from the Tourism College, delves into the history and cultural significance of Chinese paper cutting art. She also explores the historical network and cultural importance of lacquer fans. Under her guidance, students create vivid paper cutting works and exquisite lacquer fans, which are part of China's intangible cultural heritage. This allows them to appreciate the exceptional skills of traditional Chinese handicrafts.

Guzheng Appreciation Course: Teacher Dai Lijun dissects the musical theory behind the 21 strings of the Chinese guzheng, demonstrating its clear, melodious tones and unique fingering techniques. She teaches students how to play the "qin melody" titled "A Smile on the Vast Sea." The guzheng's melodies, flowing like a gentle stream, fill the classroom, immersing students in the beautiful sounds of traditional Chinese music.

Tea Art Experience Course: Teacher leads students through the process of brewing three distinct teas: West Lake Longjing, Anxi Tieguanyin, and De'ang Acid Tea. By observing, brewing, smelling, and tasting, students are introduced to the history, value, culture, and art of Chinese tea culture, allowing them to experience the rich heritage of Chinese tea culture.

Peking Opera Face Painting and Diabolo Skills Course: Teacher begins by discussing the essence of Peking Opera in the classroom, particularly focusing on the rich character personalities and cultural connotations of the four major roles: "sheng, dan, jing, chou." Students carefully choose and paint their favorite face designs, gaining an appreciation for the depth and unique aesthetic of Chinese opera culture. Following this outdoors, students start with basic diabolo movements, discovering the endless fun and challenges brought by this traditional skill.

2.2.3 Off-Campus Cultural Explorations: Strolling Through Beijing's Ancient Alleys to Explore Cultural Veins

Visiting Cultural Landmarks: At Tiananmen Square, one feels solemnity and grandeur as the heart of the nation; in the Forbidden City, one wanders among the red walls and yellow tiles, appreciating the magnificence and refinement of royal architecture; at the Temple of Heaven, one listens to the mystery of the Echo Wall and feels the solemnity of ancient heaven worship ceremonies; in the Summer Palace, one strolls along the corridors, admiring the lake scenery and appreciating the elegance and beauty of royal gardens; in the 798 Art District, one navigates through creative galleries, workshops, and shops filled with innovation, feeling Beijing's vitality and innovative spirit as a modern cultural capital; on the Great Wall, one touches the ancient city walls, overlooks the winding mountains and rivers, and appreciates the

resilience and wisdom of the Chinese nation; at the Bird's Nest and Water Cube, one feels the passion and vitality of sports and the Olympics.

Experiencing Traditional Skills and Culture: At a martial arts hall, the study program experiences the traditional Chinese martial art of Tai Chi. The teachers' movements, combining hardness and softness, and their flowing routines amaze the students. One-on-one, hand-in-hand teaching allows students to deeply feel the philosophical thoughts of yin and yang balance and the interplay of stillness and movement embodied in Tai Chi. At the Beijing Ceramic Art Museum, guided by professional commentators, students listen to the historical context of ceramic art, appreciate the craftsmanship and cultural connotations behind the works, and personally experience the unique traditional skill of ceramic seal engraving, carving their understanding of Chinese culture into every stroke, creating uniquely personalized ceramic seals.

Participating in Special Activities: The study program visits the National Palace Museum to participate in the 35th National Day for Helping the Disabled. The wonderful performances by the art troupe of special education students from the Special Education College of Beijing Union University present a distinctive Chinese national conditions education class for the faculty and students of the study program, allowing them to witness the outstanding achievements of Beijing Union University in the field of special education and the specific manifestations of China's socialist core values and national governance capabilities.

2.2.4 Outcomes and Prospects

The "Study at Beijing Union University, Appreciate Beijing" study activity allows international youth from around the world to gain knowledge and joy, perceiving China and feeling Beijing from a genuine perspective. Through cultural experience courses on campus and cultural explorations off campus, international students deeply understand China's excellent traditional culture and Beijing's historical heritage and contemporary pulse, enhancing their understanding and identity with Chinese culture. Meanwhile, the activity promotes cooperation and friendship between the two universities, laying a foundation for further educational exchanges and cooperation in the future.

III. Educational Model Innovation: Breaking Through Traditional Limitations with Multimodal Embodied Cognition Course Design

3.1 Addressing the limitations of traditional classrooms that "emphasize theory over practice," combined with the two study programs, the project develops the "Five Senses Activation" teaching method:

Visual Giant Screen Projections: Displaying the architectural structures of the Forbidden City and analyzing the mechanical wisdom in "深入斗拱" (penetrating the dougong brackets); when visiting cultural landmarks, allowing students to intuitively feel the grandeur and refinement of the architecture.

Auditory Experiences: In the guzheng workshop, students listen to "High Mountains and Flowing Water" and attempt improvisational accompaniment, understanding the philosophy of "appreciating silence through sound"; on the dance floor, feeling the rhythm and melody of music.Tactile Sensations: Experiencing the

charm of traditional skills by engraving ceramic seals at the Beijing Ceramic Art Museum. Olfactory Experiences: In the tea art experience class, distinguishing between Longjing, Pu'er, and other tea categories through tea aromas, understanding the self-cultivation philosophy of "the way of tea is the way of humanity"; tasting different teas to appreciate their unique flavors.

Gustatory Experiences: Exploring the dietary wisdom of "harmony of five flavors" through filling preparation experiments in dumpling-making classes; savoring the tastes of different teas in tea art experiences.

3.2 Optimization of Solar Term-Themed Study Routes

Combining Beijing's regional characteristics, four thematic routes are designed: "Spring Equinox - Agricultural Culture," "Summer Solstice - Heat Avoidance Wisdom," "Autumn Equinox - Harvest Celebration," and "Winter Solstice - Health Preservation Philosophy." For example, in the "Summer Solstice" route:

Kunming Lake, Summer Palace: Observing ancient water conservancy facilities and understanding the water governance philosophy of "harmony between humanity and nature."

Shichahai Ice Rink: Experiencing traditional ice skating sports and analyzing the solar term records in "Records of the Capital's Seasons and Victories." Laoshe Tea House: Tasting 24 solar term teas and learning the health preservation logic of "treating winter diseases in summer."

3.3 Application of the Cultural Narrative Spiral Model

Drawing on narrative spiral theory, a four-stage interactive framework of "contact - explanation - evaluation - integration" is constructed:

Contact Stage: Breaking initial strangeness through "cultural blind box" gift exchanges; promoting initial exchanges between faculty and students from both universities during opening ceremonies and other activities. Explanation Stage: Comparing China-Russian health preservation concepts (e.g., "heat therapy vs. cold therapy") in professional lectures; teachers explaining the connotations of Chinese culture in-depth during cultural experience courses. Evaluation Stage: Jointly writing the research report "Chinese and Russian Youth's Perceptions of Each Other" and reflecting on cultural stereotypes; students sharing their feelings and experiences after the activity. Integration Stage: Creating the China-Russian bilingual cultural micro-film "Dialogues Across Borders" and disseminating it simultaneously on VK and Douyin platforms; sharing study experiences on social media to expand the influence of cultural exchanges.

IV. Potential Impacts on China-Russian Relations

4.1 The "Stabilizer" Role of People-to-People DiplomacyLong-term tracking data shows that among project participants: 89% express willingness to participate in China-Russian cooperation projects in the future; 62% believe that cultural exchanges can "significantly enhance civil friendship between the two countries"; 6% engage in China-Russian related fields after graduation.

4.2 The Buffer Zone for Political Narratives

Qualitative analysis reveals that civil interactions provide emotional support for official dialogues through "resonance with cultural details." For example, a participant

writes after returning home, "When haggling with vendors at the Yiwu market, I suddenly understood why my Chinese friends say 'relationships are productivity.' This cultural insight is more intuitive than any policy document." In the exchanges between faculty and students from the School of Arts at Moscow University for the Humanities, similar experiences abound. During the study activities, students deeply appreciate the interpersonal communication styles and values in Chinese culture through daily interactions and joint activities with Chinese faculty and students.

3 The Emerging Network of "China-Russian Youth Cultural Ambassadors"

The network of "China-Russian youth cultural ambassadors" spawned by the project has begun to take shape: Eight students from Rostov State University of Economics have enrolled in long-term exchange programs, and five students from Moscow University for the Humanities have also enrolled in 2+2 long-term programs at Beijing Union University. These young ambassadors demonstrate stronger adaptability and empathy in cross-cultural practices after arriving in Beijing. Some members have already started spontaneously organizing offline cultural salons to share China-Russian art, literature, and life philosophies.

V. Conclusion.

5.1 Theoretical Contributions

This study verifies the applicability of cultural symbiosis theory in "short-term, high-intensity contact" scenarios, proposing a three-stage transmission mechanism of "embodied cognition - narrative reconstruction - emotional resonance," enriching the analytical framework for transnational educational research. Through the analysis of the two study programs, it further proves the effectiveness of this theory in different study activities.

5.2 Practical Implications

Policy Level: It is recommended to incorporate study and travel programs in China into the China-Russian cultural exchange mechanism and establish special funds to support youth interactions. The government can introduce relevant policies to encourage more institutions to organize study and travel programs in China, providing more opportunities for Russian youth. Universities can develop "China-Russian cross-cultural collaboration" micro-majors to cultivate compound talents with a global perspective by combining the experiences of study programs.

Dissemination Level: Utilize digital tools such as short videos and VR technology to expand the coverage of cultural exchanges. Share the wonderful moments and cultural experiences of study activities through social media and online platforms to attract more youth participation.

5.3 Research Limitations

This study's samples are concentrated among youth in the economic field (Russian Rostov State University of Economics project) and the artistic field (Moscow University for the Humanities School of Arts project). Future research needs to expand to more disciplines, and the long-term effects require further tracking and verification. It is suggested to increase research on Russian youth from different majors and backgrounds and conduct long-term follow-ups on their development after returning home.

Through the innovative model of "scenario immersion - technological assistance - project practice" in Beijing Union University's 2025 Russian summer study program and the first study tour for faculty and students from the School of Arts at Moscow University for the Humanities, it significantly enhances Russian youth's cognitive depth of Chinese culture and promotes emotional connections between Chinese and Russian youth. The research confirms that civil cultural exchanges can serve as a "stabilizer" and "booster" for China-Russian relations, providing sustainable civil power for constructing a closer China-Russian community with a shared future. Future efforts should further optimize project design, strengthen digital dissemination, and promote the transformation of cultural diplomacy from "soft power" to "hard support." Meanwhile, continuous summary of experiences should provide references for more study and travel programs for international students in China, facilitating the in-depth development of China-foreign cultural exchanges.

REFERENCES

[1] Toynbee, A. (1986). *A Study of History* (Cao Weifeng et al., Trans.). Shanghai People's Publishing House.

[2] United Nations. (2015). 2030 Agenda for Sustainable Development. https://www.un.org/development/desa/disabilities/content/sustainable-development-goals-2030-agenda.html

[3] Huntington, S. P. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (Zhou Qi et al., Trans.). Xinhua Publishing House.

[4] Fei, X. T. (1997). *Collected Works of Fei Xiaotong* (Vol. 14). Qunyan Press.

[5] Gen, R. (1992). *Japanese Culture and Philosophical Thought* (Li Ping, Trans.). Peking University Press.

[6] IPCC. (2021). *Climate Change 2021: The Physical Science Basis*. https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg1/

[7] Ostrom, E. (1990). *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge University Press.

[8] Kim, Y. S. (1993). *South Korea's New Village Movement: Practices in National Modernization*. Korea Development Institute.

Проблемы субъектов судебного процесса в области охраны культурного наследия

The Issues of Litigant Subjects in Cultural Heritage Protection

*Фан Юньтин**
Пекинский объединенный университет
*Fan Yunting**
Beijing Union University

Abstract. In public interest litigation for the protection of cultural heritage in China, procuratorial organs dominate as the primary plaintiffs. However, relying solely on procuratorial organs is insufficient to comprehensively safeguard cultural heritage. The system governing plaintiffs in such litigation urgently requires improvement. By expanding the scope of eligible litigants—allowing individual citizens to initiate lawsuits if they possess sufficient evidence, in addition to procuratorial organs and specific qualified organizations—and encouraging the participation of nongovernmental organizations (NGOs), a collaborative protection model involving multiple subjects can be established. This approach mobilizes public engagement, enhances the effectiveness of safeguarding cultural heritage for all humanity, and promotes institutional innovation.

Keywords: Cultural Heritage Protection; Subjects of Public Interest Litigation; Expansion of Litigant Subjects

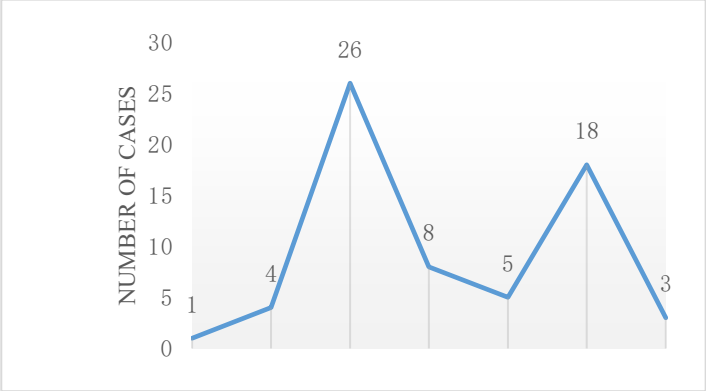
1. Introduction

Cultural heritage protection is a globally significant issue, as it concerns the continuity and transmission of human civilization, embodying the historical memory and spiritual DNA of diverse ethnic groups. Throughout the long course of history, countless invaluable cultural heritage assets have faced threats from wars, natural disasters, human-induced destruction, and other factors, making the protection of cultural heritage an urgent imperative. China and Russia, as nations with profound histories and splendid cultures, both shoulder the sacred mission of safeguarding their respective cultural heritages. China boasts numerous world-renowned monuments, traditional craftsmanship, and other treasures that epitomize the wisdom of the Chinese nation. Similarly, Russia's architectural and artistic masterpieces bear witness to the trajectory of its national development. Both countries should take proactive measures, leveraging their capabilities to intensify cultural heritage protection through multifaceted efforts, including policy formulation, financial investment, and talent cultivation. By doing so, these precious cultural heritages can be revitalized in the new era, contributing to cross-cultural exchanges, mutual learning, and shared prosperity among human civilizations.

* Fan Yunting, Beijing Union University, Master of Laws (LLM) student.

2. Current Status of Eligible Plaintiffs in Public Interest Litigation for Cultural Heritage Protection in China

According to official statistics from the China Judgments Online database, a total of 69 public interest litigation cases in the field of cultural heritage protection have been publicly disclosed in China. Regarding the annual growth trend in case numbers, as illustrated in Figure 1, the volume of public interest litigation cases for cultural heritage protection has shown an upward trajectory since 2018. This phenomenon underscores the increased emphasis and enhanced enforcement efforts by both judicial authorities and society at large toward cultural heritage protection.



Numbers of public interest litigation cases concerning protection of Chinese cultural heritage since 2018. An analysis of the cases reveals that proceedings initiated by procuratorial organs account for up to 90% of the total number of public interest litigation cases concerning cultural heritage protection, while social organizations and other types of plaintiffs collectively represent only 10%. This indicates that procuratorial organs hold an overwhelmingly dominant position in public interest litigation for cultural heritage protection.

3. Theoretical basis of the application of environmental public interest litigation system in cultural heritage protection

3.1 The provisions for the protection of World Heritage

As the Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage states, "No region is entirely pristine; all natural areas are dynamic and involve some degree of human interaction." The norms governing the protection of cultural heritage and the natural environment are highly interconnected. Both international environmental treaties and China's domestic environmental laws explicitly or implicitly encompass provisions for cultural heritage protection.

3.2 The provisions of Chinese laws/statutory provisions in China

Article 2 of the Environmental Protection Law of the People's Republic of China defines "environment" in a manner that includes the connotations and extensions of cultural heritage, such as "places of historical and cultural interest" and "urban and rural settlements." Article 58 of the Environmental Protection Law establishes environmental public interest litigation to address environmental pollution and ecological damage. The term "ecology" should be interpreted as encompassing all natural elements and their intrinsic relationships within the entire territorial ecosystem, thereby framing acts that damage cultural heritage as "ecological damage." This

interpretation justifies the initiation of environmental public interest litigation to safeguard public environmental interests.

4. Resolution of the issue of the subject of litigation in the public interest litigation system for cultural heritage protection

4.1 The ways to resolving the issue of the litigation subject in the public interest litigation system for cultural heritage protection

Given the analogous attributes of entities holding public interests, the plaintiffs in public interest litigation for cultural relics should also be defined as "organs and relevant organizations stipulated by law. Under the current public interest litigation system, plaintiff eligibility is primarily confined to procuratorial organs, specific social organizations, and other organs or entities authorized by law. To better harness the role of the public in cultural heritage protection, it is recommended that the scope of plaintiff eligibility be further expanded to permit individual citizens to initiate public interest litigation under specific conditions.

4.2 Suggestions for improvement in the implementation of legislation

Provisions could be enacted to allow individual citizens, in cases where cultural heritage is damaged or at risk of damage, to file public interest litigation with the people's court if they can provide sufficient evidence demonstrating that their legitimate rights and interests have been infringed upon or face an imminent threat of infringement, and that the harm or risk is directly linked to the protection of a specific cultural heritage asset.

5. Conclusion

The current state of public interest litigation for cultural heritage protection in China is characterized by procuratorial-led initiatives and a growing caseload. Within the existing legal framework, cultural heritage protection may rely on the environmental public interest litigation system, as the Environmental Protection Law includes "places of historical and cultural interest" within its definition of "environment," thereby interpreting acts of cultural heritage destruction as "ecological damage" and providing a theoretical basis for initiating public interest litigation. However, environmental public interest litigation still fails to comprehensively address the needs of cultural heritage protection, necessitating systemic refinements. It is recommended that the scope of plaintiff eligibility be expanded to permit individual citizens who can provide sufficient evidence to file suits, in addition to procuratorial organs and specified organizations. Encouraging the participation of non-governmental organizations (NGOs) would foster a collaborative protection mechanism involving multiple stakeholders. By enhancing public participation and optimizing the structure of litigation subjects, the effectiveness of cultural heritage protection can be strengthened, driving innovative development of the public interest litigation system.

REFERENCES

[1] Hongqing T, Shangyuan C. Research on the "Dual-Track" Model of

Administrative Public Interest Litigation for Cultural Heritage Protection[J]. Rule of Law Forum. 2023, 5(1) : 231–252.

[2] Gu G, Yong W. (2024). Analysis of Difficult Issues in Applying Environmental Public Interest Litigation to Cultural Relics Protection[J]. People's Procuratorial Semimonthly. 2024, 6(13) : 20–23.

[3] Dong C. Differentiation Between Public Interest Litigation for Cultural Relics Protection and Environmental Public Interest Litigation: A Focus on Public Interests[J]. Political Science and Law Review. 2021, (2): 129–139.

[4] Liu, X. Practice Status and Improvement of Public Interest Litigation on Personal Information Protection in China [J]. China Legal Science. 2024, 12(2) : 77–108.

[5] Zhang, Y. Theoretical Justification and Institutional Framework of Procuratorial Organs' Participation in Anti-Monopoly Public Interest Litigation [J]. China Legal Science. 2024, 12(3) : 27–48.

[6] Wang, M. Status Quo, Implementation Problems and Improvement of Public Interest Litigation for Biodiversity Conservation in China [J]. China Legal Science. 2024,12(5) : 88–115.

Разъяснение идей традиционной китайской медицины «Закон гармонии» и «Гармония в различиях» об управлении глобальной безопасностью, основанных на целостном и диалектическом подходе

The Enlightenment of Traditional Chinese Medicine's "Harmony Law" and "Harmony in Differences" Thoughts on Global Security Governance: Based on the Perspective of Holistic View and Dialectical Treatment

Хань Хэ,
Школа специального образования
Пекинского объединенного университета
Han He
School of Special Education,
Beijing Union University

Abstract. This article is based on the theory of "harmony and law" in traditional Chinese medicine, the holistic view, and the concept of dialectical treatment, combined with the traditional cultural idea of "harmony in diversity", to explore its implications for contemporary civilization dialogue and global security governance. Research has found that "harmony and law" reconcile contradictions through "treating the same disease differently and treating different diseases differently", which is highly consistent with the concept of "harmony in diversity" respecting differences and pursuing harmony. It provides a Chinese style solution of "seeking common ground while reserving differences and valuing harmony" to resolve cultural conflicts and respond to global challenges, and helps to build a community with a shared future for mankind.

Keywords: Traditional Chinese Medicine and Law; harmony but not sameness; Holistic view; Diagnosis and treatment based on syndrome differentiation; Global Security Governance

1. Introduction

Against the backdrop of deepening globalization, the interdependence among countries around the world continues to increase. However, global issues such as conflicts caused by cultural differences, ecological crises, and public health security are becoming increasingly prominent. The traditional global security governance model gradually exposes its limitations when facing complex and ever-changing challenges. As a treasure of excellent traditional Chinese culture, traditional Chinese medicine contains rich philosophical ideas and unique methodologies. Among them, the theory of "harmony and law" and its holistic view and dialectical treatment concept, combined with China's traditional cultural ideology of "harmony in diversity", provide a new perspective and idea for re examining and improving the global security governance system. Digging deeper into the value of traditional Chinese medicine wisdom and cultural ideas in global security governance not only helps to inherit and promote China's excellent traditional culture, but also contributes Chinese solutions to the security challenges facing the world today, and promotes the construction of a more fair, reasonable, and inclusive new pattern of global security governance. This study

refers to recent research on the modernization of traditional Chinese medicine theory and the development of global governance theory to explore the integration path of traditional culture and modern governance.

2. Theoretical connotations of "harmony in law" and "harmony in diversity" in traditional Chinese medicine

2.1 The core logic of "harmony and law" in traditional Chinese medicine

The theoretical origin of "harmony and law" in traditional Chinese medicine can be traced back to the classic work "Huangdi Neijing", which emphasizes the restoration of the balance and coordination of physiological functions of the human body through harmonization, rather than forcibly eliminating diseases through adversarial means (1). In clinical practice, "harmony and law" are mainly reflected in two principles: "treating the same disease differently" and "treating different diseases differently".

'Same disease, different treatment' refers to the need for doctors to develop different treatment plans for the same disease due to differences in individual physical condition, geographical environment, onset time, and stage of disease development. Taking the cold as an example, although wind cold cold and wind heat cold belong to the category of cold, their symptoms and treatment methods are different. Wind cold and cold are often treated with Xinwen Jiebiao formulas such as Ma Huang Tang, which aim to dispel loose particles and alleviate wind cold; And for wind heat cold, commonly used formulas such as Yinqiao Powder are used to clear heat and detoxify the exterior. This treatment method fully respects individual differences and reflects the meticulous understanding of diseases in traditional Chinese medicine.

'Same treatment for different diseases' refers to the use of the same treatment method for different diseases if their pathogenesis is the same. For example, diseases such as gastric prolapse, uterine prolapse, and prolapse of the anus may be caused by the sinking of qi in traditional Chinese medicine theory, so they can all be treated with Bu Zhong Yi Qi Tang (3). This principle embodies the dialectical thinking of traditional Chinese medicine in grasping the essence of disease mechanisms through the appearance of diseases.

2.2 Integrated View of Traditional Chinese Medicine and Dialectical Treatment

The holistic view of traditional Chinese medicine holds that the human body is an organic and unified whole, and the various components that make up the human body are inseparable in structure, coordinate and function with each other, and influence each other in pathology. At the same time, the human body is an inseparable whole with the natural and social environment (4). Changes in the natural environment, such as seasonal changes, climate change, and changes in the social environment, such as changes in lifestyle and mental stress, can all have significant impacts on human health. For example, in spring, the climate is warm and windy, and the liver qi in the human body is relatively strong; Summer is hot, and the body's yang energy floats outside. If one drinks cold and indulges in excessive consumption, it can easily damage the spleen and stomach's yang energy.

Dialectical treatment is the fundamental principle of traditional Chinese medicine in understanding and treating diseases. Syndrome differentiation "refers to the collection of symptoms, signs, and other information of patients by doctors through four diagnostic methods: observation, hearing, questioning, and palpation. Through analysis and synthesis, the etiology, nature, location, and the relationship between pathogenic and pathogenic factors of diseases are identified, and then summarized and judged as a certain type of" syndrome ". On the basis of syndrome differentiation, "treatment" determines the corresponding treatment method (5). Syndrome differentiation is the premise and basis of treatment, while treatment is the means and methods of treating diseases. The two complement each other and are indispensable.

2.3 Cultural connotation of "harmony in diversity"

The phrase 'harmony but not uniformity' comes from the Analects of Confucius, and the original text is' gentlemen harmonize but not uniformity, petty people harmonize but not uniformity '. This idea advocates that in interpersonal communication and social life, people should respect each other's differences, seek harmonious coexistence while maintaining their own personalities and perspectives, and avoid blindly pursuing consensus (6). In the cultural field, "harmony in diversity" means that every culture has unique value and significance, and different cultures should respect, learn from, and draw on each other to jointly promote the prosperity and development of human civilization. In history, the trade exchanges along the ancient Silk Road promoted the exchange and integration of cultures from different regions such as China, India, and Arabia. Each culture absorbed the essence of other cultures while maintaining its own characteristics, which is a vivid embodiment of the "harmony in diversity" ideology.

3. Implications for Global Security Governance

3.1 Resolving Civilization Conflicts

Applying the thinking of "treating the same disease differently, treating different diseases differently" and the concept of "harmony in diversity" in traditional Chinese medicine to cultural dialogue can provide new and effective ways to resolve cultural conflicts (8) and (9).

From the perspective of "treating the same disease differently", although the civilization conflicts faced by different regions or countries may appear similar on the surface, due to differences in historical and cultural backgrounds, social development stages, and other factors behind them, the methods of solving the problems should also be tailored to local conditions and vary from person to person (10). For example, when dealing with conflicts caused by differences in religious beliefs, countries with deep religious traditions should fully respect their religious culture and belief habits, and enhance understanding and trust among believers of different religions through religious dialogue, cultural exchanges, and other means; For countries with relatively weak religious influence, efforts can be made to guide the public to establish inclusive and equal values through education, law, and other aspects.

The concept of 'treating different diseases with the same approach' reminds us that although conflicts between different civilizations manifest in various forms, there may be common roots, such as economic interests competition, uneven resource allocation, misunderstandings and biases (11). Similar solutions can be adopted to address these common issues. For example, by establishing a fair and reasonable international economic order, we can reduce the cultural contradictions caused by economic disparities; Strengthen international cultural exchange and cooperation, break cultural barriers, eliminate misunderstandings and biases.

The idea of "harmony in diversity" requires us to firmly reject the theory of civilization superiority in the dialogue of civilizations, treat each civilization with an equal and inclusive attitude, and respect its uniqueness and value (12). Only in this way can we achieve harmonious coexistence between civilizations and effectively avoid global security crises caused by civilizational conflicts.

3.2 Responding to Global Challenges

In the face of global challenges such as ecological environment crisis and public health security, the holistic view of traditional Chinese medicine and the concept of "harmony and law" can provide important references for formulating scientific and reasonable response strategies (13), (14).

The holistic view of traditional Chinese medicine emphasizes the unity between the human body and the natural environment, which is highly consistent with the concept of harmonious coexistence between humans and nature advocated by global ecological environment protection today. The global ecosystem is an organic whole, and ecological destruction in any region may have a chain reaction on the global ecological balance. For example, large-scale deforestation of tropical rainforests not only leads to a sharp decline in local biodiversity, but also has a negative impact on the global climate (15). Therefore, in dealing with the ecological environment crisis, it is necessary to take a global perspective, strengthen international cooperation, jointly formulate and implement ecological protection policies, and achieve the balance and sustainable development of ecosystems.

The harmonious thinking of "harmony and law" can be applied to the field of public health and safety. Faced with the global epidemic of infectious diseases, countries cannot fight on their own, but should uphold the concept of "harmony", strengthen information sharing, technological cooperation, and resource allocation (16). In the process of prevention and control of COVID-19 epidemic, China actively shares anti epidemic experience with countries around the world, provides medical material assistance, and works with countries to develop vaccines. This is the vivid practice of the idea of "harmony and law" in global public health security governance. Through this collaborative approach, we can effectively address public health security challenges and safeguard the lives and health of people worldwide.

3.3 Promoting International Cooperation

The concept of "harmony and law" in traditional Chinese medicine emphasizes achieving balance by harmonizing various relationships, which provides new impetus

for promoting international cooperation (17). In international affairs, there are various differences and interests among countries in terms of politics, economy, culture, and other aspects. Just as the various organs of the human body need to coordinate and cooperate, countries also need to reconcile differences and seek common interests through dialogue and consultation on the basis of mutual respect, equality, and mutual benefit.

The idea of "harmony in diversity" can inspire countries to leverage their own advantages in cooperation and achieve complementary win-win outcomes. Different countries have different resource endowments, technological expertise, and development models. In international cooperation, countries can retain their own characteristics while actively learning from the advanced experience and technology of other countries. For example, in the "the Belt and Road" initiative, countries along the Belt and Road gave full play to their own regional and industrial advantages, and carried out cooperation in infrastructure construction, trade and investment and other fields, which not only promoted their own development, but also promoted the prosperity of the regional economy, and realized the cooperation situation of "harmony but difference, the United States and the common" (20).

4. Summary

The concepts of "harmony in law" and "harmony in diversity" in traditional Chinese medicine contain profound wisdom. Based on the holistic view of traditional Chinese medicine and the perspective of syndrome differentiation and treatment, applying them to contemporary global security governance has important theoretical value and practical significance. The thinking of "harmony in law" to reconcile contradictions and govern dialectically, and the concept of "harmony in diversity" to respect differences and pursue harmony, provide a Chinese style solution of "seeking common ground while reserving differences and valuing harmony" for resolving cultural conflicts, addressing global challenges, and promoting international cooperation. In today's complex and ever-changing international situation, fully tapping into and utilizing the wisdom of traditional Chinese medicine and traditional cultural ideas can help promote the construction of a more fair, reasonable, and inclusive global security governance system, promote world peace and development, and help build a community with a shared future for mankind. In the future, it is necessary to further strengthen research on the relationship between traditional Chinese medicine culture and global security governance, better integrate the wisdom of traditional Chinese medicine into global governance practices, and contribute more Chinese wisdom and solutions to solving global problems.

REFERENCES

[1] Deng Tietao. Basic Theory of Traditional Chinese Medicine [M]. Shanghai Science and Technology Press, 1998

[2] Wang Qi. Traditional Chinese Medicine Constitution [M]. People's Health Publishing House, 2014

[3] Zhang Boli. Research on the Development Strategy of Modernization of Traditional Chinese Medicine [J]. Chinese Engineering Science, 2019, 21 (3): 1-8

[4] Li Ruhui. The Genetic Study of Basic Theory of Traditional Chinese Medicine [M]. People's Health Publishing House, 2003

[5] Zhou Zhongying. Traditional Chinese Medicine Internal Medicine [M]. China Traditional Chinese Medicine Press, 2008

[6] Anle Zhe. Harmony in Diversity: The Convergence of Chinese and Western Philosophy [M]. Peking University Press, 2015

[7] Yu Taishan. The History of the Silk Road [M]. Social Sciences Literature Press, 2002

[8] Huntington. The Conflict of Civilizations and the Reconstruction of World Order [M]. Xinhua Publishing House, 1996

[9] Fei Xiaotong. The pattern of diversity and unity of the Chinese nation [M]. Central University for Nationalities Press, 1997

[10] Taylor. The Root of Self: The Formation of Modern Identity [M]. Yilin Publishing House, 2002

[11] Ah Ming. Unequal Development [M]. The Commercial Press, 1990

[12] Du Weiming. Dialogue of Civilizations [M]. Hunan Education Press, 2001

[13] O'Connor. Natural Reason: Research on Ecological Marxism [M]. Nanjing University Press, 1997

[14] Meadows. The Limit of Growth [M]. Machinery Industry Press, 2004

[15] Lovelock. Gaia: A New Perspective on Life on Earth [M]. Shanghai People's Publishing House, 2000

[16]WHO.COVID-19StrategicPreparednessandResponsePlan[R].2020.

[17] Keohan. After Hegemony: Cooperation and Conflict in World Politics and Economy [M]. Shanghai People's Publishing House, 1984

[18] Winter. Social Theory of International Politics [M]. Shanghai People's Publishing House, 1999

[19] Wang Jisi Belt and Road Initiative: Opportunities and Challenges [J]. International Economic Review, 2015 (3): 14-25

Corresponding author: Han He, a student of acupuncture and moxibustion and Massage in the Department of Medicine, School of Special Education, Beijing Union University, E-mail:994490744@qq.com

Цифровая трансформация моделей корпоративного обучения

С. С. Хромов
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье исследуются процессы цифровой трансформации моделей корпоративного обучения как ключевого фактора повышения его эффективности в современных условиях; анализируются вызовы внедрения цифровых технологий и опыт ответа на них корпоративных университетов и учебных центров ОАО «Российские железные дороги». «Такском», «Ю-ТИ-ЖДИ ЮНИВЕРСИТИ».

Ключевые слова: цифровизация, трансформация, корпоративное обучение, модель, корпоративный университет, учебный центр.

В современном обществе ключевую роль играет цифровая трансформация, обеспечивая системное совершенствование процессов, инновационное развитие и комплексный прогресс. Многие ошибочно воспринимают это явление как фрагментарное внедрение диджитал решений, т.е. инструментов и сервисов на основе цифровых технологий, направленные на оптимизацию процессов, повышение эффективности и решение конкретных задач в различных сферах.

Однако важно подчеркнуть стратегическую природу процесса цифровой трансформации, который. В. Б. Мироненков предлагает рассматривать как «непрерывный, стратегический процесс комплексного изменения бизнес-процессов, бизнес-моделей организации в результате внедрения цифровых технологий и инструментов во все сферы деятельности организации, приводящих к значительному комплексному эффекту (Мироненков, 2023: 59).

Внедрение диджитал инноваций способствует фундаментальному преобразованию экономической деятельности. Это явление, приводящее к существенным эффектам социально-экономического характера, влечет за собой глубокое переосмысление бизнес-моделей. Цифровая трансформация представляет собой не просто модификацию, а коренное изменение методов ведения бизнеса и организационных процессов благодаря интеграции современных цифровых решений.

По определению Caliskan A., Ozkan-Özen Y. D., Ozturkoglu Y. Цифровая трансформация – это тип изменений, основанных на инновациях, которые затрагивают широкий круг отраслей, от наиболее передовых с точки зрения внедрения ИКТ до более консервативного реального сектора, включая самые технологически инертные отрасли промышленности (Caliskan, Ozkan-Özen, Ozturkoglu, 2021: 1268).

Согласно исследованиям Samper M. G., Sukier H. B., Palencia D. B. и др. цифровая трансформация базируется на интеграции технологических инноваций. Данный подход демонстрирует взаимодополняющее сочетание традиционных методов (например, ERP-систем) с инновационными решениями – искусственным интеллектом (ИИ), облачными технологиями и аналитикой больших данных. Однако в представленной концепции недостаточно раскрыто содержание бизнес-улучшений и присутствует технологический

детерминизм, ограничивающий понимание трансформации узким спектром цифровых инструментов. Такая интерпретация, хотя и подчеркивает важность технологической модернизации как фундамента преобразований, не охватывает всю многогранность процесса диджитал эволюции (Samper, 2022: 566).

Обучение сотрудников компании, как отмечает Захаров Д. К. и Каштанова Е. В., претерпевает фундаментальные изменения, становясь всё более конкретным, динамичным и поддающимся количественной оценке. Цифровая революция затронула практически все сферы нашего существования, и корпоративное обучение здесь не стало исключением. (Каштанова, Захаров, 2021: 37–38). ИИ и дополненная реальность, хотя ещё не являются массовым инструментов, демонстрируют потенциал фундаментальной трансформации парадигмы корпоративного обучения. Применение ИКТ в данной сфере выходит за пределы традиционной цифровой доставки контента, формируя новые образовательные парадигмы на основе персонализации обучающих процессов.

По мнению Якушева А. А. в быстро меняющемся мире необходимо пересмотреть традиционные подходы к обучению. Регулирование образовательного процесса должно строиться на коммуникации всех участников, отказываясь от устаревших централизованных директив. Непрерывное персонализированное обучение с гибкой структурой становится ключевым ответом на вызовы нынешнего столетия. Чтобы сформировать компетенции, востребованные в будущем, образовательная система должна трансформироваться в сетевые цифровые платформы с разнообразными возможностями. Такая революционная организация учебного процесса поможет удовлетворить потребности эволюционирующего общества и адаптивной экономики в условиях технологических, социальных и экологических изменений XXI века (Якушев, 2020: 225–226).

Российский рынок корпоративного обучения претерпевает значительные трансформации. В современном корпоративном обучении выделяются следующие ключевые тенденции: рост доли онлайн-формата и распространение микрообучения, предполагающего освоение узких тематических блоков в концентрированной форме. Важнейшей задачей становится персонализация образовательных решений, обеспечивающая профессиональное развитие сотрудников без существенного отрыва от производственных процессов. Эффективное обучение должно сочетать теоретическую подготовку с формированием практических компетенций, применимых в рабочих условиях. Среди инновационных подходов особую роль играют игровые механики, повышающие вовлечённость участников, а также наставничество и менторство — методы, демонстрирующие высокую результативность: так, 71% компаний из списка Fortune 500 внедрили программы менторства, а в Европе 76% работодателей предлагают сотрудникам менторинг или коучинг (Таганов, 2020).

В современных условиях цифровизации экономики особую актуальность приобретает экосистемный подход к организации корпоративного обучения персонала. Согласно исследованию В.В. Верны и А.В. Сороки, образовательная

экосистема представляет собой новую образовательную среду, обеспечивающую взаимодействие субъектов и объектов обучения посредством комплекса инновационных образовательных технологий, направленных на непрерывное развитие человеческого потенциала и формирование необходимых компетенций у обучающихся. Авторы подчеркивают, что современные технологии формирования образовательных экосистем позволяют объединить различные форматы обучения (онлайн-платформы, микрообучение, геймификацию) в единую систему, обеспечивающую максимальную эффективность образовательного процесса при минимальных затратах временных и финансовых ресурсов организации. (Верна, Сорока, 2022: 248–249).

При разработке стратегии формирования цифровых компетенций необходимо прояснить несколько ключевых аспектов. Какие практические и академические задачи планируется решить посредством обучения? Кто составляет целевую группу обучающихся? Эти фундаментальные вопросы определяют архитектуру образовательной модели в современном контексте цифровизации моделей обучения в корпоративных университетах и учебных центрах, которые представляют собой широко распространённый тип образовательного подразделения внутри компании, которое занимается обучением и развитием сотрудников, а также созданием, накоплением и распространением передовых знаний внутри организации.

В современной практике сформировались многообразные модели обучения сотрудников организаций, в том числе в корпоративном университете. Исследование, проведённое В. З. Юсуповым, позволило «в качестве наиболее общих выделить 8 типов моделей», в числе которых типологические модели образовательной системы, образовательного процесса, образовательной среды и др. (Юсупов, 2024: 188). В. З. Юсупов, А. В. Евстратов, С. С. Хромов дают следующее определение: «модель профессионального корпоративного обучения – это такая мысленно представляемая или реализованная система, которая отображает или воспроизводит его как вид обучения, организованного в учебных структурах организаций, предприятий, фирм, корпораций в целях повышения эффективности их работы и профессионального развития каждого сотрудника» (Юсупов, Евстратов, Хромов, 2025: 77).

Цифровая трансформация моделей корпоративного обучения – это внедрение современных технологий в обучение сотрудников с целью сделать его доступным, персонализированным и эффективным, что предполагает использование онлайн-платформ, виртуальной реальности (VR), искусственного интеллекта (ИИ) и других инструментов.

Результаты проведённого исследования и анализ собственного опыта работу даёт основание для вывода о том, что цифровая трансформация моделей корпоративного обучения – комплексный процесс интеграции ИКТ и инновационных методик в структуры и процессы обучения внутри организаций. Это предполагает использование онлайн-платформ, адаптивных обучающих систем, искусственного интеллекта и других технологий для повышения эффективности, персонализации и доступности образовательного контента, а

также для оптимизации процесса обучения сотрудников с целью достижения стратегических бизнес-целей.

Исследование Ширинкиной Е. В. демонстрирует комплексный подход к формированию цифровых компетенций персонала в процессе корпоративного обучения, включающий как базовую цифровую грамотность, так и специализированные профессиональные навыки. Автор применяет гибкую методологию, комбинируя различные форматы обучения: от традиционных очных занятий до дистанционных и смешанных форм. Особое внимание уделяется развитию надпрофессиональных компетенций и вовлечению обучающихся через персонализацию, адаптивный подход и игровые элементы. Образовательный процесс реализуется с использованием современных технических средств: виртуальной реальности, видеоматериалов и электронных курсов, а в качестве основных инструментов выступают симуляции, проекты и тренинги (Ширинкина, 2020: 70).

В своих исследованиях Кашпурова О. В. и Верянская А. Э. обозначили ключевые препятствия на пути цифровой трансформации моделей образовательного процесса в корпоративном обучении: дефицит квалифицированных специалистов, способных эффективно организовать процесс цифрового обучения; ограниченный доступ организаций к современным технологическим решениям; несоответствие традиционных учебных программ требованиям цифровой эпохи; необходимость дополнительного обучения педагогических кадров работе с новыми инструментами; а также проблема обеспечения равного доступа к цифровым образовательным ресурсам для всех категорий обучающихся (Верянская, Кашпурова, 2023: 43). Данные факторы формируют комплексный вызов для организаций, стремящихся к успешной цифровой трансформации своих образовательных программ.

Современные корпоративные университеты и учебные центры активно осуществляют цифровую трансформацию своих моделей корпоративного обучения. Показательным примером служит Корпоративный университет РЖД, где реализована комплексная система дистанционного обучения на базе платформы e-learning. Инновационная образовательная среда характеризуется демократизацией процесса создания учебного контента и возможностью руководителей разрабатывать собственные электронные курсы.

Особое внимание уделяется развитию управленческих компетенций и формированию кадрового резерва. Программа «Тренинг Спэйс» представляет собой современную образовательную платформу с интуитивно понятным интерфейсом, обеспечивающую эффективное развитие персонала через структурированный подход и аналитические инструменты. Платформа позволяет формировать рабочие группы и виртуальные команды, что способствует развитию компетенций в области цифровых решений и клиентоориентированных продуктов. (Верянская, Кашпурова, 2023: 43–44).

В авиационном учебном центре «Ю-ТИ-ЖДИ ЮНИВЕРСИТИ» значительно повысили эффективность корпоративного обучения благодаря внедрению современной системы дистанционного обучения. Используя онлайн-

платформы позволило сотрудникам получать знания в удобное время и в любом месте, сократив временные и финансовые затраты на организацию очных тренингов. Гибкие форматы обучения, поддерживаемые технологиями анализа данных, позволили адаптировать контент под потребности различных групп сотрудников, что повысило эффективность усвоения материала. В результате компания не только укрепила профессиональные компетенции сотрудников, но и достигла заметного роста производительности, подтверждая важность цифровой трансформации в корпоративном обучении.

Внедрение электронных курсов в компании ООО «Такском» позволило значительно оптимизировать процесс обучения сотрудников. Курсы включают видеоматериалы с озвучкой и текстовые модули, что дает возможность изучать контент в удобное время без отрыва от работы. Благодаря такому формату компания сократила затраты на организацию очных тренингов и расширение учебного отдела, а сотрудники получили гибкий доступ к знаниям, повышая свою квалификацию в комфортном темпе.

Таким образом, цифровизация моделей корпоративного обучения не просто оптимизирует их, а создаёт принципиально новую образовательную парадигму, где гибкость, персонализация и доступность становятся фундаментом для непрерывного развития человеческого капитала организации.

Комплексный подход к цифровой трансформации моделей корпоративного обучения помогает снизить риски при вложении средств и повысить эффективность использования цифровых образовательных платформ, становясь движущей силой развития компании в условиях постоянно меняющегося рынка.

Основные преимущества цифровой трансформации моделей корпоративного обучения заключаются в следующем:

1. Внедрение передовых методик цифрового обучения, что помогает развивать у сотрудников критически важные навыки в работе.
2. Предоставление сотрудникам более качественного и доступного обучения, которое приводит к их лучшей подготовленности и повышенной мотивации, непосредственно влияющих на производительность компании.
3. Обеспечение инновационных подходов к обучению, соответствующих современной цифровой эпохе.
4. Снижение затрат на организацию традиционного обучения, увеличивая его охват и эффективности корпоративного обучениы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Верна В. В., Сорока А.В. (2022) Развитие цифровых технологий в корпоративном обучении персонала: перспективы использования образовательных экосистем / Век качества. № 1. С. 238–252.

Верянская А. Э., Кашпурова О. В. (2023) Цифровая трансформация корпоративной системы обучения / Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 11–2(86). С. 42–47.

Каштанова Е. В., Захаров Д. К. (2021) Цифровая трансформация корпоративной системы обучения / Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. Т. 10, № 1. С. 37–43.

Мироненков В. Б. (2023) Исследование подходов к цифровой трансформации в условиях быстроизменяющейся внешней среды / Концепции устойчивого развития науки в современных условиях: сборник статей Международной научно–практической конференции. С. 56–64.

Таганов А. И. (2025) ИИ, чат-боты и digital adoption: как изменилось корпоративное обучение [Электронный ресурс]/ / Интернет-портал Хайтек. – Режим доступа: https://hightech.fm/s/2020/11/12/aicorporate-education (дата обращения: 18.07.2025).

Ширинкина Е. В. (2020) Изменения образовательных технологий корпоративного обучения в цифровой экономике / Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. Т. 30, № 1. С. 67–71.

Юсупов В. З. (2024) Формирование типологии моделей в педагогике // Знание. Понимание. Умение. № 3, С. 187–202.

Юсупов В.З., Евстратов А.В., Хромов С.С. (2025) Типологические модели профессионального корпоративного обучения / Ярославский педагогический вестник. № 2 (143). С. 74–90.

Якушев А.А. (2020) Инновационные подходы к обучению персонала [Электронный ресурс] / Управление персоналом организации в условиях цифровизации: монография. С. 229–259.

Caliskan A., Ozkan-Özen Y.D., Ozturkoglu Y. (2021) Digital Transformation of Traditional Marketing Business Model in New Industry Era / Journal of Enterprise Information Management. Vol. 3. No. 4. P. 1252–1273.

Samper M.G., Sukier H.B., Palencia D.B., Ramirez Molina R.I., Alfaro K.B., Sánchez Y.S., Sarmiento A.C.F. (2022) Digital transformation of business models: influence of operation and trade variables / Procedia Computer Science. Vol. 203. P. 565–569.

Хромов Сергей Сергеевич, аспирант Московского гуманитарного университета. Научный руководитель – *Юсупов Виталий Зуфарович*, доктор педагогических наук, профессор. Адрес: 111395 Россия г. Москва, ул. Юности, д.5. Тел.: +7 (926) 204-48-24. Эл. адрес: hroser1995@gmail.comю

Анализ финансовой ценности в соответствии с целями углеродного учета

Analysis of Financial Value under the Objectives of Carbon Accounting

Цзинменг Ли
Шаньдунский профессиональный университет иностранных дел
Jinmeng Li
Shandong Vocational University of Foreign Affairs

Abstract. This paper analyzes how carbon accounting transforms financial value and corporate strategy in the context of global carbon neutrality goals. It discusses how carbon accounting shifts corporate development from traditional models to integrated environment-economy frameworks, reshaping financial valuation by treating carbon allowances as balance-sheet assets and driving green premiums. The role of data governance and technologies such as blockchain and AI in enabling credible carbon accounting is also highlighted. Ultimately, carbon accounting is shown to be a strategic tool that aligns environmental accountability with long-term value creation.

Keywords: Carbon accounting; financial value; sustainability; carbon neutrality; corporate strategy; green finance

Since the 18th century, the Industrial Revolution has spurred the vigorous development of heavy industries, yet the rise of these sectors precipitated a rapid deterioration of ecological environments. Particularly in the post-World War II era, nations worldwide prioritized economic recovery through aggressive expansion of coal, steel, and related industries, resulting in resource depletion, severe climate degradation, and catastrophic environmental pollution. The 1952 London Smog Incident, which claimed approximately 4,000 lives, served as a grim wake-up call that galvanized global awareness of air quality governance. Research by international experts on sustainable development has identified carbon dioxide as a critical driver of environmental pollution and climate change. Post-2000, the European Union pioneered the concept of a "low-carbon economy," formally establishing "carbon neutrality" as a strategic objective. In 2015, the Paris Agreement institutionalized regulatory frameworks mandating corporate reductions in carbon emissions.

Amidst global policy-driven initiatives to address the climate crisis, carbon accounting has emerged as a pivotal mechanism for enterprises to achieve low-carbon transitions. Under the mandates of the Paris Agreement, EU member states are required to institutionalize environmental externalities through compulsory carbon accounting and carbon pricing mechanisms, compelling corporations to quantify emissions and mitigate compliance risks. As both a "chronologist" documenting economic activities and a "forward-looking strategist" shaping corporate futures, accounting—alongside accounting data as fundamental management and decision-making instruments—plays an irreplaceable role in advancing ecological civilization governance frameworks (Jun

Wang, Wenjing Xu & Xiaoqing Wang, 2025). By enabling data-driven decision-making and technology-empowered management, accounting serves as an indispensable enabler throughout corporate development trajectories.

1. Corporate Development Trajectories Under Carbon Accounting Objectives

Under the development paradigm oriented toward environmental protection and sustainable development, major global enterprises have begun instituting core requirements for "carbon accounting." Driven by this objective, corporate strategies are progressively shifting from traditional "externality" frameworks to "environment-economy" dual development. The essence of carbon accounting lies in transforming carbon emissions—an environmental factor—into a central component of corporate economic decision-making through financialization and standardization mechanisms, thereby restructuring cost-benefit analyses for market entities. According to the Coase Theorem, clearly defining property rights over emission entitlements enables market transactions to achieve optimal resource allocation. Carbon accounting harmonizes environmental market trends with institutional frameworks, positioning itself as a bridge for communicating market value.

Under traditional financial accounting systems, the opacity of carbon emission data has hindered investors' ability to accurately assess corporate environmental risks, exacerbating "lemon market" effects. With the advancement of dual-carbon goals, green finance policy frameworks have matured, incentivizing banks and financial institutions to expand green credit and investments. To meet investor demands for enhanced environmental impact transparency, financial institutions must adopt stringent standards to ensure comprehensive, comparable, and reliable disclosure practices (Wanqi Wang, 2025). This transparency mechanism fundamentally reshapes corporate valuation paradigms, driving the evolution of financial analysis from singular financial metrics to integrated "financial-climate" metrics.

Since the formalization of carbon neutrality objectives, institutional frameworks have achieved relative completeness, positioning carbon accounting as an evolutionary manifestation of sustainability's "legitimacy logic" in capital markets. This paradigm has assumed dominance in corporate development strategies globally, elevating industry-wide carbon governance capabilities. However, unlike traditional industrial competencies, carbon accounting capabilities exhibit dependency, scarcity, and inimitability—attributes contingent on long-term emissions data accumulation, cross-departmental management systems, and partnerships with external certification bodies. Concurrently, "carbon productivity" emerges as a novel competitive advantage, catalyzing the evolution of economic "comparative advantage" theory into "carbon advantage" theory under environmental constraints.

2. Financial Development Trajectories Under Carbon Accounting Objectives

Under the institutional constraints of global carbon neutrality objectives, carbon accounting reconstitutes traditional valuation methodologies and resource allocation logics by internalizing carbon emission externalities as critical financial decision variables. Distinct from conventional financial metrics, it emerges as a transformative element in corporate financial architectures. Grounded in Coase Theorem-based property rights delineation, carbon emissions are assigned asset value within carbon accounting systems, compelling enterprises to leverage balance sheets as evaluative instruments for climate impact. For instance, in energy sector development, carbon allowance assets now account for a rising proportion of total assets in energy enterprises due to carbon accounting imperatives. The resultant fair value fluctuations directly impact enterprise equity valuations, mandating managerial integration of carbon costs into capital budgeting decisions—a testament to carbon accounting's profound influence on capital allocation dynamics.

The evolution of carbon accounting has catalyzed corporate financial valuation paradigms toward pursuing "green premiums" fundamentally altering strategic orientations. Illustratively, Tesla's 2022 revenue from zero-emission vehicle sales reached $1.79 billion, constituting 35% of net profit, with market return rates far exceeding those of conventional vehicles. This performance benchmark exemplifies the operationalization of green premium strategies, establishing new directional vectors for corporate development. Such market-driven outcomes validate carbon accounting's capacity to bridge environmental accountability with value creation mechanisms, while redefining competitive advantage parameters in decarbonizing economies.

3. Data Governance and Technological Enablement Under Carbon Accounting Objectives

The strategic deployment of big data has become a critical enabler for corporate advancement, and its integration will be indispensable to future developments in carbon accounting, necessitating synergistic upgrades in both data infrastructure and industrial technologies. Blockchain technology, through its decentralized ledger architecture and smart contract protocols, provides immutable provenance for carbon emission datasets, while IoT sensor networks enable real-time precision monitoring, transforming previously ambiguous emission profiles into quantifiable data streams. Concurrently, AI-driven analytics and big data processing capabilities are revolutionizing carbon accounting implementation through advanced pattern recognition and predictive modeling. However, the operational efficacy of these technological interventions remains contingent upon standardized foundational data governance frameworks. Future priorities should focus on developing institutional-digital hybrid governance models that externally leverage industry consortium chains to achieve supply chain carbon data interoperability—mitigating historical data silo effects—while internally consolidating technological and regulatory resources to enhance organizational competitiveness. This dual approach ensures that carbon

accounting evolves beyond mere compliance instrumentation into a core strategic asset, where algorithmic transparency, cross-system data fluidity, and governance robustness collectively drive the internalization of environmental externalities into enterprise value creation mechanisms.

Sustainability holds pivotal significance for human survival, the stability of economic systems, and socio equity, with corporations bearing a non-delegable responsibility in its pursuit. The critical challenge lies in aligning profit maximization with ecological imperatives through strategic operational redesign. Carbon accounting has emerged as a universal strategic priority, institutionalizing environmental costs into financial architectures via quantified emission metrics and standardized disclosure protocols. Under 21st-century business ecosystems, sustainability transcends ethical compliance, it constitutes an irrevocable social contract while serving as a strategic lever for forging long-term value moats. Enterprises excelling in carbon competency demonstrate superior resilience: they mitigate transition risks, capture green innovation premiums, and reconfigure supply chains through circularity-driven efficiency gains. This paradigm shift redefines competitive advantage as the capacity to convert planetary boundaries into innovation frontiers, where ecological accountability converges with value creation through carbon-embedded capital allocation frameworks.

REFERENCES

Jun, W., Wenjing X. and Xiaoqing, W., (2025) Stakeholder-Engaged Curriculum Design for Carbon Accounting Professionals: Aligning Dual Carbon Policy with Industry Competency Frameworks. *Business Accounting*. 123-127.

Wanqi, W., (2025) Challenges and Strategic Responses for the Accounting Profession under China's Dual Carbon Objectives. *Agricultural Accounting in China*. (APA: DOI:10.13575/j.cnki.319.2025.07.015).

Исследование системы судебных разбирательств в интересах общественности по вопросам защиты культурного наследия в Китае

Research on Public Interest Litigation System for Cultural Heritage Protection in China

Цзя Вэйхао
Пекинский объединенный университет
Jia Weihao
Beijing Union University

Abstract : As public awareness of cultural heritage protection increases, public interest litigation is gradually becoming an important legal safeguard mechanism for the protection of cultural heritage.This article analyses typical cases of public interest litigation for cultural heritage protection in China, discusses the effectiveness and challenges of judicial practice, and examines the active participation of social organisations and the public in cultural heritage protection, pointing out their key roles in promoting litigation and monitoring the behaviour of governments and enterprises.It aims to further enhance legal protection and social participation in the protection of cultural heritage.

Keywords: cultural heritage protection; public interest litigation; social organisations

I.Path Choice of Public Interest Litigation for Cultural Heritage Protection

Within the theoretical framework of the community of human destiny, the protection of cultural heritage is not only about the honour and heritage of peoples and regions, but also reflects respect for and the preservation of the common memory and wisdom of all humankind. Its social public welfare is rooted in the shared values of enhancing cultural identity and promoting civilisational exchanges and mutual understanding, aiming to build a harmonious symbiosis and sustainable development of the world's cultural pattern through the protection of diverse cultural expressions. According to UNESCO's definition, tangible cultural heritage refers to tangible cultural heritage, such as monuments, architectural complexes, sites, etc., while intangible cultural heritage refers to a variety of traditional cultural expressions that exist in intangible form.The precautionary principle of public interest litigation emphasises taking action before damage occurs in order to avoid irreparable damage to the public interest. This principle is particularly important in the field of cultural heritage protection. Cultural heritage, including tangible and intangible cultural heritage, is non-renewable and irreplaceable, and once damaged, it is often difficult to restore. It is therefore more important to prevent damage from occurring than to remedy it afterwards. Through public interest litigation, the procuratorial authorities and relevant organisations can file lawsuits when cultural heritage is at risk of damage, and require the administrative authorities or responsible subjects to take measures to prevent the occurrence of damage, thus achieving all-round protection of cultural heritage.

II. Current Situation and Problems of Public Interest Litigation in Cultural Heritage Protection

(i) Scale and trend of judicial practice in public interest litigation for the protection of cultural heritage

In order to deeply analyse the judicial status quo of public interest litigation for cultural heritage protection, we have systematically collected and collated a series of public cases of public interest litigation for cultural heritage protection that have been made public at present'. According to the official statistics from the China Judicial Instruments Network, the total number of public public interest litigation cases in the field of cultural heritage protection is 69, of which 16 have been listed as annual typical cases by China's Supreme People's Procuratorate, 'The release of a high proportion of typical cases also reflects the importance that the judiciary attaches to this type of litigation.

Cultural heritage protection public interest litigation cases have shown a relatively decentralised trend in terms of geographical distribution. Among them, Hubei Province and Henan Province have relatively more cases. Both provinces are rich in history and culture, and are home to a wealth of cultural heritage resources. As a result, they bear more difficult challenges and responsibilities in the protection of cultural heritage. This suggests that the filing of public interest litigation may be triggered in the event that cultural heritage protection measures are ineffective or unlawfully infringed upon, thus placing greater judicial and social pressure on the protection of cultural heritage in various regions.

(ii) Problems in the judicial practice of public interest litigation for the protection of cultural heritage

Environmental public interest litigation and cultural relics public interest litigation plaintiffs are not exactly the same. In accordance with the provisions of the Civil Procedure Law, relevant laws and judicial interpretations, the main bodies of environmental public interest litigation include: civil public interest litigation for environmental pollution and ecological damage by environmental protection organisations and procuratorial organs; litigation for compensation for damage to the ecological environment by administrative organs at the provincial and prefectural levels and their designated departments, and departments entrusted by the State Council to exercise the right of ownership of natural resource assets owned by the entire population; and litigation for compensation for damage to the ecological environment by departments exercising the right to supervise and manage the marine environment, and by procuratorial organs. Based on the similarity of the attributes of the public interest rights and interests, the plaintiffs of the public interest litigation of cultural relics should also be stipulated as 'organs and relevant organisations stipulated by the law', including the qualified cultural relics protection organisations (filing civil public interest litigation), procuratorate (filing civil and administrative public interest litigation), the government on behalf of the property right owner of the cultural relics resources, as well as relevant cultural relics authorities (filing civil public interest litigation). Authorities (civil public interest litigation). Based on the typical public interest attributes of cultural relics resources, there is no problem with the legal logic of prosecutorial public interest litigation; prosecutorial public interest litigation plays an important institutional function in safeguarding social public interest, supervising the government's law enforcement, and promoting the modernisation of the national governance system and governance capacity.

III. Suggestions for Improving the Public Interest Litigation System for Cultural Heritage Protection

(i) Expanding the scope of plaintiffs' standing and enhancing public participation

In the current public interest litigation system, the qualifications of plaintiffs are mainly limited to procuratorial organs, specific social organisations and other organs and organisations authorised by law. In order to better utilise the role of the public in the protection of cultural heritage, it is proposed to further expand the scope of the plaintiff's qualification and allow individual citizens to initiate public interest litigation under specific conditions. Specifically, it can be stipulated that, in cases where cultural heritage has suffered damage or is at risk of damage, individual citizens may file a public interest litigation with the People's Court if they can provide sufficient evidence to prove that their legitimate rights and interests have been infringed upon or there is an imminent danger of infringement, and that the result or risk of damage is directly related to the protection of the specific cultural heritage. In addition, non-governmental organisations, community groups and other social forces should be encouraged and supported to participate in the protection of cultural heritage, and public participation should be enhanced through the provision of legal aid and technical support, in order to create a favourable atmosphere for society as a whole to work together to protect cultural heritage.

(ii) Clarifying the subject of responsibility and strengthening the assumption of legal responsibility

The protection of cultural heritage involves a number of responsible parties, including, but not limited to, government administrations, communities where cultural heritage is located, enterprises and individuals. In order to ensure the effective protection of cultural heritage, it is necessary to clarify the responsibilities and obligations of all parties and to strengthen the assumption of legal responsibility. It is suggested that the relevant laws and regulations clearly stipulate that: the governmental administration has the responsibility of supervision and should establish a sound mechanism for the protection of cultural heritage, and investigate and deal with violations of laws and regulations in accordance with the law; the communities, enterprises and individuals where the cultural heritage is located should comply with the relevant laws and regulations, fulfil their obligations of protection, and bear the corresponding civil, administrative and even criminal liabilities if the cultural heritage is damaged due to their own behaviours. At the same time, a cultural heritage protection fund should be established to support the restoration, protection and rational use of cultural heritage, and the sources of the fund may include government appropriations, social donations and corporate sponsorships.

REFERENCES

1.Guo, X., & Zhao, J. C. (2024). Theoretical Composition and Institutional Structure of Civil Public Interest Litigation for Cultural Relics. Journal of Hebei University of Economics and Business (Comprehensive Edition), 3, 50–57.

2.Teng, H. Q., & Cai, S. Y. (2023). Research on the "Dual-Track" Mode of Administrative Public Interest Litigation for Cultural Heritage Protection. Forum on Rule of Law, 1, 231–252.

3.Yan, Y. H., & Tuo, X. J. (2021). On the Construction of Public Interest Litigation System for Intangible Cultural Heritage in China. Cultural Heritage, 4, 37‑48.

Симбиотическое развитие традиционных духовных и нравственных ценностей и мировой цивилизации 21 века

The Symbiotic Development of Traditional Spiritual and Moral Values and 21st-Century World Civilization

Цзясюань Хуан
Колледж туризма Пекинского объединенного университета
Jiaxuan Huang,
College of Tourism, Beijing Union University

Abstract. In the 21st century, where globalization and modernization are deeply intertwined, world civilization faces challenges such as value pluralism, ecological crises, and social polarization. Starting from the dialectical relationship of "human-society-nature," this paper explores the core role of traditional spiritual and moral values in contemporary civilizational development, analyzes their practical values in constructing cultural identity, reconstructing ecological ethics, and optimizing social governance, and proposes innovative inheritance paths through cross-civilizational cases to provide theoretical references for building an inclusive and sustainable world civilization. The study shows that the modern transformation of traditional values is a crucial cultural resource for resolving civilizational conflicts and promoting the construction of a Human Community with a Shared Future.

Keywords: traditional spirit; moral values; civilizational development; modern transformation; Human Community with a Shared Future

I. Core Connotations of Traditional Values in Civilizational Evolution and Their Universal Traits

(I) Traditional Value Consensus Across Diverse Civilizations

Across the globe, major civilizations have cultivated distinctive yet converging systems of values that emphasize the fundamental relationship between humanity, society, and the natural world. For example, Chinese civilization champions the ideal of “harmony between man and nature” and promotes the ethical principle of “benevolence towards others.” Indian civilization, through its philosophical traditions, explores the “unity of the individual and the absolute,” as captured in the concept of Brahman-Atman, emphasizing inner spiritual alignment with cosmic order. Similarly, Western civilization has contributed profoundly through its long-standing “natural law” tradition, which seeks to ground moral and social norms in universal principles of reason and order. In his seminal work, **A Study of History***, Arnold Toynbee (1986) argued that the endurance of civilizations depends critically on a shared reverence for natural laws and a deep concern for the common destiny of humankind. Illustrating this point, Confucianism articulates in the *Analects* that “the application of rites aims at harmony,” while ancient Greek philosophy, particularly in Aristotle’s “doctrine of the mean,” underscores the importance of balance and ethical self-discipline in achieving social concord. These overlapping ideals, though expressed through different cultural and philosophical lenses, constitute a shared spiritual heritage that transcends geographic and historical boundaries, offering enduring insights for human coexistence.

(II) Modern Reflections on Traditional Values

Since the advent of the Industrial Revolution, the pervasive expansion of instrumental rationality has increasingly dictated the trajectory of social development, resulting in significant and often troubling imbalances within modern value systems. In the relentless pursuit of efficiency, economic growth, and technological advancement, contemporary societies have frequently marginalized the spiritual, ethical, and ecological dimensions of human life. This one-sided emphasis has led to a disconnection from the holistic wisdom embedded in traditional value systems, which for centuries guided communities toward sustainable and meaningful modes of existence. For instance, Taoist philosophy, with its emphasis on "following nature"（顺应自然）, encourages humans to align their actions with the natural order rather than seeking to dominate or exhaust the environment. Such principles stand in stark contrast to the extractive and often short-sighted logic of industrial modernity. In recent decades, growing environmental crises, social fragmentation, and moral ambiguities have prompted a reevaluation of these traditional paradigms. There is increasing recognition that reintegrating the ethical depth and ecological awareness found in ancestral wisdoms may help address contemporary challenges, fostering a more balanced and humane path forward for global civilization.

The profound philosophical insights embedded within traditional value systems—such as the Confucian concept of "tian ren he yi" (emphasizing harmonious adaptation to nature rather than its conquest), Buddhism's foundational advocacy of "equality among all beings" (which recognizes the intrinsic value and sacred dignity of all sentient lifeforms), and the African Ubuntu spirit's cardinal principle of "I exist because of us" (brilliantly highlighting the fundamental interdependence between individuals and their communities)—collectively offer precisely the ethical framework needed to address the profound shortcomings, existential voids, and deep-seated alienation brought about by modernity. This resonance finds institutional expression in the United Nations' landmark 2030 Agenda for Sustainable Development, which explicitly proposes the urgent global goal of "leaving no one behind." This modern imperative echoes powerfully across centuries and cultures, finding profound parallels in the Confucian ideal of "universal harmony" (datong shijie) and the Islamic concept of "public welfare" (al-sihhat al-kulliyya). These shared ethical commitments not only highlight the enduring practical significance of traditional value systems in addressing contemporary societal challenges but also convincingly confirm their irreplaceable role in shaping more humane models of global governance and sustainable development (United Nations, 2015).

(III). The Triple Empowerment of Traditional Values in the Development of World Civilization

Cultural Identity: A Spiritual Bond Against Civilizational Conflict

Against the backdrop of rapidly accelerating globalization, the overwhelming trend toward cultural homogenization and Western-centric standardization has exerted tremendous pressure on the cultural uniqueness, historical heritage, and distinctive identity of many nations and regions worldwide. At this critical historical juncture, traditional values reemerge as the core symbol and foundational pillar of national

cultural identity, playing an indispensable role in spiritually uniting people, preserving civilizational spirit, and maintaining cultural diversity. The influential "Clash of Civilizations" theory proposed by Samuel Huntington in 1996 serves as a stark warning that civilizations lacking strong, shared values and clear cultural self-identification are far more likely to encounter misunderstandings, confrontations, and conflicts in an increasingly interconnected world.People are prone to misunderstandings and confrontations, particularly in the context of cross-cultural exchanges where differences in perspectives and worldviews often lead to friction and conflict. In contrast, the long-standing "harmony in diversity" philosophy deeply rooted in China's traditional culture offers a more inclusive, flexible, and open methodology for meaningful inter-civilizational dialogue. This approach emphasizes coexistence amid differences and mutual enrichment through interaction. The cultural self-awareness theory, further developed by the renowned sociologist Fei Xiaotong in 1997, reinforces this idea with its core principle: "Each appreciates its own beauty, admires others' beauty, shares beauty together, and achieves universal harmony." This statement encourages people to take pride in their own cultural heritage while genuinely respecting and learning from the strengths of other cultures, ultimately promoting harmonious coexistence through mutual exchange and understanding. In essence, this concept serves as a modern reinterpretation and extension of traditional values such as "reciprocity" and "seeking common ground while reserving differences," which have long emphasized balance, mutual benefit, and respect in human relations. A compelling example of such principles in practice is Japan's Meiji-era strategy of "Japanese spirit and Western talent," which involved selectively adopting Western technological and organizational advances while preserving the fundamental elements of Japanese cultural identity. This approach not only successfully maintained cultural subjectivity and autonomy but also drove rapid socio-economic modernization, demonstrating how tradition and innovation can work together. This case vividly illustrates the dual function of traditional values: on one hand, they help protect civilizational uniqueness, and on the other, they facilitate adaptation and development in a changing world (Yuan Ruan, 1992).

Ecological Ethics: Providing Cognitive Reconstruction to Address Environmental Crises.

Industrial civilization, driven by a growth- and exploitation-centered mindset, has long treated nature as an object to be conquered, dominated, and ruthlessly exploited for short-term gain. This one-sided emphasis on human mastery and control over the natural world has led to severe ecological crises on a global scale, including climate change, biodiversity loss, and widespread pollution. In contrast, the natural philosophy embedded in many traditional value systems—such as the emphasis on balance, cyclical renewal, and harmony between humanity and nature—offers critical insights for reconstructing humanity's relationship with the environment. These perspectives encourage a shift from extraction and domination to stewardship, reciprocity, and sustainability.The intricate relationship between humans and nature has long been a central theme in both traditional wisdom and contemporary environmental discourse. For instance, the enduring concept of "harmony between

heaven and humanity" within Chinese philosophical traditions underscores the idea that humans and the natural world should coexist in a balanced and mutually supportive manner. This perspective rejects the notion of nature as a mere external object or resource to be dominated; instead, it frames the natural environment as an integral life community that is deeply interconnected with human existence and destiny. Such a holistic and integrated cognitive approach fosters a fundamental shift in attitudes—from viewing nature primarily as a source of exploitation toward cultivating respect, active protection, and meaningful restitution to the natural world. This shift is essential for addressing the root causes of today's severe and escalating ecological crises.

Similarly, the profound "Mother Earth" (or Pachamama belief system, which is deeply rooted in the spiritual and cultural traditions of Indigenous peoples throughout the Americas, consistently emphasizes a (sacred human responsibility toward environmental stewardship and the protection of nature. These foundational and time-honored concepts have progressively influenced and been integrated into the globally recognized principle of "ecological justice," which now plays a critical role in shaping modern environmental movements, international dialogues, and policy frameworks. A concrete example can be seen in the widely supported principle of "common but differentiated responsibilities," formally advocated and institutionalized through agreements such as the Paris Agreement. This principle owes much of its ethical and philosophical grounding to the inheritance and contemporary adaptation of traditional ecological ethics, (as highlighted in authoritative reports including those by the IPCC (2021).

Moreover, a growing body of economic research substantiates that community-based governance models—which thoughtfully incorporate these enduring traditional ecological values—are frequently more effective at mitigating systemic risks associated with over-exploitation of natural resources. Such models not only help preserve ecological integrity but also provide a robust foundation for achieving long-term sustainable development goals.(Ostrom, 1990).

Social Governance: A Moral Framework for Balancing Individual and Community Interests

Contemporary societies across the globe are increasingly faced with the complex and multidimensional challenge of hyper-individualism coupled with a marked decline in collective consciousness, a trend that profoundly undermines social cohesion and shared responsibility. In response to this pressing issue, responsibility-centered ethical frameworks, deeply rooted in many traditional cultural systems, have regained prominence as vital normative and moral instruments. These frameworks serve to harmonize personal aspirations with the broader welfare of communities. For instance, in East Asian societies, longstanding Confucian principles such as "loyalty and filial piety," along with the holistic philosophy of "self-cultivation, family regulation, state governance, and creating peace under heaven," have historically established an interlocking and coherent chain of ethical duties. This chain seamlessly links the individual, the family, and the state into an integrated moral order. A concrete manifestation of such values in practice can be observed in South Korea's transformative "New Village Movement" (Saemaul Undong), which effectively

promoted comprehensive rural modernization and durable social integration by consciously reviving and reinforcing traditional virtues—including mutual assistance, hard work, self-sufficiency, and cooperative spirit (Kim Young-sam, 1993). Similarly, within Western intellectual traditions, communitarian thought has mounted a sustained and nuanced critique against radical individualism. Core tenets of liberal philosophy, such as those articulated by Michael Sandel with his strong emphasis on "the common good of the community," resonate deeply with earlier ethical foundations, most notably those laid down by Aristotle in his conception of the polis.In the context of contemporary globalization, traditional value systems face multifaceted and profound challenges. These challenges not only involve the disconnection of cultural heritage but also touch upon the impact and reconstruction of traditional ethical concepts in modern society. Aristotle, in his seminal political proposition, stated, "Man is by nature a political animal" (Sandel, 1982). This philosophical connection underscores the enduring importance of community bonds and collective well-being across different eras of political thought, prompting reflection on the tension and integration between tradition and modernity.

II. Challenges and Innovation Paths in the Modern Transformation of Traditional Values

(I) Transformation Dilemma:

The Tension Between Tradition and Modernity As globalization deepens, traditional value systems face three interconnected challenges: First, contextual disconnection. In the rapid transition from oral cultural traditions to the increasingly dominant digital culture, the deep symbolic meanings embedded in ritual inheritance (such as ancestral worship and culturally rich seasonal festivals) are gradually eroded (Bauman, 2000). This disconnection not only weakens cultural identity continuity but also diminishes younger generations' sense of belonging to their cultural roots. Second, value dilution. The widespread global consumerism actively undermines long-valued virtues like "frugality" and "dedication," leading to fragmented moral consistency. The prevalence of materialism makes individuals more inclined to pursue instant gratification rather than the restraint and self-discipline advocated by tradition, further exacerbating social moral pluralism and conflicts. Additionally, Western centrism often systematically "otherizes" non-Western value and philosophical traditions. A notable example is simplistically portraying the complex Confucian ethical framework as an "authoritarian culture" (Du Weiming, 1996), while neglecting its nuanced emphasis on harmony and relational ethics. Such oversimplification not only distorts the true essence of non-Western cultures but also hinders cross-cultural dialogue and mutual understanding.

(II) Innovative Pathways:

Practical Strategies To address these challenges, it is crucial to explore innovative practical strategies, including multidimensional approaches such as education, policy, and community engagement, to reinvigorate the contemporary relevance of traditional values and promote their organic integration with modern society.

Educational Empowerment: Cultivating Shared Values Across Civilizations

To foster a more harmonious and globally integrated society, it is essential to effectively integrate cross-civilizational values and ethical teachings into foundational education systems on a widespread scale. A highly successful model for such integration can be found in Singapore's innovative "Shared Values" educational initiative. This program skillfully blends the Confucian emphasis on virtues such as "loyalty and filial piety," the Malay cultural focus on "community unity and mutual respect," and Indian traditions that prioritize "tolerance and pluralism." Together, these elements work synergistically to cultivate a strong, adaptable, and inclusive civic identity among students from diverse backgrounds. The initiative, as documented by Singapore's Ministry of Education in 1991, highlights how a thoughtfully constructed curriculum can serve as a powerful vehicle for social cohesion and moral development in multi-ethnic societies.

Technological Mediation: Preserving Heritage through Digital Innovation

In the contemporary global landscape, the preservation and revitalization of traditional spiritual and moral values have become crucial for maintaining cultural continuity and strengthening social cohesion. One particularly innovative approach involves proactively utilizing emerging technologies—such as blockchain—to immutably document and safeguard intangible cultural heritage. This includes moral narratives, ancestral wisdom, and traditional value systems that might otherwise be eroded by globalization and cultural homogenization. Furthermore, digital platforms like the metaverse offer unprecedented opportunities to creatively reconstruct and simulate traditional communal experiences in immersive virtual formats. By engaging younger generations through interactive and visually rich environments, these technologies make cultural heritage more accessible, relatable, and engaging. Such initiatives not only help bridge the gap between historical practices and modern technological advancements but also foster a deeper sense of identity and belonging among youth. This transformative potential has been increasingly recognized by global institutions, including UNESCO, which emphasized the role of digital innovation in cultural preservation in its 2023 report.By reflecting upon and actively preserving ancestral customs, societies can cultivate a deeper and more resilient sense of identity and ethical grounding. This practice helps ensure that foundational values do not fade into obscurity but remain relevant and actionable, even within an increasingly digital and fast-paced global environment.

Moreover, the thoughtful integration of traditional moral norms into contemporary institutional frameworks represents a significant stride toward achieving more holistic and culturally sensitive governance. For example, transforming age-old ethical principles—such as honesty, reciprocity, and communal responsibility—into modern regulatory mechanisms can effectively harmonize moral expectations with legal requirements. This, in turn, enhances the collective efficacy and social acceptance of both systems. A compelling real-world illustration of this synergy is the incorporation of integrity clauses, which are often derived from China's

longstanding "local village regulations" , into the overarching architecture of the national social credit system. Such integration not only reinforces localized community standards but also deliberately aligns them with broader national governance objectives. As a result, it facilitates a seamless and organic merger of everyday ethical conduct with formal legal accountability. As the scholar (Xu Yong emphasized in 2014, initiatives of this kind powerfully demonstrate how traditional values can be dynamically reinterpreted and adapted to support and strengthen modern societal structures, thereby promoting greater stability, cohesion, and trust within communities.

III. Conclusion

In conclusion, the ongoing evolution of world civilization in the 21st century is fundamentally characterized by a creative, critical, and continuous dialogue between diverse traditional values and the complex demands of modernity. Traditional spiritual and moral values should not be regarded as static relics of the past, nor as one-size-fits-all solutions to modern problems. Instead, their true vitality and relevance emerge most powerfully when they are thoughtfully and dynamically applied to interpret, engage with, and address the unique challenges of the contemporary world.This endeavor necessitates a dual approach that combines critical inheritance with innovative development. Critical inheritance involves a rigorous process of scrutinizing, evaluating, and selectively discarding outdated elements that are incompatible with contemporary society—such as traditional gender discrimination and rigid hierarchical concepts. Meanwhile, innovative development entails creatively reinterpreting, adapting, and enriching these traditional values to align with current contexts and future needs. A compelling example is the ancient philosophical idea of "the unity of man and nature," which can be infused with new relevance and practical significance in today’s carbon-neutral era, emphasizing ecological balance and sustainable coexistence. Only through such thoughtful and dynamic adaptation can these enduring values effectively act as a spiritual and cultural bridge, connecting the profound wisdom of history with the aspirations and challenges of the future.

As powerfully underscored by the theme of the International Scientific Student Conference at Moscow Humanities University, the modern transformation of traditional values—particularly within the intricate and interdependent "human-society-nature" relationship—is not only an internal imperative for continuous civilizational self-renewal but also an essential pathway toward the realization of a sustainable and harmonious Human Community with a Shared Future. We are firmly committed to building a world that shares a common future, one grounded in cooperation, equity, and mutual respect. Through sustained global collaboration and shared development initiatives, we can more effectively address pressing worldwide challenges, accelerate progress toward achieving the Sustainable Development Goals, and foster meaningful dialogue as well as deeper mutual understanding among diverse civilizations. In this vital process, we actively draw on and integrate interdisciplinary research from scholars across diverse fields, cultures, and geographical backgrounds, which provides us with both robust theoretical foundations and actionable practical guidance.

REFERENCE

[1] Toynbee, A. (1986). A Study of History.

[2] United Nations. (2015). 2030 Agenda for Sustainable Development. https://www.un.org/development/desa/disabilities/content/sustainable-development-goals-2030-agenda.html

[3] Huntington, S. P. (1996). The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order.

[4] Fei, X. T. (1997). Collected Works of Fei Xiaotong (Vol. 14).

[5] Gen, R. (1992). Japanese Culture and Philosophical Thought.

[6] IPCC. (2021). Climate Change 2021: The Physical Science Basis.https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg1/

[7] Ostrom, E. (1990). Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. Cambridge University Press.

[8] Kim, Y. S. (1993). South Korea's New Village Movement: Practices in National Modernization. Korea Development Institute.

[9] Sandel, M. J. (1982). Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge University Press.

[10] Tu, W. M. (1996). New Theories of Confucian Thought: The Creatively Transformed Self.

[11] Bauman, Z. (2000). Liquid Modernity.

[12] Ministry of Education, Singapore. (1991). White Paper on Shared Values. Retrieved from https://www.moe.gov.sg/docs/default-source/document/education/brochures/smcv-whitepaper.pdf

[13] UNESCO. (2023). Guidelines on Digital Technology and Cultural Heritage Protection.https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000376466

[14] Xu, Y. (2014). Villager Autonomy in Rural China.

Изучение путей правового регулирования нарушений, связанных с искусственным интеллектом, в новой технологической среде

Exploration of the legal regulation path of artificial intelligence infringement in the new technology environment

Цзян Сиань
Пекинский объединенный университет
Jiang Xian
Beijing Union University

Abstract. Under the new technological environment, artificial intelligence encounters major infringement risks in global governance. Algorithmic black boxes cause unknowable decision-making, and data-driven models pose data security risks, leading to potential infringement. AI's wide application in fields like medicine and autonomous driving has resulted in diverse infringement forms such as misdiagnoses and traffic accidents, gravely endangering individual rights and social order.To solve this, it's necessary to draw on international experience, clearly define the liable subject and liability attribution principle, enhance the legal relief and protection system, deepen international rule cooperation and coordination, create an AI legal regulation system in accordance with its development rules, foster positive interaction between technological innovation and the rule of law order, provide a reference for AI global governance legal regulation, and promote AI's healthy and sustainable development in the new tech setting.

Keywords: artificial intelligence; infringement; liability subject; fault liability; legal regulation

1.Raising the Issue—Infringement Risks of Artificial Intelligence in the New Technological Landscape

Artificial intelligence, a landmark disruptive innovation, is reshaping the digital economy and society. Tools like ChatGPT and Deepseek have expanded AI applications but also triggered personality and copyright infringement risks, with future incidents likely to increase. In China, despite existing regulations, AI liability definition remains vague due to algorithm complexity and insufficient consideration of AI's technical risks, requiring further refinement.

The black-box nature of AI algorithms is a key cause of potential infringement. As the core of AI, algorithms are hard to fully understand in operation and decision-making. Deep learning algorithms use much data for training, but result derivation is unclear. This opacity complicates identifying flaws and discrimination during infringement, and makes it difficult for victims to prove and protect their rights. Data-driven AI also faces privacy and security risks, and is vulnerable to malicious attacks.

AI application in various fields brings diverse infringement risks. In healthcare, AI-assisted diagnosis, while efficient, risks misdiagnosis, as seen in high breast cancer misdiagnosis rates of some systems. In autonomous driving, accidents are still possible, and liability determination is complex. Smart home devices can also cause privacy infringement, such as through hacked cameras or unauthorized data collection by smart speakers.

2.Jurisprudence Dispute—Whether Artificial Intelligence Can Be the Subject of Tort Liability

The question of whether AI can be a tort liability subject expands the legal mimesis theory in the new tech environment. Neumann's "machine agent" theory suggests highly autonomous AI can be compared to the legal person system for a limited subject status. China's Civil Code doesn't explicitly grant legal personality to AI, but its "employer responsibility" provision offers room for interpreting intelligent system infringement liability.

Academic views on AI as an infringement subject vary. Supporters think AI has will, consciousness, and choice abilities, making it worthy of legal subject status. Opponents claim generative AI like Deepseek is still weak AI, lacking the ability to freely express claims, so it shouldn't be a legal subject. Some scholars propose limiting the recognition of AI's "anthropomorphic" subject qualification.

AI's subject qualification may develop into relatively independent litigation, but it's just potential. In civil law, there are natural persons, legal persons, and other entities. For AI, the key to being a tort subject lies in society's demand for AI and its development facts, not independent personality.

This paper contends that the rationality of AI's machine behavior requires careful thought. Only by establishing behavioral norms for AI can AI-related infringement be effectively curbed. Defining what constitutes infringing machine behavior and its judgment criteria is essential for rights protection, industrial growth, and is a significant legal issue in tort law.AI's capacity can be modeled after that of legal persons. All AI should be registered for enhanced supervision. Its capacity starts upon registration and ends upon cancellation, and unregistered AI has no legal subject status. Due to its limited nature, AI can't have the same rights as natural or legal persons. Thus, based on the "partial capacity" theory in civil law, advanced AI can be granted limited rights such as restricted data and property rights.

3.LiabilityChoice—between fault and no-fault liability

China's traditional tort liability system, with the fault liability principle at its core and based on "behavior - fault - damage - causation", indicates that the "fault liability" approach for AI liability determination in the new tech environment has advantages. It eases the burden on startups, promotes innovation, and encourages AI firms to build risk supervision systems and optimize protection. Thus, more exploration of "fault liability" determination and proof is required.

AI service providers at potential harm risk need to prove they've met safety obligations "in line with current tech development" to avoid fault liability; non-fault liability may apply if harm still occurs. The fault presumption liability safeguards the infringed and adapts to AI tech changes. But the "algorithmic black box" and complex logic make it hard to tell if the safety obligation is fulfilled and to define "reasonable measures".

When assessing "reasonable precautions", if an AI service provider fails to meet regulatory safety requirements (e.g., algorithm filing), it may be presumed at fault. The EU's AI Law has a "rebuttable presumption" mechanism, making platforms prove they took precautions when AI poses risks.

Importantly, the "fault" presumption should be confined to the violation, not extended to algorithmic service harm results. Unforeseen harm can happen despite compliance due to algorithm features. So, a proper presumption should center on the service provider's obligation fulfillment, not directly assume fault for final damages.

4.Path of Legal Regulation—Avoidance of Tort Risks of Artificial Intelligence in the New Technological Environment

4.1Clarification of the subject of responsibility and the principle of attribution of responsibility

It's essential to clarify the way of determining AI algorithms' "fault liability" based on innovation and protection principles. On one hand, avoid overburdening start-up innovative enterprises with responsibility. On the other hand, use proper liability determination and punitive measures to urge practitioners to better manage tech risks, guiding the industry towards safer development. Balancing these two aspects is the key to improving China's AI liability system.

In the new technological environment, with the increasing autonomy of AI, it can be given independent legal personality to a certain degree, enabling it to assume part of the infringement liability with its own "property". Also, its developers, owners or users need to bear supplementary liability to ensure victims are fully compensated. For instance, in highly intelligent industrial production, when an AI robot causes infringement through autonomous decision-making and its liability property is insufficient to cover all losses, the relevant developer or user should be responsible for the remaining liability. For complex AI systems involving multiple developers, data providers and users, the liability proportions should be determined based on their involvement in the infringement and the level of fault.

4.2 Improvement of the specialized legal monitoring system

Develop an algorithm review system, mandating developers to regularly review and file algorithms for transparency and interpretability. For financial credit - approval AI algorithms, developers must explain design principles, data sources, processing methods, and anti - discrimination measures to regulators. Strengthen data regulation, standardize data - related activities, and protect data security and privacy. Set data protection standards and require data processors to use strict encryption and access control to prevent leakage and misuse.

4.3 Improvement of legal remedies and safeguard mechanisms

An AI infringement compensation fund should be established, financed by AI enterprises, developers and others at a certain percentage. When an infringement happens and the liable party can't be identified or can't fully compensate, money from the fund can be used to aid the victim. In complex AI system infringement cases with multiple responsible parties and unclear liability, the fund can compensate victims first to protect their rights.

4.4 Enhancing legal harmonization and international cooperation on cross-border infringements

Artificial intelligence, a disruptive innovation, impacts human society greatly and its infringement issues need attention. It offers a chance to reform the global intellectual property system and achieve coordinated international regulation. China

should seize this opportunity to provide a Chinese solution in global AI legal rule-making. To deal with cross-border AI infringement, international legal coordination and cooperation should be strengthened. Establish a cross-border infringement dispute resolution mechanism, clarifying jurisdiction, law application and judgment enforcement via bilateral or multilateral agreements, especially for cross-border data infringement. Enhance international judicial assistance and information sharing to boost case handling efficiency. Judicial authorities should communicate, cooperate, exchange evidence and assist in investigations. An information-sharing platform is necessary to share AI infringement-related case info, legal provisions and technical standards. For example, an international database of such cases can help judicial organs learn from each other, improving case handling accuracy and fairness.

REFERENCES

Xu Wei. A Discussion on the Principle of Infringement Liability of Generative Artificial Intelligence Service Providers[J]. Law and Social Development,2024,30(3):190–204.

Dai Xin. No-Fault Liability and the Development of Artificial Intelligence-A Perspective Based on Legal and Economic Analysis[J]. Journal of East China University of Politics and Law,2024,27(5):38–55.

Feng Jie, "Jurisprudential Reflection on the Legal Subject Status of Artificial Intelligence Bodies," Oriental Law, No. 4, 2019, p. 46.

Yang, Xianbin. Liability and Limitation of Indirect Tort Liability of Generative Artificial Intelligence Service Providers[J]. Jurist,2024(3):46-60,191,192.

Liu Xiaoxuan and Zhang Hu, "On the Tort Liability of Artificial Intelligence," Nanjing Social Science, No. 9, 2018.

Yang Lixin, "The Conceptual Definition and Theoretical Basis of Partial Civil Rights Capacity in the General Principles of the Civil Law", in Jurisprudence, No. 5, 2017, pp. 50–59.

For the defense of fault and no-fault liability, see: Xu Wei, "Generative Artificial Intelligence Service Providers' Infringement Liability Principles," in Law and Social Development, No. 3, 2024.

Hu Qiaoli, "The Type Construction of Tort Liability Elements of Artificial Intelligence Service Providers – Taking Risk Distinction as a Perspective", in Comparative Law Studies, No. 6, 2024.

Xu Wei, "The Myth and Way Out of Causality Determination in Generative Artificial Intelligence Tort," in Digital Rule of Law, Vol. 3, No. 3, 2023.

Интеграция и практическое применение традиционных моральных ценностей в построении международного правопорядка в XXI веке

The Integration and Practice of Traditional Moral Values in the Construction of International Legal Order in the XXI st Century

Ци Цзинъянь
Пекинский объединенный университет
Qi Jingyan
Beijing Union University

Abstract. In the 21st century, the international community is facing many new challenges and changes, and the construction of international legal order has become a key issue. As the wisdom crystallization of the long-term development of human society, traditional moral values contain rich value concepts. Integrating it into the construction of the international legal order will help solve the difficulties faced by the current international legal order and promote the harmony and sustainable development of the international community. This article explores the necessity, specific path and practical significance of integrating traditional moral values into the construction of the international legal order in the 21st century, and aims to provide new ideas for improving the international legal order.

Keywords: International legal order; traditional moral values; sustainable development

1 Introduction

Since the 21st century, the process of globalization has accelerated, international exchanges have become more and more frequent, and the international community has faced many global problems such as climate change, terrorism and cyber crime. In dealing with these problems, the importance of international legal order has become more and more prominent.

However, the existing international legal order is insufficient in some aspects, and it is difficult to effectively cope with the complex and changing international situation. Traditional moral values have been formed in the historical development of different countries and nations, including universal concepts such as benevolence, integrity and justice, providing valuable ideological resources for the construction of international legal order. Integrating traditional moral values into the international legal order is not only the inheritance of traditional wisdom, but also an inevitable choice to adapt to the development needs of the times and promote the progress of the international community.

2 Challenges Facing the International Legal Order in the 21st Century

2.1 Global Problems beyond Legal Regulation

At present, climate change seriously threatens the living environment of human beings. Although the international community has signed the Paris Agreement and

other relevant legal documents, in the process of specific implementation, some countries have failed to strictly fulfill their emission reduction commitments due to considerations of their own economic interests.

Cyber crime also shows the characteristics of transnationalization and diversification. The laws of different countries vary greatly, which makes it difficult to form effective international cooperation in combating cyber crime. The complexity and transnational nature of these global issues make existing international legal rules strained to deal with them.

2.2 The Questioned International Legal Order

In the field of international trade, developed countries rely on their economic and technological advantages to formulate trade rules that are beneficial to themselves, and developing countries are at a disadvantage in the international economic order. For example, some developed countries frequently set up trade barriers to restrict the export of products from developing countries. Such unfair trade rules undermine the fairness of the international legal order, trigger international trade disputes, and hinder the healthy development of the world economy.

3 The Necessity of Integrating Traditional Moral Values into the International Legal Order

3.1 Make up for the Limitations of Legal Rules

The law is lagging behind and difficult to quickly adapt to the new changes in social development. Traditional moral values are more flexible and can make value judgments on emerging social problems in a timely manner.

At present, with the rapid development of artificial intelligence technology, international law has not been able to comprehensively regulate the ethical problems caused by it. The emphasis on human dignity and responsibility in traditional morality can provide value guidance for the formulation of relevant legal rules and make up for the gaps in the law.

3.2 Enhance the Legitimacy and Authority of the International Legal Order

When the international legal order is integrated into traditional moral values, it is easier to obtain the recognition and compliance of all parties in the international community. Take the Charter of the United Nations as an example, the concepts of maintaining world peace and promoting international cooperation embodied in its purpose are in line with the values of peace and friendliness in traditional morality, making the Charter of the United Nations an important cornerstone of the international legal order and widely accepted and respected by countries around the world.

4 The Path of Integrating Traditional Moral Values into the International Legal Order

4.1 Integration of Traditional Moral Concepts in the Formulation of International Legal Rules

When formulating international human rights law, the concept of respect and care for people in traditional morality can be integrated. Different cultural traditions emphasize caring for vulnerable groups, which can be reflected in the rules of international human rights law on the protection of the rights and interests of women, children, people with disabilities and other special groups.

When formulating international trade law, the principle of integrity in traditional ethics can be integrated into it to regulate international trade behavior and reduce trade fraud and unfair competition.

4.2 Incorporating the Interpretation of Traditional Moral Concepts into the Application of International Law

In international arbitration and judicial practice, when there is ambiguity or conflict between legal provisions, arbitrators and judges can refer to traditional moral values for legal interpretation.

When resolving international contract disputes, if the terms of the contract are not clear, the rights and obligations of both parties can be determined according to the principle of fairness in traditional ethics, so that the ruling results are more in line with the requirements of fairness and justice, and enhance the adaptability and fairness of international law.

5 The Practical Significance of Integrating Traditional Moral Values into the International Legal Order

5.1 Promote the Improvement of the Global Governance System

Integrating traditional moral values into the international legal order helps to build a fairer and more reasonable global governance system.

In dealing with climate change, integrating the sense of respect for nature and responsibility into traditional morality, promoting countries to more actively fulfill their emission reduction obligations, jointly promote global environmental governance, and achieve harmonious coexistence between human society and nature.

5.2 Promote Exchanges and Cooperation Between Different Civilizations

Traditional moral values are an important part of different civilizations. By integrating it into the international legal order, mutual understanding and trust between different countries and ethnic groups can be enhanced. In the field of international cultural exchange, guided by the concept of inclusiveness in traditional morality, relevant legal rules should be formulated to promote equal exchanges and mutual reference between different cultures, and promote the prosperity and development of world civilization.

Conclusion

The construction of the international legal order in the 21st century faces many challenges, and the integration of traditional moral values provides a new perspective and way to solve these problems. By integrating traditional moral concepts into the formulation and application of international legal rules, we can make up for the

limitations of the law and enhance the legitimacy and authority of the international legal order.

This not only helps to promote the improvement of the global governance system, but also promotes exchanges and cooperation between different civilizations and creates a good legal environment for the development of world civilizations. In the future construction of the international legal order, we should pay more attention to the role of traditional moral values, constantly explore new ways of their integration and practice, realize the organic combination of international legal order and traditional moral values, and jointly promote the progress and development of human society.

REFERENCE

[1] Anghie A. Rethinking International Law: A TWAIL Retrospective[J]. European Journal of International Law, 2023, 34(1): 7-112.

[2] Klein E. The importance and challenges of values-based legal orders[J]. Intercultural Hum. Rts. L. Rev., 2015, 10: 1.

[3] Mahdi Senai, Jin Liangxiang, Zhong Ling. Transformation of the International Order: Current Debates and Future Trends [J]. International Outlook, 2024,16(05):72-89+148. DOI: 10.13851/j.cnki.gjzw.202405004.

Stahl B C, Rodrigues R, Santiago N, et al. A European Agency for Artificial Intelligence: Protecting fundamental rights and ethical values[J]. Computer Law & Security Review, 2022, 45: 105661.

Текущая ситуация с защитой интеллектуальной собственности на нематериальное культурное наследие Китая

The Current Situation of Intellectual Property Protection for China's Intangible Cultural Heritage

Чжан Сяохань
Колледж прикладных искусств и наук
Пекинского объединенного университета
Zhang Xiaohan
College of Applied Arts and Sciences
Beijing Union University

Abstract. This paper examines the current framework of intellectual property (IP) protection for China's Intangible Cultural Heritage (ICH). It argues that protection operates through a dual legal structure: public law and private law. The public law system, centered on the Intangible Cultural Heritage Law (2011), establishes a government-led administrative framework featuring a four-tier representative list system, extensive regulations at national and local levels, and initiatives for preservation, transmission, and education. China has successfully listed 44 items on UNESCO's ICH list, ranking first globally. Concurrently, private law protection, primarily through IP rights, is increasingly recognized and implemented. Policies, pilot projects (e.g., the "Yangzhou Experience" for copyright), and judicial practices affirm the role of copyright, geographical indications, and patents in safeguarding ICH and establishing benefit-sharing mechanisms. The conclusion highlights a synergistic approach where public law provides foundational preservation and private law facilitates rights protection and sustainable development, demonstrating China's evolving legal strategy for ICH in the contemporary era.

Keywords: Intangible Cultural Heritage;Intellectual Property Protection;Legal Protection Framework.

At present, the legal protection of intangible cultural heritage in China is mainly composed of two aspects: public law protection and private law protection. The public law protection system is centered around the Law of the People's Republic of China on Intangible Cultural Heritage (Order No.42 of the President,hereinafter referred to as the "Intangible Cultural Heritage Law"), while private law protection is mainly based on intellectual property law.

I. Public law protection: A series of administrative regulations have been continuously improved

China attaches great importance to the protection and preservation of intangible cultural heritage. It was one of the earliest countries to participate in the drafting of international normative documents related to intangible cultural heritage and became the sixth country to join the UNESCO Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage (hereinafter referred to as the "Convention") in 2004. China actively fulfills its obligations under the Convention on Intangible Cultural Heritage. Based on China's national conditions, it adheres to government leadership and distinguishes between the two levels of "preservation" and "protection". Referring

to the framework of the Convention on Intangible Cultural Heritage, it promulgated and implemented the Law on Intangible Cultural Heritage in 2011, which stipulates three systems: investigation,list of representative items, and inheritance and dissemination. It emphasizes the functions, obligations and responsibilities of the government and administrative departments,thus bringing China's intangible cultural heritage protection into a stage where there are laws to follow. Since then, 31 provinces (autonomous regions and municipalities) across the country have successively issued regulations on the protection of intangible cultural heritage (ICH) around the development plan, representative project list, representative inheritors, digital protection, integration into tourism development, ecological protection areas, and cultural dissemination. Some cities and counties have also issued local regulations [1]. As of February 2025, a search on the website of China Intangible Cultural Heritage Network·China Intangible Cultural Heritage Digital Museum shows that there are a total of 312 domestic administrative regulations, including 17 at the national level, 73 at the ministerial level, 175 at the local level, and 47 at other levels. China has established a four-level representative list system and a representative inheritor list system at the national, provincial, municipal and county levels. There are more than 100,000 representative items of intangible cultural heritage recognized by governments at all levels. With the successful application of "Spring Festival-the Social Practice of Chinese People celebrating the Traditional New Year" for intangible cultural heritage status, 44 items of China have been included in the UNESCO List of Intangible Cultural Heritage Products. The total number ranks first in the world [2]. Five batches of 3,068 national-level inheritors of intangible cultural heritage were identified, and the training program for Chinese inheritors of intangible cultural heritage was implemented, covering more than 100,000 people in total. More than 20 universities have established specialties and disciplines related to the protection of intangible cultural heritage at the higher education stage.

II. Private law protection: Intellectual property protection gains recognition

At present, China's policies, regulations and judicial practices have confirmed the protection of intangible cultural heritage by the intellectual property rights system, which is characterized by "private rights". Article 44 of the Supplementary Provisions of the Intangible Cultural Heritage Law of 2011 provides a bridging provision: "Where the use of intangible cultural heritage involves intellectual property rights, the relevant laws and administrative regulations shall apply."In 2014, the National Copyright Administration released the "Regulations on the Protection of Copyright of Folk Literary and Artistic Works (Draft for Public Comment)" [3]. Since then, pilot projects for the protection and promotion of copyright of folk literature and art have been carried out in many provinces and regions. Yangzhou City, Jiangsu Province, has explored and formed the "Yangzhou Experience" and issued the "Guidelines for the Protection of Copyright of Folk Literature and Art in Yangzhou City". The "Measures for the Protection of Copyright of Folk Literary and Artistic Works (Yangzhou Pilot Draft)" was proposed. In 2021, documents such as the Outline for Building a Strong Intellectual Property Nation (2021-2035), the 14th Five-Year Plan for the Protection of Intangible Cultural Heritage,and Opinions on Further Strengthening the Protection

of Intangible Cultural Heritage were successively issued, clearly stating that research and exploration on the protection of intellectual property rights of intangible cultural heritage should be strengthened,and a system for obtaining and sharing benefits of intangible cultural heritage should be established. The protection of intellectual property rights of intangible cultural heritage will be strengthened through various means such as improving the collective management system of copyright, implementing the protection of geographical indications,and establishing a special examination and protection mechanism for patents of traditional Chinese medicine. These documents not only set clear directions and tasks for the protection of intangible cultural heritage and the building of a strong intellectual property nation, but also demonstrate the country's clear attitude towards the use of intellectual property to protect and disseminate intangible cultural heritage. In recent years, judicial authorities have been actively building new paths for the protection of intangible cultural heritage through judicial practice, and related work has been included in the Work Report of the Supreme People's Court and the Work Report of the Supreme People's Procuratorate.According to incomplete statistics, since 2016, more than 12,000 cases of various types of cultural relics and cultural heritage protection have been concluded by courts across the country and included in the "National Case Database and Document Database"[4].Using intellectual property rights to protect intangible cultural heritage is the most common choice in practice. For instance, the Higher People's Court of Fujian Province has introduced 10 measures,Chuxiong Prefecture of Yunnan Province has issued 16 measures,and the Intermediate People's Court of Nanjing City has announced 15 measures and 10 typical cases,giving full play to the intellectual property trial function to promote the inheritance and development of intangible cultural heritage.

REFERENCES

[1] Zhang Mingkai. Abstract Dangerous Offenders: Identification,Classification and judgment [J].Forum on Political Science and Law,2023(1):72-88.

[2] Yu Runzhi. Deconstruction of Abstract Dangerous crimes: From the perspective of Legal interest Correlation and Risk Control [J]. Nanjing University Law,2022(3):110-126.

[3] Zhang Linghan. Research on Regulatory Pathways of Algorithms under Risk Prevention [J]. Law of Jiaotong University,2018(4):49-62.

[4] Zhang Linghan. The Rise, Alienation and Legal Regulation of Algorithmic Power [J]. Journal of Law and Business Studies, 2019(4): 63-75.

Исследование о живом наследии и устойчивой защите древних деревень Хуэйчжоу

Study on the Living Inheritance and Sustainable Protection of Huizhou

Чжан Цинцин
Пекинский объединенный университет
Zhang Qingqing
Beijing Union University

Abstract. A nation thrives on culture, and a strong culture strengthens the nation. General Secretary Xi Jinping emphasized that "we should actively promote the conservation and utilization of cultural relics and the protection and inheritance of cultural heritage, tap the multiple values of cultural relics and cultural heritage, and disseminate more value symbols and cultural products that carry Chinese culture and the spirit of China." [2]In recent years, China's cultural heritage protection and inheritance utilization has been continuously strengthened, but the work still exists in the overall strategic planning and institutional safeguards are insufficient, the development and protection of a single means, the transformation of the effectiveness of the resource advantage does not match and other issues. [3]Traditional villages are museums of rural cultural heritage, but also a treasure trove of resources of Chinese outstanding traditional culture. After Xidi and Hongcun traditional villages became world heritage, more and more people at home and abroad pay attention to and go to Xidi and Hongcun to enjoy the beauty of the local scenery and local culture and customs, and tourism has become an important industry in the local area, with rapid economic development and a significant improvement in the living standard of the residents. However, in attracting tourists from home and abroad to play, we should also pay attention to the protection and utilization of traditional villages, strengthen the government, community, villagers, multi-linked cooperation, the development of traditional villages at the same time to avoid over-commercialization, but also pay attention to humanistic care, and jointly guard our spiritual home.

Keywords: cultural heritage; Xidi, Hongcun ancient villages; heritage protection

Introduction

Promoting world cultural heritage is an important way to pass on and carry forward Chinese civilization. World cultural heritage is an important witness in the history of China's civilization of more than 5,000 years, reflecting the characteristics of Chinese culture and the history of cultural exchanges between China and the rest of the world, and has important historical value and significance for the times. By applying for the protection of cultural heritage, we can highlight the historical and cultural value of Chinese civilization, show the spiritual pursuit of the Chinese nation, and better demonstrate to the world a comprehensive and true picture of ancient China and modern China. The nomination of world cultural heritage provides an irreplaceable and important channel to promote the sharing of the value of cultural relics and the historical and cultural essence of Chinese civilization carried by them in the contemporary era and their perpetual transmission worldwide.

Xidi and Hongcun are two representative Huizhou ancient villages in Yixian County, Huangshan City, Anhui Province, China, which were inscribed on the UNESCO World Cultural Heritage List in 2000 under the name of "Ancient Villages of Southern Anhui, China". They are not only the living carriers of Huizhou culture, but also examples of the wisdom of traditional Chinese village construction and clan culture. Xidi and Hongcun, as the earliest traditional villages listed in the World Cultural Heritage in China, are how to inherit and protect the village heritage, and what challenges and problems have been encountered in the process of their development and utilization. This paper starts from these aspects and discusses the protection and inheritance of the cultural heritage of Xidi and Hongcun ancient villages one by one.

Purpose and significance of the study

Purpose of the study

Xidi and Hongcun are world cultural heritages, and as such, they should be unified with the improvement of ecological environmental protection, the protection and restoration of famous cities and towns, and the integrated development of culture and tourism, so as to realize the development of tourism, the operation of special characteristics, and the protection of ancient cities, to promote the new vitality and splendor of Xidi and Hongcun in the new era, to better meet the people's needs for a better life, and to fully stimulate the positive role of world cultural heritage in the The positive role of the world cultural heritage for the construction of material civilization and spiritual civilization in harmony with the Chinese modernization, and truly achieve the protection of cultural relics for the benefit of the people, and promote the comprehensive development of human beings. [1]This paper takes the cultural heritage of Xidi and Hongcun as the research object, aiming to put forward suggestions and countermeasures for the protection of cultural heritage and better promote the protection of cultural heritage.

Significance of the study

The conservation practice of Xidi and Hongcun breaks through the limitations of traditional monolithic building conservation and emphasizes the combination of "holistic conservation" and "living heritage". The conservation practices of Xidi and Hongcun not only concern the survival of cultural heritage, but also involve the reconstruction of cultural identity, rural economic transformation and technological innovation. The significance of this research goes beyond the regional scope, providing a solution with Chinese wisdom and international value for the protection of global vernacular heritage, which is a vivid interpretation of cultural self-confidence and the concept of sustainable development.

Review of domestic and international literature

Review of national literature

Tang Jianbing scholars are concerned about the problems that exist in the traditional villages in the southern Anhui region when building the human environment, and put forward corresponding solutions for the local human environment.

Transformation and upgrading the quality of the natural and humanistic environment of the community is a long-term, complex and systematic project, which must focus on multiple dimensions, such as ideology, natural environment and

economic development, and be planned according to the actual situation, so as to gradually improve the habitat environment of the villages and realize the healthy and sustainable development of the villages. Wang Naiqin scholars around the southern Anhui region, Hongcun, Xidi and Bishan three ancient residential protection, reuse of the whole process of research, put forward the general protection and reuse model. According to the analysis, it can be seen that with the urbanization process is accompanied by the pressure of people's fast-paced life and the leisure countryside life to, therefore, the traditional village of cultural and creative industries in line with the trend. In this process, the historical and cultural heritage carried by ancient dwellings can be preserved through people's construction and remodeling in various forms and to different degrees.

Regarding the heritage and tourism resources of villages, Wu Xiaoqin and others, after Xidi and Hongcun were successfully listed in the World Cultural Heritage, explored the characteristics of the traditional villages in South Anhui Province by taking the ecological environment, cultural environment, and architectural crafts as the entry points. [2]Scholars of Jiang Haiping conducted field research on the history and current situation of tourism development in Xidi and Hongcun, and through comparing the economic, social and cultural changes under different tourism development modes of the two, they proposed that the development mode based on community-based development and incorporating enterprise management factors is an important path to realize the sustainable development of village-type cultural heritages.

Review of foreign literature

Pourzakarya Maryam, using the case of Rudhan Castle Village in Gilan, Iran, argues that villages are the source of culture and the existence of cultural heritage or historical sites that can provide more possibilities for cultural and creative industries from the perspective of cultural and creative industries based on the three aspects of the village community, tourists and public institutions. She believes in focusing culture on the development of local cultural industries, finding the cultural potential of the area, and enabling cultural values to be promoted in the tourism industry.[1] Carra Natalina takes the ancient Precacore village in Aspromonte Park as the object of his research, and believes that the ancient village can be a key element in constructing the identity and cultural image of Aspromonte Park, and that the construction and enhancement of the In the process of building and enhancing the park's image, the ancient village can become a more important strategic resource if appropriate strategies and policies are adopted to incorporate culture.[2] Christina Maags,Marina Svensson, in "A Book of China's Heritage in the Making", through discussing the religious ethnic identity and heritage of Tibetan villages in the Meili Snow Mountains, reveals UNESCO's interpretation of the natural and cultural heritage, the interactions between the two, and their impact on local communities, arguing that the new heritage status ignores the longstanding cultural significance of the snow-capped mountains for local communities. Furthermore, the local community's right to manage the area has been sacrificed in order to enhance the visitor experience.[3]

Research methodology Literature research method

We collect the local history and village archives of Hongcun and Xidi, as well as historical materials such as textual introductions and pictures and videos related to the development history of the places; we also review, analyze and summarize a large number of domestic and foreign books, academic journals and other literature on critical heritage research, world heritage value system, traditional village heritage and traditional villages in southern Anhui, in order to provide theoretical support for the dissertation.

Interdisciplinary research methods

Historical thinking is applied in comparing traditional and critical heritage studies, exploring the evolution of the relationship between conservation and utilization, and presenting the historical and cultural values of villages; professional knowledge from other related disciplines, such as sociology and anthropology, is utilized in explaining the main ideas of critical heritage studies, the impacts of the World Heritage on villages, and exploring the paths of future development of villages, analyzing and interpreting heritage from different perspectives. different perspectives to analyze and interpret the heritage.

Relevant Concepts and Discourses

Concept of cultural heritage

Cultural heritage is a general term for all kinds of spiritual and material wealth created with the help of external forces in the process of development of human society, which is characterized by wide distribution, diversity, uniqueness and non-renewability, etc. The protection of cultural heritage abroad can be traced back to the 19th century. The protection of cultural heritage in foreign countries can be traced back to the 19th century.[1] In 1833, Britain set up the world's first national cultural relics protection organization - Ancient Monuments Commission (Ancient Monuments Commission), which was later developed into the present British Historical Monuments Conservation Authority. [2]During this period, cultural heritage protection was regarded as a matter for experts and elites, and the protection work was usually promoted and implemented by governmental organizations and professional groups, etc. Therefore, the understanding of cultural heritage values and protection measures were often limited to specific cultural and historical perspectives. [3]With the development of society and the improvement of cultural awareness, the public began to show more interest and concern for cultural heritage protection, for example, the South of Houston Street in New York avoided the crisis of demolition and gained regeneration through public resistance during the preservation campaign of the historical and cultural district, and heritage protection NGOs emerged in Europe and the United States. [1]The path of cultural heritage protection in China has also undergone a change from being led by government agencies to residents participating in shared governance. At first, China promoted the development of heritage protection through the establishment of a series of heritage protection institutions and organizations. Subsequently, China's awareness of cultural heritage protection has increased, and laws and regulations such as the Law of the People's Republic of China on

the Protection of Cultural Relics have been introduced to strengthen cultural heritage protection. Legal protection of the chemical heritage.

Overview of Xidi and Hongcun Development

Xidi Village, founded in 1047 during the Huangyou period of the Northern Song Dynasty, is a settlement of the Hu Clan and is said to have been built as a refuge for the descendants of Emperor Zhaozong of the Tang Dynasty. During the Ming and Qing Dynasties, Hu merchants rose to prominence, and among the 124 Ming and Qing Dynasty ancient buildings that still exist in the village, the Hu Wenguang Assassin's Square (1578) and the Hall of Respect and Love (the ancestral hall) bear witness to its heyday. With "Confucian business culture" as the core, a large number of couplets and family mottos (such as "reading is the basis for starting a family, diligence and thrift is the source of ruling a family") have been preserved, reflecting the value of "Jia and good Confucianism".

Since 1986, the leaders of the local county party committee and village cadres have guided all the villagers of Xidi to run the Xidi Village together spontaneously. Xidi Tourism Service Point". As a tourism business organization highly rooted in the local community, the operation responsibility of Xidi Tourism Service Point is fully handed over to the village collective, in which the affairs are mainly decided and led by the villagers on their own, and the villagers enjoy a very high right to speak. At that time, the guides equipped for village tourism were all self-nominated and independently decided by the villagers, and the tour routes designed by them and the contents told by them were vivid and real, with a high degree of restoration of the connotation and value of the local history and culture, as well as the real life of the local community. During this period, the number of visitors to Xidi jumped from 147 in 1986 to tens of thousands in 1993 in just a few years, and the ticket revenue reached 470,000 yuan . These revenues are mainly used for the maintenance of facilities and villagers' dividends, and the rest of the funds are used to pay for the villagers' retention, as a reserve fund for the development of the quality of life of the villagers, which began to get a rapid improvement in the quality of life of the villagers. 1993, with the establishment of the Xidi Tourism Service Company (hereinafter referred to as the XITS), Xidi Tourism has formally entered into the stage of locally-led entrepreneurship, and the villagers have begun to cooperate with the Tourism Company's unified and professional management and arrangements. With the establishment of Xidi Tourism Service Company (hereinafter referred to as XTSC), a village-run collective enterprise, in 1993, Xidi Tourism officially entered the stage of locally-led enterprise operation, and villagers began to cooperate with the tourism company's unified and professional management and arrangement, and the average increase in ticket income from 1994 to 2000 was close to 50%.

Hongcun was founded in the first year of Shaoxing in the Southern Song Dynasty (1131), and the Wang family moved here to avoid the war. During the Yongle period of the Ming Dynasty, the village was remodeled according to the bionic concept of "ox-shaped water system", and the Moon Marsh (ox stomach), South Lake (ox belly), and 1,000 meters of canal (ox intestine) were excavated, forming a unique ecological water conservancy system. Among them, Chengzhitang (the residence of Wang Dinggui, a

salt merchant at the end of the Qing Dynasty) is known as the "Folk Palace", and the wood carvings are extremely complicated, portraying the life scenes of Huizhou merchants. 1986, Hongcun began to carry out tourism development under the guidance of the Yixian County Government. But Hongcun tourism initial development level is low, the development is slow. 1997, the village-run enterprise Hongcun Tourism Service Company took over the Hongcun tourism, but the annual operating income of only more than 200,000, and ultimately can be divided into the hands of the villagers of only about 10 yuan dividends; in 1998, Beijing Zhongkun Group to lease the identity of the operator began to intervene in the development of the tourism of Hongcun, and the local signed a contract of thirty years. In terms of benefit distribution, the Beijing Yixian Company (subordinate to the Beijing Zhongkun Group) accounted for 67% of the ticket revenue, the county government accounted for 20%, the town government accounted for 5%, and the Hongcun side accounted for 8%, which made the leakage from the outside of the tourism industry very serious. At the same time, the Beijing Yixian Company, taking into account its own business strategy and the needs of Hongcun's overall service level, hired professionally trained foreign tour guides, replacing the local tour guides who had been serving Hongcun's tourism industry for a long time, thus interfering with and crowding out the local villagers' original employment opportunities and development space. Hongcun residents have repeatedly expressed their dissatisfaction with this. They demanded that the proportion of benefits be redetermined, but with little effect. Later, with the introduction of foreign capital and professional talents, this mode of operation and modernized management concepts became more mature, and Hongcun's tourism industry began to upgrade steadily. 2006, Hongcun's ticket revenue exceeded Xidi for the first time, and since then the gap between its tourism revenue and Xidi's revenue has been gradually widened, and Hongcun has gradually accepted this high-leakage-loss mode of development, and the acute community problems of the early period have been alleviated in a comprehensive manner, and Hongcun has gradually moved towards the road of sustainable development. In 2020, Huihuang Tourism Development Co., Ltd. (a Yixian state-owned enterprise, hereinafter referred to as Huihuang Co.) intervened, acquiring 51% of the shares, and the Yixian government acquired the authority to manage Hongcun's tourism.

Xidi, Hongcun problems in the development process

Xidi Hongcun there is a single mode of development. Xidi, Hongcun as cultural heritage is also a golden tourist attractions, to play its uniqueness, rational development and utilization. Uniqueness is the soul of the tourism industry, and the neighboring resources of the homogeneity of tourist attractions both to the common regional characteristics to attract tourists outside the region, in the area of the two try to tap into their respective characteristics, try to avoid tourists to do two choices, but to be combined as a complete regional tourist destinations to visit. As Xidi, Hongcun overall style of homogeneity, so in tourism development both as a common tourist attraction for publicity and solicitation, while the development of appropriate emphasis on their own characteristics, and in product development to be enlarged and expanded. Such as Xidi is located in the valley, more quiet and leisurely, the number of aborigines in the

village, fields all over, can be more original flavor of Huizhou farm life show to tourists, and further allow tourists to experience the customs, nostalgia and participate in agricultural activities; Hongcun is in the foothills of the hillock area, more open, surrounded by bodies of water, and at the same time to draw water into the village, dug two pools, rich in a dynamic beauty. Hongcun will be a traditional mountain village in South Anhui Province according to water, water management, reflecting water to show in front of the tourists, and further play the connotation of traditional water culture for photography, study, wine experience and other activities. The two villages, one dynamic and one static, not only reflect the differences, but also form a complementary, as far as possible to let the tourists perceive that the two villages are an inseparable tourism combination.

Control the arbitrary development of commercialization within the scope of village scenic spots. With the great popularity of Xidi and Hongcun and the rapid growth of tourists, many developers have taken a fancy to the commercial value of ancient villages and scrambled to open stores in the villages. Moderate commercialization is also a good thing for villagers and tourists, which means improving the convenience and standard of tourism services and gaining greater economic benefits, but without timely control, the problem of over-commercialization will arise.

The streets of Hongcun are full of stores selling souvenirs, food and drink, and specialties, which not only erodes the traditional cultural flavor of Hongcun, but also seriously squeezes the survival space of local merchants. The villagers who have lived in Hongcun for a long time used to rely on their own stores to earn a living, but nowadays, under the influence of chain stores, the number of tourists who come to buy things in these small stores has decreased significantly, and the space for villagers to get benefits has been compressed again and again.

Play a good multi-party linkage at the same time also need to coordinate and balance the interests of all parties in phases and priorities.[1] In Xidi, Hongcun tourism development in the key interests of the main body of the local government, foreign enterprises, the local community, but to coordinate their interests, first of all, we must realize that the key interests of the main body of interest concerns are different, the local government is concerned about the main heritage protection, rural development and access to a certain amount of financial revenue, foreign enterprises are concerned about the main focus of the economic benefits and a good business environment, the local community The focus of local governments is on economic benefits and a favorable business environment, while the focus of foreign enterprises is on economic benefits and a favorable business environment, and the focus of local communities is on increased revenue, employment and entrepreneurial opportunities; secondly, it is important to understand that the coordination of the interests of the local government, foreign enterprises and local communities evolves during different stages of development and needs to be adjusted in time. During the start-up period, more attention should be paid to the interests of the enterprise under the premise of protection priority, so that it can develop and grow; when the scale of tourism comes up, it is

necessary to gradually increase the inclination to the interests of the community, so as to obtain the support of the community and realize long-term sustainable development.

Iinheritance and protection of Xidi, Hongcun ancient village proposals

Improving the legal and institutional system and strengthening rigid constraints With reference to the "Yixian Xidi, Hongcun World Cultural Heritage Protection and Management Measures" and the implementation details, refine the terms of ancient building repair, tourism development, environmental protection, etc., and clarify the height, material, color and other norms of the buildings in the protected area, to ensure that the principle of "repairing the old as the old" is implemented. For example, illegal alterations, commercial over-expansion and other acts of strict accountability. The county, town and village cultural relics law enforcement agencies have been set up, and the owners of ancient dwellings have signed a responsibility letter for cultural relics protection, and a third-party assessment mechanism has been introduced to regularly review the repair program. At the same time, the establishment of villagers to report reward system, the formation of national supervision network. Such as Hongcun through the "village rules and regulations" to regulate the lodging wastewater treatment, prohibit fireworks, and will protect the behavior and tourism dividends linked. Suggestions to promote the "percentage system assessment", the villagers daily protection performance and the end of the year dividends directly related to stimulate endogenous motivation.

Building a diversified financial guarantee mechanism to crack the protection bottleneck

Increase government investment, from the scenic spot ticket revenue to extract no less than 20% as a special protection funds, and strive for central and provincial financial support . Yixian County has invested a total of 1 billion yuan for the repair of ancient buildings in the past decade, the need to further expand the scope of coverage, focusing on tilting the endangered buildings. Promote the "ancient building adoption" model, encouraging enterprises and individuals to adopt the repair of privately owned ancient houses, and giving the adopters honorary villager status and travel concessions. For example, Yixian County has raised more than 15 million yuan through the adoption of protection funds, can be extended to more endangered buildings. Drawing on the experience of Huangshan's "scenic township integration", the development of peripheral art towns, the core area of commercial pressure outside, through franchising, brand cooperation and other ways to attract investment to feed the heritage protection.

Promoting the living inheritance of traditional crafts and the continuation of cultural roots

The establishment of an inheritor training system, relying on crafts colleges and museums, and joint colleges and universities to offer courses on Huizhou architectural techniques and to train professional craftsmen. For example, Yixian County plans to conduct training in ancient building restoration techniques, and may set up additional apprenticeship allowances to attract young people to participate. The "Huizhou three carvings" "Yu Xiang stone flute" and other non-heritage skills into tourism experience projects, the development of cultural and creative products. For example, Xidi to create "hundred craftsmen hall", set up non-heritage experience area, not only to enhance the

interaction of tourists, but also to provide a source of income for the craftsmen. The establishment of a three-dimensional database of ancient buildings to record the history of repair and craftsmanship details, through virtual exhibition halls, short videos and other new media to disseminate Hui culture, expanding international influence.

Optimizing the tourism development model and balancing conservation and utilization

Strictly control the flow of tourists, using the reservation system and time slots for tours, to control the number of tourists within the carrying capacity of the environment. Huangshan Mountain has adopted the model of "swimming up the mountain and living down the mountain", which can be applied to ancient villages to develop peripheral accommodation and leisure facilities. Promote environmental protection supplies, the implementation of centralized treatment of garbage and sewage. For example, Xidi invested 10 million yuan to manage the water quality of Yushan River, which requires continuous monitoring and publicizing environmental data to accept social supervision. Innovate cultural and tourism businesses, develop night-time economy (e.g. "Xidi Legend" water screen show), study tourism (Huizhou folklore experience, farming culture courses) and festivals, to prolong the stay of tourists and reduce the dependence on the core area.

Deepening international cooperation and education and promotion to enhance protection consensus

Participate in international exchanges and introduce international advanced conservation technologies and funds through platforms such as UNESCO. For example, Xidi was selected as the "Best Tourist Village", which can be used to promote conservation experience and gain global attention. Strengthen public education by offering cultural heritage courses in primary and secondary schools, organizing summer camps on the theme of ancient villages protection, and conducting lectures on Cultural and Natural Heritage Day to popularize the "Non-Heritage Law" and other laws and regulations.

Sixth, Science and Technology Enabling Heritage Protection, uilding an Intelligent Management System

Installation of ancient building health monitoring sensors, real-time tracking of temperature and humidity, structural deformation and other data, early warning of potential risks. Huangshan has passed hidden communication facilities, which can be similarly applied to Xidi Hongcun. Improve the network of fire hydrants and smoke alarms, equip micro fire trucks with drone inspections, and establish a 24-hour emergency response mechanism.

The protection of Xidi Hongcun requires a dynamic balance between tradition and modernity, conservation and development. Through legal safeguards, diversified funding, community governance, science and technology empowerment and other systematic initiatives, we can realize the sustainable inheritance of cultural heritage. Just as the "addition and subtraction" of Huangshan reveals: protection is the foundation, innovation is the driving force, the only way to make the story of Huizhou alive is to explore the future in the fear of history. Based on the two villages is a world cultural heritage site, the current development mode is mainly limited to sightseeing

tours, sightseeing tourist attractions, low economic returns, tourists revisit the rate is low, in order to maintain the villagers' earnings continue to improve, often need to continue to invest in marketing and expand the scale of tourists, and expanding the scale of tourists will be to the village scenic spot caused by the greater environmental protection and reception pressure. Under the situation that the overall tourism development in China is transforming to leisure and health, the sightseeing traditional village scenic spots need to have new strategies to adapt to the development of the times.

Conclusion

The protection of Xidi Hongcun requires a dynamic balance between tradition and modernity, conservation and development. Through legal safeguards, diversified funding, community governance, science and technology empowerment and other systematic initiatives, we can realize the sustainable inheritance of cultural heritage. Just as the "addition and subtraction" of Huangshan reveals: protection is the foundation, innovation is the driving force, only by exploring the future in reverence for history can the story of Huizhou be kept alive. Based on the two villages is a world cultural heritage site, the current development mode is mainly limited to sightseeing tours, sightseeing tourist attractions, low economic returns, tourists revisit the rate is low, in order to maintain the villagers' earnings continue to improve, often need to continue to invest in marketing and expand the scale of tourists, and expanding the scale of tourists will be to the village scenic spot caused by the greater environmental protection and reception pressure. In China's tourism development as a whole to leisure, health transformation situation, tourism traditional village scenic spots need to have a new strategy to adapt to the development of the times. First, to correctly understand the meaning of ancient village protection. Ancient villages as cultural heritage is the primary task of protection, but also the premise of tourism development. However, we cannot simply apply the natural heritage protection method to the protection of cultural heritage, natural heritage protection is first of all to minimize the interference of human beings to the environment within the scope of the protected area, while the cultural heritage itself is the product of human activities, and the intangible cultural heritage is even more dependent on human beings, and the material heritage, such as the ancient dwellings, can be continuously maintained and reduced biological infringement in use; therefore, the protection of cultural heritage should be on the Therefore, the protection of cultural heritage should be based on compliance with relevant regulations, and it is often more effective to adopt active utilization protection through the integration of culture and tourism. In addition, attention should be paid to the integrity of the connotation of ancient villages, and the surrounding environment should also be valued as a component of ancient villages, so as to maintain and optimize the peripheral idyllic and natural scenery. Second, the government, enterprises, community tripartite participation is indispensable. Because of the special characteristics of the ancient village scenic area, the government, enterprises, communities need to participate in order to smooth and sustainable development. The government plays a leading and coordinating role, the enterprise is the main business, the community is the scenic spot carrier. Xidi, Hongcun although taken two different

tourism development mode, but are inseparable from the government, enterprises, cooperation and coordination between the villagers, the biggest difference here is the formation of the two modes of enterprises within the mode of different ways to bring about the distribution of income and the use of the differences in the way. Third, try to create the uniqueness of the ancient village scenic spot. Ancient villages in the same region of the people's homes and customs are basically the same, but based on the topography of the natural environment is still significantly different, resulting in the relationship between the village and the natural environment reflects a certain uniqueness, such as the ecological water system in Hongcun. In the development should be good at capturing this difference, strengthening and highlighting the characteristics, highlighting the uniqueness of the scenic spot on the basis of regional commonality.

REFERENCE

1. XU Shenfeng, HU Yike, LI Min, et al. Research on traditional villages based on genealogical images taking Xidi and Hongcun as examples[J]. Interior Design and Decoration,2025,(03):122-123.

2. Xu Jingjing. Research on the development countermeasures of rural tourism in Xidi and Hongcun ancient villages [D]. Wuhan Light Industry University,2024.

3. Ma Lijuan. Research on the coupled coordination of ancient village protection and tourism economic development--Taking Xidi and Hongcun in Yixian County, Huangshan City, Anhui Province as an example[J]. Journal of Xinjiang Normal University (Natural Science Edition),2024,43(03):40-46.

4. XIAO Shenghe,WANG Yu. Comparative study on the effect of different tourism development modes in neighboring homogeneous ancient villages--Taking Xidi and Hongcun ancient villages as examples[J]. Anhui Agricultural Science,2024,52(06):135-139+172.

5. Yuan Xin,Zhang Danlei. Cluster visit: characterization of spatial layout of traditional villages in Huizhou--Taking Hongcun and Xidi as examples[J]. Anhui Architecture,2023,30(11):5-7.

6. Chen R. Research on the Influence Path and Grouping of Tourism Support Behavior of Ancient Village Residents under Ternary Interaction Perspective[D]. Shanghai Normal University,2024.

7. Miao Xiaoyu. Research on the Development Path of Village Heritage under the Perspective of Critical Heritage Studies [D]. Shandong University,2023.

8. WANG Qin'an,WU Pretty,WU Ning. Comparison and Optimization of Imagery of Nearby Ancient Village Tourist Sites--Taking Xidi and Hongcun as an Example[J]. Resource Development and Market,2023,39(08):1073-1080.

9. LI Donghe,GUO Mengying. Influence of residents' sense of acquisition and happiness on pro-tourism behavior in rural tourism places - A case study based on Xidi and Hongcun [J]. Journal of Hefei University of Technology (Social Science Edition), 2022, 36 (06): 50-59.

10. Ding Xun. Ancient Villages in Southern Anhui--Xidi and Hongcun [J]. Study Guide for Middle School Students, 2022, (20): 20-21.

11. ZHOU Bin,CHEN Yuanyuan,YU Hu,et al. Research on factors influencing tourists' satisfaction in traditional ancient villages for study tour--Taking Xidi and Hongcun as examples [J]. Progress in Geographic Science, 2022, 41 (05): 854-866.

12. ZHOU Bin,CHEN Yuanyuan,YU Hu,et al. Motivation of study travelers in world cultural heritage sites: Types and differences--Taking Xidi Hongcun as an example [J]. Arid Zone Resources and Environment, 2021, 35 (12): 195-201.

13. Bai Bing. A comparative study of social system resilience in tourism-dependent communities [D]. Beijing Forestry University, 2021.

14. Liu Dan. Research on Government Intervention Models of Heritage Tourism Operation in Ancient Villages and Towns [D]. East China Normal University, 2021.

15. SUN Chunyu. Analysis of the edification significance embedded in Huizhou couplets--Taking the couplets of Xidi and Hongcun in Yixian County, Huangshan City as an example [J]. Young Literati, 2013, (16): 229.

16. CHENG Jingjing,ZHANG Yuangang. Research on the Development of Ancient Villages Depending on Tourism Villages--Taking Xidi and Hongcun as Examples [J]. Journal of Changsha University, 2012, 26 (03): 13-15.

Правовое регулирование смарт-контрактов, начиная со стандартных условий

Legal Regulation of Smart Contracts — Starting from Standard Terms

Чжэн Тяньшэн
Пекинский объединенный университет
Zheng Tiansheng
Beijing Union University

Abstract. In the digital economy, smart contracts are widely used but bring legal issues. This paper focuses on their standard terms, analyzes their nature, characteristics, and risks, and proposes legal regulation paths from multiple aspects. It aims to balance interests, promote the healthy development of smart contracts, and maintain the stability and fairness of the digital economy market.

Key words: Smart Contract; Legal regulation; Standard terms; Legal nature

I. Introduction

With blockchain's development, smart contracts change the transaction model. However, their wide application brings legal challenges, especially the issue of standard terms. Different from traditional ones, smart contract standard terms are in digital code form, with unique contracting and enforcement methods. Studying their legal regulation is crucial to protect parties' rights and ensure the healthy development of smart contracts.

II. The Legal Nature of Smart Contracts and Their Correlation with Standard Terms

(I) Analysis of the Legal Nature of Smart Contracts

There are three main views on the legal nature of smart contracts: program theory, contract theory, and self - help theory. The program theory emphasizes technical aspects but ignores legal relationships. The contract theory, which holds that smart contracts meet the basic elements of contracts, is more reasonable. The self - help theory is skeptical as smart contracts don't fully meet the conditions of civil law self - help behaviors.

(II) Characteristics of Standard Terms of Smart Contracts

Similar to traditional standard terms, smart contract standard terms are drafted in advance for reuse, and the counterparty has limited negotiation power. But they also have unique features: expressed in digital code, difficult for ordinary users to understand; auto - execution makes it hard to intervene during execution; and the decentralized nature makes it complex to define the responsible party.

III. Legal Risks Arising from Standard Terms of Smart Contracts

(I) Risk of restricted freedom of contract

Smart contracts' conclusion method restricts the counterparty's contractual freedom, depriving them of the opportunity to negotiate terms. For example, in online financial service smart contracts, users may accept unreasonable terms due to lack of knowledge and negotiation skills.

(II) Risk of Unfair terms

Drafters may use their advantages to set unfair terms, and the complexity of smart contracts makes it hard for the counterparty to detect. For instance, in privacy provisions, drafters may abuse user data collection rights.

(III) Risk of information asymmetry

The technical nature of smart contracts exacerbates information asymmetry. The counterparty may not be aware of technical problems during contract operation, leading to losses. In a supply chain smart contract, code vulnerabilities may cause delivery issues without the supplier's timely detection.

(IV) Risks of Legal application and Regulatory predicaments

Current laws are lagging in dealing with smart contract standard terms. Smart contracts' decentralized and cross - border nature makes regulation difficult, and they may be in a regulatory "grey area".

IV. Legal Regulatory Pathways for Standard Terms of Smart Contracts

(I) Program Control

Strengthen subscription rules: smart contracts should be accessible, offer notices should be significant, and a concise contract summary should be provided. Improve the obligation of prompt and explanation: drafters should use innovative methods like animated demonstrations to explain terms.

(II) Content Control

Establish review standards: review based on the principle of fairness and good faith. For example, in a smart rental contract, unreasonable rent - service ratios may violate fairness. Establish a "blacklist and grey list" system: "blacklist" terms are clearly illegal, and "grey list" terms need comprehensive evaluation.

(III) Administrative Control

Strengthen prior review: the drafting party should submit contracts for administrative review. Administrative departments should check for unreasonable terms and technical security issues. Formulate standards and norms: administrative departments should create standard templates and standardized languages for smart contracts.

V. Practice and Reference of Legal Regulation of Smart Contracts at Home and Abroad

(I) Relevant practices abroad

The US and some European countries have legislated on smart contracts. The US defines smart contracts and provides application guidance, and Italy has passed a bill giving smart contracts legal binding force.

(II) Domestic Current Situation and Deficiencies

China regulates smart contracts indirectly through existing laws but lacks targeted provisions. Administrative supervision mechanisms and review standards are also not yet established.

VI. Conclusion

Smart contracts have great potential, but the legal risks of their standard terms need to be addressed. Through multi - aspect regulation, we can balance interests and promote healthy development. With technological innovation, interdisciplinary

research and international cooperation are needed to improve the legal regulation of smart contracts and support the digital economy's development.

REFERENCE

1.Wei Hantao, Sheng Haojie: "Analysis of Types of Risks Associated with Smart Contracts and Criminal Law Responses" In Journal of Hainan University (Humanities and Social Sciences Edition), 2023,41 (5) : 124-131.

2.Cheng Le: "The Construction Path of Smart Contract Terms under a Two-Tier Structure" Published in "Legal Review", 2022, 40 (2) : 53-66.

3.Cao Shuran: "The Regulatory Effects and Practical Optimization of Blockchain Smart Legal Contracts: From the Perspective of Alleviating the Predicaments of Traditional Smart Contracts" Published in "Science and Technology & Law (Chinese and English)", 2023 (3) : 108-115.

4.Xu Zhongyuan, Zheng Huangjie: "The Governance Logic of Smart Contracts: Legal Nature, Risk Types, and Resolution Paths", Legal Research Journal, 2024 (2) : 69.

5.Wu Ye: "On the Private Law Construction of Smart Contracts". Published in Jurist, 2020(2) : 4.

6.Li Tao: "Legal Regulation of Standard Terms in Smart Contracts", Science and Technology & Law (Chinese and English), 2024,24 (6) : 111.

7.Judgment No. 2552 of 2021 issued by Chengdu Railway Transport First People's Court and Judgment No. 34508 of 2022 issued by Shanghai Minhang District People's Court.

8.Liang Huixing: "The Successes and Shortcomings of Contract Law (Part I)", in China and Foreign Jurisprudence,1999(6):22.

9.Su Haopeng: "Research on Standard Contract Terms", Renmin University of China Press,2004:260-264.

10.Title 44-Trade and Commerce, Chapter 26: Electronic Transactions, Article5,44-7061.Arizona Revised Statutes. https://www.azleg.gov/arsDetail/?title=44 (accessed 9 November 2018).

11.EVGENYA Z. Models of legal regulation of smart con-tract: generalities and specifics[J]. Pravo-Zhurnal.

12.Vys-shei Shkoly Ekonomiki, 2021(3): 126-147.

Высшая школа как пространство межкультурного взаимодействия и формирования глобальной идентичности молодежи

Ю. М. Шапошникова
Казахский национальный педагогический университет имени Абая

Аннотация. В статье рассматривается роль высшей школы как ключевого пространства межкультурного взаимодействия и формирования глобальной идентичности студенческой молодежи в Казахстане и странах СНГ. Особое внимание уделяется современным методикам обучения английскому языку, способствующим развитию межкультурной компетентности, толерантности и способности к диалогу культур. Анализируются подходы CLIL (Content and Language Integrated Learning), проектное обучение и цифровые технологии как эффективные инструменты интеграции образовательных и культурных практик. Отмечается важность взаимодействия студентов с международными партнерами через онлайн-платформы, участие в международных конференциях и совместных проектах. Подчеркивается значение высшего образования как фактора духовного развития личности и формирования ценностных ориентиров в условиях глобализации.

Ключевые слова: высшая школа, межкультурное взаимодействие, глобальная идентичность, преподавание английского языка, CLIL, цифровая образовательная среда, духовное развитие, интеграция культур.

Введение

Современная высшая школа выполняет образовательную, социальную, культурную и духовно-воспитательную функции. В условиях глобализации университеты перестают быть лишь местом получения профессиональных знаний — они становятся центрами формирования глобальной идентичности студентов, их навыков межкультурной коммуникации и толерантного восприятия культурного многообразия (Ильинский, 2021; Byram, 1997). Высшая школа превращается в пространство диалога культур, где студенты учатся анализировать, сопоставлять и критически воспринимать различные культурные модели (Hall, 2020).

Для Казахстана и стран СНГ эта тенденция особенно значима: полиэтничность региона и исторически сложившаяся культурная многослойность делают межкультурное взаимодействие неотъемлемой частью образовательной среды. В Казахстане в 2023 году более 30 000 студентов приняли участие в международных образовательных программах, включая обмены, стажировки и программы двойных дипломов (Министерство образования и науки РК, 2023: Электронный ресурс). Университеты страны имеют свыше 500 соглашений с зарубежными образовательными организациями из более чем 50 стран. В странах СНГ ежегодно более 90 000 студентов участвуют в академической мобильности и международных обменах

(Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2022: Электронный ресурс).

Преподавание английского языка в вузе выходит за рамки овладения языковыми навыками и становится инструментом развития межкультурной компетентности, критического мышления и способности к диалогу культур. Методики CLIL, проектное обучение и цифровые образовательные технологии создают интегративную модель обучения, объединяя освоение языка с приобщением к новым культурным и профессиональным практикам (Kramsch, 2022).

Таким образом, университеты выполняют роль «узловых точек глобализации», формируя новые модели культурного взаимодействия и глобальной идентичности студентов. Особенно актуально это для Евразийского региона с высокой этнической и культурной неоднородностью, где обучение иностранным языкам, прежде всего английскому, является мощным инструментом интеграции и развития межкультурных компетенций молодежи (Coyle, Hood, Marsh, 2010).

1. Высшая школа как пространство межкультурного взаимодействия

Высшие учебные заведения Казахстана и стран СНГ создают условия для развития межкультурного взаимодействия, формируя образовательную среду, где студенты сталкиваются с культурным разнообразием и учатся взаимодействовать с представителями различных этнических, языковых и религиозных сообществ. Это способствует формированию навыков межкультурной коммуникации, уважения к различиям и готовности к международному сотрудничеству (Byram, 1997; Deardorff, 2009).

Для Казахстана внедрение межкультурных подходов сопряжено с рядом трудностей: недостатком преподавателей, прошедших международную сертификацию по межкультурной педагогике, ограниченной методической поддержкой и доступом региональных вузов к современным цифровым платформам. Вместе с тем модернизация образовательной политики и интеграция цифровых решений постепенно смягчают эти барьеры (Byram, 1997; Deardorff, 2009).

Примеры межкультурного взаимодействия включают участие студентов в академическом обмене с университетами Центральной Азии, Европы и Юго-Восточной Азии, участие в международных форумах, а также совместные онлайн-проекты — виртуальные дебаты, исследовательские лаборатории и межкультурные круглые столы. Цифровая образовательная среда становится важным каналом глобального общения: студенты взаимодействуют с зарубежными партнёрами через платформы видеоконференций, электронные курсы и мультиязычные онлайн-проекты.

Особое значение приобретают университетские инициативы. Так, Казахский национальный педагогический университет имени Абая и Назарбаев

Университет реализуют проекты, направленные на расширение межкультурного диалога. В 2021–2023 гг. КазНПУ участвовал в международной инициативе «Digital Pedagogy for Intercultural Communication», включавшей онлайн-семинары с преподавателями из Южной Кореи, Турции и Хорватии, а также межкультурную студенческую исследовательскую группу по цифровым формам коммуникации. Назарбаев Университет с 2019 г. организует проект NU Global Languages and Cultures Week с мастер-классами по английскому, китайскому, корейскому, испанскому и арабскому языкам, международными дебатами и культурными презентациями. В 2022 г. КазНПУ и Назарбаев Университет совместно провели Летнюю школу по межкультурному образованию, где студенты разрабатывали мультиязычные образовательные проекты и участвовали в международных онлайн-дискуссиях.

В научной традиции России и Казахстана взаимодействие культур рассматривается как процесс взаимного обогащения. Зарубежные исследования подчеркивают, что межкультурные контакты в образовательном пространстве формируют «третье место», где студент одновременно осознаёт собственную культурную идентичность и адаптируется к глобальным нормам (Hampel, Stickler, 2021). В Казахстане трёхъязычное образование усиливает межкультурное взаимодействие, развивая гибкость мышления и способность переключаться между культурными кодами.

Значительный потенциал представляет модель COIL (Collaborative Online International Learning), позволяющая студентам приобретать опыт международного взаимодействия без физического выезда за рубеж, что важно для региональных университетов и студентов с ограниченными ресурсами (Holliday, 2013).

2. Формирование глобальной идентичности студентов

Глобальная идентичность определяется как осознание себя частью мирового сообщества при сохранении собственной культурной принадлежности (Giddens, 2021). В контексте высшей школы формирование глобальной идентичности студентов тесно связано с освоением иностранного языка, участием в международных образовательных проектах и взаимодействием в цифровой образовательной среде (Fantini, 2020).

В Казахстане студенты приобретают этот опыт через участие в международных конференциях, онлайн-программах сотрудничества с университетами Европы, США и Азии. Данный подход способствует формированию открытого мировоззрения, развитию навыков работы в мультикультурной команде и критическому осмыслению социальных и культурных процессов (Kramsch, 2022).

Интеграция подходов CLIL и проектного обучения позволяет одновременно осваивать предметное содержание и язык, что формирует глубокое понимание культуры и социальной специфики изучаемого материала.

Например, проектное изучение истории, литературы и социальных дисциплин на английском языке предоставляет студентам возможность анализировать культурные различия, выявлять общие ценности и формировать навыки ведения межкультурного диалога (Hall, 2020).

Понятие «глобальная идентичность» рассматривается в современном гуманитарном знании через призму культурной философии. Согласно А. Гидденсу, формирование глобальной идентичности происходит в «контактных зонах», где личность сталкивается с разнообразием культурных практик. Студенты, изучающие иностранный язык, постоянно находятся в таких зонах, что ускоряет процесс формирования глобального сознания.

Результаты исследований Евразийского национального университета (2021–2023 гг.) показывают, что участие студентов в англоязычных академических проектах способствует развитию ценностей космополитизма, толерантности и открытости, при этом сохранение национальной идентичности не ослабевает. Напротив, студенты активнее рефлексируют над культурой своей страны, что усиливает интеграцию локального и глобального культурного опыта (Ковалев, 2020).

3. Современные методики преподавания английского языка

Современные исследования в России и Казахстане подчёркивают необходимость развития межкультурной коммуникативной компетентности как главной цели преподавания английского языка. Это соответствует международным стандартам CEFR и образовательной политике Болонского процесса, ориентированной на формирование мультикультурно компетентной молодежи (Кравцова, 2022; Byram, 1997).

CLIL (Content and Language Integrated Learning). Методика CLIL представляет собой интеграцию содержания предметной дисциплины с изучением языка, что позволяет студентам осваивать английский через реальные профессиональные и гуманитарные курсы, развивая критическое мышление и межкультурное понимание (Coyle, Hood, Marsh, 2010). CLIL рассматривается не только как педагогический приём, но и как образовательная философия, формирующая «когнитивную гибкость» — способность переключаться между дисциплинарными, языковыми и культурными контекстами. В вузах CLIL признан важным направлением модернизации педагогического образования: он способствует развитию аналитического мышления, межкультурной интерпретации и интеграции знаний из разных областей.

Примеры реализации CLIL в Казахстане. Программа «Обучение STEAM и CLIL» (КазНПУ имени Абая) реализована совместно с финским университетом HAMK и Назарбаев Университетом. Программа направлена на интеграцию естественно-научных дисциплин (STEAM) с английским языком и подходом CLIL. В результате разработан силлабус дисциплины «Химическая экология» на английском языке. Курсовая программа повышения квалификации

«Методика CLIL» для преподавателей ТиПО предназначена для педагогов технических и профессиональных учебных заведений Казахстана. Она способствует подготовке специалистов к преподаванию предметных дисциплин на английском языке и поддерживает цели трёхъязычного образования.

Реальные внедрения CLIL демонстрируют, что это не абстрактная концепция, а практическая методика, активно применяемая в образовательной среде Казахстана. Инвестиции в STEAM + CLIL и повышение квалификации преподавателей отражают системную стратегию развития многоязычного и междисциплинарного образования, а также усиливают конкурентоспособность выпускников, предоставляя им навыки применения английского языка в профессиональных и академических контекстах.

Проектное обучение. Проектное обучение ориентировано на решение практических задач и организацию совместной деятельности студентов, что делает его эффективной средой для формирования аналитических, коммуникативных и межкультурных компетенций. В рамках проектной работы студенты создают презентации, исследовательские отчёты, мультимедийные продукты, социальные инициативы и международные мини-проекты. Такой формат способствует развитию навыков общения, лидерства, распределения ролей и ответственности в международной группе (Deardorff, 2021).

В качестве примера можно привести международный онлайн-проект студентов КазНПУ имени Абая, Казанского федерального университета, Университета г. Билефельд (Германия) и ФерГУ (Узбекистан). В 2023 году участники выполнили совместное исследование под названием *“Cultural Narratives in Youth Media: A Comparative Analysis of Kazakhstan, Uzbekistan, and Germany”*. Проект включал:

– анализ практик молодежной цифровой культуры и медиа-контента трёх стран;

– сопоставление культурных кодов, визуальных символов и речевых стратегий;

– создание мультимедийного продукта — видеоролика с синтезированной презентацией результатов;

– публичную защиту проекта на международном онлайн-форуме.

Другой пример — межкультурный мини-проект *“Traditions We Share”* (2022), в рамках которого студенты Казахстана и Узбекистана изучали сходства и различия в семейных, праздничных и образовательных традициях, готовили инфографику, постеры и мини-документальные видеоматериалы. Проект способствовал развитию навыков анализа культурных практик и академического оформления результатов на английском языке.

Проектное обучение демонстрирует высокую эффективность в формировании компетенций XXI века, таких как креативность, коллаборация, критическое мышление и навыки решения проблем. Согласно данным МосГУ (2020–2023),

при изучении английского языка проектная деятельность в среднем оказывается более результативной, чем традиционные методы, примерно в 1,7 раза.

Цифровые технологии. Цифровые платформы и образовательные онлайн-инструменты открывают новые возможности для межкультурного взаимодействия в высшей школе. В университетах Казахстана активно используются такие платформы, как Moodle, Platonus, UniHub, а также глобальные ресурсы Coursera, edX, FutureLearn и Zoom для организации синхронного и асинхронного обучения (Warschauer, 2010). Применение цифровых технологий в обучении английскому языку способствует развитию критического мышления, навыков адаптивности, цифровой медиаграмотности и культурной эмпатии — качеств, особенно значимых для многонациональных стран СНГ. В соответствии с рекомендациями ЮНЕСКО и стандартами DigCompEdu цифровая образовательная среда рассматривается как необходимый компонент формирования глобальных компетенций (Kramsch, 2022).

В Казахстане цифровизация высшего образования активно поддерживается государством. Национальный проект «Цифровая нация» и инициативы Министерства науки и высшего образования направлены на модернизацию университетов, создание виртуальных образовательных лабораторий, внедрение адаптивных LMS и развитие цифровых навыков студентов. Так, в КазНПУ имени Абая реализован проект *“Virtual Language Lab”* (2021–2024), в рамках которого студенты выполняют интерактивные задания, проходят тренажёры по аудированию и участвуют в международных онлайн-дискуссиях с вузами России, Турции и Узбекистана.

Другим примером является межуниверситетская инициатива *“Digital Dialogue Forum”*, включающая онлайн-дебаты и круглые столы по вопросам культуры, образования и молодежной политики. Такие мероприятия формируют навыки виртуальной культурной коммуникации, где студенты учатся интерпретировать культурные стили взаимодействия, цифровые нормы этикета и контекст сообщений без физического присутствия участников.

Цифровые технологии создают условия для расширения образовательных границ: студенты получают доступ к международным библиотекам, электронным ресурсам, корпусам текстов и автоматизированным системам проверки языка (Grammarly, LanguageTool), что способствует углублению академической грамотности и развитию навыков самостоятельного исследования. Таким образом, цифровизация выступает не только как инструмент, но и как комплексная среда формирования глобальной идентичности и межкультурной компетентности студентов.

4. Роль высшего образования в духовном и ценностном развитии

Высшее образование выполняет важнейшую ценностную и мировоззренческую функцию, формируя духовную идентичность, социальную

ответственность, культуру диалога и уважение к культурному многообразию (Ильинский, 2021; Nussbaum, 2010). Для Казахстана и стран СНГ эта функция приобретает особую значимость, поскольку регион характеризуется этнической, религиозной и языковой многополярностью. Университеты, объединяющие представителей разных национальных групп, становятся пространствами формирования духовной зрелости и гуманистических ориентиров.

В Казахстане реализуются образовательные программы, направленные на формирование духовно-нравственных ценностей студентов. Например, в КазНПУ имени Абая действует курс *«Рухани жаңғыру: духовное обновление личности»*, направленный на развитие национальной идентичности, ценностей гражданского мира и межэтнического согласия. На базе Назарбаев Университета и КазНУ имени аль-Фараби функционируют программы *Service Learning*, в рамках которых студенты участвуют в волонтёрских проектах, социальных исследованиях и инициативах по поддержке местных сообществ. Эти практики способствуют развитию эмпатии, ответственности и готовности к межкультурному взаимодействию.

Студенческие клубы и культурные организации играют значимую роль в духовном развитии молодежи. Например, *Model UN Kazakhstan* объединяет студентов стран СНГ, развивая навыки дипломатии, культурного диалога и осознания глобальных проблем. Университеты также поддерживают клубы межкультурной коммуникации, этнокультурные студенческие центры и международные сообщества, такие как Erasmus Student Network (ESN) и AIESEC, направленные на формирование лидерских качеств и межкультурного взаимопонимания (Быстрова, 2020).

Волонтёрские программы оказывают существенное влияние на развитие духовных качеств студентов. В Казахстане реализуется проект *«Жас Қыраны – Национальный волонтёрский корпус»* (2020–2024), ежегодно вовлекающий более 20 000 студентов. Вузовские волонтёрские центры организуют проекты в сферах экологии, инклюзии, культурного наследия и социальной поддержки, формируя чувство гражданской принадлежности, сочувствия и готовности к общественно значимой деятельности (Быстрова, 2020).

Современные исследования подтверждают, что духовное развитие личности возможно лишь в условиях диалога культур. Университет становится пространством, где интеграция образовательных программ, культурных практик и исследовательских инициатив обеспечивает осознанный межкультурный обмен. В странах СНГ духовное воспитание студентов связано с укреплением гуманистических ценностей, уважением к культурному многообразию и развитием эмпатии, что соответствует концепциям ЮНЕСКО и международной педагогической науки.

Таким образом, высшая школа в Казахстане и СНГ выступает не только центром академического роста, но и пространством духовного становления

личности, формирования ценностных ориентиров и развития межкультурной компетентности, что делает её ключевым институтом социализации в условиях глобализации.

Заключение

Анализ современных подходов к организации межкультурного и языкового образования в высшей школе Казахстана и стран СНГ показывает, что университеты становятся ключевыми центрами формирования глобальной идентичности, межкультурной компетентности и ценностной устойчивости студенческой молодежи. Применение методик CLIL, проектного обучения и цифровых платформ обеспечивает интеграцию языкового, культурного и профессионального развития студентов, усиливая их способность к межкультурному взаимодействию.

Практика университетов демонстрирует, что использование онлайн-платформ, международных образовательных проектов и цифровых коммуникационных инструментов способствует формированию навыков сотрудничества и критического осмысления культурных различий, необходимых для успешной профессиональной деятельности в глобальном пространстве. При этом высшая школа сохраняет национальные ценности, обеспечивая баланс между глобальными культурными тенденциями и локальным культурным опытом (Coyle, Hood, Marsh, 2010; Byram, 1997).

Наиболее эффективными методиками формирования межкультурной компетентности в условиях вузов Казахстана являются CLIL-подход, обеспечивающий одновременное овладение предметным содержанием и языком; проектное обучение; цифровые формы взаимодействия (видеоконференции, виртуальные обмены), предоставляющие доступ к реальной межкультурной среде.

Главным вызовом для университетов остаётся системное обновление педагогических кадров и образовательной инфраструктуры, включая повышение цифровой грамотности преподавателей, расширение международных партнёрств и интеграцию межкультурных модулей в учебные планы всех специальностей.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются оценка влияния цифровых международных проектов на развитие межкультурной эмпатии и толерантности студентов; сравнительный анализ эффективности CLIL в разных профессиональных областях; разработка модели диагностики межкультурной компетентности, адаптированной к условиям Казахстана и СНГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ильинский, И. М. Образование и молодежная политика: духовные и социальные ориентиры XXI века. — М. : МосГУ, 2021.

Быстрова, Н. В. Межкультурная коммуникация в образовательной среде: теоретические и практические аспекты. — М. : Просвещение, 2020.

Кравцова, Е. А. Методики развития межкультурной компетентности в изучении английского языка. — М. : Флинта, 2022.

Липатова, Н. В. Цифровые технологии в преподавании иностранных языков. — М. : Академический проект, 2021.

Ковалев, С. В. Интеграция культур в высшей школе: теория и практика. — СПб. : Питер, 2020.

Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан. Высшее образование в Республике Казахстан: статистика, международное сотрудничество и цифровая трансформация. — Официальная страница. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/sci (дата обращения: 16.11.2025).

Coyle, D., Hood, P., & Marsh, D. CLIL: Content and Language Integrated Learning. — Cambridge : Cambridge University Press, 2010.

Byram, M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. — Bristol: Multilingual Matters, 1997. Deardorff, D. K. The SAGE Handbook of Intercultural Competence. — Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2009.

Kramsch, C. Language and Culture in the Digital Age. — Oxford : Oxford University Press, 2022.

Fantini, A. E. Developing Intercultural Competence in Globalized Education. — Washington, DC : SIT Study Abroad, 2020.

Hampel, R., & Stickler, U. Developing Online Language Teaching: Theory and Practice. — Cambridge : Cambridge University Press, 2021.

Hall, E. T. Beyond Culture. — Garden City, NY : Anchor Press, 2020 (reprint).

Giddens, A. Runaway World: How Globalisation is Reshaping Our Lives. — London : Profile Books, 2021.

Warschauer, M. Digital Literacy and Language Learning. — Oxford : Oxford University Press, 2010.

UNESCO. Intercultural Competences: Conceptual and Operational Framework. — Paris : UNESCO, 2013. URL: https://unesdoc.unesco.org (дата обращения: 16.11.2025).

Шапошникова Юлия Михайловна, преподаватель английского языка, магистрант кафедры иностранных языков Казахского национального педагогического университет имени Абая, Алматы, Казахстан. Адрес: Казахстан, г. Алматы. Тел.: +7 (707) 393 22 22. Эл.адрес:yuliya_shaposhnikova.11@mail.ru. Научный руководитель – *Айдарбеков Зейнабил Смайлханович*, доктор философских наук, профессор.

Регулирование трансграничных потоков данных: конфликты и координация в глобальной цифровой экономике

Cross-Border Data Flow Regulation: Conflicts and Coordination in the Global Digital Economy

Ши Минмин
Пекинский объединенный университет
Shi Mingming
Beijing Union University

Abstract. With the accelerated development of the global digital economy, cross-border data flows face significant regulatory conflicts among nations, particularly regarding data sovereignty, privacy standards, and security reviews. Through comparative analysis, this study proposes a coordination mechanism involving a multilateral cooperation framework, unified data classification standards, and an enhanced role for international organizations. The aim is to balance data utility with security and promote sustainable digital economic development.

Key words: Global digital economy; Cross-border data flows; Data sharing rules; Data security

I. Introduction

In the global wave of the digital economy, the cross-border flow and sharing of data has become a core issue, and the construction,The United Nations 2030 Agenda for Sustainable Development lists the "digital economy" as a key driver, and cross-border data flows are the lifeblood of the digital economy.

II. The current state of practice of rules on cross-border data flows and sharing

In the context of the booming global digital economy, the study of rules for cross-border data flows and sharing is becoming increasingly important. Internationally, various parties are actively exploring ways to mitigate rule conflicts. Bilateral agreements are constantly emerging, aiming to provide customized rules for data exchanges between specific countries; Regional cooperation frameworks have flourished, such as the APEC Privacy Framework and the Cross-border Privacy Rules System (CBPR), which aim to unify data privacy protection standards within the region and facilitate cross-border data flows; At the multilateral level, organizations such as the WTO have been discussing how to incorporate data flow rules into the global trade framework, but no broad consensus has been reached due to the complex interests of various countries. Technological advancements also have a profound impact on rule research. The distributed ledger feature of blockchain technology provides new avenues for data traceability and secure storage, which helps to enhance trust mechanisms in cross-border data processes; Privacy computing technology 1 enables data to be "usable but invisible" by computing and analyzing data in an encrypted state, providing an innovative solution for data sharing.

III. Conflicts and challenges faced by cross-border data flow and sharing rules

（I）National security and public interest

In cross-border data flows, maintaining state control over data flows and national sovereignty is crucial. This means ensuring that national security is not threatened, especially preventing sensitive data and critical information infrastructure data from being illegally accessed or misused.

（II）Legal systems vary from country to country

The EU's GDPR imposes stringent personal data protections (e.g., access rights, data erasure) and strict cross-border transfer rules, while the U.S. favors industry self-regulation outside sensitive sectors. These legal disparities create compliance burdens for businesses, as conflicting standards raise operational costs and legal risks in cross-border data processing.

（III）The rapid development of technology

Emerging technologies such as cloud computing, edge computing, and the Internet of Things have fundamentally changed the way data is produced, stored, and transmitted. In a cloud computing environment, data can be stored on servers in multiple countries, and its physical location is hard to determine, which undermines traditional territorial jurisdiction rules. Edge computing processes data closer to the data source or the user end, increasing the complexity and concealment of data crossing borders.

The massive amounts of data generated by Internet of Things (iot) devices are more difficult to manage cross-border flows, and existing rules are hard to effectively cover the data flow paths and protection requirements in these new technological scenarios, resulting in regulatory delays and gaps.

（IV）There are obstacles to international cooperation and communication Although international organizations and governments of various countries are aware of the importance of coordinating the rules for cross-border data flows, in practice, due to the differences in economic development levels, political systems, cultural traditions and strategic interests among countries, it is extremely difficult to reach a broad consensus.

IV. Improve the coordination mechanism for cross-border data flow and sharing rules

（I）Strengthen data security and privacy protection

In terms of safeguarding national sovereignty and security, countries should set clear regulatory red lines for cross-border data flows, establish strict data classification and grading systems, and enforce strict control over sensitive data related to national security and critical infrastructure, such as restricting its flow only between specific and trusted countries or organizations, and ensure its security through technical means such as encrypted transmission and access restrictions. At the international level, efforts could be made to promote the signing of multilateral or bilateral data security

agreements, build an international security framework for cross-border data flows, define the security responsibilities and obligations of data receiving countries, prevent malicious exploitation of data, establish clear penalties for violations of the agreements, enhance the stability and binding force of the rules, and avoid trade barrier data restrictions. Ensure the legal and orderly flow of data across borders.

（II）Establish uniform standards for cross-border data flow

From an international perspective, the EU has established a high standard and strict data protection system under the General Data Protection Regulation (GDPR), emphasizing the protection of personal data rights and imposing strict restrictions on cross-border data transfers. This puts a lot of businesses under great compliance pressure when interacting with the EU. In contrast, the United States mainly adopts an industry self-discipline model with relatively less government intervention, and data flows are relatively free except in specific sensitive areas. This difference has led to a significant divergence in rules for cross-border data flows between the United States and the United States, causing great trouble for multinational companies.

（III）Enhance technical regulation and enforcement capabilities

To build a multi-dimensional solution coordination mechanism, first, improve the legislative level. Countries should jointly revise data-related regulations to clarify the legal definition, jurisdiction division and liability determination of cross-border data in emerging technology scenarios, so that regulation is based on the law. Second, strengthen international cooperation, build communication platforms through international organizations, promote the joint formulation of unified regulatory guidelines by regulatory authorities of various countries, reach consensus on data cross-border processes and security standards for new technologies, and form a collaborative regulatory force. Third, utilize technological means to facilitate the use of the traceability of blockchain technology to record the entire chain information of data cross-border, facilitating regulatory verification; Use privacy computing technology to ensure the privacy and security of data in cross-border flows, making the data "usable but invisible".

（IV）Promote international cooperation and collaborative governance

Harmonizing cross-border data rules faces challenges due to national differences, leading to fragmented agreements. To address this, a Global Data Governance Forum should be established, comprising governments, international bodies, and experts. The forum would:Facilitate dialogue to align governance approaches and reduce conflicts.And develop unified standards (e.g., data classification, security assessments) to mitigate inconsistencies.This framework aims to bridge divides and foster globally coherent data policies.

V.Conclusions

This paper analyzes conflicts in cross-border data governance under the global digital economy, driven by nations' economic, political, and strategic disparities.

Divergent rules on data sovereignty, privacy, and market access raise compliance costs and hinder data flows. Key challenges stem from tensions between national interests and global welfare. To resolve this, it proposes three measures: employing privacy technologies (e.g., federated learning), establishing multilateral frameworks, and prioritizing ethics for human well-being. This approach balances data utility with security, promoting sustainable digital economies.

REFERENCES

[1] Ma Qijia, Li Xiaonan. On the Construction of Regulatory Rules for cross-border Data Flows in China [J]. Legal Research, 2021, (01): 91–101.

[2] Li Jingjing. Review and Optimization Path of Enterprise Data Cross-border Flow System under the overall National security Outlook [J]. Hebei Academic Journal

[3] Zhao Ruojin, Nie Pingxiang, Cui Yanxin. Global digital trade rules: Progress, Trends and China's response [J]. Journal of Beijing University of Aeronautics and Astronautics (Social Science Edition), 2024, 37 (04): 138–145.

[4] Shi Xianmei. The Political economy analysis of digital financial security and governance [J]. Economist, 2024, (08): 88–97.

[5] Guo Xuejiao, Gao Tianshu. Cross-border data flows: Real-world dilemmas and solutions [J]. Southern Finance, 2024, (06): 78–88.

Расширение возможностей в области технологий и приручение культуры: исследование двойного воздействия фильтров искусственного интеллекта на распространение культуры Ханфу

Technology Empowerment and Cultural Domestication: A Study on the Dual Effects of AI Filters on the Dissemination of Hanfu Culture

Шу Ли
Пекинский объединенный университет
Shu Li[1]
Beijing Union University

I. Introduction

Hanfu carries the cultural connotation of the "Land of fine clothing and Hats" of the Chinese nation and serves as the material carrier of Chinese etiquette and aesthetics. Under the wave of the revival of traditional culture, Hanfu has extended from a niche culture to the mass domain. The mediated dissemination of technology has reshaped the practical path of Hanfu culture. Short-video platforms such as TikTok and Bilibili bloggers promote fashion knowledge through daily wear and festival performances, while brand owners leverage Hanfu challenges to blend traditional and modern trends. AI technology particularly demonstrates a dual effect: First, technological empowerment: AI filters (such as "Hanfu costume change") lower the participation threshold through AR and algorithmic recommendations, promoting cross-circle dissemination; Multilingual tools have facilitated the global adaptation of terms such as "cloud shoulder" and "Mian skirt", elevating Hanfu to a "global issue". Second, cultural domestication: Algorithmic preferences have led to the simplification of Hanfu symbols, such as the splicing of elements from different dynasties to form the "hodgepodge mishmash" image. The logic of traffic has intensified the consumerist tendency. AI-generated content has weakened the creative subjectivity of users and diluted the core of cultural spirit.

Against this backdrop, this article focuses on the following core issue: How does the AI filter reconstruct the communication logic of Hanfu through the dual paths of "empowerment-domestication"? The research will analyze how technology lowers the participation threshold and deconstructs the symbolic system, explore the dynamic game between empowerment and domestication, and ultimately propose strategies to balance technological effectiveness and cultural value, providing critical insights for the digital dissemination of traditional culture.

II. Technology Empowerment: The Enhancement Mechanism of AI Filters for the Dissemination of Hanfu Culture

The intervention of AI filter technology has injected new vitality into the dissemination of Hanfu culture. Take the "Hanfu Costume Change" filter on the TikTok platform as an example. Users can transform modern outfits into virtual Hanfu

[1] Shu Li, a postgraduate student majoring in law at the College of Applied Arts and Sciences of Beijing Union University, with a main research direction in international law.

images with just one click. The facial recognition and augmented reality technology behind it have significantly lowered the experience threshold. On the other hand, AI filters combine traditional clothing elements with modern aesthetic demands, creating visual symbols that possess both a sense of history and fashion. For example, Bilibili blogger Mr. Meaning used AI to create a short video titled “Hanfu Collection”. This video utilized Midjourney AI to dynamically restore and artistically reconstruct the forms of Hanfu from various dynasties through AI algorithms. In “Hanfu Collection”, the AI-generated Hanfu styles include but are not limited to representative garments such as the Han Dynasty’s curving-front robes, Tang Dynasty’s Ru skirt, and Ming Dynasty’s Daopao. The color combinations and patterns are all generated by AI based on key words. The key words input by the author include the following: Curving-front robe, Ru skirt, Half-arm shawl. The element key words are: auspicious clouds, bamboo, koi, golden silk, lotus, peach blossoms, etc. Based on these key words, the output partial styles are as follows.

Figure 1-3 AI-generated Hanfu images

III. Cultural Domestication: The Risk of Deconstructing the Meaning of Hanfu by Technical Logic

However, behind the high efficiency of technology lies the crisis of cultural alienation. Take the popular filter “Ancient Style Fairy” on TikTok as an example. This filter combines Song Dynasty sleeved over-dress with the cloud shoulders of the Qing Dynasty and adds exaggerated elements of wide-sleeved flowing fairy skirts to create a virtual image in the style of “Immortal Cultivation Drama”. Although such content has gained high popularity due to its beautiful graphics, its mixed forms have misled users’ perception. According to a survey of college students, more than half of the respondents believe that “the form of Hanfu is free and the difference in dynasties is

not important", and only a small number of college students can correctly distinguish the basic features of the Tang-style chest-length blouse and skirt and the Ming-style Mian skirt. The algorithmic logic that prioritizes traffic further dilutes the cultural significance. Brand owners analyze user behavior through AI big data, use Meitu Design Studio software to directly replace the faces of models with those of users, and launch "best-selling Hanfu filters" to guide users to purchase the same products, thus transforming Hanfu from a cultural carrier into a consumption symbol. A Hanfu blogger admitted in an interview: "The platform's algorithm prefers content with strong visual impact, even if it deviates from historical truth."

IV. Dynamic Game: The Conflict and Reconciliation Paths of Empowerment and Domestication

The tension between technical logic and cultural logic is manifested in the practice of Hanfu dissemination as a game of efficiency and value. On the one hand, algorithmic recommendation accelerates cultural diffusion, but it also leads to content homogenization. On the other hand, the Hanfu community insists on form research, but such content only accounts for a small portion of the recommended traffic due to the "lack of visual highlights". To reconcile this contradiction, a "technology for good" mechanism needs to be established: The platform can introduce a "cultural authenticity weight" to increase the exposure of historical knowledge-based content in the algorithm; Developers can collaborate with Hanfu communities to design "open-source filter templates", allowing users to customize shape parameters such as cross-collar right lapel and fabric patterns. This not only retains technical convenience but also maintains cultural diversity. For instance, a "verifier-level Hanfu filter" could be launched and embedded in the database of clothing from various dynasties. Users need to answer questions to unlock the costumes of specific dynasties. This move can deepen cultural understanding and technological application simultaneously.

V. Conclusions and Implications

The AI filter has reconstructed the dissemination logic of Hanfu culture through the dual paths of "technological empowerment" and "cultural domestication"-the former promotes its popularization and globalization, while the latter threatens its authenticity and profound value. The dynamic game between the two requires that the communication strategy take into account both instrumental rationality and value rationality: Developers need to establish a cultural ethics review mechanism and embed the historical expert review process in the technical design; The Hanfu community can advocate a dual-track model of "lightweight communication plus in-depth education", and enhance cultural awareness through offline workshops. The discussion in this article not only provides a path for the sustainable development of Hanfu culture, but also rings the alarm bell for the adaptive transformation of other traditional cultures in the technological wave: Only in the balance between efficiency and meaning can technology truly become a facilitator of cultural inheritance rather than a deconstructor.

REFERENCES

[1] Ji Fangfang. The Cultural Politics of Clothing: The Contemporary "Creation" of Hanfu as a "Medium" and Its Demarcation Practice [J]. *International Press*, 2024,46(10):119–138.

[2] Jiao Xiaohui. Design and Practice of Immersive Tourism Products of Hanfu Culture [J]. *Liaoning Silk*, 2025,(02):113–114+89.

[3] Liu Yang. The Predicament and Strategies of Hanfu Industry Development under the Background of National Traditional Culture [J]. *Industrial Innovation Research*, 2025, (02):64–66.

[4] Long Tingyu, Kan Xianxue. Research on the Value Connotation and Inheritance and Promotion Path of Hanfu Culture [J]. *Journal of Cultural Studies*, 2025,(02):194–197.

[5] Ren Wujiong. The Evolution of Culture: Meme Evolution Analysis of AI Large Model Applications [J]. *China Editor*,2025,(04):43–49.

[6] Song Yumeng, Li Rong Hanfu sustained economic "ones with traditional elegance" bloom "shin kong" [N]. *People from all walks of life review*, 2025-03-04 (003).

[7] Sun Hang. When "AI Face-swapping" Hits the Copyright Wall [N]. *People's Court Daily*, April 23, 25 (001).

[8] Wang Ziwen. The Charm of Hanfu: A Study on Cross-cultural Communication in Short Videos-Taking the "Experience Hanfu for Foreigners" Series of Short Videos as an Example [J]. *New Media Research*, 2024,10(19):95–100.

[9] Yang Na. The Cultural Symbol Implications and International Dissemination Paths of Hanfu [J]. *Journal of Journalism and Communication*, 2025,2(01):115–125.

[10] Zhan Binghong, Liu Yang. Research on the Dissemination Strategies of Hanfu Culture in the Era of All-Media [J]. *Dongyu Forum*,2025,46(03):63–69.

Генезис образа патриота и концепций патриотического воспитания детей и молодёжи

В. З. Юсупов
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы патриотического воспитания молодёжи, которые формировались в истории человеческой цивилизации и развития науки, начиная от представлений о гражданине-патриоте, которому присуща забота об общем благе для граждан страны до многообразия концепций государственного, гражданского, социально-группового, личностно ориентированного патриотического воспитания.

Ключевые слова: патриот, патриотизм, концепция, патриотическое воспитание.

Патриотизм, будучи эмоционально возвышенным чувством, был издревле свойственным человеку как проявление любви к семье, домашнему очагу, своей родине, которую нужно оберегать и защищать. В системе гуманитарного знания обращение к идее патриотизма оставалось актуальным на протяжении всей истории науки, начиная с греческой философии.

Термин «патриотизм» имеет греческое происхождение: πατριώτης – «соотечественник», πατρίς – «родина», «отечество». В дошедших до нас трудах греческих философов это слово не встречается, но к истолкованию взаимоотношений гражданина и государства обращались Фукидид, Дионисий Галикарнасский, Платон, Аристотель и др.

Наиболее обстоятельное свои взгляды на идеальное отношение между государством и его гражданами изложил Платон в диалоге «Государство». Гражданам, с точки зрения философа, «должна быть присуща любовь к своему государству, испытанная и в радости, и в горе, и должно быть заметно, что от этого своего правила они не откажутся ни при каких трудностях, опасностях или иных превратностях…» (Платон, 1994: 283–284). Своеобразную схему служения граждан друг другу и государству выстраивает Аристотель, исходя из представления об общественной сущности природы человека: «…никто не избрал бы обладание благом для себя одного, действительно, человек – общественное существо, и жизнь сообща прирождена ему» (Аристотель. 1984: 259).

Исходя из современных трактовок патриотизма (о них ещё пойдёт речь в настоящей статье), с древнегреческой философии начинается формирование представления о *государственном патриотизме*, который в Древней Греции предстаёт в форме патриотизма городов-полюсов (*полисный патриотизм*). Затем в Древнем Риме – это *имперский патриотизм* как лояльность к империи, а в средние века – монархический патриотизм, когда вошедшее в употребление слово «патриот» ассоциировалось с преданностью монархии. Английскому поэту Джону Драйдену принадлежат строчки из стихотворения «Почтенному родственнику» (1700 г.): Монарху и Стране обязан патриот, / И Власть, и

Вольность он достойно бережёт (Европейская поэзия XVII века: 144) (Европейская поэзия XVII века: 144).

Начиная с XVIII века философы, писатели, поэты эпохи Просвещения стали широко использовать слова «патриот» и «патриотизм» в своих произведениях, отражающих тесную связь и даже синонимичность понятием «патриот» и «гражданин», что можно считать зарождением направления патриотизма, который в современной науке принято назвать *гражданским*. В трудах французских просветителей впервые стала развиваться тема патриотического воспитания молодёжи. Ж.Ж. Руссо писал «…воспитание должно так направлять мнения и вкусы граждан, чтобы они были патриотами по склонности, по страсти, по необходимости» (Руссо, 1981: 412).

Роль и значение патриотизма в истории всегда возрастало на её «крутых поворотах», которые переживало любое государство. Не случайно в своей работе «Философия права» Г. Гегель писал о патриотизме как таком чувстве, которое наиболее ярко проявляется в ситуациях, которые являются критическими для государства, и в то же время характеризуются проявлениями героических составляющих характера народа (Гегель, 2025).

В России XVIII-XIX веков обсуждалась тема патриотизма, исходя из различных оснований, например, триады С.С. Уварова «Православие-самодержавие-народность», созвучной идеологии монархического патриотизма; взглядов Л.Н. Толстого, который в своей статье «Христианство и патриотизм» писал о том, что правительства разных стран и нередко играют на «патриотических» чувствах, чтобы вызвать вражду между народами (Толстой, 1956); идеи Н.М. Карамзина о том, что «любовь к отечеству может быть физическая («общая для всех людей и народов, дело природы»), моральная («любовь к согражданам, с которыми росли, воспитывались и живём») и политическая («любовь во благу и славе отечеству и желание способствовать ему во всех отношениях») (Карамзин, 1966: 177-178).

Новые для своего времени смыслы понимания патриотизма излагали и отстаивали В.С. Соловьёв и Н.А. Ильин (по настоящему истинным является осмысленный и облагороженный» патриотизм, основанный на христианских началах); Н.А. Бердяев (патриотизм как самоценность, которая не предопределяется ни политикой, ни экономикой, а предполагает бескорыстное служение своей родине); Г.В. Фаворский (патриотизм как акт творческого возвышения личности, напряжение собственных сил человека).

В послереволюционной Советской России обсуждение смысла и проявлений патриотизма фактически прекратилось с утверждения концепции *советского патриотизма* в качестве высшего типа патриотизма. Сложившая в СССР система патриотического воспитания, основанная исключительно на идеологии коммунистической партии и советской власти, сформировала у подавляющей части граждан эмоционально возвышенное чувство патриотизма, готовность к защите Родины, преданность идеалам социализма. Ярким и убедительным доказательством воспитания патриотизма стали трудовые и

боевые подвиги наших соотечественников. Анкеты, которые автор настоящей статьи проводил со школьниками и студентами, свидетельствуют, что до настоящего времени символами национальной гордости являются: победа в Великой Отечественной войне, освоение космического пространства, советская культура и искусство (особенно балет), победы в спорте и другие достижения СССР.

«С распадом Советского Союза и появлением Российской Федерации, как справедливо пишет А.С. Павлов, дебаты о патриотизме возобновились, однако они носили вторичный по отношению к западному политическому и социально-философскому дискурсу характер» (Павлов, 2018: 191).

В 2003 г. правительственной комиссией была разработана Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации, в которой отражены позиции государства в области патриотического воспитания. Попытка на её основе разработать в 1918 г. Федеральный закон «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» оказалась безрезультатной.

В 2022 г. патриотизм вошёл в состав традиционных ценностей, представляющих собой «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности» (Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей).

В редакциях Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», начиная с 2020 г. появилось в перечне ориентиров воспитания «формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации» («Об образовании в Российской Федерации». Федеральный закон № 273-ФЗ).

С 2001 г. в нашей стране последовательно реализуются пятилетние государственные программы и проекты патриотического воспитания, которые разрабатывают и реализуют федеральные и региональные органы исполнительной власти. В 2024 г. появилась информация о том, что в Государственной думе началась разработка законопроекта о патриотическом воспитании в нашей стране (Исаков, Павлинов, 2024). Однако, сведений о его концептуальных основаниях автору статьи обнаружить не удалось.

В самые последние годы в различных областях научного знания появились работы, свидетельствующие о возобновлении всестороннего обсуждения темы патриотизма. Так, М. С. Ивченкова и И. И. Буханский выделили четыре схожих по содержанию группы определений рассматриваемого понятия, авторами которых «патриотизм характеризуется как эмоциональное отношение к своей

Родине, социальное чувство, ценность и государственный ресурс» (Ивченкова, Буханский, 2024: 81).

С. В. Васильевой и А. В. Микляевой обоснована «социально-психологическая трактовка феномена патриотизма, позволяющая определить его как социальную установку, которая отражает привязанность человека к своей стране, опирающуюся на устойчивую систему социальных ценностей» (Васильева, Микляева, 2024: 144). Методологическим основанием такой трактовки стала теория социальной идентичности Г. Тайфеля, Ж. Тернера и др. и считают перспективной использование возможностей социально-психологической методологии для разработки теоретико-методологический оснований психолого-педагогических технологий формирования конструктивных патриотических установок детей и молодёжи.

Различные аспекты исследования проблем патриотизма и патриотического воспитания представлены в работах учёных Московского гуманитарного университета. Например, теоретический анализ разновидностей социальной идентичности как результата процесса идентификации личности дал основание А.И. Ковалёвой обосновать и разработать её классификацию, выделив в качестве самостоятельной патриотическую идентичность, тесно взаимосвязанную с гражданской идентичность, имеющую объективную и субъективную составляющие (Ковалёва, 2019: 94).

Формирование патриотизма играет важную роль в концепции воспитания жизнеспособных поколений, разработанной И. М. Ильинским. Патриотизм, с точки зрения учёного, принадлежит к числу свойств и качеств личности, наличие которых у человека (поколения) позволяют ему «не только выжить, не деградируя в условиях социальной и природной среды, но и жить, развиваться, духовно возвышаться» (Ильинский, 2022: 145). Патриотизм, считает В. З. Юсупов, призван «обеспечить развитие высоконравственной, ответственной личности, разделяющей традиционные духовные ценности России» (Юсупов, 2019: 227).

На XXI Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века. Государственная молодежная политика на современном этапе: проблемы воспитательной работы в российских вузах», состоявшейся в Московском гуманитарном университете 20-22 ноября 2025 года проблемам патриотического воспитания молодёжи были посвящены несколько пленарных и секционных докладов. Под руководством А.И. Ковалёвой на конференции работала секция «Патриотическое и духовно-нравственное воспитание студенческой молодежи в образовательной деятельности: формы, методы, показатели эффективности».

Несколько докладов, посвящённых обсуждаемой в настоящей статье теме, были заслушаны на секции кафедры педагогики и психологии высшей школы. В них, в частности, представлены разработанные автором настоящей статьи концептуальные основы гражданского-патриотического воспитания, осуществляемого некоммерческими организациями.

Заключение.

1. Генезис образа патриота характеризуется изменениями в истории общества представлений о человека как соотечественнике, которому присуща забота об общем благе для граждан страны, любовь к Родине, испытанная и в радости, и в горе, преданность своему государству и олицетворяющему его символам власти.

В современных отличительных характеристиках патриота России выделятся идентификация человеком себя и своего будущего с народом, историей, культурой Родины; ощущение ответственности за ее настоящее и будущее, благополучие ближайшего социального окружения и всех своих соотечественников; способность вносить своей трудовой, общественной и иной деятельностью вклад в процветание Отечества, защиту его интересов.

2. Генезис концепций патриотического воспитания, выраженных как в официально декларируемой государством форме, так и во взглядах, позициях учёных, государственных и общественных лидеров, деятелей культуры и искусства, в историческом контексте представляет собой изменение представлений об исходных идеях, совокупности теоретических знаний и результатов проведённых исследований в области патриотического воспитания. Их результаты нашли отражение в многообразных концепциях государственного, гражданского, социально-группового, личностно ориентированного патриотического воспитания. Наиболее востребованными для современной России являются концепции государственно-патриотического и гражданско-патриотического воспитания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аристотель. (1984) Политика // Соч. : в 4 т. М., Т. 4. 829 с.

Васильева, С. В., Микляева, А. В. (2024) Конструктивный и слепой патриотизм подростков: вклад возраста, пола и типа образовательного учреждения / Психология человека в образовании, т. 6. № 2 С. 143–157.

Гегель Г. (2025) Философия права / Г. Гегель; переводчик Б. Г. Столпнер. Москва: Издательство Юрайт. 292 с.

Европейская поэзия XVII века. (1977) М.: Художественная литература. 177 с.

Ивченкова М. С., Буханский И. И. (2024) Теоретические конструкты и опыт эмпирического анализа патриотизма в современной российской социологии // Вестник Института социологии. Том 15. № 2. С. 81–97.

Ильинский И. М. (2022) Молодёжь и образование: монография / И. М. Ильинский. М. : Изд-во МосГУ. 812 с.

Исаков В.П., Павлинов А.В. (2024) О разработке Федерального закона о патриотическом воспитании: концепция, содержание и перспективы / Современная наука. № 4. С. 40–46.

Карамзин Н.М. (1966) Избранные произведения. М. : Наука. 285 с.

Ковалёва А.И. (2019) Разновидности социальной идентичности // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 89–103.

Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 31.07.2020 N 304-ФЗ, от 04.08.2023 N 479-ФЗ, от 25.12.2023 N 685-ФЗ) [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: минобрнауки.рф/документы/2974 (дата обращения: 17.11.2025).

Павлов А. С. (2018) Патриотизм. Очень краткая история идеи. / Философская антропология. Т. 4. № 1. С. 175–191.

Платон. (1994) Государство // Собр. соч. : в 4 т. М.: Наука. Т. 3. 654 с.

Руссо Ж.Ж. (1981) Педагогические сочинения: в двух томах / Ж.-Ж. Руссо; сост. А. Н. Джуринский; под ред. и с предисл. Г. Н. Джибладзе. М. : Педагогика. Т.1. 1981. 653 с.

Толстой Л. Н. (1956) Христианство и патриотизм // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 39. М.: Изд-во художественной литературы, С. 27–80.

Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс] // URL: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 / Президент России (дата обращения: 17.11.2025).

Юсупов В. З. (2019) Профессиональное воспитание студентов вуза: понятие, структура, генезис развития // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 2. С. 216–231.

Юсупов Виталий Зуфарович, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии высшей школы Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, Москва, ул. Юности, 5. Тел.: (499) 374-74-59. Эл. адрес: vyusupov@mosgu.ru

Дилеммы и пути достижения прогресса в судебном сотрудничестве по вопросам транснациональной передачи нематериального культурного наследия

Dilemmas and Breakthrough Paths in Judicial Co-operation on Transnational Transmission of Intangible Cultural Heritage

*Ю Синя**
Пекинский объединенный университет
*Yu Xinya**
Beijing Union University

Abstract. Judicial collaboration in transnational transmission of intangible cultural heritage is faced with the dilemmas of the effectiveness of international law and the game of sovereignty,as well as the conflict between cultural security and public interests.Based on the theory and value of transnational transmission of intangible cultural heritage,this paper proposes to break the implementation barriers through the introduction of a third-party guarantee institution,construct a value weighing system,and help build an inclusive global cultural governance system.

Keywords: Intangible Cultural Heritage; Transnational Judicial Collaboration; Cultural Sovereignty

1.The Theoretical Foundation of Judicial Collaboration for the Transnational Transmission of Intangible Cultural Heritage

The theoretical basis for judicial collaboration in the transnational transmission of intangible cultural heritage is constituted by the international legal order,the principle of cultural sovereignty and the concept of the community of human destiny.The international legal order,centred on the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage,provides the normative basis for judicial collaboration,and its advocacy of international cooperation and the convergence of judicial procedures strengthens the protective attributes of intangible cultural heritage as a cultural right.The principle of cultural sovereignty establishes the boundaries of judicial collaboration,requiring that,while respecting the territorial jurisdiction of States over intangible cultural heritage,protection standards be coordinated through international judicial cooperation,so as to prevent cultural hegemony from eroding the authenticity of intangible cultural heritage.The concept of the community of human destiny,on the other hand,points to the value objective of judicial collaboration,stressing the shared attributes of non-heritage as the common cultural heritage of humankind,and advocating the promotion of mutual appreciation and common development through equal dialogue and the construction of transnational judicial platforms.

*Yu Xinya,Beijing Union University, Master of Laws (LLM) student.

2. The Value of Judicial Collaboration in Transnational Transmission of Intangible Cultural Heritage

In the context of globalisation, judicial collaboration in the transnational transmission of intangible cultural heritage has a dual institutional value.Firstly, as a rule of law barrier for cultural diversity,it builds a systematic defence against cultural hegemony through jurisdictional coordination and uniformity in the application of laws,preventing the erosion of weak intangible cultural heritage by strong cultures,and balancing the needs for protection and development with the mechanism of 'cultural traceability and benefit return',forming a dynamic space for 'development-oriented protection'.Secondly,to realise the substantive justice configuration of transnational cultural rights and interests,break through the traditional international private law framework,incorporate the right of cultural inheritance and the right to development into the judicial relief,and use transnational injunctions,distribution of proceeds and other tools to realise the overall protection of rights and interests.At the procedural level,through cross-border evidence assistance,customary law identification and other mechanisms to reduce the cost of defending the rights of vulnerable groups.

3. Analysis of the Dilemmas of Judicial Collaboration on Transnational Transmission of Intangible Cultural Heritage

3.1 Insufficient Practical Effectiveness of Enforcement Mechanisms

The dilemma of enforcing transnational orders for the protection of intangible cultural heritage is essentially the product of a game between the hierarchy of effectiveness of international law and the principle of State sovereignty. The 'soft law' attributes of international instruments such as the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage make it difficult to directly transform the provisions into judicial rules of judgement with coercive power. International law lacks supranational implementation agencies, and it is difficult to break through the sovereign state's monopoly of jurisdiction by relying on the mode of voluntary cooperation of States Parties; at the same time, the differences in the domestic legal system's recognition of NCH further aggravate the implementation barriers, and some countries have even failed to include the protection of NCH in their judicial procedures. The implementation difficulties are more deeply rooted in the tension between 'legal globalisation' and 'judicial localisation'. The 'living heritage' nature of NRLs requires that protection orders be dynamically adapted, whereas traditional judicial procedures are characterised by static rules, and the incompatibility of the two mechanisms makes it easy for protection orders to be reduced to a mere formality.

3.2 Difficulty in Balancing the Values in Judicial Decisions

In the judicial adjudication of transnational transmission of intangible cultural heritage, the conflict of values is centred on the dilemma of weighing cultural security and public interest.The cultural security theory, with cultural sovereignty at its core, stresses the exclusive obligation of the state to protect ICH,and requires that the judicial

process take the prevention of cultural loss and alienation as its primary goal.The public interest theory,on the other hand,starts from the perspective of global cultural governance,and advocates the shared attributes of NRLs as the common heritage of mankind,requiring judicial decisions to take into account cultural dissemination,knowledge innovation and social well-being.In judicial practice,the conflict between the two is manifested in disputes over the boundaries of 'fair use':from the perspective of cultural security, any cultural recreation may be seen as a departure from tradition; from the perspective of the public interest,the vitality of NHs lies in their interaction with contemporary society.

4. Breakthrough Path of Judicial Collaboration on Transnational Inheritance of Intangible Cultural Heritage

4.1 Introducing Third-party Guarantee Institutions to Crack the Implementation Difficulties

The introduction of third-party guarantee institutions,through a market-based credit guarantee mechanism, can effectively bridge the institutional gap in transnational enforcement and provide flexible support for the implementation of judicial decisions.The core function of third-party guarantee institutions is to build a dual-track mechanism of 'credit intermediary + enforcement assistance'.As a credit intermediary,it can require the responsible party to provide performance guarantees in cross-border disputes,and make up for the lack of transnational trust in the judicial process with commercial credit; as an enforcement auxiliary,it relies on a professional cross-border service network to assist the court in investigating the property of the executed person,supervising the performance of acts and reducing the cost of investigation and control.

4.2 Constructing a Hierarchical Value Weighing Structure

In the judicial adjudication of transnational transmission of non-heritage, the conflict between cultural security and public interest is essentially the institutional tension between the protection of cultural sovereignty and global cultural sharing.To balance the two, it is necessary to build a three-tier normative system: at the international level,to establish the benchmark principle of 'protection as the mainstay and reasonable utilisation',and for non-heritage items listed on the 'Urgent Safeguarding List',judicial adjudication should rigorously examine the risk of authenticity in the transnational utilisation of the items; for items that have formed a stable inheritance ecology, the public interest can be moderately accommodated in the disputes on commercial development.At the regional level,operational rules should be refined through treaties,such as the 'Belt and Road' judicial cooperation agreement,which can set up a 'cultural security assessment checklist' and 'public interest exception clauses' to form a meso-guideline. Domestic legislation should include special provisions on transnational heritage, authorising the judiciary to adjudicate cases according to the cultural sensitivity of the heritage.

5. Conclusion

Judicial collaboration in the transnational transmission of intangible cultural heritage is a key path for safeguarding cultural diversity and promoting mutual understanding among civilisations in the era of globalisation.In the face of the practical difficulties of the enforcement mechanism and the value trade-off between cultural security and the public interest,it is urgent to introduce a third-party guarantee institution to break down the enforcement barriers and build a hierarchical value trade-off structure to achieve a dynamic balance between cultural sovereignty and global sharing.This rule of law reconciliation means not only opens up a new paradigm for the protection of non-heritage,but also provides Chinese wisdom for building a more inclusive global cultural governance system.

REFERENCES

[1] Zhao J. Research on the Innovative Development of Intangible Cultural Heritage in the Context of Globalization[J]. Academic Journal of Management and Social Sciences,2024,6(1):76–78.

[2] Duan Z, Huang Z, Tang X, et al. Research on the Inheritance and Development Path of Intangible Cultural Heritage in the Context of Integration of Culture and Tourism-Nanning City as An Example[J]. Journal of Social Science and Humanities,2023,5 (7).

[3] Tu B, Chen Y. Research on the Realization Path of Intangible Cultural Heritage Inheritance from the Perspective of Public Cultural Services: A Case Study of Yao Long-Drum Dance in S Town[J]. Humanities and Social Science Research,2025,8(2):p 30-p 30.

[4] 张冬, 陈西疆,王可可,等.海洋非物质文化遗产转化利用的司法执法问题研究以福建省为样本[J].集美大学学报(哲学社会科学版),2022,25(05):20–25.

Путь создания ESG-системы раскрытия информации китайских компаний, котирующихся на бирже, в условиях «зеленого» финансирования

The Construction Path of ESG Information Disclosure System of Chinese Listed Companies under the Background of Green Finance

Юй Тинтин
Пекинский объединенный университет
Yu Tingting[1]
Beijing Union University

Abstract. Under the green development goals of the 20th National Congress and global climate initiatives, ESG information disclosure for Chinese listed companies is gaining importance. Green finance demands greater transparency to help investors assess environmental and social risks. By the end of 2024, over 40% of A-share companies had released ESG reports, reflecting notable progress. However, compared to the EU and U.S., China still faces issues such as low disclosure rates, inconsistent quality, and lack of unified standards. This paper analyzes current challenges and proposes adopting international practices, unifying disclosure standards, and strengthening legal regulation to improve China's ESG system and support sustainable development.

Keywords. ESG; Sustainable Development; Green Finance

I. ESG Disclosure: An Important Driver in the Green Finance Development Process

(i) An analysis of strategies affecting financial investment

ESG, comprising environment, social, and governance dimensions, promotes corporate sustainable development. It emerged in the 2004 UN report "Who Cares Wins."0 As sustainable development spreads, investors realize ESG performance impacts long - term viability and affects returns and risks. According to a 2020 CSI report, global ESG investment reached $40 trillion that year, about one - third of the global capital management scale.0 Institutional investors demand high - quality ESG information to attract long - term investors. High - quality ESG companies are more competitive and achieve sustainable development. Investors use advanced methods to identify high - return companies and optimize portfolios.0

The US, a global capital leader, has a mature ESG disclosure framework. Nelson Griggs said ESG data helps assess performance, optimize operations, reduce resource use, and attract top talent.0 Studies show that ESG funds outperform non-ESG funds during financial crises, highlighting ESG disclosure's role in enhancing investment return potential.0 SEC disclosure rules aim to reduce information asymmetry between company managers and investors, enhancing capital market efficiency. Accurate and timely ESG info helps investors assess long-term value and risks, enabling informed decisions.0.

[1] Master's student at the School of Applied Arts and Sciences, Beijing Union University

(ii) Influencing the dynamics of green finance development

Chinese - style modernization is the value shift from economic to ecological rationality, reflecting China's social and people's pursuit of a sound ecological society.0 Under dual-carbon development, green finance is crucial for the financial industry to serve national strategies and achieve goals. It includes green loans, bonds, stock indexes, funds, insurance, and carbon finance.0 Green finance requires transparency to assess risks.

The EU's ESG disclosure system is globally advanced, significantly influencing green finance. Through regulations like SFDR and CSRD, the EU mandates ESG disclosures from market participants and enterprises, covering environmental, social, and governance risks and countermeasures.0 The EU's SFDR, effective March 10, 2021, requires financial institutions to disclose sustainability objectives, ESG policies, and adverse impacts. This enhances transparency in financial product disclosures, helping investors understand ESG characteristics and make responsible decisions. The EU Taxonomy further clarifies green economic activities, providing a benchmark for ESG investments.0

II. Realistic Problems of ESG Disclosure System of Chinese Listed Companies

(i) Lack of ESG disclosure quantity

In 2024, ESG disclosures by Chinese listed companies increased. Poor ESG performance can raise financing costs and lower investors' returns. Negative ESG factors like pollution or poor governance reduce investment likelihood, while positive environmental policies enhance it. Low disclosure rates also limit financial institutions' ESG investment strategies.

(ii) Poor quality of ESG information disclosure

Poor ESG disclosure quality undermines financial market credibility and induces green finance "greenwashing" risks. Green finance is crucial for China's economic green transformation and supply - side reform. ESG reports with descriptive information lack authenticity and credibility. Issues like selective disclosure of positive information, concealment of negative situations, and overemphasizing performance while avoiding substantive problems also emerge.

(iii) Different standards of ESG disclosure

China lacks unified ESG disclosure standards. Companies use varied standards like the GRI, SASB, IIRC, WEF frameworks and domestic guidelines, reducing ESG information comparability, adaptability and stakeholder accessibility. The lack of uniform ESG disclosure standards makes cross - enterprise and cross - industry comparisons difficult, increasing financial market regulation complexity and cost. Relevant authorities urgently need to develop a multi-level ESG disclosure standard system that considers industry and company characteristics while ensuring information comparability. In this process, balancing the interests of all parties while maintaining information transparency is a key issue when formulating standards.

III. Path Optimization of ESG Disclosure System of Chinese Listed Companies under Green Finance Orientation

(i) Establishing a semi-mandatory disclosure obligation

China’s ESG disclosure system for listed firms relies on voluntary disclosure, leading to a low disclosure rate. To address this, adopting the Hong Kong Stock Exchange’s “follow or explain” mechanism is a feasible strategy. China has had initial practices like it, such as in the 2002 Code on Governance of Listed Companies and the 2016 SZSE Guidelines on Information Disclosure. Although these attempts had limited effects and faced criticism, they do not negate the potential of the principle.

(ii) Strengthening supervision and introducing third-party verification

Regulators alone can’t eradicate ESG disclosure violations. Establishing an independent forensic mechanism for ESG is important. Globally, external assurance for ESG reporting is a trend. Though China mainly relies on independent financial reporting auditing, many A-share listed firms have chosen third - party ESG attestation. This improves report quality, reduces misstatements and omissions, and lessens regulatory burden.

(iii) Developing uniform disclosure standards

Building unified, national-condition-fit ESG disclosure standards is key for China's ESG system optimization. Regulators should consider industry characteristics and provide differentiated standards for various industries to achieve precise regulation. For special large - scale enterprises, customized reporting guidelines can be offered based on their ESG material issues and core business characteristics, while ordinary listed enterprises should follow common ESG report preparation standards. Constructing such standards adapted to China's practice is crucial for promoting China's ESG disclosure system to a higher level and has far-reaching significance for sustainable financial development, enhancing corporate social responsibility awareness.

Conclusion

Amid global challenges like climate change and resource shortage, ESG concepts are crucial for addressing security issues and achieving UN SDGs. Chinese listed companies face ESG reporting dilemmas, so learning from international markets is significant. Stricter disclosure requirements can fix info deficiencies, boost market transparency, and offer investors reliable data. Strengthening ESG disclosure rule of law solidifies financial market foundations, enhances China's financial competitiveness, supports building a financial power, and lets China lead in global sustainable development and green finance.

REFERENCES

1. Deng, P., Zhang, Y., & Yu, Q. Exploring Investment Optimization and "Greenwashing" from ESG Disclosure: A Dual Journal of Economics Finance and Accounting Studies, 2024(3), 8–22.

2. Mack, N. The COVID-19 Pandemic Highlighted the Need for Mandated ESG Disclosures: Now What? SSRN Electronic Journal. 2021(2), 188–224.

3. D, N. R. B. The Role of ESG Disclosure Practices in Investment Decisions. EPRA International Journal of Environmental Economics Commerce and Educational Management, 2024(11), 30–37.

4. Yuan Zushe and Wang Xin, "Value Concerns of Ecological Rationality and Practical Exploration of Chinese-Style Modernization Path", Philosophical Dynamics, No. 7, 2022.

5. Peng Yuchen, "Optimization of ESG disclosure system: the EU experience and China's mirror", Securities Market Herald, No. 11, 2023.

6. Yu, Su-Min, Kai Wang, and Hao Gao, "How does ESG performance of listed companies affect business credit? , Investment Research, Vol. 42, No. 2023, pp. 60–78.

7. Jie Zhang, "Study on the Dilemma and Countermeasures of China's Green Finance Development under the "Dual Carbon" Goal", Southwest Finance, No. 9, 2022.

8. Tu Guangshao and Wang Dequan, Sustainable Disclosure Standards and Application Research-Global Trends and Chinese Practices, China Finance Press, 1st edition, April 2022, p. 10.

9. Yuan Ruijing, "The boundary and institutional innovation of mandatory disclosure of ESG information under the perspective of legal economics", Southern Finance 2024, No. 4, pp. 49–64.

10. S.Z. Huang and Y.Y. Yeh, "Research on ESG and Sustainable Disclosure Guidelines", China Finance and Economy Press 2024, p. 525.

11. Guo Lei, "Reconstruction and Improvement of the Information Disclosure System of Chinese Listed Companies under the Registration System", Business Economics and Management, No. 9, 2020.

12. Harper Ho, Virginia E., Modernizing ESG Disclosure. University of Illinois Law Review, 2022(1), 277–355.

Мудрость традиционной китайской медицины в лечении астмы в глобальном контексте

The Wisdom of Traditional Chinese Medicine in Treating Asthma in the Global Context

Юйвэнь Ли, Чжун Чен
Пекинский объединенный университет
Yuewen Li, Jun Chen
Beijing Union University

Abstract. Asthma is a common chronic respiratory disease worldwide, affecting a large population. Although modern medicine has made significant progress in treating acute asthma attacks, it still has limitations in chronic management, long-term prevention, and personalized treatment. TCM, with its thousands of years of history, offers unique advantages in treating chronic diseases, improving physical condition, and enhancing quality of life.

This study aims to explore the basic principles and methods of TCM treatment of asthma, examine how it provides more effective treatment for asthma, analyze the unique advantages of TCM in the treatment of asthma and its application in global health and safety, and emphasize the necessity and feasibility of further in-depth research and promotion of TCM in the treatment of asthma.

Objective: To explore the basic principles and methods of TCM treatment for asthma, and discuss its role and significance in global health and safety issues.

Research method: Literature review and cross-cultural comparison were combined to explore the advantages of TCM in asthma treatment.

Conclusion: TCM has unique advantages in treating asthma and can provide diversified solutions for global health security.

Chapter 1: Introduction

Asthma is a common chronic respiratory disease that affects about 300 million people worldwide, especially in children and adolescents. Although modern medicine has made significant progress in the treatment and control of acute symptoms, there are still challenges in long-term management, chronic control, and individualized therapy.

In the process of treating asthma, traditional medicine, especially TCM, provides a different treatment idea from modern medicine. Herbal medicine, acupuncture and other TCM treatments have unique advantages in improving lung function, regulating qi and blood, and resolving phlegm and coughing.

This study will focus on the application of TCM (TCM) in asthma treatment from a global perspective, analyzing its potential in asthma management. The aim is to provide more comprehensive and effective treatment options for patients worldwide and to promote the further development of TCM in global health. It also seeks to offer

a more complete reference for addressing public health safety issues in world civilization.

Chapter 2: Theoretical basis and methods of TCM treatment of asthma

2.1 Understanding of asthma in TCM theory

2.1.1 Etiology of asthma in TCM

TCM is one of the oldest and most well-preserved traditional medical practices in the history of world civilization. As early as the 3rd century BC, the *Huangdi Neijing* first pointed out that external pathogens causing lung qi obstruction and imbalance of yin and yang were the causes of asthma, laying the theoretical foundation for the theory of pathogenic factors due to external invasion. Over time, by the Qing Dynasty, TCM gradually developed the etiological theory of asthma: "internal phlegm stagnation and external pathogenic factors triggering the condition."

2.2 Understanding of asthma pathogenesis and principles of diagnosis and treatment in TCM

Dialectical treatment is an important guiding ideology and methodology in the treatment of asthma in TCM.

The Huangdi Neijing proposed that "imbalance of Yin and Yang" is the core pathogenesis of diseases, laying the foundation for the theory of "disorder of qi mechanism" in asthma. Ye Tianshi's Linzheng Dianji Medical Cases in the Qing Dynasty emphasized the complexity of the pathogenesis of phlegm and stasis interlocking, promoting the transformation of asthma treatment from simple elimination of evil to a combination of supporting the body and eliminating evil

From the period of Huangdi Neijing to modern times, TCM diagnosis and treatment has always taken "dynamic evolution of disease" as the core, which not only inherits the wisdom of ancient books, but also integrates modern pathological cognition. This diagnosis and treatment mode based on "symptoms" provides a unique perspective for individualized and precise treatment of asthma.

2.3 Specific methods of TCM treatment for asthma

2.3.1 Herbal treatment

Herbal medicine is one of the primary and most widely used methods in TCM for treating asthma. Study [1] statistically analyzed classic formulas such as Shegan Mahuang Decoction and modified Ephedra Aconite Cinnamon Twig Decoction, examining numerous cases of recovery. This proved the feasibility of these methods. Meanwhile, Study [2] demonstrated through rigorous double-blind experiments that Su Huang Zhi Ke Capsules were significantly more effective than a placebo in treating asthma, confirming the scientific validity and efficacy of herbal medicine in asthma treatment.

2.3.2 Acupuncture therapy

Clinical studies have shown that acupuncture can significantly reduce the side effects of corticosteroids and may offer hope for patients with glucocorticoid

resistance, demonstrating multiple potential mechanisms in asthma treatment[3]. This theoretically proves that acupuncture therapy is valuable. Additionally, thread embedding at acupoints can inhibit p38 MAPK signaling pathways, thereby alleviating AEC damage in asthmatic rats[4]. This indicates that acupuncture and related acupoint stimulation treatments can regulate asthma-related signaling pathways and inflammatory responses, playing a positive role in asthma treatment.

Chapter 3: The potential of TCM in treating asthma from a global health perspective

3.1 Global recognition and challenges of TCM treatment for asthma

3.1.1 The current attitude and acceptance of TCM treatment for asthma in countries around the world

The overall acceptance of TCM in the United States ranks among the highest globally, with TCM education even integrated into the local education system. However, under this environment and context, research [5] explicitly states that a significant portion of the local population still has a trust crisis regarding TCM treatments. This suggests that promoting TCM for treating severe and complex conditions like asthma will face substantial challenges.

3.1.2 Opportunities for the international promotion of TCM treatment of asthma

"Since the introduction of TCM to the United States, it has developed greatly. For example, the registration of TCM physicians in New York State requires strict study and examination." [5] This reflects the opportunities for TCM to find new application fields and promotion channels in the international market, and provides ideas for the international promotion of TCM treatment of asthma.

3.2 The potential of TCM in global public health

The relevant discussion in study [6] reflects the characteristics of TCM emphasizing the whole body and prevention, which is consistent with the concept that asthma prevention and treatment need to consider the physical condition of patients and environmental factors comprehensively, indicating that TCM has unique advantages in the prevention and treatment of asthma.

Chapter 4: Discussion and Conclusion

4.1 Clinical significance and potential of TCM in treating asthma

TCM (TCM) in treating asthma has significant clinical importance and great potential. Clinical practice and research have shown that TCM can effectively alleviate symptoms in asthma patients. TCM treatment for asthma not only focuses on relieving acute episodes but also emphasizes regulating the body's overall balance and boosting immunity, thereby reducing the recurrence of asthma. This holistic approach and the concept of preventing disease before it occurs provide new ideas and methods for long-term asthma management.

4.2 Prospects of TCM in asthma treatment

TCM (TCM) for treating asthma shows broad prospects globally. As TCM spreads and gains recognition worldwide, more and more countries are beginning to accept and apply TCM methods for asthma treatment. The natural and minimal side effects of TCM give it unique advantages in asthma treatment. Additionally, the holistic approach and preventive health concepts emphasized in TCM align with global public health goals, contributing to improving the health of people worldwide.

REFERENCE

[1] Yin X, Liu Y, Shen G. Clinical experience of Shegan Mahuang decoction in treating cough variant asthma in children[J/OL]. Journal of Clinical Technology and Theory, 2025, 2(1): 29-32. DOI: 10.54254/3049-5458/2025.20888.

[2] Pan Y, Chen K, Hua W, Pan Y, Chen K, Hua W, et al. Effectiveness and safety of Suhuang Zhike capsules in adults with asthma: A multicenter, randomized, double-blinded, placebo-controlled trial[J/OL]. Phytomedicine, 2025, 141: 156478. DOI: 10.1016/j.phymed.2025.156478.

[3] Wang F xuan, Jin L wei. Research on the Mechanism and Application of Acupuncture Therapy for Asthma: A Review[J/OL]. Journal of Asthma and Allergy, 2024, Volume 17: 495-516. DOI: 10.2147/JAA.S462262.

[4] Hua-mei Y U, Xiao-fang Y, Pan-bi C, et al. Effect of acupoint catgut embedding on p38 MAPK pathway in the lung tissue of asthmatic rats [J/OL]. Acupuncture Research, 2024,49(1):23-29. DOI: 10.13702/j.1000-0607.20221221.

[5] Zhao Lang. The dissemination and influence of TCM from the perspective of cultural identity — Take New York State, USA as an example [D/OL]. Southwest University of Science and Technology, 2024. DOI: 10.27415/d.cnki.gxngc.2023.001043.

[6] Liu Wen, Yan GenGui, Zhu Chongzheng. Discussion on the future development of TCM from the perspective of sustainable development [J]. Contemporary Medicine, 2017,23(9): 181–183.

Разработка практико-ориентированной модели юридического образования и путей решения проблем с трудоустройством

Construction of Practice-Oriented Legal Education Model and Pathways to Address Employment Difficulties

Юхонг Ли, Юся Лиу
Пекинский объединенный университет
Yuhong Li[1], Yuxia Liu[2]
Beijing Union University

Abstract. Against the backdrop of accelerated rule of law and expanding legal services, legal education faces new challenges. This paper explores constructing a practice-oriented model to address graduates' employment issues by bridging theory-practice gaps and optimizing curricula, aiming to enhance students' legal skills and employability for societal demands of interdisciplinary legal professionals.

Keywords: practice-oriented; legal education; employment challenges

Introduction

Once a cradle for legal elites, legal education now grapples with traditional model limitations, including the theory-practice gap and employment challenges for graduates. Amid social and legal evolution, high demand for skilled legal talent contrasts with outdated teaching and scarce training, heightening employment pressures. A practice-oriented model is crucial. Integrating theory and practice, it cultivates students' practical, innovative, and professional skills. This paper explores its establishment, analyzes its impact on employment, and identifies strategies to optimize legal education and foster elite legal talent.

The Current Landscape in the Wave of Educational Teaching China's legal education system, rooted in the Soviet model, suffers from a lack of practical training. This manifests as a "four-fold imbalance"[1] in undergraduate education: teacher-centered over student-driven learning, focus on outcomes over process, emphasis on theory over practice, and specialization at the expense of comprehensive skills. Despite theoretical courses' importance, practical legal teaching is overlooked with insufficient infrastructure investment. Law students master theories but struggle to apply knowledge in real-world contexts, lacking practical skills. The "theory-first" approach via rote learning hinders critical/innovative thinking. Graduates face knowledge-workplace mismatches, impeding career integration and legal industry development.Thus, China's legal education must shift towards cultivating practical, application - oriented talents to meet societal needs.[2]

Theoretical Foundations and Strategic Blueprint for Constructing a Practice-Oriented Legal Education Model

Solid Foundations of the Theoretical Framework

Law is a theoretically and practically oriented discipline[3], and cultivating practical capabilities is key to legal education. Practical teaching serves as both a knowledge source and a testing ground, essential for students' cognitive and skill development.[4] Under the guidance of enhancing practical teaching, we should promote legal pragmatism with the "learning - training integration" concept. Legal pragmatism and synchronous practical teaching emphasize integrating theory and practice for mutual enhancement. Practical teaching platforms not only assess students' knowledge but also strengthen social responsibility, professional abilities, and foster an academic culture valuing theory - practice integration and innovation.[5]

Blueprint for Constructing the Strategic System

Equal Emphasis on Practical and Theoretical Teaching: Building a Solid Bridge Between Knowledge and Practice

In legal education, practical teaching should hold equal weight with theoretical instruction, receiving comparable attention and resources. Both play distinct roles in enhancing students' legal literacy, theoretical knowledge, and practical skills to cultivate professionals proficient in both domains. Over-reliance on traditional theoretical teaching reduces practical training hours, limits hands-on opportunities, and dampens engagement in applied learning, hindering students' ability to effectively master and apply legal knowledge. As emphasized, "In the new era, legal education must strengthen theoretical teaching to build a systematic knowledge framework, prioritize practical training, and rationally integrate experiential and problem-oriented methods to fully achieve educational goals, foster 'legal thinking,' and cultivate rational citizens who uphold professional ethics, grasp legal principles, and possess vocational skills."[6] Omnidirectional Integration of Legal Practical Teaching into Talent Cultivation Legal practical teaching should be integrated into every stage of legal talent cultivation, from basic theory learning, professional skill training to internships.

This integration helps students blend theory with practice, improve legal proficiency, and is key to developing elites with both theoretical and practical expertise. In teaching design, practical and theoretical instruction should reinforce each other in parallel, rather than in a fixed sequence. The synchronous practical teaching model transforms the relationship between practical and theoretical learning from sequential to concurrent, elevating practical teaching from a testing tool to the core of talent cultivation, spanning the entire educational process.[7] Institutional Reform as a Catalyst for Enhancing Practical Competencies Legal practical teaching focuses on solving real-world problems, using authentic scenarios to enhance students' problem-solving abilities. This problem-driven approach motivates independent

exploration of legal knowledge, shifting legal education from traditional knowledge-transmission to competency-focused models. Scientific teaching practice includes external internships at judicial institutions for practical law application experience and internal activities like moot courts and case analysis to enrich classroom learning, achieving "law explanation through cases" and "legal education through practice".

Exploring Pathways to Address Employment Difficulties through Practice-Oriented Teaching

Enhancement of Practical Competencies

Practice-oriented teaching focuses on real-world problem-solving to cultivate students' practical abilities, offering diversified platforms like simulations, tasks, and internships for hands-on skill development. In legal education reform, it enables students to apply knowledge via situational simulations in realistic scenarios, deepening understanding and problem-solving skills. Emphasizing practical project design, it guides students through the full problem-solving process—from identification to evaluation—to strengthen capabilities. Internships, a key component, provide real workplace experiences through enterprise collaborations, immersing students in job environments/norms to enhance professional skills and literacy.

Cultivation of Professional Literacy

A series of practical teaching activities significantly enhance students' professional literacy. Moot court teaching and competitions, for example, integrate theoretical knowledge with legal practice, addressing traditional education drawbacks and fostering applied legal talents.[8] In practice-oriented systems, students engage in workplace culture and norms through activities, gradually establishing professional values and ethical standards—cornerstones of professional literacy that underpin career responsibility and sustainable development. Beyond skills, this teaching nurtures comprehensive qualities: teamwork/communication/leadership via collaborative problem-solving, and innovative/autonomous learning abilities through hands-on experience. These empower students to adapt, excel, and grow professionally.

Strengthening Employment Competitiveness

Practice-oriented teaching cultivates students' practical skills, professional ethics, and literacy to meet workplace needs. Through school-enterprise cooperation and internships, students gain real legal experience, understand professional norms, and enhance competitiveness while clarifying career paths. The model integrates internships with employment: deep collaboration (e.g., order-based training, joint projects) builds hands-on experience and employability. Schools also provide employment guidance and personalized planning to prepare students for professional roles.

Conclusion

The practice-oriented legal education model provides an effective pathway for legal education, cultivating professionals with strong theoretical foundations and problem-solving skills to help students tackle career challenges and meet societal demands for comprehensive legal talents. Guided by practice, it connects classroom learning, internships, and employment to translate theory into practice—hands-on legal application relieves employment pressures, fosters legal thinking and practical skills to achieve curriculum goals, and aims to develop competent legal elites, address employment hurdles, and advance the legal field.

REFERENCES

1. Shao Wentao. Construction and Operation of Practical Teaching System in China's Undergraduate Legal Education [D]. Shandong Normal University,2008.

2. Fu Jian. Moot Court Practical Teaching and Improvement of Practical Abilities for Law Students [J]. Higher Education Forum, 2003 (5).

3. Fan Weihong, Zeng Zuoling, Huang Yan, Zeng Yuying. Foreign Case Teaching Methods and Chinese Legal Education [J]. Journal of Chongqing University (Social Science Edition), 2006 (2).

4. Gui Liyi. Research on Practical Teaching in Law Discipline [J]. Journal of Dongbei University of Finance and Economics, 2004, (6).

5. Gui Zhaojin. On the Integration of University Legal Aid Activities and Legal Clinic Teaching [J]. Education and Vocation, 2006, (21).

6. Cai Lidong, Liu Xiaolin. The Nature and Realization Mode of Legal Practice Teaching in the New Era [J]. Legal System and Social Development,2018, 24(5).

7. Yu Zhigang. China's Exploration of Practical Teaching Models in Cultivating Legal Talents: Synchronous Practical Teaching [J]. Journal of China University of Political Science and Law, 2017, 61(5).

8. Liu Peng. Practical Exploration on Improving the Teaching Quality of Moot Court in Colleges and Universities [J]. Heilongjiang Education (Higher Education Research and Evaluation), 2021 (2).

Статистическое изучение населения РФ по состоянию в браке

Э. А. Ярных
Московский гуманитарный университет

Аннотация. В статье проводится статистический анализ брачной структуры населения России. Исследуются основные тенденции: изменение доли состоящих в браке, увеличение количества разводов и возраста вступления в первый брак. Особое внимание уделяется влиянию таких факторов, как уровень образования и экономическая ситуация. На основе данных Росстата выявлены ключевые закономерности формирования брачной структуры в современной России.

Ключевые слова: уровень брачности, количество браков, развод, возраст, уровень образования.

Изучение брачной структуры населения является важной задачей статистики, демографии и социологии. Брачный статус людей напрямую влияет на ключевые показатели развития общества: уровень рождаемости, состав домохозяйств, потребительское поведение и даже рынок недвижимости. В современной России наблюдаются значительные изменения в семейно-брачных отношениях (Аналитическое исследование ... , 2025): снижается количество официальных браков, увеличивается средний возраст вступления в первый брак, растет доля разводов и людей, сознательно выбирающих одиночный образ жизни. Эти тенденции требуют внимательного анализа, так как от них зависит будущее демографической ситуации в стране.

В исследовании рассматривается население России в возрасте 16 лет и старше. Основное внимание уделяется анализу брачной структуры, в частности, изучению доли граждан, состоящих в официально зарегистрированном браке. Источниками данных служат официальная статистика Росстата, результаты Всероссийской переписи населения, а также выборочные обследования репродуктивных планов населения, в том числе и профилей социальных сетей (Программное обеспечение ... , 2023).

Брак представляет собой социальный институт, который формировался на протяжении веков, и отражает принятые в обществе нормы взаимоотношений между партнерами. Эта форма союза, признаваемая на законодательном уровне, устанавливает взаимные обязательства супругов как в отношении друг друга, так и в вопросах воспитания совместных детей.

Официальное оформление брачного союза представляет собой юридическую процедуру, осуществляемую уполномоченными органами записи актов гражданского состояния. В ходе данной процедуры составляется специальный актовый документ, подтверждающий создание семейного союза между двумя людьми, после чего супругам выдается официальный документ — брачное свидетельство. С точки зрения законодательства, только такой способ создания семьи имеет юридическую силу. Альтернативные формы совместного проживания не получают правового признания и не влекут за собой

возникновения семейных прав и обязанностей, предусмотренных Семейным кодексом Российской Федерации (Демидова-Петрова, 2025). Официальная регистрация семейных союзов в России осуществляется органами ЗАГС. Эти учреждения формируются региональными органами власти на основании ФЗ «Об актах гражданского состояния» от 15 ноября 1997 г. №143-ФЗ. Также, согласно СК РФ, брачный возраст устанавливается в восемнадцать лет.

За 11 лет, в период с 2013 г. по 2023 г. (Доброхлеб, Кондакова, 2023), количество заключенных браков в каждый из годов было непостоянным и колебалось в большую или меньшую сторону, а количество разводов изменялось незначительно (рис. 1).

В период 2014–2020 гг. можно наблюдать тенденцию спада числа заключенных браков. Это может быть обусловлено изменением демографических факторов и нестабильностью социального и экономического положения Российской Федерации. В 2020 г. было зафиксировано самое малое число браков за последние 11 лет в связи с пандемией COVID-19 и последовавшим за ней карантином и локдауном, в течение которого было запрещено проведение массовых мероприятий, в том числе свадеб (Малютина, Логинова, Шевелева, 2024). Также, в 2023 г., после двух лет роста количества заключенных браков, снова произошел спад, который может быть связан с продолжающейся СВО на Украине. Кривая разводов же изменялась незначительно, с наибольшим возрастанием в период с 2020 г. по 2023 г. Это также может быть связано с началом карантина (Зинченко, 2021), в течение которого многие пары были лишены личного пространства и находились постоянно вместе, что приводило к ссорам и, соответственно, разводам. Кроме того, с началом военных действий на Украине (2022 г.) многие пары разошлись в связи с различиями в политических взглядах.

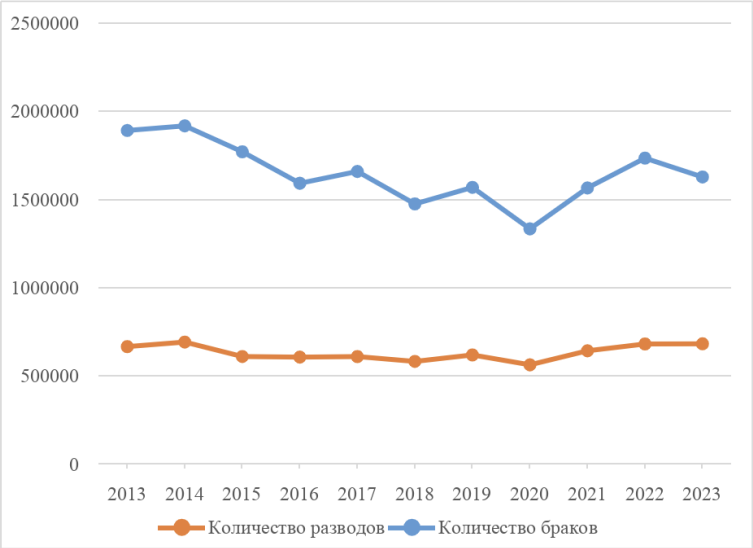


Рис. 1. Количество браков и разводов в РФ в период 2013–2023 гг.

Опираясь на исследование, можно сказать, что наибольший темп роста по цепной системе наблюдался в 2021 г. (119,81%), наименьший — в 2020 г. (81,13%). По базисной системе наблюдался наибольший темп роста в 2014 г. (100,04%), а наименьший — в 2020 г. (62,90%). При этом средний темп роста заключенных браков за данный период составил 98%, а средний темп прироста равен 2%.

Проведенный анализ динамики заключенных браков в РФ за 2013–2023 гг. позволяет выявить общие тенденции изменения уровня брачности населения. Однако для более глубокого понимания этих процессов необходимо рассмотреть, как возраст и пол влияют на брачное поведение. Анализ по возрастным группам населения и полу помогает объяснить динамику сокращения числа браков с 2013 г. по 2023 г. (табл. 1).

Таблица 1

Количество браков по возрастам жениха и невесты в РФ за 2013–2023 гг.

Годы	Всего браков	По возрасту жениха, лет					По возрасту невесты, лет				
		до 18	18-24	25-34	35 и более	не указан	до 18	18-24	25-34	35 и более	не указан
2013	1225501	931	300195	619534	304826	15	9695	465626	521289	228879	12
2014	1225985	835	273994	632025	319131	0	9180	436993	534702	245110	0
2015	1161068	853	247588	606002	306625	0	8462	400952	513566	238088	0
2016	985836	705	195598	515092	274441	0	6825	323582	439084	216345	0
2017	1049735	556	199294	547631	302254	0	5886	334893	465798	243158	0
2018	893039	454	170440	456639	265506	0	4593	285576	386641	216214	15
2019	950167	564	177912	469220	302389	82	5141	296984	395684	252276	82
2020	770857	598	143938	372864	253457	0	4569	239507	314172	212609	0
2021	923550	614	174836	435526	312574	0	4453	289199	360245	269653	0
2022	1053756	524	187507	463322	402403	0	4059	305038	389597	355062	0
2023	945995	497	180902	393834	370762	0	3598	287686	327112	327599	0

Источник: составлено автором по данным [1].

Данные о браках за 2013–2023 гг. показывают четкие закономерности в распределении по возрасту и полу. Основная доля женихов (45–50%) приходится на возрастную группу 25–34 года, тогда как невесты чаще выходят замуж в более молодом возрасте: 60–65% браков заключаются с женщинами 18–24 лет. С годами заметен сдвиг возрастных границ: если в 2013 г. 35% женихов были старше 35 лет, то к 2023 г. эта доля выросла до 39% (Тишенков, Кузина, 2024). Гендерные различия особенно заметны в старших возрастных группах. Среди лиц старше 35 лет мужчины заключают браки в 1,5 раза чаще женщин. При этом ранние браки (до 18 лет) встречаются крайне редко (0,05–0,08% от общего числа) и преимущественно среди женщин. Пик брачности у мужчин приходится на 25–34 года, у женщин — на 18–24 года. Эта разница сохраняется на протяжении

всего анализируемого периода, что отражает традиционную модель семейных отношений в России.

Современные тенденции показывают, что уровень образования женщин существенно влияет на их брачное поведение. Чем выше образование, тем позже женщины обычно вступают в брак. Это связано с тем, что получение образования и построение карьеры требуют времени и усилий, поэтому создание семьи часто откладывается на более поздний возраст. Образованные женщины, как правило, более осознанно подходят к выбору партнера. Они чаще ищут мужчину с похожим уровнем образования и жизненными целями. При этом такие женщины реже соглашаются на брак ради формальностей, предпочитая стабильные и равноправные отношения. Следует отметить, что хотя образованные женщины вступают в брак позже, их семьи обычно оказываются более крепкими. Это объясняется более взвешенным подходом к созданию семьи и экономической независимостью, которая снижает зависимость от партнера и уменьшает количество вынужденных браков. Таким образом, рост уровня образования среди женщин меняет традиционные представления о браке, делая его более осознанным, но и более поздним по срокам.

Проведенный анализ статистических данных о браках и разводах в России за 2013–2023 гг. позволяет сделать несколько важных выводов. За этот период наблюдалось постепенное снижение количества заключаемых браков, причем особенно резкий спад произошел в 2020 г. из-за пандемии COVID-19. Количество разводов оставалось более стабильным, хотя в последние три года отмечается их небольшой рост, что может быть связано с экономическими трудностями и изменением социальных условий.

Исследование выявило четкие возрастные закономерности: мужчины чаще всего создают семьи в возрасте 25–34 лет, тогда как женщины обычно выходят замуж раньше — в 18–24 года. Особый интерес представляет влияние уровня образования на брачное поведение: женщины с высшим образованием вступают в брак позже, но их семьи отличаются большей стабильностью и меньшим количеством разводов. Эти изменения в брачной структуре населения отражают трансформацию традиционных семейных ценностей и требуют внимания со стороны государства при разработке мер демографической политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аналитическое исследование законодательства Российской Федерации о молодежной политике и его реализации в современных условиях (2025) / Н. И. Ильинская, Е. В. Белоусова, А. И. Ковалева [и др.]. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 158 с. ISBN 978-5-907986-33-6. EDN KLZKNJ.

Демидова-Петрова, Е. В. (2025) Институт семьи как основа национальной безопасности Российской Федерации // Искусство правоведения. № 1 (13). С. 87–95. EDN VYVCYC.

Доброхлеб, В. Г., Кондакова, Н. А. (2023) Состояние и тенденции семейного потенциала современной России: региональный аспект // Проблемы развития территории. Т. 27, № 6. С. 178–190. DOI 10.15838/ptd.2023.6.128.11. EDN XPGGZW.

Зинченко, Д. И. (2021) Ассортативность браков по уровню образования: изменения в связи с экспансией высшего образования в России // Демографическое обозрение. Т. 8, № 4. С. 81–105. DOI 10.17323/demreview.v8i4.13877. EDN XCZVXH.

Малютина, С. А., Логинова, А. Е., Шевелева, Е. Д. (2024) Статистическое исследование уровня брачности в Российской Федерации // Baikal Research Journal. Т. 15, № 3. С. 1196–1207. DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(3).1196-1207. EDN SJFROZ.

Программное обеспечение информационных технологий и систем (импортозамещение) (2023) / В. Ф. Макаров, Д. Ю. Нечаев, Е. В. Романова, А. Г. Тимофеев. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 135 с. EDN GCVMWP.

Тишенков, А. В., Кузина, Н. В. (2024) Исследование тенденции среднего возраста супругов при вступлении в брак с прогнозом на 2024 год // Экономика и бизнес: теория и практика. № 10–2 (116). С. 105–108. DOI 10.24412/2411-0450-2024-10-2-105-108. EDN QKFULC.

Ярных Эльвира Аркадьевна, доктор экономических наук, профессор; профессор кафедры прикладной информатики и статистики Московского гуманитарного университета. Эл. адрес: pik@mosgu.ru

Совершенствуем правовую базу для продажи неработающих активов и стратегии контроля финансовых рисков

Perfecting the Legal Framework for Non-performing Asset Disposal and Strategies for Financial Risk Control

Ян Хунфэн
Пекинский объединенный университет
Yang Hongfeng
Beijing Union University

Abstract. As China's economy enters a deeper stage of transformation and upgrading, coupled with the ongoing escalation of demands for financial risk prevention, improving the legal framework for handling non-performing assets and innovating mechanisms for compliant financial risk management have become central issues in strengthening the financial stability defense line. The current legal system reveals multiple structural shortcomings: at the legislative level, a lack of coordination among departmental regulations has resulted in regulatory gaps and overlaps; in regulatory practice, insufficient uniformity frequently leads to regulatory arbitrage; in the judicial sphere, inconsistent standards of adjudication create uncertainties in disposal procedures. These issues significantly hinder the efficiency of market-based disposals and obstruct the effective allocation of financial resources. Research focuses on three major directions for legal framework reform: optimizing pre-restructuring mechanisms to ensure corporate revival; establishing cross-departmental joint regulatory mechanisms to break down information barriers; and improving local Asset Management Company entry and exit rules to regulate market order. At the same time, it innovatively proposes the use of blockchain technology to build a debt registration platform, establish a dynamic risk early warning system, and explore a "debt-to-equity REITs" model to enhance compliance management efficiency. By strengthening functional regulation and judicial coordination and deeply integrating technological governance tools, it can both advance the market-based disposal of non-performing assets and achieve effective risk isolation, providing institutional support and practical models for preventing systemic financial risks.

Key words: Non-performing asset disposal; Legal framework; Financial risk; Contract management and control

1 Current Status of the Legal Framework for Non-performing Asset Disposal

1.1Sorting Out the Current Legal System

The legal regulatory system for non-performing asset disposal is characterized by distinct complexity, covering multiple legal levels and dimensions. At the level of fundamental laws, the Enterprise Bankruptcy Law, the Commercial Bank Law, the Regulations on Financial Asset Management Companies, as well as the relevant provisions on security interests and assignment of claims in the Civil Code, constitute the core legal basis for disposal work. Complementing these are a series of departmental rules and regulatory documents issued by administrative authorities such as the State Council, the People's Bank of China, and the China Banking and Insurance

Regulatory Commission. For instance, the Measures for the Administration of Bulk Transfer of Non-performing Assets of Financial Enterprises clarifies the asset transfer procedures, while the Letter on Appropriately Adjusting the Relevant Policies for Local Asset Management Companies standardizes the operation of local AMCs. These systems effectively fill the implementation gaps in core laws.

In the realm of judicial practice, the Supreme People's Court has refined the key legal issues arising in non-performing asset disposal by issuing judicial interpretations and guiding cases. For example, the Minutes of the Symposium on the Trial of Cases Involving the Transfer of Financial Non-performing Claims has precisely balanced the value conflicts between the protection of state-owned assets and the security of market transactions, and clarified the judicial standards for the validity of claim assignment, disputes over priority rights, and enforcement procedures. Meanwhile, local legislation plays an indispensable supplementary role in regional reform pilots, with the special rules formulated for cross-border secured asset disposal in the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area serving as a typical example.

On the whole, the current legal framework follows the principle of special laws taking precedence over general laws and closely links substantive norms with procedural norms, thus forming a comprehensive regulatory system centered on market-oriented disposal, guaranteed by administrative supervision and supported by judicial remedie.

1.2 Defects in the Legal Framework

At the legislative level, in China’s non-performing asset disposal sector, the current legal system has prominent structural defects, which are highlighted by the discontinuity of regulatory hierarchy and insufficient coordination of rules. The fundamental laws anchored by the *Enterprise Bankruptcy Law* lack forward-looking considerations for financial innovation in their institutional design. With the rise of new disposal models such as non-performing asset securitization and debt-to-equity swaps, these innovative tools often fail to obtain clear guidance from fundamental laws in practice and instead rely heavily on departmental rules to fill institutional gaps. This pattern of legal application is highly likely to trigger the risk of conflicts between norms at different levels. During the operation of bankruptcy reorganization procedures, there is an inherent tension between the priority exercise of security rights and the goal of maximizing the value of overall asset disposal. However, the current legislation has not clearly defined the boundaries for creditors to transfer their rights and interests during the voting stage of reorganization plans, resulting in the lack of clear criteria for the distribution of rights and interests among all parties in practice. In addition, although the *Civil Code* has refined the rules on non-typical guarantee systems such as transferable security and accounts receivable pledge, there are potential inconsistencies with the provisions on the evaluation and filing of state-owned asset transfers in the *State-owned Assets Law of the People's Republic of China*, which creates room for disputes over the determination of the validity of claim assignment contracts. In the field of cross-border non-performing asset disposal, due to the absence of high-level legislative guidance, issues such as foreign exchange control rules and the validity

determination of choice of law clauses have become important factors hindering the participation of international capital.

At the regulatory level, the regulatory system for the non-performing asset disposal market is confronted with the predicament of fragmented powers and responsibilities as well as disjointed rules, which in turn breeds room for regulatory arbitrage and compliance blind spots. Currently, the China Banking and Insurance Regulatory Commission, the China Securities Regulatory Commission and local financial regulatory authorities follow the logic of institutional supervision, implementing differentiated access management and conduct regulation for market entities such as commercial banks, Financial Asset Management Companies, local asset management companies and private equity funds. Nevertheless, in cross-market transaction scenarios, inconsistent regulatory standards are prone to induce a race to the bottom in regulation. Some commercial banks attempt to evade capital adequacy requirements by transferring the income rights of credit assets, thereby making related businesses deviate from the macro-prudential regulatory framework. When local financial institutions carry out cross-provincial non-performing asset acquisition businesses, they are not only restricted by territorial supervision but also subject to the dual constraints of the lack of cross-regional collaborative regulatory mechanisms. In addition, the absence of functional supervision has led to ambiguous business boundaries for emerging business formats such as online non-performing asset trading platforms and special opportunity investment funds. Severe information asymmetry among market entities makes it difficult to effectively implement investor suitability management, which objectively exacerbates the transmission and spread of financial risks. The lagging application of regulatory technology tools in penetrating monitoring has further weakened the regulatory authorities' ability of risk early warning and prevention and control.

At the judicial level, the inconsistency of judicial adjudication standards and the inefficiency of enforcement procedures have become prominent obstacles in the process of advancing the rule of law in non-performing asset disposal. In judicial practice, courts in different regions have significant divergences in adjudication on key issues such as the form of claim assignment notices and the validity determination of public announcement for debt collection. For example, regarding the publication of debt collection announcements by Financial Asset Management Companies in provincial-level newspapers, courts in different regions have reached completely different adjudication results due to the differences in interpretation methods when citing Article 695 of the *Civil Code*, which seriously affects the predictability of judicial decisions. In the enforcement procedure link, the disposal of mortgaged assets generally faces such challenges as lengthy evaluation cycles and persistently high auction failure rates. Due to the high threshold for initiating bankruptcy procedures, a large number of debtors that have already met the conditions for bankruptcy cannot realize market exit in a timely manner. In the field of cross-border judicial cooperation, the rigid application of the principle of reciprocity in the recognition and enforcement of foreign judgments has greatly restricted the possibility for non-established institutional investors to recover assets through overseas judicial channels. Moreover,

in the handling of cases involving both criminal and civil liabilities, there are no clear connection rules between the seizure and freezing measures of case-related assets and civil enforcement procedures, which is likely to cause an imbalance of interests between mortgagees and victims.

2 Improvement of the Legal Framework for Non-performing Asset Disposal

2.1 Refine the "pre-reorganization" system in the Enterprise Bankruptcy Law

The current *Enterprise Bankruptcy Law* suffers from overly general rules and practical operational difficulties regarding the regulation of the pre-reorganization system. It is imperative to leverage the combined efforts of legislative amendments and judicial interpretations to advance the refinement of this system. As a transitional hybrid procedure between out-of-court reorganization and judicial reorganization, the core value of pre-reorganization lies in maximizing the efficiency of negotiations among debtors, creditors and strategic investors prior to the initiation of bankruptcy protection procedures.

At the level of legislative improvement, the substantive conditions for initiating the pre-reorganization procedure should be clarified. Specifically, it is necessary to reasonably set the threshold value of the debtor's asset-liability ratio as a quantitative criterion for judging the necessity of pre-reorganization for an enterprise; standardize the establishment criteria of the creditors' committee to ensure the representativeness and participation rights of all types of creditors; and specify the scope of information disclosure obligations to guarantee the transparency of key financial and operational information, prevent negotiation failures caused by information asymmetry, and avoid resource waste due to the arbitrary abuse of the procedure. [See Zhang Zhihong, Jia Minmin & Zhang Lei. Optimization Research on the Comprehensive Factor Analysis Method in Financial Non-performing Asset Evaluation[J]. *China Appraisal Journal*, 2021(7): 4-9.] Meanwhile, it is crucial to construct an automatic continuation mechanism for the effect of pre-reorganization plans, so that agreements such as debt extensions and debt-to-equity swaps reached out of court can have mandatory enforceability after entering the formal reorganization stage and obtaining judicial confirmation, thereby reducing uncertainties during procedure conversion.

For the "debtor-held asset financing" invested by strategic investors in the pre-reorganization phase, the organic combination of the super-priority rule of security interests and the identification standards for claims in the common interest can be adopted. This not only ensures the security of newly injected funds and stimulates investors' enthusiasm, but also balances the legitimate rights and interests of existing creditors. In addition, a temporary injunction system should be introduced to restrict individual creditors from exercising mortgage rights or applying for property preservation during the pre-reorganization period, preventing the integrity of enterprise assets from being damaged by the compulsory enforcement actions of individual creditors, safeguarding the survival of the enterprise's reorganization value, and achieving a dynamic balance of interests among all parties.

2.1 The Establishment of a Cross-departmental Joint Supervision Mechanism

At present, China's implemented separate financial supervision system has shown obvious inadequacy in responding to the transmission of complex cross-market

and cross-business financial risks. It is imperative to establish a **function-oriented cross-departmental collaborative governance mechanism**.

In view of this, consideration may be given to empowering the Financial Stability and Development Committee of the State Council to play a coordinating role and take the lead in establishing an **inter-ministerial joint meeting system for non-performing asset disposal supervision**. This mechanism aims to integrate the regulatory powers of multiple authorities including the China Banking and Insurance Regulatory Commission, the China Securities Regulatory Commission, the National Development and Reform Commission, and the State Administration of Foreign Exchange. By formulating unified norms for transaction transparency and risk isolation criteria, it can effectively eliminate regulatory gaps and standard discrepancies, and enhance regulatory efficiency.

For the multi-layer nesting phenomenon existing in structured financial products such as non-performing asset securitization and income right transfer, constructing a **penetrating regulatory framework** is the key. Specifically, the mandatory registration system for underlying assets can be organically integrated with real-time capital flow tracking technologies. By leveraging technological tools such as blockchain and big data, we can penetrate the complex structure of **Special Purpose Vehicles (SPVs)**, achieve accurate identification and effective monitoring of underlying asset risks, and prevent risk concealment and accumulation.

In the field of cross-border non-performing asset package transactions, it is necessary to strengthen supervision over anti-money laundering and anti-tax evasion, and actively promote international regulatory cooperation. We should fully utilize cross-border information exchange mechanisms such as the **Common Reporting Standard (CRS)** and the **Foreign Account Tax Compliance Act (FATCA)** to build an efficient cross-border information sharing platform, improve the accuracy and timeliness of overseas asset ownership verification, and guard against cross-border asset transfer risks.

For the enterprise bailout and restructuring businesses carried out by local asset management companies and private equity funds, we should strictly implement the consolidated supervision principle of **"substance over form"**. Key indicators such as the leverage ratio and maturity mismatch degree of special purpose vehicles should be fully incorporated into the macro-prudential assessment framework. Through dynamic monitoring and restraint, we can effectively curb the behavior of market entities exploiting regulatory loopholes for arbitrage and excessive risk-taking, and maintain the stable and orderly operation of the financial market.

2.2 Strengthen the Access and Exit Mechanisms for Local AMCs

As a pivotal force in regional non-performing asset disposal, local Asset Management Companies are plagued by ambiguities in their market access and exit rules. These ambiguities have weakened the value of their licenses and exacerbated the accumulation of moral hazards. This situation has not only disrupted market order, but also posed potential threats to regional financial stability. [See Zhang Pan. Research on the Evaluation of Financial Non-performing Claim Recovery Rate

Based on BP Neural Network[J]. China Appraisal Journal, 2021(4): 36-40.] To reverse this trend, it is imperative to systematically optimize the relevant rules.

First, in terms of market access rules, it is recommended to revise and improve the Regulations on Financial Asset Management Companies. A new indicator for the adaptability of regional non-performing asset market scale should be added to the access criteria, ensuring that the number of institutions matches market capacity and avoiding excessive competition. A rating mechanism for the industry integration capability of controlling shareholders should be introduced, giving priority to market entities with resource integration and industrial revitalization capabilities to enhance the quality and efficiency of non-performing asset disposal. In addition, countercyclical capital buffer requirements should be established, enabling institutions to build stronger risk resilience amid economic cycle fluctuations, preventing irrational price wars triggered by homogeneous competition among institutions, and safeguarding the sound development of the market.

Second, in constructing exit mechanisms, it is necessary to establish a scientific and reasonable risk-oriented continuous compliance evaluation system. For local AMCs whose capital adequacy ratio falls below the safety threshold, those involved in major irregular connected transactions, or those whose non-performing asset acquisition scale deviates from reasonable thresholds, mandatory restructuring procedures should be initiated in a timely manner or their licenses revoked in accordance with the law, so as to purify the market environment. Meanwhile, a local AMC risk disposal fund should be set up, integrating the dual mechanisms of pre-funded risk reserves and post-event industry mutual assistance to form a "combination of measures" for risk prevention and control, effectively resolving regional financial risks that may be triggered by the operational failure of individual institutions. In addition, to address the difficulty of disposing of existing asset packages during the exit process, an innovative "bridge AMC" system can be explored. Provincial governments can designate professional temporary trustees to orderly take over problem assets, ensuring the continuity of disposal work, cutting off risk transmission chains, preventing risks from spreading to other financial institutions or market sectors, and effectively safeguarding the stability and security of the regional financial ecosystem.

2.3 Promotion of Specialized Trials in Financial Courts

With the innovative development of the financial market, financial dispute cases have shown a high degree of complexity, and the right conflicts in the process of non-performing asset disposal are even more intricate. This current situation puts forward an urgent requirement for the professionalization reform of judicial organs to achieve an all-round improvement in trial quality and efficiency.

At the level of judicial organ setup, we can learn from the successful pilot experience of the Shanghai and Beijing Financial Courts. Combined with factors such as the regional stock scale of non-performing assets and the complexity of cases, specialized financial courts can be added in regions with concentrated non-performing assets and strong disposal demands. We should innovatively construct a dual-track operation mode featuring **"cross-provincial jurisdiction + categorized case**

diversion". The former breaks geographical restrictions, reduces the interference of local protectionism and enhances judicial credibility; the latter conducts refined case diversion based on factors such as case types and subject amounts, so as to realize the specialization and high efficiency of case trial.

In terms of unifying the application of law and judicial adjudication standards, aiming at core issues in the field of non-performing asset securitization such as disputes over the determination of true sale and controversies over the effectiveness of bankruptcy remoteness, the supreme judicial organs should promptly issue judicial interpretations. These interpretations should clarify the judicial review elements of **"substantive transfer of risks and returns"**, refine the judgment standards, unify the judicial adjudication scale, and provide clear behavioral guidelines for market entities. In the field of cross-border non-performing asset disposal, it is imperative to improve the foreign law ascertainment mechanism and build diversified and efficient ascertainment channels; optimize the rules for recognition and enforcement of foreign judgments, and enhance the operability and adaptability of these rules. Meanwhile, we should prudently explore the application boundary of the **"long-arm jurisdiction"** principle in the recovery of overseas concealed assets, and strike a balance between safeguarding national judicial sovereignty and respecting the international judicial order.

For litigation cases involving financial derivatives, which are highly professional and technical, it is imperative to introduce the expert assessor system. We can select practical experts with professional experience such as non-performing asset valuation and credit default swap pricing from the financial industry to form collegial panels together with judges. By virtue of their rich industry knowledge and practical experience, experts can assist judges in accurately understanding professional issues in cases, make up for the shortcomings of judges' knowledge structure in the financial and accounting fields, ensure the accurate determination of case facts and correct application of law, and realize the organic unity of judicial justice and professional trial.

2.4 Improvement of the Joint Punishment System for Untrustworthy Conduct

At present, China’s credibility punishment mechanism has structural shortcomings, which are prominently manifested in the insufficient coverage of punishment targets, poor inter-departmental coordination efficiency, and impeded credit repair mechanisms. These problems have seriously weakened the regulatory effect on debt evasion and repudiation behaviors. To effectively maintain the order of the financial market, it is imperative to systematically optimize the existing punishment system.

In terms of expanding the scope of punishment, it is recommended to revise and improve the **Memorandum of Cooperation on Joint Punishment for Untrustworthy Conduct**. Covert debt evasion and repudiation behaviors such as malicious asset transfer and improper debt set-off should be incorporated into the regulatory scope, filling the coverage blind spots of the existing punishment mechanism. Meanwhile, relying on the "Credit China" national credit information platform, and using technologies such as big data and artificial intelligence, a cross-

departmental dynamic identification model for untrustworthy conduct should be constructed. By real-time capturing and analyzing multi-dimensional data such as capital flows and asset changes of enterprises and individuals, this model can accurately identify potential debt evasion and repudiation behaviors, realizing the advancement of risk early warning.

At the level of coordinating punishment measures, it is necessary to strengthen the integration of administrative powers among departments. A three-dimensional punishment network should be built by linking multiple departments including market supervision, taxation, and exit-entry administration. For severely untrustworthy entities, combined measures such as restricting equity changes, freezing the permission to apply for VAT invoices, and strengthening the monitoring of high-frequency consumption behaviors can be adopted. For example, obstacles can be set in the market access link to restrict their participation in economic activities such as bidding and tendering, and enterprise mergers and acquisitions; in the taxation field, inspection efforts should be intensified to narrow the space for their irregular operations; in terms of exit-entry administration, travel restrictions should be imposed on entities that refuse to fulfill their debts, forming an all-round and multi-level joint punishment force.

In the construction of the credit repair mechanism, a scientific and reasonable graded restoration procedure should be established. For untrustworthy entities that have completed debt repayment or reached a settlement agreement, restrictive measures should be lifted in phases based on factors such as the implementation of the reorganization plan and the progress of debt performance. Initially, the operation of some non-core business areas can be resumed first; with the sustained and stable performance of obligations, the scope of credit repair should be gradually expanded until the credit qualification is fully restored. This incentive mechanism can not only protect the rights and interests of creditors, but also urge debtors to actively cooperate in non-performing asset disposal, achieving the dual goals of credit repair and market vitality recovery.

3 Compliance and Control Strategies for Financial Risks

3.1 Standardization of Public Bidding Procedures

The standardized development of public bidding procedures in non-performing asset disposal should center on establishing a penetrating information disclosure system, and build a three-dimensional compliance framework covering verification of underlying asset ownership, qualification review of bidding entities, and transaction pricing mechanism, so as to improve market transparency and transaction fairness.

In the bidding preparation phase, information disclosure obligations should be strengthened through legislation or industry regulations, requiring the disclosure of key information such as defect details of underlying assets, status of preemptive rights, and potential environmental liabilities. By virtue of smart contract technology, blockchain-based deposit of disclosure documents shall be implemented to ensure that the information is true, reliable and tamper-proof, thus providing accurate decision-making basis for participants. In the design of bidding rules, an innovative hybrid pricing model combining Dutch auction and sealed-bid tender should be adopted, and mathematical models such as Monte Carlo simulation should be applied to optimize reserve price

setting, accurately estimate asset value, and effectively prevent the risk of asset underselling caused by collusive tendering and bid rigging.

For cross-regional asset package bidding and tendering, a national unified linkage system for bidding and tendering platforms should be constructed to realize real-time interactive comparison of regulatory data and bidding information across regions. This mechanism can conduct full-process traceability of the flow of bidders' security deposits, and seamlessly connect with the anti-money laundering review system, so as to enhance regulatory efficiency. At the level of judicial coordination, the connection channel between bidding results and bankruptcy reorganization procedures should be smoothed out, clarifying that assets transacted through auction shall automatically obtain the effect of judicial approval when complying with statutory conditions, simplifying procedures, significantly shortening the judicial confirmation cycle, and improving the overall efficiency of non-performing asset disposal.

3.2 Optimization of the Non-performing Asset Securitization Process

As an important financial innovation tool, the process optimization of non-performing asset securitization needs to focus deeply on the reform of the governance structure of Special Purpose Vehicles and the improvement of the adaptability between cash flow restructuring technologies and legal norms. This is not only related to the stability of the financial market, but also affects the efficiency of resource allocation.

At the stage of asset pool construction, traditional asset screening methods can no longer meet the needs of the complex market environment, so it is imperative to actively introduce dynamic asset screening algorithms. By organically integrating the Probability of Default model and Loss Given Default model, and leveraging big data analytics and machine learning technologies, intelligent hierarchical portfolio of assets with different ages and guarantee types can be realized. This scientific asset portfolio approach can significantly enhance the predictability of the cash flows of the underlying assets, laying a solid foundation for the stable operation of securitization products.

The innovation of credit enhancement mechanisms is equally crucial. We should break through the traditional single model relying on external guarantees, and explore the establishment of a hierarchical payment structure that closely links excess spread accounts with collection performance. By setting up a stepped incentive mechanism for collection service providers and a clawback clause for investors, we can not only stimulate the enthusiasm of service providers to improve asset disposal efficiency, but also effectively protect the legitimate rights and interests of investors, thus achieving a dynamic balance of interests among multiple parties.

At the legal and compliance level, it is essential to further improve the identification standards for true sale and clarify the specific scope of application of the bankruptcy remoteness effect under the revolving purchase structure. By refining legal norms, we can cut off the risk transmission path between the underlying assets and the originator at the institutional level, preventing the securitization products from being affected by the operational risks of the originator. In terms of the regulatory declaration process, an electronic filing system should be implemented. Artificial intelligence technologies can be used to automatically review important documents such as cash

flow stress test reports and asset service agreements, which will greatly shorten the regulatory approval cycle, improve the operational efficiency of non-performing asset securitization business, and promote the healthy and orderly development of the market.

3.3 Application of Blockchain Technology in Bond Registration and Transfer

Against the backdrop of the rapid development of financial technology, the in-depth integration of blockchain technology into the field of creditor's rights registration and transfer requires the construction of an innovative dual-layer architecture of **"consortium blockchain + smart contracts"**, so as to realize the digital governance transformation of creditor's rights throughout the entire life cycle from right confirmation and transfer to enforcement remedies.

At the level of creditor's rights registration, building a cross-institutional distributed ledger system is a crucial measure. By virtue of zero-knowledge proof technology, we can not only ensure the anonymity of creditors' identities, but also upload the hash values of creditor's rights certificates onto the blockchain for deposit. Leveraging the tamper-proof and traceable characteristics of blockchain, the registered information is guaranteed to be highly credible and non-repudiable. Compared with traditional registration methods, this technical architecture greatly reduces the risk of information tampering and effectively protects the legitimate rights and interests of creditors.

The design and application of smart contracts must be closely integrated with existing legal norms. Relevant rules regarding notices of assignment of creditor's rights as stipulated in the *Civil Code* should be embedded into smart contracts in the form of code. Once a creditor's rights transfer occurs, the smart contract will automatically trigger the on-chain announcement procedure. This automated operation mode effectively avoids disputes and controversies over the validity determination in traditional public announcement for debt collection, and significantly improves the efficiency and certainty of creditor's rights transfer.

In terms of the construction of the creditor's rights transfer market, it is of great significance to introduce the liquidity pool model and build a pricing mechanism based on automated market makers. By dynamically adjusting discount rate parameters in combination with default probabilities, this mechanism can price non-standard creditor's rights more accurately, effectively enhance the liquidity and pricing efficiency of creditor's rights in the secondary market, and provide investors with more scientific reference basis for transactions.

In the field of judicial coordination, it is imperative to promote the standardization of interfaces between blockchain evidence deposit systems and electronic litigation platforms. By achieving direct interconnection between on-chain creditor's rights certificates and court enforcement investigation and control systems, we can greatly reduce the intermediate links and time costs in the process of creditor's rights realization. This enables creditors to enforce their rights through judicial channels more efficiently, facilitates the in-depth integration of judicial resources and financial technology, and provides solid technical and legal guarantees for related businesses such as non-performing asset disposal.

3.4 Exploration of the "Debt-to-Equity Swap + REITs" Model

To effectively revitalize non-performing assets, the development of the innovative "Debt-to-Equity Swap + REITs" model is in urgent need of breaking through the practical predicaments of a single equity exit channel and insufficient asset operation efficiency. The optimization of this model requires systematic exploration from multiple dimensions, including the establishment of transaction frameworks, asset restructuring and management, improvement of legal compliance, and strengthening of regulatory coordination.

In the transaction structure design phase, it is of great significance to construct a composite framework with the mutual nesting of convertible preferred shares and infrastructure REITs. Through this innovative design, debt-to-equity swap investors can not only realize the orderly exit of equity by virtue of the public offering of REITs units, solving the problems of long exit cycles and narrow channels under the traditional model, but also retain the right to share the operational proceeds of the underlying assets, achieving a reasonable matching of risks and returns. While protecting the rights and interests of investors, this framework also opens up a new path for the market-oriented disposal of non-performing assets.

The asset restructuring phase is the core link to enhance asset value. Introducing third-party management companies with professional operational capabilities and establishing a floating management fee mechanism with net operating income as the core evaluation indicator can effectively stimulate the enthusiasm of operators to improve asset operation efficiency. By scientifically formulating asset operation strategies, strengthening cost control and revenue management, the cash flow generation capacity of existing assets can be significantly enhanced, laying a solid foundation for the stable operation of REITs.

At the legal compliance level, clarifying the legal nature of REITs units as consideration for "debt settlement with equity" is the key. It is necessary to systematically sort out relevant laws and regulations, improve special asset evaluation standards, construct tax-neutral institutional arrangements, eliminate legal obstacles and tax burdens in the process of asset restructuring, and ensure that transaction activities are carried out in a legal, compliant and smooth manner.

In terms of regulatory coordination, it is imperative to establish a cross-departmental joint review mechanism. For REITs projects involving state-owned assets, a strict equity penetration registration system shall be implemented to strengthen the whole-process supervision. By integrating regulatory resources of multiple departments, realizing information sharing and collaborative linkage, the risk of state-owned asset loss can be effectively prevented, the safety and appreciation of state-owned capital can be guaranteed, and the healthy development of the "Debt-to-Equity Swap + REITs" model can be promoted in a standardized and orderly environment.

Conclusion

Asset disposal and the risk transmission paths, and puts forward targeted multi-dimensional governance strategies including legislative innovation, regulatory coordination and judicial optimization. In the dimension of risk prevention and control, relying on an intelligent dynamic early-warning system and integrating the application

of blockchain technology, we can effectively break down information barriers and resolve operational risks, injecting technological impetus into risk management and control. Looking ahead, with the accelerated revision process of China's *Enterprise Bankruptcy Law* and the continuous improvement of financial infrastructure construction, non-performing asset disposal will accelerate its march toward a new stage of marketization and legalization. Nevertheless, issues such as balancing the innovation of disposal tools and financial stability, as well as sovereign coordination in the connection of cross-border rules, still require more in-depth research and discussion by academic and practical circles.

REFERENCES

[1] 李斯特著．徐久生译．德国刑法教科书（修订译本．法律出版社．2006．

[2] 裴晓明.企业不良资产处置中的法律问题研究[J].商业观察, 2023, 9 (23):100–102+116.

[3] 廖伟捷,朱兴平,朱新虎.政策性银行不良资产处置法律风险问题探索[J].农业发展与金融, 2023, (07):85–88.

[4] 周晓燕.国内商业银行不良资产处置的法律风险识别及规避措施[J].法制博览, 2023, (17):166–168.

[5] 姚惠惠.银行类金融不良资产处置的法律问题及策略探讨[J].法制与社会, 2021 ,(19):43–44.

Гармоничное сосуществование человечества, общества и природы Основанное на современных ценностях и целях устойчивого развития

Harmonious Coexistence of Humanity, Society, and Nature Based on Contemporary Values and Sustainable Development Goals

Алиян Абудурекситu
Пекинский объединенный университет
Aliyan Abudurexiti
Beijing Union University

Abstract. The harmonious coexistence of human beings, society and nature is the core concept of contemporary ecological civilization construction, which encompasses the coordinated development between human beings and nature as well as between human beings and society. The harmony among human beings, society and nature is also the inevitable path to address global ecological crises and social contradictions. Based on the cross-disciplinary perspective of ecological philosophy and sociology, this paper explores the theoretical logic and practical mechanisms of their harmonious coexistence. The research shows that the one-sided development model of "anthropocentrism" in the industrial civilization era has led to ecological imbalance and social alienation. The harmonious coexistence paradigm emphasizes systematic thinking and requires the reconstruction of the dynamic balance among the three. The modernization of harmonious coexistence between human beings and nature is not only a matter of "development", but also an ethical issue. Therefore, it is necessary to place it within an ethical framework for reasonable examination and restraint to ensure its steady progress. The development concept pursued by the modernization of harmonious coexistence between human beings and nature is manifested at the ethical level as emphasizing coexistence, pursuing the pursuit of happiness, advocating ecological justice, focusing on balanced development, and adhering to the bottom line of ethics.

Keywords: Man and Nature Ecological civilization Sustainable development

The report to the 20th CPC National Congress states that "Chinese modernization is modernization characterized by harmony between humanity and nature.""Modernization featuring harmonious coexistence between humans and nature" is a development model proposed by China under the concept of ecological civilization. Its core logic lies in breaking the path dependence of "polluting first and then treating" in traditional modernization, and regarding ecological protection and economic development as a dialectically unified whole. This logic can be analyzed from the following four aspects:

I. Theoretical logic

(I)The foundation of dialectics of nature:

Inheriting Engels' thought of "reconciliation between man and nature", it emphasizes the positioning of human beings as an organic part of nature and negates the "anthropocentrism" of the industrial civilization era.

(II)Critique of Capital Logic:

In response to the ecological plundering caused by capital's pursuit of profit in Western modernization, the value reconstruction of "green mountains and clear waters are as valuable as mountains of gold and silver" is proposed, and ecological capital is incorporated into the cost accounting of development.

II. Emphasize the mutual complementarity between human beings and nature

The modernization of harmonious coexistence between humans and nature emphasizes mutual complementarity between them. The ideas such as "the virtue of life", "the unity of heaven and man", and "the unity of mind and matter" in traditional Chinese aesthetic philosophy are in perfect alignment with the theoretical quality and spiritual essence of the modernization of harmonious coexistence between humans and nature.

III Emphasize the inclusive development of human beings and nature

The modernization of harmonious coexistence between humans and nature emphasizes the inclusive development of both. Marxist dialectics of nature provides a profound ideological foundation and theoretical source for the modernization of harmonious coexistence between humans and nature. In other words, modernization featuring harmonious coexistence between humans and nature is a concrete manifestation and practical application of Marxist dialectics of nature. Not only does traditional Chinese philosophy hold that the relationship between human beings and nature is interdependent and coexisting, but Marxist dialectics of nature also contains the idea that human beings and nature should be mutually inclusive and thrive together.Modernization featuring harmonious coexistence between humans and nature emphasizes that a good ecological environment is the most inclusive public welfare

The assertion that "a good ecological environment is the most inclusive public welfare for people's livelihood" profoundly reveals the essential connection between the ecological environment and people's well-being, and it transcends the traditional concept of "GDP supremacy "in the development perspective.

IV. It is emphasized that a good ecological environment is the most inclusive public welfare for people's livelihood.

Modernization featuring harmonious coexistence between humans and nature emphasizes that a good ecological environment is the most inclusive public welfare.The assertion that "a good ecological environment is the most inclusive public welfare for people's livelihood" profoundly reveals the essential connection between the ecological environment and people's well-being, and it transcends the traditional concept of "GDP supremacy "in the development perspective.

V. The distinct feature of modernization featuring harmonious coexistence

between humans and nature

Unlike the post-event ecological modernization improvement plans proposed by the advanced modernized countries in Western Europe only when environmental problems were severe, based on China's national conditions and development characteristics, the modernization of harmonious coexistence between humans and nature emerged in the early stage of China's modernization and the initial outbreak of environmental problems, which is forward-looking in perspective. The modernization of harmonious coexistence between humans and nature unifies humans, nature and society from the perspective of a community. It is dialectical in thinking and a truly just and sustainable modernization that unifies naturalism and humanitarianism. It is a modernization in the sense of completion and a development plan with universal applicability. It is dialectical in thinking. Modernization, which focuses on building a beautiful China and aims to meet the people's needs for a better life, is people-oriented in its stance.

VI. The path of harmonious coexistence among human beings, society and nature

The harmonious coexistence of human beings with nature and society is an important part of building a socialist harmonious society and also the key to achieving sustainable development. From the materials I have searched, it can be seen that the harmonious coexistence of human beings with nature and society involves multiple levels, including respecting nature, conforming to nature, protecting nature, and balancing the relationship between human beings and nature in social development.

The harmonious coexistence of human beings and nature requires the establishment of correct ecological and value concepts. This includes respecting the laws of nature, revering nature, being grateful to nature, and understanding and utilizing natural resources with a scientific attitude. The harmonious coexistence of human beings and nature requires the coordination of the relationship between economic development and ecological protection. The relationship between human beings and nature is a unity of contradictions. Only by coordinating the relationship between the two within an appropriate range can the normal development of society be promoted. It emphasizes the viewpoint of Marxist materialist dialectics, that is, human beings must transform nature while utilizing it, and make such transformation conform to the requirements of ecological balance.The harmonious coexistence of human beings and nature is not only an ecological issue but also a social one.It is mentioned that the idea of "harmony between man and nature" emphasizes the unity and interdependence between humans and nature, and modern people need to transform this idea into a people-oriented, comprehensive and coordinated, and sustainable development concept. The harmonious coexistence of human beings and nature is the foundation for building a harmonious society. Only by achieving harmony between human beings and nature can harmony among people be brought about.

Conclusion

Throughout the long course of human civilization's development, we once

regarded nature as an object of conquest and equated social progress with the unlimited exploitation of resources. However, the intensification of the ecological crisis, the threat of climate change and the deepening of social inequality have forced humanity to re-examine its position in the complex system of "human - society - nature". The contemporary sustainable development Goals are not only a policy framework but also a new civilized ethics. They call on us to go beyond the traditional development model and build a symbiotic system that is more inclusive, resilient and ecologically intelligent.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.The Relationship between Man and Nature from the Perspective of Marx's Labor Theory and Its Realistic Implications. Zhang Ting and others [2023–06]

2.Chinese path to modernization of harmonious coexistence between man and nature: an analytical framework based on ethical dimensions Southeast University

3.Innovation and characteristics of harmonious coexistence between humans and nature in modernization. Bao Haoru and others [2024–09]

4.The Theory and Critique of the Relationship between Man and Nature in Contemporary Western Ecological Philosophy. Chen Wei [2020–03]

5.Unfinished 'Natural Society': The Foundation and Normative Composition of Human Nature in Modern Society. Li Meng [2025–04–06]

От игрока в Гача до архитектора: трансформация ролей продюсеров короткометражных драм в контексте генеративного искусственного интеллекта

From Gacha Player to Architect: The Role Transformation of Micro-Short Drama Producers in the Context of Generative Artificial Intelligence

Бай Яни, Ли Жуйхуа
Пекинский объединенный университет
Bai yani, Li Ruihua
Beijing Union University

Abstract. The traditional production theory, in which directors exercise comprehensive control over all creative decisions, is facing transformation with the intervention of generative artificial intelligence. While the deep integration of AIGC technology has brought efficient production to micro-short drama creation, it has also exposed challenges such as randomness, bias, and emotional deficiency referred to as the "gacha dilemma." Taking "from gacha player to architect" as the central thread, this paper examines how AI micro-short drama producers can regain control over the creative process through human-machine collaboration across four dimensions: narrative architecture, symbolic adaptation, perceptual suture, and emotional injection. The study finds that if producers can achieve transformation across these four dimensions, they will gradually shift from passive algorithmic material users to "architects" capable of coordinating technological logic and aesthetic judgment, thereby reconstructing the creative subjectivity of producers.

Keywords: AI micro-short drama; producer role; architect; gacha dilemma; subjectivity reconstruction.

Introduction

The China Micro-Short Drama Industry Development White Paper (2025) reveals that micro-short drama has become a mature market of massive scale with extensive user coverage.[1] However, the traditional production theory, in which directors exercise comprehensive control over all creative decisions, is facing transformation with the intervention of generative artificial intelligence. When scriptwriting, image generation, and audio synthesis are taken over by AI, producers advance the creative process by inputting prompts and selecting from generated outcomes. This approach introduces significant problems of randomness, deviation, and emotional absence. This paper adopts the term "gacha player" to describe creators who collaborate with artificial intelligence in artistic production, highlighting their passive dependence on algorithmic outputs. This heavy reliance on algorithms means that producers currently face dilemmas including ambiguous prompts, unpredictable generation results, and technically-driven selection criteria. They have degenerated from omnipotent authors who coordinate resources into passive executors within human-machine collaboration, as their subjectivity undergoes a profound crisis of dissolution.

Against the backdrop of continuous iterations in generative artificial intelligence, AIGC has evolved from a mere tool-based mindset to a narrative mindset, inaugurating a new artistic form characterized by programmatic generation as methodology and database narrative as logic.[2] Drawing on Henry Jenkins's theory of "architecture," this paper proposes the analytical framework of "from gacha player to architect," examining how producers in the AIGC era can reclaim control over the creative process through human-machine collaboration across four dimensions: narrative architecture, symbolic adaptation, perceptual suture, and emotional injection. The analysis draws upon representative AI-generated micro-short dramas such as Chinese Mythology[3], AI Views the Classics[3], Hero[4], and Love Never Ends[5], as representative examples produced by China Media Group, to explore how producers in the AIGC era can reclaim control over the creative process and transform from passive algorithmic material users to "architects" capable of coordinating technological logic and aesthetic judgment.

I. Narrative Architecture: From Random "Gacha" to Full Database Utilization

Traditional micro-short drama creation follows the basic logic of plot-based narrative. In this mode, creators function as storytellers, threading plot elements together according to chronological or causal chains to construct a complete narrative with exposition, rising action, climax, and resolution. Creators must control the direction of characters' destinies, the pace of plot development, and the depth of thematic expression. This is a highly integrative endeavor that demands clear foresight and command over the narrative whole. In this sense, traditional creators indeed play a dominant and controlling role. However, this "control" faces the risk of being quietly relinquished in the AIGC era. When creators confront an AI system endowed with massive data resources capable of autonomously generating content, their work focus shifts accordingly. Creators no longer need to personally compose every line of dialogue or design every scene; instead, they need only consider how to construct generation frameworks, how to guide algorithmic direction, and how to make selections from the various possibilities offered by AI. In other words, the creator's role transforms from "creating stories" to "architecting narrative databases" they design the rules for generative narrative without meticulously setting the specific content of the narrative. As scholar Lev Manovich points out in The Language of New Media, the database has become a new cultural form of the digital age. Narrative is no longer storytelling from beginning to end but a process of selectively extracting elements from the database and combining them.[6] In the process of AI micro-short drama creation, the creator's function first lies in establishing the visual style, thereby laying the cultural and aesthetic foundation within the database. The creative practice of Chinese Mythology fully demonstrates this transformation of subjectivity. To enable AI to generate mythological character images consistent with Chinese aesthetic characteristics, the creative team conducted hundreds of prompt refinements, repeatedly adjusting color parameters, composition proportions, and line textures for prompts such as "Nuwa Mending the Sky" and "Kuafu Chasing the Sun," gradually correcting the inherent Western aesthetic preferences of the AI model.[7]

The second function is establishing scene direction, constructing the logical framework of emotional space within the database. Love Never Ends adopts a fusion creative approach of "AI + live-action filming," embodying the "architect" practice at the level of scene direction. The emotional climax of the drama the siblings bidding farewell to their mother in the old house is not the result of random algorithmic generation but stems from the scene direction predetermined by the creators. From the warm color tones of the southern Chinese old house (the combined filtering of keywords such as "southern China," "early spring," and "family" in the database), to the everyday props of the mother-daughter interactions (old rattan chairs, enamel cups, green plants on the windowsill), to the emotional rhythm of light shifting from bright to dim (the sequential arrangement of visual parameters such as "passage of time," "dusk," and "farewell" in the database), the creative team actively selected visual elements related to "Chinese familial love" from the database during the process of establishing scene direction, excluding the Western family scene paradigms that algorithms default to. This establishment is not a passive acceptance of algorithms but the result of creators conducting targeted retrieval and combination within the database based on their own cultural memories and aesthetic judgments, treating the database as a fully utilizable emotional space material repository rather than a haphazard assortment of materials. Third, creators need to establish character image types, building perceptual unity for characters within the database. In AI Views the Classics: The Treasure Ship's Maritime Banquet, "Chef Zheng He" and "Navigator Zheng He" coexist within the same narrative space-time. The visual unity of these two figures is not automatically generated by algorithms but results from the character image framework established by the creators. The creative team set consistent body contours, facial features, and costume color tones for both Zheng Hes (cross-searching and filtering keywords such as "Ming Dynasty official," "navigator," and "chef"), while simultaneously differentiating their movement rhythm, expression range, and posture habits (the upright vigor of "Navigator Zheng He" versus the gentle restraint of "Chef Zheng He"), enabling audiences to recognize both as different space-time projections of the same character while perceiving the character's unity visually. This requires creators to establish cross-space-time character consistency logic within the database, not relying on algorithmic probability to randomly generate character appearances but rather pre-establishing image parameters for the algorithm to fill in details within a limited framework. The database thereby becomes a controllable character image resource pool, with creators transforming from passive "selectors" into active "designers." Creators must also establish the space-time setting for the work, weaving an emotional rhythm curve based on the database. Shenzhen WAI Studio used the domestic video foundation model Kling AI 3.0 Omni to create the AI short film Paper Phone, which tells the story of a young boy who wants to use his saved 15 yuan in change to buy a "paper phone" that can "make video calls" to burn for his recently deceased grandmother. The film involves no live actors yet garnered over 40 million views within five minutes of release, being shared by authoritative media outlets including People's Daily, CCTV News, and Xinhua News Agency, sparking widespread emotional responses from audiences who described it as "heartbreaking".[8]

The complete picture of narrative dominance relinquishment has now become clearly visible. In the context of AI micro-short drama creation, creators complete content production through five functions: "text-to-script," "text-to-image," "text-to-video," "image-to-video," and "text-to-audio".[7] Creators appear to be using AI tools, but in reality, they are unconsciously relinquishing dominance at every stage of human-machine interaction: from relying on algorithms to generate narrative frameworks, to submitting to the disciplining of structural imagination by database logic, to making "pseudo-choices" within the range of options set by algorithms. This relinquishment is not a degeneration of creative capability but a systematic erosion of creative subjectivity by technological power structures. "Participatory architecture" does not imply a rejection of technology but rather advocates embedding human cultural positions and aesthetic judgments within database logic. Producers need to become designers of database narrative, not mere selectors of database content.[9]

II. Symbolic Adaptation: From Passive Acceptance to Transcoding Integration and Coordination

In traditional film and television creation, montage is the fundamental technique for constructing audiovisual meaning. Creators organize fragmented images into coherent narratives through shot composition, rhythm control, and transition arrangement. Each of these choices reflects the creator's explicit aesthetic judgment and narrative intention. In this process, creators play the role of "executors" the narrative intention in their minds is already clear, and montage serves merely as the technical means to realize this intention. Whether in shot composition or rhythm control, every decision serves to better convey the meaning the creator wishes to express. AIGC micro-short drama introduces a new visual rhetoric: transcoding montage,[1] Unlike traditional shot montage, transcoding montage deals not merely with the relationship between images but with relationships between different symbol systems. In the process of AI-generated imagery, heterogeneous elements such as live-action performances, computer-generated images, textual descriptions, and cultural symbols need to be integrated into a unified visual presentation. These elements belong to different symbol systems and follow different signification logics; establishing connections and achieving transformations between them becomes a core problem facing creators. The creative practice of Love Never Ends provides a representative case for understanding this transformation. Because this drama adopts a fusion creative approach of "AI + live-action filming," the creative team's task is not merely stitching these two elements together but establishing significatory coherence between them. This requires creators to deeply understand the symbolic logic of both live-action performance and AI-generated imagery, finding the commensurable principles between the two. The creator's mediation work is reflected both in how to enable natural interaction between actors' movements and virtual environments, and in how to make the emotional expression of live-action footage resonate with the atmosphere of AI-generated imagery.

[1] Note: Transcoding montage is a concept proposed by scholar Jiang Nan in "AIGC + Micro-Short Drama: Database Narrative, Transcoding Montage, and Seamless Aesthetics" (China Television, 2025, Issue 4), referring to the montage technique of integrating heterogeneous elements such as live-action performance, computer-generated images, textual descriptions, and cultural symbols into a unified visual presentation during AI-generated imagery processes.

The core of this "integrator" role lies in the capacity to coordinate heterogeneous symbol systems. In AIGC micro-short drama, symbols are not singular, stable entities but multiple and fluid. The same narrative unit may simultaneously contain live-action performance, AI-generated imagery, text prompts, cultural allusions, and multiple other symbols. The boundaries and differences between these symbols need to be bridged. The creator's mediation work consists in finding a "common language" capable of accommodating these heterogeneous symbols, enabling them to coexist, interact, and generate meaning within a unified narrative framework. On the surface, transcoding montage offers creators a broader space for symbolic operation, but this "expansion" of space is precisely accompanied by the deep weakening of choice autonomy. This mechanism manifests at three levels. First is cross-modal aesthetic coordination and cross-media symbolic literacy, meaning the ability to understand the characteristics and signification patterns of different media symbols. Live-action performance is an embodied, indexical symbol whose meaning derives from the actor's physical presence and emotional authenticity; AI-generated imagery is based on statistical model patterns, with a probabilistic and de-indexicalized symbolic logic. Creators need to establish a cross-media synesthetic mechanism, making careful calibration between fidelity and signification not pursuing a "seamless" technical illusion but consciously transforming this heterogeneity into a narrative point, making the gaps between symbols themselves become generators of meaning.

Second is cross-cultural aesthetic judgment, which determines whether creators can establish meaningful connections between different symbolic traditions. The cross-cultural hybridity of AIGC model training data means that AI-generated visual symbols often carry the shadows of multiple cultures an AI-generated Chinese courtyard may implicitly contain algorithmic residues of Japanese architecture or Korean gardens. This cultural hybridity is not the creator's active choice but a structural bias of algorithmic training data. Faced with this hybridity, the producer's core task is "cultural identification" not simply rejecting cross-cultural elements but identifying and anchoring the root of their own culture within the hybridity. For example, when discovering algorithmic residues of other cultures in an AI-generated "Chinese garden," creators need to establish translatability between different cultural signification traditions, making culturally identifiable judgments within the hybridity that algorithms can recognize.

Third is cross-meaning cultural purification, which requires creators to transcode the meaning of one symbol system into a form that the system can parse. The same visual element may simultaneously activate multiple cultural associations: red may represent Chinese festivity or signify warning and danger; bamboo groves may represent Eastern reclusive culture or manifest Japanese Zen aesthetics. This excessive hybridity of meaning renders the work's cultural orientation ambiguous. The producer's task is not to passively accept all possible meanings offered by algorithms but to conduct "meaning purification" within the hybridity through precise limitations of prompts, cultural orientation of generation parameters, and post-production manual

screening, anchoring the symbol's meaning to specific cultural coordinates. For example, when "translating" the complex emotions conveyed by an actor's micro-expressions into prompt chains that AI can understand and visualize, it is necessary to clearly define the cultural context: not allowing the algorithm to freely generate any possible emotional expression but conducting targeted generation within a given cultural framework.

In the context of AI micro-short drama creation, the role reshaping at the dimension of symbolic adaptation manifests as a transformation from operators of singular symbol systems to integrators of multiple symbol systems. Creators can no longer merely extract ready-made elements from established symbol libraries but must be capable of establishing connections between heterogeneous symbol systems, transforming meaning, and generating new aesthetic synesthesia. These capabilities far exceed the technical proficiency required by traditional shot editing, embodying instead a comprehensive symbolic operational capacity. However, this "integrator" role faces the risk of being assimilated by algorithms: the more deeply creators learn the symbolic logic of algorithms, the more easily they are disciplined by this logic. When the "coordination capacity" of transcoding montage degenerates into "adaptation capacity," the producer's choice autonomy quietly dissipates within the inertia of "adaptation." Moving toward "architect" requires producers to maintain the independence of cultural judgment within transcoding integration. Taking Love Never Ends as an example, the drama adopts a "AI + live-action" hybrid creative approach: live actors' emotional performances provide indexical bodily presence, while AI-generated virtual scenes provide probabilistic visual symbols. The integration of the two is not simple technical stitching but the creator's aesthetic judgment based on understanding the theme of familial love what kind of shot language can carry the understated affection of Chinese families, what kind of color atmosphere can convey the emotions of parting and longing. This practice of "making the algorithm adapt to me" is precisely the concrete embodiment of the "architect" role at the dimension of symbolic adaptation: not letting aesthetic standards align with algorithms but making algorithmic outputs submit to human aesthetic intention.[10]

III. Perceptual Suture: From Reality Replication to Virtual-Reality Fusion

AIGC micro-short drama opens a new aesthetic possibility: seamless aesthetics.[1] The so-called seamless refers to the bridging of boundaries between the virtual and the real, making it increasingly difficult for audiences to distinguish what is live-action and what is generated.[11]

In AI Views the Classics: The Treasure Ship's Maritime Banquet, the two Zheng Hes come from different space-time dimensions. The reason their overlapping presentation can flow smoothly and naturally lies in the creator's meticulous regulation across three perceptual dimensions: virtual realization is reflected in how virtual scenes

[1] Note: "Seamless aesthetics" is an aesthetic concept proposed by scholars Shi Chang and Xie Zhongzheng in "AIGC as Technical Image: Generative Imagery, Seamless Aesthetics, and Particle Mimesis" (Journal of Beijing Film Academy, 2024, Issue 11), referring to generative imagery achieving hyper-reality across temporal and spatial dimensions by continuously dissolving the seams between virtual and real.

from the classical story (Zheng He's fleet) acquire perceptual power of "presence" through the authenticity of light and shadow and tactile associations with materials; real virtualization is reflected in how "Chef Zheng He" from the real narrative merges into virtual aesthetics through the poeticization of color tones and the dramatization of movement; the handling of virtual-reality fusion is reflected in how the junction between the two space-times achieves perceptually seamless suture through gradient color tone transitions and echoing compositional connections. This demonstrates that the realization of "seamless aesthetics" does not rely on algorithms automatically generating "seamless" images but on the meaning framework designed beforehand by creators: at the creative starting point, determining what experience they want audiences to have, then using this experiential goal to guide the algorithm in generating corresponding audiovisual materials. Producers need to become designers of virtual-reality experiences, not letting the algorithm's "perfect output" define what is "real" but letting human authentic experience guide what the algorithm generates.

The core of this suture work lies in the grasp of perceptual principles. As cognitive psychologist James Gibson's ecological theory of perception points out, human perception is an active process of exploring environmental information rather than passive reception of stimuli.[12] This means that what creators need to do is not to ensure consistency of elements in their physical attributes but to ensure that they provide coherent pathways to the perceptual system. For example, in film montage, shots of a roaring lion may be alternately edited with shots of an uprising crowd. These two unrelated images, because they both possess explosive power, can merge into a unified "revolution" image in the audience's mind: the lion becomes a metaphor for revolution, and the crowd becomes the embodiment of the lion. Therefore, the key to suture lies not in concealing heterogeneity but in skillfully utilizing the active exploratory tendency of perception. Creators need to understand how audiences establish coherence across different perceptual dimensions and how to integrate scattered perceptual information into a unified experience. On this basis, they can consciously suture various heterogeneous elements into a coherent perceptual flow. Even if these elements could not coexist in physical reality, they can constitute a whole at the perceptual level. In the context of AI micro-short drama creation, the role reconstruction at the perceptual suture dimension manifests as a transformation from replicating physical reality to constructing perceptual reality. Creators can no longer merely choose between the existing real and fictional but can actively bridge virtual-real boundaries, perceptual fissures, and construct hyper-real aesthetic experiences. However, this power to construct perceptual reality is not naturally possessed by creators. In actual creative workflows, creators often find themselves not actively constructing perceptual experiences but passively accepting the visual spectacles generated by algorithms, subsequently attempting to bestow meaning upon these spectacles. The sequence of meaning production thus changes: no longer do creators first provide meaning and then produce imagery, but algorithms first provide imagery and creators subsequently supplement meaning. This inversion causes meaning-

bestowal to degenerate from a creative act into an interpretive act, transforming creators from sources of meaning into appendages of meaning. More dangerously, when creators repeatedly seek meaning support for algorithmic outputs, their own value judgments and aesthetic standards unconsciously align with algorithms. The loss of meaning-bestowal power ultimately manifests as the atrophy of creators' meaning-production capacity.

IV. Emotional Injection: From Algorithmic Simulation to Transmission of Lived Experience

In the creative practice of AI micro-short drama, emotional expression remains a core challenge. AI can generate dialogue conforming to grammatical rules, render images meeting aesthetic standards, and construct logically coherent plots, yet the emotional expression that can truly touch people's hearts and evoke resonance is often difficult to generate automatically through algorithms. This is not merely a technological limitation but a concentrated eruption of the subjectivity crisis: when AI takes over the form of emotional expression, creators lose the foundation for establishing their irreplaceability in this core domain. Emotion is the last fortress of creative subjectivity; if even emotional expression can be algorithmically simulated, the boundary between "creator" and "technical operator" will completely vanish, and creative behavior itself will lose its human foundation. This reveals the fundamental limitation of AI technology: although AI can imitate the form of emotion, it cannot truly understand the connotation of emotion, still less transform authentic life experience into moving artistic expression. This limitation manifests as various problems in concrete creation. Nowadays, some AI micro-short drama works have achieved significant improvement in the delicacy and infectious power of emotional expression through more refined emotional prompt engineering and multimodal models' learning of human micro-expressions and tones. However, this progress does not mean that AI truly "understands" emotion; it is more like the increasing precision of algorithms in fitting complex emotional patterns. The limitations of AI in emotional expression are being gradually dissolved by technological breakthroughs, but emotional expression is not a technique that can be simply replicated, and such dissolution is difficult to equate with emotional resonance rooted in authentic lived experience. Moving toward "architect" requires creators to reconstruct subjectivity at the dimension of emotional injection. The core lies in transforming abstract lived experience into operable creative strategies. Meaning generation must regulate algorithms: not rashly allowing algorithms to freely generate emotional expression but establishing the meaning framework of emotion at the creative starting point. The core of what makes Paper Phone touching lies not in the perfect presentation of AI technology but in the creator's subjective choice at critical nodes to explicitly reject the algorithm's "perfect output." The crooked paper phone in the young boy's hand is the only live-action prop in the entire film, hand-drawn by director Li Ting herself rather than AI-generated. The team had attempted to use AI to draw the paper phone prop but discovered that "AI-generated hand-drawn movements are too smooth, too perfect not

like something hand-drawn by an old man at a paper shop".[13] Symbolic metaphors must be deployed to access cultural memory. Emotion is not limited to abstract concepts but attaches to concrete cultural symbols as bodily memory. In Love Never Ends, the tiger-head shoes sewn by the mother with her own hands, the daily conversations of advice and longing these simple yet authentic images resonate because they mobilize emotional schemas deeply rooted in the audience's cultural memory. Starting from their own understanding of familial love, their lived experiences of parting and longing, creators transform the implicit yet profound love of Chinese families and the inescapable longing for loved ones into perceptible details and plot points. Director Li Ting of Paper Phone pointed out in sharing her creative experience that the precision of prompts far outweighs their complexity: "Simply writing 'sad' produces rigid results; but if you put yourself in the character's shoes and write specific actions and expressions when sad, such as 'toes curling in shoes, fingers rubbing at clothing corners,' the results become very delicate".[14] Attention must also be paid to infusing emotion through rhythm control. Emotion in imagery is not uniformly distributed but needs to be controlled through the relaxation, density, and speed of rhythm. Algorithms can generate continuous visual flow, but knowing when to be silent (emotional settling), when to accelerate (emotional burst), and when to leave blank space (emotional reverberation) these emotional rhythms require creators' control. The ending of Paper Phone shows the child sitting in the back seat of a car, holding the paper phone in his hands. This nearly two-minute long take has no dialogue yet is deeply moving, precisely because of the creator's precise control of emotional rhythm: after the story's climax, rather than rushing to provide answers, silence is used to allow the audience to complete the settling of emotion together with the character. This requires creators to preset the emotional unfolding rhythm curve based on lived experience, then use this curve to regulate the algorithm's generation logic.

When creators do not engage in deep intervention, works degenerate into algorithmic emotional simulations. As AI emotional simulation technology continues to advance, creators may develop an illusion since AI can simulate emotions "well enough," is deep human intervention still necessary? This illusion is precisely the deep manifestation of the creative identity crisis. During the filming of Paper Phone, AI could generate technically more perfect paper phones but could not replicate the creator's state of mind and memory while hand-drawing. Massumi's affect theory aptly explains this phenomenon: algorithms can simulate "emotion" that has been linguistically codified sad dialogue, joyful images but cannot produce pre-linguistic, bodily presence-rooted "affect".[15] Moving toward "architect" requires producers to safeguard affect as this last fortress of creative subjectivity, not relying on algorithms to simulate emotion but allowing authentic lived experience to penetrate the technical medium and reach the audience directly[16].

Conclusion

This paper, centered on the thread of "from gacha player to architect," analyzes the transformation dilemmas and reconstruction pathways of producer roles in the

context of generative artificial intelligence from four dimensions: narrative architecture, symbolic adaptation, perceptual suture, and emotional injection. The study argues that the essence of the "gacha" dilemma lies in the systematic erosion of producers' creative dominance by algorithmic systems: narrative dominance is diluted within database logic, choice autonomy is weakened in transcoding montage, meaning-bestowal power is inverted in virtual-reality fusion, and emotional transmission capacity faces degeneration in algorithmic simulation. The four levels of dilemma are mutually nested, collectively constituting the complete picture of producer "degeneration". The transformation and reconstruction of the producer role hinges on reclaiming the power of "architecture." This is precisely the metaphorical expression of Maslenkova's notion of "distributed authorship" (distributed authorship).[1] The "gacha player" hands all creative power over to randomness, while the "architect" incorporates randomness into their own creative will. Achieving this transformation requires establishing a creative model of "deep human participation + efficient AI assistance," constructing boundary ethics across dimensions including value alignment, human-machine mutual trust, and creative responsibility. As interactive technology develops, AI micro-short drama creation may advance toward more immersive and resonant human-machine co-composition, and the proposition of subjectivity reconstruction will continue to unfold.[17]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[1] China Network Audio-Visual Association. China Micro-Short Drama Industry Development White Paper (2025) [R]. Beijing: China Network Audio-Visual Association, 2025.

[2] Jiang Nan. AIGC + Micro-Short Drama: Database Narrative, Transcoding Montage, and Seamless Aesthetics [J]. China Television, 2025(4): 5-11.

[3] CCTV.com. China's First Full AI-Process Micro-Short Drama Chinese Mythology Premieres, CCTV Yangshipin AI Channel Launches [EB/OL]. (2024-03-22). [2026-03-29]. https://www.cctv.com/2024/03/22/ARTImxwnEZa0LYYPusv8E57A240322.shtml

[4] CMG Yangshipin. Revealed! CMG First China Micro-Short Drama Festival Annual Recommendation List [EB/OL]. (2025-07-20). [2026-03-29]. https://weibo.com/7211561239/PC1wEeDII

[5] CCTV Drama Review. CMG AI Micro-Short Drama: Thriving on a New Track [EB/OL]. (2024-07-05). [2026-03-29]. https://content-static.cctvnews.cctv.com/snow-book/index.html?item_id=9288121015477267873

[6] Manovich L. The Language of New Media [M]. Cambridge: MIT Press, 2001: 234-256.

[7] Xu Wenguang, Yang Na. New Pathways for AI Micro-Short Drama to

[1] Note: "Distributed authorship" refers to the new reality of human-machine symbiosis where creators' subjectivity is no longer built on the exclusive foundation of "human monopoly on creative rights" but on the overarching foundation of "human leadership in creative direction" humans grasp value orientation and emotional core, AI undertakes technical implementation and formal innovation, each playing an irreplaceable role in their respective areas of expertise while forming organic integration within shared creative goals.

Empower the Dissemination of Excellent Traditional Chinese Culture: Taking Chinese Mythology and AI Views the Classics as Examples [J]. Television Research, 2024(05): 16-18+25.

[8] Southern Metropolis Daily. Qingming AI Short Film Paper Phone Goes Viral Across the Internet, Revealing the Production Process of Shenzhen Creative Team [EB/OL]. (2026-03-31). [2026-04-13]. https://news.qq.com/rain/a/20260331A084V700

[9] Yang Qifan, Suo Futao. Narrative Exploration and Subjectivity Reflection on Micro-Short Drama in the AIGC Era [J]. China Television, 2025(09): 12-19.

[10] Dai Qing, Zeng Ruiqi. AI Micro-Short Drama: The Integration of Skill and Art Expands New Creative Space [J]. Television Research, 2024(08): 20-24.

[11] Shi Chang, Xie Zhongzheng. AIGC as Technical Image: Generative Imagery, Seamless Aesthetics, and Particle Mimesis [J]. Journal of Beijing Film Academy, 2024(11): 42-51.

[12] Gibson J J. The Ecological Approach to Visual Perception [M]. Boston: Houghton Mifflin, 1979: 1-30.

[13] 21st Century Business Herald. AI Short Film Paper Phone Goes Viral: Touching Hearts is What Makes Good Technology [EB/OL]. (2026-04-04) [2026-06-07]. https://www.21jingji.com/article/20260404/herland/1ad3f3ef9c609cfee8103619c1bbc029.html

[14] Tencent News. AI Short Film Paper Phone Goes Viral Across the Internet, Creative Team Deeply Disassembles the Formula for a Hit [EB/OL]. (2026-04-10). [2026-04-13]. https://news.qq.com/rain/a/20260410A08BLS00

[15] Massumi B. "The Autonomy of Affect" [J]. Cultural Critique, 1995(31): 83-109.

[16] Russell S. Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control [M]. New York: Viking, 2019: 45-78.

[17] Maslenkova N. Artificial intelligence as a co-author? Rethinking authorship in the context of human interaction with AI [J]. Semiotic Studies, 2025, 5(2): 122-133. DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-2-122-133.

Устная история и реконструкция культурной памяти негенетическими методами наследования

Oral history and cultural memory reconstruction in non-genetic Inheritance

Дай Цзяхуэй
Пекинский объединенный университет
Dai Jiahui[1]
Beijing Union University

Abstract. Under the impact of globalization and modernization, many intangible cultural heritages are on the verge of disappearing. Oral history, as an important means of recording and inheriting intangible cultural heritage, can reconstruct cultural memory and enhance cultural identity. Oral history enables people to have a clearer and more direct understanding of some marginalized cultural and historical development contents. By sorting out the relationship between oral history and cultural memory, this paper discusses the function mechanism of oral history in non-inheritance, expounds the difficulties and challenges it faces, and puts forward countermeasures and suggestions to strengthen the protection of oral history of intangible cultural heritage.

Keywords: Intangible cultural heritage; oral history; cultural memory; inheritance and protection

1 Introduction

Intangible cultural heritage is the precious spiritual wealth of a nation. It contains rich historical information and cultural connotation. However, in the transition of modern society, many intangible cultural heritage are facing the dilemma of difficult inheritance and near extinction. As a kind of "living" history, oral history can record the mind course of non-inheritors and show the development vein of intangible cultural heritage projects, which is of great significance to the reconstruction of cultural memory and inheritance of intangible cultural heritage.

2 The relationship between oral history and cultural memory

2.1 The concept and characteristics of oral history

Oral history is a method of supplementing and enriching existing historical materials by interviewing and recording the life experiences and historical observations of individuals or groups. It has the characteristics of freshness, colloquial language and subjectivity, and can show the diversity and complexity of history. It is an important way to write the "bottom history" and "soul history".

2.2 Connotation and function of cultural memory

[1] About the author: Name: Dai Jiahui; School: Department of Law, College of Applied Arts and Sciences, Beijing Union University.

Cultural memory is a group's collective expression and common interpretation of its past, involving multiple contents such as beliefs, values, rules and art[1]. It has the social function of reconstructing identity, inheriting culture and standardizing behavior. It is also a process of dynamic generation and continuous negotiation, which reflects the selectivity and constructiveness of group memory.

2.3 The value of oral history in reconstructing cultural memory

Through the life narration of individuals and groups, oral history can reveal the marginal voices obscured by the mainstream historical discourse, and arouse the public's emotional identification with history and cultural reflection. Oral materials vividly record the inheritance practice of cultural traditions in real life, reflect the continuation, change and innovation of culture in inter generational transmission, and are indispensable fresh footnotes for the reconstruction of cultural memory. Oral history allows ordinary people to become the subject of writing their own history, integrates individual memory with group memory, thereby enhancing cultural identity and realizing the rediscovery of cultural values.

3 The function mechanism of oral history in non-genetic inheritance

3.1 Record the history and current situation of non-hereditary inheritance

Oral history can record the development process of intangible cultural heritage projects, the lineage of inheritance and the growth experience of representative inheritors, and provide valuable oral materials for a comprehensive understanding of the historical accumulation of intangible cultural heritage.At the same time, oral historical materials can also reflect the current status of intangible cultural heritage, including the way of living of inheritance groups, the continuation or change of customs and rituals, and the inheritance difficulties they face, providing a basis for the formulation of intangible cultural heritage protection measures.

3.2 Explore the cultural connotation of intangible cultural heritage projects

Every intangible cultural heritage project embodies the life wisdom and spiritual pursuit of a group. Through oral interviews, inheritors can tell about the values, aesthetic tastes, ethics, etc., which helps to explore the deep cultural connotation of intangible cultural heritage projects. Oral materials can better reflect the continuation and evolution of the cultural connotation of intangible cultural heritage in the inter generational transmission, and provide a new perspective for the study of the contemporary value of intangible cultural heritage.

3.3 Reproducing the context of non-inherited heritage

Non-genetic contexts exist in a specific spatio-temporal environment and social network, and oral materials can vividly reproduce this context. The inheritor can also recall the establishment of the mentoring relationship and the interaction between peers in the process of transmission, and reveal the social support network on which the non-inherited inheritance relies. Situational oral materials can build a more three-dimensional and vivid picture of inheritance for intangible cultural heritage projects,

and help understand why intangible cultural heritage can be passed down from generation to generation.

4 Difficulties and challenges faced by oral history of intangible cultural heritage

4.1 Lack of systematic academic support

Although oral history has developed for a long time in international academia, its application in the field of intangible cultural heritage in China is still relatively new. At present, there is a lack of systematic theoretical explanation and academic support on how to use oral history method to carry out non-genetic inheritance research. Some researchers misunderstand oral history, simply equate it with oral survey or interview records, and lack deep theoretical speculation on such important issues as the academic value of oral materials, research orientation and relationship with other historical materials. The particularity of the oral history of intangible cultural heritage, such as the life and practice of the research object and the mediating nature of the research subject, needs to be clarified from the academic theory. The weak theoretical basis leads to limited research vision and problem awareness, and it is difficult to form a standardized academic discourse system.

4.2 The application of methods is not enough to standardize science

Oral history, as a kind of qualitative research paradigm, has higher requirements for researchers' methodological literacy. However, at present, the application of methods in the study of oral history of intangible cultural heritage is not standardized science. The arrangement and analysis of interview data are superficial, and it is difficult to dig out the deep content of analytical value. The researcher's own cultural background and disciplinary perspective may also cause deviation, which affects the interpretation of the interview corpus. The use of oral data is also sometimes lacking the necessary ethical scrutiny.

4.3 There is a bias in the interaction between the speaker and the listener

Oral history focuses on the interaction between the narrator and the listener, but this interaction is often difficult to achieve complete equality. First of all, there may be significant differences between the two interviewees in age, knowledge, identity and other aspects, which leads to the imbalance of discourse power. Especially, when the researcher tries to interpret the interviewees' words from a specific theoretical perspective, it is more likely to cause bias. In order to eliminate the gap between the two sides of the interview as much as possible, the researcher needs to reflect on himself and treat the speaker's expression with an open and inclusive mind.

5 Conclusion

Oral history plays an important role in non-genetic inheritance and is a key link to reconstruct cultural memory and perpetuate national spirit. However, the oral history of non-cultural heritage still faces many difficulties and challenges in practice, and it needs to be paid attention to and improved from the aspects of academic support,

normative methods and talent training. Only by further strengthening the protection of the oral history of intangible cultural heritage can the value of oral history be demonstrated and the living inheritance of intangible cultural heritage be provided with lasting power.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[1] Pang Shuai, A Study on the Protection and development of non-contingent Oral history archive resources from the Perspective of Social Memory [J]. Beijing Archives,2022(10):30-32.

[2] Zhang Yifan. A Study on the oral history of the Jockey Club of Sports Intangible Culture Production in Xinjiang [D]. Urumqi: Xinjiang Normal University, 202:1-49.

[3] Wang Gan. Exploration of Human and Material Documentaries from the Perspective of "Fei Zhe" : A Case study of the documentary "Guxi Lifting the Pavilion" [D]. Xi 'an: Northwest University,2019:1-40.

[4] Yin Peili, Yao Ming. Research on the Construction of oral archive Resources of Intangible Cultural Daoism [J]. University Library Work,2019,39(3): 41-45.

[5] Li Yiping, Ai Ling. Inheritance and Development of "Drumming Songs" in Wuning, Jiangxi Province: A case study of the oral history of folk "drumming songs" artist Fang Yougen [J]. Drama House,2015(11):59-60.

Будущее глобального управления образованием

The future of global education governance

Дай Цзяхуэй, Чжан Ихун
Пекинский объединенный университет
Dai Jiahui[1], Zhang Yihong[2]
Beijing Union University

Abstract. Under the background of globalization, human's sense of security is facing unprecedented challenges. According to a report by the United Nations Development Programme (UNDP), 6 out of every 7 people in the world feel insecure. This insecurity not only affects the mental health of individuals, but also poses a threat to the healthy development of the world. As an important way to enhance human happiness and security, education is playing an increasingly prominent role in global governance. This paper aims to explore the future development trend of global education governance, analyze the current challenges and opportunities, and put forward corresponding strategies and suggestions. By comprehensively examining the historical background, current situation and future development direction of global education governance, this paper attempts to provide a new perspective and ideas for global education governance.

Key words: global education; Educational governance; Sustainable Development Goals

In the process of globalization, educational governance has become an important part of global governance. It addresses transnational education issues through international cooperation and raises the level of national governance. However, with the acceleration of globalization, the traditional governance model is facing many challenges, such as the governance deficit exposed by the COVID-19 pandemic. Therefore, it is particularly important to discuss the future of global education governance. Human security faces new threats from the way it develops. Insecurity takes a huge toll on people's physical and mental health. Security is closely related to trust. Paying attention to and enhancing human security has become an inevitable choice for sustainable development. On February 8, 2022, The United Nations Development Programme (UNDP) released a special report, Emerging Threats to Human Security in the Anthropocene Century: The Need for Stronger Solidarity (Emerging Threats to Human Security Report). As the 2030 Sustainable Development Goals (SDGS) are getting closer to their target date, the UNDP puts forward the concept of human security to encourage countries around the world to actively think about how to implement the established SDGS through global governance from two dimensions of human destiny and individual security.

[1] About the author: Name: Dai Jiahui; School: Department of Law, College of Applied Arts and Sciences, Beijing Union University.

[2] Zhang Yihong（College of Applied Arts and Sciences, Beijing Union University, Beijing 100101, China）

1 How to deal with the insecurity of modern people

As an important part of global governance, global education governance aims to address transnational education issues through international cooperation and improve national governance. However, with the acceleration of globalization, the traditional governance model is facing many challenges, such as the governance deficit exposed by the COVID-19 pandemic. Therefore, it is particularly important to discuss the future of global education governance. Human security faces new threats from the way it develops. Insecurity takes a huge toll on people's physical and mental health. Security is closely related to trust. Paying attention to and enhancing human security has become an inevitable choice for sustainable development.[1]

1.1 The development of human society and the unease of human beings themselves

According to the findings of UNDP, "the more development, the more insecurity" has become a common phenomenon in the process of human social development. "We are faced with a development paradox," said UN Secretary-General Antonio Guterres in his preface to the report. Although people are living longer, healthier and wealthier lives on average, these advances have not succeeded in increasing people's sense of security. This is true in countries around the world, and this development paradox existed even before the uncertainty caused by the COVID-19 pandemic."

Development is the pursuit of higher levels of happiness and wider freedom, but the result is a paradox between development and human security. The fact that six out of every seven people in the world feel insecure shows that global development will not automatically lead to greater security for humanity. The reality is that humanity is making the world on which it depends for its survival increasingly insecure and unstable. This is why the report uses the term "Anthropocene" as a historical definition, meaning that humans have become the central driver of change on their planet, and it is humans who have ushered the Earth into an era of fundamental change in its biosphere.

1.2 There is a strong correlation between reduced levels of trust and increased insecurity

The philosophical view and development concept of "others are hell" have been influencing the establishment of trust between countries and between people. Without trust, there can be no real cooperation, and even peaceful coexistence is difficult to achieve. Lack of cooperation means that support and help are less likely. This lack of support and help increases human insecurity. As UNDP finds, trust between key groups and countries is low and declining, which is affecting decisions that matter to the fate and interests of humanity. "While motivation, interests and incentives are crucial for cooperation, even when people (or countries) have the right motivations and interests, they still need to understand each other's motivations and trust each other," the report notes.

[1] Lu Qiwei. Clarifying a Few Issues in Project-based Learning [J]. Jiangsu Educational Research, 2019(32): 9–13.

Trust is the foundation of solidarity. We live in an interconnected world. Creating a safe environment and atmosphere requires the joint efforts of many parties. Unity can bring the power to overcome fear and heal restlessness. UNDP specifically emphasizes that "not every security action will lead to greater human security", because actions that focus on the security of individuals or small groups often come at the expense of the security of others or other groups. This is not desirable, because a pattern of behavior at the expense of others will not lead to human security, and only by working together can we overcome difficulties.

1.3 The Perceived Insecurity Index makes human sense of security measurable

In order to curb the spread of human insecurity, UNDP has developed the "Perceived Human Security Experiment Index" to monitor the change and trend of human insecurity. Considering that there are many factors affecting the sense of security, UNDP classifies the variables into 17 items in three dimensions: "violent conflict", "social economy" and "individual and community" according to the sources of insecurity. On the insecurity dimension of violent conflict, the index uses variables that reflect the fear of war, civil war or terrorist attack involving the country of residence; On the socioeconomic insecurity dimension, the index uses variables that represent explicit fears of unemployment, inability to educate children and actual deprivation of health, food and economic security; On the individual versus community insecurity dimension, the index uses variables such as risk of crime, changing habits due to safety concerns, perceptions of community safety, and assessments of specific risks, including street robbery, alcohol and drug use, abuse and racism by law enforcement. These insecurities reflect human appeals to freedom from want, freedom from fear and freedom from humiliation.

2 The pursuit of security and the development of education

Human's need for a sense of security is all-round. In the process of development, the education system needs to face up to and respect the health needs of human's physical and mental development, which can not be ignored or ignored, otherwise education itself will become an anti-education behavior.

2.1 Cultivating people with sustainable development capabilities

The UNDP survey found that "in 2021, global life expectancy fell for the second year in a row, despite global GDP reaching an all-time high and despite COVID-19 vaccines becoming more accessible in some countries. The average decline is about a year and a half compared to the pre-COVID-19 world ". This shows that the pursuit of development, the pursuit of growth, often backfires. To achieve real sustainable development and formulate corresponding development strategies, we ultimately need people with sustainable development capabilities. People with sustainable development ability can realize that the root cause of the collective insecurity of mankind is the disorderly competition created by mankind itself: the arms race among countries, the competition for talents and the plunder of resources; Marginalization, vilification and suppression among people; Human beings and other creatures for

habitat competition. Education should teach people to use the concept of sustainable development to build a benign world order and realize the harmonious development of man, nature and himself.

2.2 Foster a correct concept of human security

Education should cultivate well-rounded people. A well-rounded person should not only have a healthy body, but also a healthy mind. Uneasiness, fear, irritability, unhappiness, helplessness and other negative emotions can be very damaging to a person. "Living a life with dignity" is a basic survival need, and security is the foundation of all positive psychology. Education has the responsibility to awaken people's awareness of human security conditions and psychological needs for safety. Everyone should have the right to be free from want, free from fear and free from humiliation. The quest for the right to live and thrive in safety begins with the right vision of human security. Human security in the new century should be "people-oriented", which includes: economic security, that is, reliable basic livelihood guarantee from work or social network security; Food security, that is, physical and economic preparation for access to basic food; Health security, having personal health care and (national or regional) public health protective programmes; Environmental security, which is the ability to cope with resource scarcity caused by natural disasters and environmental degradation; Physical security, with the ability to deter violent conflict, human rights violations, domestic violence, crime, child abuse and self-harm violence; Community security, which means freedom from the suffering caused by oppressive community practices and ethnic conflict; And political security, freedom from state oppression and human rights violations. Human security is both an objective, a means and an outcome of sustainable development. [1]

2.3 Shaping a sense of security through positive educational behavior

Peaceful development is the theme of today's world. Children living in peacetime spend most of their daily time at school. Studies have shown that children who grow up scared are not only prone to precocious puberty, but also have a much lower sense of security and stress resistance than their peers in adulthood, and insecurity is likely to last a lifetime. As a typical anti-education behavior, intimidation is widespread in school, family and social education. Schools need to fight against anti-educational behavior in order to cultivate safe people. Dividing students into three classes, using violence against "underachievers", verbal insults by teachers and violent beatings by parents should be opposed. It is inappropriate to excessively advocate competition in learning, for there is an essential difference between educating people and producing goods. People have the need to be respected, and schools should create a learning atmosphere to learn from each other and help each other, so that students can make progress together, instead of advocating competition and breeding the mentality of comparison and jealousy. The behavior that fosters growth should also be stopped,

1 Wang Yan, Cai Yu Zhu. What's New in Finland's New Curriculum Reform? People's Education, 2016, (24): 62–66.

because excessive education will hurt students' physical and mental health and will fundamentally kill students' enthusiasm for knowledge.[1]

3 Building a global education governance system for sustainable development

Solving the crisis requires the joint efforts of mankind. Education has a strong regenerative capacity, and it is imperative to build a sustainable global education governance system. Global education governance for human security should be jointly maintained by all stakeholders of the international community, including sovereign states, intergovernmental international organizations, non-governmental international organizations, transnational corporations and think tanks, through consultation.

3.1 Integrate security related educational content into the curriculum

Building a sense of security and fostering sustainable human beings requires the integration of human security education into curriculum systems around the world. First of all, human security curriculum should be implemented at all levels and types of education, because the factors that threaten human security are very diverse, and human security issues are everywhere and constantly changing. Secondly, the design of human security curriculum should be guided by the concept of sustainable development, take the ultimate concern for human beings as the purpose, take the connotation of human security proposed by UNDP as the basis, and take the existing curriculum system structure of the country as the basis. Thirdly, the content of human safety education should be incorporated into the curriculum system of basic education by means of discipline penetration and the addition of teaching modules of comprehensive practical activity courses. The content of human safety education is closely related to ecological civilization education and international understanding education, etc. The course design of infiltration will not increase the burden on schools, but also facilitate the smooth development of related education and teaching.

3.2 Carry out routine and dynamic monitoring of children's insecurity

The report shows that many children around the world face the dilemma of insecurity. According to the UNICEF findings, "Approximately 1 billion children worldwide live in countries classified as at very high risk of the consequences of climate change," "nearly 1 in 5 children in the world live in conflict zones where they are at risk of being killed, targeted, abducted, subjected to sexual violence or conscripted into the armed forces," and "nearly 9 million children could end up in child labor, And 10 million girls who are married early "and" one in three children under five are malnourished and unable to fully grow, develop and learn ". Not only that, but over education and pressure to go to school are also taking their toll on young children. When young people are strong, countries are strong, and when young people are healthy, the world is healthy. Children deserve to grow up in an environment conducive to peace and security. It is necessary to establish a "Global Insecurity Monitoring System for Children and Adolescents" and encourage countries to monitor the safety

[1] Hu Jiayi. From "Problem" to "Product": Re-understanding Project-based Learning [J]. Basic Education Curriculum, 2019(09): 29–34.

status and sense of security of their children and adolescents on a regular basis, usually every three to five years. The theme of monitoring in each cycle can be changed according to the new progress of human security issues. Based on the findings, the United Nations helps countries actively create a peaceful, just and inclusive environment for children to grow up and enjoy an education and life with dignity.[1]

3.3 Human security education should be learner-centered

Students are the main body of learning. When designing teaching programs, educators should fully take into account the characteristics of the physical and mental development of the educate and teach students according to their aptitude. Human safety education should be more so. As the saying goes, "no education without love", fully understanding and respecting students' learning needs is the first principle of human safety education. The paradigm of human safety teaching should be learner-centered rather than 2022.teacher-centered. Human safety education should first let the educated in a safe and feel good education environment, that is, to give timely guidance to students when they encounter difficulties in learning, so that they can feel the care and help from others. A survey shows that children who grow up in such a safe environment are more likely to produce prosocial personality as adults, because they have a higher sense of personal security. On the other hand, they are more likely to develop antisocial personalities because they have a lower sense of security. The essence of education is to promote human development. As the main front of education, schools should take learners as the center to create a safe learning environment for them.

4 Strategies and Suggestions for global education governance

4.1 Strengthen international cooperation

Global education governance requires a coherent framework to ensure cooperation and coordination among countries on education policies and practices. This could be achieved through the establishment of a global institution for education governance, which could be an extension of an existing international organisation such as UNESCO, or an entirely new international body. Equity in education is one of the core objectives of global education governance. International cooperation can help developing countries improve their educational infrastructure and quality by providing financial support, technical assistance and policy advice to ensure that all children and young people have access to basic education. Innovation in education is key to improving the quality and efficiency of education. International cooperation can promote innovation and application of educational technologies by sharing best practices and conducting joint research and development projects. For example, through the support of international organizations such as the OECD, member states can jointly develop and implement new educational assessment tools and methods. Input in education is the foundation for improving the quality of education. Through loans and grants from multilateral financial institutions such as the World Bank,

1 United Nations Development Programme. New Threats to Human Security in the Human Century: The Need for Stronger Solidarity [R].

international cooperation can help developing countries increase investment in education, improve education infrastructure, and improve teacher training and salaries. Education is not only about imparting knowledge and skills, but also about developing students' capacity for sustainable development. International cooperation

can foster students' innovative spirit, critical thinking and sense of social responsibility by setting common educational goals and standards and encouraging countries to reform their educational content and methods. Education should foster students' sense of global citizenship and concept of human security. International cooperation can enhance students' awareness and understanding of global issues and cultivate their global vision and sense of responsibility through transnational education programs and exchange activities. [1]

Through these strategies and suggestions, we can strengthen international cooperation in global education governance, jointly address challenges in the field of education, and achieve sustainable development of education. This requires not only the active participation of national governments, but also the joint efforts of international organizations, ngos, the private sector and civil society.

4.2 Improving the quality of education

Global education governance requires close cooperation among countries. By establishing cross-border education cooperation platforms, strengthening cooperation with international organizations such as UNESCO, and participating in the formulation of international education rules and standards, the sharing of educational resources and the improvement of education quality can be promoted. Adequate financial support is needed to improve the quality of education. The government should increase its investment in education, especially in poor areas and among disadvantaged groups, to ensure that every child can receive a high-quality education. Equity in education is the key to improving the quality of education. We will ensure that all students have equal access to education, regardless of their socioeconomic background, by developing and implementing the Guidelines for the Evaluation of the Quality of Compulsory Education. The development of information technology has opened up new possibilities for education. By promoting the construction of education informatization and utilizing technologies such as online education and distance learning, the coverage of high-quality educational resources can be expanded and the accessibility and quality of education can be improved. Encouraging educational innovation is an important way to improve the quality of education. The adaptability and flexibility of education can be improved through the innovation of personnel training methods and the implementation of new teaching models and methods.

4.3 Cultivating people with sustainable development capabilities

Education should produce well-rounded people, including a healthy body and a healthy mind. This requires the education system to recognize and respect this healthy need for human physical and mental development, which can not be ignored or ignored. Education should produce people who are capable of sustainable development and

1 UNESCO. Global Education Monitoring Report [R].

realize that the root cause of humanity's collective malaise comes from the disorderly competition created by humanity itself. It is the responsibility of education to raise awareness of the human security condition and the psychological needs of security. Everyone should have the right to be free from want, free from fear and free from humiliation. The quest for the right to live and thrive in safety begins with the right vision of human security. In recent years, many countries have specifically formulated policies on education for sustainable development. For example, Germany has issued a National Action Plan on Education for Sustainable Development, which makes sustainable development a cross-cutting responsibility of the entire education system. Such international cooperation can promote the formulation and implementation of education policies and improve the quality of education. The formulation of education policies is essential to produce people with the capacity for sustainable development. Policies should ensure that curricula and schools, as well as formal and informal learning environments, are linked to a country's natural, political, economic and cultural context and needs.

Strategies and recommendations for global education governance need to take into account international cooperation, educational equity, holistic development, human security concepts, innovation in teaching models, education policy formulation, and the integration of education and the environment. Through the implementation of these strategies and recommendations, we can provide a solid foundation for developing people with sustainable development capabilities and contribute to the achievement of the Sustainable Development Goals.

5 Conclusions

The future development trend of global education governance is multilateralization, technicalization and democratization. Global education governance faces both challenges and opportunities, which calls for concerted efforts by all countries to enhance international cooperation, improve the quality of education, and cultivate people with sustainable development capabilities. Through these strategies and suggestions, we can provide new perspectives and ideas for global education governance and contribute to the realization of the Sustainable Development Goals.

Охрана товарных знаков в области нематериального культурного наследия: институциональные конфликты и координация нормативно-правовой базы в Китае

Trademark Protection of Intangible Cultural Heritage: Institutional Conflicts and Regulatory Coordination in China

КОУ Инцзяо, У Цяньин
Пекинский объединенный университет
KOU Yingjiao, WU Qianying
Beijing Union University

A*bstract.* Intangible cultural heritage (ICH) possesses both cultural attributes and commercial value. In the process of marketization, it faces intellectual property risks such as malicious preemptive registration and free-riding misuse. Owing to its functions of distinguishing the source of signs, maintaining goodwill, and allowing long-term renewal, trademark law provides an important avenue for protecting the commercial interests derived from ICH. However, the collective and public nature of ICH is inherently at odds with the private and exclusive nature of trademark rights, giving rise to difficulties such as unclear identification of rights holders, blurred boundaries between descriptive use and infringement, and poor coordination among legal regimes. This article clarifies that the object protected by trademark law is "signs related to intangible cultural heritage," rather than ICH itself. In response to practical difficulties in China, it proposes narrowing and clarifying the scope of rights holders, building a coordinated system of "trademarks–geographical indications–anti-unfair competition law," and refining the criteria for determining descriptive use of ICH-related names, with a view to achieving a balance between the living transmission of ICH and fair market competition.

Keywords: Intangible Cultural Heritage; Trademark Law; Geographical Indications; Descriptive Use; Rights Holders

Introduction

With the worldwide implementation of the Convention for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage and the advancement of China's cultural power strategy, the protection of intangible cultural heritage (ICH) has become an important topic in cultural legal construction. The 2003 UNESCO Convention, ratified by over 180 states, established a comprehensive framework for identifying, safeguarding, and raising awareness of ICH at the international level. In China, the Intangible Cultural Heritage Law enacted in 2011 provides the foundational domestic legal framework, supplemented by five batches of national representative ICH project lists totaling 1,557 projects and over 100,000 projects at all administrative levels. This extensive legal and administrative infrastructure reflects both the richness of China's cultural traditions and the scale of the regulatory challenge.

Under the impact of modern production and marketization, the commercial utilization of ICH has evolved from traditional offline regional inheritance to cross-

regional, cross-platform market diffusion. ICH project names, technical symbols, and related signs have demonstrated tremendous commercial potential in the circulation of goods and services. The integration of culture and tourism, the rise of e-commerce platforms, and the popularity of live-streaming commerce have further accelerated the commodification of cultural heritage elements. However, this commercial transformation has simultaneously exposed ICH-related signs to significant legal risks, including malicious preemptive registration by commercial entities, free-riding abuse, and the vulgarization and distortion of cultural connotations. These phenomena not only threaten the economic interests of legitimate inheritors but also undermine the authenticity and integrity of cultural traditions that the ICH protection regime seeks to preserve.

It must first be clarified that the protection object of trademark law is "commercial signs" used to distinguish the sources of goods or services, rather than the techniques, knowledge, or cultural content of ICH itself. Therefore, the "trademark law protection of ICH" discussed in this article essentially refers to "trademark law protection of ICH-related signs." This conceptual distinction is crucial because it determines the analytical framework for all subsequent discussions. The trademark system provides the most stable private rights remedy path through registration confirmation, sign distinction, goodwill maintenance, and continuous renewal mechanisms. Unlike patent protection with its fixed term or copyright protection with its limited duration, trademark rights can be maintained indefinitely through renewal, making them particularly suitable for protecting signs associated with cultural traditions that have been transmitted across generations.

However, ICH is often inherited by specific groups through generations, possessing distinct regional and public cultural attributes, which conflicts with the highly private and exclusive nature of trademark rights. In practice, this fundamental tension manifests in three interrelated difficulties: the unclear identification of rights holders for collectively created signs, the blurred boundaries between descriptive use and trademark infringement, and the poor coordination among trademark law, geographical indication systems, and anti-unfair competition law. Currently, academic research on intellectual property protection of ICH has been relatively abundant, but three shortcomings persist: First, the conceptual distinction between "ICH itself" and "ICH-related signs" is not sufficiently strict, leading to generalized countermeasures; Second, there is a lack of close integration with the latest revision trends of trademark law, such as the 2023 draft amendments strengthening malicious registration regulation; Third, there is insufficient precise analysis of the systematic connection between trademark law, geographical indication special systems, and the Anti-Unfair Competition Law in ICH protection.

This article employs normative analysis and case analysis methods to address these gaps. It reviews current trademark legal norms and examination guidelines, and selects typical administrative and judicial cases from the National Intellectual Property Administration and courts at all levels in recent years for empirical examination. The

analytical framework follows a logical progression from theoretical foundations through practical dilemmas to institutional optimization. The primary research questions are: What specific obstacles exist in China's current trademark law regarding ICH signs? What are the protection boundaries of ICH-related signs under the trademark law framework? And how can a multi-governance rule system be constructed where trademark law, geographical indication systems, and anti-unfair competition law work together effectively?

1. Institutional Foundation and Theoretical Framework

1.1 Protection Objects: ICH Itself vs. ICH-Related Signs

The 2003 Convention for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage defines ICH as "the practices, representations, expressions, knowledge, skills—as well as the instruments, objects, artefacts and cultural spaces associated therewith—that communities, groups and, in some cases, individuals recognize as part of their cultural heritage." This definition emphasizes that ICH is not static cultural remains but a living cultural existence continuously recreated through the ongoing practices of specific communities. China's Intangible Cultural Heritage Law further localizes this definition, defining ICH as "various traditional cultural expressions that have been passed down through generations by all ethnic groups and are regarded as part of their cultural heritage, as well as the physical objects and places related thereto." Compared with international conventions, Chinese legislation places greater emphasis on historical continuity and the broad subjectivity of "all ethnic groups," reflecting dual attention to ethnic cultural inheritance and national cultural identity.

The unique attributes of ICH that distinguish it from ordinary cultural resources constitute the particularity and complexity of its trademark law protection, mainly manifested in three aspects. First, living transmission and long-term accumulation of goodwill: unlike ordinary trademarks that acquire reputation through substantial advertising investment in a short period, the goodwill of ICH-related signs often accumulates through the sedimentation of several generations over hundreds of years. This long-term use provides a factual basis for obtaining "distinctiveness acquired through use" during trademark examination. Second, collectivity and regionality: ICH is mostly jointly created by specific communities or groups in long-term production and life. This collective wisdom determines that the rights attribution of ICH-related signs should not be monopolized by a single market entity. Meanwhile, the formation of ICH is highly dependent on specific regional natural environments and cultural soil, such as the porcelain clay resources and craft traditions of Jingdezhen ceramics. Third, the public-private hybrid nature of legal interests: ICH signs are both carriers of national cultural genes and tools for market entities to gain competitive advantages, requiring trademark law to seek dynamic balance between public cultural protection and private economic returns.

In the intersection of ICH protection and trademark law, the distinction of protection objects must first be completed. ICH itself refers to techniques, performance forms, knowledge systems, and cultural connotations-essentially public cultural

resources whose protection aims to preserve authenticity, integrity, and continuity. The protection of ICH itself mainly relies on public law mechanisms such as the Intangible Cultural Heritage Law, administrative catalogue protection, and representative inheritor systems, rather than private rights confirmation under trademark law. ICH-related signs, by contrast, are names, appellations, symbols, or marks that have formed stable connections with ICH projects during marketization and can perform identification functions, such as ICH project names, traditional trade names, geographical names, inheritor appellations, craft school names, and signs indicating specific quality or origin.

Intellectual property law follows a strict object separation logic: patent law protects eligible technical solutions, copyright law protects original forms of expression, and trademark law protects signs capable of identifying sources of goods or services. This determines that the object of trademark law protection is not ICH techniques or cultural content itself, but those "ICH-related signs" that have entered commercial circulation and can carry ICH goodwill and source identification functions. Only under this premise can subsequent discussions on rights holder identification, reasonable use boundaries, and the connection between geographical indications and trademarks obtain clear and stable analytical foundations.

1.2 Necessity and Feasibility of Trademark Law Protection

Incorporating ICH-related signs into the trademark law protection system has urgent practical necessity. First, trademark law can curb malicious preemptive registration and free-riding behavior. Currently, ICH signs face a severe "tragedy of the commons" situation, with numerous well-known ICH names being maliciously preemptively registered by unrelated commercial entities. For example, "Twenty-Four Solar Terms," a traditional Chinese time system reflecting agricultural wisdom, has been subject to multiple unauthorized trademark applications. Trademark law, by establishing clear exclusive rights through registration, can provide legal weapons for true inheritor groups to stop infringement, remove obstacles, and seek damages.

Second, trademark protection prevents consumer confusion and cultural connotation distortion. ICH signs often convey specific craft standards and historical origins to consumers. When market entities without legitimate inheritance foundations abuse these signs on inferior products, it not only constitutes fraud against consumers but also leads to the dilution and degradation of ICH cultural connotations. The "quality assurance" function inherent in trademark law can precisely regulate such market failures by ensuring that goods and services bearing ICH-related signs meet the quality expectations associated with those traditions.

The institutional design of trademark law possesses high feasibility for ICH protection. China's Trademark Law has constructed a diversified trademark type system that can accommodate different ICH inheritance patterns. For "individual-type" inherited ICH, such as specific craftsmen's unique skills, ordinary goods or service trademarks can be registered to protect private rights interests. For "group-type" inherited ICH with regional characteristics, collective trademarks or certification

trademarks can be registered, with specific organizations as nominal holders, authorizing entities meeting ICH standards to use them. This diversified structure enables the trademark system to provide tailored protection paths for different types of cultural heritage, achieving standardized management while maintaining group shared rights.

1.3 Coordination with Related Protection Systems

ICH legal protection is a systematic project requiring coordinated governance across multiple legal regimes. Although trademark law provides an exclusive private rights confirmation path, facing the complex public-private legal interest conflicts of ICH, it must work in concert with geographical indication systems, anti-unfair competition law, and administrative protection mechanisms.

Geographical indications (GIs) aim to indicate that goods originate from a specific region, and their quality is mainly determined by the natural or human factors of that region. Under China's current law, GIs are primarily protected through collective trademarks or certification trademarks within the trademark law framework. The coordination between the two systems is manifested in several ways: the GI system establishes strict "regional boundaries" and "craft standards" for ICH, effectively preventing ICH signs from being used outside their specific cultural soil; while trademark law provides mature infringement determination standards, administrative enforcement mechanisms, and damage compensation rules for GIs, enabling them to be commercially authorized and value-transformed as intangible assets. As of the end of 2024, China had cumulatively approved 7,402 GI collective trademarks and certification trademarks, and 2,544 GI products, demonstrating the substantial scale of this protection channel.

The Anti-Unfair Competition Law serves as an important underpinning and supplement to trademark law in two primary ways. First, it extends the scope of object protection: trademark law adheres to the "registration protection principle" with limited exceptions for well-known trademarks, while for unregistered but already influential ICH-related signs, packaging and decoration, protection can be provided through the "confusion acts" provisions of Article 6. Second, it provides complementary regulation of acts that trademark law may not fully cover: for commercial entities that vulgarize and distort ICH culture or make false association promotions, such acts can be addressed through the "false advertising" provisions of Article 8, thereby comprehensively maintaining fair competition order in the ICH market. This multi-layered protection architecture ensures that ICH-related signs receive comprehensive legal protection regardless of their registration status.

2. Practical Dilemmas in China's ICH Trademark Protection

2.1 Unclear Definition of Rights Holders

ICH-related signs are usually jointly created and continuously inherited by specific regions, communities, or families, possessing distinct collective, regional, and public cultural attributes. In practice, family inheritance-type, group co-creation-type, and regional sharing-type ICH signs generally face the problem of vague subject

identification. Some market entities transform public cultural resources into private exclusive rights through preemptive registration, disrupting ICH inheritance order and hindering legitimate use by peer operators. This problem is particularly acute because current trademark examination procedures do not require applicants to demonstrate legitimate inheritance foundations or cultural connections to the signs they seek to register.

In the "Clay Figure Zhang" unfair competition dispute case, "Clay Figure Zhang" as a Tianjin national-level ICH clay sculpture technique was founded by Zhang Mingshan in the Qing Dynasty and inherited by the family through generations. Zhang Mingshan's descendants, including Zhang Xiang and Zhang Hongyue, as well as Beijing Clay Figure Zhang Art Development Co., Ltd., had long conducted artistic creation and market operations under this name. The defendant Zhang Tiecheng and related enterprises used the appellation "Beijing Clay Figure Zhang" in product signs, enterprise names, and domain names, publicly claiming fourth-generation inheritor status without legitimate basis. The plaintiff sued on grounds of free-riding on goodwill and causing market confusion, while the defendant argued that "Clay Figure Zhang" was a generic name with an independent inheritance lineage.

The court ultimately determined that "Clay Figure Zhang" was not a generic commodity name but a well-known commodity special name formed through long-term historical inheritance. Its legitimate users were the descendant inheritor group of Zhang Mingshan and the Tianjin Clay Figure Zhang Color Sculpture Studio. The defendant's unauthorized use of related signs without legitimate inheritance origins was sufficient to cause relevant public confusion regarding work sources and inheritance relationships, violating the principle of good faith and constituting unfair competition. Significantly, the case was mainly handled under the Anti-Unfair Competition Law rather than trademark law, precisely illustrating that after ICH-related signs enter the market, trademark law alone often cannot adequately resolve rights holder identification issues, and recourse to complementary legal frameworks becomes necessary.

In the "Lu Brocade" trademark infringement case (Supreme People's Court Guiding Case No. 46), "Lu Brocade" is a Shandong provincial-level ICH and a common appellation for folk hand-woven cotton textiles in southwestern Shandong, jointly formed by local people in long-term production practice. After Shandong Lu Brocade Industrial Co., Ltd. registered "Lu Brocade" as a commodity trademark, it sued regional operators who continued to use the designation. The defendants argued that "Lu Brocade" belonged to local group-shared public cultural resources and should not be monopolized by a single enterprise.

The Supreme People's Court clarified that "Lu Brocade" had already become a generic name with regional public attributes before the trademark application and registration, and a single enterprise's trademark registration could not deprive operators within the region who meet traditional craft standards of their legitimate right to use the name. The defendants' use constituted legitimate use of a generic name and did not

constitute infringement. This landmark ruling established an important principle: public names for ICH jointly created by specific regional groups cannot be exclusively obtained by a single subject through trademark registration. Together, these cases demonstrate that the current system still has insufficient rules for identifying rights holders of ICH-related signs, lacking classification and representative subject confirmation for different types of inheritance patterns.

2.2 Blurred Boundaries Between Descriptive Use and Infringement

Traditional technique names, local snack names, and geographical indication names often simultaneously perform multiple functions such as category description, craft description, regional description, and source identification, making it difficult to precisely judge the nature of specific use behaviors solely relying on general trademark infringement rules. This ambiguity is compounded by the fact that many ICH-related names have been used for generations in an open, communal manner before any commercial entity sought to register them as trademarks. The multi-functional nature of these signs creates inherent tension in trademark law, which traditionally expects signs to function primarily as source identifiers.

In the "Tongdefu Hechuan Peach Slice" case (Supreme People's Court Guiding Case No. 58), "Hechuan Peach Slice" traditional handcraft technique is a Chongqing municipal-level ICH, and "Tongdefu" is a time-honored brand with a long history in this field. After Chengdu Tongdefu Company registered the "Tongdefu TONGDEFU" trademark, it claimed infringement based on Yu Xiaohua's use of "Tongdefu" on product packaging. Yu Xiaohua is an inheritor of the Hechuan Peach Slice ICH, with a direct inheritance relationship with the historical Tongdefu shop, and used the complete enterprise name on packaging only to objectively explain historical origins, without separately highlighting the "Tongdefu" sign as a source identifier.

The Supreme People's Court held that Yu Xiaohua's use was merely an objective statement of historical inheritance and product origins, without highlighting "Tongdefu" as a commodity source identifier, and would not cause relevant public confusion, constituting legitimate use in the trademark law sense. The value of this case lies in distinguishing "explaining historical inheritance" from "substituting trademark source identification": as long as relevant text is not highlighted as a source identifier but remains in the explanation of product history and time-honored brand origins, it should not be easily determined as trademark infringement. This distinction provides important guidance for courts evaluating similar cases involving ICH-related names.

In the "Tongguan Roujiamo" trademark infringement series cases, "Tongguan Roujiamo" production technique is a Shaanxi provincial-level ICH. After the Tongguan Roujiamo Association registered it as a collective trademark, it sued snack shops nationwide using the designation and demanded franchise fees. The involved merchants were mostly local operators in Tongguan or operators using traditional craft techniques, only using the name to indicate product origin and category. Relevant Supreme People's Court judicial opinions clarified that collective trademark rights holders have no right to prohibit others' legitimate use of geographical names and

product names; operators within the geographical indication area who meet traditional craft standards may still legitimately use the name even without joining relevant organizations or obtaining authorization. The Court further noted that rights holders' compulsory fee collection through litigation constitutes trademark rights abuse.

These cases reveal three typical patterns in the use of ICH-related names. First, ordinary explanatory statements based on real historical origins, inheritance relationships, or commodity cultural backgrounds that are not highlighted as source signs are generally not determined as infringement. Second, although operators may have ICH inheritance backgrounds, once the actual use method has shifted to commodity source identification, it may constitute trademark infringement. Third, for ICH signs combining geographical names, technique names, and collective brand attributes, boundary judgment must also incorporate examination of geographical origin, quality conditions, and use qualifications. Thus, the current Trademark Law provisions on "legitimate use" and "descriptive use" remain relatively principled, lacking more refined typified standards for traditional food-type, time-honored brand-type, and geographical origin-type ICH signs.

2.3 Poor Inter-System Coordination

ICH-related signs in reality do not rely solely on the trademark system for protection, but are often simultaneously embedded in multiple systems including ICH catalogue protection, time-honored brand recognition, geographical indications, and certification trademarks. The problem is not the absence of relevant systems, but how these systems transform into stable rules in trademark authorization confirmation and infringement judgment after entering the trademark law context. Currently, this transformation highly relies on case-by-case discretion rather than systematic conversion rules, creating uncertainty for rights holders, practitioners, and market participants alike.

In the "Huangta Plaster" trademark opposition case, "Huangta Plaster" traditional technique is a Henan provincial-level ICH and has been recognized as a Henan time-honored brand. The opponent had already registered "Huangta Plaster" as a trademark on Class 5 plaster goods; the opposed party applied to register the same trademark on Class 35 services for sales promotion and online marketplaces. The Trademark Office examination held that ICH and time-honored brand recognition do not directly generate trademark exclusive rights, but can serve as important evidence for proving sign historical inheritance and market reputation. "Huangta Plaster" has acquired considerable reputation through long-term use, Class 5 goods and Class 35 services are closely related, and the opposed trademark could easily cause relevant public confusion, thus not being registered.

In the "Jingdezhen Made" certification trademark infringement case, Jingdezhen ceramic firing technique is a national-level ICH; the Jingdezhen Ceramic Association registered "Jingdezhen Made" as a geographical indication certification trademark to indicate product origin, craft, and quality. Some defendants' products met Jingdezhen ceramic craft standards but had not applied for use authorization; some defendants'

products were not produced in Jingdezhen and did not meet quality requirements but made false markings. The court held that the institutional purpose of GI certification trademarks is to prove origin and quality, not absolute monopoly; operators who indeed meet quality standards may still legitimately use geographical names even without applying for authorization; false labeling without corresponding conditions is sufficient to cause public misunderstanding of origin and quality, constituting trademark infringement.

Although ICH catalogues, time-honored brands, geographical indications, and certification trademarks all protect ICH-related signs at different levels, they still lack stable, systematic connection rules with the trademark system. Current judicial and administrative reviews mostly "patch together" rules in individual cases, rather than establishing unified interfaces at the institutional level. This case-by-case approach creates unpredictability and inconsistency, as different courts or examiners may reach different conclusions based on similar facts. It also means that trademark law protection of ICH-related signs is not a closed private law issue, but one that must be coordinated with cultural heritage protection, local brand governance, and industrial development systems.

3. Institutional Optimization Paths

3.1 Establishing Typified Subject Confirmation

The trademarkization of ICH symbols helps promote productive protection and brand management, but due to their natural attributes of group co-creation, historical inheritance, and regional sharing, both distinctiveness recognition and rights attribution are more complex than ordinary commercial signs. Therefore, the primary task of institutional optimization is not simply to expand the scope of trademark rights protection, but to first conduct typified identification of ICH-related signs, then respectively configure corresponding rights holders and examination rules. This approach acknowledges the diversity of ICH creation and transmission patterns while providing clear guidance for trademark applicants and examiners.

Based on the formation mechanisms of ICH-related signs, they can be divided into three categories with respective subject qualification configurations. First, for "individual inheritance-type" signs highly bound to specific inheritors, specific trade names, or long-term stable business entities, ordinary goods or service trademarks may be allowed for registration application, but strict review should be conducted on whether they truly point to specific business sources rather than preemptive occupation of public cultural resources. The burden of proof should be placed on applicants to demonstrate their legitimate inheritance foundation or authorization from the original inheritor group.

Second, for "group co-creation-type" signs jointly inherited by industry groups, family branches, or communities with common production norms, collective trademarks should be preferentially applied. These should be held by industry associations, cooperative organizations, or legally established protection organizations, with open and transparent member admission mechanisms that avoid monopoly by a

few subjects. The governance structure should include representative participation from different branches or lineages to ensure equitable benefit distribution among the inheritor community.

Third, for "regional sharing-type" signs based on specific regional culture, traditional craft, and historical reputation, certification trademarks should be more appropriately applied for by associations, protection centers, or other public organizations with supervisory capabilities. These arrangements should connect with the geographical indication system when necessary, ensuring that eligible operators can use the signs openly rather than having them monopolized by single operators. Such typified treatment both conforms to the differences in source identification functions of ICH-related signs and can reduce the institutional risk of "public symbols being privately monopolized."

Additionally, rights holder qualification recognition should introduce substantive review factors rather than remaining at the formal qualification level. When examining whether applicants are qualified, examination authorities may comprehensively consider the following factors: whether the applicant has continuous, public, and stable use connections with the ICH-related sign; whether the sign has already formed specific source orientation among relevant public; whether the applicant possesses unified quality control, member management, authorization supervision, and dispute handling capabilities; and whether granting them trademark rights would improperly exclude legitimate operators who should share the rights. Especially for national-level and provincial-level ICH project names, representative school names, and traditional craft generic names, stricter interest balancing mechanisms should be established.

3.2 Refining Descriptive Use Criteria

Whether ICH-related names constitute descriptive use should be judged through a comprehensive examination of four dimensions. First, the nature of the name itself: ICH project names, traditional craft names, local school names, and regional appellations usually possess strong public attributes, mainly reflecting cultural origins, craft characteristics, or local traditions. Such names generally should not completely exclude other operators' reasonable use due to trademark registration. In contrast, if a name has been used for a long time, formed relatively stable correspondence with specific operators, and can perform the function of identifying commodity or service sources, its legal evaluation should not merely remain at the level of general cultural appellations.

Second, the specific use method: the same name appearing in different positions and different contexts has different legal significance. If operators only use ICH-related names in commodity introductions, craft explanations, origin explanations, or cultural background explanations, with the purpose of objectively explaining commodity characteristics, this situation is usually closer to descriptive use. Conversely, if operators place ICH-related names on packaging fronts, shop titles, commodity main titles, or keyword positions, using them to replace or weaken their own brands, then

the function of the name in transactions is no longer limited to explanation but more likely possesses the function of indicating sources and attracting transaction opportunities. In such cases, it cannot be automatically determined as legitimate use simply because it superficially has explanatory content.

Third, operators should bear necessary source distinction obligations when using ICH-related names. Even if their use has certain explanatory purposes, they should clearly indicate their own brands, enterprise names, or shop names to avoid causing consumers to misunderstand commodity sources, authorization relationships, or inheritance relationships. If operators deliberately highlight ICH-related names while weakening their own identifiers, or even create impressions of "authentic inheritance," "official association," or "authorized representative" status, their behavior has already exceeded the scope of reasonable explanation and should not be determined as descriptive use.

Fourth, the use of ICH-related names should be reviewed for content authenticity. When operators claim descriptive use, they should bear corresponding explanatory responsibilities for the claimed craft, region, school, or inheritance relationship. For situations lacking factual basis but using expressions such as "authentic," "official," "representative inheritance," or "ICH certification," they should be determined as having strong misleading nature. Only by combining examination of name nature, use method, source distinction, and expression authenticity can the boundary between descriptive use and infringement be more accurately delineated. The 2024 Regulations on the Registration and Administration of Collective Trademarks and Certification Trademarks have made initial progress by specifically enumerating legitimate use rules for geographical names in enterprise names, ingredient lists, commodity detail pages, and other scenarios, but further refinement is still needed.

3.3 Building Coordinated Protection Systems

The protection of ICH-related signs is not a problem that can be solved solely by trademark law. After ICH enters the market, it often simultaneously involves cultural protection, regional reputation, commercial sign use, and market competition order at multiple levels. If handled only from the perspective of trademark registration or trademark infringement, problems of overly narrow protection scope or excessive rights exercise are likely to arise. Therefore, a comprehensive coordination mechanism among multiple legal systems must be established.

First, a "ICH catalogue–trademark examination" pre-connection mechanism should be established. For project names, core appellations, traditional technique aliases, and other cultural symbols already incorporated into national-level, provincial-level, or municipal and county-level ICH catalogues, cultural competent departments may jointly establish specialized examination databases with intellectual property management departments. At the trademark application stage, as long as the application sign involves the above contents, stricter examination procedures should be initiated, with examination authorities focusing on reviewing whether applicants have real inheritance foundations, legitimate authorization relationships, or long-term stable

commercial use facts with the ICH. The purpose is not to generally exclude ICH-related sign registration, but to reduce malicious preemptive registration and subsequent disputes through pre-screening, shifting problems currently resolved through opposition, invalidation, and infringement litigation to the registration examination stage as much as possible.

Second, "limited exclusive rights" rules for ICH-related signs should be created. Although the current system recognizes legitimate use, it generally remains a defense rule after infringement disputes occur, without more finely presetting rights boundaries at the registration stage. For trademarks containing ICH project names, traditional craft names, or regional cultural appellations, even if registration is permitted, applicants should not be automatically granted complete exclusive control over related texts. Consideration may be given to introducing a "public element reservation" mechanism in trademark announcements, registration certificates, or examination opinions, clarifying that ICH generic names, craft explanations, regional origin expressions, and other parts do not fall within the scope of exclusive rights control. Through this method, the privatizable commercial identification parts and public cultural expression parts in ICH signs can be separated in advance at the institutional level.

Third, unified conversion rules should be established for ICH catalogue, geographical indication, certification trademark, and time-honored brand recognition institutional facts entering trademark law. Through specialized norms, it should be clarified that: ICH catalogues mainly prove historical inheritance and public cultural attributes, and cannot directly derive exclusive trademark rights; geographical indications, collective trademarks, and certification trademarks mainly prove regional origins, craft standards, and open use conditions, with legal effects different from ordinary trademarks; time-honored brand recognition and long-term operation facts mainly influence judgments of reputation, stable correspondence, and confusion possibility. Only by fixing these institutional facts as different proof matters can judicial and administrative organs proceed according to relatively unified paths rather than continuing to rely on case-by-case reasoning.

Fourth, specialized joint regulation mechanisms should be established for online transactions and platform operation scenarios. Current abuse of ICH-related signs is no longer limited to offline shop signs and commodity packaging, but largely manifests in live streaming sales, platform labels, search keywords, shop introductions, and short video promotions. Future requirements should be imposed on platform operators to establish special verification mechanisms for merchants using high-risk expressions such as ICH, inheritors, and geographical origins, implementing measures such as removal, traffic restriction, risk warning labeling, and clue transfer for misleading labeling behaviors lacking factual basis. Only thus can the institutional connection between trademark infringement, false advertising, and confusion acts adapt to the new needs of ICH sign protection in digital commercial environments.

Conclusion

Intangible cultural heritage possesses both cultural value and commercial value. In the modern market environment, its related names, signs, and symbols are increasingly entering commercial circulation, triggering legal issues such as malicious preemptive registration, goodwill piggybacking, and improper privatization. Trademark law can provide important private law protection paths, but ICH-related signs often possess attributes of group co-creation, historical continuity, and regional sharing, making it difficult to apply ordinary trademark rules directly.

The trademark law protection of ICH-related signs should not follow the path of simply expanding trademark rights, but should conduct refined institutional design on the basis of respecting their public cultural attributes. Through substantive review of rights holder qualifications, strict distinction between public cultural symbols and truly source-identifiable commercial signs at the examination stage, and refined judgment rules for descriptive use, the current institutional deficiencies can be addressed. Looking to the future, as the protection awareness of multiple subjects continues to improve, the cultural value and commercial value of ICH will be better realized through coordinated governance among trademark law, geographical indication systems, and the Anti-Unfair Competition Law.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[1] Guan Yuying. Improving the Governance Path of Malicious Registration Under Trademark Law [J]. Intellectual Property, 2025(09): 3–26.

[2] Jin Haijun. On the Structure and Reconstruction of China's Trademark Law from the Perspective of Private Rights [J]. Intellectual Property, 2024(03): 3–20.

[3] Wang Taiping. Contextual Method for Determining Legal Facts in Trademark Law [J]. Chinese Journal of Law, 2023, 45(05): 114–131.

[4] Xie Xiaoyao. Beyond the Thorny Jungle: Also on the Application of Anti-Unfair Competition Law [J]. Intellectual Property, 2023(08): 3–29.

[5] UNESCO. Convention for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage [S]. 2003.

[6] Intangible Cultural Heritage Law of the People's Republic of China [S]. 2011.

[7] Guo Yujun, Tang Haiqing. On New Breakthroughs in IP Protection System for ICH from the Perspective of Geographical Indications [J]. Journal of Hainan University (Humanities & Social Sciences), 2010, 28(03): 48–54.

[8] Nie Xin. Research on Property Rights Protection of Intangible Cultural Heritage Under Institutional Rationality [J]. Cultural Heritage, 2021(04): 49–57.

[9] Yi Ling, Shi Aosheng. ICH Trademark Registration and Use: Institutional Mechanism, Practical Dilemmas, and Normative Paths [J]. Intellectual Property, 2023(12): 89–103.

[10] Wang Xiaobing. Research on the Legal Attributes of Geographical Indication Systems [J]. Intellectual Property, 2025(07): 3–27.

[11] Zhu Xianzhu. Research on Trademark Law Protection Model for Intangible Cultural Heritage [D]. Guangxi Normal University, 2021.

[12] Cheng L, Yuan Y. Intellectual Property Tools in Safeguarding Intangible Cultural Heritage: A Chinese Perspective [J]. International Journal for the Semiotics of Law, 2020, 34: 1–14.

[13] LIN Q, LIAN Z. On Protection of Intangible Cultural Heritage in China from the Intellectual Property Rights Perspective [J]. Sustainability, 2018, 10(12): 4369.

[14] Guo Yanru, Jin Xiaohong. Trademark Law Protection and Regulation of Geographical Indications—Taking Jingdezhen Ceramic GI as an Example [J]. Journal of Jingdezhen University, 2023, 38(05): 82–87.

[15] Qi Lei. Infringement Elements and Defenses: Trademark Use and Descriptive Use [J]. China Trademark, 2019(05).

[16] Zhu Dong. Systematic Reconstruction of Norms Prohibiting Malicious Trademark Registration Applications [J]. Intellectual Property, 2026(02): 21–37.

Правовое регулирование злоупотреблений доминирующим положением на рынке со стороны интернет-компаний

Legal Regulation of Abusive Market Dominance Behaviors by Internet Enterprises

Дянь Си-Янь
Пекинский объединенный университет
Dian Xi-Yan
Beijing Union University

Abstract. In the digital era, internet enterprises' abusive market dominance behaviors not only undermine fair competition order and harm consumer rights, but also suppress innovation vitality in the industry. This paper takes Chinese internet enterprises as the research subject, systematically analyzing the manifestations, multiple harms, and regulatory necessity of their abusive market dominance behaviors. Through typical case analysis, this paper reveals the current difficulties faced by legal regulation in defining relevant markets and determining market dominance. Based on comparative reference of extraterritorial legislative and enforcement experiences from the European Union, the United States, and other jurisdictions, this paper proposes that market definition methods should be optimized in conjunction with internet industry characteristics, behavioral identification standards should be improved, and anti-monopoly regulation precision and effectiveness should be enhanced through strengthening professional enforcement team building and appropriately decentralizing enforcement authority. This research aims to provide theoretical reference for improving China's anti-monopoly legal system in the internet sector and balancing innovation incentives with fair competition.

Keywords: internet enterprises; market dominance; abusive behaviors; anti-monopoly

I. Introduction

As the core driving force of information technology transformation, internet enterprises have profoundly changed the supply models of goods and services by virtue of the network platforms they have constructed. In this process, China’s internet industry has achieved leapfrog development, giving rise to globally influential giants such as Tencent, Alibaba, and Baidu, which have exerted significant influence in promoting economic development and improving people’s livelihoods. However, the inherent characteristics of the internet industry have made its market structure naturally prone to concentration, spawning winner-take-all or oligopolistic competition patterns. In practice, big data price discrimination (price discrimination), choose one of two(exclusive dealing), tying and bundling, and other behaviors are commonplace, not only directly infringing upon consumers’legitimate rights, undermining fair competition market order, but also posing severe challenges to the survival space of small and medium enterprises and the overall innovation vitality of the industry.

In view of this, how to effectively regulate the abusive market dominance behaviors of internet enterprises has become a common challenge faced by both theoretical and practical circles. Traditional anti-monopoly analysis frameworks, especially methods for defining relevant markets and determining market dominance, have encountered significant application difficulties when responding to new characteristics of the internet industry. Although China has responded through revising the Anti-Monopoly Law and strengthening enforcement practices, further deepening and improvement are still needed in terms of precision of legal rules and professionalism of enforcement capabilities. This paper hopes to provide certain theoretical reference and practical guidance for building a more scientific and efficient anti-monopoly rule system in the internet sector, balancing the relationship between encouraging innovation and maintaining fair competition, and promoting the sustained, healthy, and high-quality development of China's digital economy.

II. Manifestations and Harms of Abusive Market Dominance by Internet Enterprises

(I) Manifestations of Abusive Market Dominance by Internet Enterprises

1. Price Discrimination

Price discrimination, also known as differential pricing, refers to the behavior whereby operators charge different prices to different consumers (or different transactions of the same consumer) for the same commodity or service during the same period. In the internet platform economy, this behavior often manifests in the form of big data price discrimination, becoming one of the potential abusive behaviors of operators with market dominance.[1]

Its typical operating mechanism is mainly based on differential pricing for three types of user characteristics: First, differential pricing based on terminal devices, which means implementing differentiated pricing based on factors such as the model and price range of users' devices--for example, displaying higher prices to users of high-end mobile terminals. Second, differential pricing based on geographic location, which adjusts pricing according to factors such as the degree of market competition in users' areas, service accessibility, or consumption levels--this is commonly seen in setting higher prices for users in areas with weak service coverage or lack of competition. Third, differential pricing based on user behavioral characteristics, which relies on analysis of users' historical consumption frequency, preferences, and willingness to pay--offering fewer discounts or price increases to existing users with high consumption stickiness and low price sensitivity, while providing significant discounts to new or low-frequency users to attract and retain them.

Such behaviors are often highly concealed. Common strategies include directly raising prices for target users (relying on their price insensitivity), or differentially setting promotional intensity--meaning reducing discounts for loyal old users while offering larger discounts to new users to cultivate usage habits. At the level of legal

[1]See Shi Minghong, Several Legal Issues on "Big Data Price Discrimination", Cooperative Economy and Science, No. 4, 2022, at 90.

regulation, the Electronic Commerce Law requires operators using user characteristics for personalized display to simultaneously provide non-personalized options; the Provisions on the Management of Internet Information Service Algorithmic Recommendations further specify that algorithmic recommendation service providers shall not implement unreasonable differential treatment in transaction conditions such as transaction prices.[1]

Although the use of user data can optimize service matching and improve consumption efficiency (such as catering platforms improving services based on preferences), big data price discrimination undoubtedly harms consumers' rights to know, fair trade, and choice.[2]

In the long run, such behaviors not only harm consumers' rights but will also weaken platform reputation and ultimately pose threats to the healthy and sustainable development of the internet market.

2. Exclusive Dealing

According to Article 22, Paragraph 1 of China's Anti-Monopoly Law, exclusive dealing refers to the behavior whereby operators with market dominance, without legitimate reasons, restrict transaction counterparts to transact only with them or with operators designated by them.[3]

In the internet industry, this behavior is typically manifested as "choose one of two"strategies implemented by platform operators. Specifically, "choose one of two"refers to the behavior whereby platforms with market advantages, using their control over and dependence of in-platform operators, through technical restrictions, traffic demotion, search blocking, and other means, force or constructively force merchants not to conduct business activities on other competitive platforms, thereby forming de facto exclusive cooperation.[4]

For example, if a platform discovers that a merchant simultaneously operates on other competitive platforms, it may impose penalties such as search demotion, blocked display, or exclusion from recommendation lists on that merchant's store within its platform, leading to a significant decline in the merchant's exposure and customer traffic, thereby causing business losses. From the perspective of competitive effects, "choose one of two" behaviors may superficially be seen as management measures

[1]See Meng Shuhong, Liu Zhiling, Zhou Yu, "Research on Legal Governance of 'Big Data Price Discrimination'", China Management Informatization, 2022, No. 11, p. 138.

[2]See Liu Yatian, Xu Heng, Wang Xiaojie, "Theoretical Analysis of Data Sharing's Impact on Digital Platform Competition and Welfare", Research on Economic Issues, 2025, No. 5, pp. 67–77.

[3]Article 22, Paragraph 1 of the Anti-Monopoly Law of the People's Republic of China: "Prohibition is imposed on operators with market dominance from engaging in the following abusive behaviors of market dominance: (1) selling commodities at unfair high prices or purchasing commodities at unfair low prices; (2) selling commodities at prices below cost without justification; (3) refusing to transact with transaction counterparts without justification; (4) restricting transaction counterparts to transact only with it or with operators designated by it without justification; (5) tying commodities or attaching other unreasonable trading conditions during transactions without justification; (6) implementing differential treatment in transaction conditions such as transaction prices for transaction counterparts with comparable conditions without justification; (7) other abusive behaviors of market dominance identified by the anti-monopoly enforcement authorities of the State Council."

[4]See Lu Mingyu, "Analysis of the Impact of Abusive Market Dominance Behaviors on Competition", Journal of Henan University of Economics and Law, 2006, No. 3, pp. 83–84.

taken by platforms to maintain their own business ecosystem, but their essence often lies in excluding and restricting competition in the relevant market. By locking in more merchants for exclusive access, platforms can enhance their attractiveness to consumers, thereby expanding market share and consolidating market position, which may ultimately lead to weakened market competition and reduced consumer choices. Therefore, this behavior is usually regarded in the anti-monopoly law framework as one of the manifestations of abusive market dominance and requires careful evaluation of its legitimacy and competitive impact based on specific case circumstances.

3. Tying and Bundling

Tying and bundling refers to the transaction behavior whereby operators, when selling a certain commodity or service, contrary to consumers' wishes and through default checkboxes, forced binding, or significant misleading, require consumers to purchase other commodities or services together. This behavior is relatively concentrated in online travel ticketing, hotel, and transportation booking fields in the internet industry, while being relatively rare in general online retail and food delivery services.[1]

Currently, common tying forms in the internet field mainly include the following two types: The first type is misleading consumers through interface design and option presentation. Platforms place options containing tying services in prominent positions (such as using highlighted colors or fonts), while visually weakening ordinary options without tying, thereby guiding consumers to unintentionally choose bundled services. For example, some ticketing applications mark the “Book” button with insurance binding in prominent colors, while marking the “Regular Booking” option without additional fees in inconspicuous gray small text. The second type is constructively implementing tying in vague or restrictive ways. Platforms only provide options containing tying services, or fail to clearly explain the charging nature of additional items, causing consumers to accept bundled transactions without full knowledge.

For example, when booking high-speed rail tickets, some applications provide an “Book Now” option with prompts about “7x24-hour service” and other additional items, but fail to clarify that these are chargeable items, only displaying that they include paid content such as hotel coupons after the user clicks. Article 19 of China's Electronic Commerce Law signifies that the law does not prohibit tying behaviors outright, but sets compliance boundaries regarding transparency and freedom of choice, requiring operators to effectively protect consumers' rights to know and autonomous choice[2].

Since the implementation of the Electronic Commerce Law in 2019, blatant default-checkbox tying in the internet industry has been effectively curbed. However, practice shows that tying behaviors have not disappeared but have become more covert

[1]See Zheng Zhewen, Huang Lei, “Anti-Monopoly Regulation of Tying Practices by Internet Enterprises in China”, Journal of Heilongjiang Administrative Cadre College of Politics and Law, 2020, No. 2, p. 79.

[2]Article 19 of the Electronic Commerce Law of the People's Republic of China: “E-commerce operators tying commodities or services shall prominently remind consumers and shall not make tying commodities or services a pre-selected option with consumer consent.”

and flexible. Although some platforms provide cancellation options in form, they still constructively affect consumer judgments through information opacity, vague wording, or process design complexity, continuously causing damage to their legitimate rights. Therefore, current attention to internet tying behaviors should further shift toward identifying their covert strategies, examining compliance substance, and effectively protecting consumer choice mechanisms.

(II) Harms of Abusive Market Dominance by Internet Enterprises

1. Undermining Fair and Orderly Competitive Internet Market Environment

In the context of the network economy, internet enterprises, which differ from traditional industries, due to their characteristics such as network externalities and two-sided market nature, enable large internet enterprises to more easily obstruct potential competitors from entering the relevant market. Currently, China's internet market still exhibits a highly concentrated trend, with a few large enterprises such as Tencent, Alibaba, and Baidu occupying the vast majority of market share, further strengthening the concentration trend of market structure.

First, economies of scale constitute an important entry barrier. Internet enterprises, relying on network externalities and two-sided market mechanisms, often rapidly form huge scale in specific fields and consolidate their market dominance by virtue of their scale advantages. This established economy of scale makes it difficult for newly entering small and medium enterprises to acquire user bases and market share, thus facing higher market access barriers.[1]

Second, intellectual property and technical standards become tools for excluding competition. Some enterprises often strictly control intellectual property, restricting competitors' access to key technologies and patent licenses, thereby raising market access thresholds. At the same time, enterprises with market advantages may also proactively construct technical barriers by lowering data compatibility and raising technical standards, restricting new enterprises from entering relevant fields.[2]

Additionally, although competition in the internet industry centers on technological advancement and innovation capability, price competition may still be used as a strategy to squeeze out competitors. Enterprises with market dominance, by virtue of their capital advantages, can implement pricing strategies below cost (predatory pricing) for a certain period to attract users and squeeze competitors' survival space.[3]

If competitors lack sufficient financial support, they will find it difficult to sustain operations, may ultimately be forced to exit the market, or lose their willingness to enter. In the long term, such strategies may lead to a single leading enterprise monopolizing the market, severely weakening competitive vitality and damaging the fair competition environment.

---

[1]See Zhang Qing, Theoretical Research on Anti-Monopoly Law, China Legal Publishing House, 2007, pp. 30–46.

[2]See [UK] Oliver Black, Philosophical Foundations of Anti-Monopoly Law, translated by Xiang Guocheng, Dongbei University of Finance and Economics Press, 2010, pp. 15–38.

[3]See Ye Ming, "Research on Identification of Predatory Pricing by Internet Enterprises", Legal Science (Journal of Northwest University of Political Science and Law), 2015, No. 5, p. 196.

To summarize, under the influence of network effects and economies of scale, China's internet market exhibits characteristics of high concentration and high entry barriers. Large enterprises consolidate their positions and obstruct potential competition through various means such as scale advantages, intellectual property control, technical standard manipulation, and predatory pricing, posing challenges to the market competition ecosystem and long-term innovation environment.

2. Seriously Harming Consumers' Legitimate Rights and Interests

One of the core legislative purposes of China's Anti-Monopoly Law is to protect consumers' legitimate rights and interests in market transactions.[1]

Currently in China's internet market, there are widespread phenomena such as differential pricing and additional fees by internet enterprises, which to varying degrees harm consumers' legitimate rights. What is even worse is that some enterprises, to expand user scale and consolidate market position, abuse their market advantage by setting technical barriers and other means to maliciously restrict the visibility and accessibility of competitors' products or services, thereby weakening competition to form market dominance in specific fields. The above behaviors directly harm consumers' right to choose in normal transactions.

Consumers' right to choose is reflected in that consumers have the right to independently decide what products or services to purchase and also have the right to freely choose among different operators. In traditional physical economy, this right is usually well protected; however, in the context of the internet economy, due to the different characteristics of internet enterprises from traditional enterprises and the high concentration of capital and technology, enterprises occupying market dominance are more likely to implement abusive behaviors, thereby raising market access barriers and restricting effective competition. Under such a "one dominant player" market structure, consumers' rights and interests are often difficult to fully protect.

The network economy can, to some extent, be understood as an "attention economy," where user attention becomes a key resource for enterprises' sustainable development. To compete for user attention, internet enterprises often adopt various competitive means such as low-price strategies and free additional services. On the surface, price competition can bring consumers short-term benefits, but in reality, it may also cause consumers to deviate from their true preferences due to price orientation, making their right to choose subtly constrained. Price is an important basis for consumers to make market decisions, and pursuing good value for money is also a reasonable market behavior. However, if large internet enterprises exclude competitors through "choose one of two" and other exclusive means, ultimately forming a "one dominant player" monopoly pattern, they are very likely to restore or even raise prices of relevant commodities or services after obtaining monopoly status, forcing consumers to accept unfair transaction conditions. Therefore, inappropriate low-price

[1]Article 1 of the Anti-Monopoly Law of the People's Republic of China: "This Law is formulated for the purposes of preventing and prohibiting monopoly behavior, protecting market fair competition, encouraging innovation, improving economic efficiency, safeguarding consumer interests and public interests, and promoting the healthy development of the socialist market economy."

competition by internet enterprises not only damages market competition environment but also substantively harms consumers' freedom of choice and fair trade rights.

To summarize, abusive market dominance behaviors in the internet field not only damage fair competition order but also pose severe threats and harms to consumer rights and interests, which further highlights the importance and urgency of strengthening anti-monopoly enforcement and protecting consumers' legitimate rights and interests in the digital economy context.

3. Severely Hindering Innovation in the Internet Industry

Technological innovation is the core element driving productive forces, and science and technology are the primary productive force. For enterprises, achieving long-term development and market leadership in a specific industry must rely on continuous technological innovation. In the internet industry, enterprises continuously update technology and upgrade products, improve user experience of their products or services, thereby enhancing user attraction and stickiness, and use this to acquire market share-this is also the key path for internet enterprises to establish market dominance.

Essentially, competition among internet enterprises is actually competition in technological innovation and product innovation. Enterprises must continuously conduct product research and development and model innovation based on existing information network resources to quickly enter emerging fields, thereby gaining significant competitive advantages and more market share. When an internet enterprise obtains market dominance, it is very likely to implement abusive market dominance behaviors, such as pricing below cost and other unfair competition means. From a short-term perspective, such strategies may compress the enterprise's own profits, but from a long-term perspective, such strategies will weaken or even exclude its competitors, thereby enabling the enterprise to obtain high monopoly profits through its monopoly position.

However, the loss of competitive pressure for an enterprise may also reduce its willingness to update technology, that is, the lack of the "catfish effect" will suppress its inherent motivation for continuous innovation. Therefore, if a single enterprise dominates a field, competitive vitality in that field will gradually weaken, and enterprises' innovation motivation will also decline, which may ultimately lead to slow industry development or even market elimination. This not only hinders the progress of the internet industry itself but also negatively impacts the overall socio-economic innovation and sustainable development.

III. Necessity of Regulating Abusive Market Dominance by Internet Enterprises

(I) Adapting to Global Internet Economy Development Trends

Under the background of rapid internet economy development, strengthening anti-monopoly supervision in the internet industry has become an international general trend. Government attitudes toward supervising internet enterprises within their territories have gradually shifted from early prudent tolerance to strict regulation. The

main reason for this shift is that many global super-large internet enterprises, such as Apple, Amazon, Google, and Facebook, have abused their market dominance and implemented behaviors excluding and restricting competition, seriously affecting the survival and development space of late-entering enterprises and damaging the industry competition environment.

The European Union, Germany, the United States, and other major countries and regions have gradually recognized the importance and urgency of strengthening anti-monopoly regulation in the internet field. In recent years, while continuously conducting anti-monopoly investigations and punishments, the European Union has further introduced the Digital Services Act (DSA) and Digital Markets Act (DMA) to enhance legal responsibility constraints on illegal content dissemination in digital services and implement more systematic regulation of large internet enterprises' monopoly behaviors, marking the further improvement of its digital market supervision system.[1]

Germany has amended its Act against Restraints of Competition to provide clear legal constraints on certain improper behaviors of online platforms. The United States has promoted multiple legislative initiatives addressing issues such as merger review and data operability for internet enterprises, establishing normative frameworks. The above legislative and policy trends indicate that the international community has formed a clear consensus that anti-monopoly supervision of internet enterprises must be strengthened to maintain fair competition and innovation vitality in the digital market.

(II) Adapting to Chinese Internet Market Development

In recent years, China's internet industry has been continuously developing at high speed, and various aspects of social production and people's lives have been influenced by it. Among them, platforms such as instant messaging, e-commerce, and news information have become important components of social infrastructure and play an irreplaceable role in promoting economic growth and employment.[2]

At the same time, the "winner-take-all" or oligopoly trend spawned by internet enterprises is particularly evident in e-commerce and online food delivery fields--a few platforms occupy the vast majority of market share. Although this reduces users' search costs and matching costs to some extent, it may also cause problems such as restricted competition, price monopoly, data abuse, and uneven service quality, and ultimately may damage consumer rights and reduce market competition vitality. Therefore, to maintain fair competition market order, protect consumers' legitimate rights and interests, and promote the industry's long-term healthy and sustainable development, China has significantly strengthened anti-monopoly supervision in the internet field in recent years.

Supervision authorities, based on the Anti-Monopoly Law and other relevant

[1]See Cheng Baoku, Li Junhui, "Research on Platform Liability for Illegal Content Review--Analysis and Reference of the EU Digital Services Act", Research on China Market Regulation, 2023, No. 2, pp. 18–23.

[2]See Liu Yatian, Xu Heng, Wang Xiaojie, "Theoretical Analysis of Data Sharing's Impact on Digital Platform Competition and Welfare", Research on Economic Issues, 2025, No. 5, pp. 67–77.

laws and regulations, have conducted a series of investigations and enforcement actions against behaviors suspected of monopoly agreements, abusive market dominance, and operator concentration with effects of excluding or restricting competition. To summarize, in the context of the internet industry deeply integrating into social life, improving the anti-monopoly supervision system and preventing improper concentration of market forces have become indispensable institutional guarantees for promoting the industry's standardized and orderly development, protecting consumer rights, and promoting innovation.

(III) Maintaining Fair Competition in the Internet Industry

Improper competition behaviors implemented by internet enterprises by virtue of their market dominance, such as price discrimination, traffic hijacking, and forced "choose one of two,"not only disrupt the fair competition environment of the internet market but also obstruct the rational and effective allocation of resources. The main reason for the formation of internet industry monopoly is not direct interest conflicts among enterprises, but often because after an enterprise obtains dominance in a specific field, market entry barriers in that field significantly increase, making it difficult for potential competitors to enter. This enables enterprises occupying dominant positions to maintain or even expand their market share and obtain excess monopoly profits.

Additionally, internet enterprises' abusive market dominance behaviors not only damage normal market competition order but also seriously harm the legitimate rights and interests of network users.

In practice, some internet enterprises with dominant positions, to expand user scale, enhance market control, and seek higher profits, often use their resources to set or raise competitive barriers, thereby weakening the competitiveness of their actual or potential rivals. Such behaviors not only harm consumers' legitimate rights but are also unfavorable for building a fair and orderly internet competition order.

Therefore, to maintain the healthy and sustainable development of the internet market, abusive market dominance behaviors must be strictly regulated. Although China has promulgated the Anti-Monopoly Law and other relevant laws and regulations, the internet industry significantly differs from traditional industries in business models, transaction scope, and market impact. This requires that in anti-monopoly legislation and enforcement, the uniqueness of the internet economy must be fully considered, and rules must be made more scientific and targeted, thereby effectively maintaining market competition order and promoting innovation and consumer welfare. To summarize, improving anti-monopoly regulation in the internet field requires basing on the industry's own characteristics, further refining rules within the existing legal framework, and strengthening regulation implementation, thereby guaranteeing the fairness of market competition.

IV. Typical Cases and Problems of Abusive Market Dominance by Chinese Internet Enterprises

(I) Typical Cases of Abusive Market Dominance by Chinese Internet Enterprises

1. CNKI Administrative Penalty Case for Abusive Market Dominance

This case involves Tongfang Knowledge (Beijing) Technology Co., Ltd., Tongfang Knowledge Digital Publishing Technology Co., Ltd., and China Academic Journals (CD-ROM) Electronic Magazine Co., Ltd.[1]

The core issue of dispute in this case is the definition of the relevant market. The enforcement authority defined the relevant market as the "China Chinese-language Academic Literature Network Database Service Market" and determined that CNKI has market dominance in this market. CNKI mainly implemented two types of abusive market dominance behaviors: First, exclusive dealing behaviors, that is, by signing exclusive cooperation agreements with academic journal publishing units and universities, requiring them not to grant document data and paper authorization to other competitive database platforms for use, thereby excluding and restricting competition in the relevant market. Second, implementing unfair high-price behaviors, that is, selling document database services at unfair prices, continuously increasing database usage fees, and harming the interests of downstream users.

When defining the relevant market, the enforcement authority mainly conducted comparative analysis from the perspective of demand substitution: The e-book database service market, foreign-language academic literature network database service market, etc., significantly differ from the Chinese academic literature database in content, language, and usage purposes, and do not have close substitute relationships. Considering the demand characteristics and usage habits of Chinese academic journal publishing units and end users, it was ultimately determined that the Chinese academic literature network database service constitutes an independent relevant commodity market.

For the above illegal behaviors, the State Administration for Market Regulation made the following decision: Order CNKI to immediately cease the abusive market dominance behaviors; impose a fine of 87.6 million yuan on CNKI. This case, through refined definition of the relevant market, clarified CNKI's market dominance within the specific market, determined that it abused this dominance through exclusive agreements and unfair high-price behaviors, and ultimately made a punishment decision ordering cessation of illegal behaviors and imposing fines according to law.

2. Meituan "Choose One of Two" Monopoly Case

The subject of this case is Meituan (formerly Meituan.com established in 2010, integrated with Dianping in 2015, renamed in 2020), with Wang Xing as its actual controller.[2]

---

[1]See Administrative Penalty Decision of the State Administration for Market Regulation [2022] Guo Shi Chang Jian Chu Fa No. 87.

[2]See Administrative Penalty Decision of the State Administration for Market Regulation [2021] Guo Shi Chang Jian Chu Fa No. 74.

In the anti-monopoly investigation, the enforcement department first defined the relevant market. Through demand substitution analysis, considering service type and geographic scope, it determined that the relevant market is China's internet food delivery platform service market. Within the relevant market, Meituan was determined to have market dominance. The main basis includes: its sustained high market share, significant market concentration, strong control over in-platform merchants, abundant capital and technological advantages, and high market entry barriers in the relevant market.

Upon investigation, since 2018, Meituan systematically implemented abusive market dominance behaviors, mainly manifested as: "Choose one of two" behavior, that is, exclusive dealing. Meituan signed exclusive cooperation agreements with a large number of catering operators and took various measures to obstruct merchants from cooperating with other competitive platforms. This behavior not only restricted merchants' free right to choose but also harmed consumers' choice rights and interests. Meituan's above behaviors excluded and restricted fair competition in the relevant market, significantly weakened other platforms' competitiveness, raised market entry barriers, and ultimately disrupted market competition order. This behavior violated the Anti-Monopoly Law's provisions prohibiting exclusive dealing. Therefore, the State Administration for Market Regulation ordered Meituan to cease the illegal behaviors according to law and imposed a fine of 3.442 billion yuan.

3. Shanghai Shipinashi Commerce and Development Co., Ltd. Abusive Market Dominance Case

The party in this case is Shanghai Shipinashi Commerce and Development Co., Ltd. Its operated "Shipinashi" brand is mainly an internet food delivery platform providing English-language services, with business covering Shanghai, Beijing, Suzhou, and other cities, and has high visibility in the foreign-language food delivery service market in relevant areas.[1]

When defining the relevant market, the enforcement authority comprehensively considered demand substitution and supply substitution, determining that the relevant market is the foreign-language food delivery platform service market in Shanghai and other areas. Within the relevant market, Shipinashi was determined to have market dominance. The main basis includes its high market share, strong user stickiness, and significantly higher market concentration. Shipinashi implemented exclusive dealing behaviors, requiring partnered restaurants to exclusively provide delivery services on its platform and excluding in-platform competition, obstructing merchants from cooperating with other competitive platforms.

The above behaviors excluded and restricted market competition, squeezed other competitive platforms' survival and development space, not only harmed catering merchants' rights to independently choose transaction counterparts but also may ultimately harm consumer welfare due to reduced platform competition, disrupting the

[1]Administrative Penalty Decision of Shanghai Market Supervision Administration [2020] Hu Shi Jian Fan Long Chu 06201901001.

normal order of fair competition in the relevant market. Shipinashi's behaviors violated relevant provisions of China's Anti-Monopoly Law prohibiting abusive market dominance excluding and restricting competition.

Based on relevant provisions of the Administrative Penalty Law of the People's Republic of China and the Anti-Monopoly Law, the Shanghai Market Supervision Administration decided to impose a fine of 1.1686 million yuan on Shipinashi.

(II) Problems Reflected in Typical Cases

1. Difficulty in Determining Relevant Market Definition Factors

The definition of the relevant market is the primary and most critical step in determining whether internet enterprises constitute abusive market dominance.[1]

However, the unique attributes of internet enterprises make their abusive market dominance behaviors often involve multiple parties, which also brings significant difficulties to the definition of relevant markets.[2]

Essentially, the internet economy belongs to the attention economy or user economy, where user stickiness is directly related to enterprise revenue. If a platform lacks traffic support, its survival and development will face severe challenges. Therefore, internet enterprises usually continuously broaden approaches to attract traffic and enhance user stickiness. In the process of competing for user attention, internet enterprises pay attention to both the coverage of attention and the duration and depth of participation. Their internal logic is that more user usage behaviors and longer dwell time often mean more possibility of converting to successful transactions, making traffic monetization more feasible.

However, if the relevant market is defined solely based on user attention or traffic, it will lead to an overly broad market scope, making internet enterprises of different business types and fields all considered to be in the same competitive market. This definition method will blur the substantive competition boundaries between enterprises, leading to enterprises implementing abusive behaviors in specific fields being able to escape punishment because their market dominance is difficult to determine. Therefore, this broad definition method does not conform to the current competition reality of China's internet industry.

2. Limited Applicability of Traditional Market Dominance Determination Methods

Determining whether internet enterprises have market dominance is a key prerequisite for judging whether they constitute abusive market dominance and imposing anti-monopoly penalties.[3]

If an enterprise does not have market dominance, there is no so-called "abuse." In China's current anti-monopoly enforcement practice, some internet enterprises with

[1]See Lu Wencheng, Wei Jian, "Logic and Process for Determining Market Dominance of Internet Platform Enterprises", Zhejiang Academic Journal, 2021, No. 5, pp. 111–119.

[2]See Tan Yuan, "Predicament and Way Out of Regulation of Abusive Market Dominance by Internet Platforms", Legal Research, 2021, No. 4, pp. 113–118.

[3]See Chen Bing, Cheng Qian, "Impact of Internet Economy Development on Anti-Monopoly Law Adjustment and Countermeasures--From the Perspective of the Draft Revision of the Anti-Monopoly Law (Public Consultation Draft)", Journal of Liaoning Normal University (Social Sciences Edition), 2020, No. 5, p. 13.

relatively high market shares in specific fields still find it difficult to be formally determined as having committed abusive market dominance behaviors even if they implement behaviors that may constitute such abuse. The main dilemma stems from the following two aspects:

First, market share determination standards face application obstacles in the internet industry. In traditional physical industries, market share is usually determined based on the proportion of an enterprise's total sales in the relevant market. However, internet platform enterprises generally adopt a free service model, where users can use their main functions without charge. In this situation, if sales are continued to be used as the basis for measuring market share, it cannot truly reflect the enterprise's actual market power in the internet field, leading to some enterprises that substantially have market dominance being unable to be accurately identified, thereby affecting effective regulation.

Second, the high dynamics of the internet industry increase the complexity of market position determination. In traditional industries, an enterprise's market dominance is often relatively stable; while in the internet field, technology and product updates are rapid, and market competition status constantly changes. Therefore, even if an enterprise obtains market dominance during a specific period, this position is often temporary and unstable. Once other enterprises launch more creative and user-favorite products or services, the original enterprise's market position may be rapidly replaced.

To summarize, due to the essential differences between internet business models and traditional industries, as well as the dynamics of the industry itself, when determining internet enterprises' market dominance, they face dual challenges of inapplicable determination standards and difficulty in judging position stability, thereby affecting the effective implementation of anti-monopoly enforcement.

V. Extraterritorial Experiences in Regulating Abusive Market Dominance by Internet Enterprises

(I) EU Legal Regulation of Abusive Market Dominance by Internet Enterprises

In recent years, in responding to monopoly behaviors in the internet industry, the European Union has gradually shifted from focusing on ex-post punishment primarily in the form of high fines to building a more systematic and forward-looking regulatory framework.[1]

The European Commission's Digital Services Act and Digital Markets Act further strengthen governance of illegal content in digital services and prevent anti-competitive behaviors of large internet enterprises. Among them, the Digital Markets Act mainly targets large platform enterprises with market dominance, such as Apple, Google, Amazon, and Microsoft, requiring them to enhance the openness and interoperability of core platforms, further influencing the usage methods of mobile terminals and web applications, and making clear legal responsibility provisions for

[1]See Deng Zhisong, Dai Jianmin, "Monopoly and Competition in the Digital Economy: Comments on the EU Google Anti-Monopoly Case", Research on China Market Regulation, 2017, No. 10, p. 4.

such enterprises in operations, to prevent and restrict non-competitive behaviors.

At the level of consumer rights protection, to protect user autonomy and privacy, the above legislation has established multiple rules, including requiring enterprises to fulfill clear notification obligations before collecting personal information and obtain user consent; not refusing to provide services to users because they refuse to provide data; users have the right to withdraw consent at any time and request deletion of their personal data. Additionally, legislation allows users to migrate their data to other competitive platforms. These provisions effectively protect users' privacy rights, rights to know, and choice rights in the digital market.

In terms of maintaining market competition order, the European Union, in anti-monopoly enforcement, pays more attention to actual effects and small and medium enterprises' fair competition opportunities. Through strengthening anti-monopoly regulation, the EU intends to create a more favorable development environment for its local small and medium internet enterprises, thereby promoting the sustainable development of the regional digital industry and stimulating its innovation vitality.

Overall, through the introduction and implementation of the Digital Services Act and Digital Markets Act, the European Union is promoting the formation of a stricter and more comprehensive digital market governance system combining ex-ante supervision and ex-post accountability to address multiple challenges in digital development.

(II) US Legal Regulation of Abusive Market Dominance by Internet Enterprises

The US anti-monopoly legal system, based on the Sherman Antitrust Act of 1890 and the Clayton Antitrust Act of 1914, makes principled provisions on monopoly behaviors such as price discrimination and exclusive dealing, and its scope of application also covers the internet industry.[1]

With the rapid development of the internet industry, the United States, in addition to comprehensive legislation, continuously conducts special legislation targeting different types of monopoly behaviors in this field to maintain market fair competition. In regulating abusive market dominance by internet enterprises, the United States has promulgated the American Innovation and Choice Online Act and the Platform Competition and Opportunity Act, which clearly prohibit large platform enterprises with market advantages from implementing behaviors excluding and restricting competition.[2]

In controlling enterprise mergers and acquisitions, the Platform Competition and Opportunity Act prohibits mergers and acquisitions by constrained platforms under specific conditions, with the purpose of preventing excessive market concentration and maintaining competitive vitality. Additionally, to break digital barriers between platforms, the Access to Capital and Consumer Choice for Online Platforms Act (also

[1]See Liu Chuanping, Xu Peng, "Legislative Trends and Reference of US Digital Platform Anti-Monopoly", E-Government, 2022, No. 12, pp. 111–124.

[2]See Fu Xinmei, "The Shift of Anti-Monopoly in the US Digital Economy and Its Implications", Price Theory and Practice, 2022, No. 9, pp. 42–47.

reflected in subsequent legislative initiatives as the Augmenting Compatibility and Competition by Enabling Services Switching Act) requires large internet enterprises to achieve compatibility between their products or services and competitors and support users in migrating data to other competitive platforms.[1]

In enforcement and determination, the United States emphasizes economic analysis of the competitive impact of enterprise behaviors, and when judging whether they constitute abusive market dominance, comprehensively considers the impact of behaviors on national interests, behavioral rationality, the degree of abuse of dominant position, enterprise subjective intent, and damage consequences. When imposing punishments, key consideration is given to whether behaviors involve excluding or restricting competition or improper pricing, so as to improve the competition environment for small and medium internet enterprises.

At the same time, the United States emphasizes intellectual property protection, providing institutional support for internet enterprises to innovate business models, products, and services. China can, in combination with the actual development of its network economy, reference the latest progress in US internet anti-monopoly legislation and enforcement, further improve its relevant legal system, and promote the sustained improvement of internet market competition and innovation vitality.

(III) Japanese Legal Regulation of Abusive Market Dominance by Internet Enterprises

When regulating "choose one of two" behaviors by internet enterprises, Japan mainly relies on the theory of relative advantage position. This theory requires that determining behaviors illegal must simultaneously meet the following conditions: First, the enterprise has a relative advantage position in the relevant market; second, there are significant difficulties for transaction counterparts to turn to other transaction parties; third, the behavior harms consumers' freedom of choice; fourth, the behavior causes substantive damage to the fair competition environment.

Only when all the above conditions are met can it be determined as an abusive market dominance behavior. This theory reflects the refinement and element-based characteristics of Japanese anti-monopoly enforcement in internet competition analysis.

VI. Suggestions for Improving Legal Regulation of Abusive Market Dominance by Chinese Internet Enterprises

(I) Clarifying the Definition of Abusive Market Dominance by Internet Enterprises

1. Improving the Definition of Relevant Markets for Internet Enterprises

In the internet economy, traffic or user attention constitutes the core element of competition among enterprises, and relevant enterprises often compete for traffic through various competitive behaviors. However, when defining the relevant market where internet enterprises suspected of abusing market dominance are located, one

[1]See Ma Zhigang, "Internet Unfair Competition Calls for Regulatory Upgrade--From the Perspective of US Practice", China Telecommunications Industry, 2014, No. 6, pp. 24–28.

should not be solely guided by traffic acquisition but should make comprehensive determinations based on the structural characteristics such as network externalities and two-sided market nature unique to those enterprises, combined with specific competitive behaviors.

The key to definition lies in identifying other operators that have close competitive relationships with those internet enterprises, that is, market entities providing substitute products or services, which include both online and offline operators.

Additionally, internet platforms usually involve two-sided or multi-sided markets, which leads to a core difficulty in relevant market definition: which side of the market should be used as the main object of demand substitution analysis. Taking short video platform enterprises as an example, they connect content consumers (users) on one side and advertisers on the other. If analyzing from the user perspective, the relevant market mainly includes other short video platforms; if analyzing from the advertiser perspective, the relevant market needs to be expanded to other online advertising channels and offline advertising markets.

Although short video platforms can serve as advertising media, they significantly differ from offline advertising forms. Platform users usually actively seek the content they want, which improves the matching degree between advertisements and user interests, thereby enhancing the possibility of transaction completion--this is their important advantage distinguishing them from traditional advertising channels.

The author believes that when defining the relevant market for internet enterprises, one should base on the side of the market that has a decisive influence on platform transactions. For short video platforms, compared with the advertiser side, the user side is more decisive, because user scale directly determines the platform's traffic base, and traffic scale is the prerequisite for attracting advertisers to place advertisements and achieving commercial value. Therefore, the user-side market essentially determines the platform's potential value in the advertiser-side market. Based on this, in relevant market definition, the user side should be used as the main analytical perspective, thereby identifying the scope of operators with demand substitution relationships, so as to more accurately reflect the actual market competition situation of internet platforms.

To summarize, the definition of internet enterprises' relevant markets needs to start from the structural characteristics of enterprises, be guided by the side of the market that plays a key role, through demand substitution analysis, comprehensively include online and offline competitors, to achieve more scientific and reasonable relevant market determination.

2. Perfecting the Definition of Abusive Market Dominance by Internet Enterprises

When determining whether competitive behaviors of internet enterprises with market dominance constitute abuse, anti-monopoly enforcement agencies should not only conduct formal examination, that is, they should not directly infer that such

behaviors are illegal merely because they formally conform to the abusive behaviors listed in Article 17 of the Anti-Monopoly Law.[1]

In fact, some behaviors may be implemented by both enterprises with and those without market dominance. For example, in the e-commerce field, although platforms such as Taobao, Pinduoduo, and JD occupy the vast majority of market share, VIP.com with smaller market share has also required settled merchants to make a "choice" between it and Xiaohongshu. VIP.com does not have market dominance, so its behavior does not constitute abuse of market dominance but only constitutes abuse of relative advantage position. Because China's Anti-Monopoly Law does not include abuse of relative advantage position within its scope of regulation, such behaviors currently can only be handled through the Anti-Unfair Competition Law.

This situation reflects possible differences between public perception and legal determination. The main sources of this difference are as follows: First, although the Anti-Monopoly Law lists multiple abusive behaviors, it does not clearly limit that internet enterprises implementing abusive behaviors must have market dominance. Enterprises without dominant positions may also produce effects of excluding and restricting competition when implementing similar behaviors, only with relatively limited scope of impact. Therefore, when determining "dominant position," it is advisable to adopt a more inclusive understanding, making it include not only absolute dominant position but also relative advantage position. Second, the main purpose of the Anti-Monopoly Law regulating abusive behaviors is to prevent excluding and restricting competition, but in practice, some internet enterprises' behaviors are not directly targeting competitors but damage the legitimate rights and interests of in-platform operators or consumers. Therefore, when determining whether abuse is constituted, in addition to examining its excluding and restricting effects on competition, comprehensive assessment of its degree of harm to consumer rights and interests should also be conducted.

To summarize, the judgment of illegality of internet enterprises' competitive behaviors should be based on substantive analysis of behavioral effects and market position, avoiding overly formal and mechanical application of legal provisions, thereby better achieving the Anti-Monopoly Law's legislative purpose of maintaining fair competition and protecting consumer interests.

(II) Enhancing Anti-Monopoly Enforcement Against Abusive Market Dominance by Internet Enterprises

1. Cultivating Specialized Anti-Monopoly Enforcement Teams

Anti-monopoly enforcement in the internet field has dual characteristics of high comprehensiveness and professionalism, which requires enforcement personnel to not only have profound industry cognition and relevant knowledge reserves but also possess rich anti-monopoly enforcement experience.[2]

[1]See Tan Yuan, "Predicament and Way Out of Regulation of Abusive Market Dominance by Internet Platforms", Legal Research, 2021, No. 4, pp. 111–121.

[2]See Zheng Bo, Chen Li, "Reflections on Promoting the Decentralization of Anti-Monopoly Enforcement Authority", China Price Supervision and Anti-Monopoly, 2023, No. 1, pp. 33–34.

To improve the handling efficiency of cases involving abusive market dominance by internet enterprises, anti-monopoly enforcement agencies should take the following measures: First, adhere to case-specific analysis and scientifically allocate enforcement resources. For major cases with complex circumstances and high professionalism, specialized enforcement teams with appropriate scale, prominent expertise, and rich experience should be organized; for relatively simple cases, regular enforcement personnel familiar with internet industry anti-monopoly rules can be arranged.

Second, strengthen training of enforcement personnel's theoretical and practical abilities. Systematic training can enable enforcement personnel to deeply understand the development laws and competition characteristics of the internet industry, timely grasp and analyze new models of abusive market dominance behaviors, thereby enhancing the forward-looking and timeliness of enforcement, and further guaranteeing the relatively stable existence of internet market competition order.

Third, improve enforcement talent recruitment mechanisms. On the basis of regular civil servant recruitment, one can learn from high-level talent recruitment models, absorbing university teachers, enterprise technical personnel, etc., with backgrounds in internet, law, economics, etc., to join enforcement teams, making up for deficiencies in professional enforcement teams.

Such measures help build diversified and compound-type anti-monopoly enforcement teams, providing solid talent support for the effective development of anti-monopoly work in the internet field. Through systematic advancement in team building, anti-monopoly enforcement agencies can continuously improve their enforcement capabilities in cases involving abusive market dominance by internet, thereby adapting to network economy development needs and maintaining a fair competition market environment.

2. Decentralizing Anti-Monopoly Enforcement Authority

Currently, China's anti-monopoly enforcement system implements a centralized enforcement mechanism, that is, the State Administration for Market Regulation coordinates national anti-monopoly enforcement work, and local enforcement agencies do not have independent anti-monopoly enforcement authority.[1]

Although since 2019, provincial anti-monopoly enforcement agencies have been granted certain independent enforcement authority, sub-provincial cities such as Qingdao and Wuhan, which have active market economies, concentrated internet enterprises, and frequent monopoly cases, have still not obtained corresponding independent enforcement authorization. This situation has, to a certain extent, restricted the effective exertion of anti-monopoly enforcement efficiency.

To address the above difficulties, consideration can be given to exploring the appropriate decentralization of anti-monopoly enforcement authority to sub-provincial cities and central cities with significant regional influence. To ensure steady progress of the reform, it is recommended to adopt a pilot-first mechanism.

For example, in 2021, the State Administration for Market Regulation conducted a competition enforcement pilot in the Shenzhen Greater Bay Area, attempting to build an independent anti-monopoly review mechanism in the special economic zone and improve the centralized review system. Such pilot experiences can provide practical reference for broader authority decentralization.

By granting sub-provincial cities corresponding enforcement functions, enabling them to promptly investigate and handle monopoly behaviors such as abusive market dominance by internet enterprises within their jurisdictions, this not only helps alleviate the workload of central enforcement agencies but also improves the response speed and handling efficiency of anti-monopoly enforcement, thereby further maintaining internet market competition order and promoting the healthy and orderly market development.

VII. Conclusion

The vigorous development of the internet economy and the rapid evolution of market structure have made regulating internet enterprises' abusive market dominance behaviors an important subject facing China’s anti-monopoly legislation and enforcement. Through sorting out the manifestations and harms of typical abusive behaviors by internet enterprises, combining China’s typical cases in recent years and extraterritorial regulatory experiences, this paper reveals the challenges encountered by the current anti-monopoly analysis framework when applied to the internet industry, and based on this, proposes corresponding improvement suggestions.

This research, limited by space and perspective, mainly focuses on the manifestations, determination, and regulation of abusive market dominance behaviors. Further in-depth exploration is needed regarding new competition issues such as data monopoly and algorithmic collusion within platform ecosystems, as well as the coordination between anti-monopoly law and personal information protection and consumer rights protection laws.

In the future, with the continuous deepening of the digital economy and the continuous evolution of technological forms, the anti-monopoly legal system also needs to maintain dynamic adjustment, with more forward-looking and systematic regulatory thinking, to escort the healthy, orderly, and high-quality development of China's internet industry.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[1]Tan Yuan, *The Dilemma and Way Out of Regulating Abusive Behaviors of Internet Platforms Exploiting Dominant Market Positions*, Legal Studies, No. 4, 2021, pp. 110–123.

[2]Zheng Bo & Chen Li, *Reflections on Promoting the Delegation of Anti-Monopoly Enforcement Authority*, China Price Supervision and Anti-Monopoly, No. 1, 2023, pp. 33–34.

[3]Liu Chuanping & Xu Peng, *Trends and References of U.S. Anti-Monopoly Legislation on Digital Platforms*, E-Government, No. 12, 2022, pp. 111–124.

[4] Fu Xinmei, *The Shift of Anti-Monopoly Regulation in the U.S. Digital Economy and Its Implications*, Price: Theory & Practice, No. 9, 2022, pp. 42–47.

[5]Ma Zhigang, *Internet Unfair Competition Calls for Regulatory Upgrading: From the Perspective of U.S. Practice*, China Telecommunications, No. 6, 2014, pp. 24–28.

[6]Deng Zhisong & Dai Jianmin, *Monopoly and Competition in the Digital Economy: With a Commentary on the EU Google Anti-Monopoly Case*, China Market Regulation Research, No. 10, 2017, pp. 32–35.

[7]Liu Yatian, Xu Heng & Wang Xiaojie, *A Theoretical Analysis of the Impact of Data Sharing on Digital Platform Competition and Welfare*, Research on Financial and Economic Issues, No. 5, 2025, pp. 66–79.

[8]Cheng Baoku & Li Junhui, *Research on Platform Liability for Illegal Content Review: Analysis and Reference from the EU Digital Services Act*, China Market Regulation Research, No. 2, 2023, pp. 18–23.

[9]Lu Wencheng & Wei Jian, *The Logic and Process of Determining Market Dominance of Internet Platform Enterprises*, Zhejiang Academic Journal, No. 5, 2021, pp. 111–124.

[10]Chen Bing & Cheng Qian, *The Impact of Internet Economic Development on the Adaptation of Anti-Monopoly Law and Responses: From the Perspective of the Anti-Monopoly Law Revision Draft (Public Consultation Draft)*, Journal of Liaoning Normal University: Social Science Edition, No. 5, 2020, pp. 51–63.

[11]Zhang Qiong, *Research on Anti-Monopoly Theory*, Beijing: China Legal Publishing House, 2007.

[12]Oliver Black, *The Philosophical Foundations of Antitrust*, trans. Xiang Guocheng, Liaoning: Dongbei University of Finance and Economics Press, 2010.

[13]Ye Ming, *Research on the Determination of Predatory Pricing by Internet Enterprises*, Legal Science (Journal of Northwest University of Political Science and Law), No. 5, 2015, pp. 194–200.

[14]Zheng Zhewen & Huang Lei, *Anti-Monopoly Law Regulation of Tying Behaviors by Internet Enterprises in China*, Journal of Heilongjiang Provincial College of Political and Legal Management Cadres, No. 2, 2020, pp. 77–83.

[15]Meng Shuhong, Liu Zhiling & Zhou Yu, *Research on Legal Governance of "Big Data Price Discrimination"*, China Management Informationization, No. 11, 2022, pp. 138–143.

[16]Shi Minghong, *Several Legal Issues on "Big Data Price Discrimination"*, Cooperative Economy and Science, No. 4, 2022, pp. 190–192.

Создание разрешительных механизмов для оцифровки культурного наследия под руководством государственных культурных служб

The Construction of Authorization Mechanisms for the Digitalization of Cultural Heritage Under the Guidance of Public Cultural Services

Ли Цяньру, Лиу Цинлун, Лиу Мэй
Колледж прикладных искусств и наук
Пекинского объединенного университета
Li Qianru[1] Liu Qinglong[2] Wu Mei[3]
College of Applied Arts and Sciences,
Beijing Union University

Abstract. From the perspective of public cultural services, there are currently issues such as unclear rights definition, ambiguous platform responsibilities, and a single revenue distribution mechanism in the digital authorization of cultural heritage. This paper analyzes the institutional predicaments of the current authorization mechanism in terms of subject positioning, rights allocation, platform governance, and revenue feedback, and proposes an institutional optimization path based on classified management and rights list, centered on hierarchical authorization and strengthened platform responsibility, and guaranteed by revenue feedback to public cultural undertakings. By embedding the goal of public cultural services into authorization rules and operational processes, the public accessibility and social benefits of digitalized cultural heritage achievements can be enhanced.

Keywords: Public Cultural Services Cultural Heritage Digitalization of Cultural Heritage Digital Authorization Authorization Mechanism

Author Profiles: Li Qianru (1979-), female, Associate Professor and Master's Supervisor at the College of Applied Arts and Sciences, Beijing Union University. Research direction: Cultural Heritage Law; Liu Qinglong (2000-), male, Juris Master candidate at the College of Applied Arts and Sciences, Beijing Union University. Research direction: Cultural Heritage Law; Wu Mei (1979-), female, Associate Professor and Master's Supervisor at the College of Applied Arts and Sciences, Beijing Union University. Research direction: Cultural Heritage Law. The wave of digitization is reshaping the existence forms and transmission modes of cultural heritage with unprecedented breadth and depth. The integrated application of technologies such as high-precision capture, three-dimensional reconstruction, virtual reality, artificial intelligence, and blockchain has given rise to a rich variety of digital derivative forms of cultural heritage, including digital collectibles, immersive experiences, and generative art, opening up vast spaces for the living transmission of cultural heritage. Under the macro-layout of the national cultural digitization strategy, the construction of cultural heritage digitization should not only achieve the digital preservation and archiving of cultural heritage resources but also promote their creative transformation and innovative development, serving the enhancement of the public's cultural literacy and the quality and efficiency of public cultural services. [1] This requires making digitized outcomes of cultural heritage public digital resources that are equitably

accessible, innovatively utilizable, and capable of nourishing all people. This, in turn, necessitates the construction of an authorization mechanism that can balance the protection of private rights with the promotion of public welfare and reconcile market efficiency with cultural equity. [2]

1 The Jurisprudential Foundation for the Public Nature of the Cultural Heritage Digitization Authorization Mechanism

1.1 The Dual Legal Attributes of Digitized Cultural Heritage Outcomes

Cultural heritage, as the common wealth of humanity, is a concretized carrier of national historical memory and collective wisdom, possessing a public and public-welfare nature. After digital technologies transform cultural heritage into new forms of existence, the historical, artistic, scientific, and spiritual value of cultural heritage does not undergo essential change, and its attributes as a public cultural resource extend into the digital realm accordingly. [3] This is concretely manifested in the consolidation of cultural identity, the inclusive sharing of civilizational achievements, and the promotion of social and public interests. [4] The forms of cultural heritage digitization mainly include high-precision digital archives that manifest judgments of originality, as well as artistic and creative interpretive outcomes. Their common characteristic is that they all embody inputs of human labor, intellect, technology, and capital. According to the provisions of the Copyright Law, if these outcomes satisfy the legal constitutive requirement of originality, they can be protected as works under the corresponding law, and rights holders can legally enjoy exclusive rights of reproduction, dissemination, adaptation, and so forth. The confirmation of intellectual property rights in digitized cultural heritage outcomes serves as a legal instrument to incentivize relevant social actors to engage in continuous creation and investment, and also constitutes a fundamental prerequisite for relevant market transactions to proceed. [5]

1.2 The Core Jurisprudential Connotation of the Public Cultural Service Orientation for Cultural Heritage

Public cultural services bear the positive mission of transmitting fine cultural traditions, enhancing national quality, and shaping a healthy cultural ecology. Taking public cultural services as the orientation for cultural heritage digitization is the fundamental prerequisite for modernizing cultural governance and safeguarding citizens' basic cultural rights. [6] The state bears a constitutional obligation to develop cultural undertakings and enrich the people's spiritual life. Public cultural services are the basic pathway for the state to fulfill the aforementioned obligation and realize citizens' cultural rights. In the digital era, citizens enjoy a legitimate right to access, study, and utilize, through reasonable means, digital resources that represent their own cultural origins.

Public cultural services emphasize equalization and inclusiveness, particularly requiring attention to the substantive equity of remote areas and vulnerable groups at the level of digital cultural access and utilization. [7] The public cultural service orientation requires that the design of the authorization mechanism for cultural heritage digitization must integrate special norms that promote resource openness, lower access costs, and support public-welfare uses, in order to correct the cultural digital divide that purely market-based mechanisms may induce. Therefore, the authorization mechanism

for cultural heritage digitization must possess inherent functions of content guidance and quality regulation, incentivizing development and utilization activities that profoundly interpret and creatively transform the value of cultural heritage, while curbing abusive uses that may cause the connotation of cultural heritage to be trivialized, vulgarized, or distorted by historical narratives, thereby safeguarding its spiritual essence.

The effective supply of public cultural services is difficult to achieve by the government or public cultural institutions alone; it relies on the collaborative participation of cultural institutions, market entities, social organizations, and the public. The public cultural service orientation requires that the authorization mechanism for cultural heritage digitization play a role as a cooperative framework that connects and regulates multiple actors, guiding the convergence of social capital and technical capabilities toward public service goals by establishing reasonable rules for benefit sharing and risk allocation.

1.3 The Necessity of a Paradigm Shift in the Authorization Mechanism for Cultural Heritage Digitization

Based on an understanding of the dual legal attributes of digitized cultural heritage outcomes and the jurisprudential connotation of the public cultural service orientation, the functional positioning of the authorization mechanism for cultural heritage digitization must be transformed from a regulatory instrument focused on rights delineation and risk prevention into a governance lever for public service empowerment and value shaping.

An authorization mechanism oriented toward intellectual property protection safeguards rights holders' interests through strengthened exclusive licensing, which may struggle to adequately reflect the public attributes of digitized cultural heritage outcomes. If digitized cultural heritage outcomes cannot be utilized for education, scientific research, and public-welfare innovation due to exclusive authorizations or high licensing fees, the relevant cultural rights of the public may be deprived. It is necessary to shift the core of the mechanism from maintaining the exclusivity of private rights toward actively balancing public and private interests, embedding safeguard clauses for public cultural services proactively into the institutional design.

The national strategy explicitly requires that digitized outcomes serve universal sharing and cultural inclusiveness, and promote the equalization and accessibility of basic public cultural services. Neglecting the public cultural service orientation may lead to a scenario where cultural heritage digitization is interconnected at the technical level but creates a new digital cultural divide at the rights level, confining high-quality digital cultural heritage resources to specific groups due to authorization barriers.

2 The Deficiency of Public Cultural Service Functions in Current Cultural Heritage Digitization Authorization

2.1 Ambiguous Authorization Subjects Leading to a Lack of Public Service Attributes

According to the Law on the Protection of Cultural Relics, ownership of state-owned cultural relics belongs to the state, and cultural relic collection units exercise the

rights of management, use, and benefit in accordance with the law. When the concept of the right of management and use, as a traditional property right, is extended to new objects formed after the digitization of cultural relics — objects that may possess independent copyrights or constitute data assets—its legal boundaries require further clarification. Authorization acts for cultural heritage digitization involve not only the use of tangible objects but also the licensing of intellectual property rights and the distribution of data value, which exceeds the inherent connotation of management and use. In the process of cultural heritage digitization, there is controversy over whether the role of cultural and museum institutions is that of an agent of state ownership, the copyright owner of the digitized works, or a trustee manager of public cultural resources. This results in an unclear legal status for these institutions in relevant legal acts, which in turn makes it difficult to define the nature of their responsibilities.

When acting as an authorization subject, the primary objective that cultural and museum institutions should uphold is to fulfill the mission of public cultural institutions, namely ensuring the permanent preservation, research support, and public-welfare dissemination of digitized cultural heritage resources. However, in the absence of clear legal guidance and an effective accountability mechanism, authorization decisions may be inappropriate. First, institutions may choose inaction due to the potential political and moral risks of being accused of causing losses to state assets, replacing active management with passive avoidance, thereby diminishing the public's right to access cultural heritage through digital technology and leading to a shortfall in public service supply. Second, authorization may be simplistically equated with asset management in a general sense or the commercialization of intellectual property, neglecting consideration of public values such as the breadth of cultural dissemination, depth of education, support for re-innovation, and accessibility for vulnerable groups in authorization contracts, thereby deviating from the public-welfare nature of cultural heritage digitization.

2.2 Ambiguous Rights Delineation Leading to an Unstable Foundation for Public Services

The effective supply of public cultural services depends on a clearly delineated boundary of the public domain of rights. However, current laws lack uniform standards for determining the copyright of digitized cultural heritage outcomes, especially fundamental reproduction outcomes such as high-precision scanned images and three-dimensional reconstruction models. [8] The determination of originality in these outcomes is controversial in judicial practice, leaving their legal status unresolved. If they are deemed not to constitute works, they should enter the public domain for free public use; if deemed works made for hire or special service works, their copyright should belong to the cultural and museum institution, which could then manage them, including through public-welfare licensing. This ambiguity in reality places basic igital resources in a gray zone of ownership, causing cultural and museum institutions to hesitate to freely open them up out of concern over potential copyright claims, while also finding it difficult to authorize them clearly for commercial purposes. This ambiguity in fundamental rights shakes the legal foundation of any systematic public service arrangement, making it difficult to advance open data policies or tiered

authorization plans aimed at promoting inclusive access due to underlying ownership risks. [9]

In the practice of digital resource management in libraries and cultural and museum institutions, the unclear ownership of fundamental digital outcomes has become a significant practical obstacle restricting tiered opening, authorized use, and public service innovation. There is an urgent need to provide institutional support for institutions to "dare to open up and know how to manage" through clear determination standards.

2.3 Dysfunctional Platform Responsibility Disrupting the Order of Public Cultural Services

In the process of cultural heritage digitization, numerous platforms for issuing digital collectibles, content aggregation platforms, and derivative trading markets tend to position themselves as purely technical service providers or neutral carriers in cyberspace. They invoke the safe harbor principle under the "notice-and-takedown" rule to evade the obligation to conduct prior reasonable review of the qualifications of operators on the platform and the rights provenance of the digital assets they issue. However, their business models are deeply embedded in the entire process, from content curation, marketing, and transaction facilitation to revenue sharing, aligning with the essential characteristics of "e-commerce platform operators" as defined in the E-Commerce Law. This deliberate evasion of their legal role leads platforms to focus their primary attention and resources on traffic expansion and transaction commissions, rather than constructing effective copyright review mechanisms and content quality filtering systems. This allows certain digital products with unclear ownership, suspected plagiarism or distortion, or even those that distort the original meaning of historical culture to be placed on blockchains, minted, and enter circulation. This crowds out the living space of high-quality public cultural products that carry serious historical education, in-depth artistic interpretation, and positive cultural values. Market signals are thereby distorted, and capital and creative forces may be guided toward chasing short-term speculative hotspots rather than deeply cultivating cultural value, ultimately causing the digital cultural supply for the public to tend overall toward superficiality, homogenization, and entertainment, running counter to the core functions of public education and spiritual nourishment of cultural heritage.

The weakening of platform responsibility not only amplifies infringement risks but also negatively impacts the value orientation of cultural heritage digitization. For public cultural institutions such as libraries and museums, it increases the institutional uncertainty of cooperating with social forces in digital utilization and weakens the possibility of public cultural services expanding their influence through market mechanisms. [10]

2.4 Monolithic Benefit Distribution Weakening the Public Service Feedback Mechanism

The current model for distributing authorization benefits exhibits highly monolithic and inward-looking characteristics, lacking a channel to institutionally feed back the economic benefits obtained from commercial development into the protection of cultural heritage and public cultural undertakings. [11] Authorization contracts

typically only stipulate the distribution of licensing fees or revenue shares between the licensor and the licensee, rarely mandating or guiding that a portion of the proceeds be used to support the conservation of cultural heritage objects, the continuous updating of fundamental digital archives, or the provision of digital public service access to underdeveloped areas. This single-transaction distribution model allows commercial capital to enjoy, almost free of charge, the brand value of cultural heritage and core digital assets generated by prior public financial investment, without bearing the corresponding social responsibility for cultural transmission. Over time, the long-term funds needed for cultural heritage protection will increasingly depend on limited fiscal appropriations, while the short-term gains from commercial development fail to form a self-sustaining feedback loop for public cultural undertakings. The institutional absence of a public feedback loop in the benefit distribution mechanism severs the potential link between commercial value creation and the enhancement of public welfare, weakening the entire system's capacity and sustainability to serve the public interest. [12]

3 Paths to Strengthen the Public Cultural Service Function of Cultural Heritage Digitization Authorization

3.1 Clarifying the Subjects of Cultural Heritage Digitization Authorization

The core of resolving the dilemma of ambiguous authorization subjects lies in clearly defining, through legal interpretation or special legislation, the appropriate subjects exercising the authority to authorize digital resources and their corresponding public responsibilities. Firstly, it should be clarified that state-owned cultural relic collection units are the statutory subjects authorized to manage the digitized outcomes of their collections. Their authorization authority directly derives from the right of cultural relic management and use conferred by the Law on the Protection of Cultural Relics, but the exercise of this authority must be explicitly defined as a public function that combines management and service, rather than a pure right of property disposal. To this end, corresponding legal norms need to be formulated, requiring these institutions, when conducting authorization activities, to simultaneously fulfill public cultural service obligations commensurate with their subject status.

Secondly, the establishment or specification of special internal governance bodies within major cultural and museum institutions should be promoted. Such bodies should include experts from multiple fields such as law, museology, and public education, and be responsible for formulating the institution's authorization policies, approving major authorization projects, supervising the performance of authorization contracts, and regularly evaluating the social benefits generated by authorization activities. By optimizing the internal governance structure, the public cultural service orientation can be internalized as a statutory procedure for institutional decision-making, ensuring that authorization activities consider not only economic returns but also public value objectives such as the breadth of cultural dissemination, depth of education, and social equity. [13]

3.2 Defining the Content of Cultural Heritage Digitization Authorization

To solidify the foundation of public cultural services, it is essential to legally clarify and manage the content eligible for authorization through classification. The

primary task is to promote the formation of a unified standard for the copyright determination of fundamental digitized outcomes of cultural heritage (such as high-definition images and three-dimensional point cloud models created for precise archiving purposes). It is recommended to establish a standard of originality based on technical process, meaning that if the digitization process involved non-standardized technical choices and arrangements requiring professional judgment to overcome specific physical or technical challenges, the resulting outcomes can be recognized as works made for hire or special service works, with copyright vested in the cultural and museum institution. [14] This determination aims to consolidate the institution's rights foundation for the orderly management of core digital assets.

On this basis, a rights checklist system for authorizing cultural heritage digital resources should be established. This system includes a positive authorization checklist and a negative prohibition checklist. The positive checklist specifies the exact rights items and usage methods available for authorization based on resource type (e.g., foundational data, creative interpretations) and purpose of use (e.g., research, education, commercial derivatives). The negative checklist mandatorily stipulates that no authorization may permit the licensee to distort, tamper with, or deface the original appearance or spiritual connotation of cultural heritage, nor use it for purposes violating public order and good morals. Through checklist management, public interest reservation clauses are embedded into the definition of the authorized subject matter, preventing harmful exploitation of cultural heritage value at the source.

3.3 Strengthening the Responsibilities of Cultural Heritage Digitization Platforms

The key to rectifying dysfunctional platform responsibilities lies in strictly applying existing laws and refining their compliance standards. It should be clearly established that platforms involved in the issuance and transaction facilitation of digital collectibles, and which collect commissions, are legally recognized as "e-commerce platform operators" as defined in Article 9 of the E-Commerce Law. Their duty of reasonable care should go beyond passive ex-post responses, establishing proactive review mechanisms commensurate with their profit-making model and business risks.

Such a mechanism should include the following core elements: First, the obligation of prior review of qualifications and rights provenance. Platforms should require applicants for issuance to provide documentary proof that they hold complete copyright or a legally valid authorization chain for the underlying digital works, and conduct necessary reasonable verification of such proof, such as cross-referencing with officially published authorization information from cultural and museum institutions or confirming through designated official channels. Second, the establishment of a system for publicizing and enforcing intellectual property protection rules within the platform. Platforms should disclose their review standards, infringement complaint procedures, and penalty measures for non-compliant operators. Third, where technically feasible, platforms should be encouraged to proactively use methods such as API connections to verify the blockchain rights certification information provided by the issuer. When a platform fails to fulfill these duties of care commensurate with its commercial role and does not take necessary measures against obviously infringing information, judicial

adjudication should tend to find that it "should have known," thereby imposing joint liability with the infringer. By strengthening the legal responsibility of platforms, they are compelled to assume the "gatekeeper" role of maintaining market order and filtering infringing content.

3.4 Realizing the Feedback of Benefits from Cultural Heritage Digitization

Constructing a sustainable public service feedback mechanism requires innovating the legal arrangements for benefit distribution, enabling commercial success to institutionally feed back into public cultural undertakings. This requires the introduction of mandatory or guiding public-welfare feedback clauses in standard authorization contract templates and industry regulatory policies.

For major commercial authorization projects, especially exclusive authorizations or full-copyright development projects, the authorization contract should stipulate that a certain percentage of the authorization fee or sales revenue be contributed to a cultural heritage protection and development fund, or directly used for designated public welfare projects such as the conservation of cultural relics, digital archiving, or the construction of digital cultural stations in remote areas. Such clauses can serve as consideration for obtaining special preferential authorization terms (such as lower guaranteed minimums or longer authorization periods). A data feedback mechanism can also be explored, requiring the licensee to feed back secondary processed data generated during commercial development, or anonymized user behavior data not involving core trade secrets, after desensitization, to the licensor or public research institutions for use in cultural heritage research or public service optimization.

4 Designing a Public Cultural Service-Oriented Authorization Mechanism for Cultural Heritage Digitization

4.1 Establishing a System of Classified Management and a Rights Checklist for Digitized Outcomes

At the practical level, some libraries and cultural and museum institutions have already begun to experiment with internal classified management of digitized outcomes, for instance, distinguishing between foundational digital archives, display-oriented digital resources, and creatively interpreted digital products, and making differentiated arrangements for the usage permissions of different types of resources within internal systems. Although these explorations have not yet formed unified standards, they demonstrate the practical feasibility of classified management and checklist-based authorization. Therefore, it is necessary to institutionalize these decentralized practices at the national or industry level, synthesizing them into a system of classification and a rights checklist oriented toward the degree of contribution to public cultural services, thereby providing a clear basis for subsequent authorization and opening up.

The national competent department for cultural relics, together with the copyright administrative department, could organize the formulation of a Guide for the Classification and Exercise of Rights in Digitized Outcomes of Cultural Heritage, possessing the effect of an administrative norm. This guide should classify digitized outcomes into at least three categories—foundational digital archives, derivative digital works, and data-driven digital applications—based on the degree of original creative

input in the digitization process, the closeness of the outcomes' connection to the core value of the cultural heritage, and their potential public educational function. For each category, the guide should include a corresponding rights exercise checklist, clearly specifying the domain of public use to be encouraged and opened up, as well as the scope of exclusive rights claims to be restricted or prohibited. For example, for foundational digital archives, the checklist should explicitly stipulate that rights holders may not assert the right of communication through information networks to prohibit access to and downloading of high-definition images for academic research and public education purposes; simultaneously, the checklist should prohibit any third party from applying for an exclusive commercial monopoly over such data. By legally defining the balance point between public and private interests in advance, the accessibility of public cultural services can be institutionally guaranteed at the very source of rights. [15]

4.2 Implementing a Standardized System of Tiered Authorization Contract Templates

In practice, authorization agreements are often the result of one-off, case-by-case negotiations, with terms heavily dependent on the bargaining power of both parties. Implementing a standardized system of tiered authorization contract templates for cultural heritage digitization, providing guidance for various authorization transactions through authoritative, unified, and finely designed texts, is an effective way to resolve the current chaotic authorization practices and institutionalize the public cultural service orientation.

The first tier is the template for a Public-Welfare Open Authorization Agreement. This template is applicable to non-commercial education, academic research, public library services, and non-profit cultural dissemination. Its design follows the principle of minimizing access barriers and maximizing knowledge sharing, adopting a simplified form akin to a standard form contract. The core clauses explicitly grant authorization free of charge, allowing the licensee to reproduce, display, translate, and edit the work for specified public-welfare purposes, provided the source is clearly attributed, while strictly prohibiting any form of sublicensing or commercial use.

The second tier is the template for an Inclusive Commercial Authorization Agreement. This template targets market entities such as micro, small, and medium-sized enterprises and independent creators engaged in limited-scale, innovative commercial development. Its design follows the approach of being fair and reasonable, easily accessible, and guiding positive development, adopting a flexible structure of "core mandatory clauses + optional add-on modules." The core clauses set reasonable, tiered licensing fee standards and clearly limit the media of use, distribution territory, and scale ceiling. Several public-welfare clauses are embedded, such as requiring the licensee to clearly present contextual explanations of the cultural heritage in the product, commit to no distortion of the original meaning, and periodically report usage to the licensor for social benefit evaluation. The optional modules allow enterprises to customize specific usage forms by selection, balancing commercial flexibility while controlling legal risks.

The third tier is the template for an In-Depth Commercial Development Authorization Agreement. This template applies to projects with extensive market

influence, such as major investments, exclusive collaborations, and full-copyright operations. Its core feature is making public service obligations an indivisible core consideration. In addition to a guaranteed minimum authorization fee and a revenue-sharing mechanism, the template mandatorily requires the embedding of detailed clauses on social value co-creation. For example, it may stipulate that the licensee must contribute a specific percentage of the project's annual net profit to a designated cultural heritage protection fund; or commit to developing and providing high-quality digital educational courses and materials for free as a supporting initiative; or, where technically feasible, feed back new data generated by the project into a public digital resource repository. Through such clauses, the institutionalized feedback of commercial value into public welfare is achieved.

A standardized system of tiered authorization contract templates, by offering clear, fair, and public-value-rich standardized options, embodies the principles of prioritizing public welfare, tiered management, and benefit feedback in specific authorization terms, thereby reducing transaction costs and legal risks.

4.3 Constructing a Unified National Platform for Authorization Information Certification and Traceability

To ensure the faithful execution of the aforementioned classification standards and contract terms in a dynamic, high-speed digital circulation environment, it is essential to rely on technological means to construct a nationally unified, trustworthy certification and traceability infrastructure with clear rights and responsibilities, forming a "rules-evidence" integrated ecosystem established based on legal rules and implemented through technologies such as blockchain.

The core function of the platform is to achieve trustworthy certification and on-chain traceability throughout the entire authorization lifecycle. For any authorization contract signed based on the standard templates, its key elements (such as the parties' digital identities, the hash value of the authorized subject matter, the rights checklist code, the scope and duration of the license, and public service clauses) must generate a timestamped certification record and be registered on this platform. Subsequently, key node information on any subsequent circulation, sublicensing, or infringement based on this authorization will also be recorded on the chain as associated certifications, forming an immutable and complete chain of evidence. At the application level, the platform will provide standard application programming interfaces to eligible digital content distribution platforms and e-commerce platforms, enabling them to query the authorization certification status and perform automated compliance checks before listing a work. The platform will provide open authorization information query services to the public, allowing anyone to verify whether the authorization chain behind a specific digital derivative is complete and legal. This technical architecture translates the legal requirements for platforms' duty of reasonable care and the public's right to know into executable technical procedures, rigidly enhancing market transparency and legal compliance. In accordance with Article 123 of the Civil Code on the protection of civil rights and relevant rules on electronic evidence, the certification records generated by this platform should be granted corresponding legal evidentiary effect.

4.4 Establishing a Public Cultural Fund Feedback Mechanism for

Authorization Benefits

In the cooperative practices of some cultural and museum institutions and social actors, exploratory instances have already emerged where the benefits from digital authorization are directed toward cultural relic protection, digital archive updating, or public education projects. These practices mostly exist in the form of contractual agreements or project commitments, representing beneficial attempts to guide commercial benefits back into public cultural undertakings through institutional design. It is necessary, at the level of the authorization mechanism, to transform the practice of feeding authorization benefits back into public cultural services from a case-by-case choice into an institutionalized mechanism.

The key to this mechanism is promoting the establishment of a Public Welfare Fund for Cultural Heritage Digitization Development, with its capital sourced from two main aspects. The first is statutory allocation, meaning that through administrative regulations or departmental rules, it is mandated that a certain percentage of all commercial authorization benefits generated from digitized resources of state-owned cultural relics must be compulsorily transferred to this fund. The second is voluntary donations and social fundraising, accompanied by corresponding preferential tax policies as incentives. The fund's management and use must follow strict legal procedures and principles of public supervision, and its purposes should be clearly limited to supporting the rescue conservation of cultural heritage objects, fundamental digital capture work, enhancing public digital cultural service capacities in underdeveloped areas, and funding digital creative projects with significant cultural value but limited market returns. At the same time, the professionalism and public-welfare nature of fund utilization must be ensured. This would drive the transformation of cultural heritage digitization authorization activities from extractive resource development into a proliferative ecological construction, truly achieving the unity and mutual benefit of social and economic benefits on the track of the rule of law, and injecting endogenous momentum into the sustained supply of public cultural services.

5 Multi-Faceted Safeguards to Promote the Realization of the Public Service Function of the Cultural Heritage Digitization Authorization Mechanism

Transforming the public cultural service-oriented authorization mechanism for cultural heritage digitization from a theoretical blueprint into practical social governance outcomes requires the formation of a multi-dimensional, three-dimensional support network to ensure that the new authorization mechanism can operate effectively in a complex real-world environment and continuously evolve.

5.1 Perfecting a Synergistic Legal System Centered on the Public Cultural Service Guarantee Law

Currently, legal provisions concerning cultural heritage digitization are scattered among the Law on the Protection of Cultural Relics, the Copyright Law, the Public Cultural Service Guarantee Law, and the Intangible Cultural Heritage Law, lacking targeted synergy and cohesion among them. Legal interpretation and supplementary legislative work should be initiated, taking the Public Cultural Service Guarantee Law as the value-guiding anchor. Through legal amendments or judicial interpretations, the use of digital technology to transmit, disseminate, and innovate cultural heritage should

be clearly defined as a statutory form and an important part of the state's provision ofpublic cultural services. The drafting of a Regulation on the Authorization Management of Digital Cultural Heritage Resources should be accelerated, elevating the systematic design previously described—including classification standards, contract templates, platform responsibilities, and benefit feedback—into universally binding legal rules. The perfection of a synergistic legal and policy system aims to provide a clear, coherent, and coercive superior legal basis for the entire authorization mechanism, eliminating potential conflicts and ambiguities among different legal departments.

5.2 Establishing a Cross-Departmental Synergistic Regulatory and Integrated Enforcement Mechanism

Activities related to cultural heritage digitization involve multiple legal values, such as those of the Law on the Protection of Cultural Relics, the Copyright Law, the E-Commerce Law, the Cybersecurity Law, and the Public Cultural Service Guarantee Law; intertwine online and offline scenarios; and are characterized by rapid technological iteration. A normalized, proactive, intelligent, and rights-responsibility-clear synergistic governance system needs to be built.

The primary task is to break down functional barriers and information silos among administrative departments, forming a regularized collaborative working framework led by the cultural relics administrative department with the joint participation of relevant functional departments such as copyright administration, cyberspace administration, market supervision, public security, and taxation authorities. This framework should transcend the temporary "special campaign" model, establishing institutionalized collaboration processes through mechanisms such as a joint conference system, the formulation of responsibility lists and case referral standards, and the construction of an integrated platform for information sharing and business collaboration. Synergistic regulatory bodies can utilize big data analysis to conduct dynamic risk assessments of platform transaction patterns and concentrated areas of complaints and reports, and carry out joint targeted monitoring and administrative guidance. For various infringing acts, ex-post comprehensive punishment and closed-loop management should be strengthened by establishing unified standards for the connection between administrative law enforcement and criminal justice, ensuring that measures such as administrative penalties, credit sanctions, and criminal liability can be applied seamlessly and with combined force according to the severity of the violation.

5.3 Strengthening the Supporting Role of Technological Empowerment and Standard Specifications

Strengthening the synergistic support of technological empowerment and standard specifications, and constructing a "rules-technology-data" integrated ecosystem in which legal rules, governance principles, and public service objectives are deeply encoded into the system architecture, helps to solve core problems in current authorization practices, such as lack of trust, inefficient execution, and lagging regulation, laying a solid technological governance foundation for the fair, trustworthy, and sustainable circulation of digital cultural heritage resources.

The essence of technological empowerment lies in utilizing digital technologies represented by blockchain, smart contracts, digital watermarking, and trusted timestamps to build an automated execution and universal verification environment in which public-interest rules are rigidly embedded. However, without unified standard specifications, advanced technologies can easily lead to new fragmentation and interoperability barriers, potentially even creating "technical silos" that hinder the free flow of public resources. Therefore, the construction of a standard specification system is a prerequisite and guarantee for technological empowerment to be scalable, legitimate, and truly serve the public interest. Standards for core metadata and rights information of digital cultural heritage resources should be established, along with standards for technical interfaces and data exchange protocols across the entire chain of authorization affairs, and specifications for the application of secure and trusted technologies and compliance certification.

Technological empowerment provides the execution tools and trusted environment for implementing the public cultural service-oriented authorization mechanism, transforming public-welfare clauses from soft moral advocacy into hard technical constraints; standard specifications provide a unified grammar, interface, and quality assurance for the widespread application of these technologies, ensuring that decentralized systems can aggregate into a synergistic network serving public goals. Together, their integration upgrades the authorization mechanism from a traditional legal procedure that mainly relies on manual review and ex-post accountability into a modern governance infrastructure capable of intelligently, precisely, and efficiently handling massive, real-time, micro-rights digital transaction scenarios.

5.4 Promoting Industry Self-Regulation and Professional Capacity Building

Industry self-regulation can cultivate endogenous normative consensus and ethical consciousness within the industry, guiding and shaping market behavior to prevent systemic risks, compensating for the inherent boundaries of legal mandates and administrative regulation, and transforming public cultural service objectives into the conscious actions of market actors. It is a necessary supplement and flexible extension of legal regulation.

Authorization for cultural heritage digitization involves multiple fields, including law, cultural heritage studies, digital technology management, marketing, and public policy. Current practice faces the challenges of practitioners possessing compounded knowledge gaps and insufficient professional judgment, necessitating systematic, multi-level professional capacity building. In the realms of academic education and vocational training, universities and vocational colleges should be encouraged to cultivate inter-disciplinary talents who possess both a deep understanding of cultural heritage value and proficiency in intellectual property operation and digital technology. For in-service personnel, a normalized continuing education and professional qualification certification system should be established to help them master necessary legal and regulatory knowledge, ethical norms, operational procedures, and risk management skills. At the same time, market institutions capable

of providing professional third-party services should be actively fostered, offering objective, neutral, and high-level professional support to cultural and museum institutions and market participants with relatively insufficient experience, thereby reducing their legal risks and transaction costs in independent operations and ultimately enhancing the level of specialization and compliance efficiency of the entire industry.

Promoting industry self-regulation and professional capacity building in the field of cultural heritage digitization can drive the industry to shift from heteronomy and passive compliance, driven mainly by external forces, toward self-regulation and active co-construction, supported by internal industry momentum, achieving a modernized transformation of the governance model and safeguarding the realization of public cultural service objectives.

Conclusion

The digitalization process of cultural heritage, driven by the dual forces of technological logic and market forces, has reshaped the paradigms of transmitting, interpreting, and utilizing cultural heritage, posing profound challenges to the existing legal governance framework. This necessitates a paradigm transformation of the authorization mechanism for cultural heritage digitization oriented toward public cultural services, so as to ensure the living digital transmission of cultural heritage on the track of the rule of law and achieve an organic unity between innovation incentives and public interest protection. This will enable digital cultural heritage resources, which embody national wisdom, to benefit all people equitably, effectively, and with dignity, provide solid institutional support for enhancing cultural confidence and promoting social civilization and progress, and realize the ultimate goal of digital technology empowering cultural transmission and public welfare.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[1] *G*eneral Office of the CPC Central Committee and General Office of the State Council. Opinions on Promoting the Implementation of the National Cultural Digitization Strategy [EB/OL]. [2026–01–29]. https://www.gov.cn/zhengce/2022-05/22/content_5691759.htm

[2] Liu Tingli. Digital Civilization with Chinese Characteristics: The Construction of a New Form of Socialist Civilization [J]. Academic Research, 2023(6): 45–53.

[3] Huang Ruhua. Digital Resource Governance in the Construction of the Public Cultural Service System [J]. Library Forum, 2021(6): 1–8.

[4] Wang Yixuan. Digital Protection and Inheritance of Cultural Heritage in Ancient Towns under the Background of Rural Revitalization [J]. Journal of Southwest Minzu University (Humanities and Social Sciences Edition), 2022(7): 64–71.

[5] Yi Ling. Private Rights Protection of Digitized Outcomes of Cultural Heritage: Value, Effectiveness, and Institutional Adjustment [J]. Intellectual Property, 2021(10): 33–42.

[6] Wei Pengju. Policy Logic and Rule of Law Path for the Governance of Digital Cultural Heritage [J]. Academic Monthly, 2021(9): 88–95.

[7] Ma Huijuan. Research on Digital Cultural Resource Allocation under the Background of Equalization of Public Cultural Services [J]. Library, 2021(9): 12–18.

[8] Zhou Yaolin. The Reconstruction of the Public Nature of Cultural Heritage Resources from the Perspective of Digital Humanities [J]. Archives Science Bulletin, 2022(5): 6–12.

[9] Wang Xiaoguang. Property Rights Allocation of Digital Cultural Resources and the Balance of Public Interests [J]. Research on Library Science, 2020(12): 21–27.

[10] Liu Wei. Digital Content Platform Governance and Public Cultural Responsibility [J]. Library Journal, 2022(6): 25–31.

[11] Fu Lixia. Rules for the Digital Utilization of Out-of-Commerce Works under the EU Copyright Directive and China's Institutional Arrangements [J]. Science-Technology & Publication, 2022(2): 91–98.

[12] Chen Chuanfu. Institutional Guarantees for the Long-term Preservation of Digital Resources in Public Cultural Institutions [J]. Journal of the National Library of China, 2021(3): 17–24.

[13] See Li Guoqing. A Study on the Digital Presentation of Ethnic Culture in Urban Public Cultural Spaces [J]. Library Journal, 2022(7): 44–51.

[14] ie Xin. Research on the Data Right Confirmation Mechanism in the Digital Protection of Intangible Cultural Heritage [J]. Journal of Intelligence, 2022(5): 97–104.

[15] Wang Bo. Institutional Logic and Practical Paths for the Open Sharing of Digital Cultural Resources [J]. Journal of Library Science in China, 2020(5): 4–13.

Искусственный интеллект: исследования по правовым вопросам, связанным с интеллектуальным вождением

Under the Background of the Artificial Intelligence Era: Research on Legal Issues Related to Intelligent Driving

Лу Сяо
Юридический факультет Тайюаньского университета науки и технологий
Lu Xiao
School of Law, Taiyuan University of Science and Technology

Abstract. With the advent of the artificial intelligence era, intelligent driving of automobiles has become increasingly common. While people are enjoying the convenience brought by intelligent driving, there are more and more traffic accidents caused by it. The research on legal issues related to intelligent driving has become one of the important research topics in the legal field. This article first introduces the current development status and legislative status of intelligent driving in China. Secondly, it analyzes the responsibilities of intelligent driving, mainly including various legal subjects under different degrees of intelligence and the relevant liability attribution principles of these legal subjects. Finally, it puts forward suggestions for improving the legal system of intelligent driving in China.

Keywords: Intelligent Driving; Legal Subject; Liability Analysis; Liability Attribution Principle

Introduction

With the rapid development of artificial intelligence, various products in our lives have become intelligent. For example, Xiaomi mobile phones can control home appliances, and the HarmonyOS ecosystem of Huawei has also achieved the interconnection of all things. The intelligence of these products has brought great convenience to our lives, but also posed huge challenges. Automobiles, an essential means of transportation in our lives, are also developing towards intelligence with the advent of the intelligent era.

As one of the important selling points of automobiles, intelligent driving is the main area where domestic and foreign automobile companies are competing. For example, on February 10, 2025, BYD announced that the "Celestial Eye" high-level intelligent driving system would be standard in all models, which has attracted a lot of attention. While people are enjoying the convenience brought by intelligent driving, there are more and more traffic accidents caused by it. According to the latest data released by the Ministry of Industry and Information Technology, the number of traffic accidents involving intelligent driving systems in 2024 increased sharply by 214% year-on-year. On March 29, 2025, the news that three female college students died in a traffic accident while driving a Xiaomi su7 car and using the NOA intelligent assisted driving function became a hot topic, sparking a heated discussion about the legal

liability issues of intelligent driving. In fact, the legal community has been constantly debating about the legal liability issues of intelligent driving, which has also been an important research topic in recent years.

1. Definition and Current Situation of Intelligent Driving

Intelligent driving is a kind of intelligent driving technology that applies the intelligent driving system to automobiles to help people drive or replace people in driving. Compared with non-intelligent driving, intelligent driving is divided into general intelligent driving and driverless driving due to different degrees of intelligence.

1.1 Definition of Intelligent Driving

1.1.1 Intelligent Driving and Non-Intelligent Driving

The biggest difference between the two lies in whether an intelligent driving system is installed in the automobile. The intelligent driving system refers to a software that calculates and deduces the data of users through a big data model, and then controls the sensors, controllers, actuators and other devices installed in the automobile, and realizes the intelligent information exchange and sharing between vehicles, people, roads, and the cloud through modern communication and network technologies. It has functions such as complex environment perception, intelligent decision-making, and coordinated control. An automobile equipped with an intelligent driving system is an intelligent driving automobile, otherwise it is a non-intelligent driving automobile.

1.1.2 Intelligent Driving and Driverless Driving

The difference between the two lies in the different degrees of intelligence. According to the latest revised "Driving Automation Level" standard SAE International in June 2018, intelligent driving is divided into six driving levels, among which Level 0 is non-intelligent driving, Level 1 is Driving Assistance (DA), Level 2 is Partial Automation (PA), Level 3 is Conditional Automation (CA), Level 4 is High Automation (HA), and Level 5 is Full Automation (FA) .

1.2 Current Situation of Intelligent Driving

1.2.1 Development Status of Intelligent Driving

As one of the most promising industries in the 21st century, artificial intelligence has been a subject of competition among countries around the world. It can be said that the development level of artificial intelligence in a country directly affects the world pattern. With the increase of investment in the field of intelligent driving and policy support in China, intelligent driving technology has also made great progress. At the 2025 Shanghai Auto Show, many enterprises such as Huawei, Li Auto, Xiaomi, and Zeekr showed the public their latest intelligent driving technologies. According to Xinhua News Agency, the penetration rate of L2 and above assisted driving in domestic passenger cars has exceeded 55%, and it is expected to reach 65% in 2025. The penetration rate of the NOA (Navigation On Autopilot) function in China reached 11% in the first half of 2024, and it is expected to reach 20% in 2025.

At present, the intelligent driving vehicles sold in the Chinese market are at most Level 2 combined driving assistance systems. This driving assistance system assists the driver in driving, but there is still a gap from the Level 3 conditional automation. Level 3 automation is an important "watershed" in the intelligent driving system

because the Level 3 intelligent driving system plays a leading role in the driving process, and the driver only takes over the vehicle in specific situations, truly realizing the substitution of the driver.

1.2.2. Legislative Status of Intelligent Driving

At the national level, the current laws in China have not made relevant provisions on intelligent driving. However, on March 24, 2021, the Ministry of Public Security issued a public notice soliciting opinions on the "Revised Draft of the Road Traffic Safety Law". In the revised draft, Article 155, which is newly added, makes provisions on intelligent driving. This article consists of three paragraphs. The first paragraph clarifies the conditions for the road test and production and sales of automated driving, indicating the state's attitude of encouraging and supporting the development of automated driving vehicles. The second paragraph clarifies that data should be truthfully recorded during the road test, and the driver must be in the driver's seat to detect the vehicle and take over it at any time according to the road conditions; it clearly stipulates the occurrence of traffic violations or traffic accidents during the test process, and clarifies that the subjects responsible are the driver and the developer of the automated driving system, but does not clarify their liability attribution principles and liability divisions. The third paragraph is a reference clause, stipulating that the road passage of driverless vehicles needs to be by the State Council, and the automated driving function should be tested by a professional third-party testing institution; however, currently the State Council has not legislated in the field of driverless driving, indicating that the legislation in this field in China is still blank. From the above draft for soliciting opinions, it can be seen that the state's attitude towards the legislation of intelligent driving is still cautious and conservative.

At the local level, in order to welcome the arrival of the intelligent era, some local provinces and cities in China have successively introduced local regulations to regulate intelligent driving. Here, the relevant legislative situations of Shenzhen, Hangzhou, and Beijing are mainly introduced:

On July 5, 2022, Shenzhen promulgated and implemented China's first regulation on the management of intelligent and connected vehicles, the "Regulations on the Management of Intelligent and Connected Vehicles in the Shenzhen Special Economic Zone". This regulation consists of nine chapters and 64 articles, clarifying the types of intelligent and connected vehicles, establishing a road test and demonstration application access registration system for intelligent and connected vehicles, making provisions on the use management of intelligent and connected vehicles and the planning and construction of vehicle-road coordinated infrastructure. The regulation innovatively adds clauses on network security and data protection and clearly defines the handling of traffic violations and accidents and legal responsibilities.

On May 1, 2024, the "Regulations on the Promotion of Testing and Application of Intelligent and Connected Vehicles in Hangzhou" was officially implemented. This regulation consists of 32 articles, mainly making provisions on three aspects: vehicle road testing, innovative application activities, and supervision and management. First, in terms of road testing,it clarifies the relevant responsibilities of each administrative subject, the planning and construction of the test road and relevant conditions; second,

Hangzhou has set up an application review system for vehicle road testing and innovative application activities, and stipulated the obligations and responsibilities during the road testing and innovative application processes; finally, it stipulated the clauses on the protection of personal information and test data and the handling of traffic violations, traffic accidents, and legal responsibilities.

On April 1, 2025, the "Regulations on Automated Driving Vehicles in Beijing" was officially implemented. This regulation consists of five chapters and 34 articles, mainly stipulating the policies of encouraging and supporting the development of automated driving vehicles and the planning of infrastructure construction, making provisions on the scope and testing of automated driving on the road, and clarifying the safety assurance responsibilities of the vehicle safety inspection platform during the testing and application process.

2. Liability Analysis of Intelligent Driving

2.1 Analysis of the Legal Subjects of Intelligent Driving

Liability refers to an unfavorable consequence that needs to be borne for the damage caused due to intentional or negligent infringement of others' legitimate rights and interests, as stipulated by law. When intelligent driving causes damage in a traffic accident, the first thing we need to clarify is the relevant legal subjects. According to the liability attribution principle, we determine the liability content of the legal subjects and let them bear the corresponding unfavorable consequences.

When traditional motor vehicles cause， the relevant legal subjects are relatively simple and clear, that is, motor vehicles, non-motor vehicles, passengers, and pedestrians. Due to the embedding of the intelligent driving system in intelligent driving vehicles, the relevant legal subjects are relatively more complex. The author believes that when analyzing the legal subjects related to intelligent driving, we first need to consider whether the research and development of the intelligent driving system is independently carried out by the automobile manufacturing enterprise. Therefore, it needs to be divided into independently developed intelligent driving and jointly developed intelligent driving; on this basis, considering the degree of intelligence of intelligent driving, according to whether there is human participation in the intelligent driving process, it is divided into intelligent driving with human participation and intelligent driving without human participation.

2.1.1 Independently Developed Intelligent Driving and Jointly Developed Intelligent Driving

The significance of clarifying whether the research and development of the intelligent driving system is independently carried out by the automobile manufacturing enterprise lies in distinguishing between the automobile manufacturer and the intelligent system provider. In the field of intelligent driving vehicles in China, some automobile manufacturers and intelligent system providers are separate. For example, the intelligent system of Lantu Automobile is purchased externally from Baidu's Apollo Highway Driving Pro system, and the intelligent systems of ARCFOX Automobile and Avatr Automobile are purchased externally from Huawei's intelligent driving system. Some automobile manufacturers have independently developed intelligent systems, that is, the automobile manufacturer and the intelligent system

provider are the same enterprise. For example, BYD's intelligent driving systems "Celestial Eye A" and "Celestial Eye B" are original series of intelligent driving systems; Tesla's intelligent driving system Autopilot is independently developed by itself. Some automobile enterprises have both independently developed intelligent systems and jointly developed intelligent driving systems with other enterprises. For example, BYD's intelligent driving system "Celestial Eye C" adopts an externally purchased system + self-optimization path. Therefore, when analyzing the legal subjects of intelligent driving, we need to consider both the automobile manufacturer and the intelligent driving system provider, as well as the situation where the two are unified as one enterprise.

2.1.2 Intelligent Driving with Human Participation and Intelligent Driving without Human Participation

Due to different degrees of intelligence in intelligent driving, the role that people play in the driving process also changes, and the relevant legal subjects also change.

In the case of Level 1 and Level 2 ordinary intelligent driving, the intelligent driving system plays an auxiliary role, and the driver plays a leading role in the driving process; in the case of Level 3 and Level 4 high-level intelligent driving, the roles of the intelligent driving system and the driver are reversed, and the intelligent driving system plays a leading role in the driving process, and people take over the vehicle in specific situations. In the above situations where there are human factors participating in driving, the relevant legal subjects are the driver, the automobile manufacturer, and the intelligent driving system provider.

Level 5 is the highest level of intelligent driving. In this case, the intelligent driving system completely replaces the driver, that is, it is driverless. People are no longer drivers but only passengers. In this case, whether the driverless system can become a legal subject is controversial in the academic community. The main viewpoints are as follows:

(1) Denying the legal subject status of the driverless system, there are mainly two viewpoints: one is the tool theory, which emphasizes the tool attribute of driverless driving, which is a tool for humans to understand and transform the world . The other is the object theory, which emphasizes the intelligence of the driverless system and advocates protecting and regulating it as a special object in the legal object.

(2) Recognizing the legal subject status of driverless driving, there are also two viewpoints: one is the agency theory, which regards the driverless system as an agent and its development enterprise as the principal, and applies the agency system to solve relevant legal disputes. The other is the electronic personality theory, that is, setting up a special "electronic person" identity for this intelligent technology, which mainly comes from the practice in Europe. [[Zhang Shengqiang: "Exploration and Regulation of the Legal Personality of Artificial Intelligence", Journal of Suzhou Education College, December 2021, Volume 24, Issue 6]].

(3) The limited personality theory is a compromise view, believing that to a certain extent, its legal personality should be recognized, and the means of legal fiction should be used to endow the intelligent entity with a special legal status, and learn from the legal person system and use the registration and filing system to improve the

liability system of artificial intelligence entities.

The author believes that the driverless system is the product of human wisdom and should belong to the employer or principal, and cannot become an independent legal subject. Although it has a certain degree of autonomy, its fundamental role is to liberate humans from boring driving. Its inherent tool attribute determines that from the perspective of civil law with the dichotomy of person and thing, it can only be included in the category of things.

2.2 Analysis of the Liability of the Legal Subjects of Intelligent Driving According to the above analysis, the main legal subjects of intelligent driving

are the driver, the automobile manufacturer, and the intelligent driving system provider. In real life, the automobile manufacturer and the intelligent driving system provider may be the same subject or different subjects. Here, the author will analyze according to different subjects.

2.2.1 Liability of the Driver

Duty of Care.The liability of the driver is relative to intelligent driving with human participation. In the process of Level 5 highly intelligent driverless driving, since there is no driver, there is no so-called driver's liability.

In the process of intelligent driving with human participation, the driver is the first responsible person and has a duty of care. The driver's duty of care mainly includes two stages. The first stage of the duty of care is when starting the car. The driver has a duty of care to inspect the vehicle and ensure that the car is in a normal and safe state.

The second stage of the duty of care is after the intelligent driving system of the car is turned on. In the intelligent driving mode with the driver as the main body, the driver should ensure that the motor vehicle is in a safe and legal driving environment. If illegal acts occur due to the failure to fulfill the duty of care, the driver will bear the corresponding legal responsibilities. For example, in March 2023, in the case of the People's Procuratorate of Xiangzhou District, Xiangyang City, Hubei Province prosecuting Li for the crime of dangerous driving, Li insisted that he was not drunk driving because he turned on the vehicle's automated driving function after drinking. The court held that the automated driving was only an automobile assisted driving system, and the driver needed to participate throughout the driving process. Finally, Li was sentenced to five months' detention and a fine of 10,000 yuan for the crime of dangerous driving.

In the intelligent driving mode dominated by the intelligent driving system, the driver's duty of care is that in the situation where the system malfunctions and cannot be handled, or in the specific situation where the driver needs to take over the vehicle, the driver should take over the vehicle in a timely manner. If the driver fails to take over the vehicle in a timely manner and an accident occurs as a result, the driver needs to bear the corresponding responsibilities.

2.2.2 Automobile Manufacturers

Product Safety Liability. The product safety liability of automobile manufacturers pertains to the hardware of the vehicle itself, which serves as the carrier of intelligent driving. This is the most fundamental liability for both traditional automobiles and current intelligent interconnected vehicles. Producers manufacture

automobile products based on their technical and industrial capabilities, and subsequent use and driving by drivers are carried out on the basis of the producers' control over their products. Therefore, automobile manufacturers need to ensure that the provided vehicles are safe and free from defects. If an accident is caused by design defects, technical failures, or software errors of the vehicle itself, and these defects, failures, or errors cannot be foreseen and avoided during normal use, then the vehicle owner or manager may need to bear certain compensation liabilities. However, if they can prove that they have fulfilled their reasonable duty of care and maintenance obligations, their liability may be reduced.

Compliance Liability in Promotion. According to the provisions on false advertisements in Article 28 of the Advertising Law of the People's Republic of China, automobile manufacturers or intelligent driving system providers are prohibited from deceiving and misleading consumers with false or misleading content. However, in a highly competitive market, various automobile enterprises use phrases like "Our intelligent driving system is at Level 2.99" or "Our intelligent driving system does not require manual operation in specific situations" to promote the superiority of their intelligent driving systems and attract consumers' attention. This creates a misunderstanding that the Level 2 in-vehicle assisted driving is "autonomous driving", and the automobile enterprises have thus committed false advertising. If a traffic accident occurs due to the false advertising of an automobile enterprise, consumers can report to the market supervision department and request administrative penalties for the false promotion behavior. In serious cases, the business license will be revoked; if the false promotion causes a serious traffic accident, it may even violate the criminal law and the corresponding criminal liability needs to be borne.

2.2.3 Responsibilities of Intelligent Driving System Providers

Product Safety Liability. The intelligent driving system is the core of intelligent driving, and the safety and stability of the intelligent system determine the life and health safety of thousands of drivers. Although there is still some controversy in the academic community about whether the software of the intelligent driving system belongs to a product, the author believes that the provider of the intelligent driving system must bear the safety liability of the intelligent driving system. Although the intelligent driving system can deviate from the original program design and continuously learn from driving experience, showing a certain degree of autonomy, this autonomy is not completely uncontrollable and must be carried out under the control of the provider. At the same time, behind the autonomy of intelligent driving may hide the unpredictability of behavior. This unpredictability of behavior and the difficulty of attributing damages push the life and health safety of the people into an unknown territory. Since artificial intelligence cannot become a legal subject, if an intelligent driving causes a traffic accident that damages the life and health safety of the people, a subject must step forward to bear the corresponding responsibility, and it should be the provider of the intelligent driving system. The most fundamental legal basis is that it provides the initial program foundation for intelligent driving. If the intelligent driving system is maliciously interfered with or damaged by a third party, resulting in a traffic accident, the provider shall first bear the corresponding

responsibility, and then the provider can recover the losses from the third party.

Responsibility for Protecting Personal Information from Leakage. Intelligent technology is a technology that integrates the collected information through powerful computing capabilities, deduces and calculates the results. The digitalization of personal information has become the "industrial oil" of the artificial intelligence era. Behind this personal information lie multiple interests such as personality interests, commercial interests, and public management. The intelligent driving system analyzes, statistically deduces, and calculates the daily life trajectories and behavior habits of each specific subject through the data recorded by individual users. Coupled with the huge information database formed by the data sharing of countless different intelligent driving subjects, the value behind it is self-evident, making it the target of attacks by countless hackers. Therefore, the provider of the intelligent driving system should ensure the protection of personal information from infringement.

2.3 Analysis of the Liability Attribution Principles of Intelligent Driving

The liability attribution principles in China mainly include the fault liability principle, the presumption of fault liability principle, the no-fault liability principle, and the fair liability principle. The liability attribution principles for road traffic accidents in China have undergone several changes with the progress of society, and finally, a dual liability attribution principle system has been formed, which is mainly based on the presumption of fault liability principle and supplemented by the fault liability principle. Article 76 of China's Road Traffic Safety Law has specific provisions on this, which can be summarized as follows: for traffic accidents between motor vehicles, the fault liability attribution principle is applied, and for traffic accidents between motor vehicles and non-motor vehicles or pedestrians, the presumption of fault liability attribution principle is mostly applied. Now, with the development of science and technology, intelligent vehicles will gradually replace traditional vehicles in human society. Then, for intelligent driving vehicles with a higher degree of intelligence, does the dual liability attribution principle system also apply? The author believes that different analyses need to be carried out according to different degrees of intelligence: For intelligent driving vehicles with human participation, although the leading and non-leading roles of the intelligent system and the driver in the driving process are changing, the liability attribution principle for traffic accidents in this type of intelligent driving is the same as that of traditional vehicles. For traffic accidents between intelligent driving vehicles with human participation and motor vehicles, the fault liability principle still applies, and for traffic accidents between them and non-motor vehicles or pedestrians, the presumption of fault liability principle applies. However, the difference is that the liability attribution principle between the responsible subject behind the intelligent driving system and the driver is constantly changing.

For Level 1 and Level 2 with a lower degree of intelligence, the driver plays a leading role in driving the vehicle, while the intelligent driving system only plays an auxiliary role. Therefore, the driver is subject to the liability attribution principle of presumption of fault, and the responsible subject behind the intelligent driving system is subject to the fault liability attribution principle.

For Level 3 and Level 4 with a higher degree of intelligence, the intelligent driving system plays a leading role in driving the vehicle, and the driver plays an auxiliary role and only takes over the vehicle in specific situations. Therefore, the responsible subject behind the intelligent driving system is subject to the presumption of fault liability principle, and the driver is subject to the fault liability principle.

For intelligent driving vehicles without human participation, during the driving process, there is no so-called driver, which is equivalent to a traffic accident occurring in a traditional motor vehicle. That is, for traffic accidents between intelligent driving vehicles without human participation and motor vehicles, the fault liability principle applies, and for traffic accidents between them and non-motor vehicles or pedestrians, the presumption of fault liability principle applies, and the subject behind the intelligent driving system shall bear strict liability.

3. Suggestions for Improving the Legal System of Intelligent Driving

As the jurist Holmes said, the life of the law lies in experience. The legal system is generated and developed from social life and is used to adjust, regulate, and guide social life. In view of the current booming development of intelligent driving, the provisions on intelligent driving in China's legal system are mainly reflected in local regulations, and there is still a gap in the legal level. The intelligent driving provisions in the Revised Draft of the Road Traffic Safety Law announced by the Ministry of Public Security have set reference clauses, providing a basis for the next step of improving the legal system of intelligent driving. The following relevant improvement suggestions are put forward:

3.1 Clarify the Responsible Subjects and Establish a Pluralistic Liability Attribution Principle System

The core technology of intelligent driving is the intelligent driving system, and the provider of the intelligent system can be said to hold the most crucial core of intelligent driving. Due to the certain autonomous awareness of intelligent driving, the risks generated are unpredictable, and there must be corresponding legal subjects to bear the responsibility for the behavior of the intelligent driving system. The intelligent driving system is not a legal subject in China and does not have the ability to bear responsibilities. So, should the driver, the automobile manufacturing enterprise, and the provider of the intelligent driving system bear the responsibility for the intelligent driving system?

First, in the case of a traffic accident occurring in a driverless situation, the automobile manufacturing enterprise and the provider of the intelligent driving system should bear strict liability, and the liability between the automobile manufacturing enterprise and the provider of the intelligent driving system can be divided according to fault; second, in the case of a traffic accident occurring when intelligent driving is dominant, the automobile manufacturing enterprise and the provider of the intelligent driving system should be subject to the presumption of fault liability principle, and the driver should be subject to the fault liability principle. Finally, in the case of a traffic accident occurring when intelligent driving is dominant, the driver should be subject to the presumption of fault liability principle, and the automobile manufacturing enterprise and the provider of the intelligent driving system should be subject to the

fault liability principle.

3.2 Strengthen Technical Supervision and Protect Personal Information

The greater the risk, the stricter the supervision. On the one hand, it is necessary to strengthen the supervision of intelligent driving, establish an efficient and convenient two-level supervision system of administrative supervision and social supervision, improve legislation, establish administrative supervision units and establish industry supervision and management associations, refine supervision responsibilities and obligations, and clarify supervision means and measures; establish a review and filing mechanism to strengthen pre-event and in-event supervision; divide risk ratings and carry out hierarchical management according to the risk levels; implement a reward and punishment mechanism. On the other hand, strengthen the protection of personal information. According to the principle of "whoever collects is responsible, whoever stores is responsible, and whoever uses is responsible", clarify the responsibilities of all parties, severely punish illegal acts such as the illegal use, leakage, and sale of personal information; strictly review the cross-border transportation and transmission of data, and clarify the review institutions, contents, and processes. Strengthen punishment through multiple means such as civil claims, administrative sanctions, and criminal prosecution, significantly increase the amount of compensation and fines, and resolutely prosecute those who meet the conditions for criminal punishment; implement punitive compensation for illegal and criminal acts with serious nature.

3.3 Strengthen Liability Bearing and Implement the Compulsory Insurance System

Due to the characteristics of autonomy and unpredictability of intelligent driving, victims often cannot obtain effective relief due to problems such as difficult evidence collection and difficult determination of causal relationships after a traffic accident occurs. Therefore, strict liability should be applied to automobile manufacturing enterprises and providers of intelligent driving systems. Strict liability can, on the one hand, ensure the right relief of victims, but on the other hand, it increases the liability burden of enterprises to a certain extent, which may be detrimental to the development of the intelligent driving industry due to the excessive liability burden of enterprises.

Currently, countries such as Germany, France, and Japan, where intelligent driving is developing rapidly, have successively formulated compulsory insurance policies, introducing third-party responsible subjects to jointly share the liability with automobile manufacturing enterprises and providers of intelligent driving systems. Therefore, China can draw on the advanced practices of foreign countries and implement the compulsory insurance system to reduce the liability burden of enterprises.

In terms of the subject bearing the insurance premium, in order to maximize the sharing of liability risks, in accordance with the principle of "should be included as much as possible", all companies or individuals involved in software development, manufacturing, sales, use, and other links should be forced to purchase liability insurance.

In terms of insurance premiums, a classification assessment method should be adopted. Insurance companies can conduct accurate assessments by comprehensively considering multiple aspects such as the type of intelligent driving system, the provider of the intelligent driving system, the automobile manufacturing enterprise, the brand of the intelligent driving vehicle, and the driving habits of drivers, and determine the final amount of insurance premiums through big data statistics.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Article 28 of Chapter VI of the "Administrative Provisions on Road Tests of Intelligent and Connected Vehicles (Trial)", which was jointly issued by the Ministry of Industry and Information Technology, the Ministry of Public Security, and the Ministry of Transport of the People's Republic of China on April 12, 2018.

Cao Jianfeng: "Artificial Intelligence: Machine Discrimination and Countermeasures", Information Security and Communication Secrecy, December 2016, p. 17.

Chu Yexian and Wang Ye: "Analysis of the Legal Issues of the Subject of Tort Liability and Safety Supervision of Driverless Vehicles", Legal System Vision, November 2021, p. 17.

Cui Libo and Zhao Mingfei: "Liability Analysis and Legal Regulation of Tort in Driverless Vehicles", Journal of Qiqihar University (Philosophy and Social Sciences Edition), May 2019.

Deng Aijie: "Deconstruction of the Dilemma and Typological Analysis of Criminal Liability for Traffic Accidents Caused by Autonomous Vehicles", collected in the Journal of Shanghai Legal Studies (Volume 5 in 2020, Volume 29 in Total) —

— Collected Works of the Rule of Law Forum of the World Artificial Intelligence

Conference 2020.

Guo Mingrui: "The Influence of Dangerous Liability on the Development of the Law of Tort Liability", Journal of Yantai University (Philosophy and Social Sciences Edition), 2016, pp. 24-29.

Li Yang and Li Xiaoyu: "Discussion on the Copyright Issues of the Works Generated by Artificial Intelligence from the Perspective of Kantian Philosophy", Journal of Law, September 2018, pp. 43-54.

Liu Honghua: "On the Legal Status of Artificial Intelligence", Politics and Law, January 2019, p. 11.

Si Xiao and Cao Jianfeng: "On the Civil Liability of Artificial Intelligence: Taking Autonomous Vehicles and Intelligent Robots as the Entry Point", Legal Science (Journal of Northwest University of Political Science and Law), May 2017, p. 167.

Tao Ying: "Analysis of the Liability for Damage Compensation in Traffic Accidents of Autonomous Vehicles", Journal of Hunan University (Social Sciences Edition), March 2018, pp. 136-141.

Wang Zejian: "Tortious Acts", Peking University Press, 3rd Edition, 2016, p. 67.

Wang Mengmeng: China's Automobile Industry Steps onto a New Starting

Line in 2025, published on http://www.xinhuanet.com/20250124/c57eb2e951504acf87bb45a4838837da/c.html, January 24, 2025.

Xie Yuanyang: "The Value of Personal Information from the Perspective of Information Theory: Also on the Protection Model of the Right to Privacy", Tsinghua Law Review, March 2015, p. 97.

Yang Qingwang and Zhang Lei: "On the Fictitious Legal Personality of Artificial Intelligence", Journal of Hunan University of Science and Technology (Social Science Edition), June 2018, pp. 91-97.

Yang Lixin: "Research on the Principle of Imposing Liability for Road Traffic Accidents in China", 2008, Issue 10.

Yang Menglu: "The Legal Dilemmas in the Determination of Tort Liability for Traffic Accidents Involving Driverless Vehicles and Legislative Suggestions", Academic Horizon, August 15, 2020, p. 124.

Ye Ming and Zhang Jie: "Challenges and Countermeasures in Determining the Subject of Liability for Damage Compensation in Traffic Accidents Involving Driverless Vehicles", E-Government, No. 1, 2019

Zhao Yanxin: The Rapidly Popularizing Intelligent Driving, published on https://swt.fujian.gov.cn/xxgk/jgzn/jgcs/gntzcjc/ztxx/202503/t20250305_6772804.htm, March 5, 2025.

Zhang Shengqiang: "Exploration and Regulation of the Legal Personality of Artificial Intelligence", Journal of Suzhou Education College, December 2021, Vol. 24, No. 6.

Zhang Jianwen and Jia Zhangfan: "Liability Analysis and Regulatory Response to Damage Caused by Driverless Vehicles", Journal of Chongqing University of Posts and Telecommunications, July 2018, Vol. 30, No. 4.

Исследование текущей ситуации с цифровизацией и правовой охраной нематериального культурного наследия на Северном канале

Research on the current situation of Digitalization and Legal Protection of Intangible Cultural Heritage in Tongzhou's North Canal

У Жуйянь,
Колледж искусств и наук,
Пекинский объединенный университет
Wu Ruiyan
College of Arts and Sciences,
Beijing Union University

Abstract. Focusing on the Tongzhou reach of the Northern Canal, this study reviews the digitisation of local intangible cultural heritage (ICH) and its rule-of-law safeguards. Although Beijing's sub-centre strategy endorses digital programmes, current practice remains confined to recording and broadcast, lacking advanced technological enablement and a structured allocation of rights and interests. By mapping statutory norms against recent case law, the paper uncovers disjunctions between legislation and adjudication. It therefore proposes: (i) a benefit-sharing regime that secures inheritors' economic rights; (ii) a compliance-review system for digital products; and (iii) a multi-stakeholder governance matrix integrating government, industry, and community actors. Embedding these mechanisms is essential to kindle cultural innovation and forge a paradigm of "living inheritance, digital expression, juridical assurance," contributing actionable lessons for the Grand Canal Cultural Belt and China's national cultural-digitalisation agenda.

Keywords: ICH; Digitalization; Legal protection; Grand Canal of China

I. Research Background and Significance

(I) The Development Needs of the Sub - center of Beijing

Tongzhou District, recognized as Beijing's urban sub-center, is rich in intangible cultural heritage deeply intertwined with the historic Grand Canal. Digitalization emerges as a strategic tool for heritage preservation and cultural revitalization.

(II) The value of intangible cultural heritage protection in the Tongzhou section of the North Canal

1. Continuation and development of intangible cultural heritage

As bearer lineages lapse, the digital documentation and re-creation of intangible heritage can, to a certain extent, sustain its continuity and promote further development when no living custodians remain.

2. The current technological integration has become a prominent feature

ICH digitisation spans databases, audiovisual capture, motion analysis, AI-driven annotation and classification, VR/AR design outputs, and data-informed dissemination forecasting, confirming technology's central role in revitalising heritage.

3. The purpose of the national cultural digitalization strategy is clarified

China's Fourteenth Five-Year Plan embeds cultural digitalization in high-quality

growth, leveraging 5G, cloud computing, and extended reality to catalyze cloud tourism and immersive exhibitions that reanimate canal settlements.

II. The current situation of intangible cultural heritage and its digitalization in the Tongzhou section of the North Canal

(I) An overview of the characteristics of intangible cultural heritage in the Tongzhou section of the North Canal

1. The canal - transport culture has given birth to rich content

Canal-borne culture remains Tongzhou's defining imprint. Dragon-lantern performances and boatmen's work-chants illustrate the waterway's influence on commerce, vernacular art, cuisine, and everyday sociability.

2. Strong Regional Characteristics

Distinctive township practices sustain a plural cultural ecology: Huoxian's Lu Lantern Fair, Zhangjiawan's Zaolin Cart Society, and Yongledian's Wuqiao Acrobatics anchor local identity while inviting itinerant audiences.

3. Closely Linked to Production and Life

Craft legacies—lacquerware, shadow puppetry, and Jingtailan enamelling—blend historical value with contemporary aesthetics, whereas cupping therapies, tofu-making, and dough modelling express ecological wisdom through household-centred apprenticeship.

4. The important status of families and communities

Genealogical renewal rites and the "Sixth-Day-Six" communal festival embed transmission in kinship and neighbourhood networks, reinforcing cultural affiliation and stabilising Tongzhou's evolving social fabric.

(II) The current situation of digitalization of intangible cultural heritage in the Tongzhou section of the North Canal

1. The communication channels and content forms are constantly enriched

Initially, intangible-heritage performances and heirloom photographs were captured only incidentally through WeChat articles. Subsequently, the "North-Canal ICH Learning Studio" was launched, producing heritage audiobooks, and later livestreamed events were introduced, giving the public deeper, real-time insight into the region's traditions.

2. The intervention process of high - end digital technology is slow

Intangible-heritage digitization projects usually require extensive up-front data collection and ongoing maintenance, but offer few direct monetization channels and long payback periods. Firms therefore find it hard to gauge risk versus return, and funding shortfalls ("broken chains") are frequent. Digitisation in Tongzhou's canal focuses on promotional archiving, lagging Jiangsu-Zhejiang's interactive models; the "Xiao Che Hui" database is fragmented by ageing bearers' deaths, lost records, creative stasis, and policy constraints.

3. Platform construction is led by the government

Heritage bearers in Tongzhou seldom forge autonomous partnerships with cultural or tech enterprises; current digitisation stays at a touristic layer of images and

videos, lacking products that unpack the practices' intangible ethos. Consequently, most inheritors still depend on government-sponsored events for visibility and support.

(III) Current situation of ICH legal governance in the Tongzhou section of the North Canal

1. Good top - level design and planning

Despite nine Tongzhou policies integrating ICH into the Millennial Canal brand (2020-24), gaps remain: 1) performers' portrait and moral rights need stronger protection during digitisation; 2) attribution and economic-rights allocation for new digital works still lack clear, consent-based legal rules.

2. Prominent civil contradictions in judicial practice

A Westlaw China search reveals fourteen Tongzhou cases mentioning "intangible cultural heritage" over the past five years. While these decisions illuminate judicial scrutiny of IP, consumer protection, and governmental transparency, they rarely involve digital ICH; most disputes concern trademarks, underscoring the nascent state of digitisation.

3. Defects in the industrial collaboration system

Despite Songzhuang, Taihu, and Zhangjiawan emerging as cultural-creative hubs, district and city funds favour digital infrastructure, future industries, and smart manufacturing, sidelining cultural digitisation. Tongzhou's 2022-24 Culture-Tourism Action Plan finances tourist facilities and visual IPs but offers scant support for ICH data capture or databases, leaving heritage digitisation underfunded.

III. Legal Protection Paths for the Digitalization of Intangible Cultural Heritage in the Tongzhou Section of the North Canal

(I) Update of Digital Design Products of Intangible Cultural Heritage

Compared with other Beijing districts that already employ AR, VR, and NFT-style digital collectibles, Tongzhou's ICH products remain rudimentary. Future projects should foreground the intangible ethos of each practice rather than merely its visual façade.

(II) Digital Design Mechanism of Intangible Cultural Heritage and Copyright Protection

Tongzhou should establish a benefit-sharing architecture by creating a dedicated ICH-digitisation fund that channels part of digital revenues into bearer welfare, training, and preservation, with standard-form contracts fixing equitable splits from online dissemination for bearers and their communities. Simultaneously, every digital project must pass a compliance review that protects authenticity, cultural specificity, and the public interest through local rules aligned with Beijing's heritage mandates, industry self-regulation benchmarks, and scrutiny by a joint panel of culture officials and experts, which vets content for accuracy and social value, delineates ownership and communication rights ex ante, and allows bearer-related materials to circulate only with clear, substantive consent, thus forestalling unauthorised distribution or exploitation.

(IV)Promote the collaboration of all social parties and cultural innovation

(1) Government support and participation of social organizations

(2) Enterprise cooperation, community self - governance, and market - based incentives

(3) Popularize legal and cultural education to improve public awareness

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Yao, H.Y. (1998). History of the Beijing-Hangzhou Grand Canal. Beijing: China Water Resources Press.

Guo, J.M. (2024). Research on intangible cultural heritage archives in the era of data intelligence. Shanxi Archives, (1), 125–127.

Li, X., & Cao, W.Z. (2025). Opportunities and challenges in copyright protection of digital intangible cultural heritage. Journal of University of Shanghai for Science and Technology (Social Sciences), 1–9.

Zhang, Q., Deng, M., & Zhong, B.X. (2024). Beijing intangible cultural heritage report (2023). Beijing: Social Sciences Academic Press, 276–289.

Изучение пути формирования микро-специальностей по гуманитарным наукам в колледжах и университетах с международной сравнительной точки зрения на примере микро-специальности по коммуникации в цифровой культуре

Exploration of the construction path of liberal arts micro-majors in colleges and universities from an international comparative perspective - taking the digital culture communication micro-major as an example

Хуан Цзяньвэй,
Институт туризма Тан Лихуа,
Пекинский объединенный университет
Huang Jianwei[1]
Tourism Institute Tang lihua[2]*,*
Beijing Union University

Abstract： With the development of liberal arts majors, exploring and innovating personalized talent training models has become the focus of education and teaching reform in colleges and universities, which has given rise to the need for micro-major construction. Therefore, based on the perspective of international comparison, taking the digital cultural communication major of domestic undergraduate colleges and universities as an example, this paper explores the construction path of liberal arts micro-majors in the new liberal arts background, providing a reference for promoting the cultivation of compound and innovative talents, and seeking new forms and new approaches for the development of liberal arts majors.

Keywords: micro major, digital cultural communication, international comparison As the new round of technological revolution and industrial transformation accelerates, new technologies, new industries, new business formats, and new models have greatly expanded the connotation and extension of talents.

The society's demand for new-age talents with a comprehensive world view and complete knowledge system is more urgent than ever before, which has spurred a profound change in the talent training paradigm of colleges and universities, that is, paying more attention to the transformation from knowledge

teaching to the systematic cultivation of knowledge, abilities, and literacy, paying more attention to meeting students' personalized development and diversified growth needs, and paying more attention to improving the fit between talent training supply and social needs. Against this background, universities at home and abroad are innovating teaching concepts, updating teaching content, reshaping teaching models, carrying out the construction of micro-majors, and building bridges for knowledge intersection and integration on the basis of original disciplines and majors.

[About the author]: Huang Jianwei , female, Associate researcher, institute of Tourism, Beijing Union University, Master degree, research direction: higher education management, comparative education research; Tang Lihua(corresponding author)Male, Associate researcher, institute of Tourism, Beijing Union University, Doctoral degree, research direction: higher education management,Tourism Management.

Micro-majors are an important means to innovate talent training models and reshape education and teaching organizational forms. In recent years, the study of micro-majors has become a hot topic among scholars at home and abroad. The specific research is summarized as follows:

1.Literature review:

1. 1 Domestic research:

As a minor but not small major, micro-majors have been subject to a lot of specialized research by domestic and foreign scholars in recent years. The author searched the literature on micro-majors in the past five years. Regarding domestic research, the author divided the research topics related to micro-majors into three major categories: professional development, talent training, and curriculum systems.

First, professional development: Research on micro-majors is a hot topic, accounting for the largest proportion among the four types of research. Research in this area is divided into three categories: First, the significance of micro-major construction: Qin Yanli and others believe that micro-majors are conducive to improving the quality of talent training and adapting to new forms of employment; Wang Rong proposed that micro-majors can help undergraduate colleges make up for the difficulties of offline education, break down barriers to theoretical teaching and practical application, and enhance students' employment competitiveness. The second is research on the current status of construction. ZhuHao believes that the existing micro-major construction is mainly divided into three types: online course platform-led type, university/platform/enterprise tripartite cooperation type and university-led type. University-led micro-major is the main form of micro-major construction in my country at present. The third is professional construction channels. Yang Xiaoying and Sun Mingjuan conducted in-depth research on the construction path of liberal arts micro-majors in colleges and universities; Zhu Jie and Huang Haiping explored the construction of computer micro-majors in colleges and universities in my country under the background of new engineering.

Second, talent training: First, the advantages of the micro-professional talent training model. Compared with the traditional training models of some majors, Chen Long and others believe that the "micro-professional" training model has the characteristics of streamlined courses, flexible formats, career and ability development-oriented, and professional certification mechanisms; second, it is based on the exploration of talent training for a specific micro-professional. For example, Tong Xinle and Liu Shengnan's article analyzed the supply and demand status of financial technology talents and explored ideas for building a financial technology "micro-professional" talent training model.

Third, curriculum system: Curriculum is the support for professional development and the embodiment of talent training content. Online courses and online learning are a new round of curriculum construction trends that deeply integrate information technology and education and teaching. The first is the construction of curriculum system. Lei Ming and others believe that the school's educational and

professional characteristics should be given full play, relying on MOOCs to meet the needs of national professional construction to meet the needs of society and students; Wu Yanyang, Zongyuan and others took East China University of Science and Technology as an example to discuss the construction of chemical engineering micro-majors. The second is the characteristics of micro-major courses. Combining the micro-major courses provided by various MOOC platforms, Wang Yu believes that there are differences in payment methods and assessment models, but there is consistency in certification mechanisms, short-term projects, professional ability orientation, and university cooperation.

1.2 Overview of foreign research

With globalization and rapid changes in the occupational market, research on micro-majors in foreign education fields has become increasingly in-depth. The research content is summarized in four aspects: micro-major curriculum, teaching methods, micro-major evaluation and certification, and talent cultivation.

First, the curriculum of micro majors: The curriculum of foreign micro majors closely focuses on the core knowledge and skills in specific fields, focusing on the combination of theory and practice. The course content covers basic knowledge, cutting-edge technologies, practical cases, etc. in this field. It also sets up certain practical links, such as project practice, internship, etc., to improve students' practical ability. For example, American scholar Michael Moran: He has conducted in-depth research on educational innovation and curriculum design, including thoughts on micro-major curriculum. There are many other scholars who are also discussing and researching the micro-major curriculum from different angles.

Second, micro-major teaching methods: Foreign scholars have studied the application of various teaching methods in micro-majors, such as project-driven teaching, case teaching, group cooperative learning, flipped classroom, etc. For example, American scholar John Bennett: has conducted relevant research on online learning and teaching model innovation. Michael Moran: Insights into educational technology and changes in teaching methods. These teaching methods are designed to stimulate students' interest in learning, improve students' participation and initiative, and cultivate students' teamwork and problem-solving abilities.

Third, evaluation and certification of micro majors: Evaluation and certification are important links in ensuring the quality of micro majors. Foreign research focuses on the construction of micro-major evaluation index systems, including the evaluation of student learning outcomes, evaluation of teaching quality, and evaluation of course satisfaction, etc. For example, scholar John Hammond: He has made certain research results in the fields of educational evaluation and quality assurance, involving discussions on micro-major evaluation and certification methods. Some countries and regions have also established micro-major certification systems to certify micro-majors that meet standards and improve the recognition and credibility of micro-majors.

Fourth, talent cultivation. For example, scholars Ahmed, A.M.A, Huang, Y: Taking the digital marketing micro major as an example, they constructed a research

model on the learning intention of digital marketing micro expert learners based on the stimulus-organization response theory (S-O-R) and the technology acceptance model (TAM), and used structural equation modeling and mediation effect testing to explore the relationship between variables.

To sum up, domestic and foreign scholars have conducted a large number of studies on micro majors in colleges and universities, mainly focusing on the aspects of micro major construction, curriculum setting, talent training, evaluation and certification. There are relatively few studies on the international comparison of micro majors. Only one article on this aspect was retrieved. Zhu Jie and Huang Haiping (2019) compared the current status of micro major construction at home and abroad and analyzed the advantages and value of micro majors. Compared with traditional majors, the characteristics of micro majors in terms of training plans, curriculum systems, teaching methods and graduation requirements are summarized, and the paths for the construction of computer micro majors in colleges and universities in my country are explored.

Therefore, this research article is based on the perspective of international comparison, taking the digital culture communication major of domestic undergraduate colleges and universities as an example, and explores the construction path of liberal arts micro-majors in the new liberal arts background, providing a reference for promoting the cultivation of compound and innovative talents, and seeking new forms and new approaches for the development of liberal arts majors.

2.The connotation, origin and development overview of micro-majors at home and abroad

2.1 The connotation of “micro major”

Micro-majors mainly refer to the selection of 5 to 10 core courses in a certain major based on market demand, so that learners can quickly master the core knowledge and methodological skills of the major in a short period of time, and at the same time have the ability to apply the theoretical knowledge they have learned to practice, so that they can meet market demand and find employment quickly [1]. It can be seen that "micro majors" have two characteristics: first, the "micro major" talent training model takes social needs as the entry point, and the teaching content is centered around the market and employment, with the purpose of improving students' practical ability and knowledge application ability; second, the content learned is concise, and the course schedule is flexible. Courses can be taught in spare time, so that students can quickly master a certain knowledge or skill in a short period of time.

2. 2 Origin and development overview of international micro majors

The concept of micro-majors was first developed by Edx, a non-profit organization co-founded by Harvard University and MIT.Proposed in 2013[2], the two micro-professional projects of "Logistics Management" and "Introduction to Computer Skills" launched by the platform in September 2013 announced the birth of the "micro-professional" model. Later, various micro-professional construction models emerged. This article divides micro-major construction into three categories based on different

leading parties: online course platform-led type, university/platform/enterprise tripartite cooperation type and university-led type. [3] The situation of micro-major construction at home and abroad is discussed.

2.2.1 Platform-led enterprise participation in micro-professional construction

The construction of micro-majors is platform-led and attracts the participation of famous enterprises. Most of these micro-majors are for-profit. For example, Udacity, a well-known for-profit online education institution in the United States, launched in June 2014， we cooperated with AT&T in the United States to develop a Nanodegree program, which has provided 28 most popular micro-major courses cover areas including artificial intelligence, machine learning, self-driving cars, website development, mobile development and data analysis. On Udacity's nano professional course platform, almost all courses are taught by executives and engineers from world-renowned technology companies. For example, "Machine Learning Engineer" has Amazon AWS and Kaggle engineers participating in practical project design and teaching. Each course has carefully designed practical projects as the core to develop the teaching content. Even classic basic courses such as "Data Structure and Algorithms" also have highly applicable practical projects. Udacity also provides value-added services to students, such as one-on-one career planning, basic assessment and course selection services.

2.2.2 Construction of cooperative micro-majors between universities and platforms

The most classic case of this type of micro-professional construction is the XSeries built by Edx. Each XSeries covers 2-4 traditional university courses, generally takes 1-4 semesters to complete, and the university awards a certificate. The Edx platform has already settled on 40 micro-certificate projects from 24 universities and colleges around the world, [3] among which the most successful one is the supply chain micro-master's degree professional course at MIT. This professional course adopts a hybrid online and offline teaching format. Students applying for a degree will study 5 professional supply chain courses on Edx in the first semester, and then take offline exams. After passing the exam, they can obtain a micro-master's degree in supply chain management. If you want to obtain a more valuable and recognized general master's degree, you can also apply. After one semester of on-campus study, you can obtain a master's degree in supply chain management from MIT. The advantage of this micro-degree program is that it is relatively cheap compared to the high tuition fees of American universities; everyone can enter online courses, which greatly increases the school's chances of discovering talents; everyone who signs up will try their best to complete the online course requirements, and according to platform statistics, the dropout rate of this major is very low; the hybrid learning method gives full play to the advantages of online and offline. It is worth noting that the teaching content of this online course is the same as that of traditional teaching, but the course hours are only 30% of the traditional teaching hours. As of 2017, the MicroMasters program had generated more than US $4 million in revenue for edX; half of the amount is shared with the partner universities, and the other half is reinvested in platform development.

Career orientation is a major feature of foreign online micromajors. Regardless of the training objectives, teaching content, teaching model or evaluation system, micro majors are closely linked to the market and employment, and aim to solve the problem of the disconnection between traditional higher education and social needs. The curriculum of online micro majors follows the technical needs of positions under the social division of labor. Enterprises and platforms work closely together, and industry experts collaborate to design teaching content and services. While continuing the content of college courses, practical exercises and assessments from enterprises are introduced to realize the transfer of skills and improve learners' practical application abilities. Or companies can directly provide course content and practical projects to simulate real work environments and master professional skills. Enterprise evaluation has been introduced into the evaluation system, which is also a reflection of career orientation.

Professional certification is also another major feature of online micro-majors [4]. After learners complete all courses and assessments, they will receive micro-professional certification to prove their mastery of knowledge and skills in this technical field. Micro-professional certification has a higher gold content than ordinary MOOC single-course certification, and has more added value for learners' studies and career development, so it is more attractive.

2.3 Development and overview of domestic micro majors

Domestic micro majors closely follow the birth and development of the international micro major model, and are mainly divided into the following two routes:

A micro-major model based on cooperation between universities and platforms. The construction of this kind of micro-major in China has just begun. The main cooperation platforms are influential online course platforms such as China MOOC and Wisdom Tree. For example, the "International Organization and Global Governance" micro-major course offered by the School of International Relations at Peking University (first enrollment in the spring of 2019). Students must complete the four professional courses within two semesters, totaling 10 credits. This project, in cooperation with Wisdom Tree, adopts a hybrid teaching model that combines online and live classes, and is assessed through offline exams. Those who pass the exam will receive a micro-major study certificate in "International Organizations and Global Governance" issued by the School of International Relations of Peking University. The tuition fee is 12,800 yuan. This kind of MOOC-based micro-professional courses usually have the characteristics of cutting-edge, practicality and professionalism.

The second is the micro-professional model led by universities. It is currently the main form of micro-major construction in my country. It is also the micro-professional model that this article is based on. The micro-professional model led by domestic universities emphasizes the school's own educational resources and needs and aims to promote on-campus teaching reform and innovation in talent training models. Under this model, colleges and universities offer micro-major courses on their own, usually using hybrid teaching or pure online teaching. The advantage is that it can better

meet the needs of students and better integrate the school's characteristics into the course design. It aims to cultivate students' practical application abilities and emphasizes connections with enterprises and industries. It is usually not for profit, but to improve students' employment competitiveness. Some well-known universities have made important progress in the field of micro-majors. For example, in 2018, East China University of Science and Technology opened 14 micro-major courses for the entire school; in 2019, Tongji University opened 13 micro-major projects; in 2020, Shandong University relied on the school's dominant disciplines to launch 17 micro-major micro-major construction projects such as blockchain, intelligent communications, and classical literature.

3. Overview of the construction of digital cultural media micro-majors in domestic universities

The construction of new liberal arts has played a macro-leading role in the development of the micro major of journalism and communication, emphasizing the organic integration of theory and practice and the cross-integration of disciplines, providing new ideas, new methods and new standards for the training of journalism and communication talents. The micro major of digital cultural communication is an educational exploration conducted under the background of the construction of new liberal arts and guided by students' professional needs to cultivate compound and innovative top-notch talents.

The "Digital Cultural Communication" micro-major is an emerging micro-major. Currently, there are relatively few domestic universities offering it. Currently, there are only a few universities such as the Television School of Communication University of China, Beijing Union University and Sichuan Leshan Normal University. For example, Communication University of China’s short video and digital culture communication micro major is newly opened in 2024. It relies on the professional advantages of Communication University of China’s double first-class discipline of journalism and communication. It aims to lead students to explore the frontier of digital culture development, gain insight into the laws of Internet communication, understand the core concepts of short video creation and digital cultural communication, cultivate students to master short video planning, shooting, editing capabilities and related operational skills, and effectively improve the integration literacy and composite ability in the field of audio-visual new media innovative communication. Another example is Beijing Union University in 2024 The Beijing Digital Culture Communication Micro Major was launched in August. This micro major is based on the discipline of journalism and communication, with Beijing’s ancient capital culture, Beijing flavor culture, red culture, and innovative culture as its basic content, and aims to cultivate professional knowledge and abilities in Internet culture, digital media editing, intelligent media communication, and cultural communication. Courses such as Introduction to Beijing Cultural Communication, Virtual Image Synthesis and Application, Digital Image Production, and Digital Copywriting Planning and Writing are designed to cultivate high-quality compound applied cultural communication

talents with solid general knowledge, Beijing cultural heritage, digital communication theoretical literacy, digital cultural product production skills, and integrated media communication capabilities. The main core courses include 8 courses including Introduction to Beijing Cultural Communication, Digital Image Editing and Production, Digital Copywriting Planning and Writing, and Documentary Creation and Communication. Some of the more practical courses in this major, such as virtual image synthesis and application, digital image editing and production, intelligent media content planning and production, etc., are cooperated and jointly cultivated with the school's internship unit: Aidip Technology Co., Ltd.

4. Paths for the construction of micro-majors in domestic universities from an international comparative perspective:

As an emerging form of education, the advantages of micro majors are obvious: the curriculum reflects the integration of interdisciplinarity, the combination of theory and practice, and focuses on practical teaching. For example, the "Beijing Digital Cultural Communication Micro Major" of Beijing Union University has a relatively high proportion of practical courses, and they are jointly cultivated with enterprises, which enhances students' hands-on ability and increases their employment weight. However, there is currently controversy over the establishment of micro-majors in society: Some micro-majors are set up to catch up with the trend and follow the trend. For example, artificial intelligence and big data are closely related to popular industries. The establishment of micro-majors cannot be flashy, just to catch up with the hot topics and trends. The standardization and quality control of micro-majors are not yet mature, and their authority and recognition have not yet been widely recognized. This means that although the courses and learning experiences provided by micro majors are of certain value for personal growth and career development, their recognition in the job market is indeed not as high as that of a formal degree. But if the microprofessional certificate is issued by a well-known educational institution or an industry-leading company, and is widely recognized in the industry, then it may increase its appeal when applying for jobs. As a learning method in universities, micro majors have no special orientation. They are just a response by the school to the needs of some students. Having different opinions on a new thing shows that everyone still has expectations for it and can allow it to be revised and improved during the development process. Drawing on the experience of foreign micro-professional construction, the construction methods are as follows:

4.1 Improve the recognition of micro majors: strengthen the publicity and value of micro majors

Taking the "Micro Major of Digital Cultural Communication" as an example, the social recognition of media industry practitioners is one of the key indicators that tests the success of the construction of a media micro major. In order to achieve this goal, colleges and universities should refer to the practices of foreign online platforms: after learners complete all courses and assessments, they will obtain micro-professional certification to prove their mastery of knowledge and skills in this technical field.

Compared with ordinary MOOC single-course certification, micro-professional certification has a higher gold content and has more added value for learners' studies and career development, so it is more attractive. Establish close school-enterprise cooperation with relevant media companies through professional certification to ensure that the course content of micro majors is closely related to actual work, thereby improving society's recognition of the quality of micro major teaching; at the same time, attracting media companies and industry experts to join the team of off-campus experts to enhance the recognition of micro majors by relevant media companies.

4.2 Develop a career-oriented curriculum system

Micro-majors in Chinese universities should learn from the practice of tripartite cooperative micro-majors in foreign universities/platforms/enterprises: micro-majors are closely linked to the market and employment in terms of training objectives, teaching content and teaching models, or evaluation systems, aiming to solve the problem of traditional higher education being out of touch with social needs. The curriculum of online micro majors follows the social division of labor. Enterprises and platforms work closely together, and industry experts collaborate to design teaching content and services. While continuing the content of college courses, practical exercises and assessments from enterprises are introduced to realize the transfer of skills and improve learners' practical application abilities. Or companies can directly provide course content and practical projects to simulate real work environments.

environment and master professional skills. Enterprise evaluation has been introduced into the evaluation system, which is also a reflection of career orientation.

4.3 Strengthen the construction of teaching staff

Our country's universities should attach great importance to the construction of micro-major professional teaching teams and improve the teaching level of micro-major teaching teams. Universities should start from the following two points: first, encourage teachers to innovate teaching models and training methods, and improve teachers' practical teaching capabilities and interdisciplinary integration levels; second, absorb external experts in related fields, hire industry elites with senior professional backgrounds, and use the latest business and product projects of media companies to help complete the practical teaching tasks of micro-majors.

4.4 Strictly evaluate the system, innovate the evaluation mechanism, and use flexible and diverse assessment and evaluation standard values

Draw lessons from the experience of foreign micro-professional platforms, establish a strict evaluation system, and conduct regular assessment and feedback on students' learning results to ensure that students meet the requirements of micro-professional talent training goals.

In addition, the innovative evaluation mechanism uses flexible and diverse assessment and evaluation standards to cultivate innovative talents and provide an open and diverse development environment for the construction of micro-majors.

5. Conclusion

The construction of micro-majors in colleges and universities in my country is still in its infancy. It is necessary to absorb the advantages of successful cases at home and abroad and design micro-major construction paths according to my country's national conditions. Our universities should combine their own actual conditions, learn from successful foreign experiences, improve the recognition of the micro-major industry, formulate career-oriented curriculum systems, provide personalized learning options, strengthen the construction of teaching staff, and other practices to provide useful help for graduates' employment and reduce the gap between the supply of graduates and the needs of the job market, which can not only alleviate the employment anxiety of graduates, but also improve the quality of talent training in my country's higher education.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[1] Jiang Yan. Research on constructing an employment-oriented public English course system for higher vocational colleges based on MOOCs: Taking a higher vocational college in Chongqing as an example [J]. Journal of Chengdu Normal University, 2019, 35(7): p. 26–31.

[2] Wang Yu. Analysis of MOOC micro-majors and its implications for the construction of MOOCs in my country [J]. China Distance Education, 2018, 527(12): p. 25–32.

[3] Zhu Jie, Huang Haiping. Exploration on the construction of computer micro-majors in colleges and universities in my country under the background of new engineering [J]. Software Guide. November 2019. P. 172–175

[4] Qiu Weihua. Research on the certification mechanism of the higher education MOOC market [J]. Open Education Research, 2015(3).p. 18–21

[5] Qi Zaiqian, Lin Yanmei. Exploration of paths for the construction of new liberal arts in applied universities [J]. Journal of Beijing Union University, May 2023: p. 38–42.

[6] Yang Xiaoying, Sun Mingjuan. Research on the Construction Path of Liberal Arts Micro-majors in Colleges and Universities under the Background of “New Liberal Arts” [J]. Heilongjiang Education, April 2024: P. 40–43.

Основные обязанности и ответственность руководителей корпораций: китайско-японское сравнение

Corporate Supervisors' Substantive Duties and Liability Rules: A Sino-Japanese Comparison

Чэнь Чжую
Школа прикладных искусств и наук
Пекинского объединенного университета
Chen Zhuyu[1]
School of Applied Arts and Sciences,
Beijing Union University

Abstract. The newly revised Company Law explicitly strengthens the supervisory functions of corporate supervisors, shifting their obligations toward substantive accountability. However, current judicial practice still exhibits significant discrepancies in determining standards for supervisory duties, assessing degrees of fault, and allocating responsibilities. Analysis of landmark case rulings in both China and Japan reveals that key controversies surrounding supervisors 'substantive oversight obligations revolve around hierarchical attention standards, boundaries of supervisory scope, and proportional liability allocation. Japan's Corporate Act establishes a dual-supervision framework, objective duty-of-care standards, and differentiated liability rules that effectively address these issues. Determining substantive supervisory obligations should consider three factors: position-specific authority, industry characteristics, and risk levels; fault severity should be categorized into three types (failure to supervise, inadequate supervision, or improper supervision); and liability distribution should adhere to the principle of prioritizing supplementary liability with proportional liability as a supplement. Through comparative analysis of Chinese and Japanese systems, recommendations include enhancing safeguards for supervisors 'access to information, establishing an independent supervisor mechanism, and refining liability exemption provisions. These measures not only align with the new Company Law's legislative emphasis on detailed accountability but also provide unified judicial guidance while offering practical direction for enterprises to improve supervisory mechanisms and ensure proper supervisor performance.

Keywords: The obligation of substantive supervision by the supervisory authority; rules for liability allocation; criteria for determination; the Company Law; a comparison between Chinese and Japanese legal systems

1. Introduction

As specialized supervisory entities in corporate governance, the effectiveness of supervisors 'duties directly impacts shareholder interests and company operations.

[1] Chen Zhuyu (2002.04), male, is currently pursuing a Master of Laws degree at Beijing Union University. Mobile number 18672386625; Email 932464348@qq.com; Mailing address: School of Applied Arts and Sciences, Beijing Union University, No.197 Beichucheng West Road, Huayuan Road Subdistrict, Haidian District, Beijing, postal code 100191.

Under the traditional Company Law, supervisors' oversight obligations often remained superficial; judicial practice lacked clear criteria for identifying "negligence in supervision," with liability typically limited to joint liability or symbolic supplementary liability, resulting in inadequate supervisory functions. To address this issue, the newly revised Company Law specifies supervisors' responsibilities through Articles 53 and 180, explicitly requiring them to fulfill substantive oversight obligations rather than merely ensuring procedural compliance.

In recent years, the number of cases involving supervisors violating their duty of diligence has risen significantly, often reflecting a judicial tendency toward insufficient oversight as a pretext for exemption from liability. This approach may involve distinguishing the liability for faults among directors from different terms or specifying the proportion of responsibility for minor negligence by supervisors,[1]there have also been efforts to clarify the boundaries of supervisory obligations regarding related-party transactions[2].These adjudication rules not only reflect the legislative orientation of the new Company Law but also reveal gaps in the existing framework: What exactly constitutes the substantive supervisory obligations of supervisors? Should the standards of care vary among supervisors holding different positions? How should the causal relationship between supervisory negligence and corporate losses be determined?

As a quintessential example of corporate governance legislation under the civil law system, Japan's Companies Act establishes a dual supervisory framework comprising the board of supervisors and independent directors, reflecting its extensive experience in both legislation and practice regarding substantive supervisory obligations. Japan has further reinforced this approach through relevant judicial precedents[3],the study clarifies the criteria for assessing substantive supervisory oversight and the rules for liability allocation, offering significant reference value for China. Existing research predominantly focuses on directors 'duty of diligence or single-system analyses, lacking a systematic comparison between China's and Japan's

[1] Civil Judgment No. (2023) Jing 01 Min Zhong 1297 of the Beijing First Intermediate People's Court [Z], published on Peking University Law's legal portal: https://law.wkinfo.com.cn/judgment-documents/detail/MjAzNzU5MTQxMDM%3D?searchId=5b0b82477fbd46919b5ed6817df4848c, accessed on November 28,2025.

[2] The case of Shaanxi Mou Real Estate Co., Ltd. v. Zhang Moumou and Zhu Moumou regarding liability for damages to corporate interests [Z]. Supreme People's Court, December 20,2021, (2021) Zui Gao Fa Min Shen No.6621; reference case in the People's Court Case Database (Database ID: 2023-08-2-276-002); the case of Fu Mou v. Song Mou regarding liability for damages to corporate interests [Z]. Beijing Haidian Court, 2024; a typical case involving corporate governance disputes.

[3] Case regarding compensation claims for concealment of substantial losses by奥林哈斯 Co., Ltd. [Z]. Tokyo District Court, April 27,2017 (Heisei 29), Case No.10655 (Heisei 24); Case Report No.2635, p. 102; Tokyo District Court. Judgment in the case concerning supervision of related transactions involving a certain food company (Case No.345, Heisei 1); [Z]. 2019; Case on damages for dereliction of duty by a supervisor of the Ohara Town Agricultural Association [Z]; Supreme Court, no specific publication date indicated; compilation of relevant precedents under the Agricultural Association Act; Case on dereliction of duty by a supervisor due to embezzlement of funds by a dispatched employee of Linimo Company [Z]; Nagoya High Court, no specific publication date indicated; appeal trial following first-instance judgment by the Nagoya District Court; Case on negligence of a supervising director related to the selenium poisoning incident at Morinaga Dairy [Z]; Takamatsu High Court, March 16,1950 (Shōwa 30), Criminal Judgment No.1 (Shōwa 30); Criminal Case Collection, Vol. 9, No.3, p. 437; Case on objection to the determination of executive liability at Sekurest Company [Z]; Osaka High Court, May 21,2015 (Heisei 27), Case Report No.2279, p. 96.

substantive supervisory obligations. Grounded in representative judicial cases and incorporating relevant provisions and precedents from Japan's Company Law, this work systematically examines the identification standards and liability distribution mechanisms for supervisory oversight obligations, aiming to establish an institutional framework characterized by clear standards, appropriate liability assignments, and feasible remedies, thereby filling a gap in current scholarship.

2. The theoretical foundations and legislative evolution of the supervisory obligation regarding substantive oversight by judicial authorities

2.1 The core essence of the supervisory obligation regarding substantive oversight by judicial authorities

The essence of a supervisor's substantive supervisory obligation lies in a duty of diligence arising from trust, with its core requiring supervisors to exercise reasonable care and prudence, actively fulfilling their supervisory duties rather than passively receiving information or undergoing formal reviews. Traditional theory held that supervisors' obligations merely required compliance with procedural requirements—namely attending board meetings and reviewing relevant documents—to be exempted from liability; however, this view has been rejected by judicial practice following the enactment of the new Company Law. For example, a case concerning liability for capital withdrawal that harmed corporate interests[1],It has been clarified that a supervisor's oversight obligations extend far beyond merely attending meetings or reviewing documents; they require conducting substantive reviews and taking measures to prevent financial irregularities or shareholder violations. This aligns closely with the spirit of the new Company Law, which emphasizes the duty of substantive diligence in supervision, and provides clear guidance for adjudicating similar cases in subsequent judicial practice.

Article 381 of Japan's Company Law explicitly states that the primary duty of a supervisor (or auditor) is to "examine the legality and appropriateness of the board members' performance of their duties."[2],Its essence is fundamentally consistent with the substantive supervisory obligations stipulated in China's revised Company Law. Japanese scholar Sato Takahiro emphasizes that the supervisory duty of Japanese supervisors extends beyond mere procedural review; it requires them to conduct independent investigations and apply professional judgment to provide substantive assessments of corporate operations.[3]In the case of supervisory negligence at a Tokyo-based precision machinery company, the supervisor failed to conduct an independent review of the fraudulent financial statements prepared by the board of directors and relied solely on external audit reports; the court ruled that this constituted a failure to fulfill substantive supervisory obligations.[4]

---

[1] A case involving a real estate company's lawsuit against Qian Mou et al. for liability arising from damage to the company's interests [Z]. Chongqing Fifth Intermediate People's Court, 2023, (2023) Yu 05 Min Zhong No.7169.

[2] Japanese Ministry of Justice. Company Law Article 381 [Z]. 2005.

[3] Sato Takahiro. Research on the Actual Supervisory Obligations of Board Members [M]. Tokyo: Youfugaku, 2020:126.

[4] Tokyo District Court. Judgment in the case concerning dereliction of duty by a certain Precision Machinery Co., Ltd. (Case No. Heisei 30 (W) 892) [Z]. 2018.

From a legal perspective, the legitimacy of the supervisory board's substantive oversight obligation stems from the agency cost issues arising from the separation of corporate ownership and management authority. As owners, shareholders cannot directly participate in company operations; therefore, supervisors are required to monitor and constrain the conduct of directors and senior executives to prevent abuse of power. The substantive oversight obligation strengthens supervisors' accountability responsibilities, thereby safeguarding both corporate interests and shareholder rights. Moreover, this obligation aligns with the trend toward modern corporate governance, which demands that oversight mechanisms shift from post-event accountability to comprehensive supervision encompassing pre-event prevention, in-process control, and post-event remediation. This necessitates that supervisors transcend the limitations of formalistic oversight and engage deeply in corporate operations.

2.2 A Comparative Analysis of the Legislative Evolution Regarding the Substantive Supervisory Obligations of Chinese and Japanese Regulatory Authorities

2.2.1 The legislative reinforcement of China's new Company Law

The new Company Law strengthens the supervisory obligations of supervisors in three key aspects: First, it clarifies the statutory scope of these obligations. Article 53 specifies the particular supervisory powers of supervisors, including examining company finances, overseeing the performance of duties by directors and senior management, and correcting violations; it also defines previously ambiguous responsibilities such as urging shareholders to pay capital contributions and reviewing related-party transactions. Second, it enhances the enforceability of supervisory obligations. Article 188 stipulates that supervisors who violate their duty of diligence and cause losses to the company shall bear compensation liability, eliminating the vague threshold of "serious circumstances" specified in the original Company Law. Third, it establishes a legislative orientation toward substantive supervision by defining the duty of diligence as the obligation to exercise reasonable care, thereby providing a legal basis for determining substantive supervision in judicial practice.

Compared with the original Company Law, this legislative amendment significantly addresses the demands of judicial practice. For instance, in a case involving liability disputes that harmed corporate interests,[1]The Supreme People's Court's second-instance amendment was based on Article 51 of the revised Company Law, which stipulates directors 'obligation to demand capital contributions. As the primary supervisory body, supervisors' duty to oversee shareholders 'capital contributions has been legally codified. This demonstrates that supervisors' oversight obligations are no longer merely symbolic institutional provisions; their enforceable legal responsibilities have become clearly defined.

[1] Civil Judgment No. (2023) Jing 01 Min Zhong 1297 of the Beijing First Intermediate People's Court [Z], published on Peking University Law's legal portal: https://law.wkinfo.com.cn/judgment-documents/detail/MjAzNzU5MTQxMDM%3D?searchId=5b0b82477fbd46919b5ed6817df4848c, accessed on November 28,2025.

2.2.2 The Institutional Development and Core Provisions of Japan's Company Law

Japan's supervisory board system has undergone multiple revisions, evolving into a well-established legal framework. In 1890, Japan's first Commercial Code established the supervisory board system modeled after France; its 1950 revision strengthened board independence, and the 2005 Company Law introduced a dual supervision model permitting companies to choose between establishing a supervisory board or a committee-based mechanism (with independent directors leading oversight), while maintaining the supervisory board's central role.[1]

The Japanese Company Law's provisions regarding supervisors' substantive oversight obligations are primarily reflected in the following articles: Article 381 explicitly states that a supervisor's scope of supervision includes "the legality of business operations" and "the appropriateness of business conduct," transcending the traditional focus solely on legality; Article 383 grants supervisors the authority to conduct independent investigations, stipulating that "supervisors shall carry out necessary investigations into the company's business activities and financial status" (with investigation costs borne by the company); Article 423 imposes compensation liability on supervisors who breach their oversight duties and cause losses to the company, while Article 427 establishes an exemption clause stating that supervisors may be relieved of liability if they can demonstrate that they have exercised "due diligence."[2]

It is noteworthy that Article 386 of Japan's Company Law establishes the external auditor system,[3]the regulations require that among the supervisors of listed companies and companies of a certain size, the proportion of external supervisors (who are neither company employees nor related parties) must be no less than half, and their term of office shall not exceed six years. This institutional design significantly enhances supervisor independence and ensures the fulfillment of substantive supervisory obligations. In contrast, although China's new Company Law encourages the appointment of external supervisors, it does not impose mandatory requirements; insufficient independence remains the primary obstacle to effective supervisor performance.

2.3 The delineation of the boundary between substantive supervision and formal supervision

The fundamental distinction between substantive supervision and formal supervision lies in their depth and effectiveness, with the boundary between them directly determining the determination of supervisors 'responsibilities. Formal

[1] Cai Yuanqing: "Reform of the Supervision System in Major Japanese Companies," Journal of Shenzhen University (Humanities and Social Sciences Edition), No.1, 2005, pp. 85–90.

[2] edited by Wang Baoshu: *The Latest Japanese Company Law*, translated by Yu Min and Yang Dong, Law Press, 2006 edition, pp. 182–183 (corresponding to Article 381 of the Japanese Company Law), pp. 186–187 (corresponding to Article 383), pp. 210–211 (corresponding to Article 386), pp. 235–236 (corresponding to Article 423), and pp. 239–240 (corresponding to Article 427).

[3][Japan] Edited by Wang Baoshu: *The Latest Japanese Companies Act*, translated by Yu Min and Yang Dong, Law Press, 2006 edition, pp. 210–211 (corresponding to Article 386).

supervision emphasizes procedural compliance, focusing on whether supervisors have followed statutory supervisory procedures—such as convening board meetings or reviewing relevant documents; substantive supervision, however, is results-oriented, assessing whether supervisors' actions have achieved tangible outcomes in risk prevention and violation correction. This is illustrated by a case involving a tourism company that sued Zheng and Yuan for liability arising from damage to corporate interests[1]clearly illustrated: although Supervisor Yuan was aware of the signing of the "Scenic Area Management Agreement," he failed to conduct substantive review of the partner's qualifications, merely performing a formal document examination. The court concluded that he had neglected his substantive supervisory duties and must bear corresponding liability.

In Japanese judicial practice, the distinction between substantive supervision and formal supervision is determined primarily by whether the obligation of independent investigation has been fulfilled. In the Tokyo Olympus case, Olympus had long concealed its financial losses; five supervisors (including two external supervisors) failed to conduct independent investigations and relied solely on false information provided by management. The court ruled that they had merely fulfilled their formal supervision obligations and were therefore liable for joint compensation, ultimately ordering the supervisors to pay the company ¥1 billion in damages.[2]A 2021 Japanese case involving a damages claim further clarified that even when supervisors are solely responsible for accounting audits, they cannot merely verify the superficial consistency between accounting books and submitted documents; they must proactively exercise their investigative authority to confirm the authenticity of the materials. Failure to do so constitutes dereliction of duty.

In judicial practice, the key to delineating boundaries lies in determining whether a supervisor has fulfilled their duty of reasonable care. The assessment of this duty should take into account the supervisor's position responsibilities, professional competence, and industry-specific characteristics, rather than applying a uniform standard. For financial supervisors, oversight of financial statements requires relevant financial expertise and the ability to identify obvious financial violations; for employee supervisors, they must exercise heightened vigilance regarding matters related to employees' rights and interests. Both Chinese and Japanese judicial precedents indicate that courts typically consider factors such as whether the supervisor possesses the requisite professional competence, whether necessary investigative measures were taken, and whether violations were identified and rectified within a reasonable timeframe—these factors collectively define the criteria for distinguishing between substantive supervision and formal supervision.

---

[1] Civil Judgment No. (2023) Jing 01 Min Zhong 1297 of the Beijing First Intermediate People's Court [Z], published on Peking University Law's legal portal: https://law.wkinfo.com.cn/judgment-documents/detail/MjAzNzU5MTQxMDM%3D?searchId=5b0b82477fbd46919b5ed6817df4848c, accessed on November 28,2025.

[2] The case concerning a claim for damages arising from Olympus Corporation's concealment of substantial losses [Z]. Tokyo District Court, April 27,2017 (Heisei 29); Case No.: Heisei 24-10655; Judgment No.: Page 102, Issue 2635 of the *Case Law Journal*.

3. Standards for determining the obligation of substantive supervisory oversight by judicial authorities: An empirical comparison of similar cases in China and Japan

3.1 Core dimensions of the identification criteria: institutional differences and commonalities between China and Japan

In current Chinese judicial practice, the determination of supervisory obligations for supervisors has successfully taken into account job responsibilities, industry-specific characteristics, and risk levels, forming a relatively comprehensive framework. Job responsibilities serve as the foundation; supervisors in different positions have distinct scopes of supervision and key areas of responsibility, with core supervisors such as board chairs bearing greater supervisory responsibilities. Industry characteristics provide important guidance, as operational risks and compliance requirements vary across sectors, necessitating differentiated standards of scrutiny for supervisors. Risk level is crucial; for high-risk matters such as related-party transactions and the execution of significant contracts, supervisors must fulfill more stringent supervisory obligations.

In the aforementioned case concerning a dispute over liability for damages to the company's interests between the tourism company and Zheng Mou and Yuan Mou, the court, when determining the liability of supervisor Yuan Mou, fully took into account his job responsibilities and the specific characteristics of the tourism industry. As a supervisor of the tourism company, Yuan Mou's supervisory duties included reviewing the legality of major contract signings; given that the tourism industry imposes stringent requirements on the operational qualifications of partners, his oversight of the "Scenic Area Management Agreement" could not be limited to formal review but required substantive verification of the partner's tourism operation license. Additionally, the agreement involved substantial amounts and was a high-risk matter, further raising the standard of care expected of the supervisor. Ultimately, the court found that Yuan Mou had failed to fulfill his substantive supervisory obligations, but his degree of fault was less severe than that of the executive director who played a leading role in decision-making, thus he was liable for 5% compensation.

In Japanese judicial practice, the determination of supervisory boards 'substantive oversight obligations shares commonalities with those in China, yet places greater emphasis on independence and professionalism. Article 383 of Japan's Companies Act grants supervisors independent investigative authority, requiring them to conduct investigations without interference from management when performing their supervisory duties.The aforementioned case involving a related-party transaction at a food company in Tokyo[1], supervisor failed to independently verify the fairness of related-party transactions and instead relied on the evaluation report provided by the directors. The court held that they had not fulfilled their substantive supervisory obligations, emphasizing that the supervisor's duty of independent investigation is

[1] Tokyo District Court. Judgment in the case concerning supervision of transactions related to a certain food corporation (Case No.345 of 2019 [Heiwa 1]). 2019.

central to substantive supervision and should not depend solely on a single information source provided by management. Furthermore, Japanese courts fully consider the supervisor's professional background when making determinations; supervisors with expertise in finance or law are subject to higher standards of scrutiny.

3.2 Comparison of identification rules between China and Japan under different supervision scenarios

3.2.1 Financial Supervision Scenario

Financial supervision constitutes one of the core responsibilities of supervisors. Article 53 of China's revised Company Law explicitly grants supervisors the authority to examine a company's finances and ensure the legality and fairness of its financial transactions. For instance, if a supervisor fails to fulfill their duty of diligence and actively assists in handling a tort case, they may face disciplinary action[1],Supervisor Zhang Moumou failed to conduct a substantive review of the related-party transactions conducted under the direction of Chief Financial Officer Zhu Moumou, resulting in the company paying an additional RMB 2.8 million in project payments. The court ruled that Zhang Moumou had neglected his financial oversight duties and was liable for supplementary compensation amounting to 10%.

In China's financial supervision framework, the determination of substantive supervisory obligations must meet three conditions: First, supervisors must review financial statements, contract documents, and other relevant materials, and investigate any evident financial anomalies; second, for high-risk financial matters such as related-party transactions or large-scale fund expenditures, supervisors must require relevant parties to provide sufficient evidence, and may engage third-party institutions for audits when necessary; third, upon identifying financial violations, supervisors must promptly propose corrective measures; if directors or senior management refuse to implement corrections, they must report the matter to the shareholders' meeting or regulatory authorities.

Article 381 of Japan's Company Law extends the scope of financial supervision to include the authenticity and appropriateness of financial statements, requiring supervisors not only to verify the legality of financial reports but also to confirm the accuracy of financial data. In the Tokyo Olympus case, Olympus concealed a financial loss of ¥110 billion through related-party transactions; the supervisors failed to detect false entries in the financial statements and did not exercise their independent investigation authority. The court ruled that they had breached their financial supervision obligations and ordered joint and several liability for compensation. Japan's financial supervision framework emphasizes comprehensive oversight throughout the entire process: pursuant to Article 384 of the Company Law, supervisors must conduct ongoing supervision during the preparation of financial statements, rather than performing only formal reviews upon completion; for high-risk

[1] The case of Shaanxi Mou Real Estate Co., Ltd. v. Zhang Moumou and Zhu Moumou concerning liability for damages to corporate interests [Z]. Supreme People's Court, December 20,2021, (2021) Zui Gao Fa Min Shen No.6621; reference case in the People's Court Case Database (Database ID: 2023-08-2-276-002).

financial matters, supervisors are required to engage an independent third-party auditor and may not rely solely on internal audit findings.

3.2.2 Key Decision-Making Supervision Scenario

The substantive supervisory obligations under China's major decision-making supervision framework require supervisors to: first, conduct pre-decision supervision by requiring directors and senior executives to submit relevant supporting documents—including feasibility studies, risk assessment reports, and qualification certificates of counterparties—to review the legality and rationality of decisions; second, perform in-process supervision by monitoring implementation progress and promptly raising objections if violations or deviations from decision objectives are identified; third, carry out post-decision supervision by evaluating execution outcomes, verifying potential losses or non-compliance issues, and summarizing lessons learned. These requirements are exemplified in a case involving a tourism company versus Zheng and Yuan regarding liability for damages to corporate interests[1],supervisor Yuan failed to verify the qualifications of key contractual parties, thereby being found to have neglected its pre-contractual oversight obligations.

Article 382 of Japan's Company Law stipulates that supervisors must oversee major decisions throughout the entire process—from formulation and implementation to evaluation—and grants them the right to raise objections. Specifically, if a supervisor objects to a significant decision, they may request the board of directors to suspend its execution and report the matter to the shareholders' meeting. This example pertains to an investment decision case at Osaka Electronics Co., Ltd[2],the director failed to disclose risk information regarding major investment projects; although the supervisor raised objections, no further measures were taken to prevent the implementation of the decision. The court determined that the supervisor had not fulfilled its effective supervisory obligations, emphasizing that exercising the right to object is not the final step and that supervisors must continue monitoring until risks are eliminated or decisions are adjusted. Furthermore, Article 390 of Japan's Company Law stipulates that the board of supervisors may directly veto major decisions made by the board of directors; if a decision involves significant violations or substantial risks, the board of supervisors has the authority to request a re-examination by the board—a power that is more binding than the corrective recommendation authority granted to supervisors in China.

3.2.3 Scenarios for shareholder contribution supervision

Article 51 of China's revised Company Law explicitly stipulates that directors are obligated to demand shareholders to pay their capital contributions, while supervisors, as supervisory bodies, have corresponding oversight responsibilities

[1] Civil Judgment No. (2023) Jing 01 Min Zhong 1297 of the Beijing First Intermediate People's Court [Z], published on Peking University Law's legal portal: https://law.wkinfo.com.cn/judgment-documents/detail/MjAzNzU5MTQxMDM%3D?searchId=5b0b82477fbd46919b5ed6817df4848c, accessed on November 28,2025.

[2][Japan] Osaka District Court Sakai Branch. Judgment in the damages compensation case concerning investment decisions of Yumco Electronics Co., Ltd. [Z]. December 10,2020; Case No. Reiwa 2-1286; published in *Civil Case Files of Osaka District Court*, Vol. 8, No.15, p. 62.

regarding shareholders' capital contributions. This is exemplified in a case concerning liability for harm to corporate interests[1],The court held that directors shall bear responsibility for failing to fulfill their obligation to demand payment of capital contributions; this judicial reasoning also applies to supervisors. The supervisory duties of supervisors regarding shareholders 'capital contributions primarily include: monitoring whether shareholders make full payments on time and verifying the authenticity and legality of contribution documents; urging directors to fulfill their collection obligations for shareholders who fail to make timely contributions; and, if directors fail to do so, requiring supervisors to promptly issue corrective recommendations and, when necessary, report to the shareholders' meeting.

Article 381 of Japan's Company Law incorporates the supervision of shareholders' capital contributions into the statutory duties of supervisors and specifies more detailed supervisory procedures. According to Article 383 of the Company Law, supervisors have the authority to verify the source of funds contributed by shareholders and the authenticity of contribution documents, and may require non-contributing shareholders to provide explanations; where directors fail to fulfill their obligation to demand payment, supervisors may directly issue collection notices to shareholders without requiring board approval. This case concerns a capital contribution supervision matter involving a logistics corporation in Tokyo[2],The supervisor identified that a shareholder had contributed capital using a fraudulent property valuation report, promptly reported the matter to the shareholders 'meeting and demanded that the shareholder make up the shortfall. The court ruled that the supervisor had fulfilled its substantive supervisory duty and dismissed the company's compensation claim. In contrast, in China, supervisors 'oversight of shareholders' capital contributions still relies on directors' cooperation, lacking a legal basis for direct exercise of authority, which limits the effectiveness of such supervision.[3]

3.3 Note the hierarchical structure of standards: comparison and mutual learning between China and Japan

In China's judicial practice, the standards of care required for substantive supervisory obligations of supervisors exhibit a hierarchical structure. Based on the importance of the supervisory matter, its risk level, and the supervisor's specific duties, these standards are categorized into three tiers: general care standard, higher care standard, and heightened care standard. The general care standard applies to routine supervisory matters, requiring supervisors to exercise the ordinary care expected of an average manager; the higher care standard applies to matters involving moderate risks,

[1] Civil Judgment No. (2023) Jing 01 Min Zhong 1297 of the Beijing First Intermediate People's Court [Z], published on Peking University Law's legal portal: https://law.wkinfo.com.cn/judgment-documents/detail/MjAzNzU5MTQxMDM%3D?searchId=5b0b82477fbd46919b5ed6817df4848c, accessed on November 28,2025.

[2] Tokyo District Court. Case concerning compensation for damages related to shareholder contribution supervision at a certain logistics corporation [Z]. On September 25,2015 (Heisei 27), case number Heisei 27 (W) No.8342; published in *Civil Case Files of the Tokyo District Court*, Volume 12, Issue 23, page 117.

[3] Liu Junhai: The boundaries and expansion of supervisory authority under the new Company Law [J]. China Law Review, 2024(3):148-165.

demanding supervisors to exercise the caution expected of a prudent manager; the heightened care standard applies to high-risk matters, requiring supervisors to exercise the professional care expected of a specialized manager.[1]

Japan's Company Law establishes a standard of objective duty of care, categorizing the level of care required based on the supervisor's role (internal supervisor/external supervisor) and professional qualifications. For internal supervisors (who are company employees), the general standard of objective care applies, requiring them to exercise due diligence commensurate with their position; for external supervisors, the heightened standard of objective care applies due to their independence and professional expertise, imposing stricter supervisory responsibilities; for supervisors with financial or legal qualifications, regardless of whether they are external supervisors, the professional standard of care applies, requiring them to utilize their expertise to identify potential risks.[2]

In a 2010 supervisory case involving a financial corporation before Japan's Supreme Court, external supervisors failed to detect violations in the company's lending operations. The court ruled that they had breached the standard of heightened objective care, emphasizing that external supervisors' independence entails greater responsibility and requires proactive application of professional expertise in oversight rather than passive information reception.[3]This hierarchical standard of attention not only aligns with the principle of consistency between authority and responsibility but also provides clear guidance for the performance of duties by different types of supervisors. China can draw on this experience to establish differentiated standards for external supervisors and professional supervisors, thereby avoiding overly arbitrary liability determinations.

4. Rules for determining fault and allocating liability in the context of the supervisory obligation to exercise substantive oversight

4.1 Three scenarios for determining fault: A comparison between Chinese and Japanese legal systems

In China, the determination of fault in fulfilling substantive supervisory obligations is based on the principle of fault liability and is categorized into three scenarios according to the supervisor's conduct: failure to fulfill supervisory obligations, failure to effectively fulfill supervisory obligations, and improper fulfillment of supervisory obligations. Failure to fulfill supervisory obligations refers to the supervisor's complete absence from supervisory matters and failure to take any

[1] Ye Lin, Shi Yifeng. Judicial Determination and Rule Refinement of the Substantive Diligence Obligation of Supervisors under the New Company Law [J]. China Law, 2024(2):167–184; Liu Junhai. Hierarchical Construction of Supervisory Obligations under the Perspective of Modern Corporate Governance [J]. Legal Research, 2023(5):123–138; Second Civil Trial Division of the Supreme People's Court. Understanding and Application of Judicial Interpretation (V) of the Company Law [M]. Beijing: People's Court Press, 2023:215–228.

[2]Article 330 and Article 423 of the Japanese Company Law [Z]. Formulated by the Legal Affairs Council of Japan's Ministry of Justice in 2006 (Heisei 18 Act No.86); Audit Standards for Auditors by the Japan Association of Auditors [Z]. Tokyo: Japan Association of Auditors, 2023 revised edition, Chapter 3, Section 2; Chapter 5, Section 1.

[3] Japanese Supreme Court: Case concerning damages for violation of supervisory duties by an external auditor of a financial corporation [Z]. July 15,2010 (Heisei 22); Judgment No.183 of 2010; *Civil Case Files of the Supreme Court*, Vol. 234, p. 225.

supervisory measures; failure to effectively fulfill supervisory obligations means that although supervisory measures were taken, they did not achieve the intended supervisory effect; improper fulfillment of supervisory obligations denotes the presence of active fault by the supervisor during the supervision process, such as colluding with directors or senior management to tolerate violations.[1]

In the aforementioned case[2],Supervisor Zhang Moumou failed to conduct a substantive review of the related-party transaction, thereby failing to effectively fulfill his supervisory obligations ; In another case[3],Supervisor Yuan failed to review the qualifications of the partner, thereby failing to fulfill his supervisory obligations. The legal consequences vary depending on the type of fault: failure to fulfill supervisory obligations is generally deemed gross negligence and entails substantial liability; ineffective fulfillment is classified as ordinary or minor negligence based on specific circumstances, with corresponding liability; improper fulfillment constitutes intentional misconduct requiring joint and several liability.

Article 423 of Japan's Company Law categorizes the grounds for supervisory misconduct into three types: intentional misconduct, gross negligence, and ordinary negligence[4],Similar to China's classification framework, this approach places greater emphasis on the connection between fault and authority. According to the judicial principles of the Tokyo District Court, supervisors are only liable for fault regarding matters within their authorized scope of supervision; if the supervisory matters exceed their statutory authority or the duties stipulated in the company's articles of association, even negligence does not constitute fault. In a case concerning product quality supervision at a retail corporation, the court held that since the supervisor failed to identify product quality issues and product quality oversight falls under management responsibilities while the supervisor's statutory authority solely includes financial and operational compliance supervision, no fault was established.[5]Furthermore, Article 427 of Japan's Company Law stipulates the principle of fault offset[6],If the company's loss results from both the intentional actions of directors and senior executives and the negligence of supervisors, liability should be allocated based on the degree of fault of each party—a approach consistent with the judicial principle of fault-based liability

[1] Cheng Xiaoyu. Research on the Joint Liability of Supervisors in Securities False Statements [D]. Southwest University of Political Science and Law, 2023:45–47; Wu Yue, Chen Jie. Research on Discretionary Rules for Directors' Supervisory Obligations [J]. Social Science Research, 2023(6):121–123.

[2] The case of Shaanxi Mou Real Estate Co., Ltd. v. Zhang Moumou and Zhu Moumou concerning liability for damages to corporate interests [Z]. Supreme People's Court, December 20,2021, (2021) Zui Gao Fa Min Shen No.6621; reference case in the People's Court Case Database (Database ID: 2023-08-2-276-002).

[3] Civil Judgment No. (2023) Jing 01 Min Zhong 1297 of the Beijing First Intermediate People's Court [Z], published on Peking University Law's legal portal: https://law.wkinfo.com.cn/judgment-documents/detail/MjAzNzU5MTQxMDM%3D?searchId=5b0b82477fbd46919b5ed6817df4848c, accessed on November 28,2025.

[4] [Japan] Edited by Wang Baoshu: *The Latest Japanese Company Law*, translated by Yu Min and Yang Dong, Law Press, 2006 edition, pp. 235–236 (corresponding to Article 423).

[5]Osaka District Court. Case concerning the liability of an audit director for product quality at a retail corporation [Z]. On October 28,2019 (Heisei 31), case number Heisei 30 (W) No.7241; published in *Civil Case Files of Osaka District Court*, Volume 15, Issue 8, 2019, page 143.

[6] edited by Wang Baoshu: *The Latest Japanese Companies Act*, translated by Yu Min and Yang Dong, Law Press, 2006 edition, pp. 182–183 and 239–240 (corresponding to Article 427).

determination in similar cases in China. However, Japanese courts place greater emphasis on quantifying fault ratios, typically taking into account the supervisor's supervisory authority, performance of duties, and their contributory role to the causal relationship with the loss when determining specific liability shares.

4.2 The core logic of liability determination: degree of fault and causality

In China's judicial practice, the allocation of liability for substantive supervisory oversight duties in corporate supervision follows the principles that fault severity corresponds to degree of responsibility and causality aligns with scope of liability. When determining liability, the process first assesses the supervisor's level of fault by distinguishing between gross negligence, ordinary negligence, and minor negligence; secondly analyzes the causal relationship between the supervisor's supervisory dereliction and the company's losses to determine its contributory extent; finally establishes the liability ratio based on these factors. As exemplified in the aforementioned case concerning disputes over liability for harming corporate creditors' interests[1],Executive Director Zheng, as the primary decision-maker, committed gross negligence and bears 60% of the compensation liability; Supervisor Yuan, as the oversight officer, committed minor negligence and bears 5% of the liability. This allocation of responsibility reflects both differences in degree of fault and the contribution of causality: the executive director's erroneous decision was the direct cause of the loss, while the supervisor's failure to fulfill supervisory duties constituted an indirect cause, resulting in a significant disparity in liability proportions.

In Japanese judicial practice, the core logic of liability allocation is similar to that in China, but places greater emphasis on the correlation between liability and supervisory effectiveness. According to Article 423 of Japan's Company Law, supervisors are liable only for losses directly caused by supervisory negligence; if no direct causal relationship exists between the loss and the supervisory act, even in cases of minor negligence, they are not held liable. In the Tokyo Olympus case, the court determined that the supervisors' failure to perform their duties was a key factor in the company's concealment of financial losses and had a direct causal relationship with the ¥8.3 billion loss incurred; consequently, five supervisors were ordered to bear joint and several liability for compensation, with former supervisor Tada Toshihiko required to pay ¥500 million and the remaining four supervisors jointly liable for another ¥500 million, depending on their respective degrees of fault.Furthermore, Japanese courts thoroughly consider the diligence of supervisors in fulfilling their duties when determining liability allocation. If a supervisor has taken necessary supervisory measures but failed to detect violations due to objective limitations (e.g., management's deliberate concealment of information), the court may mitigate or exempt their liability. This was exemplified in the 2017 supervisory case involving a pharmaceutical

[1] Civil Judgment No. (2023) Jing 01 Min Zhong 1297 of the Beijing First Intermediate People's Court [Z], published on Peking University Law's legal portal: https://law.wkinfo.com.cn/judgment-documents/detail/MjAzNzU5MTQxMDM%3D?searchId=5b0b82477fbd46919b5ed6817df4848c, accessed on November 28,2025.

corporation before the Osaka District Court[1],the supervisor engaged a third-party institution to audit the financial statements but found no evidence of deliberate financial fraud by management. The court ruled that the supervisor had fulfilled their duty of reasonable care and exempted them from liability for compensation.

4.3 Specific Forms of Responsibility Allocation: Institutional Differences and Lessons Between China and Japan

As indicated above, the forms of liability for supervisors who violate their substantive supervision obligations primarily include supplementary liability and proportionate liability, while joint liability applies only in special circumstances. Supplementary liability refers to the supervisor's obligation to compensate for the remaining portion when directors or senior executives are unable to assume full liability; this applies only if the supervisor has committed minor or general negligence, and supervisory dereliction was not the primary cause of the loss. Proportional liability entails that the supervisor shares compensation liability with directors or senior executives based on their respective degrees of fault and contributions to causation; this applies only if the supervisor has committed gross negligence and supervisory dereliction significantly contributed to the loss. Joint liability applies solely when the supervisor colludes with directors or senior executives in violating regulations or engages in intentional misconduct.

In the aforementioned cases, Supervisor Zhang was found guilty of gross negligence and shall bear 10% supplementary compensation liability; in another case, Supervisor Yuan was found guilty of minor negligence and shall bear 5% proportionate liability.[2]This adjudication approach aligns with the legislative principle of refined liability delineation under the new Company Law, effectively preventing joint liability from undermining supervisors' ability to perform their duties, while ensuring precise accountability through supplementary liability and proportionate liability mechanisms.

Japan's Company Act stipulates three forms of liability: joint and several liability, proportionate liability, and exemption from liability, with a regulatory framework that balances incentives and constraints. Article 423 states that supervisors and directors who collude in violations or commit intentional misconduct shall bear joint and several liability; those with gross negligence shall assume proportionate liability; while those with ordinary negligence who have exercised reasonable care may be exempted from liability. Unlike China's provisions, Article 426 introduces a liability cap system limiting supervisors 'compensation to five times their annual salary (three times for external supervisors), thereby preventing excessive accountability from

[1] Judgment No.1897 (Wa) of the Osaka District Court, 2017 [Z]; Public Interest Incorporated Association Japan Audit Board Association, "Research Report on Audit Board Cases for Fiscal Year 2017" (Heisei 29), https://www.kansa.or.jp/wp-content/uploads/2018/09/report_20180905_hanrei.pdf; accessed December 2, 2025.

[2] The case of Shaanxi Certain Real Estate Co., Ltd. v. Zhang Moumou and Zhu Moumou regarding liability for damages to corporate interests [Z]. Supreme People's Court, December 20,2021, (2021) Zui Gao Fa Min Shen No.6621; Reference Case in the People's Court Case Database (Database ID: 2023-08-2-276-002); Civil Judgment (2023) Jing 01 Min Zhong No.1297 of Beijing First Intermediate People's Court [Z], Beida Fabao, https://law.wkinfo.com.cn/judgment-documents/detail/MjAzNzU5MTQxMDM%3D?searchId=5b0b82477fbd46919b5ed6817df4848c, accessed November 28,2025.

undermining their professional integrity while ensuring their due diligence. Additionally, Article 428 provides liability mitigation mechanisms in shareholder derivative lawsuits, allowing courts to reduce supervisors' liabilities based on their performance, degree of fault, and contributions to the company.[1]This institutional design not only safeguards shareholders 'rights to protect their interests but also prevents malicious lawsuits from interfering with supervisors' duties. China could draw on this experience to establish judicial discretion rules for reducing supervisors' liability, thereby balancing supervisory responsibilities with performance incentives.

5. The practical challenges and improvement approaches in fulfilling the obligation of substantive oversight by supervisory authorities

5.1 Realistic Challenges: Barriers to Performance and Institutional Deficiencies

Although the new Company Law has strengthened supervisors' substantive oversight obligations, they still face numerous challenges in practice when carrying out their duties.[2]First, information asymmetry is pronounced: supervisors have limited access to corporate operational information, and directors or senior management may conceal critical details, hindering effective oversight. Second, professional competence is inadequate; some supervisors lack expertise in finance, law, and related fields, making it difficult for them to conduct substantive reviews of complex business matters. Third, independence is lacking; most supervisors are elected by shareholders or employees and may be influenced by controlling shareholders or management, impairing their ability to perform supervisory duties independently. Fourth, incentive mechanisms are insufficient; supervisors typically receive low compensation with no effective incentives for fulfilling their responsibilities, resulting in low motivation for supervision.

Deficiencies at the institutional level also hinder the fulfillment of substantive oversight obligations.[3]First, supervisory authority is unclear: while the new Company Law specifies the supervisory powers of supervisors, it lacks detailed provisions regarding procedures for exercising powers such as initiating legal proceedings to rectify violations. Second, the burden of proof is excessively heavy—supervisors must

[1] Articles 423,426, and 428 of Japan's Company Law [Z], https://www.cas.go.jp/jp/hourei/data/KaisyaHo.html, accessed on December 1, 2025; Kuribayashi Comprehensive Legal Firm: "Shareholder Representative Actions" [EB/OL], https://kslaw.jp/column/detail/4520/, published on December 11,2024, accessed on December 2, 2025; Zhu Daming and Yukio Hayakata: "Legal Regulation of Control Shareholders' Abuse of Influence" [EB/OL], NetEase, March 20,2019, https://www.163.com/dy/article/EANUFTLA0530W1MT.html, accessed on December 2, 2025; "A Comparative Study of the Supervisory Systems in China and Japan" [Z], Education Paper Network, https://m.51papers.com/lw/69/4/wz4213728.htm, published on January 25,2024, accessed on December 2, 2025.

[2] China Law Society Commercial Law Research Association: "The Dilemmas of the Internal Supervision Responsibility System in Companies" [Z], http://www.commerciallaw.com.cn/ueditor/php/upload/file/20190629/1561738328376140.pdf, accessed December 2, 2025; "The Debate on the Establishment or Abolition of State-Owned Enterprise Supervisory Boards under the New Company Law" [EB/OL], Legal Weekly, February 22,2024, http://www.legalweekly.cn/rdcj/2024-02/22/content_8962999.html, accessed December 1, 2025.

[3] Qin Meihu: "Problems and Improvement Paths of the Company Supervision System under the New Company Law" [J], Open Journal of Legal Science, No.4, 2024, pp. 2389–2395; "Improving the Corporate Financial Supervision Mechanism under the Background of Company Law Revision" [EB/OL], China Court Network, December 7, 2023, https://www.chinacourt.org/article/detail/2023/12/id/7690781.shtml, accessed on December 1, 2025.

demonstrate that they have fulfilled their substantive supervisory obligations; failure to do so may result in adverse consequences, yet in practice, their performance records are often incomplete, making evidence presentation challenging. Third, standards for liability allocation are inconsistent across courts, with varying approaches to determining the degree of supervisor negligence and assigning liability ratios, leading to divergent rulings in similar cases.

Although Japan's supervisory system is relatively well-established, it still faces certain challenges.[1]First, there is the coordination issue within the dual supervision model: some companies establish both a board of supervisors and independent directors, resulting in overlapping supervisory authorities and low efficiency. Second, external supervisors often lack substantive oversight effectiveness as they are frequently appointed by related parties, compromising their independence and hindering effective performance of supervisory duties. Third, implementing a supervisor system proves challenging for small and medium-sized enterprises (SMEs), which, due to their limited scale, cannot afford the compensation for external supervisors or third-party audit fees, thereby making it difficult to fulfill substantive supervisory obligations.

5.2 Optimizing the Path: Institutional Safeguards and Practical Enhancements

5.2.1 Improve the information acquisition mechanisms and the right to conduct independent investigations.

Drawing on Article 383 of Japan's Company Law, the provisions clearly define the supervisors' rights to access information and conduct independent investigations. First, directors and senior management are required to promptly provide supervisors with relevant information such as financial statements, major decision documents, and related-party transaction records, without concealment or delay; in case of non-compliance, supervisors may apply to the court for compulsory disclosure. Second, supervisors are granted independent investigation authority: when deemed necessary, they may review company accounting books and original vouchers, interview relevant personnel, or even engage third-party institutions for audits or evaluations, with all associated costs borne by the company. Third, an information disclosure system is established, requiring companies to regularly disclose operational status, financial data, and significant risks to supervisors, ensuring their comprehensive understanding of the company's operations.

Japan's practical experience demonstrates that the right to conduct independent investigations is crucial for supervisors to fulfill their substantive oversight obligations.

[1] Public Interest Corporation Japan Board of Auditors Association, "Investigation Report on the Actual Status of the Board of Auditors System in 2023" [Z], https://www.kansa.or.jp/wp-content/uploads/2024/06/report_20240610.pdf, accessed December 1, 2025; Guo Li: "The Chinese-style Board of Supervisors: Where to Rest and Where to Go?" [J], China Law Review, No.3, 2016, pp. 8–9; Yamamura Tadahira: "The Formation and Development of the Board of Auditors System" [M], Nihon Kokuishukan, 1997 edition, pp. 182–185; Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan Small and Medium Enterprises Agency, "Research Report on the Improvement of the Audit System for Small and Medium Enterprises (2023)" [Z], https://www.chusho.meti.go.jp/report/h29/h29_chosa01_0000004562.html, accessed December 1, 2025.

Data from the Tokyo Stock Exchange show that in 2023,78% of supervisors at Japanese listed companies exercised this right during their duties, with 63% identifying operational violations through independent investigations and thereby effectively preventing further losses.[1]China can draw on this experience to refine the procedures for exercising the independent investigation authority in judicial interpretations, specifying the types of third-party institutions supervisors may engage, the cost-sharing arrangements, and the legal validity of investigation results.

5.2.2 Establishing an independent supervisor system and ensuring professional competence

Drawing upon Japan's External Supervisor System established under Article 386 of the Company Law, China should develop its own independent supervisor framework. Three key measures are essential: First, clarify qualification requirements for independent supervisors by prohibiting conflicts of interest with companies, directors, or senior executives, while requiring expertise in finance, law, and management. Second, mandate that listed companies and enterprises of specific sizes must appoint at least half of their supervisory boards as independent supervisors to ensure oversight independence. Third, refine election mechanisms—supervisors shall be elected by shareholders' meetings rather than recommended by boards or controlling shareholders, with the process subject to oversight by minority shareholders. Additionally, enhance professional competence through three approaches: establishing regular training programs organized by regulatory authorities or industry associations; allowing supervisors access to internal corporate training materials and industry research reports; and permitting the engagement of professional consultants for specialized oversight tasks (e.g., financial audits, related-party transaction evaluations), with associated costs borne by companies.

5.2.3 Refine the rules regarding responsibility allocation and exemption from liability

Standardize liability allocation criteria and refine exemption provisions. First, issue judicial interpretations to define standards for determining the degree of supervisors 'negligence, specifying concrete scenarios of gross negligence, ordinary negligence, and minor negligence, thereby providing unified guidance for judicial practice. Second, draw on Japan's Company Law Articles 427 (on fault offset) and 426 (on liability limits) by stipulating that supervisors 'compensation liabilities should correspond to the severity of negligence and their causal contribution, while setting liability caps to prevent excessive accountability. Third, expand exemption grounds by allowing supervisors to be exempted or have their liabilities reduced when demonstrating fulfillment of reasonable duty of care, inability to perform supervisory

[1] Public Interest Incorporated Association Japan Audit Board Association, "Audit Practice Inspection Research Group Report 2023" [Z], https://www.kansa.or.jp/wp-content/uploads/2023/11-el001_20231124-4.pdf, accessed December 1, 2025; Public Interest Incorporated Association Japan Audit Board Association, "Timely Investigations: Enhancing Directors' Compliance Awareness to Support Audit Practices" [Z], https://35.74.157.42/wp-content/uploads/2023/08-el20230807tekiji. PDF file accessed on December 1, 2025; ISS Insights' "2023 Japan Proxy Season Review" [EB/OL], https://insights.issgovernance.com/posts/2023-japan-proxy-season-review/, published October 17,2023, accessed on December 1, 2025.

duties due to objective reasons, or absence of causal link between losses and supervisory failure. Additionally, enhance interpretative case law by enriching reference precedents; the Supreme People's Court regularly publishes exemplary cases on supervisor liability determination to clarify adjudication rules and reduce inconsistent rulings in similar cases. Japan's Supreme Court annually issues Corporate Law Judicial Guidelines that explicitly address core issues in supervisor liability determination, effectively standardizing judicial interpretation—an approach worthy of China's adoption.

5.2.4 Establish a diversified supervision and coordination mechanism

Drawing on Japan's dual supervision model featuring parallel roles for supervisory boards and independent directors, China should establish a diversified collaborative oversight mechanism. First, clearly define the respective responsibilities: supervisors focus on financial and compliance oversight, while independent directors concentrate on major decision-making and related-party transaction monitoring to avoid overlapping jurisdictions. Second, enhance collaboration by holding regular joint meetings to share oversight information and create synergistic oversight capabilities. Additionally, SMEs can adopt Japan's simplified supervision system by streamlining procedures, allowing part-time independent supervisors or third-party agencies to perform certain oversight duties. Data from Japan's Small and Medium Enterprises Agency shows that in 2023,45% of Japanese SMEs implemented this system, achieving an average 30% reduction in oversight costs and a 25% improvement in oversight effectiveness.[1]This institutional design provides a valuable reference for improving the supervisory system for small and medium-sized enterprises in China.

6. Conclusion

Following the recent revision of the Company Law, China's corporate supervisory system has become increasingly substantive, making the criteria for determining supervisory obligations and the allocation of responsibilities a key issue in corporate governance. Comparative studies between Chinese and Japanese systems reveal that the core of supervisory obligations in China lies in exercising reasonable care and fulfilling duties proactively; their determination requires comprehensive consideration of position-specific authority, industry characteristics, and risk levels, with standards exhibiting a hierarchical structure. Fault determination encompasses three scenarios: failure to perform, inadequate performance, and improper performance, while liability allocation follows the principle of matching fault severity with causality, primarily involving supplementary liability and proportionate liability. The dual supervision framework, independent investigation rights, objective care obligations, and liability limits established by Japan's Company Law provide valuable insights for improving China's regulatory system.

[1]Small and Medium Enterprises Agency, Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan, "2023 Edition Small and Medium Enterprise Policy Implementation Guidebook" [Z], https://www.chusho.meti.go.jp/pamflet/g_book/2023/download/2023gbookall.pdf, accessed December 1, 2025; Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan, "2024 Basic Survey Report on Corporate Activities – 2023 Results" [Z], https://www.e-stat.go.jp/stat-search/files?toukei=00550100&layout=dataset, accessed December 1, 2025.

However, in practice, Chinese corporate supervisors still face challenges such as information asymmetry, insufficient professional competence, and lack of independence. At the institutional level, issues include unclear supervisory authority and inconsistent standards for responsibility allocation. To address these shortcomings, improvements are needed through measures such as enhancing information acquisition mechanisms and independent investigation powers, establishing a dedicated supervisor system, refining responsibility distribution and exemption rules, and creating diversified collaborative supervision frameworks. These reforms not only align with the legislative intent of the new Company Law but also provide guidance for determining supervisor responsibilities in judicial practice, while offering direction for enterprises to strengthen supervision mechanisms and ensure compliant performance. As corporate governance modernization advances, the scope of supervisors 'substantive oversight obligations will continue to expand, with emerging topics like data compliance supervision and ESG oversight becoming key research areas in the digital economy context. Adapting to contemporary supervisory demands, further refining the supervisor system, and balancing supervisory effectiveness with performance incentives remain areas requiring ongoing exploration by both academia and practitioners. Additionally, dynamic comparative studies between Chinese and Japanese regulatory systems should be intensified, tracking recent revisions and judicial practices in Japan's supervisor framework to inform continuous improvement of China's regulatory mechanisms.

Прикладное исследование по оптимизации предэкзаменационных курсов HSK 4-го уровня на базе DeepSeek

An Applied Study on Optimizing HSK Level 4 Pre-Exam Tutoring Courses Based on DeepSeek

Юань Чжэ
Факультет международного обмена и сотрудничества
Пекинского объединенного университета
Yuan Zhe
International Exchange and Cooperation Department,
Beijing Union University

Abstract. HSK Level 4 is a standardized test that assesses non-native speakers' comprehensive ability to use intermediate Chinese, requiring candidates to effectively apply basic Chinese knowledge in real daily scenarios. At present, pre-exam tutoring is generally plagued by problems such as a single teaching method, lack of personalized guidance, and the disconnection between exam-oriented training and language competence cultivation. Guided by the constructivist learning theory, personalized learning theory and human-machine collaborative teaching theory, this study explores the application potential and practical mode of DeepSeek in HSK Level 4 pre-exam tutoring, and systematically analyzes its advantages in personalized content generation, real-time interactive feedback, situational simulation and teaching empowerment. Focusing on the three core assessment modules of listening, reading and writing in HSK Level 4, the study elaborates the specific practical path of "situational simulation — targeted practice — real-time feedback — teacher's targeted intervention", and puts forward prospects for deepening the application of DeepSeek in the field of language assessment and tutoring.

Keywords: DeepSeek; HSK Level 4; Pre-Exam Tutoring; Personalized Learning; Human-Machine Collaboration; Chinese Language Teaching

Funding This paper is one of the achievements of the 2025 Teaching and Research Project of Beijing Union University *Application of Large Language Models in International Chinese Language Teaching* (Project No.: JG2025Y002).

1 Introduction

As a standardized certification test of intermediate Chinese proficiency for non-native speakers, HSK Level 4 scores are widely used in overseas study applications, employment selection and academic ability evaluation. The test not only assesses international students' mastery of basic Chinese knowledge, but also emphasizes their practical application ability in daily life, study and social scenarios. At present, universities and teaching institutions generally offer pre-exam tutoring courses for HSK Level 4, however, most of them have limitations such as overemphasizing "excessive exam-oriented practice" over "competence construction", a one-size-fits-all teaching content, delayed teaching feedback, and low consistency with real exam

scenarios, making it difficult to meet the diverse sprint needs of candidates before the exam.

As an advanced large language model, DeepSeek has brought innovative opportunities to the field of education, especially language skill training, by virtue of its strong capabilities in natural language understanding and generation, situational simulation and personalized interaction. DeepSeek can simulate real language use environments, provide instant and accurate feedback, and generate customized learning materials based on individual differences of learners, which provides a new technical support for optimizing HSK Level 4 pre-exam tutoring.

This study aims to explore the theoretical foundation and application mode of DeepSeek-assisted HSK Level 4 pre-exam tutoring. Based on constructivism, personalized learning and human-machine collaborative teaching theories, it constructs a tutoring framework with deep integration of theory and practice, and designs specific application paths for the three core modules of listening, reading and writing in HSK Level 4, so as to provide references for improving the pertinence, efficiency and scientificity of pre-exam tutoring.

2 Theoretical Foundation of Intelligent Assisted Teaching and the Teaching Adaptability of DeepSeek

At present, the application of intelligent education technology has formed a relatively systematic theoretical framework. In the field of language teaching, intelligent assisted teaching mainly unfolds around three core dimensions: situational creation based on constructivism, precise adaptation of personalized learning, and efficiency improvement through human-machine collaboration. These theories provide a solid theoretical foundation for the application of DeepSeek in HSK Level 4 pre-exam tutoring.

2.1 Adaptability of Constructivist Learning Theory and Situational Simulation

Constructivist learning theory emphasizes the active construction of knowledge in real or simulated situations. HSK Level 4 features distinct situational characteristics, requiring pre-exam tutoring courses to create scenarios close to the real exam and guide candidates to actively use language strategies to solve problems. However, the current tutoring content generally has the problem of "disconnection between training and actual combat", and traditional materials are difficult to provide sufficient simulated scenarios. DeepSeek can generate highly simulated listening scripts, reading passages and writing tasks in strict accordance with the syllabus, question types, difficulty and topic scope of HSK Level 4, which provides an immersive and interactive construction environment for candidates, helping them actively construct language knowledge and exam-taking strategies in simulated real scenarios, and effectively solving the problem of outdated and insufficient training materials.

2.2 Adaptability of Personalized Learning Theory and Precise Content Generation

Personalized learning theory acknowledges the differences in learners' prior knowledge, cognitive styles and learning rhythms, and advocates providing teaching content and paths adapted to individual needs. Traditional HSK Level 4 pre-exam tutoring is faced with the dilemma of "lack of personalized support". Large-class teaching or unified teaching materials are difficult to take into account the individual differences of candidates in specific modules such as listening comprehension, near-synonym discrimination and Chinese character writing. DeepSeek's personalized content generation capability enables it to dynamically generate mock test questions, special training and knowledge explanation materials in line with candidates' current level based on the HSK Level 4 syllabus, real question database and individual candidate data. By analyzing learners' performance in practice feedback, DeepSeek can dynamically diagnose their weak links and provide hierarchical and classified practice materials for different candidates, realizing personalized and precise tutoring and effectively making up for the deficiencies of traditional teaching.

2.3 Adaptability of Human-Machine Collaborative Teaching Theory and Teaching Process Optimization

Human-machine collaboration has become an important paradigm for improving teaching efficiency in the era of intelligent education. In HSK Level 4 pre-exam tutoring courses, teachers are often plagued by heavy repetitive work such as material preparation and homework correction, leading to "long feedback cycle and insufficient depth" and making it difficult to carry out high-quality personalized guidance. Through its advantages in empowering the teaching process, DeepSeek can automatically complete work such as practice compilation, score analysis, wrong question collection generation and learning report summary, significantly reducing teachers' burden of lesson preparation and teaching management. At the same time, its real-time interaction and feedback mechanism can conduct real-time correction of candidates' written answers, not only judging the correctness of their answers, but also analyzing the causes of errors and providing correction suggestions. This real-time and in-depth feedback mechanism breaks the efficiency bottleneck of traditional feedback, enabling teachers to be liberated from transactional work and focus more on high-order thinking cultivation, exam-taking strategy guidance and personalized difficult question answering, truly realizing the improvement of teaching efficiency through human-machine collaboration.

3 Integration Paths and Practical Cases of DeepSeek-Assisted HSK Level 4 Pre-Exam Tutoring

3.1 Listening Module

3.1.1 Intelligent Diagnosis and Strategic Training System

As the first part of HSK Level 4, listening comprehension not only assesses candidates' ability to recognize Chinese phonetics, vocabulary and grammar, but also tests their comprehensive pragmatic ability to quickly capture key information and

infer implied meanings in real contexts. Traditional listening training is often limited to limited audio materials and a unified practice mode, making it difficult to simulate the diversity and pressure of the exam. The integrated application of DeepSeek is first reflected in assisting teachers in the intelligent reconstruction of listening materials. Based on the requirements of the official HSK Level 4 syllabus on topic scope (such as personal life, campus study, social communication, cultural experience, etc.) and language functions, the system builds a dynamic corpus of listening materials. On this basis, teachers tutor students in accordance with the steps of "diagnosis - hierarchical practice - feedback - teaching strategy improvement".

Step 1: Proficiency diagnosis of teaching objects

In the early stage of tutoring, teachers basically identify candidates' weak links through a set of diagnostic tests covering different topics and question types. For example, students have a high error rate in "conversations involving numbers and time" but perform well in "daily greetings and simple suggestions", thus teachers can basically understand students' weak links in this knowledge point.

Step 2: Dynamic hierarchical practice

According to the diagnosis results, DeepSeek generates practice materials of different difficulty gradients: for candidates with a weak foundation, the system generates conversations with simple sentence structures and repeated key words, focusing on training the basic skill of "key word capture", and teachers record listening audio at a slow speed (professional TTS (Text-to-Speech) tools such as iFlYTEK Listening and Baidu Speech Synthesis can be used); for intermediate-level candidates, the speaking speed is increased to the exam standard (180-200 Chinese characters per minute), and interference information is added to train their ability to screen core information in complex contexts. For advanced candidates, the focus is on generating high-level training such as long conversations, implicit attitude inference and comprehensive main idea generalization, and simulating the time pressure of "listening only once" in the real exam.

Step 3: Real-time in-depth feedback and strategic guidance

After candidates complete the listening practice, the system not only provides the correctness of answers, but also conducts error attribution analysis. For example, for a listening question about "change of appointment time" (original sentence: 我们本来定在三点，不过我现在可能要晚到一刻钟。), if the candidate answers incorrectly, DeepSeek's feedback may be - *Error cause*: Failure to correctly capture the key logical word "不过" indicating time change; the information after "不过" is the final confirmed time. *Suggestion*: When listening to conversations involving plan changes, pay special attention to the content after transition words such as "但是", "不过", "可是" and "结果". Subsequently, the system will automatically push 3-5 high-frequency scenario dialogue texts containing similar logical transition words to achieve targeted reinforcement.

Step 4: Teaching strategy upgrading based on feedback

After summarizing the error data of all candidates, teachers can clearly see the common difficulties, such as "most students are confused about the semantic

discrimination of ' 差点儿 ' and ' 差点儿没 '". Accordingly, teachers no longer explain each question one by one in class, but focus on key explanations of language points such as "negative and redundant expressions in Chinese listening" and "how to judge the speaker's real intention through intonation", shifting the teaching focus from "knowledge transmission" to "strategy empowerment".

3.1.2 Typical Cases and Application Deepening

Taking the high-frequency test point of HSK Level 4 "expression of time and sequence" as an example, traditional teaching may only list words such as "刚", "刚才", "已经", "曾经", "就要…… 了", "快要…… 了" and explain their differences with a single practice method. The application of DeepSeek transforms it into a three-dimensional training program:

Case: Planning a Travel Itinerary

DeepSeek generates a natural dialogue about making a weekend travel plan, with a duration of about 1 minute, and the teacher records the audio at a speed of 180 Chinese characters per minute. Various time expressions appear intensively in the dialogue:

A: 你刚才说想去长城，我已经查过路线了，坐地铁很方便。

B: 我刚收到小王的短信，他曾经去过，说早上人少。

A: 那我们就要早点儿出发了，最好六点。

B: 好啊，我快要把背包准备好了。

After listening, candidates need to complete 3 multiple-choice questions to assess their understanding of specific time points, action states and plan arrangements respectively.

Feedback and Intervention: If a candidate makes a mistake in the question testing the difference between "刚" and "刚才", DeepSeek's feedback interface will clearly display in the form of a comparison table: "刚 + 动词" emphasizes the close connection between the completion of an action and the current state (e.g., 我刚到，meaning the person is here now); "刚才 + 句子" simply refers to a time point in the past (e.g., 我刚才在吃饭). At the same time, the system will generate two dialogue texts highlighting this difference for candidates to compare and understand.

3.2 Reading Module

3.2.1 In-Depth Training System for Error-Prone Points Based on Discourse Logic

The reading section assesses candidates' ability to extract information, conduct logical reasoning and achieve comprehensive understanding in written contexts. Its difficulties lie not only in vocabulary and grammar, but also in the unique discourse cohesion methods and profound cultural logic of Chinese. The core of DeepSeek's application in reading tutoring is to transform scattered wrong questions into a systematic knowledge gap map and implement precise intervention.

Path 1: Build a dynamic knowledge base of error-prone points

DeepSeek first conducts natural language processing on reading wrong questions in a large number of HSK Level 4 real questions and mock questions, and cluster-analyzes high-frequency error-prone points. These points go beyond simple "near-synonym discrimination" and delve into the pragmatic and logical levels. For example, the system may summarize: "In fill-in-the-blank questions with word selection, 接受/收到，经历/经验，适合/合适 are high-frequency confusing groups; In sentence ordering questions, candidates often have a poor grasp of the Chinese narrative logic of stating causes first and then consequences and presenting specific details before generalizations; in short passage reading, candidates fail to accurately identify the words the author uses to convey implicit criticism or tactful suggestions.

Path 2: Generate integrated "explanation - discrimination - practice" materials

For each error-prone point, DeepSeek automatically generates a micro learning package. Taking "充分 vs 充足" as an example:

Explanation part: Explain with concise language and charts: "充分" focuses on the adequate degree of abstract things (e.g., 理由充分，准备充分), often used as an adverbial or predicate; "充足" focuses on the adequate quantity of concrete things (e.g., 阳光充足，资金充足), mostly used as an attributive or predicate.

Discrimination part: Provide a set of carefully designed contrast sentences:

我们有充足的食物 (large quantity).

我们做了充分的准备 (in-depth degree).

Practice part: Generate 5 fill-in-the-blank or error correction questions with rich context to immediately test the learning effect.

Path 3: Intelligent text restructuring and difficulty adaptation

For candidates with different reading abilities, DeepSeek can intelligently adapt the same short passage. For those with a weak foundation, the system will automatically simplify long sentences, replace extra-syllabus vocabulary and add paragraph topic sentences; for those with strong abilities, it may add inference questions of implicit information or require them to summarize the author's unstated views. This truly realizes "the same text, different challenges".

3.2.2 Typical Cases and Application Deepening

Case: Overcoming the Logical Difficulty of "Sentence Ordering"

DeepSeek generates a sentence ordering exercise about "Chinese tea culture" with four disordered sentences:

1、首先，要用热水温杯。

2、最后，要用合适的水温冲泡不同类型的茶叶。

3、在中国，喝茶不仅是一种习惯，更是一门有讲究的学问。

4、然后，根据个人喜好放入茶叶，如绿茶或红茶。

If a candidate sorts them as 1-4-2-3, the system will judge it wrong and provide multi-level feedback:

Level 1 (Answer level): The correct answer is 3-1-4-2.

Level 2 (Logical level): Relationship between general statement and specific elaboration. Sentence 3 在中国，喝茶不仅是一种习惯，更是一门有讲究的学问 is the general statement of the whole paragraph, which establishes the theme "drinking tea is an art with certain rules". Sentences 1, 4 and 2 that follow are all specific examples illustrating this "rule". In accordance with Chinese narrative habits, the "general-specific" structure is usually adopted, so Sentence 3 should be placed at the beginning.

Coherence of action chain. The action chain "1-4-2" you constructed (温杯 → 放茶叶 → 控制水温) seems reasonable, but it lacks the opening "why" - why perform these actions? It is precisely because Sentence 3 explains that "drinking tea has certain rules" that these specific steps are meaningful.

Level 3 (Strategic level): Topic sentence positioning method. First look for general and introductory sentences. Such sentences usually contain structures indicating summary or progression such as "不仅…… 更……" and "是…… 也是……", such as Sentence 3.

Time/logic marker word method. Pay attention to obvious sequence words: 首先 (Sentence 1), 然后 (Sentence 4), 最后 (Sentence 2). However, note that these words indicate the internal order of steps, not the beginning of the paragraph.

Thematic consistency check. Ensure that each sentence is related to the core theme. The theme here is "the rules of tea culture", Sentence 3 points out the theme, and 1, 4 and 2 specifically show where the "rules" lie.

Level 4 (Reinforcement level): The system immediately pushes another sentence ordering question about the steps of "making dumplings" for candidates to apply the newly summarized strategies:

1、最后，把包好的饺子下锅煮熟。

2、然后，用饺子皮包裹馅料，捏紧边缘。

3、在中国北方，包饺子是一项重要的家庭活动，尤其在春节期间。

4、首先，要准备好饺子皮和馅料。

3.3 Writing Module

3.3.1 Three-Dimensional Training Path of Chinese Characters, Grammar and Pragmatics

The writing section of HSK Level 4 requires candidates to not only write Chinese characters correctly and use grammar properly, but also complete coherent and appropriate sentences in specific contexts. This requires transforming language knowledge into practical productive ability.

Path 1: Standardization and automatization of Chinese character writing

DeepSeek integrates a dynamic database of Chinese character writing, and for the 1,200 Chinese characters specified in the HSK Level 4 syllabus, it provides standard stroke order, structural explanations (such as left-right structure, upper-lower structure) and warnings of common mistakes (e.g., the radical of the character "初" is

"礻" instead of "礻") for each character, and generates training questions to consolidate students' memory.

Path 2: Situational application of sentence grammar

DeepSeek has completely changed the past mechanical sentence pattern drilling mode. For example, when training the sentence pattern "不仅…… 而且……", the system will not only give a single sentence such as "他不仅聪明，而且努力", but also generate a specific scenario: "请向你的朋友推荐北京的胡同游，用上'不仅…… 而且……', 写出两个理由。" This prompts candidates to think and produce sentences with practical communicative significance such as "不仅风景优美，而且能感受老北京文化". When correcting, the system scores from three dimensions: "grammatical correctness", "semantic logic" and "scenario fit".

Path 3: Coherence and appropriateness of discourse expression

In the training of "sentence completion" questions, DeepSeek helps students master Chinese word order norms and expression integrity through a systematic auxiliary path. For example, for the sentence ordering question"从 上午 工作 到 下午 八个小时 了 她"，the system first guides students to identify core elements (subject, time, verb, complement, etc.) and presents the basic Chinese word order rule of "subject + temporal adverbial + verb structure + complement" with a visual framework. When students output an incorrect word order, the system will prompt and classify the errors in real time. For example, for the common error of "postponed temporal adverbial", the system not only points out that "从上午到下午" should be placed before the verb "工作", but also deepens students' structural cognition through contrast with correct example sentences. On this basis, the system further guides students to conduct self-check of integrity, ensuring that the sentence covers all given words and supplements necessary grammatical components (such as the aspect particle "了"). Through special training of high-frequency sentence patterns (such as "把字句", position of temporal adverbials, quantitative complements, etc.), students can not only complete word ordering accurately, but also realize the ability leap from mechanical ordering to independent construction of correct sentences on the basis of in-depth understanding of Chinese word order rules. Practice has shown that after targeted training with this system, students' accuracy and expression standardization in sentence completion questions have been significantly improved.

3.3.2 Typical Cases and Application Deepening

In training practice, the system first conducts intelligent diagnosis of disordered words. For example, for the word order question "喜欢 他 非常 打篮球"，if a candidate outputs "非常他喜欢打篮球"，the system will attribute it to the error type of "adverbial misplacement" and give real-time feedback: As an adverbial, the degree adverb "非常" should be closely attached to the modified predicate "喜欢" and placed after the subject "他". At the same time, the system highlights the Chinese word order structure of "subject + (adverbial) + predicate + object" with a visual framework to strengthen students' rule cognition.

For complex sentence patterns with multiple adverbials, the focus of system training is on mastering the priority of word order. Taking "在图书馆 每天 复习 他 三个小时" as an example, the system not only accepts the grammatically correct sentence "他在图书馆每天复习三个小时", but also guides candidates to optimize it to the more idiomatic "他每天在图书馆复习三个小时", and clarifies the Chinese word order tendency rule that "temporal adverbials usually take precedence over locative adverbials". This hierarchical requirement for "correctness" and "appropriateness" reflects the refined design of the training system.

In the special sentence pattern training module, the system focuses on strengthening the integrity of sentence pattern structure. For example, for the "把字句" question "那本 书 放 在桌子上了 他 把"，the system clearly requires the use of the key word "把" and the construction of a complete structure of "subject + 把 + object + verb + other components". If a candidate outputs "他放那本书在桌子上了"，the system will judge that although it is grammatically correct, it does not meet the question's intention of assessing the specific sentence pattern, thus guiding students to strictly follow the norms of the target sentence pattern.

The intelligent feedback mechanism of this training system includes multi-level intervention: Level 1 for correctness judgment and error classification; Level 2 for structural analysis of target word order rules; Level 3 for generating minimum difference contrast sentences for intensive discrimination; Level 4 for creating new contexts to promote the transfer and application of rules. Practice has shown that the intelligent training assisted by DeepSeek not only improves exam-taking efficiency, but also deepens learners' internal cognition of Chinese grammatical rules, realizing a paradigm shift from formal drilling to competence construction.

4 Conclusion and Prospect

Through in-depth exploration of theoretical construction and practical paths, this study systematically demonstrates the feasibility and effectiveness of the application of large language models represented by DeepSeek in HSK Level 4 pre-exam tutoring. Based on the constructivist learning theory, personalized learning theory and human-machine collaborative teaching theory, the study proposes an intelligent tutoring model with the core framework of "situational simulation - targeted practice - real-time feedback - teacher's targeted intervention". Through the dual paths of technological empowerment and teaching reconstruction, this model effectively addresses the core dilemmas of traditional pre-exam tutoring such as a single teaching method, lack of personalization and disconnection between training and actual combat, and promotes the transformation of the teaching paradigm from "standardized knowledge indoctrination" to "personalized competence construction".

Practice has shown that DeepSeek has demonstrated significant advantages in the application of the three assessment modules. In the listening module, through high-fidelity scenario simulation and hierarchical strategic training, candidates' information processing and inference abilities in real contexts have been improved; in the reading

module, the tackling of error-prone points based on discourse logic and intelligent text restructuring have deepened candidates' logical analysis and metacognitive strategies; in the writing module, the three-dimensional training path of Chinese characters, grammar and discourse, especially the visualization of word order rules and real-time diagnostic feedback for the "sentence completion" question type, has effectively promoted students' ability leap from formal drilling to the application of internal rules. These applications have not only optimized the learning experience and exam preparation efficiency, but also reshaped the new teaching relationship of "human-machine collaboration and complementary advantages" by reducing teachers' transactional burden and providing accurate learning situation data.

For future teaching practice, this study puts forward the following operational suggestions:

First, promote the construction of a teaching and research community for prompt design. It is suggested that taking teaching and research groups as units, a systematic and reusable DeepSeek instruction template library should be developed around the core teaching objectives of each module of HSK Level 4. For example, a "situational restoration instruction framework" can be summarized for listening training, and a "hierarchical text questioning template" can be refined for reading teaching, thus reducing the threshold of technology use and improving the standardization and efficiency of teaching design.

Second, explore the normalized teaching mode of human-machine collaboration. Teachers are encouraged to deeply integrate DeepSeek into the entire teaching process of "preview - teaching - practice - feedback". For example, generate personalized preview materials before class, assist in real-time practice and diagnosis during class, and provide adaptive consolidation training after class, thus constructing a data-driven closed-loop of differentiated teaching and releasing class time for high-order thinking cultivation and in-depth interaction.

Third, establish an empirical teaching optimization mechanism. Teachers can continuously track the effect of DeepSeek application through teaching logs, wrong question analysis and student interviews, focusing on its actual effects in improving learning efficiency and tackling specific knowledge difficulties. This reflection and iteration based on first-hand evidence can make the technical application more accurately fit the real learning situation. Fourth, deepen the differentiated practice empowered by technology. Make full use of DeepSeek's personalized generation capability to explore specific paths for implementing dynamic hierarchical teaching in the same teaching class. For example, intelligently push extended corpus for students with spare capacity, and provide decomposed training and targeted explanations for students with a weak foundation, making student-centered teaching more operable with technical support. Fifth, attach importance to teacher-student interaction and emotional connection in the technological environment. While carrying out intelligent training, teaching activities such as group cooperation, class discussion and teacher-student dialogue should be consciously designed to maintain the interpersonal warmth and

emotional connection in the teaching process, ensuring that technological application serves the construction of a more supportive and interactive learning ecological environment.

In conclusion, artificial intelligence technologies represented by DeepSeek provide a powerful empowering tool for international Chinese language education, especially standardized test tutoring. The full realization of its value depends on educators adhering to the principle of "teaching-oriented and technology-serving", carrying out continuous teaching innovation and practical reflection, and ultimately promoting the deep integration of technology into teaching and effectively improving teaching quality and learning effects.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[1] *C*enter for Language Education and Cooperation, Ministry of Education. *Chinese Language Proficiency Standards for International Chinese Language Education* [S]. Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2021.

[2] Wang Ruifeng. A Study on the Difficulties of HSK Level 4 and Corresponding Teaching Strategies [J]. *Chinese Language Learning*, 2019(4): 88–95.

[3] Gu Yuguo. Artificial Intelligence and Language Education: Opportunities and Challenges [J]. *Language Teaching and Linguistic Studies*, 2022(3): 1-12.

[4] Hanban/Confucius Institute Headquarters. *HSK Syllabus (Level 4)* [M]. Beijing: People's Education Press, 2015.

[5] Zhang Jun. Current Situation and Prospect of the Application of Large Language Models in the Field of Education [J]. *Modern Educational Technology*, 2023,33(2): 5–12.

[6] Li Yuming, Zhou Jianshe. Language Intelligence and Language Education [J]. *Applied Linguistics*, 2019(4): 11–19.

[7] Chen Bingbing. A Literature Review on the Application of Intelligent Technology in Foreign Language Teaching [J]. *Computer-Assisted Foreign Language Education*, 2021(5): 3–9.

[8] Zheng Yanqun. *A Study on Technology Integration in Chinese Language Teaching* [M]. Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2018.

[9] [9] Blake, R. J. *Brave New Digital Classroom: Technology and Foreign Language Learning* [M]. 3rd ed. Washington, DC: Georgetown University Press, 2020.

Исследование статусов информаторов и истцов в административном судопроизводстве

A Study on the Plaintiff Standing of Informants and Complainants in Administrative Litigation

Ян Тингру
Колледж прикладных искусств и наук
Пекинский объединенный университет
Yang Tingru [1]
College of Applied Arts and Sciences,
Beijing Union Universi

Abstract. As an important right of citizens in modern social governance, the plaintiff qualification of complaint and report is highly controversial due to the involvement of multi-level legal norms. After the Supreme People's Court issued the 77th guiding case, the judicial interpretation of administrative litigation clearly stipulated that the "public and private interest standard" should be used to determine whether the complainant and reporter have the plaintiff qualification in administrative litigation. However, this method also has a certain degree of ambiguity. After the Liu Guangming case, the judicial practice has gradually accepted and borrowed the protection norm theory from Germany. Therefore, in this article, the author will combine the laws and regulations in the administrative field and judicial cases, define the relevant basic concepts, and sort out the methods for determining the plaintiff qualification of the complainant and reporter. Finally, the author will draw the conclusion that the protection norm theory should be localized and the complaint and report requests should be classified to determine whether the complainant and reporter have the plaintiff qualification.

KeyWords: Complainant And Accuser; Administrative Litigation; Plaintiff Qualification; Protection Norm Theory; Interest Relationship

1 Clarification of the Qualifications of Plaintiffs in Administrative Litigation and Related Concepts

1.1 Definition of relevant concepts

1.1.1 Analysis of Plaintiff Qualifications and Scope of Acceptance

Compared to the plaintiff's standing, the value of the scope of acceptance, according to my country's Administrative Litigation Law, lies in defining the boundaries of judicial review of administrative disputes by the courts. Its purpose is to address the question of "what administrative actions can be included in administrative litigation." Therefore, to put it simply, the plaintiff's standing addresses the question of "who can file an administrative lawsuit," setting a threshold on the subject matter. The scope of acceptance, on the other hand, addresses the question of "what matters can be included in the administrative litigation process," setting a threshold on the object matter. According to the relevant judicial interpretations of the Administrative Litigation Law, the court should review the scope of acceptance and the plaintiff's

standing sequentially during the case filing stage. Failure to reasonably distinguish between the two may lead to the undue deprivation of the parties' right to litigation, such as dismissing cases that fall outside the scope of acceptance on the grounds of "unqualified plaintiff," which would be detrimental to protecting the parties' right to litigation.

1.1.2 Differences between the complaint, reporting, and petition systems

First, the legal provisions in China's administrative field do not clearly distinguish between "reporting" and "complaint", nor is there a unified reporting and complaint system. They are mostly scattered in substantive legal norms, departmental rules and normative documents in different administrative fields. "Complaint" refers to the act of a subject whose rights have been infringed reporting illegal acts of other equal subjects to an administrative agency. "Reporting" can be understood as the act of a citizen reporting illegal acts of an equal subject to an administrative agency in order to safeguard the public interest. In China's judicial practice, the two have been used interchangeably for a long time without clear distinction. Until the case of Liang Zhibin v. Shanxi Provincial Department of Human Resources and Social Security Labor Security Administrative Supervision **Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**and Shanxi Provincial Government Administrative Reconsideration Decision, the court clearly distinguished between "reporting" and "complaint" based on the "Labor Security Supervision Regulations", thereby identifying whether the administrative agency has the intention to protect the legitimate rights and interests related to its own interests Secondly, the reporting system and the administrative petition system are easily confused. Petition refers to the activities of citizens, etc., to report situations and make opinions to governments at all levels and petition departments through letters, visits, telephone calls, etc., and to be handled by relevant administrative organs in accordance with the law **Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**. The petition system is a supplement to the legal channels for the relief of citizens' legitimate rights and interests, and is also a characteristic system for the supervision of the exercise of power. The two have different legal origins. The reporting and complaint system is based on the administrative substantive and procedural laws such as the Administrative Penalty Law and the Government Information Disclosure Regulations. Its essence is that the administrative counterpart exercises the constitutional supervision right and initiates the administrative investigation procedure by providing clues of illegality. The petition system is mainly regulated by the Petition Work Regulations, which reflects the right to appeal and accuse under Article 41 of the Constitution. It is intended to resolve social conflicts through non-litigation means and also has the function of providing feedback on the implementation of policies.

2 Current Judicial Practice Regarding the Determination of Plaintiff Qualifications for Complainants and Whistleblowers

2.1 Judicial reasoning in specific cases

First, the court distinguishes between self-interested and public interest whistleblower complaints. In the first instance of Liu v. a district finance bureau for

failing to perform its statutory supervisory duties, the Yantai Intermediate People's Court held that, according to the "Government Procurement Law of the People's Republic of China," although Liu had the right to report the winning bidder's illegal behavior, initiating administrative litigation required a "stake" in the administrative act. The court held that complaints are "self-interested," and complainants can file a lawsuit to protect their own rights; whistleblowing is "public interest-based," and whistleblowers who do not directly protect their own rights do not have standing as plaintiffs. In the administrative ruling on the retrial review and trial supervision of Li Jun and the Liaoning Provincial People's Government, the court pointed out that complaints and whistleblowing are divided into "public interest-based" and "self-interest-based." The former stems from citizens' supervision and participation in public affairs and is not directly related to their own rights; whistleblowers with self-interest-based whistleblowing reports due to damage to specific rights should have the standing to file administrative lawsuits. Another common approach to adjudication is to determine the plaintiff's standing by judging whether the administrative action taken by the administrative agency has a substantial impact on the rights and obligations of the complainant. In the administrative ruling on the retrial review and trial supervision of Shu Yuping and the Judicial Administration Management (Judicial Administration) of Guangdong Provincial Department of Justice, the court held that, according to relevant judicial interpretations, the complaint handling action taken by the Foshan Municipal Bureau of Justice had no actual impact on the rights and obligations of citizens, legal persons or other organizations, and its nature was not subject to litigation. The administrative agency's procedural handling of the complaint and notification to the relevant subjects, since it did not create a new relationship of rights and obligations, did not meet the requirements for administrative litigation, and the people's court should not accept it **Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**. Therefore, Shu Yuping's application for retrial was rejected. For example, in the second-instance administrative judgment of Song Wei v. Gongyi Municipal Market Supervision Administration (Quality Supervision, Inspection and Quarantine Administration: Other (Quality Supervision)), the original court held that, according to Article 4, Paragraph 2 of the "Interim Measures for Handling Complaints and Reports from Market Supervision Administration," the plaintiff, as a customer of the mobile company, had the right to file a complaint with the market supervision administration department regarding any actions by the mobile company that he believed infringed upon his legitimate rights and interests or violated market supervision laws, regulations, and rules. The market supervision administration department should handle the matter according to law. Song Wei's complaint and report were related to the defendant's handling of the matter, and the handling directly affected the plaintiff's actual rights and obligations. Therefore, this case fell within the court's jurisdiction, and the plaintiff could file an administrative lawsuit according to law. The defendant's argument that this case was not within the court's jurisdiction was unfounded. In both of these cases, the courts used the "actual impact" theory to explain whether the complainant had the

standing to sue. However, as we can see from these cases, in complex social life, the impact of an administrative act is inevitably widespread and diverse. Determining whether an impact is real and substantial often lacks substantive legal protection in some judgments. Using a general and vague method for judgment inevitably leads to a waste of judicial resources.

2.2 The essence of guiding cases

There has been significant disagreement in the field of administrative law and practice regarding the methods for determining the standing of plaintiffs in administrative litigation. However, after the Supreme People's Court's Judicial Committee discussed, approved, and issued Administrative Litigation Guiding Case No. 77, "Luo Rongrong v. Ji'an Municipal Price Bureau Price Administrative Handling Case," in 2016, the standard of "protecting one's own legitimate rights and interests" was established. This method of determination has been widely applied by courts at all levels in cases concerning whether complainants and whistleblowers have the standing to sue in administrative litigation, playing an important guiding role.

In this case, the plaintiff was Luo Rongrong and the defendant was the Ji'an Municipal Price Bureau. When the plaintiff applied for a mobile phone number at a telecommunications business hall in Ji'an, he was charged 20 yuan for the card and received an invoice. He believed that the telecommunications company violated the "Measures for the Application and Charging of Integrated Circuit Cards" which prohibits charging separately **Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**. On May 28, 2012, he mailed a complaint letter to the defendant, requesting an investigation and written reply from the telecommunications company. The defendant replied in writing, but did not address the matters requested in the plaintiff's complaint letter, only stating the documents and contents found in the investigation. The court made a judgment, and the key points of the judgment involved the justiciability of the informative complaint reply and the plaintiff's subject qualification. The final conclusion was: 1. The administrative agency only made an informative reply to the complaint that was related to the interests of the complainant and did not handle it properly. This is an act that has a real impact on citizens and is justiciable. 2. The complainant has the qualification to be a plaintiff in administrative litigation when he/she reports to the administrative agency because his/her legitimate rights and interests have been damaged **Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**.

In this case, regarding the first key point—whether the defendant's "Reply Regarding the Handling of Luo Rongrong's Appeal of May 28, 2012"—is justiciable, two different opinions typically arise. The first view holds that, based on the content of the reply, the listing of the UIM card pricing standards in the "Approval of the Jiangxi Telecom Business Package Optimization Plan" is merely introductory information and has no actual impact on the plaintiff's rights and obligations. It constitutes an act of notification and should not be included in the scope of administrative litigation. However, regarding the losses caused to the plaintiff by the inaction of the Ji'an Municipal Price Bureau, a separate lawsuit can be filed against them for administrative

inaction. The second view holds that the Ji'an Municipal Price Bureau should not simply use the content of the fee standard in the "Reply" to replace the investigation that an administrative agency such as the Price Bureau should conduct on whether the telecommunications company is charging correctly. According to Article 12, Paragraph 2, Item (6) of the Administrative Litigation Law of the People's Republic of China, it falls within the scope of the people's court. It is reasonable for Luo Rongrong to make a request to the people's court on this matter. Secondly, in judicial practice, it is necessary to distinguish whether it is an administrative inaction from the perspective of better protecting the legitimate rights and interests of the plaintiff. **Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**On this basis, the court agreed with the second view and affirmed that the reply was justiciable.

Regarding the key point of whether a whistleblower has the standing to be a plaintiff, the court extracted two requirements: first, the whistleblower's legitimate rights and interests are infringed upon by the administrative agency's response; second, the result of the infringement is causally related to the reported behavior. Whistleblowers are divided into two categories based on whether their own rights and interests are infringed upon. According to the standard of "legal interest", only whistleblowers who have been infringed upon by the reported matter and have factual basis have the standing to be plaintiffs. In this case, although Luo Rongrong made a claim that seemed to be for the public interest against general price violations, Ji'an Telecom Company charged him 20 yuan for a phone card and issued an invoice **Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**. In essence, he filed an administrative lawsuit because his own legitimate rights and interests were damaged. He was a victim of illegal behavior and had a legal interest in the administrative agency's handling of the matter. He had the standing to be a plaintiff and was more concerned about the substance of the case. When the court dealt with this key point, it used "interest" as the basis for determination, the situation of Ji'an Price Bureau infringing upon the plaintiff's property rights as the reason, and the plaintiff's invoice as evidence. It recognized Luo Rongrong as a "private interest whistleblower" and met the requirement of "infringement upon his own legitimate rights and interests". Finally, it recognized his standing to be an administrative lawsuit plaintiff.

3 Problems in determining the eligibility of complainants/whistleblowers as plaintiffs

3.1 Logical confusion when using the element of interest to make judgments

Guiding Case No. 77 is highly objective in its judgment points and easily applicable in practice; its content has been adopted and absorbed by subsequent judicial interpretations. However, in complex cases, courts sometimes fail to provide clear reasoning or downplay the severity of the issues, revealing shortcomings and unresolved problems in this guiding case. Based on practical requirements, courts often "formulate" judgment methods, which, while simplifying matters and facilitating operation, also gives rise to numerous related problems.

First, the issue of "legitimate rights and interests" in the two essential elements

must be addressed. Legitimate rights and interests in administrative litigation need to be judged from a more macro-level perspective. In Guiding Case No. 77, the plaintiff reported the damage to his property rights. The court confirmed that the property rights and interests were private interests and interests, but there was a great deal of ambiguity in the determination of legitimate rights and interests. The court could not clarify the source of the plaintiff's damaged rights and interests and the type of damaged rights and interests. In past judicial practice, "legitimate rights and interests" were often understood as rights outside of administrative law [Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.]. Before the Supreme People's Court and the academic community accepted the protection norms, its understanding was quite broad. It not only included the rights and interests clearly stipulated in the written legal norms at the administrative level, but also covered personal rights, property rights, etc., which were unrelated to the legal provisions of the litigation basis. This would lead to unclear sources of rights and obligations and make it impossible to determine whether they had an actual impact on legitimate rights and interests. Secondly, the "actual impact" standard has its inherent flaws. In the aforementioned cases such as (2017) Supreme Court Administrative Application No. 8318, the courts adopted the actual impact theory as the basis for judging whether there was a stake in the case. According to Article 1, Paragraph 2 of the Judicial Interpretation of the Administrative Litigation Law, the scope of administrative litigation is actions that have an actual impact on citizens. The "actual impact" theory blurs the boundary between the plaintiff's qualifications and the scope of the case. Judging whether an administrative act has an actual impact on citizens' rights and thus deducing whether it falls within the plaintiff's scope will inevitably lead to a circular argument that conflates causality.

Secondly, it is necessary to clarify the second element of judgment: the causal relationship element. The reporting and handling of a complaint must be linked to the resulting damage through a causal relationship. Establishing a reasonable causal relationship enhances the objectivity in demonstrating the plaintiff's standing. However, because there are no laws, administrative regulations, or judicial interpretations specifying how to determine causation, past judicial practice has often borrowed methods from tort law for determining causation. This has led to some cases being handled somewhat arbitrarily, with conclusions drawn directly without sufficient reasoning. For example, in Guiding Case No. 77, the court should have established the connection between Luo Rongrong's property damage and the administrative agency before concluding that the plaintiff had standing. However, the facts of the case and the judgment show that the plaintiff's damage was caused by the telecommunications company, not directly by the price bureau's administrative actions. This part clearly lacks a causal relationship, which may lead to dissatisfaction with the judgment by the parties involved or the public, hindering the resolution of the dispute. In past judicial practice, there have been positions that only adopt the direct causal relationship theory [Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.]. The direct causal relationship theory means that the damage result is directly caused by the illegal act, without any other intervening factors,

and there is no need to apply other causal relationship theories for judgment. Such a judgment method is obviously only relevant when the plaintiff is an administrative counterpart. Once the plaintiff's status changes to a third party, it becomes an indirect causal relationship, which is not conducive to the establishment of causal relationship. Therefore, the direct causal relationship position has been abandoned nowadays. Next, another judgment method that was more common in the past was the position of the adequate causal relationship theory. The civil law community has a lot of research on the adequate causal relationship theory. This theory believes that after the damage result occurs in the actual situation, it is still impossible to determine whether it has a causal relationship. Under normal circumstances, based on the facts of general knowledge and combined with the subjective knowledge of the actor, it is necessary to judge whether there is a "probable possibility" in order to determine whether there is a causal relationship. There is also a theory called the normative purpose theory. The normative purpose theory emphasizes that the court should judge whether the damaged interest belongs to the interest that should be protected by the causal behavior and whether it belongs to the actor's obligation. The above three methods of judgment have all been involved in previous cases. However, the analysis of causation in the field of administrative law is significantly lacking compared to that in the fields of civil law and criminal law. Therefore, in future judicial practice, more attention must be paid to the review and handling of this element.

3.2 Problems in using protection norms theory for judgment

3.2.1 The basic connotation of protection norm theory

The Liu Guangming case is the first time that the Chinese court has applied the theory of protective norms to make a judgment, which is an important step in making the theory of protective norms rise from "comparative law resources" to local judicial practice **Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**. Subjective public rights were a concept in the sense of constitutional law when they were first born in Germany. According to the basic theory of German jurisprudence, all legal norms in the legal system have subjective law and objective law, and therefore the same applies to the field of public law. German jurist Jellinek took the "state legal person theory" as the basis of his argument and defined a certain right that an individual citizen can claim against the state as "subjective public rights". If a citizen wants to use administrative litigation, he must be qualified as a plaintiff only when the right is a subjective public right. Another concept opposite to subjective public rights is "reflected interest". Reflected interest refers to the interest obtained by ordinary citizens only because they are part of society and the administrative organs exercise administrative functions. It is a kind of interest obtained by individuals because of the regulations in public law. In order to further distinguish between subjective public rights and reflected interest, the methodology of protective norms theory was created. Within the framework of the protective norm theory, the methodology for determining whether a subjective right exists involves a comprehensive and holistic explanation of the laws, regulations, and norms upon which the administrative action was based. This process identifies exactly what the legal norm protects, determines whether it encompasses the protection of a specific private

interest, and ultimately derives the conclusion of whether a subjective public right exists from the search for and interpretation of objective legal norms. The rigor of the protective norm theory lies in its reliance on positive law, i.e., "protective norms," requiring that claims of private interests be revealed through objective legal norms. This connects the long-debated issue of plaintiff standing in administrative law with the subjective public right in substantive administrative law, contributing to the maintenance of legal order. Simultaneously, it possesses flexibility, as the theory highly values the flexible interpretation of individual cases. Through judges' systematic mastery of the legal system, changes in the direction and elements of interpretation allow for the integration of contemporary characteristics into judicial policy, flexibly resolving complex cases.

3.2.2 Problems exist in the application of protection norms theory in my country.

After its introduction, the theory of protective norms was adopted and rapidly applied in judicial practice. It determines subjective rights by exploring the legal norms on which administrative actions are based and their protective intent. This theory was introduced by the Supreme People's Court after the "Liu Guangming case." The initial purpose of the judgment established in the case was to prevent frivolous lawsuits and to make the "interest" standard more objective. However, in practice, considering the objective effects, it has given rise to a series of new problems.

First, there is a lack of clear understanding of the "protective norm theory." A review of numerous cases reveals that a unified system for its application has not yet been established. Initially, its introduction may have stemmed from courts' unfamiliarity with certain terminology or a lack of standardized guidance on its application. This has led to a situation where, despite frequent use of terms like "subjective public rights," courts have failed to provide complete and sufficient reasoning, sometimes even exhibiting contradictions. The protective norm theory demands a high level of legal interpretation from judges. This is not only a requirement of the current state of administrative legislation in my country but also a requirement inherent in administrative law itself. Unlike civil law, which explicitly states the rights and obligations of natural persons in the Civil Code, allowing parties to find remedies within relevant civil law norms, administrative law aims to limit the power of administrative organs. The total number of procedural norms is significantly greater than that of substantive norms, and the provisions regarding rights are not as explicit. Judges must attempt to interpret the corresponding civil rights from administrative law norms. Therefore, the protective norm theory heavily tests the interpreter's systematic and holistic understanding of legal norms. After conducting a keyword search on the China Judgments Online website, I found that a large number of judgments did not apply the norms governing administrative actions or the relevant system norms **Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**, nor did they analyze the so-called "public rights" from them. For example, in the "Liu Guangming case", the Supreme People's Court concluded that Liu Guangming's land contract management rights were not within the scope of consideration for administrative agency filing, but Article 10, Paragraph 4 of the "Measures for the Administration of Government-Approved Investment Projects"

clearly states that project applications should include relief and social impact analysis. It can be seen that judges have a lot of room for improvement in their systematic understanding of administrative legal norms, which makes "subjective interpretation" the main method for some judges to judge public rights, making it difficult to protect public rights **Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**.

Secondly, in practice, the application of the theory of protective norms suffers from the problem of superficially mentioning the theory while actually still relying on outdated, localized theories. This issue is reflected in some judgments, where courts mechanically imitate and explain the basic concepts and meanings of the theory of protective norms, but when reasoning based on the case details, they still use judgment methods commonly used in past practice, such as the "special interest theory" and the "actual impact theory." For example, in the administrative reconsideration second-instance ruling between Yang Jinzhu and the Nanjing Municipal Human Resources and Social Security Bureau and the Nanjing Municipal People's Government, the plaintiff claimed that he held shares in Jiangsu Bank and, based on the average annual wage of 46,658 yuan for employees in urban private financial units published by the Jiangsu Provincial Bureau of Statistics in 2016, Jiangsu Bank was suspected of defaulting on employee salaries. He requested an investigation into Jiangsu Bank's suspected default on employee salaries, a reward for the plaintiff according to law, and confidentiality. The Municipal Human Resources and Social Security Bureau issued a notice to the plaintiff, informing Yang Jinzhu that the average annual wage for employees in urban private financial units published by the Jiangsu Provincial Bureau of Statistics in 2016 was not a statutory enforcement standard stipulated by labor protection laws and regulations, and therefore would not investigate Yang Jinzhu's report. When judging the "interests", the original court first proposed that only parties whose subjective public rights, that is, rights and interests in the public law field, are affected by administrative actions and have the possibility of being damaged, can form a right and obligation relationship under administrative law and have the status of plaintiff **Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**. However, in the subsequent argument, the court held that the investigation application filed by Yang Jinzhu reflected the problem of Jiangsu Bank's alleged arrears of employee salaries. In essence, it was a reporting behavior. The plaintiff, Yang Jinzhu, had no evidence to prove that his legitimate rights and interests were infringed by the reported party. Moreover, the Municipal Human Resources and Social Security Bureau had fulfilled its obligation to inform Yang Jinzhu of the handling results. The notice did not set up a right and obligation relationship under administrative law for Yang Jinzhu and obviously did not have any actual impact on Yang Jinzhu's legitimate rights and interests. The handling behavior and results of the Municipal Human Resources and Social Security Bureau on the report had no direct relationship with Yang Jinzhu's own legitimate rights and interests. This is a typical case of denying the plaintiff's status in administrative litigation by adopting the logic of "actual impact theory".

3.3 Clarifying the type of the administrative act being challenged leads to confusion in judgment.

A chronological search of cases involving administrative litigation filed after

complaints revealed that in some cases, the courts failed to consider the types of cases, failing to distinguish between the complainant and the whistleblower, or the different stages of handling or responding to complaints. For example, in the second-instance administrative judgment concerning the Xuzhou Municipal Market Supervision Administration and a training center in Jiawang District, Xuzhou City, for failing to fulfill their duties, the defendant's text message to the plaintiff was a "Notice of Non-Acceptance of Case," which, according to its content, constituted a response to the complaint. Although the second-instance court acknowledged the plaintiff's litigation status, its reasoning failed to first explain the relationship between the administrative agency's actions and the plaintiff's interests. It lacked a clear understanding of the multi-stage characteristics of responding to and handling complaints, which not only weakened the persuasiveness of the judgment but also failed to meet the plaintiff's demands. Regarding responses to complaints, specific judgments should be made in accordance with legal provisions. If all laws, regulations, and relevant provisions prove that the complainant has standing to sue, and the administrative agency failed to perform its duties reasonably and legally, it may constitute administrative inaction. For the handling of complaints, the complainant, as a relevant party, has the plaintiff's standing based on the standard of interest. The court needs to classify and examine the claims at different stages, clarify the legal responsibilities and relationships at different stages, and make a correct judgment based on this.

4 Exploring Pathways to Improve the Standards for Determining the Qualifications of Complainants and Whistleblowers

4.1 Localization and adaptation of protection norms theory

In response to the above discussion of the connotation of the protective norm theory and the potential controversies, and in order to resolve the dilemma that the protective norm theory is incompatible with my country's judicial practice, the protective norm theory should be further understood and adapted to local conditions for application.

First, it is necessary to optimize and unify the application steps of the protection norm theory. Currently, my country seems to still adhere to the interest-based standard in determining the eligibility of whistleblowers as plaintiffs in administrative litigation. This standard has problems such as ambiguous boundaries, while the public rights standard has a greater advantage in objectivity. Therefore, it is important to overcome empiricism, change the thinking path, and absorb the essence of the protection norm theory, and to form specific and highly operable judgment steps in practice. Based on comprehensive case analysis and academic papers on public rights theory, the author believes that three steps can be followed. First, reasonably define the legal norms involved in the dispute. The protection norm theory mainly involves laws within the scope of public law, and the norms that can be relied upon are not limited to the legal norms on which the plaintiff requests protection. my country has multiple legislative bodies with different powers and ambiguous boundaries. At the administrative law level, laws and regulations are numerous, complex, and fragmented, including administrative laws and local government regulations. In this context, the people's

courts should proactively sort out a large number of legal provisions and extract the legal norms involved in the dispute. There is academic debate about whether judgments can directly cite provisions of the Constitution. Although there is no unified theory, practice shows that the basic rights provisions of the Constitution are difficult to use as a direct source of norms for judging public rights. Therefore, the public law norms included in the protection norm theory only refer to norms in the field of administrative law, excluding the Constitution, criminal law, etc. Secondly, it is crucial to explore the protective purpose of the applicable legal norms and clarify whether they protect individual interests. Courts cannot rely solely on the literal meaning of the text; they must consider the legislative purpose and context, conducting a systematic analysis of the laws and regulations. Finally, the legal norms in dispute target specific, concrete subjects, not a broad group. In other words, the unspecified subjects protected by the legal norms upon which abstract administrative actions are based do not fall under the protection of the theory of protective norms.

Secondly, it is essential to clarify the methods for interpreting the purpose of regulations. Applying protective normative theories demands a high level of interpretative expertise from judges, and adhering to certain interpretative principles facilitates their work. When interpreting the purpose of regulations, in accordance with legal principles, literal interpretation should be employed first. If literal interpretation fails to answer whether the whistleblower has public rights, then a systematic interpretation should be considered. The effectiveness of a legal provision requires consideration of the entire system; systematic interpretation establishes connections between legal provisions, starting from a holistic perspective. If the above two methods fail to provide a precise interpretation or leave room for doubt, purposive interpretation or historical interpretation can be applied, assessing the situation from multiple angles and perspectives, selecting the optimal solution from the viewpoint of best protecting the litigant's right to litigation, and ensuring the stability of the administrative legal order.

4.2 Categorizing and classifying complaints and reports

4.2.1 Plaintiff 's standing for procedural actions

The law stipulates citizens' right to report violations, aiming to provide administrative organs with clues about illegal activities, supervise their performance of duties, protect citizens' rights, and also regulate the acceptance of complaints by administrative organs. First, while the complaint/reporter's eligibility as a plaintiff is still under investigation, if the formal requirements are not met, the complainant lacks standing to sue. Even if the formal requirements are initially met and the court has accepted the case, but after investigation it is determined that the complaint/report does not meet the requirements, the complainant still lacks standing to sue in an administrative lawsuit, as the right to report has been exercised and the administrative organ has fulfilled its duty of acceptance. Second, if the administrative organ responds with a refusal to accept the complaint/report, it may constitute inaction, and the complainant gains standing to sue. During the acceptance stage, the administrative

organ only conducts a formal review. If the complaint/report is not under its jurisdiction, it should transfer it to the competent authority and should not refuse to accept it; otherwise, it will damage citizens' enthusiasm for supervision, and the complainant can sue on the grounds of administrative inaction. Finally, if the administrative organ neglects to investigate a complaint/report, even if it has actively investigated, its negligence has a substantial impact on the complainant's rights, and the complainant gains standing to sue.

4.2.2 Plaintiff 's standing for substantive handling actions

To determine whether a complainant has standing as a plaintiff in relation to the actions already taken by the administrative agency, it is necessary to consider the specific circumstances of the case and use the theory of protection norms to determine whether the party has a basis for a claim. A claim is the right to require another person to do or not do a certain action **Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**. It has matured in the field of civil law and is also related to the determination of the plaintiff in administrative litigation in the field of administrative law. Administrative claim rights exist in the fields of basic rights and remedies. Basic administrative claim rights are reflected in the specific rights and obligations relationship between the administrative body and citizens. When the administrative body fails to perform or neglects to perform its duties, the rights of citizens are damaged and they need to rely on the administrative remedy mechanism to generate a claim. Under the framework of administrative procedure law, the direct object of the reporting and handling behavior is the inspection behavior, and the actual effect carrier is the illegal matter reported. When the administrative agency accepts the complaint, the complainant's procedural rights are completed, and their objection to the handling result stems from the illegal facts reported. When the administrative agency's handling of the complaint affects the private interests of the complainant, according to the theory of protection norms, the complainant has a basis for a claim because protecting citizens' rights is the statutory duty of the administrative agency; if the relevant laws and regulations do not stipulate the rights claimed by the complainant, then the complainant does not have standing as a plaintiff.

4.2.3 Plaintiff 's Qualification for Complaint and Reporting Reward Programs

Some administrative laws and regulations stipulate rewards for whistleblowing and whistleblowing. However, whistleblowers only have the right to claim rewards when they meet the relevant conditions stipulated in the reward clauses. The nature of a reward can be understood as an expectant right. When administrative agencies handle whistleblowing and whistleblowing matters, we cannot assume that they consider this uncertain right to a reward. Therefore, we cannot conclude that the administrative agency has ignored the right to a reward when making its decision. Only when the administrative agency's response truly reflects its substantive compliance with the stipulated reward conditions will it transform into a right protected by public law. At this point, the whistleblower becomes the party subject to the administrative action,

and the expectant right can potentially become a real right. For whistleblowing and whistleblowing matters for which rewards are not explicitly stipulated by law, the whistleblower loses the basis for their claim and lacks standing as a plaintiff in subsequent administrative litigation.

4.3 Improvement of other related measures

First, it is necessary to clarify the relationship between administrative litigation and civil litigation. Administrative reports and complaints can be divided into public interest reports and self-interest reports. The key difference lies in whether the protected interest is public interest or private interest. Self-interest reports refer to reports made by whistleblowers because their own civil rights and interests have been infringed. They emphasize the protection of the private rights and interests of the parties who have been infringed by equal subjects. Some scholars believe that self-interest reports protect the private rights and interests between equal subjects. Civil litigation is more efficient and faster, and setting up a separate administrative litigation procedure may be superfluous . **Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**There is also a view that there is no contradiction between the qualifications of plaintiffs in civil litigation and administrative litigation, and they can run in parallel. In this regard, we should first clarify the purpose of the two. According to the relevant contents of China's Civil Procedure Law and Administrative Procedure Law, the establishment of a litigation system is to resolve disputes. Both civil litigation and administrative litigation have the purpose of protecting rights and interests, but administrative litigation also has the purpose of supervising administrative activities. Although the personal rights and interests of whistleblowers can be protected through civil litigation and other means, this is not a reason to exclude the qualifications of plaintiffs in administrative litigation. Therefore, the existence of civil litigation relief methods and the qualifications of plaintiffs in administrative litigation are not contradictory.

Self-interest whistleblower remedies can be implemented by combining two methods of judgment based on classification. Because public interest whistleblowers often lack the "interest" requirement, they generally lack standing to sue in most judicial practices and are therefore unable to obtain protection. The Administrative Litigation Law stipulates that my country's procuratorial organs have standing to sue in areas such as environmental protection and food safety. The Constitution also reflects the obligation of competent state organs to investigate citizens' complaints and accusations. This requires the procuratorial organs to play a role in public interest whistleblower litigation; when administrative organs fail to perform their duties according to law, the procuratorate should promptly handle and respond. The 2015 "Implementation Measures for Pilot Public Interest Litigation" included "complaints and whistleblowing" in the responsibilities of the procuratorate. Only when citizens report or complain about damage to their public interest can the procuratorate fully utilize its function of initiating public interest litigation to compensate for the difficulties in obtaining remedies for public interest whistleblower whistleblower accusations.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[1]Peng Tao. The Qualification of Whistleblowers as Plaintiffs in Administrative Litigation [J]. Administrative Law Research, 2019(02): 67–77.

[2]Wang Ziye. Determination of the plaintiff's qualifications for whistleblower in administrative litigation [D]. Henan: Zhengzhou University, 2021.

[3]Cheng Hu. Claims under administrative law and the determination of the plaintiff's qualifications in administrative litigation [J]. Application of Law, 2018(11):18–28.

[4]Zhao Hong. The historical evolution of the theory of protective norms and their judicial application [J]. Jurist, 2019(2):1–14.

[5]Huang Yuxiao. A Discussion on the Relationship between the Scope of Acceptance of Administrative Litigation and the Qualification of Plaintiffs [J]. Politics and Law, 2021(02):101–125.

[6]He Tianwen. Determining the Qualification of Whistleblowers as Plaintiffs in Administrative Litigation: An Examination of the Judicial Logic in Guiding Case No. 77 of the Supreme People's Court [J]. Nankai Law Review, 2021(00):122–134.

[7]Yang Jianshun. General Principles of Administrative Law (Second Edition) [M]. Beijing: Peking University Press, 2016.

[8]Bai Yunfeng. Reflections on the Theory of Protective Norms and Their Localization and Revision [J]. Jiaotong University Law Journal, 2021(01):91-107.

[9]Zheng Hongge, Shi Lei. Understanding and reference of "Luo Rongrong v. Ji'an Municipal Price Bureau Price Administrative Handling Case" — Administrative actions taken by administrative organs to handle reports that are related to the interests of the whistleblower are justiciable [J]. People's Justice (Case), 2018, 23: 40–43.

[10]Gao Jiawei. On the standing of plaintiffs in administrative litigation [J]. Law and Business Research, 1997, 1: 67.

[11]Jia Yin. Foreign Cases and Application Guidelines of the Theory of Protective Norms in Public Law Neighboring Rights Administrative Cases [J]. Application of Law, 2020(08):66–79.

[12]Li Rui. A Critique and Reconstruction of the Insufficient Substantive Explanation of Protective Norms [J]. Administrative Law Research, 2023, 5.

[13]Zhao Hong. Application of the theory of protection norms in the standing of plaintiffs in whistleblower and complainant cases [J]. Journal of Beijing University of Aeronautics and Astronautics (Social Sciences Edition), 2018, 31(05):9–17.

[14]Dieter Medicus, translated by Shao Jiandong. General Principles of German Civil Law [M]. Law Press, 2013: 67.

[15]Fu Chuangyu. The structure of plaintiff qualification determination in administrative complaint cases [J]. Chinese Jurisprudence, 2019(05).

[16]Wang Kai. A Study on the System and Function of Claims in Administrative Law [J]. Modern Jurisprudence, 2012, (5): 90–91.

[17]Fang Shirong, Liang Hongxia. On the issue of the transfer of plaintiff's standing after the death of a citizen in administrative litigation [J]. Legal Science, 2004,

3: 76.

[18]Li Bo. The dilemma and solution of judicial review of the plaintiff qualification of administrative whistleblowers—taking 33 judgments as examples [J]. Hebei University of Science and Technology (Social Sciences Edition), 2023, 22(04):88–94.

[19]Huang Xuexian. A Discussion on Several Issues Concerning the Qualification of Plaintiffs in Administrative Litigation [J]. Jurisprudence, 2006(8).

[20]He Haibo. Administrative Litigation Law (Second Edition) [M]. Beijing: Law Press, 2016, pp. 194–195.

[21]Jiang Bixin, Liang Fengyun. Theory and Practice of Administrative Litigation Law (Volume 1) [M]. Beijing: Peking University Press, 2009, 330.

[22]Georg Jelinek, author; Zeng Tao, Zhao Tianshu, trans. The Subjective System of Public Law Rights [M]. China University of Political Science and Law Press, 2012.

[23]WANG H. Administrative Litigation Plaintiff Qualification in Germeny: Enlightenment to Chinese Law [J]. Cross-Cultural Communication, 2020, 16 (1): 102–112.

[24]Interpretation of the Administrative Division of the Supreme People's Court on Several Issues Concerning the Implementation of the Administrative Litigation Law of the People's Republic of China [M]. 2000, 26–27.

[25]Zhao Hong. Subjective public rights, administrative litigation rights and protective norms: a reflection based on substantive law [J]. Administrative Law Research, 2020(02).

[26]Jiang Bixin. Understanding, Application and Practice Guide of the Administrative Litigation Law of the People's Republic of China [M]. China Legal Publishing House, 2015, 122.

[27]He Qibing. The legitimacy reform of the plaintiff qualification review mechanism in administrative litigation [J]. Jurisprudence, 2017, (04): 61-70.

[28]Huo Zhenyu. A Discussion on the Qualification of Complainants in Administrative Litigation—Also Discussing the Methods for Determining the Qualification of Plaintiffs in Administrative Litigation [J]. Application of Law, 2019, (06): 100–113.

[29]Edited by the Administrative Adjudication Division of the Supreme People's Court. Understanding and Application of the Judicial Interpretation of the Administrative Litigation Law of the Supreme People's Court [M]. People's Court Press, 2018: 102.

[30]Chen Peng. A multi-layered structure of the plaintiff's qualifications in administrative litigation [J]. Chinese and Foreign Jurisprudence, 2017, 29(05):1214–1232.

[31]Huang Kai. The Path of Reviewing the Plaintiff Qualification of Whistleblowers in Administrative Litigation—An Analysis Based on Guiding Case No. 77 [J]. Politics and Law, 2017, (10): 138–149.

[32]Zhang Jiansheng. The structure of judging “interest” in the standing of plaintiffs in administrative litigation [J]. Chinese Jurisprudence, 2019, (04): 244–264.

[33]Legal Publishing House, Legal Center. 2018. The Complete Book of the Administrative Litigation Law and Judicial Interpretations of the People's Republic of China, including Guiding Cases [M]. Second Edition. Beijing: Legal Publishing House, 2018.

[34]Huang Yuxiao. A jurisprudential development of the method for determining the standing of plaintiffs in administrative litigation [J]. Legal System and Social Development, 2021, 27(06):88–110.

[35]Luo Zhimin. Reflections on the Determination of Plaintiff Qualification in Italian Administrative Litigation [J]. Comparative Law Studies, 2022, (05): 131–141.

[36]Wang Qingbin, Zhang Yingying. On the Plaintiff Qualification of Complainants and Whistleblowers in Administrative Litigation [J]. Seeking Truth, 2022, (04): 186–195.

[37]He Yuan. The application dilemma of the theory of protective norms and its relief [J]. Law and Business Research, 2022, 39(03):57–70.

[38]Ni Hongtao. On the “gradient” structure of plaintiff qualifications in administrative litigation [J]. Law Review, 2022, 40(03):36–50.

СОДЕРЖАНИЕ

ФРАГМЕНТ СТЕНОГРАММЫ XXI Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века. Государственная молодежная политика на современном этапе: проблемы воспитательной работы в российских вузах» (20–22 ноября 2025 года) 3

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Н. И. Ильинская
Искусственный интеллект. Между эйфорией и ответственностью. Вызовы и решения для Московского гуманитарного университета в XXI веке 14

И. Н. Макаров
Опыт ВЛКСМ и проблемы современной государственной молодежной политики 21

О. В. Иванов, Д. В. Шелухин
Молодежная политика и наследие XXI века 26

В. М. Поздняков
Школа жизни — лучший метод воспитания будущих специалистов 29

С. Б. Бабурин
Историческое знание целей и ценностей в современной российской молодежной политике 31

О. А Жукова
О роли гуманитарного знания в воспитании молодого поколения 35

В. А. Ситаров
Модель подготовки преподавателей высшей школы в парадигме педагогики ненасилия 39

Н. В. Бажитов
Актуальные вызовы в работе с молодежью и трансформация профессиональных задач специалиста 43

Г. Г. Малинецкий
Искусственный интеллект в образовании и науке 48

М. Г. Солнышкина
Участие в конкурсах общественных проектов и повышение гражданской активности студенческой молодежи 52

А. П. Абрамов
Аксеологические основы формирования мировоззрения российской молодёжи 56

Р. Ю. Давыдова
Молодежь. Наука. Доверие. Воспитание жизнеспособных поколений в эпоху перемен 59

О. О. Хлопонина, Т. А. Горелова
От малой Родины к большой стране. Формы и инструменты гражданского воспитания и культурной интеграции 62

А. В. Костина
Ценности современной молодежи: идеалы и реальное воплощение 64

ДОКЛАДЫ НА СЕКЦИЯХ

Л. И. Абакумов
Воспитание как форма повышения творческого потенциала студентов в освоении дизайна 69

Е. М. Акимова
Радио как инструмент патриотического воспитания российской молодёжи 74

Алиян Абудурекситн
Гармоничное сосуществование человечества, общества и природы, основанное на современных ценностях и целях устойчивого развития
Aliyan Abudurexiti
Harmonious Coexistence of Humanity, Society, and Nature, based on Contemporary Values and Sustainable Development Goals 79

Т. Г. Батасова
Трансформация облика мигранта в России во втором и в начале третьего десятилетия XXI века 83

Баочэн Лю
Исследование создания правовой системы и путей устойчивого развития в области управления экологической средой Китая
Baocheng Liu
Research on Constructing the Legal System and Sustainable Development Pathways in China's Ecological Environment Governance 90

О. Э. Башина, Л. А. Давлетшина, Т. А. Першина, Е. В. Романова
Методологические особенности проведения Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2027 г. 94

А. А. Бобров
Воспитание стихом и песней 101

Г. В. Борисов
Влияние массовых медиа на восприятие деятельности правоохранительных органов 105

А. А. Булавин
Социальная обусловленность оказания бесплатной юридической помощи (защиты) адвокатом по назначению 109

С. Н. Буренин
Вызовы искусственного интеллекта при обучении студентов университетов 115

Л. К. Вартанова
Новые рубежи профессиональной подготовки в графическом дизайне 120

Ван Донг
Эстетический разрыв в цифровую эпоху: социологический анализ институционального и методологического статус-кво в китайском высшем образовании
Wang Dong
The Aesthetic Divide in the Digital Era: A Sociological Diagnosis of Institutional and Methodological Status Quo in Chinese Higher Education 125

Ван Цзяци
Проблемы с нарушением авторских прав при использовании технологии Deepfake
Wan Jiaqi
Copyright Infringement Issues Under Deepfake Technology 130

Ван Сяо Жуй
Усиление уголовно-правового регулирования экологических преступлений — интеграция восстановительного правосудия и совершенствование системы в перспективе
Wang Xiao Rui
Strengthening the criminal law regulation of environmental crime — the integration of restorative justice and the improvement of the system as the horizon 134

Ван Ю
Исследование путей регулирования ненадлежащих стандартных условий контрактов на клики в контексте данных с глобальной точки зрения
Wang Yu
Research on the Regulatory Path of Improper Standard Terms of Click Contracts in the Data Background from a Global Perspective 138

Гао Цзе
Исследование применимости метода чтения «От ввода к выводу» в преподавании английского языка в колледже
Gao Jie
Research on the Applicability of the "Input-to-Output" Reading Method in College English Teaching 142

Ю. А. Головин, О. Е. Коханая
Поколение Z: Прошлое. Настоящее. Будущее 145

Д. Ю. Горохов
Некоторые практические аспекты применения технологий искусственного интеллекта в юридическом образовании 154

А. Г. Григорьева
Значение обеспечительных мер исполнения обязательств в системе юридического образования 158

А. А. Гулый
Объективная и процессуальная истина в сфере правоохранительной деятельности 163

С. В. Дадалко, И. И. Раковец
Роль экономического образования в развитии инновационной экономики и подготовке конкурентоспособных специалистов 174

А. С. Дорофеева
Влияние западной молодежной контркультуры на традиционные ценности на примере феномена автономного сознания 180

Ди Сянтин
Исследование дилемм и мер противодействия защите прав потребителей в сфере электронной коммерции в режиме реального времени в условиях технологического отчуждения
Di Xiangting
Research on the Dilemmas and Countermeasures of Consumer Rights Protection in Live Streaming E-commerce under the Background of Technological Alienation 186

Дин Юань
Исследование проблем авторского права при оцифровке культурного наследия
Ding Yuan
Research on Copyright Issues in the Digitalization of Cultural Heritage 190

Дэн Фэнлинь
Риски, связанные с данными, генерируемыми искусственным интеллектом, и нормативно-правовая база 193
Deng Fenglin
Generative Artificial Intelligence Data Risks and Legal Regulatory Framework

Е Тяньи
Исследование по активизации и использованию сельских приусадебных участков с точки зрения взаимосвязи «Человек – общество – природа» 197
Ye Tianyi
Study on the Activation and Utilization of Rural Homesteads from the Perspective of «Human – Society – Nature» Relationship

А. Ю. Евсеева, Д. Ю. Нечаев
Формализованная модель доказательного рейтинга студентов на основе адаптивного взвешивания компетенций 201

Е. В. Еременко, А. А. Рогова
Юридическое соотношение особых административно-правовых режимов с реализацией молодёжной политики в Российской Федерации 207

Н. Н. Ермошкин
Позитивные и негативные тенденции процесса цифровой трансформации общества 211

В. М. Звоников, М. Л. Новикова
Адаптация подростков: история и современное состояние проблемы 224

Е. В. Зеленина
Культурно-историческая память в медийном образовании вузовской молодежи 233

О. В. Зинюк
Проблемы использования нейросетей в российском дизайн-образовании 243

Л. М. Ипполитов
Этика и экономическая теория (взгляды русских экономистов начала XX века) 248

Кан Ци
Исследование, посвященное правовому регулированию алгоритмической ценовой дискриминации, нарушающей работу с большими данными в рамках новой технологии 255
Kan Qi
Study on the Legal Regulation of Algorithmic Price Discrimination Infringement of Big Data under New Technology

С. П. Калита
Сотрудничество вуза и музея в образовательном и воспитательном контексте 259

П. Н. Киричёк
Субстрат морали в интенциях современной прессы 267

Ю. В. Клепикова
Современный дискурс о традиционных ценностях: теоретический и практический аспекты 273

В. С. Ковригин
Влияние искусственного интеллекта на современное образование 279

И. А. Колиниченко
Оценка комплементарных стереотипов студентами гуманитарных университетов в процессе обучения 283

М. С. Коротина
Социальный потенциал учителя и его роль в формировании гражданской идентичности школьников 288

М. С. Короткова
Духовно-нравственное наполнение студента-социолога через осмысление наследия русских социологов субъективной школы (на примере теории прогресса П. Л. Лаврова) 296

А. С. Корсунова
Исковая давность в корпоративном праве: специфика и влияние на стабильность корпоративных правоотношений 300

Е. Б. Костюк, А. А. Мельникова
Семья как ценность в контексте молодежной политики современной России: проблемы и решения 305

И. В. Кощиенко
От ребенка-объекта к ребенку-субъекту: трансформация воспитательных моделей в дошкольном образовании Москвы 311

Е. Б. Крылова
Молодежное предпринимательство на российском рынке труда: особенности и перспективы развития 315

А. А. Курочкин
Импортозамещение в контексте теорий раннего институционализма 323

Ю. А. Лисицына
Демографическая безопасность страны как основа стратегического развития и повышения качества жизни населения 327

Е. Л. Лузева
Воспитание профессией:
будущим дизайнерам о созидательной сущности дизайна 333

Ли Шуан, Чжан Чжан
Ценность и практические подходы публикаций о лидерах в усилении университетской работы с молодежью: на примере Си Цзиньпина
Lv Shuang, Zhang Zhang
The Value and Practical Approaches of Leadership Publications in Enhancing University Youth Work: a case study of Xi Jinping 339

Ли Юйхун, Сюй Цзинвэнь
Правовое осмысление путей и механизмов управления культурным наследием с точки зрения ответственности правительства
Li Yuhong, Xu Jingwen
Legal Thinking on the Path and Mechanism of Cultural Heritage Management – From the Standpoint of Government Responsibility 352

Ли Юйхун, Ли Цзиньмэн
Инновационные пути практического образования, основанного на компетентности, на основе новых гуманитарных дисциплин: на примере учебной программы по налоговому праву
Li Yuhong, Li Jinmeng
Innovative Pathways for Competency-Based Practical Education in the Background of New Liberal Arts: A Case Study of Tax Law Curriculum 367

Лю Сяоди
Преобразующая ценность и практические пути получения обратной связи от коллег при обучении иностранных студентов, специализирующихся на преподавании китайского языка носителям других языков
Liu Xiaodie
Transformative Value and Practical Paths of Peer Feedback in the Training of International Students Majoring in Teaching Chinese to Speakers of Other Languages 374

Лю Цзинцзюань, Е Тяньи
Построение юридических методов с точки зрения марксистской философии
Liu Jingjuan, Ye Tianyi
The Construction of Jurisprudential Methods from the Perspective of Marxist Philosophy
384

Лю Юся
Исследование институциональной интеграции Экологического кодекса в построении правового государства для экологической цивилизации
LiuYuXia
Research on the Institutional Integration of the Ecological Environment Code in the Construction of the Rule of Law for Ecological Civilization
390

Ма Мэнцзя
Продвижение глобального управления безопасностью через международное верховенство права: последствия, пути и перспективы
Ma Mengjia
Advancing Global Security Governance through the International Rule of Law: Implications, Pathways and Prospects
401

А. А. Марьина
Коммерческая тайна в образовательных организациях высшего образования: правовые аспекты и практика применения
410

Т. И. Мелехина, Е. И. Седова
Молодежь как стратегический ресурс развития аудиторской деятельности в современной России
415

К. А. Милорадов
Конструктивные подходы к анализу цифрового поведения пользователей информационного пространства
420

Л. В. Михайлова
Образовательные стратегии противодействия консюмеризму
424

И. Г. Морозова
Интеграция искусственного интеллекта в образовательный процесс (на примере дисциплины «Международное частное право»)
429

Мэй Чжицзюань
Философское исследование о технологии блокчейн, восстанавливающей механизмы социального доверия
Mei ZhiJuan
A Philosophical Study on Blockchain Technology Reconstructing Social Trust Mechanisms
434

И. А. Назарова
Развитие кредитно-денежных отношений в условиях «военной экономики» 1914–1917 гг. Исследования российских экономистов 438

Д. Ю. Нечаев
Доказательное образование в вузе: от «активности» к измеримому росту компетенций 451

Д. Ю. Нечаев, Е. А. Черникова
Методика многофакторного адаптивного рейтинга учебных групп вуза по основным студенческим активностям на основе цифрового портфолио с динамическим взвешиванием 452

А. П. Пинчук
Развитие новых видов внутреннего туризма в России: примеры, перспективы, оценка потенциала и вклада в воспитание гражданственности 461

Т. В. Подсветова
Новые контуры международной торговли 465

Д. Е. Поласов, С. А. Попов
Роль культуры и искусства в современном высшем образовании 472

Ю. С. Путрик
Туристское использование объектов культурного и природного наследия как фактор патриотического воспитания молодёжи и укрепления цивилизационной идентичности России 477

С. Н. Ретюнских
Механизмы администрирования персональных цифровых профилей в высших учебных заведениях 482

М. В. Решетова
Современные стратегии инклюзивного дизайна: методика социокультурного проектирования 489

А. П. Романова
Визионерское искусство в контексте психологических концепций второй половины XX века 500

Е. В. Ростовцева
Оптимизация взаимоотношений преподавателей и студентов: создание атмосферы доверия и сотрудничества 507

Е. Б. Савина
Роль личности педагога в условиях современного высшего образования 510

В. С. Сапожникова
Народная танцевальная культура как инструмент формирования жизнеспособных поколений 516

Е. И. Сейфетдинова
Противодействие коррупции в правоохранительных органах 526

Сянъю Чжан
Личная информация в контексте потока больших данных: проблемы правовой системы и пути регулирования для защиты
XiangYu Zhang
Personal Information in the Context of Big Data Flow: Legal System Issues and Regulatory Pathways for Protection 530

Си Венвен
Исследования по защите персональной информации в условиях создания искусственного интеллекта
Xie Wenwen
Research on Personal Information Protection amid Generative AI 534

Сиджи Мэн, Хаочун Сон, Юйцзе Чжан
Междисциплинарные исследования культуры Гуцинь и пятитоновой терапии традиционной китайской медицины: современная интерпретация традиционной мудрости, основанная на гармоничном сосуществовании человека, общества и природы
Sijie Meng, Haochong Song, Yujie Zhang
Interdisciplinary Research on Guqin Culture and the Five-Tone Therapy of Traditional Chinese Medicine: Modern Interpretation of Traditional Wisdom Based on the Harmonious Coexistence of Humans, Society, and Nature 538

В. В. Смеюха, М. А. Смеюха
Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: системный аспект 542

В. А. Сорокин
Роль искусственного интеллекта в формировании современной результативной молодежной политики 547

Е. И. Суслова
Образование как фактор обеспечения государственного 553

Сюй Цзин Вень
Правовые аспекты управления культурным наследием: ответственность правительства
Xu JingWen
Legal Reflections on Cultural Heritage Management: A Focus on Government Responsibility 557

Ю. В. Трунцевский
Человек и его права в условиях цифровизации в уголовно-правовом аспекте 563

Д. А. Трышков
Отношение современного российского общества к деятельности правоохранительных органов 568

Тянь Пэй
Перспектива культурного симбиоза: Создание и практическая реализация образовательной модели для российской молодежи по программам обучения и путешествий в Китае на примере российской летней программы BUU 2025 года
Tian Pei
Cultural Symbiosis Perspective: Building & Practicing an Educational Model for Russian Youth Study-Travel Programs in China — Case Study of BUU's 2025 Russian Summer Program 573

Фан Юньтин
Проблемы субъектов судебного процесса в области охраны культурного наследия
Fan Yunting
The Issues of Litigant Subjects in Cultural Heritage Protection 5835

Хань Хэ,
Разъяснение идей традиционной китайской медицины «Закон гармонии» и «Гармония в различиях» об управлении глобальной безопасностью, основанных на целостном и диалектическом подходе
Han He
The Enlightenment of Traditional Chinese Medicine's "Harmony Law" and "Harmony in Differences" Thoughts on Global Security Governance: Based on the Perspective of Holistic View and Dialectical Treatmentола специального образования 587

С. С. Хромов
Цифровая трансформация моделей корпоративного обучения 593

Цзинменг Ли
Анализ финансовой ценности в соответствии с целями углеродного учета
Jinmeng Li
Analysis of Financial Value under the Objectives of Carbon Accounting 599

Цзя Вэйхао
Исследование системы судебных разбирательств в интересах общественности по вопросам защиты культурного наследия в Китае
Jia Weihao
Research on Public Interest Litigation System for Cultural Heritage Protection in China 603

Цзясюань Хуан
Симбиотическое развитие традиционных духовных и нравственных ценностей и мировой цивилизации 21 века
Jiaxuan Huang
The Symbiotic Development of Traditional Spiritual and Moral Values and 21st-Century World Civilization 606

Цзян Сиань
Изучение путей правового регулирования нарушений, связанных с искусственным интеллектом, в новой технологической среде
Jiang Xian
Exploration of the legal regulation path of artificial intelligence infringement in the new technology environment 614

Ци Цзинъянь
Интеграция и практическое применение традиционных моральных ценностей в построении международного правопорядка в XXI веке
Qi Jingyan
The Integration and Practice of Traditional Moral Values in the Construction of International Legal Order in the XXI st Century 618

Чжан Сяохань
Текущая ситуация с защитой интеллектуальной собственности на нематериальное культурное наследие Китая
Zhang Xiaohan
The Current Situation of Intellectual Property Protection for China's Intangible Cultural Heritage 622

Чжан Цинцин
Исследование о живом наследии и устойчивой защите древних деревень Хуэйчжоу
Zhang Qingqing
Study on the Living Inheritance and Sustainable Protection of Huizhou
Пекинский объединенный университет 625

Чжэн Тяньшэн
Правовое регулирование смарт-контрактов, начиная со стандартных условий
Zheng Tiansheng
Legal Regulation of Smart Contracts — Starting from Standard Terms 637

Ю. М. Шапошникова
Высшая школа как пространство межкультурного взаимодействия и формирования глобальной идентичности молодежи 640

Ши Минмин
Регулирование трансграничных потоков данных: конфликты и координация в глобальной цифровой экономике 649
Shi Mingming
Cross-Border Data Flow Regulation: Conflicts and Coordination in the Global Digital Economy

Шу Ли
Расширение возможностей в области технологий и приручение культуры: исследование двойного воздействия фильтров искусственного интеллекта на распространение культуры Ханфу 653
Shu Li
Technology Empowerment and Cultural Domestication: A Study on the Dual Effects of AI Filters on the Dissemination of Hanfu Culture

В. З. Юсупов
Генезис образа патриота и концепций патриотического воспитания детей и молодёжи 657

Ю Синя
Дилеммы и пути достижения прогресса в судебном сотрудничестве по вопросам транснациональной передачи нематериального культурного наследия 663
Yu Xinya
Dilemmas and Breakthrough Paths in Judicial Co-operation on Transnational Transmission of Intangible Cultural Heritage

Юй Тинтин
Путь создания ESG-системы раскрытия информации китайских компаний, котирующихся на бирже, в условиях «зеленого» финансирования 667
Yu Tingting
The Construction Path of ESG Information Disclosure System of Chinese Listed Companies under the Background of Green Finance

Юйвэнь Ли, Чжун Чен
Мудрость традиционной китайской медицины в лечении астмы в глобальном контексте 671
Yuewen Li, Jun Chen
The Wisdom of Traditional Chinese Medicine in Treating Asthma in the Global Context

Юхонг Ли, Юся Лиу
Разработка практико-ориентированной модели юридического образования и путей решения проблем с трудоустройством
Yuhong Li, Yuxia Liu
Construction of Practice-Oriented Legal Education Model and Pathways to Address Employment Difficulties 675

Э. А. Ярных
Статистическое изучение населения РФ по состоянию в браке 679

Ян Хунфэн
Совершенствуем правовую базу для продажи неработающих активов и стратегии контроля финансовых рисков
Yang Hongfeng
Perfecting the Legal Framework for Non-performing Asset Disposal and Strategies for Financial Risk Control 684

К ОПУБЛИКОВАНИЮ ДОПОЛНИТЕЛЬНО

Алиян Абудурекситн
Гармоничное сосуществование человечества, общества и природы, основанное на современных ценностях и целях устойчивого развития
Aliyan Abudurexiti
Harmonious Coexistence of Humanity, Society, and Nature Based on Contemporary Values and Sustainable Development Goals 696

Бай Яни, Ли Жуйхуа
От игрока в Гача до архитектора: трансформация ролей продюсеров короткометражных драм в контексте генеративного искусственного интеллекта
Bai yani, Li Ruihua
From Gacha Player to Architect: The Role Transformation of Micro-Short Drama Producers in the Context of Generative Artificial Intelligence 700

Дай Цзяхуэй
Устная история и реконструкция культурной памяти негенетическими методами наследования
Dai Jiahui
Oral history and cultural memory reconstruction in non-genetic Inheritance 711

Дай Цзяхуэй, Чжан Ихун
Будущее глобального управления образованием
Dai Jiahui, Zhang Yihong
The future of global education governance 715

КОУ Инцзяо, У Цяньин
Охрана товарных знаков в области нематериального культурного наследия: институциональные конфликты и координация нормативно-правовой базы в Китае 723
KOU Yingjiao, WU Qianying
Trademark Protection of Intangible Cultural Heritage: Institutional Conflicts and Regulatory Coordination in China

Дянь Си-Янь
Правовое регулирование злоупотреблений доминирующим положением на рынке со стороны интернет-компаний 737
Dian Xi-Yan
Legal Regulation of Abusive Market Dominance Behaviors by Internet Enterprises

Ли Цяньру, Лиу Цинлун, Лиу Мэй
Создание разрешительных механизмов для оцифровки культурного наследия под руководством государственных культурных служб 757
Li Qianru, Liu Qinglong, Wu Mei
The Construction of Authorization Mechanisms for the Digitalization of Cultural Heritage Under the Guidance of Public Cultural Services

Лу Сяо
Искусственный интеллект: исследования по правовым вопросам, связанным с интеллектуальным вождением 772
Lu Xiao
Under the Background of the Artificial Intelligence Era: Research on Legal Issues Related to Intelligent Driving

У Жуйянь
Исследование текущей ситуации с цифровизацией и правовой охраной нематериального культурного наследия на Северном канале 784
Wu Ruiyan
Research on the current situation of Digitalization and Legal Protection of Intangible Cultural Heritage in Tongzhou's North Canal

Хуан Цзяньвэй
Изучение пути формирования микро-специальностей по гуманитарным наукам в колледжах и университетах с международной сравнительной точки зрения на примере микро-специальности по коммуникации в цифровой культуре 788
Huang Jianwei
Exploration of the construction path of liberal arts micro-majors in colleges and universities from an international comparative perspective — taking the digital culture communication micro-major as an example

Чэнь Чжую
Основные обязанности и ответственность руководителей корпораций: китайско-японское сравнение 798
Chen Zhuyu
Corporate Supervisors' Substantive Duties and Liability Rules: A Sino-Japanese Comparison

Хуан Цзяньвэй
Изучение пути формирования микро-специальностей по гуманитарным наукам в колледжах и университетах с международной сравнительной точки зрения на примере микро-специальности по коммуникации в цифровой культуре 787
Huang Jianwei
Exploration of the construction path of liberal arts micro-majors in colleges and universities from an international comparative perspective — taking the digital culture communication micro-major as an example

Юань Чжэ
Прикладное исследование по оптимизации предэкзаменационных курсов HSK 4-го уровня на базе DeepSeek 817
Yuan Zhe
An Applied Study on Optimizing HSK Level 4 Pre-Exam Tutoring Courses Based on DeepSeek

Ян Тингру
Исследование статусов информаторов и истцов в административном судопроизводстве 828
Yang Tingru
A Study on the Plaintiff Standing of Informants and Complainants in Administrative Litigation

Научное электронное издание

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ XXI ВЕКА.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ
В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

XXI Международная научная конференция
20–22 ноября 2025 г.

Доклады и материалы
под общей редакцией
кандидата педагогических наук, доцента
Н. И. Ильинской

Электронный ресурс

Подписан к публикации 11.06.2026. Формат 60*84 1/16
Усл. печ. л. 53,75

Издательство Московского гуманитарного университета
Адрес: 111395, Москва, ул. Юности, 5.